

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1976

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1976

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
ПРИ МИД СССР

Д-р эконом. наук А. А. ГРОМЫҚО (Председатель Комиссии), проф. И. Н. ЗЕМСҚОВ (Заместитель Председателя), Г. К. ДЕЕВ (Ответственный Секретарь), канд. филос. наук Ф. И. ДОЛГИХ, чл.-корр. АН СССР П. А. ЖИЛИН, Л. М. ЗАМЯТИН, канд. истор. наук С. А. КОНДРАШЕВ, канд. истор. наук В. С. ЛАВРОВ, акад. А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, д-р истор. наук Ш. П. САНАҚОЕВ, чл.-корр. АН СССР С. Л. ТИХВИНСКИЙ, канд. истор. наук Н. В. ТРОЛҚИН, М. А. ХАРЛАМОВ, д-р истор. наук С. С. ХРОМОВ, канд. техн. наук Ю. Н. ЧЕРНЯКОВ, канд. филос. наук И. И. ЧХИҚВИШВИЛИ

ТОМ ДВАДЦАТЫЙ

январь — декабрь 1937 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ДВАДЦАТОГО ТОМА

*Ф. П. ДОЛЯ, Б. Д. МАКАШЕВ, Б. Ф. ПОДЦЕРОВ,
Р. А. СЕРГЕЕВ, А. А. СОЛДАТОВ, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
А. И. ФИЛЕВ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XX том включены документы внешней политики Советского Союза за 1937 г.

Это был год новых побед в строительстве социалистического общества в СССР. Продолжало укрепляться международное положение Советского Союза как могущественной социалистической державы.

Капиталистический мир переживал очередной кризис и внутренние потрясения. Углублялись противоречия между империалистическими державами, оформлялись их основные группировки.

Включенные в том документы советской внешней политики воссоздают предвоенную обстановку того времени. Готовясь к решающим схваткам за передел мира, к войне против СССР, фашистские государства укрепляли агрессивные военно-политические союзы — ось Берлин — Рим, «антикоминтерновский пакт» Германии и Японии. С присоединением к этому пакту 6 ноября 1937 г. Италии сложился агрессивный фашистский блок, объединивший самые реакционные силы империализма. Развязанные участниками этого блока войны шли в Испании, Китае, продолжалось сопротивление итальянским захватчикам эфиопский народ.

Советский Союз в своей внешней политике неизменно следовал ленинским принципам борьбы за мир и равноправие народов. Советское правительство неоднократно предостерегало, что очаги агрессии, если их не потушить, неизбежно разгорятся в пожар мировой войны. Как и в предшествующие годы, Советский Союз боролся за организацию коллективной безопасности, за создание системы региональных оборонительных союзов или пактов о ненападении. Используя трибуну Лиги наций, советские представители решительно осуждали империалистическую политику произвола и диктата в отношениях между народами, указывали на гибельность для судеб мира примиренчества с агрессорами, отражали попытки ревизин

ряда положений Устава Лиги наций, призванных способствовать осуществлению коллективных мер по сохранению мира.

СССР продолжал настойчиво выступать за то, чтобы остановить дальнейшее расширение агрессии милитаристской Японии, предотвратить совместными усилиями заинтересованных государств войну на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Советское правительство поддержало предложение Австралии о заключении пакта между тихоокеанскими странами, хотя это предложение и не шло дальше взаимного обязательства о ненападении, в то время как советская сторона высказывалась за пакт о взаимопомощи. Однако и эта идея не получила осуществления. Несмотря на неоднократные обращения Советского правительства к руководителям США и Китая, ни Китай, уже ставший объектом агрессии, ни США, подвергшиеся нападению со стороны Японии спустя четыре года, не проявили стремления объединить усилия, чтобы сдерживать японский милитаризм.

Коммунистическая партия и правительство Советского Союза не могли не считаться с угрозой надвигающейся мировой войны. Приходилось помнить о реальной опасности ее возникновения одновременно на западных и восточных границах нашей страны. Перед советской внешней политикой со всей остротой стояла задача противодействовать расширению блока агрессоров, к чему упорно стремились фашистские державы под флагом борьбы с коммунизмом, не допустить образования единого антисоветского фронта империалистических государств.

Советская дипломатия деятельно помогала руководству Советского Союза в выработке внешнеполитической стратегии и тактики во все усложнявшейся международной обстановке. Как видно из документов тома, дипломатические представители СССР за рубежом всесторонне анализировали факты, свидетельствовавшие о возобладании в политике целого ряда капиталистических стран стремления к сговору с Германией и Италией. На протяжении 1937 г. обе империалистические группировки не раз предпринимали попытки в той или иной форме возродить «пакт четырех» с его открыто антисоветской направленностью. Эта политическая линия заметно усилилась с середины 1937 г. после прихода в Англии к власти правительства Чемберлена, который откровению взял курс на «умиротворение» фашистской Германии.

Несомненный интерес в этой связи представляют документы тома, относящиеся к так называемой миссии Галифакса и последовавшему за ней совещанию в Лондоне министров Англии и Франции. Донесения советских полпредов не оставляли сомнений в том, что наиболее реакционные деятели в правящих кругах западных держав ставили своей целью направить

агрессию фашистских держав против Страны Советов, не останавливаясь при этом перед принесением в жертву союзных им стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Верность советской внешней политики принципам мира, демократии и свободы народов со всей силой проявилась в той политической борьбе, которая развернулась в 1937 г. вокруг испанских событий. Твердо выступая в защиту права народов на самоопределение, Советский Союз оказывал всю возможную помощь испанскому народу, с оружием в руках отстаивавшему республиканский строй от внутренней реакции и иностранной интервенции. Советское правительство присоединилось к соглашению о невмешательстве в дела Испании. Полпреду СССР в Лондоне было поручено участвовать в работе Международного комитета по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании. Советская сторона настойчиво добивалась того, чтобы невмешательство осуществлялось на деле. Советские представители в Лондонском комитете и в Лиге наций решительно разоблачали прямую военную интервенцию Италии и Германии, выступали в защиту прав и интересов республиканской Испании, настаивали на разработке и принятии эффективных международных решений, которые сделали бы возможным вывод иностранных войск из Испании и прекращение фашистского мятежа.

Дипломатия Советского Союза прилагала все усилия к тому, чтобы наладить сотрудничество с Англией и Францией в том, что касалось выполнения задач Комитета по невмешательству. Однако правящие круги этих держав, страшась расширения демократического движения в результате победы прогрессивных сил в Испании, все больше скатывались к соглашательству с государствами фашистского блока, проявляя готовность даже поступиться частично своими интересами. С особой наглядностью политика «невмешательства» западных держав нашла свое выражение в настойчивом навязывании Лондонскому комитету англо-французского плана с целью добиться признания права воюющей стороны за франкистскими мятежниками. Его принятие означало бы не только международное узаконение мятежа против конституционного правительства, но и предоставление военных преимуществ испанским фашистам и их пособникам.

В результате действий Англии, Франции, с одной стороны, и Италии, Германии, с другой, работа Лондонского комитета все больше заходила в тупик. Невмешательство угрожало превратиться в прикрытие для удушения фашистскими державами испанского народа. В этих условиях Советский Союз, как это неоднократно заявлялось его представителями начиная с 23 октября 1936 г., не намеревался мириться с превращением невмешательства в ширму и считать себя связанным соглашением в большей мере, чем другие государства.

Неизменно последовательную политику дружбы Советское правительство проводило и в отношении народа Китая, который подвергся агрессии со стороны милитаристской Японии, угрожавшей его национальному существованию. Еще в начале 1937 г. советская сторона предложила правительству Китая осуществить совместно ряд крупных мер, призванных укрепить Китай перед лицом угрозы расширения японской агрессии. Прежде всего имелось в виду принятие договорных обязательств придерживаться дружественных отношений друг с другом. Одновременно правительству Китая было заявлено о готовности Советского Союза предоставить значительный кредит для закупки советского оружия. При этом Советскому правительству приходилось учитывать, что в политике правящих кругов Китая существовала серьезная тенденция к примирению с японским милитаризмом и заключению альянса для подавления коммунистического движения внутри Китая и подготовки в дальнейшем военных авантур против Советского Союза. Публикуемые документы свидетельствуют, что гоминьдановские руководители Китая не спешили принять бескорыстные предложения Советского Союза. Даже после событий 7 июля 1937 г.— начала вторжения японских войск в Северный Китай, когда интересы самого существования Китая как государства требовали решительного поворота в политике, гоминьдановское правительство продолжало уклоняться от заключения советско-китайского договора, не оставляло надежд полюбовно сговориться с японскими агрессорами. В течение всей второй половины 1937 г. между китайским и японским правительствами не прекращались с этой целью контакты, как прямые, так и при посредничестве фашистских держав, а также Англии и США. В то же время гоминьдановское правительство Китая продолжало настойчиво провоцировать Советский Союз на вступление в войну с Японией.

Под давлением патристических сил Китая гоминьдановские власти были вынуждены в конце концов пойти на заключение советско-китайского договора о ненападении. Подписание 21 августа 1937 г. этого документа явилось важной вехой в истории советско-китайских отношений, одним из крупнейших международных событий года. Во всем мире, и в первую очередь в лагере фашистских государств, советско-китайский договор был воспринят как выражение Советским Союзом твердой поддержки китайскому народу в его национально-освободительной борьбе. Одновременно с переговорами о заключении договора в Нанкине началось обсуждение соглашения об оказании Китаю помощи поставками советского оружия. Уже осенью 1937 г. в Китай стали поступать советские самолеты и другое вооружение. Так было положено начало широкой помощи, которая в значительной мере способствовала отражению китайским народом японской агрессии.

Одновременно Советский Союз делал все возможное для укрепления международных позиций Китая. Когда после долгих колебаний правительство Китая решило обратиться с жалобой на действия Японии в Лигу наций, советская делегация в Женеве отстаивала интересы Китая более энергично, чем сами китайские представители. Западные державы не проявляли желания пресечь агрессию Японии и оказать поддержку жертве агрессии. Их стараниями китайский вопрос был снят с рассмотрения Лиги наций и передан на решение государств — участников Вашингтонского договора 1922 г., созывавших для этого в ноябре 1937 г. конференцию в Брюсселе. Считаясь с международным весом и положением Советского Союза как тихоокеанской державы, организаторы конференции не могли не пригласить СССР принять участие в ее работе. Советская делегация в Брюсселе была готова поддержать самые решительные меры для того, чтобы остановить агрессора. Однако помыслы других участников конференции, прежде всего Англии и США, были по-прежнему далеки даже от осуждения агрессии. В то же время, как видно из документов тома, главные участники Брюссельской конференции стремились к тому, чтобы втянуть Советский Союз в войну с Японией. В этих условиях Брюссельская конференция не могла не оказаться безрезультатной.

Советский Союз продолжал, как и в прежние годы, линию на развитие и упрочение равноправных взаимовыгодных отношений со странами Запада. Как показывают документы тома, он уделял особое внимание укреплению связей с Францией и Чехословакией, твердо придерживаясь в отношениях с ними духа и буквы договоров 1935 г. о взаимопомощи. Советское правительство рассматривало эти договоры в качестве важного орудия, способствующего сохранению мира и безопасности в Европе, как возможную основу, на которой могла бы сложиться система коллективного обуздания агрессоров. Советская сторона проявляла готовность дополнить договоры о взаимопомощи соглашениями о конкретных формах и размерах военной помощи, взаимно предоставляемой в случае нападения на одного из участников договора. Такие предложения были представлены французскому генеральному штабу в начале 1937 г. Однако в правящих кругах Франции усиливались сторонники соглашательства с фашистским лагерем. В результате идея военного сотрудничества между Советским Союзом и Францией не получила развития, французская сторона предавала забвению и сам договор о взаимопомощи. Негативное влияние этого политического курса французских официальных кругов сказывалось также на советско-французских отношениях в целом.

Стремлению Советского Союза к развитию советско-английских отношений с английской стороны противопоставля-

лась политика подрыва усилий СССР по организации коллективной безопасности. Правящие круги Великобритании пытались изолировать Советский Союз, ослабить значение и действенность его договоров с другими государствами, прежде всего с Францией и Чехословакией.

Советский Союз придавал большое значение сотрудничеству с США в целях предотвращения мировой войны. Советская дипломатия неоднократно подчеркивала, насколько выиграло бы дело мира от присоединения этой ведущей державы капиталистического мира к числу сторонников коллективной безопасности.

Американская общественность проявляла большой интерес к СССР, к достижениям советского народа в развитии экономики и культуры. Американцы устроили восторженную встречу советским летчикам, совершившим в июне — июле 1937 г. первые в истории беспосадочные перелеты из Москвы в США через Северный полюс. Укреплению взаимопонимания между СССР и США содействовал визит дружбы кораблей военно-морского флота США во Владивосток в конце июля 1937 г.

Большим событием в советско-американских отношениях явилось заключение 4 августа 1937 г. первого торгового соглашения, предусматривавшего взаимное предоставление служимого наибольшего благоприятствования и долгие годы служившего основой советско-американской торговли (денонсировано американской стороной в июне 1951 г. в разгар «холодной войны»). В США были размещены, хотя и не без затруднений, важные народнохозяйственные заказы, в том числе и имевшие оборонное значение для СССР. В целом, однако, правящие круги США не проявили заинтересованности в развитии активного политического и экономического сотрудничества с Советским Союзом.

Правительство Советского Союза продолжало стремиться к подлинно добрососедским отношениям с Финляндией, Польшей, Румынией. Однако выполнить эту задачу становилось все более трудно в связи с усилением влияния на политику этих стран гитлеровской Германии и разгула в них реакционных, антисоветских сил. Для судеб Румынии имело бы большое значение заключение договора о взаимопомощи с Советским Союзом, по примеру договора между СССР и Чехословакией, к чему была готова советская сторона. Но правящие круги монархической Румынии не пошли по этому пути.

Сурово осуждая и разоблачая агрессивные планы фашизма, призывая все государства не допустить развязывания им мировой войны, Советский Союз в то же время оставался сторонником поддержания нормальных двусторонних отношений с Германией и Италией при условии уважения ими соответствующих международных норм. Как видно из публикуемых

документов, в отношениях СССР с этими странами, не по вине советской стороны, продолжала возрастать напряженность.

Особенно сложное положение складывалось в советско-японских отношениях. В результате заключения фашистской Германией и милитаристской Японией в конце 1936 г. «антикоминтерновского пакта», фактически антисоветского военного союза, резко обострилась обстановка на Дальнем Востоке. Японские войска находились в оккупированной ими еще в 1931 г. Маньчжурии, непосредственно у границ Советского Союза. В 1937 г. участились провокации японской военщины на советских дальневосточных рубежах, предпринимавшей совместно с китайскими частями «армии Маньчжоу-Го» попытки вооруженного вторжения на советскую территорию. Свои провокации японские милитаристы прикрывали фальшивыми утверждениями о якобы спорности прохождения границы на отдельных участках. В самой Японии велась неприкрытая антисоветская кампания. Японские власти чинили препятствия советскому судоходству, не выполняли обязательств по платежам за КВЖД и т. д.

Настойчивые усилия Советского Союза урегулировать отношения с Японией, предложения о создании комиссий для разбора и предупреждения пограничных конфликтов наталкивались на неизменный саботаж со стороны японских милитаристских кругов.

Верный ленинскому принципу поддержки национально-освободительной борьбы народов стран Востока, Советский Союз всегда последовательно выступал за развитие подлинно дружественных отношений со своими южными соседями — Турцией, Ираном и Афганистаном. Вместе с тем Советский Союз должен был учитывать негативные моменты, связанные с усилением проникновения в эти страны фашистских держав, ставивших целью овладеть подступами к границам СССР с юга. Наметившийся в правительственных кругах Турции и Ирана отход от курса на сотрудничество с Советским Союзом не мог, естественно, не осложнять его отношения с этими странами.

Продолжали расширяться и крепнуть в 1937 г. всесторонние братские связи между СССР и Монгольской Народной Республикой — новый тип межгосударственных отношений, основанных на принципах пролетарского интернационализма. В 1937 г. были заключены соглашения о строительстве узкоколейной железной дороги, обеспечившей снабжение углем предприятий Улан-Батора, и железной дороги Чойбалсан — Соловьевск, связавшей восточные районы МНР с Транссибирской магистралью и сыгравшей большую роль в укреплении ее обороноспособности, об организации в МНР механизированной заготовки кормов, что позволило начать подъем основной отрасли экономики — животноводства, и ряд других до-

говорных актов. В соответствии с этими, а также ранее заключенными соглашениями Советский Союз продолжал оказывать МНР широкую братскую помощь в развитии народного хозяйства, науки, культуры, здравоохранения.

В томе опубликованы также многочисленные документы, освещающие отношения Советского Союза с Албанией, Болгарией, Венгрией, Грецией, Бельгией, Швецией, Норвегией, Данией и другими государствами.

Преобладающая часть документов публикуется впервые.

* *

*

Методы публикации и оформления документов изложены в предисловиях к I, II, V и VIII томам настоящего издания.

* *

*

В подготовке тома к печати принимали участие сотрудники Отдела публикации дипломатических документов МИД СССР: М. А. Бугреев, А. Я. Грушин, И. И. Дуналь, А. М. Зубов, В. М. Корж, А. П. Михайлов, В. С. Немчинов, канд. эконом. наук И. М. Пахомов, П. И. Проничев, О. А. Смидович; научно-справочные работы по тому выполняли Н. В. Полова, Н. И. Жужунава, а также сотрудники Института славяноведения и балканистики и Института всеобщей истории АН СССР Л. В. Заборовский, Р. Е. Плахова. Ряд примечаний к документам составлен научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР Ю. Р. Ульяновым.

1. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

5 января 1937 г.

Беседа с Даладье и Гамеленом *, бывшими вчера у нас на завтраке, убеждает в возрастающей тревоге военных кругов Франции перед расширяющейся германо-итальянской интервенцией в Испании и военными приготовлениями Германии. Оба собеседника признавали чрезвычайную опасность создания в Испании Гитлером антифранцузской военной базы. Оба констатировали затишье в деятельности немцев вдоль голландской и бельгийской границы и, напротив, непрерывное накопление немецких сил в районах Констанца, Шафхаузена и Шварцвальда.

Даладье обвинял Англию в том, что она воспротивилась оказанию помощи законному правительству Испании, причем отметил, что она же двусторонним средиземноморским соглашением с Италией ** изолировала Францию и повысила требовательность Муссолини в отношении французского правительства. Гамелен вторил Даладье, указывая, что англо-итальянское соглашение ничем не обеспечивает сообщения Франции с североафриканскими ее владениями. Тот же Гамелен высказал мысль, что крупнейшим выигрышем Италии является возможность использовать туземцев Абиссинии для чрезвычайного усиления своей армии. Как видите, оптимистическое коммюнике Дельбоса *** по поводу англо-итальянского соглашения дезавуируется французскими военными кругами. Тревога Гамелена выразилась в его заявлении, что он отнюдь не считает зиму препятствием для германского нападения и что поэтому Франции и ее друзьям нужно не дремать.

* Соответственно министр обороны Франции и начальник генерального штаба французской армии.

** См. газ. «Известия», 3—5 января 1937 г.; сб. «British and Foreign State Papers», vol. 141. London, 1950, pp. 387—389.

*** См. газ. «Известия», 4 января 1937 г.

Как деталь отмечу сообщенне Даладье, что недавно здесь произведены аресты средн «троцкистской молодежи». Обыскн обиаружили связь этих элементов с другими странами и иа-личие у них директив, направленных к разложению француз-ской армии.

Полпред

Печат. по арх.

2. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Вели-кобритании с Постоянным Заместителем Министра Ино-странных Дел Великобритании Ванситтартом

6 января 1937 г.

1. 4 января в ответ на мою поздравительную новогоднюю карточку я получил от Крейги * довольно длинное письмо, в котором он, скользя бегло по новогодней okazji, не-сколько более подробно останавливался на состоянии англо-советских морских переговоров **. Он настойчиво просил меня возможно скорее получить ответ от моего правительства на те предложения, которые были сделаны англичанами нам в конце ноября 1936 г., и при этом подчеркивал, что крах пере-говоров, после того как Англия, СССР и Германия подошли так близко к возможности соглашения, явился бы настоящей катастрофой. Из письма Крейги с полиой отчетливостью вы-ступало, что ему ничего не известно о том разговоре, который произошел в Москве между г. Литвиновым и Чилстоном 27 декабря 1936 г. *** Очевидно, либо Чилстон не сообщил об этом разговоре в Лондон, либо его сообщение где-то по до-роге залежалось. В связи с выяснившимися обстоятельствамн я решил сразу же довести до сведения британского правитель-ства о нашем ответе на последние английские предложения по вопросу о морском договоре и попросил свидания с Вансит-тартом.

Ванситтарт принял мое сообщение о желательности созыва совещания всех заинтересованных в морских вопросах держав спокойно, но никакого ответа не дал, заявив, что должен пред-варительно проконсультировать Идея и адмиралтейство. Тут же я сообщил Ванситтарту о составе советской делегации на коронацию **** (Литвинов, Тухачевский, Майский). С ви-димым удовлетворением Ванситтарт принял и записал это сведение.

2. Затем я перешел к текущим делам и спросил, как объяс-нить высадку почти 11 тыс. итальянских войск в Кадисе одио-

* Помощник постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании.

** См. т. XIX, прим. 88.

*** См. т. XIX, док. № 432.

**** См. газ. «Известия», 14 мая 1937 г.

времени с подписанием англо-итальянского соглашения? * Во время нашего прошлого свидания 23 декабря ** Ванситтарт довольно оптимистически говорил о позиции Италии в испанском вопросе. Он предрекал даже постепенный уход Италии из Испании как косвенный результат англо-итальянского соглашения. А что получилось вместо этого? Итало-германская пресса вчера и сегодня пишет, будто бы англо-итальянское соглашение означает молчаливое признание Великобританией итальянского вмешательства в испанские дела. Такое действительно получается впечатление. Что может сказать мне по этому поводу Ванситтарт? Я взглянул на своего собеседника и не мог не отметить, что, несмотря на свою профессиональную сдержанность, он сильно взволнован. Ванситтарт с видимым раздражением стал говорить о том, что заявление германо-итальянской печати — сплошная чепуха, которая выдает лишь низкий умственный уровень ее руководителей. Ни о каком молчаливом согласии Англии не может быть и речи. Наоборот, Англия относится с самым решительным отрицанием к итальянской интервенции, и в частности к высадке итальянских войск в Кадисе. Муссолини совершил величайшую политическую ошибку, сделав этот последний шаг. Он совершенно аннулировал весь тот благоприятный резонанс, который англо-итальянское соглашение должно было вызвать в Великобритании. Я ответил, что все это слышать очень утешительно, но почему тогда британское правительство не заявит о своем отрицательном отношении к итальянской высадке твердо и открыто? Ванситтарт сослался было на отзывы печати, но я возразил, что этого недостаточно. Печать — одно, а правительство — другое. Если британский кабинет столь резко осуждает Муссолини, почему Идену не сделать в таком случае публичного заявления в указанном духе? Ванситтарт скороговоркой пролепетал что-то насчет парламента, во время заседания которого у Идена будет подходящая okazия для дачи надлежащей оценки действиям Муссолини. Я, однако, стал оперировать цифрами: палата собирается только 19 января, сегодня 6-е, остается еще почти две недели, в течение которых могут произойти весьма важные события. Если британское правительство считает нужным действовать, хотя бы в той мягкой форме, о которой я говорю, то оно должно действовать быстро. Пусть Иден публично осудит итальянскую высадку, тогда мы будем знать, по крайней мере, какова позиция британского правительства. Ибо сейчас, в свете событий последней недели, эта позиция вызывает в широких кругах Европы различные толкования и подозрения. Ванситтарт согласился со мною и обещал поговорить по данному поводу с Иденом.

* См. док. № 1.

** См. т. XIX, док. № 427.

3. Продолжая, я подчеркнул, что последние действия Муссолини ставят ребром вопрос о всей политике невмешательства, которую так отстаивали и отстаивают британское и французское правительства. Вчера, например, на заседании подкомитета по невмешательству все члены последнего явно чувствовали полную бесплодность и ненужность своей работы*. Должны быть приняты быстрые и эффективные меры для прекращения интервенции Германии и Италии, иначе трудно предвидеть, к чему приведет развитие событий. В СССР последние высадки итальянских войск вызвали крайнее возмущение самых широких слоев населения, и это возмущение растет с каждым днем. Как рядовые рабочие и крестьяне, так и крупные политические и общественные деятели — все настойчиво ставят вопрос: какой смысл имеет политика невмешательства, если Германия и Италия так систематически и безнаказанно ее нарушают? В связи с этим растет также недовольство политикой Великобритании и Франции. Тут Ванситтарт встревоженно меня перебил и спросил: «Но вы не собираетесь все-таки отказываться от своего согласия на последние англо-французские предложения?»** Я ответил, что мне об этом ничего не известно, но мне совершенно точно известно, что негодование нашего общественного мнения быстро растет и, к каким последствиям это приведет, трудно предвидеть. Ванситтарт, еще более взволновавшись, стал меня горячо убеждать, что нужно иметь немного терпения, что британское правительство делает все возможное для улучшения положения и что наш отказ от участия в ликвидации волонтерства был бы равносильен катастрофе. В ответ я сказал, что мы не меньше англичан и французов понимаем серьезность положения, но думаем, что эта серьезность не может быть ликвидирована благочестивыми словами, а требует решительных действий, о которых пока не хотят слышать ни Лондон, ни Париж. Так бесконечно продолжаться не может.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

3. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

6 января 1937 г.

В Тегеране подготовка к проведению Пушкинского юбилея¹ приняла широкий характер. Крупнейшие газеты и журналы печатают вересаевскую биографию Пушкина, опублико-

* См. газ. «Известия», 8 января 1937 г.

** См. т. XIX, док. № 437.

вали ряд статей и печатают переводы пушкинских произведений. Готовится выпуск пушкинского тома, торжественное заседание. Амин-заде* заявил на заседании Пушкинского комитета, что шах, заслушав доклад о подготовке юбилея, остался все же недоволен программой. Он сказал, что внимание, оказанное СССР иранскому искусству и Фирдоуси**, требует, чтобы и иранцы гораздо достойнее отметили юбилей русского поэта. По указанию шаха комитет разрабатывает более расширенную программу празднования, которая на днях должна быть утверждена правительством.

Черных

Печат. по арх.

4. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством США об урегулировании долговых претензий и претензий на национализированное имущество

1. НОТА

**ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ США В СССР
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
М. М. ЛИТВИНОВУ**

Москва, 7 января 1937 г.

Господин Народный Комиссар,

Имею честь сообщить Вам, что согласно пониманию Правительства Соединенных Штатов Правительство Союза ССР на основании и с момента образования Союза Советских Социалистических Республик и принятия Конституции СССР 1923 г.*** считает Союз Советских Социалистических Республик получившим право располагать находящимися за границей имуществами, правами или интересами всех объединений и обществ, которые были до того времени национализированы декретами Союзных Республик или их предшественниками.

Далее, Правительство Соединенных Штатов понимает, что в цели и намерения Правительства Союза Советских Социалистических Республик входило передать Правительству Соединенных Штатов в числе прочих сумм все суммы, которые причитаются или могли бы быть признанными причитающимися не только Союзу Советских Социалистических Республик, но также Союзным Республикам Союза ССР или их предшественникам от американских граждан, включая корпорации, компании, общества или ассоциации, а также претензию Русского Добровольного флота к Соединенным Штатам, находящуюся на судебном рассмотрении в Претензионной палате

* Директор II политического департамента МИД Ирана.

** См. т. XVII, док. № 306, 348.

*** Конституция СССР была утверждена II сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 г. и II съездом Советов СССР 31 января 1924 г.

Соединенных Штатов, и что Правительство Союза Советских Социалистических Республик отказалось от всех подобных сумм и уступило их Правительству Соединенных Штатов в силу ноты, адресованной Вами Президенту Соединенных Штатов 16 ноября 1933 г. *

Не откажите в любезности подтвердить правильность понимания Правительством Соединенных Штатов в связи с настоящим делом законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Конституции и законов Союза Советских Социалистических Республик и намерений и целей Правительства Союза Советских Социалистических Республик в отношении упомянутой выше передачи.

Остаюсь, господин Народный Комиссар, преданный Вам

Лой В. Гендерсон
Временный Поверенный в Делах США

2. НОТА
НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ВРЕМЕННОМУ ПОВЕРЕННОМУ В ДЕЛАХ США В СССР
ГЕНДЕРСОНУ

Москва, 7 января 1937 г.

Господин Поверенный в Делах,

В ответ на Вашу ноту от 7 января 1937 г. имею честь сообщить Вам, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик на основании и с момента образования Союза Советских Социалистических Республик и принятия Конституции Союза Советских Социалистических Республик 1933 г. считает Союз Советских Социалистических Республик получившим право располагать находящимися за границей имуществами, правами или интересами всех объединений и обществ, которые были до того времени национализированы декретами Союзных Республик или их предшественниками.

Далее, Вам сообщается, что в цели и намерения Правительства Союза Советских Социалистических Республик входило передать Правительству Соединенных Штатов в числе прочих сумм все суммы, которые причитаются или могли бы быть признанными причитающимися не только Союзу Советских Социалистических Республик, но также Союзным Республикам Союза ССР или их предшественникам от американских граждан, включая корпорации, компании, общества или ассоциации, а также претензию Русского Добровольного флота к Соединенным Штатам, находящуюся на судебном рассмотрении в Претензионной палате Соединенных Штатов, и что Правительство Союза Советских Социалистических Республик отказалось от всех подобных сумм и уступило их Правительству

* См. т. XVI, док. № 366.

Соединенных Штатов в силу ноты, адресованной мной Президенту Соединенных Штатов 16 ноября 1933 г.

Поэтому я имею честь подтвердить правильность понимания, как оно изложено в Вашей ноте от 7 января 1937 г., Правительством Соединенных Штатов в связи с настоящим делом законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Конституции и законов Союза Советских Социалистических Республик и намерений и целей Правительства Союза Советских Социалистических Республик в отношении упомянутой выше передачи.

Остаюсь, господин Поверенный в Делах, преданный Вам

М. Литвинов

Народный Комиссар Иностранных Дел
Союза Советских Социалистических Республик

*Ноты печат. по арх. Оpubл.
в «Сборнике действующих договоров...»,
вып. X, М., 1955, стр. 23—25.*

5. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

9 января 1937 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Я, к сожалению, сейчас заболел инфлюэнцией и диктую, лежа в постели.

Пока нет никаких признаков перемены в изоляционистской политике Соединенных Штатов. В основе изоляционистской политики лежит предположение, что международное равновесие может быть осуществлено без Соединенных Штатов и, во всяком случае, Соединенные Штаты имеют время решить вопрос о своем вмешательстве в международные дела, когда международное равновесие будет нарушено не в пользу Соединенных Штатов. Изоляционизм увеличивается военной слабостью Соединенных Штатов, во всяком случае несоответствием между военной силой и технической мощью американского капитала.

При обосновании изоляционистской политики Соединенных Штатов здесь приводилось соображение о том, что Америка была втянута в мировую войну пропагандой союзников, необходимостью защищать капиталы, вложенные на стороне Англии и Франции, и т. д. Эта теория нашла свое отражение и в нашей литературе. На самом деле Америка вступила в мировую войну потому, что над нею нависла угроза победы германского агрессивного империализма, который в случае разгрома союзников в Европе начал бы наступление против Соединенных Штатов не только на европейском, но и на амери-

канском континенте. Сейчас все это забыто, и большинству американцев кажется, что их участие в мировой войне не было вызвано серьезными причинами, что это вообще была большая ошибка с точки зрения интересов американского империализма и что эту ошибку повторять не следует. Американские руководящие круги считают, что их союзники надули, что они не только зря вошли в мировую войну, но и не получили с союзников военных долгов. Сейчас в силу этого настроение изоляционизма доводится до крайности, и американцы начинают бояться больше всего самих себя — как бы продажа каких-либо военных материалов или путешествие какого-нибудь американца на пароходе одной из воюющих держав не привело к участию Соединенных Штатов в «чужой» войне. На самом же деле американцы участвовали в мировой войне не как в чужой войне, а как в своей войне и будут еще участвовать, если положение будет сходно с тем, какое было в 1918 г.

Разумеется, не мелкие вопросы вроде путешествия американца на пароходе воюющей державы или мелкой торговли с воюющей державой приведут к участию Америки в войне, а опять-таки, когда будут затронуты коренные интересы американского капитализма. Если бы американцы считали совершенно исключительным свое участие в мировой войне, то зачем было бы так усиленно вооружаться, как сейчас они это делают. И та паника, с которой были приняты последние мероприятия в связи с торговлей с Испанией*, говорит о том, что возможность участия Америки в войне реальнее, чем это представляется с первого взгляда.

То, что сейчас делается для осуществления изоляционистской политики, создает совершенно противоречивое положение. С одной стороны, Хэлл** проводит политику снятия тарифных перегородок и освобождения международной торговли от всяких пут, а с другой стороны, изоляционистская политика прокламирования запрещения торговли с воюющими державами толкает все государства на путь независимости от Соединенных Штатов, на путь производства всего необходимого в пределах своей страны, насколько условия это позволяют. Это на практике приводит к усилению принципа экономического национализма, против которого усиленно борются руководители иностранной политики Соединенных Штатов. Очевидно, страх перед участием в войне заставляет Соединенные Штаты идти на самые большие жертвы. Вся беда только в том, что предположение о существовании международного равновесия может оказаться разрушенным тогда, когда даже участие Соединенных Штатов в войне не даст уже соответствующих результатов.

* См. газ. «Известия», 9 января 1937 г.

** Государственный секретарь США.

В общем надо ожидать, что изоляционистская политика Соединенных Штатов будет продолжаться до последнего момента, может быть даже до тех пор, пока уже будет поздно ее менять с надеждой на конкретные результаты.

В Вашем последнем письме Вы пишете, что «в случае осложнений в Европе и на Дальнем Востоке отношение Рузвельта к нам будет определяться общеполитическими интересами, а не вопросом о долгах». В общем, конечно, это верно, но отсюда не следует, что можно предоставить все естественному ходу вещей и с фаталистическим спокойствием ждать, пока Соединенные Штаты придут к осознанию общеполитических интересов и сделают отсюда необходимые выводы. Мне кажется, что наша задача заключается в том, чтобы облегчить Соединенным Штатам возможность выйти из рамок изоляционистской политики возможно раньше и возможно в более благоприятной для нас обстановке. Еще недавно во Франции и Англии считали, что можно пренебрегать Соединенными Штатами в международных отношениях. Сейчас картина меняется, и там начинают понимать, что нужно что-то сделать для того, чтобы культивировать дружбу с Соединенными Штатами и привлечь их на свою сторону возможно скорее. Отсюда — начатые переговоры об урегулировании долгов. Очевидно, что с начала войны трудность получения военных материалов даже за золото из Соединенных Штатов значительно усилится. Поэтому надо думать об этом заранее, т. е. создать возможность получения необходимых материалов уже теперь, до начала военных действий. Я, кстати сказать, не думаю, что билль Джонсона* будет отменен, если будут урегулированы долги с Францией и Англией. Наоборот, если Франция и Англия начнут платить долги, то это укрепит американское общественное мнение о правильности билля Джонсона и заставит строже его применять в отношении стран, которые не будут платить долгов.

Я, может быть, неправильно себе представляю соотношение сил в данной международной обстановке, но мне кажется, что уже сейчас германская армия сильнее, чем она была в 1914 г. Конечно, Красная Армия во много раз сильнее старой царской армии, но, с другой стороны, с Германией сейчас идет Япония. Англия попытается не участвовать в войне до последней крайности. Может быть, и Франция также технически достаточно вооружена, но не имеет соответствующего боевого духа для оказания сопротивления германскому империализму. Мне казалось и кажется, что современная помощь американской техники для нас представляется весьма существенной. Если это не так, то, разумеется, все мои схемы нецелесообразны и, очевидно, мы должны исходить из того, что амери-

* См. т. XVII, прим. 108.

канская техника большого значения для нас не имеет, и мы можем пользоваться ею в очень узких пределах от случая к случаю, и, во всяком случае, большого значения ей в военном отношении мы придавать не должны.

Так как в Америке имеется достаточно много враждебных элементов, а сейчас некоторая часть левых интеллигентских кругов примыкает к враждебным им элементам, то казалось, что нужно немало сделать, чтобы сломить враждебные им элементы и укрепить дружественные отношения, и не полагаться на то, что без усилий с нашей стороны общеполитические интересы заставят действовать Америку в желательном для нас направлении. Полагаться в этом отношении на самоотек очень опасно потому, что даже если отбросить помощь американской техники для нашей обороноспособности, то нельзя забывать, что сближение Соединенных Штатов с Англией и Францией, с охлаждением отношений к нам, может привести к изоляции нас от Англии и Франции со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я не могу без возмущения читать постоянные заявления Блюма *, делаемые им американским журналистам, о том, что оплотом мира являются Англия, Франция и Соединенные Штаты, без всякого даже намека на Советский Союз, как будто бы Советский Союз не является фактором мира и как будто бы упоминание о Советском Союзе может только скомпрометировать Францию.

Я, разумеется, следуя строго данным мне указаниям и указываю только в разговорах и речах, что американская политика нейтралитета и изоляционизма в настоящее время возможна только благодаря мощи Красной Армии, которая противостоит агрессивным намерениям фашистских государств, что успех этих фашистских государств несомненно затронет коренным образом интересы Соединенных Штатов даже на самом американском континенте, подняв против них южноамериканские государства, уже сейчас находящиеся в подавляющем большинстве под влиянием фашизма.

Я продолжаю придавать большое значение кампании, которая ведется здесь против нас троцкистами, социалистами и близкими к ним элементами. Троцкий дает направо и налево интервью самого гнусного контрреволюционного характера, гнуснее всего того, что говорится в самых гнусных органах американской печати. Ответить на это было бы не трудно, потому что все эти выступления разоблачают господина Троцкого более чем что-либо другое. Но все же отпор этой кампании необходимо дать потому что эта гнусность, если не будет ей оказано сопротивление, будет оказывать влияние на общественное мнение, что при существующих прохладных отноше-

* Председатель совета министров Франции.

ниях между нами и Соединенными Штатами может ийти благодарную почву. Конечно, во всяком заявлении по адресу этих господ имеется опасность раздувания этого вопроса. Но в данной обстановке эта кампания все расширяется, и с этой опасностью считается не приходится, а нужно дать резкий отпор всей этой публике. Я убежден в том, что не прямое заявление от имени посольства, а несколько фраз в какой-нибудь речи, произнесенной по радио, окажут необходимый эффект.

Полпред СССР в США
А. Трояновский

Печат. по арх.

6. Письмо Полиомочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову

9 января 1937 г.

Глубокоуважаемый Максим Максимович,

Как я уже сообщала телеграфно, Сандлер* просил меня приехать к нему вне приемного дня, чтобы сообщить следующее: что он весьма сожалеет, что в печати появились не отвечающие действительности слухи о его намерении поехать в Союз в настоящий момент и что эти слухи связаны были с намечающейся поездкой Холсти. Он считал необходимым сделать опровержение именно ввиду того, что связывание его поездки с поездкой Холсти могло бы дать пищу к кривотолкам [по поводу] отношений, существовавших и существующих между Швецией и Союзом. «У нас с вами ведь нет тех недоразумений и трудностей, какие у вас имеются с Финляндией». Сандлер добавил к этому и подчеркнул, что просит передать это Советскому правительству, что кабинет очень сочувственно относится к возможной поездке Холсти в Союз**, считает, что эта поездка может иметь результатом ликвидацию недоразумений и трудностей, существующих между Союзом и Финляндией, и выражает пожелание, чтобы между вышеназванными государствами установились столь же искренно дружеские отношения, какие существуют между Швецией и Союзом. К концу беседы Сандлер сказал, что он при случае будет рад посетить Советский Союз, но что в беседах с Вами ни разу, «даже намеком», этот вопрос не задевался. Он явно давал понять, что ждет со стороны Москвы своего рода «поощрения». На основании Ваших директив я не сочла нужным проявлять заинтересованность в его поездке в Союз, благодарив за сообщение, я обещала передать его Вам***.

* Министр иностранных дел Швеции.

** См. док. № 40.

*** См. док. № 71.

В беседе Сандлер задел вопрос о морском соглашении*. Я объяснила ему нашу позицию соответственно Вашим указаниям², что соглашение с Англией нами было уже достигнуто, но с некоторыми изъятиями в пользу Союза. Сандлер не настаивал и не расспрашивал, в чем заключаются эти изъятия. Сандлер живо заинтересовался, когда я ему сказала, что во избежание волокиты Союзом было предложено созвать конференцию заинтересованных стран. Он считает, что в настоящей тревожной обстановке такая конференция была бы полезна, но едва ли сейчас осуществима.

Сандлер едет в конце месяца в Бельгию, сопровождая короля Густава, наносящего визит королю Леопольду.

Из частных бесед с членами кабинета явствует, что, по их убеждению, заинтересованность Германии Финляндией показывает известную тенденцию к понижению, что они объясняют эффективностью обороны Союза именно по северной линии и, наоборот, усилением «интереса» Германии к Прибалтийским странам, как стратегически более подсобным.

Полпред в Швеции
А. Коллонтай

Печат. по арх.

7. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

10 января 1937 г.

Возможно скорее повидайте Идею и поговорите с ним по поводу пиратства³ в испанских водах**. Расскажите, как за последнее время почти все наши торговые суда, идущие с востока на запад и с запада на восток, при проходе через Гибралтар подвергаются со стороны вооруженных судов Франко остановкам, задержкам и заходам в марокканские порты, хотя никакого повода для подозрений в военной контрабанде не дают. И в довершение этого наш теплоход «Комсомол» водонемещением в 10 950 т и с составом команды в 36 человек, вышедший из Поти 5 декабря с грузом чиатурской марганцевой руды для бельгийской фирмы и направлявшийся в бельгийский порт Гент, был остановлен крейсером мятежников в открытом море и, по свидетельству множества иностранных пароходов, потоплен***. Никаких сведений до сих пор не удалось получить о судьбе команды теплохода, и поэтому можно предположить, что крейсером не было принято никаких мер даже для спасения команды.

* См. т. XIX, прим. 88 и док. № 2 настоящего тома.

** См. также док. № 136.

*** См. «Под знаменем Испанской республики», М., 1965, стр. 541—575.

Советское правительство не может мириться с таким нарушением всех международных правил, тормозящим законы международной торговли, и бесчеловечным обращением с командами и пассажирами судов. Принимая во внимание, что от подобного пиратства страдают также и другие страны, торговые суда которых подвергались незаконным остановкам в открытом море, Советское правительство, прежде чем принять решение о собственных мерах борьбы с этим явлением, хотело бы выяснить, как смотрят на создавшееся положение английское и французское правительства и какие, по их мнению, можно было бы принять меры международного характера в предотвращение возможной угрозы миру. Скажите, что такое же заявление поручено нашему полпреду сделать Дельбосу⁴. Исполнение и ответ Идена телеграфируйте. Кстати, выясните, едет ли Иден в Женеву. Я собираюсь выехать 13 или 15-го, и желательно до этого иметь Ваш ответ*.

Литвинов

Печат. по арх.

**8. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Великобритании
И. М. Майскому**

10 января 1937 г.

На Вашу телеграмму от 9 января⁵. Вам надо действовать в духе нашего ответа**, указывая на политически-международную важность волонтерства, каковой не имеет вопрос о косвенном вмешательстве***. Международная опасность создается не благодаря мнимым пропагандистам, которых в Германия вольна посылать в каком угодно количестве, а организованной посылкой войск. Укажите, что при существующих в Германии правилах отъезда не может быть речи о массовом волонтерстве не только без разрешения, но и без активного содействия германского правительства. Необходимо это приостановить до обсуждения других вопросов, против которых мы отнюдь не возражаем. Надо сказать, что мы ничего большего не хотели бы, как предоставления самим испанцам довести до конца внутреннюю борьбу, и не возражали бы против удаления из армии иностранного элемента, включая марокканцев, но вряд ли это практически возможно. Такие предложения делаются только ввиду их неосуществимости, для того чтобы затянуть принятые мер вполне осуществимых. Мы могли бы со своей стороны поднять вопрос о более важных формах косвенного вмешательства, как: пребывание в ис-

* См. док. № 10.

** См. т. XIX, док. № 437.

*** См. т. XIX, док. № 420.

панских водах германских и итальянских военных судов, выполняющих функции разведки и непосредственно помогающих флоту мятежников, или незаконное задержание торговых судов Испании и других стран. Мы эти вопросы в свое время поднимем, но не хотим ими задерживать немедленное проведение в жизнь прекращения посылки иностранных войск в Испанию.

Литвинов

Печат. по арх.

9. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР во Францию В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР

*Вне очереди
10 января 1937 г.*

Несмотря на воскресный день, меня сегодня пригласил в мининдел Вьено*, замещающий отсутствующего Дельбоса. Он заявил, что по поручению Блюма должен сообщить мне следующее: 1) французское правительство солидаризируется с предложением Англии касательно запрещения выезда волонтеров в Испанию**; 2) вероятно, не позже пятницы 15 января правительство испросит у парламента полномочия на проведение соответствующих мероприятий; 3) при этом французское правительство заявит, что связывает применение этих мероприятий с установлением действительного контроля, осуществляемого одновременно всеми заинтересованными правительствами; 4) приблизительный срок для установления контроля намечается две недели; 5) конфиденциально нам сообщается, что, если к указанному сроку международный контроль не осуществится, французское правительство будет считать себя свободным или предложит всем заинтересованным правительствам проводить контроль «своими средствами, по своему усмотрению и применительно ко всем».

Я спросил Вьено, почему Англия выступила со своим предложением единолично. Оказывается, вопрос попал в большое место. Вьено признал, что вчера вечером, когда Иден пригласил Корбена, чтобы информировать французское правительство об английской акции, французский посол выразил сожаление, что она предпринимается Англией единолично, а не совместно с Францией. Иден-де спохватился и сам предложил дать сегодня вечером в прессе в Лондоне и Париже согласованное коммюнике, где будет заявлено, что французское правительство было информировано об английской акции и заранее с ней солидаризировалось. При мне Вьено поручил

* Заместитель министра иностранных дел Франции.

** См. стр. 33.

Комеру * словесно пояснить журналистам, что Англия могла немедленно выступить со своим предложением, ибо в ней уже давно существует закон о лишении прав английского гражданства тех англичан, которые поступают на иностранную военную службу. Как видите, после двустороннего сговора с Италией **, состоявшегося без участия Франции, англичане продолжают действовать самостоятельно, уверенные, что с французами церемониться нечего.

Я осведомился, какую цель преследует выход французской эскадры к берегам Испанского Марокко. Вьено поспешил заявить, что пресса ошибочно истолковала этот факт. Маневры французского флота в этом районе намечены-де были гораздо раньше. Мое впечатление таково, что в миинделе ожидают Фраисуа-Понсе *** из Берлина с какими-то новыми германскими предложениями и поэтому уже смазывают демонстративный характер передвижения флота.

Протеста немцам не заявлено никакого. Вьено лишь «по секрету» мне сообщил, что в четверг 7 января Леже **** пригласил Вельчека***** и, упоминая в разговоре о слухах касательно готовящейся посылки немецких войск в Испанское Марокко и производимых там немцами военных приготовлений, выразил уверенность, что сведения эти не соответствуют действительности. Вьено добавил, что это было достаточным, ибо, во-первых, Вельчек-де очень приятный и любезный человек и, во-вторых, есть будто бы надежда, что немцы одумаются и откажутся от своих африканских планов. Разубеждать этого умника было явно бесполезно.

Полпред

Печат. по арх.

10. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Немедленно
11 января 1937 г.*

На Вашу телеграмму от 10 января *****. Я передал сегодня перед ленчем Ваше сообщение Идену. Он записал важнейшие даты и факты и обещал дать ответ после консультации с соответственными инстанциями. Я обратил внимание Идена на то, что данный вопрос является срочным. Иден обещал это учесть. В порядке предварительном, как свое личное мнение, Иден бросил: «Не знаю, что мы могли бы тут сделать». Одно-

* Заведующий отделом информации и печати МИД Франции.

** См. док. № 1.

*** Посол Франции в Германии.

**** Генеральный секретарь МИД Франции.

***** Посол Германии во Франции.

***** См. док. № 7.

временно он сообщил, что британским военным судам отдан приказ защищать британские коммерческие суда. Расценивая наш демарш как еще одно яркое доказательство в пользу необходимости подлинного невмешательства, Иден спросил, что я думаю о его последнем плане осуществления невмешательства, посланном пяти державам 9 января*. Я ответил, что реакция Москвы мне пока неизвестна, лично же я был чрезвычайно «шокирован» п. 5 ноты, в котором британское правительство заявляет об одностороннем запрещении волонтерства. Это опять поклон в сторону фашистских держав, который способен лишь еще более укрепить их агрессивные намерения. Тут между мной и Иденом произошла краткая, но довольно оживленная дискуссия об общем характере испанской политики Великобритании. Далее Иден извлек сегодняшний номер «Дейли телеграф» и, обращая мое внимание на приведенную в нем цитату из передовицы «Известий» от 11-го, спросил: «Чем вызвана такая резкая атака на Англию?» Особенно его задел абзац, гласящий, что суда «владычицы морей» боятся появляться на морях. «Ведь это же неверно, — несколько наивно восклицал Иден, — иаши суда плавают повсюду». Между нами опять произошла краткая, но оживленная дискуссия, на этот раз уже по вопросу британской внешней политики вообще. На этом свидание закончилось. Общее мое впечатление от свидания таково:

1. Рассчитывать на какое-либо активное содействие британского правительства в деле организации международной акции по вопросам судоходства в испанских водах не приходится.

2. Испанские события пугают британское правительство, до смерти ему надоели, и оно радо было бы избавиться от них любым способом, сколько-нибудь благоприличным по внешности. Жду Ваших указаний в связи с последним демаршем Идена от 9 января**.

Иден в Женеву поедет. Заседание Совета [Лиги наций] в связи с франко-турецкими переговорами отложено до 21 января***.

Майский

Печат. по арх.

11. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

13 января 1937 г.

В своей вербальной ноте от 21 января 1936 г.**** Посольство Союза Советских Социалистических Республик имело

* См. стр. 33.

** Ответ на английское предложение был дан в Москве, см. док.

№ 12.

*** См. газ. «Известия», 22, 24 января 1937 г.

**** См. т. XIX, док. № 23.

честь обратить внимание Императорского Министерства Иностранных Дел на многочисленные незаконные и беспричинные обыски и аресты советских граждан, проживающих в Маньчжурии, производимые японской жандармерией и состоящими на службе Маньчжоу-Го полицейскими японской национальности.

Посольство обращало в этой ноте внимание Императорского Министерства Иностранных Дел на то, что заключенные в маньчжурских тюрьмах советские граждане подвергаются невиданным в цивилизованных странах пыткам и избиениям, в результате которых многие советские граждане были убиты и замучены.

В настоящее время Посольство вновь вынуждено обратиться к Императорскому Министерству Иностранных Дел и по поручению своего Правительства указать, что убийства граждан СССР в тюрьмах Маньчжоу-Го принимают систематический характер. Помимо перечисленных в ноте от 21 января гр. Лаушкина, Кислого, Осадчука, Богомолова и др., в последнее время в харбинской тюрьме имел место новый случай гибели в результате пыток советского гражданина, а именно гр. Петренко, пенсионера КВЖД, арестованного 21 мая 1936 г.

Посольство обращало внимание Императорского Министерства Иностранных Дел на тот факт, что местные маньчжурские представители в ответ на обращение к ним советских консулов о судьбе арестованных цинично отговариваются вымышленными историями о «побеге» исчезнувших граждан из-под стражи, не принимая никаких действительных мер к расследованию обстоятельств убийства советских граждан и к привлечению к ответственности и к наказанию преступников.

К глубокому сожалению, Императорское Министерство Иностранных Дел в своем ответе на вышеупомянутую ноту Посольства от 14 марта 1936 г. * не только не сообщило о каких-либо действительных мерах, принимаемых Японским Правительством в связи с приведенными в ноте Посольства фактами, но в свою очередь повторило в отношении гр. Богомолова версию японского жандармского управления.

Утверждая, что гр. Богомолов якобы бежал из заключения, Министерство ссылалось при этом на то, что секретарь Советского Консульства на ст. Маньчжурии гр. Москаленко якобы убедился на месте в истинности побега, в то время как в действительности гр. Москаленко во время посещения японского жандармского управления на ст. Якэши определенным образом подчеркнул невозможность побега гр. Богомолова из помещения, в котором он был заключен.

* См. т. XIX, прим. 14.

Обращаясь ныне к новому случаю с гр. Петренко, Посольство должно констатировать, что маньчжурские власти вновь прибегли к подобной же практике неверных ссылок, заявив на этот раз, что гр. Петренко якобы уже несколько месяцев тому назад был освобожден. На самом деле обстоятельства дела гр. Петренко следующие:

Гр. Петренко был арестован 21 мая 1936 г. вместе со своей женой. На другой день, т. е. 22 мая, жена его была освобождена. 23 мая жена гр. Петренко явилась в полицейский участок справиться о судьбе ее мужа, где ей ответили, что допрос ее мужа еще не закончен. В дальнейшем жена гр. Петренко ежедневно продолжала безрезультатно справляться в участке о судьбе ее мужа, не получая никакого ответа. 2 июня полицейские чины, произведшие арест гр. Петренко, явились к нему на квартиру, где ими был произведен вторично обыск, причем на вопросы жены гр. Петренко, когда же будет освобожден ее муж, ей был дан ответ, что допрос его будет скоро закончен.

В течение июня — июля 1936 г. жена гр. Петренко неоднократно обращалась с письменными заявлениями в полицейский участок с просьбой разрешить ей передачу белья и продовольствия для арестованного мужа. Ей, однако, неизменно отвечали, что передача разрешена быть не может. В последующем жена гр. Петренко обращалась в ряд полицейских органов, вплоть до полицейского департамента, с просьбой о разрешении продовольственной передачи арестованному мужу, а также об определенном ответе о месте его заключения. 25 сентября в полицейском департаменте наконец было принято белье для передачи гр. Петренко, чем подтверждалось, что гр. Петренко продолжает находиться в заключении. Когда же 5 октября гр-ка Петренко явилась в числе других родственников арестованных в полицейский департамент для новой передачи посылки для ее мужа, то в отличие от других ее посылка принята не была. Полицейский департамент направил ее с запиской в участок, производивший арест ее мужа. Получив после долгих мытарств свидание с японским чинном полицейского участка, производившим арест ее мужа, а также обыск на квартире 2 июня, гр-ка Петренко обратилась к нему с вопросом о судьбе мужа. Указанный японский чиновник неожиданно заявил гр-ке Петренко, что он якобы освободил гр. Петренко еще 23 мая, отказавшись сообщить какие-либо дополнительные подробности.

Подобное же заявление о том, что гр. Петренко был якобы освобожден полицией 23 мая, было официально повторено секретарем Дипломатического комиссара в Харбине Генеральному консулу в Харбине гр. Славуцкому. При этом было заявлено, что сообщения полиции жене Петренко на протяжении трех месяцев о том, что гр. Петренко продолжает находиться

под арестом, давались по «тактическим соображениям», так как якобы полиция, освободив гр. Петренко, имела в виду весть за ним негласное наблюдение.

Все указанные выше факты не оставляют сомнений в том, что в действительности гр. Петренко был замучен насмерть.

Соответствующие маньчжурские власти, в частности состоящие у них на службе японцы, а также японская жандармерия в Маньчжоу-Го несут всю ответственность за указанные факты убийства советских граждан в тюрьмах Маньчжоу-Го.

Заявляя по поручению Правительства СССР в связи с изложенным протест Японскому Правительству, Посольство имеет честь обратить внимание на тот факт, что Советское Правительство не может терпеть далее подобного немыслимого ни в одной претендующей на цивилизованность стране зверского обращения с арестованными советскими гражданами и ожидает от Японского Правительства принятия немедленных мер к тому, чтобы этим убийствам был положен конец.

Советское Правительство считает, что Японское Правительство может и должно не только дать соответствующие указания японской жандармерии в Маньчжурии, но и использовать свое влияние на власти в Маньчжоу-Го, правительственный аппарат которого укомплектован в основном из японских подданных, для того чтобы добиться немедленного принятия неоднократно предъявляемых Советским Правительством элементарных требований о производстве расследования и привлечении к строгой ответственности лиц, виновных в убийстве как гр. Петренко, так и поименованных выше других советских граждан.

Печат. по арх.

12. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Великобритании в СССР Чилстону

15 января 1937 г.

Господин Посол,

Подтверждая получение Вашей ноты от 9-го сего месяца, позволяю себе сослаться на следующие два документа.

1. Письмо от 4 декабря 1936 г. Представителя Советского Правительства в Международном комитете по применению соглашения о невмешательстве в испанские дела председателю означенного Комитета, в котором предлагалось распространить обязательство о невмешательстве на посылку в Испанию добровольцев и контроль над соблюдением этого обязательства передать тем же агентам, которым предполагается поручить надзор за прибывающими в Испанию военными материалами*.

* См. т. XIX, док. № 396.

2. Памятную записку от 29 декабря прошлого года, в которой вновь подтверждено согласие Советского Правительства на заключение соглашения между заинтересованными державами о запрещении посылки в Испанию добровольцев и, само собой разумеется, воинских контингентов и выражено желание об установлении возможно ранней даты вступления в силу означенного соглашения и об организации эффективного контроля*.

Мне кажется, таким образом, что означенные документы дают ответ на предложения, заключающиеся в Вашей ноте, и в частности о распространении выработанной Лондонским комитетом схемы контроля на добровольцев и воинские контингенты.

Так как представитель испанских мятежников не дал принципиального согласия на вышеозначенную схему контроля даже в применении к военным материалам, то Советское Правительство в вышеозначенной памятной записке предложило предусмотреть контроль, который мог бы быть осуществлен и без такого согласия. Советское Правительство мыслит себе такой контроль в форме соответствующих мероприятий, принимаемых морскими силами нескольких или всех стран, участвующих в Лондонском комитете.

Ввиду того что на установление любой формы контроля потребуется, вероятно, не менее 10 дней, то Советское Правительство вновь выражает пожелание, чтобы участники соглашения немедленно поручили своим агентам и кораблям в Испании иметь наблюдение за возможным прибытием в Испанию волонтеров или воинских контингентов и сообщать о таких случаях для опубликования во всеобщее сведение.

В заключение считаю нужным отметить, что, по мнению Советского Правительства, односторонние запретительные меры со стороны одних участников Лондонского комитета, в то время как другие участники не только свободны от обязательств, но и фактически продолжают посылать в Испанию воинские контингенты, не только не достигнут желательной цели, но и сведутся к вмешательству в пользу мятежников.

Можно опасаться, что подобные индивидуальные меры могут затруднить в дальнейшем международное сотрудничество, а также осуществление намеченной Лондонским комитетом схемы контроля. Такие меры представляются особенно преждевременными, если учесть, что до сих пор мятежники не дали еще даже принципиального согласия на установление какого бы то ни было контроля, а поддерживающие их правительства не дали ясного и безусловного согласия ни на установление контроля, ни на прекращение посылки в Испанию под названием добровольцев воинских контингентов. По этим

* См. т. XIX, док. № 437.

соображениям Советское Правительство, хотя оно и сейчас не практикует посылки добровольческих отрядов, не считает целесообразным вступать на путь односторонних мероприятий. Примите, господин Посол, уверенно в совершенном моем уважении.

Литвинов

*Печат. по арх. Опубли. в газ. «Известия»
№ 16(6178), 18 января 1937 г.*

В упоминаемой ноте Чилстона от 9 января 1937 г. указывалось, что «из общего содержания ответов, полученных теперь на сообщения, сделанные 24 декабря прошлого года * Правительством СССР, Германии, Италии и Португалии», английское правительство делает вывод о признании ими необходимости приостановить приток иностранных добровольцев в Испанию, решить вопрос о косвенных формах вмешательства и установить эффективную систему контроля, и далее говорилось:

«Что касается установления системы контроля, то Правительства осведомлены, что Комитет по невмешательству выработал схему наблюдения в испанских портах и на сухопутных границах Испании и что эта схема в настоящее время рассматривается обеими сторонами в Испании. Правительству Его Величества представляется, что эта схема без затруднений могла бы быть расширена так, чтобы включить прибытие в Испанию, как по суше, так и морем, добровольцев и военного персонала, а также военных материалов». В ноте выражалась готовность правительства Великобритании рассмотреть и другие предложения по организации контроля.

В ноте было также сказано: «Правительство Его Величества придерживается мнения, что общее желание, выраженное в ответах, полученных от других Правительств, относительно исключения иностранных добровольцев и военного персонала из Испании, оправдывает немедленное принятие каждым Правительством в пределах своей территории запретительных мер, требующихся для этой цели, даже до установления полной системы контроля для Испании». Сообщая о запрещении поданным Великобританией участвовать в войне в Испании, английское правительство выражало надежду на согласие Советского правительства и правительств других стран с указанным предложением.

13. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочиному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

15 января 1937 г.

На Вашу телеграмму от 12 января⁶. Против морского контроля в испанских водах не возражаем. В этом случае надо будет поднять вопрос о прекращении мятежниками задерживания торговых судов **.

Литвинов

Печат. по арх.

* Очевидно, имеется в виду обращение послов Великобритании и Франции в НКВД СССР 27 декабря 1936 г.; см. т. XIX, док. № 432, а также газ. «Известия», 31 декабря 1936 г.

** См. док. № 7.

14. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
15 января 1937 г.*

За последнее время к недовольству и беспокойству финансовых и политических кругов Японии в связи с неудачами во внешней политике правительства и военных прибавилось столь же острое беспокойство за состояние финансов страны. Огромный военный бюджет и связанный с ним неслыханный рост военных заказов, превышающий производственную мощь японской индустрии, и увеличение пассивности торгового и платежного баланса вызвали резкое повышение цен на сырье, а вслед за этим на все остальные товары. Быстрый рост цен начался в декабре прошлого года. По данным Японского банка, из 110 товаров 75 показали в декабре резкое повышение цен и только 9 товаров — снижение. По сравнению с декабрем 1935 г. средний рост выражается в 12%. Рост цен на сталь на 47% в декабре по сравнению с ноябрем повлек за собой рост цен на все металлы, хлопок, шерсть, химикалии, продовольственные товары и др. В январе цены, в особенности на импортные товары, начали испытывать бурный рост. Выросли также розничные цены на предметы первой необходимости примерно на 16—18%, что при одновременном систематическом снижении зарплаты рабочим сильно ухудшает их материальное положение, равно [как] и положение служащих и чиновников. Последние уже требуют повышения жалованья. Кроме того, большое влияние на повышение цен оказывают проекты повышения налогов и пошлин. Буржуазия спешит заранее переложить эту тяжесть на массы путем повышения цен, припрятывания запасов сырья и спекулятивного импорта товаров. Рост товарных цен и общее вздорожание жизни, являясь результатом усиления инфляции и перспектив ее дальнейшего углубления, в свою очередь ускоряют ее темпы и углубляют вредные последствия. Курс иены колеблется. Японское правительство пытается удержать иену на уровне 1 шилл. 2 пенсов, прибегая к всяческим мерам давления и угрозам банкам, продающим иену ниже указанного курса. Недоверие за границей к устойчивости иены и к положению японских финансов вообще привело к спекулятивной игре на нью-йоркской бирже на понижение курса иены, что вынудило «Июкогама спиши бэнк» истратить крупные суммы в валюте на поддержание курса иены, в результате чего валютные резервы банка сильно пострадали, а пассив платежного баланса еще больше вырос. Это тщательно скрывается. Официально сообщается лишь 120 млн. иен пассива в платежном балансе 1936 г. Министерство финансов прибегло ввиду этого к еще

более радикальным мерам регулирования валютных расчетов и ввело 8 января лицензионную систему импортной торговли. Понятно, этот приказ министерства финансов вызвал новое усиление беспокойства в финансовых и политических кругах и дальнейший рост товарных цен.

Оппозиционное настроение к правительству Хирота со стороны широких кругов усиливается. Нападки политических партий и прессы на внешнюю политику кабинета (обвинение в тайной дипломатии, а также в неудачах политики в отношении СССР, Китая и Англии, критика двойной дипломатии — «МИД и военщины», всеобщее недовольство японо-германским договором* и т. д.) выражают не только недовольство внешней, но и всей политикой правительства, идущей на поводу у военщины. Последнее финансовое затруднение, затрагивающее широчайшие слои населения и обостряющее недовольство, дало повод также прямым атакам на финансовую политику кабинета. Однако буржуазные политические партии ведут себя достаточно трусливо. Не исключено, что под напором недовольства масс они проявят некоторое «полевение». Кабинет Хирота несомненно подвергнется нападкам на предстоящей сессии парламента по вопросам дипломатии, бюджета, налогов и т. д., но эти нападки не вырастут в форму прямого столкновения парламента с правительством и военными. По соображениям необходимости сохранения престижа Японии вовне и испытывая страх перед военными, крупнейшие политические партии не решатся на то, чтобы вынести правительству вотум недоверия. Кроме того, эти партии и стоящие за ними круги едва ли хотят во что бы то ни стало свалить кабинет Хирота, ибо они имеют основание опасаться, что в данной обстановке новый кабинет будет более правым, нежели нынешний. Они, надо думать, ограничатся выступлениями, осуждающими внутреннюю и внешнюю политику правительства, поправками к некоторым статьям законопроекта о налоговой реформе, критикой и поправками бюджета**.

Полпред

Печат. по арх.

15. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
16 января 1937 г.*

Сегодня у меня был японский посол в Лондоне Иосида. Предлог для визита он выдумал совершенно нелепый, но просидел около часа и вел разговор на разные политические темы.

* См. т. XVIII, прим. 262.

** См. также док. № 51.

Резко критиковал поведение японской армии и флота, заявляя, что за их глупости («стюпидити») Японии приходится расплачиваться дорогой ценой (как пример привел отказ от подписания морского соглашения *). Германо-японское соглашение ** Иосида также назвал глупостью и выразил надежду, что это последняя глупость, совершенная японским правительством. Намекая на японо-советские отношения, он выразил также надежду, что за глупость германо-японского пакта Японии не придется платить слишком дорого. Иосида подчеркивал, что непомерно раздувшийся бюджет и, как результат, непомерно поднявшиеся налоги скоро отрезвят население и руководящие круги Японии и это создаст предпосылку для более спокойной внешней политики его страны. Иосида сообщил мне, между прочим, что в ближайшем будущем ожидается подписание японо-индийского торгового соглашения — возобновление старого с некоторыми модификациями. Зато с Англией и другими британскими колониями торговые осложнения продолжают, даже усиливаются, однако Иосида давал понять, что в ближайшем будущем могут быть сделаны попытки к ликвидации англо-японского конфликта в торговой области. Иосида намекал, что скоро можно ожидать возобновления японо-китайских переговоров, причем, видимо, одним из главных предметов переговоров будет понижение китайских таможенных тарифов. В общем, у меня осталось впечатление, что Иосида с обычной неуклюжестью вздумал «оживить» японо-советские отношения на лондонском участке, несколько пострадавшие в результате германо-японской авантюры. Не совсем ясно для меня только, является ли это продуктом инструкций из Токио или его собственной инициативой ⁷.

Майский

Печат. по арх.

16. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

16 января 1937 г.

Бейят *** просил передать горячую благодарность Советскому правительству и наркому земледелия Чернову за прием, оказанный хлопковой делегации, и вообще за постоянно внимательное отношение к нуждам иранского сельского хозяйства ****.

* См. т. XIX, прим. 88; газ. «Известия», 17 января 1936 г.

** См. т. XIX, док. № 370, 402.

*** Начальник главного управления сельского хозяйства Ирана.

**** См. также т. XIX, док. № 263, 275.

В разговоре Бейят заявил, что в ближайшее время германские ветеринары в Азербайджане будут заменены иранскими*.

Полпред

Печат. по арх.

17. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Вены

*Немедленно
18 января 1937 г.*

Обсуждаемый в прессе и, вероятно, подсказанный германскими планами вовлечения Гитлера в общеевропейское сотрудничество путем финансово-экономических уступок без политической компенсации надо раскритиковать в «Известиях» или «Правде». Уступки укрепят его режим и лишь повысят его политическую требовательность и агрессивность. Франция уже совершила такую ошибку с Польшей и теперь хочет повторить ее с Германией. Такая политика укрепления агрессоров ничего общего с делом мира не имеет и лишь обескураживает друзей мира. Германии можно помогать, но не раньше, как она даст гарантии миролюбия.

Литвинов

Печат. по арх.

18. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Президентом Чехословакии Бенешем

18 января 1937 г.

На новогоднем приеме 1 января Бенеш по собственной инициативе сказал мне, что в непродолжительном времени он позовет меня для разговора «о ситуации». 18 января я был у него главным образом по этому поводу, а отчасти потому, что высказал его секретарю Кучере желание получить от Бенеша небольшую статью к Пушкинскому юбилею.

Бенеш сразу спросил меня, что у меня нового. Я счел выгодным начать с Пушкина и быстро получил согласие Бенеша на участие в подготавливаемой книжке чехословацких отзывов о Пушкине и на опубликование его статьи в советской прессе. Бенеш, несмотря на это, не перешел сам, по своему обыкновению, на разговор о международной ситуации, а продолжал спрашивать, что я могу сказать ему, что особо привлекает сейчас мое внимание. Тогда я решил, что будет правильно понудить его говорить сначала о Чехословакии и одновремен-

* См. т. XIX, док. № 368.

но высказать ему некоторое неудовольствие, вызываемое поведением аграрной партии.

Я сказал Бенешу, что я лично достаточно знаю внутреннюю чехословацкую кухню, для того чтобы не поддаваться влиянию фразы и различать между государственными и партийными интересами отдельных элементов, из которых складывается внутренняя и внешняя политика Чехословакии. Однако последние полгода меня все же беспокоит упорное требование ревизии чехословацкой внешней политики, выдвигаемое крупнейшей партией коалиции, и явная склонность аграриев ввести партию Генлейна в состав коалиции. При всем доверии к курсу Бенеша и министра иностранных дел я не могу закрывать на это глаза и вынужден обратить внимание Бенеша на то, что кампания аграрной партии не может и не остается без влияния на настроение как в самой Чехословакии, так и за ее границами, не исключая и Москвы.

На это Бенеш очень подробно стал рассказывать мне о том, что представляет собой аграрная партия в прошлом и настоящем. Между прочим, он прямо говорил, что эта партия кулацкая, а для кулаков их земельные участки дороже государства и родины. Сенатор Брани потому так хлопочет о соглашении с гитлеровской Германией, что он купил большое поместье на саксонской границе и для него важнее гарантировать это владение и на будущее, чем сохранить независимую Чехословакию. Бенеш несколько раз и в разных вариациях возвращался к утверждению, что аграрная партия ведет политику «цвай эйзен им фойер»*, что вытекает из ее кулацкой природы и исторического прошлого чехов под чужой властью. Это печально, но это факт. Отсюда у Бенеша вытекал только один вывод: терпеливо относиться к аграрным крикам и не бояться колебаний в чехословацкой политике в целом. Он заявлял в решительной форме, что до тех пор, пока он остается президентом, он не допустит какой бы то ни было «диктатуры меньшинства», а в частности, не допустит «коалиции без социалистов». Фактические возможности (махтмиттель) у него для этого имеются. С другой стороны, Бенеш заверял, что аграрная партия фактически находится в дефензиве с момента избрания Бенеша президентом и аграрные крики объясняются также и тем, что Бенеш уже отобрал у них ряд выигранных позиций и продолжает отбирать. Аграрии будут кричать тем больше, чем больше будет внешняя (германская) опасность и чем больше позиций будет отбирать Бенеш. В качестве частного примера Бенеш сослался на то, что он уже прибрал к рукам армию и военный министр Махник вынужден держать себя лояльно.

* — «двойного прицела» (нем.).

Я решил воспользоваться моментом и осторожно выразил сомнение в том, чтобы Махник был действительно полноценным проводником идей Бенеша в армии. Я этого что-то не замечаю. Бенеш спросил, есть ли у меня что-нибудь конкретное, чем питаются мои сомнения. Он будет благодарен, если я откровенно скажу ему. Я ответил, что не собираюсь жаловаться на Махника хотя бы только потому, что он у меня никогда не бывал, да и мой военный атташе не чувствует участия Махника в занимающих его вопросах. Мы просто далеки с Махником, и поэтому я не могу позволить себе суждение о том, насколько Махник отражает в этом направлении линию Бенеша. С чехословацким генералитетом я встречаюсь довольно часто, и меня при этом не покидает чувство, что господа генералы не совсем уверены в том, что они могут говорить и делать, а чего нет.

Бенеш на это ответил сначала тем, что без оговорок признал «трудность положения генералов», на которых, конечно, влияет то обстоятельство, что военный министр является экспонированным членом аграрной партии. Генералы — не политики и не должны быть политиками, а Махник не может не быть политиком. Это большой недостаток, но на данном этапе он еще неустраним. Пока достаточно того, что Махник все-таки приведен в состояние лояльности к президенту республики, за что тоже пришлось бороться. Надо постепенно двигаться по этому пути. А если бы тем временем «что-нибудь случилось, главнокомандующим чехословацкой армией являюсь я», — довольно торжественно заключил Бенеш.

Исходя из этого, Бенеш по собственной инициативе заявил, что он придает громадное значение практическому сотрудничеству с СССР. Особое значение он придает тому, что Чехословакия получает теперь советские скоростные бомбовозы и техническую помощь. Подчеркиваю, что это было сказано Бенешем абсолютно точно и ясно. Даже больше, в пояснение Бенеш тоже достаточно ясно сказал, что нужна заблаговременная подготовка нашей базы в Чехословакии. Нельзя было ошибиться в том, что он как бы считается с той возможностью, что в случае военного столкновения на скоростных бомбовозах Чехословакии будут летать и советские летчики. Дальше Бенеш тоже совершенно ясно сказал, что он знает трудности, встретившиеся на пути дела получения нами от заводов «Шкода» пушки⁸. Трудности будут устранены. Я воспользовался этим для того, чтобы несколько пожаловаться на историю этой пушки и на то, что в технической области у нас встречаются затруднения, в результате которых, например, помощник военного атташе сидит у меня почти безработно. Бенеш на это выразительно повторил, что вопрос с пушкой можно считать исчерпанным, он уже приказал

(Бенеш поставил ударение на «приказал») соответствующим генералам удовлетворить все наши пожелания.

В связи с этим Бенеш еще раз подчеркнул, что придает громадное значение «подготовке практических предпосылок» для дальнейшего уточнения обязательств, вытекающих из нашего договора о взаимной помощи*. Ему известно, что в ответ на некоторые вопросы с нашей стороны было сказано, что об этом нужно разговаривать от правительства к правительству. Я подтвердил, что, по моему мнению, эта тема не для ведомственных разговоров. Бенеш соглашался вообще, но вместе с этим сослался на контакт с II отделом генерального штаба, на скоростные бомбовозы и на пушку, считая, что центр тяжести сейчас лежит именно в такого рода вопросах. На первом месте сейчас, по его мнению, стоит вопрос «об унификации военных полуфабрикатов». Бенеш буквально так и выразился, не уточняя дальнейшего. Он говорил, повторяя несколько раз, что придает этому большое значение и что именно такого рода соглашения должны предшествовать разговорам, которые позже произойдут, по-являю, дипломатическим путем от правительства к правительству. Без всякого поощрения Бенеш затем сказал, что в данный момент чехословацкие внутривластические условия не позволяют ставить вопрос о заключении формальных соглашений.

В связи со всем предыдущим из этого для меня было абсолютно ясно, что Бенеш связан отрицательным отношением аграрной партии к дальнейшему сближению с нами. Бенеш использовал эту свою оговорку для того, чтобы довольно подробно доказывать, что было бы ошибкой бездейственно дожидаться момента для разговоров от правительства к правительству и не использовать тем временем ведомственного пути для практического выяснения практических же возможностей для военного сотрудничества.

Поскольку Бенеш снова говорил о внутривластических условиях, я для проверки еще раз высказал сомнение в том, что аграрная кампания против Бенеша и его внешней политики так уж безобидна, как это представляет Бенеш. Бенеш категорически заверял, что аграрная партия находится в дефензиве и не имеет никаких перспектив навязать Бенешу что-нибудь серьезное, с чем он не был бы согласен сам. Поскольку я намекнул на Годжу**, Бенеш в определенной форме отметил, что «Венков» ни в какой мере не является органом Годжи. Последний целиком разделяет как внутривластическую, так и внешнеполитическую линию Бенеша. Бенеш утверждал, что Годжа теперь пользуется полной поддержкой всех коалиционных партий, кроме своей собственной — аграр-

* См. т. XVIII, док. № 223.

** Председатель совета министров Чехословакии; см. также док. № 47.

ной партии. Вождь аграриев Беран спит и во сне видит, как он уничтожает Годжу. Правое крыло аграриев работает больше всего над изоляцией Годжи именно потому, что Годжа целиком идет с Бенешем. Такие отношения не могут побудить Годжу отойти от линии Бенеша, ибо теперь все равно Годжа не найдет большинства в аграрной партии, а его собственное меньшинство (словацкое) не покинет Годжу и в дальнейшем.

Лишь после этого длительного, почти полуторачасового, разговора Бенеш приступил по своему обыкновению к международному обзору. Здесь его оценки были всегдашнего сверхоптимистического характера: Германия не в состоянии воевать в 1937 г. из-за материальной неподготовленности и особенно из-за отсутствия кадров, не столько офицерских, сколько летных; Англия медленно, но верно идет по пути сотрудничества с Францией и ее отношение к СССР улучшается. По собственной инициативе Бенеш отметил усиление попыток добиться изоляции СССР от европейских дел, но выразил уверенность, что это не удастся. Я обратил внимание Бенеша на разговоры о «блоке нейтральных» от Балтийского до Черного моря. Бенеш в определенной форме заявил, что это — «стupidность»* и такой блок не имеет смысла ни при каких условиях. Я усилил, сказав, что такой блок открывал бы дорогу для любого агрессора на юго-восток Европы или в Прибалтику, поскольку эти участки Европы не были бы защищены, но в то же время представляли бы собой, в известных условиях, достаточный объект для временного удовлетворения агрессивных appetитов нападающего. Бенеш был вполне согласен и с этой точкой зрения, подчеркивал значение роли Малой Антанты. Это дало мне основание спросить его о Румынии. Бенеш уверял, что никакой перемены курса в Румынии он не ожидает. Румыния очень довольна чехословацко-советскими взаимоотношениями и чувствует себя уверенной в ее нынешнем положении. Когда я заговорил о Югославии, Бенеш уклонился от моих намеков по поводу возможной его поездки в Белград и начал говорить о том, что Югославия чувствует себя в несколько затруднительном положении и пытается кокетничать как с Германией, так и с Италией. Некоторые колебания в югославской политике налицо, но уже сегодня, когда мы говорим, Югославия переживает крупное разочарование. Поездка Геринга в Рим — большая неприятность для Югославии. Недалеко то время, когда Югославия увидит, что и с Италией бесполезно кокетничать. Надо надеяться на то, что линия поведения Югославии скоро выровняется. Югославо-болгарское соглашение Бенеш приветствовал в казенных выражениях. Он не отрицал, что это соглашение вызвало волнение в Румынии, но вместе с этим

* — «глупость» (от фр.).

доказывал, что этот шаг был неизбежен и у Румынии нет оснований для беспокойства. Югославо-болгарское соглашение, дескать, сближает Болгарию с Малой Антантой и, следовательно, полезно Румынии. Бенеш не соглашался с тем, что от этого акта страдает значение Балканской Антанты.

По поводу испанских событий Бенеш выражал удовлетворение позицией и поведением СССР. Очень неопределенно он высказывал убеждение, что вопрос будет благополучно решен. Заслуживает внимания предположение Бенеша, высказанное явно в зондажном порядке, а именно, что, может быть, удастся разделить Испанию на две «сферы влияния» — мадридскую и бургосскую. Я высказал большое сомнение, и Бенеш сам развил мысль, что это практически недостижимая вещь, поскольку в Испании восстал народ и борется с явным меньшинством, которому он не подчинится, даже если правительства о чем-нибудь подобном и договорятся. Доказательство тому — беспрерывные восстания в тылу генерала Франко.

Кто-то давно уже ждал приема у Бенеша (кажется, английский посланник), и поэтому мне не удалось расспросить Бенеша о состоянии переговоров о малоантантовском пакте о взаимной помощи.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

19. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Премьер-Министром Греции Метаксасом *

18 января 1937 г.

Вчера на обеде у Метаксаса я говорил ему о том, что срок нашей торговой конвенции ** уже истек, а наш торгпред никак не может начать переговоры о новой конвенции, так как представители министерства национальной экономики ссылаются на то, что у них нет инструкций от Метаксаса. Метаксас обещал подтолкнуть это дело, причем намекнул, что никаких требований или пожеланий у него в этом вопросе нет. На мой вопрос о югославо-болгарском соглашении Метаксас ответил, что Балканская Антанта остается неизменной и поэтому данное соглашение означает лишь шаг к сближению Болгарии с Балканской Антантой, а это в свою очередь укрепляет дело мира. Сейчас же самым важным вопросом мировой политики является борьба с опасностью войны. Затем Метаксас в очень хвастливым тоне стал говорить о своих внутренних достижениях: безработица уменьшилась вдвое — до 4 августа в

* Из дневника М. В. Кобецкого за период с 11 по 23 января 1937 г.

** См. т. XII, док. № 193; т. XIX, док. № 13, а также док. № 54 настоящего тома.

Греции было 150 тыс. безработных, сейчас около 70-ти; вместо оливкового масла, вздорожавшего вследствие плохого урожая оливы, начали изготавливать прекрасное масло из табачных семян, которые раньше выбрасывались. Македонские крестьяне продают теперь табачные семена по 4 драхмы ока и уже заработали на этом 4 млн. драхм. Вообще правительство занято организацией использования естественных богатств Греции, которая, «как оказывается, может прокормить еще 4 млн. населения». Всеми этими рассказами он произвел на меня чрезвычайно самонадеянное и несерьезное впечатление.

М. Кобецкий

Печат. по арх.

20. Запись беседы Поликомочного Представителя СССР во Франции с Государственным Министром Франции Шотаном *

19 января 1937 г.

Беседа происходила 19 января за обедом в доме главного редактора «Пти журнал» Малле. Встреча Шотана с полпредом была устроена согласно личному желанию бывшего председателя совета министров. Последний воспользовался этим случаем, чтобы побеседовать с полпредом о некоторых политических вопросах.

Шотан осведомился у полпреда, в какой мере соответствует действительности обошедшая все газеты телеграмма Уик **, сообщающая о возможности пересмотра Советским правительством франко-советского пакта, заключенного якобы при более благоприятном международном положении Франции, но в настоящее время, когда это положение ухудшилось, представляющегося для СССР несколько обременительным. При этом Шотан дал понять, что телеграмму Уик он считает инспирированной и что ее широкое распространение объясняется заинтересованностью Советского правительства в возможно большей ее огласке.

Полпред ответил, что ему неизвестны намерения Советского правительства, о которых сообщает телеграмма Уик. Что касается разочарования СССР во франко-советском пакте, то и на этот счет к сообщению Уик необходимо отнестись с известной осторожностью. Несомненно, что затянущаяся ратификация пакта, произведенная притом же не президентом республики, как обычно, а парламентом, сопровождавшаяся дискуссией, затрагивавшей порою достоинство СССР и весьма деликатные стороны франко-советских отношений, а

* С 22 июня 1937 г. председатель совета министров Франции.

** См. газ. «Известия», 16 января 1937 г.

также превращение франко-советского договора в орудие внутренней борьбы французских политических групп, что продолжается и поныне, наконец, не всегда достаточно твердая защита пакта от врагов франко-советского сотрудничества не соответствовали ожиданиям, которые общественное мнение СССР связывало с этим договором*. Тем не менее ничто не дает основания утверждать, будто правительство СССР готово аннулировать это соглашение. Напротив, для СССР франко-советский пакт остается одной из существеннейших гарантий общего мира в Европе.

Шотан ответил, что он с большим удовлетворением принимает к сведению объяснения, данные ему полпредом. Сам Шотан является убежденным сторонником франко-советского сотрудничества. Он полагает, что у полпреда не может быть сомнений в искренности этого заявления, но у Шотана имеется такое впечатление, что правительство СССР желало бы скорейшей реализации франко-советского пакта в смысле установления технического контакта между генеральными штабами обоих государств. Так как до сих пор этого сделать не удалось, в Москве, как слышал Шотан, существует по этому поводу известное недовольство.

Полпред заметил Шотану, что впервые мысль о необходимости упомянутого Шотаном контакта между французским и советским генеральными штабами была высказана Лавалем во время его визита в Москву**. Полпред присутствовал при разговоре Лавалья с руководителями правительства СССР и лично переводил реплики, которыми обменивались обе стороны. Когда Лаваль поставил вопрос о сотрудничестве генеральных штабов, он получил ответ, что правительство СССР не возражает. Однако по возвращении в Париж Лаваль не сделал практического вывода из упомянутого разговора и даже не счел нужным информировать о нем французский генеральный штаб. В этом полпред убедился из своих разговоров с генералом Гамеленом и генералом Жоржем. Можно сказать, что дело, о котором говорил Лаваль в Москве, до сих пор не сдвинулось с места. Не следует думать, что правительство СССР огорчено или встревожено таким положением. В конце концов, его экономическая и военная мощь достаточна, чтобы он мог собственными силами отразить любое eventualное нападение. Что касается Франции, то она, несомненно, заинтересована иметь союзников на случай вооруженного столкновения с такими соседями, как Германия или Италия. В данный момент положение ее не может не внушать известного беспокойства. Опасность приближается все более и более к ее границам, а пассивность и нерешительность ее

* См. т. XVIII, док. № 316, 421; т. XIX, док. № 51, 52, 68, 74, 84.

** См. т. XVIII, док. № 224, 289; т. XIX, док. № 350, а также прим. 31 настоящего тома.

международной политике обескураживают ее друзей и содействуют разложению в их лагере. Последнюю мысль полпред иллюстрировал конкретными примерами, имеющими отношение к Чехословакии, Румынии, Югославии, Бельгии, Польше и другим странам.

Шотан ответил, что признает справедливость многих мыслей, высказанных полпредом. В частности, он полностью согласен с тем, что Лаваль должен был немедленно ратифицировать пакт и не делать его объектом неуместной и порою оскорбительной для СССР дискуссии. Что касается реализации пакта в области военной, то, по мнению Шотана, при всей ее желательности она может представить и некоторую опасность. Не исключено, что Германия и Италия сочли бы военный контакт между Францией и СССР прямым доказательством готовящегося против них вооруженного выступления. На это они могли бы ответить превентивной войной. Последствия такого конфликта были бы поистине катастрофическими, ибо и Франция, и Англия, и Польша, и, наконец, самому СССР необходимо еще некоторое время до приведения своих вооруженных сил в полную боевую готовность. К этому надо добавить, что Англия, с которой в последнее время у Франции установился самый тесный и дружественный контакт, едва ли одобрила бы немедленное установление технического сотрудничества генеральных штабов Франции и СССР.

Полпред возразил, что, отнюдь не настаивая на необходимости форсировать военное сотрудничество СССР и Франции, он тем не менее считает ошибочной усвоенную французским правительством привычку все время оглядываться на Германию в ожидании ее выступления и подчинять свою внешнюю политику указаниям Лондона. Полпред держится такого мнения, что именно твердость и решительность являются единственным средством воздействия на Германию. Доказательством этого может служить, между прочим, явное отступление Гитлера в вопросе об Испанском Марокко* после решения Франции и Англии послать в Средиземное море свои морские силы и после соответствующего предупреждения, сделанного Берлину французским правительством через германского посла в Париже. Советскому Союзу не раз приходилось встречаться с угрозой и даже прямыми наскоками со стороны враждебных ему соседних государств. Достаточно напомнить пример Японии. Стоило ответить на эти наскоки решительным отпором, чтобы противник ретировался, поняв, что напугать СССР ему не удастся. Твердость и независимость политики Франции внушили бы должное уважение и Великобритании. В настоящее же время, видя, что Франция каждую свою акцию спешит согласовать с Лондоном, англичане все больше

* См. док. № 9; газ. «Известия», 10 января 1937 г.

привыкают к такому положению, приобретают вкус к командованию и порою не только не считаются с мнением Францини, но бесцеремонно ставят ее перед совершившимся фактом. В качестве иллюстрации можно сослаться, например, на последнее англо-итальянское соглашение, оставившее Францию совершенно в стороне*.

Шотан вновь заметил, что готов согласиться с некоторыми доводами полпреда. В частности, он не может отрицать, что англо-итальянское средиземноморское соглашение явилось ударом по международному престижу Францини. Шотан должен признаться, что считает неудачным то заявление, которое было сделано Дельбосом по поводу упомянутого соглашения представителям печати. Но и Франция, и Англия заинтересованы в том, чтобы отсрочить момент вооруженного конфликта с Германией. В данное время они к нему недостаточно подготовлены.

Эту мысль Шотана поддержал присутствовавший при разговоре Жан Зей**.

Полпред возразил, что Германия, со своей стороны, еще более заинтересована в том, чтобы выиграть время и поднять свои вооруженные силы до надлежащего уровня. По компетентным свидетельствам, большой ошибкой является преувеличенная оценка экономической прочности и военного оснащения гитлеровской Германии. Как и Италия, она тем чаще прибегает к тактике блефа, чем больше убеждается в эффективности этого метода, деморализующего даже сильнее, в сравнении с самой Германией, европейские страны.

Дальнейшая беседа относилась к внутреннему положению таких стран, как Югославия, Польша, Румыния, и к деятельности Стоядиновича, Цанкова, Бека*** и др. В частности, полпред осветил опасную для Франции и для мира сторону болгаро-югославского сближения, осуществляемого при активном содействии Германии.

В заключение беседы Шотан выразил полпреду свое удовлетворение по поводу состоявшегося обмена мнениями и просил продолжать этот контакт и впредь. Прощаясь, он заявил, что внимательно следит за строительством СССР и очень желал бы посетить нашу страну в недалеком будущем⁹. Между прочим, Шотан осведомился, нельзя ли совершить путешествие по СССР на автомобиле.

Вл. Потемкин

Печат. по арх.

* См. док. № 1, 2.

** Министр просвещения Франции.

*** Соответственно председатель совета министров Югославии, лидер болгарской фашистской партии «национально-социальное движение», министр иностранных дел Польши.

21. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Заместителем Министра Иностранных Дел Японии Хориноути *

19 января 1937 г.

Я и т. Родов (в связи с болезнью т. Клетного) ** у вице-министра иностранных дел Хориноути.

После обычного введения в серьезный разговор мною было сделано от имени Советского правительства следующее заявление:

«За последнее время имел место ряд случаев явно умышленного и провокационного нарушения границы СССР со стороны Маньчжурии.

Мною уже был заявлен протест ¹⁰ против обстрела советских пограничников, находившихся на территории СССР, группой японо-маньчжурских солдат 4 января, которые, расположившись у пограничного знака № 17, производили стрельбу из пулемета и вбиток через линию границы. Еще ранее, 26 декабря, граница СССР была нарушена в этом же пункте группой японо-маньчжурских солдат, углубившихся на территорию СССР на 1 км и тоже производивших стрельбу из пулемета. 30 декабря группа из пяти человек японо-маньчжурских солдат два раза нарушила границу СССР в районе сел. Абагайтуй, углубившись на территорию СССР до 200 м, причем в тылу нарушителей на маньчжурской территории оставалась засада численностью около 9 человек. 27 декабря японо-маньчжурский пассажирский самолет, появившийся в районе, отдаленном от обычных линий воздушного сообщения, близ г. Оупу, нарушил границу СССР, пролетев над территорией СССР 12 км с углублением до 5 км.

Одновременно с этими провокационными нарушениями границы СССР в японо-маньчжурской прессе опубликованы заведомо лживые сообщения, со ссылкой на официальные заявления штаба Квайтунской армии, с обвинениями советской пограничной охраны в том, что якобы советские пограничники 4 января нарушили маньчжурскую территорию в районе пограничного знака № 17 и вынуждены были затем отступить в результате боя. Маньчжурские власти на основании этого вымышленного сообщения позволили себе даже заявить протест советскому Генеральному консулу в Харбине. Также беспочвенны и лишены всякого основания распространяемые со ссылкой на квайтунский штаб сообщения о других нарушениях границы, якобы произведенных советскими пограничниками.

Советское Правительство считает необходимым обратить серьезное внимание Японского Правительства на приведенные факты, поскольку в прошлом уже имели место случаи,

* Из дневника К. К. Юренина за период с 19 по 30 января 1937 г.

** Соответственно атташе и драгоман подпредства СССР в Японии.

когда выдуманные клеветнические сообщения о нарушениях границы советскими пограничниками, о залетах пуль с советской территории оказывались подготовкой к серьезным нарушениям советской границы, сопровождавшимся действительными столкновениями красноармейцев с вторгнувшимися на советскую территорию нарушителями. Советское Правительство ожидает, что Японское Правительство примет немедленно меры к расследованию всех приведенных выше случаев и примет наконец нужные меры к тому, чтобы на границе поддерживались мир и спокойствие и чтобы лица, виновные в нарушении границы, не имели возможности безнаказанно продолжать свою преступную и опасную для дела мира деятельность».

Хорин ути. Затрагиваете ли Вы в первый раз события, которые Вы перечислили в заявлении?

Юрнев. Относительно некоторых инцидентов были сделаны представления раньше, но тут имеются и новые случаи.

Хорин ути. Следовательно, Вы хотите сегодня повториться?

Юрнев. Нет. Сегодняшнее заявление излагает целый комплекс фактов, и, поскольку мы не получили до сих пор удовлетворительного ответа, мое правительство считает нужным обратить самое серьезное внимание японского правительства на эти нарушения границы, а также на поведение штаба Квантунской армии, который распространяет разные клеветнические сообщения про нашу пограничную охрану.

Хорин ути. Я плохо помню перечисленные сегодня инциденты, но знаю, что в конце прошлого года на границе имели место разные события. По сообщениям, которые мы имели в свое время из Маньчжурии, во всех этих случаях нападающей стороной были советские отряды. Хотя Вы повторяете протесты, но я не могу признать все эти факты правильными.

Могу сказать, что японская армия, находящаяся в Маньчжурии, имеет распоряжение исполнять свои обязанности по обороне границы в духе поддержания спокойствия на границе. Поэтому я не могу верить, что она поступает провокационным образом, как об этом говорилось в заявлении г. посла. Мы думаем, что основное в данном случае заключается в том, чтобы те комиссии (по редемаркации и по урегулированию конфликтов), о которых г. посол говорил так много с г. министром Арита*, были созданы, начали свою работу и предупредили могущие возникнуть новые события, а в случае возникновения событий эти комиссии занялись бы мирным улажением этих событий. Я считаю, что это было бы самым подходящим. По поводу создания этих комиссий имело место сближение точек зрения обеих сторон, и оставались только 2—3 пункта, по которым, как мне кажется, советская сторона должна была сде-

* См. т. XIX, прим. 235.

лать свои предложения. Поэтому я считал бы самым желательным, чтобы г. посол приложил свои усилия в этом направлении.

Ю р е н е в. Я глубоко сожалею, что г. Хориноути так просто, категорически и уверенно отрицает все факты. Это можно отнести к категории печальных фактов. Я думаю, что дискуссия по этому поводу бессцельна. Мое заявление, сделанное от имени моего правительства, остается в силе, и я его полностью поддерживаю. Что касается пограничных комиссий, то, как известно, имеются два основных вопроса, мешающие делу. Это, во-первых, вопрос о гарантировании мира и спокойствия на границах, установленных Пекинским и Мукденским договорами *, и, во-вторых, вопрос о составе комиссий. С г. Аригта мы говорили об этом неоднократно (последняя наша беседа состоялась 16 декабря). Наша позиция совершенно ясна, и наши требования вполне естественны. Границы не могут быть подвергнуты сомнению, но это не озиачает, что мы против редемаркации. Слово не за нами.

Но во всяком случае, до всяких комиссий необходимо, чтобы штаб Квантунской армии со всей решительностью контролировал свои войска и не давал информации, извращающей факты. Мое сегодняшнее заявление направлено как против фактов, возникших по вине японской стороны, так и против тактики искажения этих фактов и распространения лживых сведений со стороны штаба Квантунской армии.

Х о р и н о у т и. Информация, которую мы имеем, является обратной той, которой Вы располагаете, и мы никак не можем верить, что Квантунская армия дает неправильную информацию своему правительству или дает клеветническую информацию в газеты.

И Вы, и мы будем ссылаться каждый на свою информацию. Таким образом, действительно бесполезно дискутировать здесь по этому поводу. Я снова повторяю, что основным средством разрешения таких вопросов является создание комиссий. В данном случае надо ускорить те переговоры, которые имели место. Я заранее не мог знать, по какому делу Вы заедете сегодня к нам, так что не имел возможности подробно совещаться с г. министром Аригта, но если Советское правительство также стоит за ускорение переговоров о комиссиях, то я думаю, что г. министр мог бы (хотя и он будет весьма занят по случаю сессии парламента), однако, поговорить с Вами. Желательно ускорение переговоров о пограничных комиссиях.

Ю р е н е в. То, что я сообщил сегодня,— это результат самых точных данных. У нас имеется самый точный контроль над армией, она никогда не переходила границы; затем, как Вам,

* См. т. VII, док. № 156, 222.

вероятно, известно, те потери, которые имелись в результате столкновений, были на нашей территории. Но я не хотел бы углублять разговор именно на этой проблеме. Заслуживает сожаления, что вице-министр отрицает явный факт.

Что же касается пограничных комиссий, то (несколько иронически) инициатива, проявленная г. Хориноути, заслуживает интереса. Мы не можем делать уступок в отношении тех требований, которые предъявили в отношении состава комиссий и гарантирования мира и спокойствия на существующих границах.

У меня нет никакой особой информации из Москвы по затронутому г. Хориноути вопросу. Мы сделали достаточно большие уступки, и те препятствия, которые остаются, должны быть устранены японской стороной.

Хориноути. Я уже говорил о том, что информация, которой Вы располагаете, отличается от нашей. Таким образом, я не в состоянии признать правильными перечисленные Вами сегодня факты. Но тут имеются такие инциденты, в отношении которых Вы нам присылали ноту; по этим пунктам будут даны ответы после соответствующего выяснения. Я приветствую то, что г. посол за ускорение переговоров о создании комиссий, и считаю, что вместо ведения дискуссии о прошлых конфликтах лучше было бы ускорить создание пограничных комиссий, которые могли бы предупредить возникновение пограничных конфликтов.

Юрениев. Должен снова повторить, что моя информация верна, и не стоит больше повторяться об этом. Должен заявить, что я не сказал, что я за ускорение создания комиссий, но я не сказал, что мы против этого. Мы за то, чтобы японская сторона признала наши два требования — о спокойствии на границах и о составе комиссий. Слово за министром и вице-министром. Мы идем, так сказать, «нормальной скоростью», и дальнейшее ускорение зависит от состояния «путей», а тут уже дело за японской стороной.

Хориноути. По каждому вопросу нужны взаимные старания, ибо усилия одной стороны недостаточны, и надо говорить вполне откровенно и по душам, а не только для «спасения лица».

Юрениев. Я всегда за то, чтобы говорить прямо и откровенно. Мое мнение Вам известно, сверх этого ничего сказать не могу. Могу полутно сообщить г. вице-министру одну новость, а именно: я имею предписание от своего правительства выехать в Москву для доклада. Я собираюсь выехать 5 февраля.

Хориноути. Я хотел бы, чтобы Ваша поездка в Москву стала поворотным пунктом улучшения отношений наших стран, и пожелаю Вам быстрее возвращения, (улыбаясь многозначительно) подарок привезите нам.

Ю р е н е в. Когда едешь куда-либо, то следовало бы привезти какой-то подарок отсюда, но, к сожалению, я не имею никаких подарков. В моем багаже, правда, есть один подарок «тяжелого веса». Я имею в виду японо-германское соглашение*. Вообще проблема подарков очень сложна. Думаю, что вернусь сюда через два месяца. Прошу не обижать мою семью, которая остается здесь.

Х о р и н о у т н. В чем ее обижают?

Ю р е н е в. Тем, что не только за мной, но и за моей женой и маленьким сыном происходит самая беззастенчивая слежка полицейскими агентами.

Х о р и н о у т н. (не реагируя на это заявление). Раз семья Ваша остается, то, надо полагать, Вы скоро приедете и привезете подарки.

Ю р е н е в. Личные подарки с удовольствием привезу.

Х о р и н о у т н. Мы злоупотребляли до сих пор Вашими личными подарками, так что лучше было бы получить официальные подарки. Кстати, благодарю Вас за Ваш новогодний подарок. Я очень тронут.

Ю р е н е в. Это доставляет мне большое удовольствие.

К. Юрнев

Печат. по арх.

22. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР**

*Немедленно
20 января 1937 г.*

Ряд источников подтверждают, что одним из главных пунктов беседы Муссолини и Геринга*** был испанский вопрос. Геринг настаивал на необходимости немедленно бросить в Испанию регулярные войска, ссылаясь на доклад германского поверенного в делах в Бургосе о затруднениях Франко, требующего для обеспечения полной победы 80 тыс. солдат. Геринг считал, что самым правильным будет поставить Европу перед совершившимся фактом. Муссолини воспротивился этому плану, предложил фашистам максимально усилить сейчас отpravку, затянуть на это время, до 24—25-го, ответ на английское предложение****, а затем, когда достаточно сил будет на месте или в пути, принять английское предложение. Эту информацию подтвердил сегодня нашему советнику английский поверенный в делах Инграм, добавивший, что, по донесению

* См. т. XIX, док. № 370, 402.

** Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Женеву.

*** См. газ. «Известия», 18—20 января 1937 г.

**** См. стр. 33.

консула, в последние дни явно в Испанию ушли из Неаполя все груженные солдатами пароходы. Инграм сообщил также, что в беседе с Друммондом * 16-го Чиано ** сказал для передачи Идену, что Италия надеется через неделю дать положительный ответ на английское предложение и что уже приступлено к «выработке текста декрета, запрещающего посылку волонтеров в Испанию». Последнему заявлению придавал большое значение Друммонд. Он, видимо, убедил Чиано в важности подобной декларации для успокоения английского правительства.

Касаясь других политических вопросов, обсужденных Герингом и Муссолини, Инграм и другие наши собеседники называли итало-английское соглашение ***, по каждому пункту которого Геринг просил толкований и информации Муссолини. Все сходится на том, что Германия, в согласии с Италией, будет всячески стремиться договориться с Англией, с тем чтобы добиться создания треугольника Берлин — Рим — Лондон. Несомненно также антисоветская целеустремленность римской беседы, достаточно ярко выраженная в последнем интервью Муссолини и Геринга. Хотя Инграм и не подтвердил, что Италия и Германия сговорились потребовать поручить осуществление контроля по испанскому вопросу четырем великим державам без СССР, и отрицал, что подобная мысль высказывалась Чиано в беседе с Друммондом, однако версия эта кажется достаточно правдоподобной. О военно-технической взаимопомощи и экономических вопросах, обсужденных Герингом и Муссолини, сообщу диппочтой ¹¹.

Штейн

Печат. по арх.

23. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

20 января 1937 г.

По вопросу воздушных переговоров **** видел Татареску, замещающего сейчас Литоеску *****. Татареску со своей стороны изъявил свое полное согласие на ведение переговоров в Москве обычным дипломатическим порядком с привлечением экспертов. Обещал переговорить с Ирмеску, новым министром авиации, и через пару дней официально сообщить результаты. Пользуясь этим, премьер завел свою волюнку о развитии дружественных отношений между нашими странами, «так как мы сейчас находимся на одной стороне

* Посол Великобритании в Италии.

** Министр иностранных дел Италии.

*** См. док. № 1, 2.

**** См. т. XIX, прим. 99.

***** Соответственно премьер-министр и министр иностранных дел Румынии.

баррикады». Татареску резко отозвался о концепции «нейтралитета», называя ее «продуктом интегрального кретинизма». Я обратил внимание премьера, как генерального секретаря либеральной партии, на поведение либеральной прессы, которая идет вразрез с утверждениями премьера. Татареску сослался на пережитки старого, от которых еще не совсем освободилось румынское общественное мнение, и в частности молодежь либеральной партии, но обещал принять меры. Татареску добавил, что правительство и партия «всеми мерами пропагандируют в массах идею дружбы с Советами и эта пропаганда дает результаты». Я выразил сожаление, что действия властей, недостаточно осведомленных, очевидно, о намерениях и работе правительства, мешают этой работе, и в качестве примера указал на частые конфискации «Известий» и жестокость цензуры*. Татареску записал, обещал срочно расследовать и добавил, что главной задачей наших правительств является рост и укрепление взаимного доверия. Согласившись в принципе с определением премьера текущих задач, лежащих на наших правительствах, я выразил сожаление по поводу того, что не все внешнеполитические инициативы румынского правительства за последнее время, равно как не все его внутривнутриполитические акции, способствуют укреплению доверия Москвы. Татареску сказал, что он знает, на что намекаю, и отложил окончание разговора на 28 января**.

Островский

Печат. по арх.

24. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому***

21 января 1937 г.

Желательно иметь более подробную информацию о переговорах Ренсимена**** в Вашингтоне¹², в частности, насколько правильны сообщения печати, что переговоры касаются: а) долгового вопроса, б) созыва новой мировой экономической конференции, в) экономической помощи Германии, очевидно в форме предоставления займа без всяких политических гарантий, г) условий присоединения Германии и Италии к тройственному финансовому соглашению*****.

Крестинский

Печат. по арх.

* См. также док. № 55.

** Документов о продолжении беседы в архиве не обнаружено.

*** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Великобритании.

**** Министр торговли Великобритании; см. док. № 34.

***** — между США, Англией и Францией; см. газ. «Известия», 27 сентября 1936 г.

25. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии
К. К. Юреневу

21 января 1937 г.

Уважаемый Константин Константинович,

Я не отвечаю подробно на Ваши письма, полученные с последним курьером, так как рассчитываю по большинству из них переговорить с Вами лично после предстоящего Вашего приезда в Москву; я считаю также с тем, что мое письмо, быть может, уже не застанет Вас в Токио. Я затрону поэтому лишь несколько вопросов, которые имеют практическое значение также и для т. Райвида * как Вашего заместителя на время Вашего отсутствия из Токио.

1. Нельзя согласиться с Вами в том, что «японо-германские соглашения **», по существу, не вносят ничего нового в наши отношения с этими странами» и что эти соглашения привели даже к положительному результату, «поставив крест на проблеме советско-японского пакта ненападения» ***.

Мы здесь все, напротив, считали и считаем заключение японо-германского договора сильнейшим ударом по японо-советским отношениям вообще. Этот договор чрезвычайно затрудняет урегулирование наших отношений с Японией с целью обеспечения возможно более длительной передышки перед весьма вероятной войной с ней. Дело не только в том, что Япония приняла на себя официальные обязательства, направленные против СССР, но и в том, что отныне в большей или меньшей степени все правительства Японии вынуждены будут в своей политике в отношении СССР считаться с этим договором и все время оглядываться на Германию. Это, конечно, усиливает влияние на японскую политику наиболее враждебных нам военных и фашистских элементов Японии.

2. У нас здесь возникли сомнения по вопросу о том, был ли действительно подписан секретный японо-германский договор одновременно с «антикоминтерновским» соглашением или после него. Высказывались предположения, что под давлением неблагоприятных откликов во всем мире, и в особенности в самой Японии, в последний момент подписание этого договора было отложено. Сегодня мы получили сообщение в этом же смысле. Я рассматриваю это и возможные другие сообщения этого характера как сознательную дезинформацию, пускаемую германскими, а может быть, и японскими агентами за границей. Вполне естественно, что, видя крайне отрицательный прием этих соглашений мировой общественностью, немцы, да и японцы, должны были принять какие-то меры для смягчения создавшегося для них положения.

* Советник полпредства СССР в Японии.

** См. т. XIX, док. № 370, 402.

*** См. т. XIV, док. № 401; т. XVI, док. № 2.

Яростная защита японским правительством японо-германского соглашения и необычайные меры, принятые с этой целью, вроде выступления Арита на публичном митинге вместе с германским послом, а также место, уделенное этому соглашению в сегодняшней речи Арита перед японским парламентом*, и видимая решимость кабинета Хирота связать свою судьбу с этим соглашением — все это было бы мало понятным, если бы речь шла только об «антикоминтерновском» соглашении. Даже такие осторожные скептики, как английские политики, и те считают несомненным, что секретный договор между Японией и Германией заключен.

Я считаю, что нет никаких серьезных оснований предполагать, что после полуторагодичных переговоров по этому вопросу и Япония, и Германия в последнюю минуту вдруг единодушно решили отказаться от этого договора. Если же допустить, что отказалась только одна из этих сторон, то в результате получилось бы ухудшение их отношений, чего на самом деле совершенно не заметно.

3. Заключение японо-германского соглашения, реакция на него японской общественности, поведение японского правительства в связи с нашим отказом подписать рыболовную конвенцию** и вообще позиция Японии в отношении СССР за последние годы выявили до очевидности происшедшее за последние годы изменение в соотношении сил на Дальнем Востоке. Ища поддержки для будущей войны с Советским Союзом, Япония боится преждевременно развязать конфликт с нами и все более и более проявляет не замечавшиеся у нее в предыдущие годы осторожность и осмотрительность в действиях в отношении Советского Союза.

Отпор, который начиная с 12 октября 1935 г. наши и монгольские войска давали японо-маньчжурским вторжениям, заключение нами пакта взаимопомощи с МНР*** и, наконец, отказ подписать рыболовную конвенцию вследствие заключения Японией договора с Германией, направленного против СССР, — все это постепенно усиливало процесс отрезвления в Японии в отношении СССР.

4. Ряд наших действий за последнее время, вроде прекращения нами железнодорожного сообщения через ст. Пограничная¹³, произведенные обыски двух японских пароходов во Владивостоке**** и пр., еще более усиливают в Японии впечатление твердости наших позиций и ухудшения наших отношений после заключения японо-германского договора. К этим действиям прибавятся на днях репрессивные мероприятия в

* См. газ. «Известия», 22 января 1937 г.

** См. т. XIX, док. № 402, 412; газ. «Известия», 26 декабря 1936 г.

*** См. т. XIX, док. № 78.

**** См. т. XIX, док. № 425; газ. «Известия», 20, 24 января 1937 г.

отношении японского посольства, имеющие целью добиться наконец снятия блокады с нашего полпредства в Токио *.

Я ожидаю от Вас, далее, исчерпывающего заключения по вопросу, поставленному в п. 8 моего письма от 15 декабря минувшего года за № 5989 ¹⁴. Совершенно очевидно, что мы заинтересованы в сокращении числа взаимных консульских представительств с Японией. В особенности мы хотели бы закрыть японские консульства в Новосибирске и в Одессе, которые, не имея никакой консульской работы, исключительно являются центрами самого злостного шпионажа и ложной информации своего правительства.

5. Большое значение для наших отношений с Японией имеет, конечно, дальнейшее развитие внутреннего кризиса в самой Японии **. Начавшаяся сегодня парламентская сессия, несомненно, ускорит это развитие, хотя, по всей видимости, и не приведет к падению кабинета Хирота. Большое влияние будет иметь также и развитие международного положения, в частности события в Китае ¹⁵.

Все это заставляет нас занять на ближайший отрезок времени выжидательную позицию, предоставив в наших отношениях пока что инициативу Японии.

6. Я вполне согласен с Вами, что мы и после заключения японо-германского договора не заинтересованы в обострении отношений с Японией и что мы, напротив, должны удвоить свою работу в Японии по мобилизации всех элементов, желающих сохранения мира с нами. Эта работа должна, однако, идти параллельно с проявлением сдержанности в отношении японского правительства. Мы должны продолжать ту линию, которая нашла свое выражение в известном Вашем заявлении Арита по вопросу о японо-германском соглашении и которая была развита т. Литвиновым в его беседах с Сигемицу по вопросу о рыболовной конвенции ***.

Когда на обеде, который я дал в его честь 3-го сего месяца, Сигемицу заговорил со мной в чрезвычайно льстивых и прямо заискивающих выражениях о его желании сделать все возможное для устранения всех недоразумений и для сближения наших стран и в связи с этим зондировал почву о возможности скорого возобновления переговоров о подписании регулярной рыболовной конвенции, я заявил ему, что японо-германское соглашение нанесло чрезвычайно сильный удар нашим отношениям и что наша общественность крайне возмущена этим агрессивным соглашением, которое Япония заключила с Германией против СССР, несмотря на все усилия, которые Советское правительство прилагало для мирного урегулирования отношений с Японией. Я сказал, что создавшаяся в результате

* См. т. XIX, док. № 235, 425 и док. № 28 настоящего тома.

** См. док. № 14.

*** См. т. XIX, док. № 367, 375.

этого атмосфера весьма неблагоприятна для разрешения текущих вопросов наших отношений и что, если посол хочет работать для сближения наших стран, он должен прежде всего разъяснить создавшееся положение своему правительству и рекомендовать ему найти пути и средства для внесения успокоения в наши отношения и для успокоения советской общечности.

В ответ на конкретные вопросы Сигемицу я сказал, что при наличии доброй воли японское правительство само может найти пути и средства для смягчения создавшейся атмосферы, и указал также на то, что в настоящее время было бы преждевременно ставить перед нашим правительством вопрос о подписании рыболовной конвенции, ибо ничто не изменилось за последнее время. Сигемицу, не вступая в полемику и не возражая ни единым словом против высказанных мною мыслей, в тех же тонах заявил, что сделает все, что от него зависит, для того, «чтобы японское правительство нашло пути и средства для смягчения создавшейся обстановки» (он повторил мои слова). При этом, намекая на рыболовную конвенцию, он сказал, что он не будет больше поднимать конкретных вопросов и будет от меня «ожидать указаний».

Во время беседы, которую я имел вчера с Сигемицу в японском посольстве по случаю данного им ответного обеда, он опять говорил о своем желании работать для улучшения отношений, просил сотрудничества, но о рыболовной конвенции не заикнулся ни одним словом. В связи с моими словами о бессодержательности речи Арита и о том, что в ней нет ничего, что отвечало бы серьезному моменту, переживаемому Японией вообще и в ее отношениях с Советским Союзом в частности, Сигемицу, отличающийся вообще гораздо большей сдержанностью, чем Ота *, многозначительно сказал, что зато в прениях по выступлению Арита будет сказано много нового и важного. Несмотря на всю сдержанность Сигемицу, было видно, что он согласен с отрицательной оценкой, которую я давал политике нынешнего японского кабинета, и в частности Арита.

7. В соответствии с указанной выше линией Вам и т. Райвиду не следует пока проявлять никакой инициативы в деле продолжения переговоров о пограничных комиссиях **. Если же японцы сами будут поднимать разговоры на эту тему, надо по-прежнему требовать предварительного урегулирования двух основных вопросов этих переговоров, прежде чем начать конкретные переговоры по проектам положений об этих комиссиях.

8. С большим интересом прочел Ваш доклад от 22 ноября за № 427 о внутривнутриполитическом положении Японии ¹⁶. Ввиду

* Посол Японии в СССР в 1932—1936 гг.

** См. док. № 21.

растущего значения этого положения для определения японской политики я прошу Вас и полпредство вообще усилить информацию по этому вопросу*.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

26. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

22 января 1937 г.

Сегодня у меня был председатель парламента; я посетил президента республики. Я беседовал подробно с обоими о международном положении. Оба высказались в пользу контроля при условии эффективности его применения**. Асанья*** считает, что в итоге мятежники окажутся отрезанными от подвоза оружия, среди них начнется всеобщее разложение. Асанья недели через две переедет на постоянное жительство в Валенсию.

Розенберг

Печат. по арх.

27. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о присоединении СССР к Правилам о действиях подводных лодок по отношению к торговым судам

23 января 1937 г.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Признать целесообразным присоединение Союза ССР к Правилам о действиях подводных лодок по отношению к торговым судам****, приложенным к подписанному в Лондоне 6 ноября 1936 г. Протоколу¹⁷.

2. Представить вопрос об указанном присоединении на утверждение Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР*****.

Председатель Совета
Народных Комиссаров Союза ССР
В. Молотов
Управляющий Делами Совета
Народных Комиссаров Союза ССР
И. Мирошников

Печат. по арх.

* См. док. № 51.

** См. док. № 12, 33.

*** Президент Испании.

**** См. «Собрание законов...», отд. II, № 25, 27 июня 1937 г., стр. 657—659.

***** Утверждено 27 января 1937 г.

28. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди 24 января 1937 г.

Был у Арита в назначенное время. Разговор продолжался более часа. Переводил Миякава *, что явилось надувательством со стороны Арита. Заявив, что он будет говорить со мной в последний раз как министр иностранных дел, справившись о том, действительно ли я еду в Москву и когда примерно полагаю вернуться (я, Юрнев, «наметил» ему начало апреля), похвалив меня за работу и выразив удовольствие, что я «хорошо изучил Японию», и надежду на мое дальнейшее «длительное пребывание», Арита перешел к делу. Он спросил, изменилось ли к лучшему положенне полпредства «по линии полицейской охраны». Я ответил: «Наоборот», — и рассказал уже известные вам из моих донесений факты **. Удивившись и мимоходом сказав, что «выяснит это дело», Арита отметил, что положение японского посольства в Москве примерно такое же. В результате довольно длительной дискуссии он высказал мнение, что было бы хорошо установить одинаковый нормальный модус для обоих посольств. Я указал, что, насколько мне известно, японский посол в Москве не подвергается такому режиму, как наш в Токио.

Вслед за этим Арита поднял вопрос о новом созданном нами для японских пароходов режиме. Я подробно рассказал ему о том режиме дискриминации, какому издавна подвергались наши суда, напомнил мой прошлогодние беседы по этому вопросу с Сигемицу ¹⁸ и заключил указанием, что мы применяем в отношении японских судов точно такой же режим, какой применяется в отношении наших, и что от японского правительства зависит его продолжение или прекращение ***. В ответ на это Арита начал пространно рассказывать о том, как Япония «чувствительна» к вопросу о деятельности Коминтерна и что только этим объясняется особый режим в отношении наших судов. Я высмеял эту постановку вопроса. Не унимаясь, Арита продолжал рассужденне на тему о Коминтерне, подчеркивая, что «ряд действий» японского правительства объясняется именно боязнью пропаганды, явно толкая меня на постановку вопроса о японо-германском соглашении, чего я не сделал. Между прочим, Арита заявил, что некоторые сотрудники полпредства занимались «запрещенной деятельностью». На мою просьбу назвать мне имена Арита ответил, что в мое время таких случаев не было и что он имел в виду «прошрое». Поскольку он не назвал имен, я не проявил интереса к ним.

* Чиновник МИД Японии; было условлено о встрече без переводчиков.

** См. т. XIX, док. № 96, 225, 235, 425.

*** См. т. XIX, док. № 425 и док. № 25, 89 настоящего тома.

Затем Арита заговорил о необходимости улучшения японо-советских отношений, о том, что мы, неправильно понимая политику Японии, ухудшаем их. Я ответил, что мы не ставим своей целью ухудшение таковых, но что им действительно нанесен японским правительством тяжелый удар. На это Арита реагировал восклицанием: «Вы имеете в виду японо-германское соглашение о Коминтерне?». Подтвердив это и указав, что пресловутое соглашение — ширма для секретного соглашения, я напомнил Арита, что мы в Москве и в Токио предупреждали его от ложных шагов, но что он не внял нашим предупреждениям*, в результате чего явилось ослабление наших отношений. Арита ответил, что вопрос о соглашении с Германией уже был решен. Японское правительство, заключая таковое, думало, что Советское правительство не будет протестовать против него. Наше «предупреждение» уже не могло иметь результата.

На этом наш разговор до завтрака был исчерпан.

После завтрака Арита вновь поднял вопрос о японо-германском соглашении, доказывая, что наше подозрение не было обоснованно и что мы, не веря японскому правительству, «толкаем его в объятия Германии». Я посмеялся над такой постановкой вопроса и над сделанным им сравнением Японии и Германии с молодым человеком и девушкой, которые, сохраняя свою невинность, несправедливо подозреваются окружающими в «особых отношениях».

Никаких других вопросов Арита не поднимал.

На завтраке присутствовали, кроме министра, Хориноути, Того**, Амо**, Касэ***, Миякава, Сима***. Во время завтрака нас фотографировали.

Того, ведший длинную беседу с Райвидом о внутреннем положении, не затрагивал важных вопросов.

Полпред

Печат. по арх.

29. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому, из Женевы****

*Немедленно
27 января 1937 г.*

С Иденом говорил преимущественно о контроле, обратив его внимание на отсутствие согласия Франко и Португалии. Иден сказал, что контроль предполагается установить и при

* См. т. XIX, док. № 375, 402.

** Соответственно директор Европейско-Азиатского департамента и заведующий бюро информации МИД Японии.

*** Заведующие отделами Европейско-Азиатского департамента МИД Японии.

**** Копия телеграммы была направлена в НКВД СССР.

возражения воюющих сторон, на что я ответил, что в таком случае придется подвергнуть контролю также португальцев. Предупредил Идена, что если сообщение об исключении нас из участия в контроле подтвердится, то могут быть большие затруднения. Иден выразил удивление, что мы хотим участвовать в контроле, от которого Англия готова отказаться. Я пояснил, что одно дело — не желать участвовать, другое дело — согласиться на исключение из контроля без всяких к тому оснований¹⁹. Говоря об Испании, я заверил Идена, что германско-итальянские «последние новости» о наших намерениях в Испании, о создании коммунистического очага и отделении Каталонии лишены всяких оснований. Он признал это заявление очень ценным. Жаловался он на суровое отношение к нему нашей прессы, используемое в Англии как правой печатью, так и оппозиционной. Он сказал, что если этим имеется в виду подхлестывать его, то результаты достигаются обратные. Он согласился, однако, что твердый тон, взятый по поводу Марокко*, имел благотворные результаты.

Литвинов

Печат. по арх.

30. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

28 января 1937 г.

Сараджоглу** сообщил, что на ноту, которую турецкое правительство направило всем державам о вступлении в силу проливной конвенции***, Германия ответила, что, принимая к сведению сообщение, она резервирует за собой отношение ко всем постановлениям конвенции. Устно немецкий посол объяснил, что Германия в проливном вопросе была всегда с Турцией и сочувствует разрешению этой проблемы в настоящий момент. Резервы она вынуждена была сделать ввиду отсутствия в конвенции равного отношения ко всем державам. Германия не ждет ответа на свою ноту, так как нота сделана второстепенным порядком, чтобы не осталось впечатления, что она молчаливо приняла все постановления конвенции. Сараджоглу сказал, что Арас информировал об этом Литвинова и Идена. Последний сообщил, что немцы делали аналогичный демарш в Лондоне и что англичане дали немцам ответ, который они заслуживают. Иден советовал дать ответ немцам и использовать для этой цели английский ответ. Я сказал Са-

* См. газ. «Известия», 10 января 1937 г.

** Министр юстиции Турции; временно исполнял обязанности министра иностранных дел.

*** См. т. XIX, док. № 229; «Собрание законов...», отд. II, № 13, 25 апреля 1937 г., стр. 173—207.

радждогу, что оставить без ответа немецкий демарш — это значит принять к сведению, что Германия не связывает себя постановлениями конвенции, но что это пока мое личное мнение. Мне кажется, что турки должны ответить Германии: каковы бы ни были ваши резервы, принципы конвенции обязательны для вас так же, как для всех стран мира, и вы их должны соблюдать. Срочно сообщите²⁰.

Полпред

Печат. по арх.

31. Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

29 января 1937 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

К записям моих разговоров с шеф-редактором «Прагер прессе» Лауринном²¹ считаю нужным дать некоторые пояснения.

Исходя из оценки хода развития политической ситуации в самой Чехословакии и из оценки европейской ситуации в целом, я не вижу, почему бы как раз теперь Германия нуждалась в специальном соглашении с Чехословакией на основе предпосылки, хотя бы и молчаливого порядка, признания всех существующих договоров Чехословакии, а значит и договора о взаимной помощи с СССР*. Тот мотив, что Германия сейчас снова нуждается в каком-нибудь внешнеполитическом успехе, здесь был бы не у места, ибо соглашение с Чехословакией, да еще на указанной основе, не было бы сколько-нибудь весомым внешнеполитическим успехом Германии. Разговор о том, что этим путем Чехословакия решила бы свою внутреннюю проблему взаимоотношений с немцами и партней Генлейна, не является серьезным. Нельзя сомневаться в том, что Гитлер ни при каких условиях не откажется от использования судетонемецкой проблемы и от такого сильного оружия, как партия Генлейна и ее роль в Чехословакии. Эти рассуждения уже действительно прямая дымовая завеса, за которой может скрываться только одно — прямая капитуляция Чехословакии перед Германией с передачей чуть ли не фактической власти в руки того же Генлейна.

Опасность такой капитуляции все время существует, и я неоднократно указывал на эту опасность. Только поэтому я отнесся с известным вниманием к сообщениям Лауринна и информировал Вас о них. Не будь предварительной, уже почти годовой кампании правого крыла аграрной партии за пересмотр чехословацкой внешней политики в сторону сближения с Германией, информации Лауринна можно было бы не придавать

* См. т. XVIII, док. № 223.

значения. В свете же этой кампании информация Лаурииа все-таки заслуживает внимания, а в свете кампании и информации для меня начинает выглядеть несколько иначе многое из того, что мне говорил Бенеш при последнем свидании*. Как-никак он достаточно ясно сказал, что предпочитает практические соглашения наших военных ведомств разговорам от правительства к правительству, потому что в данной ситуации такие разговоры не прошли бы в коалиции. При этом он явно говорил о сопротивлении аграриев дальнейшему сближению с нами, что в расшифрованном виде вполне может обозначать и сопротивление аграриев вообще и сколько-нибудь близким взаимоотношениям с нами. Затем, как бы Бенеш ни выделял Годжу из аграрной среды, Годжа все-таки остается премьером именно потому, что он член аграрной партии. Утвержденно Бенеша, что Годжа вполне согласен с ним, может также обозначать, что и Бенеш «согласен» с Годжей. Между тем Годжа, несомненно, остается в основном на рельсах своей старой концепции сближения с Польшей и Германией. Бенеш храбрится, считает, что Годжа у него в руках. Я же вполне допускаю мысль, что Бенеш понемногу все более и более попадает в плен к Годже, отцу идеи изгнания социалистов из коалиции, что он однажды уже и проделал в 1926 г. Что касается правых аграриев, то, по словам самого Бенеша, они спят и видят соглашение с Германией характера какой угодно капитулянтской, лишь бы она обеспечила их аграрные имущественные интересы.

Никаких серьезных новых моментов во внутреннем или внешнем положении Чехословакии за последнее время нельзя отметить. Но остается верным то, что капитулянтские настроения давно существуют, давно имеются очень влиятельные группы, упорно работающие над изоляцией Бенеша, над переориентировкой чехословацкой внешней политики на Германию. Поэтому весьма вероятно допущение, что сейчас и без внешних ярких симптомов процесс подготовки Чехословакии к капитуляции зашел так далеко, что уже выливается в форму прямых секретных переговоров, о которых говорил Лаурин. Насколько так называемая «чехословацкая национальная общественность» в этом смысле внутренне разложилась, показывает случай профессора Пекаржа, о котором стоит здесь рассказать.

Профессор Пекарж умер несколько дней тому назад. Это был реакционер, крайний националист, крамаржевец** по политическим убеждениям. Он являлся официальным историографом, знаменитейшим профессором чешской истории, так сказать, чешским Иловайским. Краса и гордость чешской ультранациональной мысли и чешского исторического шоввинизма.

* См. док. № 18.

** Крамарж — лидер национально-демократической партии Чехословакии.

Казалось, что Пекарж и немцы так же непримиримы, как огонь и вода. Его смерть правая чехословацкая печать отметила с особой торжественностью, почти как смерть национального героя. Да и другая, так называемая левая печать низко поклонилась «лучшему после Палацкого» историку чешского народа. И вот через три дня после похорон Пекаржа генлейновская газета «Ди цейт» опубликовала на своих страницах два частных письма Пекаржа к профессору Пфицнеру, немцу, тоже историку, тоже националисту, известному своей «Историей немцев Богемии», выдержанной в немецко-реакционном духе. Сейчас Пфицнер генлейновец. В этих письмах к Пфицнеру Пекарж совершенно ясно и просто говорит, что спасение от большевизма и «жидо-масонства» заключается лишь в том, чтобы объединить немцев и чехов, дать немцам побольше места в Чехословакии и двинуться походом против большевизма. Правая печать растерянно говорит сегодня, что Пекарж этим вовсе не предал национально-чешской идеи, а известный «большевикоед» Ян Славик просто пишет, что Пекарж в последнее время был болен и «не владел полностью своими душевными способностями».

Этот случай весьма характерен для ряда правых группировок в смысле их умонастроения и как в зеркале отражает мотив и остроту капитулянтских устремлений правых аграриев и многих других «классово-сознательных элементов» чешской буржуазии.

Что касается Лаурина, то я уже отмечал раньше, что Годжа травит его. В упомянутых письмах Пекаржа о «Прагер пресе», между прочим, сказано с возмущением, что редакция этой газеты «большевицко-жидовская», и это беспокоит Лаурина. Возможно, что под влиянием опасений за свое будущее Лаурин пошел на большую, чем обычно, откровенность. Что Лаурин серьезный источник, сомневаться не приходится. Он и сегодня сохранил тесную связь с Бенешем и, несомненно, является его креатурой. Во взаимоотношениях со мною он всегда очень корректен и добросовестен. Еще не было случая, чтобы он меня дезинформировал. В напряженный период выборов Бенеша президентом Лаурина меня информировал так обстоятельно, что я ни одного дня не был вне курса событий. Не вижу оснований, почему бы Лаурин стал меня дезинформировать. Поэтому могу допустить только одну возможность, что он сам добросовестно заблуждается, если считать, что его сведения не соответствуют действительности. На вопрос об этом соответствии действительности я затрудняюсь ответить категорически да или нет. Я склонен считать эти сведения скорее соответствующими действительности по указанным выше соображениям, что еще не означает признания возможности завершения чехословацко-германских переговоров заключением соответствующего пакта. Здесь я снова считаю нужным повторить,

что вопрос не нов, по существу, нова, может быть, лишь форма. Повторяю то, что я говорю по крайней мере с июля прошлого года: процесс подготовки Чехословакии к капитуляции перед Германией медленно, но нарастает, однако все еще оставляет достаточно места для нашего активного воздействия, для нашей активной политики, которая должна дать надежду чехам на нашу реальную помощь против Германии в случае открытой агрессии последней.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

32. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 января 1937 г.

Был приглашен сегодня вечером к Блюму.

1. Он рассказал, что только что принимал германского посла Вельчека, явившегося благодарить Блюма за соболезнование по поводу гибели сына посла. Вельчек обратил внимание Блюма на заявление Гитлера в сегодняшней речи, что «время так называемых сюрпризов кончилось». Посол старался доказать, что эта декларация означает переход Германии к стабильным международным отношениям.

2. Верившись к разговору, который мы вместе с ним имели на приеме у президента с турецким послом, Блюм заявил мне, что намерен заняться вопросом франко-турецкого пакта о дружбе и консультации, аналогичного существующему турецко-югославскому договору. Блюму известно, что на эту тему до встречи у президента у меня уже была беседа с Леже. Я объяснил Блюму, что мое положительное отношение к идее упомянутого пакта является личным моим мнением и что по этому вопросу мною запрошено указание Наркоминдела²². Блюм попросил меня информировать его о позиции правительства СССР немедленно по получении ответа на мой запрос*. Блюму важно учесть эту позицию при обсуждении с Дельбосом и Леже данной проблемы.

3. Блюм ознакомил меня с только что полученным письмом морского министра по поводу моего демарша, относящегося к положению нашего заказа на корабельную башню у «Шнейдера»²³. Министр сообщает, что фирма ссылается на невозможность для нее построить саму башню, но не отказывается представить нам окончательный проект и расчеты этого сооружения. Я заявил Блюму, что это для нас недостаточно, и перечислил ему абсолютно необходимые для нас элементы заказа

* См. док. № 41.

соответственно вашей телеграмме от 21 января с. г. Блюм обещал мне не оставлять этого дела незаконченным, и мы условились, что снабжу его точной справкой с перечнем того, что мы считаем для нас безусловно необходимым со стороны фирмы. В понедельник 1 февраля справка будет вручена.

4. Блюм мне сообщил, что с неделю тому назад его посетил здешний румынский посланник Чезиано, приближенный короля. По своей инициативе посланник пустился в критику правительства Татареску — Антонеску, заявляя, что оно не на высоте задач, что король им недоволен и что возвращение Титулеску на пост министра иностранных дел неизбежно и необходимо. Блюм признает это заявление симптоматичным.

5. Я передал Блюму полученные мною сведения о сношении итальянских фашистов, в частности Фариначчи *, с французскими фашистскими кругами и о путях, которыми пользуются для устанавления этих связей.

Полпред

Печат. по арх.

33. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Поликомучному Представителю СССР в Ве- ликобритании И. М. Майскому

1 февраля 1937 г.

Передаю директивы к послезавтрашнему заседанию по поставленным Вами вопросам и по вопросам, вытекающим из Ваших последних телеграмм²⁴:

«1. Не возражать против разработанного экспертами плана мероприятий по запрещению волонтерства.

2. Не возражать против увеличения нашей доли расходов по контролю со 100 до 136 тыс. ф. ст. в год.

3. Сообщить т. Майскому, что первый взнос мы переведем, когда начнут поступать взносы от других государств.

4. Настаивать на распространении морского контроля и на португальские порты.

5. Настаивать ультимативно на участии в контроле наших военных судов и заявить, что если не будет обеспечено равноправное участие наших судов, то мы вынуждены будем поставить вопрос о нашем дальнейшем участии в Комитете¹⁹.

6. При обсуждении в Комитете техники морского контроля предложить осуществлять его смешанными эскадрами, составленными из военных судов разных государств, без деления побережья на участки, подчиненные контролю флота какой-нибудь одной страны».

Крестинский

Печат. по арх.

* Один из лидеров итальянского фашизма.

**34. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США
А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных
Дел СССР**

1 февраля 1937 г.

На телеграмму от 21 января*. Судя по информации из разных источников, основным предметом переговоров Ренсимена был поставленный им Рузвельту вопрос о дальнейшей судьбе законодательства о нейтралитете в применении к торговле с Англией в военное время и о готовности США учесть соответствующие интересы европейской демократии. Ренсимен дал понять, что от ответа будет зависеть и вопрос англо-американского торгового договора, т. е. возможное изъятие в пользу США из внутриимперских преференциальных тарифов, а также пересмотр торговых договоров с южноамериканскими государствами, в частности с Аргентиной.

Осведомленные журналисты передают, что Рузвельт заверил Ренсимена в обеспеченности прохождения через конгресс билля Питтмена**, который заменит истекающий в мае закон о нейтралитете. Сохраняя в силе эмбарго на оружие обеим воюющим сторонам [в Испании] в пределах действующего списка, билль предоставляет президенту устанавливать список сырья, не подлежащего отправке на американских судах, тем самым предоставляя по принципу «плати — бери» странам, обладающим флотом и наличием денег, возможность вывозить из США любое сырье в военное время, что выгодно для Англии и через нее Франции. Обсуждение вопроса о долгах и других, упомянутых вами, было, по-видимому, только в частном порядке.

Полпред

Печат. по арх.

**35. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции
Л. М. Карахаиа в Народный Комиссариат Иностранных
Дел СССР**

1 февраля 1937 г.

Иненю***, узнав о моем отъезде, пригласил меня к себе на завтрак. Мы были вдвоем. Сообщаю существенное из его заявления:

1. Турция по-прежнему верна своей дружбе с СССР, что он счит своим долгом подчеркнуть в последней речи в парламенте. Он понимает нашу позицию в вопросе о [Александреттском]

* См. док. № 24.

** Председатель комиссии по иностранным делам сената США; см. «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1937 Volume», New York, 1941, pp. 185—193.

*** Председатель совета министров Турции.

санджаке*. На его вопрос, имеется ли в Москве по-прежнему доверие к Турции, я ему сказал, что после истории с пактом** положение было сильно поколеблено и я не мог бы утверждать, что оно восстановлено. О соглашении о санджаке он говорил с большим удовлетворением и подчеркивал, что у турок с Францией нет никаких противоречий. Он признал после моего вопроса, что можно было договориться с Францией на тех же основах, что и сейчас, в самом начале конфликта, но в оправдание привел недоверие к аппарату МИД и колоний, который хотел надуть Турцию.

2. Я ему сказал, что на меня произвела тяжелое впечатление мотивировка Араса в беседе с Литвиновым²⁵, что Турция не может пойти на пакт с Францией, не желая рисковать своими экономическими отношениями с Германией. Я ему напомнил, что и он, и Арас, и с кем я ни затрагивал растущее влияние немцев в Турции, всегда успокаивали меня тем, что они вынуждены торговать с немцами, но что никакого влияния Германии на турецкую политику нет и не будет. Сейчас, сказал я ему, положение, по-видимому, изменилось и Германия оказывает влияние и связывает Турцию в ее внешнеполитических действиях. Из заявления Араса можно сделать вывод, что это связывающее влияние может иметь место и в отношении других стран. Иненю был смущен и сказал, что влияния Германии на внешнюю политику нет и что с Францией пока лишь «рано говорить» о пакте, а экономическое влияние немцев — предмет их постоянного беспокойства, они не хотят быть в зависимости от Германии, но, если никто не хочет торговать с Турцией, кроме немцев, у турок нет выхода. Он сделал в этой связи упрек нам и французам, которым он также указывал на необходимость расширить торговлю, но все безрезультатно. На это я заметил, что наше желание расширить торговлю наталкивается на серьезные затруднения, в особенности в вопросе о ценах.

Говоря об общей линии внешней политики Турции, я заметил, что мне кажется, что Турция с позиции координации всех сил в интересах мира сползает к позиции нейтралитета, и что это совпадает с тем, чего добиваются агрессоры, — нейтрализовать возможно большее количество государств, чтобы обеспечить себе свободу действий, и что с той же целью и Италия, и Германия хотят разрушить Малую и Балканскую Антанты, и что югославо-болгарское соглашение колеблет единство последней.

3. Не отрицая, что турки хотят быть в стороне от войны, чтобы не быть вовлеченными в нее из-за чужих интересов, он настаивал, что Турция по-прежнему твердо стоит за недопуще-

* См. газ. «Известия», 29 января 1937 г.

** См. т. XIX, док. № 203, 321, 336, 339, 345, 347, 358.

ние какого бы то ни было разлада Балканской Антанты и что соглашение Болгарии и Югославии по своему содержанию не представляет для Антанты угрозы.

4. Он подчеркнул, что в случае войны между Францией и Германией Турция была бы нейтральна, но другое дело, если бы война началась между Германией и СССР. Турция в последнем случае была бы верна своей старой и неизменной дружбе.

5. Инеию отрицал серьезное значение за свиданием Араса с Чиано*. Он отметил только, что Италия и Германия поддерживали турецкую позицию в вопросе о санджаке и что турки за это благодарны. Я ему заметил, что такая поддержка со стороны держав, враждебных Лиге наций и Франции, меньше всего могла помочь Турции, вызывая лишь известное недоверие к ней и к внезапным переменам турецкой политики, в особенности при нынешнем напряженном положении. Он признал, что встреча в Милане только маневр и никакие серьезные вопросы не будут обсуждаться.

6. Инеию решительно отрицал, что турки кому-либо высказывали опасения по поводу нашего морского строительства. Он отметил лишь, что Турция ведет переговоры о морском соглашении и что с Англией был лишь спор о предоставлении Турции права строить крейсера вашигтонского типа с орудиями крупного калибра.

7. В заключение Инеию просил меня заверить Москву в неизменности и твердости турецкой дружбы.

8. Говоря об аграрных мероприятиях, Инеию сообщил, что правительство организует ряд образцовых государственных хозяйств и коллективное использование техники, предоставляемой крестьянам государством для коллективной обработки земли. Они имеют в виду использовать и наш богатый опыт в этом деле.

Полпред

Печат. по арх.

36. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

*Немедленно
2 февраля 1937 г.*

В связи с недавним разговором Юренева с Арита**, в котором последний предложил установить взаимно «одинаковый нормальный режим», Вам следует поставить вновь вопрос перед МИД о режиме полпредства. Скажите, что мы удовлетворены заявлением Арита о его желании урегулировать этот во-

* См. док. № 43.

** См. док. № 28.

прос и что, бесспорно, основой для такого урегулирования должно быть применение в каждой стране в отношении посольства другой стороны режима, применяемого в отношении других посольств, не допуская никакой дискриминации. Мы не возражаем при этом против того, чтобы японские власти принимали, если они признают это необходимым, особые меры охраны посла и советника, но мы настаиваем на том, чтобы эти меры проводились таким образом, чтобы они не могли создать неправильного и оскорбительного представления о слежке вместо охраны. Мы утверждаем, что меры охраны, применяемые нами в отношении посла и советника, проводятся с нужным тактом и вежливостью, и считаем, что таково же должно быть отношение японских властей к нашему послу и советнику.

Все остальные меры, практикуемые полицией в Токио, носят явно недопустимый характер и должны быть прекращены во избежание того, чтобы наши власти также не решили соответственно реагировать на дискриминационный режим, установленный для нашего полпредства²⁶.

Стомоняков

Печат. по арх.

37. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 февраля 1937 г.

Пражский корреспондент ТАСС не передал появившееся в газетах утром 2 февраля интервью премьера Годжи с корреспондентом лондонского мининдела*, являющееся ответом на речь Гитлера**. Известно ли вам о содержании интервью из лондонской информации? Считаю это интервью авансом, открывающим перспективы для чешско-германских переговоров. Характерно, что, отвечая на вопрос, считает ли он войну неизбежной, Годжа говорил о возможности устранения опасности путем гармонизации интересов Дунайских стран и их соседей — Германии и Италии, совершенно умолчав об СССР. Вообще об СССР упомянуто лишь однажды, когда он поставлен как страна диктатуры на одну доску с Германией и Италией. Я намерен просить разъяснения у Крофты***. Считаете ли нужным, чтобы я обратился с этой же целью к Годже.

Александровский

Печат. по арх.

* Так в тексте; см. также док. № 47.

** См. газ. «Известия», 1 февраля 1937 г.

*** Министр иностранных дел Чехословакии.

38. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

5 февраля 1937 г.

Имел встречу с Дельбосом. 1. Он извинялся, что еще не ответил нам, как относится французское правительство к парижской общеморской конференции *. Я заявил, что мы не форсируем этого ответа.

2. По словам Дельбоса, он через Суада ** сообщил туркам, что французское правительство сочувствует включению Турции в соглашение Франции с Малой Антантой, рассчитывая, между прочим, что участие Турции побудит и Югославию решиться на присоединение к этому договору. На мой вопрос, как сложатся политические взаимоотношения Франции с Турцией, если договор с Малой Антантой не состоится, Дельбос ответил, что французское правительство сможет заключить с Турцией и самостоятельный пакт, расширив рамки соглашения о взаимной помощи, относящегося к [Александреттскому] санджаку. Дельбос просил довести до вашего сведения эти намерения французского правительства, которые могут быть осуществлены на предстоящей майской сессии Совета [Лиги наций].

3. Дельбос утверждает, что Германия постепенно ретируется из Испании. Нейрат будто бы заверял Бека, что туда более не отправляется живая сила.

4. Бек будто бы изменяет свое отношение не только к Франции, но и к Чехословакии. Последнее-де доказывается назначением в Прагу на пост посланника такого «антинемецкого» дипломата Польши, как Папе. Мне пришлось охладить Дельбоса некоторыми сообщениями о личности и деятельности Папе, которого мы достаточно хорошо знаем еще с Анкары. Дельбос утешился тем, что посланник де Ноэль, приехавший из Варшавы в Париж, также свидетельствует об улучшении польско-чехословацких отношений.

5. Дельбос имеет частные сведения, что Риббентроп привез в Лондон согласие Германии на локарнские переговоры. Отъезд Идена в отпуск якобы доказывает, что в Лондоне не ожидается ничего существенного от предложений Риббентропа. Тут же, впрочем, Дельбос оговорился, что позиция Идена не находит в правительстве единодушной поддержки и что, в частности, противником ее является Хор ***.

* Очевидно, имеется в виду предложение Советского Союза о созыве конференции морских держав; см. т. XIX, прим. 88 и док. № 2, 60 настоящего тома.

** Посол Турции во Франции.

*** Морской министр, с мая 1937 г. министр внутренних дел Великобритании.

6. Дельбос очень доволен сообщениями Кулондра, что последняя его речь * встретила у нас одобрение. Так как сам Дельбос явно считает ее подвигом мужества и ожидает словесных комплиментов.

Полпред

Печат. по арх.

39. Нота Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хаяси **

6 февраля 1937 г.

Господин Министр,

Нотой от 24 августа прошлого года *** Посол Союза Советских Социалистических Республик обратил Ваше внимание на заявление правительства Маньчжоу-Го о его намерении произвести незаконный вычет из очередного сентябрьского платежа в счет выкупной суммы, причитающейся Правительству СССР за уступку прав на КВЖД согласно договору от 23 марта 1935 г. ****

Благодаря содействию, оказанному Японским Правительством, выплата очередного платежа была произведена 24 сентября 1936 г. без всяких затруднений. В своих нотах от 5 сентября и 25 декабря 1936 г. маньчжурское правительство, несмотря на исчерпывающие разъяснения, данные ему Советским Правительством в ноте Генерального консула СССР в Харбине г. Славуцкого от 22 августа того же года ***** , нашло, однако, возможным вновь заявить, что оно и впредь будет оплачивать за счет СССР неизвестные Советскому Правительству претензии третьих лиц и, в случае непокрытия Советским Правительством суммы всех этих платежей, вычитать ее из причитающихся Советскому Правительству следующих платежей в счет выкупной суммы за КВЖД.

Ввиду этого Советское Правительство было вынуждено вновь обратить внимание правительства Маньчжоу-Го на незаконность этих предполагаемых им действий. В приложении к настоящему я имею честь препроводить Вам копию письма, врученного по этому вопросу особоуполномоченному министерства иностранных дел в Северной Маньчжурии Генеральным консулом СССР в Харбине г. Славуцким 25 января с. г. *****

Как Вы усмотрите из этого письма, мое Правительство продолжает прилагать усилия к тому, чтобы побудить правительство Маньчжоу-Го стать на путь правильного применения

* См. газ. «Известия», 1 февраля 1937 г.

** Одновременно премьер-министр и министр просвещения Японии.

*** См. т. XIX, док. № 251.

**** См. т. XVIII, док. № 134.

***** См. т. XIX, прим. 149.

***** Не публикуется.

и выполнения соглашения о КВЖД от 23 марта 1935 г. При этом Правительство СССР не отказывалось и не отказывается, как Вы ошибочно полагаете в своей ноте от 4 июля 1936 г., подвергнуть рассмотрению отдельные конкретные документированные претензии тех или других лиц. Правительство СССР, как это само собой разумеется, не может, однако, согласиться на оплату ничем не обоснованных и неизвестных Советскому Правительству претензий неизвестных ему лиц, — претензий, предъявленных к тому же в порядке, нарушающем соглашение от 23 марта 1935 г.

Принимая во внимание, что выраженное правительством Маньчжоу-Го в его нотах от 5 сентября и 25 декабря 1936 г. намерение относится по-прежнему к платежам, в отношении которых Правительство Японии приняло на себя гарантию, установленную обменом приложенных к соглашению о КВЖД писем от 23 марта 1935 г., Советское Правительство считает необходимым вновь обратиться к Японскому Правительству с просьбой разъяснить правительству Маньчжоу-Го, что казначейские обязательства Маньчжоу-Го подлежат автоматической оплате по предъявлении их в Промышленном банке Японии и что соглашение от 23 марта 1935 г. совершенно исключает возможность производства кем бы то ни было и каких бы то ни было вычетов из причитающихся по этим обязательствам Советскому Правительству сумм. Советское Правительство выражает при этом надежду, что благодаря иновому вмешательству Японского Правительства будет наконец обеспечено в дальнейшем выполнение правительством Маньчжоу-Го обязательств, принятых им на себя по соглашению от 23 марта 1935 г.*

Примите, господин Министр, уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Н. Райвид

Печат. по арх.

40. Запись бесед Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти

8 и 10 февраля 1937 г.

Начав с благодарности за оказанный ему в Ленинграде и в Москве прием**, Холсти объяснил мне цель своего визита. Не только в нашей печати, но и в заграничной стали циркулировать слухи об обострении советско-финских отношений. Эти слухи наносят ущерб интересам Финляндии и даже подрывают ее кредит в таких странах, как Англия и Америка. Холсти сам считал нужным что-нибудь сделать для рассеяния

* См. док. № 96.

** См. т. XIX, док. № 435; газ. «Известия», 8—11 февраля 1937 г.

этих слухов. Он советовался с Сандлером *, который предложил ему сделать официальный визит Москве. Холсти сообщил об этом совете Свинхувуду **, который также признал желательным последовать этому совету. Премьер-министр опросил представителей всех партий, и все высказались за визит, а какая-то фашистская партия дала даже свое одобрение в письменном виде. Министр обороны созвал высший офицерский состав в количестве около 120 человек и в присутствии Холсти разъяснял им, почему Финляндия в своей политике должна идти за миролюбивыми демократическими государствами. По мнению Холсти, когда он был приглашен Каллио *** в кабинет именно для уничтожения впечатления о напряженности советско-финских отношений, считались с его просоюзнической репутацией. Холсти к этому добавил, что он действительно всегда ориентировался на союзников и в свое время помешал избранию в финские короли немецкого кандидата. Назначение Холсти министром иностранных дел, естественно, вызвало беспокойство в Германии.

Холсти заверял меня, что политика Финляндии будет на сто процентов соответствовать идеям Лиги наций. Беспокоит Холсти лишь умонастроение финского юношества, восприимчивого к фашистским идеям. Он находит, однако, за последнее время ослабление этих тенденций и в доказательство сослался на пример его собственного сына, который еще недавно был определенный «иаци», а теперь совершенно отвернулся от Германии. В Финляндии среди юношества и других слоев населения широко распространено мнение, будто Финляндия обязана своей самостоятельностью Германии. Холсти предполагает опубликовать сборник документов, доказывающих, что своей самостоятельностью Финляндия отнюдь не обязана Германии. Холсти намерен о некоторых конкретных вопросах, как, например, о рыбной ловле в Финском заливе и о радиостанции, поговорить с т. Крестинским.

Холсти сообщил мне, что он в ближайшее время предполагает сделать визит Эстонии, затем принять в Гельсингфорсе с ответным визитом Мунтерса ****, созвать в Финляндии конференцию премьеров Скандинавских стран. Кроме того, в Гельсингфорсе ожидается в мае визит лорда Плимута в ответ на посещение Маннергеймом Лондона.

Мне нет надобности излагать заявление, сделанное мною Холсти о нашей политике. Я, конечно, заверял его в том, что мы питаем к финскому народу наилучшие чувства, проявление которых искусственно подавляется антисоветской установкой Финляндии. При ином отношении Финляндии к нам

* См. также док. № 6.

** Президент Финляндии.

*** Премьер-министр, с марта 1937 г. президент Финляндии.

**** Министр иностранных дел Латвии.

у нас с нею могли бы быть лучшие отношения, чем с кем бы то ни было из наших соседей, ввиду отсутствия конфликтных вопросов и нашего высокого уважения к Финской культуре. Финляндия нуждается в спокойствии и мире, которые могли бы быть ей полностью обеспечены при установлении надлежащих отношений с нами. Вместо этого она предпочитает интимную близость с Германией, Польшей и даже Японией. Мы хотели бы иметь хорошие отношения и с этими тремя странами, но, к сожалению, они ведут политику агрессивную и антисоветскую, и мы поэтому не можем относиться без подозрения к тем странам, которые с ними дружат. Мы не опасаемся, конечно, самостоятельного нападения на нас Финляндии, но мы должны учитывать, при вышеозначенных обстоятельствах, что в случае большой европейской войны Финляндия может очутиться в противостоящем нам лагере, и мы принимаем, конечно, свои меры предосторожности на финской границе. Нам гораздо приятнее было бы не думать о финской границе и увести отсюда наши войска на другие участки границы, но политика Финляндии нам этого не позволяет. При дружественных отношениях не трудно было бы урегулировать те частные вопросы, о которых упомянул Холсти. При нынешних же обстоятельствах, когда вся страна наша считает Финляндию враждебной нам, нам трудно проводить интересующие Финляндию вопросы через советские учреждения, от которых это зависит. Значительную роль, конечно, играет и финская пресса, которая не менее, если не более, враждебна нам, чем польская и даже германская пресса. Необходимо воздействовать и на финскую прессу.

Холсти благодарил за откровенный обмен мнениями и пообещал сделать все от него зависящее для улучшения отношений. В ответ на мои вопросы он отрицал постройку немцами химического завода в Финляндии и создание аэродромов. Немцы предлагали построить какой-то завод для получения рыбной муки, но это показалось финнам подозрительным, и они разрешения не дали. Холсти признал, однако, что на Аландских островах действительно строится аэродром якобы для вынужденных посадок гражданской авиации. В вопросах Лиги наций Финляндия стоит не только за сохранение полностью Пакта, но и за усиление его, но здесь имеются расхождения с другими Скандинавскими странами. Норвегия стоит за отмену 16-й статьи, Дания занимает неопределенную позицию, Швеция как будто защищает нынешний Пакт. Финляндия, однако, будет вести в Женеве свою линию.

Холсти десяток раз благодарил за прием и за оказанное ему внимание. Он был в большом восторге от Дома ЦДКА.

Литвинов

41. Телеграмма Поликомочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

9 февраля 1937 г.

Посетил Блюма. Во-первых, информировал его о нашей позиции в вопросе морского контроля*. Блюм заявил мне, что, по-видимому, дело улаживается, так как и англичане готовы предоставить СССР известную зону контроля. На мое указание, что не исключена возможность нашего выхода из Комитета в случае допущения дискриминации СССР при осуществлении системы морского контроля, Блюм согласился с такой позицией, отметив, что и французы предупредили в Лондоне о своем выходе из Комитета, если в пользу Португалии будет допущено изъятие из системы контроля.

Во-вторых, передал Блюму, каково наше отношение к намечаемому франко-турецкому пакту²².

В-третьих, сообщил ему об агитации, которую поляки ведут у румын против пакта Франции с Малой Антантой. Блюм ответил, что у него имеются однородные сведения. Он заключает отсюда, что позиция самой Румынии в отношении пакта является сомнительной и что Антонеску ведет двойную игру.

В-четвертых, я обратил внимание Блюма на сообщение относительно намерений Стоядиновича заключить с Венгрией пакт, аналогичный болгаро-югославскому. Блюм признал, что договор Югославии с Венгрией явился бы ударом по самым основам Малой Антанты. Говоря об этом, Блюм беспомощно разводил руками.

В-пятых, Блюм рассказал мне, что вызывал Даладье, которому сообщил о разговоре со мной директора «Шнейдера»²³. Решено было, что Даладье вызовет представителя фирмы «Шнейдер» Фонтена, с которым обычно военное министерство ведет переговоры. Фонтену будет заявлено, что рано или поздно национализация «Шнейдера» будет проведена, но что правительство не может допустить нелояльных маневров фирмы с заказами дружественной страны. Блюм советовал мне повидаться с Даладье. Из брошенного Блюмом замечания, что Венсан Ориоль** отнюдь не заинтересован форсировать национализацию предприятий «Шнейдера», выкуп которых потребует огромных расходов, и что вообще нужно произвести эту операцию осторожно и без ущерба для интересов национальной обороны, я заключаю, что, быть может, фирме даны будут какие-то успокоительные заверения.

В-шестых, на мое указание, что противники Народного фронта трубят о безвыходном финансовом кризисе и уже об-

* См. док. № 33.

** Министр финансов Франции.

суждают состав нового правительства, Блюм признал, что за последние дни финансовое положение стало крайне напряженным. Одним из способов ослабить кризис мог бы быть переход правительства в решительное наступление против капиталистов. Однако в данный момент это представляется Блюму опасным. Думаю, что опасность эту Блюм видит преимущественно со стороны Англии, которая, как говорил мне Леже, обуславливает свое сотрудничество с Францией воздержанием правительства Народного фронта от «социальных экспериментов»; возможно, что Блюма пугает и новый подъем активности интервентов в Испании, ободряющий противников Народного фронта. Вообще, на этот раз нашел Блюма прунывшим.

Мандель *, бывший у меня вчера, уверенно говорит о неизбежности падения правительства Блюма вследствие финансовых затруднений.

Полпред

Печат. по арх.

42. Сообщение Временного Поверенного в Делах СССР в Китае о чествовании памяти А. С. Пушкина **

9 февраля 1937 г.

Вечером в самом большом кинотеатре Китайско-советское культурное общество устроило вечер, посвященный памяти Пушкина. Большой зал и балкон, вмещающие до 1600 человек, переполнены, и многие стоят. Вместо Сунь Фо ***, находящегося в Шанхае, произносит речь генеральный секретарь законодательной палаты Лян Хань-цао. Затем мое приветствие (текст прилагается ****). После меня говорит представитель ЦИК го[м]иньд[ана] Саратовцев ***** произносит приветствие от имени ВОКС. Затем большой доклад проф. Чжан Си-мана о Пушкине. Публика дружно аплодирует каждому оратору. Вечер закончился показом фильма «Дубровский» и советской хроники. Оба фильма вызывают частые аплодисменты.

И. Спильванек

Печат. по арх.

* Министр почт и телеграфа Франции в 1935—1936 гг.

** Из дневника И. И. Спильванска за период с 2 по 26 февраля 1937 г.

*** Председатель законодательного юаня Китая, председатель Китайско-советского культурного общества.

**** Не публикуется.

***** Первый секретарь полпредства СССР в Китае.

43. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

10 февраля 1937 г.

Арас сегодня информировал меня о миланском свидании.

1. Оба министра согласились в том, что как на Средиземном море, так и на Черном море должно быть сохранено статус-кво. Арас будто бы заявил Чиано, что Турция решительно воспротивится проникновению каких бы то ни было посторонних (нечерноморских) держав в Черное море, против чего Чиано не возражал. На мой вопрос, что понимается под статус-кво на Средиземном море, Арас ответил, что — территориальный и политический статус в самом широком смысле. При этом он привел слова Чиано, что нарушением статуса было бы выделение каталонского государства из Испании. Арас утверждает, что о выходе советских судов из Черного моря в Средиземное море Чиано не заговаривал, вопреки противоположным сообщениям газет. Также Арас ответил на вопрос, шла ли речь об участии советского флота в контроле по соглашению о невмешательстве в испанские дела*.

2. Относительно присоединения Италии к проливной конвенции** Чиано заявил, что этот вопрос решен положительно, но практически это будет сделано после того, как Турция признает де-юре аннексию Абиссинии. Так как Турция сейчас на это пойти не сможет, то Арас рассуждает, что присоединение Италии состоится после майской сессии Совета Лиги наций, когда, по мнению Араса, будет разрешен юридический вопрос Абиссинии. Кроме того, Чиано в отношении присоединения к проливной конвенции сделал две оговорки: 1) Италия должна быть приравнена к государствам, подписавшим конвенцию; 2) она будет пользоваться преимуществами, вытекающими из японской оговорки, получившей отражение в ст. 21 проливной конвенции. Арас против этих оговорок не возражал, считая, что они не расходятся с конвенцией. Значение же этих оговорок, как мне Арас сказал, он так и не понял.

3. Чиано горячо заверял Араса в дружественных отношениях Германии к Турции. Арас спросил своего собеседника: какие цели он преследует этими заверениями; желает ли, например, Италия, чтобы Германия путем заключения военного союза с Турцией оказалась в Средиземном море? Чиано категорически отверг это и сказал, что Германия завершила Италию, что у нее нет никаких видов в районе Средиземного моря. На основании этой части беседы с Чиано Арас делает вывод, что Италия не хочет появления Германии в Средиземном море в качестве политического или военного фактора.

* См. т. XIX, док. № 249, а также док. № 12, 29, 33 настоящего тома.

** См. т. XIX, док. № 229.

4. Чиано сказал, что Италия якобы убедилась в том, что нет различия между Коминтерном и Советским правительством. Он признался, что между Италией и Германией существует соглашение, аналогичное японско-германскому*.

5. Говоря об испанских делах, Чиано указывал на растущее возбуждение как в Италии, так и во Франции из-за того, что бойцы одной национальности гибнут от рук бойцов другой национальности. Чтобы предотвратить перерастание в общую войну, нужно найти быстрый исход, каковым, по мнению Чиано, должна быть либо победа Франко, либо соглашение заинтересованных держав. Первое место в итервенции людей на стороне испанского правительства Чиано отводит Франции, сказав, что СССР ограничивается посылкой специалистов. Арас нашел Чиано склонным к быстрому урегулированию проблемы невмешательства.

6. По поводу итальянских укреплений на Додеканесе Чиано заверял, что они никогда не были направлены против Турции, а подготовлялись в предвидении абиссинской войны. Арас сделал вид, что этому поверил.

7. В Милаце ничего не было подписано и не имеется в виду что-либо подписывать. На мой вопрос, не предполагается ли подписание соглашения, аналогичного англо-итальянскому джентльменскому соглашению**, Арас ответил, что в этом нет надобности, так как англо-итальянское соглашение уже обеспечивает на Средиземном море статус-кво. Теперешняя задача Турции, Югославии и Греции — устранить натянутость в отношениях с Италией, которая, в части Турции, уже достигнута миланским свиданием. Кроме того, было бы неосторожно заключать соглашение, так как оно могло бы быть ложно истолковано в других местах.

В своих объяснениях Арас был, против обыкновения, мало словоохотлив. Некоторые вопросы он просто отводил, говоря, что Чиано об этом не говорил, не пускаясь при этом, опять-таки против обыкновения, ни в какие рассуждения. Я несколько раз пытался расшифровать понятие «статус-кво на Средиземном море», но каждый раз получал стереотипный ответ, какой приведен выше. Я указал Арасу на то, что это понятие в его формулировке шире того, которое имеется в англо-итальянском соглашении. Арас сначала было согласился со мной, но потом сказал, что это подразумевается в англо-итальянском соглашении. Он привел в качестве примера, что посягательство Германии в Средиземном море нарушало бы политический статус-кво и было бы столь же неприемлемо, как и нарушение территориального статус-кво.

Залкинд

Печат. по арх.

* См. т. XIX, соответственно док. № 366 и 361.

** См. док. № 1, 2.

44. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Афганистане о чествовании памяти А. С. Пушкина *

10 февраля 1937 г.

Как я условился с Наим-ханом до приезда Файза Мухаммеда **, сегодня в 4 часа дня состоялось торжественное заседание Литературного общества Кабула, посвященное 100-летию со дня смерти Пушкина. Присутствовали члены общества, редакторы газет и журналов, писатели и поэты, представитель сената и представители МИД во главе с Файзом Мухаммедом. Кроме советской колонии были приглашены турецкий посол и иранский советник (ввиду болезни посла). Представитель общества охарактеризовал значение Пушкина для мировой литературы и хвалил Советское правительство за его большую культурную работу, он приветствовал Советское правительство. Я приветствовал общество от имени советских литераторов и подчеркнул значение культурной связи между странами и, в частности, желательность установления такой связи между СССР и Афганистаном. Наше собрание служит началом такой связи. Я охарактеризовал вкратце значение Пушкина для СССР и всего мира и указал на все, что делается в СССР в связи с чествованием памяти великого поэта. Я кончил выражением пожелания чествования в будущем великих людей Афганистана и пожелал Афганистану развиваться по пути прогресса и культуры. Представитель общества говорил на фарси, и затем был сделан перевод по-французски. Я сделал свой доклад по-французски, и он был переведен на фарси. Затем выступил вице-председатель общества с сообщением биографии Пушкина и перечислением его главных произведений (мы помогли обществу в этом докладе), а затем он огласил стихотворение на смерть Пушкина, написанное главным афганским поэтом стариком Кари Абдуллою «малик ушшуара» ***. После этого было предложено угощение и чай. Собрание прошло очень оживленно и вообще удачно. Представители общества меня очень благодарили за мою инициативу в этом деле, подчеркнув, что подобное собрание имеет место в Афганистане впервые. Даже чествование памяти Фирдоуси не имело места. Тогда был лишь прием в иранском посольстве. Члены общества выразили сожаление, что выставка запоздала. Я обещал дать в подарок обществу наиболее интересную ее часть, когда она придет ****. Когда я поблагодарил Файза Мухаммеда за организацию этого соб-

* Из дневника Б. Е. Сквирского за период с 8 по 16 февраля 1937 г.

** Соответственно заместитель министра и министр иностранных дел Афганистана.

*** — «царь поэтов» (*дари*), почетное звание.

**** См. док. № 112.

рания и сказал ему, что сообщение об этом собрании вызовет в Москве большое удовлетворение, он, наклонившись ко мне, чтобы турецкий посол, стоявший тут же, не услышал, сказал: «Повлияйте, пожалуйста, на Москву, чтобы нас не держали больше на подозрении». — «А это зависит всецело от вас», — ответил я. Он рассмеялся. Чествование было устроено в гостинице «Кабул».

Полномочный Представитель СССР
в Афганистане
Б. Сквирский

Печат. по арх.

**45. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран-
ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР
в Китае И. И. Спильванку**

11 февраля 1937 г.

На Вашу телеграмму от 5 февраля²⁷. Сообщите лично Чэню и Куну*, что Богомолов** сделал доклад правительству и выезжает в конце февраля с конкретными предложениями по вопросу о нашем будущем сотрудничестве с Китаем²⁸. Подчеркните строго секретный характер Вашего сообщения.

Стомяков

Печат. по арх.

**46. Телеграмма Народного Комиссара Иностран-
ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехослова-
кии С. С. Александровскому**

14 февраля 1937 г.

На Вашу телеграмму от 13 февраля²⁹. Не скрывайте от Годжи, что внешнеполитическая установка некоторых аграрных органов печати производит у нас самое тяжелое впечатление и несомненно мешает советско-чехословацкому сотрудничеству, подрывая доверие к устойчивости отношений. Укажите, что эта установка несомненно влияет на политику Югославии и Румынии и в немалой мере ответственна за происходящий развал Малой Антанты. Она же поощряет агрессивность Германии и Польши.

Литвинов

Печат. по арх.

* Соответственно Чэнь Ли-фу — член государственного совета и Кун Сян-си — заместитель председателя исполнительного юаня Китая.

** Полпред СССР в Китае.

47. Письмо Полиомочного Представителя СССР в Чехословакии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

14 февраля 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

Я сообщал Вам по телеграфу о своем намерении потребовать у Крофты объяснений к интервью Годжи с корреспондентом «Морнинг пост»*. 5 февраля я был у него и заявил в основном следующее.

Без преувеличения, я хорошо разбираюсь в чехословацкой внешней и внутренней политике и поэтому спокойно отношусь к огромному количеству газетных и иных кампаний и выпадов против СССР, против линии Бенеша и Крофты во взаимоотношениях с ним, против пакта о взаимной помощи** и т. д. Моим постоянным стремлением является поддержать такое же ровное и спокойное отношение к этим явлениям, нередко входящим до эксцессов, и со стороны Москвы. Констатирую, что я всегда нахожу понимание и доброжелательство в Москве, которое всегда носит конкретные формы практического сотрудничества между нашими странами, особенно в деле укрепления европейского мира. Однако последние полгода, если не больше, я переживаю большие затруднения в том смысле, что аграрная кампания в пользу «ревизии» чехословацкой внешней политики все более определенно принимает формы кампании против советско-чехословацкого сближения и за сближение с Германией на основе принятия Чехословацкой тех тенденций, которые явно направлены на изоляцию СССР и разрушение основ коллективной безопасности. Не могу скрыть, что упорность этой кампании и поддержка ее со стороны ответственных политических руководителей производит как на меня, так и на Москву тягостное впечатление. Я усматриваю в ней явление, прямо противоречащее линии Бенеша, поощряющее агрессивные настроения в Европе и тем увеличивающее опасности, и без того слишком многочисленные, в Европе. Я бы, может быть, и не давал такой серьезной оценки, если бы не видел, что упомянутая кампания питается прямо из источников, слишком близких к решающей партии коалиции — аграрной. Еще серьезнее следует отнестись к этому явлению, когда член этой аграрной партии премьер-министр Годжа, по существу, уже открыто вступает на тот же путь. Дальше я довольно резко критиковал интервью Годжи от 2 февраля, приблизительно в духе моего изложения в моем предыдущем письме к Вам, посланном с этой же почтой³⁰.

Крофта был буквально взволнован. Беспokoйно разводил руками и всячески заверял, что это интервью не должно было

* См. док. № 37.

** См. т. XVIII, док. № 223.

появиться. Накануне Крофта был у Бенеша, и последний дал прямую директиву не откликаться на речь Гитлера. Но едва Крофта вернулся домой, как узнал о совершившемся факте дачи этого интервью. Повторяю, Крофта прямо с волнением говорил, что Годжа непрерывно портит ему в проведении правильной внешнеполитической линии, но он ничего с этим не может сделать. Дальше Крофта пытался ослабить значение этого интервью, уверяя, что Годжа — «экспрессионист» и дилетант во внешней политике, которому его темперамент постоянно портит. Годжа и сам не предполагал, чтобы это его интервью вызвало кривотолки. Крофта не опровергал моего толкования содержания интервью, но уверял, что Годжа полностью остается на позиции Бенеша и ему будет неприятно узнать, что он достиг этим интервью результата, который все не входит в его планы. Годжа, дескать, «как и все разумные люди Чехословакии», ни минуты не думает о том, чтобы отказаться от драгоценного для Чехословакии сотрудничества с СССР.

Я прямо сказал Крофте, что этого мне мало. Интервью премьера — это документ. Москва имеет право спросить меня, что значит этот документ, и я не могу ей ответить на это разъяснениями в духе сделанных Крофтой. Мне всякий скажет, что я не уполномочен своими объяснениями обстановки, традиций и т. п. дезавуировать премьер-министра. Крофта перебил тем, что и он, к сожалению, не имеет права формально дезавуировать премьера, хотя, по существу, он заверяет меня совершенно серьезно, что это интервью — «экстра-тур» Годжи, не имеющий никакого значения для судеб внешней политики правительства, возглавляемого тем же Годжей.

Тогда я назвал на Крофту по линии поведения чехословацкой печати, и особенно близкой к Бенешу. Я ему продемонстрировал принесенные с собою номера газет с клеветническими выпадами против СССР, с заигрываниями по адресу Германии. Особо отметил поведение «Социал-демократа» и указал на полную безнаказанность клеветнической травли, которую ведет генлейновская печать.

Крофта соглашался и «лично» решительно осуждал все эти явления. Затем, полагая искренне, Крофта в своем обычном откровенном тоне стал рассказывать, как ему приходится бороться в кабинете министров с паническими настроениями по поводу так называемой опасности большевизма. Крофта буквально говорил, что это стало прямо психическим заболеванием. Не только аграриям, но и ремесленникам*, а иногда и некоторым другим везде чудится «большевистская опасность». Например, министр торговли Нейман (ремесленник) был недавно во Франции и вернулся оттуда в панике, ибо

* Чехословацкая партия ремесленников и мелких торговцев.

якобы видел собственными глазами, что Франция большевизуется. Испанские события «раздвоили душу» очень многих. Успех фашизма в Испании был бы прямо гибельным для Чехословакии. Поражение же фашизма там почти всем рисуется как торжество большевизма. Поэтому гитлеровская пропаганда находит в Чехословакии благодарную почву и, нужно признать, не остается без влияния. Люди ходят как в бреду, как зачумленные, по словам Крофты. С ними трудно найти общий язык, и отсюда у Крофты происходит бесчисленное множество столкновений и трений, когда он проводит ясную линию, являющуюся линией его и Бенеша. В такой обстановке вполне понятно, что и печать ведет себя временами как оголтелая. В противовес моим претензиям он может указать на то, что те же самые газеты и в то же самое время пишут очень благоприятно об СССР и горой стоят за дальнейшее сближение с ним.

С последней констатацией я должен был согласиться. Особенно «Лидове новины» последнее время чуть не каждый день имеют в одном и том же номере одну ярко антисоветскую статью и тут же другую, советофильскую. Но я считаю подобное поведение недостойным, и оно производит на меня скорее впечатление политики двурушничества, чем чего-нибудь другого. В панику впадать разрешено частным лицам, но не политикам, особенно ответственным за судьбы государства. Если объяснение Крофты правильно, то оно все-таки не оправдывает такого поведения.

Крофта безоговорочно соглашался и под конец заявил, что он сделает все зависящее от него, чтобы воздействовать на печать. Что же касается Годжи и его интервью, то он настаивает, чтобы у меня и в этом направлении не осталось сомнений. В частности, Крофта особенно настаивал на том, что хотя «Венков» и является центральным органом аграрной партии, к которой принадлежит Годжа, но Годжа сам находится в постоянной войне с «Венковым». Отчасти поэтому за последнее время более близкой Годже газетой является его словацкий орган «Словенски денник».

На другой день, 6 февраля, ко мне явился пражский корреспондент этой газеты, «Словенски денник», и просил меня высказаться по поводу сенсационных слухов, распространяемых чехословацкой печатью о положении в СССР. Было совершенно очевидно, что это результат вчерашнего разговора с Крофтой, очевидно уже доведенного до сведения Годжи. Мои высказывания с редакционным вступлением были помещены на первом месте передней страницы на другой же день, 7 февраля. Перевод прилагаю*.

* Не публикуется.

На другой же день после разговора у Крофты было обычное совещание с внешнеполитическими редакторами газет правительственной коалиции, которое по традиции устраивается министром иностранных дел еженедельно. Мне рассказывали несколько журналистов (Рипка, Сыхрава, Кубка), что Крофта на этом совещании очень энергично набросился на поведение чехословацкой печати по отношению к СССР и называл скандалом и позором то, что чехи клеветают и травят в берлинском духе лучшую и главную опору мира и своей собственной независимости. Крофта якобы небывалым образом распушил журналистов и рекомендовал переменить тон.

За последние несколько дней я не берусь еще судить, имеется ли уже перелом, по несколько более спокойный тон некоторых газет, пожалуй, уже можно наблюдать. На завтраке у меня с Фейхтвайгером присутствовали три шеф-редактора крупнейших газет и несколько видных журналистов, в том числе известный Рипка. Этот последний сразу сказал мне, что ему уже досталось от Крофты и мне незачем повторять своих упреков. В оправдание он может сказать лишь то, что его газета не затрагивала СССР как государство, но она не может отказаться от борьбы с большевизмом. Он может принять лишь претензию на то, что иногда эти два понятия все-таки смешиваются. Он будет следить за тем, чтобы этого не случилось.

Как я сообщал телеграфно, 10 февраля я был в опере на «Евгении Онегине», давались по случаю 100-летия со дня смерти Пушкина. В театре был Бенеш. Я ходил к нему в ложу, и здесь он мне, между прочим, сообщил, что Годжа на днях позовет меня для разговора²⁹, который рассеет мои сомнения. Таким образом, и это нужно отнести к последствиям моего разговора с Крофтой.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

48. Выступление Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании *И. М. Майского на заседании Комитета

16 февраля 1937 г.

В нашем заседании 9 декабря — после трехмесячного существования Комитета — я сделал обзор его «достижений» за тот период, и итог получился довольно мрачный **.

* Полное наименование — Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании.

** См. газ. «Известия», 11 декабря 1936 г.

Как раз тогда мы вступали в новую фазу деятельности — распространения соглашения на вопрос о так называемых добровольцах в Испании, и я рискнул в связи с этим выразить надежду, что в вопросе о добровольцах мы добьемся больших успехов, чем в делах, первоначально затрагивавшихся соглашением, не скрыв, однако, наличия некоторых подозрительных симптомов, которые уже в тот момент стали обнаруживаться.

Последующие события, к сожалению, более чем оправдали мои тогдашние пессимистические предчувствия.

Свыше двух месяцев прошло с тех пор, как вопрос о добровольцах стал обсуждаться в Комитете, по до сегодняшнего дня всевозможные камни преткновения как внутри, так и вне Комитета мешали проведению действительного запрещения иностранным подданным принимать участие в испанском конфликте. И то же самое наблюдалось в вопросе об осуществлении схемы контроля.

Однако вчера вечером в подкомитете при председателе [Комитета] несколько наиболее заинтересованных держав договорились наконец — несомненно по разным мотивам — по вопросу о добровольцах и по вопросу о контроле*. Были установлены даже даты для введения в действие соглашений — о добровольцах с 20 февраля, о контроле с 6 марта.

Приветствую этот успех от имени моего правительства и смею заверить, что мое правительство даже в этот поздний час готово будет содействовать осуществлению принятых мероприятий. В знак своей доброй воли Советское правительство согласно изменить свою позицию в отношении некоторых спорных пунктов контрольной схемы¹⁹.

Однако, хотя положение в настоящий момент кажется несколько более благоприятным, чем раньше, опыт прошлого рекомендует нам осторожность в оценке перспектив успеха. Несмотря на то что большая часть трудностей, видимо, преодолена, все же имеются еще вопросы, удовлетворительное разрешение которых необходимо до того, как вся схема контроля сможет быть пущена в ход.

В частности, я хотел бы указать на то, что Комитет не знает отношения Португалии к этой схеме. Подкомитет в течение некоторого времени находился в затруднении, так как португальское правительство отказывалось присоединиться к выработанному Комитетом плану контроля. Насколько я понимаю, португальское правительство теперь пересматривает свою позицию и скоро даст ответ. Будем надеяться, что ответ окажется благоприятным и не подвергнет опасности осуществление всего плана.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что успех принятых вчера вечером решений зависит от двух условий:

* См. газ. «Известия», 17 февраля 1937 г.

во-первых, от того, будет ли найдено удовлетворительное разрешение затруднений, вызванных отношением Португалии к плану контроля,— разрешение, которое сохранило бы всю эффективность этого плана;

во-вторых, от того, будет ли обеспечено искреннее сотрудничество всех держав— членов Комитета в выработке и выполнении решений Комитета, разумеется на основах полного равенства между членами.

Хотел бы искренне надеяться, что оба эти условия будут соблюдены и что Советскому правительству поэтому не придется пересматривать свою позицию.

Печат. по арх. Оубл. в «Documents of the Non-Intervention Committee». N. I. S. (36) 319.

49. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

17 февраля 1937 г.

Подтверждая получение вербальной ноты Императорского Министерства Иностранных Дел от 23 января с. г. *, Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Японии имеет честь довести до сведения Министерства Иностранных Дел о нижеследующем: Посольство подтверждает, что все, изложенное в его ноте от 8 января¹⁰, в точности соответствует действительности, так как все приведенные в ней факты установлены в результате специального строгого расследования, проведенного советскими властями по указанию из центра.

Посольство считает необходимым решительно отклонить попытки Министерства Иностранных Дел возложить на СССР ответственность за возникновение пограничных инцидентов на советско-маньчжурской границе. Ввиду того, что Японское Правительство систематически уклоняется от совместного расследования пограничных конфликтов, несмотря на неоднократные предложения Советского Правительства **, совершенно очевидно, что те или иные обвинения советской стороны в нарушении мира и спокойствия на границе не могут не быть рассматриваемы иначе, как попытка освобождения от ответственности действительных виновников этих нарушений.

Посольство имеет честь указать, что Советское Правительство сожалеет, что вместо принятия эффективных мер к поддержанию на существующей границе мира и спокойствия и привлечения к ответственности лиц, виновных в ее нарушении, Японское Правительство сочло возможным отрицать точно установленные факты и выступить в свою очередь с протестом, перечисляя ряд никогда не имевших места нарушений границы Маньчжоу-Го со стороны пограничной охраны СССР.

* Дата получения, нота датирована 19 января.

** См. т. XIX, док. № 31.

На неправильность сведений, полученных Министерством Иностранных Дел от местных властей об этих нарушениях, указывает и тот факт, что эти сведения расходятся с утверждениями по этому же вопросу маньчжурских представителей. В то время как в ноте Министерства Иностранных Дел от 23 января говорится, что 4 января в районе Хуньчуня на маньчжурскую территорию вторглись 30 советских кавалеристов, маньчжурский дипломатический агент в Пограничной, заявляя 9 января протест по этому же поводу, упоминал лишь о 20 советских мирных жителях, а дипломатический агент в Харбине, заявивший протест в тот же день, — о 20 солдатах. Инцидент с якобы имевшим место переходом 15 советских пограничников в районе Чаилинцзы в ноте Министерства Иностранных Дел указан как имевший место 6 января, в то время как в протестах маньчжурских дипломатических агентов он датирован 3 января.

В заключение Посольство не может не отметить полной неосновательности содержащейся в ноте Министерства Иностранных Дел попытки установить, что инциденты на советско-маньчжурской границе между советскими и маньчжурскими отрядами являются вопросами, затрагивающими только отношения между СССР и Маньчжоу-Го. Как Посольство уже имело случай сообщить Министерству Иностранных Дел, Советское Правительство неоднократно излагало свою точку зрения, что в силу особых отношений, сложившихся между Японией и Маньчжоу-Го, Япония не может рассматриваться в качестве третьей стороны при конфликтах на советско-маньчжурской границе*. Впрочем, и сам факт выступления Японского Министерства Иностранных Дел в ноте от 23 января с представлением по поводу ряда инцидентов, якобы имевших место между СССР и Маньчжоу-Го, подтверждает эту точку зрения.

Печат. по арх.

50. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
17 февраля 1937 г.*

Ответ французскому генеральному штабу³¹ сообщен сегодня в 3 часа дня Семеновым** генералу Кольсону***, заменившему отсутствующего Швейсгута***. Присутствовал генерал Жеродиас***, записавший основные положения ответа.

* См. т. XIX, док. № 364.

** Военный атташе при полпредстве СССР во Франции.

*** Соответственно начальник главного штаба сухопутных сил, заместитель начальника генерального штаба и заместитель начальника главного штаба сухопутных сил французской армии.

Между прочим, Жеродиас осведомился, почему не предусматривается проход наших войск через Литву. Семенов разъяснил, что прежде всего, естественно, намечаются действия, согласованные с союзниками и друзьями Франции, как Польша и Румыния. В целом наш ответ признан прямым и ясным. Сегодня же он докладывается Гамелену.

В три с половиной часа дня я сообщил наш ответ Блюму. Он записал его содержание. По его словам, он лично должным образом оценивает «прямоту ответа, чуждого всяких недомолвок». Блюм просил передать правительству СССР и, «если можно, Сталину» его признательность за такой ответ. Завтра он созывает Даладье, Дельбоса и некоторых других членов правительства для его первоначального обсуждения. Со своей стороны он высказал предположение, что, быть может, придется предусмотреть и такой вариант, при котором Польша будет сохранять нейтралитет, а согласие на пропуск наших войск будет иметься со стороны Румынии. На это я заметил, что заранее примириться с отказом Польши от выполнения союзных обязательств и требований Устава Лиги наций было бы слабостью и опасной политической ошибкой. Между прочим, Блюм выразил недоумение, зачем понадобилось генералу Кольсоу привлекать Жеродиаса к разговору с Семеновым. Жеродиас не является для правительства вполне своим человеком и в ближайшее время должен будет оставить службу в штабе для перехода на командную должность.

Полпред

Печат. по арх.

51. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Н. Я. Райвида в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 февраля 1937 г.

Политический кризис, начавшийся в связи с речью сэюкаэвца Хамада * 21 января, не закончен. Борьба в правящем лагере еще продолжается, о чем свидетельствует и довольно острый характер парламентских прений.

Ход борьбы внутри правительства Хирота вокруг кандидатуры Угаки ** и в процессе формирования кабинета Хаяси *** показывает, что ни одна из борющихся сторон — умеренно консервативный лагерь (двор, значительная часть финансового капитала и буржуазные партии) и военщина

* Лидер партии сэюкай; см. газ. «Известия», 24 января 1937 г.

** Генерал в отставке.

*** Премьер-министр Японии с 2 февраля по 31 мая 1937 г.

(вместе с стоящими за нею реакционно-фашистскими кругами и наиболее агрессивной частью финансового капитала) — не имеет решающего перевеса сил. Известно, что военная клика еще в декабре добивалась роспуска парламента с целью не допустить выявления в парламенте резко усилившегося недовольства внешней и финансовой политикой правительства. Военные считали, что только решительным действием, как роспуск парламента, могут приостановить рост оппозиции против армии, поэтому воспользовались первым же незначительным поводом — выступлением Хамада. Однако у них не хватило сил для полного осуществления своих намерений, ибо они наткнулись на сопротивление двора и политических партий и, что особенно важно, на возражение флота, а также на отрицательное отношение к военной клике со стороны подавляющей части буржуазного общественного мнения. Поэтому результатом активизации военных явился не роспуск парламента, а неожиданное для всех осложнение с Хирота.

В свою очередь умеренно консервативный лагерь попытался использовать в своих интересах недовольство в широких слоях буржуазии внешней и внутренней политикой Хирота — Баба * — Тэраути * для создания «сильного» правительства, способного, не изменяя основного курса политики, прибавить к рукам военщины и устроить крайность финансовой политики Баба. Для этого был выдвинут Угаки, поддерживаемый почти всей буржуазией, прессой и парламентом. Однако умеренно консервативный лагерь не сумел преодолеть сопротивления военщины этой попытке и не решился дать ей открытый бой. Угаки должен был отказаться, что является успехом армии. Таким образом, ни умеренные круги, ни военщина не сумели добиться резких изменений в соотношении сил в свою пользу. Результатом этого явился достаточно гнилой компромисс в виде кабинета Хаяси, являющегося, по личности премьера, по составу министров и их связей в правящих кругах, а также по характеру правительственной декларации, самым бесцветным и малоавторитетным со времени кабинета Киоура **.

В настоящий момент можно зафиксировать следующие результаты этого политического кризиса:

1. В стране усилилось еще недовольство и оппозиция по отношению к армии, престиж и популярность которой продолжают быстро падать; нынешние парламентские прения, открыто заостренные против военщины, свидетельствуют об этом и о попытках умеренного лагеря изолировать военщину и окончательно лишить ее общественной поддержки в стране.

* Соответственно министр финансов и военный министр в правительстве Хирота.

** Премьер-министр Японии в январе — июне 1924 г.

2. Военная клика, несомненно, озабочена этим ростом антиармейских настроений и своей неудачей добиться роспуска парламента, поэтому она пока держится пассивно, несмотря на то что некоторые выступления в парламенте против армии гораздо острее, чем речь Хамада. Однако она не может позволить парламенту пойти слишком далеко в его попытках дискредитировать и обуздать военную клику, поэтому использование нового конфликта между парламентом и армией с последующим роспуском парламента вполне возможно.

3. Военщина добилась двух несомненных успехов в результате этого кризиса. Эти успехи: а) фактическое снятие с порядка дня той острой критики внешней политики, которая являлась одной из главных целей политических партий на парламентской сессии. В связи с этим вряд ли будет иметь место такая мобилизация общественного мнения против японо-германского «антикоминтерновского» пакта, которая была бы столь выгодна для нас. Остается, конечно, возможность более умеренной критики в связи с обсуждением бюджета МИД; б) усиление реакционного характера правительства, ослабление его зависимости от политических партий по сравнению с прежними правительствами и усиление зависимости кабинета Хаяси от военщины.

4. В то же время правительство должно было внешне отмежеваться в демонстративной форме от финансовой политики Баба, уступая тем самым общественному мнению. Однако это отмежевание носит чисто декларативный характер, ибо бюджет Юки * материально мало чем отличается от бюджета Баба. Поправки Юки к проекту Баба носят больше бухгалтерский характер и в целом не ослабляют намеченного Баба увеличения финансового бремени населения. Имеющие же материальное значение изменения в проекте налоговой реформы, сделанные Юки (перераспределение налоговых тягот в пользу крупного капитала и в ущерб помещичье-кулацкой верхушке деревни), и некоторые его поправки к бюджету (сокращение суммы новых займов, ничтожное сокращение военных и морских бюджетов и т. п.) встречают удовлетворение финансового капитала и рассчитаны на успокоение страны и заграницы, встревоженных вскрывшейся при Баба перспективой ускоренного развития инфляции и обострения классово-борьбы (стачечное движение и пр.).

5. Правительство Хаяси будет в лице Юки и Икэда ** лучше связано с крупным финансовым капиталом, чем Хирота — Баба, в то же время больше влияния, чем до сих пор, будет оказывать на финансовую политику концерн «Мицуй», кото-

* Министр финансов в правительстве Хаяси.

** Президент Японского банка.

рый при прежних правительствах был несколько оттеснен концернами «Мицубиси», «Ясуда» и др.

В целом налицо новые шаги по пути фашизации страны, дальнейшего ущемления парламентаризма и по пути обострения противоречий в правящем лагере и классовой борьбы.

Следует особо отметить, что единственное заявление в области внешней политики было сделано Хаяси в парламенте лишь о советско-японских отношениях*. Подчеркивание факта заключения японо-германского соглашения и декларирование обязательств реализовать его, отклонение пакта о ненападении с СССР и характеристика нашей политики как угрожающей — все это свидетельствует о том, что у правительства Хаяси единственным твердо усвоенным принципом является стремление продолжать враждебную нам политику Хирота — Арита.

Поверенный в Делах

Печат. по арх.

52. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара земледелия СССР Полномочному Представителю СССР в Мюнхенской Народной Республике В. Х. Таирову

21 февраля 1937 г.

Для 10 станций³² завозим 100 тракторов, к ним 500 конных сенокосилок плюс 250 сенокосилок конной тяги, 350 конных граблей, 10 грузовых автомобилей, 10 автопередвижных мастерских, 50 пароконных повозок, 1050 комплектов упряжи, прочий инвентарь. Командируем 10 инструкторов, 20 механиков, 20 шоферов, 120 трактористов, 10 слесарей, 10 кузнецов, 10 счетоводов. Сообщите Ваши соображения о мощности станций, точки станций, пути перебросок оборудования. Необходимо выделение сенокосов в среднем по 10 000 га на станцию, наметить 200 человек для обучения тракторному делу, подобрать переводчиков, рабочую силу, лошадей, с учетом привлечения населения. Договоритесь об ассигнованиях на оперативно-хозяйственные расходы**.

Цылько

Печат. по арх.

53. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому

22 февраля 1937 г.

На Вашу телеграмму от 20 февраля³³. Я потому и говорил с Чиунту***, что знал, что он немедленно передаст разговор в Бухарест, и, по-видимому, передал с достаточной полнотой.

* См. газ. «Известия», 16, 18 февраля 1937 г.

** См. док. № 59.

*** Посланник Румынии в СССР.

В предстоящей беседе* можно заявить следующее. Мы от Румынии ничего не добиваемся, кроме сохранения ею полной самостоятельности перед лицом германских и польских провокаций, лояльности в отношении Франции и Малой Антанты, дружественных отношений с нами и верности принципам Лиги наций и коллективной безопасности** — иначе говоря, сохранения курса Титулеску. Вместо этого мы видим ослабление малоантантовских связей, господство в Румынии влияния польской и германской миссий и в довершение всего новый пароксизм интимности с Польшей. Договор с Польшей*** был направлен исключительно против СССР, ибо ни против Германии, ни против Болгарии или Венгрии Польша Румынии помощи не окажет. С последней Польша сохраняет самые интимные отношения. Польша вместе с Германией подкапывается под Малую Антанту. Мы имели право рассчитывать, что после гарантий, данных нами Румынии в Лондонской конвенции****, Румыния не станет вновь манифестировать сближение с Польшей, которое мы должны рассматривать как направленное против СССР, ибо никаких других целей это сближение преследовать не может.

Поэтому поездку Антонеску и Самсоновича в Варшаву³⁴, если даже и не подтверждается сообщение о письменном подтверждении Антонеску консультации с Польшей при любом договоре с нами, и предстоящую поездку короля в Варшаву или Мосьцицкого***** в Бухарест мы не можем воспринять иначе, как полное изменение курса Румынии в отношении нас. В беседах с Вами***** министры, правда, говорят о дружественных отношениях с нами, но публично заявляют лишь о том, что никакого пакта с нами не заключили, и дается торжественное обещание и впредь не заключать его. Эти положения Вы можете иллюстрировать известными Вам фактами, а также отношением к нашим курьерам и гражданам при проезде через Румынию и затруднениями в создании воздушной линии с Прагой*****.

Дельбос мне действительно категорически заявил, что рекомендовал Румынии дать согласие на болгаро-югославский договор лишь при соответствующей клаузуле о неизменности и неприкосновенности других обязательств Югославии³⁵.

Можно выразить сомнение в завершении акции относительно отозвания немца и итальянца³⁶.

* См. док. № 55.

** См. т. XIX, док. № 273, 279, 288, 357.

*** См. т. IX, прим. 26.

**** См. т. XVI, док. № 213.

***** Президент Польши; см. док. № 133, 203.

***** См. док. № 23.

***** См. т. XIX, прим. 99.

Подсказывать Румынии мы ничего не можем, она сама должна сделать что-нибудь, чтобы рассеять наши подозрения, но не в форме заявления Вам с глазу на глаз.

М. Литвинов

Печат. по арх.

54. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

23 февраля 1937 г.

Греки официально сегодня заявили о согласии продлить торговое соглашение на 1937 г. на прежних условиях*. Приступил к оформлению, на днях подпишем³⁷.

Кобецкий

Печат. по арх.

55. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Министром Иностранных Дел Румынии Антонеску

1 марта 1937 г.

1 марта в 7 часов вечера Антонеску меня вызвал к себе**. Он начал с того, что едет 15 марта в Аикару, с тем чтобы иметь возможность к концу месяца быть в Праге на конференции Малой Антанты, и обязательно в Праге. Надо, говорит Антонеску, обязательно собраться, и именно в Праге, чтобы, во-первых, подготовить почву для поездки Бенеша в Белград и, во-вторых, чтобы подбодрить Прагу, которая находится сейчас в угнетенном состоянии. Уже с Крофтой, говорит Антонеску, договорились. Ждут ответа от Стоядиновича. Ссылаясь на то, что он проводит в скупщине бюджет, Стоядинович вначале отказывался; в субботу, 27 февраля***, Кадере (румынский посланник в Белграде) сообщил, что Стоядинович может быть, найдет пару дней, чтобы отлучиться из Белграда.

После этого сообщения беседа не клеилась, так как ни мне, ни, очевидно, ему не хотелось перейти на тему, ради обсуждения которой я был вызван. Я пригласил Антонеску к себе обедать и попросил его назначить день, указав, что 15 марта я уезжаю в Москву с докладом. Антонеску назвал 9 марта и спросил, что я буду докладывать Литвинову. Я сказал Антонеску, что наша беседа сегодня, я рассчитываю, даст мне материал для доклада. Тогда Антонеску попросил меня ему изложить, почему мы иервничаем.

* См. док. № 19.

** См. док. № 53.

*** В документе ошибочно — марта.

Я заявил Аитонеску, что мы не нервничаем, но, наблюдая политику Румынии, мы прииуждены констатировать, что Румыния все более отдаляется от линии, которую Румыния вела в течение последних нескольких лет; внешняя политика Румынии все очевиднее отходит от концепции коллективной безопасности и находится в поисках какой-то иной, новой линии: оба инструмента Лиги наций на Балканах и в Средней Европе, Малая и Балканская Антанты, ослаблены, если не разрушены.

Ведущая роль в Малой Антанте начиная с брatisлавской конференции * перешла к Белграду, усилиями которого был уничтожен принцип единства внешней политики, установленный в 1933 г. по инициативе Румынии. Белград таким образом получил возможность легализировать свои отношения с Болгарией, усилить линию сближения с Венгрией и продолжать укреплять свои отношения с Германией; все три страны — враги коллективной безопасности, Лиги наций и Малой Антанты. Белград не только не встречал противодействия со стороны Румынии, но некоторые перемещения членов белградского и бухарестского кабинетов Татареску и Стоядиновича накануне встреч с Прагой создали впечатление, что Белград действует в полном согласии с Бухарестом, который, очевидно, в этом вопросе не мог или не хотел сопротивляться. Таким образом, Чехословакия, верная носительница лигионационных идей, оказалась изолированной.

До сентября прошлого года изолированной в Малой Антанте оказывалась всегда Югославия, которая должна была плестись за объединенными Прагой и Бухарестом. Я при этом отметил совпадение во времени начала разнузданной немецкой кампании против нас и Чехословакии с периодом брatisлавской конференции. Что касается Балканской Антанты, то я сослался на самого Аитонеску, который квалифицировал болгарский пакт [с Югославией] как конец Балканской Антанты. И в этом случае сопротивление Румынии подлежит сомнению, если верить сообщению Дельбоса³⁵. У нас создалось и крепнет впечатление, что Румыния, которая вместе с Чехословакией удерживала за собой шатавшуюся Югославию, стала следовать за Югославией, которая стала окончательно на путь сближения с врагами Малой Антанты.

В ноябре ** месяце Аитонеску едет в Варшаву, вслед за ним едет Самсонович³⁴. Аитонеску делает декларацию польской прессе, в которой заявляет, что Румыния, как и Польша, не намеревается участвовать ни в советском, ни в аитисоветском блоке, т. е. с концепции коллективной безопасности переходит на линию так называемого нейтралитета. В коммю-

* См. газ. «Известия», 15 сентября 1936 г.

** В документе ошибочно — октябре.

нике Бек-Антонеску подчеркивается, что цели, которые себе ставил польско-румынский союз * при его заключении, сейчас столь же актуальны, какими были в момент подписания договора. Поездка в Варшаву и без таких коммюнике и декларации была бы достаточна, чтобы вызвать нашу настороженность, учитывая антисоветские характер и задачи польско-румынского союза.

После возвращения [Антонеску] из Варшавы Бухарест являлся свидетелем совершенно безнаказанного вмешательства польской миссии во внутренние дела Румынии. На глазах у всех, кто хотел видеть, польская миссия вела кампанию против СССР и Праги. Мне известно, сказал я Антонеску, что это не проходило незаметным для правительства, по крайней мере для одного из виднейших членов кабинета.

К этому времени же относится начало разнузданной кампании в прессе против моей страны и против наших государственных деятелей; совершенно произвольно в киосках конфисковываются уже пущенные в продажу наши издания; в течение десяти дней цензурой запрещаются четыре номера «Известий»; снимаются с экрана, без всяких оснований, фильмы, уже пропущенные цензурой; почти совершенно исчезает со страниц прессы все то, что может представить СССР в его настоящем свете **. Сопоставляя эти два момента — поездка в Варшаву и отношение к нам внутри страны, у нас создалось впечатление, что, впрягшись в колесницу Югославии по части средневропейских и балканских дел, Румыния следует советам Варшавы в ее отношениях с Союзом, и нас поэтому не удивила полученная нами информация о подтверждении румынским кабинетом польской интерпретации § 5 польско-румынского договора ³⁸.

Антонеску начал с заявления для передачи Литвинову, что эта информация является самой настоящей ложью, лишенной всякого основания: ни устного, ни письменного подтверждения польской интерпретации союзного договора Антонеску ни в Варшаве, ни в другом месте не давал.

Затем, попросив меня его слушать не прерывая, он начал свое изложение по пунктам.

1. Малая Антанта. Верно, что Малая Антанта переживает сейчас кризис, но это не кризис распада, а кризис роста: совершенно изменилась обстановка в Европе и Дунайском бассейне по сравнению со временем заключения договора Малой Антанты, и теперь все три страны ищут путей к приспособлению договора Малой Антанты к новой обстановке. Главный враг сейчас не Венгрия, а Германия. Вырос новый враг, надо изменить обязательства по договору, чтобы они

* См. т. IX, прим. 26; газ. «Известия», 2 декабря 1936 г.

** См. также т. XIX, док. № 357 и док. № 23 настоящего тома.

могли соответствовать новой опасности. Пока что Югославия не сказала решительно «нет» по тем переговорам, которые Малая Антанта сейчас ведет между собой. Напрасно представляют себе Югославию как врага Чехословакии. Принц Павел во время последней беседы сказал Антонеску: «Мной еще не решен вопрос, что я не пойду на помощь Чехословакии в случае германской агрессии, но нужно ли, чтобы я об этом сейчас сказал?»

Я подал реплику Антонеску: «Что же в этом заявлении утешительного для Чехословакии?»

Антонеску начал эту формулу Павла поправлять, так и не поправив, сказал: «Но, видите ли Вы, ведь принц Павел еще не решил окончательно, что он не пойдет на помощь Чехословакии в случае немецкой агрессии!»

2. Балканская Антанта и болгаро-югославский пакт. Дельбос, говорит Антонеску, предложил ему дать сербам безоговорочное согласие на подписание пакта. Антонеску возражал, но в конце концов, уступив настояниям Дельбоса, просил его по крайней мере воздерживаться на Белград в смысле включения в текст пакта упоминания о неприкосновенности прежних обязательств Югославии, что Дельбос и передал Пуричу*. Белград в этом отказал. Прага дала свое согласие, но обусловила его согласием Бухареста. Арас, как председатель Балканской Антанты, дал согласие от своего имени и едва ли не ангажировался от имени всей Антанты. Таким образом, осталась одна Румыния, которая, разумеется, не могла одна взять на себя одну отказа.

Тем не менее Антонеску без больших усилий добился включения в протоколы афинской конференции параграфа, подчеркивающего, что югославо-болгарский пакт не наносит ущерба обязательствам Югославии по Балканской Антанте. Таким образом, по мнению Антонеску, единство Балканской Антанты восстановлено, и это благодаря усилиям Румынии.

Отношения Югославии с Германией являются функцией внутренней политики Стоядиновича и никакой угрозы для Балканской и Малой Антанты представлять не могут, так как эти отношения не отражают действительных отношений югославо-к Германии, при этом Антонеску вновь сослался на упомянутое выше заявление принца Павла.

3. Поездка в Варшаву. Антонеску заявил, что поездка в Варшаву была предпринята по договоренности с Францией для того, чтобы удержать Польшу от откровенного союза с Германией и в надежде на улучшение чешско-польских отношений. Правда, чешско-польские отношения сейчас еще очень напряжены, но надежды ни Франция, ни Румыния окончательно не оставили. Против Союза поездка не была

* Посланник Югославии во Франции.

направлена: ни советско-польские, ни советско-румынские отношения этой поездкой не затронуты; польско-румынские — не подверглись никакому изменению, так как договор этот все время существовал, и до поездки, и после. При этом Антонеску вновь, как в первой беседе после своего приезда, сослался на возможность перемены нашей внешней политики, однако не настаивая уже на том, что союз Польши с Румынией действует против всех.

Я деликатно спросил Антонеску, как румынское общественное мнение расценило бы поездку Литвинова в Берлин или Нейрата в Москву. «У нас, — говорю, — есть и Рапалльский, и Берлинский договор*, правда не характера военного союза. Договоры эти были заключены в определенной политической обстановке почти одновременно с польско-румынским договором, и вот, сославшись на возможность прихода к власти гогокузистов**, мы бы стали оживлять этот договор, хотя он не союзный, не военный и не направлен против кого бы то ни было».

Я сказал Антонеску, что мы считаем, что поддержка, оказываемая нами все время Румынии, угрожаемой немецким, венгерским и болгарским ревизионизмом, обстановка, которую мы создали для Румынии в нашей стране, — все это не давало никаких оснований Бухаресту предпринимать шаги к оживлению своего союза с Польшей, если бы в виды Бухареста не входило улучшение отношений с Польшей, хотя бы за счет ухудшения отношений с Союзом. Мы считаем, что искренняя дружба с СССР несовместима с оживлением румыно-польского союза.

Антонеску сослался на поездку Гамелена и Рыдз-Смиглы*** и спросил, каково отношение Москвы к этим поездкам и вызвали ли они такую же с нашей стороны реакцию.

Я сослался на незнание, но отметил разницу между поездкой французов и румын, заключающуюся в том, что французы поехали оживлять союз с Польшей, направленный против Германии, будучи с нами связаны примерно такими же обязательствами, а румыны поехали оживлять союз, направленный против нас. Поездки Гамелена и Рыдз-Смиглы не повлияли в худшую сторону на состояние советско-французских отношений, что нельзя сказать о результатах поездки Антонеску.

Антонеску заявил, что он не видит ухудшения отношений, что кампания прессы была и при Титулеску и т. д. Я отметил, что в это время хотя и была кампания прессы, но поведение цензуры, отношение к нашим гражданам было совсем иное,

* См. т. V, док. № 121 и т. IX, док. № 141.

** О. Гога и А. Куза — руководители фашистской национал-христианской партии Румынии.

*** См. т. XIX, док. № 254.

немцы не торжествовали в своей прессе, не аплодировали по любому поводу Румынии, поляки вели себя здесь, как все остальные миссии, «случая Шебы»³⁹ не было.

Антонеску меня прервал и сказал, что он сделал для Шебы все, что мог, защищал его, как мог, несмотря на то что в его книге действительно содержатся вещи, которых не следовало бы писать дипломату. Оказывается, по словам Антонеску, и югославы, и турки сделали или собираются сделать представление в связи с книгой Шебы, так как в этой книге якобы задеты и Александр югославский, и турки в связи с Балканской войной.

Я остановил Антонеску на этом месте и сказал, что в «случае Шебы» меня в данном случае интересует не столько сам Шеба, сколько то обстоятельство, что и поляки, и немцы, руками которых все это дело смонтировано, имели в виду ударить и ударили и по Малой Антанте, и по нам; никогда за два с лишним года моего пребывания в Бухаресте, говорю я Антонеску, такие речи не раздавались в румынском парламенте. Но поражает в этих дебатах не эти выступления, а то, что атаки против идеи Малой Антанты и против Союза не встретили отпора ни со стороны правительства, несмотря на присутствие трех членов кабинета, в том числе и министра иностранных дел, ни со стороны правительственного большинства, что было бы немислимо год тому назад.

Вот почему нынешняя кампания прессы против нас, как и все прочее, принимает особый характер в свете состояния Малой Антанты, которая переживает не кризис роста, а находится в полосе жесточайшего кризиса, капюна распада, доказательство чему — укрепление отношений Югославии с врагами Малой Антанты, Румынии с Польшей, врагом и Малой Антанты, и Советского Союза. Мы считаем несовместимой с возможностью дружественных отношений с нами интимность отношений с Польшей, являющейся порт-паролем Германии в Европе. И так как мое правительство в своей внутренней и внешней политике не выносит экивоков, мой нарком и поговорил с Чиунту*.

Антонеску мне на это сказал следующее: «Нет ни одной страны в мире, кроме вашей, которая в настоящий момент может позволить себе роскошь вести ясную политику (*politique segeine*). Румыния, ни Франция даже, не может позволить себе такой роскоши, как ясная внешняя политика. Румыния предпочитает сохранять свои союзы. Это предпочтительнее, чем толкать Польшу в объятия Германии. Мы,— говорит Антонеску,— желаем дружбы с Советскими республиками. Надо быть безумцем, чтобы думать, что Румыния может захотеть получить в лице Советов врага. В этом смысле я и делал свое

* См. док. № 53.

заявление в сенате. Европа переживает сейчас тяжелые времена. Ваши союзники вместе с нами, румынами, работают над укреплением мира; вместо того чтобы нас подбодрить (encourager), вы своими подозрениями нас обескураживаете. Я решительно Вам заявляю, что Румыния будет стремиться к дружбе с Советской Россией, о чем прошу Вас передать Литвинову. А что касается Польши, то я не потерял надежды видеть ее в наших рядах, а пока мы ее нашими действиями удерживаем от окончательного падения в германские объятия, для чего и будем поддерживать союз с ней. Мы уверены, что в решительный момент Польша будет против Германии, как об этом свидетельствует ее поведение в день 7 марта 1936 г.».

Я напомнил Антонеску заявление Бека в сейме на следующий день [после] 7 марта, которое мало вяжется с заявлением Антонеску. Антонеску сослался на свидетельство Дельбоса и вновь заявил, что «мы Польшу удерживаем», на что последовала моя реплика, что у всех, и у нас в том числе, создалось впечатление, что не Румыния удерживает Польшу от Германии, а Польша удерживает Румынию от Чехословакии и Советского Союза. Беседа перевалила за второй час, Антонеску отдал при мне распоряжение своему секретарю показать мне протоколы Балканской Антанты и закончил тем, что он ничего не подписывал в Варшаве, не давал никаких интерпретаций и просил верить искреннему желанию Антонеску и кабинета жить с Советами в дружбе.

М. Островский

Печат. по арх.

56. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 марта 1937 г.

В связи с приездом 15 марта в Анкару румынского министра иностранных дел Антонеску Арас сказал мне, что носится с мыслью выступить в банкетной речи с заявлением, что Турция — решительная противница нарушения статус-кво на Черном море. Эта мысль навеяна разговорами с Литвиновым и Титулеску о Черноморском пакте. В теперешней ситуации подобное уточнение турецкой политики, по мнению Араса, может быть полезным, имея в виду германские интриги в Румынии и фашистские плаиы в отношении Украины. Смысл заявления Арас определил как одностороннее обязательство Турции. Выбор момента также благоприятен ввиду некоторого ослабления напряжения в международных отношениях, вследствие чего такое выступление не явится вызовом по адресу Германии. В этом выступлении и гармонирующем выступлении Антонеску, если таковое последует, можно будет вместе с тем

усмотреть ядро своего рода джентльменского соглашения наподобие англо-итальянского*. Арас отмечал, что это заявление будет особо дружественным в отношении СССР, представляя собою известное дополнение к речи Ататюрка о проливах⁴⁰. Арас говорит, что все это пока его собственная идея и он еще не советовался с Иненю. Рассказывал он мне, очевидно, с целью узнать отношение Москвы, хотя прямо вопрос не ставил**.

Мне представляется, что такое заявление Араса преследует три цели:

1. Показать нам, что политика Турции по отношению к СССР неизменна, несмотря на отказ от пакта***.
2. Дать дополнительное успокоение Румынии в связи с болгаро-югославским пактом.
3. Сбалансировать миланское свидание****.

Залкинд

Печат. по арх.

57. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

4 марта 1937 г.

Против обсуждения предложения об удалении из Испании иностранцев, вплоть до агитаторов, можно не возражать⁴¹. Настаивайте, однако, на удалении также марокканцев и иностранцев из Иностранного легиона. Если внутренний режим Испании должен решаться одними испанцами, то недопустимы иностранцы ни под каким видом. Кстати, в Комитете надо поднять вопрос о недопущении волонтеров также в испанский Иностранний легион, иначе немцы и итальянцы устремятся в легион, а оттуда будут перебрасываться в Испанию, обходя соглашение о волонтерстве****. Надо также предложить морским контрольным пунктам ни в коем случае не задерживать заходящих туда судов дольше, чем требуется для принятия наблюдателей, а то можно опасаться в итальянском порту пакостей нашим судам. Желательно также, чтобы в случае обнаружения добровольцев или запрещенного груза наблюдатели извещали правительство страны флага с требованием приостановления дальнейшего следования судна, посылая копии радиogramм в Комитет.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 1.

** См. док. № 63.

*** См. т. XIX, док. № 203, 321, 336, 339, 345, 347, 358.

**** См. док. № 43.

***** См. док. № 12, 33, 48.

**58. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Великобритании
И. М. Майскому**

4 марта 1937 г.

Вам, конечно, известно, что Германия делает отчаянные усилия для овладения экономикой Ближнего Востока, в частности Ирана и Афганистана *. Закупая там все сырье, которое не находит сбыта на других рынках, Германия использует накопляющиеся таким путем на счетах ближневосточных стран замороженные марки для навязывания им своих экспортных товаров. Продает она машинное оборудование, строит заводы, комбинаты на выгодных кредитных условиях; не отказывается она также в продаже военных материалов; посылает своих специалистов для разведывания минеральных залежей; дает она также специалистов на службу означенным странам на условиях более выгодных, чем того требуют специалисты других национальностей. Таким образом Иран и Афганистан уже в значительной мере опутаны Германией. По нашим сведениям, в Иране уже имеется около 500 германских специалистов, а в Афганистане около 100. Теперь Германия стремится связаться с Ираном и Афганистаном воздушной линией.

Мирное проникновение Германии в ближневосточные страны встречает так же мало сочувствия у англичан, как и у нас. Английские дипломатические представители не скрывают от наших полпредов своего беспокойства. Особенно ощущается Англией опасность германских интриг в Афганистане. Хорошо было бы Вам в каком-нибудь разговоре с Иденом или Ванситтартом осторожно затронуть эту тему, намекая на некоторый параллелизм наших интересов в противодействии германскому напору. Повторяю, речь идет лишь об осторожном зондаже, который ни в коем случае не должен иметь характера сговора. Особенно желательно было бы выяснить отношение Англии к вышеуказанной авиалинии. Германия издавна стремится установить воздушную линию на Китай. Одно время она стремилась провести ее через СССР, Среднюю Азию и китайский Туркестан. Нанкинское правительство шло Германии навстречу и даже заключало какие-то соглашения. Препятствия, однако, были с нашей стороны, а также со стороны урумчуйского дубая. Германия стала тогда нащупывать пути через Ближний Восток, а именно Турцию, Иран и Афганистан. Турция наотрез отказала, но Иран и Афганистан колеблются. В настоящее время намечается линия на Ирак — Иран — Афганистан, которая для Германии имеет важное значение, если даже не удастся продлить ее дальше в сторону Китая. Мы опасаемся, что колебания Ирана и Афганистана Германии

* См. т. XIX, док. № 252 и док. № 35, 84 настоящего тома.

не трудно будет преодолеть, если ей удастся заручиться согласием Ирака. Однако в случае отрицательного отношения к этой линии английского правительства ему не трудно было бы повлиять на Ирак и окончательно провалить германскую воздушную схему. Повторяю, не надо обращаться к англичанам специально по этому вопросу, а затронуть его лишь при беседе на другие темы*.

Литвинов

Печат. по арх.

59. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике в НКВД СССР и в Народный Комиссариат земледелия СССР

6 марта 1937 г.

На вашу телеграмму от 21 февраля**.

1. В результате проработки вопроса и переговоров с монгольским руководством пришли к выводу, что в этом году больше 5 тракторных станций освоить будет трудно. Остальные 5 должны быть на конной тяге. Мощность этих станций и необходимое для них оборудование определяются следующим образом: тракторная станция, рассчитанная на обработку примерно 10 тыс. га сенокосов, должна располагать 10 тракторами, 50 тракторными сенокосилками и, кроме того, 10 конными сенокосилками, 60 конными граблями, 2 боковыми граблями, 2 конными сенособираателями, 3 тракторными сенопрессами, 1 грузовой машиной, 1 передвижной мастерской и 1 пикапом. Конная станция, рассчитанная на обработку приблизительно 4—5 тыс. га, должна располагать 40 конными сенокосилками, 40 конными граблями, 5 конными сенопрессами, 1 передвижной мастерской, 1 пикапом.

2. В соответствии с вышеприведенным расчетом для всех этих 10 станций из СССР должно быть завезено следующее оборудование: тракторов — 50, тракторных сенокосилок к ним — 250, конных сенокосилок — 250, конных граблей — 500, боковых граблей — 10, конных сенособираателей — 10, тракторных сенопрессов — 15, конных сенопрессов — 25, передвижных мастерских — 10, грузовых машин — 5, пикапов — 10 и 1 легковая машина. Кроме того, должно быть завезено 50 пароконных повозок, 1500 комплектов конной упряжи (мы выяснили у военных, что иаши хомуты не годятся для монгольской лошади ввиду ее низкорослости и поэтому они употребляют лишь шлеи; образцы этой шлеи имеются у военведа в Москве) и проволоки для прессования сена из расчета общей продукции всех станций 3½ млн. пудов сена в год, из которого половина должна прессоваться.

* См. док. № 123.

** См. док. № 52.

3. Указанные станции предлагается дислоцировать следующим образом: тракторные станции — 2 в Восточном аймаке, 2 в Центральном и 1 в Ара-Хангайском; конные станции — 1 в Кобдо, 1 в Косоголе, 2 в Селегинском и Центральном и 1 в Восточном аймаках. В соответствии с этим завоз оборудования из СССР следует предварительно наметить к следующим пограничным пунктам: а) в Цаган-Нур — для одной конной станции, б) в Турту — для одной конной станции, в) в Алтан-Булак — для 3 тракторных и 2 конных станций, г) в Эрей-Цав — для 2 тракторных и 1 конной станций. Все грузы, очевидно, должны сдаваться на границе «Совмонгтусторгом».

4. Колличество советских специалистов, которые должны быть командированы для работы на этих станциях, следующее: 60 трактористов (не следует посылать женщин ввиду исключительно тяжелых условий, в которых будут находиться работники станций на месте), шоферов — 30, слесарей — 10, кузнецов — 10, счетоводов — 10 и 10 инструкторов.

5. К практической работе по всем вопросам, связанным с развертыванием станций, приступили. На днях будет уже решение монгольского правительства о развертывании станций к моменту начала сенокосной кампании, на места выезжают специалисты для установки и уточнения мест, отводимых для сенокосов, подготовляются набор монгольских кадров для обучения тракторному делу и обращению с другими механизмами, а также привлечение населения для временных работ и закупка лошадей. Необходимые ассигнования на операционно-хозяйственные расходы предусматриваются. Должен, однако, предупредить Вас, что специалистов, которые бы хорошо знали это дело, здесь нет, во многих вопросах мы действуем на ощупь и поэтому возможны ошибки. Крайне необходимо поэтому срочно прислать сюда специалиста, имеющего опыт практического руководства крупной машинно-сенокосной станцией, для того чтобы он мог консультировать нас по вопросам, связанным с подготовкой и развертыванием этой работы. Для него необходимо прислать одну машину.

6. Сообщаю для сведения, что здесь нет специалиста, который мог бы сделать все детальные расчеты, поэтому очень прошу поручить своим специалистам сделать все необходимые расчеты рабочей силы, лошадей, быков, горючего и т. д. и срочно сообщить мне для принятия практических мер к подготовке*.

Таиров

Печат. по арх.

* См. док. № 108.

60. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Поликомичному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Вне очереди
7 марта 1937 г.*

Повидайте Крейги и заявите следующее:

Советское правительство было бы согласно заключить любое морское соглашение с Англией как по качественному, так и по количественному ограничению морских вооружений*. Оно было бы согласно на это потому, что позиция Англии ясна и понятна. Советское правительство не может то же самое сказать о позиции Германии в данном вопросе, ибо она неясна и непонятна, тем более что представители Советского правительства до сих пор не имели возможности непосредственного обсуждения этих вопросов с Германией и выяснения таким образом непонятной для Советского правительства позиции Германии. Мы не говорим уже о Японии, которая, имея уже громадный военный флот, не связана и не хочет связывать себя в отношении количества и качества морских вооружений. При таком положении вещей СССР, не желая попадать в положение неравной стороны и всецело разделяя стремления мирных держав к качественному и количественному ограничению морских вооружений, считает наиболее целесообразным средством достижения этой цели созыв морской конференции как больших, так и небольших держав для выработки соответственного соглашения.

В случае распросов со стороны Крейги можете разъяснить, что мы не доверяем Германии и ее заявлениям, что не уверены в том, что она не заложит и не заложит больше внелимитных судов, чем это будет предусмотрено соглашением, и что не верим также Японии. Международная конференция представляет больше гарантии, и, кроме того, на ней могли бы быть обсуждены методы контроля. Прошедший со времени начала наших переговоров с Англией почти год достаточно богат событиями, которые окончательно поколебали наше доверие к Германии и Японии⁴².

Литвинов

Печат. по арх.

61. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Австрии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

7 марта 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

В связи с визитом Нейрата в Вену мировая пресса уделила очень много внимания Австрии. К Вам, без сомнения, уже

* См. т. XIX, прим. 88.

поступила обширная информация об этом визите, его последствиях и результатах, поэтому мне кажется излишним теперь подробно останавливаться на обстановке самих переговоров и их результатах и я позволю себе остановиться более подробно только на том отношении и оценке этих переговоров, какую последние встретили в дипломатических венских кругах.

Все дипломаты в Вене, с которыми мне пришлось беседовать (американец, чех, польский поверенный в делах, англичанин, румын, турок и др.), за исключением болгарина, настроения которого исключительно прогерманские, сходятся в одном: Нейрат ставил своей задачей добиться конкретизации и дальнейшего развития известного соглашения от 11 июля 1936 г. * Его усилия не увенчались успехом. Отношения между Австрией и Германией ухудшились. Демонстрации австрийских гитлеровцев, устроенные по приказу из Берлина и на немецкие деньги (советник чешского посольства Шром прямо называл источник финансирования в лице фон Папена **), дали результаты, обратные тем, на которые рассчитывали в Берлине. В Берлине придавали большое значение мобилизации гитлеровских сил в Австрии в момент приезда Нейрата в Вену. Демонстрация «австронаци» в Вене должна была показать силу и рост гитлеровцев в Австрии и произвести соответствующее впечатление на Шушнига *** и его окружение, убедить его в безнадежности попыток противодействовать гитлеровскому влиянию в Австрии.

Отсюда понятны преувеличенные сообщения в германской печати, а также в нелегальной гитлеровской в самой Австрии о количестве демонстрантов. Американец Мессерсмит показал мне листовку австрогитлеровцев, где хвастливо заявляется, что в день приезда Нейрата демонстрировало за Гитлера 100 тыс. человек; на самом деле демонстрантов-гитлеровцев было не более 8 тыс. человек. Эту цифру Мессерсмит точно определяет, так как он посылал специальных людей для наблюдения.

Выступления австрийских гитлеровцев вызвали крайнее раздражение у Шушнига и его окружения. Он ответил контрдемонстрацией «Фатерлендише фронт» **** и острой кампанией в печати еще до отъезда Нейрата в Берлин, что в свою очередь произвело тягостное впечатление на Нейрата, фон Папена и других гитлеровских посланцев. Мессерсмит, американский посланник, говорит, что фон Папен якобы ему жаловался: «Еще один такой визит — и от соглашения от 11 июля ничего не останется». Во всяком случае, тон как австрийской, так и германской печати ясно свидетельствует, что визит Ней-

* См. т. XIX, док. № 223, 226, 227, 233.

** Посланник Германии в Австрии.

*** Кацлер Австрии.

**** — «Отечественный фронт» (нем.).

рата оставил неприятный осадок у обеих сторон; об этом можно судить также по сдержанному тону официального коммюнике, в котором указывается лишь одно конкретное решение — учредить комиссию по культурному сотрудничеству.

О чем же, в сущности, вел переговоры Нейрат в Вене? Беседы, как говорят, вращались вокруг следующих вопросов: 1) реставрация Габсбургов, 2) амнистия легионеров. По первому из них — о реставрации Габсбургов — Нейрат указал Шушнигу, что в Германии относится крайне отрицательно к этому плану. Шушниг ответил, что восстановление монархии — вопрос внутренней политики Австрии, т. е., по существу, повторил то, что он сказал 14 февраля в своей нашумевшей речи на слете «Фатерлендише фронт». По второму вопросу — о предоставлении возможности возвратиться в Австрию австрийским легионерам — Шушниг ответил отказом. Таким образом, по существу поднятых вопросов визит действительно можно считать неудачным, но здесь интересуются уже тем, каковы будут дальнейшие шаги Германии. Полагают, что неудачный визит Нейрата в Вену не только не ликвидирует опасности дальнейшей экспансии немцев в Австрии, но неизбежно должен привести к обострению форм этой экспансии. В этой связи характерно то, что мне передал американский журналист Геди — представитель «Нью-Йорк таймс» и «Дейли телеграф». Геди, который был у меня 2 марта вечером, например, ставит вопрос так: «Теперь остро стоит речь о том, в каких формах будет идти дальнейший нажим на Австрию. У Шушнига нет преемника. Ему не на кого опереться. Гвидо Шмидт* — человек колеблющийся и во время своего ноябрьского визита в Берлин дал там широко идущие обещания. Зайпель** готовил Дольфуса**, Дольфус готовил Шушнига, а у Шушнига никого нет. Если Шушнига не станет, то некому будет продолжать его политику». Когда я ему возразил, что Шушнигу еще рано заботиться о своем преемнике, он мне привел пример Дольфуса и сказал: «Как политический деятель, Шушниг должен готовить себе преемника», прямо указывая на террористические настроения некоторой части «австронаци». Об этом Геди говорил, по-видимому, потому, что в английских газетах имеется сообщение, что после возвращения Нейрата из Вены в Мюнхене обсуждался проект майора Буха, одного из бывших руководителей австрийского легиона, по которому «наци» предполагают снова произвести путч в Вене, причем Шушнига должна была бы ждать участь Дольфуса. Проект, по сведениям этих газет, успеха не имел. Шушниг в своих выступлениях 4 и 5 марта в Граце и Глейсдорфе (Штейермарк***) ре-

* Статс-секретарь, с февраля 1938 г. министр иностранных дел Австрии.

** Канцлеры Австрии соответственно в 1927—1929 и 1932—1934 гг.

*** Штирия.

гировал на эти слухи резким предупреждением по адресу «австронаци». В своем выступлении в Глейсдорфе Шушниц сказал: «Если у нас сейчас нет беспокойства в отношении того, что у нас могут повториться события 1934 г., то этим мы обязаны тому, что у нас есть армия. Каждая попытка повторить события 1934 г. будет пресечена в зародыше. Нам это не может доставить беспокойства даже в течение 15 минут». Как бы то ни было, факт таков, что визит Нейрата вызвал повышенную активность со стороны гитлеровских сторонников в Австрии и обострение внутренних отношений, а также и повышенную деятельность нелегальных гитлеровских организаций в самой Австрии.

Одновременно «австронаци», пользуясь помощью многочисленных чиновников, профессоров, владельцев крупных предприятий, проводят тактику легального внедрения в аппарат и легализирования под другой вывеской нацистских организаций в Австрии. В этом отношении любопытна организация союзов «Меркишер фольксфрейнд» и «Дейчсоциалер фольксбунд». Характерно, что эти союзы находились под покровительством двух членов кабинета — Нейштедтер-Штюмера и Глейзе-Горстенау. В петиции, поданной Шушницу через Нейштедтер-Штюмера, выдвигалось требование [создания] организации национального типа вне рамок «Фатерлендише фронт». Характерно, что эту петицию подписал 600 политических деятелей, фамилии и положение которых ярко освещают гитлеровское влияние внутри правительственного лагеря. Кроме большого числа известных австрогитлеровцев подписали петицию крупные чиновники, в том числе генеральный директор официальной газеты австрийского правительства «Венская газета» * Кругенхаузер, руководитель клерикальных фашистских союзов бывший министр Снидариц, многие руководители ликвидированного хеймвера, профессора, директора «Альпине монтан-гезельшафт» и некоторые другие крупные деятели. Петиция вызвала большое возбуждение в клерикальном окружении Шушница, и они произвели давление на него, чтобы последний опубликовал этот список. Внутренняя борьба между австрогитлеровцами и клерикальным окружением Шушница, принимаемая острые формы, не лишена и элементов комизма, как это было, например, с самолетом, который будто бы прилетел не то из Москвы, не то из Чехословакии и 12 февраля, в годовщину штурмовских волнений, чертил в воздухе какие-то фигуры. Венские газеты уверяли, что он рисовал в воздухе молот и серп и даже советские лозунги. Австрийские газеты указывали, что это советские и чехословацкие самолеты, а немецкие газеты, подхватив эти сообщения, подняли вокруг этого «большевистского» самолета свистопляску. Оказалось, что летчиком был пилот австрийской государственной летной школы некий

* «Винер цейтунг».

Арги, широко известный как немецкий шпион. Он действовал, очевидно, по поручению гитлеровцев. Известно также, что австрийский генеральный штаб запретил газетам печатать разоблачение этой аферы; не опубликовав никакого опровержения своих же досужих выдумок, газеты просто замяли этот неприятный для них случай.

В этой напряженной атмосфере, в обстановке растущей враждебности между австроклерикалами и австрогитлеровцами визит Нейрата в Вену привел к обострению внутренней борьбы. Австрогитлеровцы пытались использовать визит для демонстрации своих сил, чтобы вынудить Шушнига на уступки. Им удалось мобилизовать кое-какие группы, в первую очередь молодежи и женщин. Все-таки в Вене были некоторые беспорядки, была доказана живучесть фашистской организации, а тем более вся лживость мнимых нормальных отношений между Германией и Австрией. Тяжелое и сомнительное положение правительства Шушнига в связи с этими демонстрациями стало как нельзя более ясным. Противоречия между клерикалами и австрогитлеровцами обострились. Клерикальные газеты ссылаются на центральное руководство демонстрациями и на финансирование со стороны немцев. Клерикальные газеты бьют бурю * по поводу участия в этих демонстрациях австрийских чиновников и требуют чистки государственного аппарата. Орган Шушнига «Штурм юбер Эстеррейх» в статье от 28 февраля, например, пишет: «К сожалению, мы должны были установить, что среди демонстрантов была не только молодежь, среди них были некоторые женщины, которых, по-видимому, послали на улицу, потому что их мужья в это время сидели в бюро правительственных ведомств. Мы уже давно удивлялись долготерпению правительства, оставившего часть государственного аппарата в руках той части бюрократии, которая не восприняла ни в какой степени австрийского духа». «Линцер фолксблат», провинциальный орган клерикалов, открыто требует отставки министра Нейштедтер-Штюмера.

Визит Нейрата в Италия. В результате визита Нейрата в Австрии еще упорнее заговорили о том, что австрийское правительство намерено ускорить реставрацию Габсбургов, и именно как гарантию против домогательств и интриг Германии. Вопрос о восстановлении Габсбургов приобрел тем больший политический интерес, что было известно, что Муссолини сочувствовал плану реставрации Габсбургов. В начале марта ожидали визита Шушнига в Рим, где Шушниг должен был добиться согласия Муссолини по вопросу о Габсбургах. Однако в Риме наступил неожиданный поворот. Гайда ** опубликовал одну за другой две статьи в официальном органе «Джорнале д'Италия» против реставрации Габсбургов.

* Так в тексте.

** Редактор газеты «Джорнале д'Италия».

В здешних дипломатических кругах (американец, турок) итальянскую позицию в вопросе о Габсбургах объясняют борьбой против французов.

Так, Мессерсмит, например, не сомневается, что конфликт германских и итальянских интересов в австрийском вопросе не устранен. Но за германскую дружбу Италии приходится идти на уступки, которые к тому же облегчаются неудачной и неумной шумихой французской прессы о Габсбургах. Поскольку во французской печати все время идут заявления, что только реставрация является единственной и основной гарантией независимости Австрии, Италия на это ответила заявлениями Гайды, что реставрация Габсбургов только компрометирует австрийскую независимость, что она бесполезна и сопряжена с опасностями, что Австрия не является спорным объектом между Германией и Италией.

Итог: венский визит Нейрата всколыхнул массу вопросов, получив большое значение для оценки внутривнутриполитической обстановки в Австрии. Он может стать также исходным пунктом значительного осложнения международной политической обстановки в Средней Европе в будущем.

С товарищеским приветом

С. Твердынин

Печат. по арх.

62. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Крофтой

8 марта 1937 г.

Я начал разговор ссылкой на то, что в дипкорпусе усиленно разговаривают о секретных переговорах Чехословакии с Германией при посредстве какого-то Траутмансдорфа *. Крофта прервал меня заявлением, что Ина уже говорил ему о разговоре со мною⁴³ и он охотно будет информировать меня о том, что есть верного в распространяемых слухах. Крофта начал довольно подробно с истории вопроса.

Когда Гитлер после занятия Рейпской области предложил всей Европе долгосрочные договоры о ненападении, чехословацкое правительство официально запрашивало в Берлине относится ли это предложение также и к Чехословакии, потому что речь Гитлера оставляла неясность в этом направлении. Германия ответила в положительном смысле. Через некоторое время Чехословакия поставила другой вопрос, а именно: считает ли Германия аннулированным, одновременно с аннулированием Локарнского договора, и арбитражный договор между

* См. док. № 31, 65, 143.

Чехословакией и Германией*. Германия ответила, что считает этот договор действительным и на дальнейшее время.

По поводу этого арбитражного договора Крофта специально отметил, что он был подписан одновременно с Локарнским договором, потому что в те времена локарнские державы отклонили желание Чехословакии быть включенной прямо в локарнскую систему и откровенно толкали Чехословакию на самостоятельное урегулирование своих взаимоотношений с Германией. С определенной горечью и в тоне обиды Крофта говорил, что великие державы не хотели возиться с такой мелочью, как Чехословакия, и не болели ее интересами. В результате и был заключен упомянутый арбитражный договор, обязывающий стороны подвергать все возможные конфликты и споры между Германией и Чехословакией разбирательству третьей стороны.

Поскольку Локарнский договор был порван, а всеобщее настроение ожидало заключения нового Локарно, возникла мысль о необходимости приспособить сохранивший силу арбитражный договор к требованиям момента. Другими словами, возникла мысль о превращении этого договора в договор о ненападении и нейтралитете, присоединенный к новому локарнскому договору. Крофта снова подчеркнул, что не было надежды на включение Чехословакии в число держав нового Локарно и история старого Локарно и арбитражного договора побуждала Чехословакию искать именно такую форму участия в западноевропейском соглашении. Поскольку тем временем Восточный пакт в первоначальной форме** явно провалился и от него остались лишь договоры о взаимной помощи СССР с Францией и Чехословакией***, было необходимо решить вопрос о соотношении между этими договорами и новым Локарно. Чехословакия (да и Франция) давала на этот вопрос абсолютный безоговорочный ответ: договоры о взаимной помощи с СССР сохраняются во что бы то ни стало, принцип коллективной безопасности нерушим.

Дальнейший зондаж, частично проводимый в Берлине посланником Мастны, не давал никаких результатов. С другой стороны, чем дальше, тем яснее становилось, что Гитлер саботирует новое Локарно и такой договор едва ли состоится вообще. Тогда-то и возникла мысль о заключении договора о ненападении и нейтралитете как самостоятельного, вне зависимости от заключения нового локарнского соглашения. Мысль принадлежала Гитлеру и была выражена Траутмансдорфом, который является личным доверенным человеком Гитлера. Он говорил об этом с Мастны в Берлине, а затем приезжал и в

* См. сб. «Локарнская конференция 1925 г. Документы», М., 1959, стр. 496—497.

** См. т. XVII, док. № 254.

*** См. т. XVIII, док. № 205, 223.

Прагу, где якобы всего один раз был у Крофты. Неожиданно для меня Крофта сказал, что он в Праге был также у министра земледелия Задина (аграрий, весьма реакционного толка, но еще никогда не выступавший в вопросах международной политики).

Разговоры были только самого общего зондажного порядка, причем с чехословацкой стороны якобы с самого начала абсолютно твердо было заявлено, что кондицию сине ква нон для каких бы то ни было переговоров являются два условия: 1. Должно быть ясно сказано, что новым договором с Германией ни в какой мере не затрагиваются и не отягчаются существующие договоры Чехословакии. Не затрагиваются и ее обязательства, вытекающие из Статута Лиги наций. При этом якобы в первую очередь имелись в виду договоры Чехословакии с Францией, ее обязательства по Малой Антанте и договор о взаимной помощи с СССР. Крофта с большим ударением говорил, что слухи о германском требовании аннулировать при этом договор с СССР абсолютно не соответствуют действительности. Германия никогда, даже в зондажном порядке, не высказывала такого пожелания. Чехословакия же специально подчеркивала, что для нее договор с СССР просто неприкосновенен, и в ответ на эти подчеркивания с германской стороны было сказано, что она принимает к сведению существование этого договора и вытекающие из него обязанности Чехословакии. Крофта при этом попытался не уточнять вопроса, но из сказанного для меня было ясно, что Германия дала такой ответ потому, что Чехословакия подчеркивала зависимость своего договора с СССР от такого же договора Франции с СССР. 2. Другая непеременимая предпосылка — специальная клаузула о взаимном невмешательстве во внутренние дела. Крофта пояснял, что Чехословакия не потерпит какого бы то ни было вмешательства в вопрос о своих взаимоотношениях с судетонемецким меньшинством. Он ссылался на свое последнее экспозе * и особо остановился на новейших мероприятиях по расширению прав судетских немцев, принятых чехословацким правительством в результате переговоров и соглашения, проведенных Годжей с коалиционными немецкими партиями. Несколько наивно Крофта ** рассказывал, что здешний германский посланник Эйзенлор в благоприятном духе доложил об этих мероприятиях в Берлин и произвел хорошее впечатление на Гитлера. Это, дескать, только первый шаг на пути к регулированию внутренних чешско-немецких взаимоотношений.

Подытоживая, Крофта подтверждал, что изложенным исчерпывается вопрос о зондаже вообще и в частности о роли в нем Траутмансдорфа. Никаких официальных предложений Че-

* См. газ. «Известия», 5 марта 1937 г.

** В тексте ошибочно — Годжа.

чехословакия не делала и не получала. Изложенный этап закончился в конце января текущего года, и о дальнейшем еще ничего нельзя сказать. По словам Крофты, не исключено, что Германия теперь тоже подведет известный итог и, может быть, вернется к вопросу уже с более определенными предложениями. Чехословакия до сих пор не ставила своих союзников в известность о зондаже именно потому, что он до сих пор не привел к сколько-нибудь конкретным формам разговоров. Крофта усердно заверял и напоминал мне, что он уже несколько раз говорил мне: если дойдет до сколько-нибудь конкретных разговоров, то он немедленно поставит о них в известность как Францию и Малую Антанту, так и СССР. Крофта снова заверял, что для Чехословакии договор и взаимоотношения с СССР представляют такую громадную ценность, что Чехословакия не предпримет ничего, что могло бы повредить этим взаимоотношениям. Если будут переговоры, он мне скажет заблаговременно, и я буду иметь возможность высказаться по любому пункту.

На вопрос, что знает Крофта о том, как эта проблема воспринимается в Германии, Крофта рассказывал, что зондаж был по инициативе Гитлера, который был бы готов принять изложенные принципиальные требования Чехословакии. За осуществление такого договора о ненападении — Шахт. Здесь Крофта по собственной инициативе рассказывал, что только что заключенный в минувшем феврале торговый договор между Чехословакией и Германней прошел довольно легко именно потому, что Шахт энергично высказывается за всестороннее урегулирование взаимоотношений с Чехословакией. Переговоры о торговом договоре длились всего 12 дней, и германские делегаты по прямому указанию Шахта были весьма уступчивы, и заключенный договор безусловно выгоден Чехословакии. Ряд небольших уступок германская сторона сделала и в области нового соглашения по урегулированию железнодорожных вопросов, особенно в части управления общими линиями и станциями в пограничной полосе. Не знает Крофта, как в конечном счете отнесется к этому вопросу рейхсвер. Рейхсвер, дескать, еще мечтает о сотрудничестве с Советским Союзом и поэтому не выявляет своего отношения к договору с Чехословакией. Геринг тоже, видимо, колеблется, но похоже на то, что и он будет за. Геббельс долго не знал о зондаже, но, узнав, занял резко враждебную позицию. Крофта сам считал самым характерным во всем этом зондаже то обстоятельство, что Нейрат будто бы и до сих пор ничего не знает. При этом Крофта высказывал предположение, что Нейрат будет решительно против. В доказательство Крофта рассказал о том, как Нейрат при последнем посещении Вены заявил тамошнему чехословацкому посланнику по поводу мероприятий по урегулированию чешско-немецких взаимоотношений внутри Чехословакии,

что это его никак не удовлетворяет и он на этом не успокоится. Крофта при этом возмущался наглостью Нейрата, разыгрывающего роль чуть ли не хозяина чехословацких немцев или даже самой Чехословакии.

Я сказал Крофте, что его рассказ произвел на меня удручающее впечатление. Я боюсь, что он вступил на путь весьма опасный для Чехословакии и для дела мира. Крофта перебил уверениями, что Чехословакия не проявляла инициативы, но вместе с этим она не могла брюскировать такого могучего соседа, как Германия, и просто отказываться даже слушать, что хотела бы Германия для улучшения добрососедских отношений. Крофта говорил, что это был бы нехороший метод не только для Чехословакии, но и для любого государства, любого соседа Германии. Еще больше, для Чехословакии нет другого выхода и на будущее, хотя это несколько не означает, что переговоры должны непременно кончиться заключением договора. Дальше снова шли заверения, что Чехословакия не сделает ничего, что могло бы поставить хотя бы под малейшую угрозу уровень и характер нынешних взаимоотношений с СССР. Сегодня все в Чехословакии, вплоть до Крамаржа, сознают, что опора на СССР является для Чехословакии единственной реальной гарантией ее безопасности. В этой связи Крофта рассказал, как на днях высказался начальник генштаба генерал Крейчи о Польше. Поднимался разговор абстрактного характера о возможности союза между Чехословакией и Польшей (этот абстрактный вопрос нашел свое конкретное выражение в последние дни в некоторых выступлениях правой печати за союз с Польшей, он же носит достаточно конкретные формы в ряде внешнеполитических построений премьера Годжи). Крофта утверждал, что Крейчи решительно заявил: он никогда не отдаст и большевистскую Россию за Польшу, «а я Вам говорю,— продолжал Крофта от себя,— мы не отдадим Советскую Россию и за Германию вместе с Польшей».

На это я сказал, что могу еще представить себе положение Чехословакии перед лицом германской инициативы, но уже никак не могу представить себе, чего ищет Гитлер и что он приобретает, если пойдет на такой договор с Чехословакией, каким его рисует Крофта. Принятие и соблюдение всего, что Крофта считает безоговорочным условием, было бы для Гитлера равносильно поражению его внешнеполитических устремлений.

Кроме иеубедительных общих рассуждений Крофта как особую причину выдвинул утверждение, что Гитлер действительно и очень сильно боится того, что СССР подготавливает нападение на Германию и пользуется Чехословакией как плацдармом для подготовки такого флангового удара, который может оказаться для Германии исключительно опасным. Крофта уверял, что этот страх действительно существует. От-

сюда упорность травли Чехословакии, отсюда вопли о советских аэродромах и офицерах, отсюда же факт оборонительных мероприятий вдоль чехословацкой границы.

Я ответил, что не верю этому и меня беспокоит то, что Крофта поддается этой германской лжи. Крофта знает, что у нас нет ни малейшего желания изолировать Германию, которой мы предлагали Восточный пакт. Если Германия действительно боялась бы нападения, а не готовила бы сама нападение на других, то она и сегодня могла бы вернуться к идее Восточного пакта. Во всяком случае, и сегодня для Германии открыта возможность присоединения к нашей системе договоров о взаимной помощи. Поскольку она этого не делает, боязнь нашего нападения нужно считать вымышленной причиной, дымовой завесой для подготовки нарушения мира. По моему мнению, Гитлер ищет другого. Он, несомненно, будет добиваться такого договора с Чехословакией, который был бы практическим подтверждением правильности тезиса Гитлера о жизнеспособности предлагаемой им системы билатеральных договоров. Но тогда такой договор означал бы прямой и тяжелый удар по идее коллективной безопасности. Я еще понял бы Гитлера, если бы знал, что договор с Чехословакией означал бы для его внешней политики прорыв фронта коллективной безопасности и, следовательно, прорыв фронта защитников мира. Очевидно, Гитлер к этому и стремится.

Крофта соглашался с тем, что такая тенденция у Гитлера существует. Крофта это учитывает, а потому еще раз заверяет, что Чехословакия не уступит в своих основных требованиях, а также будет консультироваться со своими союзниками, прежде чем примет какое-нибудь решение. При строгости соблюдения принципа ненарушения обязательств Чехословакии перед своими союзниками и Лигой наций Крофта не видит опасности, на которую я указываю. Ведь существует же и сейчас арбитражный договор между Германией и Чехословакией. Договор о ненападении с указанными Крофтой оговорками будет носить характер расширения нынешнего арбитражного договора. Это означает, что в случае какой-нибудь агрессии со стороны Германии в действие придет прежде всего Статут Лиги наций и Чехословакия будет поступать, руководясь этим Статутом, а не договором с Германией, если бы эти два начала пришли в конфликт между собой. Если Германия нападет на кого-нибудь из союзников Чехословакии, то последняя тоже будет руководствоваться союзными договорами, а не договором с Германией. В этой связи я спросил, предвидится ли в договоре о ненападении оговорка, делающая пакт недействительным в случае агрессии против какого бы то ни было третьего государства. Крофта ответил, что так далеко разговоры не зашли. У него нет никаких официальных предложений, по которым можно было бы судить, что нужно добавлять или

исключать. Рассуждая теоретически, Крофта не видел бы нужды в такой особой оговорке. Из предыдущего уже ясно, что в случае германской агрессии Чехословакия будет руководствоваться союзными договорами и Уставом Лиги наций, а этим исчерпывается вопрос о месте Чехословакии в рядах защитников мира. Дальше я спросил, думает ли Крофта использовать какое-нибудь и какое именно определение агрессора. Крофта повторил, что так далеко дело не зашло, но, если будут переговоры, он несомненно будет стремиться к самому точному определению всех понятий, а в том числе и агрессора.

Разговор закончился новыми уверениями о громадном значении для Чехословакии договора и нынешних взаимоотношений с СССР. Крофта высказал понимание трудности моего положения как посредника между нашими правительствами, сделал мне несколько комплиментов и убедительно просил вернуть ему, сохраняя спокойствие и в этом духе информировать мое правительство. Он просил передать наркому Литвинову эту свою просьбу верить ему и сохранять спокойствие и в том случае, если речь пойдет о большем, чем зондаж. В данный момент нет даже и зондажа, но если Германия вернется к вопросу в более конкретных формах, то Крофта своевременно поставит нас об этом в известность.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

63. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому *

11 марта 1937 г.

В Монтрё говорилось о пакте взаимной помощи между черноморскими державами, и это совсем не то, что Арас понимает под статус-кво⁴⁴. Понятие это совершенно неопределенное и поэтому должно быть нами решительно отвергнуто. Подозреваю, что этим путем Арас хочет дать Румынии гарантию насчет Бессарабии, но выдает он это как якобы гарантию нам. Надо сказать и Арасу, и Антонеску, что нам этого не нужно и что мы возражаем против непонятных и неопределенных деклараций, пока не разъяснят конкретно их смысл и цель. Положение в Черном море определяется проливной конвенцией **, и ничего больше нам не нужно.

Литвинов

Печат. по арх.

* Телеграмма была также направлена в полпредство СССР в Турции.

** См. т. XIX, док. № 229.

64. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тин-фу

11 марта 1937 г.

Посол, поблагодарив за приглашение его ко мне завтра на дачу, начал с того, что его правительство интересуется путями сотрудничества с нами. Ему передавали, что на вчерашнем приеме прессы я говорил о Тихоокеанском региональном пакте.

Я ответил, что мое правительство тоже занято изысканием путей сотрудничества и предполагает дать выезжающему 16-го в Китай т. Богомолу надлежащие инструкции²⁸. Я действительно развивал вчера перед журналистами, не для печати, идею Тихоокеанского регионального пакта. Я убежден, что только такой пакт может окончательно прекратить агрессию Японии и обеспечить мир на Дальнем Востоке. Япония не могла бы и не смела бы противопоставлять себя коалиции остальных тихоокеанских государств и рано или поздно сама присоединилась бы к ней. Мы относимся к этой идее положительно, остается убедить в этом другие державы, в особенности Великобританию и Соединенные* Штаты Америки, и в этом направлении должны быть сделаны усилия как китайской, так и нашей дипломатией.

Посол спросил, не считаю ли я, что было бы лучше сперва создать некоторое ядро в виде китайско-советского соглашения, к которому потом могли бы присоединиться другие тихоокеанские государства⁴⁵.

Я ответил, что этого мнения не разделяю и убежден в противоположном. Если бы был малейший шанс образования тихоокеанской коалиции, то он был бы совершенно уничтожен двусторонним советско-китайским соглашением. Англия и США и так весьма не склонны принимать на себя какие-либо новые обязательства, и они были бы очень рады смотреть издали за действительным сепаратного советско-китайского соглашения в надежде, что и его может быть достаточно для ограждения Китая от японской агрессии. Но эта надежда может и не оправдаться. Необходимо начать совершенно с другого конца, как мы и делали при наших попытках обеспечить мир в Европе. Мы начали с регионального пакта**, в котором участвовали бы не только СССР, Франция и Чехословакия, но и Германия, Польша и Прибалтика. Мы вели на эту тему длительные переговоры, обеспечив сочувственное отношение Англии и Италии. Лишь после того как окончательно выяснилось нежелание Германии и Польши участвовать в таком пакте, мы перешли к двусторонним соглашениям с Францией и Чехословакней, оставив, однако, для Германии и Польши возможность примкнуть к этим пактам. Благодаря этому мы избавились от

* В документе — Северные.

** См. *Восточный пакт* по указателям тт. XVII—XIX.

упреков в создании блоков и военных союзов. Мне кажется, что таким же путем надо действовать и на Дальнем Востоке. Лично у президента Рузвельта нет принципиальных возражений против регионального пакта, как это было у Гитлера или у Бека, но ему надо преодолеть большие внутрисиние затруднения, ибо общественное мнение скорее за изоляционизм. Англия также очень медленно раскачивается. Она потеряла чуть ли не два года на бесплодные увещевания Гитлера и только теперь убедилась в невозможности урезонить его, и она переходит к созданию действительных гарантий — к вооружениям и к пропаганде идеи региональных пактов. Придется немало поработать, чтобы завоевать Англию и Америку для идеи Тихоокеанского пакта. Только тогда, когда окончательно убедимся в невозможности такого пакта, можно будет думать о более ограниченных соглашениях.

Посол выслушал меня без возражений. После этого я сказал, что мне не совсем ясны резолюции пленума гоминьдана *. На это посол с улыбкой ответил, что «Известия» и «Правда» весьма ловко комментировали эти резолюции, которые не следует понимать в буквальном смысле. Я сказал, что нас интересует главным образом действительное объединение всего Китая.

Я спросил посла, много ли еще осталось германских специалистов в китайской армии и нет ли опасений передачи китайских военных секретов Японии через дружественную ей Германии, к чему как будто ее обязывает недавно заключенное японо-германское соглашение **. Посол ответил, что он сам об этом много думал и говорил на эту тему перед отъездом с Чан Кай-ши. Тот его заверил, что, во-первых, с немцами заключены индивидуальные договоры на различные сроки и что поэтому их можно ликвидировать постепенно, без всякого шума, а во-вторых, немцам поручается обучение солдат или наблюдение за фортификационными работами на отдельных участках, но что ни один из этих специалистов не знает общих военных планов Китая. Приглашены эти специалисты еще до прихода Гитлера к власти.

Посол сообщил мне, что среди китайских промышленников и банкиров обсуждается мысль о поездке в СССР для изучения нашей экономики, и в частности методов национализации, которые Китай мог бы усвоить. Посол спрашивал, как мы к этому отнесемся. Я ответил, что им следует обратиться к т. Боггомолу и обсудить с ним эту поездку, которую мы несомненно будем приветствовать ***.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия» и «Правда», 27 февраля 1937 г.

** См. т. XIX. док. № 404.

*** См. док. № 281.

**65. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Су-
рицу**

11 марта 1937 г.

Дорогой Яков Захарович,

Сообщение чешского посланника о чешско-германских переговорах для нас не новость, ибо о них Крофта рассказывал т. Александровскому довольно подробно *. Сначала в связи с новым Локарно предполагалось заключить договор о ненападении, который был бы расширением арбитражного договора, заключенного между Германией и Чехословакией одновременно со старым Локарно. Когда исчезла уверенность в заключении нового Локарно, возникла мысль о самостоятельном заключении договора о ненападении между Германией и Чехословакией, причем мысль эта принадлежит Гитлеру. За последнее время на эту тему велись неофициальные переговоры в Праге через личного доверенного Гитлера Траутмансдорфа. За такой договор будто бы стоят Гитлер и Шахт, против него высказывается Геббельс, Геринг и рейхсвер колеблются, а Нейрат ничего об этом не знает. Чехословакия настаивает на оговорках о ненарушимости всех существующих договоров Чехословакии, особенно с Францией, Малой Антантой и СССР, а также о невмешательстве во внутренние дела, в особенности в вопросе о нацменьшинствах. Ожидается, что после неофициальных разговоров Германия сделает предложение об официальных переговорах, которые Чехословакия не сможет отклонить, но она будет консультировать своих союзников, в том числе и СССР. Крофта дал заверение, что не будет допущено ничего угрожающего уровню и характеру нынешних взаимоотношений с СССР, которые в глазах Чехословакии являются единственной реальной гарантней безопасности.

Мне представляется сомнительным, чтобы Гитлер мог согласиться на чехословацкие условия, и поэтому если действительно эти условия являются окончательными, то вряд ли из переговоров что-либо выйдет. По-видимому, Гитлер действительно стремится продемонстрировать каким-либо пацифистским жестом свое миролюбие.

О визите Геринга в Варшаву нами получены следующие сведения. Цель визита заключалась будто бы в стремлении склонить руководство польской армии к заключению военного договора с Германией, иначе говоря, военного союза, каковая цель якобы не достигнута. Геринг считает, что ему удалось улучшить отношения между Германией и Польшей, основываясь на том факте, что Рыдз-Смиглы целиком и полностью принял политику Бека. Геринг будто бы предлагал в целях углубления германо-польских отношений полностью ликви-

* См. док. № 62.

рывать вопрос о Польском коридоре путем отказа от него со стороны Германии, если через коридор будет проложен прямой железнодорожный путь или автострада в виде узкой полосы отчуждения. Геринг не скрывал намерения Германии вернуть город Данциг, но обещал ничего не предпринимать без договоренности с Польшей. Германия ничего не имеет против улучшения польско-французских отношений и с удовлетворением констатирует совпадение отношений Германии и Польши к Чехословакии и приветствует выступления Польши против советско-чехословацкого пакта. Целью германской политики, говорил Геринг, остается раздел территории Советского Союза. Его дословные слова будто бы были: «Вы займете Украину, а нам — север». Поэтому дружба между Польшей и Германией должна быть еще больше укреплена и дополнена военным соглашением. Рыдз-Смиглы отвечал в дружеском тоне, ио короче. Польско-французский союз носит исключительно оборонительный характер и является только двусторонним, доказательством чего служит отношение Польши к Чехословакии. В скором времени в Варшаве под председательством одного из бывших польских премьер-министров будет организовано германо-польское общество, целью которого будет дальнейшее сближение и улучшение отношений между этими странами. Оба, как Геринг, так и Рыдз-Смиглы, остались довольны беседами. Геринг говорил, что его еще никогда не встречали так дружески в Польше, как в этот раз, и он надеется, что путем упорной работы удастся включить Польшу в военный союз. Он очень доволен отсутствием расхождений между польскими военными кругами и Беком, который, по мнению Геринга, уже теперь не прочь был бы заключить военный союз с Германией. Рыдз-Смиглы будто бы в восторге от прямоты и обаяния Геринга.

У меня тоже создалось впечатление, что новые полномочия, данные германскому миввуделу в отношении иностранцев, целятся в наших граждан. Речь идет, очевидно, о сотрудниках торгпредства и членах приемочных комиссий, ибо других советских граждан в Германии как будто нет. На всякий случай необходимо заранее принять меры всем тем, кого это может касаться. Допускаю, что Шуленбург* не будет возвращаться в Москву до ликвидации вопроса об отозвании Баума и, может быть, даже до процесса над немцами⁴⁶.

Рекомендую Вам не принимать слишком близко к сердцу отказ немцев от посещения Ваших приемов и обедов и неприглашение Вас на их приемы. Мы здесь относимся к этому совершенно равнодушно.

Литвинов

Печат. по арх.

* Посол Германии в СССР.

66. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

11 марта 1937 г.

Сегодня меня принял Ван Чун-хой*. Начали с обычной взаимной вежливости. Затем министр говорил о своем пребывании в СССР транзитом и о наших достижениях. Указав, что Китай заключил свой первый международный договор с нами**, министр сказал, что он будет стараться сделать дружбу между нашими странами еще крепче и лучше. Я ответил тем же.

Спильванек

Печат. по арх.

67. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

12 марта 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

1. Итоги поездки Холсти в Москву*** оказались более значительны, чем можно было первоначально предполагать. Можно уверенно сказать, что Финляндия не ожидала, что она так хорошо сойдет. Здесь все же шли на поездку с чувством вынужденности ее. Думали, что мы дадим финнам сильно почувствовать свое недовольство ее долголетней прогерманской политикой, свое превосходство и будем злорадствовать по поводу «победы над Финляндией». Холсти ехал с тяжелым чувством. Значительная часть прессы провожала его как чудака, рискованного голового, предлагала ему держать язык за зубами, не давать обещаний, не кланяться большевикам. Первые финские флаги в Белоострове, салон-вагон, прием в Ленинграде финнов приятно разочаровали. Все дальнейшее демонстрировало наше дружественное отношение. Холсти, а за ним вся Финляндия растаяли от удовольствия. В поездке не оказалось ничего унижительного. Мировая пресса отметила, что Холсти оказали все обычное уважение и еще немного сверх этого. Это была правильная политика. Финны были польщены и обезоружены. Ничего лучшего для изменения здесь атмосферы мы сделать не могли. Итоги налицо. Германской политике на Балтике нанесен существенный удар. Атмосфера здесь иная, о чем ниже.

Памятуя инструкции и напутствия, Холсти держал себя в Москве относительно скромно, говорил о нейтральности Финляндии и преданности идеям Лиги наций. По возвращении Финляндия устроила ему триумфальную встречу. На вокзал

* Министр иностранных дел Китая с 8 марта 1937 г.

** См. т. VII, док. № 156.

*** См. док. № 40.

пришел сам Каллио. Первые слова Холсти на вокзале, адресованные Каллио: «Дело сошло куда лучше, чем мы ожидали, старина», обошли Финляндию и заграничную прессу.

Холсти одним ударом стал популярен. Его отрицательные черты забыли. Даже «Хельсингский саюмат» извинилась перед ним и своими читателями за первоначальное неприличное отношение к поездке. Холсти начал сыпать десятки интервью, растрогал по всему миру о своих успехах, о миролюбии Финляндии.

Отклики всей прессы положительны. Грубо недовольна германская и польская. Итальянская сперва скрипела, затем примирлась, сообщив, что ничего особенного не произошло.

Холсти начал делать отчеты. Сперва правительству. На радость оно прислало нам цветы. Последовали доклады иностранной комиссии сейма, отдельным политикам, военным. Сперва он хвастал тем, что, выполняя свое задание, лишнего не обещал. В разговорах с Литвиновым, Ворошиловым и др. отделался общими словами. Тогда ему начали указывать, что он мог [бы] быть в своих заявлениях более определен. Почувствовав такое изменение атмосферы, Холсти начал говорить, что так решительно он-де, мол, и делал заявления в Москве.

Сам же он, конечно, знал, что Москву он далеко не успокоил. Тогда последовало не менее пяти внешнеполитических деклараций 1 марта при смене президента. Холсти считает, что в речи Каллио* есть ответ на вопросы о том, намерена ли Финляндия отражать любого агрессора, защищаться на всех границах, не допускать использования страны в качестве плацдарма кем бы то ни было. Внешнеполитическая часть декларации Каллио получила серьезную оценку печати, обратила на себя внимание дипломатов.

Личное положение Холсти весьма окрепло. Он остается министром иностранных дел. Если до поездки мне приходилось предупреждать (Рюти**, Таннера, Каяндера***), что замена Холсти после его поездки может быть расценена как новый поворот политики Финляндии, то теперь политические партнеры, пресса признают правильным и бесспорным оставление Холсти в кабинете.

Холсти знает положение и пока чувствует благодарность по отношению к нам. Любовью к Германии он, пожалуй, в будущем не восплачет, но его излишнее пристрастие к Англии может еще доставить нам заботы. Пока Холсти ведет себя вполне как надо. У лапуасцев он заработал кличку «министра иностранных дел большевиков».

2. Сразу же по возвращении в Гельсингфорс мы подготовили два пушкинских вечера. Сошли они удачно. Финны были

* См. газ. «Известия», 3 марта 1937 г.

** Председатель Финляндского государственного банка.

*** Премьер-министр Финляндии с 10 марта 1937 г.

весьма польщены, что для них выписаны лучшие артисты Москвы. На приеме явился, можно сказать, весь цвет Финляндии. Кроме того, мы глубоко захватили интеллигенцию. Пресса впервые в Финляндии демонстративно дружелюбно описывала наши вечера, помещала фотографии и т. д. Социал-демократическая печать признала наши вечера и последовавшие два концерта Давыдовой, Лемешева и Макарова началом культурного сближения СССР и Финляндии. Холсти, поздравляя меня по поводу вечеров, заявил, что политическое значение их в том, что «лед тронулся». О том, какое впечатление произвели вечера, свидетельствует рассказанное мне Холсти и Рюти. Взволнованный Геринг по возвращении с «охоты» из Варшавы* потребовал у финляндского посланника в Берлине объяснений, не подписал ли Холсти в Москве соглашения о культурном сближении. Приятно то, что Холсти тут же заговорил о повторении поездки артистов еще в этом сезоне. Я ответил, что считаю полезной повторную поездку, но нищатнава и практическое осуществление должны исходить от финнов.

3. С момента возвращения из Москвы полпредство и я лично наглядно ощущаем изменение атмосферы. Холсти выполняет свое, данное мне на радостях после обеда в «Метрополе», обещание о коренном изменении отношения к нам. Наше положение здесь как-то вдруг легализовано. Ходом событий мы выдвинуты на первый план. Вежливость Каллио, членов правительства, членов сейма редкостна. Нас перестают бояться. Говорят с нами открыто, не оглядываясь на соседей. Пресса вдруг узнала, что мы находимся в Гельсингфорсе. Газеты помещают наши фотографии. Любезность проявляется в отношении нашего военного атташе т. Иванова. Дают и его снимки: «Иванов на маневрах испытывает военный автобус» и т. д.

Пресса ведет себя небывало прилично. С ее страниц исчезли всякие ужасы, таянственные самолеты и т. п. Кампания по поводу почти ежедневного задержания нами в советских территориальных водах на Финском заливе рыбаков ведется довольно беззлобно. (Я уже говорил с Холсти о ее прекращении, а равно и приняти решительных мер против непрерывных нарушений границы наших вод⁴⁷.)

Все это особенно знаменательно, если учесть, что по отношению к Германии и ее миссии здесь чувствуется холодок. Много пишут о германо-итальянской интервенции в Испании. Ни одна газета не встала на защиту германского ген. Хирля, поездка которого в Финляндию сорвалась (стараниями аграриев и эсдеков**). Наша антигерманская работа здесь значительно облегчается наглым и глупым поведением гитлеровского правительства, германской и итальянской миссий, ведущих

* См. док. № 65.

** — социал-демократов.

себя теперь после своего поражения вызывающе в отношении финнов, оскорбляющих на каждом шагу их самолюбие. Мы пользуемся этим, чтобы показать финнам, насколько эти колонизаторы считали себя уверенными в праве распоряжаться Финляндией.

4. Все изложенное показывает, что Советский Союз в отношении Финляндии многого добился. Сейчас предстоит сложная и более трудная часть работы — закрепление достигнутого, продвижение с раз занятых позиций. Отдельным письмом я даю наметку возможных мероприятий*.

Я полагаю, что нам не следует также переоценивать происшедший в Финляндии перелом настроения. В стране еще много крепко коренящихся симпатий к Германии. Фашистские элементы не дремлют. Наши враги сейчас временно притихли, собирая силы. Думаю, что гитлеровская Германия бросит в Финляндию новые силы, новые средства. Стараюсь разузнать маневры врага.

Финны, обрадованные достигнутым, заговорили было о предстоящей отмене некоторых мероприятий Красной Армии на границе. Характерно, что они так легкомысленно считают нас способными переоценить достигнутые результаты, не выжидая их закрепления.

Заслуживает внимания, что как раз в настоящее время лапуасцами (академическим карельским обществом) издан при содействии германской миссии солидный сборник, посылаемый мной [в] НКВД. По тону он скромнее прежних, но по существу не менее агрессивен в отношении Союза.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

68. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 марта 1937 г.

На вашу телеграмму от 13 марта⁴⁸. По согласованию с Кабальеро** дель Вайо*** сообщил мне, что испанское правительство, хотя и не питает особой надежды, все же просит нас помочь в проталкивании в Лондоне вопроса об удалении из Испании иностранцев, с тем, однако, чтобы понятие иностранцев было также распространено и на марокканцев. Испанское правительство обосновывает свою позицию в этом, в частно-

* Имеется в виду письмо от 10 марта 1937 г. по вопросам развития советско-финляндских культурных связей.

** Председатель совета министров и военный министр Испании.

*** Министр иностранных дел Испании.

сти, тем фактом, что не существует никакого закона марокканского халифа, в силу которого марокканцы, находящиеся на испанской военной службе, лишались бы своего гражданства, равно как и нет никакого испанского закона, признающего за ними в силу такого рода обстоятельств испанское гражданство.

Дель Вайо просит сообщить ему ваше мнение по поводу дальнейшей тактики испанского правительства в том случае, если его нота, направленная генеральному секретарю Лиги наций* в результате фактов итальянской интервенции, будет оставлена без последствий⁴⁹.

Гайкис

Печат. по арх.

69. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Иденом

15 марта 1937 г.

1. Как я и предполагал, Иден пригласил меня для разговора о морском договоре**. Он начал прямо с этого предмета и выразил глубокое огорчение по поводу того, что наши переговоры как будто бы зашли в тупик. Затем Иден вручил мне длинный меморандум на семи страницах, который у него в кабинете я мог лишь бегло просмотреть. Содержание меморандума содержало мало нового. В нем были изложены все те факты и соображения, которые мне и раньше в разное время приходилось слышать от Крейги. Больше всего меморандум походил на те мысли и соображения Крейги, которые он высказал мне в разговоре 8 марта⁴², когда я сообщил ему решение Советского правительства все-таки настанвать на созыве международной морской конференции. В конце меморандума, однако, имелся один абзац, звучавший совершенно по-новому, — абзац, для которого, по существу, был составлен весь меморандум. Он гласил следующее: «Правительство Его Величества считает необходимым со всей полнотой и откровенностью изложить Советскому Правительству свою точку зрения, ибо оно полагает, что крах англо-советских переговоров в вышеуказанных условиях может не только подорвать (undermine) добрые отношения, существующие между обоими Правительствами, но также окончательно затормозить движение в пользу международного соглашения об ограничении морских вооружений, которое Правительство Его Величества стремилось всеми мерами реализовать».

2. После того как я ознакомился с меморандумом, заговорил Иден. Говорил он долго, горячо и с видимым волнением.

* См. газ. «Известия», 17 марта 1937 г.

** См. док. № 60.

Он доказывал, что англичане всегда были и донныне остаются нацией, крайне чувствительной ко всему, что касается вопроса о морских вооружениях. Неудача англо-советских переговоров о заключении договора, несомненно, произведет очень тяжелое впечатление в стране и вызовет большой шум в прессе и парламенте. Эта неудача также испортит те хорошие отношения, которые, к его большому удовольствию, все прочнее укреплялись между обменн странами на протяжении последних 2—3 лет. Вся проделанная работа пойдет насмарку. Зачем это нам нужно? Разве англо-советское сближение не является основным условием сохранения мира, в котором мы как будто бы так заинтересованы? Далее, если мы откажемся подписать договор, это будет означать крах не только англо-советского, но и англо-германского договора. А если не будет англо-германского договора, едва ли сможет продолжать существовать и англо-франко-американский морской договор от марта прошлого года *. Вся попытка качественного ограничения морских вооружений в мировом масштабе рухнет, в результате чего только усилятся гонка вооружений и повысятся непроизводительные расходы на военный флот. И на кого же падет ответственность за крах попытки качественного ограничения морских вооружений? Ответственность падет целиком на СССР. Зачем это нам нужно? В какой мере это будет способствовать внешнеполитическим целям Советского Союза? Он, Иден, говорит не как враг, а как друг. Он убедительно просит Советское правительство еще раз обсудить вопрос о морском договоре и решить его в положительном смысле. Он будет очень благодарен мне, если я полностью передам в Москву все высказанные им соображения. Он надеется, что все еще кончится благополучно, и потому пока будет держать в секрете факт происшедших между нами разногласий.

3. Я возразил Идену, что Советское правительство нельзя обвинять в нежелании подписать морской договор. Оно становится лишь на созыве международной морской конференции как наилучшем методе достижения соглашения между заинтересованными державами в вопросе о качественном ограничении вооружений. Советское правительство прекрасно учитывает все те соображения, которые здесь развивал Иден (вопрос об ответственности, о важности англо-советского сближения и т. п.), но тем не менее целый ряд соображений практического порядка заставляет его выдвигать иной метод разрешения интересующей нас проблемы. И дальше я подробно развил все те аргументы, которые уже имел случай пустить в ход во время разговора с Крейги 8 марта. Иден возражал против целесообразности созыва конференции в сложившихся условиях, но высказывался сочувственно о возможности тройных

* См. т. XIX, док. № 63, прим. 88.

переговоров между Англией, СССР и Германией, если мы того пожелаем. Под конец я заявил Идену, что, конечно, доведу до сведения Советского правительства как о его словах, так и о врученном мне меморандуме.

4. Покончив с вопросом о морском договоре, мы заговорили на другие темы. Я спросил Идена, что он может мне сообщить о германском ответе на локарнскую ноту Англии от 18 ноября прошлого года*. Иден в первый момент замялся, но затем быстро оправился и сказал: по форме последняя германская нота значительно вежливее и доброжелательнее, чем все предыдущие, однако по существу дело не движется ни на шаг вперед. Германия в своем ответе по-прежнему категорически возражает против всякой связи между урегулированием международных вопросов на западе и урегулированием таких же вопросов на востоке Европы. Германия по-прежнему считает франко-советский пакт крупнейшим препятствием для достижения соглашения на западе, хотя прямо его в ноте не называет. Далее, Германия возражает против включения Бельгии в систему Локарно, а предлагает вместо этого гарантию бельгийского нейтралитета заинтересованным державам. В ответ на мой вопрос Иден тут же разъяснил, что Англия, пожалуй, не возражала бы против такого разрешения бельгийской проблемы, но при условии, что Бельгия остается активным членом Лиги наций со всеми вытекающими отсюда последствиями. Что касается Локарно, то германская нота мыслит себе его чем-то вроде «пакта четырех»**, притом не носящего характера пакта взаимопомощи. По мысли германского правительства, между Францией и Германией должен быть заключен пакт о ненападении, который гарантируется Англией и Италией. Вопрос же о том, кто является агрессором, должен решаться не Лигой наций, а самими гарантами.

На мой вопрос, как Иден расценивает перспективы Локарно в связи с германской нотой, министр иностранных дел пожал плечами и ответил, что на ближайшее будущее Локарно он смотрит довольно пессимистично: на той базе, которую намечает Германия в своей последней ноте, построить что-либо трудно. Он, Иден, не хочет отчаиваться и допускает, что Германия в дальнейшем сможет изменить свою точку зрения. Однако впредь до таких изменений никаких серьезных попыток к урегулированию европейских вопросов нельзя ожидать.

5. Затем разговор коснулся Испании. Иден не скрывал своей озабоченности. Гражданская война все больше затягивается, и ей не видно близкого конца. Идену вообще не ясно, как и в каких формах может прийти конец, ибо положенное все время остается близким к равновесию. Я обратил внимание Идена на

* См. док. № 74, 77; газ. «Известия», 14 марта 1937 г.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 20—21.

совершенно скандальный характер германской и итальянской, особенно же итальянской, интервенции под Мадридом. Я заявил, что размах этой интервенции, а также участие в боях против испанского правительства частей регулярной итальянской армии превращают интервенцию в прямое военное нашествие Италии на чужую страну. Есть достаточно оснований утверждать, что действия Италии равносильны акту неспровоцированной агрессии в духе Устава Лиги наций.

Иден не возражал против моих соображений, наоборот, он заявил, что итальянская интервенция является очень угрожающим фактом и что сейчас важнейшей задачей Комитета о невмешательстве должна быть эвакуация волонтеров из Испании*. Он обещал дать лорду Плимуту категорические инструкции в этом духе. Однако Иден высказывал сомнение насчет того, что под Мадридом дерутся части регулярной итальянской армии. Его мнение сводится к тому, что Муссолини послал в Испанию своих чернорубашечников, которые уже в Испании тренировались и формировались в определенные военные части. Только этим можно объяснить, почему итальянцы, прибытие которых в Испанию в крупных количествах было зарегистрировано еще перед рождеством, в течение более двух месяцев не подавали о себе никаких признаков жизни. Единственное исключение — Малага, однако и там количество итальянцев, участвовавших в боях, было невелико. Иден тут же спросил меня, сколько, по нашим сведениям, итальянцев сражается сейчас на стороне Франко. Я ответил, что, по совершенно достоверным данным, в середине февраля было не менее 60 тыс. человек, а с тех пор количество их, несомненно, увеличилось. Иден выразил некоторое изумление и сказал, что сведения британского правительства говорят о несколько меньшей цифре — около 40 тыс. человек. При этом британскому правительству неизвестно, чтобы после 20 февраля (день соглашения о прекращении посылки волонтеров**) итальянцы высаживали в Испании крупное количество людей. Я выразил в этом отношении серьезное сомнение.

6. Под конец Иден затронул мою речь, только что произнесенную (13 марта) на Конгрессе мира и дружбы с СССР***. Он заявил, что не разделяет моего пессимизма в оценке европейской ситуации; по его мнению, положение в Европе чуть-чуть улучшилось. Британские вооружения и англо-французская антага создали в Европе известное равновесие, правда очень неустойчивое, но все-таки равновесие. Если бы удалось благополучно ликвидировать испанский вопрос, можно было бы говорить о значительном прояснении международного горизонта.

* См. док. № 95.

** См. док. № 48.

*** См. газ. «Известия», 15 марта 1937 г.

Путем наводящих вопросов я попробовал выяснить, что Иден понимает под «благополучным разрешенном испанского вопроса», однако он уклонился от прямого ответа. Я возразил Идену, что у меня от созерцания европейской ситуации создаются несколько иные впечатления. Мне кажется, о равновесии еще говорить не приходится. По-моему, отступление европейских демократий перед фашистскими агрессорами все еще продолжается. Лучший пример тому — Испания. Это отступление, эта слабость внешнеполитической линии Англии и Франции вызывает в известных кругах советского общественного мнения настроенное разочарование в сотрудничестве с западными демократиями. Пусть не будет никаких недоразумений: Советское правительство остается верным своей старой политике коллективной безопасности, Лиге наций и кооперации в деле защиты мира со всеми странами, стоящими против войны, в первую очередь с Францией и Англией. В политике Советского правительства ничего не изменилось. Но в известных кругах советского общественного мнения кое-какие изменения есть, и их я только что охарактеризовал. Иден ответил, что он понимает зарождение таких настроений. Ему известно, что многие в Европе считают линию британского правительства в международных вопросах слишком слабой. Может быть, это и верно, однако он, Иден, чувствует, что при нынешнем состоянии британского общественного мнения он дальше своей линингтонской речи* пока пойти не может. Иначе он рисковал бы расколом в общественном мнении, таким расколом, который только ослабил бы международную позицию и международное влияние Англии. Но, может быть, в недалеком будущем наступит момент, когда британскому правительству удастся сделать еще один шаг вперед.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

П. С. Едва я вернулся домой от Идена, как мне позвонил по телефону Крейги. Он сообщил, что ему только что телефонировал германский посол и справлялся, чем объясняется столь продолжительная задержка в подписании англо-германского морского договора. Крейги ответил несколько неопределенно, что Советское правительство внесло предложение о созыве международной морской конференции и что до окончания переговоров между Москвой и Лондоном по этому вопросу вопрос о подписании англо-советского (т. е. и англо-германского) договора несколько откладывается. Тогда Риббентроп просил Крейга прислать ему письменное сообщение о причинах задержки. Крейги предупреждал меня, что он по-

* См. газ. «Известия», 22 ноября 1936 г.

шет просимое письмо Риббентропу и постарается в нем свести до минимума возникшие между нами разногласия. Он, Крейги, полагает, что на данном этапе нам лучше не разглашать о тех осложнениях, которые возникли в процессе англо-советских переговоров.

Печат. по арх.

70. Речь Полномочного Представителя СССР в Испании Л. Я. Гайкиса при вручении верительных грамот Президе нту Испанской Республики Асанье

16 марта 1937 г.

Господин Президент,

Имею честь вручить Вам отзывные грамоты моего предшественника, а равно верительные грамоты, коими Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик аккредитует меня в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик при Вашем Превосходительстве.

Я счастлив, г. Президент, что на мою долю выпала высокая честь представлять мою социалистическую Родину в вашей стране, благородные народы которой, привлекая к себе симпатии и восхищение всего передового человечества и неразрывно связанные единым идеалом, ведут героическую борьбу в защиту своей национальной независимости и свободы. В этой борьбе им сопутствуют горячие пожелания победы и неизменные чувства братской любви и солидарности народов Советских Республик,— чувства, основанные на общем возвышенном стремлении к счастью и процветанию человечества и всеобщему миру, в котором самым кровным образом заинтересованы все народы, независимо от различий в их социально-экономическом устройстве.

Стремясь быть верным проводником мирной политики Советского Правительства, основанной на абсолютном уважении к национальному суверенитету всех народов и к их священному праву самим определять свои судьбы, я отдаю, г. Президент, все свои силы на дело дальнейшего укрепления и всестороннего развития дружественных отношений, столь счастливо установившихся между нашими странами, на благо наших народов и на благо всеобщего мира.

При выполнении этой ответственной задачи я прошу Вас, господин Президент, оказать мне ценную поддержку и доверие Вашего Превосходительства и Правительства Испанской Республики.

Печат. по арх.

В ответной речи Асанья заявил:

«Господин Посол,

С большим удовлетворением я принимаю верительные грамоты, которые аккредитуют Вас в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик, а также отзывные грамоты Вашего предшественника г. Розенберга, чья плодотворная и успешная деятельность несомненно оставит живую память у испанцев.

Глубоко благодарен Вам, г. Посол, за благородные слова, в которых Вы выразили братские чувства, и за великодушное пожелание нашей победы.

Воистину, Вы прибыли в Испанию в торжественные и решающие минуты ее истории, когда решается не что другое, как вопрос о самом историческом существовании нашей страны, о ее национальном суверенитете и о неотъемлемом праве испанцев свободно определять свою собственную судьбу. Настоящий момент является, быть может, самым тяжелым, какой когда-либо имел место, но вся Испания с уверенностью взирает на будущее, убежденная в победе своего дела, которое является бессмертным делом справедливости и права.

В этой борьбе, г. Посол, Испания знает, что с первого же момента она встретила самые горячие чувства солидарности и симпатии со стороны Союза Советских Социалистических Республик,— чувства совершенно бескорыстные и великодушные, которые основаны, независимо от различий в экономической и социальной структуре, о чем Вы упоминали, на общих идеалах совершенствования человеческого общества, необходимости всеобщего благосостояния и на любви к миру. И несомненно, уверенность в этих сердечных братских чувствах со стороны народов Советских Республик является одним из стимулов, которые более всего поддерживают и ободряют испанский народ в этом, навязанном ему, грозном испытании.

Я уверен, господин Посол, что Ваша деятельность сильнейшим образом будет способствовать укреплению уз взаимопонимания и дружбы, столь счастливо завязанных между нашими двумя странами, на благо наших народов, на благо человечества и всеобщего мира, подвергнутого сегодня такой опасности. Можете быть уверены, что в этом деле Вы сможете рассчитывать в любой момент на доверие и на поддержку как мою, так и Правительства Республики и испанского народа».

71. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

16 марта 1937 г.

Можете официально передать Саидлеру, что Советское правительство будет радо иметь его своим гостем в Москве*. В июне и первой половине июля рассчитываю еще быть в Москве, а в дальнейшем, возможно, буду в отпуске.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 6, 83.

72. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

16 марта 1937 г.

Инстанцией принято наше предложение о разрешении финским рыбакам, проживающим на о-вах Сейскари и Лавансаари, зимой сношаться по льду с финским и эстонским побережьем через наши территориальные воды. ГУПВО* дало указание в Ленинград о пропуске рыбаков по двум маршрутам по прямой линии: северная оконечность о. Сейскари — мыс Иноннеми и о. Лавансаари — башня Вигрунд — устье Нарвы.

Поскольку МИД поставил перед нами этот вопрос применительно только к этому году, сообщите, что просьба МИД удовлетворена, не подчеркивая пока общего характера нашего решения⁶⁰.

Крестинский

Печат. по арх.

73. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с японским дипломатом Охаси**

17 марта 1937 г.

Охаси. По дороге в Европу и Америку я считал своим долгом посетить Вас, чтобы засвидетельствовать Вам свое уважение. В вашей стране ведется большое строительство. Я поздравляю Вас с достижениями в области строительства. В моей стране также происходит большое строительство.

Пользуясь случаем, я хочу сказать несколько слов о наших отношениях. Советский Союз и наша страна имеют длинную пограничную линию. До сего времени между обеими странами существовали различные запутанные вопросы и возникали различные инциденты, но я имею намерение все эти вопросы гладко урегулировать.

Стом оняков. Я очень рад познакомиться с г. Охаси и благодарю его за любезные слова. Я рад в особенности слышать, что он является сторонником мирного разрешения различных недоразумений и инцидентов на границе и поддержания добрососедских отношений между Маньчжоу-Го и СССР. Я убежден, что если г. Охаси, который является фактическим руководителем внешней политики Маньчжоу-Го, последовательно и энергично будет проводить линию на урегулирование всех инцидентов и конфликтов дружеским образом, то уста-

* Главное управление пограничной и внутренней охраны НКВД СССР.

** Заместитель министра иностранных дел марионеточного правительства Маньчжоу-Го.

новятся добрососедские отношения. Это является и желанием Советского Союза, и мы готовы сделать все возможное для поддержания добрососедских отношений.

О х а с и. До беседы с г. Козловским* я думал, что у вашей страны нет стремления к урегулированию наших отношений. Однако после беседы с г. Козловским я узнал, что у СССР есть желание наладить добрососедские отношения. Поэтому впредь я буду всеми силами стремиться к урегулированию различных вопросов с целью создания добрососедских отношений. Мне кажется, что многие недоразумения являются результатом плохой связи между обеими сторонами; так, например, в Харбине у нас имеется дипломатический представитель, но этот представитель не может разобраться в больших вопросах. Несмотря на это, г. Славцкий только один раз был в Синьцзине**. Было бы лучше, если [бы] г. Славцкий почаще приезжал в Синьцзин. Об этом я уже говорил г. Козловскому.

Еще одна причина недоразумений заключается в том, что общая атмосфера на Дальнем Востоке оставляет желать много лучшего. Обе стороны относятся друг к другу подозрительно и не доверяют одна другой. Однако для урегулирования любого вопроса требуется взаимная уступчивость и готовность к компромиссам. Для того чтобы можно было найти общий язык, мне кажется, было бы полезно почаще обмениваться мнениями. Об этом я также говорил г. Козловскому.

С т о м о н я к о в. Я думаю, что основной причиной конфликтов, которые слишком часто происходят между Маньчжоу-Го и СССР, является неправильная линия поведения маньчжурских властей в отношении СССР. Маньчжурские власти допускают в отношении советских граждан, советских консульств и в отношении СССР действия, которые не имеют места ни в одной цивилизованной стране всего мира. Примерами этого могут служить деятельность крайних кругов белогвардейской эмиграции, разнузданная кампания маньчжурской печати против СССР, открытые призывы к восстаниям и террору против СССР. Не только печать, но даже радиостанции используются для этой кампании. Таких действий не допускает ни одна цивилизованная страна. Кроме того, имеет место открытая дискриминация Советского Союза. В отношении представителей других стран маньчжурские власти этого не допускают; в то время как Советский Союз в течение последних лет показывает свое доброе желание поддерживать добрососедские фактические отношения с Маньчжоу-Го, власти Маньчжоу-Го, вместо того чтобы оценить это, взяли

* Заведующий II Восточным отделом НКВД СССР; беседа состоялась 15 марта 1937 г.

** Название, данное г. Чанчуню после объявления его столицей марионеточной империи Маньчжоу-Го.

линию, которая является вызовом в отношении СССР. В то время как мы стремимся удовлетворить законные пожелания Маньчжоу-Го, маньчжурские власти допускают акты дискриминации в отношении СССР. В связи с этим я хочу коснуться вопроса о консульствах. В Маньчжоу-Го имеется много консульств иностранных государств. Однако ни одно из этих государств не допускает открытия маньчжурских консульств у себя. Между тем СССР разрешил открыть у себя два маньчжурских консульства, несмотря на то что это не вызывается фактическими интересами Маньчжоу-Го. На советской территории почти нет маньчжурских граждан. Вместо того чтобы оценить этот дружественный жест Советского правительства, маньчжурские власти использовали этот факт для предъявления все новых требований к Советскому правительству. От нас требуют открытия новых консульств, хотя это не оправдывается деловыми соображениями. У нас уже есть два больших консульства Маньчжоу-Го с большим персоналом, который не имеет работы. При этом часть сотрудников этих консульств ведет себя так, что в связи с их поведением возникали прискорбные случаи, по поводу которых мы вынуждены были обращаться с жалобами. Это г. Охаси должно быть известно. Мы готовы поддерживать добрососедские отношения с Маньчжоу-Го, но для этого нужно, чтобы маньчжурские власти вели себя в отношении советских граждан, советских консульств и СССР как власти цивилизованного государства. Вторым условием поддержания добрососедских отношений должно быть неприменение со стороны маньчжурских властей дискриминации в отношении СССР. Если эти два условия будут соблюдаться, то Советское правительство готово сделать все возможное для разрешения имеющихся вопросов и поддержания добрососедских отношений. Мы были бы рады, если бы в результате сегодняшней беседы г. Охаси предпринял шаги, которые привели бы к действительному улучшению отношений между нашими странами.

О х а с и. Сначала отвечу по вопросу о консульствах. Правда — в Маньчжоу-Го существуют консульства различных государств. Однако те недоразумения, которые возникают в отношении советских консульств, основаны на различной социальной системе обеих сторон. Об этих недоразумениях приходится сожалеть, но они неизбежны. Но в общем мы относимся ко всем консульствам одинаково. В отношении тех стран, которые не допускают у себя учреждения консульств Маньчжоу-Го, Маньчжоу-Го взяло курс на ликвидацию консульств этих стран у себя. Однако Италия уже просила разрешение на открытие своего консульства в Мукдене*.

* Шэньян.

Далее, я не могу согласиться с Вашим заявлением о том, что существование маньчжурских консульств в СССР не оправдывается фактической необходимостью. На территории СССР проживает много подданных Маньчжоу-Го; но дело в том, что вы их не признаете. В вопросе о консульствах Маньчжоу-Го намерено действовать по принципу взаимности и равенства. Что касается действий властей Маньчжоу-Го в отношении советских граждан, то эти действия основаны на государственных законах Маньчжоу-Го, и никакого другого отношения к советским гражданам не существует. В СССР также существуют свои государственные законы в отношении иностранцев.

В заключение я хочу спросить: можно ли понимать заявление г. Стомонякова о консульствах таким образом, что если мы будем относиться к вашим консульствам так же, как мы относимся к консульствам других государств, то вы, со своей стороны, будете относиться к нашим консульствам так же, как вы относитесь к консульствам других государств.

Стомоняков. Я не имел в виду сегодня вести большую дискуссию по отдельным вопросам. Г-н Охаси находится здесь только проездом и сделал мне только визит. У нас нет времени для детального обсуждения вопросов о наших отношениях. Пользуясь случаем, я хотел только разъяснить точку зрения Советского правительства. Но в связи с ответом г. Охаси я хотел бы все же очень бегло остановиться на некоторых его замечаниях. Нельзя согласиться, будто маньчжурские власти относятся к советским консульствам так же, как они относятся к другим консульствам, как, например, к консульствам Великобритании или Америки. К глубокому сожалению, это заявление противоречит действительности. Нам неизвестны выпады властей Маньчжоу-Го в отношении других стран. Примером же отношения маньчжурских властей к нашим консульствам может служить тот факт, что в отношении нашего консульства на ст. Пограничная маньчжурские власти создали режим голодной блокады. Нам неизвестны факты, когда маньчжурские власти призывали к свержению правительств и к восстаниям в других странах, помимо СССР. Г-н Охаси говорит, что Маньчжоу-Го принимает меры к ликвидации других консульств. Однако нам не известно ни одного факта ликвидации иностранных консульств. Многие государства имеют в Маньчжоу-Го консульства, но не допускают учреждения маньчжурских консульств у себя. Несмотря на это, Маньчжоу-Го относится к этим странам хорошо. С подобной дискриминацией Советское правительство никогда не согласится. Совершенно расходится с действительностью и заявление г. Охаси о том, что отношение маньчжурских властей к советским гражданам основано на законах Маньчжоу-Го. Разве можно назвать законными действиями

пытки, избиения и убийства, применявшиеся в отношении советских граждан? * Что касается замечания, что на территории СССР имеется много маньчжурских граждан, то мне это неизвестно. Г-н Охаси говорит, что позиция Маньчжоу-Го в отношении советских консульств и СССР не есть дискриминация. Если г. Охаси благодаря своему влиянию добьется того, что позиция маньчжурских властей впредь не будет основана на дискриминации и они будут вести себя как власти цивилизованного государства, то я глубоко убежден, что мы сумеем разрешить все спорные вопросы и установить добрососедские отношения. Я не хочу вдаваться в детали. Основная мысль моего заявления та, что Советское правительство готово поддерживать добрососедские отношения при соблюдении следующих двух условий: 1) маньчжурские власти относятся к советским представителям и к СССР, как власти цивилизованного государства относятся к другим странам; 2) Маньчжоу-Го прекращает всякую дискриминацию в отношении Советского Союза.

О х а с и. Имеются различные вопросы, которые мы хотим урегулировать на основе равенства и взаимности. Но, так или иначе, все вопросы мы хотим урегулировать мирным путем. Кстати, я хотел бы спросить, в каком положении находятся маньчжуро-монгольские переговоры. Вначале эти переговоры шли успешно, но в последнее время они, кажется, затормозились.

С т о м о н я к о в. По сведениям, которые у меня имеются, задержка произошла потому, что японские или маньчжурские войска оккупировали значительную часть территории Монгольской Народной Республики. Монгольское правительство потребовало от Маньчжоу-Го отвода войск. В настоящее время ведется телеграфная переписка между Улан-Батором и Синьцзином.

О х а с и. Я, со своей стороны, хочу разрешить этот вопрос мирным путем. Здесь находится монгольский представитель. Не можете ли Вы оказать мне содействие в устройстве встречи с монгольским представителем. Я не собираюсь вести с ним переговоры, а хочу только засвидетельствовать свое уважение.

С т о м о н я к о в. Мы будем очень рады, если переговоры на ст. Маньчжурия приведут к соглашению. Г-ну Охаси известно, что Советское правительство придает большое значение поддержанию мира на маньчжуро-монгольской границе **. Я рад слышать, что г. Охаси ставит целью мирное урегулирование всех вопросов. Что касается встречи с монгольским представителем, то г. Охаси может обратиться с этой просьбой непосредственно к представителю Монгольской Народ-

* См. док. № 11.

** См. т. XVIII, док. № 308, 311; т. XIX, док. № 75, 140.

ной Республики. Мы в принципе не принимаем на себя никакого посредничества между государствами, тем более что Монгольская Народная Республика является самостоятельным государством.

О х а с и. Кроме того, я хотел бы засвидетельствовать свое уважение наркому г. Литвинову. Послезавтра вечером я уезжаю, но 19-го числа утром я еще буду в Москве. Я буду в Москве также с 10 часов утра 21-го числа.

С т о м о н я к о в. Я передам.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

74. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
17 марта 1937 г.*

Ближайшее ознакомление с германской нотой * (текст которой вам, вероятно, уже более подробно известен через Лондон или Париж) приводит к выводу, что германская позиция мало в чем изменилась. Сопоставляя все, что мне в свое время говорил о Западном пакте Дикгоф⁵¹, с тем, что узнал о ноте от коллег, я мог установить лишь следующие новые моменты:

1. Функции арбитра от Лиги наций переходят к гарантам (Англии и Италии). Это, пожалуй, самое существенное и сообщает всему маневру характер, заостренный против Лиги, и вскрывает огромную роль Италии и оси Берлин — Рим.

2. Подкоп против французских договоров, и в частности против франко-советского **, проводится более тонко и замаскированно. Германия предлагает заключить пакт о ненападении без всяких изъятий и оговорок. Раз Франция настаивает на изъятиях, то Франция же и должна дать гарантии, что эти изъятия совместимы с новым Локарно. В чем должны заключаться эти французские гарантии, нота не указывает, но можно догадаться, что одной из гарантий в части, касающейся советско-французского пакта, должен быть отказ от «автоматизма», от права самой решать, когда обязательства входят в силу.

3. В ноте не чувствуется обычного стремления вбить клин между Англией и Францией. Острие ноты одинаково, если не более, направлено и против Англии (игнорирование Лиги, отказ гарантировать Англию). Нота исходит как будто из факта признания существования двух группировок: англо-французской, с одной стороны, и германо-итальянской — с другой.

* См. газ. «Известия», 14 марта 1937 г.

** См. т. XVIII, док. № 205.

Нота не дает ничего, что сблизило бы точки зрения обеих группировок.

Для оценки ноты интересно объяснение, данное Дикгофом в беседе с чехословацким посланником и другими коллегами. Дикгоф указывал, что требование Англии о получении ею гарантий выходит за рамки Локарно. Если Англия будет настаивать на своем требовании, то Италия со своей стороны поставит аналогичное. Далее Дикгоф сказал чехословацкому посланнику, что ошибочно думать, что Германия добивается расторжения договоров Франции с Чехословакией, Польшей и СССР. Германия «считается с франко-советским договором как с фактом», но возражает против автоматизации его применения. Заявление Дикгофа произвело на чехословацкого посланника заметное впечатление. Большинство коллег, и в том числе [Франсуа-] Понсе, считают, что германская нота открывает дверь для переговоров. По мнению Понсе, Германия, однако, рассчитывает на выигрыш времени, в первую очередь выжидая, по-видимому, исхода испанских событий. Понсе усматривает в ноте доказательство глубины и прочности итало-германского сотрудничества.

Понсе, указывая, что в Испании действует открыто итальянская регулярная армия, неожиданно для меня выразил удивление, что такого рода факты не вызывают реакции держав.

Полпред

Печат. по арх.

75. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 марта 1937 г.

На телеграмму от 9 марта⁵². На 15 марта нами сдано Ирану 18 433 т сахара, 225 вагонов мануфактуры, 5 145 т цемента, 3 323 т металлов, в том числе в счет обязательств четвертого квартала — 67 вагонов мануфактуры, 1 120 т сахара, 883 т металлов. Имеем сообщение о выходе из Баку 11 пароходов с сахаром и мануфактурой. Я передал Самии и премьеру, что необходимо обеспечить немедленную разгрузку судов. На побережье посылаются группа руководящих работников министерства финансов, выезжает также Тамарин*.

Полпред

Печат. по арх.

* Торгпред СССР в Иране.

76. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

18 марта 1937 г.

Из очень солидного источника я узнал, что в свой последний приезд Шуленбург резко изменил свою прежнюю тактику. Если еще недавно он допускал возможность улучшения наших взаимоотношений и в этом духе пытался повлиять на Берлин, то сейчас он почти полностью солидаризировался с розенберговцами. В соответствии с этим он в самых мрачных красках изображал здесь внутреннее положение в СССР.

Полпред

Печат. по арх.

77. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 марта 1937 г.

На телеграмму от 16 марта⁵³. Я осведомился сегодня у Дельбоса, намерено ли французское правительство поставить в Лондонском комитете вопрос об итальянских дивизиях. Дельбос ответил, что по его совету этот вопрос ставится Испанией в форме ноты, передаваемой Аскарате Плимуту, последний должен будет доложить Комитету о демарше Испании*, и Корбен, как говорит Дельбос, поддержит испанскую акцию, дабы побудить Комитет принять решение об отзыве иностранных волонтеров из Испании. Если бы Советское правительство решило самостоятельно возбудить в Комитете вопрос об итальянских войсках, Корбен, по словам Дельбоса, поддержит советского делегата.

Дельбос сообщил, что германский ответ о новом Локарно**, пытающийся изолировать Бельгию и освободить ее от обязательств, налагаемых на нее Уставом Лиги наций, вызывает недовольство бельгийцев как посягательство на суверенитет их страны. Об этом, как говорит Дельбос, он информирован по поручению Спаака***. Германско-итальянская идея о специальной локарнской конференции для оформления нового положения Бельгии представляется французам неприемлемой, ибо такая конференция явилась бы частичной реализацией «пакта четырех». Бельгийский вопрос предполагается урегулировать простым обменом дипломатическими нотами.

По собственной инициативе Дельбос заговорил о кровавых событиях в Клиши⁵⁴, якобы уже используемых за границей

* См. док. № 68, 79.

** См. док. № 69, 74.

*** Министр иностранных дел и внешней торговли Бельгии.

для дискредитации Франции. Я не стал поддерживать этот разговор и ограничился сухим замечанием, что отношение рабочих к этим событиям свидетельствует об исключительной дисциплинированности масс и преданности их Народному фронту. Дельбос не уговорился и обвинял муниципалитет Клинши в устройстве контрманifestации, направленной против простого киносеанса для членов французской социальной партии, дойдя до апологии полиции, якобы находившейся в состоянии законной самообороны. Как ни было противно, я предпочел молчать.

Полпред

Печат. по арх.

**78. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран-
ных Дел СССР Дипломатическому агенту НКВД СССР
во Владивостоке Г. Д. Тихонову ***

20 марта 1937 г.

Козловский передал 19-го Сако **, что Наркомвод остался при своем решении не давать больше «Сёсэи гуми» разрешения на производство каких-либо операций во Владивостоке и что мы не могли добиться пересмотра этого решения, потому что установлено, что контора занималась незаконными операциями ⁵⁵.

В то же время мы по-прежнему не намерены чинить никаких препятствий регулярным рейсам японских пароходов, которые смогут обслуживаться Главморagentством. Желая при этом пойти максимально навстречу японским пожеланиям, наши власти готовы разрешить японским пароходным компаниям иметь во Владивостоке одного представителя, который будет представлять японские интересы перед Главморagentством по примеру того, как это имеет место с итальянской пароходной компанией «Ллойд триестино» в Одессе. Этот представитель может иметь одного секретаря-японца.

Козловский предупредил Сако, что если японская пресса начнет шум по этому вопросу, то мы вынуждены будем передать гласности факт незаконной деятельности «Сёсэи гуми». Сако обещал доложить послу.

Стомоняков

Печат. по арх.

* Копия телеграммы были направлены в полпредство СССР в Японии и уполномоченному НКВД СССР в Дальневосточном крае А. Р. Мэни.

** Советник посольства Японии в СССР.

79. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

23 марта 1937 г.

На Вашу телеграмму от 20 марта⁵⁶. Предлагаем выступить против распространения контроля на суда испанского правительства, заявив, что Комитет не может установить блокаду против законного правительства, не участвующего в соглашении и действующего в условиях самозащиты. Иное дело суда непризнанного Фраико, которые должны третироваться как мятежные пиратские суда и, во всяком случае, должны быть контролируемы. Нельзя приравнивать испанское правительство к мятежникам.

Кроме того, предлагаем Вам потребовать от Комитета расследования жалоб, содержащихся в ноте испанского правительства Англии, копия которой вручена и нам*. Предложите послать в Испанию комиссию для выяснения случаев посылки итальянским правительством волонтеров уже после 20 февраля и продолжающегося снабжения Фраико военными материалами вопреки соглашению, а также участия регулярных частей итальянской армии в военных действиях против испанского правительства. Свою речь по этому поводу передайте через ТАСС**.

Литвинов

Печат. по арх.

80. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне всякой очереди
23 марта 1937 г.*

Дельбос сегодня утром пригласил меня к себе. Во-первых, как и Блюм, он поделился своими опасениями насчет Италии. Оказывается, внезапно вызван в Рим Черрутти***. Имеются сведения, что Муссолини собирается послать в Испанию новые подкрепления. Гранди**** оттягивает в Лондоне собрание Комитета по вопросу о волонтерах, ссылаясь на неполучение им инструкций. Англия также раздумала делать в Риме свой демарш по поводу нахождения в Испании итальянских регулярных войск. Она ссылается на то, что не имеет еще достаточных доказательств этого. Дельбос имеет какие-то сведения от Франсуа-Поисе, будто Германия не расположена поддерживать Италию до конца. Однако очевидно, что это сообще-

* См. док. № 68, 77, 80, 95.

** См. газ. «Известия», 27 марта 1937 г.

*** Посол Италии во Франции.

**** Посол Италии в Великобритании.

ние внушает Дельбосу еще меньше доверия, чем позиция, занимаемая Англией. Однако расхождение с последней по-прежнему представляется французам величайшей катастрофой. Между прочим, и свой ответ нам по вопросу испанского золота, уже сообщенный по телеграфу Кулондру, Дельбос мотивирует тем соображением, что необходимо будет дать некоторое удовлетворение англичанам⁵⁷.

Во-вторых, Дельбос жаловался, что события в Кшиши⁵⁴ грозят превратиться для Франции в «дипломатическое Ватерлоо». Он плачется, что они ободряют Италию и Германию и деморализуют союзников и друзей Франции. Между прочим, они якобы наносят удар новому плану французов, о котором услышал от Дельбоса впервые, именно: заключить дунайское соглашение — Франция, Чехословакия, Венгрия, Австрия, чтобы нейтрализовать разлагающую работу Германии и Италии в Югославии и Румынии. Говоря об этих неудачах, Дельбос трагически воздевал руки.

В-третьих, Дельбос сообщил мне, что на завтра намечено совещание Блюма с ним и Даладье по вопросу о переговорах наших генеральных штабов³¹. Задержав меня у двери, он усиленно меня заверял, что нужно устранить всякие недоразумения, что наш ответ* он признавал вполне достаточным, что Блюм уже выражал нам свою благодарность, что вся беда в ослаблении контакта Блюма с Даладье за последнее тревожное время. Я ответил, что не берусь предсказывать, как отнесется наш генштаб к последним заявлениям Швейсгута³¹. Лично мне представляется преждевременным, не договорившись в принципе, переходить к одностороннему выяснению технических, и притом достаточно деликатных, вопросов, имеющих отношение к эвентуальным военным действиям Советского Союза.

Полпред

Печат. по арх.

81. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Иденом

23 марта 1937 г.

1. Я сообщил Идену ответ Советского правительства на его демарш от 15 марта**. Я начал с того, что Советское правительство по-прежнему считает созыв международной морской конференции наиболее целесообразным выходом из положения...*** На этом месте Иден резко прервал меня и воскликнул: «Даже после опыта Комитета о невмешательстве?»

* См. док. № 50.

** См. док. № 69.

*** Многоточие в документе.

(как раз в этот день утром Гранди на подкомитете о невмешательстве сделал свое знаменитое заявление о том, что ни один итальянский волонтер не уйдет из Испании до конца гражданской войны). Я усмехнулся и продолжал, что, хотя Советское правительство и остается сторонником международной конференции, тем не менее, учитывая заявление британского правительства о нецелесообразности и несвоевременности такой конференции, оно готово пойти последнему навстречу и подписать двусторонний англо-советский морской договор при наличии следующих условий:

а) вопрос о 16-дюймовых орудиях решается в соответствии со ст. 4 договора в ее последней редакции, однако Советское правительство не видит никакой надобности в принятии того меморандума, проект которого несколько времени назад мне вручил Крейги*;

б) в вопросе о крейсерах Советское правительство не считает возможным ставить себя в зависимость от действий Германии. Поэтому ст. 6 должна быть переработана в том смысле, что СССР вправе по своему усмотрению дополнительно к первым 7 вневмешательным крейсерам строить еще 3 дополнительных вневмешательных крейсера, когда найдет это нужным.

Кроме того, по тексту договора у нас имеются еще кое-какие небольшие изменения редакционного характера, на которых я не считаю сейчас нужным останавливаться. Информацию о малых военных судах мы согласны давать. Не возражаем также против нотификации Германии через Англию об éventуальном вневмешательном строительстве на Дальнем Востоке.

2. Иден был чрезвычайно обрадован моим сообщением. Тревога его, вызванная началом моего сообщения, быстро прошла, когда он узнал, что СССР соглашается подписать договор. Лицо Идена посветлело, и весь он производил впечатление мальчонки, получившего к празднику хороший подарок. Иден не думал скрывать своих чувств. Он заявил, что мое сообщение — это первая приятная новость, которую он получил за много, много дней. Он глубоко благодарил Советское правительство за его решение и заявил, что это решение произведет великолепное впечатление в стране и несомненно благоприятно отразится на развитии англо-советских отношений. «Вы не можете себе представить, — прибавил Иден, — какие прекрасные последствия с точки зрения англо-советских отношений будет иметь этот шаг».

Далее Иден вызвал чиновника форин-офиса Холмэна, замещающего ушедшего в отпуск Крейги, и мы втроем устроили краткое предварительное совещание о дальнейшем направлении дела. Было решено, что Холмэн плюс еще один предста-

* См. т. XIX, прим. 88.

витель адмиралтейства встретится с гг. Каганом и Чикунским *, пройдутся еще раз по всему тексту договора и утрясут все еще остающиеся редакционные изменения. Ни Иден, ни Холмэн не возражали против отказа от меморандума и против желательного нам изменения ст. 6 (о крейсерах). Холмэн, правда, высказывал некоторые опасения, как бы немцы не вздумали устроить какой-нибудь маленький скандалчик из-за крейсерской статьи, но в конечном счете пришел к выводу, что это не страшно.

3. Затем Холмэн ушел, а мы с Иденом слегка заговорили о перспективах англо-советских отношений, причем Иден в этой связи поинтересовался, как идет размещение заказов по 10-миллионному кредиту **. Он слышал, что мы делаем много заказов из области морских вооружений, что ж, против этого не приходится возражать. Я ответил, что мы действительно часть 10-миллионного кредита используем в целях воссоздания нашего флота, однако, к сожалению, у нас тут встречаются довольно серьезные трудности⁵⁸. Иден казался удивленным моим заявлением. Я тогда вкратце разъяснил ему, какого рода трудности мы встречаем и какого рода отголоски данный факт находит в советских морских кругах. Иден был очень заинтересован моим сообщением, сделал заметки в отношении дизелей и брони, с размещением которых на английских заводах у нас встречаются большие трудности, и под конец обещал оказать содействие в преодолении этих трудностей.

4. Перед уходом я пригласил Идена к себе на обед. Договорились, что обед будет устроен 21 апреля***. Прощаясь, Иден воскликнул: «Справим на обеде наш морской успех!»

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

82. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

24 марта 1937 г.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Японии имеет честь сообщить Императорскому Министерству Иностранных Дел Японии о нижеследующем:

1. 17 марта 6 японо-маньчжурских солдат, находившихся на маньчжурской территории, обстреляли в районе Янчихэ, в

* Соответственно советник полпредства и военно-морской атташе при полпредстве СССР в Великобритании.

** См. т. XIX, док. № 236.

*** См. док. № 115.

3 км северо-восточнее пограничного знака № 11, советский пограничный наряд, находившийся на территории СССР в 400 м от границы. Пули пролетали над головами пограничников.

2. 17 марта в районе с. Нижне-Михайловского на реке Усури группа из трех маньчжурских солдат произвела с маньчжурского берега пять выстрелов в направлении советского берега.

3. 21 марта в 23 час. 40 мин. наряд пограничной охраны СССР наткнулся на принадлежащем СССР о. Средний на Амуре, ниже Благовещенска, на незаконно вторгнувшийся туда японо-маньчжурский отряд. В ответ на окрик советских пограничников японо-маньчжурский отряд открыл по ним огонь. В результате завязавшей перестрелки нарушители границы отошли к маньчжурскому берегу. В 23 час. 55 мин. советский пограничный отряд на вышеуказанном острове вновь подвергся обстрелу с маньчжурского берега Амура.

Посольство имеет честь заявить протест против этих незаконных действий японо-маньчжурских воинских частей, нарушающих границу СССР и обстреливающих советских пограничников. Посольство просит Императорское Министерство Иностранных Дел расследовать все эти три случая и принять меры к наказанию виновных в них и к предотвращению подобных незаконных действий в будущем.

Одновременно Посольство обращает внимание Императорского Министерства Иностранных Дел на участвовавшие в последнее время случаи нарушения границы СССР и провокационных обстрелов советских пограничников со стороны японо-маньчжурских воинских чинов. Посольство надеется, что Императорское Министерство Иностранных Дел предпримет необходимые меры к немедленному и полному прекращению подобных недопустимых действий японо-маньчжурских войск⁵⁹.

Печат. по арх.

83. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

24 марта 1937 г.

Передала вчера официальное приглашение Сандлеру*, он выразил благодарность шведского правительства. Сегодня Сандлер после заседания кабинета позвонил мне и просил передать Вам, что он принимает приглашение с удовольствием и намерен прервать между 5 и 10 июля. До того, как мы дого-

* См. док. № 71, 99.

ворнмся о форме придания гласности его поездке, просил не разглашать. Саидлер сегодня уезжает на пасхальный отдых. Жду Ваших указаний.

Коллонтай

Печат. по арх.

84. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Ирана Самии

24 марта 1937 г.

Мы обсудили с Самии некоторые текущие вопросы.

О германской воздушной линии. Я напомнил Самии, что в августе и сентябре 1936 г. мы обсуждали с ним вопрос об организации воздушной линии, соединяющей транзитом через СССР Тегеран с Европой. Тогда наши переговоры не увенчались успехом, ибо технически организация такой линии в то время требовала бы полетов наших аэропланов над иранской территорией, а, по заявлению Самии, имеется принципиальное решение иранского правительства не допускать организации иностранных линий над иранской территорией⁶⁰. Напомнив об этом заявлении министра, я спросил его, имеет ли иранское правительство в виду применять этот принцип не только к советским аэропланам, но также и в отношении германского проекта об организации транзитной линии Берлин — Кабул*.

Самии ответил, что хотя предложение об организации такой транзитной линии имеется, но оно до сих пор еще не обсуждалось иранским правительством и поэтому он не может сказать, будет ли принято положительное или отрицательное решение, но он должен разъяснить возникшее недоразумение. Недоразумение, по словам Самии, заключается в том, что иранское правительство и в период тех переговоров, о которых я напомнил, не возражало и не возражает против организации транзитной линии через Советский Союз, но оно желает, чтобы эту линию на иранской территории обслуживали иранские самолеты. Для обслуживания подобных линий министерство почт и телеграфа закупило 4 или 5 самолетов и имеет в виду закупить их еще большее количество. Самии повторяет, что иранское правительство не возражает против того, чтобы почта на самолетах доставлялась из Баку в Пехлеви, но оттуда в Тегеран эта почта должна доставляться иранскими самолетами. Кроме того, Самии отмечает, что в данном случае [для Ирана] не шла [бы] речь об организации транзитной линии, в то время как в отношении германской воздушной линии речь идет именно о транзите. Самии хотел бы знать,

* См. т. XIX, док. № 252 и док. № 58 настоящего тома.

какие основания имеет Советский Союз возражать против организации германской транзитной линии. Он обращается с этим вопросом с целью углубить изучение вопроса об организации германской транзитной линии.

Я ответил Самни, что не подлежит сомнению военно-политический характер организуемой Германией линии. Это видно из того конфликта, который возник в Турции при первом пробном полете германского аэроплана, и из того обстоятельства, что, как нам известно, этот же первый аэроплан уделил в Афганистане чрезмерно большое внимание полетам над советской границей*. Не следует выпускать из виду, что Германия усиленно готовится к завоевательным войнам, а в войне с Испанией она уже участвует, и что, готовясь к войне с Советским Союзом, она чрезвычайно заинтересована в том, чтобы изучить воздушные подступы к Советскому Союзу.

Самни на это ответил, что ему непонятны высказанные мною опасения относительно советских границ. Если германская воздушная линия и будет организована, то самолеты будут прилетать из Багдада и, стало быть, отношения к советским границам иметь не будут. Он, Самни, не в курсе того инцидента с турками, о котором я упомянул. Что же касается полетов германского аэроплана в Афганистане над советской границей, то, насколько ему известно, эти полеты германский аэроплан совершал не один, а в присутствии находящегося на борту представителя афганских военных властей.

Что же касается военных целей, на которые мною было указано, то Самни подчеркивает, что, как известно, Иран является одной из самых миролюбивых стран и всегда поддерживает страны, борющиеся за мир. Ирану важно и в иранских интересах поддерживать тесные отношения с дружественной и соседней страной, а не с отдаленной Германией или другой отдаленной страной в Европе. Если иранское правительство и согласится на создание германской воздушной линии, то, безусловно, будут выработаны такие условия и порядок, чтобы у Советского Союза не возникло каких-либо опасений относительно его границ.

Что касается замечаний относительно того, что германская воздушная линия даст возможность Германии изучить воздушные подступы к Советскому Союзу и т. д., то, как известно, немецкие самолеты и без установления регулярной линии довольно часто совершают полеты над Ираном. Кроме того, Самни напоминает, что несколько лет тому назад в Иране совершали регулярные воздушные рейсы самолеты «юнкерс». Эти самолеты имели полную возможность изучить те или другие летные вопросы. Поэтому Самни спрашивает, нет ли у нас каких-либо еще данных относительно возможных

* См. т. XIX, док. № 252.

опасений со стороны германской воздушной линии. Он обращается с этим вопросом к нам для того, чтобы при обсуждении представленного проекта в правительстве в распоряжении иранского правительства были исчерпывающие данные для всесторонней оценки этого вопроса.

Я ответил, что миролюбие Ирана еще не гарантирует ни его самого, ни нас от каких-либо событий. Испания является не менее миролюбивой страной, чем Иран, и тем не менее министр знает, что с Испанией воюют сейчас без объявления войны Италия и Германия, посылая туда свои войска, аэропланы и прочие вооружения. Кстати говоря, производит странное впечатление, что иранская печать называет армию, воюющую против Испанской Республики, «националистами», хотя эта армия в своем подавляющем большинстве состоит из итальянцев, из немцев и марокканцев. Так как Германия в достаточной степени доказала свое презрение к международным обязательствам и свое стремление к завоевательным войнам, то вряд ли одно только миролюбие в настоящей ситуации может быть достаточной защитой от непредвиденных событий. Поэтому мы предпочитаем трезво смотреть в будущее. С этой точки зрения мы считаем, что предоставление германским агрессорам возможности изучать воздушные подступы к Советскому Союзу и готовить кадры летчиков, знающих эти подступы, вряд ли совпадает с политикой поддержки тех стран, которые борются за мир. Наоборот, это скорее идет навстречу интересам стран, усиленно, на глазах у всех готовящихся к завоевательным войнам.

О пакте ближневосточных стран. Я напомнил Самии, что в свое время состоялось решение о том, чтобы в марте месяце в Тегеране подписать пакт четырех ближневосточных государств*, и спросил, ожидается ли в ближайшее время приезд сюда турецкого министра иностранных дел.

Самии ответил, что раньше предполагалось, что к марту удастся закончить переговоры между Ираном и Ираком по вопросам границы. Однако переговоры эти, несмотря на их в общем благоприятный ход, затягиваются, и подписание пакта будет, таким образом, отложено, так как Иран не считает возможным подписать четверной пакт до урегулирования с Ираком пограничных вопросов. Турецкий министр иностранных дел в июне едет в Советский Союз и, очевидно, совершит свою поездку через Тегеран. Тогда и будет подписан четверной пакт**. Самии уверен, что к июню переговоры с Ираком закончатся. В связи с этим он вновь с благодарностью вспомнил о том положительном влиянии, которое т. Литвинов оказал на решение по вопросам об ирано-иракском споре⁶¹.

* См. т. XIX, док. № 310.

** См. док. № 223.

О соглашениях с Турцией. На мое замечание, что за один прием Иран чрезвычайно продвинулся в заключении всякого рода соглашений с Турцией, Самии возразил, что, в конце концов, все эти соглашения не имеют особенного значения, так как с ними не связаны какие-нибудь крупные интересы. Так, торговля с Турцией составляет всего 200 000 туманов. Поэтому значение всех этих соглашений, если сравнить их с такими же соглашениями с Советским Союзом, конечно, совсем невелико.

Об информации ТАСС. Я обратил внимание Самии, что, хотя соглашение между ПАРС и ТАСС об обмене радиоинформацией подписано уже месяц тому назад, и все технические пробы были проведены, и условлено было уже окончательно относительно радиопередатчика, часов приема и т. д., тем не менее ПАРС до сих пор не помещает информации ТАСС в своем бюллетене.

Самии заявил, что ПАРС не брал на себя обязательства помещать всю информацию в бюллетене. Иранское правительство не имеет в виду помещать, в частности в прессе, такого рода информации различных агентств, которые могли бы вызвать нежелательную дискуссию, превратив столбцы иранской печати в арену борьбы различных государств. Этой линии иранское правительство держится в отношении всех агентств, в том числе и германского агентства, и оно не видит оснований, чтобы в отношении ТАСС придерживаться другой линии.

Я ответил, что, во-первых, такого рода разъяснения не имеют отношения к данному случаю, так как сейчас речь идет не об отсеивании той или другой не нравящейся иранскому правительству информации, а о том, что вообще никакая информация ТАСС не печатается в бюллетене. Во-вторых, мне неясно, какого рода информацию ТАСС министр считает способной вызвать нежелательную дискуссию на страницах иранской печати. Если вспомнить, что иранское правительство заявляет себя сторонником мира, то я надеюсь, что иранское правительство не имеет в виду рассматривать в качестве дискуссионной и потому нежелательной для Ирана информацию, которая служит делу мира и борьбы с агрессией. Во всяком случае, соглашение между ПАРС и ТАСС было заключено не для того, чтобы информация ТАСС складывалась в письменный стол работников ПАРС. Не странно ли, что иранская пресса проявляет столь малый интерес к соседней дружественной стране, с которой она имеет такие громадные экономические, политические и культурные связи.

Самии уже в другом тоне поспешил заявить, что он проверит работу ПАРС и примет меры к тому, чтобы информация о Советском Союзе помещалась в бюллетене. Он согласен с тем, что Иран не может не интересоваться информацией, поступающей из дружественного Ирану Советского Союза.

Торговые дела. Затем наш разговор перешел на вопросы снабжения Ирана советскими товарами. Самии сообщил, что после моих представлений он принял необходимые меры для того, чтобы приходящие в иранские порты Каспийского моря советские суда с грузами немедленно разгружались*. На побережье выехало несколько руководящих иранских работников, которые организовали все это дело. При мне он переговорил по телефону с управляющим министерством финансов Бадером, который подтвердил, что благодаря принятым чрезвычайным мерам разгрузка судов проходит нормально и сколько-нибудь нежелательных простоев судов не наблюдается.

А. Черных

Печат. по арх.

85. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Россо

25 марта 1937 г.

1. Россо вручил мне меморандум, в котором изложена его настойчивая просьба о предоставлении квартир его сотрудникам. Он говорил, что обращался по этому поводу в Бюробии, но безрезультатно, а между тем ожидается приезд детей его жены, один из его секретарей собирается жениться и вообще создалось невозможное квартирное положение, а потому он решил обратиться ко мне. Он готов был бы взять целый дом, если даже необходимо будет оборудовать его за счет посольства. Я сказал ему, что затруднения у нас велики и что я вряд ли смогу сделать больше, чем Бюробин или т. Вейнберг**. Я, конечно, скажу им, чтобы они сделали все от них зависящее для удовлетворения просьбы посла.

2. Россо сообщил, что, согласно информации итальянского посла в Саламанке, команда «Комсомола»*** находится интернированной в порту Реаль. Что же касается «Смидовича», то этот пароход будто бы не был захвачен, а лишь обыскан и ему было разрешено продолжать свой путь.

3. Россо обратил мое внимание на усилившийся враждебный тон нашей прессы в отношении Италии, включая персональные нападки. Он знает, что не совсем благополучно обстоит в этом отношении и с итальянской печатью, но все же он считает, что обе стороны должны делать усилия по край-

* Беседы А. С. Черных с премьер-министром Ирана Джамом и Самии состоялись 17 марта 1937 г.; см. также док. № 75.

** Заместитель заведующего III Западным отделом НКВД СССР, с 15 июня 1937 г. и. о. заведующего отделом.

*** См. док. № 7, 136.

ней мере к нерасширению пропасти, разделяющей СССР и Италию. Я выразил удивление, что этот вопрос затронут итальянской стороной, когда жаловаться мы имеем гораздо больше поводов. Я тут же вытребовал и показал Россо пачку итальянских газетных вырезок и карикатур. Я сказал, что вряд ли Россо сможет мне предъявить за тот же период соответственное количество советских вырезок аналогичного характера. Что касается тона и оскорблений, то наша печать тоже уступает итальянской. Кампания начата итальянской прессой, а наша должна первой ее прекратить! Не мы ищем конфликтов с Италией. Муссолини счел нужным занять враждебную позицию в отношении СССР, и мы можем это лишь принять к сведению, отнюдь не отвечая на это любовью. Газетные вырезки получает не только НКВД, но и редакции наших газет и делают из этого свои выводы. Все обращения нашего полпредства в Риме в МИД и непосредственно к Чиано не привели ни к чему. В лучшем случае антисоветская кампания приостанавливалась на несколько дней и затем вновь возобновлялась. При этих обстоятельствах я не нахожу возможным сообщить нашей прессе, что ее свобода суждений об Италии должна быть ограничена при сохранении за итальянской прессой полной свободы антисоветских выступлений.

М. Литвинов

Печат. по арх.

86. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Ариоти

25 марта 1937 г.

Юнгерт на днях уезжает в Венгрию и пришел обменяться мнениями о международном положении в части, касающейся Венгрии. Я ему сказал, что мы, естественно, при агрессивном характере политики Германии не можем одобрять тесное сближение с нею Венгрии, которую мы должны были бы в этом случае считать продолжением германского фронта. При нынешней антисоветской установке Муссолини мы не можем также приветствовать сближение Венгрии с Италией, но считаем это меньшим злом. Более приемлемо для нас сближение Венгрии и Австрии с Чехословакией, о котором пишут в последнее время. Эта комбинация с нашей стороны возражений не вызывает, поскольку она будет противопоставлена агрессивным силам.

Юнгерт заверял, что он тоже стоит за эту комбинацию, и просил меня содействовать ее осуществлению. Я указал на затруднения, которые, вероятно, возникнут вследствие территориальных требований Венгрии.

Я отметил враждебный тон венгерской печати в отношении СССР и привел в пример сдержанность нашей печати. Я предложил Юнгерту поговорить с Бекзадяном*, который, вероятно, изложит ему и другие жалобы, устранению которых Юнгерт мог бы содействовать.

Литвинов

Печат. по арх.

87. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
27 марта 1937 г.*

Сегодня видел Блюма. 1. Блюм подтвердил сообщение от 25 марта о совещании с Даладые и Дельбосом³¹. Блюм считает «искренним» положительное отношение Даладые к переговорам. Перед новыми переговорами Семенова с генеральным штабом Блюм считает целесообразным разговор с Даладые. На том же совещании у Блюма затронут был вопрос о наших заказах у «Шнейдера»²³. Даладые высказался «весьма определенно» за необходимость реализации этих заказов вне зависимости от проведения национализации «Шнейдера».

2. Несмотря на имеющиеся у них сведения о концентрации итальянских войск около Неаполя и Ливорно, Блюм считает, что «предупрежденный» Муссолини навряд ли «посмеет» послать новые войска в Испанию при наличии франко-британского морского контроля. Правда, по последним сведениям Блюма, состояниие Муссолини таково, что от него можно ожидать всяких сюрпризов.

3. Чрезвычайно важным фактом этого последнего месяца является создание боеспособных республиканских частей. Интернациональные бригады начинают терять свое преимущественное значение.

4. По французским сведениям, германский генеральный штаб в испанских событиях видит подтверждение нереальности теории короткой сокрушительной войны. Между тем, по мнению Блюма, Германия «ни экономически, ни в финансовом отношении, ни даже политически» не в состоянии вести длительной войны. Блюм несколько раз жаловался на большую усталость.

Гиришфельд

Печат. по арх.

* Полпред СССР в Венгрии.

88. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Н. Я. Райвида в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 марта 1937 г.

Полиция применяет следующие меры по отношению к торгпредству: 1. Около торгпредства стоят два шпика, наблюдающие за посетителями торгпредства. 2. Полицейские агенты в штатском часто заходят в помещение торгпредства под видом представителей фирм. Иногда они позволяли себе даже допрашивать проходящих в торгпредство японцев о делах и даже выступали в роли переводчиков при переговорах фирм с оперативными работниками торгпредства. Конечно, официально торгпредству неизвестно, что это были полицейские. Такая «помощь» привела к тому, что некоторые фирмы перестали приходить в торгпредство. 3. Приемщики торгпредства и инженеры, наблюдающие за выполнением заказов, сопровождаются, как правило, при разъездах по заводам полицейскими агентами в поездах, в местах нахождения заводов и на самих заводах, независимо от характера последних. Буквально каждый шаг приемщика сопровождается полицейскими.

За последнее время этот режим несколько смягчен. Полиция стала более предупредительна, а слежка — менее открытой. Особо заметное улучшение имеется по п. 2, посещение полицейскими торгпредства почти прекратилось.

Сообщите, будут ли мне даны директивы для переговоров с Того или их привезет Юренев*.

Поверенный в Делах

Печат. по арх.

89. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 марта 1937 г.

К телеграмме от 24 марта⁶². Капитан парохода «Гражданин» сообщает, что при посещении Осаки 24 марта и Иокогамы 28 марта к команде был применен обычный дискриминационный режим** и, сверх того, в Осаке, несмотря на протест капитана, команда была сфотографирована полицией, а в Иокогаме представитель пароходства и торгпредства Петров, вопреки установившемуся порядку, не был допущен на пароход до окончания полицейского досмотра и формальностей. Таким образом, то смягчение режима, о котором сообщают некоторые наши капитаны, нельзя считать прочным и распространяющимся на все порты Японии.

Н. Райвид

Печат. по арх.

* См. прим. 26 и док. № 357.

** См. т. XIX, док. № 425.

90. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу США в СССР Дэвису

31 марта 1937 г.

Господни Посол,

Нотой от 9 декабря 1936 г. Посольство США передало от имени Президента Соединенных Штатов приглашение Правительству Союза ССР участвовать в Международной выставке в Нью-Йорке в 1939 г.

Выражая свою благодарность г. Президенту за любезное приглашение, имею честь сообщить о согласии Правительства Союза ССР на то, чтобы Союз ССР принял участие в выше-названной выставке. Комиссаром Советской части будет Межлаук И. И. *, который своевременно снесется с Комитетом выставки по вопросу об условиях участия в этой выставке.

Примите, господни Посол, уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Литвинов

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте временного поверенного в делах США в СССР Гендерсона от 9 декабря 1936 г. говорилось:

«Имею честь сообщить, что мне поручено передать Правительству Союза Советских Социалистических Республик приглашение от имени Президента Соединенных Штатов Америки принять участие во Всемирной выставке, которая будет иметь место в г. Нью-Йорке в 1939 г. в ознаменование 150-летия вступления в должность первого Президента Соединенных Штатов Америки и образования Национального Правительства в г. Нью-Йорке».

91. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Бельгии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 апреля 1937 г.

Поглощенный в связи с конкурсом** массой оперативной работы, я не информировал вас специально, полагая достаточной информацией, которая шла по линии прессы. Учтите, что даже те восторженные отзывы, которые наша пресса отсюда получает, не дают достаточно полного представления о глубине и силе эффекта, произведенного в Бельгии и за ее пределами успехом наших артистов, который является в целом ряде беспримерным. Несмотря на разгар избирательной кампании, итог конкурса стал здесь крупнейшей сенсацией. Десятки людей, в том числе электрический магнат Гейнеман, просили у меня приглашение на устраиваемый мною сегодня прием в честь наших артистов. На приеме у королевы мы были

* Председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР.

** См. т. XIX, прим. 63.

центром внимания. Пресса сейчас помещает панегирики советской школе. Итоги конкурса дают богатый материал для надлежащей постановки вопроса о формах и методах нашей культурной работы с заграницей.

Рубинин

Печат. по арх.

92. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о принятии мер в связи с установлением контроля за соблюдением Соглашения о невмешательстве в дела Испании

3 апреля 1937 г.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. В связи с последовавшим 16 февраля 1937 г. при участии представителя СССР решением Международного комитета по невмешательству об установлении контроля за соблюдением соглашения о невмешательстве в испанские дела* обязать торговые суда, плавающие под флагом Союза ССР и направляющиеся в порты Испании, соблюдать предусмотренные означенным решением правила.

2. Обязать Наркомвод СССР, по согласованию с Народным Комиссариатом Иностранных Дел, издать инструкции**, вытекающие из п. 1 настоящего постановления.

Председатель
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
В. Молотов
Управляющий Делами
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
М. Арбузов

Печат. по арх.

93. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая

3 апреля 1937 г.

Так как Кун настоятельно хотел повидать меня до своего отъезда в Лондон, я встретился с ним уже вечером 1 апреля. Я изложил ему нашу точку зрения и наше конкретное предложение согласно вашим инструкциям²⁸. Не вступая в дискуссию, Кун сказал, что доложит Чан Кай-ши о беседе со мной. Он ограничился замечаниями только по двум вопросам: 1) он опасался, как бы китайское предложение Японии принять участие в Тихоокеанском пакте не было истолковано как

* См. док. № 48.

** Не публикуются.

признание Маньчжоу-Го; 2) подробно переспросил и записал наше предложение о поставках. Кроме того, Кун очень благодарил за содействие в выезде сына Чаи Кай-ши в Китай. Кун выехал вчера в Лондон. Он был, по-видимому, разочарован нашим вежливым отказом в приезде его в СССР, но сказал, что очень хотел бы поговорить с Литвиновым в Лондоне⁶³.

Вместе с другими представителями китайских властей меня встретил на пристани Чжан Чун*, который тут же сказал, что Чэнь Ли-фу хотел бы увидеться со мной как можно скорее. Вчера я с ним встретился. Точно так же как и Куну, я изложил ему нашу точку зрения. Точно так же как и Кун, Чэнь Ли-фу, не вступая в дискуссию, ограничился уточнением нашей точки зрения и сказал, что доложит подробно Чаи Кай-ши о разговоре со мной. В конце беседы Чэнь Ли-фу выразил удовлетворение результатами разговора и неоднократно благодарил за содействие в приезде сына Чаи Кай-ши. От встречи с Куном и Чэнь Ли-фу у меня осталось впечатление, что между их группировками происходит своеобразное соревнование за то, чтобы перехватить переговоры с нами.

Сегодня я встретился с Чан Кай-ши в доме его жены, на Французской концессии. Чан Кай-ши чувствует себя еще довольно плохо и передвигается с трудом. После обмена приветствиями Чан Кай-ши сказал мне, что Кун доложил ему подробно о разговоре со мной. Он благодарит Советское правительство за те предложения, которые я сделал китайскому правительству, но, так как он себя еще плохо чувствует, он просит меня переговорить с Ван Чун-хоем, который заменяет его по исполнительному юаню. Как только он сам будет себя лучше чувствовать, он сообщит мне, и мы опять встретимся и обсудим советско-китайские отношения. На мой вопрос, следует ли мне говорить с Ван Чун-хоем о техническом сотрудничестве, Чан Кай-ши просил меня ограничиться в беседе с Ваном дипломатическими вопросами; что же касается технического сотрудничества, то он сам обдумает этот вопрос, и мы вернемся к нему в нашем следующем разговоре**.

Чаи Кай-ши по собственной инициативе просил меня передать Советскому правительству его благодарность за ту позицию, которую советская пресса заняла во время сианьских событий***. Он сказал, что глубоко ценит эту позицию и хочет заверить меня, что со своей стороны он примет все меры к улучшению советско-китайских отношений. В особенности он опять просил передать его личную благодарность и привет т. Сталину как вождю народов Советского Союза.

* Член ЦИК гоминьдана, доверенное лицо Чаи Кай-ши.

** См. док. № 101.

*** См. газ. «Известия», 14 декабря 1936 г., а также т. XIX, док. № 413, 415.

При моем разговоре с Чан Кай-ши присутствовала только его жена, которая переводила. Даже в таком деле, как встреча с Чан Кай-ши, обнаружилось соперничество группировок Чэнь Ли-фу и Куна: меня сопровождал на свидание Чжаи Чун, но встретил нас сын Куна, который тут же сказал, что Чан Кай-ши хочет говорить со мной без свидетелей.

Мое заключение: 1) наш отказ от пакта взаимопомощи ие был неожиданным для китайского правительства, и поэтому наше обещание оказать поддержку тихоокеанскому соглашению, с оставлением некоторой надежды на заключение даже двустороннего пакта в будущем, создало сравнительно благоприятную атмосферу для дальнейших разговоров; 2) наше предложение о техническом сотрудничестве, являясь доказательством серьезности наших намерений в деле советско-китайского сближения, заинтересовало Чан Кай-ши, однако для меня ясно, что под предлогом своей болезни Чан Кай-ши, перед тем как принять решение по этому вопросу, стремится еще выиграть время; 3) из всех разговоров следует, что Чан Кай-ши действительно чувствует себя обязанным по отношению к нам за нашу позицию во время шаньских событий.

Богомолов

Печат. по арх.

94. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных

4 апреля 1937 г.

На телеграмму от 1 апреля. Заявите Самни, что его предложение вызвало в Москве большое удивление⁶⁴. Договор 1921 г.* является фундаментом отношений между СССР и Ираном, и приступать подобным образом к ревизии этого договора, особенно при нынешнем состоянии наших отношений, означало бы их совсем расшатать. Мы тем более удивлены предложением Самни, что оно относится к той самой ст. XIII, на иарушение которой мы за последнее время неоднократно обращали внимание иранского правительства. Таким образом, получается, что Самни ищет выхода из положения не в том, чтобы устранить нарушение иранской стороной ст. XIII, а в том, чтобы устранить самую ст. XIII. Что касается ссылки Самни на беспредметность ст. XIII и XII, то укажите, что по-мимо перечисленных в ст. IX и X договора 1921 г. концессий ст. XII имеет в виду и ряд других концессий. В виде примера можете сослаться на концессии на ископаемые в Карадаге и

* См. т. III, док. № 305.

на нефтяные и угольные концессии учетно-ссудного банка в Азербайджанской, Зенджанской и Казвинской провинциях. Иранскому правительству хорошо известно, что Советское правительство никогда не пользовалось ст. XIII и другими статьями договора 1921 г. в ущерб суверенитету и развитию Ирана. Оно, конечно, не имеет в виду и впредь пользоваться этими статьями в подобном направлении. Советское правительство желает лишь лояльного и дружественного со стороны Ирана уважения к интересам Советского Союза в точном соответствии с договором 1921 г.

Стомоняков

Печат. по арх.

95. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
6 апреля 1937 г.*

1. Я имел сегодня обстоятельные беседы с Корбеном и Плимутом (по отдельности) о дальнейшей работе Комитета, настаивая на срочном обсуждении моего заявления от 24 марта *. Я обратил также их внимание на двухнедельное бездействие Комитета, в то время как обстоятельства требуют с его стороны максимальной активности. Оба моих собеседника, по существу, дали один и тот же ответ: пасхальный перерыв имел тот плюс, что несколько «охладил страсти»; созывать подкомитет для того, чтобы иметь, конечно, словесный бой между СССР, с одной стороны, и фашистскими странами — с другой, нежелательно, ибо это может только усилить напряжение и затруднить реализацию основной задачи, стоящей сейчас перед Комитетом, — эвакуацию волонтеров из Испании; надо сначала подготовить почву для дальнейшего шага вперед, а тогда уже можно созывать подкомитет. Корбен при этом сообщил: вчера он беседовал с Иденом и Плимутом и указывал им, что французское правительство считает необходимым проявить максимальную энергию в продвижении вопроса об эвакуации волонтеров. Иден обещал вступить по данному поводу в контакт с итальянским правительством. По-видимому, что-то по этому поводу Иденом было сделано, так как сегодня при входе к Плимуту я встретил Гранди, выходящего от Идена. Корбен рассказал также, что дней восемь тому назад французское правительство сделало демарш в Риме, подчеркнув, что оно не может потерпеть дальнейших посылок итальянских волонтеров в Испанию. Результатом этого демарша явилось

* См. док. № 79; газ. «Известия», 27 марта 1937 г.

известное заявление Алфиери * в беседе с иностранными журналистами. Со своей стороны Плимут признал, что посылка новых итальянских войск в Испанию «создала бы исключительно опасное положение», и заверял, что итальянскому правительству известно глубоко отрицательное отношение британского правительства к подобному рода операциям. Поэтому будто бы вероятность отправки новых вооруженных сил из Италии в Испанию невелика.

2. Я решительно атаковал бесхребетную позицию Плимута и Корбена и настойчиво подчеркивал, что только твердое, последовательное, все усиливающееся давление может предотвратить новые акты нарушения невмешательства со стороны Италии (я упомянул в данной связи о возможности применения газа). Исходя из этого, я требовал скорейшего обсуждения моего заявления от 24 марта. Я указал также на целесообразность серьезного дипломатического нажима на Рим со стороны Англии и Франции. Плимут и Корбен соглашались со мной в принципе, но откладывали до неопределенного будущего конкретные акции в этом направлении. Я предостерегал их против повторения итальянским правительством тактики оттяжек и отсрочек, которую оно так часто применяло в прошлом. Здесь мне удалось их сдвинуть с мертвой точки: оба дали обещание, что, если в течение нынешней недели (т. е. не позднее 10 апреля) от итальянского правительства не будет получен положительный ответ по вопросу об эвакуации волонтеров, подкомитет все равно будет созван и на обсуждение поставлено мое заявление. Посмотрим, как будет выполнено это обещание. По-видимому, «каинкулы» Комитета затянутся еще на несколько дней **.

3. Я видел также сегодня шведа и норвежца и просил их нажать на свои правительства в целях представления достаточно многочисленных списков скандинавских кандидатов в контролеры. Оба обещали свое содействие. Швед, между прочим, рассказал мне характерную деталь, ярко рисующую психологию итальянцев. По окончании заседания 24 марта (где я сделал свое заявление) он подошел к Гранди и, ссылаясь на свой опыт 17-летнего пребывания в Англии, предостерегал его от посылки новых вооруженных сил в Испанию. По мнению шведа, все симптомы говорят за то, что британское терпение подходит к концу и что в случае новых нарушений невмешательства со стороны Италии «британский флот появится у Гибралтара». В ответ Гранди только презрительно фыркнул и сказал: «Эти трусы ничего не способны сделать».

Майский

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 2 апреля 1937 г.

** См. док. № 132; газ. «Известия», 17 апреля 1937 г.

96. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Н. Я. Райвида в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
6 апреля 1937 г.

Сегодня я посетил Сато * и сделал ему поручение вами представление⁶⁵ (он вчера предложил мне пойти к Хориноути, но я, сославшись на ваше поручение, настаивал на приеме у него, и он согласился). Сато не входил в обсуждение моего заявления, неофициальный текст коего я ему оставил, и обещал дать ответ после изучения.

Затем он сказал, что наши отношения находятся «в не очень блестящем состоянии». Когда он ехал сюда из Парижа, он думал о том, что их можно улучшить, подобно тому как в 1925 г. советско-японские отношения были улучшены после очень тяжелого периода. Однако, приехав, он убедился, что дело гораздо серьезней. Такое положение опасно для стабилизации мира на Дальнем Востоке. Не согласен ли я с ним. Я сказал, что наши отношения действительно переживают неблагоприятное состояние и что это стало особенно чувствоваться после заключения японо-германского «антикоминтерновского» соглашения **. Сато ответил, что это не так, что и до заключения соглашения были большие трудности. Он знает, что у нас есть ряд жалоб на маньчжурское правительство и японское правительство, и у Японии есть ряд претензий — положение на границе, аресты японских граждан во Владивостоке и т. д. и, что его особенно поразило, смертный приговор Нака ***. Не желая вступать в большой политический разговор, поскольку в ближайшее время приезжает Юрениев, я ограничился замечанием, что инициатива всех осложнений и конфликтов принадлежала всегда японской стороне, что мы долго и терпеливо ограничивались дипломатическими представлениями, но когда это окончательно не помогло, то наши власти вынуждены были в ряде случаев действовать на основе взаимности. О том, что нашим отношениям грозит большая опасность и что им нанесен тяжелый удар, Юрениев говорил 16 и 19 ноября Арита, а после нарком говорил Сигемицу ****, так что дело в самой Японии и от нее зависит сделать необходимый поворот.

Сато сказал тогда, что Советское правительство неправильно понимает Японию, что, в частности, договор с Германией есть результат крайне трудного внутреннего положения Японии, которое вынуждает ее защищаться от иностранных влия-

* Министр иностранных дел Японии с 3 марта 1937 г.

** См. т. XVIII, прим. 262.

*** См. т. XIX, док. № 402.

**** См. т. XIX, док. № 367, 375, 402.

ний. «Вам хорошо,— сказал он,— у вас внутри страны все очень крепко, все ол-райт *; а у нас нет стабилизации и неизвестно, когда она будет». Он дальше сказал, что Советское правительство поступает очень нелогично, ибо всегда отрицает связь с Коминтерном, а теперь говорит, что «аитикоминтерновское» соглашение направлено против него (я тут заметил, что дело не в Коминтерне, а в том, что есть соглашение, явно направленное именно против СССР, о чем нарком говорил на VIII съезде Советов **). Продолжая, Сато сказал, что он думает, что Советское правительство, как это всегда говорит Литвинов, действительно хочет мира, но нужно, чтобы оно хотело мира как на западе, так и на Дальнем Востоке. Именно так нужно понимать литвиновскую формулу неделимости мира. Поэтому он хочет сказать: если Советское правительство желает улучшения отношений и укрепления мира на Дальнем Востоке, то оно должно об этом заявить, и он готов приложить все усилия для достижения этой цели. Он готов разговаривать на эту тему.

Я указал, что никто не может сомневаться в искренности стремлении Советского правительства к укреплению мира на всех границах СССР. Это многократно доказано на деле. В частности, мы всегда выражали готовность урегулировать текущие спорные вопросы, как это видно из наших переговоров о границе, о режиме для наших судов, для посольства *** и пр. По всем этим вопросам слово осталось за японским правительством.

Сато сказал, что он рад слышать о нашей готовности разрешать текущие вопросы, не принадлежит ли к таким вопросам рыболовный вопрос. Я ответил, что рыболовный вопрос — это большой вопрос и что для текущего года он уже разрешен ****.

Сато резюмировал разговор выражением надежды, что Юрнев привезет свежие и приятные новости для наших отношений *****. Разговор он вел в очень дружественных тонах. Об отношениях разговор возник по его инициативе.

Поверенный в Делах

Печат. по арх.

* — хорошо (англ.).
** См. т. XIX, прил. 2.
*** См. док. № 36.
**** См. т. XIX, док. № 434.
***** См. док. № 104.

97. Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

7 апреля 1937 г.

Уважаемый Максим Максимович,

1. О поездке Стаунинга * в Швецию 8—12 марта 1937 г. известно пока лишь следующее: а) после речи в Лунде, в которой он, не стесняясь в выражениях, назвал идею скандинавского оборонительного союза утопией, в тот же вечер состоялся банкет, на котором Хансен ** заявил (в виде корректива к этой речи?), что никакое правительство в мире не помешает шведам бороться на стороне Дании, если она попадет в трудное положение; б) Стаунинг, приехав из Лунда в Стокгольм, дал интервью представителям шведской прессы, переданное сначала в одной редакции, а затем «Политикеном» — в другой, «исправленной», причем обе эти редакции поразительно похожи друг на друга по существу; в этом интервью Стаунинг признал, что вопрос об обороне Скандинавии входит в программу его разговоров со шведами; в) Стаунинг в Стокгольме произнес вторую речь, являющуюся коррективом первой по форме и весьма неясной по содержанию, поскольку она говорит об обороне; по поводу же возможностей экономического сотрудничества малых стран Стаунинг высказывается очень сдержанно и подчеркивает невозможность образования самонабжающейся системы в рамках ослоских держав ***; г) Стаунинг действительно какие-то переговоры со шведами ведет, причем неизвестно, в каком направлении они идут и о чем конкретно.

Из всего этого вытекает следующий вопрос: стоило ли ехать в Швецию лишь для того, чтобы обругать шведов утопистами? Не была ли речь в Лунде маскировкой перед Германией, за которой скрывается какая-то договоренность со шведами по вопросам обороны? Возможно, но точного ответа на последний вопрос дать сейчас нельзя, и не менее возможно также, что речь в Лунде была определенным шагом в угоду Германии, притом, может быть, и не без предварительной сговоренности со шведами.

Далее происходит ожесточенная газетная война, в которой датская консервативная печать и значительная часть шведской печати нападают на Стаунинга за речь в Лунде, за отрыв Дании от остальной Скандинавии. Затем во второй половине марта происходит продолжение и окончание дополнительных датско-германских торговых переговоров, как всегда скрытых от любопытства публики и результаты которых «Политикен» от 24 марта 1937 г. оценивает хотя и туманно, но положи-

* Премьер-министр Дании.

** Премьер-министр Швеции.

*** См. т. XV, прим. 9.

тельно, так что соглашение, «конечно, не будет денонсировано»; а между тем датчане не добились главной своей цели при этих переговорах — ликвидировать свои платежи валютой за часть ввозимых в Данию германских товаров и свести датско-германскую торговлю к 1 : 1.

В конце марта в Берлин едет доверенное лицо Стаунига художник Сальтофт с секретным поручением вести переговоры с немцами и по политическим, и по экономическим вопросам. 5 апреля Стауниг отбывает в Лондон, где должен встретиться и с Болдуином*, и с Иденом и затронуть «важнейшие» политические и экономические вопросы, а к этому времени Сальтофт уже успел вернуться из Германии и тоже едет в Лондон на соединение со Стаунигом.

Наконец 5-го же апреля вождь консерваторов Кристмас Меллер произносит в Лунде речь, весьма отличающуюся от речи Стаунига, произнесенной в том же городе 8 марта, любезностью своей формы, но чрезвычайно сходную с ней по содержанию. Кристмас Меллер, так же как и Стауниг, отвергает скандинавский оборонительный союз, но призывает к деловому обсуждению общих вопросов на базе суверенного определения каждой из обеих стран, Швецией и Данией, своих собственных интересов. «Социалдемократен» от 6 апреля в передовой, можно сказать, приветствует эту речь и подчеркнуто призывает к прекращению газетной войны и конкретному «конфиденциальному» обсуждению «ответственными» лицами общих вопросов, интересующих Швецию и Данию.

Из всего этого вытекает, что: 1) характерные для Дании колебания между Англией и Германией продолжают и 2) имеется налицо общее всем скандинавам желание из этого состояния колебания выйти и самоопределиваться. При этом если теперешняя неопределенная по отношению к Германии политика Англии будет продолжаться и дальше, то Дания будет продолжать все больше и больше скатываться в объятия Германии, вплоть до того, что, защищая свой «нейтралитет» независимо от остальных Скандинавских стран, станет форпостом германской обороны и продовольственной кладовой Германии, ведущей войну на востоке. Но дело может сложиться иначе, если Англия решительно станет против германских агрессивных планов и ясно это покажет, обещав Дании (и другим скандинавам) реальную помощь, и военную и экономическую, и сгруппировав Скандинавские страны вокруг себя.

Датско-шведские отношения и вопрос о скандинавском оборонительном союзе нужно расценивать с точки зрения той или иной позиции Англии по отношению к Германии. Под этим же углом зрения нужно расценивать и разговоры Стаунига со шведами в Стокгольме, и последние, в один голос с консер-

* Премьер-министр Великобритании.

ваторами, призывы «Социалдемократен» к «конфиденциальным переговорам ответственных лиц Швеции и Дании об общих скандинавских интересах».

Конечно, внутривполитические соображения во всех этих выступлениях Стаунинга, других деятелей и газет играют большую роль.

2. 15 марта на обратном пути из Канны, куда он ездит ежегодно, датский король имел в Берлине свидание с Гитлером. По этому поводу во французской и английской прессе появились слухи о том, что Гитлер предложил королю что-то вроде пакта о ненападении. Хотя это сообщение было официально опровергнуто датской легацией в Берлине, в нем, по существу, ничего невероятного нет. [...]*

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Дании
Тихменев

Печат. по арх.

98. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

9 апреля 1937 г.

Хотя сегодняшние немецкие газеты опровергают самым резким образом слухи об изменении германской политики в отношении СССР, эта тема продолжает быть предметом разговоров в дипломатическом корпусе. Еще до появления заметок в газетах среди иностранных журналистов и дипломатов распространились слухи, будто бы предстоит не только улучшение, но коренное изменение характера советско-германских отношений**. И после германских опровержений почти все коллеги обращаются ко мне с запросами по этому поводу. Характерно, что Мастны придает значение этим слухам. На основании бесед с Герингом он пришел к выводу, что Геринг поддерживает противников теперешнего «русского» курса. В этом духе Мастны сформировал Прагу.

Полпред

Печат. по арх.

99. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

9 апреля 1937 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Максим Максимович,
На днях еще раз повидала Сандлера и передала ему, что дата его приезда в числа между 5 и 10 июля Вас вполне

* Опущена часть письма, не относящаяся к внешнеполитическим вопросам.

** См. док. № 110.

устраивает*. Сандлер на это ответил, что точный день выезда из Стокгольма он согласует с Вами в Женеве⁶⁶. Я сказала Сандлеру, что Вы считаете опубликование его визита вполне возможным, и со своей стороны добавила, что не вижу причин задерживать оглашение. Сандлер хотя и согласился с этим, но еще раз добавил, что так как он Вас увидит в начале мая в Женеве, то считает более удобным договориться о форме публикации с Вами, тем более что появление в печати такого сообщения вполне достаточно за два месяца. Я думаю, что Сандлер хочет подготовить прессу и известные круги.

Сандлер интересовался, будете ли Вы в Женеве в начале мая, до коронации в Лондоне?

20 мая Сандлер будет на конференции министров иностранных дел четырех северных стран в Гельсингфорсе^{**}. Хотя Кут^{***} и отрицает, что на конференции будет обсуждаться вопрос об оборонительном союзе северных стран, трудно себе представить, чтобы вопрос об обороне и соответствующей координации действий не стал предметом обсуждения. Особенно после двусмысленной позиции Стаунинга^{****}. Шведы, по-видимому, хотят использовать эту встречу для того, чтобы «нажать» на Данию. Однако от этой встречи не приходится ждать конкретных шагов в смысле оборонительного союза. На такой реальный шаг шведы еще не настроены. Но политическую позицию Дании они намерены «выправить» и этим заставить Данию усилить свои оборонительные мероприятия.

Сандлер на мой вопрос, как он расценивает поездку Стаунинга в Лондон, намекивал мне, что эту поездку он «подготовил» в Лондоне. Он считает визит Стаунинга крайне полезным для «выправления политики» Дании в духе Лиги наций. Сандлер считает, что Англия сделала большую ошибку, когда стала сокращать свой импорт из Дании до минимума и этим поставила экономику Дании всецело в зависимость от Германии. «Дания сейчас в очень затруднительном положении, необходимо в интересах политики мира, чтобы Англия это ушла».

На днях сюда приезжал генерал Вейган. Это первый приезд французского генерала в Швецию за многие годы. Его приезд был умно использован французским посланником как «демонстрация» дружбы Швеции и Франции.

Несмотря на сдвиг в шведской общественности за эти последние месяцы в сторону подчеркнутого закрепления связей со странами демократии, не следует обольщаться, что влияние и работа Германии здесь ослаблены. Ее удельный вес в хозяйстве Швеции очень велик, и Германия не жалеет средств и

* См. док. № 83, 235.

** См. док. № 100, 135.

*** Министр иностранных дел Норвегии.

**** См. док. № 97.

сил, чтобы закрепить здесь свои позиции. Жена Сандлера сказала мне, что принц Вид, здешний немецкий посланник, очень обеспокоен был поездкой Сандлера в Лондон и Париж и сейчас пытается проявить особые знаки внимания премьеру и Сандлеру, устраивая бриджи и пр., чтобы ближе связаться с членами кабинета. Поездка Сандлера для нас и для политики укрепления мира, конечно, выгодное событие, но нельзя закрывать глаза на то, что наши враги и здесь, и в Германии попытаются в связи с его поездкой поднять всякого рода враждебную нам шумиху. К этому надо быть готовым.

Я передала Сандлеру приглашение его же ие, чему он явно обрадовался. На другой день она сама приехала ко мне, и выразила полное удовольствие, и приняла приглашение с благодарностью.

Я, конечно, приеду с Сандлерами и буду с ними в Москве. Отпуск я прошу на два месяца, так как в 1936 г. имела отпуск только в связи с операцией. Причем месяц я хочу провести в окрестностях Москвы — с начала мая по начало июня. Будете ли Вы в начале июня в Москве, так как мне очень хотелось бы повидать Вас до приезда Сандлера в Москву?

Сандлер очень интересовался, как идут переговоры по воздушной линии Стокгольм — Москва. «Было бы очень хорошо, если бы я оказался первым пассажиром на этой линии», — пошутил Сандлер.

Очень прошу держать меня в курсе о ходе переговоров. Тов. Ткачев* уехал с убеждением, что «это дело выйдет» и что воздушную линию удастся открыть уже летом**. Очень буду рада быть полезной на Ассамблее в Женеве.

С самым теплым приветом

А. Коллонтай

Печат. по арх.

100. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

10 апреля 1937 г.

Холсти познакомил меня с программой совещания министров иностранных дел четырех северных стран, намеченного на 20 апреля***. Основные вопросы: 1) обмен мнениями о международном положении, с особым ударением на отношения этих стран с СССР (сюда относит Холсти поездку в СССР); 2) экономические взаимоотношения четырех стран; 3) эконо-

* Начальник Главного управления гражданского воздушного флота СССР.

** См. газ. «Известия», 14 мая 1937 г. и док. № 190.

*** См. также док. № 135, 154.

мические отношения четырех стран со странами заключенного в Осло соглашения*, подготовка к проведению конференции этих стран, на этот раз в Остенде; 4) экономические отношения четырех стран с Англией (обсуждение итогов лондонских переговоров Сандлера и Стауинга относительно снижения английских пошлин); 5) отношение к Лиге наций (Холстн отмечает, что наиболее крепкая позиция — Швеции и Финляндии, слабее — Норвегии и Дании. Холстн собирается энергично защищать обещанную им Литвинову верность принципам Лиги наций**); 6) éventуальные совместные выступления против пиратства Франко.

Полпред

Печат. по арх.

101. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Китае с Министром Иностранных Дел Китая Ван Чун-хоем***

12 апреля 1937 г.

Ван Чун-хой отдал мне визит. После завтрака я заехал к Ван Чун-хою в МИД для разговора.

Я изложил ему нашу точку зрения на Тихоокеанский пакт согласно инструкциям и мотивировке НКВД²⁸, подчеркив одновременно необходимость и желательность немедленного начала переговоров о пакте неагрессии****. Я сказал, что заключение нами пакта о неагрессии, не говоря уже о конкретной выгоде его для Китая, создаст благоприятную атмосферу для дальнейшего укрепления советско-китайских отношений и в значительной степени облегчит в будущем возможные переговоры о пакте взаимопомощи.

Я сформулировал наши предложения следующим образом.

1. Мы предлагаем китайскому правительству взять на себя инициативу предложить тихоокеанским державам вступить в переговоры о Тихоокеанском региональном пакте взаимопомощи. В случае если китайское правительство это сделает, то мы: а) ответим утвердительно на подобное предложение, б) окажем со своей стороны всемерное содействие китайскому правительству в этом деле.

2. В случае если из Тихоокеанского пакта ничего не выйдет, то мы готовы будем в будущем вновь обдумать вопрос о возможности заключения между СССР и Китаем двустороннего пакта взаимопомощи. Я подчеркнул, однако, что мы не имеем в виду просто обмена нотами китайского правительства с другими правительствами, а серьезную и продолжительную

* См. т. XV, прим. 9.

** См. док. № 40.

*** Из дневника Д. В. Богомолова за период с 1 апреля по 4 мая 1937 г.

**** См. т. XVII, прим. 190.

совместную дипломатическую работу, направленную на осуществление Тихоокеанского пакта. Только после того как будет выяснена полнейшая невозможность Тихоокеанского пакта, мы готовы будем вновь обсудить вопрос о двустороннем пакте взаимопомощи.

3. Я предложил приступить немедленно к переговорам о пакте неагрессии между СССР и Китаем. Я сказал, что мое правительство никак не может понять, чем вызвана отрицательная позиция китайского правительства в этом вопросе, и подчеркнул, что, не говоря уже о конкретных преимуществах пакта неагрессии для китайского правительства, этот пакт в значительной мере облегчит в дальнейшем возможные переговоры о двустороннем пакте [взаимопомощи].

Ван Чун-хой задал мне несколько вопросов о деталях пакта, на что я ответил общими указаниями на проект Восточно-европейского пакта. Ван Чун-хой интересовался, считаем ли мы желательным, чтобы китайское правительство адресовало предложение всем участникам договора девяти держав*, включая такие державы, как Голландия и Португалия.

Я ответил, что мы не видим нужды связывать Тихоокеанский пакт с договором девяти держав и имеем в виду только главнейшие державы, как Китай, Англия, СССР, Япония, Соединенные Штаты и Франция.

Ван Чун-хой был, видимо, заинтересован нашим предложением и сказал, что он обсудит эти предложения в правительстве и с Чан Кай-ши**. Что же касается его лично, то он хочет сказать, что идея Тихоокеанского пакта ему очень нравится.

Так как Чан Кай-ши сказал мне, что другие конкретные вопросы, затронутые мною, он обдумает сам и вернется к ним в следующем разговоре со мной, то я упомянул о них Ван Чун-хойю только мельком, как о доказательстве благожелательного отношения Советского правительства к Китаю***.

Д. Богомолов

Печат. по арх.

102. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

13 апреля 1937 г.

На Вашу телеграмму от 11 апреля⁶⁷. Необходимые в связи с введением контроля акты (постановление Совнаркома**** и инструкция Наркомвода) нами также уже проведены. В инст-

* См. т. IV, прим. 38.

** См. док. № 141, 240, 246, 250, 258.

*** См. док. № 93.

**** См. док. № 92.

рукции указывается, что о дате ее введения в действие будет указано особо*. Тексты высылаем Вам завтра воздушной почтой.

Литвинов

Печат. по арх.

103. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Апайдыном

15 апреля 1937 г.

Французская и советская печать в последнее время пишет об изменении внешней политики Турции, о ее ориентации на ось Берлин — Рим и т. п. Вследствие этого турецкое правительство поручило Апайдыну заявить мне, что внешняя политика Турции не изменилась, что Турция по-прежнему верна своей дружбе с СССР, которую она желает консолидировать, и эту цель преследует предстоящая поездка Араса в Москву⁶⁸. По мнению Апайдына, алармистские сведения идут из Парижа.

Я просил Апайдына поблагодарить Анкару за заверения. Я сказал при этом, что не только из Парижа, но и из других столиц к нам поступают сведения об усилиях Араса, направленных к разрушению Малой Антанты, к сгруппированию ряда стран вокруг Италии, чем и достигается консолидация оси Берлин — Рим.

На вопрос о нашем участии в смешанной комиссии** я ответил, что вопрос мною поставлен перед правительством, которое еще не приняло решения. Обращение мы имеем не только от турецкого, но и от французского правительства. Я опасаясь, что не смогу ответить на эвентуальный вопрос о продолжительности работ комиссии, а также об ответе Англии. Я указал также на возможность затруднений в подыскании нами подходящего человека. Апайдын обещал справиться об интересующих меня вопросах.

Я сообщил Апайдыну, что Карахан нами отзывается вследствие его семейных обстоятельств и что им уже запрошен агреман для т. Карского, характеристику которого я и дал Апайдыну.

Литвинов

Печат. по арх.

* Введена в действие в ночь с 19 на 20 апреля 1937 г.

** См. также док. № 115; газ. «Известия», 17 июня 1937 г.

104. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Сато*

15 апреля 1937 г.

Посетил министра иностранных дел г. Сато. Выполнил поручение наркома и зачитал текст заявления Максима Максимовича [Литвинова]⁶⁹. Сато спросил меня, не могу ли я оставить ему эту декларацию в письменном виде. Я ответил, что мне поручено сделать ему это заявление в устном виде (должен отметить, что разговор велся один на один на французском языке).

Выслушав меня, Сато сказал, что он лично всемерно стоит за улучшение отношений между Японией и СССР, однако он просит учитывать то обстоятельство, что он «не один». Указав на это, он обещал ознакомиться со всеми затронутыми наркомом вопросами и вызвать меня к себе через несколько дней для разговора**. Никаких конкретных вопросов Сато не касался, не делал этого, разумеется, и я. Министр лишь вскользь заметил, что, по его сведениям, отношение маньчжурских властей к нашим гражданам улучшилось, на что я ответил, что у меня таких сведений не имеется, а то, что имелось, нашло достаточную оценку в заявлении наркома.

Сато просил передать М. М. привет и благодарность за высказанное им откровенное и обнадеживающее его, Сато, мнение. Сато был весьма любезен, сдержан и осторожен в выражениях.

К. Юрнев

Печат. по арх.

105. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
15 апреля 1937 г.

Был сегодня у Дельбоса с демаршем по поводу парохода «Киев»⁷⁰. Я указал, что подобные беспрецедентные акты французских властей могут поставить под угрозу не только заход наших судов во Францию, но и вообще наши торговые отношения. Я настаивал на скорейшем расследовании и разрешении этого инцидента, а также на принятии соответствующих мер правительством для исключения подобных случаев в будущем. Дельбос тут же дал задание Роша*** срочно расследовать дело «Киева», а также рассмотреть весь материал по делу «Сосифрос» для принятия соответствующих мер. Дельбос

* Из дневника К. К. Юрнева за период с 13 апреля по 15 мая 1937 г.

** См. док. № 138.

*** Начальник кабинета министра иностранных дел Франции.

просил прислать ему ноту по этому вопросу, которую подготовляем совместно с торгпредством. Представители торгпредства выехали в Марсель для установления всех обстоятельств дела.

Гирифельд

Печат. по арх.

106. Телеграмма Президента Академии наук СССР Председателю Ученого комитета Монгольской Народной Республики Дайдуну*

15 апреля 1937 г.

В мае выедут лингвист, 2 специалиста по животноводству, археолог, 5 сотрудников кормового отряда, 2 геолога, топограф и руководитель экспедиции⁷¹.

Президент Академии наук СССР
Комаров

Печат. по арх.

107. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
16 апреля 1937 г.*

У меня был на завтраке Норман Дэвис**, из разговора с которым отмечу следующее:

1. Испания. Дэвис целиком на стороне испанского правительства. Таково же, по его словам, настроение Рузвельта. Дэвис считает, что в Испании агрессорам-фашистам надо дать хороший урок (но, конечно, не американскими руками). Он не понимает и критикует позицию британского правительства, не проявляющего надлежащей заботы об охране британских имперских интересов. В ответ на мой вопрос Дэвис с полной определенностью ответил, если бы Комитет по невмешательству обратился к США с предложением присоединиться к соглашению, американское правительство отказалось бы.

2. Европа. США по-прежнему пребывают в сильно изоляционистских настроениях в отношении Европы, но Рузвельт и американское правительство готовы содействовать умиротворению Европы путем активного участия во всем, что касается: а) ограничения и сокращения вооружений, б) развития тор-

* Передаана через полпредство СССР в МНР.

** Американский банкир и дипломат, возглавлял делегацию США, в частности на Конференции по сокращению и ограничению вооружений и Брюссельской конференции.

говли и усиления экономической кооперации (понижение тарифов, регулирование рынков и т. п.).

3. Германия. На мой вопрос, верны ли слухи о готовности США предоставить кредит Германии *, Дэвис ответил категорическим отрицанием. Особенно это маловероятно сейчас, когда Германия пользуется в США исключительной непопулярностью. Антифашистские настроения в Америке растут. Сам Дэвис, например, ясно видит, что «нынешняя Германия — это война».

4. Ренсимен **. По словам Дэвиса, разговор Ренсимена в Америке носил сугубо зондажный и общий характер. Никаких конкретных соглашений или даже подходов к соглашению не было. Ренсимен интересовался о позиции США в вопросе экспорта сырья в случае войны, об оживлении мировой торговли (понижение тарифов, ликвидация квот и т. п.).

О долгах. По мнению Дэвиса, США в настоящее время готовы были бы договориться с британским правительством о долгах на базе частичной уплаты последним.

5. Дальний Восток. Несмотря на свои изоляционистские настроения, США сохраняют интерес к Дальнему Востоку, и Дэвис совершенно уверен, что, если бы на Дальнем Востоке вспыхнула война, Америка не осталась бы в положении равнодушного зрителя. Антияпонизм в США очень силен.

6. Морской договор. Дэвис интересовался состоянием англо-советских переговоров по данному вопросу *** и высказал мнение, что в случае подписания англо-советского и англо-германского договоров Япония в крайнем случае вынуждена будет сделать то же самое. Уж слишком она окажется изолированной. Дэвис по-прежнему является сторонником 14-дюймовой артиллерии.

Полпред

Печат. по арх.

108. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Монгольской Народной Республики Амору ****

17 апреля 1937 г.

Правительство Советского Союза поручило мне довести до Вашего сведения, что оно вполне разделяет соображения Монгольского Правительства о необходимости усиления транспортной связи в восточной части МНР, изложенные в теле-

* См. газ. «Известия», 10 марта 1937 г.

** См. док. № 24, 34.

*** См. док. № 2, 60, 69, 81.

**** Передана через полпредство СССР в МНР.

грамме от 10 апреля на имя тт. Молотова, Ворошилова и мое за подписью Вашей и военного министра МНР Демиды.

Идя навстречу изложенному в этой телеграмме пожеланию Монгольского Правительства и учитывая большое значение для повышения обороноспособности МНР усовершенствования транспортной связи восточной части МНР с территорией Советского Союза, Правительство последнего изъявляет готовность построить в течение 1937 г. узкоколейную железную дорогу на протяжении от государственной монголо-советской границы в районе Соловьевска до города Баин-Тумена* и оборудовать ее необходимым подвижным составом.

Как постройку, так и оборудование указанной узкоколейной дороги подвижным составом, а также ее техническое обслуживание и подготовку соответствующих монгольских кадров Правительство Советского Союза готово, согласно вашей просьбе, произвести целиком за свой счет и силами имеющего быть посланным из СССР технического персонала и рабочих.

Точное протяжение, трассу и сроки постройки дороги, а также связанные с этим обязательства Правительство СССР считает целесообразным определить путем подписания между СССР и МНР специального соглашения⁷².

Литвинов

Печат. по арх.

В упоминаемой телеграмме говорилось:

«Все события последнего времени на восточной границе еще раз доказывают, что японские империалисты, не отказались от мысли расчленения и порабощения нашей страны. Это заставляет нас принимать дальнейшие меры к укреплению обороноспособности МНР, в особенности на наиболее угрожаемых участках, т. е. на восточной границе.

Именно в связи с этим нашим Правительством проводится здесь ряд новых мер оборонного характера — по увеличению призывных контингентов в армию, по расширению подбора кадров командного и политического состава в армию, по подготовке театра военных действий, и в первую очередь в отношении средств связи: строим новые мосты, ремонтируем дороги, прокладываем новые телеграфные линии на востоке, соединяем телеграфными линиями все пограничные заставы с Баин-Туменом и Тамсаг-Булаком и т. д. и т. п.

В связи с этой работой по линии укрепления обороноспособности страны и подготовки театра военных действий выявилась необходимость обеспечить быстрое и регулярное сообщение между восточной группой наших войск в Баин-Туменском и Тамсаг-Булакском районах и всем левым флангом восточного участка вплоть до советско-монгольской границы. Единственно эффективным и наиболее желательным разрешением этого вопроса явилась бы постройка железной дороги от Соловьевска до Баин-Тумена. Эти мероприятия позволили бы, в соответствии с договором о взаимной помощи между обоими дружественными государствами от 12 марта 1936 г. **, в случае нападения японских войск на нашу родину рассчитывать на более

* Ныне — Чойбалсан.

** См. т. XIX, док. № 78.

быструю организацию совместного отпора силами Красной Армии и Монгольской армии японским захватчикам и, следовательно, позволили бы одержать победу ценою меньшей крови. В то же время эти мероприятия освободили бы в мирное время ту часть транспорта, которая занята сейчас военными перевозками, для снабжения товарами монгольского аратства в глубинных пунктах страны.

Состояние монгольского бюджета, однако, таково, что взять на себя расходы на постройку этой дороги мы, к сожалению, не в состоянии, а поэтому, основываясь на неоднократно оказанной Советским Союзом бескорыстной помощи делу защиты монгольской независимости, Монгольское Правительство просит Правительство СССР обсудить эту нашу просьбу и взять на себя постройку для МНР железной дороги Соловьевск—Эрен-Цав—Баин-Тумен. В случае вашего согласия на это мероприятие мы можем оформить соответствующее соглашение между нашими Правительствами.

Разрешите высказать надежду, что в соответствии с духом договора о взаимной помощи от 12 марта 1936 г. Правительство СССР пойдет нам навстречу в осуществлении изложенной выше нашей просьбы».

109. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

17 апреля 1937 г.

Как сообщает НКВТ, Келли * вопреки предыдущим обещаниям заявил, что госдепартамент не будет вносить вопрос об угле ** в конгресс, опасаясь в случае отмены пошлины резкого расширения нашего ввоза угля в США. Сообщите положение дела. Учтите, что в середине июня мы должны начать переговоры о торговом соглашении на 1937/38 г. и что НКВТ без урегулирования вопроса об угле не склонен идти на продление действующего соглашения ***.

Литвинов

Печат. по арх.

110. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельду и Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

17 апреля 1937 г.

Ссылаясь на мое поручение, заверьте МИД, что циркулирующие за границей слухи о нашем сближении с Германией лишены каких бы то ни было оснований ****. Мы не вели и не ведем на эту тему никаких переговоров с немцами, что должно

* Заведующий Восточноевропейским отделом госдепартамента США.

** См. т. XVIII, док. № 267; т. XIX, док. № 180 и док. № 145, 153 настоящего тома.

*** См. т. XIX, док. № 218.

**** См. док. № 98, 118, 119.

быть ясно хотя бы из одновременного отозвания нами полпреда и торгпреда. Очевидно, слухи лансированы немцами или поляками для целей нам не совсем понятных. Это же опровержение давайте всем, обращающимся к вам на эту тему.

Литвинов

Печат. по арх.

111. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара земледелия СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову

17 апреля 1937 г.

Ваши предложения об организации 5 тракторных, 5 конных станций приняты*. Оборудование отгружается базам «Совмонгтупторга»: 1 конная станция — в Бийск, 1 конная — Култук, 2 конных и 3 тракторных — Улан-Удэ, 1 конная и 2 тракторных — Борзя. Сбрую заказали по образцам воевода. Людей подбираем 148 человек, в том числе: 10 медиков, 60 трактористов, 26 шоферов, 10 механиков, 10 счетоводов, 20 слесарей и кузнецов, бухгалтера, руководителя, Лукьянов, Болондон едут в ветеринарную экспедицию для изучения кормовых вопросов, используйте их также в подготовке и организации станций. Подробно — почтой.

Цылько

Печат. по арх.

112. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Председателю Литературного общества Кабула Мухаммеду Ноуруз-хану

19 апреля 1937 г.

Господин Председатель,
В связи с недавним чествованием 100-летия со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина уважаемым Литературным обществом г. Кабула**, возглавляемым Вами, прошу принять полученные мною из Москвы два полных собрания сочинений великого поэта, иллюстрированные отдельные его произведения, портрет и гравюры, относящиеся к периоду его жизни и творчества, передаваемые мною в качестве подарка уважаемому Литературному обществу от Всесоюзного общества культурной связи с заграницей и Полномочного Представительства СССР.

* См. док. № 59.

** См. док. № 44.

Я надеюсь, что эти книги и гравюры будут ценным вкладом в библиотеку Общества и послужат выражением интереса народов СССР к культурному сближению с народами Афганистана.

С глубоким уважением

Полномочный Представитель СССР
в Афганистане
Б. Скворский

Печат. по арх.

113. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции Е. В. Гршфельду

19 апреля 1937 г.

Сегодня я телеграфно рекомендовал Вам посетить Блюма и поставить перед ним в общей форме вопрос о нашем судебном режиме во Франции. Этот режим, как Вы прекрасно знаете, чрезвычайно неудовлетворителен. Независимо от практического благоприятного разрешения вопроса о задержке парохода «Кнев»⁷⁰, в котором мы не сомневаемся, ежедневно могут возникнуть аналогичные дела не только в связи с процессом «Сосифрос»*, но и в связи с другими процессами, например: Герцфельд**, «Тефимо»⁷³ и пр. Таким образом, наше имущество и наша торговля во Франции находятся под постоянной угрозой. Это положение резким образом расходуется с существующим характером советско-французских отношений и далее не может быть терпимо. Обрисовав перед Блюмом эту обстановку, Вы должны указать ему, что выходом из положения является общее урегулирование вопроса о правовом режиме наших организаций во Франции. Это может быть сделано путем скорейшего заключения постоянного торгового договора, о котором ведутся переговоры уже три года без существенного результата, ввиду того что французская сторона все время затягивает эти переговоры***. Между тем в постоянном торговом договоре должна была бы быть включена формулировка, прямо предусматривающая распространение действия его постановлений на судебные споры, возникшие до заключения договора, независимо от того, кто является ответчиком по этим спорам (т. е. СССР, торгпредство или советские хозорганизации), и независимо от процессуальной стадии, в которой находятся эти споры (т. е. независимо от того, принято ли уже по этим делам решение суда или еще не принято).

* См. т. XVIII, прим. 186.

** См. т. XIII, прим. 41, 120.

*** См. т. XVII, док. № 427; т. XVIII, док. № 319; т. XIX, док. № 386 и док. № 119, 125, 447 настоящего тома.

В принятии этой формулировки заинтересованы не только мы, но и французское правительство, которое иным способом не может предотвратить повторения подобных, глубоко нежелательных, осложняющих наши политические отношения случаев, как дело о задержке парохода «Киев».

Между тем чиновники министерства иностранных дел и министерства торговли тянут с заключением договора. Уже полтора года не было по этому вопросу ни одной встречи. О происходящих во Франции переговорах знают повсюду, в частности в Германии, и всюду вызывает недоумение, что СССР и Франция не могут договориться о заключении постоянного торгового договора, в то время как СССР имеет такие договоры даже с такими странами, как Германия и Италия. Заключение договора к тому же имеет и экономический интерес. Достаточно упомянуть хотя бы об урегулировании, в связи с заключением договора, интересующей французов проблемы транзита через территорию СССР и пр.

Исходя из всего изложенного, рекомендуем Блюму позвать Кулондра, который мог бы доложить ему все это дело. Я полагаю, что Кулондр заинтересован в том, чтобы дать этому вопросу скорейшее направление, так как это могло бы, в частности, укрепить и его положение здесь. Если Блюм с этим согласится, поведите предварительно Кулондра и подготовьте его, информируя о нашей точке зрения. Настаивайте перед Блюмом на том, чтобы он потребовал от министерства иностранных дел и министерства торговли немедленного возобновления переговоров и скорейшего их завершения с обязательным включением упомянутой выше формулировки о судьбных спорах, возникших до заключения договора.

О предпринятых Вами шагах телеграфируйте*.

Зам. Наркома
Потемкин

Печат. по арх.

**114. Письмо Полномочного Представителя СССР в США
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

20 апреля 1937 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Я только что приехал из Флориды и писать большое письмо не смогу. Я хотел бы обратить Ваше внимание на сдвиги в общественном мнении Соединенных Штатов, которые ощущаются в настоящее время. Пропаганда изоляционизма и пацифизма во что бы то ни стало оказывает свое влияние на общественное мнение здесь в сторону улучшения отношений

* См. док. № 119, 125.

даже к государствам-агрессорам. Я бы не сказал этого в отношении Германии, но можно констатировать сокращение выпадов против Японии. Относительно Италии можно было бы сказать, что событиями в Испании подорван итальянский престиж здесь и в силу этого нет кампании за Италию, как это было раньше, но нет также и особенных нападков на Италию. Поэтому можно сказать, что изменение отношений произошло главным образом к Японии.

Если вдуматься в это положение, то надо учесть то обстоятельство, что сама японская дипломатия много работает над улучшением отношений с Соединенными Штатами. Это изменение отношений является не только, а может быть, и не столько результатом изоляционистской и пацифистской пропаганды, сколько результатом изменения соотношения сил на Дальнем Востоке и увеличения нашей мощи там. Я вспоминаю, как в последний мой приезд в Японию Хирота мне говорил о том, что Япония стала за последнее время слабее на Дальнем Востоке, так как наличие нашей сильной Красной Армии заставляет Японию в каждом своем движении все время оглядываться на нас и действовать осторожно. И это — несомненный факт. Если принять еще во внимание, что под влиянием роста нашей силы Китай начинает поднимать голову, положение Японии становится еще более затруднительным и вынуждает ее улучшать свои отношения с Соединенными Штатами, находя необходимый отклик в общественном мнении Соединенных Штатов. Я бы не сказал, чтобы это было прочно и закреплено надолго, но все же следует это отметить как факт. Здесь приписывают это умелости японского посла Сайто, который, как мне кажется, много сделал, чтобы портить отношения, но сейчас создалась обстановка, при которой Сайто оказывается удачливым дипломатом.

Немцы и итальянцы ведут здесь также огромную работу по улучшению общественного мнения, и, может быть, если бы не антисемитизм Гитлера, то немцам также удалось бы здесь создать благоприятную обстановку, тем более что в Европе Гитлер сейчас не прочь рядиться в тогу миротворца, очевидно, под влиянием демонстрации нашей военной силы. Здесь имеется большое немецкое население, и почва для немецкой пропаганды благоприятная, тем более что реакционные элементы также готовы проявлять свои симпатии к Германии. Интересно, что по последней анкете института общественного мнения, которая является, конечно, неточной и в которую можно было бы внести очень большие поправки, но которая кое-что все-таки отражает, на вопрос, какая страна является самой лучшей, по мнению кругов, подвергнутых анкете, помимо, конечно, США, 53% ответило, что Англия, 11% — Франция, 8% — Германия, на остальные страны пало 1—2%. На Советский Союз пришелся 1%.

Цель настоящего письма — обратить внимание на существующее здесь общественное мнение и на сдвиги, происшедшие здесь, и в особенности в отношении Японии.

Мне кажется, что происходящее здесь успокоение общественного мнения в отношении некоторых стран является результатом роста наших сил. Но мне думается, что мы должны что-то делать для того, чтобы наше умиротворяющее влияние в международной обстановке нашло свое выражение также в росте симпатий к нам. Так как Соединенные Штаты являются огромнейшим фактором в международном отношении, то следует нашу работу здесь, наши отношения с Соединенными Штатами поставить так, чтобы выявился рост симпатий к нам.

Полпред СССР в США
А. Трояновский

Печат. по арх.

115. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
21 апреля 1937 г.*

Из разговора с Иденем на обеде в полпредстве узнал следующее:

1. Англичанам турки действительно сообщили, но в довольно туманной форме, что рассчитывают на их участие в сирийской комиссии*. Формального приглашения от турок, однако, еще нет. Англичане участвовать будут, и Иден, которому известно о желании турок видеть также и СССР в комиссии, выразил надежду, что Советское правительство приглашение примет. Он считал бы чрезвычайно важным предупредить всякое обострение отношений между Турцией и Францией и потому полагает, что участие в комиссии Англии и СССР может облегчить достижение столь необходимого компромисса.

2. На заседании Бюро по разоружению в Женеве Англия будет представлена Крэнборном. Общая линия английского правительства в Бюро будет: а) в качестве первого шага английское правительство готово поддержать требование публичности военных бюджетов при условии, конечно, что публичность распространяется на Германию, Италию и Японию; б) в качестве второго шага оно готово поддержать план контроля над вооружениями. Однако сейчас дальше публичности

* Имеется в виду комиссия Лиги наций по вопросу об Александретском санджаке; см. газ. «Известия», 17 июня 1937 г.

бюджетов английское правительство не хотело бы идти. Вообще английское правительство не пойдет в настоящее время ни на какой шаг, могущий затруднить или отсрочить осуществление программы его вооружений или создать впечатление, будто бы оно блефует с этой программой. Исходя из последних соображений, Иден отнесется без всякого энтузиазма к предложению Гитлера о созыве мировой конференции, сделанному в интервью с Леисбери *, и высказывает радость по поводу того, что Рузвельт отказался брать на себя инициативу такой конференции. В ответ на мой вопрос Иден со смехом прибавил, что на себя он тоже не собирается принимать столь почетную роль.

3. Иден интересовался о времени приезда Литвинова и высказывал желание с ним побеседовать. Он также дал совершенно явственно понять, что постарается использовать съезд государственных людей и коронацию для обмена мнениями с ними по текущим вопросам, а также для обсуждения общей ситуации в Европе (как вам, вероятно, уже известно, на коронацию приезжают Дельбос, Бломберг, Бек, Шмидт).

4. Иден высказывает надежду, что к осени в Европе создастся обстановка, благоприятствующая обсуждению крупных ее проблем. Основания для такой надежды следующие: по имеющимся у английского правительства определенным сведениям, Германия все больше склоняется к необходимости «уйти» из Испании и ищет для этого только подходящей формы; та же тенденция усиливается в Риме, ибо внутреннее положение Италии очень тяжело, Абиссиния съедает огромное количество сил и денег, интервенция же в Испании требует все новых вложений людей, оружия и средств, которыми Муссолини не располагает. Испанская авантюра становится все более непопулярной в Италии. Поэтому Иден убежден, что сейчас не приходится опасаться посылки новой большой армии из Италии в Испанию. Наоборот, можно надеяться на «уход» Италии из Испании, если удастся найти форму, при которой Муссолини сумеет спасти свое лицо. В случае «ухода» Германии и Италии можно будет рассчитывать на окончание испанской войны к осени, причем Иден, конечно, предпочитал бы решение войны путем гнилого компромисса. Он говорил мне сегодня, что хотя детали черчилевского «плана», изложенные им во время дебатов в парламенте 13 апреля **, могут быть оспариваемы, но в основе в нем заложена здоровая мысль. Если таким образом «испанский вопрос» к осени окажется ликвидированным, будет расчищен путь для постановки в порядке дня основных европейских проблем. Тем более что к тому времени британские вооружения сделают дальнейший

* См. газ. «Известия», 21 апреля 1937 г.

** См. газ. «Известия», 16 апреля 1937 г.

шаг вперед, а внутренние трудности Германии и Италии еще больше усилятся.

5. Свои реплики и соображения, высказанные в ходе беседы с Иденом, не передаю, ибо, само собой, они ясны.

Полпред

Печат. по арх.

116. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
21 апреля 1937 г.*

Посетил вчера Сато. Сообщил о моем назначении в Берлин и запросил агрессию для Козловского.

Сато заявил, что он намерен приступить к улучшению наших отношений и через несколько дней, после совещания с заинтересованными ведомствами, сделает нам через меня предложение начать переговоры о пограничных комиссиях*. В связи с этим мною был затронут вопрос о составе конфликтных комиссий и гарантии Японией мира на существующей границе. Первый вопрос Сато обошел молчанием, по второму заявил, что Японии трудно согласиться авансом на признание существующей границы, но что она, разумеется, за мир на ней. Сейчас он подыскивает приемлемую для нас формулу. В порядке частного, предварительного проекта он считал бы целесообразным начать, сохраняя мир на границе, ее редемаркацию. В «спорных пунктах» сторонам следовало бы отвести, впредь до уточнения, свои войска на несколько километров от них. Выслушав мои устные замечания, Сато сказал, что он лишь «мыслил вслух». На этом разговор, продолжавшийся 40 минут, был окончен.

Пресса, как вы знаете, окружила мое посещение большой таинственностью и предается оптимистическим высказываниям по поводу перспектив наших отношений. Этот шум нужен правительству Хаяси по соображениям отвлечения от предстоящих выборов в парламент и возможных переговоров с Англией и Китаем**.

Вечером от Сато позвонили, что он хочет сегодня, 21-го, захватить ко мне***.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 25, 138.

** См. также док. № 176.

*** См. док. № 117.

117. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
21 апреля 1937 г.*

Меня посетил Сато. Пробыл около часа. Мы в общих чертах беседовали об отношениях между нашими странами. В частности, были затронуты вопросы режима наших судов, о пограничных комиссиях *. Сато высказывался в том смысле, что он совершенно уверен в необходимости улучшения наших отношений и в том, что, если только ему «позволят обстоятельства», он сможет добиться этой цели. При этом он добавил, что для осуществления этой своей задачи «мы должны ему дать некоторое время».

Он несколько неожиданно для меня завел разговор о трудном положении Японии по линии сырья, внешних рынков и т. д.; отметив, что Япония вовсе не стремится к захвату чужих территорий и не является сторонницей передела мира, он высказал мнение, что все государства должны каким-то образом обсудить вышеназванные вопросы и обеспечить каждую нацию правом на жизнь. С этой точки зрения Сато считает крайне ценной международную экономическую конференцию — несомненный намек на известную нам идею Гитлера, лабиринтовую им на днях **. Сато считает, что Япония совершила много тяжелых ошибок в отношении ряда стран, в частности и в особенности в отношении Китая. Ошибки были также в политике в отношении СССР и других государств. Он не уточнил, какие именно государства имеются в виду.

Сато спрашивал, нет ли у нас, как об этом ему говорят, «непримиримо враждебного» Японии течения. Я отрицал это, указывая, что имеется сильное недовольство политикой Японии, но нет «непримиримой вражды».

Полпред

Печат. по арх.

118. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Крофтой

21 апреля 1937 г.

Крофта, оказывается, был болен рожистым воспалением и еще не выходит на работу. Он принял меня у себя дома.

Ссылаясь на то, что я, наверно, уже достаточно информирован, Крофта пытался кратко изложить результаты заседаний совета Малой Антанты и поездки Бенеша в Белград.

* См. док. № 116.

** См. док. № 115.

Крофта без оговорок заявил, что поведение Стоядиновича было, конечно, прямым нарушением так называемого организационного статута Малой Антанты. Стоядинович не мог не признать этого сам. Характеризуя Стоядиновича и его поведение, Крофта просто говорил, что это циник и политический спекулянт, который решил урвать у Италии все, что только можно, и ценою неудовольствия своих союзников, а также и ценою урона престижа Малой Антанты. Но у всякого жулика есть своя этика. Стоядинович и все югославы глубочайшим образом ненавидят Италию и боятся Германии. Даже не предаваясь иллюзиям, можно утверждать, что Стоядинович бессовестно надует Италию.

Из других причин, определивших поведение Югославии, Крофта подчеркивал глубокое разочарование во Франции. В качестве примера он приводил следующее. Югославы получили и поставили в военный музей автомобиль, на котором были убиты Барту и король Александр. Этот автомобиль такая дрянная старая машина, что ее вид вызвал глубокое возмущение в Белграде. Вот, дескать, как Франция относится к Югославии. Даже для ее короля у французов не нашлось получше автомобиля. Такой же скверной была и охрана короля. Таково вообще оскорбительно-пренебрежительное отношение Франции к Югославии.

Решающую роль сыграла трусость и неопределенность французской политики эпохи Лавалля. Сейчас играет роль недоверие к прочности правительства Блюма и почти та же нерешительность внешней политики Дельбоса, особенно в средневропейских и балканских делах.

Я спрашивал Крофту, как держал себя Антоеску. С явным неудовольствием Крофта говорил, что Антоеску поддакивал ему, нашел даже какие-то «профессорские возражения» против какого-то неудачного выражения в тексте итало-югославского договора, но, по существу, не был опорой в деле восстановления положения Малой Антанты, испорченного поведением Югославии.

В этой связи я сказал Крофте, что, по моим сведениям, Румыния тоже начала переговоры с Италией*. Крофта был неприятно поражен и пытался говорить, что речь, вероятно, идет о необязательном зондаже. Я настойчиво повторил, что речь идет именно о переговорах по типу итало-югославских, и добавил, что, по другим сведениям, Бек поехал в Бухарест с целью попытаться посредничать между Румынией и Венгрией. Крофта признавал, что нечто подобное было бы тяжелым ударом для Малой Антанты, но вместе с этим уверял, что из этого ничего не может выйти. Его приводит к такому убеждению то обстоятельство, что я одновременно упомянул о за-

* См. также док. № 175.

даче Бека посредничать между Румынией и Венгрией. Такое посредничество абсолютно безнадежно. В доказательство Крофта ссылался на то, как держал себя Стоядинович по отношению к Венгрии. Канья* делал Стоядиновичу предложения подтвердить неиарушимость венгерско-югославских границ за компенсацию в виде югославской декларации в пользу венгерского меньшинства в Югославии. Стоядинович категорически отверг какие бы то ни было разговоры на эту тему. У Румынии неизмеримо большие противоречия с Венгрией, чем у Югославии. Румыния еще меньше, чем Югославия, может принять какой бы то ни было разговор с Венгрией. Поэтому, если Бек ставит себе такую задачу, то Крофта считает все это несерьезным.

На это я сказал с большим ударением, что мы не раз предупреждали Чехословакию об опасностях, грозящих Малой Антанте. Я напомнил ему наши разговоры, в которых обращал внимание на опасность решений братиславской конференции совета Малой Антанты, напомнил предупреждения о предстоящих попытках Италии договориться с Югославией, о давлении Италии на Венгрию с целью подкупить Югославию и Румынию в пользу желательного для Италии решения среднеевропейских вопросов**. Я сказал, что Чехословакия всегда слишком оптимистически относилась к таким сигналам и, видимо, недооценивала нашу информацию. Результаты налицо, и в дальнейшем будет допущена еще большая ошибка, если на Румынию не будет своевременно оказано решительное давление.

Крофта возражал в том смысле, что он очень ценит нашу информацию, а кроме того, и сам считает правильным не доверять союзникам и тщательно регистрировать неблагоприятные симптомы внутри Малой Антанты. Крофта признал, что о румынском зондаже в Италии он знает от своего посланника в Риме Хвалковского и уже поручил реагировать на это в Бухаресте, правда, пока только в форме запроса: верны ли эти слухи?

О целях поездки Бека Крофта еще не информирован и продолжает не верить в серьезность попытки посредничества между Румынией и Венгрией. Поскольку я продолжал расспрашивать, как же относится Крофта к итало-югославскому договору и к перспективе заключения такого же итало-румынского договора, Крофта в уклончивых выражениях высказал все-таки достаточно ясную мысль: Малая Антанта остается ненарушимой. Она несколько ослаблена, но далека от развала, как это многие думают. Лучше было бы, чтобы Югославия не заключала такого договора или, вернее, заключила его

* Министр иностранных дел Венгрии.

** См. док. № 18, 55.

в полном согласии с Малой Антантой. Поскольку случилось иначе, нужно трезво отнестись к факту. В этом факте есть благоприятная сторона. Югославо-итальянское напряжение ослаблено, и международная позиция Югославии, другими словами, одного из членов Малой Антанты, усилена. Это благоприятный момент. Он отразится и на Малой Антанте в целом. Здесь как бы между прочим Крофта вставил, что до сих пор Чехословакию и Италию, собственно говоря, разъединяли главным образом итало-югославские противоречия. Сама Чехословакия не имеет никаких особых споров с Италией. Что касается Румынии, то Чехословакия имела бы возражения, если бы Румыния улучшала свои отношения с Италией за счет урона для Малой Антанты. Но по существу и в случае с Румынией Крофта не видел бы ничего опасного. Все зависит от того, как это будет сделано.

Я пытался доказывать Крофте, что это все-таки обозначает развал Малой Антанты, а в случае соглашения Румынии с Венгрией и полную ликвидацию и изоляцию Чехословакии. Крофта не соглашался и пространно доказывал невозможность какого бы то ни было румыно-венгерского соглашения. Анализируя причины, толкнувшие Югославию на некорректность и даже нарушение статута Малой Антанты, Крофта утверждал, что у Румынии нет тех побудительных мотивов, которые действовали в случае с Югославией. Прежде всего сейчас не видно и особых мотивов для Италии поступаться чем-нибудь, особенно в пользу Румынии.

Говоря о югославских мотивах, Крофта возвращался к роковой роли падения доверия к политике Франции. Я этим воспользовался для того, чтобы подчеркнуть слабость французской дипломатии и слишком рабскую зависимость Франции от Англии. Я подсказывал Крофте необходимость добиваться от Франции более решительного поведения в вопросах европейских вообще и среднеевропейских в частности. Крофта реагировал довольно слабо, расплывчатыми рассуждениями о том, что, к сожалению, вся Европа теряет веру в силу демократии. Диктатуры проявляют себя более дееспособными. Для малых государств, однако, нет возможности идти путями диктатуры. Они должны оставаться на путях демократии. Франция у многих возбуждает сомнения. Способна ли она вообще к активности в данной обстановке? Конечно, нужно добиваться большей решительности, но едва ли можно делать ставку на эту решительность.

Под конец я сказал Крофте, что слухи о сближении между СССР и Германией не имеют под собой почвы*. Никаких переговоров нами не ведется. Я сослался также на стагнацию и в экономических вопросах, упомянув и об отозвании торг-

* См. док. № 110.

преда Канделаки. Крофта обнаружил живой интерес и прямо спросил, чем были вызваны слухи о моем назначении в Берлин. Я ответил, что такое намерение существовало, но затем по ряду причин мое правительство нашло более правильным оставить меня в Праге. Крофта выразил удовольствие и продолжал расспрашивать, кто такой Канделаки и в каком положении наши хозяйственные взаимоотношения с Германией. Он довольно примитивно сказал, что Германия нуждается в сырье, которое может доставить СССР. Будет ли это делать СССР? Я ответил, что мы не собираемся рвать с Германией, но вместе с этим мы не собираемся полтизировать в области экономических взаимоотношений. Крофта в одобрительном тоне еще раз подчеркивал, что Германия нуждается в сырье военного значения и очень рассчитывает на получение такового из СССР. Я повторил, что СССР, понятно, не будет помогать готовить войну не только Германии, но и любому другому государству, но вместе с тем будет всегда за нормальные экономические взаимоотношения со всем миром. Крофта продолжал спрашивать, как обстоит дело с кредитами, предоставляемыми нам Германией. Я ответил, что новых кредитов мы не ищем, а старые плохо исчерпываются, потому что немцы не дают нам то из товаров, что представляет для нас интерес. И в этом случае попытки «полтизировать» хозяйственные вопросы не ведут к улучшению взаимоотношений.

В заключение я еще раз вернулся к поездке Бека в Бухарест, но Крофта заявил, что у него нет никаких информации и он сможет вернуться к этому вопросу лишь несколько позже.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

119. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

21 апреля 1937 г.

Кулондр 20-го завтракал в полпредстве. Отмечает значительное улучшение атмосферы в Париже в смысле франко-советских отношений. Он предупреждал Блюма и ряд других собеседников о необходимости решительного перелома в реализации пакта³¹, аргументируя немецкой игрой. Кулондр считает, что его усилия помогут провалу попытки Шахта в Париже добиться ослабления франко-советского пакта*.

* См. газ. «Известия», 27 и 28 мая 1937 г.

Кулондр очень доволен нашим дементи по поводу германско-советских отношений *. Он указал, что со стороны некоторых германских кругов имеется определенная тенденция к сближению с СССР, сославшись при этом на заявление Нейрата Понсе о том, что, если они не договорятся с англичанами, «кроме Лондона есть Москва».

Я информировал Кулондра о предстоящем демарше перед Блюмом и Дельбосом о необходимости скорейшего заключения торгового договора для создания нормального судебного режима **. Кулондр обещал нажать в этом смысле, однако он тут же указал, что вряд ли удастся это сделать ввиду необходимости согласования с рядом министров. Для ускорения он предлагает выделить одни лишь юридически-организационные вопросы и заключить отдельно соглашение о поселении — этаблисман, эвентуально вместе с консульской конвенцией (на заключение последней будто бы не имеется возражений Москвы, и он надеется получить положительный ответ и в Париже).

Мне кажется, что такое предложение приемлемо, ибо мы в первую очередь заинтересованы в судебном режиме, тем более что коммерческо-таможенные моменты в основном разрешены временным соглашением ***.

Срочно сообщите указания ⁷⁴.

Кулондр выезжает в Москву 22-го.

Гиришфельд

Печат. по арх.

120. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

22 апреля 1937 г.

Подводя итог сегодняшнего двухчасового разговора со мной, Бенеш просил как основное передать вам, что Италия предлагала Югославии союзный договор, а Венгрия — соглашение в подтверждение существующих границ. То и другое Югославия отвергла именно потому, что не хочет менять политическую ориентацию на Францию и Малую Антанту. Бенеш убежден, что Югославия удержится на этой позиции и в будущем. Он ничего не знает, но допускает, что Румыния попытается подражать Югославии. Он не питает никаких иллюзий насчет своих союзников, но считает, что Малая Антанта все еще жизнеспособная организация. В поведении Югославии обвиняет Францию и ошибки ее внешней политики. Он считает, что после занятия немцами Рейнской области малые

* См. док. № 110.

** См. док. № 113.

*** См. «Собрание законов...», отд. 11, № 4, 15 марта 1936 г., стр. 45—68.

государства руководятся в своем поведении страхом перед Германией и неверием в защиту со стороны Франции. Утверждает, что Чехословакия не поддастся таким настроением. Ее внешняя политика остается на базе безоговорочной поддержки фронта мира путем опоры на Францию и СССР. Значение последнего возрастает для дела мира, и Чехословакии в частности.

Когда я опровергал слухи о предстоящем сближении СССР с Германией *, Бенеш заявил, что он приветствовал бы такое сближение наших стран, которое включало бы гарантию ненарушимости мира ⁷⁶. В этой связи о Чехословакии он сказал, что не отвергнет без переговоров германское предложение, если оно будет открывать перспективу улучшения взаимоотношений при непременном условии полного сохранения и укрепления существующих гарантий мира **. Дальше категорически заверил, что и в таком случае система договоров о взаимной помощи с Францией и СССР является для Чехословакии безоговорочным условием.

Александровский

Печат. по арх.

121. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой [об урегулировании вопросов в области гражданства]

[24 апреля 1937 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Монгольской Народной Республики,

признав целесообразным, в связи с прекращением действия Соглашения об урегулировании вопросов в области гражданства от 20 мая 1930 года ***, вновь урегулировать некоторые вопросы о гражданстве, решили заключить по этому поводу Соглашение и назначили своими уполномоченными:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик — гражданина Таирова В. Х., Полномочного Представителя Союза Советских Социалистических Республик;

Правительство Монгольской Народной Республики — гражданина Амора, Премьер-Министра и Министра Иностранных Дел Монгольской Народной Республики.

Означенные Уполномоченные, предъявив взаимно свои полномочия, найденные в должном порядке и надлежащей форме, согласились о следующих постановлениях:

* См. док. № 110, 118, 119.

** См. также док. № 62, 143.

*** См. т. XIII, док. № 181.

Статья 1

Договаривающиеся Стороны согласны не принимать на своей территории в свое гражданство лиц, состоящих в гражданстве другой Стороны, без согласия подлежащих органов последней.

Статья 2

Для получения указанного в статье 1 согласия, Министерство Иностранных Дел (Народный Комиссариат Иностранных Дел) страны, властям которой подано заявление о принятии ее гражданства, будет обращаться к Полномочиному Представительству другой Стороны с запросом об отсутствии у страны, представляемой Представительством, препятствий к переходу данного лица в гражданство первой из Сторон. Неполучение ответа на такой запрос в течение трех месяцев будет считаться равносильным согласию.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны согласны, что статьи 1 и 2 настоящего Соглашения ни в чем не ограничивают их права принимать в свое гражданство в порядке, установленном законами данной страны, лиц, заявивших, что они состоят в гражданстве другой Договаривающейся Стороны, но не представивших в доказательство своего заявления паспорт или документ его заменяющий, подтверждающий состояние в этом гражданстве.

При этом, однако, условлено, что Дипломатические или Консульские Представители подлежащей страны имеют право просить Правительство другой Стороны отложить оформление приема данного лица в свое гражданство впредь до выяснения данным Дипломатическим или Консульским Представительствами вопроса о том, не является ли лицо, о котором идет речь, гражданином страны Дипломатического или Консульского Представительства. Выяснение этих обстоятельств не должно во всяком случае превышать четырех месяцев. Если в результате такого выяснения окажется, что данное лицо является гражданином страны Дипломатического или Консульского Представительства, то имеют применения постановления ст. 2 настоящего Соглашения.

Статья 4

Обе Стороны соглашаются, что в отношении вопросов гражданства, могущих возникнуть за период времени между окончанием срока действия Соглашения от 20 мая 1930 года, то есть между 28 февраля 1934 года и днем подписания настоящего Соглашения, то есть 24 апреля 1937 г., гражданство

лиц, принадлежащих к гражданству каждой из Договаривающихся Сторон и принятых в течение указанного выше промежутка времени в гражданство другой Договаривающейся Стороны, будет оставлено без изменения.

Каждая из Договаривающихся Сторон сообщит Дипломатическому Представителю другой Договаривающейся Стороны список тех лиц, которые данной Договаривающейся Стороной были приняты в ее гражданство за указанный выше промежуток времени.

При этом условлено, что при наличии у одной из обеих Договаривающихся Сторон каких-либо сомнений в отношении того или иного из лиц, значащихся в сообщенном этой Стороне списке, данная Договаривающаяся Сторона будет иметь право в течение трех месяцев со дня получения списка, совместно с другой Договаривающейся Стороной, рассмотреть принятое в отношении каждого данного лица решение в целях, если это будет признано необходимым, его пересмотра. При подобном рассмотрении будет применяться порядок, изложенный в статье 2 настоящего Соглашения.

Статья 5

Настоящее Соглашение подлежит ратификации.

Обмен ратификационными грамотами будет иметь место в Улан-Батор-Хото.

Оно вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами и заключается на неопределенный срок.

Действие его может быть прекращено по истечении шести месяцев со дня заявления об отказе от него, сделанного той или другой из Договаривающихся Сторон.

Настоящее Соглашение составлено на русском и монгольском языках в двух подлинных экземплярах. При толковании его оба текста считаются одинаковыми.

В удостоверение чего Уполномоченные Договаривающихся Сторон подписали настоящее Соглашение и приложили к нему печати.

Совершено в г. Улан-Баторе 24 апреля 1937 г.

Полпред Союза ССР
в Монгольской
Народной Республике
Тайров

Премьер-Министр и Министр
Иностранных Дел Монгольской
Народной Республики
Амор

*Печат по арх. Оубл.
в «Сборнике действующих договоров...»,
вып. X, М., 1955, стр. 20—22.*

Соглашение ратифицировано: ЦИК СССР — 22 июля 1937 г., Президиумом Малого хурала МНР — 5 ноября 1937 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Улан-Баторе 6 ноября 1937 г.

122. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных дел СССР

25 апреля 1937 г.

На устроенном сегодня у Иненю завтраке последний жаловался на существующее у нас к Турции недоверие, которое, несмотря на все старания, турки не могут устроить. Я подтвердил, что недоверие существует, но что турки ничего не делают, чтобы его рассеять. Простое заявление, что дружба с СССР неизменна и что в позиции Турции не произошло никаких изменений*, неубедительно и как раз подтверждает сомнение, ибо, я заявил ему, произошло изменение, которое нельзя отрицать и в котором турки не хотят признаться. Иненю в ответ на мои обвинения признал, что кое-что изменилось. Раньше они хотели быть нашими союзниками и добивались этого, а теперь они боятся этого, не желая быть автоматически втянутыми во всякую войну, в которой мы окажемся участниками. Они не хотят воевать, если их прямые интересы не затронуты. Рассказывая о путешествии в Югославию, он с гордостью сообщил, что главное, что он констатировал, прощаясь со Стоядиновичем в Югославии, во-первых, что ни Югославия, ни Турция не сочувствуют и не окажут никакой поддержки оси Рим — Берлин, и, во-вторых, что ни Югославия, ни Турция не примут никогда никакого участия в комбинациях, направленных против СССР. Что касается Италии, то турки ее не отталкивают, но отношение недоверия к Италии у них не изменилось, но они считают полезными дружественные маневры, имеющие сейчас место. Он всячески убеждал меня, что дружба с СССР так глубока и прочна, что никакие неизбежные маневры не могут ее поколебать, но они признают, что находятся в каком-то тупике: Турция заверяет в неизменности дружбы, а Москва не верит. Он надеется при встрече с Литвиновым в Лондоне откровенно с ним объясниться**. Он возлагает также большую надежду на поездку Араса в Москву***, который даст непосредственное объяснение руководителям нашей политики.

Он зондировал возможность поездки с Арасом министра внутренних дел и генсекретаря партии Шюкрю Кая, что я горячо поддержал. С Шюкрю Кая будет интереснее разговаривать, он прямее и откровеннее Араса. Иненю интересовался, застанут ли Шюкрю Кая и Арас в Москве Сталина.

* См. док. № 35, 103.

** См. док. № 155.

*** См. док. № 244.

После всяческих излияний по поводу моего отъезда Иненю сказал, что турки не могут не видеть в моем отъезде политического значения и что в нынешних условиях это особенно неприятно.

Полпред

Печат. по арх.

123. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

25 апреля 1937 г.

Дорогой Максим Максимович,

В письме от 4 марта текущего года * № 86/Л Вы просили меня произвести осторожный зондаж у Идена или Ванситтарта об отношении британского правительства к экономическому проникновению Германии на Ближний Восток. Я сделал это 16 апреля, когда Ванситтарт с женой были у нас на интимном завтраке. Мы говорили с Ванситтартом о разных вопросах международной политики (Германия, Италия, Испания и т. д.), и в ходе беседы я коснулся также положения на Ближнем Востоке, используя для иллюстрации германского проникновения как материалы Вашего письма, так и некоторые сведения, почерпнутые мной из докладов и дневников наших полпредов в Афганистане, Иране и Турции. Ванситтарт обнаружил живой интерес к данной теме, полностью соглашался с опасностью проникновения немцев на Ближний Восток, подчеркивая, что здесь мы имеем возобновление старой политики Германии «*Draug nach Osten*». Ванситтарт с удовлетворением констатировал в этой связи тот факт, что крупный заказ на постройку железодельного завода в Турции, несмотря на жестокую конкуренцию Германии, все-таки попал в руки английской фирмы. Я навел разговор на авиалинию, которую немцы собираются протянуть через Тегеран на Кабул. Ванситтарт сообщил мне, что ему известно об этих намерениях Германии и что он приветствовал бы их неудачу. Немцы, по словам Ванситтарта, уже давно подбираются к данному делу. Они производят известный нажим в Греции, в Египте, в Ираке в целях получения разрешения устроить в этих странах опорные пункты своей авиалинии. Однако пока все дело находится еще в довольно зачаточной стадии развития, и никакими определенными успехами немцы похвастаться не могут. В частности, в ответ на мой вопрос Ванситтарт с убеждением сказал, что за Египет он спокоен. Он не думает также, чтобы иракское правительство согласилось на предоставление Германии права провести свою линию через его территорию. По некоторым замечаниям Ванситтарта, однако, можно было понять, что британское правительство предпочитает пока воздерживаться

* См. док. № 58, а также док. № 35, 84.

от слишком активного противодействия германским планам, поскольку оно считает, что реализация их еще не вступила в достаточно зрелый период. Ванситтарт также намекнул, что лучшим способом предупредить создание германской авиалинии на Кабул была бы срочная организация такой же линии британской национальности. В этой связи он несколько жаловался на медлительность и неповоротливость британского общества «Imperial Airways».

В общем беседа с Ванситтартом оставила у меня впечатление, что британское правительство сильно обеспокоено проникновением Германии на Ближний Восток и сознает известный параллелизм интересов в этой области между Англией и СССР.

С товарищеским приветом

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

**124. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

26 апреля 1937 г.

Дорогой Максим Максимович,

1. Поездка Бека в Бухарест. Собственно говоря, поскольку мы знаем хорошо Бека и ту политику сколачивания антисоветского фронта, которую он проводит во всех столицах Европы, нет особой надобности в каких-либо специальных разъяснениях о тех целях, которые преследовала его поездка в Бухарест*. Весьма правильно эта поездка прокомментирована в передовице «Известий» от 24 апреля.

Если взять польскую официозную прессу и телеграфные агентства, очень много места уделявшие этой поездке, то первый вывод, который напрашивается от их комментариев, это тот, что Польша, захлебываясь своей ролью «великой державы», с радостью констатирует возвращение Румынии, после ухода Титулеску, в лоно польской политики. Красной нитью во всех этих комментариях проходит, конечно, антисоветская нотка. Особенно четко выразила эту тенденцию «Газета польска» в передовице от 22 апреля, отметив, что «союз с Польшей является для Румынии страховкой в отношении ее наиболее крупного соседа — Советского Союза, который до настоящего времени не признает формально факта возврата Бессарабии», и что «союз с Румынией оценивается Польшей как один из основных факторов равновесия и мира на территории от Балтики до Черного моря». В ряде комментариев других прави-

* См. док. № 129, 131, 133.

тельственных органов совершенно ясно высказывается желание о создании блока всех балтийских государств и Румынии, конечно, под руководством «великой Польши» и, надо полагать, в тесном сотрудничестве с Германией и эвентуально с Италией. Таким образом, антисоветское острое визита Бека не представляет никакого сомнения, и никто это уже не считает нужным скрывать. Можно быть вполне уверенным (что для нас было ясно и априори), что Бек не жалел красок в своих разговорах с королем и румынскими министрами, чтобы всячески очернить Советский Союз.

Но мне кажется, что ближайшей практической задачей Бека, задачей, являющейся практически реализуемой теперь же, было добиться дальнейшего развала Малой Антанты и изоляции Чехословакии от ее партнеров. После белградского итало-югославского соглашения*, заигрываний Югославии с Венгрией узы, связывающие Югославию с Малой Антантой, весьма ослабели, чтобы не сказать больше. Теперь усиленно обрабатывается и Румыния — Германией, Италией и, конечно, Польшей. Сейчас же после ухода Титулеску польская дипломатия удвоила свои усилия — и небезуспешно — в этом направлении. Уже декларации Антонеску при посещении Варшавы носили весьма двусмысленный характер³⁴. Уход близкого к Титулеску варшавского посланника Вышоюну и назначение более бесцветного и более угодного полякам Замфиреску явились практическим выражением того сдвига, который произошел в румынской политике вообще и в польско-румынских отношениях в частности. Польская пресса за это время, настроенная прежде антирумынски, резко изменила тон и не жалеет комплиментов в адрес нынешнего румынского правительства. Польша с азартом включилась в общую германо-итальянскую обработку Румынии, активно исполняя свои обязанности союзника Германии, в надежде на свою долю добычи при перекройке карты Дунайского бассейна, в первую очередь, конечно, Чехословакии. Можно без преувеличения сказать, что [за] последний год польская внешняя политика еще больше сомкнулась с линией германской политики и стала более откровенно антисоветской. Внешним выражением этого стала и польская пресса, которая, правда, и раньше не скупилась на антисоветские выпады. Но теперь эта антисоветская кампания польской прессы в вопросах внешней политики стала более откровенной и более активной. Официозная пресса теперь уже не считает нужным скрывать польских планов в сколачивании антисоветского блока и борьбы с Советским Союзом.

Визит Бека, судя по торжественной встрече в Бухаресте и по весьма дружественным комментариям румынской прес-

* См. газ. «Известия», 27 марта 1937 г.

сы (если верить подборкам ПАТ), дал свои результаты и, видимо, должен удовлетворить Польшу.

Мне интересно, в каких выражениях Бек будет мне комментировать свою поездку. Он как раз завтра (т. е. на другой день по своем возвращении) обедает у меня и, вероятно, должен будет коснуться этого вопроса⁷⁶.

В почте Вы найдете подробный обзор польской прессы об этом визите.

2. Антисоветская и антикоммунистическая кампания польской прессы. Я уже имел случай сообщить Вам по телеграфу, что польская официальная печать начала развернутое наступление на коммунизм, причем в эту кампанию включился и ПАТ в виде весьма тенденциозных сообщений своего корреспондента из Москвы. Эта кампания, конечно, вызвана отчасти приближением 1 Мая и ростом рабочего и стачечного движения. В этом разрезе она преследует виутриполитические цели. Изо дня в день во всех правительственных органах печатаются массивные статьи о наступлении Коминтерна на Польшу, о новых тенденциях в политике Коминтерна на сторону развязывания мировой революции и большевизации Польши и т. д. Вся эта кампания дирижируется «Газетой польской», и уже не в виде бездарных статей Отмара*, а в редакционных передовых самого Медзииского** со всякими «цитатами» из постановлений Коминтерна, ВКП(б) и т. д. Конечно, Коминтерн отождествляется с Советским правительством, даже Наркоминделом, и весьма усиленно упоминается имя т. Сталина. Все это в том разрезе, что Советский Союз под прикрытием Коминтерна начал активную подрывную работу в Польше, стремясь к большевизации ее. И чтобы отпугнуть массы, все более революционизирующиеся, от этого призрака, печатаются изо дня в день всякие измышления о Советском Союзе, даются тенденциозные подборки из наших газет, стремящиеся доказать, что все у нас идет плохо. Нервозность, проявляемая в этом направлении официальной прессой, лишней раз показывает то огромное беспокойство, которым охвачены правительственные круги перед ростом всеобщего недовольства. Об этом беспокойстве мы знаем из ряда источников.

Я полагаю, что нашей прессе следует дать отпор этой кампании и фактами разоблачать все те измышления, которые фабрикуются здесь.

3. Рост стачечного движения. Даже из тех скудных сведений, которые проникают в печать, видно, что забастовочное движение принимает все большие размеры, охватывая все новые районы и новые отрасли промышленности,

* Псевдоним польского журналиста Берсона Я. С.

** Редактор «Газеты польской».

причем отличительной особенностью этого движения теперь является то, что рабочим удается добиваться значительного удовлетворения своих требований.

Непосредственной экономической причиной этих стачек является непрекращающийся, несмотря на все бюрократические мероприятия, рост цен и рост дороговизны жизни. Это повышение цен, борьба с которым носит чисто канцелярский характер и не затрагивает, по существу, аппетитов могущественных капиталистических картелей, вызывает сильное беспокойство у правительства, ибо ставит под удар равновесие господства и эвентуально польскую валюту. Неизбежный рост зарплаты под давлением трудящихся может создать серьезные опасности для всего хозяйства и вызвать инфляцию, которую удалось пока предотвратить, в сущности, лишь благодаря французскому займу. Я уже не говорю о том, что стачечное движение в достаточно накаленной польской атмосфере грозит и серьезными политическими опасностями для правительства. В ряде мест уже были эксцессы на почве движения безработных, и 1 Мая можно ожидать новых осложнений. Прошлогодние львовские и краковские события* еще на памяти у всех, и повторение их, притом в большем масштабе, отнюдь не исключается.

4. Декларация Коца. Созданный полковником Коцем «Лагерь национального объединения» (в просторечии ОЗН), взамен ликвидированного Беспартийного блока, оказался, конечно, мертворожденной и бюрократическо-полицейской организацией. Никто уже не сомневается в том, что затея Коца провалилась. Все оппозиционные партии отнеслись отрицательно к ней и сотрудничать с ней не собираются, хотя эндеки** и не скрывают того, что декларация Коца очень близко подходит к их политическим установкам.

Новое разочарование принесла декларация и еврейской буржуазии, до сих пор усердно сотрудничающей с пилсудчиками. Желая еще больше приблизить к себе правые реакционные круги, декларация Коца делала большой шаг в сторону антисемитизма. В последнее время в этом направлении сделаны еще более открытые уступки правым. В этом отношении весьма интересны те официальные разъяснения, которые на днях были сделаны заместителем Коца по ОЗН полковником Ковалевским (бывшим военным атташе в Москве и Бухаресте). Ковалевский прямо заявил: «Отношение лагеря (т. е. ОЗН.— Я. Д.) к евреям должно быть такое же, как отношение союзистских организаций к полякам. Приписывание мне слов, что...*** лицо еврейского происхождения и вероисповедания

* См. т. XIX, док. № 135.

** — национал-демократы.

*** Здесь и ниже многоточие в документе.

может принадлежать к лагерю, поскольку это лицо может заявить себя принадлежащим к польской национальности, не отвечает действительности... Принцип христианства, на котором основывается декларация полковника Коца, будет решающим фактором при подборе членов лагеря». Это разъяснение появилось в результате нападок со стороны эндекой прессы, обвинявшей Коца и Ковалевского в том, что они будут принимать в ОЗН и евреев. Ковалевский в пространном заявлении ясно разъяснил, что этого не будет и, кроме того, что евреи не являются поляками. Несмотря на такое категорическое отрицание всяких прав за евреями в польском государстве, орган еврейской буржуазии «Наш пшеглэнд» весьма робко выступил против Ковалевского, констатируя лишь еще раз, что 3¹/₂-миллионный еврейский народ, по существу, выбрасывается за борт польской государственности. Разница в разрешении еврейского вопроса между политикой эндеков и нынешней позицией пилсудчиков сводится лишь к методам действий. Эндеки просто устраивают погромы, Коц и Медзинский же хотят изгнать евреев из Польши более «культурными» способами.

С товарищеским приветом

Я. Давтян

Печат. по арх.

125. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину

26 апреля 1937 г.

Многоуважаемый Владимир Петрович,

Согласно Вашим указаниям * 21 апреля я посетил Блюма и поставил перед ним вопрос об общем судебном режиме, существующем для нас во Франции, и о необходимости его коренного улучшения. Я рассказал ему о наших переговорах о постоянном торговом договоре, до сих пор не давших результатов, подчеркивая, что именно торговый договор соответствующей статьей о ретроактивности договора может устранить повторение подобных весьма неприятных инцидентов, как задержка «Киева». Я просил Блюма дать соответствующие указания МИД и минторгу о скорейшем заключении постоянного торгового договора, имеющего не только политическо-правовое, но и экономическое значение. Напомнив о пребывании в Париже Кулоидра, я указал на желательность привлечения Кулоидра к этому делу.

Блюм ответил, что он даст необходимые указания министерствам. Он считает весьма желательным включение в договор формулы, которая устранила бы возможность повторе-

* См. док. № 113.

ния случаев, подобных инциденту с «Киевом». Однако он не скрыл своих сомнений насчет возможности нахождения такой формулы, которая была бы применима уже к вынесенному судебному решению. Он подчеркнул при этом, что этот договор должен быть ратифицирован палатой и сенатом, что может представить известные трудности, ибо, кроме элементов вообще враждебных правительству, такие лица, как адвокат «Сосифроса» сенатор-радикал, безусловно попытаются устроить obstruction правительству по этому вопросу.

Я на это указал Блюму, что такая формула уже предусматривалась. Намечались проекты редакции, правда не совсем удачные, но все же идущие в этом направлении. Тогда Блюм еще раз повторил, что он является сторонником такого разрешения вопроса, устраивающего как нас, так и французское правительство, и подтвердил свое обещание дать соответствующие указания.

По этому же поводу говорил 21 апреля с Дельбосом, у которого был с т. Поповым*. Дельбос отнесся к нашему предложению об ускорении заключения торгового договора положительно и также обещал принять необходимые меры. Я и Дельбосу указал на желательность привлечения Кулондра к этим переговорам.

С Кулондром я говорил о необходимости ускорения заключения торгового договора еще до того, как стал известен инцидент с «Киевом», а именно 14 апреля. Кулондр вполне разделяет нашу точку зрения на желательность скорейшего заключения договора и обещал в этом смысле говорить в МИД, в минторге и с Блюмом⁷⁷.

20 апреля Кулондр завтракал в полпредстве и сообщил, что он беседовал уже на эту тему как в МИД, так и в минторге**. У него создается впечатление, что вряд ли можно будет в короткий срок заключить полный торговый договор со всеми таможенно-торговыми статьями. Поэтому, учитывая необходимость создания нормального судебного режима для нас, Кулондр предлагает выделить правовые вопросы, в первую очередь статус торгпредства и хозорганов, и заключить конвенцию о поселении, присоединив к ней эвентуально консульскую конвенцию. Кулондр считает, что это явилось бы наилучшим выходом из положения, ибо значительно упростило бы задачу, поскольку министерство торговли было бы совершенно или в значительной мере устранено от этих переговоров или, во всяком случае, не играло бы такой роли. Поскольку Кулондр очень спешил и, с другой стороны, я не был уверен в Вашем отношении к его предложению, рамки проектируемого Кулондром соглашения не были точно установлены,

* Торгпред СССР во Франции.

** См. док. № 119.

тем более отдельные его объекты. Вопрос о конкретных компенсациях с нашей стороны Кулондром не поднимался. Возможно, что он имел в виду в эту конвенцию о поселении включить пункт о защите названий, который можно рассматривать как юридический, несмотря на его определенное экономическое значение.

Как Вы помните, главным компенсационным объектом с нашей стороны кроме транзита должно было явиться предоставление защиты названий, однако не только за известные юридические льготы (в том числе ретроактивность), но и в некоторой части и за импортные таксы (правда, они связаны с обязательствами чисто торгового характера).

Жду Ваших указаний относительно проекта Кулондра⁷⁴, с тем чтобы предпринять дальнейшие практические шаги.

С приветом

Гиришфельд

Печат. по арх.

126. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину

26 апреля 1937 г.

Многоуважаемый Владимир Петрович,

21 апреля Селлье* устроил прием в честь вернувшейся комиссии ученых из СССР**. Присутствовало около 20 человек, в том числе вся делегация, Райхман из Лиги наций, проф. Безредка и др.

Мы обменялись речами с Селлье, товарищем министра Дезарно и проф. Фреде.

Селлье выступал прекрасно, указав на сотрудничество двух великих демократий — советской и французской. Намечал пути дальнейшего контакта и обмена опытом между представителями советской и французской медицинской науки. В частности, он указывал на необходимость посылки не только уже зрелых ученых, но и молодежи как из СССР во Францию, так и из Франции в СССР. Селлье подчеркнул общеполитическое значение этого контакта, дающего возможность познакомиться с истинным лицом СССР и устраняющего много предрассудков и ложных представлений.

Дезарно и проф. Фреде также выступили весьма тепло, выразили благодарность за хороший прием. Они охарактеризовали с самой положительной стороны ряд наших медицинских институтов и учреждений. Многие из участников поездки, как, например, Дезарно, выступали с докладами о поездке.

* Министр здравоохранения Франции.

** См. газ. «Известия», 18 апреля 1937 г.

Селлье сообщил мне о своем предположении поехать в СССР осенью или зимой.

Предполагаю устроить в честь делегации в ближайшее время прием в полпредстве.

С товарищеским приветом

Гирифельд

Печат. по арх.

127. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

27 апреля 1937 г.

Я узнал из хорошо осведомленного источника, что в Брюсселе Ван-Зееланд * доказывал Шахту, что наиболее эффективным доказательством миролюбия Германии в глазах Западной Европы и наиболее реальной предпосылкой для отвоевания доверия финансовых кругов явилось бы урегулирование германо-чехословацких отношений⁷⁸. Указав на специфическое положение Чехословакии, Ван-Зееланд при этом доказывал невозможность для Чехословакии отказа от договоров с Францией и СССР. Сейчас вокруг этого вопроса якобы разгорается борьба. Сторонниками компромиссных соглашений являются будто министр иностранных дел и Ламмерс **, специалисты Гитлера по чешским делам. Одно время казалось, что это течение может взять верх. События последних дней, однако, усилили позиции противников таких соглашений. Визит Бека в Румынию и венецианское свидание***, одновременно заостренные против Чехословакии, повысили надежды на то, что Чехословакия не выдержит и пойдет в конце концов по стопам Бельгии.

Освобождение Бельгии от ее обязательств**** воспринято здесь с огромной радостью и как победа германской дипломатии. Омрачает лишь сохранение обязательства по ст. 16 [Устава Лиги наций], но выражается небезосновательная надежда, что Бельгия и это обязательство истолкует «не по-французски». Нельзя отрицать, что фронт коллективной безопасности и особенно французская система за последние дни испытали новый удар. Вслед за Бельгией и Югославией выявляется отход Румынии и усиливается координированный с Италией нажим на Чехословакию. Иронией судьбы является то обстоя-

* Премьер-министр Бельгии.

** Начальник германской имперской канцелярии.

*** См. соответственно док. № 128, 129, 131, 133 и газ. «Известия», 24 апреля 1937 г.

**** См. док. № 128; газ. «Известия», 26 апреля 1937 г.

тельство, что все эти «успехи» происходят в момент, когда, по общему признанию, Германия проходит через полосу острых трудностей.

Полпред

Печат. по арх.

128. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

27 апреля 1937 г.

Дорогой Максим Максимович,

1. Еще не так давно можно было констатировать ряд моментов, как будто свидетельствующих об ухудшении международного положения Германии. К числу таких моментов могли быть отнесены новые демонстрации англо-французского сближения (поездка Даладье), конфликт с Польшей по вопросу о меньшинствах, некоторые германские неудачи в Скандинавии, происшедшая в начале апреля реорганизация австрийского правительства, признаки известных изменений в политике Венгрии, успехи республиканских войск в Испании. Однако последние дни принесли факты, несомненно благоприятные для Германии. К этим фактам могут быть отнесены в первую очередь результаты свидания Муссолини и Шушнига в Венеции и исход переговоров о Бельгии *. Наряду с итало-югославским договором эти события говорят о значительном дальнейшем ослаблении системы французских союзов и об ослаблении фронта коллективной безопасности.

2. Относительно результатов свидания в Венеции в первый момент распространились довольно далеко идущие версии, основанием для которых послужила статья Гайды в «Джорнале д'Италиа». Однако вторая статья Гайды создала некоторое равновесие между оптимистическими и пессимистическими оценками значения встречи Муссолини с Шушнигом. Предположения, будто бы под влиянием Муссолини Шушниг резко изменит свой внутривнутриполитический курс, оказались неоправданными. Однако тем не менее результаты встречи в Венеции являются благоприятными с точки зрения Берлина.

Хотя не приходится ожидать каких-либо непосредственных последствий переговоров в Венеции для внутренней политики Австрии и хотя официальное коммюнике не содержит прямой ссылки на ось Рим — Берлин, тем не менее на основании всех имеющихся сведений и оценок можно констатировать, что встреча Муссолини с Шушнигом привела к известному подчинению системы римских протоколов ** политике, выражен-

* См. также док. № 130 и газ. «Известия», 24 и 26 апреля 1937 г.

** См. газ. «Известия», 18, 20 марта 1934 г.

ной в оси Рим — Берлин. Австрия должна считаться с тем, что на данном этапе Италия не только не поддерживает, как прежде, идеи реставрации, но и не препятствует дальнейшему австро-германскому сближению. Австро-итальянские отношения оказываются в зависимости от сотрудничества между Италией и Германией.

Вместе с тем встреча в Венеции показала, что Муссолини из соображений, которые в данной связи трудно проанализировать, продолжает расчищать путь Германии в Центральной Европе. Наиболее остро в связи с результатами свидания в Венеции проявилась эта тенденция итальянской политики в применении к Чехословакии. Много данных говорит о том, что Шушниц серьезно отнесся к заигрываниям Годжи и к его дунайским планам. Направляясь в Венецию, Шушниц, несомненно, стремился получить санкцию Италии на более тесный контакт между Венной и Прагой. Он этой санкции не получил. Наоборот, исход свидания в Венеции как бы подчеркивает согласное стремление Рима и Берлина добиваться изоляции Чехословакии. В этом, быть может, заключается наиболее конкретный результат свидания в Венеции.

В этой связи следует еще отметить настойчивые слухи о скором заключении соглашения между Италией и Румынией. Это соглашение вместе с итало-югославским соглашением свело бы к минимуму еще существующие слабые связи малоантантовских стран. Однако эта проблема приобретает более широкое значение в связи с теми надеждами, которые Германия возлагает на тенденции, получившие свое проявление в вопросе о Бельгии.

3. Берлин до самого последнего времени относился с большой остороженностью к переговорам, подготовлявшим освобождение Бельгии от ее обязательств по Локарнскому договору.

Надо иметь в виду, что до поражения Дегреля * в Брюсселе Берлин питал большие, конечно еще не оставленные, надежды на переход Бельгии в лагерь германских союзников и полу-союзников. Во всяком случае, Берлин желал бы, чтобы Бельгия объявила о своем полном нейтралитете, т. е. о своем освобождении и от обязательств по ст. 16 Устава Лиги наций. С другой стороны, немцы чрезвычайно опасались, как бы под флагом освобождения Бельгии от ее обязательств по Локарнскому договору не были сформулированы какие-либо иные обязательства, вытекающие из переговоров между генеральными штабами. Результаты переговоров как будто в общем успокоили Берлин и даже его обрадовали. Германская печать приветствует освобождение Бельгии от всяких обяза-

* Имеется в виду поражение руководителя бельгийских рехистов Дегреля на парламентских выборах в апреле 1937 г.

тельств в отношении Франции и Англии. Вместе с тем немцы полагают, что Бельгия намерена весьма расплывчато толковать свои обязательства по Уставу Лиги наций и, таким образом, фактически выходит из системы коллективной безопасности.

Если Германия имеет основания выражать свое удовлетворение «достижениями» Бельгии, то с тем большей охотой это обстоятельство подчеркивается с германской стороны уже по чисто тактическим соображениям. Расширительное толкование изменений в позиции Бельгии, зафиксированных во франко-английской ноте *, укрепляет международное положение Германии и дает новый толчок ее борьбе против других элементов коллективной безопасности. Следует предполагать, что эта борьба пойдет по двум линиям.

Одно направление — это нажим на Румынию, о чем только что упомянуто в связи со свиданием в Венеции. Многие коллеги придадут большое значение поездке Бека **, напоминая при этом, что Бек побывал в Брюсселе как раз незадолго перед тем, как Бельгия начала свою акцию. Предполагают, что Бек явился и в данном случае посредником или толкачом, побуждающим Румынию ускорить заключение соглашения с Италией, тем более что отпали препятствия, существовавшие до итало-югославского соглашения.

Другая, более существенная линия предположительной новой германской активности связана с вопросом о Чехословакии ***. Чехословацкий посланник в Берлине считает, что прецедент с Бельгией может вызвать активизацию германской борьбы против франко-советского договора и советско-чехословацкого пакта. Если даже предполагать, что подобная аргументация может служить и оправданием для большей уступчивости Чехословакии в отношении Германии, то тем не менее бесспорно, что оба важнейших международных события последних дней — свидание в Венеции и исход переговоров о Бельгии — так или иначе отрицательно сказываются на положении Чехословакии и ее внешней политике.

Ко всему изложенному надо еще прибавить, что последние события как на Балканах, так и в западной части Европы вновь свидетельствуют о слабости и пассивности французской дипломатии.

4. Для характеристики международного положения Германии в настоящий момент следует также отметить еще не проявившиеся волны переговоров в связи с поручением, данным Ван-Зееланду. Вполне вероятно, что Ван-Зееланд или его представители сыграют роль посредников между Германией и

* Имеется в виду англо-французская декларация по вопросу о нейтралитете Бельгии: см. газ. «Известия», 26 апреля 1937 г.

** См. док. № 124, 131.

*** См. также док. № 62, 65, 143.

международными финансовыми кругами⁷⁸. Во всяком случае, шаги, предпринимаемые Ван-Зееландом, значительно облегчают маневры, уже давно начатые Шахтом. Шахт, несомненно, стремится найти выход из тяжелого экономического положения Германии на путях больших международных экономических и финансовых переговоров. Известный успех в таких переговорах Шахт, вероятно, попытался бы использовать для того, чтобы навязать своим противникам в германских правящих кругах намеченные им решения хозяйственных вопросов.

Несомненно, что эта проблема тесно связана с вопросом о дальнейшей экономической политике германского правительства. Трудности в осуществлении так называемого четырехлетнего плана, по-видимому, приближаются к своему критическому моменту. Все чаще приходится слышать о том, что в германской правящей верхушке серьезно обсуждается вопрос о фактическом пересмотре политики, начатой осенью 1936 г., о стимулировании экспорта, о некотором сокращении затрат на вооружение (требование Шахта) и т. п. Не преувеличивая значения этих тенденций, следует все же обратить на них внимание, так как разрешение германских внутрихозяйственных вопросов связано и с ее позицией в международных экономических переговорах.

5. Несомненно, что вокруг основных проблем внутренней и внешней экономической политики в германском правящем лагере развивается острая борьба. Эта борьба получила свое очередное отражение и в советско-германских отношениях. Отказ в поставке «Цейсом» по договору заказанных и изготовленных приборов послужил проявлением агрессивных и авантюристических тенденций в германской экономической политике. Тем больший интерес представляет позиция, занятая Шахтом. В беседе с т. Фридрихсоном* он не сделал ни малейшей попытки защищать решение об отказе выполнить договор с нами и встретил сообщение о возможных наших контррепрессиях не только без протеста, но даже с видимым удовлетворением. Исход этого дела еще не известен. Как бы то ни было, оно свидетельствует о неустойчивости и непоследовательности германской экономической политики.

С товарищеским приветом

Я. Суриц

Печат. по арх.

* Заместитель торгпреда СССР в Германии.

**129. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше
Я. Х. Давтяну**

28 апреля 1937 г.

Уважаемый товарищ,

1. С этой почтой Вы получите запись беседы т. Литвинова с Гжибовским. По вопросу о консульствах Гжибовский, так же как Янковский в беседе с т. Карским, предложил перенести переговоры в Варшаву. У нас нет оснований спорить с поляками относительно места переговоров. В соответствии с этим Вам следует заявить Беку или Шембеку *, что Вы ждете польского ответа на предложение, сделанное т. Карским Янковскому.

Я полагаю, что ни в каких новых инструкциях Вы не нуждаетесь, так как по этому вопросу Вы имели совещание в Москве, а кроме того, Вы располагаете записями бесед тт. Литвинова и Карского ⁷⁹.

2. Экономические вопросы будем обсуждать после приезда т. Титова **. Можно, однако, заранее сказать, что польские предложения ⁸⁰ для нас неприемлемы, и мы не можем согласиться с маневром поляков заставить нас без соответствующих компенсаций предоставить транзит на восток.

3. По сведениям, полученным нами от т. Островского ⁸¹, поездка Бека в Бухарест не была столь успешной, как это изображает польская пресса. В частности, в отношении Чехословакии румыны не согласились последовать польской политике и изменить характер нынешних румыно-чехословацких отношений. Не встретила якобы поддержки также линия Бека на изоляцию СССР. Что касается румыно-итальянского сближения, то в этом вопросе румынское правительство вынуждено весьма считаться с позицией Англии. Все эти данные нуждаются в проверке. Просим Вас со своей стороны постараться получить максимально подробные информации. Во всяком случае, визит Бека в Бухарест является продолжением того ярко антисоветского и антифранцузского курса, который особо чувствуется после возвращения Бека из отпуска. Если действительно Беку удалось добиться возобновления контакта генеральных штабов, то это должно быть расценено как определенный успех польской дипломатии ***.

4. Ввиду того значительного интереса, который представляет для нас внутреннее положение в Польше, ждем по этому вопросу Ваших обстоятельных информаций.

С товарищеским приветом

Потемкин

Печат. по арх.

* Заместитель министра иностранных дел Польши.

** Торгпред СССР в Польше.

*** См. также док. № 124, 131.

**130. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Ита-
лии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных
Дел СССР**

*Немедленно
28 апреля 1937 г.*

На основании информации, собранной за последние дни, результаты свидания Муссолини с Шушницгом* и Герингом рисуются в следующем виде:

1. Муссолини отдает себе отчет в полной невозможности для Италии отстаивать свою позицию в Австрии. Он считает, что теперь единственная задача итальянской политики — оттягивать на время неизбежный аншлюс. Такая оттяжка возможна только в случае дальнейшей уступки притязаниям «наци» в Вене, в обмен на что Гитлер готов в ближайшее время не производить формального аншлюса, а удовлетвориться подготовкой фактического.

2. Исходя из этих положений, Муссолини поставил перед Шушницгом следующую проблему: а) реставрация должна быть объявлена неактуальной проблемой, и итальянское правительство ее ни в коем случае поддерживать не будет; б) Шушницг должен ввести как в патриотический фронт, так и потом в правительство представителей «наци»; в) Австрия не должна идти на сближение с Чехословакией.

3. Учитывая скверные отношения с крупными европейскими державами, Муссолини центр внешнеполитической активности переносит на расширение и консолидацию отношений с Германией и укрепление связей с Балканскими странами. Ряд наших собеседников утверждают, что Германия, отвергая установление принципа зон влияния Берлина и Рима в Центральной Европе и на Балканах, согласовала с Италией список товаров как по экспорту, так и по импорту с распределением их по странам в учете географического положения и интересов в них Рима и Берлина. В соответствии с этим списком ряд экономических германских позиций в Югославии, Греции и Турции отойдут к Италии, а итальянские позиции в Австрии и Венгрии — к Германии. Политическая активность Рима на Балканах проводится с одобрения и согласования с Германией, и ставится ближайшей целью вытеснение Франции и изоляция Чехословакии.

4. Как передают, вчерашняя беседа Муссолини с Герингом касалась: а) предстоящего свидания Муссолини с Гитлером⁸², которое будет иметь место в Германии в конце мая или в июне; б) испанской проблемы. Наши собеседники продолжают утверждать, что Италия ищет «достойного» выхода, готова реально прекратить свое вмешательство, если получит: заверение о будущем внутреннем в Испании строе (см. нашу

* См. также док. № 128.

телеграмму от 24 апреля⁸³), обещание Англии не противодействовать заключению Адриатического, итало-албанско-югославского, и Средиземноморского, итало-греко-югославо-турецкого, пактов; в) информации Муссолини о результатах его свидания с Шушнигом; г) обсуждения венгерской проблемы в связи с итало-румынскими переговорами и необходимостью побудить Будапешт пойти на сближение с Белградом и Бухарестом.

Полпред

Печат. по арх.

131. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Министром Иностранных Дел Румынии Антонеску

28 апреля 1937 г.

Сегодня за завтраком у француза Антонеску попросил меня заехать к нему к 7 часам вечера.

Как и в первый день приезда Бека, Антонеску отрицал, что Бек ставил себе какие-то специальные цели этой поездкой. «Видите ли, в Женеве обычно обо всех вопросах говоришь с кем-нибудь из коллег час-другой, а тут Бек три дня сидел — поневоле пришлось часто видаться и много разговаривать. Разумеется, говорили обо всем и помногу». Решений никаких принято не было ни по одному политическому вопросу, и такой задачи перед собой собеседники не ставили. По словам Антонеску, был обычный обзор международного положения.

Я обратил внимание Антонеску на необычный вид коммюнике, которое произвело впечатление всплывших во время бесед разногласий, помимо уже выявившегося в речах за обедом разногласия по вопросу об отношении к Лиге наций.

Антонеску заявил, что он в кабинете был за то, чтобы разногласие с Беком по этому вопросу выявить перед всем миром (NB: по моим сведениям, весь пассаж о Лиге наций, равно как и относящиеся к нему пассажи, был навязан Антонеску [со стороны] Татареску. — М. О.). «Всему миру известно, что у Польши и Румынии различное отношение к Лиге, и если бы это было замазано, это произвело бы впечатление неискренности либо Бека, либо моей. Румынское правительство не считает желательным подвергать сомнению искренность своей политики».

Что касается других вопросов, то разногласий не было или почти не было. Что касается Чехословакии, то, конечно, «никакого улучшения со стороны Польши еще не замечается», но «Бек, например, отмечал, что Прага сейчас ближе, чем когда бы то ни было, к соглашению с Берлином, в особенности если бы она стала чуть-чуть резонабельной». — «В чем

должна, по мнению Бека, выразиться резонабельность Праги? В согласии на требование Германии денонсировать свои пакты с нами и французами или в отказе от требования прекращения берлинского вмешательства во внутривешские дела? В том и другом вместе?» Антонеску сказал, что Бек этого не уточнял, но тон его по отношению к Чехословакии несколько изменился.

Далее, говорит Антонеску, Бек и по отношению к Союзу дважды манифестировал дружественные отношения: 1) он заявил в беседе с королем и с ним, Антонеску, что Польша никогда не предоставит своей территории для нападения на Союз и никогда не наладит на Союз сама; 2) Бек приветствовал полностью желание румынского правительства урегулировать румыно-советские отношения. От меня первого, якобы сказал Бек, после этого вы получите теплейшую поздравительную телеграмму.

О попытке Бека посредничать между Будапештом и Бухарестом Антонеску умолчал (NB: по словам Маджару * и лица из МИД, близкого к Антонеску, мне известно, что такая попытка была Беком сделана и румыны потребовали отказа венгров от ревизионизма.— М. О.).

«Таким образом,— заканчивает Антонеску,— у нас с Беком здесь никаких разногласий не было, не считая разногласия по вопросу о Лиге наций. Это разногласие старо и всем известно. Отношение Бека к Лиге наций известно, известно также и то, что оно инспирировано Иденом, с которым Бек в отвлеченных, чуть ли не в интимных отношениях; но это обстоятельство не имеет никакого значения: мы, Румыния, остаемся на своей старой позиции. И уверяю Вас, что напрасно вы так плохо относитесь к Беку».

Я спросил Антонеску, где причина того, что всякая поездка Бека вызывает припадок бешеного веселья у немцев и итальянцев и других им подобных и настороженность у чехов, французов и у нас, чего не бывает при поездках Дельбоса, Литвина и др.

Антонеску от ответа на этот вопрос уклонился. Беседа вообще не кленлась, Антонеску упорно не хотел ничего сказать. Тогда я поставил вопрос, делали ли и чего добились румыны в своих попытках улучшить польско-чешские отношения. Антонеску сказал, что такие попытки в Бухаресте ими не делались, так как они натолкнулись бы на отказ. Однако надо потерпеть: признаки кое-какого просветления имеются.

Я тогда спросил Антонеску, как это бековское просветление увязывается с идеей Арцишевского ** о возможности умиротворить Европу только через исчезновение Чехословакии как

* Генеральный секретарь национал-царанистской партии.

** Посланик Польши в Румынии.

независимого государства? «Mais Beck n'y est pour rien! Que Arzichevsky n'est pas intelligent — c'est notoire! Beck n'y est pour rien!» * — несколько раз повторил Антонеску.

Было безнадежно тянуть у не желавшего говорить Антонеску, и, собираясь уходить, я спросил министра: «Значит, ничего интересного в Ваших беседах с Бекком не было?»

Тогда Антонеску сказал, что решен был обмен визитами глав государств, однако еще нет решения, кто поедет первый. «У меня создалось впечатление, — сказал Антонеску, — что первым в конце мая придет Мосьницкий» **.

Я поблагодарил и собирался уходить.

«Attendez, je veux vous faire une déclaration pour Monsieur Litvinoff ***. Вы интересовались, ведем ли мы переговоры с итальянцами. Как я Вам сказал, никаких переговоров мы не ведем и не ведем. Я повторяю, кроме обмена декларациями о наличии bonnes intentions **** по отношению друг к другу, ничего не было: Чиано сделал в Белграде такое заявление румынскому посланнику в Белграде, а Уго Сола ***** мне в Бухаресте. Я поручил Лугошиану ***** сделать такое же заявление Чиано в Риме. Все. Прошу Вас это передать Литвинову. Передайте также следующее. Я сегодня заявил Уго Сола, что мы ни за что не пойдем на установление взаимозависимости между румыно-итальянскими отношениями и отношениями венгерско-румынскими, как бы румыны ни хотели улучшить отношения с Римом. Передайте Литвинову также и то, что, если бы начались переговоры, я буду держать в курсе Париж, Лондон и Москву. Мы и не могли бы, если бы и захотели, пойти на переговоры с Венгрией одни после решений белградской конференции: либо все трое, всей Малой Антантой, либо ни один».

Я усомнился в лояльном выполнении этого обязательства Стоядиновичем.

«Mais, il a signé! Il a signé!» ***** — и тут же показал мне тексты решений. Я обратил внимание Антонеску, что из текстов вытекает, что обязательство членом Малой Антанты не договариваться сепаратно с Венгрией относится только к тому случаю, если Венгрия взамен потребует согласия на отмену военных статей Трианонского договора, а эти решения никак не могут помешать Югославии подписать с Венгрией пакт типа болгарского и даже итальянского.

* — «но Бек здесь ни при чем. Что Арцишевский не умеет, знают все. Бек здесь ни при чем» (фр.).

** См. док. № 133, 203.

*** — «покаждите, я хочу сделать Вам заявление для г. Литвинова» (фр.).

**** — добрых намерений (фр.), см. прим. 87.

***** Посланник Италии в Румынии.

***** Посланник Румынии в Италии.

***** — «но он подписал, подписал!» (фр.).

Антонеску ограничился заявлением, что одной и той же глупости два раза не делают и что он получил на днях телеграмму из Будапешта от своего посланника, что в беседе с ним Канья очень резко отозвался о сербах.

Я спросил Антонеску, как обстоит дело с четверным Средиземноморским пактом.

Антонеску сказал, что это идея Араса, что возится он с этой идеей исключительно для того, чтобы ущемить французов, что отношения Анкара — Париж достигли большого напряжения благодаря затруднениям в проведении в жизнь решений, принятых по вопросу о санджаке, что Анкара угрожает применением военной силы, как он слышал. Антонеску не считает серьезным это предприятие, а рассматривает его только как средство давления на Францию.

Антонеску спросил меня, не знаю ли я чего-нибудь о Черноморском пакте *. Арас якобы, говоря об этом пакте с ним в Анкаре, ссылаясь на разговор с Титусом **, но, так как Титус имел привычку хранить у себя и возить с собой все архивы, в МИД, следовательно, никаких следов об этом не осталось. Со слов Араса Антонеску сообщил, что Болгария не встречает возражений к вхождению в этот пакт. Антонеску, с намерением меня ущемить, ехидно спрашивает, не знаю ли я чего-либо по этому поводу, учитывая, что Титулеску мне рассказывал все и секретов имел от меня гораздо меньше, чем от своих коллег по кабинету. Я сказал ему, что от министра Титулеску я ничего об этом не слышал, слышал впервые от него же, Антонеску, накануне его отъезда в Анкару, слышал, затем, что Арас запрашивал мнение Лондона по этому вопросу.

Антонеску продолжает: «Видите ли, я не хочу окольными путями получить пакт с вами. Я считаю, что настало время нам урегулировать бессарабскую проблему и одновременно наши отношения. Нужно, — говорит Антонеску, — чтобы Вы (я — М. О.) подумали над этим, чтобы г. Литвинов об этом подумал. Надо нам урегулировать наши отношения так, чтобы ни у вас, ни у нас не было больше экивоков. Смотрите, вот итальянцы признали все югославские границы, мало того, отказались от поддержки хорватов, отказались финансировать албанское фортификационное и дорожно-стратегическое строительство за пакт о дружбе и ненападении». Расхваливая этот «товар», Антонеску заканчивает: «Что Вы думаете о таком пакте? Что думает Литвинов о таком пакте?»

Я выразил сомнение, думает ли Литвинов о таком пакте, а что касается меня, мое мнение таково, что ни нам, ни румынам такой пакт не нужен и вреден. Те дипломатические акты, которые регулируют наши отношения сейчас, а именно: пакт

* См. также док. № 63, 165.

** Имеется в виду Титулеску.

об определении агрессии, обмен письмами о возобновлении отношений*, Пакт Лиги наций, при отношении наших стран к Пакту Лиги, при нашей обоюдной верности принятым обязательствам,— это все гораздо больше, чем пакт, подобный итало-югославскому. Мое мнение, говорю я, таково, что заключение такого пакта между нами в 1932 г. было бы шагом вперед в наших отношениях и вкладом в дело мира. в 1937 же году это обозначало бы шаг назад и обрадовало бы только немцев, поляков и всех врагов коллективной безопасности.

Антонеску со мной не согласился и продолжал возносить итало-югославский пакт. Потом спросил: «Почему же за этот пакт итальянцы и границы признали, и то, и другое, и третье?» — и сам же ответил: «Потому что вы договоры подписываете, чтобы их выполнять, а итальянцы и югославы — для того, чтобы выиграть время».

Я против этого определения возражать не стал. Антонеску продолжал меня тормозить вопросом: чего же мы хотим? Я сказал Антонеску, что мы ничего не хотим, что все время «хотели» румыны: по инициативе румынского кабинета и с ведома всех членов правительства Титулеску завел с нами разговоры о пакте взаимопомощи**. Переговоры эти оборвались с уходом Титулеску. По своей собственной инициативе Татареску заявил о своем желании заключить с нами такой же пакт⁸⁴... Антонеску меня прерывает: «J'en sais rien!»*** Я отвечаю: «Moi, j'en sais!»**** — и продолжаю: «И если бы румыны предложили нам возобновить переговоры, прерванные уходом Титулеску, или начать заново переговоры согласно заявлению Татареску, мы бы приняли это предложение к добросовестному изучению в духе максимальной благожелательности!».

Антонеску спросил меня снова, не известно ли мне, о чем Литвинов договорился с Титулеску по вопросу о Бессарабии? Вообще, можно ли видеть какие-нибудь тексты или формулы этих переговоров, хотя бы проектов, хотя бы и не парафированные.

Я сказал, что о существовании текстов или формул не знаю. Антонеску мне тогда сказал, что после первой встречи в сентябре с Литвиновым у него осталось впечатление, что тексты какие-то имеются*****. Он просит запросить Литвинова. Беседу Антонеску закончил заявлением, что мы к этому

* См. соответственно т. XVI, док. № 213; т. XVII, док. № 193; газ. «Известия», 10 июня 1934 г.

** См. т. XVIII, док. № 283, 295, 411, 426, 436; т. XIX, док. № 288, 309, 357.

*** — «я ничего об этом не знаю» (фр.).

**** — «зато я знаю» (фр.).

***** См. т. XIX, док. № 273, 288, а также док. № 175 настоящего тома.

вопросу вернемся здесь и что он в конце мая будет говорить по этому вопросу с Литвиновым.

Беседа на этом закончилась в 8 час. 45 мин. и продолжалась полтора часа.

М. Островский

Печат. по арх.

132. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Иденом

30 апреля 1937 г.

Иден спешно вызвал меня к себе. Когда я входил в его кабинет, то увидел, что оттуда только что вышел Риббентроп. Я сразу решил, что Иден пригласил меня в порядке какого-то большого дипломатического демарша в связи с Испанией, как это было уже однажды раньше в связи с вопросом о назначении агентов Комитета в порты и на границы. Я не ошибся.

Иден начал с того, что воздушная бомбардировка Герники поставила очень остро вопрос о бомбардировке открытых городов в Испании. В интересах объективности он должен сказать, что воздушные налеты на открытые города практикуются в испанской войне не только мятежниками, но и республиканцами. Он привел в пример происходившую дня за два перед тем бомбардировку города Мотриль (около Малаги), находящегося в руках Франко. Сбрасывание бомб на мирное население, к сожалению, является общим злом для обеих сторон в испанской войне. Британский кабинет вчера и сегодня имел суждение по данному вопросу и пришел к выводу, что надо принять какие-либо меры против все возрастающего зла. У него, Идена, имеется такая идея: Комитет по невмешательству должен обратиться с призывом к обеим сторонам прекратить воздушные бомбардировки открытых городов. Можно было бы составить список таких открытых городов, неприкосновенных с воздуха, где были бы сконцентрированы женщины, дети, старики — вообще некомбатанты. Иден в разговоре с Плимутом высказал последнему свою мысль. Плимут, однако, возразил, что если поставить такой вопрос на обсуждение Комитета без подготовки, то не получится ничего, кроме острой полемики и взаимных обвинений между представителями различных стран. Ввиду этого Иден решил произвести необходимую подготовку. Он уже беседовал с Корбеном, Гранди и Риббентропом о своем плане. Корбен полностью согласен, первая реакция Гранди и Риббентропа в общем благоприятная, и они обещали снестись со своими правительствами. Что думаю я по затронутому им вопросу? Он хотел бы надеяться, что, когда Плимут внесет от имени британского

правительства соответственное предложение, я окажу со своей стороны возможное содействие в его срочной реализации.

Я ответил, что Советское правительство всегда самым энергичным образом стремилось к сокращению тех страданий, которые приходится переносить во время войны гражданскому населению, в особенности женщинам и детям. Поэтому я готов целиком поддержать английское предложение. Однако я тут же должен высказать серьезные сомнения в возможности его реализации. Я не думаю, чтобы Германия и Италия действительно согласились отказаться от применения воздушных бомбардировок, и они легко смогут саботировать британское предложение, ссылаясь на то, что понятие открытый город очень трудно определить, что всякий населенный пункт, признанный не подлежащим бомбардировке, будет использован республиканцами для военных целей и т. д. Я готов принять активное участие в попытке что-либо сделать для смягчения ужасов воздушных бомбардировок, но мне плохо верится в то, чтобы в сложившихся обстоятельствах такая попытка могла бы быть успешной*.

Иден ответил, что он прекрасно сознает всю силу моих аргументов. Он должен откровенно заявить, что еще не имел времени как следует продумать и разработать свой план. Это пока лишь сырая идея. Комитет должен продумать и отшлифовать ее. Но он все-таки считает своим долгом сделать все, что возможно, для сокращения жестокостей и страданий, приносимых гражданской войной в Испании. В этой связи Иден сообщил мне, что сегодня британское правительство решило оказать охрану судам, вывозящим женщин и детей из Бильбао. «Вы видите,— прибавил несколько извиняющимся тоном Иден,— что мы вовсе не так уж плохи!»

Я отвечал: «Для нас, иностранцев, особенно неприятно то, что в вашей испанской политике нет ясности и устойчивости». И в качестве примера я привел ответ, данный Иденом накануне в парламенте в связи с запросом о бомбардировке Герники. В этом ответе Иден, желая показать максимум «объективности», постарался провести знак равенства между республиканцами и мятежниками и поставил на одну доску зверства в Гернике с обычным в военных условиях обстрелом Мотриля республиканскими аэропланами. «Разве это справедливо?» — спрашивал я Идена. Иден оправдывался, доказывая, что для Англии чрезвычайно важно сохранить позицию нейтральной державы, в том числе и в глазах мятежников, ибо это облегчит в дальнейшем ликвидацию гражданской войны в Испании. Было ясно, что Иден носит с идеей возможности окончания этой войны путем какого-либо компромисса.

* См. док. № 144.

Я обратил внимание Идена на то, что единственно важный вопрос, стоящий в порядке дня Комитета, — вопрос о выводе из Испании волонтеров не находит достаточного внимания в Комитете и затирается разными мелкими и малосущественными вопросами. Разработка данной проблемы пока идет очень медленно. Не может ли Иден сделать что-либо для ее ускорения? Иден реагировал очень живо. Он заявил, что, подобно мне, считает этот вопрос действительно основным в работе Комитета и даст Плимуту указание всячески его стимулировать и продвигать. Он как раз хотел справиться сегодня у Плимута о том, как идут дела с обсужденным вопросом об эвакуации волонтеров, но забыл, когда с ним разговаривал. Очень хорошо, что я ему напомнил. Иден тут же взял листок бумаги и сделал соответствующую отметку.

Я встал и начал процаться. Иден был сильно взволнован во время всего разговора со мной, и сейчас это волнение в очень яркой форме вылилось наружу. Пожимая мне руку, Иден воскликнул: «Эта испанская война доводит меня до сумасшествия, можно просто прийти в отчаяние. Нечего сказать, хорошая иллюстрация к цивилизации XX века!»

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

133. Письмо Полномочного Представителя СССР в Румынии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

1 мая 1937 г.

Уважаемый Максим Максимович.

Кроме того, что я Вам телеграфировал о визите Бека *, никаких новых данных у меня нет. Это надо объяснить, кроме всего прочего, главным образом тем, что приезд Бека совпал с предпасхальным разездом и к отъезду Бека Бухарест был уже почти пуст.

Это обстоятельство меня заставляет предположить, что официальная версия о свалившемся на Бухарест как снег на голову Беке — вздор, и что дата визита была заблаговременно установлена обеими сторонами, и что она была намечена на 22—25 апреля именно в учете того обстоятельства, что в это время Бухарест пустеет и что больше шансов сохранить тайну.

В результате этого визита у меня создалось впечатление, что и на нем лежит каннова печать раздвоения Румынии между ее желаниями и возможностями. Личность Кароля, а он только и решает, сама за себя говорит, что надо было бы рас-

* См. также док. № 124, 131.

пространяться о его желаниях. Положение же Румынии ставит очень узкие пределы ее возможностям.

Нет никакого сомнения, что лиризм Бека о «поколении, которое перенесло войну и поэтому слишком верило в Лигу наций, теперь находится в поисках других дипломатических и политических методов», нашел, и в этом можно не сомневаться, сердечный отклик и у Татареску, и у короля в особенности. Возможности же продиктовали румынам необходимость выпятить на общее обозрение свою «верность Лиге наций и всеобщей безопасности через широкое и длительное соглашение всех народов».

Договориться с Италией и Германией, смягчить напряженность отношений с Венгрией соответствует давним желаниям румынской клики. Возможности, вытекающие из нынешнего положения этих стран, из отношения Франции к этим стремлениям Румынии, из зависимости Румынии в вопросах вооружения от Франции и Чехословакии, весьма мало благоприятны для немедленного выполнения румынских желаний.

Стереть с лица земли СССР или по меньшей мере освободиться от полпредства в Бухаресте — сокровеннейшее желание короля. И в этом вопросе возможности румын, как Вы знаете, чрезвычайно ограничены, мягко выражаясь.

Благодаря этому несоответствию между «желаниями» и «возможностями» задача Бека — этим визитом завершить процесс «югославизации» Румынии — должна считаться невыполненной. Румыны были явно заинтересованы в том, чтобы мир знал, что между Польшей и Румынией существует единое мнение только в вопросах, касающихся польско-румынского союза, но что они, румыны, верны своим обязательствам как члены Лиги наций, что они против одностороннего соглашения с Венгрией, что они против антисоветской политики и т. д.

Все это известно сейчас всем и очевидно, сделалось известным не без содействия правительства. Однако надо сказать, что не то самое интересное, что мы знаем. Не надо забывать, что Бек имел только одно свидание с Антонеску и три свидания с королем в присутствии Антонеску и Татареску. Едва ли можно допустить, что во время этих бесед король увещевал заблудшую овцу, Бека, вернуться на путь жепевской истины.

Что говорилось на этих свиданиях, мне еще не известно, но а priori можно предположить, что на этих свиданиях обсуждалась подготовка к тому моменту, когда можно будет действовать не соответственно своим возможностям, а отдавшись своим желаниям.

Я полагаю, что между 5 и 10 мая, т. е. между концом пасхи и праздником независимости, нам удастся выяснить все des-sous * визита Бека — то ли ввиду того, что Бухарест на неделю

* — закулисные стороны (фр.).

весь съедется, то ли визит покажет к тому времени какие-нибудь последствия.

Перед тем как закончить, я считаю небезынтересным сообщить, что польско-румынская идиллия прерывалась некоторыми *intermezzo* со стороны французов и чехословаков. Так, Тьерри *, по простой ли случайности или по велению Парижа, как раз в период визита справлялся у Антонеску о ходе итальянских переговоров, причем сообщил Антонеску, что Париж не очень благожелательно относится к этой инициативе Бухареста, считая ее не самой счастливой. Учтите, что Ирмеску, министр авиации, к этому времени едва вернулся из Парижа, где он завершал переговоры с Котом ** о воздушных заказах. Одновременно Тьерри счел необходимым осведомить Антонеску о том интересе, который Париж проявляет к переговорам с Москвой.

С чехами было дело серьезнее. Из телеграмм, переданных ТАСС, Вы знаете, что румынское правительство заключило несколько соглашений с немцами общей сложностью на 5 млрд. лей; [они] сводятся к тому, что немцы поставляют на эту сумму оборудование для заводов, а румыны платят нефтью, и хлебом, и лесом.

Из этих 5 млрд. один миллиард падает на сделку полуправительственной фирмы «Римма» с «Отто Вольф» на расширение и оборудование сталелитейного завода в Хунедоара. Гвоздь этой сделки заключается в том, что этот завод расположен рядом с артиллерийским и пулеметным заводом [в] Куджире, который оборудуют чехи и на котором они, чехи, будут изготовлять вооружение для румын и для себя (последнее на случай войны). Завод в Хунедоара (немцы) является соседом и поставщиком завода в Куджире (чехи), и чехам это не нравится. На приеме у Антонеску в честь Бека поверенный в делах Чехословакии осведомил министра, что, «если сделка с немцами по Хунедоара состоится, чешские промышленники поручили ему заявить здесь, что они встретят почти непреодолимые затруднения в выполнении соглашения Бадулеску ***». То же заявление начальнику генштаба Сикитиу сделал одновременно майор Буда, чешский военный атташе. Вчера, 30 апреля, су-секретаря **** национальной обороны генерала Глаца (немецкий человек) посетила делегация чешских офицеров во главе с майором Будой и повторила ему те же заявления. У меня есть сведения, что чехами принято решение воздержаться от поставок до решения вопроса о Хунедоара и что в конце мая приезжает Виала, генеральный директор «Шкоды», для переговоров.

* Посланник Франции в Румынии.

** Министр авиации Франции.

*** Заместитель министра иностранных дел Румынии.

**** — заместитель статс-секретаря (фр.).

Мы не только не скрывали, но открыто манифестировали наше настороженное, чтобы не сказать более, отношение к визиту Бека, и перед Антонеску и другими членами правительства, — отношение, которое, как убедились румыны, не могло быть ликвидировано полупредложением не то пакта о взаимопомощи, не то пакта о дружбе*.

Все эти сопутствовавшие визиту Бека обстоятельства не могли подбадривать румын на завершение именно теперь процесса «югославизации» своей внешней политики, что бесспорно имел в виду Бек своим визитом. Сделали ли румыны шаг вперед в этом направлении, остались ли на своем антонесковском месте — скоро видно будет.

При этом суммарном обзоре нельзя ни на одну минуту упустить из виду следующего:

Во внутренней политике — политика Татареску улещивания короля и его диктаториальные тенденции привели к такому усилению значения «железной гвардии» (случай с принцем Николае), что она, «железная гвардия», представляет сейчас реальную угрозу для страны, режима и короля; король и Татареску принуждены были начать борьбу против этой опасности и, хотят ли они этого или не хотят, ее продолжать. Пример: последний приговор суда по делу убийства Стелеску⁸⁵.

Во внешней политике — концепция Антонеску «быть в хороших отношениях со всеми», камуфлировавшая волю короля подготовить почву для прихода на новые, немецко-польские рельсы, была раскрыта, и сейчас официальная Румыния стоит голая: не успев и не сумев обеспечить к сегодняшнему дню этот переход, она уже озлобила своего соседа (и какого!), вызвала недовольство и подозрительность Чехословакии и Франции; не успев покрыться новыми одеждами, она уже разоблачена.

Париж это манифестирует здесь заявлениями Тьерри и блестящим, министерским, демонстративного порядка приемом Титулеску в Париже. Это одновременно взбесило Антонеску, но и заставило его и кабинет подумать.

И наконец, Каммингс, директор «Ньюс кроинкл», в беседе с королем ему заявил, что английское общественное мнение одобряет вооружение своей страны, потому что оно, вооружение, главным образом направлено против Германии, и развил ему идею вероятного сотрудничества [по] линии Лондон — Париж — Москва.

Все эти обстоятельства дают основание французскому посланнику говорить о явно намечающемся шаге Румынии назад от Антонеску к Лиге наций, к своим союзникам, от Италии, от Югославии, от Германии к Советскому Союзу.

* См. док. № 131.

Я полностью разделял точку зрения француза на нынешнее внешнее и внутреннее положение Румынии, которая сходна с тем определением этапа, переживаемого ныне Румынией, которое мною было дано как в беседе с Вами, так и в моем сообщении правительству, тем не менее я не мог бы [на] сегодняшний день подписаться под таким категорическим определением француза. Чем бы ни кончился визит Бека, но этот визит доказывает, что немцы дерутся за Румынию и будут за нее драться.

Это предполагает и нашу серьезную работу здесь, ибо одно бесспорно: борьба за Центральноевропейский бассейн вошла в решающую фазу, и в этой борьбе исход борьбы за Румынию будет иметь решающее значение.

М. Островский

Р. С. Сообщая, порядка ради, полученное мною только что следующее сообщение:

В переговорах с королем и Татареску Бек поставил вопрос о включении в румыно-польский союзный договор параграфа, запрещающего Румынии (очевидно, обемм сторонам.— М. О.) пропускать через свою территорию какие бы то ни было иностранные войска без предварительного разрешения Польши (очевидно, без разрешения другой стороны.— М. О.). Предложение это румынским правительством принято не было, и вопрос остался открытым. Этот вопрос обсуждался в течение двух бесед. Несмотря на то что эта информация мною получена из источника, внушающего доверие, она нуждается в серьезной проверке.

М. Островский

Печат. по арх.

134. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкнну

2 мая 1937 г.

Глубокоуважаемый Владимир Петрович,

1. За последние три недели дипломатическая активность итальянской внешней политики достигла небывалых размеров. Свидание Муссолини с Шушнгом в Венеции, свидание Муссолини с Герингом в Риме*, поездка Чиано в Тирану, приезд 3 мая в Рим Нейрата, переговоры с Румынией — таков внешний баланс этой активности. Попытаюсь анализировать результаты этой лихорадочной деятельности итальянской дипломатии.

2. Основными проблемами в итальянской внешней политике за последнее время являются, бесспорно, следующие: проблема испанской интервенции, с одной стороны, и сколачива-

* См. док. № 128, 130.

ние какого-то нового блока государств юго-востока Европы под эгидой Италии — с другой. Обе эти задачи решаются итальянской дипломатией в тесном контакте с Германией, причем всяческое усиление оси Берлин — Рим является отнюдь не самостоятельной задачей, а скорее средством, помогающим, по мнению итальянского правительства, в разрешении жизненных для Италии проблем.

Прежде всего считаю нужным обратить внимание на внешнюю сторону усиления блока Рим — Берлин. Поездки германских государственных деятелей в Италию за последнее время сыплются как из рога изобилия. Только что был Геринг, через неделю после него Нейрат, в мае ожидается приезд фельдмаршала Бломберга, ставится и уже, вероятно, разрешен вопрос о свидании Муссолини с Гитлером⁸². Здесь справедливо говорят о том, что при всем желании обеих сторон разговаривать об итало-германских отношениях для всех разговоров не хватило бы конкретных тем. Совершенно очевидно, что все эти визиты отнюдь не являются деловыми встречами. Можно считать установленным, что основная цель этих визитов и контрвизитов заключается в продолжающейся психологической атаке, направляемой, и притом с обеих сторон, на Англию. Англия должна, во-первых, поверить в действительную прочность и солидность оси Рим — Берлин, а во-вторых, наконец испугаться и сделать из этого испуга надлежащие выводы. Об этих выводах, несомненно, мечтает каждый из партнеров римско-берлинского блока.

3. В связи с приездом Нейрата и в особенности Бломберга итальянцы распускают слухи о предстоящем заключении формального военного союза между Италией и Германией.

Я уже Вам телеграфировал заявление германского посла Хасселя по этому поводу⁸³. Я считаю это заявление относительно того, что Берлин не намерен заключать военный союз с Римом, правильным. Прежде всего следует иметь в виду, что Хассель это сказал одному своему близкому приятелю — немцу, который пользуется его доверием. То же самое мне на днях сказал чешский военный атташе генерал Клецанда на основании своей информации. Таким образом, вряд ли здесь была дезинформация. С другой стороны, это и политически правдоподобно. Одно дело — устраивать демонстрации с визитами и тем пугать Англию, а другое дело — связываться формальным военным союзом с государством, которому Германия не верит и об армии которого немцы весьма невысокого мнения. К тому же основной целью Германии все же продолжает являться соглашение с Англией. Военный союз с Римом сделал бы такое соглашение невозможным.

4. По телеграфу я передал основные результаты свидания в Венеции между Муссолини и Шушнимгом. Вся моя дальнейшая информация подтвердила и продолжает подтверждать

правильность выводов, сообщенных Вам. Италия в Венеции играла роль германского агента. Муссолини совершенно недвусмысленно дал понять Шушнигу, что последнему нечего рассчитывать на Италию в его борьбе против Германии. Давая советы Шушнигу всячески идти навстречу германскому агрессору, Муссолини действовал из следующих соображений: Италия ни сегодня, ни завтра не сможет противодействовать гитлеровским планам поглощения Австрии. Она слишком слаба для этого, слишком увязла в Испании, слишком увязла в Абиссинии и в проблемах безопасности на Средиземном море, слишком связалась с Германией, для того чтобы иметь возможность воспрепятствовать Гитлеру забрать Австрию, когда он найдет это нужным. Вся задача итальянской политики в этом вопросе заключается в максимальном выигрыше времени и оттяжке, насколько только возможно, момента аншлюса, который Муссолини считает неизбежным. Само собой разумеется, что он предпочел бы, чтобы этот аншлюс не был проведен формально или в форме какого-либо путча. В обоих этих случаях полная бездеятельность Италии лишь демонстрировала бы перед всем миром ее слабость. Вот почему Муссолини добивался и, по-видимому, добился от Гитлера обещания, что аншлюс будет проводиться, так сказать, «холодным способом» и будет совершен де-факто, а не де-юре. Это обстоятельство позволит Муссолини не обнаруживать своей слабости в глазах мира, а с другой стороны, при всяческой оттяжке и постепенности даже фактического аншлюса, позволяет надеяться, что мировая конъюнктура может измениться и что при таком изменении, может быть, окажется возможным вернуть Австрию в будущее в орбиту итальянской политики. Так или иначе, повторяю, в Венеции Муссолини отказался помогать Шушнигу в его противодействии гитлеровской агрессии и всячески советовал последнему умеренность и соглашение с Берлином, обещая в этом случае, что аншлюс не будет проведен формально.

5. Не лишена интереса история с опубликованным Гайдой сообщением о решении Шушнига постепенно ввести в состав своего кабинета представителей «наци»*. Вы уже знаете, какой скандал разыгрался по этому поводу. Шушниг был безумно раздражен этим поступком Гайды не потому, что последний сообщил неправду, а именно потому, что он сообщил правду, и притом раньше, чем об этом узнала сама Австрия. Согласно моей информации, Гайда получил это сообщение лично от Чяно. Последний терпеть не может Шушнига, который ему платит той же монетой. Вообще, как мне передают, Муссолини в последнее время не очень доволен фанатическим германо-

* См. газ. «Известия», 27 апреля 1937 г., газ. «Правда», 26 и 29 апреля 1937 г.

фильством Чиано, который превосходит в этом направлении все границы. Конечно, не следует из этого делать выводы (которые здесь делают некоторые члены дикорпуса) о «разногласиях» между Муссолини и Чиано. Об этом смешно говорить, поскольку политика делается Муссолини, и только им одним, но все же это обстоятельство (фанатическое германофильство Чиано) не следует упускать из виду.

6. Одним из советов Муссолини — советов, которые даже нашли свое отражение в коммюнике, явился запрет Австрии продолжать начавшееся ее сближение с Чехословакией. И этот запрет целиком и полностью подтверждает роль германского агента, которую в Венеции играл Муссолини. Сближение Австрии с Чехословакией может пугать Берлин, поскольку в перспективе такого сближения Австрия будет склоняться через Чехословакию к французской ориентации. Это сближение неприятно Берлину, поскольку таким образом Чехословакия уходит от той изоляции, в которую ее загоняет Берлин при помощи Рима.

Если результаты венецианского свидания являются бесспорными, поскольку речь идет о политике Италии, то является весьма спорным, последует ли Австрия всем тем советам, которые ей преподнесли в Венеции. Это, конечно, виднее из Вены, нежели из Рима. Однако уже сейчас я могу отметить, что все здешние знатоки Австрии уверяют меня о небывало поднявшейся волне ненависти к итальянцам в Австрии. Хвалковский, например, сказал мне, что после свидания в Венеции австрийцы официально заявили в Праге, что их линия на сближение с Чехословакией будет продолжаться вопреки итальянским советам. С другой стороны, здесь подтверждают, что австрийский статс-секретарь по иностранным делам Шмидт на днях выезжает в Париж и Лондон, где он будет искать поддержку против Берлина, разувверившись в какой-либо итальянской помощи.

7. К сожалению, весьма скудная информация имеется по поводу свидания Муссолини с Герингом. Как итальянцы, так и немцы по этому поводу отвечают весьма уклончиво. К тому, что я передал по телеграфу, в данный момент ничего добавить не могу. Хассель в разговоре с несколькими моими коллегами утверждал, что ничего конкретного во время этого свидания не было решено и что оба собеседника ограничились лишь общим тур д'оризоном*. В частности, утверждают, что и по ианболее важному и актуальному вопросу — о дальнейшей политике в Испании — тоже ничего конкретного не было решено. Мы продолжаем усиленную работу в этом вопросе, и, если будут какие-либо результаты, Вы их узнаете по телеграфу.

* — обзором (фр.).

8. Я уже Вам сообщал о том, что Италия, констатируя невозможность для себя продолжать борьбу за влияние в Австрии и Венгрии, концентрирует в настоящее время усилия для создания второй линии защиты против влияния своего германского друга. Эта линия защиты должна пройти по границе Балканской Антанты и создать для Италии сферу влияния в виде всего Балканского полуострова. С этой целью сейчас, вслед за договором с Югославией *, ведутся переговоры о подписании такого же договора с Румынией. Об этих переговорах я сегодня Вам послал подробнейшее сообщение ⁵⁷. Об этой тенденции итальянской политики удалиться на Балканы, оставив Германии Австрию и Венгрию и помогая Берлину изолировать Чехословакию, а потом, возможно, и поглотить ее, подтверждают все мои собеседники, как Друммонд, Лугошнани, Хвалковский и др. Однако все перечисленные собеседники уверяют, что эта новая линия итальянской политики пока концентрируется лишь на усилиях добиться соглашения с Румынией. Все они в один голос утверждают, что им ничего не известно о переговорах относительно Средиземноморского пакта между Италией, Югославией, Грецией и Турцией. Из последнего письма М. М. [Литвинова] в Прагу ⁵⁸ я вижу, что первоначальные сведения по поводу якобы ведущихся переговоров относительно этого пакта в дальнейшем не подтвердились (о чем я также телеграфировал). Это отнюдь, конечно, не значит, что подобная средиземноморская комбинация с исключением Франции и Англии не является ближайшим планом итальянской политики, за этим нужно будет следить. Отмечаю, что, когда в разговоре с Друммондом сообщил об имеющейся у меня информации на этот счет, он хотя ее и не подтвердил, однако обнаружил известное беспокойство по этому поводу.

9. В данный момент испанский вопрос продолжает играть в итальянской внешней политике едва ли не главную роль. Я неоднократно сообщал Вам о нарастании внутренних трудностей в связи с продолжением итальянской вооруженной интервенции в Испании. Все эти сообщения отнюдь не имеют целью доставить лишь материал для нашей печати. Таково действительное положение вещей. Однако Италия увязла в Испании, и прекратить вооруженную интервенцию для нее не так просто. Первоначальные прогнозы относительно того, что после поражения при Гвадалахаре Муссолини, движимый своей мегаломанией и обостренным чувством престижа, открыто пошлет в Испанию большое количество войск и военных материалов и рискнет таким образом формально нарушить лондонское соглашение **, не сбылись. С другой стороны, несомненным фактом является, что помощь Франко с момента введения кон-

* См. газ. «Известия». 27 марта 1937 г.

** См. т. XIX, док. № 249.

троля сделалась все же по необходимости меньше и проводится сейчас далеко не такими темпами, как до введения контроля. Наконец, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что итальянцы сами распространяют сообщения о готовности найти какой-то компромисс по испанскому вопросу. Я считаю, что все разговоры Друммонда на эту тему, о которых сообщал по телеграфу⁸³, отнюдь не являются его частным делом, хотя он и облекает их в подобную форму. Несмотря на последние успехи мятежников в районе Бильбао, здесь, как мне передают серьезные собеседники, весьма обеспокоены относительно дальнейшего хода военных событий. Как-никак, через два с половиной месяца минет год с начала вооруженной интервенции в Испании. Этот год обошелся истощенной итальянской казне в такую сумму, которая ей не по карману. Не следует забывать, что дефицит открытого итальянского бюджета сейчас составляет 3,5 млрд. лир, а с момента уже объявленного увеличения заработной платы этот дефицит перешагнет за 4 млрд. Только что опубликованы цифры по внешнему торговому балансу за первый триместр 1937 г., и этот баланс обнаружил огромный дефицит.

10. В отношениях с Англией и Францией за последние три недели не произошло каких-либо существенных изменений. По-прежнему эти отношения продолжают оставаться напряженными и перспектив их улучшения не видно. По-видимому, итальянцы потеряли надежду на возможность ликвидации абиссинского вопроса на майской сессии Лиги наций. Мне думается, что англичане, вопреки прежним намерениям в этом вопросе, также будут против ликвидации абиссинской проблемы на майской сессии Лиги. Я знаю, что английские доминионы решительно возражают против признания итальянской империи в Абиссинии. Мне передавали, что на предстоящей сейчас же после коронации в Лондоне имперской конференции доминионы весьма резко поставят этот вопрос.

11. В итало-советских отношениях тоже не произошло ничего нового за последние три недели. На днях я был у Бастианини* (визит вежливости, который я нанес ему после приезда из Москвы). Об этом свидании я не считал нужным Вам сообщать по телеграфу, поскольку разговор был совершенно бессодержательный. Впрочем, Бастианини весьма мало осведомленный человек. Поддерживаю с ним контакт, поскольку он держится по отношению к нам весьма корректно и помогает в ряде конкретных вопросов. У Чиано я еще не был и не спешу к нему. Повидаю его после моего возвращения из Женевы, куда еду для участия в контрольной комиссии.

Для меня являются абсолютно непонятными неоднократные заявления Россо относительно якобы наметившегося улуч-

* Заместитель министра иностранных дел Италии.

шения итало-советских отношений. Такое заявление Росо делал М. М. в феврале — марте. Это же самое он сказал мне перед моим отъездом из Москвы. Наконец, в последней записи разговора М. М. с ним от 20 или 21 апреля я опять вижу эту же тему⁶⁹. На мой вопрос, обращенный к Росо, в чем же он видит эти признаки, Росо сослался на свои «ощущения». Не понимаю, что это все значит, принимая во внимание, что Росо толковый человек. Как Вы знаете, никакого улучшения и в помине нет. Оно, конечно, невозможно до тех пор, пока будут продолжаться испанские события.

12. В протокольных делах итальянцы продолжают вести себя по-хамски, отказываясь приходить в полпредство, чиня нам всевозможные шиканы и т. д. На мой последний обед в числе прочих был приглашен помощник заведующего протокольным отделом Читтадини. Он в письменном виде согласился принять приглашение, а за 15 минут до обеда, когда уже все гости собрались, позвонил по телефону с кратким сообщением, что он не будет, не потрудившись даже по этому поводу написать мне письмо с извинениями.

Я продолжаю считать, что протокольная практика у нас в Москве должна учитывать поведение итальянцев в Риме и платить им той же монетой.

С тов. приветом

Б. Штейн

Печат. по арх.

135. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Финляндии, Норвегии, Дании и Временному Поверенному в Делах СССР в Швеции

3 мая 1937 г.

1. О конференции Скандинавских государств в Хельсинки мы пока располагаем лишь отрывочной информацией, в основном из прессы.

По всем данным, основным вопросом конференции было обсуждение условий, которые могут сложиться для Скандинавских государств в случае возникновения войны, а также проблемы сотрудничества этих государств во время войны (вопросы обеспечения нейтралитета, взаимного снабжения и т. п.). В этой же связи обсуждался вопрос конвенции о взаимном обмене информацией относительно вооружений и контроля над торговлей и производством оружия. Хотя конференция * никаких конкретных решений в этом направлении не вынесла, все же имеется основание расценивать итоги конференции как

* В документе ошибочно — конвенция.

шаг, направленный к углублению сотрудничества «четырех северных стран».

По сведениям, полученным из Хельсинки, конференция продемонстрировала дальнейшее укрепление сближения Финляндии со Скандинавией, причем этому более тесному сближению способствовало в основном улучшение отношений между СССР и Финляндией, наметившееся после поездки Холсти в Москву*. Это улучшение советско-финских отношений рассеяло сомнения скандинавов относительно внешнеполитической ориентации Финляндии.

2. Крепнущая в Скандинавских странах тенденция к усилению вооружений и заключению оборонительного союза северных стран вызвана несомненно опасениями германской агрессии. Эта тенденция к заключению на севере Европы регионального соглашения, основанного на принципе коллективной безопасности, объективно направлена против вероятного агрессора (Германии) и с нашей стороны может встретить лишь сочувственное отношение. Правда, этой тенденции противостоят угодническая в отношении Германии политика Дании и нелепо пацифистская установка норвежского правительства. Тов. Асмус сообщает, что, по имеющимся у него данным, на конференции был оказан известный нажим на датского министра иностранных дел Мунка, который якобы уехал с значительно «окрепшими настроениями»**. Упомянутый нажим, очевидно, связан с теми неблагоприятными откликами, которые в Скандинавии и Финляндии вызвала известная речь Стаунига в Лунде***. Вероятно, Мунку пришлось на конференции несколько смягчить декларированное Стаунигом резко отрицательное отношение Дании к идее военного сотрудничества северных стран. Но на серьезное изменение внешней политики Дании пока вряд ли можно рассчитывать.

Все же весьма характерно, что конференция в Гельсингфорсе имела плохую прессу в Германии.

3. Для дальнейшего развития сотрудничества Скандинавских государств в указанном направлении решающее значение будет иметь в первую очередь позиция Англии. Пока Англия не проявила серьезного намерения способствовать объединению Скандинавских государств на эффективной основе. В частности, ее торговая политика в отношении Дании прямо способствовала растущей зависимости последней от германского рынка.

Между прочим, по сообщению из Стокгольма, Англия будто бы высказывается против придания универсального характера обсуждавшемуся в Хельсинки проекту конвенции четы-

* См. док. № 40.

** См. док. № 147.

*** См. док. № 97.

рех северных стран о взаимной информации о вооружениях и контроле над торговлей и производством оружия. При такой позиции Англии можно полагать, что этот проект останется на бумаге.

4. В этой связи определенный интерес представляет также информация, полученная из Гельсингфорса в связи с визитом в Финляндию латвийского министра иностранных дел Мунтерса. Тов. Асмус сообщает, что официальные финляндские круги, в частности Холсти, считают, что германофильский курс правительства Ульманнса потерпел неудачу ввиду углубляющихся в Латвии резких антинемецких настроений и что в связи с этим положение Мунтерса, удерживающегося на своем посту лишь благодаря поддержке Ульманнса, весьма непрочное. Латвия в настоящее время делает попытки сблизиться со Скандинавией, но последняя к этим попыткам относится весьма прохладно.

5. Для Вашего личного сведения сообщаю, что между 5 и 10 июля в Москву с официальным визитом приезжает шведский министр иностранных дел Сандлер*.

Зам. Наркома
В. Потемкин

Печат. по арх.

136. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

4 мая 1937 г.

На Вашу телеграмму от 2 мая³. За время с 30 октября по 10 апреля с. г. зарегистрировано 84 случая задержки советских судов мятежниками: 74 — в районе Гибралтара, 5 — у северо-западных берегов Испании и 5 — в Средиземном море. Теплоход «Комсомол» был потоплен, а команда интернирована. Пароход «Смидович» заведен в порт [Эль-] Ферроль, груз конфискован, и команда интернирована. 21 судно были остановлены в пути, обысканы, но без захода в порты мятежников. 52 судна заведены в Сеуту и другие порты на срок до суток и после обыска отпущены. 9 судов были заведены в порты мятежников, задержаны на несколько суток и отпущены после обыска.

Из указанных судов только «Смидович» направлялся в Испанию с грузом продовольствия. Остальные суда следовали не на Испанию.

Потемкин

Печат. по арх.

* См. док. № 235.

137. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу *

4 мая 1937 г.

Дорогой Яков Захарович,

Благодарю Вас за подробную передачу содержания Вашего интересного разговора с Франсуа-Понсе⁹⁰. Должен сказать, что я несколько скептически отношусь к заявлениям этого дипломата, говорящим о его положительном отношении к франко-советскому сотрудничеству и к пакту 2 мая **. Тем не менее далеко не бесполезными являются его советы касательно установления Вами некоторых личных связей в Париже.

Со своей стороны хочу кратко информировать Вас о некоторых сообщениях, сделанных мне Кулондром после его возвращения из Парижа.

1. Технический контакт французского и советского генштабов ***. Из моих устных сообщений и краткой записки, переданной Вам в Берлине, Вы знаете, какова последняя стадия наших разговоров с французами по этому предмету. Перед самым моим отъездом Дельбос заявил мне, что в ближайшее время должно состояться совещание заинтересованных членов правительства по вопросу об установлении нормального контакта между генштабами СССР и Франции и об официальном поручении тому или другому представителю французской стороны начать переговоры с нами в Москве или в Париже. По словам Дельбоса, упомянутое совещание должно было состояться немедленно по возвращении в Париж морского министра, участие которого в обсуждении данного вопроса было признано необходимым.

С тех пор прошло свыше двух недель. Обещанное Дельбосом совещание пока еще не состоялось. Кулондр, беседовавший по этому вопросу с Блюмом, Дельбосом, Котом и Даладьё, сообщил мне, что имеется решение обсудить указанный выше вопрос во всем объеме и при полном составе правительства. Посол подчеркнул, что правительство намерено покончить с попытками повести с нами переговоры в порядке инициативы отдельных министерств, имеющих отношение к национальной обороне. Признано необходимым иметь единодушное мнение правительства по всей совокупности проблемы для того, чтобы при положительном отношении кабинета к вопросу о контакте наших штабов снабдить соответственными полномочиями достаточно авторитетное лицо или группу лиц, долженствующих вступить с нами в переговоры. Признаюсь, я далеко не уверен в том, что сообщение Кулондра сигнализирует действительное

* В апреле 1937 г. назначен полпредом СССР во Франции.

** См. т. XVIII, док. № 205.

*** См. док. № 50, прим. 31.

движение интересующего нас дела вперед. Возможно, что, как раз наоборот, широкое обсуждение вопроса в полном составе правительства вскроет известные разногласия и создаст новые затруднения на пути к практическому осуществлению контакта наших штабов. При таких условиях вполне естественно, что я рекомендовал т. Гиршфельду в Париже отнюдь не форсировать всего этого дела, между прочим и для того, чтобы не создать у французов впечатления нашей особой в нем заинтересованности. Когда т. Гиршфельд сообщил мне о своем намерении в ближайшие дни посетить Даладьё и Дельбоса, чтобы произвести у них новый зондаж, я телеграфно посоветовал ему воздержаться от таких разговоров.

2. Кулондр рассказал мне, что Шотан подтвердил ему свое намерение⁹ посетить осенью СССР и что такое же намерение имеется у Поля Рейно. И тот и другой государственные деятели представляют для нас большой интерес. Когда Вы будете в Париже, Вы сможете по установлению с ними контакта подействовать осуществлению их мысли, которая и здесь, в Москве, найдет сочувствие и поддержку. Максим Максимович [Литвинов] считает приезд Поля Рейно весьма для нас желательным.

Ограничиваюсь этой краткой информацией, откладывая на последующее время более обстоятельную корреспонденцию с Вами.

С товарищеским приветом

Потемкин

Печат. по арх.

138. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Сато *

5 мая 1937 г.

Я у министра иностранных дел г. Сато по его вызову. Министр сообщил мне, что он рад уведомить меня о предоставлении т. Козловскому запрошенного нами 20 апреля агремана **. При этом министр как бы вскользь отметил, что «только 3 мая состоялось решение двора по этому вопросу».

Вслед за этим Сато сказал, что он хотел бы обменяться со мной мнениями по вопросу о пограничных комиссиях. Он считает, что основными вопросами являются именно те два, о которых мы говорим все время, т. е. вопрос о составе комиссий по урегулированию конфликтов и о «гарантии Японией мира на существующих границах».

Сато сказал, что он беседовал с заинтересованными в наших отношениях ведомствами и учреждениями и считает, что

* Из дневника К. К. Юренина за период с 13 апреля по 15 мая 1937 г.

** См. док. № 116.

известная мне точка зрения японского правительства в вопросе о составе комиссий по урегулированию конфликтов является правильной и отражает истинные интересы Японии и Маньчжоу-Го, не противореча в то же время и интересам СССР.

В ответ на установленные аргументы Сато сказал, что он готов предложить в качестве компромисса такую комбинацию: японо-маньчжуры и мы получаем в комиссиях количественно равное представительство, скажем, в комиссии будут 6 представителей СССР и 6 японо-маньчжуров, при этом 3 маньчжура будут представлять Маньчжоу-Го как независимое государство и 3 японца — Японию, таким образом сохранится количественное равенство представительства с качественной поправкой на формальное участие в составе комиссии Маньчжоу-Го и Японии. Я отклонил подобное предложение, заявив, что оно по существу не меняет дела, что для нас вопрос заключается в том, что мы не можем признать за японо-маньчжурами двойного представительства. Граница одна, и комиссия должна состоять из представителей Маньчжоу-Го и СССР, но, учитывая специальные интересы Японии в Маньчжоу-Го, мы не возражаем против участия японцев в этих комиссиях с тем, что японцы и маньчжуры сами договорятся о том, какое количество членов получит каждая из этих стран в их единой делегации.

Я не привожу здесь всех своих аргументов в защиту нашей точки зрения. После примерно 15-минутной дискуссии (разговор велся, как и во время прежней беседы между мною и министром *, на французском языке. — К. Ю.), отчаявшись убедить меня в правильности своей точки зрения, Сато перешел к вопросу о гарантии Японией мира на существующей границе. Он говорил, что имеются примерно 5—6 «спорных пунктов» на восточной части советско-маньчжурской границы, в которых мы, по его мнению, должны были бы впредь до окончательного решения комиссии отвести наши войска в сторону от занимаемой ими фактически и стало быть, незаконно границы. В качестве примера он привел случай, когда река, изменив свое русло, вдалась в маньчжурскую территорию и мы тем самым, считая границу по течению реки, фактически заняли часть маньчжурской территории. Поэтому Сато считает справедливым, если мы отведем свои войска от занятой ими линии до линии старого русла реки.

Я мотивированно отклонил его предложение об отводе нами войск, указав, что это означало бы таким образом признание авансом правильности точки зрения японо-маньчжуров по вопросу о границе, и указал, что таковая совершенно ясна не только для наших пограничников, но и для каждого жителя. В спорных случаях, если комиссия придет к желательным

* См. док. № 117.

с маньчжурской стороны решениям, «технические выводы» из таковых, естественно, последуют без всяких затруднений, однако такой возможности я не вижу. Сато согласился дать гарантию мира на границе, кроме упомянутых им нескольких «спорных пунктов» (он не называл их). В этих местах японское правительство не может дать гарантии, что все будет спокойно, если только мы не согласимся на отвод наших пограничников от произвольно занимаемой ими линии.

Я указал, что японское правительство может и должно обеспечить мир на границе, что это сделать очень легко — стоит лишь взять под контроль свое местное и особенно кантуанское командование.

В ответ на это Сато указал, что это не так легко и что он, пожалуй, согласился бы на то, чтобы одновременно с отводом наших пограничников от занимаемой ими произвольно границы на «спорных участках» были отведены на некоторое расстояние и японские войска.

Я ответил, что это нас никак не устраивает и что наиболее разумным является именно наш проект редемаркации с последующими «техническими выводами», если таковые наметятся.

В результате Сато сказал, что мы не можем достигнуть взаимного понимания в этом вопросе и что он будет беседовать как о проблеме состава конфликтных комиссий, так и о гарантии мира с различными ведомствами, после чего вновь вызовет меня⁹¹.

Затем он начал жаловаться, что мы задерживаем выдачу виз японцам, например вице-консулу Коянаги, который по нашей вине не смог выехать своевременно в Петропавловск-на-Камчатке. Я кратко изложил нашу точку зрения по вопросу о причинах визных трений. Выслушав меня внимательно, Сато заявил, что проблема Сугихара* исчерпана и он даст распоряжение о выдаче визы Павлычеву**. Я поблагодарил его за это и сказал, что мы предполагали направить Павлычева в Отару, но МИД, заявив нам о своей полной незаинтересованности в открытии вице-консульства там, отказал Павлычеву в визе. Это произвело на нас очень неприятное впечатление, и мы были вынуждены перенести свою работу из Отары в Хакодате. При этом Сато пытался получить за сделанный им жест некоторый не уточненный им «визный компромисс», но, видя мои возражения, отказался от этого принципа взаимности.

К. Юрнев

Печат. по арх.

* Сотрудник МИД Японии, назначенный атташе посольства Японии в СССР.

** Атташе полпредства СССР в Японии.

139. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну

7 мая 1937 г.

Поляки вновь нарушают сплавную конвенцию*, захватив 2 мая на р. Морочь, в районе пограничного столба 1045, трех наших сплавщиков: Якубовича, Крупинского и Гернико. Остановленный поляками плот загородил реку и мешает следованию других плотов. Аналогичный случай имел место 1 мая в районе столба 1046, когда поляки захватили сплавщика Василевского и отпустили его лишь 2 мая по настоянию нашего погранпредставителя. Обратите внимание МИД на принявшее хронический характер нарушение конвенции по сплаву и потребуйте освобождения задержанных⁹².

Потемкин

Печат. по арх.

140. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
7 мая 1937 г.

Сегодня был на завтраке у Нормана Дэвиса, где в качестве гостей присутствовали также Корбен, Картье (бельгийский посол в Лондоне), Бингхэм (американский посол в Лондоне) и французский министр народного хозяйства Спинасс. Цель завтрака, как ясно было из разговоров, состояла в том, чтобы убедить нас и французов в необходимости проявить несколько больше «понимания» к положению Германии, в которой будто бы сейчас начинают преобладать элементы, являющиеся противниками авантюристской и агрессивной внешней политики. По мнению Дэвиса, неизвестно на чем основанному, этот процесс «отрезвления» в Берлине будто бы зашел уже весьма далеко. Дэвис, в частности, очень настаивал на необходимости на ближайшем заседании Бюро по разоружению**, которое должно собраться в конце мая и на котором сам Дэвис не будет присутствовать (ибо 8 мая он уезжает в США), избежать всего того, что в какой-либо мере могло бы затруднить в дальнейшем привлечение Германии к совету наций». Кстати, по вопросам разоружения Дэвис высказывается за принятие на заседании Бюро предложения о публичности военных бюджетов с тем, чтобы была сделана попытка обратиться к Германии и Японии с предложением присоединиться. Корбен, Бингхэм и я дали очень решительный отпор Дэвису

* См. т. XV, прим. 280.

** См. газ. «Известия», 2 июня 1937 г.

в вопросе оценки настроений Германии. Бельгиец тоже нас поддерживал. Я не уверен, однако, что наши аргументы вполне убедили Дэвиса, который носится с реакционно-маниловской утопией о возможности как-то договориться по общеевропейскому комплексу с Германией при нынешнем положении вещей в Европе. Между прочим, Бингхэм занимает очень здоровую позицию по германскому вопросу. Он резко отрицательно относится к «наци» и всячески сочувствует англо-франко-советской комбинации. Вчера на придворном приеме он мне долго доказывал, что, по его наблюдениям, в Англии медленно, но неуклонно подымается антигерманская волна, наиболее ярким симптомом чего является британская программа вооружений, направленная прямо против Германии. Сегодня за столом у Дэвиса все мои собеседники сильно потешались по адресу Риббентропа.

Майский

Печат. по арх.

141. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

7 мая 1937 г.

На обеде у меня Ван Чун-хой сказал, что после 15 мая даст мне ответ на наше предложение *. Он сделал это заявление по собственной инициативе, так как наш разговор я умышленно ограничивал общими вопросами.

На основании многих бесед, которые были у меня за последнее время с китайскими деятелями и иностранными дипломатами, я считаю, что японская политика по отношению к Китаю действительно несколько «смягчилась». Ни о каких новых ультиматумах уже нет больше речи, и, наоборот, китайское правительство требует от Японии выполнения ряда политических условий — ликвидации режима Инь Жу-гэна **, ликвидации соглашений в Тангу, Хэ Ин-динь — Умэдзу и шанхайского соглашения *** — как предпосылки всяких экономических переговоров. Можно считать достоверным, что японское правительство соглашается выполнить эти китайские требования при условии получения следующих экономических концессий: 1) концессия на постройку Шинцзячжуанской ж. д., 2) на железный рудник в Лунъяни, 3) контроль над производством хлопка в Хэбэе, 4) снижение тарифных ставок на японские товары. Из этих требований только первое совершенно неприемлемо для Китая, что же касается остальных, то по

* См. док. № 93, 101, 240, 246, 250, 258.

** Глава «восточно-хэбэйского автономного правительства».

*** См. соответственно т. XVI, прим. 266; «Хрестоматия по новейшей истории», т. I, М., 1960, стр. 646—647; газ. «Известия», 7 мая 1932 г.

ним возможно достижение соглашения. Находящийся в Токио Кавагаэ* выступает сторонником дальнейшего «смягчения» политики по отношению к Китаю.

Китайское правительство считает, что вследствие обострения политического положения внутри страны и отчасти вследствие роста военной мощи СССР Япония принуждена будет отказаться от дальнейшей агрессии в Китае. Но так как китайские лидеры по-прежнему не верят ни в самих себя, ни в свой народ, то из предыдущих положений делается вывод не в пользу борьбы за утерянные территории, а вывод о необходимости использовать временную слабость Японии для того, чтобы договориться с ней на приемлемых условиях. Японо-китайские переговоры являются причиной, затягивающей переговоры с нами, хотя еще до моего отъезда из Китая Ван Чун-хой высказывался в пользу идеи Тихоокеанского пакта⁹³.

Зная, что Япония больше всего боится советско-китайского соглашения, китайское правительство дало распоряжение китайским газетам ничего не писать по этому вопросу, а когда японское агентство выпустило сообщение о предполагаемой акции Китая в связи с Тихоокеанским пактом, официоз нанкинского правительства «Чайна пресс» в передовице немедленно заявил, что для Китая двустороннее соглашение с Японией важнее всяких многосторонних пактов. По-видимому, китайское правительство намерено и впредь тянуть переговоры с нами.

Считая возможным достижение японо-китайского временного соглашения, которое даст некоторую передышку обеим сторонам, я сомневаюсь в том, что это соглашение может быть длительным. Об этом я пишу подробно с этой дшпочтой⁹⁴. Независимо от обострения внутренних отношений в Японии, которое может толкнуть японских милитаристов на новые авантюры, положение во Внутренней Монголии, регулируемое Квантунской армией, остается по-прежнему напряженным, и там в любой момент может произойти осложнение.

Богомолов

Печат. по арх.

142. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Парижа

8 мая 1937 г.

Будучи проездом в Париже, сделал Дельбосу визит вежливости, расспрашивал о его оценке международного положения. В качестве нового элемента он отметил, что новый английский посол, читая по бумажке, говорил, что при дальней-

* Посол Японии в Китае.

ших переговорах с Германией о Западном пакте необходимо добиваться гарантии ненападения на Чехословакию и избежания конфликтов с СССР. Раньше об этих гарантиях говорила всегда Франция, а Англия лишь соглашалась, а теперь впервые об этом заговорила сама Англия, в чем Дельбос усматривает известный сдвиг.

Он конфиденциально сообщил, что после коронации поедет в Брюссель. Бельгия идет на фактические военные разговоры, но не берет на себя формальных обязательств, чтобы не дразнить фламандцев. Бельгия в случае войны с Германией одновременно Франции и Англии будет на стороне последних, но не на стороне одной Франции, если сама Бельгия не подвергнется нападению. Дельбос больше доверяет Ван-Зееланду, чем Спааку.

Англия заявила, что она своих колоний отдавать Германии не собирается, но не будет возражать, если Франция захочет отдать свои. Франция тоже отдавать колоний не будет, но Дельбос мыслит себе предоставление Германии финансовых возможностей для эксплуатации колоний и вывоза оттуда сырья и допускает даже такие шахтоские комбинации, при которых там имела бы хождение германская валюта, однако Гитлер добивается поднятия там германского флага, что Дельбос решительно отвергает.

Коснувшись махинаций Бека, я указывал на создавшуюся аномалию, когда Польша, получая от Франции денежную и военную помощь, интригует против связанных с Францией пактами помощи Чехословакии и СССР. Когда Дельбос пытался говорить о подготавливаемых всеми военными ведомствами переговорах с нами *, я ему сказал, что этот вопрос не может нас интересовать больше, чем Францию.

Литвинов

Печат. по арх.

143. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР

9 мая 1937 г.

На Вашу телеграмму от 8 мая⁹⁵. По этому вопросу никакими конкретными данными не располагаю. Чехословацкий посланник меня, наоборот, заверяет, что ведшиеся еще недавно «неофициальные» переговоры в последнее время якобы совершенно оборвались. Он это приписывает усилившемуся сотрудничеству между Берлином и Римом, развязывающему давление Берлина на Чехословакию. Он рассказал мне, что

* См. также док. № 50, 80, 137.

имел по этому поводу беседу с Аттолико * и что последний не пытался даже выгородить Рим и полностью повторял обвинения, обращаемые немцами против чехов, сопроводив это добавочным упреком, что Чехословакия слишком много вообще занимается общеевропейскими делами. Подозрительно, однако, что чехи вместе с тем неизменно доказывают, что соглашение с Германией необходимо и желательно. Вчера он дал мне обед и после обеда это положение с особой силой отстаивал перед своими немецкими гостями. Поводом послужила статья в «Берлинер тагеблат», обвинявшая Крофту, что тот по инициативе Москвы поощряет испанцев начать в Лиге наций кампанию против Рима и Берлина. Мастны это не только отрицал (в этом, конечно, нет ничего предосудительного), но в своем стремлении оправдать Прагу, в особенности от обвинений в близости к Москве, зашел уж слишком далеко. Меня поразило еще его постоянное подчеркивание, что Прага не отрицает за Берлином права интересоваться судетендеей **.

Все это сигнализирует главную линию переговоров: гарантия для немецких меньшинств и «независимость» чехословацкой политики от Москвы.

Один очень видный немецкий промышленник третьего дня мне рассказывал, что Шахт в разговоре с ним с большой тревогой отзывался о советско-германской торговле. Шахт предвидит, что очень скоро Германия лишится советской нефти, марганца, заменить которые будет «чертовски трудно». Он говорил, что обо всем этом сигнализировал Гитлеру, которому нашептывают эти «проклятые геббельсы». Мой собеседник со слов Шахта уверяет, что выпад, направленный Гитлером против нас в его первомайской речи, по инициативе Бломберга не был воспроизведен в печати. К числу сторонников изменения курса по отношению к нам мой собеседник также относит и Гернига.

За последнее время обращает на себя внимание гораздо большая сдержанность по отношению к немцам со стороны местного турецкого посольства. Посол, по-видимому, получил соответствующие указания из Анкары.

В связи с катастрофой с «Гинденбургом» *** наблюдается явное желание официальных кругов направить внимание общественности в сторону саботажа и вредительства. Это понятно в свете общего убеждения, что причиной катастрофы является замена гелия водородом, и склонности расценивать катастрофу в плане сырьевых и финансовых трудностей.

Полпред

Печат. по арх.

* Посол Италии в Германии.

** — судетскими немцами (нея.).

*** См. газ. «Известия», 8 мая 1937 г.

144. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Вне очереди
10 мая 1937 г.*

Предложение Плимута мы рассматриваем как маневр британского правительства, имеющий целью ослабить давление общественного мнения, возмущенного позицией правительства в испанском вопросе, а также позволить правительству утверждать, будто бы оно делает все возможное для «гуманизации» войны. Агитировать в пользу этого предложения мы не должны. Тем не менее Вам следует ответить принципиальным согласием на обращение Комитета к борющимся в Испании сторонам с призывом об отказе от применения военной авиации. Можете попутно отметить, что, как видно из сообщений печати, республиканская авиация бомбардирует исключительно военные объекты, в то время как авиация мятежников специально уничтожает мирное население (Мадрид, Герника и т. д.). Дополнительные указания будут Вам даны после выяснения позиции испанского правительства в этом вопросе⁹⁶.

Потемкин

Печат. по арх.

145. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

10 мая 1937 г.

Посетите Хэлла и, сославшись на то, что мы должны 13 июня начать переговоры о продлении торгового соглашения *, запросите у него формально окончательный ответ об обложении угля ** в связи с тем, что в зависимости от его ответа советская сторона должна определить свою позицию в предстоящих переговорах.

Потемкин

Печат. по арх.

146. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных

10 мая 1937 г.

На участке, в районе Чат. 29 апреля из Ирана перешла неокрыльшаяся саранча. Там же наблюдается приближение к границе большой массы иранской саранчи. По-видимому,

* См. т. XIX, док. № 221 и док. № 283 настоящего тома.

** См. док. № 109, 133.

иранцы не сумели или не хотели эффективно истреблять саранчу в пограничных с нами районах. Мы видим также, что они уклоняются от посылки к нам своего представителя, который явился бы свидетелем передвижения иранской саранчи к нам. Наркомзем получил одно краткое сообщение Адля * от конца апреля о том, что холодная погода задерживает окрыление саранчи. Никакой информации об истреблении саранчи не получается. Мы должны констатировать нелояльное отношение иранцев к саранчовой конвенции ** и к нам. Они уклоняются от сотрудничества и ставят нас под угрозу нашествия иранской саранчи и больших убытков для хлопкового хозяйства. Обратитесь на это серьезное внимание Бейята и МИД. Добейтесь членораздельной информации, что делается иранцами. Скажите, что залет иранской саранчи к нам явится свидетельством бездеятельности иранской противосаранчовой организации и новым фактом нелояльного отношения иранского правительства к нашим законным интересам и к договорным обязательствам. Добивайтесь посылки иранского представителя в наши пограничные районы и истребления саранчи в иранских приграничных районах ⁹⁷.

Стомоняков

Печат. по арх.

147. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину

10 мая 1937 г.

Уважаемый товарищ,

Данная Вами в письме от 3 мая *** предварительная оценка итогов конференции министров иностранных дел Скандинавии в Гельсингфорсе вполне подтверждается моими здешними наблюдениями, как и отзывами разных собеседников, а также информацией Кута, данной им во вчерашней нашей беседе.

Кут чрезвычайно доволен окончательным включением Финляндии в систему скандинавского сотрудничества. Он убедился теперь в бесповоротном отходе нашего соседа от агрессивных замыслов, как и [от] лалуасских тенденций вообще в среде правых партий, а тем самым — в честном стремлении Финляндии к скандинавскому нейтралитету, повторяя, одним словом, то, что говорил после прошлойодней конференции ****.

* Генеральный секретарь МИД Ирана.

** См. т. XVIII, док. № 350.

*** См. док. № 135.

**** См. т. XIX, док. № 173, 182, 184.

О политике Дании Кут говорит, что наиболее правильную позицию занял Стаунинг в своих выступлениях в Швеции, если не считать его слишком темпераментных оборотов речи. Хотя политика Дании определяется двумя факторами: страхом перед Германией и непонятной экономической политикой Англии, но устремления и цели ее вполне совпадают с политикой норвежского правительства.

Я допускаю, что действительно шведы на конференции некоторым образом нажимали на Мунка, но «окрепшие настроения» его быстро выветрились, судя по содержанию его интервью в датской печати и германской «Дейче альгемейне цейтунг» по возвращении в Копенгаген.

Кут считает на основании последних фактов, что Англия все более изолируется от европейских дел и такая близорукая политика ее губительно отразится на интересах всей Европы.

Что касается конкретных решений конференции, Кут похвастал, что выработанное соглашение о взаимной информации о бюджетных ассигнованиях на оборону и о вооружениях будет осуществлено между Скандинавскими странами также и без участия других держав, причем отметил, что идея такого соглашения позаимствована из женеvских предложений Советского правительства *.

Кут лишний раз отмахивался от идеи заключения оборонного союза между Скандинавскими странами, напоминая мне то, что однажды высказал, а именно: до тех пор пока он останется министром иностранных дел, Норвегия не присоединится к такому союзу даже в том случае, если бы шведской военищине удалось переубедить нынешнее шведское правительство в необходимости такого союза. Этим элементом Стаунинг дал надлежащий отпор своими выступлениями в Лунде и Стокгольме **.

2. В этой же беседе Кут сообщил мне, что, по его сведениям, на внеочередной сессии Лиги наций кроме официальной повестки Англия предполагала продвинуть окончательное разрешение абиссинского вопроса. Но теперь ему стало известно, что Англия отказалась от этой мысли. Если его информация в ближайшие дни подтвердится, то Кут на женеvскую сессию не поедет.

3. В ходе работ текущей сессии стортинга главные затруднения для норвежского правительства преодолены, как информировали наши сводки норвежской прессы. Коллективные договоры нерезаключены почти по всем отраслям промышленности без экономических конфликтов, с недостаточными уступками в пользу рабочих всех профессий, подобно тому как

* См. т. XIX, док. № 247, 280.

** См. док. № 97.

это имело место в 1935 г. при нынешнем же правительстве НРП. Дальше, принят военным комитетом стортинга внесенный правительством дополнительный бюджет на оборону в размере 21 млн. норвежских крон. В течение апреля месяца дважды поговаривали даже в правительственных кругах о возможном правительственном кризисе. Теперь все опасности миновали, и норвежское правительство укрепило свою позицию до января будущего года, т. е. до будущей сессии стортинга. Таково общее мнение, в том числе и НРП.

В связи со скоропалительно внесенным в стортинг предложением Кута о посылке в испанские воды норвежского военного судна «Олаф Тригвасон» для защиты торговых пароходов от пиратских действий Франко едва не возник было частичный кризис правительства. Это предложение натолкнулось на оппозицию всех буржуазных фракций стортинга и вызвало колебания в собственной партии Кута. Как мне доверительно сообщил министр юстиции Ли, Кут подал в отставку, но премьер отказался принять ее. Нашли такой выход, что обсуждение предложения отложено было до возвращения Кута из Гельсингфорса. Накануне своего отъезда Кут письменно известил стортинг о том, что вопрос о военной защите торговых пароходов в общескандинавском аспекте будет обсуждаться на конференции. Решения конференции по этому вопросу и дальнейшие шаги скандинавских правительств Вам известны.

Хотя дано распоряжение независимо от предпринятых шагов в Лондоне³ готовить «Тригвасон» к отплытию, Кут вчера рассказывал, что с момента постановки этого вопроса значительно уменьшились факты захвата норвежских пароходов, а с другой стороны, кончается в мае фрахтовый сезон по испанским перевозкам. Таким образом, сам собою вопрос теряет свою прежнюю остроту.

В этой же беседе Кут выразил признательность норвежского правительства Советскому Союзу за дельную, бескорыстную поддержку требований и защиту интересов Норвегии и Лондонском комитете невмешательства.

4. По вопросу о беспощинном ввозе шницбергенского угля нашей добычи в норвежские порты обещал мне Ауберт * ускорить получение от минфина соответствующего заключения. За ним задержка, и надо надеяться, что в ближайшие дни я получу ответ МИД, который немедленно сообщу Вам телеграфно.

С товарищеским приветом

Якубович

Печат. по арх.

* Генеральный секретарь МИД Норвегии.

148. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

11 мая 1937 г.

Финляндская миссия передала официальное приглашение советским журналистам посетить Финляндию. Мы ответили принятием приглашения от имени делегации советских журналистов, в состав которой вошли представители «Известий», «Правды», «Красной звезды», «За индустриализацию» и др. Всего восемь человек во главе с Михайловым из «Правды». В переговорах с финнами зафиксировано прибытие делегации в Гельсингфорс 15 июля, пребывание в Финляндии десять дней*.

Потежкин

Печат. по арх.

149. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

11 мая 1937 г.

Уважаемый Сергей Сергеевич,

1. Получаемая нами информация подтверждает Ваше наблюдение, что правительство Чехословакии, констатируя международную изоляцию своей страны, не чувствуя за собой поддержки Франции и видя все далее идущий распад Малой Антанты, все более склоняется к мысли о необходимости договориться с Германией, чтобы, хотя бы на время, застраховать себя от конфликта с этим опаснейшим своим соседом. В этом смысле весьма показательными следует признать Ваши недавние беседы с Бенешем и Лаурином**. Вы правы, отмечая, что наши чешские друзья явно стараются подготовить нас к такому повороту своей политики, причем внушают нам мысль о желательности и нашего собственного сближения с Германией. Те же сигналы получаем мы и от т. Сурница из Берлина***. Он сообщает нам, что чехословацкий посланник в Германии Мастны, не стесняясь, открыто высказывается в кругу коллег и в присутствии нашего полпреда в пользу соглашения своей страны с Германией. При этом он заходит так далеко, что, не обинуясь говорит о неоспоримом праве Германии интересоваться судьбой зарубежных немецких меньшинств, в том числе и судетов. Тот же посланник распинается за «независимость Чехословакии от Москвы».

По-видимому, тактическая цель Германии и Италии в отношении Чехословакии уже достигнута. Не встречая отклика со

* См. док. № 254.

** См. соответственно док. № 18, 31, 120.

*** См. док. № 98, 143.

стороны Австрии и Венгрии, которым недавно Чехословакия готова была протянуть руку — между прочим не без одобрения Франции, как это я знаю от Дельбоса, — чехословаки готовы пойти на капитуляцию перед Берлином. Этот психологический момент может иметь весьма серьезные политические последствия. Мы просим Вас со всем вниманием следить за развитием вышеуказанной тенденции во внешней политике Чехословакии. С другой стороны, мы предложим нашему полпредству в Берлине столь же пристально наблюдать за ответной реакцией Германии на авансы, которые делаются Берлину из Праги.

2. Нам кажется, что немаловажную роль в деле сближения Чехословакии с Германией играют определенные течения, проявляющиеся внутри некоторых политических партий, в частности в партии аграрной *. Характерна в этом отношении позиция, занимаемая центральным органом этой партии «Венков». Мы просили бы Вас уделить особое внимание этим процессам внутри различных политических группировок Чехословакии. Специального наблюдения заслуживает, понятно, деятельность партии Генлейна. По некоторым данным можно заключить, что движение этого национального меньшинства отчасти поддерживается и Англией. Помимо указаний, которые имелись у меня на этот счет в Париже, мы имеем сообщение, что в Лондоне предполагается международная конференция по делам меньшинств, в программе которой вопрос о судетских немцах займет едва ли не центральное место⁹⁶. Было бы весьма желательно проверить у Вас эти сведения.

3. Из Бухареста нам сообщают, будто бы под строжайшим секретом тамошний поверенный в делах Чехословакии рассказывает своим коллегам о намерении Венгрии в самое ближайшее время денонсировать военные статьи Трианонского договора. Сообщите нам, не имеете ли и Вы каких-нибудь сведений на этот счет. Должен отметить, что здешний венгерский посланник Юнгерт[-Арноти], посетивший меня на днях, чрезвычайно настойчиво возвращался в разговоре со мною к той же теме о Трианонском договоре. Он с большим жаром доказывал мне, что страны Малой Антанты должны были бы по собственной инициативе поставить на очередь вопрос о пересмотре внешнего территориального статуса Венгрии. Если бы они проявили в этом вопросе должную широту, они приобрели бы в лице Венгрии самого активного сотрудника в деле организации коллективной безопасности. В особенности же необходимо, по мнению Юнгерта, безотлагательный пересмотр военных статей Трианонского договора. Венгрия не может больше терпеть той дискриминации, которой ее подвергали, ограничивая ее суверенные права на вооружение. Последнюю

* См. также док. № 46, 47.

мысль Юнгерт развивал на все лады и настолько назойливо, что эта часть его разговора произвела на меня вполне определенное впечатление некоего предварительного сигнала.

4. Вы ставите вопрос о юридическом оформлении воздушного соглашения Москва — Прага. В данный момент в Москве находится представитель чехословацкой аэролинии Сточес. Тов. Ткачев и другие заинтересованные товарищи высказываются за то, чтобы поставить перед ним этот вопрос. Если эти разговоры дадут положительный результат, мы предупредим приезд в Москву Вохача и придумаем форму, в какой можно было бы юридически закрепить наше соглашение с Чехословакией*.

С товарищеским приветом

В. Потемкин

Печат. по арх.

150. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

11 мая 1937 г.

Посетил и. о. министра иностранных дел Войонмаа. Он встретил меня выражением сожаления по поводу инцидента в Выборге⁹⁹. Заверял, что министерство внутренних дел назначило следствие, что виновные арестованы и вскоре будут преданы суду. Войонмаа не отрицал, что инцидент — дело лапуасцев. В последовавшем продолжительном разговоре я указал на многочисленные факты деятельности враждебных элементов, в том числе на непрекращающиеся инциденты на границе и деятельность антисоветских организаций на территории Финляндии. В этой связи вновь было затронуто дело Спиррина^{**}. Войонмаа высказал удивление по поводу того, что МИД до сих пор не завершил этого дела, обещал им заняться.

Судя по поведению Войонмаа и финских газет, здесь очень встревожены инцидентом.

Полпред

Печат. по арх.

151. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Б. Е. Сквирского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
12 мая 1937 г.*

Премьер-министр и министр иностранных дел просили меня содействовать продаже им без задержки 1 тыс. т пшеницы через Кушку для района Герата, где население испыты-

* См. т. XVIII, док. № 227; т. XIX, док. № 181.

** См. т. XIX, док. № 316, 325 и док. № 183, 191 настоящего тома.

ваает острую нужду. Урожай этого года ожидается неплохой, но афганцам нужно перебиться до его сбора. Нужно помочь пограничному населению. Я рекомендую пойти навстречу афганцам. Срочно сообщите ответ*.

Полпред

Печат. по арх.

152. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юревеву

*Вне очереди
13 мая 1937 г.*

На телеграммы от 6** и 11 мая⁹¹. Заявите Сато, что мы не можем принять его предложений по вопросу о составе конфликтных комиссий. Мы не можем по вопросу о конфликтах исходить из «независимости» маньчжурской стороны, поскольку по японо-маньчжурскому договору*** Япония взяла на себя охрану маньчжурских границ. Если японская сторона действительно хочет соглашения по вопросу о рассмотрении пограничных конфликтов, она должна признать, что единственно практически является наше предложение о том, чтобы переговоры с нашей делегацией в конфликтной комиссии вела японо-маньчжурская делегация как одна сторона. Третьей стороны в этих конфликтах мы признать не можем.

Не можем мы также принять предложения Сато о гарантии мира на границе, кроме нескольких «спорных пунктов». Прежде всего, для нас таких «спорных пунктов» не существует; принятие же предложений Сато означало бы легализацию конфликтов на границе. Напоминаем, что при предыдущих конфликтах японо-маньчжурская сторона всегда утверждала, будто они происходят вследствие спорности границы. Если теперь японское правительство заявляет, что оно не может дать гарантий, что на ряде пунктов границы будет спокойствие, то это еще ухудшает положение, ибо означает, что японское правительство становится на точку зрения некоторых японских военных в Маньчжурии, которые пытаются «исправлять» существующую границу, несмотря на точные постановления Пекинского и Мукденского договоров**** об обязательности соблюдения существующих границ.

Предложение об отводе наших войск от «спорных» участков границы не может быть предметом переговоров между нами не только потому, что для нас таких «спорных» участков

* См. док. № 163.

** См. док. № 138.

*** По-видимому, имеется в виду протокол от 15 сентября 1932 г.; см. газ. «Известия», 16 сентября 1932 г.

**** См. т. VII, док. № 156, 222.

не существует, но и потому, что отвод наших войск от тех участков границы, которые некоторым японским военным в Маньчжурии хотелось бы объявить спорными, только увеличил бы напряженность и опасности на границе, ибо поощрил бы этих военных к дальнейшим попыткам «исправлять» границу вопреки существующим договорам.

Стомояков

Печат. по арх.

**153. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США
А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностран-
ных Дел СССР**

13 мая 1937 г.

Говорил с Хэллом об угле *. Он долго, как всегда, излагал свою позицию о торговле как основе мира: что он против дискриминации, в частности указанной мной, что он по нашему вопросу говорил с рядом сенаторов и конгрессменов, что мы должны ему верить, что он делает все возможное, но что он не всемогущ. Если он не получит удовлетворения в конгрессе, он будет искать иных путей. Я указывал, что факт дискриминации доказан, что мы ждали год, что я прошу официального ответа. Он сказал, что, если бы некоторые другие вопросы были разрешены, этот вопрос было бы легче разрешить: в атмосфере дружбы все маленькие вопросы разрешаются легко. Я ответил, что для дружбы надо уметь разрешать хотя бы маленькие вопросы. Он просил о терпении, он предпримет еще шаги и сообщит мне.

Полпред

Печат. по арх.

**154. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

13 мая 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

I. Конференция министров иностранных дел четырех северных стран ** показала, что отношение скандинавов к Финляндии после поездки Холсти изменилось. Они считают, что улучшение советско-финляндских отношений открывает возможность более тесного их сотрудничества с Финляндией. Очень возможно, что Сандлер даже мечтает о том, что в случае мировой войны Скандинавии и Финляндии удастся остаться нейтральными. Видимые и документальные результаты кон-

* См. док. № 145, 158.

** См. док. № 100, 135, 147.

ференции мало значительны. Они открывают, однако, некоторые возможности по изысканию путей совместного поведения четырех стран во время войны.

2. Мне кажется, что, подводя итоги сообщениям прессы, беседам и слухам, можно констатировать усиливающуюся активность Англии в бассейне Балтийского моря — в Скандинавских, Балтийских странах и Финляндии («бискайская» политика Англии, коронационный бум, предстоящий объезд Прибалтики и Финляндии лордом Плимутом* не остаются без откликов). Германия, безусловно, недовольна развитием событий. Поездки Холсти, Сандлера и Мунтерса в Москву**, намечающееся укрепление северного блока и попытки сближения с Эстонией и Латвией ей не могут нравиться. Поведение германской прессы это подтверждает.

3. По полученным мной сведениям, шведы, в первую очередь Сандлер, чувствующие за собой поддержку Англии, очень носятся с идеями большой политики на Балтике. Увлекающийся Сандлер намеревается в июне обрабатывать прибалтов, сблизить их со Скандинавией. Эта затея может нравиться Финляндии, но норвежцы и датчане относятся к ней весьма прохладно. Внутренняя слабость скандинавского блока, охарактеризованная в письме т. Потемкина от 3 мая, мало оправдывает такую активность Сандлера. Здесь отмечают вынужденное балансирование Мунтерса между Москвой и Берлином, выбор им, наподобие Хакселя*** в 1936 г., за невозможностью открытого признания своих истинных симпатий, политики «нейтралитета и ориентации на Скандинавию», что вполне устраивает Англию и несколько смягчает отношения с СССР. Как я телеграфировал, Холсти и финляндский посланник в Риге Палин уверены, что прогерманская политика Ульманиса и Мунтерса не находит поддержки в Латвии, где германофобские настроения коренятся глубоко¹⁰⁰. Важным считаю отметить следующее. Социал-демократ министр Войонмаа, заменяющий Холсти, полуконфиденциально сообщил мне, что, по их мнению, куда трудней отвернуть от Германии Эстонию, государственные руководители которой куплены Германией («так сильно заинтересованы в делах германского капитала, что заставить их пересмотреть свои взгляды почти невозможно»).

4. О поездке Мунтерса в Гельсингфорс ничего нового сказать не могу. Особого политического значения ей придавать не приходится. Сближение с Латвией и Эстонией — вполне в духе политики агрария Каллио и давнишний конек Холсти. Прием Мунтерсу оказали более чем теплый. Он сам всемерно ухаживает

* См. также док. № 183, 242.

** См. соответственно док. № 40, 83, газ. «Известия», 17, 18 июня 1937 г.

*** Министр иностранных дел Финляндии в 1932—1936 гг.

вал за финнами. В своих политических высказываниях соблюдал осторожность: любое из них двусмысленно. Полагаю, что Мунтерс интересовался, насколько глубоко Финляндия «примирилась» с СССР, каковы шансы Латвии для ориентации на Скандинавию и не сдаст ли он при такой ориентации своих антисоветских принципов. Мунтерс сам просил устроить ему разговор со мной (я объясняю это тем, что перед его приездом нарочно сказал Холсти, что считаю Мунтерса большим германофилом; Холсти ответил, что выяснит, насколько это верно). Разговор носил довольно общий характер. Я советовал Мунтерсу прочесть исторические конспекты Маркса, где Маркс, между прочим, весьма не лестно отзывался о роли германских крестоносцев в Прибалтийских странах. Мунтерс с полным пониманием записал, где можно найти эти конспекты.

5. Создавшееся положение, по-моему, дает некоторые возможности и заставляет нас активизировать нашу политику на Балтике, в особенности в Швеции, закрепить и развить достигнутое в Финляндии. С точки зрения последнего весьма кстати поездка наших журналистов*. Думается, мы должны теперь пойти на приглашение НКВД СССР финляндских коммерсантов** и, если возможно, удовлетворить отдельные пожелания финнов. 5 июня должна выехать в Союз организуемая «Интуристом» десятидневная, в Ленинград и Москву, экскурсия социал-демократической бюрократии. В состав ее входят руководители партии, редакторы, члены сейма, функционеры во главе с секретарем партии Аалтоненом. Всего до 50 человек.

6. В Финляндии прошли съезды почти всех политических партий. Они показали, что в стране много серьезных мало проявляющихся на поверхности течений. Социал-демократы открыли поход против коммунистов в своих рядах. Прогрессивная партия накануне раскола. Правое ее крыло Кивмяки тянет к консерваторам. Большое разногласие между правым и левым крылом коалиционеров и шведов. Вся обстановка в стране показывает, что начавшийся в 1936 г. «сдвиг налево» еще не приостановился.

Правительство Каяндера благополучно удержалось у власти, провело в сейме ряд законов, в том числе университетский, который, однако, еще не утвержден Каллио. Утверждение скоро последует. Если нет, произойдет правительственный кризис и к власти придет правая коалиция. Основные трудности правительства начнутся осенью при обсуждении бюджета.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

* См. док. № 148. 254.

** См. док. № 183.

14 мая 1937 г.

Вчера я завтракал у Исмета Иненю, а сегодня он у меня. Имели мы с ним две длинные беседы. Он указывал на существующие мнения об охлаждении между нами, что, однако, не соответствует действительности. Но в то время как они несколько раз опровергали эти слухи, мы отмалчивались. Я ему разъяснил, что, поскольку весь мир причины охлаждения видел в политических акциях Турции, естественно было для Турции выступать с опровержениями, а так как наша политика по отношению к Турции не давала никакого повода говорить об охлаждении с нашей стороны, то нам и нечего было опровергать. Я говорил ему, что, в отличие от дружбы между людьми, дружба между государствами важна не только сама по себе, но и по оценке внешнего мира. Если этот мир начинает сомневаться в такой дружбе, то она теряет в своей ценности. Далее я перечислил все те моменты турецкой политики, которые вызвали подобные сомнения. Исмет защищался, но был приперт к стене. Закончились беседы констатированием, что дружба СССР с Турцией является постоянным и длительным элементом политики обеих стран, обещанием Исмета дать понять как Италии, так и Германии, что усилия их оторвать Турцию от СССР обречены на неудачу, и в дальнейшем вести турецкую политику по руслу Лиги наций и коллективной безопасности.

Несмотря на беседы Исмета в Париже с Блюмом и Дельбосом, он все же не надеется на улаживание конфликта ** и просил меня воздействовать на Францию. Я высказал предположение, что общее улучшение отношений с Францией и перспектива более тесного сотрудничества с ней, может быть, сделала бы Францию более уступчивой. В связи с этим я пытался выяснить, сделала ли Франция Турции предложение о пакте взаимопомощи ²² и как к этому относится Исмет. Он сказал, что формального предложения не было, что он даже будто бы не знает, о каком пакте идет речь, но при дальнейших расспросах должен был признать, что такой пакт с Францией в настоящее время для Турции был бы неприемлем. Я полагаю, что Исмет кое-что усвоит из моей аргументации.

Литвинов

Печат. по арх.

* Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Турции.
** См. также док. № 103, 162.

156. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

14 мая 1937 г.

Первый визит ко мне вновь назначенного английского посла, при всей его краткости, оставил у меня впечатление, что немцы найдут в лице Гендерсона гораздо более податливого и склонного к ним прислушиваться партнера, чем Филлис. К таким, может быть, несколько поспешным выводам меня привело его рассуждение о «ценности экспериментов», которые продельвает Гитлер (это сопровождалось режущей ухо и возмущающей аналогией с «экспериментами» в СССР), а особенно его заявление, что коллективизация безопасности, конечно, вещь хорошая, но не следует забывать, что вне Лиги наших находится «большинство великих держав» и что до тех пор, пока Германия, Япония формально, а Италия — фактически не вернется в Лигу наций, последняя «сохраняет за собой лишь роль хранительницы принципов, и не более». Всякие попытки укрепить Лигу наций в рамках одной телерешней Лиги привели бы только «к образованию двух блоков». Та же тенденция, с определенным антифранцузским налетом, отразилась и в его защите позиций Бельгии и Югославии. Он считает вполне законным, что эти страны заботятся прежде всего о себе и стремятся ослабить свою зависимость от Франции. Отмечая, что сотрудничество между Францией и Англией является самым отрадным фактом, Гендерсон высказал сомнительное предположение, что и немцы уже убедились в бесплодности вбить клин между этими странами. К итало-германскому сотрудничеству Гендерсон относится «очень хладнокровно». Его «совершенно не пугают и не тревожат все эти демонстрации и визиты». Характерна одна оброненная им при этом фраза, что вину за телерешнюю позицию Италии несем «мы сами». Отношение его к нам, по моему впечатлению, определяется тем, что в прошлом в течение 6 лет он занимал дипломатический пост в царской России, а за годы Советской власти все время был на постах в странах, не имеющих сношений с нами. Не удивительно, что все, что происходит у нас, для него все еще «эксперимент». Он, кстати, не преминул мне сказать, что когда в 1923 и 1924 гг. в качестве высокого комиссара сидел в Стамбуле, то не раз испытывал действие моей работы в Анкаре. Он, правда, не прибавил при этом слова «зловредной», но это само собой напрашивалось. В отличие от Филписа он очень разговорчив.

Полпред

Печат. по арх.

157. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
15 мая 1937 г.

1. Посетил Сато и выполнил поручение *. Сато был огорчен. На мое замечание о том, что он высказался во время нашей предпоследней встречи о возможности принятия японской стороной нашего предложения относительно состава комиссий и обеспечения мира на существующей границе, Сато сказал, что пока это только его личное мнение¹⁰¹. Он будет пытаться [действовать] в этом направлении, но отдаст себе ясный отчет в трудностях, которые связаны с пунктом о гарантиях мира на существующей границе. Некоторым ведомствам и лицам будет трудно признать авансом нашу границу.

2. Сато спросил, получен ли ответ наркома по вопросу эвентуального опубликования министром содержания «месседж» (послания) наркома, в частности относящегося к пограничным комиссиям⁶⁹. Я сказал, что ответа нет. К этому я добавил, что, по моему мнению, подобное опубликование имело бы смысл лишь в том случае, если бы оно сопровождалось заявлением министра о соглашении между нами по двум пунктам, о возможности чего он говорил на завтраке **. Сато согласился с этим, и, таким образом, наркому не придется отвечать ему.

3. Министр сообщил мне, что он поручает Сигемцу выразить наркому благодарность за его «месседж» и передать Советскому правительству благодарность японского правительства за мою работу в Японии ***. Что касается переговоров о пограничных комиссиях, то министр предполагает продолжать их через Райвида в Токно или через Сигемцу в Москве.

4. О Козловском на этот раз Сато не заговаривал ****.

5. Прощаясь, министр сказал, что будет на вокзале.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 152.

** 13 мая 1937 г. дан министром иностранных дел Японии в честь К. К. Юренева.

*** См. док. № 168.

**** См. док. № 138, 168.

158. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

17 мая 1937 г.

На Вашу телеграмму от 13 мая *. Продолжайте настаивать на нашей позиции, требуя освобождения от акциза советского угля. Хэлл сам признает наличие недопустимой дискриминации. При подписании соглашения в 1936 г. американцы дали нам понять, что в течение года урегулируют вопрос, но не только ничего не сделали, но даже усугубили дискриминацию, освободив от пошлины голландский и индокитайский уголь.

Потемкин

Печат. по арх.

159. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии И. Л. Лоренцу

17 мая 1937 г.

Уважаемый товарищ,

Вопрос о дальнейшем направлении внешней политики Австрии вновь приобретает в настоящее время большое значение. В связи с этим желательно, чтобы полпредство максимально использовало существующие и установило новые связи для получения соответствующей информации о политике Австрии.

Судя по последним сведениям, весьма влиятельные круги Австрии по-прежнему не желают превращения Австрии в провинцию «третьей империи». Неудача венгерского путча ** показывает, что то же самое имеет место и в Венгрии.

Стремление Шушнига договориться с Парижем и Лондоном указывает именно на то, что Австрия ищет новой поддержки для противодействия германским планам. Венецианское свидание Муссолини с Шушнигом *** имело своей целью затруднить сближение Австрии с Францией, Англией и Чехословакией.

Наряду с попытками обеспечить себе поддержку со стороны Франции и Англии Австрия, как это свидетельствует визит Годжи в Вену **** и поездка Шушнига и Микласа в Будапешт ***** , выясняет возможность укрепления отношений с другими Дунайскими странами — Чехословакией, Венгрией, которым угрожает германская агрессия.

* См. док. № 153.

** См. газ. «Известия», 8, 9 марта 1937 г.

*** См. док. № 128, 130.

**** См. газ. «Известия», 28 марта 1937 г.

***** См. также док. № 160.

Позиция Германии на юго-востоке Европы в последнее время несколько пошатнулась, ибо, как указано, ряд Дунайских стран стремится найти соответствующую базу для противодействия германским планам. С другой стороны, и ось Берлин — Рим оказывается чрезвычайно непрочной.

Разумеется, многое будет зависеть от позиции Парижа и Лондона и от того, насколько они будут готовы оказать поддержку Дунайским странам, стремящимся сохранить свою самостоятельность. Чрезвычайно многое будет зависеть и от того, смогут ли договориться между собой Дунайские страны.

Все это заслуживает пристального внимания. Желательно было бы получить от Вас информацию о том, в каком положении в настоящее время находятся переговоры Австрии как с Дунайскими странами, так и с западными державами.

Зам. Наркома
Потемкин

Печат. по арх.

160. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Венгрии А. А. Бекзаяну

17 мая 1937 г.

Уважаемый товарищ,

1. Визит Микласа в Будапешт, о котором Вы пишете¹⁶², и предыдущий — Шушница * говорят не только о попытках подготовить более тесное сотрудничество между Австрией и Венгрией, но, судя по другим фактам, и о сотрудничестве с Чехословакией. В этом смысле заслуживает внимания сообщение Кубки — внешнеполитического редактора «Прагер прессы» — т. Александровскому о том, что Годжа в бытность свою в Вене зондировал почву о пакте между Чехословакией и Австрией **.

Заслуживает также внимания выступление за последнее время австрийской печати, которая открыто пишет о том, что Италия сейчас недостаточно сильна для того, чтобы обеспечить независимость Австрии, и что сохранение независимости Чехословакии, которой угрожает Германия, является для Австрии жизненным вопросом. Наконец, как сообщает т. Лоренц, Шушниц несколько дней тому назад обратился к французскому и английскому посланникам в Вене с предложением о том, чтобы Франция и Англия сделали декларацию о недопустимости изменения статус-кво в Центральной Европе и о том, что они считают необходимым сохранить полностью независимость Австрии. Французский и английский посланники встретили это заявление Шушница сочувственно и обещали со своей стороны поддержку.

* См. газ. «Известия», 20 марта 1937 г.

** См. также док. № 159.

В свете этих фактов обращают внимание переговоры, которые ведутся сейчас в Лондоне между съехавшимися туда министрами этих стран с английскими и французскими государственными деятелями*. Судя по просачивающимся в прессу сведениям, вопрос идет о проблеме Центральной Европы в целом и в частности о взаимоотношениях Малой Антанты с Австрией и Венгрией.

Изложенное, несомненно, свидетельствует о серьезных сдвигах, намечающихся в Центральной Европе, и, в частности, о сдвигах в отношениях Малой Антанты с Австрией и Венгрией. Не удивительно, что в связи с этим итальянская и германская печать выражает известное беспокойство, свидетельствующее о том, что позиции этих стран не особенно прочны.

Насколько эти тенденции серьезны и как они будут реализованы, будет зависеть от политики решающих факторов в Европе, и в первую очередь от Англии и Франции. Для нас эти тенденции новой политической ориентации в Центральной Европе представляют большой интерес, и я прошу Вас следить внимательно за развитием этих событий.

2. С этой почтой экономическая часть посылает Вам протокол переговоров по вопросу о платежном соглашении с венграми от 5 мая с. г.**

Вы знаете, что основным вопросом, оставшимся не решенным в предыдущих переговорах с венграми, был вопрос о расчетах. Как Вы увидите из этого протокола, мы сообщили Юнгерту, что НКВД добился от Госбанка принятия венгерского пожелания о производстве расчетов через Английский банк. Однако мы предупреждали Юнгерта, что это согласие Госбанка еще нуждается в утверждении правительства. Тем не менее Юнгерт очень обрадовался и выразил по этому поводу свое живейшее удовлетворение.

Одновременно венгры выдвинули также вопрос о транзите, который мы отвели. Мы подчеркнули, что подписание платежного соглашения не дает автоматически права транзита, но дали в то же время понять Юнгерту, что мы мыслим себе постановку венграми вопроса о предоставлении им транзита. Как Вы видите, мы серьезно пошли навстречу венграм.

Что касается вопроса об установлении пароходной связи по Дунаю между Будапештом и портами Черного моря и нашими внутренними водами, то он не обсуждался. Вы знаете, что мы относимся отрицательно к этому вопросу, тем более что экономически он не имеет для нас никакой ценности.

Зам. Наркома
Потемкин

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 17, 18 мая 1937 г.

** Не публикуется; см. также т. XIX, прим. 28.

161. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
17 мая 1937 г.*

15 мая Кабальеро вызывал меня с тем, чтобы передать, в связи со своим предполагаемым уходом из правительства¹⁰³, свою глубокую благодарность Советскому Союзу и его правительству за оказанную Испании и ее правительству помощь. Он был при этом сильно взволнован и прослезился. Свидание с ним было краткое, никаких политических тем он не затрагивал.

Гайкис

Печат. по арх.

162. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Турции с и. о. Министра Иностранных Дел Турции Сараджоглу

17 мая 1937 г.

1. Я спросил, что нового из Бухареста и Лондона. Сараджоглу ответил, что Арас ничего не сообщил о своих беседах в Бухаресте. Из Лондона же имеется телеграмма от Иненю, сообщающая о встречах с т. Литвиновым*. Иненю имел с наркомом два свидания, длившихся каждое около трех часов. Читая по телеграмме, Сараджоглу сказал, что Иненю пишет, что оба собеседника констатировали неизменность советско-турецкой дружбы и что эта дружба является постоянным элементом в общих международных отношениях. Иненю подчеркивает положительный результат этой встречи.

2. Когда я высказал удовлетворение по поводу услышанного, Сараджоглу сказал, что он удивляется, как могли у нас думать, что Турция ведет италофильскую политику.

Я ответил, что едва ли у нас думали, что Турция коренным образом пересматривает свою политику. У нас не могло быть возражений против нормализации итало-турецких отношений, но сближение с Италией происходило в то время, когда Италия начала особенно агрессивно выступать против СССР.

У нас, далее, не могли не отдавать себе отчета в том, какие цели преследует Италия, стремясь к сближению с Балканскими странами. Совершенно очевидно, что она делала это для того, чтобы иметь возможность с большей свободой вести политику агрессии в западной части Средиземного моря. Таким образом, может быть против своей воли, но своей политикой сближения с Италией Турция объективно способствовала укреп-

* См. док. № 155.

лению позиции держав-агрессоров. Отсюда и могло проистечь определение, что Турция поддерживает ось Берлин — Рим.

Сараджоглу стал доказывать, что, по существу, произошло только свидание в Милане*, от которого Арас не мог отказаться, поскольку несколько раз в год он пользовался гостеприимством Италии, когда проезжал через ее территорию.

Я ответил, что, во-первых, не только свидание в Милане, имеется дальше турецкая активность в деле заключения итало-югославского пакта; во-вторых, следует учесть тон турецкой печати, превозносившей новую эру в итало-турецких отношениях; в-третьих, к этому следует добавить, что итальянская печать черт знает что писала о результатах миланского свидания. Итальянские комментарии подхватывались органами печати других стран, где создавалось впечатление, что Милан является поворотным пунктом турецкой политики.

Сараджоглу заметил, что в прошлом были также недоразумения, например недовольство поездкой т. Литвинова в Рим, но никогда это недовольство не находило своего отражения в печати. Я на это шутя ответил, что если газетные статьи способствовали прояснению положения, то можно только приветствовать эти статьи.

«Наконец,— сказал Сараджоглу,— турки имели также основание быть недовольными вами, а именно в период конференции в Монрё, когда вы отказались поддержать тезис Турции о закрытии проливов, хотя в свое время именно этот тезис защищал Чичерин в Лозанне».

Я возразил, что у турок не могло быть никакого основания для недовольства. Наоборот, расхождение турецкой позиции с советской вызвало очень сильное впечатление в Москве.

Что же касается тезиса о закрытии проливов, то в период Лозанны** он был правилен, ибо там угроза заключалась в намерении союзников проникать по собственному своему усмотрению в Черное море и выгоднее было закрыть совсем проливы, чем оставить их открытыми для тех и других. С тех пор положение изменилось, так как изменилось соотношение сил. Лозаннская конвенция оставила открытыми проливы для черноморских держав. Почему нужно было теперь закрывать проливы для стран Черного моря? Разве в этом была заинтересована Турция? Выдвинутый турецкой делегацией тезис одинакового режима для черноморских и нечерноморских держав мог иметь для Турции только тактическое значение и не вызван ее действительными интересами, между тем наши интересы он серьезно затрагивал. Почему же Турция пред-

* См. док. № 43.

** См. т. VI, док. № 17.

почла выйти на конференцию с разногласием между нами в этом существенном вопросе? Мы оценили положение правильнее, чем Турция, что показывает проливная конвенция. Турецкая же делегация своей тактикой открывала возможность другим делегациям противодействовать осуществлению наших пожеланий. Само собой разумеется, заключил я, что факт занятия Турцией позиции, противоречащей нашим интересам и не продиктованной ее собственными, вызвал очень тяжелое впечатление.

Если бы не франко-советский пакт и не наше поведение по отношению к Англии во время итало-абиссинского конфликта, мы никогда бы не получили то, что имеем, защищался Сараджоглу. Именно потому, что Москва учитывала и эти факты, она правильно оценила обстановку, возразил я. Турция же ошибалась и, совершив ошибку, выступила против нас. Таким образом, за Монтрё не турки могут быть в претензии, а, наоборот, мы к туркам*.

3. Я спросил Сараджоглу, как сейчас положение с проблемой [Александреттского] санджака. Министр ответил, что остаются еще открытыми вопросы о языке и о двух уездах. Я заметил, что, вероятно, соглашение было бы легче достигнуто, если бы французское правительство было уверено, что такое соглашение поведет к решительному улучшению франко-турецких отношений.

«Как же мы можем пойти на далеко идущее сближение с Францией,— воскликнул Сараджоглу,— когда у нее такая неопределенная политика. Сегодня она с одним, а завтра будет с другими. Франция по-прежнему мечтает о сближении с Италией, и на ее политику нельзя положиться».

В виде примера французской неискренности Сараджоглу указал, что, дав свое согласие на посылку смешанной комиссии для обследования вопроса о пограничных инцидентах, французское правительство сейчас заявляет, что проблема контрабанды не должна входить в круг вопросов, подлежащих ведению комиссии. Между тем, сказал Сараджоглу, все упирается в контрабанду, на почве которой и происходят пограничные инциденты.

Поверенный в Делах СССР
в Турции
Г. Залкинд

Печат. по арх

* См. т. XIX, док. № 210, 219, 222.

163. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Б. Е. Скворскому

18 мая 1937 г.

Можете сообщить премьеру и министру иностранных дел в ответ на их просьбу*, что Советское правительство разрешило вывоз 1 тыс. т пшеницы в Афганистан¹⁰⁴.

Стомоныков

Печат. по арх.

164. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурница в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

18 мая 1937 г.

Ряд фактов говорит за то, что немцы снова решили разыгрывать английские карты. Исключительное внимание, оказанное немцам во время коронационных празднеств, и тон, взятый новым английским послом**, создали благоприятную психологическую обстановку. Гендерсон в беседах с другими коллегами не скрывает, что ставит своей задачей сблизить Германию с Англией. Из достоверных источников я узнал, что и Лотриан после своего последнего свидания с Гитлером уехал подкрепленный новыми аргументами в пользу этого сближения. Гитлер ему, в частности, сказал (об этом сам Лотриан рассказал одному американскому корреспонденту), что на сближение с Италией его толкнула политика Идена, политика слишком тесного англо-французского сотрудничества, но что он, Гитлер, по-прежнему считает, что Германия должна идти вместе с Англией. Лотриан свой разговор с Гитлером резюмировал в краткой форме: «Войны можно избежать лишь через англо-германское соглашение». Лансируя английские карты, Германия отнюдь, конечно, не сворачивает и с пути сотрудничества с Италией. Помимо Испании ясно продолжается совместное давление и на Малую Антанту. Румын располагает данными, что во время пребывания здесь венгерского военного министра было заключено соглашение, по которому Германия обязалась поставить Венгрии военные материалы (авиацию и зенитную артиллерию) на сумму около 30 млн. марок, покрываемую Венгрией поставками предметов продовольствия. По тем же данным, Гитлер полностью одобрил намерение Венгрии аннулировать военные статьи Трианонского договора, но рекомендовал с этим пока не торопиться.

* См. док. № 151.

** См. док. № 155. 212.

Много внимания в [дипломатическом] корпусе уделяется последним событиям в Валенсии. Сегодня на приеме у американского посла английский советник, приехавший недавно из Валенсии и лично хорошо знающий тамошних деятелей, к удивлению своих слушателей, доказывал, что коммунисты в Испании, вопреки распространенным о них здесь мнениям, являются партией, выдерживающей натиск со стороны экстремистов и искренне ориентирующейся на сотрудничество и с умеренными республиканцами. Англичанин с явным сочувствием высказывался за выделение военного руководства и сосредоточение его в одних руках. Интересно, что он предостерегал от выводов, что уход Кабальеро знаменует эру новых потрясений и ослабления Народного фронта,— выводов, к которым, по-видимому, пришли немцы. Разговор этот англичанин вел не только со мной (что снизило бы его значение), а с группой дипломатов.

Полпред

Печат. по арх.

165. Телеграмма Поликомичного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

18 мая 1937 г.

Вчера Арас был у меня с визитом. Основной целью приезда Араса в Бухарест было, по его словам, подтолкнуть переговоры по торговому соглашению, которое имеет для турок особое значение потому, что румыны согласились поставлять туркам нефтепродукты взамен турецких замороженных в Берлине марок. Арас считает, что все вопросы, связанные с переговорами, урегулированы, и очень доволен (этого не считает председатель румынской делегации Крист, который мне вчера же сказал, что переговоры уперлись в ряд неподдающихся решению разногласий и, кроме «пустого» обещания Антонеску «все урегулировать», ничего не урегулировано).

Далее Арас, после свидания с королем и министром, констатировал заметное улучшение румыно-советских отношений. Румыны-де ищут сейчас формулу, которая могла бы служить базой соглашения с СССР **. Эта формула должна: 1) не быть пактом о взаимопомощи, 2) дать официальное признание [аннексии] Бессарабии и показать миру отличное состояние румыно-советских отношений. Формулы этой они еще не нашли. Одно время они рассчитывали добиться этого многосторонним Черноморским пактом ***, но убедились, что он нереа-

* Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Париж.

** См. также док. № 131.

*** См. также док. № 63.

лен, так как без СССР Турция такого пакта не подпишет, как не подпишет Средиземноморского пакта без Англии. Далее Арас заявил, что система турецкой безопасности имеет значение только с СССР — для района Черного моря, с Англией — для района Средиземного моря. Без них и против них Турция ничего не сделает: в бассейне Черного моря турки пойдут только с СССР, в Средиземном море — только с Англией. Зались беседы, продолжавшейся час, пришла почтой.

Из беседы можно было понять: 1) что Румыния не хотела и не хочет ни увеличивать свои обязательства по Малой Антанте, ни подписывать пакта с французами, желая выждать и не желая «провоцировать третьи державы», и 2) что турки к этому руку приложили. Арас меня длительно убеждал, что реальная помощь Югославии в случае германской агрессии против Чехословакии невозможна, и обратно, следовательно, такой, разрешенный Малой Антантой пакт беспредметен. Далее Арас заявил, что только одновременное подписание двух следующих пактов: 1) Локарно и 2) Восточного, в составе Франции, СССР, Малой Антанты и Балканской Антанты, Германии и Польши (или без последних двух), — может обеспечить мир. Отсюда я должен был сознательно заключить, что пакт Франция — Малая Антанта, как не являющийся ни Локарно, ни Восточным, опасен, как не обеспечивающий мир и как провоцирующий третьи страны.

Арас очень доволен переговорами Блюма — Иненю в Париже и считает, что в Женеве, вероятно всего, об Александреттском санджаке будет закончено.

Островский

Печат. по арх.

166. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Парнжа

*Вне очереди
20 мая 1937 г.*

Посетил президента, беседа была продолжительной, но политически малосодержательной. Лебрен предавался воспоминаниям о своей поездке в Россию 20 лет назад, но не удержался от напоминания о нашей заинтересованности во внутренней крепости Франции и о желательности соответственных советов с нашей стороны. Ответил, что советы означают вмешательство во внутренние дела, от каких воздерживаемся.

Информация Дельбоса о лондонских разговорах совпадает в общем с тем, что Майский сам сообщил о своей беседе с Иденом*. Дельбос и Блюм убеждены, что британское пристрастие еще больше укрепилось в своем недоверчивом отно-

* См. док. № 132

шении к Германии и к возможности заключения с ней Западного пакта. Иден предлагает теперь заменить этот пакт соглашением с Германией, гарантирующим лишь неприкосновенность Бельгии, что совершенно не улыбается Франции. Блюм и Дельбос допускают, что продолжение и углубление розни между Италией и Англией может толкать последнюю на сближение хотя бы внешнего характера с Германией. Оба они признали, что манифестация англо-франко-советской солидарности может обеспечить мир в Европе вопреки политическим зигзагам малых и средних государств. Бек возвращается из Лондона после морского парада через Брюссель, где он остановится от поезда к поезду для разговоров с [Ван-] Зееландом, якобы на экономические темы, о чем он известил Дельбоса во избежание приписывания ему других целей. О чем собирается говорить здесь Шахт, приезжающий под предлогом открытия германского павильона [на Парижской всемирной выставке], Блюму не известно¹⁹⁵.

О намерении поехать в Москву в сентябре говорили мне Шотан⁹, министр просвещения Зей* и председатель комиссии палаты по внешним делам Мистраль.

Литвинов

Печат. по арх.

167. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Испании Л. Я. Гайкису

*Немедленно
21 мая 1937 г.*

Мы сообщили Вам о полученной от англичан ноте по вопросу о призыве к прекращению военных действий в Испании на время, достаточное для осуществления отзыва иностранных добровольцев**.

Информируйте испанское правительство, что правительство СССР рассматривает это предложение как дальнейшее развитие английского маневра, получившего недавно свое выражение в призыве к отказу от применения военной авиации в испанской войне***. Указанный маневр имеет целью, с одной стороны, смягчить общественное мнение, осуждающее позицию Англии в испанском вопросе, с другой же стороны, деморализовать республиканские войска. Конечно, английское правительство не может серьезно рассчитывать на возможность хотя бы и временного прекращения военных действий в Испании. Но постановка этого вопроса позволит англичанам утвер-

* См. газ. «Известия», 3, 6 и 14 сентября 1937 г.

** См. стр. 273.

*** См. док. № 144.

ждать, что они делают все возможное для окончания кровопролития в Испании.

Мы считаем необходимым принять английское предложение, поскольку как мы, так и испанское правительство уже поставили перед Лондонским комитетом вопрос об отзыве добровольцев*. Отклонение нами английского предложения могли бы использовать для срыва этого требования. Мы, однако, оговорим, что мы согласны присоединиться к английскому предложению при условии ускорения переговоров об отзыве добровольцев и создания гарантий, что перемирие не будет использовано мятежниками для пополнения своих сил иностранным оружием и войсками**.

Мы не намерены торопиться с ответом англичанам и дадим его во всяком случае не ранее 25 — 26 мая.

Выполнение данного поручения подтвердите***.

Потемкин

Печат. по арх.

168. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемицу

21 мая 1937 г.

1. В ответ на обычные вопросы о его здоровье Сигемицу подробно рассказывал, что искусственная нога, которую ему сделали в Берлине, была, очевидно, недостаточно прилажена и что на этой почве получился воспалительный процесс и сильные боли в его ампутированной ноге. К ним прибавилась упорная простуда. В результате он не мог передвигаться, и только этим объясняется, что он так долго не был у меня.

Во время этой части беседы на личные темы я спросил мимоходом Сигемицу, много ли у него теперь работы.

Сигемицу сказал, что теперь у него очень мало работы, ибо, собственно, работает за него главным образом Ниси****, встречающийся довольно часто с преемником т. Козловского т. Борисовым*****, который проявляет много любезности и внимания ко всем вопросам. К сожалению, за последнее время слишком много конфликтов по всяким мелким вопросам. Чем это вызвано?

Я ограничился замечанием, что, очевидно, имеются причины общего характера.

Тогда посол, продолжая на немецком языке, без переводчика, очевидно, чтобы подчеркнуть конфиденциальный харак-

* См. док. № 48.

** См. док. № 178.

*** См. док. № 171.

**** Советник посольства Японии в СССР.

***** Н. о. заведующего II Восточным отделом НКВД СССР.

тер беседы, сказал, что, по его мнению, настала уже пора возобновить разговоры о заключении рыболовной конвенции. Переговоры уже закончены, и нужно только оформить их подписанием соглашения. Что я думаю по этому вопросу?

Я ответил, что дело находится все в том же положении, в каком оно было в ноябре*. Вопрос был поставлен нами на рассмотрение правительства, но правительство, по известным послу соображениям, отложило его рассмотрение. С тех пор ничего не изменилось. Правительство, очевидно, не видело ивовых оснований для рассмотрения вопроса.

Сигемицу спросил, не может ли НКИД просить правительство рассмотреть этот вопрос. Посол думает, что мы с ним должны сделать усилия, чтобы вывести наши отношения из их нынешнего состояния. Мне, конечно, известно, что Сато имел ряд бесед с т. Юреневым, в частности по вопросу о пограничных комиссиях**, и что в этом деле уже имеется прогресс. Он, Сигемицу, хотел бы тоже сделать что-нибудь для улучшения наших отношений.

Я сказал, что, разделяя полностью пожелания посла, я хотел бы вместе с ним работать над улучшением наших отношений. К сожалению, я не вижу пока никакого прогресса. Разговоры между Сато и т. Юреневым, к сожалению, не сдвинули переговоров о пограничных комиссиях с мертвой точки. Послу известна позиция Советского правительства, заключающаяся в том, что до удовлетворительного урегулирования двух основных вопросов соглашений об этих комиссиях бесполезно и даже нежелательно обременять наши отношения бесплодными переговорами по этим соглашениям.

Сигемицу заметил, что, кажется, по этим именно вопросам и имеется прогресс в переговорах между Сато и т. Юреневым.

Я ответил, что Сато говорил действительно т. Юреневу, что он собирается снестись с японскими и маньчжурскими властями с целью пойти нам навстречу по этим двум вопросам, однако мы не знаем еще, сделал ли он это и каковы результаты.

Сигемицу выразил удивление, пробормотав, что ему казалось, что по этим вопросам уже сделан шаг вперед. Он сказал, что, во всяком случае, переговоры Сато с т. Юреневым были весьма положительным явлением в наших отношениях и что ему, Сигемицу, хорошо известны намерения Сато улучшить отношения. Именно поэтому он считал бы своевременным начать вновь переговоры о рыболовной конвенции в Москве. Он опять спросил меня, что я думаю по этому вопросу.

Я ответил, что считал бы более целесообразным продвигать сперва переговоры о пограничных комиссиях. Посол знает, что переговоры о рыболовной конвенции были обремен-

* См. т. XIX, док. № 361, 402.

** См. док. № 138, 157.

нены известными другими моментами. Для того чтобы рассчитывать на некоторый успех при рассмотрении рыболовного вопроса нашим правительством, следовало бы разрядить атмосферу, господствующую в наших отношениях с ноября прошлого года. Мне лично кажется, что наиболее целесообразно было бы начать это с урегулирования вопроса о пограничных комиссиях, который является, по существу говоря, наиболее важным из всех конкретных вопросов, обсуждавшихся обоими правительствами за последнее время.

Сигемиду констатировал с улыбкой, что, значит, для него нет работы, ибо не может же он заниматься визными делами.

Я согласился с замечаниями посла насчет визных дел и вскользь прибавил, что, может быть, действительно японское правительство поручит ему продолжение переговоров о пограничных комиссиях. Сигемиду, поняв меня, сразу сказал, что это было недоразумение. Сато был неправильно понят, когда ему приписывали намерение перенести переговоры о пограничных комиссиях в Москву: он хочет их продолжить и закончить в Токио.

Я сказал, что это полностью совпадает с нашим желанием и что я затронул возможность перенесения переговоров в Москву только вследствие имевшегося сообщения о таком намерении Сато.

2. Затем после некоторой паузы Сигемиду тихим голосом сказал полувопросительно, что мне известны, конечно, обращения Сато к т. Юреневу по вопросу о приезде т. Козловского¹⁶⁶. Когда я подтвердил это, Сигемиду сказал, что он имел поручение от Сато при случае разъяснить нам его позицию в этом деле. Сато оказался в очень трудном положении, ибо уже после предоставления агремана появились новые обстоятельства, которые он не мог скрыть от нас, так как он считал себя обязанным обеспечить хороший прием послу, который получил агреман. Сато боится осложнений, и в особенности на предстоящей сессии нового парламента, поэтому он очень хотел бы, чтобы мы отложили приезд т. Козловского.

Я сказал, что мне известны обращения Сато к т. Юреневу, но что, поскольку после второго обращения прошло некоторое время и мы ничего не слышали об этом деле, я полагал, что вопрос урегулирован ответом т. Юренева на заявление Сато и последующим заверением Сато, что он, конечно, примет все меры, чтобы устранить затруднения для т. Козловского.

Сигемиду переспросил, что я имею в виду [под] словами, что я считал вопрос урегулированным.

Я ответил, что считал, что Сато удовлетворился заявлением т. Юренева, что вопрос исчерпан и что т. Козловский по возвращении из отгулка поедет в Токио.

Тогда Сигемиду спросил: разве т. Козловский уже назначен послом в Токио?

Я ответил, что назначение уже состоялось, но еще не опубликовано. Я прибавил, что именно потому, что я считал вопрос урегулированным, я и был удивлен, узнав, что посол сегодня вновь затронул этот вопрос.

Сигемицу сказал, что он не ставил сам вопроса перед т. Потемкиным, а лишь воспользовался тем, что т. Потемкин заговорил о т. Козловском как о хорошем новом деле в Токио, чтобы разъяснить ему позицию Сато. Для него, Сигемицу, это очень неприятное дело, ибо он сам был очень доволен назначением т. Козловского в Токио. Он надеется, что мы поймем трудность положения Сато.

Я сказал, что я не сомневаюсь в том, что японское правительство найдет пути и средства для устранения всех недоразумений, тем более что они исходят из кругов, которые с той же охотой воспрепятствовали бы приезду всякого другого советского посла в Токио. К тому же лучшего посла, чем т. Козловский, мы в Токио послать не можем. Тов. Козловский едет туда с наилучшими намерениями. Я возлагаю большие надежды на его работу в Токио и поэтому могу только выразить большое сожаление по поводу того, что именно в связи с ним возникли эти затруднения.

Сигемицу сказал, что он также чрезвычайно сожалеет, ибо он очень ценит т. Козловского, но эти обстоятельства стали известны уже после предоставления агремана.

Я сказал, что никаких «обстоятельств» нет и что приведенные два «факта» являются просто вымыслом. Я изучил дело по архивам и констатировал, что приписываемые т. Козловскому действия в Харбине, равно как и его отказ пойти на гарден-парту к императору, просто выдуманы.

Сигемицу с недовольной улыбкой спросил, неужели это правда, и сказал, что он будто бы не знает фактов, из-за которых Сато обратился к т. Юреневу.

Я в заключение выразил уверенность, что Сато и японское правительство примут все необходимые меры для того, чтобы устранить все возможные затруднения.

3. Затем Сигемицу спросил, когда приезжает т. Литвинов, и, получив от меня ответ, что он приезжает в начале июня, пояснил, что он, Сигемицу, имеет поручение передать т. Литвинову послание (месседж) от Сато в ответ на послание т. Литвинова Сато*. Это последнее сыграло положительную роль, и он, посол, считает весьма важным поддержание такого личного контакта между руководящими деятелями. Хотя т. Литвинов еще задержится за границей, он, посол, склоняется все же к мысли подождать его возвращения, поскольку послание Сато носит личный характер и Сато поручил ему,

* См. док. № 104.

послу, лично передать его т. Литвинову, хотя, конечно, он мог бы сообщить его и мне.

Я сказал, что, конечно, лучше подождать приезда т. Литвинова¹⁰⁷.

Беседа велась до конца на немецком языке, и, таким образом, присутствовавшие переводчики т. Андреев и Юхаси не приняли участия в беседе.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

169. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

22 мая 1937 г.

Имеются сведения, что находящийся в Берлине японский ген. Осима активно продвигает переговоры о военном договоре с Германией. По-видимому, это делается без ведома и одобрения Сато.

Потемкин

Печат. по арх.

170. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому *

*Вне очереди
23 мая 1937 г.*

На телеграмму от 23 мая¹⁰⁸. Составленный секретариатом Комитета проект обращения к борющимся в Испании сторонам вводит совершенно новые и политически явно неприемлемые моменты в первоначальное предложение об отказе от применения военной авиации **. Вам следует против этого решительно возражать. Укажите, что у правительства СССР нет никаких оснований предполагать, что испанское правительство пренебрегало в прошлом принципами гуманности в его борьбе с мятежниками и интервентами. Наоборот, признано, что республиканская армия борется с вооруженными силами противника и подвергает бомбардировке только военные объекты. Что касается мятежников и интервентов, то общеизвестно, что они специально преследуют мирное население и разрушают города, не имеющие военного значения (сошлитесь на разрушение Герники и других баскских городов, бомбардировку и обстрел населенных кварталов Мадрида и т. д.). По поводу предложения применять на своей террито-

* Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Женеву.

** См. док. № 144, 179.

рия принципы гуманности в обращении с «политическими сторонниками противного лагеря» укажите, что законное правительство не может быть лишено права принимать меры, необходимые для обеспечения политической безопасности государства. Таким образом, Вы можете согласиться только с предложением, сформулированным в п. 3 Вашей телеграммы, об отказе от бомбардировки открытых городов, деревень и других объектов, не имеющих военного характера.

Потемкин

Печат. по арх.

171. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
23 мая 1937 г.*

На телеграмму от 21 мая*. Ко мне заехал Негрин** и информировал о решении совета министров по поводу английского предложения о прекращении военных действий. Совет министров предрешил дать на это предложение отрицательный ответ. В связи с широко уже циркулирующими слухами о предстоящем перемирии правительство сочло целесообразным заявить публично о своей непреклонной позиции в этом отношении, что нашло свое выражение в соответствующем комюнике, содержание которого передано вам через ТАСС.

Негрин сообщил о своей беседе на эту тему с Асаньей, который высказался за принятие английского предложения и намекнул, что и правительство Кабальеро не являлось противником возможного прекращения военных действий. Негрин подозревает даже возможность предварительной согласованности английского предложения. О настроении Асаньи, а тем самым и части республиканцев он просил довести до вашего сведения. Негрин разделяет нашу оценку английского предложения и соглашается с доводами, определяющими нашу позицию. Он просит лишь четко обусловить наше присоединение к английскому предложению предварительной выработкой гарантий, что перемирие не будет использовано для усиления мятежников. Он полагает, что подобная позиция облегчит также маиевроспособность испанского правительства.

Полагаю, что предварительное ознакомление Негрина и Прието*** хотя бы с основными пунктами нашей ответной ноты значительно укрепило бы их доверие к нам****.

Гайкис

Печат. по арх.

* См. док. № 167.

** Председатель совета министров Испании с 17 мая 1937 г.

*** Министр флота и авиации Испании.

**** См. док. № 177.

172. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы *

Немедленно
24 мая 1937 г.

В сегодняшнем разговоре Иден признал, что лондонские и парижские встречи ** не дали никаких существенных результатов, но что они будто бы укрепили общее доверие и рассеяли некоторые тревоги. Я напомнил ему заявление Гитлера, что свой следующий удар он нанесет с быстротой молнии, без предупреждения, а потому не следует убаюкивать себя излишним оптимизмом.

Иден не скрывал своего презрительного и враждебного отношения к Италии и лично к Чиано. О своих беседах с Бекон он сказал, что тот главным образом оправдывался в приписываемых ему злодеяниях.

Я напомнил Идену, что он мне об этом говорил еще в Лондоне¹⁰⁸, после чего он имел вторичную беседу с Бекон. Иден ответил, что Бек и на этот раз повторил то же самое, в чем он, однако, меня не убедил.

Иден вновь подтвердил, что никаких переговоров с Японией еще нет***, что Иосида пока лишь зондирует и обещал в непродолжительном времени представить конкретные свои предложения, но что Англия не заключит никаких соглашений за счет Китая.

Говоря о предложении австралийского премьера Лайонса****. Иден признал, что тот готов был идти и на пакт о взаимной помощи, но на этом настаивает. К Тихоокеанскому пакту о ненападении Англия относится положительно, и такой пакт будто и Кун признал приемлемым. На вопрос Идена, считаю ли я пакт приемлемым для Японии, я сказал, что если ей заранее дать понять, что в случае несогласия пакт состоится без нее, то она предпочтет, вероятно, примкнуть к пакту, а в противном случае постарается сорвать его. Иден заметил, что, во всяком случае, было бы полезно созвать конференцию по этому поводу.

Литвинов

Печат. по арх.

* Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Великобританию.

** См. док. № 166 и газ. «Известия», 8 апреля 1937 г.

*** См. док. № 179, 195.

**** См. док. № 194, 195, 201; газ. «Известия», 21 мая 1937 г.

173. Запись беседы первого секретаря Полномочного Представительства СССР в Чехословакии с заведующим Политическим отделом Министерства Иностранных Дел Чехословакии Фирлингером

24 мая 1937 г.

В газете «А-зет» была помещена статья Иржи Бенеша о деятельности русских эмигрантов-казаков в Чехословакии. Иржи Бенеш писал, что Чехословакия, представляющая прелесть убежища эмигрантам всех стран, не может, однако, терпеть на своей территории политической деятельности эмигрантских организаций, направленной против других стран, и в особенности таких, которые находятся в дружеских отношениях с ЧСР. Бенеш указывал, что организация казаков, именующая себя «советом казачьего центра в Чехословакии», рассылает по различным адресам письма об оказании ей материальной помощи для ведения на территории СССР террористической деятельности.

Показав Фирлингеру эту статью, я заявил ему, что представители советского полпредства уже неоднократно в прошлом в связи с отдельными фактами указывали МИД на антисоветскую деятельность белогвардейских организаций в ЧСР. Теперь даже чехословацкий журналист поднимает публично вопрос о том, что Чехословакия не должна терпеть на своей территории подобную деятельность, ибо это противоречит чехословакко-советским соглашениям¹¹⁰. Я спросил его, что МИД намерен предпринять в связи с этим. Фирлингер ответил, что он даст указание своему аппарату в самом срочном порядке снестись с министерством внутренних дел, дабы положить конец деятельности белогвардейцев такого характера. Он обещал, как только минувдел произведет расследование указанных в статье фактов, сообщить полпредству о принятых мерах¹¹¹.

Фирлингер сообщил, что, согласно полученным МИД от чехословацкого посланника в Риме Хвалковского докладом, между Муссолини и Чиано имеются серьезные расхождения по испанскому вопросу. Муссолини стоит якобы за то, чтобы так или иначе ликвидировать в самом непродолжительном времени итальянскую авантюру в Испании. Чиано же стоит за продолжение ее. Фирлингер полагает, что падение Бильбао может явиться серьезным аргументом в пользу политики Чиано и что, наоборот, поражение мятежников под Бильбао может укрепить позицию Муссолини.

В конце беседы Фирлингер сказал мне, что собирается в начале сентября выехать в Москву. Возможно, что уже в ближайшие дни будет официально запрошен агреман. На его

место в МИД будет, по всей вероятности, назначен начальник I отделения (западноевропейское) Политического отдела МИД Райхголец.

Первый секретарь Полпредства СССР
в Чехословакии
М. Шапров

Печат. по арх.

174. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Немедленно
25 мая 1937 г.*

У меня был Арас, который по дороге встретился с возвращавшимся из Лондона Иненю. Арас подтвердил три пункта, согласованные мною с Иненю *, прибавив к этому, что дружба с СССР никогда не будет находиться в зависимости от третьего государства. На вопрос, от кого исходит идея Черноморского пакта, о котором он говорил с Островским **, Арас отвечал путано, пытаясь приписать инициативу Румынии. На вопрос, о каком пакте идет речь, Арас ответил, что пока он об этом еще не думал, но признал, что румын главным образом интересуется признание нами в рамках такого пакта Бессарабии. Пакт, по мнению Араса, должен быть, однако, заключен одновременно с Западным Локарно и с Средиземноморским пактом. Дунайское соглашение Арас мыслит себе в составе Австрии, Венгрии, Малой и Балканской Антант. По-видимому, с целью включиться в это соглашение Арас стремится сорвать ранее предполагавшееся дунайское соглашение *** без Балканской Антанты. Далее он развивал идею обширного Восточного пакта, включающего СССР, Францию, Малую и Балканскую Антанты, Польшу и Германию, если последняя пожелает. Хотя Островскому он говорил, что можно обойтись и без Польши. Арас мне говорил, что присутствие Польши обязательно, ибо без нее Румыния не может участвовать в пакте, а потому необходимо Франции потребовать от Польши участия в этом пакте под угрозой разрыва союза с ней.

Арас вновь оправдывался в своих прошлых грехах, но фактически признавал все, на что мы указывали ****. По-видимому, под давлением Англии Арас теперь говорит сдержанно об Италии, с которой Турция якобы стремится лишь избежать трений. Англия будто бы постоянно говорит Турции, что она не только не возражает против дружбы последней с СССР, но, наоборот, рада этой дружбе и берет Турцию вме-

* См. док. № 155.

** См. док. № 63, 165.

*** См. т. XVIII, док. № 90, 219, 221.

**** См. т. XIX, док. № 358.

сте с этой дружбой. Думаю, что это фантазия Араса. Он отрицает получение новых кредитов от Англии. Он признал, что с Румынией соглашение о нефти еще не вытанцовывается, вследствие чего Арас отсюда вновь поедет в Бухарест. В Москву он готов приехать на первой неделе июля, а точную дату сообщит нам на днях*.

Дельбос высказал свое полное удовлетворение результатами своего визита в Брюссель. Бельгийцы подтвердили ему все то, что он раньше говорил Идену, а кроме того, согласились вступить в военные переговоры, но в секретном порядке.

Холсти повторил Дельбосу свое удовлетворение визитом в Москву**, но указывал на наше якобы чрезмерное вооружение на финской границе.

Литвинов

Печат. по арх.

175. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы***

25 мая 1937 г.

У меня был Антонеску, рассказывал о переговорах с Италией. Вначале Чиано настаивал на предварительном или одновременном соглашении между Румынией и Венгрией, но затем от этого условия отказался. Итальянский посланник говорил Антонеску на днях, будто Чиано предложил Лугошану соглашение с Румынией, идущее дальше итало-югославского пакта, и чуть ли не о вещественной гарантии границ. От Лугошану же Антонеску донесения об этом ко времени отъезда еще не имел. Румыния хочет иметь добрые отношения с Италией, но придает им второстепенное значение, выдвигая на первый план общую политику с Парижем, Лондоном, Москвой и Прагой. Антонеску пытался оправдать поведение Бека, который якобы вовсе не толкал Румынию в объятия Италии. Антонеску тут же, однако, развил мне аргументацию, в которой он доказывал Беку сравнительное отсутствие интереса у Румынии к Италии. Антонеску лишь покраснел, когда я ему заметил, что если он счел нужным развить такую аргументацию, то, очевидно, Бек доказывал необходимость соглашения с Италией.

Я говорил Антонеску, что его прошлогодние заверения о его решимости продолжать политику Титулеску**** не оправдываются. За это время имело место дальнейшее укрепление связей с Польшей, а нам поднесено награждение орденом быв-

* См. док. № 207.

** См. док. № 40.

*** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Румынии.

**** См. т. XIX, док. № 273, 279, 288, 357.

шего царского посланника *. Я не соглашался с Антонеску, будто Титулеску вел политику провокаций по отношению к Польше и что поэтому Румынии необходимо было выпрямить свои отношения с ней. Я напомнил Антонеску провокационные действия Бека и его посланника Арцишевского в Румынии ** и отметил долготерпение Титулеску.

Антонеску говорил о своем желании заключить с нами соглашение, урегулировав вопрос о Бессарабии, а что касается наших переговоров с Титулеску ***, то он желал бы видеть тексты. Я ответил, что Титулеску отлично понимал, что для соглашения с нами надо избегать разговоров о Бессарабии. Последняя занята Румынией, мы требований не предъявляем, тем более должна молчать Румыния, и это в ее интересах. Между нами и Титулеску было молчаливое согласие не касаться вопроса о Бессарабии. Но если теперь в Румынии об этом заговорят, то и мы не сможем молчать. Что касается текстов, то они опубликованы в печати, ибо базой наших переговоров с Титулеску был советско-чехословацкий пакт **** с некоторыми модификациями. Я хотел бы знать, желает ли Антонеску продолжать переговоры на этой базе. На замечание Антонеску, что при нынешнем общественном мнении Румынии ему трудно говорить о взаимной помощи, я ответил, что, по-видимому, с уходом Титулеску изменилось и общественное мнение Румынии, ибо тот, несомненно, также с ним считался и все же находил возможным говорить о взаимной помощи, причем нам известно, что он имел на это полное согласие короля. Конечно, взаимопомощь была предложена не нами, а Титулеску, а потому дело Румынии продолжать переговоры или отказаться от них. Мы ничего другого не предлагаем. Если у Антонеску имеются предложения, то мы их изучим. Антонеску ответил, что он готов вести переговоры на базе пакта, аналогичного итало-югославскому или же Черноморскому пакту, о котором должен говорить со мной Арас *****. Я сказал, что некоторые статьи итало-югославского пакта в данном случае не подходят, а Арас говорил о Черноморском пакте, не определив его содержание. Слово «пакт» еще ничего не говорит. Я хотел бы знать точнее, о чем именно идет речь. Я разъяснил Антонеску, при каких обстоятельствах и по каким причинам в Монтрё был предложен Черноморский пакт и почему он провалился.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. газ. «Правда», 15 декабря 1936 г., 20 июля 1937 г.

** См. газ. «Известия», 3 октября 1934 г.; т. XVIII, док. № 216 и док. № 55, 241 настоящего тома.

*** См. т. XVIII, док. № 283, 295, 411, 426, 436; т. XIX, док. № 288, 309, 357 и док. № 131 настоящего тома.

**** См. т. XVIII, док. № 223.

***** См. док. № 174.

176. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

26 мая 1937 г.

Англо-японские переговоры в Лондоне * значительно продвинулись вперед. Они охватывают три вопроса: китайский, торговый и финансовый. По первым двум японцы сделали уже конкретные предложения.

По Китаю японские предложения сводятся в основном к признанию особых прав Японии в Северном Китае взамен за сотрудничество Японии с Англией в Среднем и Южном Китае. Причем Япония обещает не знать никаких преград английским интересам. По Северному Китаю Япония успокаивает Англию в туманных и мало обязывающих формах, что Япония не стремится к территориальным захватам.

По торговому вопросу японцы обещают ослабление своей конкуренции Англии на других рынках, если Англия поможет Японии устранить препятствия к ее экономической экспансии в Китае.

По финансовому вопросу ведутся разговоры между Носида и Лейт-Россом ** о крупных кредитах на значительно более льготных условиях, чем предоставленные нам в свое время.

Стомоняков

Печат. по арх.

177. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР ***

*Вне очереди
26 мая 1937 г.*

Негрин и Прието выразили свое полное одобрение по поводу текста ноты и просили передать вам благодарность за внимательное отношение к мнению испанского правительства ****. Считаю целесообразным в конце ноты вместо слова «перемирие» вставить «прекращение военных действий».

Гайкис

Печат. по арх.

* См. также док. № 172, 179, 193; газ. «Известия», 24 мая 1937 г.

** Главный экономический советник правительства Великобритании.

*** Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Женеву.

**** См. док. № 167, 171.

178. Нота и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Временному Поверенному в Делах Великобритании в
СССР Маккиллопу

27 мая 1937 г.

Господин Поверенный в Делах,

Имею честь подтвердить получение ноты г. Посла от 17 мая с. г., в которой, по поручению Главного Государственного Секретаря по Иностранным Делах, он сообщил мне о намерении Британского Правительства обратиться к борющимся в Испании сторонам с призывом прекратить военные действия на время, необходимое для осуществления отзыва иностранных добровольцев из Испании, и просил осведомить Вас о том, готово ли Правительство СССР присоединиться к названному призыву.

Правительство Союза ССР подвергло данный вопрос внимательному рассмотрению. Считаю необходимым отметить, г. Поверенный в Делах, что своевременность обращения к законному испанскому правительству и к мятежникам с призывом о временном прекращении военных действий в целях осуществления отзыва иностранных добровольцев в тот момент, когда еще не достигнуто соглашение в вопросе об отзыве таковых, не представляется Правительству СССР достаточно очевидной.

Впрочем, сомнению подвергает Правительство СССР не только своевременность, но и эффективность такого призыва. Правительство СССР учитывает, во-первых, очевидную невозможность надеяться на лояльность мятежников, попирающих, при пособничестве некоторых иностранных государств, элементарнейшие принципы человечности и права, в чем международное общественное мнение могло убедиться, между прочим, на вопиющем примере кровавого разгрома мирного города Герники; во-вторых, Правительство СССР принимает во внимание безрезультатный опыт подобного обращения, уже имевший место в эпоху борьбы Советской России с русскими мятежными генералами и с иностранной интервенцией.

Тем не менее Правительство Союза, желая всячески ускорить отзыв из Испании иностранных добровольцев, в том числе и иностранных регулярных войск, что могло бы привести к быстрому прекращению дальнейшего кровопролития, готово уже сейчас присоединиться к призыву о прекращении военных действий на время, необходимое для осуществления отзыва добровольцев.

При этом, однако, признавая невозможным рассматривать испанское правительство и мятежников как равные стороны, Правительство СССР считает желательным и справедливым условием, чтобы мятежники, первые поднявшие оружие против законного правительства Испанской Республики, первые

же и приостановили военные действия против него и первые начали вывод из страны иностранных войск, в том числе марокканских. Без этих предварительных гарантий временное прекращение военных действий могло бы только обострить гражданскую войну в Испании, пойти на пользу мятежникам и нанести ущерб законному правительству Испании.

Примите, господин Поверенный в Делах, мои уверения в совершенном к Вам уважении.

Потемкин

*Печат. по арх. Опубли. в газ. «Известия»
№ 125 (6287), 29 мая 1937 г.*

В упоминаемой ноте посла Великобритании в СССР Чилтона от 17 мая 1937 г., в частности, говорилось:

«Правительству Его Величества предложило Лондонскому комитету по невмешательству рассмотреть вопрос об осуществлении согласованного вывода добровольцев-иностранцев из Испании; в настоящее время технический консультативный подкомитет готовит для рассмотрения в ближайшее время Комитетом доклад с рекомендациями по решению этой проблемы.

Ожидается, что позиция других правительств-участников в принципе будет благоприятна по отношению к данному предложению ввиду их готовности представить соответствующие практические вопросы на рассмотрение подкомитета.

В связи с этим Правительство Его Величества решило выяснить, готовы ли эти правительства до разработки практического осуществимого плана вывода добровольцев из Испании присоединиться к нему в обращении к обеим воюющим сторонам с целью побудить их согласиться на прекращение военных действий на всех фронтах Испании на период, достаточный для осуществления такого вывода».

В заключение в ноте указывалось: «Аналогичное сообщение направляется правительствам Германии, Италии и Португалии. Правительство Его Величества надеется, что это предложение будет в ближайшее время благоприятно рассмотрено всеми заинтересованными правительствами. Я был бы признателен, если бы Ваше Превосходительство любезно ознакомило меня как можно ранее с точкой зрения Советского Правительства по данному вопросу».

179. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Вне очереди
27 мая 1937 г.*

Сегодня Иден вручил мне в спешном порядке меморандум, полученный им из Лондона, по поводу позиции Кагана в Комитете [по невмешательству] в вопросе о гуманизации войны¹¹². Меморандум указывает, что немцы, итальянцы и португальцы соглашаются на обращение о воздержании от бомбардировки открытых городов только при условии гуманизации войны вообще. Далее указывается, что если Каган не получит новых инструкций, то Комитету останется либо сделать обращение от имени 26 государств с указанием на несо-

масше СССР или же совершенно отказаться от обращения с мотивировкой о несогласии советского представителя. Англия считает нежелательными обе альтернативы и поэтому просит дать Кагану новые инструкции. Я сказал Идену, что на предложение о прекращении бомбардировки городов и военных объектов мы безусловно согласны, но что остальное для меня совершенно ново и инструкции Кагану могут быть посланы только из Москвы.

Мне лично все это дело представляется мариловщиной, лишенной всякого практического значения, поэтому вряд ли стоит давать повод обвинять нас в срыве даже таких мариловских проектов. Иное дело — испанское правительство, которое может отвергать все, что представляется ему нецелесообразным с точки зрения военных действий. Мы же идентичной с ним позиции занимать не можем. Я предложил бы добавить пункт об освобождении задержанных команд торговых судов, не участвовавших в военных действиях. Об окончательном решении прошу меня уведомить.

На мой вопрос об англо-японских переговорах Иден сказал, что перед отъездом подробно информирует меня о них¹¹³.

Литвинов

Печат. по арх.

180. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на сессии Совета Лиги наций

28 мая 1937 г.

Речь уважаемого представителя Испании и разосланные им документы* исчерпывающе осветили фактическую сторону дела, на которой вряд ли есть надобность останавливаться. Перед нами совершенно ясное дело, не требующее дальнейших проверок и расследований. Перед нами бесспорный случай насильственного ввода иностранных вооруженных сил на территорию одного из членов Лиги наций — случай агрессии в грубейшей форме.

Предпринимавшиеся за последний год, по практическим предложениям, некоторые международные акции — соглашение о невмешательстве в испанские дела**, установление контроля, предложение о перемирии, обращение к воюющим сторонам — несомненно искажают и затемняют формальную сторону дела, создавая впечатление, будто речь идет о равноправных воюющих сторонах. На самом же деле мы имеем, с одной стороны, законно признанное всеми без исключения государствами и Лигой наций правительство, созданное на ос-

* См. газ. «Известия», 28, 30 мая 1937 г.

** См. т. XIX, док. № 249.

нове испанской конституции и демократического избирательного права, получившее незадолго до возникновения обсуждаемого события вотум доверия испанского народа, правительство, ответственное за соблюдение законов страны, за порядок, за дисциплину в армии и флоте и обязанное подавлять, если нужно силой, всякое покушение на изменение существующего строя, покушения на интересы широких народных масс и всяческие мятежи и беспорядки. С другой стороны — кучка генералов и офицеров, нарушивших свой воинский долг, восставших против законного правительства и конституции страны, начавших военные действия при помощи главным образом марокканских войск. Я позволяю себе напомнить об этих простых, бесспорных фактах ввиду того, что о них начинают забывать. Начинают забывать, что в данном случае не может быть и речи о равноправии сторон. Иностранное правительство имеет право входить в сношения с испанским правительством, совершать с ним любые коммерческие сделки, вплоть до продажи военных материалов, не нарушая никаких международных норм и обязательств. Сношения же с мятежными генералами, а тем более снабжение их военным материалом являются классическим примером вмешательства во внутренние дела другого государства.

Если бы испанские события ограничились внутренними неурядицами, борьбой правительства против мятежников, то Лиге наций не только нечего было бы делать с этим вопросом, но эти события давно прекратились бы. Всякий беспристрастный человек, знакомый с соотношением сил, должен признать, что законное испанское правительство давно справилось бы с мятежом, Мадрид и другие испанские города не подверглись бы опустошению и разрушению и испанскому народу не пришлось бы оплакивать гибель десятков тысяч мужчин, женщин и детей, уничтожение лучших представителей испанского искусства и науки. Дело не приобрело бы международного характера, и не только в Испании был бы давно установлен порядок, но и не был бы нарушен международный порядок.

К сожалению, опубликованные документы с предельной убедительностью доказывают, что самый мятеж генералов был подготовлен и организован при иностранном подстрекательстве и с иностранной помощью. Больше того, в первый же день мятежа мятежники стали снабжаться оружием, авиацией, военными инструкторами и летчиками из-за границы. Размеры этого снабжения до мере развития событий все более и более увеличивались, и помощь мятежникам стала оказываться не только военным, но и человеческим материалом. Заключение соглашения о невмешательстве в испанские дела не прекратило оказания этой помощи мятежникам. В Испанию в помощь мятежникам хлынули десятки тысяч хорошо обучен-

ных и вооруженных иностранцев, из которых многие находились на военной службе иностранных государств, и составили на территории Испании значительные воинские части. Крупные сражения с испанской республиканской армией велись в некоторых случаях исключительно этими иностранными воинскими частями под командованием иностранных генералов. Испанские города подвергаются бомбардировке иностранных самолетов, управляемых иностранными пилотами. Четвертая часть Мадрида, весь город Герника и множество других городов и деревень уничтожены иностранной авиацией. Можно сказать, что в настоящее время испанской республиканской армии приходится вести вооруженную борьбу не столько против мятежников, сколько против вторгшихся в страну иностранных интервентов. Таким образом, один из членов Лиги подвергся иностранному нашествию и угрозе нарушения его территориальной целостности и политической независимости.

Но дело идет не об одной Испании. Испанские события создали одну из величайших угроз европейскому и всеобщему миру. Угроза эта возникает вследствие попытки вооруженного вмешательства во внутренние дела европейского государства, попытки навязать народу этого государства чуждый ему внутренний режим, а главным образом, внешнеполитическую ориентацию и под покровом этого вмешательства лишить эту страну ее независимости и подчинить ее феруле других государств. Если бы эта попытка удалась и прошла безнаказанно, то не будет гарантии в том, что она не будет повторяться и в других странах. Нет гарантии в том, что не будет сделана в ближайшее же время новая попытка вызвать мятеж в какой-либо другой стране, признать вождя мятежников главой правительства, ввести туда в помощь мятежникам иностранные войска и иностранное оружие и осуществить таким образом агрессию, национальную политику интервенционированного государства. В интервенции проявляется тенденция, по примеру религиозных войн прошлого, начать серию новых войн и под покровом борьбы идеологий и политических режимов осуществлять политику агрессии и экспансии. Не следует забывать, что в Испании в момент возникновения мятежа существовало правительство, по своей программе сходное с правительствами, существующими во многих других странах.

Правительство страны, которое я представляю, имеет свою идеологию, оно, конечно, очень радо было бы, если бы этой идеологией прониклись и другие страны. Однако оно никогда не пыталось и не будет пытаться какими бы то ни было путями, а тем более насильственными, навязать свою идеологию другим государствам. Мы, как государство, мало интересовались тем строем, который существовал в Испании, с которой к моменту мятежа мы не имели даже ни дипломатических, ни

консульских отношений *, где в это время не было ни одного советского гражданина. Мы хотим лишь одного, чтобы испанский народ по окончании внешних событий мог, как до мятежа, иметь то правительство, которое он сам хочет и которое он добровольно избрал на основании им самим установленной конституции. Представленное мною правительство поэтому с самого начала заявило, что оно поддержит любую акцию, направленную к удалению из рядов воюющих в Испании всех неиспанских элементов, с тем чтобы происходящая там борьба могла разрешиться силами одних испанцев **.

Обстоятельства дела полностью оправдывают обращение испанского правительства в Лигу наций. Мы знаем, что в некоторых кругах это обращение критикуют и даже осуждают. Есть люди, которые считают себя приверженцами Лиги наций и которые полагают, что Лигу наций можно сохранить в живых только при условии, если от нее никто ничего не будет просить и ничего не будет ожидать, и что всякое обращение к Лиге в каком-либо серьезном международном деле является покушением на существование Лиги. Эти люди хотели бы превратить Лигу в «универсальную» мумию и любоваться ее неподвижностью и невозмутимым спокойствием. Испанское правительство, очевидно, думает не так и полагает, наоборот, что Лига наций будет окончательно обречена если не на физическую, то на моральную смерть, если она будет совершенно игнорироваться и оставаться в стороне при разворачивании таких событий, какие происходят сейчас на Иберийском полуострове.

Испания принадлежит к числу первоначальных членов Лиги и принимала деятельное участие во всех работах Лиги. Она лояльно выполняла все свои обязанности в качестве члена Лиги. Она занимает полупостоянное место в Совете Лиги, и она не злоупотребляла этой своей привилегией, чтобы отмежевываться от общих решений и акций Лиги наций и противопоставлять свое индивидуальное мнение общественному мнению остальных членов Лиги. Надо поэтому только удивляться скромности и умеренности Испании, которая, несмотря на обрушившееся на нее несчастье в тяжелую для нее минуту, не обременяла Лигу своими обращениями, хотя она на это имела полное формальное и моральное право. И если она теперь с этой скромностью, зная ограниченность помощи, которой она может ожидать от Лиги, не ссылаясь ни на какие подходящие к данному случаю статьи Устава, все же к нам обратилась, я хочу выразить уверенность, что Совет Лиги наций не только в интересах Испании, но и в интересах меж-

* См. т. XVI, док. № 258; т. XVII, док. № 206, 263, 273.

** См. т. XIX, док. № 437.

дународной справедливости и сохранения мира, а также в интересах самой Лиги скажет свое веское слово и окажет испанскому народу возможную максимальную поддержку.

*Печат. по газ. «Известия» № 126 (6288),
30 мая 1937 г.*

181. Телеграмма Народного Комиссара здравоохранения СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову

28 мая 1937 г.

В текущем году командировали 13 врачей, заканчиваем оформление пяти — чумолога, инструктора минздрава, терапевта, гинеколога, венеролога Акатова.

Преподаватели медтехникума вашей заявкой, согласованной с Наркоминделом, предусмотрены не были¹¹⁴. Приму меры к срочному подбору. Типовые проекты, программы, учебники медтехникумов высылаю.

Нарком здравоохранения СССР
Каминский

Печат. по арх.

182. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР и Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу, из Женевы

29 мая 1937 г.

Кун, с которым я обедал здесь, сообщил мне, что Иден отнюдь не отнесся отрицательно к предложению о Тихоокеанском пакте взаимной помощи*. Иден высказал лишь сомнение в приемлемости пакта для Америки. Сам Кун понимает уже теперь, что это дело надо проводить медленно и длительно.

Печат. по арх.

Литвинов

183. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

1 июня 1937 г.

[1.] По полученным нами сведениям, Холсти в недавней беседе с министром иностранных дел Франции Дельбосом высказался с удовлетворением о своем визите в Москву**, но

* См. док. № 64, 101, 172.

** См. док. № 40.

при этом жаловался на наши военные мероприятия на советско-финляндской границе.

2. Окрыленный успехом своей поездки в Москву и удачей конференции четырех стран в Гельсингфорсе*, Холсти стремится, по-видимому, делать «большую политику». Свое пребывание в Лондоне и Париже он использовал для закрепления своих достижений в деле улучшения международного положения Финляндии. Активность Холсти, слышущего старым англофилом, пришлось как нельзя более кстати, так как совпала с повышением интереса Англии к тому, что делается в бассейне Балтийского моря. Одним из показателей этого интереса является визит Плимута в Гельсингфорс, за которым следует поездка его в столицы трех Прибалтийских стран**.

По имеющимся у нас из Лондона данным, предстоящее посещение Плимутом Таллина, Риги и Каунаса является результатом инициативы, проявленной самими прибалтами, обратившимися с соответствующей просьбой к английскому правительству, которое решило пойти их просьбе навстречу. Этот факт, а равно имеющаяся отовсюду информация не оставляют сомнений насчет усиления активности Англии в прибалтийско-скандинавских делах. Просим Вас уделить этому вопросу внимание и информировать нас о конкретных проявлениях этой активности, в частности о наиболее интересных моментах, связанных с пребыванием Плимута в Финляндии.

3. Последнее письмо т. Устинова укрепило нас в мысли, что известная идея Бека организовать между СССР и Германией «санитарный кордон» от Балтийского до Черного моря,— идея, означающая на деле воскрешение старых польских планов создания антисоветского блока в Прибалтике под главенством Польши, разделяется англичанами, если не прямо ими продиктована¹³. Располагаете ли Вы какой-либо информацией по этому вопросу?

4. Ближайшие недели в балтийско-скандинавском секторе международной политики пройдут под знаком дальнейшего политического оживления. Мы имеем в виду начавшийся уже объезд нашим линкором «Марат» портов прибалтов***, визит Плимута и предстоящее посещение Сандлером прибалтийских столиц, предстоящий приезд в Москву 15 июня Мунтерса****, а затем 8 июля Сандлера*****. Все эти визиты будут, вероятно, сопровождаться официальными выступлениями, а также найдут широкое отражение в печати. Эти отклики представят значительный интерес, поскольку смогут дать представление

* См. док. № 100.

** См. также док. № 154, 191.

*** См. газ. «Известия», 30 мая, 1, 2, 5 и 6 июня 1937 г.

**** См. газ. «Известия», 16, 17 июня 1937 г.

***** См. док. № 235.

об имеющихся ориентациях и настроениях общественных кругов.

Просим Вас со своей стороны уделить этому вопросу достаточное внимание и информировать нас о наиболее интересных высказываниях финляндских общественных деятелей, а также печати.

5. Еще после возвращения Ирве-Коскинена в Москву из последней его поездки в Финляндию мы выясняли отношение Наркомвнешторга к плану приезда в СССР финляндской экономической делегации * и могли констатировать отрицательное отношение последнего к указанному вопросу. Это отрицательное отношение вызывается главным образом отсутствием у НКВТ уверенности в возможности расширения нашей торговли с Финляндией в результате этой поездки.

6. Мы ждем Вашего конкретного сообщения об урегулировании столь затянувшегося вопроса с получением от финнов удовлетворения по делу Спирна **.

7. В последнее время имел место ряд фактов, свидетельствующих о продолжающемся недружественном к нам отношении со стороны некоторых кругов Финляндии. Я имею в виду не только Выборгский инцидент ***. После нескольких отказов пустить в Финляндию гитлеровских посланцев для антисоветской агитации было дано разрешение на приезд одному фашистскому доктору юстиции Бокгофу, который прочел антисоветский доклад в Гельсингфорсе. Финляндская печать, если не считать социал-демократических газет и некоторых аграрных органов, ведет линию на замалчивание факта нашей победы в деле завоевания Северного полюса. Очевидно, это продиктовано официальными кругами, поскольку Финское бюро печати позволило себе прислать ТАСС телеграмму с демонстративной просьбой об ограничении телеграфной информации о работах советской экспедиции на [станция] «Северный полюс».

Желательно, чтобы Вы при случае обратили на указанные факты внимание министра иностранных дел и подчеркнули, что все это расходится с прокламированной финляндским правительством линией на улучшение отношений с СССР ****.

Зам. Народного Комиссара Иностранных Дел
В. Потемкин

Печат. по арх.

* См. док. № 150.

** См. док. № 154, 191.

*** См. док. № 150.

**** См. док. № 191.

184. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Шве-
ции А. М. Коллонтай, в Норвегии И. С. Якубовичу, в Да-
нии Н. С. Тихменеву

1 июня 1937 г.

1. В политике Скандинавских стран выкристаллизовались две тенденции. Одна направлена к дальнейшему углублению сотрудничества северных стран, к оформлению и укреплению скандинавско-финского блока. Эта тенденция, по всем данным, встречает все большую поддержку в широких общественных кругах Скандинавии и Финляндии и объективно направлена против угрозы германской агрессии. Свое выражение она находит в предпринимаемых главным образом по шведской инициативе попытках уже установившийся между правительствами указанных стран контакт по принципиальным вопросам международной политики распространить также на вопросы экономики и обороны. Конференция министров иностранных дел в Хельсинки* содействовала укреплению этой тенденции. Конечно, от сделанных в этом направлении первых шагов еще далеко до создания северного регионального соглашения в виде скандинавско-финского оборонительного союза, но изменившееся в самое последнее время даже в Дании и Норвегии отношение к вопросам усиления обороны дает основание предполагать, что известная негласная и, вероятно, неоформленная договоренность по этим вопросам в Хельсинки все же была достигнута. Весьма характерна в этом отношении речь Сандлера о скандинавском нейтралитете, произнесенная в конце апреля на годовом социал-демократическом собрании. Подчеркивая стремление Швеции сохранять нейтралитет в спорах великих держав, Сандлер в то же время указал, что Швеция не может оставаться равнодушной к проблеме безопасности своих ближайших соседей, и делает следующий знаменательный вывод: «Понятия нейтралитета и оборонительного союза стоят так близко друг к другу, что вопросы последнего становятся немедленно актуальными, как только ставится вопрос о нейтралитете».

Другая тенденция, рожденная той же причиной — страхом перед вероятным агрессором, стремится идее нейтралитета, столь широко пропагандируемого в настоящее время в Скандинавии, дать такое истолкование, которое должно привести к ослаблению сотрудничества Скандинавских государств с Лигой наций, в частности освободить Скандинавские государства от обязательства принимать участие в лигационных санкциях. Эта тенденция, направленная против принципа безопасности, противопоставляется идее оборонительного союза и встречает активную поддержку в Германии. Стремление умялостивить агрессора и этим самым обеспечить свою бе-

* См. док. № 100.

зопасность наиболее ярко проявляется во внешней политике Дании, но оно не чуждо и руководящим кругам остальных стран — Норвегии и даже Швеции. Например, восхваление Сандлером бельгийской политики нейтралитета отражает, несомненно, ту же тенденцию.

Борьба этих двух тенденций находит свое отражение в фактах, характеризующих внешнеполитическую активность Скандинавских стран в Западной Европе. Визитам Сандлера в Лондон и Париж, посещению Лондона Стаунингом, конференции в Хельсинки, выступлению Скандинавских стран в Комитете по невмешательству против пиратских действий мятежников*, предстоящему визиту Сандлера в Москву** — всем этим проявлениям активности Скандинавских государств, направленной объективно против германских аспираций, противостоят явления другого порядка: заверения по адресу Германии в прессе и официальных декларациях в том, что конференция в Хельсинки не приведет к образованию оборонительного союза Скандинавских стран; рассуждения скандинавской прессы об опасности, якобы грозящей Северной Норвегии и Швеции со стороны СССР в случае войны; стремление Сандлера «сбалансировать» свои визиты в Лондон, Париж и Москву встречей с Нейратом и предстоящим посещением Варшавы; слухи о намерении Стаунинга посетить Берлин и т. п.

В беседах с политическими и общественными деятелями Вы должны, разоблачая серьезный характер германской пропаганды о якобы угрожающей северным странам опасности со стороны СССР, разъяснять наше положительное отношение к идее создания регионального соглашения этих стран в рамках Лиги наций и одновременно указывать на близорукость и опасность для малых стран политики, подрывающей принципы коллективной безопасности и тем самым облегчающей агрессору осуществление его планов.

Несмотря на отмеченные противоречивые тенденции, обстановка в Скандинавии объективно все же складывается благоприятная для усиления нашей активности и расширения нашего влияния в этих странах. Определенную роль в этом отношении, несомненно, должен сыграть визит Сандлера в Москву и намеченная к концу июля с. г. поездка шведских журналистов по Союзу***. Поэтому Вам следует поставить себе задачу расширить Ваши связи и углубить контакт с общественными и политическими кругами страны Вашего пребывания.

2. Прошу в очередных письмах осветить проблему отношений скандинавского блока со странами Балтийской Атланти.

* См. прим. 3.

** См. док. № 235.

*** См. док. 190, 290.

в частности в связи с предстоящим визитом Сандлера в столицы этих стран. По имеющимся у нас данным, стремление прибалтов усилить внешнеполитический контакт с северными странами со стороны последних не встречает сочувствия.

Обращаю Ваше внимание на то, что Польша при косвенной поддержке Англии за последнее время пропагандирует в Прибалтике идею создания «санитарного кордона» из стран, расположенных между Германией и СССР, начиная с Финляндии и кончая Румынией¹¹⁵. Эта идея представляет собой не что иное, как новый вариант старого плана создания анти-советского блока на западной границе СССР.

Зам. Наркома
В. Потемкин

Печат. по арх.

**185. Письмо Полномочного Представителя СССР в США
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

1 июня 1937 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Основной вопрос, который сейчас приобретает в Соединенных Штатах все большую и большую остроту, — это вопрос о борьбе между реакцией и прогрессивными силами. Если говорить о конгрессе, то в нем происходит мобилизация реакционных сил, сопротивляющихся реформе Верховного суда, предложенной Рузвельтом. Объединяются между собой реакционные демократы Юга с республиканцами плюс несколько либералов, которых всегда найдется некоторое количество в защиту любого реакционного дела, ибо либералам полагается шататься из одной стороны в другую и употреблять время от времени свой либерализм для помощи реакции.

Как Вы знаете, газеты здесь на 80 процентов реакционные, причем к числу либеральных газет причисляются в сущности очень консервативные газеты, как, например, «Нью-Йорк таймс», «Балтимор сан» и др., сейчас воюющие против Рузвельта.

В стране основное прогрессивное дело, которое сейчас делается, — это организация широких масс рабочих по индустриальному принципу, дело, возглавляемое вождем углекопов Джоном Льюисом. Если это дело удастся, то прогрессивные силы получают большую организационную базу, и тогда прогрессивным элементам будет на что опираться. Американская федерация труда работает на пользу реакции. В назревающем конфликте между прогрессивной стороной и реакционной соотношение сил должно склоняться в пользу прогрессивных элементов. Но должна быть систематическая упорная работа, которая при отсутствии печати страшно затруднена.

Наши отношения с Соединенными Штатами во многом зависят от того, как сложится положение в борьбе между прогрессом и реакцией внутри страны. Само собою понятно, что трокисты, укрепившиеся в социалистической партии, работают на пользу реакции, которая, конечно, примет и принимает здесь фашистские формы. Острые конфликты впереди. Они определяют в значительной степени судьбу советско-американских отношений.

Я думаю, что борьба, происходящая на территории Испании между фашизмом и прогрессивными силами, начинает привлекать внимание общественного мнения Соединенных Штатов. Это же способствует кристаллизации и мобилизации двух лагерей.

Рост наших сил, наши достижения, новая конституция — все это способствует привлечению симпатий на нашу сторону широких масс и поднятию настроения среди прогрессивных слоев. Основной водораздел, имеющийся здесь в отношениях между прогрессивными и реакционными сторонами, ставит нас на сторону прогресса и усиливает вражду реакции против нас, ибо реакционные элементы, конечно, понимают, что всякий прогресс открывает дорогу для дальнейшей мобилизации социалистических сил и расчищает путь для антикапиталистического движения.

Мне думается, что мы своей внешней политикой много сделали для того, чтобы поддержать прогрессивные элементы во всех странах, в том числе и Соединенных Штатах. Но, конечно, не следует упускать самых малейших возможностей, для того чтобы привлечь на свою сторону симпатии разных групп в Соединенных Штатах, не поступаясь основными нашими интересами.

Несомненно, войну можно откладывать, но в конце концов она все же придет, и в этой решительной схватке нужно обеспечить себе лучшие позиции во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах. Соединенные Штаты играют и будут играть огромную роль если не в качестве воюющей страны, то, во всяком случае, в качестве помогающей и влияющей на политику разных государств.

Полпред СССР в США
А. Грозновский

Печат. по арх.

186. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Турции с Президентом Турции Ататюрком

1 июня 1937 г.

Беседа началась с взаимного обмена любезностями, который затянулся довольно долго. Затем, когда я сказал, что правительство поручило мне укреплять и развивать наши отно-

шения. Ататюрк ответил, что это является нетрудной задачей, так как наши отношения превосходны, и что между нами нет никаких недоразумений. Правда, прибавил он, недавно был разговор о каких-то недоразумениях и об известных трениях между нами*, однако он с этим совершенно не согласен. Ничего подобного не было.

Я сказал, что он ставит меня в трудное положение. Я не хотел бы начать наше знакомство с полемики, но, прихав в столь дружественную страну, как Турция, я считаю, что наилучшим методом моей работы будет совершенная откровенность и прямота в наших личных отношениях. Поэтому я должен с ним, к сожалению, не согласиться и подтвердить, что недоразумения между нами имели место. О нашей точке зрения по этому вопросу мы довели до сведения турецкого правительства. Совсем недавно т. Литвинов имел возможность обстоятельно говорить на эту тему с Исметом Иненю и изложить ему все наши соображения в этой части**.

Ататюрк ответил, что он подробно информирован о беседе Иненю с т. Литвиновым и весьма ею удовлетворен. Он считает, что мы объяснились и что недоразумения ликвидированы. Конечно, продолжал он, в самой лучшей семье не обходится дело без недоразумений. Однако это не отражается на сожительстве. Самое главное — это взаимное понимание и взаимное доверие.

Видя, что Ататюрк насунился, я решил не натягивать струны и сказал, что то обстоятельство, что новый советский посол может при первой же своей встрече с президентом республики не ограничиваться разговором протокольного характера, а говорить с полной откровенностью, показывает всю прочность наших отношений. Если он заговорил о доверии, то я могу сказать, что мы знаем главу турецкого государства и верим ему.

Ататюрк был явно очень доволен.

Я прибавил, что из телеграммы, которую я получил от т. Литвинова, видно, что он также удовлетворен своей встречей с Иненю.

Дальнейшая беседа уже протекала очень гладко. Мы прошли через самые опасные и щекотливые места. Ататюрк меня заверял в том, что сотрудничество с СССР является основой турецкой внешней политики и что ни при каких обстоятельствах и ни за какую цену Турция не откажется от этого сотрудничества. Он сказал, что не хочет скрыть от меня, что встреча со мной его весьма удовлетворила, что ему очень нравится прямота и откровенность и что он считает это единственно правильным путем наших отношений.

* См. док. № 174.

** См. док. № 155.

Я поблагодарил его и сказал, что позволю себе в случае, если бы в будущем возникли какие-либо неясности или недоразумения, обращаться прямо к нему, как верховному руководителю всей турецкой политики. Ататюрк выразил полное согласие и заверил меня во всяческой поддержке.

Полпред СССР в Турции
М. Карский

Безат. по арх.

187. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 июня 1937 г.

1. Ататюрк в начале беседы * стремился доказать мне, что между нами не было никаких разногласий и все основано на недоразумении. Я изложил наше отношение к турецкой политике последнего времени. Ататюрк заверял в желании турецкого правительства к дальнейшему развитию отношений и сотрудничества, выразил полное удовлетворение объяснениями, которые имел Литвинов с Иненю. Мы пришли к выводу, что в наших отношениях необходима полная откровенность. Я сказал, что в случае каких-либо неясностей хотел бы иметь возможность обращаться к нему лично, с чем он с готовностью согласился.

2. Иненю заявил, что Турция считает необходимым сотрудничество с нами на принципах Лиги наций и коллективной безопасности и что она совершенно не сочувствует агрессивным государствам и не намерена их в какой бы то ни было степени поощрять.

3. Ататюрк, равно как Иненю и Сараджоглу, выразил большое удовлетворение разрешением санджакского вопроса. В подобном же духе выступает пресса. Однако Иненю подчеркнул необходимость лояльного выполнения заключенного соглашения. Он не сомневается в доброй воле французского правительства, но опасается действий местных французских агентов и сирийцев. По непроверенным сведениям, сирийский парламент протестует против соглашения. Я выразил надежду, что вопрос кончен и что новых осложнений не будет. Иненю уверял в желании турецкого правительства серьезно улучшить отношения с Францией и сообщил о положительном впечатлении, вынесенном из встречи с представителями французского правительства.

4. Иненю отрицал ослабление Балканской Антанты и в качестве доказательства сообщил, что Югославия по поручению

* См. док. № 186.

других членов Балканской Антанты сделала серьезный демарш в Софии по поводу ревизионистских демонстраций, имевших место в Болгарии 4 мая.

5. Ататюрк и все мои собеседники заявляли, что они рассчитывают, что поездка Араса * окончательно рассеет наши сомнения в отношении турецкой политики, причем Иненю подчеркнул, что он просит Литвинова уточнить визит с таким расчетом, чтобы Арас мог застать в Москве всех руководителей Советского правительства. Последнему обстоятельству турки придают особое значение. Сараджоглу сообщил, что, по видимому, Шюкрю Кая будет сопровождать Араса. Считал бы желательным, учитывая это обстоятельство, подтвердить нашу готовность принять Шюкрю Кая.

6. Мое общее впечатление, что турки постарались оказать мне внимание и подчеркнуть, что наши отношения так же близки, как и раньше.

Торговый договор продлен по 1 июля **.

Карский

Печат. по арх.

188. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 июня 1937 г.

Представил сегодня Нейрату торгпреда и Астахова ***. Ни звука о наших взаимоотношениях, ни слова о перспективах в наших торговых отношениях. Нейрат говорил с явным удовлетворением о наступившем «успокоении» ¹¹⁶. Он подчеркнул, что, выдвигая требования гарантий, германское правительство имело в виду предупреждение эвентуальных атак со стороны обоих борющихся лагерей. Все участники Лондонского комитета [по невмешательству] должны в таком случае совместно выступить против агрессора. Практически речь идет о совместных действиях контролирующих флотов. Нападение на «Дейчланд» Нейрат квалифицировал как «акт заранее обдуманый», но мотивы не объяснил. Против намерения Англии установить точные зоны снабжения Нейрат не возражает.

Ашман **** мне говорил, что германские пожелания о гарантиях встречены в Лондоне доброжелательно. Эти пожелания были изложены лишь в устных беседах как «сюжесть-он» ***** — не больше, так как германское правительство счи-

* См. док. № 199.

** См. т. XIX, док. № 414.

*** Советник полпредства СССР в Германии.

**** Заведующий отделом печати МИД Германии.

***** — советы (фр.).

тает, что дело самого Комитета выработать гарантии, а «германское правительство уже потом выскажется».

По не проверенным пока еще сведениям, кроме подводных лодок, о которых официально сообщается, в Испанию отправлена отсюда еще новая партия аэропланов.

Полпред

Печат. по арх.

**189. Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

7 июня 1937 г.

Уважаемый Максим Максимович,

1. Мунк вчера вернулся из Женевы, по дороге 4 и 5 июня побывав в Берлине, где он говорил с Нейратом и Шахтом. Судя по его интервью сотруднику «Политикена», разговоры эти коснулись датско-германской торговли, обновленной Ослоской конвенции* и скандинавского предложения о взаимном опубликовании военных бюджетов и о торговле оружием, также был затронут вопрос о защите скандинавских пароходов в испанских водах**.

Германская пресса встретила Мунка, можно сказать, приветствиями, особенно похвалив его за непоколебимый нейтралитет. Орган Мунка «Политикен» ответил на любезность любезностью, подчеркнув, что Германия — единственная страна, которая не старается втянуть Данию в какую-либо политическую комбинацию и ценит ее нейтралитет.

Вот все, что пока можно сказать про визит Мунка в Берлин. Конечно, этот визит нужно рассматривать в связи с рядом других выступлений скандинавов на международные темы.

Из событий этого порядка нужно отметить поездку Стаунинга в 20-х числах мая в Стокгольм на подготовительное совещание к предстоящей в будущем году скандинавской межпарламентарной конференции. Стаунинг поехал не один, а в качестве председателя целой делегации, причем заместителем председателя был один из вождей оппозиционной партии Венстре-д-р Краг. Этот последний сделал журналистам заявление, в котором он хотя и высказывается скептически о возможностях заключения скандинавского оборонительного союза, однако выражает мнение, что «в этой области так много общих интересов, что должны бы произойти переговоры между Данией и Швецией, причем общей проблемой мог бы быть, например, вопрос о Балтийском море и о входе в него».

С другой стороны, Стаунинг вчера говорил на рабочем собрании в Нарвике (Норвегия), выдвигая, не в первый раз уже,

* См. т. XV, прим. 9; газ. «Известия», 9 августа 1937 г.

** См. док. № 135, 147, 184, прим. 3.

свою идею о совместной работе Скандинавских стран в культурной области. Он заявил при этом, что Скандинавские страны «никогда не должны быть братьями по оружию против кого-либо другого», что «их совместные усилия должны быть направлены только к сохранению международного мира» и что «они не должны следовать дурным примерам и создавать союзы политического характера, направленные против кого бы то ни было вне круга Скандинавских стран».

Все это прекрасно иллюстрирует ту борьбу двух тенденций, о которой пишет т. Потемкин *, а также и близость Дании к прогерманской тенденции из этих двух.

2. Во внутренней политике Дании доминирующее положение начинает занимать вопрос о помощи сельскому хозяйству, о тяжелом положении которого я уже писал. В социал-демократической интерпретации это звучит как необходимость «союза рабочих и крестьян», причем в пример прежде всего берется Швеция.

На происходившем в Копенгагене с 25 мая генеральном собрании центрального профсоюзного объединения Стаунинг сделал большой доклад, в котором, приводя массу цифр, доказывал рабочим абсолютную необходимость того, чтобы они не были «односторонними», чтобы они смотрели на себя как на часть общества, чтобы они поняли свою глубокую заинтересованность в судьбах датского сельского хозяйства. В этой же речи Стаунинг решительно предостерегал против опасности более или менее крупных приостановок работы промышленности вследствие конфликтов между рабочими и работодателями: при остановке крупных отраслей промышленности приостановится и импорт сырья из-за границы, а вследствие этого приостановится и экспорт датских сельхозтоваров и пострадают торговые договоры. Исходя из этого, Стаунинг рекомендовал профсоюзам вступить в переговоры с союзом работодателей в целях нахождения общего способа улаживать конфликты в промышленности, не доводя до стачек и локаутов. Дело тут в том, что председатель союза работодателей инженер Юлиус Мадсен недавно предложил создание по договоренности с профсоюзами «свободного арбитража». Стаунинг прямо не высказался за предложение Мадсена, т. е. за создание постоянного арбитража (который, конечно, был бы не «свободным», а принудительным), но был понят как сторонник такого арбитража. С другой стороны, едва ли среди профсоюзников, так или иначе вынужденных прислушиваться к голосу рабочих, это дело пройдет гладко. Председатель профсоюзного центра Кристиан Енсен решительно высказался против арбитража, а так как Стаунинг высказался достаточно двусмысленно, то начались «толкования» его слов.

* См. док. № 184.

Все это имеет и другую сторону: хотя в прессе и в публичных выступлениях социал-демократы и Венстре ведут довольно оживленную полемику между собою, причем социал-демократы обращаются прямо к крестьянам, призывая их вступить в союз с рабочими через голову Венстре, все это очень похоже на поиски какого-то взаимного контакта, договоренности между социал-демократами и Венстре.

Тут нельзя не отметить, что Стаунинг, выступая 30 мая на рабочем празднике в Хадсунде и говоря о мерах помощи сельскому хозяйству, прямо заявил, что при принятии мер к урегулированию сельхоззадолженности не должны быть нарушены интересы тех, кто вложил деньги в облигации сельских кредитных товариществ. С другой стороны, бывший премьер, член Венстре Мадсен-Мюгдаль на собрании окружной организации Венстре в Оденсе 1 июня хотя и напал на пражительство, но солидаризировался со словами Стаунинга в его речи на генеральном собрании профсоюзного центра о значении согласования интересов всех отраслей народного хозяйства. Мадсен-Мюгдаль нашел тут у Стаунинга «совершенно новый тон», приветствовал Стаунинга по этому поводу и даже охарактеризовал его речь как «венстровую». Однако Мадсен-Мюгдаль подчеркнул в своей речи недостаточность мер по снижению сельхоззадолженности и необходимость повышения рентабельности сельского хозяйства, т. е. повышения цен на сельхозтовары на внутреннем рынке. Словом, идет торг, и если будет достигнуто соглашение, то, конечно, за счет рабочего класса прежде всего и за счет городского потребителя вообще, при этом рабочие будут по крайней мере сильно ограничены (арбитраж?) в возможности применить стачку для защиты своей реальной зарплаты. Номинальная зарплата, как я уже писал, фиксирована уже в ряде отраслей промышленности ириданнем силы закона предложению посредника весной этого года.

3. Безработных на конец мая было 73 379 человек, что приблизительно на 8 тыс. больше, чем в прошлом году в то же время.

4. Военный закон прошел и через ландстинг 5 мая.

5. Считаю необходимым поставить вопрос о посылке нам в полпредство телеграмм ТАСС в те моменты, когда особенно разгорается кампания лжи и клеветы об СССР. Здешные газеты очень сильно пользуются Дейчес Нахрихтенбюро, получая его телеграммы через датское агентство Рицаубюро. Сплошь да рядом обращаются со стороны с вопросами в полпредство, а мы вынуждены ждать три дня получения наших газет.

Недавно я говорил с Рицау, возглавляющим это бюро. Он жалуется на длину телеграмм ТАСС, которая мешает, по его словам, их использованию газетами, кроме того, телеграммы ТАСС из-за своей длины иногда не передаются сразу и запаздывают, после чего попадают в редакционную корзину. Это,

конечно, далеко и далеко не вся правда о том, почему датские газеты мало пользуются телеграммами ТАСС, но думаю, что известные основания заявление Ришау имеет.

6. На место Энгеля*, очевидно, вскоре поедет Болт-Иоргенсен, заведовавший отделом администрации и протокола в МИД. Это будет его первый пост министра. Жена его — урожденная американка. Сам он довольно бесцветный человек. Отношения у нас с четой Болт-Иоргенсенов все время были вполне хорошие.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Дании
Тихменев

Печат. по арх.

**190. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР В. П. Потемкину**

7 июня 1937 г.

Глубокоуважаемый Владимир Петрович,

В Вашем письме от 1 июня** совершенно правильно и четко отмечаются две основные тенденции, выявляющиеся в политических настроениях Швеции.

Первая, и притом заметно крепнущая, тенденция за последние месяцы — это усиливающееся и оформляющееся сближение Скандинавских стран как между собою, так и с Финляндией. Поскольку при современной мировой ситуации такого рода сколачивающийся блок объективно направлен против агрессора — Германии, мы, разумеется, поддерживаем эти тенденции, давая понять наше положительное отношение к идее регионального соглашения северных стран в рамках Лиги наций.

Одновременно, конечно, мы не упускаем случая, особенно при встречах с членами кабинета, указывать на подрывную работу Германии, всяческими способами, и в первую очередь злостными газетными выдумками, стремящуюся испортить наши дружеские отношения со Шведией.

Вторая тенденция, порожаемая страхом перед агрессором, стремится, как Вы справедливо указываете, дать такое истолкование принципу нейтралитета, которое неизбежно привело бы Скандинавские страны к ослаблению их обязательств в осуществлении санкций по Уставу Лиги наций. Хотя данные тенденции, вдохновляемые Германией и играющие ей на руку, в Швеции и менее сильны, чем в Дании, где страх перед агрессором и желание его умиротворить более актуальны, все же и в шведской общественной мысли эти настроения имеют место. Мы

* Посланник Дании в СССР.

** См. док. № 184.

их учитываем и ведем соответствующую разъяснительную работу.

Оценивая силу и влияние обеих этих борющихся тенденций в Швеции, я все же должна указать, что за последние месяцы объективная обстановка складывается в пользу усиления и роста антигерманских настроений, практически выражающихся в сближении северных стран, при одновременно заметном крепнущих настроениях в пользу СССР.

Я позволю себе перечислить те объективные причины, которые вызывают в широкой шведской общественности поворот симпатий в нашу сторону. Первой и основной причиной является улучшение наших взаимоотношений с Финляндией. Сандлер говорил мне как-то, что он «приложил к этому руку», так как советовал Холсти поехать в Союз. Поездка Холсти* произвела большое впечатление на политические круги Швеции.

Вторым фактором надо считать нашу роль в Испании. Для политических кругов Швеции, как и всюду в мире, не тайна, кто именно громит Франко и кто спаситель Мадрида. Буржуазные круги Швеции ошеломлены военной подготовленностью и мощью Союза, высокими качествами советской авиации. Невольно напрашивается у правых кругов вопрос: если при таких стесненных возможностях и на таком расстоянии Союз способен на такие чудеса, что же будет в войне при более близком фронте? Наша мощь импонирует и внушает требуемое уважение, заставляя, особенно военные круги, «интересоваться» нашей военной техникой. При этом наша твердая и четкая политика мира заставляет видеть в Союзе активный фактор, задерживающий агрессивную политику фашистских стран. События в Испании показали также на живом, наглядном примере, что единственным защитником народной демократии является СССР. Этот момент привлекает симпатии к нам широких демократических кругов, заставляет не только рабочие массы, но и интеллигенцию тянуться к нам, как к защитнику демократических принципов против фашизма.

Рост интереса и симпатии к Союзу совпадает или, вернее, вытекает из роста отпора фашизму, [из] настроений, которые в Швеции значительно окрепли и продолжают расти в связи с борьбой в Испании против фашистских агрессоров. Шведская общественность оказывает очень деятельную помощь Народному фронту в Испании (пожертвования в пользу Испании достигли свыше 6 млн.). Социал-демократический кабинет Хансена-Сандлера открыто берет сторону правительства Валенсии. По отношению к Испании «Социалдемократен» ведет себя весьма решительно и четко. Настроения за Испанию создают естественную точку соприкосновения с нами. [В] этом

* См. док. № 40.

вопросе вся прогрессивная шведская общественность находится на той же стороне мировой баррикады, что и мы.

Третьим фактором усиления антигерманских настроений в Швеции надо считать появление осенью 1936 г. ряда статей в германской прессе («Фольк унд рейх»), где немецкие генералы развивали свои агрессивные расистские намерения по отношению «заселения» Швеции германцами. О предложении немцев колонизовать север Швеции я в свое время писала *.

Наконец, в усилении симпатий шведской демократии к Союзу немалую роль сыграла Советская Конституция. Шведская общественность проявила к новой Конституции Союза особый интерес, и полипредство вместе с Шведским обществом культурной связи сумело всячески распропагандировать ее и сделать доступной широким массам (статьи в прессе, выставка, доклады). Конституция переведена на шведский.

Таким образом, объективные факторы складываются в настоящий момент для нас благоприятно, и мы стремимся расширить и углубить нашу активность, чтобы противодействовать вредной тенденции, поддерживаемой прогерманскими кругами, ослабить сотрудничество Швеции с Лигой наций в области соблюдения обязательств коллективной безопасности.

Какие факты практически подтверждают рост антигерманских настроений в Швеции и усиление своего рода «моральной тяги» к Союзу?

Первый факт — это, конечно, поездка министра иностранных дел Сандлера в Москву **. Надо вспомнить, что до сих пор еще никто из шведского правительства не наносил нам визита. Поездка Сандлера в том же полугодии в Лондон, Париж, затем в Союз, причем в Москву Сандлер первым делает визит (в Лондон он отвечал на визит Идена в 1934 г.), является своего рода «демонстрацией», куда ориентируется Швеция. И хотя Сандлер и пытался «сбалансировать» эти свои визиты заездом к Нейрату, этот «заезд» всеми истолковывается как попытка затушевать действительную политическую ориентацию Швеции.

Во всяком случае, визитами в страны парламентаризма и к нам и лишь «наездом» в Берлин шведское правительство подчеркивает, что позицию Швеции нельзя никак пристегнуть к германской ориентации.

Характерно и то, что только в этом году шведское правительство решило нанести ответный визит прибалтам ***, хотя прибалты были здесь более двух лет тому назад. Сандлер выбрал для ответного визита момент, когда у латышей и эстонцев намечается отхождение от немецкой ориентации. И

* См. т. XIX, док. № 355.

** См. док. № 235.

*** См. газ «Известия», 9, 10 июня 1937 г.

это сделано неспроста, особенно если учесть, что визит Сандлера в 1935 г. был уже намечен и отменен после ульманисовского переворота.

Второй показатель углубления дружественности Швеции к Союзу — это невероятный наплыв общественных деятелей, всякого рода «имен», но и представителей широких масс, желающих посетить Союз. Видные журналисты, к которым мы обратились с приглашением посетить Союз в связи с поездкой Сандлера, очень охотно откликнулись на наше предложение*. Никто не отказался. Год тому назад наше обращение было бы встречено менее благоприятно.

Третьим очень серьезным политическим фактором и большим достижением в наших взаимоотношениях со Швецией надо считать установление прямой авиалинии Стокгольм — Москва**. Конечно, полпредству немало пришлось поработать для продвижения этой идеи, которая встречала со стороны германофильских кругов большое сопротивление. Но важен факт, что шведы сами проявили энергичную инициативу, что военные власти согласились на авиационную линию, построенную на принципе взаимности (шведы хотели монопольного права), и что это начинание встретило «хорошую прессу». Факт прилета через день советского самолета в Швецию сам по себе явление, которое еще очень недавно не укладывалось бы в рамки настороженно-недоверчивых отношений к Союзу со стороны Швеции.

Как четвертый показатель улучшающихся к нам настроений в Швеции надо отметить и поездку председателя военной комиссии риксдага Аллана Фогта, предпринятую по его инициативе***. До сих пор к нам члены парламента вообще не наезжали. Как Вам известно, председатель городского самоуправления Стокгольма Олав Йогансон хотел ехать в Москву с делегацией от города отдавать визит т. Булганину****. Мы сами отодвинули эту поездку.

К нам стремятся ехать команды футболистов из глухой провинции, и притом не из числа наших друзей, группа исполнителей народных танцев, просто туристы — интерес к Союзу, стремление подойти к нам ближе, изживание недоверия к нам — это все показатели.

Характерен необычайный наплыв рабочих и интеллигенции, желающих в этом году ехать через «Интурист» в Союз, несмотря на предупреждение, что разрешение может прийти не скоро.

Очень существенно, что связь наша со Швецией не порывается и по линии экономической, хотя наш торговый баланс

* См. док. № 290; газ. «Известия», 18, 21 июня 1937 г.

** См. док. № 99; газ. «Известия», 14 мая 1937 г.

*** См. док. № 290.

**** См. т. XIX, док. № 355.

крайне сокращен. Показателем этого является поездка Прюта в Москву для переговоров о спичечном соглашении. Кстати, здесь очень упорно циркулируют слухи, что Прют назначается в Лондон шведским посланником. Представители крупных банков намеревались ехать в Москву для «зондаций» по финансовым вопросам, имея конкретное предложение. Но ввиду малой заинтересованности НКВТ мы отклонили пока их поездку.

К числу показателей укрепления сочувственных настроений к Союзу относятся и очень оживленная деятельность Шведского общества культурной связи, особенно усилившаяся за эту зиму (пушкинские торжества, выставки, доклады о Горьком и о Пушкине, статьи по инициативе общества культурной связи, растущий интерес к книгам о Союзе, запросы, как абонироваться на нашу прессу, и пр.). В прессе нашей блестящей экспедиции на Северный полюс уделяется «почетное место», и пресса с интересом следит за ходом работ экспедиции. Конечно, германофильская «Аллекса́нда» и бульварная вечерка «Афто́нبلادет» стараются влить свой яд через прессу, пуская всяческие вымышления, «сенсации» и пр. Но общий тон прессы равняется по настроениям публики, проникающей сочувствием к Союзу, и «сенсации» уже не вербуют новых читателей.

Очень показательны, например, что ко мне заходил вице-председатель телеграфного агентства Маннерстад и, между прочим, спросил меня, удовлетворены ли мы тем, что телеграфное агентство теперь тщательнее прослеживает телеграфный материал, избегая рассылать «газетные утки» из Риги и Варшавы. Другой пример: министр просвещения Энгберг в разговоре о его возможном полете в Союз сказал, что «теперь такое время, когда надо быть в Союзе». Энгберг — большой друг Франции и антифашист.

Как я уже говорила выше, показателем роста антифашистских настроений в Швеции служит и очень живая работа, развернутая широкой шведской общественностью вокруг Испании. По существу, уже имеется налицо единый народный фронт, так как наши друзья работают бок о бок с радикальной интеллигенцией и даже либералами из «высоких кругов». Испания и ее судьба — это сейчас «политический водораздел» в шведской общественности. Но именно работа на Испанию и, следовательно, против мирового фашизма, естественно, толкает радикальных шведов на нашу сторону. «Народный фронт» вокруг борьбы за правительство Валенсии — лозунг, который должен найти здесь отклик.

Еще пример: несомненное сближение шведских военных с нашими военными здесь, рост интереса именно военных кругов к нам, о чем я уже неоднократно писала за этот год¹⁷.

Такой, например, факт, как приглашение военного атташе Риттера «в гости» в шведский полк.

Я не буду затруднять Вас многими подобными мелкими штрихами, которые, однако, характеризуют политические настроения страны. Укажу лишь, что наш престиж здесь настолько устойчив, что председатель гражданской авиации просит меня «поторопить у шведских властей урегулирование формальностей с воздушной линией», хотя это касалось чисто шведского вопроса. Но авиационная линия уже рассматривается как «узел» общих дел и интересов.

Однако все эти благоприятные симптомы еще не означают, что враждебные Союзу круги и германофильские политики бездействуют. Такие газеты, как «Аллекса́нда», пользуются любым поводом для выпадов против Союза. Правящая социал-демократическая партия в своей среде имеет злобные элементы (вроде ренегата Хеллюнда), которые тормозят выравнивание политической линии кабинета в сторону антигерманской политики. Поэтому очень важно использовать приезд Сандлера и заставить его высказаться определеннее за линию активной коллективной безопасности. Сейчас Сандлер считает себя «европейской величиной», и его тщеславию будет льстить, если его прием будет обставлен подобающей торжественностью. Я знаю его затаенную мечту получить свидание с Иосифом Виссарионовичем [Сталиным]. Если нельзя устроить специальное свидание, то, может быть, И. В. мог бы прийти ненадолго после обеда или завтрака у Вячеслава Михайловича [Молотова].

Сандлер говорит по-французски, английски и немецки. С ним поедет один из чинов МИД, которого, по-видимому, придется поместить в гостиницу, так как Юлленшерн * говорит, что у него нет места. Нельзя ли поместить его в хорошем номере в гостинице «Москва»? Шведы придадут большое значение культурной обстановке, и «Москва» произвела бы на сопровождающего (очевидно, директора политического департамента или генерального секретаря МИД) соответствующее впечатление.

По поводу отношений Швеции с прибалтами приходится отметить, что пока нет признаков перехода этих отношений в стадию более закрепленного политического сотрудничества. Правда, Сандлер в Литве заявил Лозарайтису **, что «наши обоюдные стремления выражаются в одном слове — мир. Мы готовы в целях длительного мира, связанного с ослаблением всеобщего напряжения, помочь международному сотрудничеству в Женеве или в вопросе о непосредственных отношениях между отдельными странами».

* Посланник Швеции в СССР.

** Министр иностранных дел Литвы.

Но эта декларация общего характера, без конкретных форм сближения. Шведское правительство, как я уже отметила выше, визитом Сандлера именно в настоящую минуту подчеркивает, что Швеция приветствует антигерманский поворот в политике прибалтов, но о блокировании пока нет и речи.

Сандлер в разговоре со мной перед визитом в Балтику подчеркнул, что Швеция сейчас охотно усилит свои культурные и экономические связи с прибалтами и будет поддерживать те течения, которые служат укреплению мира в рамках Лиги наций, но «особых политических задач» он своей поездкой не преследует и они и не входят в программу его ответного визита.

Что касается нашей работы с военными и возможности их приглашения на осенние маневры в случае, если здешние военные круги выразят просьбу присутствовать, то соответствующая работа ведется нашими атташе.

Весьма серьезное явление, также свидетельствующее об ослаблении антисоветских настроений в Швеции, — это раскол и распад ренегатской чальбумовской партии. Об этом приводим подробные сведения в обзоре печати.

Известным событием в нашем здешнем существовании является ликвидация «Нафты» — смешанного шведско-советского общества, игравшего заметную роль в хозяйственной жизни Швеции. По Швеции у нас было свыше тысячи колонок и станций. Наша конкуренция с «Шеллом» и «Стандардом» понижала цены на бензин, и шведский потребитель «сочувствовал» советской нефти. С точки зрения политической продажа «Нафты» для нас минус. Но этого требовали наши хозяйственные интересы. «Нафта» продана в руки американского треста «Меллон».

Шведские журналисты выезжают отсюда 15 июня, будут в Ленинграде 17-го.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Швеции
А. Коллонтай

Печат. по арх.

191. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти

7 июня 1937 г.

Посетил Холсти *. Он с большим упоением вторично рассказал мне о своей поездке в Лондон и Париж, беседах с т. Литвиновым, Иденом и Дельбосом. Холсти уверяет, что все его собеседники выразили свое удовлетворение внешней

* См. док. № 183.

политикой Финляндии, одобрили его поездку в СССР*. Он специально добивался свидания с т. Литвиновым для того, чтобы сообщить ему, что выражавшееся в Москве т. Литвиновым пожелание в отношении Финляндии выполняется. Он полагает, что т. Литвинов остался доволен его разъяснениями.

Поездку Плимута он считает серьезным и приятным для Финляндии актом вежливости со стороны Англии. Эту поездку можно также считать изучением положения на Балтике. Никаких других целей у Плимута не было.

Холсти полагал, что и я должен быть доволен созданным теперь положением. На это я отвечал, что, конечно, его деятельность увенчалась успехом и ему удалось изменить отношение многих европейских стран к политике Финляндии. Заметна некоторая умеренность в поведении финляндской прессы. Однако в последние дни коалиционная пресса позволила себе снова грубейшие выпады против СССР, в частности по ингерманландскому вопросу, по-прежнему стараясь вмешиваться во внутренние дела СССР. Холсти сказал, что он этого не заметил, так как отсутствовал. Далее я указал, что германскому нацистскому агитатору было разрешено читать в Финляндии антисоветские лекции, что произвело весьма неприятное впечатление и было использовано коалиционной и фашистской прессой.

Далее я указал на непрекращающиеся пограничные инциденты, которые заставляют думать, что безнаказанность за прежние провокационные действия на границе, видимо, поощряет безответственные элементы. Когда Холсти просил указать, о каких инцидентах идет речь, я перечислил истории с рыбаками в Финском заливе, многочисленные инциденты на сухопутной границе, действия Вилламо¹¹⁸, повторные перелеты финскими самолетами советской границы и т. д. Я указал, что все это должно заставить финляндское правительство еще раз серьезно заняться положением на границе и предотвратить самую возможность дальнейших инцидентов. В этой связи я вернулся к делу Спирина. Холсти, так же как и 2 недели тому назад Войонмаа, сказал, что он был уверен, что вопрос о компенсации давно урегулирован Ирве-Коскинином в Москве. Я просил урегулировать это дело в ближайшие же дни. Далее указал на то, что, по полученным нами от начальника политической полиции Риекки сведениям, суд в Выборге освободил от наказания фашистскую молодежь, вызвавшую инцидент с консульским шитом. Просил меня информировать о ходе судебного преследования этих лиц. Указал на необходимость широко информировать о судебном решении финляндскую общественность.

В связи с обсуждением поведения прессы я снова напомнил о безобразной телеграмме Берга об информации с Север-

* См. док. № 40.

ного полюса. Холсти заверял, что у него предстоит серьезный разговор с Бергом в течение этого же дня.

Мною был поднят вопрос о недопустимой практике министерства внутренних дел Финляндии, выдающего для поездки в СССР специальные паспорта. Холсти был склонен считать, что эта практика должна быть изменена¹¹⁹.

По ходу разговора о поведении прессы и настроениях в Финляндии я рассказал Холсти одно из своих наблюдений. В день обстрела германским флотом Альмерии * коалиционная газета «Ууси Суоми» издала два экстренных выпуска. На центральных улицах Гельсингфорса студенчество, праздновавшее в этот день выпуск, встречало чтение телеграмм о действиях Германии криками «ура». Холсти заявил, что об этом приходится только сожалеть.

Полпред СССР в Финляндии

Печат. по арх.

Асмус

192. Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании и. о. Председателя Комитета Уоллеса

8 июня 1937 г.

Сэр,

В соответствии с инструкциями моего Правительства, ознакомившегося с протоколами последнего заседания подкомитета при Председателе, имевшего место 31 мая, имею честь обратиться к Вам со следующим запросом.

Доводило ли германское правительство когда-либо со времени введения в действие схемы морского контроля до сведения Комитета по невмешательству о том, что на военный корабль «Дейчланд» возложены обязанности по осуществлению контрольных функций в испанских водах? Если германское правительство до сих пор не сделало подобного сообщения, — а есть все основания полагать, что оно его не сделало, — тогда чем может быть доказано, что «Дейчланд» действительно принимает участие в осуществлении морского контроля, а не находится в испанских водах совсем для иных целей?

Это последнее предположение находит свое законное оправдание в том факте, что как «Дейчланд», так и большое количество других кораблей германского военного флота находились в испанских водах задолго до введения схемы морского контроля. В свете только что указанного, уход Германии и Италии из Комитета по невмешательству под предлогом беззащитности кораблей, принимающих участие в морском контроле, является совершенно необоснованным.

* См. газ. «Известия», 1, 2, 6 июня 1937 г.

Но если бы даже корабль «Дейчланд» в течение какого бы то ни было периода времени участвовал в выполнении контрольных функций, то, во всяком случае, не может подлежать ни малейшему сомнению, что этот корабль таких функций не выполнял в момент, когда он находился поблизости от Балеарских островов, морской контроль в районе которых не был поручен германскому флоту. Больше того, в соответствии со схемой морского контроля, утвержденной пленумом Комитета по невмешательству 8 марта текущего года, морской контроль ни в коем случае не должен осуществляться в самих испанских портах или в непосредственной близости к испанскому берегу.

Ввиду всего вышесказанного можно считать совершенно точно установленным, что бомбардировка корабля «Дейчланд» имела место в то время, когда этот корабль не осуществлял функций морского контроля, если даже он вообще когда-либо был предназначен для указанных целей¹⁶.

Что касается вопросов более общего характера, возникающих в связи с бомбардировкой корабля «Дейчланд», то я вынужден обратить Ваше внимание на тот факт, что агрессивные действия мятежников, направленные против британских судов, французских самолетов и французской территории, до сих пор ни разу не служили предметом обсуждения в Комитете по невмешательству. Я считаю необходимым также особо подчеркнуть, что незаконный захват многочисленных коммерческих судов, принадлежащих СССР, Скандинавским странам и ряду других государств, систематически осуществлявшийся мятежниками в течение последних шести-семи месяцев, был поставлен на повестку дня Комитета только в результате настоятельного требования ряда заинтересованных стран, обсуждался с большим опозданием только совсем недавно, да и то в самой общей и малоудовлетворительной форме³.

Не возражая в принципе против принятия Комитетом по невмешательству мер, гарантирующих корабли, принимающие участие в морском контроле, от различных инцидентов, могущих возникнуть в связи с военными операциями, я должен, однако, заявить, что, по моему мнению, всякие переговоры о такого рода делах должны иметь место лишь после обсуждения всего вопроса в Комитете по невмешательству и, во всяком случае, при условии полного осведомления о них всех стран, представленных в Комитете.

Я буду Вам очень признателен, если Вы разошлете копии моего сегодняшнего письма всем членам пленарного Комитета.

Примите, сэр, уверения в моем высоком уважении.

И. Майский

193. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочию Представителю СССР в Китае
Д. В. Богомолу

8 июля 1937 г.

1. Для всего положения на Дальнем Востоке огромное значение имеют англо-японские переговоры, которые ведутся в настоящее время в Лондоне *. Эти переговоры были начаты по инициативе Японии, влиятельные круги которой, в том числе и военщины, по-видимому, все более и более приходят к сознанию о невозможности для Японии на данном этапе продолжать политику противопоставления себя всем другим державам на Дальнем Востоке. Неудачи политики японской военщины в Китае,— политики, которая потерпела фиаско, и растущая международная изоляция Японии привели японское правительство к необходимости сделать Англии предложения о фактическом разделе сфер влияния в Китае. По имеющимся у нас совершенно достоверным сведениям, японские предложения, сделанные Англии, сводятся в основном к признанию особых прав Японии в Северном Китае взамен за сотрудничество Японии с Англией в Северном ** и Южном Китае. При этом Япония обещает не чинить никаких преград английским интересам. Для облегчения соглашения Япония успокаивает Англию, что она не стремится к территориальным захватам даже и в Северном Китае, но это делается в таких туманных формах, которые Японии абсолютно ни к чему не обязывают и явно предназначены для облегчения английскому правительству «грехопадения» перед своей общественностью.

Переговоры охватывают три вопроса: китайский, торговый и финансовый. Характерно, что и переговоры по торговому вопросу, которые прежде играли такую огромную роль в отношениях между Японией и Англией, ведутся в аспекте китайской проблемы. Японцы прямо обещают англичанам ослабить свою конкуренцию английским товарам на других рынках (имеется в виду прежде всего, конечно, Индия), если только Англия поможет Японии устранить препятствия к ее экономической экспансии в Китае.

Англия, несомненно, проявляет очень большую заинтересованность в достижении соглашения с Японией об установлении модус вивенди в Китае. Это видно, в частности, из того, что в переговорах, которые вел с японским послом Иосидой Лейт-Росс, последний обещал Иосиде большие долготлетние кредиты сроком не менее 7 лет, и притом на выгодных условиях.

* См. док. № 176.

** очевидно,— Центральном.

2. Умеренный курс, который взял в своей политике в отношении Китая кабинет Хаяси — Сато *, объясняется не только упомянутым фиаско политики японской военщины в Китае, но также и необходимостью для Японии договориться с Англией. Согласно совершенно достоверным сведениям, которые мы имеем, программа кабинета Хаяси — Сато в отношении Китая сводилась к следующим положениям:

а) воздержание от каких-либо шагов, которые могли бы быть восприняты Китаем в качестве угрозы для его территориальной целостности (вопрос о 5 северных провинциях);

б) всемерное развитие экономического и культурного сотрудничества как базы для дальнейшего постепенного урегулирования японо-китайских отношений;

в) отказ от действий, которые могли бы толкнуть китайское правительство на поддержку народного антияпонского движения в Китае и

г) сосредоточение в ближайшем будущем внимания японских властей в Северном Китае на некоторых экономических объектах.

3. Мы еще не знаем, какова будет политика кабинета Коноэ — Хирота **. Вряд ли, однако, можно сомневаться, что новый кабинет будет со всей энергией продолжать лондонские переговоры с Англией и сделает все возможное, чтобы договориться с нею. Отсюда вытекает, конечно, что Хирота не будет проводить в отношении Китая свою политику во всех ее прежних формах. Вряд ли, однако, можно сомневаться, что по существу политика Хирота будет сильно отличаться от политики Сато. Несмотря на всю свою беспринципность, Хирота, конечно, в большей степени будет считаться с требованиями крайних элементов военно-фашистского лагеря. Маневры квантунского штаба в Чахаре являются уже зловещим предзнаменованием новых осложнений в Северном Китае. Японская военщина будет, вероятно, продолжать свое дело в Северном Китае, но пока что в менее откровенных формах, с оглядкой на Лондон.

4. Вы правы, указывая в своем письме от 5 мая на то, что именно японская тактика в отношении Китая оказывает влияние на отношение китайского правительства к переговорам с нами ⁹³. Несомненно, китайское правительство хотело бы использовать момент для заключения какого-нибудь соглашения с Японией, которое дало бы ему передышку в отношении японской агрессии. Надо, однако, полагать, что то движение недовольства англо-японскими переговорами, которое началось в Китае, будет еще углублено ухудшением японской по-

* Соответственно премьер-министр со 2 февраля по 31 мая 1937 г. и министр иностранных дел Японии.

** Соответственно премьер-министр с 4 июня 1937 г. и министр иностранных дел Японии.

литики в отношении Китая при новом японском кабинете. В результате мы окажемся, по всей вероятности, перед ростом китайского интереса к переговорам с нами. Что касается Ваших переговоров с Чан Кай-ши и Ван Чун-хоем *, то я вполне согласен с Вами в том, что нам не следует проявлять к ним интереса и надо занять выжидательную позицию.

5. Чрезвычайный интерес представляет развитие внутреннего положения в Китае. Все больше и больше получается впечатление, что Чан Кай-ши под влиянием шаньских событий ** все же взял более левый курс. Он, по-видимому, в несравненно большей степени, чем раньше, считается со стремлением китайской общественности к демократизации государственного строя, национальному объединению и консолидации всех сил для отражения японской агрессии. К большому сожалению, мы получаем недостаточно материалов о тех исторических процессах, которые происходят в настоящее время в Китае. Я прошу Вас присылать нам с каждой почтой материалы, хотя бы и в самом сыром виде, а также от поры до времени — сводные аналитические доклады с Вашими выводами. Прошу Вас также следить в этом отношении за работой корреспондентов ТАСС в Китае.

Зам. Наркома
Б. Стомяков

Печат. по арх.

194. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочиному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

10 июня 1937 г.

Было бы хорошо, если бы Вам представился случай непосредственно поговорить с Лайонсом о его предложении ***. Не знаю, удобно ли Вам пригласить его на завтрак. Не следует придавать встрече официального характера. Срочно сообщите Ваши соображения. Конечно, при встрече можете сказать, что мы относимся положительно к его предложению, и высказать некоторые соображения в пользу пакта о взаимной помощи. Он должен понять, что если речь идет даже только о ненападении, то стоит подымать дело в том лишь случае, если заранее будет решено заключить пакт даже без Японии. Если она будет уверена, что ее несогласием пакт может быть сорван, то она никогда на пакт не пойдет. Если же, наоборот, ей будет внушено с самого начала, что пакт состоится

* См. док. № 93, 101.

** См. гз. «Известия», 14 декабря 1936 г., а также т. XIX, док. № 413, 415, 422.

*** См. газ. «Известия», 21 мая, 4, 10 июня 1937 г.

и без нее, она, может быть, предпочтет участвовать в пакте, чем оставаться вне его *.

Нам из Валенсии сообщен текст телеграмм, посланных испанским послам в Лондоне и Париже в связи с англо-германо-итальянскими переговорами ²⁰. Поинтересуйтесь у Аскарате.

Литвинов

Печат. по арх.

195. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
10 июня 1937 г.*

Мое письмо на имя Уоллеса **, а также мои вчерашние разговоры с Ванситтартом и Иденом ²¹ возымели, видимо, известный эффект, потому что Иден сегодня пригласил меня к себе и имел со мной длинный разговор, продолжавшийся свыше часа. Передаю самое существенное.

1. Иден начал с того, что, сославшись на мой вчерашний разговор с Ванситтартом, категорически стал заверять в неизменности британской политики. Никаких перемен в этой политике нет и не предполагается, «во всяком случае,— добавил Иден,— пока я сижу на этом кресле» (и он несколько патетически указал на стул, на котором сидел перед своим письменным столом). Конечно, Англия сейчас, как и раньше, готова начать переговоры о Западном пакте, но это отнюдь не означает, что она склонна предоставить свободу действий Германии на востоке Европы. Англия стремилась и стремится к общеевропейскому урегулированию спорных вопросов.

2. Далее Иден перешел к Дальнему Востоку и, сославшись на свои разговоры по этому поводу с Литвиновым в Женеве, вновь повторил, что готов в любой момент информировать нас о состоянии англо-японских отношений ***. Со времени Женевы, однако, тут произошло мало изменений. Японских предложений еще нет, и, каковы они будут, пока еще неясно. «Во всяком случае,— продолжал Иден,— могу Вас заверить, что, если бы мы даже когда-либо и договорились с Японией о каком-либо соглашении, это соглашение не будет заключено за счет Китая или за счет СССР». В данной связи Иден коснулся вопроса о Тихоокеанском пакте, поднятого австралийским премьером Лайонсом. Вопрос этот подрабатывается сейчас в форин офисе, но, чем конкретнее форин офис подходит к про-

* См. док. № 64, 172, 195, 201.

** См. док. № 192, 212.

*** См. док. № 172, 179, 193.

екту пакта, тем больше трудностей вырисовывается на горизонте. Ибо помимо всяких иных препятствий вопрос Тихоокеанского пакта неизбежно упирается в вопрос статуса Маньчжоу-Го, и тогда едва ли удастся избежать тупика. Тем не менее Иден собирается продолжать разработку вопроса Тихоокеанского пакта и дал даже поручение Кадогану (второй постоянный товарищ министра, ведающий дальневосточными делами) побеседовать с японским, китайским и советским послами, для того чтобы выяснить точку зрения их правительств на данную проблему. В связи с этим просил бы дать мне инструкции по вопросу Тихоокеанского пакта*.

3. Под конец Иден перешел к вопросу об Испании. Тут он стал сильно волноваться, опять пенял на мое «слишком резкое» письмо, говорил, что у него голова идет кругом от испанских осложнений, что терпение его приходит к концу и что он все чаще задает себе вопрос: не лучше ли было бы ликвидировать испанский Комитет, самой Англии занять позицию постороннего зрителя, выполняющего обязательства по невмешательству, а остальным державам предоставить поступать, как они хотят. Полугав меня этими «мрачными перспективами», Иден перешел к делу и сообщил, что завтра, 11 июня, собираются представители четырех держав, которые сделают попытку договориться о какой-либо приемлемой для всех «формуле», на базе которой можно было бы удовлетворительно ликвидировать инцидент с «Дейчланд» и вновь вернуть Германию и Италию в Комитет.

Сам Иден предложил следующую «формулу»: 1) «зоны безопасности», 2) заверения Валенсии и Саламанки о ненападении и 3) консультации четырех держав о мерах воздействия в случае повторения нападений на патрульные суда. При этом в ответ на мой вопрос Иден добавил, что впредь до окончания консультаций какие-либо индивидуальные репрессии со стороны отдельных держав исключаются и что будто бы немцы и итальянцы на это уже согласились. За патрульными судами, однако, сохраняется право защищаться в случае атак на них со стороны испанских самолетов или военных судов. Иден высказывал надежду, что его «формула» завтра будет принята и тогда повторение Альмерии** станет невозможным.

4. Изложив все это, Иден спросил, чем мы недовольны и каково было бы наше отношение к предлагаемой им «формуле». Я ответил, что мы считаем неправильным устранение Комитета от участия в разрешении данного вопроса и что я считал бы совершенно необходимым, раз уже дело зашло так далеко, по крайней мере предложить на рассмотрение Комитета ту «формулу», которая может быть выработана на зав-

* См. док. № 194.

** См. газ. «Известия», 6, 10 июня 1937 г.

трашнем заседании «четверки». Иден ответил, что он готов обсудить это предложение, однако и на этот раз уклонился от дачи какого-либо связывающего его обещания. Что касается «формулы» Идена, то я тут полностью резервировал отношение Советского правительства, однако в качестве личного мнения высказал убеждение, что только та формула имеет шансы на успех, которая будет давать испанскому правительству гарантии против повторения таких инцидентов, какие имели место в Альмерии. Иден стал опять возражать, сильно волновался, обвинил нас в нежелании содействовать скорейшему урегулированию возникших осложнений. Я не остался у него в долгу, и в результате наш спор принял весьма оживленный характер. Во время этого спора, между прочим, выяснилось, что Иден относится сочувственно к идее размещения нейтральных наблюдателей на патрульных судах, но считает, что этот вопрос может быть поставлен в порядок дня только после возвращения Германии и Италии в Комитет. Под конец мы перешли на более спокойный тон, и Иден стал ругать Муссолини за его опасную для Европы и вредную для самой Италии политику. С другой стороны, Иден подчеркивал, что, по его информации, Германия (в особенности руководители рейхсвера) будто бы более чем пресыщена испанской авантюрой и склонна была бы теперь же «уйти» с Пиренейского полуострова без потери лица. Иден высказывал надежду, что в случае восстановления Комитета основным вопросом порядка дня станет эвакуация иностранных комбатантов из Испании, но считал бы очень полезным, чтобы возродившийся Комитет начал свою работу принятием того воззвания о «гуманизации войны», которое обсуждалось в Комитете накануне перерыва в его работах*.

Майский

Печат. по арх.

196. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*10 июня 1937 г. ***

На телеграмму от 30 мая¹²². По нашим сведениям, немцы продолжают поставлять военные материалы в Китай. Недавно было доставлено 17 танков из 24, подлежащих доставке из большого 100-миллионного заказа, о котором я говорил вам в Москве. По этому же заказу предполагается еще поставка 120 орудий 105 мм, 180 орудий 37 мм и 16 орудий зенитных 77 мм и 100 млн. патронов. В связи с этими поставками стар-

* См. док. № 132, 144, 179, 204, а также газ. «Известия», 1, 20 июня 1937 г.

** Дата получения.

ший германский советник Фалькенгаузен поставил вопрос в китайском военном министерстве о приглашении еще 28 советников. Аппарат китайцев относится отрицательно к работе германских советников, и число их за последнее время сократилось, однако считаю возможным, что в этом случае китайское правительство согласится, так как в связи с получением нового вооружения предполагается организация целого ряда новых артиллерийских частей. Танковые инструкторы, как известно, англичане.

Богомолов

Печат. по арх.

197. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Бельгии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

11 июня 1937 г.

Ко мне обратился министр транспорта Жаспар с просьбой выяснить, согласны ли мы на создание с бельгийцами и чехами воздушной линии Прага — Яссы — Киев — Крым, которая была бы согласована с действующей чешско-бельгийской Брюссель — Прага. Обход Польши и Германии дал бы толчок туризму из Западной Европы в Крым. Срочно сообщите, представляет ли это интерес в принципе *. В положительном случае Жаспар предлагает приступить немедленно к переговорам о деталях.

Рубинин

Печат. по арх.

198. Письмо Полномочного Представителя СССР в Бельгии заведующему III Западным отделом Народного Комиссарната Иностранных Дел СССР А. Ф. Нейману

11 июня 1937 г.

Дорогой Алексей Федорович,

Благодарю за сообщение о выставке ** и рад, что она Вам понравилась. Было бы хорошо, чтобы ее посетили М. М. [Литвинов] и В. П. [Потемкин] и чтобы об этом было упомянуто в прессе. Среди вырезок, которые мы Вам посылаем на этот раз, имеются и весьма интересные статьи Пьерара, которые по своему восторженному тону резко отличаются от того, к чему привыкли читатели «Пёньля», когда речь идет о Советском Союзе.

Вообще самый факт организации в СССР бельгийской художественной выставки производит здесь огромное положительное впечатление, поскольку это и льстит бельгийскому

* См. док. № 200.

** См. газ. «Известия», 4 июня 1937 г.

национальному самолюбию, и является демонстрацией интереса, с которым широкая советская публика относится к зарубежной художественной жизни. Сам Пьерар, с которым у меня была продолжительная беседа, говорит о выставке, что с точки зрения советской культурной пропаганды в Бельгии — это «второй конкурс скрипачей»*. Было бы весьма хорошо, если бы кое-что из выставленного было нами куплено.

Очень прошу Вас возможно скорее прислать мне не меньше 15 экземпляров каталога выставки.

С товарищеским приветом

Рубинин

Печат. по арх.

199. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Турции с Министром Иностранных Дел Турции Арасом

11 июня 1937 г.

Арас засыпал меня любезностями, сказав, что Ататюрк много говорил ему обо мне и о своем удовлетворении от нашей встречи**.

Я спросил, договорился ли он с т. Литвиновым насчет даты своего приезда в Москву***. Арас сказал, что точная дата в Женеве не была установлена и что он просит меня сообщить в Москву свое намерение быть 5 июля. Шюкрю Кая поедет прямо из Турции. Вместе с ним, возможно, поедет один из вице-председателей НРП****.

О своем посещении Румынии Арас особенно не распространялся. Он указал Антонеску на то, что в Турции производит неприятное впечатление постоянный обмен визитами между Бухарестом и Варшавой*****. Антонеску заверял его, что те визиты, которые совершаются по инициативе Польши, не следует рассматривать в качестве каких-либо демонстраций, направленных против третьих государств, в частности СССР. У Араса самого сложилось впечатление, что ничего серьезного за этим не скрывается.

Арас считает, что правительство Татареску переживает последние месяцы. В течение ближайших четырех месяцев власть перейдет к царанистам. Однако о возвращении Титулеску не может быть и речи, так как для короля это неприемлемо. Если царанисты будут настаивать на включении Титулеску, то они не смогут прийти к власти.

* См. док. № 91.

** См. док. № 186.

*** См. док. № 174, 207.

**** Народно-республиканская партия.

***** См. док. № 124, 131, 133.

Арас не имеет еще информации о поездке Нейрата, но он вполне спокоен за Югославию и уверен, что ни на какие комбинации с Германией Стоядинович не пойдет. Югославия очень дорожит своими отношениями с Турцией и прекрасно отдаст себе отчет в том, что поддержка германской политики означала бы конец югославо-турецкой дружбе.

Менее спокоен Арас за болгар. Он считает, что главной целью поездки Нейрата был не Белград, а София. Хотя до сих пор нет никаких информации из Софии, но он не исключает возможности, что Нейрат вел переговоры с болгарам о военном сотрудничестве. Арас опасается, что Германия захочет при помощи Болгарии создать себе военные базы на черноморском побережье. Сегодня у Араса были греческий и румынский посланники, с которыми Арас обсуждал такую возможность и заявил, что Турция не могла бы остаться к этому равнодушной, ибо появление немцев на Черном море для турок совершенно неприемлемо.

Арас убежден, что поездка Нейрата в Будапешт не может дать серьезных результатов для германской внешней политики. Арас только что сам был в Венгрии и пришел к убеждению, что по отношению к Германии венгры занимают сдержанную позицию. Арас в разговоре с Канья советовал по вопросу о вооружении Венгрии не становиться на путь односторонних действий. Он убеждал Канья, что по вопросу о вооружении будет целесообразно заключить двустороннее соглашение со своим соседом. Арас считает, что почва для этого созрела, и обещал Канье свое содействие.

Арас удовлетворен соглашением с Францией по вопросу о [Александреттском] санджаке, которое ликвидирует затянувшийся конфликт. Теперь, сказал он, во франко-турецких отношениях начнется новая эра. 14 июня [соглашение о] санджаке будет ратифицировано парламентом. Спорные территориальные вопросы между Ираком и Ираном еще не улажены, вследствие чего Азиатский пакт не будет подписан во время поездки Араса*.

Я спросил Араса, нет ли чего-нибудь нового в вопросе о немецком демарше по поводу проливов**. Арас сказал, что нового ничего нет. Турки ответили на немецкую ноту, и тем дело пока кончилось. Я спросил, не выступали ли немцы с какой-нибудь новой нотой или меморандумом. Арас ответил категорически, что нет.

Полпред СССР в Турции
М. Карский

Печат. по арх.

* См. док. № 223.

** См. док. № 30.

200. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Бельгии Е. В. Рубину

15 июня 1937 г.

На телеграмму от 11 июня*. 16-го открывается воздушное сообщение по линии Москва — Киев — Клуз (Румыния) — Прага. Линия эксплуатируется совместно нами и чехами. С открытием линии пожелания Жаспара в известной мере могут быть реализованы простым согласованием расписаний линий Брюссель — Прага и Прага — Москва. Можете информировать Жаспара об открытии линии и сообщить нам его пожелания и предложения, если бы таковые у него были.

Потемкин

Печат. по арх.

201. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 июня 1937 г.

Лайонс был у меня на чашке чая, и я имел возможность обстоятельно поговорить с ним о его тихоокеанских планах**. Лайонс относится положительно к идее пакта взаимомолочки и считает его более желательным, чем пакт о ненападении, однако он полагает, что ни Великобритания, ни тем более США сейчас еще не подготовлены для столь далеко идущего соглашения***. Поэтому в качестве первого этапа Лайонс ставит своей задачей заключение Тихоокеанского пакта о ненападении, с тем что, если бы кто-либо из членов пакта или какая-либо держава, стоящая вне пакта, совершили акт агрессии, все участники пакта собираются для консультации и решают, что делать. Лайонс вполне соглашается с нашим мнением о тактической выгодности дать сразу же понять Японии, что пакт будет заключен с Японией или без Японии. Он обещал в этом духе вести разговоры со всеми державами, которые по его плану должны принять участие в пакте (Англия, Франция, Голландия, Китай, СССР, Япония, США, Португалия). Во время пребывания в Лондоне Лайонс зондировал почву в разных направлениях и подводит следующий итог своему зондажу: английское правительство относится к его идее положительно и подрабатывает проект пакта в форин-офисе, Новая Зеландия безусловно поддерживает пакт, Ка-

* См. док. № 197.

** См. док. № 194.

*** См. газ. «Известия», 18, 27 мая 1937 г.

нада относится к пакту несколько прохладнее, но тоже в общем сочувственно; таким образом, метрополия и те части Британской империи, которые относятся к Тихоокеанскому бассейну, за пакт. Китайский посол в Лондоне заверил Лайонса в полном сочувствии к идее пакта со стороны нанкинского правительства. Рузвельт в разговоре с Лайонсом два года назад высказывал симпатию к проекту Тихоокеанского пакта о ненападении, и сейчас американский посол в Лондоне Бингхэм подтвердил Лайонсу, что США поддержали бы идею такого пакта (но не пакт взаимопомощи). Лайонс имел также беседу со здешним японским послом Иосидой, который обстоятельно расспрашивал австралийского премьера о деталях его проекта, но сам воздерживался от высказывания каких-либо определенных взглядов. Впрочем, у Лайонса создалось впечатление, что Иосида лично не настроен в отношении пакта отрицательно.

Мне кажется, однако, что вся эта картина, нарисованная передо мной Лайонсом, окрашена в слишком розовые краски и что итоги его зондажа надо принимать с осторожностью. Лайонс был очень доволен, узнав о нашем отношении к идее пакта (я подробно разъяснил ему нашу точку зрения как на пакт взаимопомощи, так и на пакт о ненападении), и собирался вести усиленную пропаганду в пользу своего плана. Лайонс при этом прибавил, что по возвращении в Австралию, куда он на днях уезжает, ему придется проводить новые выборы в федеральный парламент, в которых он надеется победить оппозицию. По словам Лайонса, если бы победа на выборах оказалась за оппозицией, то все надежды на Тихоокеанский пакт пришлось бы оставить, так как оппозиция сильно заражена изоляционистскими тенденциями. Впрочем, и к этому заявлению Лайонса я отношусь с некоторым скептицизмом.

Из других вопросов в разговоре был затронут еще вопрос об иммиграции в Австралию, причем Лайонс заявил, что его очень беспокоит малонаселенность Австралии и наблюдающееся среди белого населения быстрое падение рождаемости (в 1940 г. прирост населения должен прекратиться). Тем не менее Лайонс не склонен широко открывать двери Австралии для эмигрантов из метрополии. Что же касается допущения в Австралию японских колонистов, то об этом, по словам Лайонса, вообще не может быть и речи.

Полпред

Печат. по арх.

202. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 июня 1937 г.

Был сегодня с первым визитом у Дельбоса. После обмена любезностями он начал беседу с того, что немцы сейчас главным образом спекулируют на «трудностях в СССР и во Франции» и что главнейшая задача дня поэтому «не давать повода для такой спекуляции». Я ответил, что, поскольку дело касается СССР, можно быть спокойным — немцы просчитаются, но не знаю, как обстоит дело во Франции. Дельбос сказал, что трудности, особенно финансового порядка, действительно велики. Правительство наметило ряд мероприятий, проведение которых в палате обеспечено, но он не уверен за сенат.

Заключительная часть беседы была посвящена соглашению четырех*. Дельбос пытался доказать, что Франции удалось отстоять ряд положений: недопустимость индивидуальных репрессалий, гуманизация репрессалий (бомбардировка исключается) и максимальная беспристрастность. Для обеспечения последнего Франция продолжает настаивать на участии нейтральных обозревателей, и Англия якобы обещала поддержать это предложение при его обсуждении в Комитете [по невмешательству]. Переговоры и соглашение между четырьмя державами он обосновал тем, что контроль осуществляют только эти четыре державы, но пытался одновременно невразумительно доказать, что этим не ущемляются права Комитета в целом. В дискуссию я с ним не пускался, но после завтра повидаю Блюма. Если найдите нужным, шлите инструкции. Свои верительные грамоты вручу, вероятнее всего, в начале будущей недели.

Дельбос, говоря о финансовых трудностях, рассказал, между прочим, что при беседе, которую он имел с Филлсом**, последний обещал английскую поддержку против атак на франк.

Суриц

Печат. по арх.

203. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Председателем Совета Министров Чехословакии Годже

15 июня 1937 г.

15 июня на приеме у Татареску я представил Годже нашего советника Белько. Мы начали с ним беседу (после ухода Белько), но в это время к нам подошел Татареску, и мы усло-

* См. прим. 121.

** Посол Великобритании во Франции.

виделись продолжить нашу беседу 16 июня. При встрече на следующий день Годжа в начале беседы поставил два вопроса:

- 1) нынешнее состояние наших отношений,
- 2) моя оценка румынской внешней политики.

Я начал со второго вопроса и сделал ему в продолжение 20 минут сообщение о всем послетитулесковском периоде внешней политики нынешнего кабинета.

Я исходил в своей оценке положения из того, что король и Татареску ситуацию прошлого года в Европе восприняли как совершенно определившийся процесс заката женеvской политики и торжества политики фашистских держав. Отсюда их решение отойти от Малой Антанты, по существу же от Чехословакии, отойти от коммунизирующей Франции, для чего освободились от Титулеску. «Франкофилия» Антонеску, нового министра иностранных дел, должна была до поры до времени служить прикрытием. Вехи этой новой политики: кокетничание с Римом*, поездка Антонеску в Польшу³⁴, уход Шебы³⁵, участвовавшие визиты в Белград, подозрительно предшествовавшие всякой румыно-чешской встрече, капитуляция перед Римом и Берлином в инциденте с посланником³⁶ — и все это на фоне резко изменившегося тона управляемой и контролируемой правительством прессы.

Единственная страна, которая правильно оценивала политику нынешнего кабинета, — это была наша страна, и наша реакция на внешнеполитические акты, равно как и некоторые акты внутривполитические, — реакция, которую мы не только не скрывали, но при всех случаях здесь и в Москве давали знать румынскому правительству, удерживала кабинет от открытого перехода на рельсы Берлина и Рима *via* Варшава — Белград. Для всех более или менее беспристрастных наблюдателей было совершенно очевидно, что Бухарест идет за Белградом в среднеевропейских делах, в восточноевропейских же — готов открыто пойти за Варшавой, если бы нас не было на Днестре.

Так продолжалось до начала весны. Целый ряд симптомов европейской политики, а главное — поражение итальянцев под Гвадалахарой, заставил румын усомниться в правильности их окончательного диагноза об окончательном закате женеvских стран: король и Татареску решают выиграть время. Отсюда некоторое просветление в румынской внешней политике: заявление Татареску о готовности подписать с нами пакт о взаимопомощи³⁴ — реверанс в нашу сторону, поездка Татареску в Прагу — реверанс в сторону Чехословакии. Одновременно продолжается польская игра, отодвигаются только на

* См. док. № 134, 175.

второй план непосредственные переговоры с Италией, по-моему, временно.

Апрельский визит Бека и предложения, сделанные им румынскому правительству*, должны были увенчать румынскую политику за весь предшествующий период. И если этого не случилось, если румыны в последний момент на эти предложения не пошли, то это только потому, что мы находимся на Днестре. Французы тоже в конце концов раскусили, чем пахнет визит Бека, и, как здесь говорят, выразили свое недовольство. Таким образом, сказал я Годже, наблюдаемое ныне просветление в румынской внешней политике может и не оказаться началом решительного перехода к старой политике времен Титулеску. Может оказаться, что это только очередной маневр для выигрыша времени. Я приводил в доказательство в числе прочих и польские визиты, о которых в конечном итоге, кроме короля, Бека и Татареску, никто по-настоящему ничего не знал, и дезавуирование Антонеску своего премьер-министра в вопросах отношений с нами**.

Годжа промолчал и сказал, что он чрезвычайно смущен моим повествованием и моей оценкой румынской политики.

Я изложил Годже все, что произошло между нами и румынами. Обратил его внимание на то обстоятельство, что румыны главным образом упирают на формальное признание нами [аннексии] Бессарабии. Это обстоятельство не является симптомом, указывающим на серьезность намерения румын прийти с нами к урегулированию отношений. Дезавуировав Татареску, Антонеску нам пока никакого предложения не сделал. Наша позиция остается следующей: мы готовы возобновить переговоры, которые мы вели с Титулеску в прошлом году, мы готовы начать новые переговоры на базе заявления Татареску. Об этом мы заявили Антонеску***. Антонеску эту базу переговоров отклонил, полупредложил нам в качестве базы итало-югославский пакт, однако формального предложения нам не сделал. Таким образом, мы ждем сейчас предложения в виде развернутого текста со стороны Антонеску и тогда определим к этому предложению свое отношение. Я добавил, что любой текст, в котором будет находиться формальное признание [аннексии] Бессарабии, для нас априори неприемлем. На формальное признание [аннексии] Бессарабии мы не пойдем, в учете степени устойчивости румынской внешней политики, тем более что формальное признание ничего не прибавляет к фактической безопасности Румынии на востоке, к тем документам, которые теперь регулируют наши отношения. В том случае, разумеется, если только румыны не затанцуют каких-нибудь секретных планов против нас. Я высказал

* См. док. № 124, 131, 133.

** См. док. № 131.

*** См. док. № 23, 55, 131.

положение, что нынешнее состояние бессарабской проблемы заставляет местные круги много раз подумать, прежде чем решиться на открытую солидарность. скажем, с нынешней Польшей по всем вопросам европейской политики, как на этом настаивали еще совсем недавно Мосьцицкий и Бек. И это совершенно независимо от общеевропейской ситуации. Поэтому наша позиция по бессарабскому вопросу не может быть безразлична и Праге.

Годжа заявил, что он это понимает, и спросил, что мы предлагаем румынам в этом вопросе.

Я сказал Годже, что, как и Титулеску, мы считаем, что акты, подписанные нами и румынами, совершенно обеспечивают румынам и безопасность с востока. На крайний случай, однако, мы бы согласились ввести в пакт о взаимопомощи обязательство такого порядка: в том случае, если пакт будет приведен в действие и наши вооруженные силы будут в соответствии с пактом введены на территорию Румынии, эти силы по мннованию в них надобности будут отведены за Днестр.

Я объяснил Годже, что этим дополнительным обязательством мы готовы еще раз показать румынам, что, даже если бы наши вооруженные силы оказались на территории Бессарабии, мы и в этом случае отказываемся от насильственного разрешения бессарабского вопроса и отводим войска в их исходное положение, т. е. за Днестр.

Годжа тогда подумал вслух: чего же им, румынам, еще нужно и почему они тогда настаивают на формальном признании? И продолжает: «Вы понимаете, что Чехословакия очень заинтересована в том, чтобы между вами и румынами отношения были урегулированы по образцу чешско-советских. Чехословакия, как страна, и я лично в этом заинтересованы не только формально, но и по соображениям глубоко существенным (*pour des raisons non pas formelles, mais profondement essentielles*). Правда, президент Бенеш был главным мастером нашего с вами пакта, но он делал этот пакт с абсолютно моего согласия. Учитывая географическое положение Чехословакии, Союза и Румынии, я очень сильно заинтересован в урегулировании ваших отношений с Бухарестом, подобно нашему.

Скажите, хотели бы вы, чтобы мы официально интервенировали в ваши переговоры, чтобы показать нашу заинтересованность в их благополучном исходе? Тогда я по приезде в Прагу доложу об этом президенту Бенешу, с тем чтобы совместно с Парижем такой демарш сделать. Я сегодня увижу еще Татареску и от моего личного имени выражу свое отношение к вашим переговорам».

Я сказал Годже, что мало верю в эффективность официального демарша Чехословакии, так как не очень верю в серьезность намерений румын: Тьерри, французский посланник,

еще в апреле при мне сказал Антонеску, что Париж с интересом следит за начавшимися переговорами, и выражал пожелание их успешного завершения.

Но я лично думаю, что разговор Годжи с Татареску был бы интересен в том смысле, что помог бы выяснению серьезности намерений Бухареста и устойчивости нынешней внешнеполитической линии.

Разговор на этом был закончен, после того как Годжа повторил, что Чехословакия и он лично очень заинтересованы в том, чтобы советско-румынские отношения были урегулированы на базе чешско-советских, что он поговорит сегодня с Татареску.

Далее я спросил Годжу, каковы результаты его поездки и доволен ли он ими. Годжа усмехнулся и заявил, что он чудес здесь не ждал и не лелеял чрезмерных надежд в связи с этой поездкой. Его, как всем известно, интересуют главным образом вопросы экономического порядка; «пока, на сегодняшний день, я своим пребыванием доволен».

Я осведомился о перспективах предстоящего свидания трех премьеров*. Годжа заявил, что он ничего по этому поводу сказать не может, так как он ничего по этому вопросу еще не знает. «Однако,— добавил он с усмешкой,— я и там чудес не жду».

М. Островский

Печат. по арх.

204. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
17 июня 1937 г.*

Сегодня я видел Плимута и имел с ним разговор о дальнейшей работе Комитета. Как я уже телеграфировал вчера¹²³, завтра, 18-го, на пленарном заседании Комитета Плимут хочет провести обращение о «гуманизации войны»**. Я сообщил Плимуту ту поправку (о командах торговых судов), при наличии которой я смогу голосовать за обращение. Плимут обещал подумать, как эту поправку можно сформулировать при окончательном редактировании обращения. Далее Плимут довел до моего сведения, что ближайшее заседание подкомитета намечается на 21 июня***, с тем что в повестку дня будут внесены три главных пункта:

* Встреча премьер-министров стран Малой Антанты состоялась 17 июня 1937 г.; см. газ. «Известия», 17, 18 июня 1937 г.

** См. док. № 132, 144, 195; газ. «Известия», 20 июня 1937 г.

*** См. док. № 211.

1. Эвакуация иностранных комбатантов из Испании.
2. Интернационализация морского контроля в соответствии с формулой «четверки» о ликвидации инцидента с «Дейчланд»*.

3. Прорехи в нынешней системе контроля (воздушный контроль, суда под испанским флагом и т. д.).

Из этих вопросов Плимут считает самым важным первый и предполагает сосредоточить на нем главное внимание. Он прибавил при этом, что британское правительство считает нынешнее положение в Испании совершенно нетерпимым и хочет во что бы то ни стало добиться ухода из Испании иностранцев с предоставлением самим испанцам заканчивать свою гражданскую войну. По словам Плимута, немцы будто бы готовы «уйти» из Испании, и об этом, в числе других вещей, Иден, видимо, собирается говорить с Нейратом на будущей неделе, возможно обещая ему известную компенсацию в других направлениях (например, в вопросе Западного пакта)**.

Через немцев же англичане рассчитывают надавить на итальянцев. Плимут интересовался моим отношением к намеченной им программе, в особенности к вопросу об эвакуации иностранцев из Испании. Я ответил, что сейчас, как и всегда, мы готовы поддерживать всякие мероприятия, способные ликвидировать или хотя бы ослабить происходящее в Испании кровопролитие, и что мы, конечно, не станем возражать против обсуждения эвакуации иностранцев. Я, однако, не скрыл от Плимута моего большого скептицизма насчет возможности добиться от Италии и Германии согласия на действительный вывод их войск из Испании. А ведь в этом как раз гвоздь положения. В ответ Плимут заявил, что он тоже не уверен в успехе своих намерений, но, во всяком случае, хочет сделать сейчас энергичную попытку добиться того, что очень интересует британское правительство.

Майский

Печат. по арх.

205. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 июня 1937 г.

Дельбос, побывавший у меня вчера с ответным визитом***, уверял, что о визите Нейрата он только 14 июня был поставлен в известность Филпсом. Филпс мотивировал приглашение Нейрата желанием Идена продвинуть испанскую

* См. док. № 192, 212, прил. 121.

** См. док. № 212.

*** См. док. № 202.

проблему, в частности вопрос о волонтерах. Дельбос понимает, конечно, что лондонская беседа не замкнется рамками одной Испании*.

Меня очень неприятно поразило, что, коснувшись приезда сюда Бека**, Дельбос не только пытался это багателизировать (это было бы еще понятно), но дал самую несерьезную версию истории визита. Если поверить Дельбосу, то германский начальник штаба приехал сюда только с целью посетить выставку («вслед едут и другие германские министры»), а его встречи с Гамеленом и другими «носят лишь характер простой вежливости». Дельбос счел даже возможным умолчать, что Бек был сюда приглашен Гамеленом. Я не склонен преувеличивать деловых последствий этого визита, но все же считаю, что в теперешней обстановке самый факт приезда сюда Бека является актом большого демонстративно-политического значения, о котором французам с нами следовало бы говорить не походя и мимоходом, а в более серьезном тоне.

Полпред

Печат. по арх.

206. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Бекон

17 июня 1937 г.

Я начал с вопроса о ратификации соглашения о статусе торгпредства. Напомнив ему историю вопроса, я повторил то, что уже нами было на днях сообщено Кобылянскому¹²⁴: оставить пока вопрос с планом торгпредства открытым и ратифицировать соглашение. Я мотивировал это предложение еще тем, что торгпредство все равно собирается переезжать в другое помещение.

Бек, видно, не ожидал постановки мною этого вопроса (на столе у него лежала приготовленная переписка о консульствах) и начал говорить вначале очень неопределенно. Потом сказал, что ему сейчас неудобно ставить в правительстве вопрос об этом, пока не разрешен вопрос о консульствах***, дав понять, что там могут отказать и пр. Он перешел затем к консульствам. Он сказал, что уже подготовил мне ответную памятную записку, которую он хотел послать, но решил подождать еще разговора со мной и затем ее уточнить. Приводя уже известные нам аргументы, он добавил, что в СССР целый ряд других государств имеют гораздо больше консульств, чем мы у них. Он привел цифры немецких, японских и ряда дру-

* См. док. № 212.

** Начальник генерального штаба германской армии.

*** См. док. № 129.

гих консульств. Он, мол, не хотел бы, чтобы у правительства создалось впечатление о дискриминации для Польши. Он опять намекнул на плохое политическое впечатление и пр.

Я ответил, что, прежде всего, не вижу никакой связи между двумя вопросами. Соглашение о статусе торгпредства нами подписано ровно год тому назад и является совершенно независимым вопросом (Бек вставил реплика, что формально, конечно, это так, но опять стал говорить о впечатлении и пр.—*Я. Д.*). Вопрос о консульствах является чисто практическим вопросом. Никакой речи о дискриминации и пр. нет. Наша взаимная консульская сеть в теперешнем ее виде возникла больше десяти лет тому назад, и сейчас условия не те. Эти условия могут меняться и в будущем в любую сторону, и польское правительство имеет полную возможность на основании консульской конвенции ставить любой практический вопрос о том или ином консульстве. Если мы теперь подняли вопрос об уравнивании числа консульств, то потому, что не видим никаких практических трудностей это сделать. В частности, число польских граждан очень незначительно в ряде консульских пунктов.

Бек указал опять на экономические функции польских консульств. Я отвел этот аргумент указанием на то, что Польша имеет коммерческого советника, и заметил, что наше торгпредство не имеет филиалов в провинции.

В результате всей этой довольно длительной дискуссии, причем Бек проявлял очень примирительный тон, он задал мне вопрос, является ли вопрос о паритете решающим или он еще дискуссируем. Я очень твердо ответил, что этот вопрос не дискуссируем и является основным.

Бек, явно желая найти какой-нибудь компромисс, сказал, что он обсудит все эти вопросы и еще раз переговорит со мной. Я выразил готовность заехать, когда ему удобно. Мы условились, что он мне позвонит в субботу (послезавтра)¹²⁵.

В конце разговора я указал, что и вопрос о таможенно-контингентном соглашении повис в воздухе. Бек заметил, что он слышал, как будто торгпредство ведет какие-то переговоры с министерством торговли. Я ответил, что торгпредство без всякого соглашения уже разместило ряд заказов и теперь обсуждает вопрос о контингентах, но весь вопрос упирается в таможенное соглашение*. Бек сказал, что переговорит с министром торговли Романом и в субботу и об этом даст мне ответ.

Перед уходом Бек, по своему обычаю, начал что-то неопределенно говорить о европейских дипломатических переговорах, решениях британской имперской конференции и пр. Все

* См. док. № 129.

это в очень туманных и общих выражениях. Я выразил надежду, что результатом всех этих разговоров будет укрепление Лиги наций, а не наоборот.

Я. Давтян

Печат. по арх.

207. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Турции с Министром Иностранных Дел Турции Арасом и Министром Внутренних Дел Турции Шюкрю Кая

18 июня 1937 г.

Арас заявил, что к 1—2 июля он в Москву не успеет *. Таким образом, он будет ориентироваться на 13—14 июля. Точную дату он сейчас сообщить не может, так как ему предстоит еще длинная поездка. Он передаст эту дату в Москву через нашего подпреда в Тегеране **. С Арасом приедет пять человек его личных сотрудников.

Шюкрю Кая выедет из Стамбула с таким расчетом, чтобы прибыть в Москву одновременно с Арасом или на один-два дня раньше. Он поедет морем, если будет подходящий пароход, или через Негорелое. С ним поедут два депутата парламента — член ЦК Рахми Апак (бывший военный атташе в Москве) и Осман Шевки, два сотрудника МИД и его личный секретарь.

Что же касается обратного пути, то Арас не хочет ехать ни через Варшаву, ни через Берлин. Он не намерен также возвращаться через Румынию. Он только что был два раза в Бухаресте, и в третий раз ему ехать неудобно и незачем. Самый простой путь — через Одессу. Однако он не знает, будет ли подходящий пароход, и вообще он не хотел бы доставлять нам много хлопот. Поэтому у него возникла мысль поехать через Скандинавию и затем Париж. Заодно он бы нанес визит своему другу Холсти, с которым у него установились очень дружеские отношения уже много лет тому назад в Женеве, и Сандлеру, которого он бы кстати поблагодарил за его усилия в вопросе о [Александреттском] санджаке. Я спросил, говорил ли он с т. Литвиновым об этом маршруте. Арас сказал, что это пришло ему только теперь в голову. Этот вопрос еще не решен, и он хочет посоветоваться с т. Литвиновым в Москве, стоит ли ему так ехать.

Я спросил Араса, имеет ли он что-либо сказать мне для передачи в Москву в связи с его предстоящим визитом. Арас сказал, что нет, так как никаких вопросов поднимать в Москве он не собирается. Его визит — это действительно визит веж-

* См. док. № 187, 199.

** См. док. № 223.

дливости. Он едет для того, чтобы продемонстрировать дружественные отношения и чтобы обменяться мнениями с руководителями Советского правительства. Несколько раз во время беседы Арас и Шюкрю Кая повторили, что они надеются встретиться со Сталиным.

Отвечая на мой вопрос, Арас сказал, что министр экономики Баяр едет с ним в Багдад для переговоров с иракским правительством по нефтяному вопросу. Турецкое правительство озабочено нефтяной проблемой. Турция должна обеспечить себе получение нефти как в мирное время, так и в особенности на случай войны. Об этом он, между прочим, собирается также говорить в Москве. Что касается Ирака, то турецкое правительство намерено получить свою долю мосульской нефти натурой и построить нефтеперегонный завод в Диарбекире. Турки также хотят, чтобы иракское правительство уступило им свою долю. Разрешение этого вопроса зависит от согласия англичан, и придется на эту тему разговаривать в Лондоне. У турок есть средства давления. Предстоит продление нефтяной концессии, на что потребуются согласие турецкого правительства.

Сегодня Арас получил доклад турецкого посланника в Белграде о разговоре со Стоядиновичем. Стоядинович считает, что ось Берлин — Рим не является прочной. Противоречия германо-итальянских интересов не могут быть скрыты, и, несмотря на все попытки согласовать политику этих государств на Балканах и в Придунайском бассейне, это до сих пор не удалось. Стоядинович недоволен, что Нейрат для своей поездки выбрал маршрут Белград — София — Будапешт, и якобы дал понять это Нейрату.

Главной темой переговоров Нейрата со Стоядиновичем были якобы экономические вопросы. В числе политических вопросов заслуживает упоминания проблема германо-чехословацких отношений. Нормализации отношений между Германией и Чехословакией препятствует политика чехословацкого правительства в отношении судетских немцев, а также советско-чехословацкий пакт. Однако Нейрат в самой категорической форме дал Стоядиновичу заверение в том, что у Германии отсутствуют какие-либо агрессивные намерения относительно Чехословакии.

Затем Арас сообщил, что он дал директиву турецкому посланнику* в Белграде сделать демарш по поводу антисоветской кампании югославской печати. В ответ на это Стоядинович заверял турецкое правительство, что по отношению к СССР он придерживается и будет придерживаться той линии, о которой он говорил во время своего визита в Анкару. Что же касается антисоветской кампании, которую ведет в настоящее

* В тексте ошибочно — послу.

время югославская печать, то Стоядинович сказал, что эта кампания необходима ему по соображениям внутренней политики.

Арас в очень туманных выражениях говорил о необходимости готовить почву для Восточного пакта, который становится сейчас актуальным в связи с разговорами о Западном пакте. Я спросил, предпринял ли он что-нибудь конкретно по этому вопросу. Арас ответил, что в бытность свою в Белграде он просил Антонеску позондировать отношение Бека к участию Польши в Восточном пакте. В связи с тем, что до сих пор Антонеску не дал ему никакого ответа, Арас делает заключение, что этот зондаж дал отрицательный результат. Я заметил, что для меня не подлежит никакому сомнению негативная позиция Польши (я думаю, что зондаж Араса по этому вопросу без нашего ведома недопустим, но воздержался от каких-либо замечаний, не будучи уверен, что на эту тему Арас не говорил в Женеве с т. Литвиновым *).

Арас сообщил, что 14 июня к нему явился польский посол Сокольниковский с заявлениями по поводу румынско-польских отношений. Этот визит, по мнению Араса, является реакцией на те разговоры, которые Арас имел в Бухаресте с Антонеску **. Сокольниковский заверял Араса, что польско-румынский союз не имеет агрессивного характера и не направлен против какого-либо третьего государства. На это Арас сказал, что отношение Турции к этому союзу достаточно известно и заявление Сокольниковского не может ни в чем изменить турецкую позицию. Заверения насчет полезности для дела мира польско-румынского союза могли бы быть убедительны только в том случае, если бы этот союз был открыт для присоединения третьих стран, в частности СССР. Сокольниковский сказал, что это невозможно, так как это означало бы для Польши испортить свои отношения с Германией.

Арас и Шюкрю Кая заявляли, что на турецко-сирийской границе положение гораздо более спокойно. Объясняется это инструкциями, полученными местными колониальными французскими властями из Парижа. Арас выразил удовлетворение по поводу своей встречи с Блюмом и Дельбосом и уверял меня, что франко-турецкие отношения могут считаться урегулированными и будут развиваться в духе дружественного сотрудничества.

Полпред СССР в Турции
М. Карский

Печат. по арх.

* См. док. № 174.

** См. док. № 165.

208. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемицу

21 июня 1937 г.

Сигемицу пришел с Миякава * и Ниси. Я узнал об отсутствии по болезни г. Андреева только перед самым приемом и поэтому не мог пригласить другого переводчика, так что всю беседу переводил Миякава.

1. Сигемицу сделал пространное заявление о «вопросах, относящихся к японскому нефтяному обществу**», требующих скорейшего разрешения». Миякава прочел прилагаемую памятную записку***, которую после этого посол мне вручил.

Я предпочел не вступать в обсуждение всех вопросов по существу и ограничился заявлением о том, что, хотя НКИД, как известно японскому посольству, и придерживается той принципиальной точки зрения, что концессионные вопросы не должны быть предметом дипломатических переговоров, в данном случае ввиду особой просьбы, с которой посол обратился ко мне еще 19-го¹²⁶, а также сегодня, и вследствие постановки им вопроса обо всем комплексе отношений между концессионером и нашими властями я готов лично изучить записку с тем, чтобы в результате этого изучения решить, может ли НКИД что-нибудь сделать для разрешения возникших затруднений.

2. С аналогичным заявлением обратился ко мне Сигемицу и по «вопросам, относящимся к японскому угольному обществу**», требующим скорейшего разрешения», и вручил мне прилагаемую записку***.

Я ограничился заявлением, что заинтересуюсь и этим вопросом****. Затем я обратил внимание посла на то, что в обеих записках помимо вопросов отношений между концессионерами и нашими властями затронуты также и вопросы отношений концессионеров с соответствующими профсоюзными организациями. На разрешение этих вопросов НКИД, во всяком случае, не может иметь абсолютно никакого влияния. Так что эти вопросы придется исключить даже из того изучения, которое я обещал послу.

Не реагируя на это замечание, Сигемицу усиленно просил подвергнуть изучению обе его записки и постараться возможно скорее помочь, ибо положение на обеих концессиях создалось чрезвычайно тяжелое. Наиболее серьезным вопросом является вопрос о предоставлении судов для перевозки советских рабочих на восточное побережье Сахалина.

3. Посол поставил затем вопрос о «Сёсэн гуми»⁵⁵. После стольких месяцев переговоров, которые велись между НКИД

* Первый секретарь посольства Японии в СССР.

** См. т. VIII, прим. 166.

*** Не публикуется.

**** См. также док. № 373.

и японским посольством, достигнуто наконец соглашение об открытии агентства японских пароходных компаний во Владивостоке. Представитель этих компаний уже выехал туда. Теперь все дело в том, чтобы предстоящие там переговоры привели быстрее к успешному результату. Посол просит поэтому, чтобы НКЖД принял меры для быстрого и успешного окончания переговоров.

Я сказал, что если это дело затянулось на много месяцев, то вина лежит исключительно на японской стороне, которая затягивала посылку своего представителя во Владивосток для переговоров и настаивала на урегулировании вопроса между японским посольством и НКЖД, который, конечно, не компетентен в разрешении подобных дел. Если японские представители проявят добрую волю при этих переговорах и займут в них разумные позиции, то, я думаю, переговоры смогут быстро закончиться заключением соглашения. Что касается советской стороны, то мы в свое время информировали Наркомвод о большом интересе, который проявляет к этому делу японское посольство, и, я думаю, представители Наркомвода в пределах их возможностей будут также содействовать успешному окончанию переговоров.

Сигемцу подчеркнуто благодарил за то, что НКЖД информировал Наркомвод об интересе, который он проявляет к этому делу.

4. Сигемцу поставил отдельно вопрос о заходе парохода угольного концессионера в Дуэ. В течение многих лет пароходы концессии заходили в Дуэ. Теперь, однако, концессии внезапно сообщили, что 1) ее пароходы должны, прежде чем идти в Дуэ, предварительно заходить в Александровск и 2) что пароходы должны платить портовые сборы, которых они никогда раньше не платили. В результате переговоров Ниси — Борисов последний сообщил, что оба эти распоряжения отменены. Однако, по полученным от концессии сведениям, на месте получены указания только о том, что отменен обязательный заход пароходов концессии в Александровск, об отмене же портовых сборов еще не получено никаких распоряжений из Москвы. Представитель общества в Москве Сакагути тщетно пытается в течение ряда дней, начиная с 17 июня, связаться с Наркомводом. Однако он «никак еще не может получить контакт». Ввиду этого посол просит моего вмешательства, чтобы Наркомвод послал на Сахалин подтверждение своего первого распоряжения об отмене портовых сборов при заходе в Дуэ, где вообще никаких сборов никогда не было установлено и никто не платил.

5. Сигемцу сообщил, что в свое время Сако* говорил с т. Козловским о назначении нового японского консула в Одес-

* Советник посольства Японии в СССР в 1933—1937 гг.

су и т. Козловский будто бы сказал Сако, что, как только вопрос будет поставлен формально, новый консул получит визу. Между тем в течение уже свыше трех месяцев японское посольство не может получить визу для нового консула Сайто. Во II Восточном отделе говорят представителям японского посольства, что не получен еще ответ от украинских властей. Посол, однако, думает, что три с лишком месяца — достаточно большой срок для такого дела и что надо было бы его благополучно закончить.

Не желая формально связывать вопрос о предоставлении Сайто визы с принципиальным вопросом о закрытии консульства в Одессе *, я ответил коротко и сухо, что по существу у нас порядку НКИД предоставляет визы новым консулам только по получении согласия соответствующих органов, и прежде всего правительств союзных республик. Я не имею сведений по этому вопросу, но если II Восточный отдел, сказал я, сообщает японскому посольству, что он не имеет еще ответа от украинского правительства, то, очевидно, дело именно так и обстоит.

Посол повторил, что, однако, три с половиной месяца — слишком большой срок.

Я коротко сказал, что справлюсь, как обстоит дело.

6. Когда посол кончил со своими вопросами, я сделал ему приблизительно следующее заявление.

За последние годы неоднократно возникали затруднения при заходе японских военных нефтетранспортов в Оху **. В 1933 г. между НКИД и японским посольством велись переговоры, в течение которых НКИД в официальной ноте указал посольству на то, что, согласно существующим у нас правилам, для одновременного спуска на берег больше чем 30 лиц из экипажа приходящих японских военных нефтеналивных судов требуется специальное разрешение местных советских властей. В 1934 г. нашим полпредством в Токио было сделано японскому министру три устных протеста по поводу нарушения этих правил. В 1935 г. командиры японских нефтетранспортов обращались к нашим пограничным органам с просьбами разрешать спуск на берег команд в количестве, превышающем 30 человек. Однако впоследствии была вновь возобновлена практика спуска на берег команд числом свыше 30 человек без разрешения наших властей. Ввиду этого в июле — августе 1935 г. между т. Козловским и Сако состоялись переговоры, в результате которых командиры японских нефтетранспортов стали опять испрашивать регулярно разрешение на спуск команд в количестве свыше 30 человек. В июне 1936 г. имели, однако, место новые массовые спуски на берег команд

* См. док. № 298.

** См. т. XVIII, док. № 262.

японских военных транспортов в Охе, вследствие чего в беседе от 3 июля 1936 г. * я вынужден был заявить Ота протест и просить его принять меры к тому, чтобы командиры заходящих в Оху японских нефтетранспортов соблюдали существующий у нас порядок. В результате этого протеста положение вновь улучшилось, и во второй половине прошлого года на командиры японских нефтеналивных судов опять стали регулярно испрашивать разрешение перед каждым спуском на берег свыше 30 человек команды. В этом году мы имеем новый рецидив. 14 июня с. г., несмотря на сделанное ему специальное предупреждение о необходимости испрашивать разрешение в случае потребности спуска на берег более чем 30 человек команды, командир японского военного нефтетранспорта Наруто, не испрашивая на то разрешения, высадил на берег в 10 часов утра 11 офицеров и 97 матросов, а в 14 часов — еще 90 матросов. То обстоятельство, что это грубое нарушение наших правил было произведено после предупреждения со стороны наших властей, указывает на преднамеренный характер этого нарушения и на то, что какие-то японские круги сознательно стремятся вызывать конфликты даже на почве таких мелких фактов. Я должен в связи с этим вновь заявить послу протест и настоятельно просить его, чтобы он вмешался в это дело и прекратил эти периодически повторяющиеся своеобразные нарушения существующего у нас порядка со стороны командиров японских военных нефтеналивных судов, заходящих в Оху. От себя лично, сказал я, я должен обратить внимание посла на то, что эти случаи внушают мне озабоченность. Наши местные власти относились к ним, как видит сам посол, чрезвычайно миролюбиво и ограничивались лишь докладом своим центральным органам, которые в свою очередь информировали НКВД на предмет соответственного обращения внимания на эти случаи японского правительства. Я опасаясь, однако, что грубый, преднамеренный характер нарушений может привести к тому, что наши власти примут наконец соответствующие меры и что мы будем иметь серьезный конфликт из-за этих недопустимых действий командиров японских военных судов.

Сигемуну сказал, что мое сообщение является для него «большой неожиданностью», ибо он не имеет никаких сведений о том, чтобы в Охе на этой почве возникали какие-либо конфликты. Он, однако, изучит мое заявление. Теперь он хотел бы лишь обратить мое внимание на то, что в связи с этим вопросом в прошлом между обоими правительствами были «принципиальные разногласия». Он думает, что существующий у нас порядок спуска на берег команд иностранных военных судов должен отвечать международным правилам. Не-

* См. т. XIX, док. № 209.

сколько подумав, Сигемицу сказал, что он хотел бы объяснить мне, почему для него мое заявление является неожиданностью. Дело в том, что он только что получил телеграмму из Охи, из которой он усмотрел, что вопрос о спуске на берег команд военных японских нефтетранспортов разрешался вполне удовлетворительно между командирами пароходов и нашими пограничными властями. Из этой телеграммы совсем не видно, чтобы отношения командиров японских судов и наших погранорганов угрожали конфликтами из-за спуска команд этих судов. Он поэтому не понимает того заявления, которое я ему сделал.

Я сказал послу, что его слова вызывают у меня большое удивление. Я не знаю, какую телеграмму он получил, но из сообщения, которое мы получили от соответствующих органов, явствует, что, несмотря на состоявшееся устное соглашение еще в 1935 г. и несмотря на то что оно за последнее время соблюдалось, командиры японских военных нефтетранспортов вновь стали грубым образом нарушать существующий у нас порядок. Я прошу посла принять меры к тому, чтобы этим безобразным нарушениям был положен конец. Я думаю при этом, добавил я, что это было бы в интересах также и нефтяной концессии. Дело в том, что, поскольку эти нефтетранспорты обслуживают концессию, местные органы, естественно, склонны считать концессию ответственной за их поведение в нашем порту. В результате создается атмосфера, которая, конечно, не является благоприятной для удовлетворения различных просьб, с которыми руководство концессии обращается к местным властям.

Сигемицу, который, видимо, отнесся с большой серьезностью к моему заявлению, несколько раз перешептывался с Ниси и сказал, что он, во всяком случае, просит меня верить, что не может быть и речи о том, чтобы японские власти или руководство концессии стремились нарушать наши законы и порядки и вызывать конфликты. Японская сторона хочет мирного и дружественного урегулирования всех вопросов. Потом, опять пошептавшись с Ниси, он сказал несколько взволнованно, что Ниси, который также читал телеграмму из Охи, подтверждает, что отношения между командирами японских нефтетранспортов и нашими соответствующими органами вполне нормальны и что, судя по телеграмме, нет основания ожидать каких-либо конфликтов из-за спуска команд на берег.

Ниси кивал утвердительно головой и в конце с улыбкой сказал по-русски: «Странно».

Я согласился, что положение там создается действительно странное, и выразил надежду, что посол своим вмешательством быстро его урегулирует.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

209. Нота Полномочного Представителя СССР в Иране Министру Иностранных Дел Ирана Самини

22 июня 1937 г. № 214

Господин Министр,

Имею честь настоящим сообщить Вам, что мною принято к сведению содержащееся в Вашей ноте от 20 июня 1937 г. за № 13995 сообщение Министерства Иностранных Дел о том, что все обязательства Иранского Правительства по договору о торговле, о мореплавании и о поселении от 27 августа 1935 г.* о сдаче товаров Торговому Представительству Союза Советских Социалистических Республик в Иране будут выполнены в точном соответствии с постановлениями упомянутого договора и основанного на этом договоре соглашения от 27 августа 1935 г. о контрактах и что в ближайшие дни будут заключены контракты на третий год действия договора, в соответствии с изложенными положениями, в частности, как минимум: по шерсти — на 6300 т, по кожевенному сырью — на 2 000 000 шт. и по хлопку — на 31 000 т.

Что касается поставленного Вами вопроса о толковании ст. 10 упомянутого договора, то, хотя я запросил инструкции моего Правительства, однако вопрос может быть решен и после 22 июня с. г., поскольку обе стороны согласны в толковании ст. 18 договора в том смысле, что после 22 июня 1937 г. договор может быть денонсирован в любое время.

Пользуясь случаем, прошу Вас, господин Министр, принять уверения в глубоком к Вам уважении.

Черных

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте Самини от 20 июня 1937 г. № 13995, в частности, говорилось:

«Компетентными организациями будут выполнены все обязательства Министерства финансов о сдаче иранских товаров Советскому Торговому Представительству: сделки, касающиеся третьего года, будут осуществляться на основе контрактов, заключаемых между Министерством финансов и Советским Торговым Представительством. Таким образом, Правительство СССР может быть уверено, что Правительство Ирана должным образом выполнит в этом отношении все свои обязательства».

В ноте указывалось далее, что, по мнению иранского правительства, по истечении третьего года действия договора о поселении, торговле и мореплавании от 27 августа 1935 г. стороны не будут более связаны постановлениями ст. 10 в отношении минимального количества товаров, предлагаемых другой стороне, и сообщалось о намерении денонсировать договор в случае несогласия Советского правительства с указанным толкованием.

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 7, 13 февраля 1937 г., стр. 73—130; т. XVIII, док. № 350, а также док. № 339 настоящего тома.

210. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

22 июня 1937 г.

Гендерсон письмом поздравил от имени американского правительства и народа Советское правительство и участников полета, вызывающего восхищение всего американского народа. Гендерсон отмечает смелость и умение летчиков, высокое качество самолета и организации полета. В своем ответе Литвинов отмечает с удовлетворением, что, перелетев полюс, наши летчики спустились в дружественной стране, которая тоже может гордиться великими достижениями в области авиации и научных исследований. Литвинов выражает надежду, что полет создаст новое звено культурной связи между обеими странами, и благодарит за оказанную американцами ценную помощь и содействие успеху полета*.

Потемкин

Печат. по арх.

211. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

23 июня 1937 г.

Выступления Плимута в Комитете и Идена в палате** наводят меня на мысль, что Англия, может быть, решила покончить с Комитетом по невмешательству, умыть руки и представить Германии и Италии добить республиканское правительство. Сообщите Ваши соображения¹²⁷.

Литвинов

Печат. по арх.

212. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

24 июня 1937 г.

Дорогой Максим Максимович,

1. События бегут с такой быстротой, что даже с помощью шифровок не всегда можно за ними угнаться. Тем менее можно угнаться за ними с помощью диппочты. Вопрос, который Вы задаете мне в своем письме от 19 июня¹²⁸, чем Англии удалось заманить Германию и Италию в Комитет после

* См. газ. «Известия», 22 июня 1937 г.

** См. соответственно газ. «Известия», 23 и 24 июня 1937 г., а также док. № 195, 204, 212.

инцидента с «Дейчланд»* еще до получения ответов из Валенсии и Саламанки, сегодня имеет уже больше историческое значение. Я, однако, постараюсь ответить на него в аспекте несколько более широких проблем, ибо все испанские вопросы теснейшим образом связаны и постоянно переплетаются с вопросами общеевропейскими.

2. С самого окончания абиссинской войны британское правительство с большим беспокойством присматривалось к прогрессирующему сближению между Римом и Берлином. И не только присматривалось, но также делало различные попытки для предотвращения слишком большого укрепления этой «оси». Сначала британское правительство полагало, что более слабым звеном в данной комбинации является Италия. Поэтому в конце прошлого года оно затратило немало усилий в целях достижения нормализации англо-итальянских отношений и отвлечения Италии от слишком тесной близости с Германией. Этой цели в первую очередь должно было служить подписанное 2 января текущего года между обеими странами «джентльменское соглашение» о Средиземном море**. По целому ряду причин, изложенных мной в письме к Вам от 10 апреля (№ 152/с)¹²⁹, надежды британского правительства на урегулирование англо-итальянских отношений не оправдались. Прошедшие с того времени два с половиной месяца не только не принесли никакого улучшения, но, наоборот, в связи с испанскими событиями характеризовались дальнейшим усилением напряженности между Лондоном и Римом. В итоге британское правительство пришло к выводу, что итальянское направление в целях ослабления оси Рим — Берлин (а также в целях укрепления британских позиций на Средиземном море) для данного момента является линией наибольшего сопротивления, и потому решило поискать иных путей для достижения своей основной задачи.

3. Выход был найден следующий: раз Муссолини сейчас не склоняет идти на соглашение с Англией, нельзя ли закинуть удочку в Берлине и с этого конца попробовать расстроить гармонию итало-германского сближения? К тому же идея англо-германского контакта, как известно, имеет большое количество сторонников в Великобритании (в том числе и в правительстве) по соображениям не только итало-германской «оси», но и по целому ряду иных причин. Таким образом, новая попытка договориться с Берлином могла рассчитывать, по мнению правительства, на широкий резонанс в стране. Действительно, с конца апреля целый ряд фактов сигнализировал известную перемену во внешнеполитической тактике британского правительства — перемену, на возможность которой

* См. прим. 115; док. № 192, 195, 204.

** См. док. № 2.

я указывал Вам в своем письме от 24 марта (№ 114/с), посвященном англо-германским отношениям¹²⁰.

4. Каковы были эти факты? Я подробно их перечислил в своем разговоре с Ванситтартом 9 июня, краткое содержание которого я сообщил Вам своевременно по телеграфу¹²¹. Факты эти следующие: 1) перевод английского посла в Берлине Эрика Фиппса в Париж (немцы очень не любили Фиппса за его критическое отношение к гитлеровскому режиму); 2) назначение в Берлин в качестве нового посла Невилля Гендерсона — человека, явно сочувствующего национал-социализму, как о том можно заключить из его речей (при вручении верительных грамот и на англо-германском обеде в Берлине 31 мая); 3) подчеркнуто торжественный прием, оказанный на коронация генералу Бломбергу, в том числе появление на приеме у Риббентропа 13 мая по меньшей мере восьми членов кабинета, включая Невилля Чемберлена*; 4) чрезвычайное заведение перед немцами в связи с инцидентом с «Дейчланд» (почти безоговорочное признание немецкой версии инцидента, воинские почести в Гибралтаре убитым членам экипажа «Дейчланд», широкая публикация в печати сообщений о посылке на аэропланах английских сестер милосердия в Гибралтар для ухода за ранеными немцами и т. д.); 5) общий тон консервативной печати, в частности «Таймс» и «Дейли телеграф», начавших с конца апреля систематическое зазывание Германии в свой околотовок. К этим пяти только что перечисленным фактам теперь я могу прибавить еще приглашение Нейрата в Лондон и достаточно большие уступки, сделанные англичанами немцам в соглашении 12 июня о предупреждении новых инцидентов в испанских водах**. Кстати, о приглашении Нейрата. Судя по всему тому, что мне удалось узнать, формальным поводом для этого приглашения послужил кризис в Комитете по невмешательству, последовавший вслед за инцидентом с «Дейчланд». Англичане хотели сделать попытку договориться с немцами о ликвидации кризиса и, если возможно, об эвакуации волонтеров из Испании. Но это было далеко не все. Наряду с испанскими событиями Иден в разговоре с Нейратом собирался затронуть все основные проблемы англо-германских отношений, будучи готов обсуждать с германским министром иностранных дел (пока, конечно, в предварительном и необязывающем порядке) даже колониальный вопрос. Есть много оснований полагать, что Иден был склонен в обмен за эвакуацию волонтеров идти на известные компенсации Германии в вопросе о Западном пакте. Таким образом, визит Нейрата мыслился в Лондоне как новый и важный этап в процессе улучшения англо-германских отноше-

* Премьер-министр Великобритании с 29 мая 1937 г.

** См. прим. 121; газ. «Известия», 14 июня 1937 г.

ний, шаг, возможно открывающий за собой большие перспективы.

5. Именно с целью создать более благоприятную атмосферу для визита Нейрата англичане убедили немцев вернуться в Комитет по невмешательству немедленно, еще до получения ответов от испанского правительства и Франко. А Берлин в свою очередь уже воздействовал в том же духе на итальянцев. Однако англичан и здесь (как и раньше с Муссолини) ждало глубокое разочарование. Разыгрался инцидент с «Лейпцигом», крахнуло, не выдержав первого испытания, соглашение четырех держав от 12 июня, визит Нейрата в Лондон был отложен на неопределенное время. Англичане в настоящий момент, несомненно, раздражены и оскорблены бесцеремонным щелчком по носу, который они только что получили от Гитлера. Вспоминая, однако, некоторые прошлые эпизоды (например, историю поездки Саймона и Идена в Берлин в феврале — марте 1935 г. *), я не склонен придавать слишком большого значения этой размолвке между Лондоном и Берлином. Наоборот, целый ряд симптомов указывает на то, что, если Гитлер в ближайшее время не выкинет каких-нибудь новых фокусов в Испании или в каких-либо иных частях Европы, англичане скоро успокоятся, проглотят обиду и с удовольствием примут Нейрата в своей столице. Но поведет ли себя Гитлер достаточно благоразумно? Это большой вопрос. Ибо единственное удовлетворительное объяснение для конфликта из-за «Лейпцига» и срыва визита Нейрата — это желание Германии сохранить полную свободу действия для организации совместно с Италией новой и еще более открытой, чем раньше, попытки разгромить испанское правительство. Такой ход вещей, конечно, сильно испортил бы атмосферу англо-германских отношений и затруднил бы сближение между Лондоном и Берлином. Пойдет ли Гитлер по этому пути? Сегодня на данный вопрос трудно ответить что-нибудь определенное. Ближайшие дни и недели это покажут. Пока же в англо-германских отношениях вновь наступило временное охлаждение, и идея «пакта четырех» в результате первого ее испытания в соглашении 12 июня нанесен серьезный удар.

С товарищеским приветом

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

* См. т. XVIII, док. № 93, 108, 115, 146.

213. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому

25 июня 1937 г.

Выстрелом, произведенным с правого берега р. Днестр, 10 июня с. г. был убит колхозник с. Кушеры Молдавской АССР Урсул Роднон. В тот же день красноармеец заставы Каменец-Подольского участка Яшпортов был ранен осколком гранаты, брошенной в него лицом, перебравшимся на левый берег под прикрытием группы вооруженных лиц, находившихся на правом берегу Днестра.

В связи с этими инцидентами мы заявляем румынской миссии самый решительный протест. Вам также следует в устном порядке обратить внимание МИД на нетерпимость подобных явлений*.

Потемкин

Печат. по арх.

214. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

28 июня 1937 г.

1. Бивербрук** со слов Ванситтарта передал мне вчера, будто бы британский посол в Берлине 22 июня утром (сразу же после краха переговоров четверки по поводу инцидента с «Лейпцигом»***) сделал Нейрату представление в очень крепких тонах и что будто бы в результате этого представления Германия возобновила крутые меры против Валенсии. Бивербрук прибавил, что британский посол был очень недоволен данным ему поручением, так как он сильно сочувствует «наци». Это последнее обстоятельство было решающим моментом для форин офиса в назначении его послом в Германию, ибо форин офис будто бы хотел до некоторой степени компенсировать германское правительство за то, что в течение предшествующих трех лет в Берлине был Эрик Фиппс, относившийся к «наци» крайне отрицательно.

2. Бивербрук полагает, что Чемберлен в течение ближайшего времени постарается приложить максимум усилий к «умиротворению Европы», т. е. будет стараться быть в хороших отношениях со всеми, а прежде всего с Францией и Германией. Этим Бивербрук, между прочим, объясняет характер выступления премьера в парламенте 25 июня****, обнару-

* См. док. № 216.

** Английский политический деятель, владелец газетного концерна.

*** См. прим. 116; док. № 212.

**** См. газ. «Известия», 26 июня 1937 г.

живающий исключительно большую мягкость в отношении Германии. Бивербрук подчеркивал, что Чемберлен проявляет гораздо больше интереса к иностранным делам, чем Болдуин, и потому при новом премьере Иден имеет меньше свободы действий, чем при старом.

3. О только что закончившейся имперской конференции Бивербрук отзывается без большого энтузиазма и даже прямо заявил, что крепость имперских уз может быть проверена только в случае войны. Он надеется, что в таком случае они выдержат испытание, однако полной уверенности по этому поводу Бивербрук не заявлял. Между прочим, Бивербрук рассказывал, что Канада и Южная Африка находятся в очень изоляционистском настроении и не сочувствуют идеям коллективной безопасности. Это неизбежно должно отразиться на политике британского правительства. Впрочем, опасность сближения между Южной Африкой и Германией, по мнению Бивербрука, сейчас в связи с требованием Германии о возврате Юго-Западной Африки исключается. Австралия и Новая Зеландия относятся к коллективной безопасности с большой симпатией, однако выдвигают на первый план региональное соглашение, в частности проект Тихоокеанского пакта*. Лига наций в ее нынешней форме мало популярна во всех доминионах.

4. Бивербрук с полным восторгом отзывался о перелете Чкалова, называя его крупнейшим событием в истории авиации.

Майский

Печат. по арх.

215. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

28 июня 1937 г.

По данным «Амторга», с 15 июня по 28 июня размеры заказов — 1 733 000 долл., с 28 июня по 13 июля будет оформлено заказов еще на 3 222 000 долл., что доведет годовую сумму до 37 831 000 долл. **

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 194, 201.

** См. т. XIX, док. № 180, 221.

216. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Заместителем Министра Иностраных Дел Румынии Бадулеску

28 июня 1937 г.

Я поехал к Бадулеску по вопросу об инцидентах, имевших место 10 июня на Днестре*.

Бадулеску сообщил, что он только что получил телеграмму от Чиунту по этому же вопросу. При сверке телеграммы Чиунту с моим заявлением Бадулеску сказал, что случай ранения красноармейца Яшпортова на Каменец-Подольском участке в моей передаче звучит совсем иначе, чем в телеграмме Чиунту. В чем заключалась разница, Бадулеску не сообщил. Я, разумеется, настаивал на своей версии, вытекающей из телеграммы Владимира Петровича Потемкина.

Я обратил внимание Бадулеску на то, что по непонятному совпадению эти два нападения на наших граждан произошли в один и тот же день. Бадулеску обещал инциденты срочно расследовать и сообщить результаты, при этом выразил полное недоумение по поводу случившегося и уверил меня, что ни в задачи местных органов власти, ни, тем менее, центральной власти не входит провоцирование инцидентов на Днестре, где румыны очень довольны установившимся за последние годы спокойствием.

Я обратил далее внимание на серьезность инцидента с Яшпортовым, где налицо все элементы преднамеренного нападения на нашу пограничную охрану: переход Днестра, наличие на правом берегу реки прикрывающей переход Днестра, а затем и метание гранат группы людей. Эти обстоятельства, сказал я Бадулеску, значительно отягчают этот инцидент.

Бадулеску повторил, что он абсолютно ничего не понимает и ничего не может сказать впредь до получения результатов расследования на месте.

Указав Бадулеску, что место, где произошло метание гранаты, находится почти на стыке трех государств — Румынии, Польши и Союза, я спросил его, считает ли он исключенным, что в данном случае агрессия могла быть произведена поляками, пытавшимися через румынскую территорию перебросить нам диверсантов. Я справился у него, достаточно ли они бдительно охраняют польско-румынскую границу на этом участке.

Бадулеску и это принял к сведению и повторил мне обещание сообщить результаты расследования¹³¹.

Затем я перевел разговор на поездку короля**. Бадулеску заявил, что эта поездка ни в какой мере не меняет объема и характера румыно-польских союзных отношений, что вопрос о возведении [миссий] в ранг посольств королю сделается из-

* См. док. № 213.

** См. также док. № 234.

вестным за четверть часа до обеда, чем и объясняется такой вежливый, но сдержанный ответ короля (король сказал: «Я тоже думаю о возможности иметь в Варшаве румынское посольство»; эту же версию о «сюрпризе за четверть часа» подтверждает и «Диминяца»).

Я сказал Бадулеску, что меня удивляет такая неосведомленность короля и Антонеску, когда об этом дней через пять после отъезда Мосьницкого польская миссия говорила по меньшей мере 5—6 коллегам из корпуса. Допуская это, говорю я Бадулеску, я должен допустить также и абсолютное отсутствие такта у польского правительства, которое, не уведомив своевременно заинтересованных лиц, в первую очередь Антонеску, выступило с этим вопросом публично, поставив таким образом короля в малоудобное положение — необходимость принять решение немедленно.

Бадулеску улыбнулся, что он за поляков не отвечает и что не может иметь о них суждения. Что касается до существа вопроса, то он только-только поставлен и «не мало воды утечет, пока он найдет свое разрешение».

Я спросил его мнение насчет интервью Бека в «Иллюстрированном курьере подзенном», где противопоставлены партии королю и не очень благоприятно очерчена роль Малой Антанты и Лиги наций.

Бадулеску ответил, что он этого интервью не видел, так как только 21 июня вернулся из Женевы, а что касается отношения Бека и Польши к Лиге наций и Малой Антанте, то оно не ново и никакого влияния на установки Румынии по этим вопросам иметь не может, но что из-за этой разницы в установках Бухарест не может пойти на денонсирование своего договора с Варшавой*, который имеет свои строго очерченные границы и значение.

Когда я спросил его, в каком свете предстают сейчас результаты свидания трех премьеров на Дунае** после заявления Стоядиновича агентству Стефани, Бадулеску ограничился улыбкой.

М. Островский

Печат. по арх.

217. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
29 июня 1937 г.*

Главный вывод из сегодняшнего заседания подкомитета, подробности которого посланы ТАСС***, — это то, что невместительство явно дышит на ладан¹³². Поведение фашистских

* См. т. IX, прим. 26.

** См. док. № 203.

*** См. газ. «Известия», 30 июня 1937 г.

держав на подкомитете не оставляло ни малейшего сомнения, что Германия и Италия хотят сорвать всякий контроль и идти ва-банк в помощи Франко. Обращаю ваше внимание на тот итало-германский план военных действий, который изложен в конце телеграммы ТАСС. Теперь стоит вопрос о том, что можно сделать для предотвращения фашистских комбинаций. Я еще не знаю, как собирается реагировать на сегодняшнее заседание британское правительство и французское правительство, но мне представляется, что желательным было бы: 1) поднять кампанию в советской и европейской печати; 2) сделать демарш в Париже и, может быть, в Лондоне, настаивая на необходимости немедленно же открыто демонстрировать Германии и Италии, что их дальнейшая интервенция в Испании не будет терпима. Формы такой демонстрации могли бы быть различны, например: посылка сильной англо-французской эскадры к республиканскому берегу для наблюдения за действиями итало-германского флота (на что англичане и французы едва ли согласятся) или заявление, что в случае ликвидации невмешательства Англия и Франция будут продавать испанскому правительству оружие, пропускать волонтеров и пр. (на что англичане и французы пошли бы легче). Самое важное, конечно, чтобы французское правительство готово было это допустить при наличии хотя бы терпимого отношения со стороны Англии. Одно, во всяком случае, ясно: если действовать, то надо действовать быстро. И конечно, надо быть готовым к тому, что в самом ближайшем будущем невмешательство может крахнуть *.

Майский

Печат. по арх.

218. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 июня 1937 г.

Я представил вчера летчиков ** Хэллу, он принял очень хорошо и просил меня перед отъездом обязательно зайти к нему, он хочет что-то мне сказать. После этого мы были у Рузвельта. Прием был очень теплый и дружественный.

После этого Рузвельт просил меня остаться с ним наедине (так было уговорено). Я его спросил, каково его отношение к идее австралийского премьера о Тихоокеанском пакте коллективной безопасности или пакту о ненападении¹³⁵. Рузвельт сказал, что осенью будет поставлен вопрос о демилитаризации ряда островов Тихого океана, как американских, так и япон-

* См. док. № 224, 225, 226, 232.

** В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков, А. В. Беляков; см. док. № 210, газ. «Известия», 1 июля 1937 г.

ских, а также, может быть, Голландской Индии, может быть, Индокитай, с соответствующими гарантиями неприкосновенности. Демилитаризация — реальная вещь, а пакты не дают никакой гарантии, им нет веры. Америка вступать в союзы или что-либо подобное не может. Во всяком случае, пакт без Японии не имеет смысла. Главная гарантия — сильный флот, наш американский, английский и, может быть, советский. Вам трудно, вам нужно охранять много морей. На последней неделе выяснилось, что японцы не хотят ограничиться 14-дюймовыми пушками*. Мы будем строить 16-дюймовые, англичане тоже. Посмотрим, как выдержат японцы морское соревнование.

На этом разговор кончился.

Трояновский

Печат. по арх.

219. Запись беседы заведующего II Восточным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с первым секретарем Посольства Японии в СССР Миякава

30 июня 1937 г.

Я долго не мог разыскать Сигемидзу, к которому я хотел ехать для заявления ему протеста. В 8 часов ко мне приехал Миякава, которого я попросил передать послу следующее.

В 16 час. 40 мин. по местному времени японо-маньчжурские войска внезапно открыли из деревни Ганьчацзы или близлежащих островов артиллерийский и пулеметный огонь по нашим военным катерам, находившимся в это время около наших островов¹³⁴. В результате этого обстрела мы понесли потери убитыми и ранеными. Наши канонерки на огонь не отвечали. Мне поручено заявить решительный протест против подобных неслыханных провокационных действий японо-маньчжурских войск. Тов. Литвинов поручил мне вместе с тем обратить особое внимание посла на тот факт, что после вчерашней договоренности** о принятии обоюдно всех необходимых мер, чтобы какие-либо внезапные действия не осложняли положение, имел место такой вопиющий факт, как открытие артиллерийского и пулеметного огня по нашим катерам. Мы ожидаем от японского правительства принятия немедленных мер к недопущению дальнейших провокаций и предупреждаем, что ответственность за последствия подобных действий, могущих вызвать ответные меры со стороны наших войск и сорвать таким образом договоренность между т. Литвиновым и Сигемидзу, ляжет деликом на японское правительство***.

* См. газ. «Известия», 20 июня 1937 г.

** См. газ. «Известия», 30 июня 1937 г.

*** См. док. № 220.

Мнякава сказал, что он передаст это заявление послу, но что он думает, что инцидент возник не по их вине, ибо японское правительство сделало все возможное для того, чтобы урегулировать вопрос миром. Дальше он просил передать т. Литвинову по поручению Сигемицу следующее.

В коммюнике о беседе т. Литвинова с Сигемицу вопрос освещен не полностью. Там не сказано многое из того, что было сказано послом. Посол говорил, что в первую очередь должны быть отведены советские войска, незаконно занявшие эти острова, маньчжурам нечего занимать и отводить. Посол обещал передать содержание беседы в Токио и побочно в Синьцзин. Посол ни одного слова не сказал о квантунском командовании. Между тем в коммюнике говорится о том, что посол передаст содержание беседы в Токио и квантунскому командованию.

Что касается последнего слова коммюнике относительно так называемой договоренности с т. Литвиновым, то он высказал свое пожелание, а посол, конечно, был того же мнения. Обещать он тут ничего не мог, и нельзя тут говорить о нарушении договоренности.

Я сказал, что считаю неуместным обсуждать с г. Мнякава правильность передачи в коммюнике беседы т. Литвинова и толкования этой беседы, что это мог бы сделать только сам посол в разговоре с т. Литвиновым. Я могу только добавить, что мне известно содержание беседы т. Литвинова с Сигемицу и что коммюнике совершенно точно излагает содержание беседы.

Козловский

Печат. по арх.

220. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемицу

30 июня 1937 г.

Сигемицу. Я заехал, чтобы сделать заявление по следующим двум пунктам.

1. Чтобы заявить Вам от имени правительства протест по поводу провокационных действий советских властей в районах, о которых у нас был разговор с г. Литвиновым *. Сегодня в 3 часа пополудни по местному времени три канонерки ворвались в нижнюю часть протоки у Ганьчацзы, т. е. южнее одного из двух островов, о которых у нас велись переговоры. и незаконно открыли огонь по японо-маньчжурским войскам, которые находились на маньчжурском берегу для охраны. Эти

* См. газ. «Известия», 30 июня 1937 г.

действия являются провокационными, незаконными, и японо-маньчжурским частям пришлось на них ответить, в результате чего одна из таких канонерок была потоплена, а две другие скрылись за островом. Такие провокационные действия со стороны советских военных кораблей несовместимы с заявлением, которое было сделано вчера г. Литвиновым мне и в котором говорилось, что нужно воздержаться от провокационных действий, могущих осложнить обстановку. Я заявляю от имени своего правительства строгий протест и хочу прибавить, что то, что происходит из подобных актов, в дальнейшем ляжет на ответственность Советского правительства. Г-н Литвинов согласился на то, чтобы советские силы были отведены от этих островов, а также чтобы были отведены вооруженные силы, сгруппировавшиеся около этих островов. Несмотря на это, местные власти допустили такие неслыханные действия, что является для нас непонятным.

2. Мы имеем ответ на мой доклад относительно бесед, которые я имел с Вами * и г. Литвиновым. Судя по этой телеграмме, японское правительство желает, чтобы натянутое положение было урегулировано. С этой целью мы настаиваем на том, чтобы Советское правительство приняло действительные меры к тому, чтобы подобные провокационные действия были прекращены, и чтобы оно, как согласился г. Литвинов, отведло немедленно вооруженные силы с этих островов, а также чтобы Маньчжоу-Го могло восстановить свои суверенные права на эти острова. Японское правительство также желает, чтобы были устранены немедленно всякие препятствия к плаванью по р. Амур. Эти меры должны быть приняты немедленно, именно учитывая напряженное положение, создавшееся на местах.

Сто моняков. Я не могу принять протеста ввиду того, что он основан на сообщениях, которые не соответствуют действительности. По совершенно точным сведениям, имеющимся в моем распоряжении, враждебные действия были открыты не советской, а японской стороной. Два наших катера и одна лодка подверглись внезапному провокационному обстрелу с маньчжурского берега. Таким образом, провокационный характер носили исключительно действия японской стороны. Из этого явствует, что то, что произошло, действительно противоречит вчерашнему разговору, но не в том направлении, как излагает это дело г. посол. Не советская сторона не выполнила договоренности, достигнутой вчера между Вами и г. Литвиновым, а японская сторона, которая незаконно, провокационно открыла огонь. Г-н посол напирает на то, что наши катера якобы вошли в маньчжурские протоки и что это является провокационным актом. Мне странно слышать подобное

* См. газ. «Известия», 2 июля 1937 г.

утверждение, так как японская сторона, как известно, всегда настаивала на праве плавания по всему Амуру. Когда маньчжурские суда входили в наши протоки, в частности в Поярковскую протоку, они ни разу не подвергались обстрелу, не смотря на то что мы, как известно, отрицаем право маньчжурских судов на заход в наши протоки. Поэтому если бы даже оказалось правильным утверждение посла — я не знаю точно, где именно произошел инцидент, — что наши катера вошли в протоку, которую маньчжурская сторона считает своей, то и в этом случае открытие по ним стрельбы являлось бы провокационным и незаконным актом. Ввиду всего этого я не могу принять Ваш протест и могу лишь повторить тот решительный протест, который был сегодня заявлен по поручению г. Литвинова г. Козловским *, и потребовать, чтобы японская сторона незамедлительно приняла меры к прекращению дальнейших провокационных действий. Я могу только заявить, что если это не будет сделано, то вся ответственность за последствия дальнейших провокаций ляжет на японское правительство.

Сигемиду. На Ваше заявление я должен ответить, что я не могу ничего изменить в том, что мною заявлено. События произошли именно так, как я Вам говорил. В то самое время, когда на месте наблюдается напряженность, вооруженные канонерские суда вошли в тот самый центр, вокруг которого разгорается спор, и открыли огонь по японо-маньчжурским войскам. Это большая провокация, которая находится в непримиримом противоречии с духом тех переговоров, которые велись мною с г. Литвиновым. В данном случае речь идет не о навигационном праве, не о праве прохода через протоку, а о провокационных действиях, выражающихся в том, что ваши суда нарочно вошли в маньчжурские воды в ту самую минуту, когда наблюдалась исключительная напряженность. Как я уже говорил, японское правительство настаивает на том, чтобы не было никаких препятствий в плавании через протоки, но в то же время оно не может проходить покладая руки мимо таких провокаций.

Стомоняков. Суть вопроса в том, кто открыл враждебные действия. Неопровержимые данные говорят о том, что ваши батареи и пулеметы беспричинно и внезапно открыли огонь по нашим катерам. Ваша информация не соответствует действительности.

Сигемиду. К сожалению, подробные сведения говорят совершенно иное. Как я уже имел честь изложить, советские военные суда вошли в тот самый центр, вокруг которого разгорелся спор, и, кроме того, первыми открыли огонь по охраняемым частям. Из-за этого и вышел инцидент.

* См. док. № 219.

Стомоняков. Я повторяю со всей категоричностью, что эта версия является вымыслом какой-то инстанции, неправильно информировавшей японское правительство. Если японское правительство признает право прохода по внутренним протокам, то тем более в такое напряженное время японские войска не должны были открыть огонь, если бы даже наши катера прошли по внутренним протокам, а таких сведений, как я уже говорил, у меня нет. Между тем они провокационно и внезапно открыли огонь по нашим катерам, они потопили катер, у нас имеются убитые и раненые. Я считаю необходимым напомнить г. послу, что японо-маньчжурские канонерки много раз проходили самым провокационным образом по Поярковской протоке с наведенными на наши суда и на наш берег орудиями и пулеметами, тем не менее не было случая, чтобы по ним был открыт огонь. Последний аргумент посла, что происшедшее противоречит обещаниям г. Литвинова об отводе войск, для меня непонятен. Г-н Литвинов не давал Вам одностороннего обещания. Он предложил в целях обеспечения спокойной обстановки обеим сторонам отвести войска, г. посол это предложение лично одобрил и обещал запросить согласие японского правительства. Я хотел бы знать, получил ли г. посол ответ на свой вопрос, так как факты говорят о том, что японская сторона не согласилась с этим предложением и вместо принятия мер по успокоению создала новый инцидент, открыв огонь по нашим катерам.

Сигемицу. 1. Вы сейчас употребили слово «вымысел», но мне думается, что употребление такого слова очень серьезно, и против этого слова я должен заявить протест. Я должен буду доложить об этом своему правительству и должен добавить, что такое слово не помогает полюбовному, мирному урегулированию вопроса.

2. Относительно Поярковской протоки. Там речь идет о безвредной навигации, которая является естественным правом, тогда как действия советских канонерок являются прямой провокацией.

3. Я не обещал г. Литвинову сделать что-либо, я обещал лишь сообщить нашу беседу нашему правительству. Я вчера в беседе с г. Литвиновым сообщил ему, что нам нечего отводить с этих островов. Мы поэтому требовали, чтобы было восстановлено прежнее положение, и указывали, что нет других способов разрешения спорного вопроса. Если это будет исполнено и если будет обеспечен свободный проход через протоки вокруг этих островов, то положение само успокоится. Г-н Литвинов сказал, что он желает именно такого успокоения. Я одобрил его желание, но теперь приходится, вопреки этим пожеланиям, протестовать. Я обещал сообщить нашему правительству содержание беседы с г. Литвиновым и исполнил свое обещание. В результате я получил ответ, из которого явствует,

что наше правительство желает, чтобы советская сторона, как на это уже согласился г. Литвинов, отвела вооруженные силы немедленно с тех островов, которые принадлежат Маньчжоу-Го, и убрала также вооруженные силы, сгруппировавшиеся вокруг этих островов, для того чтобы Маньчжоу-Го могло восстановить свои суверенные права и имело возможность свободного прохода через протоки. Эти меры должны быть проведены немедленно, учитывая исключительную напряженность обстановки на месте.

Стомоняков. 1. Я сожалею, что посол почувствовал себя задетым словом, которое я случайно употребил, характеризуя информацию, полученную японским правительством. В моих словах не было абсолютно ничего оскорбительного для японского правительства. Я хотел лишь сказать, что японское правительство получило совершенно неверную информацию с мест, так как стрельбу открыли японские батареи и пулеметы. Я не вижу поэтому оснований для создания осложнений и для наших переговоров в связи со случайно сказанным словом.

2. Я не имел намерения и не считаю уместным в столь поздний час дискутировать с Вами вопрос о плавании на Амуре. Я коснулся этого вопроса лишь для того, чтобы показать то очевидное противоречие, в которое впадает японская сторона. В самом деле, советская сторона утверждает, что иностранные суда не должны проходить по внутренним протокам; тем не менее, когда маньчжурские суда проходили, и притом в провокационном порядке, по нашей протоке, советская сторона не открывала стрельбы. Японская же сторона утверждает, что иностранные суда вправе плавать по всему Амуру и по всем его протокам, и тем не менее, когда, по ее утверждению, наши суда появились в одной из амурских проток около маньчжурского берега, то маньчжурские войска немедленно открыли по ним огонь.

3. Я не могу уяснить себе заявление г. посла относительно его разговора с г. Литвиновым и характера полученного им ответа и прошу уточнить, должен ли я понять, что в ответ на сообщение о предложении г. Литвинова отозвать обоюдно вооруженные силы г. посол получил указания заявить, что японская сторона ничего предпринимать не будет и что она, таким образом, отклоняет предложение г. Литвинова.

Сигемизу. Я понял свой разговор с г. Литвиновым следующим образом. Г-н Литвинов говорил, что вы согласны будете отвести вооруженные силы, которые находятся на островах, и устранить препятствия в проходе через протоки у этих островов. Мне казалось, что с его стороны против этого не было возражений. Он прибавил, что можно было бы даже зафиксировать дату отвода войск. Кроме того, он пожелал, чтобы и японская сторона приняла меры, способные успокоить положение. Я ответил, что, если подобные меры будут приняты

советской стороной, положение само собою успокоится, и, так как японская сторона тоже желает успокоения, она также будет стараться приложить свои усилия в этом направлении. Ответ японского правительства сводится к следующему. Советская сторона отзовет с двух островов немедленно свои вооруженные силы, а также военные суда, находящиеся около этих островов, чтобы не препятствовать проходу через протоки. Что касается даты отвода, то об этом в ответе японского правительства ничего не сказано. Говорится о желательности немедленного отвода.

С т о м о н я к о в. Я читал запись Вашей беседы с г. Литвиновым, и из записи и опубликованного коммюнике явствует, что г. Литвинов сделал Вам не одностороннее, а двустороннее предложение, и то обстоятельство, что г. Литвинов, как Вы сами говорите, предлагал Вам договориться о дате, подтверждает, что речь шла о двустороннем акте, ибо иначе незачем было бы договариваться с Вами о дате.

С и г е м и ц у. Это большое недоразумение. Если бы так обстояло дело, то с самого начала невозможно было бы вести разговоры. Мне думается, что тут нет оснований для каких-нибудь недоразумений, так как ясно, что Японии нельзя отозвать войска, которых она не вводила. Я это много раз повторял. Инцидент начался с того, что советские войска незаконно заняли два острова, принадлежащие Маньчжоу-Го. Мы советовали Советскому правительству отозвать свои войска, проникшие на эти острова, и настаивали на принятии мер к устранению препятствий для навигации по протокам. Об этом я много раз повторял г. Литвинову. Если бы мы руководствовались только формально-юридическими соображениями, то маньчжурская сторона имела бы полное право устранить ваши силы, незаконно проникшие на эти острова; но, будучи одушевлены желанием разрешить вопрос миром, мы считали необходимым вести переговоры. Что касается даты, то мы думали, что г. Литвинов спрашивал нас о дате, желательной для нашей стороны, но, слушая Вас, я вижу, что, возможно, имело место недоразумение, и что мои старания вчера и третьего дня пропали даром, и что положение не улучшается, а ухудшается. Конечно, мы могли бы сооставить записи бесед. Кроме того, я считаю нужным сегодня же обратить Ваше внимание на то, что в вашем коммюнике имелись пробелы и неточности.

С т о м о н я к о в. Точность г. Литвинова общезвестна, и я считаю нецелесообразным вести разговор относительно пробелов и неточностей, якобы имеющихсся в коммюнике. Я вообще остановился на вчерашней беседе не потому, что я считал нужным и полезным специально об этом говорить, а исключительно вследствие того, что г. посол в обоснование своего протеста сослался на то, что якобы мы нарушили обещание г. Литвинова. Я достаточно ясно показал, что для подобной

аргументации нет никаких оснований. Я повторяю, что не могу принять Вашего протеста, и подтверждаю тот решительный протест, который нами был по этому вопросу уже заявлен. Я должен настаивать на принятии немедленных мер к прекращению дальнейших вызывающих действий со стороны ваших военных. Я должен далее предупредить, что если эти меры не будут приняты, то вся ответственность за эвентуальные тяжелые результаты подобных действий ляжет полностью на японское правительство.

Сигемицу. Значит ли, что Ваше последнее заявление относится к инциденту, происшедшему сегодня в 3 часа пополудни, или оно относится ко всей совокупности событий, по которым мы вели беседы, включая сюда и мнение японского правительства, сообщенное во второй половине моего заявления, которое сводится к тому, что, во-первых, вы отзовете свои войска с занятых двух островов и, во-вторых, что вы устранили препятствия для плавания в районе этих островов?

Стомоняков. Ваш вопрос мне непонятен, но подтверждение протеста, естественно, относится к тому инциденту, который произошел на Амуре. Что касается Вашего ответа на разговор, который Вы имели с г. Литвиновым, то я думаю, что будет целесообразнее, если г. посол этот ответ передаст непосредственно г. Литвинову.

Сигемицу. Я бы хотел получить ответ на только что поставленный мною вопрос, но если Вы не можете его дать, то я очень прошу Вас устроить мне свидание с г. Литвиновым. Я хотел бы с ним встретиться еще сегодня (посол указывает на то, что уже началось 1 июля).

Стомоняков. Я, конечно, не отказываюсь говорить с г. послом по всем интересующим его вопросам, но так как я вижу, что имеется большое недоразумение по вопросу о содержании его последней беседы с г. Литвиновым, то я считал бы более полезным, чтобы продолжение этого разговора также имело место с г. Литвиновым. Я при Вашей беседе не присутствовал и не считаю себя компетентным давать авторитетное толкование переговоров, имевших вчера место. Я знаю, что г. Литвинов сделал Вам двустороннее заявление, Вы же, г. посол, утверждаете, что такого двустороннего заявления не было и что г. Литвинов сообщил Вам только о том, что войска наши будут отведены. Лучше будет поэтому, если Вы по этому вопросу переговорите лично с г. Литвиновым. Что касается Вашего замечания, что там там отводить нечего, то я должен указать, что в районе этих островов имеются ваши вооруженные силы в виде канонерок и других судов.

Сигемицу. Поводом к тому, что там имеются японские канонерки, является незаконное занятие вами островов. Как только вы отзовете вооруженные силы, напряженность успокоится, а после этого, так как у японского правительства нет

ни малейшего желания создавать конфликты, то дело само собой разрешится. Речь не должна, таким образом, идти об обоюдности. В данном случае я твердо верю, что не давал никакого повода к недоразумениям.

Посол стал прощаться. Тов. Стомоняков, резюмируя, сказал послу на немецком языке, что он ожидает от японского правительства, что оно примет меры, которые предотвратили бы повторение подобных действий. Сигемitsu по-немецки же ответил, что если такие действия будут иметь место с нашей стороны, то Япония будет принимать те же самые меры, что и сегодня.

Стомоняков (по-немецки). Это значит, что если наши канонерские лодки или если наши катера появятся в водах, которые Маньчжоу-Го считает своими протоками, то вы будете по ним стрелять?

Сигемitsu. Ввиду важности вопроса я Вам отвечаю по-японски. На Ваш вопрос и на Ваше заявление, что Вы ожидаете от японского правительства, что оно примет меры, которые прекратили бы возникновение действий, вроде имевших место сегодня, я отвечаю следующим образом. Во избежание возникновения подобных инцидентов японское правительство ведет с самого начала переговоры, имеющие целью дружественным образом разрешить вопрос о двух островах. Но если, несмотря на это, советской стороной будут допущены такие незаконные провокационные действия, которые имели место сегодня, то японо-маньчжурская сторона должна будет принять соответствующие меры против этого. Искреннее мое желание, однако, чтобы Советское правительство приняло такие меры, которые предотвратили бы возникновение подобных инцидентов.

Стомоняков. Я могу лишь выразить глубокое сожаление по поводу того, что г. посол, заявляя о своем стремлении к дружественному урегулированию инцидентов, здесь официально одобряет провокационные действия, имевшие место на Амуре, ибо если он говорит, что при повторении такого случая японо-маньчжурские войска примут такие же меры, то это означает, что он одобряет то, что произошло. Я должен подчеркнуть со всей категоричностью, что на Амуре имела место тяжелая провокация именно с японской стороны, так как не советские войска открыли огонь по маньчжурскому берегу, а, наоборот, это был ничем не вызванный внезапный артиллерийский и пулеметный обстрел японских батарей с маньчжурского берега. Вы говорили о желании японского правительства пацифистским способом урегулировать вопрос, но эти действия трудно назвать пацифистским способом урегулирования вопроса.

Сигемitsu. Я не буду распространяться в своем ответе ввиду позднего времени. Факты, Вами приведенные, не соответствуют действительности. По мнению японского правитель-

ства, сторона, не стремящаяся к мирному урегулированию инцидента,— это советская сторона. Если нет желания уладить миром, то незачем Вас утруждать много раз ввиду такого позднего времени. Все же, для того чтобы сделать свои последние усилия для урегулирования этого вопроса, я прошу Вас устроить мне свидание с г. Литвиновым *.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

**221. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США
А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных
Дел СССР**

30 июня 1937 г.

Уэллес ** прислал письмо с извинением и приложением извинительного письма адмирала Леги ¹⁵⁵. Я настоял, чтобы извинение было оглашено. Уэллес обещал это сделать сам сегодня на конференции журналистов, или это сделает Хэлл завтра на такой же конференции. Не снимая ответственности с адмирала, Уэллес, для улучшения моих личных отношений с адмиралом, конфиденциально заявил, что речь адмирала была написана одним из подчиненных.

Полпред

Печат. по арх.

**222. Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

30 июня 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

На приеме у Годжи 25-го сего месяца присутствовал Бенеш. Когда я подошел к стоявшим вместе Годже и Бенешу, то последний сразу заявил мне, что в понедельник (28 июня) он позовет меня к себе для разговора. Это исключило для меня возможность тут же ставить какие-нибудь вопросы ему или Годже. Однако названный Бенешем срок прошел, но он меня еще не позвал, и поэтому мне нечего сообщить Вам из таких первоисточников, как Бенеш и Годжа.

Что касается других источников, то из записей разговоров с ними Вы, вероятно, вынесете впечатление, что Чехословакия была в последние дни довольно сильно взволнована опасениями новых попыток со стороны Англии найти общий язык с Германией ¹⁵⁶. Опасения эти после выступления Идена в парламенте *** в значительной мере рассеялись. Однако Чехосло-

* Беседы М. М. Литвинова с Сигемизу состоялись 1, 2 и 8 июля 1937 г.: см. газ. «Известия», 2, 3 и 9 июля 1937 г.

** Заместитель государственного секретаря США.

*** См. газ. «Известия», 26 июня 1937 г.

вакию продолжает сильно тревожить один момент, не подлежащий сомнению. Факт тот, что Англия действительно рекомендовала Чехословакии пойти на уступки партии Генлейна в таком размере, который является совершенно неприемлемым для Бенеша, но на который склонна была бы пойти основная коалиционная партия — аграрная. Когда чехи говорят на эту тему, их почти в одинаковой мере волнует эта английская рекомендация и по внешнеполитическим соображениям, и по внутренним соображениям. Люди бенешевского толка правильно усматривают в этом усиление позиций аграрной партии, которая уже сейчас готовится дать бой бенешевским группировкам осенью на предстоящих выборах в городские самоуправления, а в зависимости от них, может быть, и бой в парламенте и за дальнейшее укрепление своих позиций в правительстве. Нет нужды доказывать то, что и для нас усиление аграриев означало бы ухудшение взаимоотношений с Чехословакией. Пока дальнейшие выводы и предположения были бы преждевременны.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх.

223. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Турции Арасом

30 июня 1937 г.

Рюштю Арас вместе с турецким послом заехал ко мне в Зергенде *. Он сообщил о полученной им из Анкары телеграмме, извещающей его, что Советское правительство предоставляет ему при возвращении из Москвы в Турцию специальное судно. В связи с этим Рюштю Арас решил пересмотреть свой маршрут. Раньше он предполагал после пребывания в Москве посетить Стокгольм, чтобы нанести визит Сандлеру, но, учитывая, что Советское правительство предоставляет ему специальное судно, он отложит свой визит Сандлеру до более позднего времени и из Москвы прямо вернется в Анкару. Рюштю Арас стал объяснять, что вообще его планы поездки в Стокгольм были связаны именно с тем, что нет регулярного пароходного сообщения по Черному морю. Однако он тут же добавил, что, изменяя маршрут, он стремился также подчеркнуть, что его визит в Москву не имеет характера визита при проезде, а является визитом самостоятельным, является заключительной целью его путешествия.

* Дачная местность под Тегераном.

Я сообщил Рюштю Арасу, что по интересовавшему его вопросу относительно даты его путешествия в Москву* я успел выяснить, что Москва ожидает его приезда 13 июля. Для того чтобы быть 13 июля в Москве, нужно 10 июля выехать из Пехлеви, а 11-го — из Баку.

По поводу же сделанного мне Рюштю Арасом сообщения я заметил, что имею от т. Литвинова поручение выяснить, имеет ли в виду Рюштю Арас побывать в Москве в порядке проезда или же это посещение имеет самостоятельный характер. Сообщение Рюштю Араса об изменении им маршрута дает мне основание дать необходимое пояснение т. Литвинову.

Рюштю Арас далее сообщил, что афганский министр иностранных дел ожидается в Тегеране 6—7 июля, иракский же министр иностранных дел — 1 июля. Подписание пакта произойдет, вероятно, 8 или 9 июля. Рюштю Арас думает, что при окончательном редактировании текста конвенции о Шатт-эль-Арабе между иракцами и иранцами еще могут возникнуть те или другие затруднения, так как вполне готового текста еще нет.

Предполагается, что после подписания пакта будет образован совет Ближневосточной Антанты, причем Рюштю Арас намерен в качестве председателя этого совета на первый год избрать министра иностранных дел Ирана Самии. Рюштю Арас также думает предложить от имени этого совета послать приветственные телеграммы Литвинову и Идену, как представителям соседних стран.

Рюштю Арас рассказывал, что у него был с визитом итальянский посланник, причем спросил его, почему так торопятся с подписанием Ближневосточного пакта. Рюштю Арас констатирует, что со стороны итальянцев проявляется беспокойство и недовольство по поводу пакта. Он не стал спрашивать итальянского посланника о причинах такого необычного интереса и ограничился только заявлением, что Ближневосточный пакт не представляет ни для кого никакой угрозы и что задачей его является только укрепление мира. Рюштю Арас констатирует, что Германия и Польша тоже проявляют интерес к факту заключения Ближневосточного пакта и представители этих стран в Анкаре обращались в министерство за соответствующей информацией. Однако этот интерес по форме был вполне корректным, не выходя за рамки просьб об обычной информации. Таким образом, только со стороны Италии этот интерес выходит за рамки простого любопытства.

Говоря об обстоятельствах, облегчающих заключение Ближневосточного пакта, Рюштю Арас особое место отвел урегулированию ирако-иранских споров по Шатт-эль-Арабу. Рюштю Арас увязывает благополучный исход этих споров с

* См. док. № 207, 251.

европейской ситуацией. Европейская ситуация привела к тому, что наиболее трудный момент, а именно требование о трехчленном, с участием Великобритании, управлении Шатт-эль-Арабом, был в дальнейшем устранен.

Рюштю Арас рассказал, что в Анкаре он от советского посольства слышал о неудовлетворительном характере ирано-советских отношений. Об этом же говорил т. Литвинов Исмету [Иненю] *. Рюштю Арас будто бы даже предлагал свое посредничество. Сейчас, приехав в Тегеран, он из бесед с премьер-министром Джамом и министром иностранных дел Самии убедился в том, что в таком посредничестве, собственно, нет надобности. Как Джам, так и Самии вполне удовлетворены сотрудничеством с советским посольством и характером ведущихся переговоров ¹⁵⁷. В Самии Рюштю Арас нашел сторонника урегулирования ирано-советских отношений, притом, по выражению Рюштю Араса, Самии хотел бы установления с Советским Союзом, так сказать, параллельных к Турции взаимоотношений. После урегулирования вопроса с Ираком и подписания Ближневосточного пакта Самии намерен взяться за урегулирование ирано-советских вопросов, причем у Самии будто бы имеется идея, внушенная ему Арасом, чтобы после проработки вопросов границы и других очередных вопросов совершить визит в Москву для того чтобы с руководителями Советского правительства обменяться мнениями и достичь взаимного понимания.

А. Черных

Печат. по арх.

224. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

1 июля 1937 г.

Как Вы увидите из посылаемой Вам копии телеграммы в Париж, мы решили ограничиться пока выяснением позиции Франции **. Не ангажируйтесь слишком на завтрашнем заседании подкомитета, но возражайте против попытки навязывания Комитету решения о признании за Франко права воюющей стороны, ибо мы в таком решении участвовать не можем.

Литвинов

Печат. по арх.

* Вероятно, имеются в виду беседы 13—14 мая 1937 г., см. док. № 155.

** См. док. № 217, 225.

225. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу *

1 июля 1937 г.

Посетите Дельбоса и спросите его: 1) действительно ли Франция согласна вместе с Англией признать за Франко право воюющей стороны со всеми вытекающими отсюда последствиями; 2) имеются ли у него сведения о том, что Англия будто бы даже в случае ликвидации Комитета по невмешательству намерена оставить в силе эмбарго на вывоз оружия для испанского правительства, и как намерено в таком случае поступить французское правительство, т. е. будет ли оно также по-прежнему запрещать вывоз оружия, а если нет, то намерено ли оно теперь же как-нибудь заявить, что в случае ликвидации обязательств по невмешательству Франция не будет чинить препятствий к вывозу оружия для испанского правительства¹³⁸. Такое заявление могло бы оказать влияние на поведение Германии и Италии. Скажите, что нам желательно иметь ответ на эти вопросы, чтобы решить о нашем дальнейшем отношении к участию в Лондонском комитете. Ограничьтесь пока вопросами, но можете при этом заявить, что мы ни в коем случае не допустим, чтобы признание за Франко права воюющей стороны исходило от Лондонского комитета, пока мы в нем участвуем **.

Литвинов

Печат. по арх.

226. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Ллойд-Джорджем

1 июля 1937 г.

1. Мой разговор с Ллойд-Джорджем (происходивший в его загородном имении) начался с Испании. Ллойд-Джордж спросил меня, каковы последние новости из Комитета по невмешательству. Я подробно обрисовал ему положение, создавшееся после заседания подкомитета 29 июня^{***}. Британское и французское правительства предложили заполнить брешь в контроле, образовавшуюся благодаря уходу Германии и Италии, соединенными англо-французскими силами^{****}. Риббентроп и Гранди согласились передать это предложение на рассмотрение своих правительств, однако на том же засе-

* Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Великобритании.

** См. док. № 227, 232, 233.

*** См. док. № 217.

**** См. прил. 121.

дании в порядке «предварительных замечаний» оба делегата дали явственно понять, что англо-французский план для Германии и Италии неприемлем. Следующее заседание подкомитета назначено 2 июля*, и на нем уже Риббентроп и Гранди должны дать окончательный ответ своим правительствам на англо-французские предложения. Судя по поведению германского и итальянского делегатов на заседании 29 июня, а также учитывая отклики германской и итальянской печати после этого заседания, я не сомневаюсь, что Германия и Италия не пойдут на предложения Англии и Франции. В результате создастся тупик и возможен крах всей системы невмешательства. Для правильной оценки положения нужно еще учитывать, что Гитлер и Муссолини в настоящее время пришли к выводу о необходимости возможно скорее кончить затянувшуюся испанскую войну. С этой целью они хотят в самом ближайшем будущем сделать новое гигантское усилие для обеспечения победы Франко. Франко после ликвидации баскского фронта должен сконцентрировать против Мадрида максимум сил и аэропланов. Одновременно итальянские и германские военные суда, крейсирующие вдоль республиканского побережья, инсценируют какой-нибудь новый «инцидент» и в порядке репрессий откроют военные действия против испанского правительства. Сжимая таким образом республику с двух сторон — с суши и с моря, немцы и итальянцы надеются в конце концов сокрушить испанское правительство и разгромить его армию. В свете этой концепции становится совершенно понятным поведение Риббентропа и Гранди на последнем заседании подкомитета. Германия и Италия стремятся теперь к полной ликвидации морского контроля для того, чтобы свободнее действовать против республиканцев. В этом заключается сейчас главная опасность положения.

2. Ллойд-Джордж с большим вниманием выслушал мое сообщение и сразу же согласился, что набросанный мной германо-итальянский план имеет все признаки реальности. «В ходе испанской войны, — продолжал Ллойд-Джордж, — наступил критический момент. В течение ближайших нескольких дней будет решен исход всей испанской кампании. Что можно сделать для предупреждения разгрома республиканцев?» Ллойд-Джордж задумался и затем, как будто бы почерпнув где-то вдохновение, стал излагать свой план. Вся оппозиция (лейбористская и либеральная) должна ясно дать понять правительству, что она будет драться до конца против предоставления Франко прав воюющей стороны. Он уверен, что это возможно. Он собирался еще несколько дней остаться в своем имении, но ввиду чрезвычайной ответственности момента он завтра же поедет в Лондон и повидается с лидерами других

* См. газ. «Известия», 4 июля 1937 г.

оппозиционных партий для выработки конкретных действий. «Мне крайне не нравится, — заявил Ллойд-Джордж, — что лейбористы в своей агитации за испанское правительство все время исходят из интересов «демократии» и апеллируют к либеральным инстинктам английского населения. Не в этом дело. В данный момент власть в руках консерваторов, а их не прошибешь воплями об опасности победы Франко для дела «демократии». Куда там! Консерваторам в высокой степени наплевать на «демократию». Гораздо важнее и эффективнее апеллировать к их собственным имперским интересам. Такие аргументы могут пронять даже твердолобых. Вот, например, вчера я выступал на избирательном собрании в Уолтоне, где подавляющее большинство слушателей состояло из консерваторов. Вначале они встретили мою атаку на правительство в связи с испанскими делами очень враждебно: были выкрики, свист, попытки помешать мне говорить. Тогда я обратился к аудитории и спросил: вы патриоты или нет? Это сразу произвело впечатление. Потом я продолжал: вы хотите победы Франко? Вы хотите, чтобы немцы и итальянцы завладели Испанией? Вы хотите, чтобы Средиземное море стало итальянским морем? Вы хотите, чтобы наши коммуникационные пути на восток зависели от милости Италии и Германии? Скажите, осталась ли в вас хотя бы капля того духа, который был у Кanninga, Пальмерстона, Дизраэли, Гладстона и с помощью которого мы создали нашу империю? Или вы совершенно забыли об интересах этой империи? И чем дальше я говорил, тем тише становилось в зале. А когда я кончил, раздались шумные аплодисменты. Я считаю, что теперь всей оппозиции в своей борьбе за испанское правительство нужно поставить ударение на этих конкретных, важнейших имперских интересах Великобритании».

3. «Но одних действий британской оппозиции будет, пожалуй, недостаточно для предотвращения каких-либо опасных шагов со стороны правительства. Я нюхом чувствую, — продолжал Ллойд-Джордж, — что они (т. е. правительство) сейчас готовят какую-то пакость, и для того, чтобы помешать им, нужна помощь французского правительства. Я прямо скажу: ключ к положению сейчас в Париже. Если французское правительство твердо заявит, что оно не согласно на предоставление Франко прав воюющей стороны, британское правительство вынуждено будет уступить. Оно слишком дорожит своими добрыми отношениями с Францией, для того чтобы портить их каким-либо неосторожным шагом. Но вот займет ли французское правительство твердую позицию? — Ллойд-Джордж пожал плечами и сам себе ответил. — Не знаю. Блюм ушел в отставку, его заменил Шотан. Блюм был для меня большим разочарованием. Я думал, что он сильный человек, оказалось, ошибся. Я никогда не видал

Блюма, но все, что я слышал о нем, меня не приводит в восторг. Блюм очень культурный, образованный и симпатичный интеллигент, но не государственный человек с твердой волей и большой энергией, который может заставить страну слушаться себя. Что такое Шотан, я не имею ни малейшего понятия. Я никогда его не встречал. Министр иностранных дел Дельбос — слабый, неумный человек. А что такое здешний французский посол?» — обращаясь ко мне, спросил Ллойд-Джордж. Я с некоторым удивлением посмотрел на моего собеседника и в свою очередь спросил: «Разве Вы не знаете Корбена?» — «Представьте себе, — воскликнул Ллойд-Джордж, — я до сих пор никогда с ним не встречался!» Тогда я кратко охарактеризовал Ллойд-Джорджу личность Корбена, что не вызвало у него никакого энтузиазма. Но Ллойд-Джордж тут же воскликнул: «Каковы бы ни были Блюм и Шотан, все-таки надо попробовать укрепить хребет французского правительства. Вот если бы Эттли* мог сейчас съездить в Париж и повидаться с Блюмом, это было бы очень полезно. Но поедет ли он? — Ллойд-Джордж подумал мгновение и сказал: — Завтра поговорю с Эттли об этом». Я вновь вернулся к вопросу о вероятном поведении британского правительства.

4. Едва я упомянул слово «правительство», как Ллойд-Джордж чуть не привскочил на месте. «Правительство? — с глубоким сарказмом воскликнул он. — Разве это правительство? Это же собрание посредственностей, это кучка безнадежных сопляков. Разве у них есть воля? Есть мужество? Есть умение охранять наши интересы? Они получили от предков богатое наследство, но они очень плохо им управляют, и я боюсь, что они его растратят. Все они жалкие трусы. Не трусость, а смелость способна построить и защитить великую империю!» Я заметил, что сейчас вообще на европейско-демократическом горизонте не видно крупных людей. Ллойд-Джордж воскликнул: «Вы совершенно правы. Где они, крупные люди? Европейская демократия оскудела. Сейчас есть только один большой человек, которым может похвастаться демократия, — это Рузвельт. Он знает, чего хочет, и умеет добиваться, чего хочет. Но Рузвельт далеко и в европейские дела не хочет вмешиваться. А здесь, в Англии, во Франции, хоть шаром покати. Куда они годятся, все эти болдуны, чемберлены, блюмы, шотаны? Им приходится иметь дело с действительно крупными и сильными людьми — с Гитлером и Муссолини. Эти фашистские диктаторы совсем не дураки. Они сделаны из грубого теста и действуют грубыми методами: силой, нахальством, запугиванием. Но они действуют, они активны, они энергичны, они ведут за собою свои страны. Разве наши министры годятся для отстаивания своих инте-

* Лидер лейбористской партии Великобритании.

ресов перед лицом диктаторов? Разве они способны это сделать? Какая чепуха! Вот если бы Уинстон Черчилль был премьер-министром, он сумел бы заставить диктаторов с собой считаться, но консерваторы до смерти боятся пустить Черчилля в правительство. В результате сопляки разговаривают с людьми дела — Гитлером и Муссолини. Мне очень жаль, что оба они фашисты и противники демократии. Но надо признать, что они сильные люди. Можете себе представить, что в состоянии получиться, когда, например, Иден беседует с Муссолини? Конечно, Муссолини положит его на обе лопатки. Так оно и было в эпоху абиссинской войны. Вот ваш Сталин — совсем другое дело. Это большой человек и с большой решительностью. У него твердая рука, и он может imponировать диктаторам, может с успехом отражать натиск Гитлера и Муссолини. У нас же — одно горе. Взять хотя бы Чемберлена — узкий, ограниченный и бесплодный человек. Настоящая рыба с холодной головой, как я его охарактеризовал во время последних дебатов в парламенте. Вы посмотрите, чем он сейчас увлекается. Мне совершенно точно известно, что «генеральный план» Чемберлена сводится к следующему: в течение ближайшего года добиться замирения с Германией и Италией и заключить «пакт четырех». Для Центральной и Юго-Восточной Европы Чемберлен готов удовлетвориться неопределимыми обещаниями со стороны диктаторов о ненападении. Ваша страна должна быть исключена из европейской комбинации и предоставлена самой себе. Добившись этого, Чемберлен хочет пойти на выборы. Обращаясь к избирателям, он скажет: «Неразрешимая проблема европейского успокоения решена мной, моим правительством. Теперь все в порядке. Голосуйте за консерваторов!» И одержав победу на выборах, закрепит господство своей партии еще на пять лет. Приглашение Нейрата в Лондон было делом рук Чемберлена. Его речь в парламенте 25 июня* была построена так, чтобы ничем, ни одним словом не помешать осуществлению его намерений». Я возразил, что, каковы бы ни были планы Чемберлена, реализация их зависит далеко не от него одного. Есть много факторов, которые легко могут помешать осуществлению этих планов. Ллойд-Джордж оживился и воскликнул: «Конечно, конечно. Величайшая наивность воображать, будто бы фашистских диктаторов можно приручить только с помощью хороших слов. Они народ кровожадный и требуют куска мяса».

5. «Однако, — продолжал Ллойд-Джордж, — я должен Вам откровенно сказать, что и наша оппозиция, особенно лейбористская оппозиция, ничем не лучше правительства. Она еще хуже, еще слабее. У нее нет вождей, нет программы, нет

* См. газ. «Известия», 26 июня 1937 г.

энергии и боеспособности. Они еще большие сопляки, чем правительство. Возьмите, например, Эттли, он милый человек и во время войны храбро дрался во Франции, но разве же он лидер официальной оппозиции его величества? Он может иногда сказать неплохую речь, но действий, решительных действий от него не ждите. Я вспоминаю времена Гладстона, тогда у нас действительно была оппозиция, сильная, полнокровная, умеющая использовать каждый неосторожный шаг правительства для убийственной атаки. А теперь? Либеральная партия сошла со сцены и больше не воскреснет. Лейбористы же пока не обнаруживают способности к управлению государством. Наше горе в том, что у нас сейчас, по существу, нет оппозиции, а есть 160 членов парламента, которые сидят на оппозиционных скамьях, но являются лишь придатком к консервативной партии. Я не удивляюсь, что лейбористы в последнее время имеют крупные неудачи на дополнительных выборах. Они не растут, не развиваются, а находятся в состоянии стагнации, и, конечно, они не способны возбудить в массах никакого энтузиазма. Странно сказать, но сейчас из лейбористских лидеров только двое могут собирать и волновать большие массы — это Криппс и Ленсбери; собрания же других лидеров оппозиции посещаются мало, и на них царит смертная тоска. Вы помните Геродота? Вы помните его рассказ о том, как у парфян возмутились рабы? Тогда парфянский царь сказал своим войнам: «Не убивайте их, а гоните плетьюми». И действительно, как только войны бросились на рабов с бичами, к последним вернулся их рабский дух. Они с криками разбежались, и восстание было сломлено. Вот такой же рабский дух силен и в наших лейбористах. Вековое угнетение и нищета вырастили в наших рабочих привычку к покорности, к подчинению, к неверию в собственные силы, и потому консерваторам сейчас так легко испугать лейбористов плетьюми».

6. Я спросил Ллойд-Джорджа, какое впечатление он вынес из своей прошлогодней поездки в Германию*. Ллойд-Джордж оживился и сказал: «Я был у Гитлера и имел с ним продолжительную беседу. Он произвел на меня впечатление человека чрезвычайно простого, скромного и довольно образованного. С ним можно рассуждать и спокойно обмениваться мнениями. Но у него есть один «пункт» — это коммунизм. Всякий раз, как в нашей беседе Гитлер упоминал коммунизм и коммунистов, он сразу же становился неменяемым, самое лицо его внезапно преображалось: глаза вспыхивали зловещим огнем, а губы начинали судорожно сжиматься. Я несколько раз пытался навести его на мысль, что для Германии просто невыгодно быть в плохих отношениях с вашей стра-

* См. т. XIX, док. № 208.

ной. Это не производило на Гитлера никакого впечатления. Он чуть не с пеной у рта начинал вновь кричать о коммунизме и коммунистической опасности. Он действительно верит, что призван в мир осуществить специальную миссию — спасти европейскую цивилизацию и раздавить гидру коммунизма. После всего того, что я видел у Гитлера, я совершенно убежден в том, что он никогда не согласится заключить с Советским Союзом какой-нибудь договор или даже поставить свою подпись под каким-нибудь международным документом наряду с подписью Сталина». Я поинтересовался, затрагивал ли Ллойд-Джордж в своей беседе с Гитлером вопросы европейского мира и какова была на это реакция «фюрера». «О да, — воскликнул Ллойд-Джордж, — я с ним много говорил на эту тему. Гитлер все время убеждал меня в своем миролюбии. Он приводил такой аргумент: Германии потребовалось больше 40 лет на то, чтобы создать могущественную армию, какую она имела накануне последней войны. Ему, Гитлеру, на превращение рейхсвера в крупную, боеспособную армию требуется 20 лет. Какой же ему интерес начинать войну раньше этого времени? Я не могу отрицать, что в соображениях Гитлера есть известная доля правды. Гитлер дал мне разрешение ездить куда угодно и смотреть что угодно, по моему желанию. Случайно, проезжая на машине по Баварии, я наткнулся на большие войсковые маневры. Мне позволили проехать через зону маневров, и я имел случай немного ближе посмотреть на то, что из себя представляет германская армия. Не могу сказать, чтобы она произвела на меня особо сильное впечатление. Правда, по части вооружений имеются несомненные успехи; мне особенно понравилась немецкая противотанковая пушка, которая впоследствии оказалась столь полезной для Франко в Испании. Но зато людской состав поразил меня своей второсортностью — солдаты мелкие, щуплые, какие-то мальчишки. Тренировка их и дисциплина оставляют желать многого. Чувствуется большой недостаток в офицерах. Нет, нынешняя германская армия — это еще не та армия, которая может рисковать большой войной. Я видел и знаю старую германскую армию, армии Гитлера до нее очень, очень далеко. И потому я склонен думать, что Гитлер прав, когда говорит, что ему потребуется еще много времени для приведения германской армии в состояние настоящей боеспособности, — не 20 лет, пожалуй, но 10 лет, это уже наверняка. И до тех пор Гитлер едва ли рискнет атаковать Францию, нас или СССР».

Я возразил, что не вполне согласен с оценкой Ллойд-Джорджа. Я могу допустить, что нынешняя германская армия еще не готова для большой войны, ну а как насчет малой войны? Насчет войны с такими странами, как Австрия, Чехословакия, Румыния и т. п.? Мне кажется, что уже нынешняя

германская армия достаточно подготовлена для прокладки Гитлеру дороги на юг и юго-восток. Что может помешать Гитлеру осуществлять свою экспансию в этом направлении? Только вмешательство великих держав. А станут ли вмешиваться, станут ли рисковать Англия и Франция? Опыт последних лет настраивает меня несколько скептически. Ллойд-Джордж отвечал: «Да, если ставить вопрос так, Вы правы. Я полностью с Вами согласен. Эта неискоренимая слабость нашего правительства и французского правительства, эти систематические отступления перед агрессорами только разжигают их аппетиты и делают их более смелыми. Привыкнув к трусости западных демократий, Гитлер в один прекрасный день может действительно рискнуть какой-либо авантюрой против Австрии или Чехословакии в расчете, что и это ему сойдет, как сошло многое другое. Самое печальное это то, что на слово Гитлера совершенно нельзя полагаться. История «невмешательства» меня многому научила. На основании своих прошлогодних впечатлений я никак не ожидал такого вероломства со стороны фюрера, и я все больше прихожу к выводу, что всякие договоры и соглашения с Германией лишены серьезного смысла. Подпись германского правительства стала очень дешева. Гитлер будет соблюдать любой договор лишь до тех пор, пока он ему выгоден. Как только он сочтет, что договор его стесняет, он не постесняется его нарушить или разорвать. В этом с необычайной яркостью проявляется глубокое падение международных нравов в Европе. И в этом же заключается величайшая опасность для дела мира».

На этом наша беседа закончилась, и я вернулся в Лондон.

Полномочный представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

П. С. Буквально на следующий день после моей встречи с Ллойд-Джорджем я имел случай наблюдать полную беспомощность лейбористской оппозиции, о которой накануне мне говорил Ллойд-Джордж. 2 июля была пятница, последний день заседания парламента на этой неделе. Пятничное заседание, в противоположность заседаниям в течение четырех предыдущих дней, начинается не в 2½ часа, продолжаясь до 11 часов ночи, а в 11 часов утра и кончается в 4 часа дня. После того депутаты разъезжаются на свои «ункенды». 2 июля я сидел за столом с Ллойд-Джорджем в ресторане парламента. Было 2 часа дня. По нормальному расчету, оставалось еще 2 часа заседания, и лейбористы хотели использовать это время для того, чтобы потребовать постановки вопроса об Испании. Ллойд-Джордж тоже собирался выступать. Вдруг к столу Ллойд-Джорджа подошел страшно смущенный Эттли и, недоуменно разводя руками, сказал: «Они закрыли

заседание». — «Как закрыли заседание? — в страшном изумлении воскликнул Ллойд-Джордж. — Ведь у нас есть еще два часа времени». Эттли стал объяснять. Оказывается, обсуждение вопроса, стоявшего в порядке дня, было закончено к 2 часам. В это время Эттли сидел у себя в кабинете (лидер оппозиции имеет в здании парламента особую комнату). На передней скамье оппозиции не оказалось ни одного сколько-нибудь ответственного человека, который мог бы встать и заявить спикеру, что оппозиция требует «отсрочки» обсуждения порядка дня (ajournement) — обычный в парламенте прием, которым оппозиция пользуется для postponement срочного вопроса. В результате спикер заявил, что обсуждение порядка дня закончено, и сразу же, без всяких протестов со стороны оппозиции, закрыл заседание. Эттли, точно провинившийся школьник, стоял перед Ллойд-Джорджем и спрашивал, что же теперь делать. Он был растерян, и вся его фигура выражала беспомощность. Ллойд-Джордж посоветовал созвать через полчаса лидеров оппозиции и обсудить, какие теперь могут быть предприняты шаги. Эттли согласился и исчез. Ллойд-Джордж повернулся ко мне и сказал с особой интонацией: «Вы видели? Вот она, наша оппозиция! Разве в старые годы возможно было бы что-нибудь подобное? В старые годы, когда либеральная партия была в оппозиции, мы всегда оставляли на передней скамье несколько зубастых людей, которые следили за ходом дебатов и в случае надобности требовали отсрочки обсуждения порядка дня. Затем кто-нибудь из них немедленно брал слово, а пока он говорил, разыскивали лидера партии, и он появлялся в парламенте. А теперь? Теперь лейбористы не способны даже на такую нехитрую механику. Еще раз говорю Вам: нет у нас оппозиции!»

И. Майский

Печат. по арх.

227. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Францию Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 июля 1937 г.

Из беседы сегодня с Дельбосом выяснил, что даже и после провала системы невмешательства французы не сразу (если вообще когда-нибудь) установят «свободу коммерции» с Валенсней *. Они намерены в этом случае снять контроль со своей границы, предоставить свободу транзита, но не снимут эмбарго на оружие. Дельбос это мотивировал тем, что, поскольку военная промышленность во Франции национализирована, снятие эмбарго будет интерпретировано как снабже-

* См. док. № 224, 225, 232, 233.

ние Валенсии оружием непосредственно самим правительством. Помимо внешнеполитических затруднений такое решение не будет, мол, понято и одобрено внутри Франции и способно осложнить положение правительства. Я сказал Дельбосу, что позиция, которую он собирается занять, представляется мне не совсем последовательной. Свертывая на путь применения обычных норм международного права, нелогично сохранять эмбарго на оружие, а с точки зрения помощи это привело бы к еще большему закреплению односторонности снабжения Франко, так как нет сомнений, что снабжение его итальянцами и немцами примет еще большие размеры.

Мои доводы очень слабо, по-видимому, воздействовали на Дельбоса, хотя он и заявил, что не отрекается от снятия эмбарго «в будущем», но что это должно быть проделано не сразу, а этапами. По его мнению, свобода транзита к тому же достаточно обеспечит снабжение Валенсии, и на такой точке зрения якобы стоят и сами испанцы. Не потерял Дельбос, по-видимому, и надежд на компромисс. Таким приемлемым компромиссом он считает признание права воюющей стороны, «предоставленного, однако, лишь после того, как из Испании будут удалены волонтеры». Дельбос меня заверял, что против такого компромисса (инициатором которого, по-видимому, является Иден) не возражали и совещавшиеся с ним здесь Негрин и Хираль¹³⁹. Когда я его спросил, где гарантия, что после увода своих сил из Испании (и как это проверить) немцы и итальянцы, используя признание для фактического установления своей блокады, не введут новых сил, Дельбос сказал, что это может быть предупреждено сохранением международного контроля, на котором французы и в этом случае будут настаивать. Как видите, можно ожидать еще много сюрпризов.

Полпред

Печат. ко арх.

228. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу

4 июля 1937 г.

29 июня в 15 часов финский самолет нарушил нашу границу у дер. Сола, пролетев над погранзнаком № 384 курсом юго-восточней Олонца. Вылетел обратно через 16 минут в Финляндию в том же районе.

Сделайте МИД представление по поводу указанного нарушения границы*.

Потемкин

Печат. ко арх.

* См. док. № 229.

229. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в
Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии
Холсти

6 июля 1937 г.

Посетил Холсти, только что вернувшегося из краткого отпуска. Вначале разговор касался дела Спирина*. Не дожидаясь моей аргументации, Холсти сразу, по примеру прошлого раза, заявил, что он не понимает, почему Коскинен в Москве до сих пор не урегулировал вопрос о компенсации, ибо это ему вторично было поручено. Он якобы даже имеет ответ от Коскинена на эту тему. Я заверил Холсти, что никто в Наркоминделе с Коскиневым по этому делу не беседовал, указал, что дальнейшая задержка выдачи семье Спирина компенсации недопустима и т. д. Мы условились, что вернемся к этому делу через два дня¹⁴⁰. При этом Холсти повторил, что он считает этот вопрос решенным и будто бы не понимает в чем задержка.

Далее разговор был на тему об инциденте в Выборге. Холсти не отрицал взятые на себя МИД обязательства расследовать дело и привлечь виновных к ответственности. Он сослался на обычную бюрократическую волокиту. МИД давно дано распоряжение губернатору о привлечении виновных к ответственности. Я указал, что, по моим сведениям и вопреки неоднократным заверениям Холсти и Войонмаа, виновные на свободе и дело о них закончено. Холсти обещал немедленно навести справки и ускорить судебное разбирательство.

Далее я сделал представление по поводу перелета финским самолетом 29 июня нашей границы (у дер. Сона, близ погранзнака 384, юго-восточной Олонца; был над нашей территорией 16 минут, скрылся в том же направлении)**. Холсти сделал вид, что обеспокоен этим заявлением, заверял, что правительство и он ничего об этом инциденте не знали. Тут же звонил главкому, начальнику штаба армии, командующему воздушным силам и др. для получения справок. За поздним временем летнего дня ему никого найти не удалось. Он обещал завтра снестись с Каяндером, заменяющим Ньюканена***, и результаты расследования мне сообщить при следующей встрече****.

Далее я указал Холсти на абсолютную недопустимость появления в финляндской прессе провокационных статей, подобных помещенной в конце июня «Аян суунта». Выразил удивление, что ни официальные органы Финляндии, ни газеты

* См. док. № 191.

** См. док. № 228.

*** Военный министр Финляндии.

**** См. док. № 254.

не реагировали на подобные выпады и т. д. Попутно зашел разговор об агрессивной статье «Хельсингин саномат» в связи с задержанием нами катера финской погранохраны. Как всегда во все времена все финны, Холсти начал говорить, что с «Аян суунта» никто не считается, на нее не обращают внимания и т. п. Я указал, что поведение этих газет — наглядная иллюстрация к тому, что т. Литвинов говорил Холсти в Москве по поводу недопустимого поведения финской прессы*.

В ответ на это Холсти просил учесть и отличать разницу между политикой и личными на него нападениями и т. д. В данном случае статья «Хельсингин саномат» — отзыв кампании консервативной прессы по поводу отсутствия заслуг у Холсти. Я указал, что мы прекрасно учитываем обстановку, это он мог заметить и по заметке «Известий»**. Выпады прессы, оживление германской работы в Финляндии, поездка финляндских военных в Германию и ряд других фактов показывают, что элементы, желающие ухудшения советско-финляндских отношений, подняли голову и т. д.

Последовал оживленный и подробный обмен мнениями (разговор длился около 1 час. 30 мин.) о нынешнем политическом положении и т. д. Холсти держал себя значительно менее уверенно, чем раньше, но заверял, что правительство устойчиво, Каяндер чувствует себя крепко, съезд аграриев не оправдал надежд консерваторов на развал правительственной коалиции вследствие оппозиции внутри аграрной партии и т. д. Холсти сам осенью окончательно переезжает в Хельсинки и даже перевозит свою мебель из Женевы сюда. Он заверял, что правительство не меняет своей политики. Особенно показательным в этом отношении он считает недавнее заявление Каяндера шведским газетам (он будто бы даже упоминал СССР, но репортеры глухо сказали «соседи Финляндии»). Полный текст интервью Каяндера есть только в «Афтонбладет»). Когда зашла речь о заявлениях Холсти и Каяндера о неизменности и преемственности внешней политики финляндского правительства, Холсти живо стал пояснять, что речь не идет о том, что он ведет ту же политику, что и Хаксель. Как он, так и Каяндер говорили перед скандинавами, думавшими, что отношение правительства Каяндера к финнизации университета означает нежелание считаться со скандинавской ориентацией. Поэтому они оба подчеркивали, что правительство по-прежнему неизменно придерживается продиктованной сеймом еще в 1935 г. ориентации на Скандинавию. Это отнюдь не значит, что они хотят вести политику Хакселя. Я указывал, что их заявления всеми, в том числе,

* См. док. № 40.

** См. газ. «Известия», 24 июня 1937 г.

как видно, финляндской прессой, поняты иначе. Холсти сделал вид, что он этим расстроен, и согласился со мной, что это недоразумение надо бы разъяснить.

Полпред СССР в Финляндии
Аснус

Печат. по арх.

230. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

7 июля 1937 г.

Последние беседы Александровского с рядом лиц, в том числе Крофтой, устанавливают несомненную активизацию английской дипломатической работы в пользу Германии и против СССР в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*. В частности, через своего посланника в Праге английское правительство возобновило свое воздействие на чехословаков, склоняя их к уступкам Генлейну, якобы необходимым для примирения Чехословакии с Германией. Подтверждаются также сведения о попытках англичан дискредитировать франко-советский и чешско-советский пакты. Имеются данные, свидетельствующие об активной заинтересованности английской дипломатии в заключении Югославией политического договора с Германией и о поддержке, оказываемой англичанами идее создания изолирующего пояса нейтральных стран вдоль наших северо-западных, западных и юго-западных границ. Просьба за этой работой внимательно следить и нас информировать¹⁴¹.

Потемкин

Печат. по арх.

231. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом**

7 июля 1937 г.

Я с визитом у министра иностранных дел Нейрата. Встретились мы с ним как старые знакомые (он и я были послами в Риме в период 1924—25 гг.). Министр был весьма любезен. После общего светского разговора он заговорил о наших отношениях. Министр считает, что сейчас нет места как для излишнего оптимизма, так и для безнадежности. Мы должны понимать нынешнее положение Германии (в детали относи-

* См. док. № 222, а также док. № 238, 239, прил. 115.

** Из дневника К. К. Юренева за период с 4 по 10 июля 1937 г.

тельно этого положения Нейрат не вошел.— К. Ю.), трезвая оценка этого положения — терпение. Министр полагает, что отношения между нашими странами могут неожиданно улучшиться, но твердой уверенности в этом, разумеется, нет. Суриц приехал в Берлин с преувеличенными надеждами и, когда увидел, что такие неосуществимы, впал в пессимизм, что было ошибкой.

На это я заметил, что Суриц, насколько всем нам известно, за все время его пребывания не имел никаких оснований быть оптимистом.

Далее Нейрат сказал, что сторонники улучшения наших отношений считают, что оживление резко ослабевающего экономического сотрудничества между Германией и нами весьма помогло бы политическому сближению наших стран.

На это я ответил, что не питаю излишних иллюзий насчет перспектив наших отношений. Я, как и он, являюсь искренним сторонником их улучшения. К этому я добавил, что для нормального развития экономического сотрудничества и тем более для прогресса такового необходимы надлежащие предпосылки политического порядка, чего, как известно министру, сейчас нет.

В заключение продолжавшегося 20 минут разговора министр обещал мне всяческое содействие.

К. Юренев

Печат. по арх.

232. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

8 июля 1937 г.

На Вашу телеграмму от 6 июля¹⁴². В случае обсуждения в Комитете компромисса с признанием за Франко права воюющей стороны только взамен обещания эвакуации волонтеров предлагаю крепко раскритиковать этот план, указать на его слабые стороны, отметить отсутствие какого бы то ни было контроля эвакуации и, не отклоняя окончательно проекта, резервировать окончательное решение за своим правительством. Укажите, что невмешательство в испанские дела несовместимо с предоставленным одной стороне прав, которых она раньше не имела, ибо иначе это вмешательство и изменение положения*.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 236; газ. «Известия», 10 июля 1937 г.

233. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Вне очереди
8 июля 1937 г.*

По поручению своего правительства испанский посол просил в связи с завтрашним заседанием Комитета о следующем. По сведениям испанского правительства, на Комитете может возникнуть предложение о частичном признании права воюющей стороны, т. е. с распространением его только на территориальные воды или специальную прибрежную полосу. Испанское правительство просит нас решительно возражать против подобного «компромисса». Наряду с этим, в случае обсуждения предложения о том, чтобы признать право воюющей стороны взамен за отозвание волонтеров, испанское правительство просит настаивать, чтобы такому признанию предшествовало обеспечение эффективного осуществления отозвания волонтеров с обязательным распространением его на марокканцев.

В дополнение к ранее посланным Вам указаниям* прошу на заседании Комитета 9 июля учесть и эти пожелания испанского правительства.

Литвинов

Печат. по арх.

234. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Польше Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

8 июля 1937 г.

Глубокоуважаемый Максим Максимович,

Пышные торжества в честь румынского короля и его сына закончились, и король покинул Польшу в чине полковника польской армии.

Если говорить о внешней стороне приема короля, то она, несомненно, удалась. Были устроены соответствующие приемы, внушительный парад войск, королю были оказаны почести, которыми он остался доволен.

Пресса немало писала о польско-румынском союзе** как бастионе западной цивилизации от моря до моря, представляющем 55-миллионную силу в Центрально-Восточной Европе. Нашлась одна эндецкая газета, «Гонец варшавски», которая даже увязала визит короля с международным антисоветским католическим конгрессом, заседавшим в это время в Познани. Если сравнить польскую и румынскую прессу за эти недели с тем, что было еще один-два года тому назад в период перепалок между Титулеску и Беком, то разница будет значительная.

* См. док. № 232, 236.

** См. т. IX, прим. 26.

Немногим более года тому назад польский посланник в Бухаресте Арцишевский пригласил Титулеску приехать в Варшаву. Титулеску решительно отказался. С тех пор полякам удалось организовать целую серию взаимных визитов, увенчанием которых был визит польского президента в Бухарест и румынского короля в Варшаву (взаимные визиты министров иностранных дел*, начальников генеральных штабов, председателей национальных банков, министров просвещения, [представителей] полувоенных организаций и отдельно стоящий протокольный визит в Варшаву наследника Михаила).

Нужно учитывать, что такое правительство, как польское, заинтересовано в непомерном раздувании каждого своего внешнеполитического успеха. Это, впрочем, относится и к внутренней политике. Например, эксплуатируя популярность Пилсудского, пилсудчики хоронили его три раза — в Варшаве, Кракове и Вильно. Теперь, после самовольного удаления праха Пилсудского из усыпальницы польских королей митрополитом Сапегой, не исключено, что будут новые похороны.

Что касается нового медового месяца польско-румынской дружбы, то Бек принял все меры к тому, чтобы нажить на нем политический капитал и растянуть его на длительное время.

Лично Бек, безусловно, укрепил свое положение в результате отставки Титулеску и оживления польско-румынского союза. Нужно сказать, что среди этих посредственностей, как, например, Мосьщицкий, Славой-Складковский**, Код и даже Рыдз[-Смиглы], Бек чувствует себя человеком большого формата.

Если отбросить непомерную рекламу и шумиху вокруг польско-румынских отношений последнего времени, то все же следует признать, что полякам удалось вдохнуть жизнь в союз, который еще один-два года тому назад казался потерявшим свое былое значение. Объективные причины успеха поляков Вам известны: ослабление международных позиций Франции и ее системы союзов, заставившее румын искать новые связи и укреплять старые, и внутренняя фашизация Румынии, проводимая королем и сказывающаяся на румынской внешней политике. Но есть здесь и некоторый субъективный момент — энергичная и целеустремленная работа польской легации в Бухаресте. В результате Арцишевский, изгнания которого Титулеску требовал два года тому назад, превращается в посла.

Возведение легации в ранг посольства, присвоение королю чина почетного полковника польской армии и совместное традиционное коммюнике о полном совпадении польско-румынских интересов — вот и все, что мы знаем официально о результатах визита короля. Румыны, по-видимому, не особен-

* См. док. № 124, 131, 133.

** Председатель совета министров и министр внутренних дел Польши.

но были в восторге от учреждения посольств: они понимают, что это их слишком связывает с Польшей, которая в данном случае оказывается впереди Франции и союзников Румынии по Малой Антанте. В речи короля на обеде у президента очень неопределенно говорилось, что он подумает о возведении легаций в ранг посольств. В первоначальном тексте речей президента и короля о посольствах вообще не было ни слова. Для того чтобы «подумать», королю понадобилось всего лишь несколько дней, и уже в Кракове между Антонеску и Беком был подписан протокол о возведении легаций в ранг посольств. В промежутке времени между Варшавой и Краковом король побывал в Познани, где ему присвоен чин полковника польской армии. Антонеску под тем предлогом, что он «штатский», был оставлен в Варшаве, и король находился все время с глазу на глаз в обществе «военных» — полковника Бека и ген. Рыдз-Смиглы. Возможно, что они сумели уговорить короля не откладывать в долгий ящик возведение легаций в ранг посольств, если только его нужно было уговаривать. Устранение на некоторое время от переговоров Антонеску может иметь некоторое значение, но переоценивать эту историю не приходится, так как Антонеску находится целиком в руках Бека. Учреждение польского посольства в Бухаресте облегчит полякам их работу в Румынии. Учреждение посольства могло бы быть использовано оппозицией в Румынии для борьбы против одно-сторонней и антисоветской ориентации румынской внешней политики, если бы в Румынии была настоящая оппозиция.

Во время предыдущих польско-румынских визитов был заключен также целый ряд других соглашений экономического и «культурного» характера (соглашение об обмене товарами, о платежах, туристская конвенция и т. д.), о которых мы Вам своевременно сообщали. Кроме того, продолжались переговоры между генеральными штабами о поставках для румынской армии польских аэропланов, газовых масок, пулеметов, пороха и т. д. Это то, что нам известно по официальным и полуофициальным источникам. Но не подлежит сомнению, что во время визитов в Бухаресте и Польше велись разговоры и, может быть, были заключены соглашения, которые не стали достоянием гласности*. Центральной темой разговоров и переговоров был СССР и отношение к нему. Линия Бека в этом вопросе ясна и общеизвестна — изоляция СССР, разрушение его внешнеполитических связей, в том числе и с Румынией. Нужно сказать, что в лице румынского короля, фашистские и антисоветские настроения которого Вам известны, Бек нашел благодарного собеседника. Немало внимания Бек, по-видимому, также уделил натравливанию румын против Франции, Чехословакии, Лиги наций и коллективной безопасности. Здесь Бек

* См. док. № 124, 131, 133 и прил. 34.

нашел опять-таки довольно благоприятную почву, так как авторитет этих государств и Лиги за последние годы сильно упал в Румынии. Разумеется, румыны все еще находятся в большой политической и финансовой зависимости от Франции. С Чехо-словакией их связывают военные поставки «Шкоды» и политика обуздания венгерского ревизионизма. Вот почему в официальных речах румын во время визитов можно найти любезные слова по адресу Франции, Лиги и Малой Антанты. Однако изгнание чешского посланника в Бухаресте Шебы в результате польских интриг³⁹ достаточно характеризует новые тенденции румынской внешней политики и в этой области.

Самый факт усиления, углубления и прославления двустороннего польско-румынского военного союза красноречиво говорит об отношении румын к коллективной безопасности на данном этапе.

В дипкорпусе распространились слухи о том, что предметом секретных переговоров было также расширение и уточнение военной конвенции, а также заключение конвенции о непропуске наших войск через территорию Польши и Румынии.

Что касается расширения и уточнения военной конвенции, то это вполне возможно. Следует иметь в виду, что за последние годы контакт генеральных штабов Польши и Румынии сильно ослабел и военным теперь, в период расцвета новой польско-румынской дружбы, наверное, есть что «обновить», «расширить» и «уточнить». Немедленно после отъезда короля в Румынию направился начальник польского генерального штаба ген. Стахевич, его заместитель ген. Малиновский и полковник Ковалевский, который все еще является польским военным аташе в Румынии, хотя он уже начал работать в ОЗН в Варшаве, у Коца. Эти господа вели переговоры с румынским генеральным штабом, король удостоил их часовой аудиенции, после чего они у него завтракали. Французский посол Ноэль и чех считают, что поездка Стахевича связана с техническими вопросами вооружения румынской армии, а именно речь шла якобы о поставке польских аэропланов и газовых масок. Трудно поверить, что король целый час беседовал со Стахевичем, которого он к тому же только что видел в Польше, о газовых масках. Польские поставки для румынской армии — дело старое и вполне налаженное. О чем тут говорить? О платежах за поставки? Но об этом король не будет говорить со Стахевичем. В этой связи приобретает большое значение слух о секретном соглашении относительно непропуска Красной Армии. Ноэль и чех считают, что такого соглашения нет, так как вопрос не актуален. Но нужно вспомнить, что этот «неактуальный» вопрос усиленно дебатировался на страницах польской, румынской и даже международной прессы. Взгляды Бека и румынского короля по этому вопросу идентичны. Даже Титулеску в недавнем интервью, возможно по

тактическим соображениям, заявил, что он всегда был против пропуска Красной Армии. Бек мог использовать отсутствие каких бы то ни было расхождений между ним и королем по этому вопросу и вырвать у короля подпись под секретным протоколом о непродуске наших войск. Такой протокол был бы для Бека большим успехом, так как всякие новые секретные военные соглашения, заключаемые в теперешний предвоенный период, действительно связывают партнера, в данном случае румын, и усиливают значение польско-румынского военного союза.

Все это лишь предположения, которые нуждаются в проверке. Нам следует в ближайшее время по всем линиям попытаться установить истину. Все же самый факт циркуляции подобного рода слухов представляется мне настолько важным, что я счел необходимым немедленно сообщить Вам об этом. Повторяю, француз и чех не верят этим слухам и считают, что никаких новых секретных соглашений заключено не было. Правда, оба они признают, что велись «антисоветские разговоры». Француз доволен своими разговорами с королем, который неоднократно подчеркнуто любезно с ним разговаривал. Ноэль лишь в претензии на Бека, который не счел нужным предупредить его о возведении легаций в ранг посольств. Зато румыны предупредили Ноэля об этом... * за несколько дней. Секретарь французского посольства Гокье считает, что Франция должна будет последовать примеру Польши и учредить посольства в странах Малой Антанты. Лично я не смог принять участия в приемах в честь короля из-за приступа малярии. В дипкорпусе мое отсутствие было расценено как дипломатическая болезнь и как желание подчеркнуть наше отрицательное отношение к углублению польско-румынского союза. На невежливость поляки и румыны жаловаться не могут, так как секретари полпредства и помощник военного атташе на всех приемах, на которые они были приглашены, присутствовали.

С товарищеским приветом

Б. Виноградов

Печат. по арх.

235. Запись бесед Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Швеции Сандлером

9 июля 1937 г.

Беседы с Сандлером ** на общеполитические темы не представляют большого интереса, за исключением затронутого мною вопроса о так называемом нейтралитете. Я изложил

* Многозначие в документе.

** См. также газ. «Известия», 9—11 июля 1937 г.

Сандлеру нашу общую концепцию о нынешнем международном положении, усомнился в ясности позиции Скандинавских стран и, в частности, просил Сандлера разъяснить мне, чем вызывается приписываемая ему пропаганда идеи нейтралитета.

Сандлер развивал известные взгляды о разочаровании Лигой, вызванном ее бездействием во время маньчжурского, а затем абиссинского конфликтов. Во время этих конфликтов выяснилось, что ни военные, ни экономические санкции не считаются обязательными, а потому Скандинавские страны делают из этого свои выводы и хотели бы эту необязательность, распространяемую на право пропуска войск, оформить. К тому же работе Лиги наций мешает отсутствие таких стран, как Япония и США. Необходимо обеспечить сотрудничество особенно США, а это было бы возможно лишь при помощи развита ст. 11 в ущерб другим. Касаясь нарисованной мною картины международных опасностей, Сандлер заметил, что отсутствует какая-либо информация о действительной опасности, например, для Чехословакии или для других стран.

Я повторил Сандлеру взгляды, высказанные мною Мунтерсу* на эту же тему о нейтралитете и о потенциале мира. Я ему вполне ясно говорил, что своим нейтралитетом он прямо ставит под удар в первую очередь Литву. Если Германия будет убеждена в невозможности прохода наших войск через Латвию или Польшу, то исчезнет последний сдерживающий момент возможной агрессии Германии против Литвы. Участие Америки, говорил я, конечно, весьма желательно, но эта страна не пойдет в Лигу при любой реформе Устава. Рузвельт готов был бы войти в Лигу и при сохранении ст. 16, но ему мешает общественное мнение Америки, которое отнюдь не руководствуется наличием в Уставе и функциями той или иной статьи. Мы можем той или иной реформой совершенно опустошить Устав и в то же время не добиться участия Америки. Что касается информации об опасностях, то я напомнил Сандлеру, что за месяц до возникновения мировой войны также не существовало еще никакой информации о близости этой войны. Не было также такой информации, например, перед русско-японской войной, не было предварительной информации о вступлении Германии в Рейнскую зону, об оккупации Японией Маньчжурии. Информация о военных действиях ныне приходит одновременно с гулом пушек.

Сандлер сказал, что он понимает нашу позицию, что если вообще вопрос о реформе Лиги не встанет, то Скандинавия вряд ли будет выступать со своими предложениями о нейтралитете.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 17, 18 июня 1937 г.

236. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
9 июля 1937 г.

1. Как и надо было ожидать, англичане решили все-таки еще оттянуть ликвидацию невмешательства, организовали с этой целью некоторые малые державы; от их имени выступил голландец и предложил просить английское правительство сделать последнюю попытку найти какой-либо компромисс *. Так как Корбен, Риббентроп, Гранди и все остальные члены Комитета поддержали предложение голландца, я заявил, что не возражаю против данного предложения, хотя мало верю в его успех. Я просил установить срок для ведения переговоров, но Корбен меня не поддержал. Плимут, однако, обещал вести переговоры с максимальной быстротой. Комитет будет созван на будущей неделе, но день пока не назначен. После сегодняшнего выступления Гранди трудно представить себе, какой базис может быть найден для компромисса. Корбен держался на этот раз неплохо, но я не уверен в его стойкости. Именно сейчас было бы очень важно нажать на французское правительство, так как англичане в ближайшие дни, несомненно, попытаются вовлечь французов в какую-либо гнилую сделку. 12 или 13 июля оппозиция рассчитывает поставить в палате вопрос об Испании.

2. Вчера вечером секретарь Идена передал мне просьбу Идена быть у него сегодня утром до начала заседания. Когда я вошел в кабинет Идена, то застал его в состоянии смутения и протрации. Он встретил меня словами: «Право, не знаю даже, о чем с Вами говорить». Я с удивлением посмотрел на Идена, тогда он стал объяснять, что он пригласил меня, чтобы информировать о действиях и намерениях английского правительства в связи с испанским кризисом. Вчера вечером у него была мысль предложить такой выход: сначала выводятся волонтеры, а потом Франко дается ограниченное право воюющей стороны. Иден, например, прямо заявил, что английское правительство не допустило бы остановки и обыска судов. На мой вопрос, должны ли предварительно быть выведены все волонтеры, Иден несколько замялся, причем из дальнейшего выяснилось, что он готов был бы поставить вопрос о праве воюющей стороны даже в случае вывода не всех, а только большинства волонтеров. Однако сегодня все это радикально изменилось. В «Таймс» от 9 июля напечатана декларация Франко, в которой он категорически заявляет, что не допустит вывода волонтеров. Это значит, что немцы и итальянцы

* См. док. № 217, 224, 232, 233, 243; газ. «Известия», 10, 15—17 июля 1937 г.

или по крайней мере итальянцы против вывода. При таких условиях рушится всякий базис под планом Идена. Он не знает, что делать. Кое-кто ему предлагал собрать опять «четверку», но он не хочет этого делать отчасти потому, что не верит в возможность соглашения, а отчасти потому, что боится опять возбудить подозрение в разных кругах («в том числе и с вашей стороны», — прибабил Иден). Вместе с тем Иден понимает, что тянуть долго нельзя и что если даже ставить вопрос об отсрочке, то речь может идти лишь о нескольких днях.

3. В Лондон на несколько дней приехал дель Вайо, официально — использовать отдых, фактически — для контакта с лейбористско-либеральными кругами. Он видел здесь уже довольно много народу, и мне кажется, что приезд дель Вайо будет иметь известный положительный эффект.

4. Подробный отчет о заседании послан ТАСС сегодня вечером. Проследите, чтобы он не залежался в московском ТАСС.

Полпред

Печат. по арх.

237. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

10 июля 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

[1]. Последнее время имели место усиленные нападки правых элементов на правительство Каяндера. У правых возникла надежда, что противоречия между эсдеками и аграриями окажутся непреодолимыми. Однако прошедший съезд аграрной партии показал, что эта партия довольно создавшимся положением и пока не думает рвать с эсдеками. Аграрная пресса, лично Каяндер и Таннер заявили, что сотрудничество в правительстве продолжается и надежды правых на уход правительства тщетны. Все это показывает, что подготовка нового бюджета проходит успешно и согласованно. Имеющиеся между аграриями и эсдеками трения от случая к случаю улаживаются.

Холсти меня заверял, что правительство крепко и неизменно пользуется поддержкой трех четвертей сейма *. Он сам уже не рассматривает свое пребывание на посту министра кратковременным и думает окончательно перебраться из Женевы в Гельсингфорс.

2. Холсти меня заверял, что внешняя политика правительства остается неизменной. Данное в Стокгольме интервью премьера Каяндера это как будто подтверждает. Пока нет

* См. док. № 229.

особенно тревожных признаков, показывающих изменение внешней политики правительства. Можно отметить особое усиление здесь германской работы и некоторые признаки налаживания отношений с Германией. В Финляндию вновь приезжают делегации германских инвалидов, учителей, учеников. Высшее командование шюцкора — генералы Мальмберг и Мартола были приглашены на германский спортивный праздник. Ближайшее время покажет, насколько правительство поддастся нажиму правых в этом отношении. Сейчас еще слишком мало данных, чтобы об этом судить.

3. Из финляндских газет в последнее время позволили себе резкие выпады против нас «Хельсингин саномат», которой «Известия» дали хороший ответ*, и лапуасская «Аян суунта». По поводу выпадов последней я говорил с Холсти, который обещал, что правительственная пресса даст лапуасцам отповедь.

4. Предстоящий приезд наших журналистов** даст возможность выяснить отношение к нам прессы. Журналистам готовят хороший прием, не отличающийся от обычно здесь принятых.

5. Мне кажется, что по вопросу о расширении доступных финнам границ рыболовства на Финском заливе надо дать финнам прямой отказ, дабы они впредь не питали надежд и не могли использовать этого вопроса в агитационных целях.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

238. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехо- словакии С. С. Александровскому

11 июля 1937 г.

Уважаемый Сергей Сергеевич,

Мне представляется заслуживающей серьезного внимания Ваша информация об активизации работы английской дипломатии в пользу Германии и против СССР***. К фактам, иллюстрирующим эту работу, я отношу, между прочим, те данные, которые сообщил Вам Крофта. Во всяком случае, воздействие, оказываемое на Прагу английским посланником, убеждающим чехословацкое правительство в необходимости пойти на уступки требованиям Генлейна, дабы примирить с собою Германию, приходится признать достаточно показательным. К той же категории относятся и даваемые Англией советы Белграду

* См. газ. «Известия», 24 июня 1937 г.

** См. док. № 254.

*** См. док. № 222.

заклучить с Германией пакт по типу итало-югославского соглашения. Одновременное старание английской дипломатии пропагандировать идею нейтралитета среди государств, расположенных в ближайшем соседстве с нашими северо-западными, западными и юго-западными границами, с явной целью создать в этой части Европы изолирующий СССР санитарный пояс свидетельствует о стабильности антисоветского существа английской внешней политики*. В этом плане Мунтерс, Сандлер, Плимут и Бек являются проводниками лондонских установок, менее всего соответствующих нашим концепциям неделимости мира, коллективной безопасности и обязательств, вытекающих для членов Лиги наций из таких статей ее Устава, как 11-я или 16-я. Антисоветская тенденция сказывается и в некоторых попытках английской дипломатии дискредитировать франко-советский и чешско-советский пакты, алармистски используя события внутренней жизни СССР как доказательство слабости нашего режима. Мы уже обратили внимание г. Майского на необходимость внимательно следить за вышеуказанной деятельностью английской дипломатии**. С Вашего чехословацкого участка мы ожидаем дальнейшей информации по тому же вопросу.

С товарищеским приветом

Потемкин

Печат. по арх.

239. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 июля 1937 г.

В беседе со мной новый чешский посланник Веверка, коснувшись чешско-немецких отношений, сообщил со слов Бенеша:

1. Англичане продолжают сильно давить на Прагу*** в направлении урегулирования чешско-немецких отношений, «чтобы уменьшить поводы для античешских выступлений Германии».

2. В представлении президента Бенеша, «который принужден считаться с давлением англичан», урегулирование отношений не связано обязательно с каким-нибудь новым чешско-немецким пактом. Бенеш считал бы необходимым ограничить это «урегулирование» совместной чешско-немецкой декларацией о новой интерпретации расширительного порядка существующего чешско-немецкого договора об арбитраже.

* См. док. № 183, 239.

** См. док. № 230.

*** См. также док. № 149, 222, 238.

3. Ведшиеся чешско-немецкие переговоры через посредство Траутмансдорфа* окончательно взорваны австрийским министром иностранных дел, который обратил внимание Нейрата на эти переговоры и на личность Траутмансдорфа.

4. При всех условиях чехи не склонны платить за урегулирование своих отношений с Германией ни независимостью своей внешней политики (советско-чешский или франко-чешский пакт), ни поступиться частью своего суверенитета (вопрос о судетских немцах).

Островский

Печат. по арх.

240. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Китае с Председателем Законодательного юаня Китая Сунь Фо**

Шанхай, 13 июля 1937 г.

Сунь Фо через нового уполномоченного МИД в Шанхае Юй Минна попросил заехать к нему в клуб для разговора. Сунь показал мне личное письмо к нему от Ван Чун-хоя, в котором последний просил его повидаться со мной и передать мне текст телеграммы, отправленной вчера МИД китайским послом в Лондоне, Парнже и Вашингтоне (английский текст телеграммы при сем прилагается***). Сунь Фо добавил, что, по сведениям МИД, китайского посла Цзян Тин-фу в настоящее время нет в Москве и поэтому он просит меня довести до сведения Советского правительства вышеупомянутую телеграмму¹⁴³.

При обмене мнениями о создавшемся положении на Севере**** Сунь Фо сказал мне, что китайское правительство считает положение очень серьезным и опасается, что произойдет большое военное столкновение. Он выехал из Кудина***** 9-го сего месяца, когда конфликт только что начался. Он разговаривал о конфликте с Чан Кай-ши, и последний высказал тогда твердую уверенность, что конфликт имеет только местное значение и вскоре будет ликвидирован. Однако, сказал Сунь Фо, последние события показали, что конфликт принимает все большие и большие размеры и может повести к большим осложнениям. Он сам лично думает, что конфликт может разрастись в открытую войну между Китаем и Японией. Китайское правительство решило не уступать больше китайской тер-

* См. док. № 62, 65, 143, 149.

** Из дневника Д. В. Богомолова за период с 18 июня по 14 июля 1937 г.

*** Не публикуется; см. док. № 245.

**** См. газ. «Известия», 9, 12, 14 июля 1937 г.

***** Гуйлинь.

ритории и отправило уже свои войска к границам Хэбэя, а также в Баодин. Сунь Фо спросил меня: «Как Вы думаете, какое следствие японо-китайская война окажет на положение на советско-маньчжурской границе?» Я ответил: «В настоящий момент мне трудно сказать Вам что-либо по этому вопросу».

Вопрос Сунь Фо можно было понять двояко: 1) поможет ли СССР Китаю в случае, если разгорится большая японо-китайская война; или 2) не начнет ли Япония одновременно войну против СССР. Конечно, я считал более вероятной первую интерпретацию, но так как вопрос был сделан в неопределенной форме, то я также предпочел ответить в неопределенной и необязательной форме.

При дальнейшем обмене мнениями я высказал предположение, что англо-японские переговоры в Лондоне* в известной степени развязали японцам руки на севере Китая. Сунь Фо с этим согласился.

В разговоре о советско-китайских отношениях Сунь Фо сказал, что Чан Кай-ши преследует слишком осторожную политику в отношениях с СССР и что он сам и Фэн Юй-сян** хотели бы активизировать советско-китайское сближение. Он тут же заметил, что нынешний министр иностранных дел Ван Чун-хой, конечно, ничего не сделает без Чан Кай-ши. Я заметил, что если кого и можно обвинять в пассивности в деле развития советско-китайских отношений, то это только китайскую сторону.

Сунь Фо спросил меня, разговаривал ли я с Ван Чун-хоем по поднятым мною ранее вопросам***. Я ответил, что после нашего обеда у Фэн Юй-сяна у меня больше не было разговора с Ван Чун-хоем, несмотря на то, что он тогда сказал мне, что даст ответ на все поставленные мною вопросы в «скором времени»¹⁴⁴. Я добавил, что нам трудно верить, что китайское правительство действительно стремится к установлению тесной дружбы с СССР, когда китайская цензура принимает все меры к тому, чтобы китайское общественное мнение не знало того, что происходит в СССР и чем живет советский народ.

Сунь Фо предполагал ехать на Юг, но в связи с конфликтом на Севере останется, вероятно, в Шанхае.

Д. Богомолов

Печат. по арх.

* См. док. № 193.

** Заместитель председателя военного совета Китая.

*** См. док. № 101, 141.

241. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Министром внутренних дел Румынии Инкулецем

14 июля 1937 г.

13-го вечером я поехал в Констанцу на сутки, чтобы повидать людей, отдыхающих у моря. 14-го я встретил Инкулеца, который там лечился. После того как он мне показал нововыстроенное лечебное учреждение бальнеофизioterалии, в котором он проходил курс лечения, и [мы] вышли на воздух, Инкулец полуспросил меня с озабоченным видом: «Что, недовольны вы варшавской поездкой? — и сам же ответил. — Совершенно неожиданно для кого-либо из нас, здесь оставшихся, эта поездка получила характер антисоветской демонстрации» *.

Я сказал Инкулецу, что эта поездка, по нашему впечатлению, завершила круг возвращения Румынии в лоно польской политики, которая никогда не была просоветской, но которая в течение последних трех лет превратилась в инструмент гитлеровской политики в Европе. По нашему впечатлению, сказал я Инкулецу, и это вопреки заявлению короля польскому журналисту от 9 июля о вновь обретенной независимости румынской внешней политики, никогда за время моего пребывания здесь румынская внешняя политика не находилась в такой зависимости от политики какой-нибудь иностранной державы, как сейчас, когда эта политика целиком и полностью подчинена велениям Бека.

В подтверждение своих слов я обратил внимание Инкулеца на то, что Бек открыто трактует Румынию как страну, интересы которой Польша призвана охранять. Напомнил ему, что попытка такая впервые была сделана Арцишевским в октябре 1934 г., когда он пытался дать урок патриотизма румынской прессе в румынском министру иностранных дел Титулеску. Титулеску его поставил на место, несмотря на отсутствие поддержки правительства **. После ухода Титулеску климат здесь изменился настолько и этот изменившийся климат подействовал на поляков таким образом, что Бек считает возможным, не опасаясь никакой реакции со стороны румынских государственных деятелей, трактовать их в интервью польской газете как *quantité négligeable* *** и позволяет себе при этом похлопывать фамиллярно по плечу короля, называя его единственным партнером в польско-румынском союзе. И это без всякой реакции со стороны как румынских государственных деятелей, так и румынской прессы. Мало того, поляки здесь себя чувствуют настолько распоясавшимися в отношении к румынам, что, по словам Ковалевского, главным результатом

* См. также док. № 216, 234.

** См. газ. «Известия». 3 октября 1934 г.

*** — нечто не стоящее внимания (фр.).

поездки было укрепление «группы полковников», увеличившейся на одного человека — румынского короля, полковника польской армии.

К этому прибавить надо изменение ранга дипломатических представительств — факт, обозначающий, что Румыния свои отношения с Польшей ставит во главу угла своей внешней политики, считая их первостепеннее своих отношений со странами Малой Антанты и Франции, и долженствующий показать всему миру абсолютную солидарность румыно-польской политики. Если к этому добавить, что весь визит проходил под знаком демонстрации военной мощи и что в речи своей в 57-м полку король «полностью солидаризировался с идеалами этого полка», то впечатление наше об абсолютном подчинении всей румынской политике политике Бека получает свое полное подтверждение как в поведении поляков, так и в поведении румын. Это впечатление подтверждается также фактом срочного приезда сюда начальника польского генштаба в сопровождении своего заместителя и десяти офицеров генштаба.

Что все это имеет антисоветский характер и что румыны не считают необходимым это скрывать, кроме всего вышесказанного видно также из того, что вся пресса, включая «Диминяцу» и исключая «Универсул» и два-три демократических издания, откровенно на сей раз писала, что поездка в Варшаву имела целью укрепить союз, который имеет строго очерченные задачи — восточные границы. Во время предыдущих поездок говорилось только об оборонительном союзе вообще, в чем меня неоднократно убеждал Антонеску, а Чиунту — Литвинова *. Что румыны заинтересованы сами в укреплении впечатления в Союзе о ярко выраженном характере антисоветского направления своей внешней политики, видно из того, что появившееся дней десять назад в большей части румынской прессы сообщение о предстоящем посещении Констанции японской эскадрой до сих пор не опровергнуто.

Инкулец спокойно выслушал и заявил, что во всем виноват Антонеску, который, будучи вместе с королем в Варшаве, не принял никаких мер, чтобы избежать такого рода демонстраций; что вопрос о посольствах выскочил внезапно в самой Варшаве и что Антонеску не мог или не хотел этого предупредить; а что касается оборота, который приняла церемония в полку, то он был совершенным сюрпризом для Татареску и для него, Инкульца; что телефонными звонками Татареску удержал Антонеску от ряда других шагов (о натуре этих шагов Инкулец ничего не сказал. — М. О.); что, узнав обо всем, что происходило в Варшаве, и он, и Татареску спросили себя: «Cui prodest» **. Это он сопровождал отборной бранью по адресу Антонеску. Я заявил Инкульцу, что ссылка на Антонеску

* См. док. № 53, 55, 131, 133, 175.

** — кому выгодно (лат.).

не выдерживает критики и что правительство не может ссылкой на Антонеску снять с себя ответственность за нынешний курс внешней политики. Я показал Инкулецу, что варшавская поездка есть только последнее звено в антисоветской цепи румынской внешней политики, начавшейся с августа 1936 г. * и проявляющейся с поездки Антонеску в Варшаву⁵⁴, а никак не изолированный акт. Напомнил ему и декларации Антонеску и в Варшаве, и Кракове, и Женеве, и изгнание Шейбы⁵⁵, и близкую интимность с Югославией, и попытки договориться с Италией, не удавшиеся не по вине Румынии, и т. д.

Я сказал Инкулецу, что, по нашим впечатлениям, румынское правительство поставило своей задачей купить польскую, а через нее немецкую и итальянскую дружбу, заплатив за это ухудшенном отношении с Союзом, будучи уверенным, что это мероприятие пройдет совершенно безнаказанно. Я закончил тем, что было бы наивно со стороны румын думать, что мы можем еще долго молчаливо присутствовать при демонстрациях, подобных польско-румынским визитам.

Инкулец все же настаивал на том, что вина лежит исключительно на Антонеску; что Антонеску вина в том, что прерваны были переговоры, начатые в апреле между мной и Татареску; и что правительство тут ни при чем. Он сказал, что благодаря Антонеску все позиции, завоеванные при Титулеску, и престиж Румынии резко пали, и поставил мне вопрос: верю ли я в то, что Румыния и либералы действительно хотят вести антисоветскую политику и что вместе с Польшей готовят антисоветскую агрессию?

Я сказал Инкулецу, что не имеет никакого значения, во что я верю, а важно то, что я вижу. До тех пор, пока я вижу то, что я вижу, я обязан делать тот вывод, что Румыния твердо стала на рельсы польской, а следовательно, и антисоветской политики, во-первых, и что она по каким-то соображениям заинтересована в том, чтобы эту свою антисоветскую линию продемонстрировать, во-вторых.

Тогда Инкулец заявил, что вместо того, чтобы копаться в грехах прошлого, надо искать пути исправить создавшееся положение, которое вредит румынским интересам, которые в свою очередь повелительно диктуют любому румынскому правительству отличные отношения с Россией. Совершенно очевидно, говорит Инкулец, что Румыния должна первая сделать публичный жест, который рассеял бы впечатление, создавшееся в результате польских визитов. «Выпрямление создавшихся к настоящему моменту отношений лежит на нас обоих», — говорит Инкулец. Он предложил в целях отыскания мер встретиться вместе с Татареску, для чего на воскресенье поехать к предсозвмину в имение.

* См. т. XIX, док. № 273, 279.

Я согласился с Инкулецем в том, что задача каждого посланника, и моя в том числе, заключается в том, чтобы содействовать улучшению отношений между своей страной и страной его пребывания. Я согласился также с идеей Инкулеца, что необходим какой-нибудь акт, который бы способствовал рассеянию создавшегося не только у нас мнения о путях румынской внешней политики: я, однако, не могу принять участия в предварительном обсуждении выбора такого акта, опасаясь, что мое присутствие может стеснить свободу обсуждения, его и Татареску.

Инкулец с этим согласился и «твердо» обещал позвонить мне после первой своей беседы с председателем совета министров¹⁴⁵.

Я принял это к сведению и полусуто спросил его, хватит ли времени у Татареску, чтобы, выбрав тот акт, который нужно ему сделать для успокоения Союза, также и на то, чтобы этот акт привести в исполнение.

Инкулец серьезно сказал, что такая возможность не исключена. В этом случае все старые (Ангелеску, министр просвещения, Костинеску, министр здравоохранения, Антонеску, Сассу, министр земледелия) будут из кабинета выкинуты и заменены молодыми. В частности, иностранные дела получит либо он, Инкулец, либо Татареску, если только тот вновь не будет премьером. Эта возможность не исключена и сделается вероятной и возможной, «если образование кабинета не будет поручено Михалаке * или национал-царанистам». Если либералам поручили бы составление кабинета, то он предпочел бы иностранным делам министерство земледелия. «К сожалению,— говорит Инкулец,— я в своем выборе не свободен». Говоря о своей предрасположенности к руководству сельским хозяйством, Инкулец напомнил и повторил просьбу румынского правительства об уступке Румынии трех каракулевых баранов-производителей.

15-го мы вместе с Инкулецем и сопровождавшим меня корреспондентом ТАСС г. Бодровым выехали в Бухарест.

М. Островский

Печат. по арх.

242. Запись бесед Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Посланником Великобритании в Финляндии Сноу

14 и 16 июля 1937 г.

14-го ко мне пришел британский посланник Сноу. Передав паспорт англичанина, собирающегося ехать в Союз, он рассказал о своей поездке на крайний север Финляндии, которая,

* Председатель национал-царанистской партии.

как видно, у него оставила большое впечатление. Сноу убедился там, сколь большую работу ведут в Финляндия немцы. В Печенге он встретил двух немцев из Хельсинки — фон Приусинга и Шписа, которые там приготавливали приобретение трети акций в Печенгском рыболовецком обществе (эти лица иам известны как германские агенты и шпионы, через которых ведется большая германская работа). Сноу, думая, что я не слышал об этих лицах, рассказал, что Приусинг — бывший русский офицер, сейчас представитель германского пароходства, поддерживающего сообщения Штеттин — Хельсинки, Шпис — инженер, работает в технической конторе. Оба лица старались проникнуть на предприятия канадской концессии «Петсамоникель». Директор, канадский финн, их не пускал. Шпис орудовал под маркой ученого-энтомолога. Сноу знает, что немцы давно добраются до морских дел на Печенге, но финны их до сих пор не пускали. Теперь будто бы есть угроза, что они смогут получить участие в обществе.

Сноу узнал, что ген. Валлениус (известный лапуасский деятель, уволенный из армии) уже не состоит директором упомянутой компании на Печенге.

Сноу спросил, не знаю ли я, что случилось с Холсти, который за последнее время стал замкнутым и недоступным; [Сноу] отметил охлаждение советско-финских отношений. Ввиду того что ко мне пришел с визитом греческий посланник, мы условились продолжить разговор 16-го за завтраком.

16-го Сноу продолжал делать вид, что озабочен обстановкой и рассказывает мне секреты. Рассказал о своем разговоре с Маннергеймом. Он удивился, что Маннергейм при нем восторгался германскими достижениями в области техники и военной. Впечатление, что Маннергейм после поездок в Лондон и Индию не стал таким англофилом, как ожидали. Говоря со Сноу об ориентации Финляндии, Маннергейм прямо заявил: «Чего же Вы хотите, нам надо выбирать между большевиками и Германией, кто же лучше». Сноу будто бы ответил, что он бы предпочел статус-кво. На это Маннергейм дал понять, что Сноу не знает обстановки.

Теперь Сноу собирает информацию о Маннергейме и его настроениях. Я рассказал ему кое-что мало лестное для Маннергейма и передал отдельные рассказы о нем финнов.

По поводу немцев на Печенге Сноу по моему совету говорил с Каяндером, которому заявил, что это дело интересует Англию. Аналогичные заявления он сделает и другим политическим деятелям. На большее он пойти не может.

Сноу отмечает усиливающуюся работу Германии в Финляндии, но полагает, что финны теперь ангажироваться перед Германией не хотят. Его убеждение, что, несмотря на наличие у немцев крепких позиций, их работа пропадает зря. Финны за них в огонь не пойдут. Бывший здесь лорд Плимут не толь-

ко не вынес впечатление, что здесь немцы крепки, но, наоборот, заявили, что полагают: не слишком ли здесь настроены антигермански.

Британский воздушный атташе в Хельсинки Вест специально ездил на Аландские острова смотреть новый аэродром. Уверяет, что челуха, размером с носовой платок, военным целям служить не может.

С товарищеским приветом

Асмус

Печат. по арх.

243. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому *

*Вне всякой очереди
15 июля 1937 г.*

На Вашу телеграмму от 14 июля¹⁴⁶. Заявите, что не можем ни в коем случае голосовать за признание за Франко права воюющей стороны. При заключении соглашения о невмешательстве** законным правительством признавалось лишь мадридское, а другая сторона — мятежниками. Признание каких бы то ни было прав за мятежниками было бы равносильно вмешательству, притом на стороне мятежников, что находится в полном противоречии с духом соглашения о невмешательстве. Остальные Ваши предложения приемлемы, за исключением п. 5, противоречащего нашей установке о непризнании за Франко права воюющей стороны ни при каких условиях***.

Литвинов

Печат. по арх.

244. Запись бесед Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Турции Арасом

15—17 июля 1937 г.

Свой первый разговор со мною Арас начал с извещения об ответе Югославии на нашу просьбу, переданную через Турцию, касательно ссудной кассы¹⁴⁷. Ответ, весьма неудовлетворительный, изложен в письме Югославии на имя Турции.

Арас счел нужным упомянуть о заключенном в Тегеране Ближневосточном пакте, сообщив, что председателю совета

* Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР во Францию, см. док. № 247.

** См. т. XIX, док. № 249.

*** См. док. № 261.

новой Антанты, персидскому министру, будто бы было поручено обратиться ко мне по поводу пакта с особой телеграммой *. На мое замечание, что я такой телеграммы не получил, Арас ответил, что она, вероятно, еще в пути (до сегодняшнего дня — 2 августа — телеграмма так и не поступила).

Вспомнив наши разговоры в Женеве касательно широкого пакта о взаимной помощи **, по поводу которого Арас взялся выяснить позиции Югославии и Румынии, Арас сообщил, что первая обещала поговорить с ним на эту тему при следующей встрече, а Румыния хочет выяснить позицию Польши. Я напомнил Арасу, что в Женеве на мой прямой вопрос, примкнет ли Румыния к пакту без Польши, Антонеску мне ответил, что она пойдет вместе с Малой и Балканской Антантами, даже без Польши. Арас развел руками, желая этим сказать: Вы, мол, знаете Антонеску.

Говорили мы затем о разных пустяках, и, прощаясь при первой встрече, Арас сказал, что рассчитывает еще со мною поговорить об общем международном положении. К такому разговору мы, однако, в дальнейшем не возвращались, да я и не искал его, не придавая особой цены подобным разговорам с Арасом. Когда за час до отъезда турецких министров я согласовывал с ними коммюнике для печати ***, Арас пытался удалить из проекта указание на появившиеся за последнее время в международной жизни агрессивные тенденции. Он не скрывал своих опасений как-нибудь задеть Германию и в особенности Италию. Мне пришлось ему сказать, что предстоящим визитом турецкой эскадры в Италию будет заглажено мнимое оскорбление Италии. Любопытно, однако, что Арас пытался по существу отрицать факт появления за последние годы агрессивных тенденций, мотивируя тем, что агрессия, мол, существует со времени мирных договоров. Арас не постеснялся открыто в первый раз вступить на путь защиты ревизионизма и развешать взгляды, которые Гитлер и Геббельс охотно сделали бы своими.

М. Литвинов

Печат. по арх.

245. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Китае, Великобритании, Франции и США

16 июля 1937 г.

Сегодня китайский посол вручил мне по инструкции китайского правительства письменное сообщение о событиях под Пекином ****. Там говорится, что внезапное нападение на Лу-

* См. док. № 223.

** См. док. № 174.

*** См. док. № 251.

**** См. также док. № 240 и газ. «Известия», 17 июля 1937 г.

гоуцяо и вторжение в Северный Китай крупных японских сил составляет явное нарушение суверенитета Китая и противоречит духу и букве соглашения девяти держав *, пактам Келлога и Лиги наций. Кончается сообщение следующей фразой: «В то время как Китай обязан употребить все имеющиеся в его распоряжении средства для защиты его территории, национальной чести и существования, он готов разрешить свои споры с Японией мирными средствами, известными международному праву». По словам посла, аналогичное сообщение послано девяти участникам Вашингтонского договора. Далее посол сообщил мне о якобы сделанном вчера в Токио идентичном демарше послов Англии, Америки и Франции и спросил меня, готово ли Советское правительство, ввиду коллективного характера акции, также сделать демарш в Токио. Я ответил, что, поскольку три державы нас не извещали о своем демарше и нам неизвестно даже содержание идентичных заявлений, наше выступление было бы не частью коллективного действия, а самостоятельным, как бы в подражание другим державам, на что Советское правительство вряд ли может согласиться.

Литвинов

Печат. по арх.

246. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая

*Немедленно
16 июля 1937 г.*

Сунь Фо снова просил меня заехать к нему. Он только что говорил по телефону с Ван Чун-хоем, который просил его переговорить со мной. Сунь Фо спросил меня, получил ли я какой-нибудь ответ из Москвы на мою телеграмму о демарше китайского правительства **. Я ответил отрицательно и добавил, что я и не ждал никаких прямых инструкций от моего правительства, так как официальное представление было сделано только в Вашингтоне, Париже и Лондоне. Что касается нас, то я понимаю, что китайское правительство довело через меня до сведения Советского правительства о демарше, сделанном перед английским, американским и французским правительствами. Сунь Фо, не реагируя на мое замечание, сказал, что второй вопрос, по которому он хотел говорить со мной, — это дать ответ китайского правительства о согласии начать переговоры с нами о стабилизации мира на Дальнем Востоке. Я ответил,

* См. т. IV, прим. 38.

** См. док. № 240, 245.

что мне его заявление непонятно. Я напомнил, что мы говорили о трех конкретных вопросах*:

- 1) выступление китайского правительства с предложением Тихоокеанского регионального пакта;
- 2) пакт о ненападении между СССР и Китаем;
- 3) как следствие первого и после второго, переговоры о двустороннем пакте.

Я просил его ответить точно, на какое из этих предложений он дает положительный ответ.

Сунь Фо, повторяя нашу прежнюю дискуссию с Ван Чун-хоем¹⁴⁴, пустился в длительное объяснение, почему китайское правительство не может взять на себя инициативу Тихоокеанского пакта — Япония все равно не согласится, а если и согласится, то потребует признания Маньчжоу-Го, и т. д., и наконец сказал, что имеет сейчас в виду двусторонний пакт взаимной помощи между СССР и Китаем. Я ответил, что этот вопрос мы уже обсуждали подробно, и повторил нашу точку зрения. Сунь Фо резюмировал для себя мою формулировку и сказал, что он ее понимает и передаст Вану. Он сказал, что ввиду изменившейся обстановки на Севере просит передать предложение китайского правительства моему правительству. Я ответил, что, конечно, проинформирую мое правительство по телеграфу о разговоре с ним, но что его предложение не включает в себе ничего нового и что изложенная мною точка зрения является точкой зрения моего правительства¹⁴⁸.

Я спросил Сунь Фо, что нового на Севере и соответствует ли действительности сообщение, что Хэбэй-Чахарский политический совет подписал 11 июля предварительное соглашение с японцами. Сунь Фо ответил, что, по сведениям Нанкина, никакого соглашения подписано не было. Он, правда, согласился, что, может быть, мэр Тяньцзиня дал на это устное обещание. Китайское правительство, по словам Сунь Фо, принимает все меры к обороне страны, и часть войск центрального правительства уже находится в Баодине. По сообщению Сун Чжэюаня**, в настоящее время к югу от Великой стены находится 15 тыс. японских войск и ожидается переброска двух дивизий из самой Японии. По расчетам Сун Чжэюаня, Япония не сможет послать на Север Китая более 50 тысяч, с которыми, по его мнению, 29-я армия сможет справиться.

Сунь Фо сказал мне, что он спросил Ван Чун-хоя, считает ли он желательным мой приезд в Нанкин. Ван ему ответил, что лучше немного обождать. Я сказал Сунь Фо, что я вообще предполагал поехать в Нанкин на будущей неделе.

Китайское правительство, по-видимому, потеряло голову и мечется из стороны в сторону, не зная, что делать¹⁴⁹. По сведе-

* См. док. № 93, 101, 141, 240.

** Председатель Хэбэй-Чахарского политического совета и командующий 29-й армией.

ниям из разных источников, китайское правительство послало уже свои войска в Хэбэй (так, например, 1-я и 2-я дивизии Чан Кай-ши переброшены на участок Чжэндин-Шицзячжуан, южнее Баодина). Однако я полагаю, что Чан Кай-ши примет все меры к тому, чтобы договориться с японцами, даже если это будет связано с некоторой потерей лица. У Сун Чжэ-юаня также нет никакой охоты драться с японцами. Посылка китайским правительством войск в Хэбэй имеет большой демонстративный характер и для укрепления позиций в переговорах в Тяньцзине, которые начинаются сегодня *. Исход переговоров упирается в позицию японцев. Если японцы решили на этот раз ограничиться только получением экономических концессий, включая Шицзячжуанскую ж. д., и улучшением своих стратегических позиций, то они безусловно достигнут своей цели, и китайское правительство пойдет на такое соглашение или, вероятнее, предоставит его заключить Сун Чжэ-юаню. Если японцы решили уже сейчас создать фактически автономное образование из Хэбэя и Чахара по примеру иньжугэновского, что не исключено в связи с переброской большого количества японских войск, то Чан Кай-ши, несмотря на все его нежелание, придется пойти на сопротивление.

Богомолов

Печат. по арх.

247. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Францию Я. З. Сурница в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
16 июля 1937 г.*

Сообщаю о беседе с Дельбосом **. Он «не восхищен» английским проектом и сожалеет, что Иден включил в свой проект вопрос о признании Франко, но приходится считаться с фактом. Предлагаемый Англией компромисс должен быть обсужден во всей совокупности, и английское правительство никогда не согласится на его расщепление. Перед французским правительством поэтому стояла дилемма: либо принять весь проект в целом как основу, либо его отвергнуть, взяв на себя одну срыва. После тщательного обсуждения французское правительство пришло к следующему решению: заявить, что французское правительство принимает первые два раздела проекта, касающиеся контроля и увода волонтеров (с сохранением, однако, права последующего внесения ряда существенных поправок). После проведения в жизнь контроля и увода волонтеров, точнее, «после констатирования Лондонским ко-

* См. также док. № 250.

** См. док. № 243.

митетом эффективного проведения в жизнь этого положения» французское правительство готово приступить к обсуждению вопроса о признании за Франко права воюющей стороны, но и в этом случае французское правительство внесет ряд поправок к английскому проекту, «ограничивающих Франко в его правах и возможности объявлять блокаду и обеспечивающих строгое соблюдение нейтралитета и невмешательства со стороны Италии и Германии».

Полпред

Печат. по арх.

248. Сообщение советской печати о подписании Конвенции о порядке рассмотрения и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов между СССР и Турцией

16 июля 1937 г.

15 июля в НКВД состоялось подписание конвенции о порядке рассмотрения и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов между Союзом ССР и Турецкой Республикой *.

Со стороны СССР конвенцию подписал заместитель народного комиссара иностранных дел г. Б. С. Стомоняков, со стороны Турецкой Республики — чрезвычайный и полномочный посол Турции в Москве г. Зекия Апайдын.

(ТАСС)

*Печат. по газ. «Известия»
№ 155 (5327), 16 июля 1937 г.*

249. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР и Народный Комиссариат Обороны СССР

*Вне очереди
17 июля 1937 г.*

Морской договор ** подписан сегодня в 11 час. 20 мин. утра. Со стороны англичан подписали Иден и Дафф Купер. На 20 минут раньше был подписан англо-германский договор ***. Полный текст договора будет опубликован в английской печати 20 июля, а завтра появится лишь сообщение о подписании и изложении сути договоров. Если вы решите опубликовать договор полностью, то надо это сделать не раньше 20 июля.

Майский

Печат. по арх.

* См. «Сборник действующих договоров...», вып. X. М., 1955, стр. 32--55.
** См. «Ведомости...», № 6, 5 июня 1938 г., а также док. № 60, 69.
*** См. газ. «Известия», 18 июля 1937 г.

250. Письмо Полномочного Представителя СССР в Китае Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову, из Шанхая

17 июля 1937 г.

Уважаемый Борис Спиридонович,

В разгар событий на Севере чрезвычайно трудно сделать определенные выводы. Однако я постараюсь в этом письме дать хотя бы предварительный и неполный ответ на следующие вопросы: 1) чем вызван новый акт японской агрессии на Севере; 2) политика китайского правительства в данный момент; 3) возможный исход событий.

Я полагаю, что основной причиной усиления японской агрессии в Китае является безусловно англо-японское соглашение. Как Вы пишете в Вашем письме от 8-го прошлого месяца *, японские предложения в Лондоне сводились в основном к признанию «особых прав» Японии на Севере Китая. По моему мнению, признание этих особых прав сводилось ни больше ни меньше как к предоставлению Японии карт-бланш, по крайней мере в Хэбэе и Чахаре. С другой стороны, назначение Хирога министром иностранных дел Японии обозначало также не что иное, как возвращение японского правительства к политике трех пунктов Хирога **, по меньшей мере в северных провинциях.

В настоящий момент мы видим, что осуществление японских планов по созданию нового «автономного» образования на Севере уже началось. По японским сведениям, тяньцзиньский мэр Чжан Цзы-чжун уже согласился на выполнение программы из четырех пунктов, одним из которых является пресловутая «совместная борьба с коммунизмом» в северных провинциях. Всякий знает, что этот пункт равносильен признанию права за Японией размещать свои войска в любом пункте Хэбэя и Чахара. Китайцы официально опровергли это сообщение, но Сунь Фо в разговоре со мной признал, что Чжан Цзы-чжун, возможно, принял устно вышеназванную программу ***.

Для меня ясно одно, что мы являемся свидетелями нового акта японской агрессии на Севере и что следствием этого акта будет, наверное, превращение Хэбэй-Чахарского политсовета в нечто подобное ниньжугэновскому режиму. Сун Чжэ-юаню нет другого пути, как превратиться в японского ставленника.

Политика нанкинского правительства остается по-прежнему политикой маневрирования. Несмотря на то что Чан Кай-ши действительно провел большую работу по увеличению обороноспособности страны (притом против Японии), все его действия говорят за то, что в настоящий момент он не примет

* См. док. № 193.

** См. также т. XVIII, док. № 441.

*** См. док. № 246.

вызова. Основной довод в пользу правильности такого заключения лежит в его внутренней политике.

Каждому ребенку ясно, что Китай может успешно сопротивляться Японии только в том случае, если война против Японии будет для Китая действительно народной войной, если китайскому правительству удастся поднять в стране волну патриотизма и обеспечить себе поддержку всех политических партий и всех слоев населения. Однако то, что мы видим, говорит об обратном. Лидеры Ассоциации народного спасения сидят по-прежнему в тюрьме. Имеются сведения, что в ближайшее время они все-таки будут выпущены, так как, вопреки, при росте японской агрессии, при той большой кампании за «поход в тюрьму», которая проведена вдовой Сунь Ят-сена, это начинает становиться скандалом, бьющим по престижу правительства, а во-вторых, так как правительство намеревается ввести это движение в русло, руководимое его же ставленниками. Но все это произойдет только завтра, когда отрыв Хэбэя и Чахара станет фактом. Пока же антияпонское движение если и с меньшей энергией, чем раньше, но все же продолжает подавляться.

Китайское правительство перебросило несколько дивизий в Баодин, и конечно, если японцы попытаются продвинуться дальше на юг, его войска окажут сопротивление. Но так как японцы в настоящий момент, по-видимому, ограничатся захватом Хэбэя и Чахара, оставляя Баодин за Нанкином, то ничего, кроме небольших столкновений между японскими войсками и отступающей 37-й дивизией, оставшейся верной Нанкину, не произойдет.

Ставка на японо-советскую войну остается у Чан Кай-ши по-прежнему идеей фикс. В недавнем разговоре с т. Лепным * он опять высказал мнение, что с японской точки зрения основной проблемой является не китайская, а советская проблема. Этим объясняется пассивность Чан Кай-ши в переговорах с нами **, и в этом заключается основная ошибка его внешней политики, так как, каковы бы ни были теоретические установки японских политиков, при принятии реальных решений они должны руководствоваться практическими соображениями: они не могут не учитывать роста мощи нашей Красной Армии, с одной стороны, и, с другой, почти полную независимость северных провинций Китая. Так как японским милитаристам для сохранения своей власти необходимо поддержать военные настроения у себя в стране, они принуждены идти по пути внешних авантур; но авантюра против нас — это большая война, которая еще неизвестно чем кончится, тогда как

* Военный атташе при представительстве СССР в Китае.

** См. док. № 93, 101, 141, 240, 246, 253, 258.

громадные ресурсы Северного Китая могут быть захвачены сравнительно легко и без больших потерь.

Я думаю, что только после того, как откол Хэбэя и Чахара станет фактом, Чан Кай-ши пойдет окончательно и бесповоротно по пути организации сопротивления Японии или принужден будет уйти. Крупнейшие китайские финансисты, как Ду Юе-шэн, Ван Сяо-лай и Юй Ся-цин, с которыми я беседовал вчера, безусловно за организацию вооруженного сопротивления Японии, на что они готовы дать деньги.

Что касается официального разрешения конфликта, то оно, вероятно, еще затянется на некоторое время в поисках компромиссов и затем кончится созданием нового промежуточного режима (с Сун Чжэ-юанем или без него) по образу и подобию Инь Жу-гэна, с тем чтобы подготовить почву для тесного сотрудничества северных китайских провинций с Маньчжоу-Го. — задача нелегкая и требующая значительного времени.

Я полагаю, что на этот раз (и также чтобы не дразнить англичан) японцы удовлетворятся районом Хэбэя и Чахара и не полезут в другие провинции, в частности в Шаньдун, а что касается Шанхая, то они совсем оставят его в покое.

С товарищеским приветом

Д. Богомолов

Печат. по арх.

251. Сообщение советской печати о визите в СССР Министра Иностранных Дел Турции Рюшту Араса и Министра Внутренних Дел Турции Шюкрю Кая

17 июля 1937 г.

Приезд в Москву с официальным визитом двух представителей турецкого правительства — министра иностранных дел г. Рюшту Араса и министра внутренних дел и генерального секретаря Народно-республиканской партии г. Шюкрю Кая, их встречи и беседы с Председателем Совета Народных Комиссаров т. Молотовым, народным комиссаром иностранных дел т. Литвиновым * и другими членами Советского правительства дали возможность, в результате весьма дружеского и открытого обмена мнений по вопросам международной политики, сделать следующую констатацию:

1. Установленные около 16 лет тому назад между СССР и Турецкой Республикой отношения искренней дружбы, укрепленные заключенными между обоими государствами двусторонними и многосторонними договорами и соглашениями, выдержавшие испытания всех фазисов международной жизни в течение столь длительного периода времени, с несомненностью доказали свою полную ценность для интересов обеих стран.

* См. док. 244.

2. Эти же интересы требуют сохранения в полном объеме существующих отношений и на будущее время в качестве неизменного прочного элемента внешней политики обоих государств.

3. Советско-турецкая дружба оказалась весьма важным фактором всеобщего мира, интересам которого будет соответствовать сохранение и дальнейшее развитие этой дружбы.

4. Нынешнее тревожное международное положение, создаваемое проявляющимися в международной жизни агрессивными тенденциями, не может не возлагать на все миролюбивые государства особую заботу по сохранению мира и всеобщей безопасности на базе неделимости мира и коллективной безопасности.

5. Отношения дружбы и взаимного доверия между СССР и Турцией, их искренняя приверженность идее мира и вышеотмеченным принципам Лиги наций, их решимость содействовать наилучшей организации сил мира и избегать всего того, что могло бы быть поддержкой или поощрением сил агрессии, создают почву для особо плодотворного сотрудничества между ними по укреплению всех элементов потенциала мира.

(ТАСС)

*Печат. по газ. «Известия»
№ 166 (6329), 17 июля 1937 г.*

252. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Польше Б. Д. Виноградову

19 июля 1937 г.

Я считаю не вполне правильной позицию, занятую Вами в разговоре с Лубенским по вопросам консульств, контингентов и пр.¹⁵⁹ Мы не только не можем установить юнкитим между всеми пятью вопросами, названными Вам Лубенским, но также не считаем правильным установление юнкитима между вопросом о консульствах, с одной стороны, и вопросами статуса торгпредства и контингентов — с другой*. Это совершенно самостоятельные, не связанные друг с другом проблемы. Вопрос о статусе торгпредства уже обсужден и решен. Соглашение подписано. По единственному спорному вопросу о плане экстерриториального помещения мы пошли на уступки полякам, предложив вопрос этот урегулировать после вступления соглашения в действие. Таким образом, ничто не препятствует немедленному введению соглашения в действие.

Что касается контингентов, то позиция поляков по этому вопросу глубоко недоброжелательна. Мы разместили в Польше известное количество заказов. Согласно установившейся традиции

* См. док. № 129, 206.

эти заказы обычно компенсировались нам контингентами. Мы не стали ждать с размещением этих заказов, будучи твердо уверены, что контингенты получим. Сейчас поляки отказывают нам в контингентах и еще пытаются связать этот вопрос с консульствами и с транзитом.

Из изложенного явствует, что Вы должны твердо добиваться от поляков немедленного введения в действие соглашения о статусе торгпредства и немедленной выдачи контингентов против размещенных заказов.

Мы отвергаем, как уже указано выше, всякий юнктим между выдачей нам контингентов против размещенных заказов и соглашением о транзите. Однако, как мы уже неоднократно Вам указывали, мы готовы немедленно начать переговоры о соглашении о транзите на базе нашего проекта. Для этого, однако, Вам не нужно по своей инициативе идти в министерство торговли, и Вы, подтвердив наше согласие начать переговоры, должны ждать приглашения министерства. Переговоры должны вестись совместно с торгпредом. В основу переговоров, повторяю, должен лечь наш проект соглашения, текст которого направим Вам дополнительно¹⁵¹.

Давая наше согласие начать немедленно переговоры о транзите, между прочим укажите, что мы не хотели бы прибегать к тому методу, к которому прибегают поляки, связывая ультимативно друг с другом не имеющие никакой связи документы. Однако Вы, со своей стороны, можете указать полякам, что немедленное введение в действие соглашения о торгпредстве, до начала переговоров о транзите, облегчило и ускорило бы эти переговоры.

Зам. Наркома
В. Потемкин

Печат. по арх.

253. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая

*Немедленно
19 июля 1937 г.*

Ко мне зашел сегодня Чэнь Ли-фу. Он сказал, что только что приехал из Куллина и хочет поговорить со мной по поручению Чан Кай-ши. Он спросил прежде всего, не имею ли я в связи с происшедшей переменной в обстановке каких-либо новых инструкций касательно переговоров с Ван Чун-хоем*. Я ответил, что никаких новых инструкций я не имею. Я сделал лишь предложения и теперь жду на них ответа китайского правительства.

* См. док. № 93, 101, 141, 240, 246.

Чэнь Ли-фу начал длительно объяснять китайскую точку зрения, почему именно китайское правительство не может взять на себя инициативу предложения Тихоокеанского пакта (то же самое, что раньше говорил Ван Чун-хой¹⁴⁴). Я ответил, что я, наоборот, считаю сложившуюся обстановку крайне благоприятной для проявления китайским правительством инициативы в этом вопросе. Если китайское правительство находит возможным обращаться к другим государствам с напоминанием о пакте девяти держав*, то тем более ему должно быть удобно выступить с новым предложением, гораздо более радикальным, чем пакт девяти.

Чэнь Ли-фу сказал, что не хочет вмешиваться в мои переговоры с Ваном и высказывает только свое личное мнение. Он считает, что смысл Тихоокеанского пакта — отпор японской агрессии. В этом интересы Китая и СССР совпадают, так как Китай является первоначальным, а СССР — вторым объектом нападения Японии; третьи державы заинтересованы в пакте меньше, так как им будет угрожать опасность только после того, как Китай и СССР будут разбиты. Поэтому для Китая и СССР лучше сразу говорить о пакте взаимопомощи.

Я сказал, что смысл политики СССР совершенно другой. Мы строим всю нашу политику только на учете своих собственных сил. Мы вполне уверены в том, что Япония не может воевать с СССР один на один, так как уже сегодня СССР в военном отношении сильнее Японии, японцы это теперь тоже понимают и могут строить свои планы нападения на СССР только в расчете, что и на западе СССР будет вовлечен в войну. Но мы безусловно против агрессии Японии в Китае, так как это является угрозой миру на Дальнем Востоке, в котором СССР крайне заинтересован. Этим вызывается наше желание помочь Китаю и, как следствие этого, желание предложения Тихоокеанского пакта.

Чэнь Ли-фу заявляет, что он понимает политику СССР. Он понимает также, что предложенный мной порядок переговоров соответствует интересам СССР. Но он хочет сказать, что интересам Китая соответствовало бы больше, если бы мы начали с третьего пункта переговоров — о пакте взаимопомощи. Он по поручению Чан Кай-ши заявляет мне официально, что китайское правительство в любую минуту готово подписать пакт о взаимопомощи, и просит меня довести об этом до сведения Советского правительства. Я ответил, что, конечно, немедленно информирую мое правительство о его заявлении, однако я должен вновь подтвердить, что мнение моего правительства заключается в том, что сперва необходима акция Тихоокеанского пакта и одновременно договор о ненападении и затем только можно говорить о двустороннем пакте взаимопомощи.

* См. док. № 245.

Далее Чэнь Ли-фу заявил, что приехал повидать меня главным образом для того, чтобы передать ответ Чан Кай-ши на мое предложение о военных заказах *. Он сказал, что наше предложение принципиально желательно и приемлемо для китайского правительства, но Чан Кай-ши хотел бы расширить сумму до 150 или 200 млн. китайских долл. Срок передачи вооружений надо сократить хотя бы до одного года. Срок возвращения займа (товарами) должен начаться через 5 лет и кончиться через 10 лет. При этом китайское правительство хотело бы получить от нас следующие вооружения: 1) аэропланы (спецификация по просмотре наших каталогов), 2) танки, 3) противотанковые, зенитные орудия калибром в 3,7 см, 4) такие же орудия калибром в 2 см, 5) зенитные орудия в 7,5 см. Я напомнил ему наше предложение. Чэнь Ли-фу опять повторил свои и просил передать их в Москву, что я и обещал сделать.

Я напомнил Чэнь Ли-фу, что он ни словом не обмолвился о пакте неагрессии. Я подчеркнул, что Советское правительство придает этому вопросу чрезвычайно важное значение. Если говорить о других далеко идущих соглашениях, то тем более необходимо начать немедленно переговоры о пакте неагрессии. Чэнь Ли-фу сказал, что даст ответ на этот вопрос при нашем следующем свидании**. Он очень просит ответа Советского правительства на просьбу Чан Кай-ши о скорейшем ответе на его предложение***.

Мое заключение: возвращение китайского правительства к прежнему предложению о пакте взаимопомощи**** показывает только, что под давлением японской агрессии оно мечется из стороны в сторону. Я не вижу нужды менять наше предложение. Что же касается просьбы Чан Кай-ши увеличить сумму поставки, то я считал бы желательным пойти навстречу, увеличив сумму до 150 или по крайней мере до 100 млн. мексиканских долл.*****. Считал бы желательным также уменьшить срок наших поставок до одного года, а плату установить на срок от трех до восьми лет. Однако одновременно я считал бы желательным настаивать на заключении пакта неагрессии, мотивируя это тем, что мы должны иметь гарантию, что наше оружие не будет направлено против нас.

Срочно шлите в Нанкин ваши инструкции.

Богомолов

Печат. по арх.

* См. док. № 93.

** См. также док. № 258, 279.

*** См. док. № 274.

**** См. т. XVIII, док. № 307, 385.

***** Так некогда назывались китайские серебряные юани, чеканившиеся в Мексике.

254. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с и. о. Министра Иностранных Дел Финляндии Войонмаа

21 июля 1937 г.

Посетил министра Войонмаа, заменяющего Холсти. Вначале разговор зашел о визите наших журналистов *. Войонмаа интересовался, довольны ли они приемом. Я поблагодарил, но указал, что советские журналисты сразу обратили внимание на то, что основные руководители крупнейших финских газет в приемах не участвовали. Это лишний раз подтверждает давно сложившееся у нас мнение о том, что эти лица, играющие значительную роль в общественной жизни Финляндии, мало считаются с необходимостью налаживания добрососедских отношений. Войонмаа сказал, что прискорбно констатировать, сколь неразумна оппозиция этих лиц, и спросил, входит ли в их число и редактор Эркко **, что я не преминул подтвердить.

Затем разговор зашел об усилившейся германской активности в Финляндии ***. Войонмаа эту тему охотно развивал и сам приводил примеры, иллюстрирующие эту активность. По его словам, немцы непрерывно досаждают финнам просьбами об аренде береговых участков, рыболовных мест и т. п. Эти просьбы финляндское правительство неизменно отклоняет. Когда я перешел к вопросу о предполагаемом участии германского капитала в Печенгском рыболовецком обществе, Войонмаа пространно разъяснял, что немцы действительно добиваются этого права, но тщетно. Правительство, финансировавшее рыболовецкое дело, контролирует деятельность Печенгского общества, ныне входящего во всефинский концерн (концерн Эльвинга). Концерн уже снял с работы в Печенге генерала Валленнуса, развалившего там работу. Валленнус держался будто бы только благодаря дружественным отношениям с одним из прежних директоров общества — Нурдстремом.

Финляндское правительство отлично помнит о постановлениях Юрьевского мирного договора **** по поводу Печенгской области, которые оно нарушить не собирается. Оно никак не заинтересовано в том, чтобы допускать туда Германию, что несомненно повлекло бы за собой конфликты. Финляндское правительство рассчитывает использовать Печенгский порт в случае возможной войны, когда Балтийское море будет блокировано. Он горячо заверял, что нам не следует беспокоиться по поводу Печенги, ибо все домогательства Германии отклоняются. Войонмаа согласился с моими указаниями, что немцы

* См. док. № 237.

** Главный редактор газеты «Хельсингин сакомат».

*** См. также док. № 40, 237, 242.

**** См. т. III, док. № 137.

настойчиво пробираются на Север. Он, как министр торговли, старается покончить с этим своеобразным «туризмом».

Затем разговор зашел относительно дела Спирина и Выборгского инцидента*. Здесь Войонмаа чувствовал себя явно нехорошо, придумывал всякого рода юридические выкрутасы, но в конце концов вынужден был согласиться, что затягивание обоих дел носит неприличный характер и не может быть оправдано. Я указал, что упорное нежелание финляндского правительства поступить согласно договоренности по делу Спирина и дать нам удовлетворение по Выборгскому инциденту заставляет нас прийти к выводу, что финляндское правительство не желает урегулировать оба дела. По поводу Выборгского инцидента Войонмаа старался объяснить, что нами не были соблюдены все формальности, поскольку полпредство не обратилось с нотой в министерство. На это я указал, что заявления о привлечении виновных к ответственности делались мною неоднократно и Холсти считал это совершенно достаточным, да и сам Войонмаа при первом разговоре об этом обещал привлечь виновных к ответственности по инициативе финляндского правительства. Финляндский закон для этого дает полную возможность. Было бы вполне естественно, если бы финляндское правительство во имя добрососедских отношений само возбудило в суде дело. Войонмаа подтвердил, что это так, и выразил сожаление, что это дело так затягивается.

По поводу перелета советской границы 29 июня финским самолетом** Войонмаа получил разъяснение властей, в котором подтверждается, что в указанном нами районе и в указанное время на самом деле летал и производил картографические съемки финский самолет. Указаний о том, что он перелетел советскую границу, нет. Эти разъяснения Войонмаа давал робко и неуверенно, так что создалось впечатление, что финны нарочито произвели перелет нашей границы. Я указал Войонмаа, что разъяснения финляндских властей не опровергают нашего представления. Этот факт свидетельствует лишь раз, что финляндское правительство должно энергично призвать к порядку нарушителей границы.

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

* См. док. № 150, 229.

** См. док. № 228, 229.

255. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с директором Политического департамента Министерства Иностранных Дел Финляндии Паюлой

21 июля 1937 г.

После посещения Войонмаа * я зашел к Паюле, чтобы передать ему для проф. Седерберга шесть сборников рукописей Спренгтпортена ⁵². Факт предоставления нами этих рукописей производит на всех, с кем об этом приходилось говорить, большое впечатление. Я условился, что об этом будет сообщено в газетах. Паюла должен подтвердить вербальной нотой получение рукописей.

Затем разговор зашел о деле Спирина и Выборгском инциденте **. Паюла отрицает все сделанные нам Холсти заявления. Он уверяет, что о них не знал, вопреки заверениям Холсти приведенным в порядок обоих дел не занимался. В частности, и не писал Ирве-Коскинену об улаживании инцидента. Чувствовалось, что Паюла старался всячески дискредитировать Холсти. Я в довольно резком тоне повторил сделанные мною Войонмаа заявления по этим делам и констатировал нежелание министерства иностранных дел уладить эти дела, несмотря на имеющуюся договоренность. В конце концов Паюла признал, что поведение МИД по этим делам не может быть названо корректным.

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

256. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству США в СССР

22 июля 1937 г. № 3.3.322-АМ

Народный Комиссариат Иностранных Дел, свидетельствуя свое почтение Посольству Соединенных Штатов Америки, имеет честь подтвердить получение ноты Посольства за № 498 от 17 июля с. г. и сообщить, что компетентным властям предложено оказать должное внимание и необходимое содействие адмиралу Х. Ярнеллу, Главнокомандующему Азиатским флотом Соединенных Штатов Америки, при его посещении с 28 июля по 2 августа с. г. Владивостока на флагманском корабле крейсере «Августа» в сопровождении четырех истребителей.

Печат. по арх.

* См. док. № 254.

** См. док. № 150, 229, 254.

В упоминаемой ноте посольства США в СССР от 17 июля 1937 г. № 498 сообщалось:

«Адмирал Военно-Морского Флота США Х. Е. Яррелл, Главнокомандующий Азиатским флотом Соединенных Штатов Америки, намеревается — при отсутствии возражений со стороны Советского Правительства — посетить Владивосток с 28 июля по 2 августа 1937 г. на своем флагманском корабле крейсере «Августа» в сопровождении четырех эсминцев».

257. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова в ответ на заявление Государственного секретаря США Хэлла от 16 июля 1937 г.

*23 июля 1937 г. **

Прошу передать мою благодарность г. Хэллу за любезное сообщение мне заявления, сделанного им печати, значение которого не ускользает от моего внимания. Я с тем большим интересом ознакомился с заявлением г. Хэлла, что оно совпадает с общей позицией Советского Правительства в вопросах, затронутых этим заявлением. Не подлежит сомнению, что напряженность, конфликты и трения в международных отношениях, а тем более угроза враждебных столкновений, если они вначале касаются лишь двух или нескольких государств, в дальнейшем могут задеть права и интересы всех наций. Это положение нашло свое выражение в выдвинутом мною в Лиге наций принципе неделимости мира. Я разделяю и другие положения, заключающиеся в заявлении г. Хэлла и совпадающие с принципами, которые Советское Правительство не только пропагандирует, но и фактически проводит в своей внешней политике, как, например, воздержание всех наций от применения силы в проведении своей политики и от вмешательства во внутренние дела других наций, урегулирование международных проблем исключительно путем мирных переговоров и соглашений, добросовестное соблюдение международных соглашений, изменение условий договоров только по взаимному согласию заинтересованных сторон, равенство всех наций, сокращение вооружений и др. В частности, Советское Правительство еще десять лет тому назад представило в Женеву проект полного всеобщего разоружения, а также частичного сокращения вооружений**. Далее, Советское Правительство в Женеве же выступило с предложением об организации перманентной Конференции мира***, в рамках которой могли бы проявляться в необходимых случаях те совместные усилия, о которых говорится в заявлении г. Хэлла. Практически нынешнее международное положение, полное

* Дата передачи заявления посольству США в СССР.

** См. т. X, док. № 272.

*** См. т. XVII, док. № 184.

угроз всеобщему миру, неожиданно осуществляемых то на одном, то на другом континенте, требует, по моему мнению, энергичного противодействия со стороны всех наций. Это противодействие, наряду с активизацией Лиги наций, может принимать различные формы, как, например, региональных договоров взаимной помощи и других соглашений. Немаловажное значение в ряду этих форм я придаю одновременной и периодической манифестации воли к миру со стороны всех наций, искренне преданных идее сохранения мира. Я уверен, что мое Правительство всегда будет готово участвовать в таких манифестациях и вносить свою лепту в общее дело международного умиротворения.

*Печат. по арх. Огубл. в газ. «Известия»
№ 164 (6346), 8 августа 1937 г.*

21 июля 1937 г. временный поверенный в делах США в СССР Гендерсон передал через заместителя заведующего III Западным отделом НКВД СССР Ф. С. Бейнберга текст заявления Хелла от 16 июля 1937 г., зачитав при этом циркулярную телеграмму госдепартаменту от 17 июля с поручением о выяснении отношения правительства страны пребывания к указанному заявлению (см. «Foreign Relations of the United States, 1937», vol. I, Washington, 1954, pp. 699—701).

В заявлении Хелла говорилось:

«Я получаю из многих источников запросы и предложения в связи с беспокойным положением в различных районах мира.

Не вызывает сомнения, что в ряде районов существует напряженность, которая внешне затрагивает только близлежащие страны, но которая в конечном счете неизбежно вызывает озабоченность во всем мире. Любая ситуация, при которой ведутся военные действия или существует угроза их возникновения, является ситуацией, когда права и интересы всех государств либо серьезно затрагиваются, либо могут быть серьезно затронуты. Нигде в мире не могут вестись значительные военные действия без того, чтобы так или иначе не затронуть интересы или права или обязательства США. Поэтому я считаю целесообразным и, по существу, своим долгом изложить позицию правительства США в отношении международных проблем и ситуаций, которые вызывают у Соединенных Штатов глубокую озабоченность.

Соединенные Штаты постоянно и последовательно выступают за поддержание мира. Мы выступаем за то, чтобы проявлять сдержанность на национальном и международном уровнях. Мы выступаем за то, чтобы все государства при проведении политики воздерживались от применения силы и от вмешательства во внутренние дела других государств. Мы выступаем за урегулирование проблем международных отношений посредством мирных переговоров и договоренности. Мы выступаем за добросовестное соблюдение международных соглашений. Поддерживая принцип святости договоров, мы верим в возможность изменения условий договоров, когда возникает в этом необходимость, путем упорядоченного процесса, осуществляемого в духе взаимного содействия и взаимного учета интересов. Мы верим в уважение всеми государствами прав других и в соблюдение всеми государствами признанных обязательств. Мы выступаем за придание международному праву новой жизни и укрепление его. Мы выступаем за меры, содействующие экономической безопасности и стабильности во всем мире. Мы выступаем за уменьшение или устранение чрезмерных барьеров в международной торговле. Мы добиваемся действительного равенства коммерче-

ских возможностей, и мы настойчиво призываем все государства к применению принципа одинакового отношения. Мы верим в ограничение и сокращение вооружений. Сознавая необходимость сохранения вооруженных сил, достаточных для обеспечения национальной безопасности, мы готовы сократить или увеличить наши собственные вооруженные силы пропорционально сокращению или увеличению их другими странами. Мы избегаем заключения союзов и обременительных обязательств, но мы верим в совместные усилия с использованием мирных и практически применимых средств в поддержку вышеназложенных принципов».

258. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

23 июля 1937 г.

Вероятно, китайцы узнали, что я предполагал сегодня выехать в Шанхай, и Ван Чун-хой просил меня приехать к нему*. Я заявил, что уезжаю сегодня в Шанхай, так как мы получили информацию от китайского генерального штаба, что русские белогвардейцы готовят какую-то провокацию против нашего генконсульства¹⁵³, и поэтому я хочу сам инструктировать наших сотрудников консульства, как реагировать на провокацию. Кроме того, у меня, видимо, повторение амёбной дизентерии, и я должен показаться своему доктору. Ван Чун-хой сказал, что хотел бы поговорить со мной по трем вопросам:

1. Чан Кай-ши просил через Чэнь Ли-фу поставить вопрос перед Советским правительством об увеличении военного кредита до 150 млн. мексиканских долл. Он спросил, получил ли я уже ответ Советского правительства или нет. Я ответил, что ответа еще не получил, но что, как только получу, немедленно его информирую**.

2. Китайское правительство просит вновь поставить вопрос перед Советским правительством, не найдет ли Советское правительство возможным теперь начать переговоры о двустороннем пакте взаимопомощи, о чем со мной говорил Чэнь Ли-фу. Я ответил, что я знаю точку зрения моего правительства и могу заявить, что Советское правительство не считает возможным в настоящее время начать какие бы то ни было переговоры о пакте взаимопомощи. Наша точка зрения остается прежней, и он ее хорошо знает из наших прежних бесед.

3. Ван Чун-хой сказал, что он хотел бы знать точку зрения Советского правительства на сообщение посольства***. Теперь уже совершенно ясно, что цель Японии заключается в отторжении от Китая северных провинций. Он считает, что в настоящее время это угрожает Китаю, но совершенно ясно, что в бу-

* См. док. № 253.

** См. док. № 274, 278, 279.

*** См. прим. 143.

дущем Японии использует Северный Китай как плацдарм для войны против СССР. Китайское правительство весьма ценит тот факт, что советская пресса заняла дружественную позицию по отношению к Китаю. Он хотел бы знать, не может ли Советское правительство принять какие-либо конкретные меры для оказания помощи Китаю. Я ответил, что советское общественное мнение всегда было и будет против всякого агрессора и нарушителя мира. Что же касается конкретных мероприятий, то мне известно, что китайский посол в Москве имел беседу со Стомоняковым *, и я ничего не могу добавить к тому, что было сказано последним.

Я спросил Ван Чун-хой, каково положение на Севере. Он ответил, что китайское правительство имеет сведения, что переговоры между Сун Чжэ-юанем и Японией продолжают-ся **. Китайское правительство не знает деталей переговоров. Я поставил вопрос более точно. Я спросил, считает ли он возможным, что Сун Чжэ-юань договорится с японцами без ведома китайского правительства. Ван Чун-хой ответил, что не знает. Ван Чун-хой сказал, что, чем бы ни кончилось настоящее недоразумение, все равно конфликт будет ликвидирован только временно и через год повторится неизбежно новое столкновение, так как теперь уже совершенно ясно, что политика Японии заключается в покорении всей Азии. Хотя японцы говорят: «Азия для азиатов», однако думают: «Азия для японцев»; это угрожает одинаково как Китаю, так и СССР, и поэтому он надеется, что в конце концов обе страны все-таки найдут общий язык. Я ответил, что позиция Советского правительства всегда заключалась в стремлении улучшить советско-китайские отношения и подвести под них солидную базу. И он сам, конечно, знает, что если советско-китайские отношения развивались слишком медленно, то это не вина советской стороны. Ван Чун-хой с горечью заметил: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению советско-китайских отношений». Ван Чун-хой сказал, что он еще не получил окончательного ответа о посреднической акции Англии. Он все еще надеется, что эта акция даст кое-какие результаты. Ему также известно, что английское правительство консультирует также Советское правительство по этому вопросу ***. Так как мне об этом ничего не известно, то я промолчал.

Сегодня выехал в Шанхай, куда прошу адресовать телеграммы.

Богомолов

Печат. по арх.

* По-видимому, имеет место неточность. Указанные вопросы затрагивались во время беседы М. М. Литвинова с Цзян Тян-фу 15 июля 1937 г.

** См. газ. «Известия», 21 и 22 июля 1937 г.

*** См. док. № 265, 269, 277.

259. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послаником Швеции в СССР Юлленшерной

25 июля 1937 г.

Шведский посланник явился ко мне, чтобы проститься перед своим отъездом в двухмесячный отпуск. После повторных выражений признательности за прием, оказанный в СССР Сандлеру *, и за внимание, проявленное по этому поводу к шведской миссии **, посланник отметил, что статьи советской печати, подвергающие критике идею нейтралитета, вызывают в местном дипкорпусе всевозможные толки. Ввиду того что всем известна поддержка Сандлером указанной идеи, высказывается догадка, что полемические статьи по данному вопросу в советской прессе направлены лично против шведского министра иностранных дел. Некоторые утверждают, что эти статьи являются несколько запоздалым официальным ответом на всем известные заявления Сандлера, поддерживавшие идею нейтралитета и необходимость ревизии Пакта Лиги наций. Вероятно, при встрече Юлленшерны с Сандлером министр запросит посланника, не следует ли понимать вышеупомянутые полемические статьи советской прессы как направленные непосредственно против самого Сандлера. Юлленшерна оговаривается, что общественное мнение Швеции не целиком на стороне сандлеровских требований нейтралитета и реформы Пакта Лиги наций. Тем не менее как сам Юлленшерна, так и большинство его соотечественников считают, что малым странам необходимо сохранять позицию, предупреждающую возможность втягивания их в конфликты между великими державами. Что касается Лиги наций, то позиция ее во время итало-абиссинского конфликта вскрыла, по мнению Юлленшерны, необходимость пересмотра обязательств 16-й статьи Устава Лиги и несостоятельность нынешней системы санкций.

Я кратко ответил на сбивчивые заявления посланника, что позиция Советского правительства по вопросам нейтралитета и реформы Устава Лиги наций общеизвестна и носит строго принципиальный характер. Эта позиция была развернута и перед Сандлером в его беседах с представителями Советского правительства в Москве. Никакого личного элемента, затрагивающего прямо и непосредственно шведского министра иностранных дел, в статьях советской прессы, посвященных вышеупомянутым проблемам, разумеется, усматривать нельзя. В этом Юлленшерна может заверить и самого Сандлера, если бы последний осведомился у него о том, как надо понимать указанные выступления советской печати. Что касается вы-

* См. док. № 235.

** В документе — посольству.

сказанных самим посланником суждений относительно желательности для малых стран остаться в стороне от эвентуальных конфликтов между великими державами, то в действительности это едва ли осуществимо. Каждой стране придется решать, идет ли она за агрессором, активно или пассивно способствуя осуществлению его замыслов, или же предупреждает агрессию и противодействует ей вместе с прочими странами, желающими поддержать мир и обеспечить общую безопасность. Вне этой альтернативы никакого третьего решения не имеется.

Посланник простился со мной, повторяя свои выражения признательности за любезный прием, оказанный шведскому министру иностранных дел.

В. Потемкин

Печат. по арх.

260. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в США К. А. Уманскому

26 июля 1937 г.

Посольство США официально сообщило мне текст заявления, сделанного печати Хэллом 16 июля с. г., и по поручению госдепартамента просило осведомить его об отношении Советского правительства к принципам этого заявления. С аналогичным запросом американцы обратились и к другим правительствам.

В моем ответе я изложил основные принципы нашей внешней политики*. По просьбе госдепартамента пока воздерживаемся от опубликования¹⁵⁴.

Литвинов

Печат. по арх.

261. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
25 июля 1937 г.*

Сегодня Ллойд-Джордж был у меня и сообщил, что на днях имел беседу с Иденом по испанскому вопросу. По словам Ллойд-Джорджа, у Идена сейчас имеется в голове такая идея: если невмешательство крахнет, Англии следует объявить нейтралитет, восстановить свободную продажу оружия обеим сторонам в Испании и признать ограниченное право воюющей

* См. док. № 257.

стороны без употребления этого термина. Нейтралитет в понимании Идена включает запрещение посылать в Испанию организованные военные единицы. Если Италия и Германия будут продолжать посылку таких единиц Франко, Англия будет рассматривать это как нарушение нейтралитета и делать отсюда соответственные выводы, но, какие именно, Иден не указывал. Ллойд-Джордж склонен думать, что мысль Идена не так плоха, как она может показаться на первый взгляд. По его мнению, основное, что сейчас нужно испанскому правительству для победы, — это оружие, людей у него хватит. Восстановление в Англии свободы торговли оружием, хотя бы формально и с обеими сторонами, будет выгоднее испанскому правительству, которое имеет деньги, чем Франко, у которого денег нет. Самое же главное, что при такой позиции Англия не сможет мешать Франции снабжать испанское правительство оружием и амуницией через франко-испанскую границу, через Францию также будет открыт транзит в Испанию. У Ллойд-Джорджа есть сведения, будто бы Даладье стоит за восстановление свободы торговли оружием и считает, что в этом случае Франция могла бы много дать испанскому правительству. За все это, по мнению Ллойд-Джорджа, может быть, и стоило бы заплатить признанием за Франко права воюющей стороны со стороны Англии (учитывая, что здесь у власти стоят консерваторы, которые не пойдут на свободу торговли оружием без признания права воюющей стороны). Франции и другим странам нет никакой надобности признавать Франко воюющей стороной. Ллойд-Джордж передавал также, что за последний месяц настроение в Англии сильно меняется в сторону, не благоприятную Франко. Иден ему говорил, что в основе этой перемены лежат два факта: кампания Франко против басков и все более обнажающаяся роль итальянцев в испанской войне. По мнению Идена, сейчас в консервативном лагере сторонники и противники Франко примерно равносильны. Мне кажется, однако, такая оценка слишком оптимистическая. Ллойд-Джордж придает громадное значение запросу Черчилля и его самого о постановке немцами 12-дюймовых батарей, командующих над Гибралтаром. Этот факт уже оказал и еще окажет величайшее влияние на общественное мнение Англии, особенно консервативное. В связи с последним хочу вас спросить, нет ли у вас в Москве каких-либо интересных сведений о пушках и тому подобном, угрожающем англичанам в Гибралтаре? Такие сведения, если они достаточно надежны, могут быть здесь использованы с большим успехом.

Майский

Печат. по арх.

262. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая

26 июля 1937 г.

У меня был Чжан Чун. Он сказал, что приехал ко мне по поручению Чан Кай-ши, с которым виделся вчера. Чан Кай-ши просил меня ускорить ответ по вопросу о военных поставках*. Чан Кай-ши считает, что решение всяких политических вопросов возьмет слишком много времени, и поэтому просит решить вопрос о военных поставках вне зависимости от всяких политических вопросов. Так как сейчас, по словам Чан Кай-ши, война между Китаем и Японией неизбежна, то китайское правительство не может больше рассчитывать на поставки из Германии**, которая является союзницей Японии. Своих же запасов у Китая хватит только на шесть-семь месяцев. Для Китая единственно возможным источником снабжения — СССР. Чан Кай-ши просит рассматривать этот вопрос как чисто коммерческий, без всяких политических обязательств со стороны СССР. Когда я получу ответ, Чан Кай-ши хотел бы повидаться со мной. Я ответил, что я информирую мое правительство об этом разговоре.

В конце разговора я заметил, что для меня затруднительно будет поехать в Нанкин, пока китайское правительство не разделается с группой белогвардейцев, подготовляющих провокацию на консульство¹⁵³. Чжан Чун сказал, что он доложит Чан Кай-ши об этом и китайское правительство примет немедленно соответствующие меры.

Во изменение моего прежнего предложения я считаю, что в связи с быстрым развитием положения на Севере будет более целесообразным не связывать военные поставки с пактом о неагрессии и решить этот вопрос в деловой плоскости. Прошу указаний.

Богомолов

Печат. по арх.

263. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

26 июля 1937 г.

Представил сегодня летчиков*** Рузвельту, Хэллу, министру торговли, военному министру, начальнику генштаба, заместителю морского министра и др.**** Везде принимали ис-

* См. док. № 253, 258, 274, 279.

** См. также док. № 196, 288.

*** М. М. Громов, С. А. Данилин, А. Б. Юмашев.

**** См. газ. «Известия», 29 июля 1937 г.

ключительно радушно, особенно Рузвельт, кстати тепло отзывавшийся о Литвинове. Хэлл разразился тирадой на тему о том, что полеты сильно сблизили оба народа и что шаг за шагом американско-советские отношения будут улучшаться, что отраднo в нынешние напряженные времена. Хорошо приняли и военные власти.

Министр торговли с участием экспертов деловым образом обсуждал с летчиками, что нужно сделать с американской и канадской стороны для организации регулярного трансполярного сообщения. Летчикам разрешен осмотр завода Сикорского, но осмотра нового сверхскоростного истребителя Северского не добились. 27 июля — осмотр авиационных лабораторий в Лэнглифилде и военно-воздушной части, с 28-го — в Нью-Йорке, где будет внушительное чествование научными авиационными кругами. 2 августа — очень широко задуманное чествование в Филадельфии, с шествием по городу и 5-тысячным митингом. 4 августа — отъезд на «Нормандия» во Францию.

Уманский

Печат. по арх.

264. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
27 июля 1937 г.*

Мое вчерашнее выступление в подкомитете по вопросу о правах воюющей стороны* имело результатом то, что Иден пригласил меня сегодня для разговора. Оговорившись, что он ни в какой мере не желает посягать на нашу свободу в определении нашего отношения к британскому плану, Иден заявил, однако, что хотел бы изложить и свои соображения по данному вопросу. Он прекрасно понимает, что все немешательство сейчас висит на волоске («Плимут. — прибавил Иден. — после вчерашнего заседания потерял веру в возможность что-либо наладить») и что крах его весьма вероятен. Но ему, Идену, представляется со всех точек зрения более выгодным, чтобы крах этот произошел на вопросе о волонтерах, а не на вопросе о правах воюющей стороны. Между тем, если мы заявим о неприемлемости для Советского правительства предоставления права воюющей стороны Франко ни при каких условиях, Италия и Германия, которые вчера согласились обсуждать вопрос о выводе волонтеров, свалят всю вину за разрыв на СССР и сами выйдут как будто сухими из воды. Иден не очень уверен в действительной готовности немцев и итальян-

* См. док. № 236, 243; газ. «Известия», 27, 28 июля 1937 г.

янцев эвакуировать своих граждан из Испании, хотя он и не смотрит на данную возможность столь пессимистически, как мы, но тем не менее наш категорический отказ в правах воюющей стороны создал бы обстановку, которую Рим и Берлин легко могли бы использовать в своих интересах. Исходя из соображений общеполитического характера, диктующих Великобритании определенные отношения с определенными державами, Иден хотел бы избежать такой ситуации. Поэтому он задает вопрос, не лучше ли было бы для нас и для англо-французов, если бы Советское правительство заявило, например, так: сначала полная и безостановочная эвакуация волонтеров, а там будем решать, как отнестись к вопросу о правах воюющей стороны. Если, как мы уверены, итальянцы и немцы на заседании совета по контролю не пойдут на такую эвакуацию, вопрос о правах воюющей стороны вообще не встанет, а зато ответственность за срыв ляжет на тех, кто в нем действительно виноват.

В ответ на эту несколько подозрительную заботливость Идена о нашем добром имени я подробно развил те соображения, которые изложены в п. 3 вашего ответа на британский вопросник * (ваша телеграмма от 26 июля) ¹⁵⁵. Иден внимательно выслушал меня, сказал, что понимает нашу точку зрения, но все-таки просит передать Литвинову мысль, высказанную им в нашей сегодняшней беседе **. Затем я спросил Идена, что стала бы делать Англия в случае краха невмешательства. Оговорившись, что он высказывает личное мнение, ответил, что в этом случае перед английским правительством, говоря теоретически, имелись бы три возможные дороги:

1. Сохранить для себя, для Англии, политику неизменную, т. е. не продавать оружия ни испанскому правительству, ни Франко. Плюсом такого выхода было бы то, что Англия шла бы в ногу с США,— это положительно расценивалось бы многими в стране. Однако тут имеются и минусы. Прежде всего, политика Англии в этом отношении разошлась бы с политикой Франции, а между тем Иден чрезвычайно ценит тесное сотрудничество, имеющееся в настоящее время между обеими странами, и старается избегать всего, что могло бы нарушить нынешний характер англо-французских отношений. Далее, тот же выход был бы несомненно Франко более выгоден, чем испанскому правительству, а этого Идену тоже хотелось бы избежать, учитывая настроенные оппозиции известной части консерваторов.

2. Восстановить свободу торговли оружием и продавать его только испанскому правительству — это то, чего хочет оппози-

* См. газ. «Известия», 27 июля 1937 г.

** См. док. № 285.

ция, но на что не пойдут ни правительство, ни консервативная партия.

3. Восстановить свободную торговлю оружием, продавать его обеим сторонам и предоставить им же право воюющей стороны.

Иден не сказал этого прямо, но из всего тона его изложения было видно, что третий выход кажется ему наиболее приемлемым. Таким образом, вчерашнее сообщение Ллойда-Джорджа, о котором я уже телеграфировал *, полностью подтвердилось. Обосновывая третий выход, Иден, между прочим, заметил, что в этом случае предоставление права воюющей стороны было бы неизбежно, так как иначе английскому правительству пришлось бы конвоировать пароходы с оружием, направляющиеся в республиканские порты, а это было бы очень похоже на прямую интервенцию в пользу Валенсии, ибо Франко из-за отсутствия денег не смог бы ничего покупать в Англии. Иден высказывал мнение, что третий выход был бы в общем благоприятен для испанского правительства, ибо, если бы Франко даже теснил его на море, оно все-таки могло бы получать необходимое ему оружие из Франции и через Францию.

Полпред

Печат. по арх.

265. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
27 июля 1937 г.*

В сегодняшнем разговоре ** Иден коснулся также дальневосточных дел. Он сообщил, что только что получил весьма тревожные сообщения из Бэйпина и сразу же телеграфировал в Токио, прося довести до сведения японского правительства, что британское правительство с большой тревогой следит за ходом событий в Китае и выражает твердую надежду на предотвращение крупных осложнений в японо-китайских отношениях. Иден, однако, не уверен, что этот демарш даст положительные результаты, так как последние события в основном являются делом рук не Токио, а Квантунской армии. Иден спросил меня, как мы расцениваем то, что происходит в Китае. Я ответил, что, судя по многим симптомам, Япония хочет повторить в Северном Китае свой маньчжурский опыт и создать здесь в той или иной форме второе Маньчжоу-Го. Иден заме-

* См. док. № 261.

** См. док. № 264.

тил, что это положение так или иначе правильно, но прибавил, что сейчас Китай не тот, что шесть лет назад, да и речь теперь идет о гораздо более серьезной опасности для самого существования Китая, чем тогда. Чан Кай-ши не может отступать дальше известной черты, и, Идену кажется, такая черта уже достигнута. Поэтому угроза острого конфликта на Дальнем Востоке очень велика.

Я спросил Идена, что собирается в связи с создавшимся положением предпринимать Англия. Иден развел руками и внозь рассказал мне о своих двух неудачных попытках вовлечь США в объединенное выступление трех держав (Англии, Франции, США) в Токио. Без США Англия едва ли сможет пойти дальше платонических демаршей перед японским правительством. США готовы к «параллельной» акции и даже кое-что в этом смысле сделали, тоже и Франция, однако всего этого недостаточно. Затем Иден как бы невзначай спросил меня, не обращалось ли нанкинское правительство к нам*. Он кое-что слышал об этом от китайского посла в Лондоне, но хотел бы знать подробности. Я ответил, что китайский посол в Москве интересовался нашим отношением к идее коллективного выступления держав и что Литвинов ему сказал: если бы такое предложение нам было сделано, мы обсудили бы его¹⁴³. Иден заметил, что это очень интересно, однако дальше разговор на данную тему не стал продолжать и в связи со своим отъездом из Лондона в провинцию просил меня поддерживать контакт с Кадоганом (постоянный товарищ министра по дальневосточным делам).

Майский

Печат. по арх.

266. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

27 июля 1937 г.

Как я вам уже сообщал, 21 июля я был принят Беком после целого ряда предварительных разговоров с начальником его кабинета Лубенским¹⁵⁶. Содержание беседы с Беком в основном вы уже знаете. Заслуживает упоминания, что Бек старался провести весь разговор в тоне дружественном и примирительном. Зная склонность Бека к передержкам и приписыванию своему собеседнику заявлений, которых он не делал, я решил несколько раз в недвусмысленной форме повторить то, что представлялось наиболее важным. Несколько раз в течение разговора я повторил, что: 1) вопрос о консульствах не может быть увязан ни с какими другими вопросами, 2) предложения Бека недостаточны, 3) в переговорах о консульствах

* См. док. № 240, 245, 258.

мы связаны определенным сроком и, если до конца этого месяца мы не достигнем соглашения, советская сторона делает соответствующие выводы. Я не оставил также никаких сомнений у Бека насчет характера этих выводов. Бек неизменно пропускал мимо ушей мои вежливые, но настойчивые указания на ограниченный срок, имеющийся в нашем распоряжении для переговоров, на необходимость новых предложений с польской стороны и на неизбежность денонсации консульской конвенции* в случае недостижения соглашения. Я вам уже сообщал, что он много распространялся на тему о желании польского правительства поддерживать с нами дружеские, добрососедские отношения на базе существующих договоров и в соответствии с духом пакта о ненападении**. Именно на этом «фоне», как он выразился, должны протекать переговоры о консульствах. Он просил довести до вашего сведения об этом дружеском «фоне», который он стремится создать. Хотя, заявил он, мы считаем, что Польша юридически имеет все права на сохранение всех своих консульств, тем не менее польское правительство согласно ликвидировать консульство в Харькове, демонстрируя тем самым добрую волю по отношению к СССР. Вместе с этим польское правительство готово ратифицировать статус торгпредства. Я ответил, что юридическая сторона вопроса о консульствах подробно освещена в наших меморандумах и что его предложения не вносят ничего нового по сравнению с тем, что мы слышали от начальника его кабинета Лубенского еще несколько недель назад. На эти предложения у меня уже имеется отрицательный ответ Москвы, не говоря уже о невозможности увязки вопроса о консульствах с вопросом о ратификации статуса торгпредства***. Бек все же просил передать вам еще раз его старое предложение¹²⁵ в надежде, как на другой день в разговоре со мной выразился Лубенский, что его новая аргументация подействует на вас. Но никакой новой аргументации, как вы видите, не было, и все, что Бек сказал мне, он говорил раньше и т. Давтяну****.

В разговоре с Беком я упомянул, что целый ряд не разрешенных по вине польской стороны вопросов бросает довольно мрачную тень на тот «фон» дружеских отношений с СССР, который он хотел бы создать. Такими вопросами помимо затянувшегося вопроса о консульствах являются статус торгпредства и контингенты***. Я указал ему, что ратификация статуса торгпредства является элементарной вещью и затяжка ратификации лишает торгпредство нормальных условий ра-

* См. т. VII, док. № 189.

** См. т. XV, док. № 200.

*** См. док. № 206, 252, 311.

**** См. док. № 206.

боты. Что касается контингентов, то они рассчитаны на 1937 г., и отсутствие их дезорганизует советско-польскую торговлю, ведущуюся в интересах обеих сторон. Бек упомянул о беседе Владимира Петровича [Потемкина] с Гжибовским⁵⁷ и с удовлетворением констатировал готовность НКВД пойти навстречу польской стороне в некоторых мелких вопросах.

На другой день я встретил Лубенского, начальника кабинета Бека, и мы с ним снова беседовали по тем же вопросам. Во избежание всяких недоразумений я еще раз акцентировал срочность вопроса о консульствах, не связанного ни с какими другими вопросами и поставленного в порядок дня в результате специального решения Советского правительства. Я уточнил также вопрос о Ленинграде, указав, что, возможно, ленинградское консульство будет сохранено в случае согласия польской стороны на ликвидацию консульств в Харькове и Тбилиси, но что никаких гарантий в отношении Ленинграда мы давать не можем. Лубенский, основываясь на моем разговоре с Бекем, сказал мне то, что Бек, по-видимому, не считал нужным мне сказать, не желая вносить обострение в нашу любезную беседу. Лубенский заявил, что наша непримиримая позиция ставит в очень тяжелое положение Бека, так как, указывая срок окончания переговоров и диктуя свои условия, обозначающие одностороннюю уступку Польши в пользу СССР, мы ставим Польшу под определенное давление. Мы, сказал Лубенский, не любим выносить решения под давлением, и поэтому я думаю, что, возможно, придется пойти на денонсацию консульской конвенции. Лубенский пытался распрямиться в особенной лояльности Польши по отношению к СССР, выражающейся в том, что Польша якобы не контактирует при переговорах о консульствах с Японией и Германией. Польша ведет независимую политику от этих государств и хотела бы достигнуть соглашения с СССР, несмотря на то что СССР с точки зрения юридической неправ. Лубенский даже справился у меня, в каком состоянии находятся наши переговоры с Японией и Германией по вопросу о сокращении консульств. Разумеется, Лубенский соврал насчет отсутствия контакта между поляками, с одной стороны, немцами, японцами — с другой, по вопросу о переговорах о консульствах. Я ответил Лубенскому, что мне ничего не известно о деталях переговоров, ведущихся с Японией и Германией, но что общая линия политики СССР по отношению к этим государствам достаточно известна и ясна. Не обошлось и без курьезов: Лубенский впал в лирику и заявил мне, что при тех колоссальных социальных преобразованиях, которые происходят в СССР и которые интересуют Польшу, как соседа, для академического изучения громадных сдвигов, происходящих в первом социалистическом государстве, Польше нужно было бы иметь у нас не пять, а двадцать консульств, и то было бы мало. Я ответил Лубен-

скому, что академическое и научное изучение вопросов, связанных с СССР, можно наладить при помощи ВОКС и других наших научных учреждений, с которыми польская сторона за последнее время, к сожалению, не поддерживает никакого контакта.

Получив ваш ответ на запрос Бека¹⁵⁸, я не стал добиваться нового свидания с ним, тем более что его снова не было в городе (половину недели он проводит у себя в имении), а встретился с Лубенским и передал ему этот короткий ответ. Эта беседа продолжалась всего лишь несколько минут, и Лубенский обещал мне на другой же день довести ваш ответ до сведения Бека. С тех пор прошло уже пять дней и ничего нового со стороны поляков не слышно. Во всяком случае, они предупреждены, во все вопросы внесена полная ясность, и все точки над «и» поставлены*.

Б. Виноградов

Печат. по арх.

267. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая

28 июля 1937 г.

Чжан Чун приходил к Меламеду** узнать, не получил ли я ответа из Москвы***. Он сказал ему, что Германия посредничает между Японией и Китаем. Германия будто бы гарантирует отвод японской армии, если Китай примет третий пункт Хирота о борьбе с «красными». Посредничают в переговорах Фалькенгаузен и Крибель****.

Я считаю не исключенным, что Германия примет все меры к посредничеству, так как для нее японо-китайская война чрезвычайно невыгодна¹⁵⁹. Германская основная установка на Дальнем Востоке — вовлечение Китая в японо-германский блок. Однако в настоящий момент, информируя нас о посреднической акции Германии, китайцы надеются на ускорение нашего ответа.

Богомолов

Печат. по арх.

* См. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М., 1969, стр. 328—331.

** Первый секретарь полпредства СССР в Китае.

*** См. док. № 262, 274, 279.

**** Генеральный консул Германии в Шанхае.

268. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае
Д. В. Богомолову

29 июля 1937 г.

Уважаемый товарищ,

Я собирался продиктовать Вам сегодня политическое письмо в связи с событиями, которые развернулись в Северном Китае, но нас вызвали в Кремль, где как раз обсуждались Ваши сообщения о последних предложениях китайского правительства*. Я, таким образом, лишен возможности выполнить свое намерение и ограничиваюсь лишь небольшим письмом.

1. Хотя, судя по всем сведениям, Англия встревожена японской агрессией в Северном Китае, я убежден, что она несет значительную ответственность за эту агрессию. За последние месяцы, и в особенности после падения прошлогоднего кабинета Хирота, Япония взяла значительно более умеренный курс в отношении Китая. Если тем не менее она теперь решилась использовать сложившееся для нее благоприятное международное положение, особенно создавшееся в Европе в связи с испанскими событиями напряженно, то, я думаю, она сделала это потому, что в переговорах с английским правительством в Лондоне** она почерпнула убеждение, что Англия не окажет сопротивления ее новой агрессии в Северном Китае¹⁶⁰. Это подтверждается реагированием английской консервативной прессы и официальных лиц, вплоть до Идена, на события в Северном Китае вплоть до последних дней. Очевидно, однако, сами англичане не ожидали того размаха событий, который выявился лишь за самые последние дни. Таким образом, я думаю, что замечаемая за последние два дня тревога в Англии вызвана не столько новым этапом японской агрессии в Северном Китае, сколько ее неожиданно большими размерами***.

2. США и Франция хотя и взволнованы событиями в Северном Китае, но, кроме платонических жестов, избегающих сколько-нибудь серьезно задеть Японию, в настоящее время ни на что не пойдут.

3. Поведение держав, и в особенности Англии, может, конечно, претерпеть серьезное изменение после захвата Японией Пекина и Тяньцзиня.

4. Заслуживает внимания наблюдающаяся в Берлине тревога в связи с северо-китайскими событиями. Она, конечно, вызвана исключительно тем, что Германия опасается того, как бы Япония не связала себе руки в Китае и тем самым не поте-

* См. док. № 253, 258.

** См. док. № 193; газ. «Известия», 26 июня 1937 г.

*** См. док. № 277.

ряла на некоторое время своей ценности как союзник для Германии.

5. Получаемая от Вас в связи с событиями информация совершенно недостаточна. Кроме телеграмм ТАСС, мы, собственно говоря, не имеем от Вас по телеграфу никаких сообщений, которые помогли бы нам ориентироваться в создающейся в Китае исключительно важной и вместе с тем сложной ситуации.

Я знаю, что у Вас мало работников, но все-таки прошу Вас, ввиду чрезвычайного характера наступивших событий, мобилизовать все имеющиеся у Вас силы и снабжать нас большей информацией.

Каждой почтой прошу, в частности, присылать материалы, характеризующие внутреннее положение в Китае, в особенности материалы, иллюстрирующие мобилизацию китайской общественности на борьбу с Японией.

Зам. Наркома
Б. Стомоняков

Печат. по арх.

269. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Премьер-Министром Великобритании Чемберленом

29 июля 1937 г.

1. По общепринятому в Англии обычаю я давно уже соби-
рался сделать официальный визит новому премьеру. Такие же
намерения имелись и у других послов в Лондоне. Чемберлен,
однако, с недели на неделю откладывал эти приемы, пока не
подошел конец парламентской сессии. Тогда, желая перед
отъездом на каникулы подчистить все хвосты, премьер стал
быстро, одного за другим, принимать представителей различ-
ных великих держав: американца Бингхэма, итальянца Гран-
ди и др. 29 июля он принял меня в своем кабинете в палате
общин. Зная, что премьер очень перегружен, я решил не те-
рять зря времени и взять быка сразу за рога. Еще до свидания
с Чемберленом у меня имелись сведения о том, что генераль-
ной линией его внешней политики является заключение «пак-
та четырех» и в особенности урегулирование отношений Ан-
глии с Германией. Я хотел проверить данные сведения и потому
сразу же поставил Чемберлену вопрос: каковы, по его мнению,
наилучшие методы для достижения «умиротворения Европы»?

2. Чемберлен, который, видимо, не ожидал такого вопроса,
несколько запнулся и не то удивленно, не то смущенно посмот-
рел на меня. Потом он начал отвечать, медленно выговаривая
слова и от времени до времени запинаясь. «Я не могу указать

какого-либо краткого пути к достижению такого результата, — начал Чемберлен, — умиротворение Европы — дело сложное и длительное. Оно требует большого терпения. Тут годятся всякие способы и всякие методы, которые могут дать результат. Надо ловить каждую представляющуюся возможность». Премьер-министр на мгновение замолчал, подумал и потом продолжал: «Я думаю, что первым и наиболее непосредственным шагом к умиротворению Европы могло бы быть благоприятное урегулирование испанского вопроса. Испания сейчас в центре внимания. Испанские события создают большое количество осложнений и конфликтов в Европе. Если испанская война не закончится быстро или по крайней мере не будет полностью локализована, можно опасаться в дальнейшем еще более серьезных потрясений в Европе. Надо кончить с Испанией — это первая предпосылка на пути к умиротворению Европы». Я спросил Чемберлена, что он понимает под выражением «надо урегулировать испанский вопрос». Чемберлен опять помолчал, подумал и ответил: «Урегулировать испанский вопрос — это, на мой взгляд, значит превратить испанскую борьбу в чисто испанскую. Мы надеемся, что нам удастся в конечном счете добиться такого результата; полагаю, и с Вашей помощью?» Я принял вызов и заметил, что такова же основная идея, проходящая красной нитью через испанскую политику Советского правительства. Но вот как этой цели достигнуть? Ни для кого не секрет, что на стороне Франко сражается большая итальянская армия и многочисленные отряды немецких специалистов, летчиков, артиллеристов, танкистов и т. д. Думает ли Чемберлен, что итальянцы и немцы действительно готовы вывести своих так называемых волонтеров из Испании? Я в этом сомневаюсь. К такому скептицизму меня приводит 11-месячная работа в Комитете по невмешательству. А ведь эвакуация волонтеров — это в настоящий момент сердцевина всей проблемы невмешательства.

3. Чемберлен ответил не сразу. Он посмотрел сначала в окошко, потом на потолок и наконец медленно начал: «Не подлежит сомнению, что Муссолини очень хочет видеть Испанию фашистской. Всего лишь два дня тому назад в разговоре со мной Гранди передал мне лично послание от Муссолини, в котором он, заверяя меня в отсутствии у Италии каких-либо территориальных амбиций в отношении Испании, в то же время доказывал необходимость победы Франко. Эта победа, по мнению Муссолини, нужна для того, чтобы избежать превращения Испании в «большевистское государство». Если Франко потерпит поражение, торжество коммунизма в Испании будто бы неизбежно. А с этим Италия не могла бы примириться. Я не согласен с оценкой Муссолини. Я не думаю, чтобы в Испании при каких бы то ни было условиях сейчас могли победить коммунисты. Но таковы настроения Муссолини. Тем не менее я не

прихожу в отчаяние. Я не думаю, чтобы это было последнее слово главы итальянского государства. Надо только иметь выдержку и терпение. Он отойдет от своих теперешних позиций, и тогда его можно будет убедить вывести из Испании итальянских легионеров». Я сказал: «Вашими бы устами да мед пить. Мое правительство было бы чрезвычайно радо, если бы Ваш прогноз осуществился. К сожалению, пока я не вижу обнадеживающих симптомов в указанном направлении». Чемберлен, однако, поддерживал высказанную им ранее мысль и вновь повторил о необходимости выдержки и терпения¹⁶¹.

4. Далее премьер-министр поинтересовался, что мы думаем об испанском конфликте и какова позиция СССР в данном вопросе. Я дал Чемберлену необходимое объяснение, подчеркнув в особенности наше желание ликвидировать интервенцию и превратить испанский конфликт в чисто испанский. Верные нашим общим принципам, мы и здесь стремимся к тому, чтобы испанскому народу было обеспечено право на национальное самоопределение. Мы не задаемся целью насаждать в Испании коммунистический или какой-либо иной строй. Вопрос о той или иной форме правления — дело самого испанского народа. Но мы стараемся в меру наших сил предотвратить иностранное вмешательство, откуда бы оно ни исходило, во внутренние испанские дела. В борьбе за обеспечение Испании возможности самостоятельно решать свою судьбу мы старались и стараемся по возможности координировать свои действия с действиями Англии и Франции. На протяжении минувших 11 месяцев у нас бывали разногласия по тем или иным практическим вопросам, связанным с испанской проблемой, у нас могут быть также разногласия и впредь. Я хочу надеяться, однако, что эти разногласия не будут преувеличиваться ни с чьей стороны и что они не помешают общей работе СССР и Великобритании в деле укрепления мира. Чемберлен выслушал мои объяснения с большим вниманием и видимым сочувствием. Однако сразу же после этого выяснилось, что он понял их по-своему. Премьер-министр сказал: «Вот Муссолини хочет создания в Испании фашистского государства, а вы этого не хотите. Перед нами две крайности. Англия старается занимать среднюю позицию между вами и Муссолини». Я возразил, что Чемберлен неправильно характеризует фактическое положение вещей. В самом деле, Муссолини хочет установления в Испании вполне определенного режима — фашистского, СССР же, наоборот, вовсе не стремится к установлению в Испании какого-либо определенного режима, скажем, социалистического, коммунистического и т. п. СССР хочет только того, чтобы все другие державы оставили Испанию в покое и предоставили ей возможность самостоятельно установить такой режим, какого пожелают испанские народные массы. Между позицией Италии и позицией СССР очень большая разница. Только теперь

Чемберлен вынужден был согласиться, что разница действительно существует и что она весьма серьезна. Он высказал одобрение по адресу нашей позиции и прибавил, что она принципиально очень близко совпадает с позицией Великобритании. «К сожалению, однако,— добавил Чемберлен,— я очень боюсь, что испанскую проблему нам не удастся так скоро решить, а без этого трудно себе мыслить возможность каких-либо серьезных мероприятий по действительному умиротворению Европы».

5. Премьер-министр опять помолчал и затем заговорил на другую тему: «Меня постоянно тяготит одна мысль: нынешняя Европа полна страхов и подозрений. Страны и государства не доверяют друг другу. Если одна держава начинает вооружаться, другая немедленно же начинает думать, что эти вооружения направлены против нее и, чтобы парировать действительную или воображаемую опасность, тоже хватается за вооружения. Так одно цепляется за другое, и в результате все мы тратим колоссальные деньги непроизводительно на орудия смерти и разрушения — деньги, которые с гораздо большей пользой могли бы израсходовать на улучшение положения широких слоев населения. Говоря это, я не хочу бросить какой-либо упрек по адресу вашей страны; мы ведь сами тоже вооружаемся. Ваша страна — я в это твердо верю — не хочет войны, не угрожает своим соседям, и мы хотели бы с вами сотрудничать в деле защиты мира. Перед вашей страной стоят крупнейшие проблемы внутренней реконструкции и разработки ее естественных богатств. Я кое-что слышал и читал о вашей великолепной стране и знаю, что естественные богатства ее поистине неисчислимы. Эта внутренняя работа должна занять у вас много лет и десятилетий. И, конечно, вам невыгодно и нежелательно нарушать ее мирный ход какими-либо внешними осложнениями. Но есть на свете и другие страны, которые настроены несколько иначе. Вот, например, Германия. Немцы не перестают говорить о странах «имущих» и «неимущих». Не знаю, к какой категории стран они вас причисляют, но нас, Великобританию, они относят к категории «имущих», а себя к категории «неимущих». На этой базе в Германии ведется большая агитация и раздуваются весьма опасные страсти, а в результате страхи и напряжение в Европе только увеличиваются. Надо с этим как-нибудь покончить. Я понимаю, что сразу такого результата достигнуть нельзя. Потребуется годы и годы для умиротворения Европы. Но нельзя ли сделать хотя бы первый шаг к созданию более благоприятной атмосферы в нашей части света?» Я спросил, что конкретно Чемберлен имеет в виду. Премьер-министр ответил: «Наряду с испанским, вторым очень важным и очень срочным вопросом является вопрос германский. Я считал бы очень полезным заставить немцев от общих фраз об «имущих» и «неимущих» державах,— фраз, точный

смысл которых никому не ясен, — перейти к практическому деловому обсуждению немецких пожеланий. Если бы мы могли сесть с немцами за один стол и с карандашом в руках пройти по всем их жалобам и претензиям, то это в сильной степени способствовало бы прояснению атмосферы или по крайней мере уточнению существующей ситуации. Мы знали бы тогда, чего немцы хотят, и знали бы также, возможно ли удовлетворение германских требований. Если возможно, мы бы пошли Германии максимально навстречу, если невозможно, мы приняли бы другие решения. Такова, мне кажется, важнейшая потребность момента. Германия, конечно, не единственная проблема Европы, но она самая главная. И мне хотелось бы, чтобы европейские державы твердо и последовательно пошли по пути разрешения данной проблемы, не отвлекаясь второстепенными вопросами и не задерживаясь из-за разных мелочей. Ясно, что умиротворение Европы зависит не только от разрешения германской проблемы. Есть целый ряд других вопросов, требующих урегулирования. Мы должны стремиться к общеевропейскому соглашению — такова наша цель, но, во всяком случае, начало должно быть положено путем разрешения германской проблемы». В ответ я вкратце изложил свои сомнения насчет эффективности того пути к «умиротворению Европы», который рисуется Чемберлену. Премьеру это, видимо, не совсем понравилось, однако, не желая вступать в дальнейшую полемику, он поспешил ответить, что вопрос, который мы обсуждали, очень сложный и что по нему могут быть вполне честные расхождения во мнениях. Во всяком случае, Чемберлен всегда готов выслушать соображения инакомыслящих.

6. На этом деловая часть разговора закончилась. Дальше пошли уже чисто протокольные вещи, записывать которые не имеет смысла.

Общее впечатление от разговора с Чемберленом у меня сводится к тому, что сейчас он серьезно носится с идеей «пакта четырех» и организации западной безопасности, будучи готов для достижения этой цели идти далеко навстречу Германии и Италии. Однако, если бы в процессе дальнейших событий для него стало ясно, что соглашение с этими обоими странами невозможно или что за него приходится платить неприемлемой для Англии ценой, он занял бы тогда в отношении фашистских держав гораздо более твердую позицию, чем занимал ее бывший премьер Болдуин.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

270. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Премьер-Министром Румынии Татареску

29 июля 1937 г.

29 июля в 6 утра я выехал на машине в Пояну, имение Татареску, куда я прибыл в 2 часа, прямо к завтраку. За завтраком мы начали беседу, которая продолжалась без минуты перерыва около семи часов то в его вилле, то в саду, то в прилегающем к вилле винограднике.

Беседа началась с обозрения внутреннего положения страны и предстоящей смены кабинета. Татареску утверждает, что он отсоветовал королю возобновить ему мандат на образование нового правительства и решительно откажется, если король возобновит предложение. Ему нужно, говорит Татареску, 8—10 месяцев, свободных от управления государством, для того чтобы привести в порядок дела партии и решить вопрос о шефстве, после чего он сможет снова «покориться высочайшему пожеланию». Он не только уверен в своем скором возвращении к власти, но уверяет, что и в оппозиции он сохранит свое влияние на политику страны. «История Румынии, — говорит Татареску, — знает два долгих министерства — оба либеральных, под руководством Братяну; министерство Татареску — третье». Что касается преемников, Татареску примерно говорит то же, что Инкулец* и министр торговли Попп, с той разницей, что он одровергает сведения, будто по внушению нынешнего кабинета король поставил условием Михалаке пригласить Вайду. Татареску, однако, не отрицает, что такая комбинация облегчала бы царанистам приход к власти. Будущему кабинету он дает жизни максимум год, после чего он образует новый кабинет. Потом он перешел к моим разговорам с Антонеску и Инкулецом*. Начал с того, что мы (СССР, Франция и, должно быть, Чехословакия) должны забыть Титулеску. Королевство с 20 млн. населения не может допустить, чтобы международное доверие к нему зависело от одного человека. Потом перешел к тому, что в линии внешней политики Румынии ничего не изменилось — не прибавилось и не убавилось ни одного нового союза. Итальянцы предлагали возобновить союз о дружбе 1926 г., начиная с октября прошлого года; румынское правительство отказало итальянцам, несмотря на то что с Италией никаких противоречий у Румынии нет. Германия делала Румынии и делает по сей день самые заманчивые предложения в части вооружения армии. Он, Татареску, противопоставляет этому соблазну, идя зачастую против интересов страны и сопротивляясь имеющемуся в стране прогерманскому течению. Все это потому, что Румынии верна Франция и Чехословакия — своим главным союзникам.

* См. док. № 241.

Если бы Румыния решила строить всю свою политику на бековских началах, ей незачем договариваться с Польшей: она имеет возможность договориться непосредственно с Германией, которая имеет то, по крайней мере, преимущество, что при одинаковой с Польшей политике она, Германия, является великой державой.

Поездки в Польшу и из Польши* являются поездками протокольного порядка, и все. Тем не менее для того, чтобы ослабить впечатление от этих поездок как в Европе, так и в особенности в Польше, так сказать, чтобы поставить эти поездки на их настоящее место, он, Татареску, вклинивал между ними либо чехов, либо французов. После Мосьницкого и Бека приезжал Годжа**, которому устроили здесь королевскую встречу, должен был приехать Кот, и не вина румынского правительства, что в Париже разразился кризис как раз 21-го числа. По настоянию его, Татареску, король отказался от инкогнито в Париже, чтобы сбалансировать этой поездкой свою поездку в Варшаву; король отказался от деловой поездки в Зигмаринген, чтобы не дать повода к разговорам. Румыния, говорит Татареску, является и сейчас страной, цементирующей Малую Антанту и Балканскую Антанту. Он закончил эту диатрибу злостным выпадом против Титулеску и его *office sinistre**** (имелась в виду французская пресса).

Татареску удивляется, как при таких условиях, когда постоянство и последовательность румынской внешней политики налицо и доказана, мы могли подумать, что Румыния изменила свое отношение к Союзу; нам не может не быть известным, что румыны дорожат отношениями с Союзом, что мы напрасно думаем, что единственным носителем идеи советско-румынской дружбы в Румынии является Титулеску. Не следует забывать, что Титулеску — одиночка, не опирающийся ни на какую общественную группировку. Выполняя завет Иона Братяну, партия либералов искала нормализования отношений с Советами, и не вина либералов, что венская попытка 1924 г.**** потерпела фиаско. Либералы 10 лет спустя выполнили завет Братяну. Ничто не мешало румынам пойти по стопам югославам и не возобновить отношений, однако румыны по этому пути не пошли. Татареску, приведя это как доказательство своих добрососедских намерений, снова перешел на свои отношения с Францией и Чехословакией. Все это продолжалось очень долго.

Я ответил Татареску, что имел бы многое сказать об отношениях Румынии к Чехословакии, и о состоянии на нынешней стадии Малой Антанты, и о специальном характере отноше-

* См. док. № 53, 55, 133, 203.

** См. док. № 203.

*** — злобной кухни: (*фр.*).

**** См. т. VII, док. № 26, 87, 90, 95

ний с Югославией, которые ни мне, ни многим другим, в том числе значительнейшей, наиболее весомой части общественно-го мнения многих стран — союзников и друзей Румынии, совсем не представляются в том свете, в каком себе рисует все это премьер. Я не считаю возможным на этом останавливаться, так как это не входит в обязанности и в права посланника — дискутировать вопросы отношений страны его пребывания со всеми прочими странами, тем менее я считаю для себя возможным подвергать сомнению степень верности Румынии своим союзным обязательствам, хотя налицо имеются факты, в особенности тогда, когда противоположное утверждает премьер.

С этой оговоркой я отметил все же, что безопасность Чехословакии никак не может выиграть от укрепления румыно-польского союза, который в последнее время достиг пароксизма. Уменьшение чувства безопасности Чехословакии прямо компрометирует безопасность и Франции. При этих условиях утверждения премьера, возможно, отражают его намерения, но несколько не действительное положение вещей.

Татареску меня прервал на этом месте следующей фразой: «Чехословакия может только выиграть от развития и укрепления румыно-польских отношений, ибо она знает, что улучшение чешско-польских отношений, если оно станет возможным, будет следствием тесных румыно-польских отношений».

Перейдя тут же на наши отношения, я сказал, что серия польско-румынских визитов, развившихся с такой калейдоскопической быстротой, не является изолированным актом, случайным эпизодом, а только завершила процесс ухудшения отношений, начавшийся с ухода Титулеску и систематически развивавшийся все время, почти год. Я напомнил Татареску мое предупреждение о моих опасениях и его заявление о неосновательности моих опасений, равно как его заверения, что он, опираясь на могущественную партию либералов и имея полное доверие короля, все сделает лучше и быстрее, чем Титулеску; напомнил ему, что отношения с Советами, по его выражению, являются краеугольным камнем внешней политики Румынии*.

События показали, что оказался прав я, а не Татареску и что отношения с нами начали на глазах у всех ухудшаться. Уже первая поездка в Польшу началась с заявления представителя Румынии, имевшего чисто антисоветский характер. Тот же представитель в интервью, данном германской прессе, открыто проводил сравнение между значением Германии и Советов во внешней политике Румынии отнюдь не в пользу моей страны. Фашистов, выступавших в румынском парламенте с атаками против Малой Антанты, квалифицированной

* См. также прим. 84.

ший представитель румынского правительства пытался умаслить выступлением в отношении моей страны, о котором наименьшее, что можно было сказать, что оно было некорректным. Румынским правительством были допущены мелкие акты, которые очень подозрительно смахивали па преднамеренную антисоветскую провокацию без всякой пользы для румын и представляли собой ярко выраженный жеманфишизм* по адресу СССР.

Румыны это все сдабривали заявлениями с глазу на глаз о своих искренних дружественных намерениях**, которым мы вначале склонны были верить. Такие были сделаны заявления в Москве, Бухаресте и Женеве.

Одновременно была спущена с цепи вся возможная румынская пресса, которая отравляла общественное сознание Румынии самыми нелепыми, самыми гнусными выдумками о моей стране, о моем правительстве, о вожде народов СССР. Наконец, снят был цензурный запрет с некоторых вопросов, о которых было договорено с Титулеску, что они не подлежат дискуссии в прессе***. Этот факт мы рассматривали как провоцирование нас на реплики. Верные нашему обязательству и воодушевленные идеей мира, мы на эту провокацию не поддались. В стране зашевелились антисоветские эмигрантские организации: и фашистские, и воинские, и украинские — и стали выходить на общественную поверхность. Имея основания для протестов или представлений, мы тем не менее молчали, не желая давать повода сказать, что мы ищем ссоры. В цензурном управлении не пропускают таких книг, как «Петрография», задерживаются творения великого поэта Пушкина и др.

Румынское правительство, очевидно, приняло наше миролюбие за нашу слабость, окураженное к этому рассказами итальянцев и поляков, а может, поверив сведениям из «Курентула», и сочло все дозволенным в отношении Советского Союза. Румынское правительство, очевидно, сочло себя свободным от всех обычаев международной вежливости, в особенности по отношению к странам, с которыми оно претендует иметь корректные отношения, и последнему визиту в Польшу румыны придали выраженный характер антисоветской демонстрации. Вся румынская пресса, как фашистская, так и официальная правительственная, и обычные выразители мнения минивдела, как «Димнияца», во всю мочь трубили, что поездка в Польшу ставит себе целью укрепить союз с Польшей, имеющий остриню против востока, сопровождая это положение бывшим в ходу в 1919 г. термином «кордон на востоке, защищающий европейскую цивилизацию», ныне принятым Гитлером.

* От фр. «je m'en fiche» — наплевать.

** См. док. № 23, 53, 55, 175.

*** См. док. № 175.

Мало того, румынское правительство, совершенно раздвигшись, инсценировало главе государства, конституционному монарху, которому речи пишутся или должны писаться правительством, необходимость подкрепления этой антисоветской манифестации также и недопустимыми манифестациями против моей страны и военного характера. В этих условиях мы принуждены считать, что румыны полностью впряглись в бековскую антисоветскую колесницу и, выполняя задание о развязывании сил войны, стали на путь открытой провокации.

Татареску прервал меня на этом месте и вновь, в третий раз, стал перечислять все заслуги румынского правительства без Титулеску по поддержанию традиционной румынской политики. В этот раз ссылаясь на путешествия короля в Париж, Лондон, Брюссель и Белград, особенно упирал на то, что в Париже и Лондоне король встретил исключительно теплый прием, *ou on a rendu hommage à la politique de Roumanie* *. Он сказал, что примерно то же, что я ему изложил, он читал в телеграмме Чиунту, передававшей его беседу с Литвиновым**. Он считает несправедливым, что мы, пропуская без внимания всю линию поведения румынского правительства, делаем такие далеко идущие выводы о направлении румынской политики и прибегаем к репрессиям, открывая в прессе вопрос о Бессарабии, который (вопрос) считается румынами раз и навсегда урегулированным. Он вновь повторил, что румынское правительство совсем не обязано было возобновлять отношения с Союзом и могло следовать примеру Югославии. Воодушевленное искренним желанием мира со всеми соседями, оно считало необходимым для жизненных интересов Румынии установить мир и на восточной своей границе. Если румыны до сего времени с нами не подписали пакта, то не потому, что они этого не хотели, а потому, что общественное мнение Румынии еще для этого не созрело. Но что в 1938 г. он с нами пакт подпишет обязательно — о дружбе, о консультации или взаимной помощи, — надо будет выбрать наиболее подходящее для румынских и советских интересов.

Я сказал Татареску, что подписание или неподписание пакта не имеет ровно никакого отношения к трактуемой нами сейчас теме, тем более что ни в 1935, ни в 1937 г. не мы были инициаторами имевших место переговоров***. Теперь же возобновление переговоров мне представляется запоздалым или преждевременным, в зависимости от разрешения кризиса. Поездки в Париж и Прагу могли бы быть действительными как

* — где румынской политике воздали должное (фр.).

** М. М. Литвинов беседовал с Чиунту на дипломатических приемах 9 и 15 июля 1937 г.

*** См. т. XVII, док. № 283, 295, 411, 426, 436; т. XIX, док. № 273, 288, 309, 357 и док. № 131, 175 настоящего тома.

доказательство отсутствия антисоветских намерений и наличия желаний румынского правительства иметь с нами дружественные отношения только при параллельных демонстрациях дружественных намерений по отношению к нам. При наличии польских поездок, развивающихся параллельно с гнуснейшими атаками румынской подцензурной прессы против Советов, с одновременной постановкой как прессой, так и правительством в порядок дня вопроса о Бессарабии, поездки в Париж и Прагу мне кажутся попыткой диссимулировать* антисоветские намерения румынского правительства и его, Татареску (до тех пор пока мне и моему общественному мнению не будет доказано противное). Я заметил также, что помимо всего прочего эти поездки того, что хочет премьер, не доказывают, точно так же как ничего не изменилось в польско-чешских отношениях от поездок Рыдз-Смиглы и Гамелена**.

Что касается возможности, имевшейся у Татареску, следовать примеру Югославии, то ее отрицать трудно. Несмотря на двукратное упоминание об этом премьера, я отказался от мысли предположить, что премьер об этом сожалеет либо считает нас благодетельствованными, за что мы ему должны быть навсегда благодарны. Я обратил внимание премьера, что географическое положение Югославии и Румынии не одинаково, поэтому рассуждать по аналогии было бы неправильно. Отметим разницу между ним и мной, представителем одной шестой части земного шара, который из нас двух единственно мог бы упомянуть о восстановлении сношений в том смысле, какой ему хотел придать премьер, и в тех целях, какие при упоминании об этом премьер преследовал.

Татареску оборвал меня на этом месте и сказал, что я абсолютно неверно (*absolument faux*) его цитирую, что он знает разницу между Румынией и Союзом Советов, что я придрался к нечеткому его выражению, что нормальные отношения между Румынией и Советами, конечно, больше пошли на пользу Румынии, что Советы могли бы прожить весь век и без Румынии, что Советы представляют сейчас мощнейшую военную державу с неисчислимыми и фактически неисчерпаемыми запасами всякого вида сырья и что именно в учете этой разницы в силе обеих стран он считает фантастическим наше предположение о том, что Румыния замышляет одна или в блоке антисоветскую агрессию, и несправедливым открытие нами вопроса о Бессарабии.

Я обратил его внимание, что мы еще нигде не ставили вопроса о Бессарабии, а что вопрос о Бессарабии поставлен и дискутируется румынами уже в течение года. Что касается

* — скрыть (от фр.).

** См. т. XIX, дск. № 254, 269.

статьи «Правды» *, то мы указали, что переход румынской политики на польские рельсы чреват опасностями для румынской территории с ее неурегулированными границами; мы сказали то же, что ежедневно говорят румынские демократические периодические издания, имея в виду ревизионистские Германию и ее сателлитов.

Мы и теперь считаем, что пароксизм польско-румынской дружбы нанес огромный ущерб Румынии и чувству ее безопасности. Мы считаем, что Польша, предприняв и реализовав все эти поездки туда и обратно, выполняла задание своего хозяина об изоляции Румынии, поссорив ее с ее единственным соседом — великой державой **. Мы очень сожалеем, что намерения Польши нашли такой благоприятный отклик в румынском правительстве, и считаем, что, будучи активными политиками, румынское правительство пошло на это, учитывая все возможные последствия. Что касается нас, то мы для нас все выводы, вытекающие из нового направления румынской политики, тоже готовы сделать.

Татареску стал меня уверять, что любое правительство, которое придет ему на смену, должно будет и будет искать дружбы с Россией; что было бы безумием со стороны румынского правительства, каким бы оно ни было, искать с Россией ссоры, которая в своем логическом развитии может закончиться расчленением румынской территории; что было бы бессмысленным и преступным со стороны румынского правительства мечтать об агрессии против Советов одной или в блоке, в особенности если партнером в этом блоке является Польша. О том, что связать свою судьбу с судьбой Польши было бы безумием или преступлением против жизненных интересов румынских народных масс, и нет такого человека в стране, который об этом мечтал [бы] серьезно, а не в порядке предвыборной демагогии. Такой человек, если бы нашелся, был бы авантюристом и не будет допущен никогда к руководству судьбами страны. Об этом он просит передать Советскому правительству. Он же, Татареску, будет искать случая и средства сделать это известным общественному мнению обеих стран.

Далее беседа начала повторяться. Был уже десятый час. Я отклонил приглашение остаться на ночлег и выехал в половине десятого вечера обратно в Бухарест. Расстояние от Поляны до Бухареста — 345 км.

М. Островский

Печат. по арх.

* См. газ. «Правда», 20 июля 1937 г.

** См. также док. № 275.

271. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
30 июля 1937 г.*

Обратите внимание на сообщения об усилении германской активности в Финляндии, передаваемые ТАСС *. Прибытие 200 «учителей гимнастики», а по существу, несомненно, германских офицеров для подробного изучения страны, и прилет дирижабля «Гинденбург» весьма знаменательны. Предстоящая 6—12 августа встреча германской эскадры 11 подводных лодок при одной матке с финским флотом в составе крейсера «Илмаринен» и трех подводных лодок при одной матке, по моему мнению, не что иное, как маневры в районе Аландских островов, согласовывание будущих военных действий. Учтите, что сообщение о встрече эскадры дается пока в одной хельсинкской шведской газете. Вся остальная пресса встречу пока замалчивает. Это значит, что шведы заинтересованы в разглашении сообщения. Раньше нами передавались другие факты германской работы **.

Было бы правильным реагировать в нашей прессе, перечислив все факты усиления германской работы в Финляндии. В учете приема, оказанного нашим журналистам *** — хороший со стороны правительства и малодружелюбный со стороны большей части печати, — следовало бы развить мысль о том, что, несмотря на заверения правительства, при его попустительстве правые и лапуасские элементы, армия и шюцкор ведут страну по пути авантюры. Прошу также уполномочить меня на разговор с Каяндером и Войонмаа по вопросам германской активности с целью воздействия в смысле отмены встречи германской эскадры ****. При этом учтите, что встреча эскадры, по сообщению газеты, назначена на 6 августа.

Полпред

Печат. по арх.

272. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

30 июля 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

Считаю необходимым отдельным письмом высказать некоторые соображения по поводу складывающегося на севере Финляндии военно-стратегического положения.

Несколькими письмами я обращал внимание Наркоминдела на активную работу финнов по освоению полученной ими

* См. газ. «Известия», 4 августа 1937 г.

** См. док. № 242, 254, 272.

*** См. док. № 254.

**** См. док. № 280.

от нас в 1920 г. по Юрьевскому мирному договору * Печенгской области (Петсамо). Я указывал, что финны проложили хорошую автодорогу от Рованиemi у Полярного круга до Печенгского фиорда на Баренцевом море, которую можно эксплуатировать как зимой, так и летом. Дорога приспособлена для обслуживания туристов. Производятся работы по расширению незамерзающего порта Линахамари на фиорде. Район усиленно заселяется, не в последнюю очередь махровыми лапуасцами. Фактическим диктатором до недавнего времени на Печенге был лапуасский генерал Валлениус, изображавший директора Печенгской рыболовецкой компании. С мая этого года север Финляндии выделен в административном отношении в Лапландскую губернию. Русское население и лопари Печенги усиленно финнизируются. Беря с нас пример, финны ведут работы по геологической разведке.

Обнаруженные никелевые месторождения в 1935 г. были сданы в концессию мировому англо-канадскому концерну, который их в силу слабого спроса до поры до времени не разрабатывал. Теперь положение изменилось. Ввиду возросшего спроса на никель англичане ускоренно налаживают разработку. На самой нашей границе работает уже до 600 человек. Говорят, что это финны, русские и лопари, но проверить мне этого не удалось. Проложены штольни. Англичане еще не решили вопрос, вывозить ли руду или концентрат. В первом случае они построят в Трифоновом заливе на Печенгском фиорде свой порт, во втором — могут доставлять концентрат на автомашинах в порт Линахамари. Во всяком случае, теперь уже ясно, что англичане основательно заинтересованы в Печенге и накрепко и надолго засядут по соседству с Мурманском. Недавний визит ко мне английского посланника, о чем я телеграфировал, показал, что англичане сильно встревожены тем, что немцы собираются осесть на Печенге рядом с ними **.

Если недавно еще считалось, что англичан на Севере больше всего интересует возможность получения шведского железа через норвежский порт Нарвик (экспорт через Ботнический залив во время войны несомненно будет невозможен), то теперь ясно, что финляндский никель тоже начинает играть роль и англичанам приходится думать о двух точках на Севере.

Активность немцев на норвежском побережье хорошо известна. Также и их надежды на Аландские острова. Недавняя поездка Бломберга сильно переполошила норвежцев, шведов и даже финнов. Сейчас немцы хотят получить доступ на Печенгу путем приобретения участия в Печенгской рыболовецкой компании, аренды островов или участков на побережье. Холсти говорил Вам в Москве об отклоненной финнами претензии

* См. т. III, док. № 137.

** См. док. № 242.

немцев на постройку завода рыбной муки*. Недавно финская аграрная газета возмущалась по поводу нахождения германских туристов на о. Хейнясенсаари (Сенной остров), запирающим вход в Печенгский фиорд. Германские дипломаты, журналисты, туристы и просто шпионы облюбовали Печенгскую область и весь север Финляндии. Их там в этом году необычайно много. По словам английского посланника, они шпионят и на никелевой концессии.

Заменяющий Холсти министр Войонмаа в разговоре со мной не отрицал всю эту германскую активность на Севере, но заверял, что все притязания немцев на аренду участков и участие в рыболовецкой компании финляндским правительством отклоняются**. Оно, мол, помнит о своих обязательствах по Юрьевскому договору и понимает, сколь опасно для нее накопление там конфликтного материала, оно также знает о желании Германии создать трудности Мурманску и нашей заинтересованности в морских путях вокруг Норвегии. Кроме того, Финляндия сама намерена в случае европейской войны использовать этот свой единственный тогда выход в мир.

Хотя сегодня нет признаков, указывающих на нарушение Финляндией ст. 6 Юрьевского договора, запрещающей милитаризацию Печенги и побережья Ледовитого океана, нам все же приходится внимательно следить за происходящим на Севере.

Сегодня уже мы имеем столкновение интересов СССР, Англии и Германии на севере Финляндии и Норвегии. Пока что для нас в тактическом смысле наличие английских интересов благоприятно. Об этом свидетельствует хотя бы обращение ко мне английского посланника за поддержкой в этом вопросе. Это не всегда останется так. Наличие английских интересов на Печенге в будущем может оказаться для нас неприятным.

По газетным данным, Норвегия фаталистически относится к проблеме всего Севера, Швеция — двурушнически. Финляндия пока отклоняет притязания Германии, но в случае военного конфликта, возможно, даст ей там осесть. Пока что финляндское правительство, видимо, очень озабочено. Войонмаа говорил со мной о своей надежде на урегулирование всего комплекса вопросов Севера международным соглашением. В этой части я разговора не поддержал, так как считаю, что нас такая инициатива, да еще с привлечением Германии, не устраивает.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Финляндии
Асмус

Печат. по арх.

* См. док. № 40.

** См. док. № 254.

273. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с заведующим Политическим отделом Министерства Иностранных Дел Германии Вейцекером*

30 июля 1937 г.

У меня Вейцекер. Сразу же заговорил об испанских делах. Начал сетовать по поводу нашей неуступчивости в вопросе «о воюющих сторонах»**. Указывал, что мы тормозим работу держав, направленную к «невмешательству» и окончанию войны. Что касается Германии, то она желает только одного — как бы поскорее уйти от испанских дел, в коих заинтересованы главным образом Англия, Италия и Франция. Я взял под сомнение поспешность Германии и иронизировал над упреками [в отношении] нас в торможении организации дела невмешательства.

Вейцекер, между прочим, сказал, что в Испании больше заинтересована Италия. На это я заметил, что активно функционирует в этой стране ось Рим — Берлин, причем между партнерами, говоря откровенно, нет большого взаимного доверия в делах европейской политики.

На это Вейцекер ответил мне, что еще меньше взаимного доверия у оси «Берлин — Москва». Я, рассмеявшись, сказал, что оси-то никакой нет, а имеются создавшиеся не по нашему почину совершенно ненормальные отношения. В ответ на это Вейцекер выразил сожаление по поводу их нынешнего состояния и спросил, как я оцениваю теперешний тон германской прессы в отношении нас. Я сказал, что он несколько лучше по сравнению с тем, что было совсем недавно, но что, конечно, явно неудовлетворителен. В ответ на это Вейцекер заявил, что мы можем быть уверены в том, что «прошлое не повторится» (под прошлым он подразумевал открытую кампанию вражды против нас).

Вообще моему собеседнику кажется, что с моим приездом сюда общая атмосфера в наших отношениях несколько улучшилась. Я ответил, что будущее покажет, насколько его оптимистическая оценка верна. К этому я добавил, что, как известно, мы являемся сторонниками создания нормальных отношений с Германией и не против хороших. Однако для этого необходимо, чтобы германское правительство прониклось сознанием необходимости конкретного пересмотра своей нынешней политики в отношении нас. Вейцекер сказал, что, во всяком случае, аусамт*** был и остается сторонником улучшения отношений.

Стоит отметить заявление Вейцекера о том, что французы за последние две недели переправляют в Испанию огромные

* Из дневника К. К. Юренина за период с 29 по 31 июля 1937 г.

** См. док. № 264.

*** — министерство иностранных дел (нем.).

массы вооружений, снарядов и т. д. Германское правительство имеет об этом точные сведения, но не публикует их, не желая обострять отношения с Францией.

К. Юрнев

Печат. по арх.

274. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову

*Вне очереди
31 июля 1937 г.*

Инстанция подтвердила прежние предложения, сделанные Нанкину *. Для заключения пакта о взаимной помощи момент ныне менее подходящий, чем раньше, ибо такой пакт означал бы наше немедленное объявление войны Японии. Поставки оружия готовы увеличить до 100 млн. китайских долл. с доставкой в течение года. Что же касается сроков и условий расплаты, то остается в силе прежнее предложение без изменений. В счет поставок можем дать 200 самолетов со снаряжением и 200 танков. Хотели бы послать в Нанкин небольшую группу людей для ознакомления с военными нуждами Китая. Готовы принять для обучения китайских летчиков и танкистов. Непременным условием военных поставок является предварительное заключение пакта о ненападении ¹⁶².

На телеграмму от 29 июля ¹⁶³, Китайских офицеров готовы пропустить транзитом в Маньчжурию.

Литвинов

Печат. по арх.

275. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии К. К. Юрневу

31 июля 1937 г.

Уважаемый Константин Константинович,

1. Тов. Майский сообщает нам о своем разговоре с Чемберленом, состоявшемся 29-го **. В этом разговоре затронута была, между прочим, и германская проблема. В передаче т. Майского соображения, развитые Чемберленом по этому вопросу, сводятся в основном к следующему. Немцы кричат об «имущих» и «неимущих» нациях. Тем самым они возбуждают опасные страсти в душе своих соотечественников. Чтобы прекратить эту агитацию, нужно посадить немцев за стол и выяснить у них по-деловому, чего они хотят. Возможно, что немцы сформули-

* См. прим. 28, док. № 253, 258, 279.

** В документе ошибочно — 30-го, см. док. № 269.

руют какие-либо практические предложения. В таком случае придется их рассмотреть и, насколько возможно, пойти им навстречу. Если немецкие предложения окажутся чистым маневром или явятся неприемлемыми, придется их отклонить. Во всяком случае, предварительные переговоры с немцами Чемберлен считает необходимыми. Хотя Чемберлен и упоминал вскользь об «общем европейском замирении», впечатление т. Майского таково, что основной интерес нынешнего английского премьера заключается в вопросе о соглашении с Берлином.

Считаю полезным сигнализировать Вам настроения главы английского правительства. Для нас, конечно, они не представляются неожиданностью. Для Вас же знать о них необходимо, чтобы легче ориентироваться в деятельности Вашего английского коллеги в Берлине и в сложной и опасной для нас международно-политической игре Англии.

2. У нас имеются сведения, заслуживающие доверия, будто бы Германия пытается посредничать между Японией и Китаем в возникшем остром конфликте *. При этом немцами преследуется двойная цель. Во-первых, они надеются укрепить свои связи с Китаем и склонить его к совместной с фашистскими государствами борьбе с «красной опасностью». Во-вторых, Германия старается напомнить о себе другим великим державам, заинтересованным в урегулировании конфликта, чтобы добиться своего участия в дипломатической акции на Дальнем Востоке совместно с Англией, Соединенными Штатами и Францией. Было бы весьма желательно, чтобы по мере возможности Вы следили из Берлина за этими усилиями Германии и своевременно нас информировали о Ваших наблюдениях.

3. Сообщаю для Вашего сведения имеющиеся в нашем распоряжении данные относительно новой военной конвенции, подписанной начальниками генштабов Румынии и Польши **.

Во-первых, определяется количество войск, выдвигаемых той и другой стороной на восточную границу при конфликте с СССР. Румыны выставляют 250 тыс., поляки — 350 тыс. Обе стороны обязуются не пропускать советские войска на свою территорию.

Взаимная помощь сторон предусмотрена в борьбе не только с внешним врагом, но и с внутренним, причем эта помощь может оказываться и вооруженной силой.

Если в сопредельных областях СССР произойдет восстание, предусматривается интервенция со стороны Румынии и Польши.

В случае, если в результате совместных действий союзников в их руках окажется вновь приобретенная территория, над

* См. док. № 267.

** См. также док. № 124, 131, 133, 234.

ней устанавливается condominium. Не позднее четырех месяцев по окончании военных действий эта территория делится между союзниками, причем область на юг по линии Винница — Киев — р. Десна остается за Румынией, включая Одессу, а на север — за Польшей, включая Ленинград. Польша обязуется снабжать румынскую восточную армию техникой, авиацией, запасными частями и противогАЗами, за что Румыния доставляет ей нефть и потребное сырье. Количество румынских вооруженных сил на восточной границе увеличивается. В Румынии проводятся работы по улучшению существующих путей сообщения и созданию новых линий по направлению к восточной границе, для чего румынским правительством выпускается специальный заем. Для проверки выполнения принятых решений предусматривается обмен офицерами генштаба.

Сообщаю Вам вышеприведенные сведения для иллюстрации того, какие результаты дает работа государств фашистского лагеря, в частности Польши, по разложению Малой Антанты и по вовлечению отдельных членов последней в орбиту антисоветского блока.

4. К явлениям той же категории можно отнести и активизацию болгаро-югославского контакта, о которой нам сообщают из Софии.

Имеются сведения, что болгаро-югославский пакт уже реализуется для подготовки совместных действий обонх партнеров в плане изменения их территориального статуса и обеспечения им выхода к Эгейскому морю. Болгария закупает аэропланы в Германии и Польше. На греческой и турецкой границах ею возводятся фортификационные сооружения. Согласно информации, полученной из окружения министра путей сообщения Иовова, болгарским железным дорогам дан приказ о приведении их к сентябрю в состояние мобилизационной готовности. Ближайшим объектом агрессивных приготовлений Болгарии, действующей по общему плану с Югославией, является Греция. В пользу Югославии намечается захват Салоник, а Болгарии — Дедеагача*. Вполне возможно, даже наиболее вероятно, что дело ограничится маневрами на греческой границе в конце сентября. Не исключено, однако, что Югославия и Болгария** вырабатывают некоторый общий план на случай, если бы в Европе произошли острые международные осложнения.

Мы знаем уже, как нужно оценивать заключение Югославией пакта с Италией и дипломатическую работу, направленную на дальнейшее сближение ее с Германией. Поддержка Югославией ревизионистских и агрессивных поползновений Болгарии, являющейся в некотором роде вассалом Германии,

* Александруполис.

** В документе ошибочно — Греция.

достаточно ясно доказывает, насколько близоруки были те политики, в частности наши друзья французы, которые не усматривали никакой опасности для Малой и Балканской Антанты и для поддержания мира в Европе в заключении болгаро-югославского пакта. В настоящее время трудно оспаривать, что этот пакт полностью отвечал интересам германской и отчасти итальянской дипломатии.

С товарищеским приветом

В. Потемкин

Печат. по арх.

276. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

31 июля 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

Как будто выходит так, что предсказания берлинского дикорпуса относительно предстоящего улучшения наших отношений с Германией начинают сбываться.

Как Вы знаете из моего дневника от 7 июля *, Нейрат высказал при первой же моей с ним встрече предположение о том, что «отношения между нашими странами могут неожиданно улучшиться». Правда, видимо сообразив, что он несколько перехватил в оптимизме, министр тут же прибавил, что твердой уверенности в этом у него, разумеется, нет. Однако оптимистический прогноз наших отношений был все же дан. Заявление Нейрата имело место на фоне известного смягчения тона германской прессы в отношении нас, воздержания от прежних бешеных кампаний.

Моя поездка в Берхтесгаден к Гитлеру, не явившаяся для нас дискриминацией, произвела как в Германии, так и за границей значительную сенсацию. Сенсация заключалась как в самой поездке, так и в моей и Гитлера речах, произнесенных во время вручения мною ему верительных грамот **. Признание Гитлером необходимости установления нормальных отношений с нами также произвело сенсацию. На словечко относительно невмешательства в политических кругах обратили гораздо меньше внимания, нежели на его согласие со мной о необходимости установления нормальных отношений между нашими странами. Здешняя печать подала сообщение о наших речах на видных местах с заголовками, набранными крупным шрифтом. Некоторые мои коллеги припоминают в беседах, что в 1934 г. речи т. Сурица и Гитлера, произнесенные при вручении первым верительных грамот, не были опубликованы в печати.

* См. док. № 231.

** См. газ. «Известия», 23 июля 1937 г.

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что статья «Известий» от 23 июля, посвященная «обмену нотами», была изложена в здешней печати достаточно точно и корректно. При этом газеты не вступили ни в какую полемику с «Известиями».

Вчерашняя моя беседа с начальником политического отдела аусамта Вейцекером * заслуживает на фоне всего вышеназванного несомненного интереса. Проявив инициативу в обсуждении вопроса о наших отношениях, Вейцекер высказал сожаление по поводу их ненормальности, надежду на то, что «прошлое не повторится» (под прошлым подразумевалась открытая кампания вражды против нас), что мой приезд является своего рода новой эрой наших отношений и т. д.

Несомненно, что высказывание такого опытного, умного чиновника, каким является Вейцекер, отнюдь не случайно. Он действовал по инструкции своего начальства и, конечно, не без согласия Гитлера. Естественно, встает вопрос, откуда все это: не собирается ли Гитлер улучшением отношений с нами шантажировать такие государства, как Франция и Англия, или же тут есть какое-то «искреннее» желание улучшить, хотя и не заходя сколько-нибудь далеко, отношения с нами? Я не отрицаю возможности шантажных намерений со стороны Гитлера, но думаю, что все же не в этом смысл его желания «нормализовать отношения» с нами. Мне кажется, что дело главным образом в том, что Германия, испытывая тяжелые экономические затруднения, лучшим показателем чего является последний закон о сдаче крестьянами хлеба властям, до крайности заинтересованная в нашем сырье (руда, лес, лен, зерно и т. д.), хочет создать более или менее спокойную, благоприятную для завершения с нами сделки до хозяйственной линии политическую атмосферу. У меня нет никаких фактических данных, подтверждающих это положение, но мне кажется, что оно правильно.

Я полагаю, что нам необходимо продолжать прежнюю тактическую линию на теснейшее связывание проблемы улучшения экономических отношений между Германией и нами с вопросом о действительной нормализации политических отношений (пресса, речи министров и т. д.).

Эвентуальные ссылки промышленников и представителей заинтересованных в нашем сырье ведомств Германии на уже наступившее улучшение «общей атмосферы» должны быть решительно признаны неубедительными.

Предстоящий в сентябре в Нюрнберге партейтаг национал-социалистической партии, на котором, как и всегда, выступит с программной речью Гитлер, покажет, насколько серьезно собирается национал-социалистическая Германия менять свои

* См. док. № 273.

«вехи». Некоторые из здешних дипломатов уверены в том, что в речи Гитлера не будет нападков на нас. Поживем — увидим. Во всяком случае, некоторое улучшение отношений с Германией может быть полезно не только ей, но и нам.

С товарищеским приветом

К. Юренев

Печат. по арх.

277. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
1 августа 1937 г.

Китайский посол сегодня сообщил мне, что в последние дни он имел два свидания с Иденом, который теперь смотрит на ситуацию в Северном Китае с большой тревогой и допускает (чего он раньше не хотел допускать), что японское правительство действительно делает попытку создать там второе Маньчжоу-Го. Иден говорил Го Тай-ци*, что вновь обратился к США с предложением объединенной акции, но пока не получил еще ответа. До сих пор, как вы знаете, США соглашались лишь на «параллельную» акцию**. На вопрос Го о привлечении СССР к объединенной акции Иден и на этот раз высказался в том смысле, что такое привлечение только «осложнило бы ситуацию»***. У Го осталось впечатление, что Иден боится думать о привлечении СССР из-за опасения раздражить Германию и Италию. В данной связи Го мне рассказал, что германский и итальянский послы в Москве дней 10 назад посетили китайского посла в Москве и весьма явственно дали ему понять следующее: пока Германия и Италия занимают в отношении японо-китайского конфликта нейтральную позицию, но если СССР в той или иной форме будет привлечен к помощи Китаю, то Берлин и Рим открыто ассоциируются с Японией****. Весьма вероятно, что такого же рода демарш был сделан фашистскими державами и в Лондоне.

Го передал также на основании хороших источников, что британский посол в Берлине Гендерсон старался убедить американского посла там же способствовать предоставлению Германии совместного англо-американского займа и что он же открыто давал понять немцам о готовности Англии примириться с присоединением к Германии на «федеративных началах»

* Посол Китая в Великобритании.

** См. газ. «Известия», 22 и 29 июля 1937 г.

*** См. также док. № 246.

**** См. прим. 162.

Австрии и Чехословакии. Вена и Прага будто бы даже делали по этому поводу представления в Лондоне.

Кун все еще в Англии¹⁶⁴, но как будто бы на днях собирается ехать в Париж.

Полпред

Печат. по арх.

278. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
2 августа 1937 г.*

Вице-министр иностранных дел Сюй Мо позвонил мне по телефону и пригласил на чай к Ван Чун-хою. При разговоре были только они оба и я. Ван Чун-хой спросил меня, передал ли мне Сунь Фо просьбу китайского правительства к Советскому правительству произвести на маньчжурской границе кое-какое передвижение советских войск для того, чтобы «отвлечь внимание Японии от Китая». Я ответил, что Сунь Фо мне об этом действительно говорил, но что я ответил Сунь Фо то же, что должен заявить ему сейчас. Он должен понять, что я не могу дать никакого ответа на такой вопрос. Я сказал, что о моем разговоре с Сунь Фо я по этому вопросу, конечно, информировал Москву¹⁶⁵.

Так как я предполагал вечером говорить с Чан Кай-ши, то я не хотел подробно разговаривать с Ван Чун-хоем. Я кратко сказал ему, что на вопрос о военных поставках я получил удовлетворительный ответ из Москвы и что я собираюсь говорить по всем вопросам советско-китайских отношений с Чан Кай-ши*. Я опять заявил, что Советское правительство считает в настоящий момент какие-либо переговоры о пакте взаимопомощи несвоевременными.

У меня осталось впечатление, что и Ван Чун-хой и Сунь Фо чрезвычайно напуганы событиями и не знают, что делать. Оба в один голос уверяли меня, что японцы рассматривают заняты не только Баодин, но и Шинзячжуан, а в дальнейшем — Шаньси и Ганьсу и вообще весь Северо-Запад. Они подтвердили, что третьего дня японские аэропланы бомбардировали Баодин, и сказали, что очень опасаются японского десанта в Циндао.

На мой вопрос о позициях великих держав Ван Чун-хой дал следующие ответы:

1. Америка — полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции.

2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае. В Токио Англия сделала «дружественные» представления японскому правительству. Во всяком случае,

* См. док. № 279.

Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними пока прекращаются. Китайское правительство уверено, что Англия сделает все возможное, чтобы японская агрессия в Китае не перешла «известные границы». Я спросил, что же это за «известные границы». Ван Чун-хой только пожал плечами и ничего не ответил. По его словам, Англия готова была предпринять в Токио коллективную акцию, но, поскольку Америка не согласна, вопрос отпал*.

3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки.

На мой вопрос о позиции Германии Ван Чун-хой ответил, что Германия сделала японскому правительству «дружественное» представление в Токио. Германия заинтересована в развитии торговых отношений с Китаем и поэтому желает мира. Но Япония зашла уже так далеко в выполнении своих планов, что не хочет никого слушать.

Ван Чун-хой сказал, что у японцев в Северном Китае уже около 30 000 войск и они все продолжают перебрасывать новые войска. Он уверен, что Япония собирается сосредоточить в Северном Китае большую армию, которая будет угрожать не только Китаю, но и СССР.

Я полагаю, что нет никакого смысла вообще отвечать что-либо на запрос Ван Чун-хой о каких-то «передвижениях» наших войск на маньчжурской границе. Китайцы сами должны понять всю несуразность подобного передвижения.

Богомолов

Печат. по арх.

279. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
2 августа 1937 г.*

Сегодня имел беседу с Чан Кай-ши. Переводчиком была его жена, но при разговоре присутствовал также Чжан Чун, который организовал свидание.

Я передал Чан Кай-ши наш ответ согласно указанию**. Я заявил определенно, что Советское правительство не считает возможным в настоящее время вести какие-либо переговоры о пакте взаимопомощи. Первые замечания Чан Кай-ши касались суммы поставки и количества аэропланов. Он сказал, что хотел бы, чтобы сумма была больше и чтобы аэропланов было не 200, а 500. Об условиях соглашения и сроках он никаких замечаний не делал. Он точно так же не реагировал на наше предложение о посылке в СССР на обучение летчиков и танки-

* См. также док. № 277.

** См. док. № 274.

стов. Зато с готовностью реагировал на мое предложение о посылке наших военных экспертов в Китай для ознакомления с военными нуждами Китая. Он сказал, что крайне необходимо, чтобы наши эксперты могли на месте ознакомиться с потребностями Китая и изучить, какой род изготавливаемого нами вооружения наиболее подходит для Китая.

Основная дискуссия развернулась по вопросу о пакте о ненападении. Чан Кай-ши категорически заявил, что он не может согласиться на какую-либо увязку двух документов — соглашения о военных заказах и пакта о ненападении. Он заявил, что в принципе согласен на немедленное заключение пакта о ненападении с СССР при условии, если в пакте не будет ничего, что влекло бы за собой нарушение китайского суверенитета. Ни при каких обстоятельствах он не может согласиться на то, чтобы такой пакт о неагрессии мог быть истолкован как плата за соглашение о военной помощи. Я ответил, что, во-первых, сущность пакта о ненападении заключается в том, что обе страны обязываются не нападать друг на друга; совершенно понятно, что обязательство не нападать на другую страну никак не может быть истолковано как какая-то плата за что-либо; а во-вторых, китайское правительство должно понять наше положение: мы не можем поставлять наше вооружение Китаю, не имея даже минимальной гарантии в форме пакта о ненападении, что наше же оружие не будет употреблено против нас. Чан Кай-ши ответил, что не может быть никакого сомнения в том, что Китай никогда не нападет на СССР. Основное требование Японии, за выполнение которого она готова была идти на большие уступки, именно и заключалось в военном союзе против СССР. Однако китайское правительство категорически отвергло это требование и никогда на него не пойдет.

Я сказал, что я с большим удовлетворением выслушал его заявление, но один самый факт, что такой вопрос обсуждался в японо-китайских переговорах, подтверждает лишний раз необходимость для нас настаивать на заключении пакта о ненападении. Я заявил, что Советское правительство считает совершенно необходимым, чтобы подписание пакта о ненападении предшествовало военным поставкам.

Тогда Чан Кай-ши стал детализировать мою установку и задал мне вопрос, не считаем ли мы возможным подписать соглашение о военных поставках до пакта о ненападении, хотя выполнение поставок будет происходить после подписания пакта. Я ответил, что такое разграничение мне непонятно. Я говорил о выполнении поставок, но, само собой разумеется, нет смысла подписывать соглашение о военных поставках, если нет пакта о ненападении. В крайнем случае оба документа должны быть подписаны одновременно. Чан Кай-ши сказал, что я ставлю его в невозможное положение, так как в этом

случае пакт будет выглядеть как плата за соглашение о военных поставках.

Жена Чан Кай-ши сказала, что я мыслю вполне логично по-западному, что Чан Кай-ши мыслит по-восточному и что нужно это понять. Чан Кай-ши готов безусловно подписать пакт о ненападении с СССР, но не хочет, чтобы это выглядело как плата за соглашение о военных поставках. Он готов в принципе подписать пакт, не требуя от нас никаких обязательств о военных поставках.

Она тут же перевела замечание Чан Кай-ши, что он не собирается просить все другие страны о помощи и в случае нужды даст отпор японской агрессии своими силами. Я сказал, что из этого следует, что чем мы скорее подпишем пакт о ненападении, тем лучше. Что же касается военных поставок, то мы сами сделали это предложение, руководствуясь желанием содействовать укреплению военной мощи Китая, однако мы должны иметь гарантии, что наше оружие не будет употреблено против нас, и потому принуждены настаивать на предварительном подписании пакта о ненападении.

Чан Кай-ши спросил, считаем ли мы, что пакт о ненападении должен быть опубликован или он может остаться секретным. Я ответил, что я об этом не думал, но полагаю, что такой невинный документ может быть немедленно опубликован. Таков был у нас обычай со всеми другими пактами. Я не вижу никакого смысла держать такой документ в секрете. Однако, если он хочет, я могу довести до сведения моего правительства о его желании¹⁶⁵. Чан Кай-ши на это ничего не ответил.

Резюмируя разговор, я спросил Чан Кай-ши: «Могу ли я информировать мое правительство, что китайское правительство согласно немедленно начать переговоры о пакте о ненападении?» Чан Кай-ши ответил: «Да, при условии, если в пакте не будет ничего, что нарушило бы китайский суверенитет».

Он сказал затем, что хотел бы как можно скорее видеть наш проект. Я ответил, что я запрошу мое правительство переслать мне наш проект по телеграфу, а если китайское правительство желает, оно может подготовить свой контрпроект. Затем мы условились, что по получении нашего проекта я передам его Ван Чун-хою, с которым и буду вести дальнейшие переговоры*. Пытаясь резюмировать наш разговор о военных поставках, я спросил Чан Кай-ши, что же я могу передать в Москву от него. Он ответил: 1) желательно еще увеличить сумму кредитов; 2) количество аэропланов довести до 500; 3) получить от нас подробные сведения о типах наших аэропланов, их качествах (грузоподъемность, скорость и т. д.); 4) пригласить наших экспертов, которые могли бы познакомиться с

* Проект советской стороны был вручен Д. В. Богомоловым Ван Чун-хою 5 августа 1937 г. 8 августа Чэнь Ли-фу передал полпреду китайский проект; см. док. № 297.

местными условиями. Я спросил Чан Кай-ши, должен ли я разговаривать с Ван Чун-хоем и о военных поставках. Он ответил, что просит меня сообщить Ван Чун-хою о нашем принципиальном согласии, а в дальнейшем он назначит для этого специальное лицо¹⁶⁷. Если я получу в скором времени какой-нибудь ответ из Москвы, он просит информировать его лично.

Чан Кай-ши интересовался приездом Лепина. Я сказал, что в связи с китайскими событиями Лепин уже вернулся обратно в Китай и что он успел побывать только в Хабаровске. Чан Кай-ши спросил меня, говорил ли Лепин с Блюхером. Я ответил утвердительно. Чан Кай-ши сказал, что он очень хотел бы лично повидать Блюхера и был бы рад, если бы Блюхер смог приехать в Китай. Я обещал, что, хотя Блюхер, вероятно, очень занят на Дальнем Востоке, передам его просьбу в Москву.

Мое заключение: наше предложение о пакте о ненападении явилось, по-видимому, неожиданным и нежелательным для Чан Кай-ши. От поведения его жены у меня осталось впечатление, что она очень хочет, чтобы мы договорились, и недовольна медлительностью Чан Кай-ши. Чан Кай-ши не отказался еще от своих попыток маневрировать в отношении соглашений с Японией. Если бы он считал войну с Японией неизбежной в самом ближайшем будущем, он должен был бы проявить больше конкретного интереса к военным поставкам. В разговоре со мной до прихода Чан Кай-ши его жена сказала, что он опять собирается вскоре ехать в Кулин. Это показывает, что он еще рассчитывает на какую-то передышку.

Вопросы касательно военных поставок, на которые, по моему мнению, следует конкретно ответить Чан Кай-ши, я считаю, следующие: 1) наметить и срочно послать в Китай наших военных экспертов, 2) прислать по телеграфу сведения о типах и качествах наших аэропланов и танков, 3) дать ответ на вопрос Чэнь Ли-фу о противотанковых и зенитных орудиях*. Сумма кредитов, конечно, остается прежней. По вопросу о пакте о ненападении прошу передать мне по телеграфу наш проект. Я не знаю, в чем он состоит, но полагаю, что чем он короче, тем лучше и тем скорее мы можем договориться с китайским правительством. Я считал бы целесообразным в этот пакт включить вопросы: 1) обязательство о ненападении, 2) обязательство разрешать все разногласия мирным способом.

Богомолов

Печат. по арх.

* См. док. № 253.

280. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
2 августа 1937 г.

1. Еще до получения вашей телеграммы от 31 июля¹⁶⁸ я 31-го говорил с Войонмаа по поводу морской встречи *. Сегодня говорил повторно. Войонмаа сообщил, что, принимая во внимание мои заявления и то, что сообщение о морской встрече произвело плохое впечатление в Швеции, финляндское правительство, дабы не сорвать встречу в районе Аландских островов, отменяет встречу в августе **. Эскадра германских подводных лодок взамен этого приглашена в Хельсинки, где обеспечен лучший контроль как за немцами, так и за финскими моряками. Он уверяет, что финский флот, за исключением необходимого минимума, будет на это время разослан по другим местам и не встретится с немцами. Я, повторяя свои аргументы, указывал, что это половинчатое решение, при котором, по существу, меняется только место встречи, оставляет в силе все наши заявления. Войонмаа говорил о желании финляндского правительства придать визиту безобидный характер, о своей надежде, что немцы после изменения программы откажутся от визита.

Совершенно ясно, что шведы со своей стороны произвели серьезный нажим.

2. В связи с газетными сообщениями о желании немцев проникнуть для рыболовства в Печенгскую область, я повторно говорил об этом с Войонмаа ***. Сегодня до меня на эту же тему с ним говорил английский посланник Сноу. Сноу, между прочим, как мне сообщил Войонмаа, напирал на то, что траулеры Печенгской рыболовной компании не что иное, как германские матки подводных лодок. Об этом мною раньше сообщалось в письмах.

В последние дни Войонмаа уже не так решительно, как раньше, заверял, что немцы на Печенгу допущены не будут. Он сам приводил факты проникновения германского влияния в Финляндию, в частности в судоходство, чему финляндское правительство на законном основании противодействовать не может. Он якобы разрабатывает вопрос об издании закона, запрещающего иностранцу приобретение земельных участков без особого решения правительства.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 271.

** Так в документе; см. также газ. «Известия», 4 августа 1937 г.

*** См. док. № 242, 254, 272.

281. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову

3 августа 1937 г.

Разрешен приезд в Москву восьми представителей нанкин-ского правительства в целях ознакомления с вопросами тяжелой промышленности, организации колхозов, использования земель, сохранения рек, гидротехники и сельской кооперации в соответствии с просьбой нанкин-ского правительства, переданной через посольство.

Разрешен также приезд в Москву директору медицинского института Чжан Вэю для изучения постановки медицинского образования ¹⁶⁹.

Стомонаков

Печат. по арх.

282. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных

*Немедленно
3 августа 1937 г.*

Сепакбоди * по поручению Самии сообщил 31 июля, что последний хотел бы перед сентябрьской сессией Лиги наций сделать визит в Москву и пробыть здесь три дня с тем, чтобы переговорить по всем вопросам наших отношений с Литвиновым.

Сегодня, 3 августа, я сообщил Сепакбоди, что мы были бы очень рады приезду Самии, в особенности ввиду его предложения урегулировать при этом в переговорах с Литвиновым все вопросы наших отношений. В интересах этих отношений следовало бы, однако, в переговорах, которые ведутся между Самии и Вами в Тегеране **, обеспечить успех визита Самии, ибо если бы переговоры между Самии и Литвиновым не дали положительного результата, то вместо улучшения отношений получилось бы разочарование и их охлаждение. Кроме того, надо учесть, что Литвинов и Самии не могут вести переговоры по таким технически сложным вопросам и что они могут лишь оформить и подписать соглашения, которые будут подготовлены в Тегеране. Ввиду этого мы затрудняемся предложить Самии определенную дату для его приезда и предпочли бы установить эту дату лишь после того, как в тегеранских переговорах выяснится возможность подписать в Москве соглашения. Я просил бы, кроме того, учесть, что Литвинов, возможно, поедет в отпуск до сентябрьской сессии Лиги наций.

* Посол Ирана в СССР.

** См. прил. 64, 137.

Ввиду важности вопроса предлагаем Вам немедленно повторить этот ответ Самии, добавив, что если бы к моменту его отъезда в Женеву выяснилось, что соглашения не могут быть подписаны в Москве, то он, конечно, мог бы поехать в Женеву транзитом через Москву. При этом само собою разумеется, что он мог бы здесь встретиться с официальными лицами и переговорить по интересующим его вопросам *. В этом случае недостижение соглашения в Москве, ввиду неофициального характера его приезда, не могло бы иметь отрицательных результатов для наших отношений.

Исполнение подтвердите **.

Стомоняков

Печат. по арх.

283. Соглашение о торговых отношениях между СССР и США, заключенное путем обмена нотами

1. НОТА
НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ПОСЛУ США В СССР
ДЭВИСУ

Москва, 4 августа 1937 г.

Господин Посол,

Ссылаясь на имевшие место недавно беседы по вопросу о торговле между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки, имею честь подтвердить и закрепить настоящей нотой следующее соглашение, которое было достигнуто между Правительствами наших стран по принадлежности:

1. Соединенные Штаты Америки предоставят Союзу Советских Социалистических Республик безусловный и неограниченный режим наиболее благоприятствуемой нации по всем вопросам, касающимся таможенных пошлин и сборов всякого рода, а также порядка взимания пошлин, и далее по всем вопросам, касающимся правил, формальностей и сборов, взыскиваемых в связи с очисткой товаров на таможенных, и поскольку это касается всех законов или правил, имеющих отношение к продаже или к использованию импортных товаров внутри страны.

Соответственно этому произведения почвы или промышленности Союза Советских Социалистических Республик ни в каком случае не будут подвергаться в отношении указанных выше вопросов каким-либо иным или более высоким пошлинам, налогам или сборам или каким-либо иным или более обременительным правилам или формальностям, чем те, которым подвергаются или могут быть впоследствии подвергнуты подобные же произведения всякой третьей страны.

* См. док. № 320, 339.

** См. док. № 286.

Точно так же произведения почвы или промышленности, вывозимые с территории Соединенных Штатов Америки и отправляемые на территорию Союза Советских Социалистических Республик, ни в каком случае не будут подвергаться, поскольку это касается вывоза и в отношении указанных выше вопросов, каким-либо иным или более высоким пошлинам, налогам или сборам или каким-либо иным или более обременительным правилам или формальностям, чем те, которым подвергаются или могут быть впоследствии подвергнуты подобные же произведения при отправке на территорию всякой третьей страны.

Всякие преимущества, облегчения, привилегии или льготы, которые были или могут быть впоследствии предоставлены Соединенными Штатами Америки в отношении указанных выше вопросов произведениям почвы или промышленности всякой третьей страны или отправляемым на территорию всякой третьей страны, будут предоставлены немедленно и безвозмездно подобным же произведениям Союза Советских Социалистических Республик или отправляемым на его территорию.

Условлено, что, пока и поскольку существующие законы Соединенных Штатов Америки будут требовать иного, изложенные выше постановления, поскольку они относились бы к пошлинам, налогам или сборам с угля, с производимого из него кокса или с угольных или коксовых брикетов, не будут применяться к этим продуктам, ввозимым в Соединенные Штаты Америки. Если законы Соединенных Штатов Америки не сделают возможным полное применение изложенных выше постановлений, поскольку это касается упомянутых выше продуктов, то Союз Советских Социалистических Республик сохраняет за собой право в пределах срока в 15 дней после 1 января 1938 г. полностью расторгнуть настоящее соглашение с письменным предупреждением за тридцать дней.

Условлено далее, что преимущества, которые предоставлены в настоящее время или которые могут быть предоставлены впоследствии друг другу или Республике Кубе Соединенными Штатами Америки, их территориями или владениями, Филиппинскими островами или зоной Панамского канала, будут изъять из действия настоящего соглашения.

Ничто в настоящем соглашении не может быть истолковано как препятствующее принятию мер, воспрепятствующих или ограничивающих вывоз или ввоз золота или серебра, или как препятствующее принятию таких мер, которые Правительство Соединенных Штатов Америки сочтет необходимыми, поскольку это касается контроля над вывозом или над продажей для вывоза оружия, боевых припасов или военного снаряжения и, в исключительных случаях, всех иных предметов военного снабжения. Условлено, что всякое действие, которое мо-

жет быть принято Президентом Соединенных Штатов Америки в силу раздела (2) (b) Акта о нейтралитете 1937 г.* в отношении перехода права распоряжения товарам, не будет рассматриваться как противоречащее какому-либо из условий настоящего соглашения, относящихся к вывозу произведений почвы или промышленности с территории Соединенных Штатов Америки.

При условии, что Соединенные Штаты Америки не будут применять никакой незаконной дискриминации по отношению к ввозу из Союза Советских Социалистических Республик, создающей выгоду для ввоза из всякой третьей страны, изложенные выше постановления не будут распространяться на воспрещения или ограничения: (1) устанавливаемые по причинам морального или гуманитарного характера, (2) предназначенные для защиты человеческой жизни и для защиты существования животных или растений, (3) относящиеся к товарам, произведенным тюремным трудом, или (4) относящиеся к проведению в жизнь административных или фискальных законов.

2. Со своей стороны Правительство Союза Советских Социалистических Республик примет меры к существенному увеличению размера закупок в Соединенных Штатах Америки для вывоза в Союз Советских Социалистических Республик произведений почвы или промышленности Соединенных Штатов Америки.

3. Настоящее соглашение вступит в силу со дня объявления его Президентом Соединенных Штатов Америки и утверждения его Советом Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик, каковые объявления и утверждение состоятся в один и тот же день. Соглашение будет действовать в течение двенадцати месяцев. Обе стороны соглашаются, что не позже чем за тридцать дней до истечения упомянутого выше периода в двенадцать месяцев они начнут переговоры относительно продления периода, на который настоящее соглашение сохранит силу.

Примите, господин Посол, повторные уверения в моем отличном уважении.

М. Литвинов

2. ПОТА

ПОСЛА США В СССР

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

М. М. ЛИТВИНОВУ

Москва, 4 августа 1937 г.

Ваше Превосходительство,

Ссылаясь на имевшие место недавно беседы по вопросу о торговле между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик, имею честь подтвер-

* См. газ. «Известия», 4 мая 1937 г.

дать и закрепить настоящей нотой следующее соглашение, которое было достигнуто между Правительствами наших стран по принадлежности:

1. Соединенные Штаты Америки предоставят Союзу Советских Социалистических Республик безусловный и неограниченный режим наиболее благоприятствуемой нации по всем вопросам, касающимся таможенных пошлин и сборов всякого рода, а также порядка взимания пошлин, и далее по всем вопросам, касающимся правил, формальностей и сборов, взыскиваемых в связи с очисткой товаров на таможенных, и поскольку это касается всех законов или правил, имеющих отношение к продаже или к использованию импортных товаров внутри страны.

Соответственно этому произведения почвы или промышленности Союза Советских Социалистических Республик ни в каком случае не будут подвергаться в отношении указанных выше вопросов каким-либо иным или более высоким пошлинам, налогам или сборам или каким-либо иным или более обременительным правилам или формальностям, чем те, которым подвергаются или могут быть впоследствии подвергнуты подобные же произведения всякой третьей страны.

Точно так же произведения почвы или промышленности, вывозимые с территории Соединенных Штатов Америки и отправляемые на территорию Союза Советских Социалистических Республик, ни в каком случае не будут подвергаться, поскольку это касается вывоза и в отношении указанных выше вопросов, каким-либо иным или более высоким пошлинам, налогам или сборам или каким-либо иным или более обременительным правилам или формальностям, чем те, которым подвергаются или могут быть впоследствии подвергнуты подобные же произведения при отправке на территорию всякой третьей страны.

Всякие преимущества, облегчения, привилегии или льготы, которые были или могут быть впоследствии предоставлены Соединенными Штатами Америки в отношении указанных выше вопросов произведениям почвы или промышленности всякой третьей страны или отправляемым на территорию всякой третьей страны, будут предоставлены немедленно и безвозмездно подобным же произведениям Союза Советских Социалистических Республик или отправляемым на его территорию.

Условлено, что, пока и поскольку существующие законы Соединенных Штатов Америки будут требовать иного, изложенные выше постановления, поскольку они относились бы к пошлинам, налогам или сборам с угля, с производимого из него кокса или с угольных или коксовых бракетов, не будут применяться к этим продуктам, ввозимым в Соединенные Штаты Америки. Если законы Соединенных Штатов Америки

не сделают возможным полное применение изложенных выше постановлений, поскольку это касается упомянутых выше продуктов, то Союз Советских Социалистических Республик сохраняет за собой право в пределах срока в 15 дней после 1 января 1938 г. полностью расторгнуть настоящее соглашение с письменным предупреждением за тридцать дней.

Условлено далее, что преимущества, которые предоставлены в настоящее время или которые могут быть предоставлены впоследствии друг другу или Республике Кубе Соединенными Штатами Америки, их территориями или владениями, Филиппинскими островами или зоной Панамского канала, будут изъяты из действия настоящего соглашения.

Ничто в настоящем соглашении не может быть истолковано как препятствующее принятию мер, воспрещающих или ограничивающих вывоз или ввоз золота или серебра, или как препятствующее принятию таких мер, которые Правительство Соединенных Штатов Америки сочтет необходимыми, поскольку это касается контроля над вывозом или над продажей для вывоза оружия, боевых припасов или военного снаряжения и, в исключительных случаях, всех иных предметов военного снабжения. Условлено, что всякое действие, которое может быть принято Президентом Соединенных Штатов Америки в силу раздела (2) (b) Акта о нейтралитете 1937 г. в отношении перехода права распоряжения товарами, не будет рассматриваться как противоречащее какому-либо из условий настоящего соглашения, относящихся к вывозу произведений почвы или промышленности с территории Соединенных Штатов Америки.

При условии, что Соединенные Штаты Америки не будут применять никакой незаконной дискриминации по отношению к ввозу из Союза Советских Социалистических Республик, создающей выгоду для ввоза из всякой третьей страны, изложенные выше постановления не будут распространяться на воспрещения или ограничения: (1) устанавливаемые по причинам морального или гуманитарного характера, (2) предназначенные для защиты человеческой жизни и для защиты существования животных или растений, (3) относящиеся к товарам, произведенным тюремным трудом, или (4) относящиеся к проведению в жизнь административных или фискальных законов.

2. Со своей стороны Правительство Союза Советских Социалистических Республик примет меры к существенному увеличению размера закупок в Соединенных Штатах Америки для вывоза в Союз Советских Социалистических Республик произведений почвы или промышленности Соединенных Штатов Америки.

3. Настоящее соглашение вступит в силу со дня объявления его Президентом Соединенных Штатов Америки и утвер-

ждения его Советом Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик, каковые объявление и утверждение состоятся в один и тот же день. Соглашение будет действовать в течение двенадцати месяцев. Обе стороны соглашаются, что не позже чем за тридцать дней до истечения упомянутого выше периода в двенадцать месяцев они начнут переговоры относительно продления периода, на который настоящее соглашение сохранит силу.

Примите, Ваше Превосходительство, повторные уверения в моем отличном уважении.

Посол Соединенных Штатов Америки
Джозеф Э. Дэвис

Ноты печат. по арх. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 35, 10 декабря 1937 г., стр. 750—753.

Соглашение утверждено СНК СССР и проklamировано президентом США 6 августа 1937 г.

284. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Ирана о передаче Ирану плавучего маяка «Ашур-Адэ»

1. НОТА

ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ИРАНЕ
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИРАНА
САМИИ

4 августа 1937 г. № 276

Господин Министр,

По поручению моего Правительства имю честь довести до Вашего сведения, что Правительством Союза Советских Социалистических Республик даны необходимые указания о передаче иранским властям принадлежащего СССР плавучего маяка «Ашур-Адэ», обслуживающего судоходство в части Каспийского моря.

Так как Правительства СССР и Ирана оба заинтересованы в успешном течении дел судоходства на Каспийском море, я выражаю уверенность, что иранские власти не пожалеют прилагать необходимые усилия к функционированию указанного плавучего маяка, и если возникнет необходимость в изменении порядка работы маяка, то компетентные иранские органы своевременно будут оповещать об этом изменении соответствующие советские органы, подобно тому как соответствующие советские органы будут оповещать своевременно компетентные иранские органы об изменении порядка работы своих маяков на советском побережье.

Ввиду того что Правительство СССР не взимает никакого маячного сбора с иранских судов, плавающих по Каспийско-

му морю, и ввиду того что Иранское Правительство взаимно применяет такой порядок в отношении советских судов, плавающих по Каспийскому морю*, то само собой разумеется, что Иранское Правительство будет применять такой же порядок и в отношении плавающего маяка «Ашур-Адэ».

Пользуясь случаем, прошу принять, господин Министр, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Черных

2. НОТА
МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИРАНА
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР В ИРАНЕ
А. С. ЧЕРНЫХ

9 августа 1937 г.

Господин Посол,

Имею честь довести до Вашего сведения, что я получил Вашу ноту от 4 августа 1937 г. за № 276 следующего содержания:

«Правительством СССР даны необходимые указания о передаче иранским властям принадлежащего СССР плавающего маяка «Ашур-Адэ», обслуживающего судоходство в части Каспийского моря.

Так как Правительства СССР и Ирана оба заинтересованы в успешном течении дел судоходства на Каспийском море, я выражаю уверенность, что иранские власти не пожалеют прилагать необходимые усилия к функционированию указанного плавающего маяка, и если возникнет необходимость в изменении порядка работы маяка, то компетентные иранские органы своевременно будут оповещать об этом изменении соответствующие советские органы, подобно тому как соответствующие советские органы будут оповещать своевременно компетентные иранские органы об изменении порядка работы своих маяков на советском побережье.

Ввиду того что Правительство СССР не взимает никакого маячного сбора с иранских судов, плавающих по Каспийскому морю, и ввиду того что Иранское Правительство взаимно применяет такой порядок в отношении советских судов, плавающих по Каспийскому морю, то само собой разумеется, что Иранское Правительство будет применять такой же порядок и в отношении плавающего маяка «Ашур-Адэ».

Сообщая о своем согласии с содержанием вышеприведенной ноты, пользуюсь случаем, чтобы выразить уверения в моем глубоком к Вам уважении».

Самии

*Ноты печат. по арх. Олудж.
в «Сборнике действующих договоров...»,
вып. IX, М., 1938, стр. 318—319*

* См. «Сборник действующих договоров...», вып. IX, М., 1938, стр. 318—319.

285. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

4 августа 1937 г.

Несмотря на давление Дельбоса¹⁷⁰, мы решили дальнейших уступок в нашей основной позиции не делать*. Не сходя с этой позиции, сманеврируйте, однако, таким образом, чтобы Италия и Германия вынуждены были раскрыть свои карты по вопросу об эвакуации волонтеров. Если встанет также вопрос о марокканцах, то можете изъявить готовность этот вопрос обсудить отдельно, после предварительной эвакуации остальных так называемых иностранных волонтеров.

Литвинов

Печат. по арх.

286. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

*Вне очереди
8 августа 1937 г.*

На Вашу телеграмму от 3 августа**. Вернувшийся сегодня из Мазендерана Самини заехал ко мне. Я сделал ему порученную Вами информацию. Самини просил меня объяснить Вам, что Селахбоди, очевидно, неправильно понял его идею, благодаря чему произошло недоразумение. Министр не имел в виду делать официальный визит или вести переговоры о конвенциях и их подписывать. В этом отношении он вполне согласен с Вашими соображениями о необходимости предварительной полной подготовки. Самини хотел только до поездки в Женеву познакомиться с Литвиновым, переговорить с ним об общей линии ирано-советских взаимоотношений и выяснить причины возникших трудностей. Недоразумение, по словам Самини, возникло потому, что Селахбоди уже давно приглашал его совершить совместную поездку в Женеву через Москву и не понял, очевидно, мысли министра, сообщившего на днях послу о желании его приехать в Женеву через Москву и встретиться там с Литвиновым. Самини добавил, что маршрут его еще не решен. Он имеет приглашение иракского правительства проехать через Багдад. Но шаху он еще не докладывал и от него указаний не имеет. Во всяком случае, если Литвинова не будет в Москве через 10—15 дней, то отпадает главная цель поездки министра туда. Тогда, очевидно, придется отложить беседу до Женевы***, куда Самини намерен

* См. док. № 264.

** См. док. № 282.

*** См. док. № 339.

приехать по крайней мере за 10 дней до начала сессии. Самни уверяет, что он до своего отъезда хотел бы максимально продвинуть наши переговоры.

Полпред

Печат. по арх.

**287. Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

8 августа 1937 г.

Уважаемый Максим Максимович,

1. Истекший месяц не принес ничего существенного в области внешней политики Дании. Поездка Сандлера в Москву* была датской прессой отмечена довольно скромно.

Что касается скандинавского блока, о котором пишет I Западный отдел¹⁷, то его действительно можно мыслить в двух возможностях совершенно различного направления: или «в рамках Лиги наций» и как средство укрепления коллективной безопасности, или же как некоторую «нейтральную» по отношению к агрессору (Германии) комбинацию, с возможным расширением в скандинавско-прибалтийский «санитарный кордон» к западу от СССР и против него.

К скандинавскому блоку в первом из этих двух видов — «в рамках Лиги наций» — наше отношение было бы положительным, как об этом нам писал т. Потемкин**, и о таком именно блоке я говорил с Корстом. (Корст — бывший личный секретарь Стаунинга, социал-демократ, экономист, привлечен в состав очень ответственной правительственной комиссии по изучению состояния датской экономики и по изысканию мер вывода ее из теперешнего трудного положения; Корст очень сочувственно к нам относится, его недавно называли как весьма вероятного кандидата в министры финансов на место ушедшего Хансена.)

Болт-Иоргенсен, беседовавший с т. Линде на тему о скандинавском блоке, не выявил своего понимания его, но, весьма вероятно, придерживается того понимания, которое распространено в консервативных кругах: скандинавский блок как военный союз, на базе определенного расширения и объединения всех Скандинавских стран, долженствующий защищать их «нейтралитет», но с острием, направленным не только на юг — против Германии, но и на восток — против нас.

2. За предложением со стороны Тальбитцера (главного редактора «Финанстиденде») Мунку поехать в Москву серьезной основы, в смысле соответствия теперешней линии датской внешней политики, нет. Тальбитцер, хотя и весьма консервативный человек, уже повторно обращается к Мунку с таким предложением.

* См. док. № 235.

** См. док. № 184.

Но датские промышленники, явно боящиеся возвращения кризиса, несмотря на неплохие дела в 1936 и в этом году, заинтересованы в оживлении торговых отношений с нами. 29 июля по инициативе и по приглашению Фейгенберга, юриста-консультанта фирмы «Бурмейстер и Вейн», имеющего большие связи среди здешнего промышленного мира и хорошо знакомого со Стаунигом, был устроен обед с участием Стаунига, ряда видных представителей здешней промышленности (см. мой дневник от 29 июля *) и меня с Дукальским. Нас с Дукальским Фейгенберг предварительно запросил об этом обеде, и мы дали свое согласие (см. мой дневник от 26 июня *). На обеде я произнес небольшую речь, в которой в самых общих выражениях заявил о своем убеждении в том, что наши торговые отношения с Данией имеют не только прошлое, но и будущее, и выразил надежду на то, что эти торговые отношения будут «крупным вкладом в дело укрепления потенциала мира, о котором говорил г. Литвинов с г. Сандлером в Москве». По дошедшим до меня сведениям, Стауниг был моим выступлением весьма доволен, понял ли он намек насчет потенциала мира, не знаю.

Во всяком случае, датское правительство вынуждено лавировать между нажимом со стороны сельского хозяйства, требующего расширения экспорта сельхозтоваров любой ценой, хотя бы ценой неограниченного импорта в страну готовых германских и английских промтоваров, и интересами промышленности, страдающей и от недостатка ввоза в страну сырья, и от прямой конкуренции со стороны импортируемых готовых промтоваров. В частности, в довольно тяжелых условиях оказалась датская текстильная промышленность, вынужденная выбрасывать на улицу рабочих из-за сокращения производства. В этих условиях не только датские промышленники, но и Стауниг несомненно вновь заинтересовались нашими заказами.

А между тем наши торговые отношения с Данией в этом году страдают исключительной неопределенностью. Дукальский имеет план заказов всего на что-то около 400 000 крон. Правда, он питает надежду на увеличение размеров наших заказов (так называемых компенсационных) до размеров прошлого года — 4 млн. крон, но все это пока очень неопределенно.

Но об этом я поговорю по приезде в Москву в ближайшие дни. [...] **

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Дании
Тихменев

Печат. по арх.

* Не публикуется.

** Опущена часть документа, не относящаяся к внешнеполитическим вопросам.

288. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову

9 августа 1937 г.

По имеющимся у нас достоверным сведениям, Германия и Италия, по договоренности с Японией, дали директивы своим военным инструкторам и летчикам в Китае не оказывать никакой помощи Китаю в его борьбе с Японией. Обсуждается даже вопрос об отзыве из Китая военных инструкторов.

Стомоняков

Печат. по арх.

289. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая

*Немедленно
9 августа 1937 г.*

Сегодня в разговоре со мной Чэнь Ли-фу вернулся к вопросу о прямой воздушной линии между СССР и Китаем¹⁷². Он сказал, что говорил по этому вопросу с вице-министром путей сообщения Пэнном. По мнению последнего, выработка новой трассы или отказ от договора с «Евразией»* будет довольно сложным делом. Точно так же новый договор о смешанном советско-китайском обществе возьмет много времени. Он считает наиболее целесообразным, чтобы полеты через Синьцзян организовало само синьцзянское провинциальное правительство. До Хами могут летать аэропланы «Евразии», а от Чугучака — советские. Сообщите решение**.

Богомолов

Печат. по арх.

290. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину

9 августа 1937 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Петрович,

По возвращении из Москвы я была у премьер-министра Пера Альбина Хансена, который сейчас замещает Сандлера. Сандлер — в отпуску.

Премьер сразу заговорил об «удачной поездке» Сандлера*** и любезном приеме, ему оказанном. Он просил передать

* Китайско-германская авиатранспортная компания.

** См. док. № 291.

*** См. док. № 235.

Советскому правительству, Максиму Максимовичу [Литвинову] и Вам благодарность за все то внимание, которое было оказано Сандлеру и его спутникам. Премьер выразил уверенность, что визит Сандлера закрепит дружеские отношения, существующие между обеими странами, и будет способствовать общей работе по закреплению мира. Я на это заметила, что это, конечно, основная задача всех стран демократии, но что едва ли целесообразно в данном случае ослаблять «оговорками» и пересмотрами пункты, обеспечивающие коллективную безопасность в Лиге наций. Премьер на это живо ответил, что «вы судите так потому, что имеете постоянного представителя в Совете Лиги и, значит, голос при определении вопроса об агрессоре и мере борьбы против него. Мы же, маленькие страны, хотим сохранить за собой право суждения и не быть вынуждены механически участвовать в акции, которая может только усилить мировую войну». Эту же аргументацию приводил всегда Сандлер.

Я ответила Хансену, что такая постановка невыгодна как раз малым странам, защитой которых являются безоговорочные обязательства Пакта и Устава Лиги наций. Именно чтобы предотвратить войну и удержать агрессоров от их военных замыслов, нельзя никоим образом ослабить обязательства, налагаемые пунктами коллективной безопасности. Ослабить агрессивные настроения некоторых держав может лишь твердое соблюдение и сохранение основ Лиги. Я также указала премьеру, что, понимая все желание малых стран остаться в стороне от всяких военных осложнений, думаю, что при современной ситуации это окажется невозможно. Швеция сама убедилась на примере Испании, что «нейтральной» она остаться не смогла и что ей пришлось выбрать между Валенсией и Франко. Премьер живо возразил на это: «Наш выбор не мог быть иным, чем Валенсия. Здесь картина была ясна, но могут быть сложные положения, при которых мы не хотим помимо воли всего шведского народа быть вынужденными поддерживать сторону, которая может «симулировать», что не она агрессор,— и уже с улыбкой добавил.— Немцы — народ хитрый».

Этим замечанием премьер, видимо, хотел дать мне понять, что Швеция имеет в виду не нас, а Германию.

Пер Альбин Хансен рассказал, что Сандлер очень оценил ту «душевность», с которой члены Советского правительства вели с ним непринужденную беседу после завтрака у т. Молотова*. Я ответила Хансену, что Сандлер не мог не убедиться, насколько искренне Союз желает хороших отношений со Швецией и сотрудничества по общей линии в Лиге наций. После визита Сандлера мы надеемся, что и социал-демократи-

* См. газ. «Известия», 11 июля 1937 г.

ческая пресса покажет больше понимания нашей политики как вовне, так и внутри Союза. Хансен на это указал, что в связи с поездкой Сандлера мы не имеем основания жаловаться на шведскую прессу.

Действительно, отклики в прессе на визит Сандлера надо считать в общем удовлетворительными. Ни одному визиту Сандлера в другие страны не было уделено столько внимания в печати. Поездка его расценивается как показатель стремлений шведского правительства противопоставить себя политике стран фашизма. Радикальная общественность это так и определяет, однако спрашивают: почему Мунтерсу был оказан прием у Сталина, а Сандлеру нет? В печати проскальзывало, что буржуазные партии боялись, как бы визит Сандлера не привел к «слишком» интимному сотрудничеству нынешнего кабинета с Союзом, т. е. как бы не создалось базы для осуществления «народного фронта» в Швеции.

Либеральная газета «Дагенс нюхетер» писала по поводу речи Сандлера, что «если мы правильно поняли слова министра иностранных дел, то он сумел в любезной, дружественной форме, но достаточно ясно ответить всякие предположения о том, будто Швеция может стать экспортным рынком для экспериментов с методами социализации по марксистскому патенту или без этой марки. Сандлер имеет всю дальновидную политическую общественность за собою, когда он выражает пожелание, чтобы сотрудничество между странами развивалось несмотря на различие идеологических концепций».

Шведские журналисты, побывавшие в Союзе*, пишут неплохие статьи. Лучшие статьи — редактора [«Арбетет»] Аллана Фогта, председателя военной комиссии риксдага. Это умный и политически разбирающийся человек, притом весьма близок к премьеру. Он провел в Москве два месяца.

Редактор крестьянской газеты, который не мог поехать по случаю болезни, прислал мне на днях письмо, где выражает свое большое огорчение, что не мог участвовать в «этой удачной и поучительной поездке по Союзу».

Хорошие впечатления вынесли и шведские геологи, побывавшие на конгрессе геологов в Москве, о чем см. в нашем обзоре печати. Заходил ко мне ученый-лесовод Шестрем, в мае ездивший в Союз для изучения сибирской лиственницы. Он в восторге от Союза и просил меня передать благодарность аппарату Наркомлеса за оказанную ему научную помощь.

Однако самый факт визита Сандлера беспокоит правых. Поэтому нацистские газеты уже начали писать для успокоения умов, что Сандлер вскоре сделает визит в Варшаву. Сандлер поедет в Польшу, по-видимому, еще до Ассамблеи в Женеве.

* См. док. № 190.

Сейчас во внутренней жизни Швеции политически мертвый сезон. Однако все партии используют этот момент, чтобы вести агитацию среди широких масс своих избирателей. Консервативная партия, пользуясь тем, что она выступает не в парламенте, где она в меньшинстве, начинает разрабатывать едкую критику действий кабинета (социал-демократов и бундепарти *). Лидер консерваторов Багге выступает с обвинением кабинета, что его политика, «приведшая страну к высокой конъюнктуре, является мифическим утверждением». Орган консерваторов («Свенска дагбладет») настаивает на серьезном пересмотре курса внутренней политики Швеции, руководителями которой являлись эти годы социал-демократы: это [де] единственно приемлемая альтернатива перед лицом серьезных обострений на международной арене.

Шведская правая пресса давно не говорила таким решительным языком против современного кабинета. Это показывает, что международная ситуация может в самом деле повести к нарушению «мирного сотрудничества» парламентских групп, характерного для шведской внутренней политики со времени последних выборов 1936 г. Консервативная партия в Швеции наиболее проникнута германophilством. Поэтому напор правой партии на кабинет приходится учитывать при дальнейшем развертывании также и внешней политики Швеции. «Дружественность» кабинета к нам — понятие весьма относительное, зависящее в большой степени от основного фактора — политики Англии. Поскольку Англия заинтересована ослабить обязательства Лиги наций, где, по мнению английских консерваторов, Союз начал играть «слишком доминирующую роль», постольку и шведское правительство будет в Лиге наций гнуть линию на ослабление коллективной безопасности и плестись за Иденом и К^о. Шатание Англии, ее двусмысленное поведение в испанских делах сказывается на том, что и по отношению к Испании тон шведской прессы стал холоднее, менее дружественным к Валенсии. Даже официоз «Социалдемократен» делается заметно «осторожнее».

В китайско-японском конфликте Швеция пока на стороне Китая (см. наш обзор печати). Несмотря на стремление шведского правительства удержаться на позиции «нейтралитета», Швеция значительно усиливала за этот год свою обороноспособность. Это усиление для общественности облекается в форму прежде всего «защиты демократии против фашизма». Усиление обороны против Союза в Швеции не было бы популярно.

На днях происходило торжественное открытие нового железнодорожного пути на севере Швеции: Йокмоок — Арвидсьяур. Эта ветвь связывает север Швеции с Гетеборгским портом. Линия эта длиною в 1300 км имеет не просто хозяй-

* Крестьянская партия.

ственное, но и своего рода стратегическое значение, так как дает возможность вывозить северную руду прямо в открытое море, минуя Балтийское море, а также дает возможность легче обслуживать северные районы как в экономическом, так и в военном отношении.

Учет настроений в Швеции при усиливающемся давлении правых кругов на шведское правительство, двурушническая позиция Англии, визит Сандлера в Варшаву и вопрос о том, как бы нейтралитет скандинавов не превратился в оружие для стран-агрессоров, являются моментами, на которых мы здесь сейчас сосредоточиваем свое основное внимание.

На днях ко мне заходил с визитом посол США в Москве Дэвис вместе с новым посланником США в Стокгольме Дирингом. Оба были очень обеспокоены китайско-японским конфликтом и всячески выражали удовлетворение растущими дружескими и экономическими связями с Союзом. Вчера Дэвис устроил чай на своей яхте. Из шведов был один Гюнтер*.

На Ваш запрос¹⁵³ по поводу едущей в Союз группы народных шведских танцев и пения еще раз сообщая, что эта группа в 16 человек — сочувствующая нам рабочая молодежь. Они наняты на туристский шведский пароход «Грипсхольм», идущий в Ленинград, поэтому материально они не заинтересованы в вознаграждении за выступления у нас, но им очень хочется показать нашей советской публике народные шведские танцы и пение. Хорошо, если им удастся выступить в Ленинграде. [...] **

С лучшим приветом

Полпред СССР в Швеции
А. Коллонтай

Печат. по арх.

291. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу

*Немедленно
10 августа 1937 г.*

На телеграмму от 9 августа***, Заявите китайцам, что впредь до организации советско-китайского смешанного общества, и установления этим обществом постоянного воздушного сообщения между СССР и Восточным Китаем**** мы согласны с их предложением, чтобы временно воздушная связь между СССР и Хами осуществлялась синцзянским правительством. Мы возражаем, однако, против

* Генеральный секретарь МИД Швеции.

** Опушена часть документа, не относящаяся к внешнеполитическим вопросам.

*** См. док. № 289, 295.

**** См. прим. 28.

того, чтобы на следующем участке этой линии — от Хами до Нанкина — связь осуществлялась немцами, ибо таким образом Германия, являющаяся союзником Японии, получила бы в руки фактический контроль над связью между Китаем и СССР в самое важное для Японии время. Мы предлагаем поэтому вернуться к первоначальному китайскому предложению о том, чтобы связь до Синьцзяна осуществлялась китайскими правительственными самолетами, при этом без всякого участия в этом деле иностранцев.

Стомоняков

Печат. по арх.

292. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

10 августа 1937 г.

Ответ Литвинова Хэллу* произвел в Вашингтоне хорошее впечатление, особенно в сочетании с пустотой большинства ответов других стран и с фактом отсутствия ответов от Японии, Германии, Италии. Почему-то не ответили ни Китай, ни Испания. Госдепартамент заявляет, что были запрошены мнения всех правительств, с которыми американское правительство поддерживает отношения.

Раздавая журналистам тексты ответов 42 правительств, заведующий отделом печати госдепартамента Макдермотт рекомендовал им обратить особое внимание на ответ Советского правительства, как «содержательный и конструктивный». Пресса пока не комментирует.

Уманский

Печат. по арх.

293. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

10 августа 1937 г.

По информации испанского посла, совпадающей со сведениями, полученными из бесед с американцами, миссия председателя итальянского сената Федерцони в Южной Америке окончилась неудачей, и он выехал обратно в Италию ни с чем. Федерцони, в делегацию которого кроме пяти итальянцев входили представители испанских фалангистов, добивался сначала в Бразилии, затем в Аргентине и Уругвае признания Франко, создания «латинского антибольшевистского альянса», обещая экономическую компенсацию со стороны Италии и Франко. Везде его миссию принимали президенты и мини-

* См. док. № 257.

стры иностранных дел, однако: 1) бразильское правительство отказало в признании Франко со ссылкой на нежелание Вашингтона, 2) в Буэнос-Айресе Сааведра Ламос прямо заявил, что деятельность итальянских и немецких фашистов в Аргентине его беспокоит больше, чем влияние коммунистов, и также отказал в признании, 3) Монтевидео поступило аналогично, по совету Бразилии. Федерони, собиравшийся посетить также другие южноамериканские страны и затем с пучком признаний приехать в Вашингтон, отказался от того и другого. Де лос Риос * удачно использовал это дело в разговоре с Хэллом как доказательство итальянских интриг в Южной Америке за счет интересов США и как иллюстрацию потенциальной угрозы этим интересам в случае германо-итальянской победы в Испании.

Уманский

Печат. по арх.

294. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Болгарии

13 августа 1937 г.

Предложения кооператива «Напред» представляют интерес в том смысле, что они являются первым практическим предложением, направленным к оживлению торговых отношений с Болгарией¹⁷⁴.

НКВД вместе с Вами принимает меры к активизации экономических отношений с Болгарией, однако со стороны болгар до сих пор не было серьезных предложений.

Если кооперативная организация «Напред» имеет в Болгарии солидный вес и если она не ограничена государственным законодательством производить расчеты по сделкам с СССР в мировой валюте, НКВД, несмотря на отсутствие платежного соглашения, готов приступить к практическому осуществлению этих предложений.

Учитывая, однако, что у нас нет монопольной организации, с которой «Напред» мог бы заключить сделки, ему придется обратиться с деловыми предложениями к отдельным экспортно-импортным объединениям. Экспортно-импортные объединения СССР будут заключать сделки только в мировой валюте и не будут ни в коем случае связывать сделки с обязательной закупкой болгарских товаров. Покупка болгарских товаров, интересующих наш рынок, не исключается.

Вр.п.о. Народного Комиссара
В. Потемкин

Печат. по арх.

* Посол Испании в США.

295. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
13 августа 1937 г. *

У меня был вице-министр путей сообщения ** Пэн и от имени китайского правительства сделал официальное предложение об установлении прямой воздушной связи через Синьцзян ***. Предложение китайского правительства заключается в следующем.

1. Линия, о которой мы договариваемся: от Сиани через Синьцзян и СССР в Европу по направлению на Берлин или Париж, по нашему усмотрению.

2. Линия от Сиани до Хами обслуживается китайским правительством самолетами без участия иностранных компаний.

3. Линия Хами — Урумчи — Чугучак обслуживается компанией, организованной синьцзянским правительством, на что китайское правительство готово дать соответствующее разрешение.

4. От границы Синьцзяна до Европы — советскими авропланами.

5. Пэн полагает, что в случае установления этой линии она будет чрезвычайно доходной, так как вся почта пойдет по этому направлению.

На вопрос, каково же мнение китайского правительства о моем первоначальном предложении об организации советско-китайского смешанного общества, Пэн ответил, что китайское правительство в принципе против организации смешанного общества с иностранными государствами для обслуживания воздушных линий. Китайское правительство приняло уже принципиальное решение ликвидировать «Евразию» (германский капитал) и «Китайскую национальную корпорацию» (английский капитал), как только кончатся контракты с этими фирмами. Контракты истекают в течение ближайших трех лет, поэтому он просит не настаивать на нашем предложении.

Так как «Евразия» обслуживает целый ряд воздушных линий в Китае, а именно: от Бэйпина через Нанкин и Шанхай в Кантон и из Нанкина через Сиань и Чэнду в Сычуани на Юньнаньфу ****, а также от Кантона в Хами и от Юньнаньфу в Хами (только что установлена), я полагаю, что нам нецелесообразно ставить вопрос о ее ликвидации. Все это может и должно решиться в зависимости от дальнейшего японо-китайского конфликта и от позиции, которую займет Германия.

* Поступила в НКВД СССР 16 августа.

** В документе опечатка — иностранных дел.

*** См. док. № 289, 291.

**** Куньмин — центр провинции Юньнань.

Так как мой разговор с Пэнгом был, по существу, первым официальным разговором по этому вопросу, я не дал ему никакого ответа, только сказал, что передам его в Москву и по получении ответа я его информирую. Прошу срочно инструкции¹⁷⁵.

Богомолов

Печат. по арх.

296. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 августа 1937 г.

Расчеты наиболее агрессивных кругов японского финансового капитала, отражающих устремления военщины, на приспособление правительства Коноэ и сэйюкай — минсэйтовского парламента к выполнению их агрессивных планов в отношении Китая и СССР оказались правильными. Продолжавшаяся 14 дней чрезвычайная сессия парламента, беспрекословно утвердившая свыше чем 500-миллионный дополнительный бюджет на северокитайский «инцидент»* и все прочие представленные правительством военные законопроекты, целиком проходила под знаком единого фронта правящей клики, военщины и парламента. Политические партии продемонстрировали на этой сессии полную свою поддержку агрессивной политики японского империализма. Минсэйто и сэйюкай опубликовали шовинистические декларации с призывом разгромить Китай. Взятые в целом принятые парламентом законопроекты представляют собой новый крупный скачок в направлении перевода страны на военное положение и ее фашизации. Таковы в особенности законопроекты о повышении налогов, о реформе закона о сохранении военной тайны, законопроект по линии минторгпрома и др.

Из всего хода северокитайских событий ясно до очевидности, что этот грабительский поход заранее всесторонне подготовлялся инициаторами его — японской военщиной и правительством Коноэ — как в чисто военном отношении, так и по линии создания в буржуазных слоях благоприятного к нему отношения. В этой тщательной подготовке буржуазного общественного мнения была широко использована и заинтересованность достаточно широких кругов японской буржуазии в колониальной эксплуатации Китая, и опасение их, что неудача похода приведет к гибели Японии как великой империалистической державы, и ура-патриотическая пропаганда, базирующаяся на серии военных провокаций, заранее подготовленных военщиной, и террор в отношении всего иннакомыслящего, и

* Вторжение японских войск в Северный Китай 7 июля 1937 г.

свирепая цензура печати. Плодом этой внутриполитической подготовки новой агрессии было то, что в день принятия официального решения кабинета о прямом захватническом походе все существовавшие в руководящем лагере японского капитализма разногласия были на время полностью сняты с порядка дня. Этому «национальному единению» весьма способствовали также заверения военного и морского министерств о том, что нанкинское правительство не может даже и мечтать об оказании серьезного военного сопротивления японской армии и флоту, и заверения Хироита о том, что иностранные державы «ни в коем случае не пожелают вмешаться в японо-китайские дела». При этом лидеры японского правительства, и в первую очередь Хироита, в своих официальных выступлениях в парламенте несколько не скрывали того, что все проводимые правительством военные и политические меры имеют в своей самой глубокой основе «антикоминтерновское», другими словами, антисоветское острие. В менее официальных выступлениях и в печати это подчеркивается со всей ясностью. «Единение» не было нарушено на сессии и по этой линии. Вполне в тон антисоветской речи Хироита на сессии не имели места даже те робкие призывы к улучшению советско-японских отношений, какие бывали на всех предыдущих сессиях.

Однако, несмотря на официальный победный парад в парламенте и в печати, наиболее дальновидные представители японской буржуазии проявляют глубокое беспокойство и неуверенность в успехе северокитайского грабежа. Об этом можно судить и по высказываниям многих видных японцев, и по резкому падению большинства ценных бумаг на бирже. Буржуазия по понятным причинам крайне нервно реагирует на слухи о затяжном характере японо-китайской войны; по-видимому, никто не надеется на то, что японская экономика, при ее современном состоянии, может выдержать испытание затяжной войны.

На внутриполитическом фронте японский империализм одержал еще одну «победу»: под предлогом «чрезвычайного времени» террором парализовал рабоче-крестьянское движение, начавшее за последний год быстро разворачиваться вокруг стачечной и арендаторской борьбы. Пущены в ход все средства для разжигания шовинизма в массах — разнузданная антикитайская и антисоветская пропаганда в кино, газетная, на митингах и т. д., наряду с пропагандой непобедимости японского оружия. Лозунг укрепления японо-германской оси, как основной лозунг внешней политики Японии, все более открыто выступает на авансцену, вскрывая этим растущую зависимость внешней политики Японии от Германии.

Дейчман

297. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае
в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
18 августа 1937 г. *

По приглашению Чан Кай-ши заехал сегодня к нему. При разговоре присутствовали его жена, Ван Чун-хой и Сюй Мо. Сперва обменялись мнениями о результатах боев в последние дни. По словам жены Чан Кай-ши, до сегодняшнего дня японцы потеряли 32 аэроплана, в то время как китайские потери ограничиваются 10 аэропланами (в сегодняшнем разговоре с Лениным американский военный атташе подтвердил правильность этих цифр). Вообще в связи с успехами китайцы в приподнятом настроении.

Чан Кай-ши спрашивал, не имею ли я ответа по вопросу о соглашениях о военных поставках **. Я ответил, что жду на днях. Чан Кай-ши просит нас сообщить ему, как мы мыслим поставки аэропланов и вооружения и возможны ли поставки аэропланов по воздуху. Я сказал, что я не специалист и мне трудно ответить на этот вопрос, однако я полагаю, что аэропланы могут прибыть по воздуху. Чан Кай-ши сказал, что он чрезвычайно заинтересован в скорейшем прибытии наших аэропланов ввиду крайней нужды в них. Ввиду того что он уверен в качестве поставляемых нами машин и ввиду военного времени, он считает неудобным посылать приемочную комиссию в Москву, а готов принять наши аэропланы, скажем, где-нибудь в провинции Ганьсу, куда они могут прилететь через Синьцзян. Я ответил, что сообщу Советскому правительству о его желании. Чан Кай-ши сказал, что он в особенности заинтересован в наших тяжелых бомбардировщиках и истребителях.

Я умышленно не спрашивал ничего относительно пакта о ненападении, так как Ван Чун-хой должен был дать мне ответ китайского правительства. Перед уходом Чан Кай-ши сказал, что китайское правительство готово подписать пакт, но что оно ждет разъяснения китайского посла в Москве, который телеграфировал, что будто бы по советскому закону пакт нуждается в ратификации. По получении его разъяснения оно немедленно подпишет пакт ***.

К сожалению, несмотря на мои два запроса, я так и не получил от вас ответа, сообщал ли Наркоминдел что-либо китайскому послу относительно ратификации или нет****. Прошу срочно ответить ¹⁷⁶.

Богомолов

Печат. по арх.

* Поступила в НКИД СССР 20 августа.

** См. док. № 278, 305.

*** См. док. № 302, 307.

**** См. также док. № 299.

298. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР

19 августа 1937 г.

11 мая с. г. Полномочное Представительство Союза ССР в Японии обратилось по поручению Правительства СССР к Министерству Иностранных Дел Японии с нотой, в которой оно констатировало наличие на территории СССР восьми японских консульств, в то время как Правительство СССР имеет в Японии только шесть консульств, и просило Министерство, в соответствии с закрепленным в обмене нотами в 1925 г. * принципом равного количества консульств, закрыть два японских консульства. При этом Полпредство по поручению Советского Правительства выразило мнение, что Японские Консульства в Новосибирске и Одессе, где отсутствуют японские подданные, кроме служащих названных Консульств, и не имеется каких-либо интересов, подлежащих защите со стороны консульств, являются именно теми консульствами, дальнейшее существование которых не может быть оправдано деловыми соображениями и которые могут быть поэтому закрыты без всякого ущерба для работы Японского Представительства в СССР.

В последовавшем затем обмене нотами Японское Министерство Иностранных Дел возражало против предложения Советского Правительства, выдвинув ряд аргументов в обоснование этой своей позиции.

Эти возражения не могли, однако, поколебать мнение Советского Правительства о необходимости закрытия Японских Консульств в Одессе и Новосибирске.

Ввиду этого в ноте от 27 июля 1937 г. Правительство СССР через Поверенного в Делах в Японии г. Дейчмана, рекапитулировав исчерпывающим образом свое мнение по поводу выдвинутых японской стороной соображений, сообщило, что оно твердо настаивает на своих предложениях от 11 мая с. г. и ожидает окончательного ответа Японского Правительства о времени закрытия им Японских Консульств в Новосибирске и Одессе.

6 августа с. г. Поверенный в Делах в Японии вновь обратился по поручению Советского Правительства лично к Министру Иностранных Дел г. Хирота и просил о скорейшем ответе на поставленный Советским Правительством вопрос о времени закрытия Японским Правительством своих Консульств в Новосибирске и Одессе, указав на весьма важное значение, которое Советское Правительство придает этому вопросу.

К сожалению, Японское Правительство в своей ноте от 16 августа с. г. сочло возможным лишь вновь повторить при-

* Имеется в виду нота НКВД СССР посольству Японии в СССР от 31 июля 1925 г. и ответная нота посольства от 4 августа 1925 г.

веденные им ранее аргументы против закрытия названных Японских Консульств.

Ввиду последовавшего таким образом окончательного отказа Японского Правительства от удовлетворения обоснованного и правомерного требования Советского Правительства и неотложной необходимости урегулирования этого вопроса Советское Правительство видит себя вынужденным принять решение о непризнании с 15 сентября с. г. за Японскими Консулами в Новосибирске и Одессе права выполнения ими консульских функций в указанных пунктах. Местные органы Союза ССР и подлежащих Союзных Республик поставлены в известность об этом решении.

Вследствие изложенного Народный Комиссариат просит Японское Посольство довести об этом до сведения Японского Правительства и дать названным Консулам необходимые указания о закрытии Японских Консульств в этих пунктах*.

Печат. по арх.

299. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тин-фу

20 августа 1937 г.

Посол заявил, что китайское правительство приняло решение обратиться к Лиге наций с просьбой рассмотреть вопрос о конфликте между Китаем и Японией и применить к Японии ст. 17 Устава. Оно надеется, что правительство Советского Союза окажет Китаю свою поддержку при обсуждении упомянутого вопроса в Лиге наций**.

Я ответил, что передам сообщение посла правительству Советского Союза, которое активно и последовательно борется за мир, противопоставляя всем попыткам его нарушить систему коллективной безопасности. Я отметил, однако, как свое личное мнение, что нынешняя международная обстановка едва ли благоприятствует вышеупомянутой акции со стороны Китая. В доказательство я сослался на позицию, занимаемую сейчас некоторыми влиятельнейшими членами Лиги наций, в частности Великобританией и Францией. Я добавил, что, во всяком случае, до обращения в Лигу Китаю следовало бы произвести предварительный зондаж в ряде столиц.

Посол ответил, что высказанное мною мнение совпадает с тем, что около месяца тому назад ему пришлось слышать от г. Литвинова¹⁴³. Посол отдает себе ясный отчет в том, какова позиция различных государств — членов Лиги наций, в част-

* См. газ. «Известия», 14 сентября 1937 г.

** См. док. № 312.

ности Великобритании и Франции. Китайское правительство уже производило рекомендуемый мною зондаж и в настоящее время окончательно решило обратиться к Лиге наций. К сожалению, политика Великобритании полна противоречий. В качестве иллюстрации посол привел следующий пример: он присутствовал при беседе Чан Кай-ши с Лейт-Россом, причем служил переводчиком между двумя собеседниками. Лейт-Росс доказывал Чан Кай-ши необходимость для Китая оказывать сопротивление Японии и держать политический контакт с СССР. Сейчас сама Англия ведет переговоры с Японией и менее всего расположена поощрять сближение Китая с СССР.

В дальнейшей беседе посол упомянул о том, что в полученной вчера копии полномочий он усмотрел некоторые расхождения с их первоначальным текстом: прежде они предоставлялись полпреду от имени ЦИК СССР, теперь же они даны т. Богомолову от имени Совета Народных Комиссаров *. Посол ставит вопрос, не должны ли полномочия, имеющие отношение к международным договорам, исходить, согласно Советской Конституции, от ЦИК СССР.

Я разъяснил послу, что в первом случае полномочия исходили от ЦИК СССР, ибо предусматривалась ратификация советско-китайского пакта. Теперь ратификация элиминирована, и договор вступает в силу немедленно по подписании. Поэтому полномочия, данные т. Богомолову, согласно закону от 1925 г., исходят от Совета Народных Комиссаров.

Вызванный мною т. Сабанин ** прочитал и прокомментировал послу текст упомянутого мною закона от 1925 г. Посол выразил удовлетворение данными ему разъяснениями и сказал, что, вероятно, договор будет подписан завтра же ***.

Потемкин

Печат. по арх.

300. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой

[21 августа 1937 г.]

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Национальное Правительство Китайской Республики, одушевленные желанием содействовать сохранению всеобщего мира, укрепить существующие между ними дружественные отношения на твердой и постоянной основе и подтвердить более точным образом обязательства, взаимно принятые ими

* См. прим. 176.

** Заведующий правовым отделом НКВД СССР.

*** См. док. № 300.

на себя согласно Договору об отказе от войны, подписанному в Париже 27 августа 1928 г. *,

решили заключить настоящий Договор и для этой цели назначили своими Уполномоченными, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик

г. Дмитрия Богомолова, Чрезвычайного и Полномочного Посла в Китайской Республике;

Его Превосходительство Президент Национального Правительства Китайской республики

д-ра Ван Чун-хоя, Министра Иностраннных Дел,

которые после обмена своими полномочиями, найденными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующих статьях:

Статья 1

Обе Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно подтверждают, что они осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и что они отказываются от таковой как орудия национальной политики в их отношениях друг с другом, и как следствие этого обязательства, они обязуются воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами.

Статья 2

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно никакой помощи такой третьей или третьим державам в продолжение всего конфликта, а равно воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде стороны, подвергшейся нападению.

Статья 3

Обязательства настоящего Договора не будут истолкованы таким образом, чтобы нарушить или изменить права и обязательства, вытекающие для Высоких Договаривающихся Сторон из двусторонних или многосторонних договоров или соглашений, подписанных обоими Высокими Договаривающимися Сторонами и заключенных до вступления в силу настоящего Договора.

Статья 4

Настоящий Договор составлен в двух экземплярах на английском языке. Он вступает в силу в день его подписания вышеупомянутыми Уполномоченными и останется в силе в тече-

* См. т. XI, док. № 298.

ние пяти лет. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон может известить другую за шесть месяцев до истечения этого срока о своем желании прекратить действие Договора. В случае, если ни одна из сторон не сделает этого вовремя, Договор будет считаться автоматически продленным на срок в два года после истечения первого срока. Если ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не нотифицирует другой за шесть месяцев до истечения двухлетнего срока о своем желании прекратить Договор, он останется в силе на новый срок в два года и так далее.

В удостоверение чего соответствующие Уполномоченные подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Совершено в Нанкине 21 августа 1937 г.

*Д. Богомолов
Ван Чун-хой*

*Печат. по арх. Опубл. в «Ведомостях»
№ 7, 15 июня 1938 г.*

301. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову

*Вне очереди
21 августа 1937 г.*

Китайский посол посетил сегодня Козловского и сказал ему, что им получена телеграмма из Нанкина, что приехавший в Москву полковник Шэнь Дэ-ши имеет поручение от нанкинского правительства принять 200 истребителей, 100 бомбардировщиков и 30 летчиков. Самолеты будут посланы через Ганьсу, и Нанкин посылает человека в Урумчи для организации на месте снабжения самолетов горючим.

Козловский ответил, что нам об этой миссии Шэня ничего не известно, и что для него китайское посольство в свое время просило визу как для члена делегации Вен Вэнь-хао*, и что вообще имя Шэня никогда даже не называлось в переговорах Богомолова, которые к тому же не закончены**. Козловский уклонился от разговоров по существу вопроса, заявив, что переговоры ведутся в Нанкине и он не знает их подробностей. Он только знает, что соглашения не имеется и что поэтому преждевременно говорить о какой-то миссии Шэня.

Повидайте немедленно Чан Кай-ши или кого найдете нужным и скажите, что мы удивлены фактом посылки Шэня, о котором вообще никаких разговоров не было, и что мы опасаемся, что при таком их отношении к делу наши переговоры полу-

* См. прил. 169.

** См. док. № 279, 297, 313.

чат широкую огласку, что совершенно недопустимо и может серьезно повредить нашим переговорам. Потребуйте от них принятия мер, чтобы соблюдалась секретность переговоров. О результатах Вашего разговора немедленно телеграфируйте*.

Нас смущает и то обстоятельство, что полковник Шэнь прибыл к нам из Германии. Как бы он не разболтал о переговорах.

Стомяков

Печат. по арх.

302. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
21 августа 1937 г.*

Сегодня в 22 часа подписал пакт о ненападении**. Сделал словесное заявление¹⁷⁷. Условились, что даем в печать 29 августа с таким расчетом, чтобы текст пакта появился в газетах 30-го утром.

Перед подписанием пакта о ненападении виделся с Чан Кай-ши. Он согласился со всеми моими предложениями, в частности с тем, что соглашение о военных поставках будет подписано в Москве***. Комиссия Ван Шу-мина вылетит в ближайшие дни****. Однако и он и его жена убедительно просят не дожидаясь приезда в Москву миссии Ван Шу-мина, прислать по воздуху в счет поставок наши аэропланы (истребители) с нашими инструкторами. Я считаю крайне желательным удовлетворить просьбу Чан Кай-ши и прислать по возможности скорее, как я уже просил, 50 наших истребителей*****. Срочно сообщите решение.

Богомолов

Печат. по арх.

303. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

21 августа 1937 г.

Сегодня Самий заехал ко мне с прощальным визитом. Он сказал, что после беседы в Москве***** выяснится, на какой базе можно продолжать переговоры. Он надеется, что базу,

* См. док. № 313.

** См. док. № 300, 304.

*** См. прим. 167, док. № 307, 313.

**** См. также док. № 301, 304, 309, 313.

***** См. прим. 182.

***** См. док. № 320.

позволяющую достичь соглашения, можно будет найти. Из Москвы он даст соответствующие указания в Тегеран.

Самир из Москвы едет в Женеву. На обратном пути министр будет с ответным визитом в Анкаре и в Багдаде. Вернется министр в Тегеран в конце октября.

Полпред

Печат. по арх.

304. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову

*Немедленно
22 августа 1937 г.*

В дополнение к телеграмме от 21 августа* сообщаю, что китайское посольство в Париже запросило дипломатическую визу для генерала Ян Ху-чэна и двух сопровождающих, заявив, что генерал Ян является представителем военного министерства Китая и едет со специальной миссией в СССР.

Таким образом, еще до того как Вы договорились с китайцами, они уже направляют к нам из разных концов Европы приемщиков вооружения, которое еще должно быть закуплено в будущем. Посылка этих людей без нашего согласия сама по себе недопустима. Но самое главное, что при такой посылке сборной комиссии приемщиков с разных концов увеличивается опасность преждевременного разглашения.

Между тем вопрос о возможной доставке нами вооружения в Китай уже, по-видимому, обсуждается державами, ибо сегодня французский поверенный в делах обратился к нам с запросом, какова позиция Советского правительства по вопросу о дальнейшей продаже оружия Японии и Китаю. Он пояснил, что аналогичное поручение получили французские представители и в других странах.

При Вашем разговоре с Чан Кай-ши или с кем-нибудь из близких к нему людей укажите энергично на то, что разглашение наших переговоров может привести к тому, что под влиянием Японии и ее друзей, в том числе, может быть, и Англии, может быть поставлен вопрос о прекращении продажи и посылки оружия Японии и Китаю, подобно тому как это было сделано в отношении Испании. Потребуйте обеспечения строго секретного проведения всего этого дела**.

Стомоляков

Печат. по арх.

* См. док. № 301.

** См. док. № 313.

305. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу

*Немедленно
22 августа 1937 г.**

На телеграммы от 18 и 19 августа **.

1. Сообщите, что после нового обсуждения вопроса правительство решило пойти навстречу китайскому желанию и согласно отложить начало расплаты китайского правительства за предоставленный ему кредит на один год после поставки, с тем чтобы платежи были произведены равными частями в течение последующих пяти лет. Общий срок кредита — шесть лет после поставки.

2. Договор должен быть заключен в американских долларах или английских фунтах.

3. Во изменение телеграммы от 17 августа сообщите, что мы не сможем доставить китайцам более 150—200 самолетов.

4. Сообщите, что согласно желанию Чан Кай-ши мы обсуждаем вопрос о скорейшей посылке самолетов через Гань-су*** и что в случае принятия положительного решения мы рассчитываем, что Китай, со своей стороны, пойдет нам навстречу немедленной поставкой олова и сурьмы по несколько сот тонн, ибо мы испытываем большую потребность в этих металлах.

5. Предупредите, что в качестве эквивалента за поставляемые нами вооружения мы хотели бы получить на $\frac{3}{4}$ всей суммы кредита металлов (олова, вольфрама, тунгстена, сурьмы, аммония) и на $\frac{1}{4}$ кредита — чая и других китайских товаров, о номенклатуре и количествах которых должно состояться соглашение. Желательно теперь же получить сведения, в каких количествах могло бы китайское правительство поставить нам каждый из этих металлов. Если китайское правительство не сможет поставить металлов на $\frac{3}{4}$ всей суммы, то мы хотели бы недостающую часть получить иностранной валютой в американских долларах или английских фунтах.

Установление точных спецификаций взаимных поставок, сроков сдачи товаров, способов отправки и т. п., а также выработка и подписание договора должны быть произведены в Москве.

6. Телеграфируйте заблаговременно дату предполагаемого прибытия делегации Ван Шу-мина**** для того, чтобы мы могли выслать в Хами, к сроку, наш самолет.

Стомоняков

Печат. по арх.

* Поступила в полпредство 23 августа.

** См. док. № 297, прим. 167 и док. № 313.

*** См. прим. 182.

**** См. док. № 301, 309, 313.

306. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову

22 августа 1937 г.

Мы хотели бы открыть консульство в Ланьчжоу (Ганьсу). Договоритесь об этом с китайским правительством, указав, что, по имеющимся у Вас сведениям, в 1925—26 гг. по этому вопросу уже имелась принципиальная договоренность между нами и Китаем и что в настоящее время открытие этого консульства становится необходимым, поскольку через Ланьчжоу будет проходить наша основная коммуникация с Нанкином и в особенности ввиду прохождения через этот пункт новой советско-китайской воздушной линии*. Желательно получить поскорее согласие китайского правительства¹⁷⁸.

Стомонаков

Печат. по арх.

307. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно

22 августа 1937 г.

Докладываю для сведения историю переговоров вчерашнего дня**.

Китайское правительство, по-видимому, заколебалось в последний момент. Еще утром мне позвонил по телефону Сюй Мо, и мы условились подписать договор вечером. Через несколько часов он пришел ко мне и заявил, что китайское правительство настаивает на одновременном подписании пакта о ненападении и соглашения о военных поставках. Я выразил удивление перемене позиции Чан Кай-ши, который ранее сам заявлял, что не хочет связывать эти два документа***, и просил передать ему от моего имени, что я опасаясь, что эта его позиция произведет крайне неблагоприятное впечатление в Москве и займет вообще все дело. В течение дня я повидался с Сунь Фо, которому откровенно высказал наше мнение по поводу двусмысленной политики китайского правительства и прямо сказал, что китайское правительство, по нашему мнению, играет с огнем и что мне вообще не ясно, чего китайское правительство хочет от нас: аэропланы для борьбы с Японией или только письменное обязательство, неизвестно для каких целей. По-видимому, Сунь Фо немедленно повидался с Чан Кай-ши и произвел на него соответствующее давление, так как Чан Кай-ши просил меня приехать к нему в 8 час. 30 мин. ве-

* См. док. № 295.

** См. док. № 302.

*** См. док. № 279, 297.

чера. Разговор со мной Чан Кай-ши начал с того, что Сюй Мо по недоразумению связал подписание обоих документов. Он уже дал распоряжение Ван Чун-хою немедленно подписать договор, он верит, что и без подписания одновременно соглашения Советское правительство выполнит все, что я ему говорил. После моего разговора с Чан Кай-ши я поехал к Ван Чун-хою, у которого уже был заготовлен текст договора.

Все это показывает, что в самый последний момент японфильская клика произвела сильное давление на Чан Кай-ши, чтобы оттянуть подписание договора. Однако Чан Кай-ши уже слишком связался с антияпонскими группировками и должен был пойти им на уступки¹⁷³. Считаю необходимым отметить, что жена Чан Кай-ши, занимающая сейчас пост генерального секретаря авиационной комиссии, настроена чрезвычайно антияпонски.

Повторяю, считаю крайне желательным скорейшую присылку наших самолетов по воздуху в Китай*, так как это чрезвычайно укрепит позиции антияпонских группировок.

Богомолов

Печат. по арх.

308. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

23 августа 1937 г.

20 мая с. г. из города Благовещенска по Амуру вышел катер, принадлежащий «Дальлесу». Вследствие порчи мотора катер был на глазах у многочисленных свидетелей отнесен ветром в направлении западной окраины маньчжурского города Сахалия. По полученным впоследствии точным сведениям, катер был вынужден стать на якорь на небольшом расстоянии от маньчжурского берега, причем вскоре около потерпевшего аварию катера появилась группа японских солдат и маньчжурских полицейских, которые захватили катер и находившихся на нем команду катера из 2 человек, десятника конторы «Дальлеса» и сотрудника Амурского пароходства. Япономаньчжурские чины позволили себе при этом ряд недопустимых действий, сломав, в частности, мачту катера и сорвав с нее государственный флаг СССР.

Несмотря на последовавшие неоднократные протесты Консулов СССР в Харбине и Сахалияне против этих возмутительных и незаконных действий в отношении потерпевшего аварию катера, маньчжурские власти не только не предприняли никаких мер к урегулированию инцидента и наказанию виновных в нем лиц, но до сих пор продолжают держать в заключении

* См. прим. 182.

четырёх граждан СССР, захваченных вместе с катером, а также не возвратили катера.

Более того, по имеющимся сведениям, японо-маньчжурские власти подвергают задержанных совграждан издевательствам и пыткам, добываясь от них фиктивных показаний, которые могли бы послужить оправданием факта незаконного задержания катера, а также требуя их согласия на ведение шпионской работы после возвращения в СССР. В этих издевательствах над совгражданами принимают непосредственное участие японские чиновники. Вместе с тем японо-маньчжурские власти до сих пор не предают задержанных суду, не имея никаких материалов для их обвинения в каких-либо незаконных действиях.

В связи с вышеизложенным Посольство Союза ССР в Японии имеет честь заявить по поручению Народного Комиссариата Иностранных Дел протест против незаконных действий японо-маньчжурских властей в отношении указанных советских граждан, в которых принимают участие японские чиновники, и просить Императорское Министерство Иностранных Дел о принятии немедленных мер к тому, чтобы побудить маньчжурские власти освободить арестованных советских граждан, а также возвратить принадлежащий «Дальлесу» катер*.

Печат. по арх.

309. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вып. очереди
23 августа 1937 г.*

Через Чжан Чуна Чан Кай-ши сообщил мне, что ввиду важности их технической комиссии для приемки вооружения председателем комиссии назначен помначгенштаба генерал Ян Цзе, бывший у нас в 1934 г. Ван Шу-мин будет его заместителем. Количество членов комиссии расширяется до 15 человек**.

Считаю кандидатуру Ян Цзе весьма подходящей. Официально миссия называется «Комиссия министерства промышленности для ознакомления с индустрией СССР». Подтвердите¹⁸⁰.

Чан Кай-ши подчеркивает, однако, что эта миссия имеет чисто техническое задание по приемке вооружения, и, таким образом, вопрос о месте подписания соглашения остается открытым. В моем разговоре с Чан Кай-ши в день подписания

* См. док. № 452.

** См. док. № 297, 302, 304, 313.

пакта * он согласился с моим мнением о нецелесообразности откладывания поездки Ван Шу-мина и ничего не возразил против моего заявления, что мне чрезвычайно трудно договориться о таком техническом соглашении.

Он главным образом просил прислать хоть какое-нибудь количество наших самолетов немедленно. Жду инструкций **.

Богомолов

Печат. по арх.

310. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

24 августа 1937 г.

Антисоветская демонстрация «кэнкокукаевцев» ***, устроенная на вокзале при моем приезде, была, несомненно, организована не без участия полиции. Формально была прислана усиленная полицейская охрана, и полицейские делали вид, что арестовывают «кэнкокукаевцев» и будто поддерживают порядок. Лидер последних Бин Акао специально ехал от Иокогамы в соседнем вагоне и в момент прихода поезда в Токио выставил флаг из окна своего вагона и стал выкрикивать: «Приехал советский посол — враг японской императорской армии» и т. д. Эти выкрики были поддержаны его подручными на платформе, которые в момент подошли к выходу и всем по пути через вокзал разбрасывали листовки.

Славуцкий

Печат. по арх.

Э

311. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Бекем

24 августа 1937 г.

После обычных любезностей и взаимных расспросов о проведённом лете я выразил удовольствие по поводу того, что вопрос с консульствами благополучно разрешен ****. Бек несколько криво усмехнулся, но что-то пробормотал о дружественном подходе к разрешению этого вопроса и т. д.

Затем я спросил его, как обстоит дело с ратификацией соглашения о статусе торгпредства, напомнив ему его обещание заняться этим вопросом, как только будет закончено дело с

* См. док. № 302.

** См. док. № 307.

*** — членов реакционной организации «кэнкокукай» — «патриотическое общество» (яп.).

**** См. док. № 129, 206, 232, 266; сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 331—332.

консульствами*. Бек начал говорить очень уклончиво, ссылаясь на то, что он не в курсе дела и что сейчас нет Кобылянского, который занимается этим вопросом, но что он постарается выяснить это и т. д. Я заметил, что вопрос с этим соглашением слишком затянулся, что было бы желательно его закончить, тем более что наше предложение о том, чтобы оставить пока в стороне вопрос с планом, идет целиком по линии польских первых предложений. Напомнив ему ход наших тогдашних переговоров**, я подчеркнул, что такая формулировка об экстерриториальности торгпредства, которая имеется в договоре, является в основном польским предложением. Бек в ответ на мои эти настояния еще раз уклончиво заметил, что он переговорит с Кобылянским и т. д.

После этого Бек сам затронул наши торговые дела. Он заметил, что недавно ему говорил вице-премьер Квятковский об этих вопросах, отметив очень маленький объем всей нашей торговли. Бек, соглашаясь с Квятковским, заметил, что действительно уровень вашей внешней торговли очень незначителен. Затем он сам, не дожидаясь моего ответа, стал что-то (как обычно, весьма туманно) говорить о финансировании и возможных облегчениях в этом направлении. Эти его намеки, сделанные, очевидно, по указанию Квятковского, несомненно, имели в виду облегчение кредитования наших заказов.

Разъяснив в обычных выражениях причины снижения наших торговых оборотов с Польшей, я заметил, что с польской стороны до сих пор не было никаких серьезных попыток улучшить это положение, в то время как ряд других стран, как, например, Англия, Чехословакия и т. д., сделали очень серьезные усилия в этом направлении. Я заметил, что мы готовы выслушать любые предложения с польской стороны, ибо мы также считаем желательным усиление и укрепление наших экономических отношений. Одновременно я ясно дал понять, что мы кредитов вообще избегаем и что очень много заказов за границей размещаем за наличные. После обмена рядом замечаний по этому вопросу я сказал, что самым удобным способом было бы обсуждение подобного вопроса с нашим торгпредством.

Затем я указал, что до сих пор министерство торговли тянет с разрешением контингентного вопроса, хотя мы уже разместили заказы почти на 3 млн. злотых. Отсутствие у нас контингентов ставит нас в затруднительное положение при расчетах за размещенные заказы, так как у нас нет злотых и мы вынуждены были бы платить иностранной валютой. Последнее обстоятельство является очень нежелательным потому, что мы тогда должны были бы искать путей обратного конверти-

* См. док. № 206, 252, 266.

** См. т. XIX, прим. 202 и док. № 206, 252, 266 настоящего тома.

рования валюты в польские злотые. Мне представляется очень странным, что этот вопрос так затянулся, и я прошу министра ускорить его разрешение*.

Бек на все это ответил довольно уклончиво, заметив опять, что он «выяснит» это и т. д. Затем он затронул вопрос о транзите, вспомнив дело с транзитом польских рельсов в Иран (вообще, все замечания Бека явно показывали, что поляки стремятся связать все торговые вопросы вместе). У нас завязался короткий разговор на тему о транзите, причем я дал понять, что наш проект¹⁵, врученный польской делегации, не является каким-то ультиматумом, а лишь проектом, который должен быть обсужден обеими сторонами. Мы, мол, прекрасно понимаем польские пожелания в этом вопросе, но нужно иметь в виду и то, что отдельными разрешениями мы не можем создать прецедентов для других стран и что нужно разрешить этот вопрос путем соглашения, учитывая в достаточной степени интересы обеих сторон. Я считаю поэтому необходимым, чтобы прерванные переговоры возобновились как можно быстрее и эксперты обеих сторон нашли путь к соглашению в этом вопросе. Бек на все это кивал головой, не делая никаких возражений и замечаний.

В процессе разговора он бросил какое-то замечание о «торговом договоре». Можно было понять, что в разговоре с Квятковским он касался и этого вопроса. Я в ответ на это замечание полусутоливо указал, что лучше нам не разбрасываться сейчас, а разрешить пока те конкретные вопросы, которые стоят уже перед нами, заметив, что наш проект о транзитном соглашении и наибольшем благоприятствовании обнимает уже достаточно много серьезных вопросов. Бек заметил, опять ссылаясь на Квятковского, что наибольшее благоприятствование может оказаться для Польши невыгодным, если она отменит те ограничения, которые сейчас в Польше существуют в области внешней торговли, и она опять вернется к более либеральному режиму торговли. Квятковский, мол, считает, что если Польша отменит всякие ограничения в области внешней торговли, то тогда, учитывая монополию внешней торговли в СССР, Польша окажется в менее выгодном положении. Я стал оспаривать это, доказывая, что наша монополия внешней торговли никогда не мешала вести выгодные для обеих сторон торговые отношения с рядом стран, в том числе и с самой Польшей. Наконец, всякое соглашение учитывает конкретную обстановку. При изменении конкретной обстановки всегда имеется возможность снова обсудить создавшееся положение.

Из всей этой части беседы Бека было совершенно ясно видно, что поляки хотят одновременно разрешить все существую-

* См. док. № 129, 206, 252, 266; сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 335—338.

шие торговые вопросы: контингенты, транзит, наибольшее благоприятствование и вопрос о ратификации статуса торгпредства. Хотя Бек все время соглашается с тем, что нет никакого формального юнкима между этими различными вопросами, но фактическая тактика поляков заключается в том, чтобы связать их вместе и разрешить их одновременно.

В заключение беседы, после наступившей паузы, Бек бросил туманное замечание о том, что на Дальнем Востоке положение очень усложнилось, и вопросительно посмотрел на меня. Я сказал, что там уже идет настоящая война, и нарочито подчеркнул, что японцы, по-видимому, просчитались, ибо они не ожидали такого серьезного сопротивления со стороны китайцев. Бек промолчал, и разговор в дальнейшем носил весьма общий, поверхностный характер.

Давтян

Печат. по арх.

312. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тин-фу

25 августа 1937 г.

Я пригласил китайского посла для передачи ему ответа правительства СССР¹⁹¹ на сообщение о решении правительства Китая внести в Лигу наций вопрос о китайско-японском конфликте и о просьбе этого правительства уведомить его, может ли оно рассчитывать на поддержку СССР при обсуждении в Лиге указанного вопроса*.

Узнав от меня, что советская делегация поддержит Китай при рассмотрении китайско-японского конфликта, посол выразил мне признательность, говоря, что мое сообщение является для него большой радостью. Сегодня же он передаст в Нанкин его содержание.

Вслед за тем посол осведомился у меня, известно ли мне, что в Москве уже дней пять находится Шэнь Дэ-ши, прибывший из Парижа и уполномоченный на переговоры с нами о поставке для Китая самолетов**.

Я ответил послу, что мне известно о предстоящем в ближайшие дни выезде в СССР из Китая авторитетной делегации с помощником начальника генштаба во главе для конкретных переговоров по тому же предмету***. Что касается Шэнь Дэ-ши, то мы не имеем никаких сообщений из Нанкина о возложенном на него поручении, о котором говорит посол.

* См. док. № 299.

** См. док. № 301, 304, 313.

*** См. док. № 309.

Посол ответил, что Шэнь Дэ-ши входит в состав упомянутой мною делегации. В ближайшие дни полномочия его будут официально подтверждены.

На прощанье я спросил у посла, как оценивает он шансы своего правительства в борьбе с Японией. Посол ответил, что в районе Шанхая действуют отборные силы китайской армии. Здесь японцы уже встретили самое решительное сопротивление. Труднее обстоит дело на Севере. Операции в этом районе осложняются для национальных войск отдаленностью последних от основных баз и разрушением всех мостов на Желтой реке*. Тем не менее посол убежден, что национальное движение, организуемое вокруг гоминьдана, одержит победу над японскими захватчиками. Впечатление посла таково, что и международное общественное мнение склоняется в пользу Китая. В частности, как будто в том же направлении несколько меняется и позиция Англии.

Потемкин

Печат. по арх.

313. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
27 августа 1937 г.*

Сегодня договорился с Чэнь Ли-фу по вопросу о военных поставках**.

1. Сумма кредита — 100 млн. китайских долларов.
2. Договор заключается в английских фунтах.
3. Кредит — шесть лет после поставки, причем на первый год китайское правительство освобождается от платежей, возмещение распрощивается на пять лет.
4. В счет поставок мы обещаем дать 200 самолетов и 200 танков. Подробная спецификация на эти самолеты, танки и другое вооружение будет согласована с Ян Цзе в Москве¹⁹².
5. Я заявил о том, что мы настаиваем на получении металлов на $\frac{3}{4}$ всего кредита и на $\frac{1}{4}$ — чая и других потребительских товаров. Китайское правительство обещает дать в ближайшие дни свои соображения, сколько каждого из металлов оно сможет поставить.
6. Подробный договор подписывается в Москве.
7. Председатель комиссии Ян Цзе и его заместитель, известный нам Чжан Чун, вылетают в Сянь сегодня утром. Другие члены делегации уже выехали в Сянь. Китайское правительство просит прислать за ними самолеты в Урумчи. Вся делегация состоит из 18 человек. Во избежание затяжки дела я им выдал визы на въезд. Делегация предполагает быть

* Хуанхэ.

** См. док. № 307.

в Урумчи 29 или 30-го. Считаю состав делегации вполне удовлетворительным.

О генерале Ян Ху-чэне из Парижа Чэнь Ли-фу точно не знает. Полковника Шэня из Берлина действительно предполагалось включить в состав делегации, но, так как Ян Цзе сам будет в Москве, до приезда его не следует давать визы кому-либо*. Он является единственным уполномоченным китайского правительства.

8. В ближайшие дни Чэнь Ли-фу даст мне ответ¹⁶³, когда они смогут дать нам по нескольку сот тонн олова и сурьмы, как вы сообщили мне телеграммой от 22 августа. Независимо от этого считаю крайне желательным после опубликования пакта прислать в Ганьсу 50 наших истребителей с нашими инструкторами в счет поставок. Это сильно подбодрит китайцев в их борьбе.

9. Чэнь Ли-фу сказал, что он возмущен неосторожностью поведения китайского посольства в Париже, так как сам понимает, что успех дела зависит от сохранения его в тайне.

Богомолов

Печат. по арх

314. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Выг очереди

28 августа 1937 г.

Вчера у меня состоялся продолжительный разговор с Чан Кай-ши по общим вопросам международной политики. Он в особенности интересовался нашим мнением о возможной позиции других держав в случае затяжки японо-китайской войны. При разговоре присутствовала только его жена. Основным поводом для свидания было, по-видимому, его желание сделать заявление нам о его позиции в японо-китайском конфликте. Он просил меня передать Советскому правительству, что китайское правительство приняло решение сопротивляться японской агрессии «до последнего» независимо от того, получит оно помощь от какого-либо государства или нет. Чан Кай-ши подчеркнул, что он будет сопротивляться Японии до последних сил даже в том случае, если это сопротивление ничего не принесет, кроме поражения. В разговоре он несколько раз заявил, что никаких переговоров с Японией у Китая нет и не будет¹⁸⁴.

Из конкретных вопросов Чан Кай-ши поставил два:

1. По его сведениям, мы недавно получили из Америки 100 шт. быстроходных самолетов, которые могут быть также

* См. док. № 301, 304, 309, 312.

использованы для бомбометания. Он спрашивает, не могли ли бы мы уступить ему часть этих самолетов, с тем чтобы они были возмещены новыми, на которые заказ будет сделан немедленно.

2. Может ли он рассчитывать на то, что если не сейчас, то несколько позже Советское правительство разрешит советским летчикам поступить волонтерами в китайскую армию.

Одновременно Чан Кай-ши просит ускорить решение вопроса о немедленной посылке части наших самолетов в Ганьсу с инструкторами*.

Вчера я разговаривал также с Бай Чун-си, который назначен начальником полевого штаба главнокомандующего. Бай Чун-си развил свою точку зрения на японо-китайский конфликт и международное положение. Его установка заключается в следующем: 1) сопротивление до конца. Только в продолжительной и упорной борьбе Китай может сохранить свою самостоятельность. Ни о каком соглашении с Японией не может быть и речи; 2) единственная возможная внешнеполитическая ориентация Китая — это франко-советский блок.

Бай Чун-си сам сказал, что, по его мнению, Китай не имеет никаких данных на то, чтобы рассчитывать на вмешательство СССР в японо-китайскую войну. Однако он надеется, что после долгой и затяжной войны между Китаем и Японией СССР сможет сыграть такую же роль, как в прошлой империалистической войне Америка. Бай Чун-си сказал, что Чан Кай-ши принял окончательное решение сопротивляться до последнего и что другого пути уже больше нет. Он уверен, что в ближайшее время все те, кто известен своими симпатиями к Японии, будут сняты с руководящих постов.

Богомолов

Печат. по арх.

315. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР во Франции, Чехословакии, Турции, Великобритании, США, Италии, Германии, Польше, Китае, Японии

29 августа 1937 г.

Согласно указанию правительства сегодня, 29-го, мы сообщили дипломатическим представителям Франции, Чехословакии и Турции в Москве о состоявшемся заключении пакта о ненападении между СССР и Китаем**. Опубликование пакта последует 30-го. Объясняя указанным представителям значение этого договора, мы отмечали: во-первых, что переговоры о заключении советско-китайского пакта велись уже не пер-

* См. прим. 182.

** См. док. № 300.

вый год*; во-вторых, что некоторая медлительность этих переговоров вызывалась со стороны Китая известными причинами как внутреннего, так и внешнеполитического порядка; в-третьих, что в последнее время китайское правительство проявило активный интерес к заключению пакта вследствие значительного подъема симпатий к СССР со стороны самых широких кругов китайского народа, а также в результате международных осложнений на Дальнем Востоке, естественно вызывающих желание китайского правительства укрепить свои дружественные отношения с прочими странами, и в первую очередь с СССР; в-четвертых, что заключение пакта о ненападении между СССР и Китаем Советское правительство рассматривает как новый шаг на пути своей неизменной политики мира и как международную манифестацию, приобретающую значение особенно своевременной акции перед лицом дальневосточного конфликта и могущую оказать содействие делу сохранения общего мира. Более подробные разъяснения истинного смысла советско-китайского пакта о ненападении будут даны в посвященных ему статьях «Известий» и «Правды»**.

Потемкин

Печат. по арх.

316. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии М. М. Славуцкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
30 августа 1937 г.*

Договор с Китаем*** здесь в центре внимания. Не только пресса, но и первые комментарии МИД, лично подтвержденные сегодня представителем МИД иностранным журналистам, открыто демонстрируют озлобление японцев этим их новым внешнеполитическим поражением на фоне и без того осложненного положения на фронтах, усиливающихся финансово-экономических затруднений, уже начинающего прорываться наружу недовольства масс, а также ухудшающихся отношений с Англией и Америкой. Несомненно, пакт встрянул японское правительство. Переданная сегодня ТАСС передовица близкой к МИД «Джапан таймс» не скрывает этого. Надо ожидать, что в первой официальной беседе со мною (после вручения грамот 2 сентября) Хироита затронет вопрос пакта и в той или иной форме даже выразит недовольство

* См. т. XVIII, док. № 307 и док. № 93, 101, 141, 240, 246, 250, 253, 258, 279, 297, 299, 302 настоящего тома.

** См. газ. «Известия», «Правда», 30 августа 1937 г.

*** См. док. № 300, 315.

японского правительства. Если от вас не будет специальных указаний, имею в виду высказать недоумение по поводу его недовольства, заявив, что не понимаю, почему их беспокоит столь сугубо мирная акция Советского правительства, вытекающая из его всем известной последовательной политики мира со всеми странами. Можно было бы добавить, что в свое время мы и Японии предлагали такой же пакт *. Однако не уверен, целесообразно ли упоминать об этом в данный момент. Срочно сообщите указания также на случай, если бы Хирота вздумал снова вернуться к «слухам о помощи СССР Китаю» **.

Указываемые вами (ваша телеграмма от 29 августа) статьи «Известий» и «Правды» пока не получил.

2 сентября Хирота примет иностранных журналистов. У Наги *** есть возможность лично или через других журналистов поставить Хирота соответствующие вопросы. Телеграфируйте, какие именно.

Полпред

Печат. по арх.

317. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии М. М. Славуцкому

*Вне всякой очереди
1 сентября 1937 г.*

1. В случае, если Хирота заговорит с Вами о советско-китайском пакте ненападения, заявите, согласно Вашему предложению ****, что беспокойство японского правительства и японской прессы по поводу этой сугубо мирной акции Советского правительства, вытекающей из его всем известной последовательной политики мира, вызывает у нас большое удивление. Тем более что Хирота известно, что мы в свое время предложили заключение подобных пактов всем без исключения своим соседям и с подавляющим большинством из них такие уже заключили.

Если бы Хирота завел разговор о нашем нынешнем отношении к вопросу о заключении советско-японского пакта ненападения, то заявите безразличным тоном, что, насколько Вам известно, после неоднократных и категорических отказов японского правительства заключить такой пакт, а также после известного соглашения Японии с Германией вопрос этот

* См. т. IX, прил. 88; т. X, прил. 17; т. XV, док. № 483; т. XVI, док. № 2.

** См. док. № 317.

*** Корреспондент ТАСС в Токио.

**** См. док. № 316.

давно уже считается Советским правительством неактуальным.

2. В беседе с Хирота сами не затрагивайте вопроса об оказании нами военной помощи Китаю. Если же он вернется к этому вопросу, то заявите ему в категорической форме, что наша политика мира общеизвестна и что мы не намерены делать ничего нарушающего международные договоры и обязательства, а также нормы международного права. Понятно, что подобная позиция СССР предполагает как необходимое условие соблюдение норм международного права со стороны Японии в отношении СССР и связанных с ним договором взаимной помощи государств.

3. Если Хирота специально остановится на вопросе о доставке оружия в Китай*, то заявите, что, хотя сообщение японской прессы о том, будто бы мы доставили всевозможное вооружение в Китай, лишено оснований, мы не понимаем, на каком основании Хирота обращается к нам с претензиями по этому вопросу. Торговля оружием разрешается международным правом, и Хирота, конечно, хорошо известно, что этим правом широко пользуются некоторые, весьма дружественные Японии, государства. Претензии Хирота вызывают поэтому у нас большое недоумение.

4. Ввиду большой важности этих вопросов придерживайтесь ближе изложенных выше директив и старайтесь вообще поменьше говорить на эти темы.

5. На приеме Хирота журналистов не следует выдвигать с нашей стороны никаких вопросов.

Стомоняков

Печат. по арх.

318. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 сентября 1937 г.

Пакт** вызывает несомненно удовлетворение в правительственных кругах, явно питающих надежды, что за этой моральной поддержкой Китая с нашей стороны последует материальная. С самого начала конфликта за нашей позицией здесь внимательно следили. Сквозило опасение, что мы удовлетворимся тем, что японская агрессия концентрировалась в китайском направлении, сочтем это плюсом для себя и отгородимся от событий. В возможность сколько-нибудь серьез-

* Переговоры с китайскими представителями по вопросам реализации предложения Советского Союза об оказании помощи Китаю в укреплении обороноспособности начались в Москве 9 сентября 1937 г., см. прим. 182.

** См. док. № 300, 315.

ных международных акций здесь никто не верит, к Англии глубоко недоверие; правительство связано изоляционистскими настроениями в стране, считает флот неготовым, скептически относится к военной готовности Нанкина и взирает на перспективы в Китае пессимистически.

В этих условиях наш пакт с Китаем считается светлым пятном, фактором усиления сопротивляемости Китая, причем немалую роль наверняка играет и надежда на то, что он обострит наши отношения с Японией. Если верить сегодняшнему сообщению Юнайтед Пресс, ссылающемуся на правительственные круги, последние приписывают воздействию советско-китайского пакта новое уступчивое разъяснение японцев, что блокада будет применена только к китайским судам и третьих государств якобы не коснется.

Парадоксальность положения США в том, что резкий рост антияпонских настроений в самых широких кругах не только не выливается в требование более активной политики США и помощи Китаю, а, наоборот, приводит к росту изоляционистских требований скорейшего свертывания всех американских интересов в Китае. На данном этапе неприведение в силу закона о нейтралитете плюс некоторая экономическая помощь и доставка небольшой партии самолетов — предел американской «поддержки» Китаю.

На правительство производится сильный нажим со стороны наиболее близких Рузвельту «левых» сенаторов и конгрессменов, сочувствующей [ему] администрации и настроенных антияпонски мелкобуржуазных пацифистских организаций с требованием применения закона о нейтралитете, даже ценой нанесения этим ущерба Китаю, лишь бы не «ввязываться в события». Этому натяску правительство пока сопротивляется, так как национальные интересы, а также давление кругов, связанных с ее свертывания в случае применения закона, действуют в обратном направлении. Правительство, однако, опасается всяких публичных заявлений сочувствия Китаю и всего, что может быть использовано как провоцирование Японии.

Отсюда сдержанность официальных выступлений о нашем пакте и соответствующие советы министра иностранных дел прессе, реагировавшей на него поразительно мало. Хэлл на вопрос журналистов ответил лишь, что, насколько он понимает, пакт ограничивается обязательством взаимного ненападения. Хорибек* в частной беседе со мной ставил госдепартаменту в заслугу тактичный подход к вопросу нашего пакта и свои советы журналистам не верить японской версии о содержании пакта. Эта версия, однако, широко циркулирует в печати, телеграммах из Токио, Шанхая, Парижа (фальшивка

* Советник госдепартамента США по политическим вопросам.

«Жур»), Лондона, причем печать явно хотела бы, чтобы это была правда.

Прекрасную статью о пакте опубликовала «Вашингтон пост» — либеральная газета, приветствующая «ценную моральную поддержку Китаю». Большая нью-йоркская печать на пакт не реагировала в передовых, что весьма необычно и что можно объяснить как нежелание открыто заявить о своем удовлетворении, а со стороны консервативной и реакционной прессы — и как нежелание популяризировать СССР. Консервативная «Вашингтон иннинг стар» опубликовала иднотскую враждебную статью, считающую «подозрительным» тот факт, что мы поспешили целиком опубликовать текст договора, за которым, наверное, скрывается пакт о взаимопомощи, являющийся вызовом Германии и могущий развязать войну в Европе. Других откликов пока нет.

Обращаю внимание на знаменательный факт в американских условиях, что заседающий сейчас съезд всех профессиональных союзов моряков, обсуждающий объединение в производственный союз и вступление в комитет Люиса *, принял резолюцию с требованием одностороннего бойкота против Японии как агрессора, а не введения в силу закона о нейтралитете, как того требуют псевдолевые элементы. Если это соответствует позиции самого Люиса, влияние которого огромно, то он, значит, не обманывал Трояновского и меня в беседах, о которых мы сообщали.

Я нарочно молчал. В целом: безусловно удовлетворенная реакция со стороны правительства, раздраженная — в реакционных кругах, положительная — в либеральных и самых широких кругах, настроенных антияпонски, но в целях изоляционистских надеющихся, что и без американского вмешательства Китай сможет сопротивляться Японии.

Уманский

Печат. по арх.

319. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу

2 сентября 1937 г.

Передаю для сведения, что, согласно полученной нами информации, Ван Чуй-хой еще до опубликования пакта ** информировал о нем послов Франции, Англии, США, Германии и Италии и при этом заверил, что этот пакт является стереотипным, что содержание его ничего нового не дает, кроме осу-

* Комитет производственных профсоюзов (КПП) США. Джон Люис — председатель КПП.

** См. док. № 300, 302, 315.

шествования цели Китая жить в мире со всеми соседями. Ван Чун-хой заверил, что пакт не означает отказа от традиционной «антикоммунистической» политики китайского правительства и что 3-я статья пакта подчеркивает сохранение в полной силе VI статьи Пекинского договора *. Ван Чун-хой заявил, что Китай не принял на себя никаких секретных обязательств в связи с пактом и что он готов подписать такой же пакт с Японией.

Стомоняков

Печат. по арх.

320. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных

3 сентября 1937 г.

Самни поставил перед отъездом вопрос о поддержке со стороны СССР кандидатуры Ирана в Совет Лиги наций **. Не связывая нас формально, я ответил в благожелательном смысле, что имело место после беседы о внешней политике Ирана и моих представлений о германской агрессивной деятельности в Иране ¹⁸⁵. Самни заверял в дружбе к СССР и заявлял, что это политика самого шаха, которая в Иране является директивной для каждого.

Стомоняков

Печат. по арх.

321. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Италии

*Вне очереди
5 сентября 1937 г.*

Ниже передается текст ноты протеста, которую Вы должны послать на имя Чиано, скрепив ее подписью поверенного в делах СССР. Озаботьтесь тщательным ее переводом на итальянский язык и, приготовив все, сообщите нам внеочередной телеграммой, когда состоится отсылка. Это нам необходимо, чтобы опубликовать текст ноты одновременно с ее отправкой по назначению ***. Считаем целесообразным, чтобы Вы препроводили ноту в МИД с курьером, не вручая ее лично Чиано, с тем чтобы в разносной книге полпредства был фиксирован момент принятия пакета министерством.

* См. т. VII, док. № 156.

** См. т. XIX, док. № 310.

*** См. газ. «Известия», 8 сентября 1937 г.

«Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Италии обращает внимание Итальянского Правительства на то, что в распоряжении Правительства Советского Союза имеются не подлежащие сомнению доказательства агрессивных действий итальянских военных судов против торговых судов СССР. Указанные действия выразились в потоплении итальянским подводным судном советского судна «Тимирязев», следовавшего из Кардиффа в Порт-Саид с грузом угля и атакованного 30 августа с. г. в 22 часа в 120 км к востоку от Алжира. Такое же нападение было совершено на советское судно «Благоев», направлявшееся из Мариуполя в Сет с грузом пека для асфальта и потопленное 1 сентября с. г. в 6 часов 30 минут в 15 милях от о. Скирос.

Итальянское Правительство несомненно учтет, что эти акты, совершенные по отношению к плавающим по открытым морским путям торговым судам Советского Союза, поддерживающего с Италией нормальные дипломатические отношения, находятся в вопиющем противоречии не только с принципами гуманности, но и с самыми элементарными и общепризнанными нормами международного права. Вместе с тем акты нападения итальянских судов на суда, плавающие под флагом СССР, нарушают пакт, заключенный между СССР и Италией 2 сентября 1933 г.* и предусматривающий в ст. 1 обязательство каждой договаривающейся стороны перед другой «не прибегать ни в каком случае против нее, ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами, ни к войне, ни к какому-либо нападению на суше, на море или в воздухе...».

В силу изложенного выше Посольство СССР заявляет Итальянскому Правительству от имени и по поручению Правительства Союза ССР самый решительный протест.

Правительство СССР возлагает на Итальянское Правительство всю полноту ответственности за политические, а также материальные последствия означенных агрессивных действий итальянских военно-морских сил по отношению к торговым судам, плавающим под флагом СССР.

Посольство СССР уполномочено Правительством Союза ССР настаивать на решительном пресечении этой агрессии в дальнейшем и на полном возмещении ущерба, понесенного в результате этих актов Советским Союзом, а также ущерба, понесенного моряками названных советских судов или их семьями. Посольство уполномочено также настаивать на примерном наказании лиц, виновных в совершении упомянутых агрессивных действий»¹⁸⁶.

В. Потемкин

Печат. по арх.

* См. т. XVI, док. № 277.

322. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольствам Франции и Великобритании в СССР

7 сентября 1937 г.

Народный Комиссариат Иностранных Дел, свидетельствуя свое почтение Французскому и Британскому Посольствам, имеет честь подтвердить получение нот от 6 сентября с. г., в которых Посольства по поручению своих Правительств довели до его сведения о том, что, по мнению Французского и Английского Правительств, нетерпимое положение, возникшее на Средиземном море в связи с незаконными нападениями на торговые суда, плавающие под флагами ряда держав, требует немедленного совещания и действий Средиземноморских, а также некоторых других держав. В тех же нотах Французское и Английское Правительства выразили надежду, что Правительство СССР будет представлено на этом совещании, участвовать в котором приглашаются Средиземноморские державы: Италия, Югославия, Албания, Греция, Турция и Египет; Черноморские державы: СССР, Румыния и Болгария — и, кроме того, также Германия.

Правительство СССР, со своей стороны, считает, что нападения некоторых, и в первую очередь итальянских, военных кораблей на торговые суда, плавающие под различными национальными флагами, должны быть признаны абсолютно нетерпимыми и находящимися в непримиримом противоречии с самыми элементарными нормами международного права и с основными принципами гуманности. Совершенно очевидно, что эти агрессивные действия, совершаемые на открытых морских путях и направленные против мореплавания миролюбивых государств, создают непосредственную угрозу европейской безопасности и всеобщему миру.

В силу изложенного Правительство СССР готово принять участие в совещании, созываемом по инициативе Французского и Английского Правительств 10 сентября и долженствующем обсудить вопрос о мерах, способных обеспечить безопасность плавания на открытых морских путях, представляющую собой одну из основ мира.

Имея в виду, что на вышеозначенном совещании будут представлены державы, непосредственно связанные с бассейном Средиземного моря, Правительство СССР просит Правительства Англии и Франции, как инициаторов средиземноморского совещания, объяснить ему мотивы, в силу которых на это совещание приглашается Германия, которая, как известно, такой державой не является.

Вместе с тем Правительство СССР полагает, что к участию в совещании 10 сентября должно быть теперь же привлечено и Правительство Испанской Республики как в силу того факта, что Испания является Средиземноморской державой,

так еще более и потому, что интересы Испанской Республики особо серьезно нарушаются агрессивными действиями пиратских военных кораблей.

*Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия»
№ 210 (5372), 8 сентября 1937 г.*

В упоминаемых нотах посольств Франции и Великобритании в СССР от 6 сентября 1937 г. говорилось:

«Противоречащие международному праву недавние нападения на суда подводными лодками и самолетами, действующими без предупреждения и без обнаружения своей национальности, создали в Средиземном море настолько серьезное состояние небезопасности, что, по мнению Французского и Британского Правительств, стало необходимым в целях изменения создавшегося ветерлимого положения, чтобы Средиземноморские державы и некоторые другие державы приступили к обмену мнениями между собой и приняли решение об их линии поведения.

Вследствие этого Французское и Британское Правительства предлагают, чтобы 10-го сего месяца была созвана конференция для изучения мер, которые необходимо принять, чтобы положить конец существующему положению небезопасности в Средиземном море и укрепить нормы международного права, касающиеся мореплавания.

Французское и Британское Правительства надеются, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик пожелает быть представленным на этой конференции, и, так как представители некоторых из заинтересованных правительств будут скоро в Женеве, полагают, что было бы удобным созвать конференцию вблизи этого города.

Приглашение направлено правительствам следующих Средиземноморских держав: Италии, Югославии, Греции, Турции и Египта*; Черноморских держав: СССР, Румынии, Болгарии, а также Германии.

Разумеется, на конференции представится возможным в случае надобности рассмотреть вопрос о приглашении других держав для участия в этих совещаниях в последующей их стадии».

323. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

7 сентября 1937 г.

Я затронул в разговоре с Менеменджоглу** вопрос о предстоящей конференции о безопасности мореплавания***. Менеменджоглу весьма пессимистически расценивает обстановку, считая, что Италия и Германия поставят на этой конференции испанскую проблему в целом и это может привести к осложнениям. Я спросил, каково отношение турецкого правительства к принятию коллективных мер безопасности. Менеменджоглу сказал, что если они повлекут за собой войну против

* В ноте посольства Великобритании кроме названных стран указана также Албания.

** Генеральный секретарь МИД Турции.

*** См. док. № 322, 326.

Италии и Германии, то Турция не намерена участвовать. «Даже если в этом конфликте будут участвовать Англия, Франция, СССР и т. д.» — спросил я. Менеменджоглу ответил, что это будет зависеть от того, какие турецкие интересы окажутся затронуты, ибо Турция не захочет повторить ошибку мировой войны, когда она не за что была втянута в нее Германией. На вопрос, каковы инструкции будут у Араса, назначенного представителем Турции на конференцию, Менеменджоглу ответил, что ему будут даны указания работать в направлении общих соглашений. «А если, как можно предвидеть, Италия и Германия будут саботировать?» — спросил я. Менеменджоглу ответил, что, созывая конференцию, Англия, по-видимому, имеет в виду предложить нечто такое, что будет приемлемо для всех. Если же это окажется невозможным, то турецкое правительство примет решение ad hoc в зависимости от той обстановки, которая создастся на конференции.

Залкинд

Печат. по арх.

324. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

8 сентября 1937 г.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Японии имеет честь сообщить Императорскому Министерству Иностранных Дел Японии о нижеследующем:

5 сентября в 14 час. 50 мин. в территориальных водах СССР между о. Фуругельм и устьем р. Тумень-Ула на расстоянии двух с четвертью миль от берега задержан вооруженный японский катер «Осака-мару», приписанный к порту Фузан*. На катере обнаружен станковый пулемет и некоторое количество винтовок. Команда катера состоит из 16 человек. В момент задержания катера в районе его стоянки были замечены десятки корейских и японских судов, которые находились на еще более близком расстоянии от берега, чем этот катер. Следует отметить, что в этом году замечено систематическое и массовое нарушение советских территориальных вод в Приморье японскими и корейскими судами.

Посольство СССР заявляет протест против совершенно недопустимой стоянки в советских водах японского вооруженного катера, в чем усматривается очевидное подтверждение факта поддержки со стороны местных японских властей массового захода японских судов в советские территориальные воды, несмотря на то что эти воды не представляют ценности с точки зрения рыболовства.

* Пусан.

Посольство СССР имеет честь просить Императорское Министерство Иностранных Дел принять меры к расследованию этого дела, наказанию виновных и к недопущению подобных действий в будущем ¹⁸⁷.

Печат. по арх.

325. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 сентября 1937 г.

Сегодня получил письмо от высокого комиссара Канады в Лондоне с просьбой от имени канадского министра торговли Эйлера передать в Москву предложение следующего порядка *: канадское правительство было бы готово установить для экспорта СССР в Канаду права наибольшего благоприятствования при условии, что СССР обязуется закупить в Канаде в течение года товаров на 10 млн. долл. Соглашение, которое Эйлеру мыслится в форме обмена нотами, должно иметь силу в течение 12 месяцев. Текст письма пересылаю диппочтой НКВД, НКВТ ¹⁸⁸.

Полпред

Печат. по арх.

326. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на Нюнской конференции

10 сентября 1937 г.

Из ответа Советского правительства на англо-французское приглашение ** совершенно ясно, в какой мере оно считает созыв данной конференции своевременным и целесообразным. Такое позорное явление, как пиратство в открытом море, организуемое не по примеру давно прошедших веков отдельными преступными личностями и бандами или мятежниками, а, как имеютя все основания утверждать, правительством европейского государства, не могло не привлечь международного внимания и стать немедленно предметом международного обсуждения, будь то на специально созванной для этого конференции или же [в] существующей международной организации. Советское правительство приветствует эту конференцию не только потому, что его собственные торговые суда стали уже жертвами беспрецедентного пиратства ***, и не потому, что

* См. т. XIX, док. № 212.

** См. док. № 322.

*** См. док. № 321, прим. 3.

Советский Союз омывается водами, непосредственно сливающимися со Средиземным морем, которое связывает как советские порты с внешним миром, так и советские порты между собой, но и потому, что Советский Союз, как крупнейшая держава, сознавая свои права и обязанности, заинтересован в сохранении международного порядка и мира и в борьбе против всех видов агрессии и международного произвола. Выступая последовательным защитником идеи коллективной безопасности, Советское правительство не могло не отозваться на призыв к коллективной организации безопасности для мирного судоходства на водных путях, и в особенности на такой важной международной водной артерии, как Средиземное море.

Я уверен, что таково же отношение к этой конференции остальных представленных на ней государств, торговый флот которых либо подвергался, либо рискует подвергнуться нападению объявившихся в Средиземном море пиратов. Защищая и укрепляя международный порядок мерами, которые могут быть здесь выработаны, участники конференции защитят и их общие интересы.

Уклониться от участия в такой конференции могут лишь те государства, которые, имея свой торговый флот и пользуясь Средиземным морем, считают себя гарантированными от пиратства либо потому, что оно ими же организуется и является орудием их национальной политики, либо же вследствие своей интимной близости с пиратами и возможностью с ними столкнуться. Только такие государства могут быть заинтересованы в торпедировании и саботировании конференции отказом в участии или другими способами.

Я позволю себе выразить сожаление по поводу отсутствия одного, бесспорно средиземноморского, государства, правительства которого признано всеми представленными здесь государствами, которое больше всех пострадало от пиратства и против которого это пиратство в первую очередь направлено,— а именно Испанской республики. Я полагаю, что еще не поздно этот пробел восполнить. От этого лишь выиграет в своем значении инициатива созыва конференции и авторитет самой конференции.

Факты пиратства не могут быть отрицаемы. Пучины Средиземного моря поглощают одно торговое судно за другим. Гибнут огромные богатства, гибнут человеческие жизни. Точно установлено действие в этих случаях подводных лодок с закрашенными названиями, со спрятанным национальным флагом, с экипажем в замаскированной форме. Мы имеем дело, таким образом, с типичным государственным пиратством. Всем известна цель этого пиратства и какое государство эту цель преследует, имя его у всех на устах, если оно и не будет здесь названо. Но право назвать его не может быть отрицаемо

за теми государствами, которые непосредственно от пиратства пострадали или пострадают.

Есть, правда, шутники, которые настолько низкого мнения об интеллектуальном уровне своих слушателей и читателей, что утверждают, что торговые суда с ценным грузом, а иногда с экипажем пускаются на дно мифическими подводными лодками тех государств, которым эти торговые суда принадлежат, ради одного лишь удовольствия выступить против кого-то жалобщиками. Великий русский писатель Гоголь в своей бессмертной комедии «Ревизор» вызывает гомерический хохот рассказом о том, как в ответ на жалобу одной унтер-офицерской вдовы ревизору, что ее высек местный полицмейстер, последний оправдывался тем, что эта вдова сама себя высекла ради того, чтобы принести на него жалобу. Гоголь, писавший сто лет тому назад сатиру на нравы тогдашней темной России с невежественным, коррумпированным чиновничеством, вряд ли мог думать, что его смехотворный персонаж полицмейстера воскреснет сто лет спустя в Западной Европе. Впрочем, названные мною шутники не только смешны в своем подражании этому персонажу Гоголя, но и еще менее его логичны, ибо утверждают, что те самые государства, которые топят собственные суда для того, чтобы принести жалобу в международный форум и вызвать какую-либо международную акцию, сами пытаются торпедировать этот форум и эту акцию. Возможно было бы только посмеяться над этими шутниками, если бы этому не прелестствовала серьезность созданного положения.

Когда мы говорим о пиратстве, мы не должны иметь в виду лишь действия подводных лодок в Средиземном море. Под понятие пиратства должны быть подведены и действия надводных судов и самолетов, задержавших и потопивших уже несколько десятков торговых судов как в Средиземном море, так и в Атлантическом океане. Речь должна идти об обеспечении свободы плаванья во всех морях.

Я уже упомянул, что от пиратских действий в Средиземном море в последнее время погибло два советских торговых судна с грузом и имели место человеческие жертвы. Эти суда составляют собственность Советского государства, принадлежат его рабочим и крестьянам. Советское правительство не может позволить никому уничтожать его государственную собственность. Оно должно будет принять свои меры.

Оно не может бездействовать в надежде на то, что его законные права, быть может, защитят другие государства или международная организация. История международных организаций и международных конференций последних лет не дает оснований для излишнего оптимизма в этом отношении. Наряду с этим Советское правительство, однако, готово участвовать и в коллективных мерах защиты общих интересов государств, не гарантированных от пиратства. В этом духе оно

приняло приглашение на Нионскую конференцию, и оно не только желает ей всякого успеха, но и готово этому успеху максимально содействовать в уверенности, что меры будут приняты эффективные и незамедлительные¹⁸⁹.

Печат. по гав. «Известия»
№ 214 (6376), 12 сентября 1937 г.

327. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину

10 сентября 1937 г.

Глубокоуважаемый Владимир Петрович,

После возвращения Сандлера из Варшавы я была у него на очередном приеме. Так как это было первое наше свидание после его возвращения из Москвы* (Сандлер был в отпуске), то естественно, что Сандлер еще раз выражал свою благодарность за радушный и, как он сказал, «дружески-теплый» прием, оказанный ему в Москве. Он сожалел, что ему пришлось пробыть так кратко в Москве, но что его «подвели» турки. Рюшту Арас намерен был проехать через Швецию по дороге к нам и только в «последний час» изменил свой маршрут, т. е. уже после того, как срок пребывания Сандлера был установлен. Сандлер несколько раз повторял, что для него беседы в Москве, как с Максимом Максимовичем [Литвиновым], так и с другими членами Советского правительства, были «очень поучительными» и что эти беседы «еще раз подтвердили его всегдашнее убеждение, что у Союза к демократической Швеции имеются вполне дружеские настроения». Теперь, после пребывания в Союзе, он может отстаивать это убеждение с еще большей настойчивостью во всех тех случаях, когда менее дружественно к Союзу настроенные круги пытаются доказывать противное.

Я, конечно, выразила удовлетворение, что он вынес данное впечатление, которое полностью отвечает действительности, тем более что мы и практически доказали уже «демократическому правительству» Швеции нашу дружественность. Я вскользь напомнила ему, как мы в свое время спасли кабинет Хансена (1934 г.)**.

Сандлер ответил на это, что и Союз не имеет оснований сомневаться в дружественности шведской политики к Союзу и что совместные выступления в Женеве это подтверждают. Сандлер напомнил, что он был председателем Ассамблеи, когда решался вопрос о вхождении Союза в Лигу наций***.

* См. док. № 235.

** См. т. XVII, док. № 159.

*** См. т. XVII, док. № 331, 334.

Сандлер заговорил сам о своей поездке в Варшаву, подчеркивая, что этот визит им был обещан Польше еще два года тому назад, после заезда Бека в Стокгольм в 1935 г. Я выразила Сандлеру свое «недоумение», как могли польские газеты утверждать, что у Сандлера и Бека «по всем вопросам внешней политики не было расхождения».

Сандлер поспешил дать весьма «оригинальное» объяснение, а именно: «Да, но это касалось лишь тех вопросов, где расхождений не намечается. Остальных вопросов мы с Беком не касались». Бек, по словам Сандлера, очень тактично избегал «щекотливых» тем.

Я сказала, что заявление польской печати меня тем более удивило, что не могло же быть «единогласия» между политической Швецией и польской в вопросе, например, об Абиссинии или Испании. Сандлер подтвердил, что в этих вопросах Швеция действительно стоит на совершенно иной точке зрения, чем Польша. Но добавил, что Польша сейчас заметно изменила курс своей политики и в значительно большей степени, чем раньше, желает вести политику «укрепления мира и Лиги наций».

Я ответила Сандлеру, что без признания неделимости мира и укрепления коллективной безопасности никакое укрепление Лиги неосуществимо. Сандлер с этим согласился и поспешил добавить: «В моем заявлении в Варшаве Вы должны были заметить, что я говорил о параллельной политике Швеции и Польши для стабилизации мира, а не о единодушной политике этих двух стран. Этим я подчеркивал разницу в нашем подходе к вопросу о том, как закреплять мир».

Был затронут в нашей беседе и вопрос о нейтралитете, причем Сандлер и в этом случае старался дать понять, что и Швеция по-иному подходит к вопросу нейтралитета, чем Польша. В чем именно расхождение, Сандлер не конкретизировал.

Из прессы видно, что поляки сделали все, что от них зависело, чтобы подкупить честолюбивых шведов (ордена, торжества в честь гостей, неотлучное пребывание Бека при Сандлере — все было пушено в ход). Все же Сандлер хотя и польщен, но достаточно опытный и осторожный политик, чтобы не попасться на польскую удочку. Никаких конкретных результатов поездка Сандлера в Польшу не дала. И если у скандинавов и растет стремление к блокированию нейтралов, то, во всяком случае, не в совокупности с Польшей и не под ее эгидой. Здесь слишком хорошо понимают опасность такого шага именно в связи с политикой скандинавов укрепить позицию малых стран. Блок мыслится здесь в форме «укрепления стран Малоской конвенции»*.

* См. т. XV, прим. 9.

Очень характерно, что в Швеции и, по-видимому, в других северных странах намечается стремление к сближению с Соединенными Штатами. В беседе Сандлера с Максимом Максимовичем Сандлер подчеркивал необходимость обеспечить сотрудничество США в Лиге наций, что, по его мнению, возможно достигнуть лишь при помощи развития ст. 11. Сейчас намечается поездка министров иностранных дел в Соединенные Штаты с визитом к Рузвельту. Первым едет Кут, затем Муик и Сандлер. По тому интересу, какой проявляют шведы к Северной Америке и США к скандинавам за последнее время, тут преследуется, очевидно, особая цель.

Посещение Авенюля прошло в Швеции без шума, и печать подчеркнула, что Авенюль пробыл в Стокгольме лишь «от парохода до поезда». Однако он был у Сандлера и посетил также Маркуса Валленберга, хозяина мощного «Эншильда-банк». В прессу не просочилось, о чем велась беседа. Очевидно, Авенюль подготовлял с Сандлером вопросы, которые будут обсуждаться в Женеве. Здесь считают, что вряд ли на сессии Лиги наций в этом году встанет вопрос о ст. 16. Но, во всяком случае, близкие Сандлеру друзья говорят, что он не связал себя никакими обещаниями Авенюлю, ссылаясь на то, что предстоит конференция четырех министров иностранных дел северных стран 7 и 8 сентября, которой будет установлена линия по основным вопросам сессии.

Конференция четырех министров официально проходит под знаком «защиты интересов нейтральных судов в Средиземном море». Однако Холсти заявил в печати, что предполагено обсуждать и вопросы, связанные с сессией. Кут сказал, что в числе вопросов на конференции стоит также обсуждение позиции скандинавов к вопросу продления действия так называемых иансеновских паспортов. Мунк особенно подчеркивал значение сотрудничества и тесной дружбы северных стран. Газеты выдвигают основную мысль Сандлера, что пятая встреча министров иностранных дел стран Севера (первая имела место в сентябре 1934 г.) подтверждает, что встреча, явившаяся импровизацией, превратилась «в постоянный институт», притом без писанных договоров и «соглашений», что показывает действительную жизненную сущность подобного сотрудничества. Газеты подчеркивают, что конференция занята чисто практическими вопросами и что в основном совещание имеет задачу договориться по вопросу о плавании нейтральных судов в Средиземном море и какие меры вытекают из необходимости обеспечить безопасность торгового мореплавания в этих водах. Вопрос этот связан с конференцией держав по Средиземному морю*. Здесь ожидается, что Норвегия также будет приглашена на конференцию больших дер-

* См. док. № 322, 326, 332.

жав. Северные страны поэтому договорятся, какова будет их позиция на этой конференции.

В число пунктов обсуждения четырех министров иностранных дел включен также абиссинский вопрос. Что же касается вопроса о пересмотре Пакта Лиги наций, то пресса считает, что, ввиду того что вопрос о реформе Лиги в эту сессию едва ли встанет, скандинавы не намерены выступать с какими-либо предложениями по статьям нейтралитета. Этим недовольна правая печать (особенно «Аллекханда», см. обзор печати), считающая, что опасность крайне возросла и поэтому следует уменьшить и ослабить международные обязательства по отношению к агрессору именно тем странам, которые желают остаться нейтральными. Другими словами, «Аллекханда» выражает пожелания правых групп, стоящих за ослабленные обязательства членов Лиги наций по ст. 16 и недозволенных тем, что совещание министров, по-видимому, не намерено выступать со своими предложениями о нейтралитете в Женеве, если вопрос о реформе Лиги не будет выдвинут в эту сессию. Однако даже правая печать приветствует укрепление сотрудничества северных стран, что проявляется, по мнению шведской общественности, в единодушных выступлениях и сотрудничестве на экономической и культурной почве между странами Севера.

К числу факторов, свидетельствующих о практическом сближении стран Севера, следует отнести многомиллионное (20—30 млн. крон) пожертвование директора мировой шведской фирмы «Электролюкс» Веннергрена на премирование достижений в области гуманитарных наук четырех северных стран и для укрепления их сотрудничества в социальной и научной области. Премия будет составлять около миллиона крон в год, причем будет образован институт, наподобие института Нобеля, для присуждения премий по следующим отраслям: социальным наукам, естествознанию и медицине. Печать и общественность придают большое значение этому «новому фактору», содействующему сближению стран Севера на культурно-научной почве.

Недавно (3 сентября) герmanoфильским адмиралом де Шеном закончен и внесен на рассмотрение правительства порученный ему парламентом проект о новом типе военно-морского флота. Основные положения де Шена помещаем в нашей сводке печати.

В своих рассуждениях де Шен исходил главным образом из положения, что основным противником во время войны является Советский Союз. Официоз «Социалдемократен» выступил по этому поводу со статьей, в которой в ироническом тоне говорит о страхе де Шена перед СССР и о том, что адмирал вообще считает «удивительным» и «стоящим внимания» тот факт, что Союз «вообще обладает морским флотом». «Со-

циалдемократен» также подчеркивает, что записки де Шена совершенно не выясняют, каким образом по его проекту флот может защитить Швецию от агрессии флота великих держав, подвергая сомнению эффективность дешеновского проекта и [указывая на] ошибочность его политической установки.

8-го закончилось совещание четырех министров иностранных дел, в коммюнике указано, что «обсуждалось общее международное положение и [они] обменивались информацией, особенно по отношению к впечатлениям при посещении министрами иностранных дел разных стран».

В числе вопросов обсуждались: вопрос об отношении Лиги наций к происходящим конфликтам, к вопросу о так называемой реформе Пакта, вопросам разоружения, вопросам беженцев и о культурном сближении стран Севера. «Министры обменялись также сведениями, какие достижения достигнуты в различных областях в смысле сотрудничества стран Севера на основании ранее принятых решений». В число обсуждений входила также выработка формулировок по пересмотру правил нейтралитета, обеспечение продуктами при «исключительных положениях», просветительная работа касательно стран Севера, защита интересов мореходства этих стран в Средиземном море и касательно лондонского соглашения о морском вооружении*.

Вчера, т. е. 9-го, несмотря на то что Сандлер уезжает в Женеву, я добилась, что он меня принял. Сандлер начал с того, что основным вопросом конференции министров иностранных дел была защита интересов судового мореходства в Средиземном море от пиратских действий. Он высказался весьма резко по поводу Италии и добавил, что он считает действия Муссолини «противоречащими здравому смыслу» и [что они] могут быть объяснены лишь тем, что Муссолини хочет добиться немедленного вмешательства держав, пока положение Франко еще дает основание с ним считаться.

Сандлер сказал, что страны Севера не получили приглашение на средиземноморскую конференцию больших держав, но что Дания уже обратилась с требованием постановки и разбирательства вопроса о пиратских действиях в Средиземном море в Комитете по невмешательству и что Дания в этом случае действовала с согласия остальных стран**. Сандлер довольно пространно говорил о том, что подобные встречи министров иностранных дел имеют «задачу укрепить политику мира той из стран, которая в данной ситуации вынуждена проявлять наибольшую осторожность», и добавил, что Дания со времени речи Стаунинга в Лунде*** (весною) значительно

* См. док. № 249.

** См. прим. 3.

*** См. док. № 97.

устойчивее стоит за укрепление сотрудничества стран Севера в вопросе нейтралитета.

Я спросила Сандлера, обсуждались ли ст. 16 и 11. Сандлер ответил, что так как ст. 16 (об агрессоре и санкциях) не будет подвергнута обсуждению на данной сессии, то конференция министров иностранных дел не считала нужным подвергнуть данную статью специальному обсуждению. По ст. 11 состоялось известное согласование, ввиду того что эта статья войдет в число работ сессии.

По вопросу о голосовании за место Испании в Совете Сандлер сказал, что, несмотря на то что все симпатии стран Севера на стороне Валенсии, прежняя «принципиальная установка» скандинавов затрудняет принятие решения теперь же в пользу Испании, поэтому вопрос остается открытым до встреч в Женеве. Либеральная газета «Свенска моргонбладет» (центральный орган фолькпарти *) считает, что северные страны должны голосовать за место Валенсии в Совете Лиги наций.

Что касается абиссинского вопроса, то Сандлер считает, что этот вопрос не будет обсуждаться.

Сандлер выразил уверенность, что конференция министров иностранных дел укрепит позицию стран Севера в их неизменном стремлении остаться нейтральными. Но в чем выразилось их решение по этому вопросу, Сандлер, по-видимому, считал для себя неудобным сообщить, сославшись, что «новых установок не принято и лишь более детально разбирались прежние положения по вопросу сотрудничества стран Севера».

Политические (не правительственные) круги Швеции и правая пресса считают, что в интересах Англии и Франции возможно скорее разрешить конфликт в Испании, чтобы развязать себе руки для защиты своих угрожаемых интересов со стороны Японии на Дальнем Востоке. Печать очень обеспокоена, какие последствия будут иметь наши ноты Италии ** и не стоим ли мы накануне открытой войны в Европе.

Состав шведской делегации, едущей на сессию в Женеву, следующий: Сандлер (соц.-дем.), проф. Унден (соц.-дем.), министр юстиции Вестман (бундефербундет ***), проф. Багге (правый), редактор Андерсон (правый), помещик Стокеншерн (либерал), фрекен Хессельгрэн (либералка), посланник в Швейцарии **** Вестман.

6 сентября Шведское общество культурных связей организовало очень удачный и многолюдный доклад проф. Графтио о «Свирьстрое» и наших гидростанциях. На доклад пришло

* Народная партия.

** См. док. № 321.

*** Крестьянский союз.

**** В документе ошибочно — Швеция.

необычно много народу, причем серьезная публика: представители науки и техники, члены Академии наук, директора больших предприятий, государственных учреждений по электрификации и гидравлическим сооружениям в Швеции и пр.

Из дипломатов были чехи, испанцы, литовцы, китайцы.

Я вылетаю 11-го в Женеву. Поверенным в делах остается т. Смирнов (второй секретарь и зав. консульской частью).

С приветом

Полпред СССР в Швеции
А. Коллонтай

Печат. по арх.

328. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Вне очереди
11 сентября 1937 г.*

Англичане и французы в частном разговоре согласились отказаться от системы зон, взяв на себя охрану всего Средиземного моря*. Они просят остальных участников конференции одолжить им, т. е. дать под их командование, некоторое число миноносцев, но и на этом не настаивают. Они, однако, решительно возражают против обязательства уничтожать подводные лодки, топящие торговые суда с соблюдением известных правил. По мнению адмиралов, для подводных лодок практически невозможно соблюдение таких правил. Таким образом, за нашу подпись под конвенцией мы получаем некоторую, хоть и не полную, охрану наших судов и, во всяком случае, их команд. Частным образом остальные делегации дали на это свое согласие, и дело теперь за нами. Мне кажется, что и нам выгодно согласиться при условии такой формулировки, которая не сможет быть истолкована как легализация останавливания и потопления торговых судов, даже с соблюдением известных правил, и как признание за Франко или Италией прав воюющих сторон. Срочно сообщите директивы**.

Литвинов

Печат. по арх.

329. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

*Вне очереди
11 сентября 1937 г.*

На Вашу телеграмму от 11 сентября***. При условии отказа от системы зон нужно добиться включения в предложенную конвенцию таких формулировок, при которых она, во-пер-

* См. док. № 326, 330, 332.

** См. док. № 329.

*** См. док. № 328, 331, 332.

вых, не могла бы быть истолкована как легализация досмотра и потопления торговых судов, во-вторых, не содержала бы признания за Франко и его сообщниками права воюющих сторон. При этих условиях можете дать согласие на подписание конвенции¹⁹⁰.

Потемкин

Печат. по арх.

330. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Немедленно
13 сентября 1937 г.*

Французы вчера просили моего согласия на посылку от имени конференции обращения к Италии о принятии ею на себя охраны судоходства в Тирренском море*, на что все остальные делегаты согласие дали. Я разъяснил, что, обвиняя Италию в нарушении свободы судоходства, мы не можем в то же время поручать ей охрану этой свободы. Обращение, вероятно, послано от имени Англии и Франции**.

Литвинов

Печат. по арх.

331. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

*Вне очереди
13 сентября 1937 г.*

Вам разрешено дать согласие на подписание конвенции***. Полномочия высылаются телеграфом сегодня.

Считаем необходимым, чтобы Вы информировали испанскую делегацию**** о мотивах нашего решения, особо подчеркнув, во-первых, целесообразность демонстративной изоляции Германии и Италии и, во-вторых, положительный эффект удара, наносимого престижу фашистской Италии в бассейне Средиземного моря.

Потемкин

Печат. по арх.

* См. прим. 189.

** См. газ. «Известия», 14 сентября 1937 г., а также док. № 346.

*** См. док. № 328, 329, 332.

**** Имеется в виду делегация Испании на Ассамблее Лиги наций.

332. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на Нионской конференции

14 сентября 1937 г.

С большим удовлетворением подписываю я сегодня Нионское соглашение*, в выработке которого — я могу с гордостью говорить — советская делегация принимала самое активное участие**. Я хочу выразить свою благодарность остальным делегатам этой конференции, особенно стран приглашающих, за их любезную предупредительность в отношении пожеланий и предложений, выдвигавшихся во время нашей работы советской делегацией.

Надо сказать, что мы не делали никаких предложений, подсказанных эгоистическими или национальными соображениями. Наши предложения шли лишь в направлении максимального удовлетворения общих интересов представленных здесь государств и всех миролюбивых стран, заинтересованных в искоренении пиратства на морях и в обеспечении возможно полной свободы плавания. Наши возражения против первоначального проекта разделения Средиземного моря на зоны, охраняемые отдельно морскими силами всех участвующих здесь государств, в том числе и СССР, были целиком устранены последующим любезным согласием Англии и Франции взять на себя всю охрану Средиземного моря от одного конца до другого.

Напомню, что в самом начале испанского конфликта Советское правительство предложило морской контроль поручить исключительно Англии и Франции и что впоследствии оно добровольно отказалось от предоставленного ему Лондонским комитетом права посылать свои морские силы в Средиземное море для участия в контроле. СССР не нуждается в использовании тех или иных случаев для утверждения его бесспорного права, не ограниченного никакими международными актами, посылать свои морские силы в Средиземное и другие моря, когда он будет считать это необходимым. Вот почему — как всем участникам конференции известно — я не только не предлагал нашего участия в выработанном здесь морском контроле, но, наоборот, по причинам, изложенным на конференции, высказался против системы зон, предполагавшей наше участие. Я счел нужным остановиться на этом пункте ввиду той лжи, которая плетется в прессе вокруг этого вопроса.

Я особенно рад, что конференция, приняв во внимание наши замечания, зафиксировала в соглашении в форме, не допускающей никаких кривотолков, непризнание за кем бы то

* См. «Собрание постановлений...», № 16, 27 апреля 1938 г., стр. 257—276.

** См. док. № 326, 328, 330.

ни было прав воюющей стороны, а следовательно, прав останавливать в открытом море коммерческие суда, а тем более топить их. Мы, правда, хотели, чтобы немедленно наказывались все подобные беззакония, хотя бы даже совершенные с соблюдением правил международных конвенций, установленных для военного времени. Мне на это ответили, что не могут быть одинаковы наказания для вора и для убийцы, и что, впрочем, потопление коммерческих судов подводными лодками при соблюдении этих правил практически неосуществимо, и что если все же, несмотря на данное соглашение, морское пиратство не прекратится, то будет приступлено к обсуждению дальнейших мер. На данное время я считал себя этим разъяснением удовлетворенным.

К сожалению, несмотря на наши возражения, из действия охраны изъяты коммерческие суда испанского правительства, ибо — как мне объяснили здесь — охрана жизни экипажей испанских судов может быть сочтена вмешательством в испанский конфликт. Чтобы не осложнять работ конференции, я воздержался от сопоставления этой скрупулезности с методами «невмешательства», которые проводятся другими государствами, здесь не представленными.

Мы, советская делегация, хотели ехать на несколько станций дальше по тому пути, который мы проделали здесь, с вами совместно, ибо, как показала история других международных конференций, юное Советское государство, полное сил, энергии, бодрости и веры в правильность его международных концепций, всегда готово идти дальше и быстрее по пути защиты мира и действовать решительнее, чем другие государства.

Вместе с вами, господа, советская делегация заботилась об успехе этой конференции, политическое значение которой значительно обширнее ее возможных практических результатов. В наше время торжества агрессии, международного беззакония и авантюристической дерзости всякая акция по борьбе с этими явлениями, выражающаяся не только в увещеваниях, протестах, декларациях и резолюциях, но также в действиях, должна быть особенно приветствуема. А сегодня речь идет о международном соглашении, материально обеспечиваемом. К тому же это соглашение является частично осуществлением идеи коллективной безопасности, а также идеи региональных соглашений. Быстрота удаи этой конференции, как и прошлогодней конференции в Монтрё*, объясняется, на мой взгляд, главным образом тем, что участники и той и другой конференции принадлежат к фронту мира, стоят на почве коллективной безопасности, региональных соглашений, ненарушимости международных обязательств и других идей, лежащих в основе Пакта Лиги наций. Опыт названных мною

* См. т. XIX, док. № 229.

двух конференций показывает, что только на основе этих идей возможно полезное международное сотрудничество для устранения опасностей, угрожающих миру, и для укрепления безопасности народов. От этой констатации Нионское соглашение приобретает особое значение.

*Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия»
№ 215 (6378), 15 сентября 1937 г.*

333. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 сентября 1937 г.

В результате бесед, в том числе с людьми из окружения Рузвельта, прихожу к выводу, что обстоятельства созыва и результаты Нионской конференции * расцениваются здесь как наш существенный успех и как плюс с точки зрения США, поскольку Англия оказывается вынужденной взять относительно более крепкую линию, а прекращение дальнейшего капитулянтства Англии в Европе рассматривается здесь как предпосылка активизации ее политики на Дальнем Востоке. Посол в Берлине Додд, видевшийся на днях с Рузвельтом, передает, что последний считает Нионскую конференцию и отказ Италии и Германии участвовать в ней ударом по идее возродить «пакт четырех», в котором США не заинтересованы, и фактором, который, по крайней мере на ближайшее время, затруднит англо-итальянское сближение. По словам Додда, Рузвельт сомневался в нашей способности эффективно конвоировать свои суда в западной части Средиземного моря и ограждать транспорты горючего в Исландию, но думает, что итальянцы обожглись и будут осторожнее. По этому вопросу у нас сейчас в США хорошая пресса, и первоначальная паническая реакция после ноты итальянцам ** и упреков реакционных газет в том, что мы обостряем военную угрозу, исчезла.

Полпредство получает много писем от людей разного служебного положения, приветствующих нас за то, что «сказали фашистам правду в лицо» и заставили англичан заговорить более решительным тоном. Эта нотка особенно характерна, поскольку в данной обстановке всякое ослабление и колебание Англии, как потенциального партнера США на Дальнем Востоке, инстинктивно рассматривается здесь в очень широких кругах как минус для США.

Судя по имеющейся у нас информации, падение ценностей на бирже после нашей ноты итальянцам (самое сильное с

* См. док. № 326, 332.

** См. док. № 321.

1933 г.) было вызвано спекуляцией на понижение, для которой был использован слух о военной угрозе в Европе. Биржа тем временем оправилась.

Уманский

Печат. по арх.

334. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

*Немедленно
17 сентября 1937 г.*

Я только что получил сообщение британского правительства о том, что с 16 сентября Англия и Франция «ввиду вновь возникших обстоятельств» (имеется в виду, очевидно, Нионское соглашение**) снимают свои военные суда с патрульной службы вдоль испанского берега. Таким образом, с сегодняшнего дня весь берег Франко освобождается даже от того весьма недостаточного надзора, который имелся до сих пор в соответствии со схемой морского контроля от 8 марта***, и давнишнее требование Германии и Италии осуществляется. При таких условиях я считаю совершенно неизбежным в ответ на предложение совета контроля¹⁹¹ категорически указать, что в связи с ликвидацией патрульной службы бессмысленно продолжать посадку контролеров на суда, идущие в Испанию, что, стало быть, контролеров можно распустить и что всякий контроль на сухопутных границах должен быть окончательно снят. Словом, вся контрольная организация подлежит ликвидации. Между прочим, чрезвычайно характерно, что Англия и Франция решили снять патрули самостоятельно, без всякой консультации с другими членами Комитета, несмотря на то что они (вместе с Германией и Италией) 8 марта были уполномочены нести патрульную службу всем Комитетом. Комитет поставлен перед совершившимся фактом вполне в духе метода фашистских правительств.

Вероятная смерть контрольной системы в ближайшем будущем, однако, несколько не освобождает нас от необходимости уплаты около 35 тыс. ф. ст., о которых я вчера телеграфировал, ибо эти деньги представляют наш долг по прошлым платежам, а также включают ту сумму, которая при всяких условиях понадобится на ликвидацию контрольного предприятия. Поэтому жду денег¹⁹².

Майский

Печат. по арх.

* Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Женеву.

** См. док. № 332.

*** См. газ. «Известия», 10 марта 1937 г.

**335. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Ино-
странных Дел СССР с Посланником Румынии в СССР
Чиунту**

19 сентября 1937 г.

Чиунту объяснил, что зашел проститься со мной перед отъездом в отпуск. На мой вопрос, едет ли он прямо в Бухарест, Чиунту ответил, что сперва направляется во Францию, чтобы повидаться с Титулеску. В Бухаресте он рассчитывает быть в начале октября. Он уже условился с Антонеску о встрече с ним в это время. В Москву Чиунту надеется вернуться в начале ноября.

Сообщив мне о своем отъезде, Чиунту задал мне несколько вопросов, касающихся общего международного положения. В частности, по его словам, он хотел бы знать, как сложатся в дальнейшем советско-итальянские отношения. Я ответил, что СССР уже сказал свое слово о действиях Италии в Средиземном море, что он участвовал в решении по этому вопросу в Нионской конференции* и что пока в советско-итальянских отношениях ничто формально не изменилось. Это подтверждается и заявлениями самого итальянского правительства по поводу распространяемых ложных слухов о прекращении рейсов пароходного агентства «Сервици маритими» в Черном море. Утренние газеты сообщают, что итальянское правительство отрицает какую-либо перемену в отношениях Италии с СССР.

Чиунту осведомился далее, ожидаем ли мы включения Италии в число держав, охраняющих безопасность на Средиземном море. Я ответил, что сама Италия явно домогается такого включения, очевидно убедившись в ошибочности своих расчетов на срыв конференции путем демонстративного отказа принять в ней участие. Как отнесутся к этим домогательствам Италии державы, подписавшие Нионскую конвенцию, я предвидеть не берусь.

Чиунту спросил, как оцениваю я положение на Дальнем Востоке.

Я ответил, что Япония оказывается в гораздо более затруднительном положении, чем она ожидала. Соппротивление Китая свидетельствует о том, что эта страна не только решилась, но и может оказать агрессору должный отпор. Япония ввязалась в настоящую войну, вынуждающую ее перебросить в Китай свыше 300 тыс. своих войск и напрячь до максимума свои военные и экономические ресурсы. Такое положение серьезно беспокоит союзников Японии — Германию и Италию, тем более что эти страны отнюдь не расположены ссориться с Китаем, где имеют значительные экономические интересы. Между прочим, насколько нам известно, и Германия, и Италия

* См. док. № 321, 326, 332.

продолжают снабжать Китай оружием. Очевидно, они не очень расположены оказывать содействие слишком широкой экспансии Японии в Китае. С другой стороны, и итальянцы, и немцы недовольны, видя, что в войне с Китаем истощаются силы их союзника.

Чиунту осведомился, какую позицию занимает Польша в нынешней международной ситуации. Я ответил, что, вопреки национальным интересам Польши, требующим от нее лояльного сотрудничества с державами, проводящими политику мира, ее нынешнее правительство идет на поводу у Германии, толкающей Польшу на путь опаснейших авантур. Рано или поздно Польше придется расплачиваться за эту политику. Во всяком случае, поляки должны помнить, что Германия рассчитывает использовать их страну как плацдарм и польский народ как пушечное мясо, чтобы, толкнув ее на авангардные бои, в которых поляки неизбежно должны потерпеть поражение, захватить польские земли, осуществив то, что когда-то, в конце XVIII в., проделала с Польшей солдатская Пруссия. На вопрос Чиунту, что толкает Польшу на этот путь, я ответил, что по нему ведет Польшу ее фашистское правительство, связавшее свою судьбу с Гитлером. Нельзя, впрочем, отрицать и то, что в деле прогерманской ориентации Польши большую роль сыграла близорукая политика Франции, соблазненной «пактом четырех» и создавшей у Польши ощущение ее изолированности и необходимости за свой страх договариваться с опаснейшим соседом, т. е. гитлеровской Германией.

В заключение беседы Чиунту представил мне секретаря миссии Попеску, который в его отсутствие будет выполнять обязанности поверенного в делах.

В. Потемкин

Печат. по арх.

336. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 сентября 1937 г.

На телеграмму от 16 сентября¹⁸³. Обещая поддерживать Францию на женевской сессии [Лиги наций], Бек в разговоре с Дельбосом зондировал возможность нового порядка реализации кредитов на вооружение Польши¹⁸⁴, на что не получил определенного ответа. Леже разъяснил журналистам, что после свидания Гитлер — Муссолини⁸², которое определит дальнейшую конкретную политическую линию Германии — Италии, французы, возможно, рассмотрят вопрос, поднятый Бекем.

Ссылаясь на тяжелое положение в Европе, Бек говорил, что надо практически осуществить союзный договор обеих

стран, но особое положение Польши между Германией и СССР вынуждает ее применять политику балансирования*. Бек распространялся, что Германия и Италия хорошо используют международную обстановку в своей дипломатической игре, но ни одна ни другая не могут сейчас воевать, так как не имеют средств и в особенности сырья для долгой кампании. На замечание Дельбоса, что Бек своими переговорами в Румынии** оказал помощь немцам и итальянцам, последний стал выражать свою дружбу к Франции и назвал Польшу «другом в тяжелые дни». Леже считает, что Бек, несмотря на свое заявление, ни в коем случае не хочет ангажировать себя в чем-либо неприятном Германии. На пути из Женевы Бек остановится в Германии для переговоров о данцигских делах.

В здешних политических кругах в общем не придают особого значения визиту Бека.

Полпред

Печат. по арх.

337. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций

21 сентября 1937 г.

Господни председатель, господа,

Должен признаться, что я испытывал некоторые колебания, прежде чем выступить здесь, и я думаю, что те же колебания не чужды и другим делегациям. Я спрашивал себя: разве не сохраняет полностью свою силу все то, что нами говорилось и предлагалось с этой трибуны год тому назад*** по поводу доклада XVII Ассамблеи, и нужно ли что-либо к этому прибавить? В самом деле, зло, о котором мы здесь тогда говорили, продолжает отравлять международную атмосферу и разъедать Лигу наций. Агрессия, в теории и в действии, не только не исчезла, а, наоборот, еще выше подняла голову, еще наглее показывает свое безобразное лицо и находит все новые и более частые проявления и во все более резкой форме.

К агрессивным явлениям в замаскированной форме на юго-западе Европы прибавились такие же явления в голом виде на азиатском континенте. Два государства, два члена Лиги и Совета подвергаются нашествию чужеземных военных сил — сухопутных, морских и воздушных. Коммерческие, как и военные, корабли третьих стран становятся жертвами всевозможных нападений. Главнейшие водные пути стали небезопасными от пиратства, морского и воздушного. Наносятся ущерб международной торговле, ценные грузы незаконно конфискуются и вускаются ко дну, команды судов берутся в плен или

* См. также док. № 437.

** См. док. № 124, 131, 133, 203, 275.

*** См. т. XIX, док. № 280.

уничтожаются, на морях царствует полнейший произвол и разбой, попираются ногами элементарнейшие нормы международного права. На днях пришлось создать международную морскую полицию и выработать правила гуманизации войны в мирное время.

На азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — на Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету. В Европе другое государство — Испания — уже второй год продолжает подвергаться нашествию организованных иностранных армий, его прекрасная столица Мадрид и другие города подвергаются изо дня в день жесточайшей бомбардировке, уничтожающей десятки тысяч человеческих жизней, огромные материальные и культурные ценности. Другой город, Альмерия, подвергается канонаде с иностранных военных судов; и все эти действия совершаются иностранными государствами, которым не должно было быть никакого дела до происходящей в Испании гражданской войны.

Напрасно стали бы мы искать отражения этих событий в докладе секретариата Лиги нынешнему пленуму. Лига наций, призванная гарантировать целостность государств, состоящих ее членами, охранять мир и международный порядок, обеспечить соблюдение ненарушения международных договоров и уважения международного права, остается в стороне от этих событий, не реагируя на них. Хуже того, укрепляется мнение о необходимости, главным образом, охранять во что бы то ни стало Лигу наций, как красную девицу, от дуновения этих потрясающих событий, изолируя ее от них.

В основе такой нежной заботливости о Лиге наций лежит ошибочное мнение о том, что Лига наций не может бороться с агрессией, произволом, беззаконием и международным разбоем вследствие отсутствия в ней виновников этих явлений. Предполагают, что борьба с агрессией может быть успешной лишь... в сотрудничестве с самим агрессором. Опыт такого успешного сотрудничества уже проделан. Испанский вопрос был изъят из Лиги наций и передан в специально созданный Лондонский комитет так называемого невмешательства, чтобы получить сотрудничество главных виновников испанской трагедии, которые не выносят женевского духа. Результаты этого опыта налицо и всем известны. Подписывались соглашения, которые немедленно нарушались, принимались резолюции, которые не соблюдались, выработывались схемы и планы, которые саботировались и срывались; и все это под аккомпанемент хлопанья дверьми некоторыми не в меру, но солидарно кап-

рпзничавшими членами Комитета, то покидавшими его, то вновь туда возвращавшимися. Лондонский комитет не достиг, конечно, ни одной из поставленных им себе целей. При формальном запрещении вывоз оружия в Испанию, снабжение мятежников всеми видами оружия для действий на суше, на море и в воздухе — в государственном масштабе — не прекращались. Вопреки обязательству о запрещении иностранным гражданам выезда в Испанию для участия в военных операциях, десятки тысяч людей в военных формированиях, целыми дивизиями в полном вооружении во главе с офицерами и генералами, доставлялись в помощь испанским мятежникам на виду у всех непосредственно из портов стран, взявших на себя упомянутое формальное обязательство. Это не догадки, а факты, которые не скрываются самими нарушителями этих обязательств и о которых открыто пишет их пресса, о которых мы узнаем из официальных приказов, из печатаемых списков раненых и убитых, из обмена официальными телеграммами. Добавьте к этому крейсирование вокруг Испании иностранных военных судов, помогающих мятежникам своей разведкой, обстрелом испанских портов (случай с Альмерией) и даже потоплением нейтральных коммерческих судов, т. е. участием в блокаде республиканской Испании, и вы поймете, почему о невмешательстве в испанские дела нельзя больше говорить без проники.

Таковы результаты деятельности организации, освобожденной от духа Женевы и отвечающей требованию универсальности.

Я рекомендую эти результаты вниманию апологетов универсальности. Пусть они призадумаются над причиной этих результатов, и они убедятся в иллюзорности надежд на успешное сотрудничество между государствами, преследующими разные цели, имеющими противоположные концепции о международной жизни, о правах и обязанностях народов между собой, — надежд на сотрудничество между искренними сторонниками невмешательства во внутренние дела других государств, защитниками права каждого народа на самостоятельное определение своего внутреннего режима и столь же искренними и открытыми сторонниками вмешательства в чужие дела и навязывания другим государствам того или иного режима штыком и бомбой. Между агрессивней и неагрессивней, между миром и войной не может быть синтеза.

С другой стороны, мы имели опыт двух конференций — в Монтрё* и совсем недавний в Нионе**, удачно и быстро выполнивших свои задачи, несмотря на отсутствие универсализма, т. е. отсутствие тех государств, под привлечением которых обычно понимается здесь универсализм. Вывод напрашивается

* См. т. XIX, док. № 280.

** См. док. № 326, 332.

ется сам собой. Дело не в универсализме, а в том, чтобы участники всякой международной организации или конференции при всем различии их национальных интересов были объединены общей объединяющей их универсальной идеей, каковой является идея мира, идея уважения самостоятельности и независимости всех народов, идея изгнания силы как орудия национальной политики, идея, положенная в основу Устава Лиги наций и пакта Бриана — Келлога*.

Мы знаем три государства, которые отмежевались от этой идеи и в течение последних лет совершали нападения на другие государства. При всем различии режимов, идеологии, материального и культурного уровня объектов нападения в оправдание агрессии всеми тремя государствами приводится один и тот же мотив — борьба с коммунизмом. Правительства этих государств наивно думают или скорее делают вид, что думают, что стоит им произнести слово «антикоммунизм» и все их международные злодеяния и преступления должны быть прощены. Хотя они хвастают, что им удалось искоренить коммунизм в их собственных странах и что они получили полный иммунитет от него, они в порыве неиссякаемой любви к ближним и дальним народам объявляют своей миссией избавление этих народов от коммунизма. При помощи идейной борьбы? О нет! При помощи всех находящихся в их распоряжении военно-воздушных, сухопутных и морских сил. Они, во исполнение своей добровольно взятой на себя миссии по благодетельствованию всех народов, готовы не жалеть никаких сил и средств своего собственного народа, готовы сократить до минимума его элементарнейшие материальные потребности и посадить его на голодный паек, лишь бы иметь достаточно оружия для искоренения в других странах коммунизма. Это, конечно, открытая идеология вооруженного вмешательства во внутренние дела других народов, полного презрения к их самостоятельности и независимости. Я вас спрашиваю: как бы выглядел мир, если бы этой идеологией прониклись другие народы и шли походом друг на друга ради навязывания друг другу того или иного внутреннего режима? Впрочем, порою основатели этой идеологии сами начинают сомневаться в ее убедительности и приемлемости в качестве руководящей международной идеи. Они тогда спускаются со своих идеологических высот и дают нам более прозаическое объяснение своих антикоммунистических лозунгов. Мы тогда узнаем — чего мы не найдем в энциклопедическом словаре, — что антикоммунизм имеет также геологический смысл и означает тягу к олову, цинку, ртути, меди и другим минералам. Когда же и это объяснение оказывается недостаточным, тогда антикоммунизм расширявается как жажда выгодной торговли. Нам гово-

* См. т. XI, док. № 298.

рят, что такой торговли можно лишиться, если Испания окрасится в коммунистический цвет. Я сомневаюсь, однако, чтобы это были самые последние и исключительные объяснения антикоммунизма. Ведь мы знаем уже пример одного коммунистического государства, богатого минералами и другим сырьем, которое не отказывалось вывозить эти минералы и сырье в другие страны, вести с последними весьма обширную торговлю при любых режимах, господствовавших в этих странах, включая даже режим фашистский и национал-социалистский. Более того, эти же страны весьма охотно получали от коммунистического государства минералы и другое сырье, не только не отказываясь от торговли с ним, но и стремясь к максимальному расширению этой торговли, предлагая наиболее выгодные для этого условия. Мы видим, таким образом, что коммунизм не является помехой международному товарообмену с любым государством при условии, конечно, что последнее соблюдает хоть элементарные международные приличия, не ругается по-базарному, не хулиганствует и не заявляет открыто, что выгоды от торговли пойдут на увеличение вооружений для нападения на контрагента.

Но любое объяснение антикоммунизма к республиканской Испании не применимо и потому, что там коммунистического строя не было и нет и что, насколько нам известно, испанский народ борется за сохранение своего республиканско-демократического режима, против сил реакции и военной диктатуры. Вот почему приходится думать, что в дальнейшем мы получим новое или дополнительное объяснение антикоммунизма, может быть в области политической, стратегической или иной.

Необходимо добавить, что плоскость приложения антикоммунистического лозунга все более и более расширяется. Когда теперь говорят о большевистском режиме, подлежащем искоренению, то часто добавляют слова «и тому подобные режимы». Приходится нередко слышать, что все демократические парламентские страны находятся накануне большевизации. Отсюда недалеко до утверждения о необходимости облагодетельствования и спасения их от грозящей им гибели, как и в случае с Испанией, путем вооруженного вмешательства и нападения. Мы имеем пример Китая, который вряд ли можно отнести даже к числу стран с парламентским режимом в строгом смысле этого слова. Тем не менее нападение на него тоже совершается под лозунгом борьбы с коммунизмом. Мы видим и в самой Европе, как страны, намеченные, по общему мнению, объектом ближайшей агрессии, заранее объявляются большевизированными или подпавшими под большевистское влияние с целью последующего оправдания намеченной агрессии. Любая страна, которая стала бы предметом воцелений агрессивных государств, может быть объявлена подозрительной по большевизму, ибо никаких доказательств не требуется, а

достаточно лишь изо дня в день повторять одно и то же в унифицированной печати и в официальных речах, исходя из предположения, что неправда может казаться правдой при частом ее повторении.

Я уверен, что все здравомыслящие люди отлично понимают вздорность антикоммунистического лозунга и те агрессивные побуждения, которые им маскируются, но из вежливости, вряд ли в данном случае уместной, молча выслушивают и прочитывают этот вздор. Опасность состоит в том, что это молчание может быть понято агрессором как согласие с оправданностью его агрессивных намерений или действий со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями для дела мира. Я думаю, что пора покончить с этим опасным агитационным орудием агрессии. Что пора тем, кому действительно дороги интересы мира, сказать высокопоставленным государственным полугаям, что вздор, повторяемый изо дня в день, не перестает от этого быть вздором, что агрессию надо называть агрессией, каким бы лозунгом она ни украшалась, что, каков бы ни был смысл антикоммунизма — минералогический ли, коммерческий, стратегический или иной, не могут получать международного оправдания прикрываемые им агрессия, вооруженное вмешательство, вторжение в чужие государства и нарушение международных договоров. Пора также сказать, что они — проповедники бешеного человеконенавистничества — не смеют ратовать за интересы человечества, что они — воскресители самой дикой, отжившей теории времен язычества и средневековья — не смеют говорить от имени современной Европы, что они — сжигатели лучших произведений человеческого духа, гонители самых блестящих представителей науки, искусства и литературы, презираемые всем культурным миром, — делают себя смешными, когда говорят о спасении цивилизации и призывают во имя этого к крестовым походам против других народов.

Подобными заявлениями была бы оказана величайшая услуга делу мира.

На днях кампания по оправданию агрессии в Испании обогатилась новым абсурдным утверждением, будто Советский Союз стремится завоевать Испанию или, по крайней мере, обеспечить политическое влияние на Испанию и тем нарушить равновесие в Средиземном море. Правду сказал здесь на днях испанский премьер-министр г. Негрин*, что Советский Союз за все время испанского конфликта от Испании ничего не просил, ничего не добивался и ничего не добивается. У Советского Союза нет в Испании ни минералогических, ни экономических, ни стратегических интересов, ни даже соображений так называемого равновесия. Его интересует исключительно утверж-

* См. газ. «Известия», 20 сентября 1937 г.

денне права каждого народа определять свой внутренний режим собственным решением без вмешательства иностранных государств, а тем более иностранных войск, и недопущение создания в Испании нового опорного пункта для агрессии против всей Европы. Хотя Советское правительство с самого начала не признавало и не признает по настоящее время равноправия сторон в испанском конфликте, оно тем не менее присоединилось ко всем соглашениям о невмешательстве и к предложению об изъятии из военных операций всех неиспанских элементов. Заклячая международное соглашение, Советское правительство, естественно, имеет право заотиться о том, чтобы оно не было обманутым при сохранении оязательности соглашения для одних и фактической необязательности для других.

Господа, об угрозах миру говорить теперь не приходится, ибо мир уже нарушен. Неооъявленная война ведется на двух континентах, и отзвуки и отражения ее трудно предвидеть. И вот, когда мы собираемся в единственной международной организации по охране мира и спрашиваем себя, что можно сделать для устранения международного неблагополучия, для приостановки совершившейся агрессии, для оказания эффективной помощи ее жертвам, для предотвращения агрессии, угрожающей другим странам, и для оздоровления международной атмосферы, мы здесь услышали ответ: универсализм — вот наше спасение. Есть государства, которые в Лигу наций никогда не входили, есть такие, которые входили и уходили, надо спросить тех и других, не хотят ли они прийти или вернуться к нам и на каких условиях и чем, по их мнению, Лига должна заниматься. К этому, по мнению некоторых делегатов, сводятся задачи дня.

Этот вопрос нами обсуждался и на прошлогоднем пленуме Лиги, и я тогда же указал на отсутствие среди нас принципиальных противников универсализма. Вопрос лишь в том, достигнем ли он, какой ценой, может ли он при данных условиях дать положительные результаты и действительно ли Лига без него совершенно беспомощна. Мы все не забываем ни на одну минуту и искренне сожалеем об отсутствии в Лиге такой могущественной великой державы, как Соединенные Штаты Америки. Мы знаем глубокое миролюбие американского народа, его искреннее отвращение к войне. Мы знаем преданность идеалам Лиги наций нынешнего президента США и государственного секретаря. Мы знаем, какую огромную добавочную силу приобрела бы Лига в лице этого государства. Я считал бы, однако, неучтивостью в отношении его мысль о том, что оно готово стать членом Лиги, но ждет лишь нашего запроса или приглашения, чтобы самому не сделать первого шага. Крупное, сознающее свою мощь государство не может руководствоваться подобного рода мелкими престижными

соображениями. Я убежден, что если бы американское правительство находило возможным присоединиться к Лиге наций на каких-либо условиях, то оно не стало бы ожидать нашего запроса или приглашения и нашло бы пути, чтобы нам об этом дать знать. Иным не может быть отношение к этому вопросу всякого другого крупного государства, которому дороги интересы мира и международного сотрудничества.

Уважаемый представитель Чили нам назвал здесь несколько южноамериканских государств, которые всего год или два тому назад покинули Лигу, как Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Никарагуа и Парагвай. Мы сожалеем об их уходе, ибо мы ценим сотрудничество всех стран, больших и малых. Я не думаю, однако, что и уважаемый представитель Чили мог думать, что возвращение в лоно Лиги наций этих нескольких государств явилось бы ключом к разрешению стоящих перед нами проблем и что мнимая беспомощность Лиги проистекает от их отсутствия. Я склонен думать, что, говоря об универсализме, имеют в виду преимущественно те именно три великие державы, которые уже были в Лиге и хлопнули дверью и политику которых я вам только что охарактеризовал. Нам рекомендуют запросить о том, как Лиге лучше всего бороться с агрессивней, обеспечить самостоятельность и независимость всех членов Лиги,— запросить те государства, которые открыто проповедовали, проповедают и практикуют агрессию и вооруженное вмешательство в дела других государств и необязательность международных договоров. Разве вся их политика не является красноречивым ответом на предполагаемый запрос? Разве они скрывают свое отрицательное отношение к коллективным мерам борьбы с агрессией? Разве они не предполагают предоставить каждое государство своей собственной судьбе, признавая взаимную помощь лишь в общей агрессии? Разве история Лондонского комитета по невмешательству не дает нам достаточно ясного представления о том, как они понимают коллективные обязательства и соблюдение их? Наконец, мы достаточно знакомы с перепиской и переговорами последних лет в связи с нарушением Локарнского договора, чтобы знать, что рекомендуемый нам теперь запрос о возможности возвращения в Лигу и даже об условиях этого возвращения давно им послан. Я не помню, был ли дан ответ на этот запрос, я не знаю, будет ли ответ на эвентуальный запрос от имени Лиги, но если он и будет дан, то, как бы он ни был изложен, его смысл может быть лишь один: в Лигу мы не вернемся или готовы вернуться при условии, что она не будет мешать нашим агрессивным планам, что Лига откажется от защиты своих членов, признает расовую иерархию народов, право господства одних над другими и навязывания последним режима первых. Нужен ли универсализм в таких условиях? Не сомневаюсь в ответе на этот вопрос большинства членов Лиги.

Вопрос об универсализме возник в связи с поставленной перед нами задачей реформы Лиги. Согласно резолюции, принятой чрезвычайным пленумом, реформа должна быть произведена в направлении усиления Лиги, повышения ее эффективности в борьбе с агрессией*. В ответах, полученных на анкету от членов Лиги, имеется достаточно ценных указаний и предложений, на основании которых мы можем непосредственно приступить к работе и закончить ее, конечно при наличии доброй воли. Но если усиление Лиги не отвечает желаниям всех ее членов, а об этом как будто свидетельствовали предложения об обращении к охарактеризованным не членам Лиги, то бесполезно и нецелесообразно продолжать начатую работу. Лучше отложить ее до лучших времен, ибо в нынешнем ее виде Лига остается немаловажным элементом потенциала мира.

Реформа Лиги, во всяком случае, требует много времени, а нынешнему пленуму предстоит разрешение больших насущных проблем. Мы имеем призыв о помощи двух членов Лиги — жертв агрессии**. Этот призыв ставит Лигу перед большим испытанием. Она не может сохранить какой бы то ни был авторитет, сохранить даже свое существование, бесконечно отклоняясь от выполнения своих обязательств и регистрируя свою беспомощность. Я убежден, что Лига наций и в ее нынешнем составе может оказать как Испании, так и Китаю более сильную помощь, чем эти страны скромно от нее просят, и этим она не только не увеличит, но уменьшит шансы новых международных осложнений. Мы рискуем лишь вызвать неудовольствие, и, может быть, даже громадное неудовольствие, виновников нынешнего международного хаоса, подвергнуться нападению со стороны их бесшабашной прессы. Я знаю, что многие весьма чувствительны к мнению этой прессы, которая так же провокационна и агрессивна в своих методах, как и правительства, дающие ей приказания. Но я предпочитаю что-нибудь сделать для того, чтобы пощадить жизни десятков и сотен тысяч жертв эвентуального расширения или продолжения агрессии, нежели щадить чувство самолюбия агрессоров.

Господа, что может и должна делать Лига перед лицом агрессии? Мы знаем сентенцию одного английского писателя, что лучший способ избавиться от соблазна — это уступить ему. Я знаю, что есть такие политические мудрецы, которые думают, что и от агрессии лучше всего избавиться путем уступок ей. Они упрекают испанский народ за геронческое сопротивление, которое он оказывает мятежным генералам и стоящим за ними государствам. Они полагают, что и Китай поступил бы

* См. т. XVIII, док. № 186; т. XIX, док. № 206, 208, прим. 153; газ. «Известия», 14, 16 и 26 сентября 1937 г.

** См. док. № 338, 341.

мудро, если бы он без боя уступил ультимативным требованиям агрессора и добровольно стал его вассалом. Но Лига наций не для того существует, чтобы давать подобные советы, — не оправдывается существование Лиги наций и в том случае, если она, воздерживаясь от подобных советов, сама останется пассивной, со ссылкой на свою слабость, на свою недостаточную универсальность, на неучастие в ее обсуждениях виновников агрессии, не желающих подчиняться ее решениям. Этот путь был уже испробован и привел к положению, которое все ораторы на этой трибуне оплакивали. Этот путь привел к потерям одними государствами — членами Лиги огромнейших территорий с десятками миллионов населения, а другими — самого своего существования в качестве государства. Можно считать теперь аксиомой, что пассивность Лиги во время маньчжурского конфликта имела своим последствием несколько лет спустя нападение на Абиссинию. Недостаточная активность Лиги в случае с Абиссинией поощрила испанский эксперимент. Непринятие Лигой никаких мер в помощь Испании поощрило новую атаку на Китай. Таким образом, мы имели четыре агрессии на протяжении пяти лет. Мы видим, как агрессия, не будучи приостановлена, перебрасывается с одного материка на другой, принимая каждый раз все большие и большие размеры. С другой стороны, я твердо убежден, что решительная политика Лиги в одном случае агрессии избавила бы нас от всех остальных случаев. И тогда, и только тогда, все государства убедились бы, что агрессия нерентабельна, что агрессию не следует предпринимать. Только в результате такой политики в наши двери постучатся бывшие члены Лиги наций, и мы им радостно скажем: «Войдите». Мы их не спросим об их мирозерцании, о господствующих в них внутренних режимах, ибо Лига наций признает мирное сосуществование любых существующих режимов; и тогда осуществится наш общий идеал универсальной Лиги, сохранившейся в качестве орудия мира. Но этого идеала мы не достигнем рассылкой анкет, а достигнем лишь коллективным отпором агрессии, коллективной защитой мира, который нам всем необходим и благом которого мы все будем пользоваться.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 222 (6384), 22 сентября 1937 г.*

338. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Немедленно
21 сентября 1937 г.*

На телеграмму от 20 сентября¹³⁵. Нет ничего удивительного в том, что Англия хотела бы спасти от военных действий Шанхай и юг Китая. Не заметно, однако, чтобы ей удавалось

убедить в этом Японию. Веллингтон Ку* сделал ошибку, поддавшись увещаниям Англии и Франции и согласившись на передачу дела в Консультативный комитет**. Сейчас, когда было уже обращение к Америке, которая согласилась послать в комитет наблюдателя, вряд ли Китай может требовать обратно передачу дела в Совет [Лиги наций]. Англия будет разоблачать себя в комитете, о работе которого пресса все же будет осведомлена.

Крэнборн сегодня предложил в комитет пригласить Японию, Китай, Австралию и Германию. Последняя состояла членом комитета, когда еще была в Лиге. Так как срок для ответов не был назначен, то можно было бы оттянуть следующую заседание комитета до закрытия Ассамблеи. Я поэтому сейчас же предложил дать срок для ответов в три дня. Крэнборн предложил до понедельника. Так как в субботу и воскресенье комитет все равно не заседал бы, то согласились с тем, чтобы председатель был уполномочен, в случае более раннего получения ответов, ускорить созыв.

Англия и Франция несомненно сознают опасность для их интересов победы Японии, но Англия решила не ввязываться ни в какие конфликты до окончания программы вооружений и вообще без Америки не ангажироваться. Франция обьята страхом за Индокитай и потому боится задеть Японию. Все так напуганы, что отказывались от председательства в комитете, которое пришлось поручить Мунтерсу. Французы и англичане уже склоняются к мысли о созыве тихоокеанской конференции, и Англия будет зондировать Америку.

Консультативный комитет состоит из членов Совета, представителей Швейцарии, Чехословакии, Колумбии, Португалии, Венгрии, Канады и Америки***. По составу он не намного хуже Совета.

Литвинов

Печат. по арх.

339. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы****

23 сентября 1937 г.

Самия вчера просидел у меня около двух часов, но не обнаружил никакого желанья договориться здесь по каким-либо

* Гу Вэй-цзюнь, посол Китая во Франции, глава делегации Китая на сессии Лиги наций.

** Далее также Комитет 23-х; см. т. XV, прим. 330; газ. «Известия», 18 сентября 1937 г.; док. № 312, 341 настоящего тома.

*** В качестве постоянного члена Совета Лиги наций в состав комитета входил Советский Союз; 16 сентября 1937 г. советской делегации были даны указания принять участие в его работе; в число членов комитета входили также Нидерланды.

**** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Иране.

вопросам * и по-прежнему откладывает окончательное решение до своего возвращения в Тегеран, где он будет не раньше чем через месяц, так как отсюда он едет лечиться, а затем в Багдад и Анкару. Я ему разъяснил, что наши разговоры по поводу немцев ** не являются вмешательством, что мы признаем право Ирана приглашать специалистов любой национальности, но что мы имеем право и даже обязанность заранее предупредить Иран, как это отражается на наших отношениях с ним, для того, чтобы иранское правительство могло взвесить все положительные и отрицательные стороны пристрастия к германским специалистам. Когда я указывал на раздражение, внесенное тоном его ответов на соответственное заявление Черных ***, Самин признал свою вольность, но оправдывался особой чувствительностью Ирана, как бывшего полуколониального государства, и несоответственным тоном заявления Черных.

Ограничение в поставке шерсти он по-прежнему объясняет отсутствием ее на рынке, но он согласен обещать, в случае увеличенного предложения шерсти свыше 3 тыс. т, дать нам преференцию. Я же требовал твердых обязательств не разрешать вывоза шерсти в другие страны, пока нам не будет продано 6300 т. Самин соглашался и на эту формулу, но лишь устную, а не письменную. Пришлось разъяснить ему, что исключительная продажа какой-нибудь продукции определенной фирме практикуется в коммерции и допускается также нашим государством и что в этом нет никакого нарушения суверенитета. Самин обещал пойти нам навстречу, но опять-таки в Тегеране. В этом вопросе, однако, был явный сдвиг. Под конец он затронул маленький, по его мнению, вопрос — о разрешении вывоза из Батуми рельсов. Я ему сказал, что это не маленький вопрос, а является частью всего комплекса вопросов и потому не могу ему дать никаких обещаний отдельного разрешения его.

Литвинов

Печат. по арх.

340. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тин-фу

23 сентября 1937 г.

1. Цзян Тин-фу сообщил, что, вернувшись вчера из Германии, где он был у Кун Сян-си в Бад-Наугейме, он узнал от генерала Ян Цзе, что последний очень удовлетворен духом и

* См. док. № 282, 303.

** См. т. XIX, док. № 353, 368, 388, 438 и док. № 84, 320, 384, 445 настоящего тома.

*** См. т. XIX, док. № 368, 388.

результатом переговоров, которые дали Китаю даже больше того, что он ожидал¹³². Посол считал поэтому своим долгом прийти засвидетельствовать свою благодарность Советскому правительству. Он говорил в прочувственных выражениях.

2. Составившись затем на инструкцию своего правительства, посол спросил, верны ли сообщения прессы, что Внешняя Монголия, считая себя в угрожаемом положении вследствие движения японских войск вдоль ее границы на запад, собирается открыть военные действия против Японии.

Я ответил, что нам ничего не известно об этом. Посол спросил, считаю ли я правдоподобным такое сообщение. Я сказал, что, если бы это соответствовало действительности, мы, вероятно, имели бы информацию от нашего представителя в Улан-Баторе.

3. Затем посол сказал, что он хотел бы поставить предомно в откровенной форме один вопрос, по которому он не имеет инструкций из Нанкина, но который имеет очень большое значение. Китай очень доволен оказываемой нами материальной помощью, однако он надеется на большее; не окажем ли мы Китаю вооруженную поддержку?

Я сказал, что на вопрос подобного значения я не могу дать ответ, не имея на то специального поручения от моего правительства. Посол знает, что все наши симпатии на стороне Китая и что в Советском Союзе нет ни одного человека, который не желал бы победы Китаю в его борьбе за независимость. Посол знает также, что Япония угрожает также и нам. Весьма возможно поэтому, что и нам придется в будущем воевать с ней. Было бы, однако, преждевременно предсказывать теперь, какова будет позиция СССР в будущем. Все будет зависеть от международной обстановки, причем посол не должен забывать, что мы находимся в более сложном положении, чем Китай, который имеет только одного противника.

Посол спросил, может ли он сообщить, что на свой вопрос он получил ответ, что наши симпатии на стороне Китая и что наша позиция будет зависеть от международной обстановки.

Я просил посла ничего не сообщать в Нанкин, поскольку он задал мне вопрос, не имея инструкций, а я ответил на него, не имея полномочий. Без действительной же нужды я советовал бы послу не посылать телеграмм по деликатным вопросам, ибо надо учитывать возможность индискреции со стороны чиновников китайского МИД, а также возможность провала шифра. К тому же то, что я сказал послу, хорошо известно в Нанкине от т. Богомолова*.

Посол сказал, что не будет ничего сообщать, кроме моего ответа по вопросу о Внешней Монголии. Он прибавил, что, насколько ему известно, Кун Сян-си, поехавший в Женеву,

* См. док. № 274, 278.

собирается поставить перед т. Литвиновым тот же вопрос о нашей вооруженной поддержке Китая¹⁹⁶.

3. В ответ на мой вопрос посол сообщил, [что] Кун Сян-си в начале октября возвращается в Нанкин через Италию на итальянском пароходе.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

341. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Вне очереди
25 сентября 1937 г.*

Обсуждение китайского вопроса начнется с понедельника *. Желания помогать Китаю не заметно, но кому-то нужно подталкивать другие государства. Я лично думаю, что эту роль мы должны выполнить и наши отношения с Японией это не испортит, но я не имею никакой директивы. Я хотел бы знать, как далеко мы можем идти в своих предложениях: лишь до требования об объявлении Японии агрессором или же говорить также о финансовых и даже экономических санкциях. Существенной санкцией было бы лишить Японию горючего, для чего требовалось бы лишь согласие Америки, Англии, Голландии и Советского Союза. Можно ли подымать такой разговор в частных беседах или также в заседаниях комиссий и подкомиссий. Прошу срочной директивы¹⁹⁷.

Литвинов

Печат. по арх.

342. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирога

26 сентября 1937 г.

Господин Министр,

19 сентября с. г. и. о. Генерального консула СССР в Шанхае г. Симанский получил от Командующего 3-й эскадрой японского флота адмирала Хасэгава сообщение о намерении японских военно-морских и воздушных сил подвергнуть начиная с полудня 21 сентября бомбардировке с воздуха и другим военным мерам г. Нанкин и его окрестности и предложение в связи с этим Послу СССР в Китае г. Богомолу совместно со всем персоналом Посольства и живущими в Нанкине советскими гражданами выехать из Нанкина в районы большей безопасности.

Немедленно по получении этого извещения и. о. Генерального консула СССР в Шанхае г. Симанский по поручению

* См. док. № 338, 354; газ. «Известия», 14, 17, 23 сентября 1937 г.

Посла СССР в Китае г. Богомолова заявил Генеральному консулу Японии в Шанхае г. Окамото протест против предполагаемых незаконных действий японских военно-воздушных сил, сообщил, что Посольство СССР со всем своим составом остается в Нанкине, и предупредил, что Правительство СССР возлагает на Правительство Японии всю ответственность за последствия, которые могли бы произойти для Посольства СССР в Нанкине и советских граждан от незаконных действий японских военно-воздушных сил.

Г-н Окамото обещал передать это заявление Японскому Правительству, однако повторил предложение адмирала Хасэгава относительно эвакуации Советского Посольства из Нанкина, подчеркнув, что японские власти не будут нести никакой ответственности за могущие произойти несчастные случаи.

22-го сего месяца Морское министерство Японии сообщило официально Военно-морскому атташе СССР в Японии г. Ковалеву, что якобы с 22 сентября начнутся полеты над Нанкинском китайских самолетов с японскими опознавательными знаками.

23-го сего месяца Японский Консул в Шанхае г. Вакацуки сообщил Генеральному консульству СССР, будто предполагается бомбардировка Советского Посольства в Нанкине китайскими самолетами, замаскированными под японские самолеты.

Многочисленные бомбардировки Нанкина японской авиацией, приведшие к большому количеству человеческих жертв среди мирного населения и к разрушению ряда зданий и сооружений, не имеющих никакого военного значения, заставляют опасаться, что продолжение этих бомбардировок угрожает также Посольству СССР, жизни Посла и его сотрудников, а также имуществу Посольства СССР. Советское Правительство имеет тем большее основание опасаться подобных последствий предпринимаемых японскими военными силами мероприятий, что, как известно, японскими военными властями уже были созданы для Генеральных консульств СССР в Тяньцзине и Шанхае и для Консульства СССР в Калгане * невозможные условия для нормального выполнения возложенных на них функций **.

Считая незаконными и противоречащими общепризнанным принципам международного права намерения японских военных властей в отношении Нанкина и предъявленное ими незаконное требование об эвакуации из Нанкина Посольства СССР, Советское Правительство заявляет решительный протест против этих беспрецедентных в истории международных отношений действий японских военных сил, подтверждает, что

* Чжавцзякоу.

** См. газ. «Известия», 3, 9, 14 и 20 августа 1937 г.

Посольству СССР в Китае дано указание оставаться и дальше на своем посту, и предупреждает Японское Правительство, что оно будет считать его полностью ответственным за все последствия этих незаконных действий¹⁹⁸.

Примите, господин Министр, уверения в моем совершенном к Вам уважении.

М. Славуцкий

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 226 (5368), 27 сентября 1937 г.

343. Письмо н. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах США в СССР Гендерсону

27 сентября 1937 г.

Господин Поверенный в Делах,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 10 сентября с. г., в котором Вы любезно сообщаете о благодарности адмирала Ярнелла за гостеприимство, оказанное во Владивостоке личному составу американской эскадры в июле с. г.^{*}, и в котором Вы просите довести до сведения советских властей о признательности Американского Правительства за этот дружественный прием.

О содержании Вашего письма поставлены в известность надлежащие власти в Москве и во Владивостоке.

Примите, господин Поверенный в Делах, уверения в моем совершенном к Вам уважении.

В. Потемкин

Печат. по арх.

В упоминаемом письме Гендерсона от 10 сентября 1937 г. говорилось: «Имею честь сообщить Вам, что адмирал Военно-Морского Флота США Ярнелл просил передать через Вас Советскому Правительству свою благодарность за гостеприимство, оказанное советскими официальными лицами во Владивостоке офицерам и личному составу американского флота во время посещения этого порта в июле с. г.» В письме содержалась просьба «информировать соответствующие власти о глубокой признательности Американского Правительства за дух гостеприимства и дружелюбие, проявленные советскими властями во Владивостоке во время визита кораблей».

344. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Немедленно
27 сентября 1937 г.*

Дельбос сообщил мне, что американское правительство согласилось участвовать в подкомиссии, состоящей из тихоокеанских стран^{**}, но лишь в качестве наблюдателя, без выступ-

^{*} См. док. № 256.

^{**} Имеется в виду подкомитет Консультативного комитета (позднее Комитета 23-х); см. также газ. «Известия», 29 сентября 1937 г.

лений и без голосования. Оно по-прежнему стоит на той точке зрения, что решения должны приниматься членами Лиги независимо от американского правительства, которое последним может присоединяться к принятым решениям, но не участвовать в них.

В Консультативном комитете и затем в редакционной комиссии была большая борьба с англичанами, которые старались всячески смягчить резолюцию против бомбардировки*. Англичанин и австралиец особенно возражали против того, чтобы в резолюции была названа Япония, и против них выступили не только я, но и новозеландец.

Литвинов

Печат. по арх.

**345. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР В. П. Потемкину**

27 сентября 1937 г.

Уважаемый товарищ,

Я телеграфировал Вам о том беспокойстве, которое за последние две недели было здесь заметно в связи с предстоявшей поездкой Муссолини в Берлин⁸². Слухи о том, что Муссолини отклонил сейчас, до поездки в Берлин, встречу с Шустером, видимо, верны. При проезде Муссолини через австрийскую территорию его встретил только статс-секретарь по внутренним делам, причем с австрийской стороны была проявлена довольно большая сдержанность при встрече.

В связи со всякого рода слухами о том, что австрийская проблема будет затронута в Берлине и что Италия готова передать Австрию под влияние Берлина, венские газеты, в том числе официозы, подчеркивали необоснованность этих слухов. Шмидт выступил с интервью, в котором отметил, что узы дружбы с Италией являются основой внешней политики Австрии и что Муссолини, как Шмидт может самым достоверным образом заявить, считает австрийскую независимость ненарушимым принципом фашистской внешней политики Италии, от которой дуче никогда не отступит.

Как бы то ни было, немецкое влияние в Австрии растет. Товарооборот Германии с Австрией за первое полугодие увеличился на 25 млн. шиллингов по сравнению с прошлым годом. Как известно, январское соглашение предусматривает годовое увеличение в 40 млн. шиллингов, каковое надеются здесь достигнуть. Экспорт леса в Германию почти утроился, и австрийский пассив снизился с 24 млн. до 18 млн. шиллингов, а платежный баланс, если учесть экспорт электрической энергии и другие платежи, которые должна получить Австрия, начинает выравниваться. Из Германии увеличен ввоз

* См. газ. «Известия», 28, 29 сентября 1937 г.

угля, кокса, машин, железных изделий, медикаментов и инструмента.

В австрийских промышленных кругах, однако, относятся к этим успехам пока очень сдержанно, так как не надеются на постоянность и даже длительность их.

Сейчас в Австрии находится германская промышленная делегация в ответ на недавний визит австрийских промышленников в Германию. Очень характерно, что за последнее время в Вене начали распространяться слухи о новой разработке и подготовке вопроса о таможенной унии с Германией. Этим слухам здесь пока не придают серьезного значения, но они, во всяком случае, симптоматичны.

Из моих телеграмм Вы знаете о затруднениях, которые чинит Италия Австрии и Венгрии по вопросу о сохранении в их пользу преференциальных соглашений. С Венгрией соглашение уже денонсировано. Было сообщение, что Италия денонсировала уже также соглашение с Австрией сроком с 1 января 1938 г. Австрийское комюнике это отрицает со ссылкой на то, что итало-австрийское соглашение не может быть денонсировано раньше июня 1938 г. Формально это так, но, по моим сведениям, Италия поставила вопрос об отказе от преференций с января месяца, и у нее в руках есть все средства, чтобы фактически прекратить действие преференций. Австрийцы надеются на то, что им удастся этот вопрос урегулировать, и согласны на значительное сокращение своего торгового актива с Италией, который достигает около 80 млн. шиллингов. С австрийской стороны согласны усилить австрийские закупки в Италии фруктов, зелени, риса, а также готовых изделий. Переговоры должны скоро начаться, но перспектива их для Австрии малообещающая. Я уже сообщил также, что отказ Италии впредь нести в пользу Австрии и Венгрии тяготы преференций является крупным шагом на пути ликвидации Римских протоколов*. Видимо, Италии впредь экономически трудно подкармливать Австрию и Венгрию. Вся обстановка заставляет думать, что Италия и Германия желают впрячь в свою ось также Австрию и Венгрию.

За последние два месяца можно отметить довольно резкое увеличение наших торговых оборотов с Австрией. Недавно мы продали 30 тыс. т ржи, ведутся переговоры о пшенице, и, может быть, будут разговоры о табаке. Мы здесь закупили довольно заметное для Австрии количество кабеля. Наш экспорт сейчас достигает 12,4 млн. шиллингов, из которых половина падает на рожь, остальная часть — главным образом на тряпье. Из этого экспорта только около 9 млн. попадет в австрийскую статистику, так как тряпье идет через Австрию в другие страны.

* См. газ. «Известия», 20 марта 1934 г. и 27, 29 марта 1936 г.

Наш импорт сейчас достиг цифры 8,8 млн. шиллингов, и торгпред надеется сделать еще 3—4 млн. шиллингов. Таким образом, наши обороты по сравнению с прошлым годом больше чем удвоятся.

Полпред
И. Лоренц

Печат. по арх.

346. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Вы всякой очереди
23 сентября 1937 г.*

Сегодня Блюм ознакомил меня с ходом переговоров морских экспертов в Париже*. Итальянцы сперва представили максимальные требования о предоставлении им патрулирования почти по всему Средиземному морю, включая и Эгейское. В дальнейшем их требования были значительно укорочены, но они настаивают, чтобы маршрут от Дарданелл до Гибралтара, контролируемый Англией и Францией, был прерван [на участке] между Мальтой и Пантеллерией, который должен быть предоставлен им. На сегодняшнем заседании не пришли ни к какому соглашению, но затем английские морские эксперты явились к французским и стали доказывать, что, поскольку итальянцы берут на себя охрану известного участка, они будут отвечать за возможные потопления судов и потому не понятно, почему нельзя им уступить в этом вопросе. Так как Дельбос мне обещал, что будет сохранен сплошной маршрут для наших судов, то они просили моего согласия на уступку, на которой настаивают англичане. Я ответил, что мы не можем полагаться на ответственность итальянцев, которые могут топить наши суда, а потом кричать, что мы или Валенсия это сделали. Я сказал, что если речь идет об изменении Нионского соглашения, то я согласиться не могу, но если предполагается сепаратное соглашение между Англией, Францией и Италией, причем перед остальными участниками Нионской конференции ответственными остаются за весь маршрут вдоль моря Англия и Франция, то я могу запросить свое правительство. Прошу срочно ответить, можно ли пойти на такой компромисс, который я считаю вполне приемлемым. Сомневаюсь, однако, чтобы его приняли англичане, а тем более итальянцы, которые, наверное, захотят включиться в Нионское соглашение, а потому прошу также дать указания на тот случай, если этот компромисс будет итальянцами отклонен. Я думаю, что в этом случае надо потребовать созыва Нионской конференции, хотя я не сомневаюсь, что, кроме нас, все

* См. также док. № 326, 328, 330, 332.

остальные участники соглашения примут любые требования Италии. Прошу ответа завтра по телефону, подтвержденного телеграммой*.

Литвинов

Печат. по арх.

347. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

*Вне всякой очереди
29 сентября 1937 г.*

На Вашу телеграмму от 28 сентября**. Не возражаем против предлагаемого Вами компромисса. В случае его отклонения не требуйте созыва Нионской конференции, которая явилась бы реваншем для Италии и продемонстрировала бы капитуляцию перед итальянцами прочих участников Нионского соглашения. Заявите англичанам и французам, что, формально не возражая против их предложения, мы возлагаем на них морально-политическую ответственность за возможные злоупотребления со стороны Италии оказанным ей доверием.

Потемкин

Печат. по арх.

348. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Вне очереди
1 октября 1937 г.*

По утверждению англичан, Америка высказалась против [исключительно] тихоокеанской организации, а потому в подкомитет по китайскому вопросу выбрали также представителей Швеции, Польши, Латвии и Эквадора***. Сегодня еще Крэнборн мне говорил, что англичане готовы признать агрессию и участвовать в санкциях, но что будто бы американцы не хотят ничего обещать, а потому приходится пока возражать даже против признания агрессии, каковое признание влечет за собой немедленные дальнейшие действия. На его вопрос я сказал, что мы готовы пойти так же далеко, как другие тихоокеанские страны¹⁹⁷. Чиновник форин офис говорил, что Голландия готова участвовать в нефтяных санкциях, но требует от Англии защиты Борнео в случае попытки захвата его Японией. Но такую защиту Англия не может обещать без Америки. Таким образом, все упирается в позицию Америки, или же

* См. док. № 347.

** См. док. № 346.

*** См. док. № 344, 354.

ее именем спекулирует Англия для оправдания своей уклончивой позиции. Нельзя ли поручить Уманскому поговорить с Хэллом или его сотрудниками и выяснить позицию Америки? * Если она действительно хочет что-либо сделать для Китая, но настаивает, чтобы первые шаги были сделаны Лигой наций, то она должна дать, хоть неофициально, заверение, что она впоследствии присоединится к этим шагам. Желательно этот зондаж провести немедленно и дать мне ответ к 4-му, когда предполагается закрытие Ассамблеи.

Литвинов

Печат. по арх.

349. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в США К. А. Уманскому

*Вне очереди
2 октября 1937 г.*

Срочно посетите Хэлла или, если это невозможно, кого-либо из руководящих чиновников госдепартамента и постарайтесь неофициально выяснить позицию США в китайском вопросе. Важно установить, хочет ли Америка на деле что-либо сделать в пользу Китая. Если бы это было так и американское правительство настаивало бы лишь на том, чтобы первые шаги были сделаны Лигой наций, следует выяснить, готово ли оно дать хотя бы неофициальное заверение, что США впоследствии присоединятся к этим шагам. О результатах беседы сообщите немедленно нам и в Женеву Литвинову **.

Потемкин

Печат. по арх.

350. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 октября 1937 г.

Беседовал с министром железных дорог Чжан Цзя-ао. Он сообщил мне, что еще до начала военных действий с Японией он имел указание Чан Кай-ши заняться выяснением возможности постройки железной дороги от Спани до Урумчи. В настоящее время необходимость постройки этой дороги является очевидной. Чжан просил выяснить, насколько правительство СССР будет заинтересовано в этом проекте. В положительном случае он мыслит, что СССР и Китай должны начать строительство дороги одновременно: мы — от нашей границы до

* См. док. № 349.

** См. док. № 348, 351.

Урумчи или дальше, Китай — от Сиани. Участок Сиань — Ланьчжоу обследован, и имеются уже готовые проекты. Стоимость строительства дороги — 300 млн. китайских долл., продолжительность строительства дороги — 5 лет. Если СССР почему-либо считает невозможным принять участие в этом строительстве, то каково будет отношение Советского правительства к постройке шоссейной дороги от Ланьчжоу до нашей границы? В случае принципиального согласия Советского правительства на один из этих проектов он представит более детальные предложения¹⁹⁹.

Меламед

Печат. по арх.

351. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
3 октября 1937 г.*

Ввиду отсутствия уехавшего на пару дней Хэлла подробно неофициально беседовал с его первым заместителем Узлесом*. Его формулировки политики США на Дальнем Востоке дают мало нового, сводятся к следующему:

1. Мирлюбие американского народа вылилось в резко изоляционистских формах; пока не будет перелома в этом настроении, правительство лишено будет возможности дискриминировать между агрессором и жертвой агрессии на каком бы ни было основании, сочувствовать жертве.

2. США не отказываются от своих прав в Китае и готовы оказывать американцам в Китае моральную помощь и такую материальную поддержку, которая не вовлекла бы США в военные события.

3. Пока дипломатические отношения между Китаем и Японией не будут прерваны, президент не собирается признавать состояние войны и вводить в действие акт о нейтралитете, однако заявление Рузвельта о том, что его политика «покоится на 24-часовой базе», остается в силе**.

4. С самого начала событий США энергичнее всех других держав увещевали стороны прекратить военные действия, мирно решить конфликт, в дальнейшем решительно протестовали против бомбардировки мирного населения и участвуют на известных условиях в работах совещательного комитета, где не будут брать на себя ни ответственности, ни инициативы, однако будут внимательно следить за всеми предложениями и мо-

* См. док. № 349, а также док. № 382.

** См. «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1937 Volume», New York, 1941, p. 354.

гут независимо принимать решения, не обязательно идентичные, но похожие на женевские, если последние не останутся в рамках американского законодательства.

Новое в этом только сглаживание заявления Рузвельта о том, что американцы остаются в Китае на свой риск, а также указание на возможность решений, параллельных женевским. На мой вопрос, не нанес ли недавний запрет перевозок оружия в Китай и Японию на правительственных судах односторонний ущерб Китаю, Уэллес дал понять, что альтернативным решением было бы конвоирование судов, на что США не могут пойти, указывая, что закупке оружия китайцами в США с доставкой на пароходах третьих государств ничто не мешает (Уэллес отрицал, но нам доподлинно известно, что частные американские судовладельцы после этого решения также отказываются от перевозки оружия в Китай даже при ростовщической страховой премии). Уэллес заявил, что других мер ограничительного порядка не предвидится и что следующим шагом по тому же пути было бы применение закона о нейтралитете. В случае же применения закона можно это сделать так, чтобы не получился одностороннего ущерба для Китая (намек на принадлежавшее президенту право включать в эмбарго сырье и разрешать или запрещать воюющим странам забирать сырье в американских портах за наличные).

Договорившись, что беседуем в академическом порядке, Уэллес далее заявил следующее:

1. Участие в военных санкциях было бы мыслимо только в случае прямых угроз безопасности США, с предшествующим переломом настроения в массах.

2. Участие США в эмбарго, если будет осуществлено, то только в форме введения в действие акта о нейтралитете. Несмотря на разочарование американцев в связи с провалом женевской акции по маньчжурскому и абиссинскому вопросам, в американской политике не произошло ничего, что помешало бы США повторить абиссинский опыт. Уэллес оговорился, что выражает личное мнение, вопрос слишком ответственный, более авторитетно мог бы сказать, только снесшись с президентом.

3. США готовы внимательно изучить всякое деловое предложение о консультации заинтересованных тихоокеанских держав, но пока такого предложения не поступало.

4. Трудно предрешать отношение США к возможным решениям совещательного комитета, не зная, по какому пути он пойдет. США следят за женевскими предложениями гуманитарной помощи Китаю, оказывают эту помощь самостоятельно через свой Красный Крест, собравший уже миллион долларов.

5. Несмотря на возмущение в США японской жестокостью, всякое нарушение правительством духа закона о нейтралитете

вызвало бы не меньшее возмущение, которое осложнило бы внутривнутриполитическое положение в ущерб президенту.

Ссылка Уэллеса на силы изоляционистских настроений обоснованна. Движение бойкота японских товаров значительно меньше, чем в Англии, и пока охватывает лишь передовые круги рабочего движения. Ужасы японского вторжения вызывают растущее возмущение, но оно пока приводит лишь к росту изоляционистских требований применения закона о нейтралитете, от которого в данной обстановке выиграют японцы. Рузвельт пока сопротивляется этим требованиям, понимая, что применение к Китаю закона, составленного для Европы, означало бы отказ США от положения ведущей державы в Вашингтонском договоре *. Однако, ослабленный серьезным поражением в связи со скандальным делом Тика, Рузвельт стремится восстановить популярность уступками изоляционистским настроениям. Отсюда такие меры, как прекращение экспорта в Китай на американских судах.

Не ставя вопроса более конкретно, мы никакого, даже неофициального заверения о поддержке мероприятий Лиги наций не добьемся. В возможность экономической санкции американцы не верят, а если бы это стало реальной возможностью, Рузвельт, наверное, не прочь был бы ввести в действие закон о нейтралитете, который в этом случае потерял бы свое антикитайское острие, и позаботился бы, чтобы от применения закона максимально пострадала Япония. Внутриполитически эта мера была бы популярна. Пока же можно рассчитывать на то, что меры морального воздействия, типа женевского протеста против бомбардировок **, будут дублироваться от своего имени США.

Уэллес расспрашивал меня, не тревожат ли нас сведения о концентрации части войск на границах СССР и Монголии. Я ему ответил, что какие-либо тревожные явления мне неизвестны, в том числе непосредственной угрозы нашей безопасности мы не ощущаем. Уэллес выразил удовлетворение «тактичной и правильной» ссылкой на позицию США в речи Литвинова на Ассамблее ***.

Возможно, что на днях, доложив эту частную беседу начальству, Уэллес попросит конкретизировать, какие мероприятия Лиги наций имеем в виду. Прошу ориентировать.

Копия Литвинову направлена в Париж.

Уманский

Печат. по арх.

* См. «Вашингтонская конференция по ограничению вооружений в тихоокеанском и дальневосточном вопросам 1921—1922», М., 1924, а также т. IV, прил. 38.

** См. док. № 344.

*** См. док. № 337.

352. Телеграмма Генерального консула СССР в Урумчи в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 октября 1937 г.

Сегодня был с визитом у Чэнь Ли-фу. Разговор с ним был около двух часов. В основном Чэнь Ли-фу «разъяснял» мне политику Китая, в частности гоминьдана, и свою лично положительную роль в сближении Китая с СССР. Конкретных вопросов, тем более сирийских, Чэнь Ли-фу не затрагивал²⁰⁰. Выразил пожелание еще со мной побеседовать*. Основные мысли Чэнь Ли-фу:

1. Китай хочет установить с СССР постоянную и длительную дружбу. Этого еще не понимают другие державы. Необходимо постепенно перейти от первого шага — пакта о ненападении** к следующему шагу — договору о взаимной помощи.

2. Китайский народ будет драться с японцами до конца и готов принести себя в жертву, чтобы восторжествовала справедливость во всем мире.

3. Однако он считает, что Китай будет иметь победу над Японией уже в течение одного года, а если ему на помощь придет СССР, то даже в течение двух месяцев.

4. Европа идет к гибели. СССР, находящийся между Европой и Азией и вливающий в восточную и европейскую культуру, вместе с Китаем создадут силу, которую никто не сломит и которая спасет Европу и весь мир от гибели.

Мэнни

Печат. по арх.

353. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом

4 октября 1937 г.

Шуленбургу, явившемуся по моему приглашению, я сообщил о намерении правительства СССР открыть в Германии два новых советских консульства, именно — в Бреславле и в Мюнхене. Таким образом, общее число консульств СССР в Германии будет доведено до четырех. Столько же германских консульств, согласно решению Советского правительства, может быть сохранено в СССР. Таким образом, Германия предлагается сократить три своих консульства в СССР из наличных семи***.

Шуленбург осведомился, остается ли в силе заявленное нами требование, чтобы при всех условиях закрыты были гер-

* Документов о новой встрече в архиве не обнаружено.

** См. док. № 300, 302, 315.

*** См. также док. № 383, 410.

манские консульства в Одессе и Владивостоке? На мой утвердительный ответ он развел руками и заявил, что, не высказывая своего личного мнения о нашем новом предложении, он сегодня же передаст его в Берлин.

Единственное замечание, которое он считает необходимым сделать, относится к советскому торгпредству в Германии. По мнению посла, количество сотрудников этого торгпредства настолько значительно, что нельзя не принять его во внимание при осуществлении уравнительного принципа, положенного в основу нашего предложения.

На это я возразил, что торгпредство в Германии существует на основании особого статуса*, не допускающего его приравнивания к консульствам, и что начало равенства проводится нами в отношении общего числа учреждений, а не количества их сотрудников.

В заключительной части беседы Шуленбург напомнил о наличии особого соглашения СССР с Германией, в силу которого выездные визы германским гражданам должны выдаваться советскими властями в срок не более 48 часов. Это соглашение систематически нарушается нашими органами. В частности, посол может указать на проволочку, чинимую в деле выдачи указанных виз германским гражданкам Оберберг, Хеннигхаузен и Фриц. Шуленбург просил меня посодействовать скорейшему удовлетворению их ходатайств о выезде. Я обещал послу оказать просимое им содействие.

Потемкин

Печат. по арх.

354. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Немедленно
6 октября 1937 г.*

Предложение передать китайский вопрос участникам Вашингтонского договора было выдвинуто Англией в Комитете [23-х] неожиданно **. Это предложение делалось французами в самом начале конфликта, но Америка отклонила. Согласится ли теперь Америка, англичане не знают, но, по-видимому, полагают, что Америке трудно будет отклонить предложение, если оно будет сделано от имени Ассамблеи [Лиги наций]. Хотя Крэнборн в редакционном комитете публично сказал, что имеет в виду привлечение Советского Союза, я все же возражал против предложения, но не был поддержан китайцами²⁰¹. Веллингтону Ку не хватало настойчивости, напористости и темперамента, а потому его легко было заставлять

* См. т. IV, док. № 72 и т. V, док. № 121.

** См. газ. «Известия», 4. 6 октября 1937 г.

отказываться от собственных предложений. Если бы Китай был представлен человеком типа доктора Иена*, то резолюция, несомненно, выглядела бы лучше. Китайцев приходилось тащить за собой и подталкивать. Если удалось улучшить первоначальные смехотворные формулировки англичан, то заслуга не китайцев, а наша. Возмутительнее всех, после поляков, вели себя французы, пославшие в подкомитет не члена делегации, а чиновника МИД, известного своим прояпонским настроением. Англичане были более уступчивы в отношении наших и китайских предложений, чем французы, австралиец и голландец. У меня создалось впечатление, что Англия готова не церемониться с Японией и решительно выступать против нее, если только с ней пойдет Америка. В противном случае Лига ничего больше не делает. Не исключено, однако, что англичане прячутся за Америкой, чтобы скрыть свое собственное нежелание ввязаться в конфликт с Японией. Французы крепко боятся за Индокитай, а Голландия — за свои владения. Если бы Рузвельт произнес свою речь** на день раньше, то это, несомненно, сказалось бы на резолюции. В общем надо считать Лигу окончательно парализованной и недееспособной. Дальнейшее развитие событий зависит от позиции Америки.

Китайцы обращались ко мне по вопросу о транзите через Индокитай для наших поставок***, но я отвечал незнанием.

Литвинов

Печат. по арх.

355. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Болгарии

7 октября 1937 г.

На телеграмму от 5 октября²⁰². Предлагаемый Вами демарш по вопросу РОВС считаю необходимым. Произведите его в твердой форме, предупредив, что разрешение создания такого центра в Болгарии было бы расценено нами как самый опрометчивый и недружественный акт со стороны болгарского правительства****.

В. Потемкин

Печат. по арх.

* Ян Хой-дин — посол Китая в СССР до 25 августа 1936 г.

** См. газ. «Известия», 8 октября 1937 г.

*** См. также док. № 418, прим. 182.

**** См. док. № 358.

356. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Польше с заместителем директора Восточного департамента МИД Польши Зажулинским

7 октября 1937 г.

Сегодня я был у Зажулинского и заявил ему решительный протест в связи с последними инцидентами на границе. Я потребовал расследования и примерного наказания виновных. Зажулинский, ознакомившись с памятной запиской²⁰³, переданной мною, констатировал, что большая часть пограничных инцидентов падает на июль — август. Теперь мининдел якобы сделал представление соответствующим властям о положении на границе, что должно возыметь свое действие. Зажулинский принял мой протест и обещал разобраться в этих делах.

Я просил еще раз Зажулинского ускорить выдачу визы нашему новому шоферу т. Кагану.

Виноградов

Печат. по арх.

357. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии М. М. Славукского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

9 октября 1937 г.

Нажим полиции на торгпредство и торгующие с нами фирмы все больше усиливается. Торгпредство блокировано со всех сторон полицейскими. Ряд японских фирм за последнее время отказывается от посещения торгпредства. Так, представитель крупнейшей фирмы «Окура» открыто заявил, что во избежание дальнейших допросов в полиции он просит вести дальнейшие переговоры по телефону. Некоторые фирмы, очевидно явно под давлением полиции, заявили о «нежелании покупки» наших товаров. Солидная фирма «Иннас юдэн» прямо заявила, что отказывается торговать нашими инструментами вследствие предупреждения полиции об угрожающих «больших неприятностях». Редакция газеты «Кикай то когу», долгое время печатавшая торговые объявления торгпредства, заявила, что «по независящим обстоятельствам» вынуждена прекратить.

Чтобы показать японцам, что мы начинаем придавать серьезное значение этим возмутительным фактам, крайне затрудняющим работу торгпредства, следовало бы опубликовать об этом в нашей прессе, а также заявить энергичный протест, быть может в письменной форме. Можно было бы сослаться

при этом на то, что торгпредство ведет значительную работу по реализации договора о КВЖД*, чему японское правительство обещало содействие и гарантию**.

Полпред

Печат. по арх.

358. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Болгарии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину

9 октября 1937 г.

На Вашу телеграмму от 7 октября***. Сегодня сделал демарш по поводу РОВС. Кьосеиваиов категорически обещал не допускать переселения руководства РОВС в Болгарию и заявил, что если Абрамов примет должность председателя РОВС, то ему будет предложено покинуть Болгарию.

Полпред

Печат. по арх.

359. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР ****

Немедленно
11 октября 1937 г.

Сегодня я видел Корбена, который высказывал свои соображения об итальянском ответе на англо-французскую ноту*****. Позиция Корбена самая гнилая. Он считает, что итальянская нота все еще недостаточно «разоблачает» Италию, что для воздействия на «демократическое общественное мнение» во Франции и Англии нужно еще раз пойти навстречу Муссолини и перенести вопрос о волонтерах в Комитет по невмешательству. Корбен заверял, что будто бы таковы же настроения англичан. В этой связи он мне сообщил, что Эллотт в Жевее при обсуждении испанского вопроса***** пошел дальше своих инструкций и что в Лондоне пожимают плечами по поводу его излишней уступчивости. Если настроения Корбена точно отражают мнение Парижа, то можно ожидать, что Англия и Франция еще раз капитулируют перед Римом*****.

Майский

Печат. по арх.

* См. т. XVIII, док. № 134.

** См. док. № 376.

*** См. док. № 355.

**** Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Париж.

***** См. газ. «Известия», 9—10 октября 1937 г.

***** См. газ. «Известия», 30 сентября 1937 г.

***** См. док. № 362.

360. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Турции с и. о. Генерального секретаря Министерства Иностранных Дел Турции Баты

11 октября 1937 г.

1. Я сказал Баты, что хотел лично с ним переговорить по одному весьма существенному вопросу, а именно [о] положении в пограничной полосе. Несколько дней назад полпредство вручило ноту протеста против одного весьма серьезного нарушения пограничного мира²⁵⁴. В настоящее время я вынужден вновь поставить МИД в известность о новых случаях нарушения границы со стороны турецких пограничных властей. Последовательное нарушение границы создает напряженное состояние в пограничных отношениях, сказал я, ввиду чего я счел необходимым помимо письменного обращения в МИД еще лично поддержать наш протест.

Баты заметил, что урегулирование пограничных инцидентов возложено в силу пограничной конвенции* на пограничных комиссаров. Не является ли преждевременным прибегать к дипломатическому пути, спросил он, поскольку эти инциденты еще не обсуждены пограничными комиссарами.

Я ответил, что знакомился с текстом пограничной конвенции. Эта конвенция предусматривает разрешение «мелких пограничных инцидентов», к которым сообщенные мной случаи никак не могут относиться. Помимо того, определив процедуру расследования пограничных инцидентов, правительство не закрыло себе возможность обсуждать имевшие место случаи дипломатическим путем. Не говоря о том, что расследование погранкомиссаров может растянуться на долгое время, каждый случай рассматривается [ими] изолированно и не в политической плоскости. Между тем Советское правительство ввиду учащения пограничных инцидентов вынуждено ставить вопрос политически, в плоскости обращения внимания турецкого правительства на необходимость принятия решительных мер к оздоровлению пограничной обстановки.

Я указал далее, что дело не столько в отдельных инцидентах, которые могут иметь место время от времени и происходить на границе, но в многочисленности их и в характере таковых. Коснувшись последних двух случаев, изложенных в ноте от 11 октября, я указал, что они могли иметь место только в условиях атмосферы недоверия и недружелюбия, существующей на турецкой стороне границы среди пограничных частей. Приемы турецких пограничных органов совершенно не отвечают характеру взаимоотношений между обеими странами. Отчего это происходит? Это не в моей компетенции давать ответ на этот вопрос, но я мог бы для примера указать на одно явление, которое способно порождать недовер-

* См. док. № 248.

чивое отношение турецких погранвластей. Так, мне известно, что консул СССР в Карсе не может шага сделать без сопровождения солдата или жандарма. Когда ему нужно выехать за город, то он обязан посадить в свой автомобиль жандарма или солдата. Для МИД это не ново, так как я об этом упоминал в одной из бесед с Эссад-беем (директором III департамента, замещавшим летом Баты). Мудрено ли, что тот же солдат или жандарм, отправляясь на пограничный пост, вспоминая режим недоверия, применяемый к официальному представителю СССР, действует в том же духе в пограничных отношениях.

Полпредство, по поручению своего правительства, несколько раз сигнализировало турецкому правительству ненормальность создавшегося положения, но, веря в неизменность дружбы между обеими странами, турецкое правительство отнеслось невнимательно к нашим сигналам, забывая, что дружбу нужно также практиковать конкретно.

Нельзя скрывать того, что несовместимое с понятием дружбы поведение турецких властей создает известную нервозность на нашей стороне границы. Бездействие турецких властей в деле оздоровления пограничной обстановки наводит наши власти на разные мысли. Так, им совершенно непонятно, почему, несмотря на положительное отношение МИД к эвакуации бандитских элементов из пограничной полосы, реализация этого мероприятия встретила сопротивление других турецких ведомств. Между тем известно, что никакие правовые соображения не могут служить помехой в этом, ибо в интересах своей социальной или военно-оборонительной политики турецкое правительство не останавливалось перед высылкой тысяч людей с насиженных мест.

«Какие же могут быть подозрения?» — спросил Баты. «Я в точности ответить не смогу, — сказал я, — но я допускаю, что думают, что враждебные СССР элементы используются некоторыми местными органами для разведывательной или пропагандистской работы». Баты сказал, что он ознакомится тщательно с пограничной конвенцией и затребует объяснений по всем сообщенным полпредством случаям. Он совершенно согласен с тем, что дружбу нужно проводить на практике, а если имеются нездоровые настроения, то нужно их радикально искоренить. Он считает, что и на нашей стороне также не совсем благополучно с точки зрения атмосферы доверия. Так, НКВД обратился в турецкое посольство в Москве с нотой²⁰⁵, в которой указывает, что, по сообщению местных властей, в течение целого полугодия не было встреч между советскими и турецкими погранкомиссарами, хотя за это время скопилось свыше 100 конфликтных дел. Между тем, по справке, полученной МИД, за это время состоялось три или четыре встречи, а конфликтных дел имеется от восьми до 10-ти. Такое рас-

хождение в информации не может быть, конечно, приписано одной случайности.

Я ответил, что по этому вопросу у меня нет никаких инструкций. Для того чтобы дать ясное представление о характере нарушений пограничного мира с турецкой стороны, я полагаю возможным разделить их на четыре категории:

1. Незаконный переход вооруженными бандитами советско-турецкой границы и обратный переход их в Турцию без того, чтобы они были остановлены турецкими пограничниками или были привлечены к ответственности, хотя эти случаи и были сигнализированы турецким властям советскими погранкомиссарами.

2. Вооруженный переход бандитов на советскую территорию с совершением на этой территории актов насилия и бандитизма. Турецкие власти никак не реагируют на эти преступные действия, хотя бандиты обратно переходят на турецкую сторону.

3. Прямое попустительство и содействие, вплоть до вооруженного, со стороны турецких пограничников бандитским переходам на советскую территорию и

4. Нарушение границы со стороны самих турецких пограничных солдат.

Баты заметил, что многие переходы объясняются тем, что эмигранты хотят взять с собой свои семьи. Я возразил, что, во-первых, такое желание не может оправдать нарушение границы (с этим Баты согласился), ибо имеются правила о выезде в другую страну, которые должны соблюдаться. Во-вторых, во многих случаях семьи вовсе не хотят следовать на турецкую территорию, и как раз на этой почве происходят многие акты насилия со стороны бандитов. Вооруженные переходы бандитов на советскую территорию к тому же создают неприязненное к ним отношение со стороны их односельчан и местных властей, при котором трудно ожидать с их стороны какого-либо содействия для выезда семей за границу.

Баты сказал, что после ознакомления со всем материалом он меня пригласит к себе для того, чтобы обменяться мнениями, что следовало бы предпринять, чтобы оздоровить местную обстановку.

Я заметил, что это, конечно, не должно останавливать расследования конкретных фактов и наказания виновных лиц.

Поверенный в Делах СССР в Турции
Залкинд

Печат. по арх.

361. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Греции Н. И. Шаронову

13 октября 1937 г.

Уважаемый товарищ,

К моменту получения настоящего письма Вы в соответствии с нашими указаниями²⁰⁶, я надеюсь, уже сделали представление греческому министерству иностранных дел о том, что мы не признаем решения греческого суда по делу Сусаниса, и о том, что не станем его исполнять. Это наше прежнее решение вновь согласовано с НКВТ и остается в силе. Нужно грекам всячески дать понять, что мы в этом своем решении непреклонны. Если они после ряда лет пошли на то, что суд все же вынес решение против торгпредства, то, по-видимому, они имеют в виду произвести на нас нажим. Поэтому вопрос о компромиссе, который Вы затронули в своем последнем сообщении, не должен быть выдвинут нами. Инициатива должна принадлежать грекам. Если Вы посмотрите наши предыдущие письма по этому делу, то Вы увидите, что это и греки сами признавали. Поскольку греческий суд стал на неправильный путь и правительство разделило его позиции в этом вопросе, грекам должна принадлежать инициатива выхода из положения. Поэтому повторно отмечаем: в нынешней стадии дела Вам надлежит занимать категорическую позицию полного непризнания решения суда. Всю необходимую аргументацию, если Вам придется вернуться к дискуссии, Вы найдете как в наших письмах, так и в нотах, врученных грекам.

На тот случай, если греки поднимут вопрос о необходимости какого-то соглашения, учтите, что вопрос об уплате Сусанису какой-то компенсации имеет второстепенный характер. НКВТ был согласен некую сумму денег, о которой он легко договорился бы с Сусанисом, уплатить ему. Но важнее признание того, что решение суда было неправильным, что торговое соглашение 1929 г.* бесспорно распространяется и на период, предшествовавший его заключению. Нам безразлично, в какой форме подобное постановление будет вынесено — в форме ли нового соглашения между нами и греками или же, как греки предлагали, в форме особого закона, проведенного через парламент. Если греки пойдут на это, то, как мы узнали в НКВТ, остановки за уплатой Сусанису некой компенсации не будет.

В своем сообщении Вы смешиваете это соглашение с соглашением о порядке наложения ареста на обоюдное государственное имущество. Это последнее принципиально нам

* См. т. XII, док. № 193.

ничего не дает. Речь идет лишь о том, что арест на имущество может быть наложен с разрешения министра, т. е. что устроится лишь процедура, но самый вопрос остается неразрешенным. Опыт подобного соглашения с Италией* показал, что министр дает разрешение. Мы не возражаем, как известно и грекам, против заключения этого соглашения. В делах Вы найдете проект обмена нотами по этому вопросу. Поскольку в нашем законодательстве и в греческом имеется отсылка ко взаимности в этом вопросе, постольку заключение этого соглашения не требует законодательного одобрения. Однако и в отношении этого соглашения Вам надлежит предоставить инициативу грекам. Но не нужно упускать из виду, что заключение этого соглашения не является эквивалентным соглашению или закону о толковании торгового договора 1929 г.

Информируйте нас о дальнейшем положении настоящего дела.

Вр. и. о. Народного Комиссара
В. Потемкин

Печат. по арх.

362. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
14 октября 1937 г.*

1. Иден пригласил меня сегодня к себе и повел разговор о предстоящем 16 октября заседании подкомитета **. Он объяснял возвращение к вопросу о волонтерах в Комитете желанием будто бы не допустить срыва невмешательства на вопросе процедуры, чего не поняло бы широкое общественное мнение, и стремлением поставить итальянцев в такое положение, чтобы ответственность за срыв пала на них. В успех новых попыток Иден почти не верит. Исходя из этого, Иден выражал большое беспокойство по поводу нашей позиции и долго убеждал меня «помочь» англичанам и французам «разоблачить» итальянцев. Я реагировал на аргументы Идена примерно теми же аргументами, которыми мы пользовались в июле ***.

2. Конкретно на заседании 16-го Корбен предложит принять три пункта:

а) признать принципы, положенные в основу британского плана от 14 июля (связывающего, как известно, предоставленные права воюющей стороны с «выводом значительного количества волонтеров»);

* См. т. XIII, док. № 268.

** См. док. № 364, 368, 370, 372.

*** См. док. № 232, 236, 243, 264.

б) согласиться немедленно начать вывод волонтеров, с тем чтобы первые партии покинули Испанию в течение ближайших двух недель. Немедленно также должна быть прекращена посылка новых войск, оружия и прочего в Испанию. Численное соотношение для первых партий по обе стороны фронта должно быть как 3:2, т. е., например, 3 тысячи со стороны Франко и 2 тысячи со стороны Валенсии;

в) принять «укрепление» контрольной системы в духе доклада ван Дульма*.

Плимут поддержит Корбена. Затем подкомитет будет просить правительства дать окончательный ответ в течение 3—4 дней. Таковы наброски англо-французов, но ход заседания, конечно, легко может измениться в зависимости от поведения итальянцев и немцев.

3. В порядке выяснения положения я задал Идену несколько вопросов:

а) можно ли считать, что это действительно «последняя попытка» со стороны англо-французов и что в случае ее неудачи франко-испанская граница открывается, а система вмешательства отменяется? В конце июля Иден мне тоже говорил о британском плане как о «последней попытке», а между тем воз и ныне там. Иден уклонился от прямого ответа на мой вопрос, но заверил, что в случае неудачи данной попытки британское правительство будто бы не будет оказывать на Францию какое-либо влияние в духе неоткрытия границы.

б) как Иден себе мыслит длительность предстоящих дискуссий? Иден ответил: «Ответ должен быть дан в течение 3—4 дней», но когда я заметил, что итальянское правительство едва ли ответит просто «нет», а вероятнее всего скажет «да», но с рядом оговорок, которые придется обсуждать, то Иден стал уже гораздо менее определен в отношении срока переговоров. Он, впрочем, несколько раз подчеркивал, что нынешнее положение нетерпимо и что так дело продолжаться не может.

в) что значит «вывод значительного числа волонтеров»? Иден ответил, что это значит примерно $\frac{2}{3}$ наличного числа по категориям (инфантерия, авиация, артиллерия и т. д.).

г) Иден в принципе согласен на то, что вывод волонтеров с обеих сторон должен производиться в известной пропорции (т. е. 10, 15% и т. д.), хотя признает большую трудность в установлении точного числа иностранных комбатантов в Испании. Он заявил также, что попытка итальянского правительства спрятаться за Франко, который-де не захочет отпустить волонтеров, не пройдет.

* См. док. № 334.

4. Иден сообщил, что беседовал сегодня с Гранди, которому будто бы дал понять, что британское правительство на этот раз [действует] «всерьез». По некоторым замечаниям Идена было видно, что разговор этот не очень обнадежил британского министра иностранных дел²⁰⁷.

5. Иден хотел дать Чилстону инструкцию сделать демарш на эту же тему в НКИД*.

6. Мне нужны инструкции не обязательно к 16 октября, но в течение ближайших 2—3 дней в отношении моего поведения в связи с предложениями англо-французов. Срочно сообщите.

Майский

Печат. по арх.

363. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Танрова в Народный Комисариат Иностранных Дел СССР

14 октября 1937 г.

Здесь подсчитано, что для эксплуатации узкоколейки необходим штат 241 человек различных специальностей**. Для подготовки соответствующих национальных кадров необходимо командировать для учебы в Союз 58 человек, остальные будут готовиться самой дорогой и другими организациями (комбинатом, ведомством связи и пр.). Амор просил меня довести до сведения нашего правительства его просьбу о принятии на учебу 58 человек в советские школы и о принятии Союзом на себя расходов по подготовке кадров, с включением их в общую стоимость дороги. Прошу указаний***.

Полнред

Печат. по арх.

364. Выступление Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании И. М. Майского на заседании подкомитета при Председателе Комитета

15 октября 1937 г.

В связи с заявлениями британского и французского представителей****, которые мы только что выслушали, я хотел бы сделать одно-два предварительных замечания.

* См. док. № 365.

** Речь идет об узкоколейной железной дороге от угольных копей Нагайха до г. Улан-Батор; см. док. № 400.

*** См. док. № 379.

**** См. газ. «Известия», 17 октября 1937 г.

Я полностью поддерживаю высказанное в этих заявлениях мнение, что нынешнее положение с невмешательством совершенно нетерпимо и что дальше дело не может так продолжаться. Я лишь добавлю, как имел уже случай указывать на наших прежних заседаниях, что ситуация стала совершенно невозможной много месяцев тому назад и остается лишь сожалеть о том, что другим членам Комитета понадобилось столько времени, чтобы прийти к такому же выводу.

Надо считаться с фактами. Невмешательство попиралось некоторыми державами с самого начала, но в дальнейшем, особенно в последние шесть-семь месяцев, оно превратилось в полнейший фарс. Нарушения невмешательства в конце концов достигли таких размеров и приобрели такой явный характер, что превратились в настоящий международный скандал. В Испанию тайно посылались не только оружие, боеприпасы и самолеты, но и организованные воинские части, целые дивизии со штабами, генералами, офицерами и т. д. В результате в настоящее время на территории Испании, поддерживая генерала Франко, сражается настоящая оккупационная армия, насчитывающая около 100 тыс. человек и снабженная самыми современными средствами войны. Целью этой армии является в той или иной форме установить иноземный контроль над Испанией. Данного факта не приходится отрицать, и он действительно не отрицается теми, кто несет за него полную ответственность.

Я имею в виду в особенности одну средиземноморскую державу, которая так часто и с таким энтузиазмом официально и неофициально подчеркивает свою громадную роль в иноземном вторжении в Испанию. Пресса указанной страны, подчиненная строжайшей правительственной цензуре, полна восхвалений ее «добровольцев», сражающихся в Испании. Она регулярно печатает списки давших «героев» в форме, обычной лишь для страны, ведущей войну с иноземцами. Генералы этой страны, портреты которых появляются на первой странице ее руководящих газет, регулярно рапортуют своим начальникам на родине об успехах и неудачах «добровольческих» войск, находящихся под их командованием. Глава государства той же страны обменивается с главой мятежников самыми сердечными посланиями, в которых он целиком поддерживает дело мятежников и признается в помощи, оказываемой генералу Франко.

Кто может позволить себе говорить о невмешательстве пред лицом таких фактов? Ситуация кристально ясна. По разнообразным причинам, на которых я сейчас не хотел бы останавливаться, невмешательство потерпело крах, и ввиду этого, естественно, встает вопрос, оправдано ли дальнейшее существование самого Комитета. Этот вопрос должен быть поставлен со всей откровенностью. Но каков бы ни был ответ на

только что поставленный мною вопрос, тот факт, что невмешательство провалилось, не подлежит никакому сомнению; а отсюда необходимо сделать надлежащий вывод: именно, что испанскому правительству должно быть возвращено принадлежащее ему право, которым оно пользуется в согласии с международным правом,— право покупать оружие, боеприпасы и другие военные материалы, где ему будет угодно. К такому выводу должны были бы прийти все члены Комитета два с половиной месяца тому назад, после бесплодных дискуссий о британском плане удаления иностранных комбатантов*.

К несчастью, несмотря на чрезвычайную настойчивость этого дела, данный курс не был принят Комитетом. Вместо того британский план был положен под сукно, и сам Комитет в продолжение более двух месяцев находился в состоянии какого-то оцепенения. Результатом явилось то, что иноземная оккупация Испании с каждым днем становилась все более ярко выраженной и вопиющие нарушения невмешательства принимали все более злободневный характер, выражаясь, в частности, в угрожающем росте числа пиратских актов в Средиземном море, учиняемых военными судами и боевыми самолетами «неизвестной» национальности.

Только действия Лиги наций в прошлом месяце заставили некоторые державы изменить свою позицию и побудили их к некоторой активности**. Было заключено и введено в действие Нионское соглашение об искоренении пиратства***, хотя надо еще посмотреть, каковы будут практические результаты этого соглашения. Одновременно проблема иностранных комбатантов в Испании была снова поставлена перед Римом в более настойчивой форме британским и французским правительствами.

Недели три тому назад, сразу же после Нионского соглашения, казалось, что вопрос о добровольцах будет поставлен со всей остротой и в случае невозможности достигнуть быстрого и эффективного разрешения этого вопроса отсюда будут сделаны надлежащие выводы. К сожалению, эти ожидания не оправдались****. По настоянию итальянского правительства вопрос о добровольцах опять был возвращен в наш Комитет. Для чего? Какова была цель этих настояний? Мы пробовали в июле решить проблему добровольцев в Комитете и не смогли прийти к соглашению. С той поры не произошло никаких перемен, которые давали бы нам основание думать, что решить эту проблему в Комитете теперь легче, чем три месяца тому назад. Напротив,— если мы можем отважиться

* См. док. № 232, 236, 243, 264.

** См. док. № 337; газ. «Известия», 20, 30 сентября, 2 октября 1937 г.

*** См. док. № 326, 332.

**** См. док. № 359.

на догадки — это стало, вероятно, труднее. При таких обстоятельствах каков был бы результат? В результате получились бы просто нескончаемые разговоры, длинные дискуссии, ожесточенные споры по тысяче и одному пунктам. Зачем? Для того, чтобы дать время зарубежным друзьям генерала Франко посылать ему еще больше войск, оружия и боеприпасов, отравляющих газов и т. п.? Разве случайность то, что требование вернуть вопрос о добровольцах обратно, в Комитет, исходит от правительства, открыто солидаризировавшегося с делом мятежников? Поступают настойчивые сообщения о предстоящих газовых атаках на республиканские города, — атаках, которые теперь готовятся. Носят еще более настойчивые слухи о сосредоточении крупных иезуемских воздушных сил на Мальорке для предстоящих воздушных нападений на Валенсию, Барселону и другие города республиканского побережья. И как раз в этот момент Комитет приглашает пуститься в бесконечные разговоры вместо того, чтобы быстро действовать!

Разумеется, мы сегодня услышали от итальянского представителя, что он полностью сочувствует французским и британским предложениям. Однако это заявление ни в какой мере не может успокоить нас. Мы уже слышали в прошлом аналогичные заявления представителя Италии по разным поводам, но, несмотря на это, иноземная оккупационная армия в Испании не только не уменьшается в числе, но, наоборот, с каждым днем увеличивается. Действия итальянского правительства резко противоречат его мирным заявлениям, сделанным за этим столом, и потому я смогу поверить таким заявлениям лишь в том случае, если и когда я увижу подтверждающие их действия; но пока мы ничего подобного не видели.

Я оставляю за собой право доложить о позиции моего правительства в отношении предложений, выдвинутых сегодня утром французским послом *. Однако со всей откровенностью должен сказать, что считаю возвращение в Комитет проблемы добровольцев актом, который отнюдь не будет способствовать невмешательству и делу мира в Европе. Речи, которые мы только что слышали от германского и итальянского послов, слишком ясно показывают, насколько я прав в своих опасениях.

Печат. по арх. Оргбл. в «Documents of the Non-Intervention Committee», N. I. S. (C.) (36) 85.

* См. док. № 370.

365. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном

16 октября 1937 г.

Чилстон сообщил мне, что хотел видеть меня еще вчера, но ему помешало нездоровье — ангина, которой он заболел несколько дней тому назад, возвращаясь из Англии. Цель сегодняшнего визита посла — передать нам просьбу Идена поддержать в Лондонском комитете новое предложение английского правительства*. Последнее делает новую попытку спасти систему невмешательства. Если эта попытка не удастся, положение в Испании может принять весьма опасную для общего мира форму. В июле Советское правительство отказало в своей поддержке известному английскому предложению**. Если бы это произошло и теперь, Италия и Германия могли бы в непримиримой позиции Советского правительства найти предлог для срыва нынешнего английского плана, что могло бы иметь чрезвычайно серьезные международно-политические последствия. По поручению Идена посол сигнализирует нам вышеуказанное положение.

Я ответил послу, что как в июле, так и сейчас мы вовсе не желаем противодействовать успеху англо-французской акции. Мы считаем лишь, что отзыв иностранных волонтеров из Испании должен быть полным и немедленным. Если этот отзыв осуществится под надлежащим контролем и при запрещении посылки в будущем в Испанию других волонтеров, создастся положение, при котором мы готовы, вместе с другими участниками соглашения о невмешательстве, обсудить вопрос о признании генерала Франко воюющей стороной. Как видит посол, наша позиция отнюдь не непреклонна. Мы делаем новый шаг навстречу англо-французскому предложению, хотя заранее убеждены, что итальянцы и немцы не пойдут ни при каких условиях на действительный отзыв своих сил из Испании. Что касается предложения об отзыве волонтеров, осуществляемом определенными очередями и в размере известного процента к общему количеству этих иностранцев с той и другой стороны, то такая система представляется нам неприемлемой по двум соображениям. Во-первых, она не учитывает огромного неравенства между мятежниками и республиканцами в смысле количества иностранных войск с той и другой стороны; во-вторых, как сказано, мы против всякой проволочки в данном вопросе, ибо считаем, что положение в Испании может быть урегулировано лишь немедленным отзывом всех волонтеров.

Посол, несколько раз переспрашивавший меня, дана ли нами Майскому директива, соответствующая изложенной мною

* См. док. № 362.

** См. док. № 264.

позиции, заявил мне в заключение беседы, что, по-видимому, он запоздает со своим сообщением Идену об инструкции нашему делегату в Лондонском комитете. Сегодня Комитет возобновляет свои заседания, и возможно, что т. Майский сегодня же выступит со своим заявлением* по поводу предложения английского правительства.

При прощании я предупредил посла, что мы вынуждены будем на некоторое время отсрочить вселение британского военного атташе в освобождающийся дом финской миссии — вследствие необходимости поместить куда-нибудь Кулондра, оказавшегося без крова. Посол отнесся к этому сообщению довольно добродушно.

Потемкин

Печат. по арх.

366. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

16 октября 1937 г.

У Баяра был после того, как Арас предварительно осведомился о цели визита. В ответ на мое поздравление, в котором я отметил его личное влияние на ход переговоров²²⁸, Баяр сказал, что мне, конечно, известны его взгляды и он будет стремиться к расширению наших экономических и политических отношений. Если на первых порах и будут трудности при реализации торгового соглашения, то при доброй воле сторон они будут устранены. Далее Баяр остановился на открытии Назиллийского комбината²⁰⁹, спросил, знаком ли я с его речью, и отметил большое удовлетворение Ататюрка, знакомящегося с комбинатом не только внешне, но и по существу.

Баяр держался больше как министр экономики, чем как премьер. Возможно, что он на первых порах еще очень осторожен, но допускаю, что он так держался по совету Араса.

Залкинд

Печат. по арх.

367. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с Посланником Ирака в Германии эль-Хусейном**

16 октября 1937 г.

Я у иракского посланника принца Зейда эль-Хусейна. Разговор шел об арабских делах. Посланник, между прочим, он-

* См. док. № 364.

** Из дневника Г. А. Астахова за период с 16 по 21 октября 1937 г.

ровергал появившиеся в немецких газетах сведения о движении войск Ибн-Сауда на Акабу. «Ибн-Сауд никогда не станет ссориться с Англией, от которой зависит все благополучие Геджаса и Неджда». На замирение Палестины в ближайшем будущем он также не рассчитывает. «Англия находится в положении мужа, имеющего двух жен. Обе его не любят, а между собой ссорятся». Он отметил усиление итальянской пропаганды на арабском языке. Говорил об усилении связей между Ираком и Пеменом (многие юноши из Пемена отправляются имамом для обучения в Багдад).

Перейдя к отношениям между Ираком и Германией, посланник посетовал на пренебрежительное отношение Германии к представляемой им стране. Германия не хочет идти ни на какие уступки в вопросе о торговле: за продаваемые Ираку машины, сельскохозяйственные орудия и пр. она хочет получать чистую валюту, отказываясь брать финики. Между тем Ирак вынужден делать закупки в Германии, так как германская продукция более приспособлена к местным условиям и дешевле, чем продукция других стран.

Наряду с этим посланник отметил усиленную активность, развиваемую немцами в Афганистане и Иране*. В эти страны непрерывно направляется много летчиков, инженеров и военных. Последовательно растут в Германии (за немецкий счет) видные афганские сапожники (вице-председатель палаты и др.). Директор «Люфтганзы» сообщил посланнику, что уже есть окончательное решение установить регулярную авиалинию Берлин — Кабул через Афины, Дамаск, Багдад и какой-либо из пунктов Ирака (турки по-прежнему отказываются давать инокомпаниям авиатранзит).

О том, какие разговоры вел с немцами иранский министр иностранных дел Самин, посланник не знает. Ему известно лишь, что Самин находится здесь якобы для лечения. Сколь основателен этот предлог, неизвестно.

Посланник говорил о студентах, присылаемых из Багдада на обучение в Германию (а также и в другие европейские страны), проинизировал по поводу нюрнбергского партейтага и «праздника жатвы» и т. п. Он упомянул, что турецкий посол жаловался ему на трения с Германией по торговым вопросам. Германия не дает туркам закупить за вырученные марки те товары, какие туркам необходимы.

Астахов

Печат. по арх.

* См. док. № 58, 84, 123.

368. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
18 октября 1937 г.*

Иден снова пригласил меня к себе *. Застал я его в таком нервном состоянии, в каком никогда не видел. Он прочитал мне шифровку, которую сегодня посылает Чилстону и в которой последнему дается инструкция позвать т. Литвинова непременно сегодня вечером или завтра утром **. Иден узнал от французов о нашей позиции и очень взволновался. Он хотел бы завтра добиться соглашения по следующим пунктам:

- 1) вывод волонтеров в обмен за права воюющих сторон;
- 2) принципиальное признание пропорциональности при выводе с обеих сторон, причем соотношение решается на основании доклада комиссии, посланной на места в Испанию;
- 3) символическая эвакуация.

По вопросу прав воюющих сторон Иден убедительно просил нас принять хотя бы такую формулу: «существенная эвакуация, причем вопрос о том, что такое существенная эвакуация, в надлежащий момент решается Комитетом» (т. е. единогласно). В ходе разговора Иден как бы вскользь бросил угрозу: если итальянцы и немцы примут французский план, а мы останемся на своей июльской позиции, то англичанам и французам ничего не останется, как решить весь вопрос без нас. Это, конечно, больше для того, чтобы нас испугать. Заседание подкомитета назначено завтра в 4 часа по лондонскому (7 часов по московскому) времени ***. В случае надобности телеграфируйте.

Майский

Печат. по арх.

369. Телеграмма Полномочного Представителя и Торгового Представителя СССР в Бельгии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР и Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР

*Немедленно
18 октября 1937 г.*

Сегодня были у Кастера ****, который подтвердил официально предложение о продлении первых шести статей [торговой конвенции *****] до 21 августа 1939 г., считая, что наше еже-

* См. док. № 362.

** См. док. № 372.

*** См. док. № 370.

**** Представитель министерства иностранных дел и внешней торговли Бельгии.

***** См. т. XIX, док. № 408.

годное импортное обязательство по 200 млн. фр. приходится на два календарных года начиная с 1 октября текущего года. Вместе с тем Кастер поставил условием продление дополнительного протокола контингентов лишь на один год. После долгих споров он согласился переговорить с другими ведомствами об ограничении одним годом действия протокола лишь в отношении антрацита. Для дробов и ржи протокол сохраняет силу на сроки, как первые шесть статей. По-видимому, это максимум уступок, которых можно добиться. Срочно сообщите согласие, что позволит в ближайшие дни оформить обмен письмами*.

Рубинин, Сурвилло

Печат. по арх.

370. Заявление Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании И. М. Майского на заседании подкомитета при Председателе Комитета

19 октября 1937 г.

В своей ноте от 29 сентября** я имел честь указать, что, по убеждению Советского Правительства, так называемая политика невмешательства, проводимая через Лондонский комитет, ни в какой мере не достигла своей цели, а именно: не только не предотвратила самого активного вмешательства некоторых государств в испанские дела, но, наоборот, создала ширму, под прикрытием которой мятежные генералы получали за время существования Комитета в постоянно возрастающем количестве подкрепления людьми, самолетами и амуницией. Лондонский комитет не мог помешать тому, что целые сражения с занятием значительной территории и крупных городов проводились почти исключительно иностранными войсками, сражающимися на стороне Франко. Весь мир убежден теперь, что Лондонскому комитету не удалось принять мер, которые ограничивали бы вмешательство в испанские дела, поскольку это касалось помощи генералу Франко, но что эти же меры создали действительное ограничение лишь для снабжения законного испанского правительства. Да иначе и не могло быть при явном нежелании членов Лондонского комитета, помогающих Франко, соблюдать принятые на себя обязательства и при отсутствии какого-либо эффективного контроля. Об отсутствии такого эффективного контроля свидетельствует, между прочим, и принятое французским и английским правительствами и проведенное ими в жизнь решение о снятии морского патруля, как не достигшего своей цели.

* См. док. № 378.

** См. прим. 191.

Предложения, ныне внесенные французским правительством *, по существу сводятся к проведению той же политики так называемого невмешательства, не создавая никакой гарантии ее большей успешности в дальнейшем и не предусматривая никакого эффективного контроля по выполнению обязательства.

Принятие этих предложений создаст, однако, возможность дальнейшей бесконечной дискуссии в Комитете, под прикрытием которой будет продолжаться снабжение мятежников оружием и людьми. Я уполномочен своим Правительством заявить, что оно очень сожалеет, что ввиду этого не может принять на себя ни в малейшей доле ответственности за такую политику, которая уже в достаточной мере доказала свою неэффективность и в то же время вредно и несправедливо отражается на интересах испанского народа и его законного правительства. Если французское, английское и другие правительства считают нужным продолжать эту политику и сколько-нибудь верят еще в возможность ее успешности, Советское Правительство не намерено создавать им в этом затруднения. Однако оно снимает с себя всякую ответственность за нее.

В соответствии с этим Советское Правительство повторяет свое прежнее согласие по вопросу об эвакуации в кратчайший срок всех неиспанских элементов, участвующих в военных операциях **.

Предложение, заключающееся во втором пункте французского плана, представляется ему неясным и недостаточным, но оно согласно на обсуждение вопроса о правах воюющих сторон после окончательной эвакуации всех неиспанских элементов, принимающих участие в военных операциях.

Советское Правительство будет приветствовать немедленную эвакуацию значительного количества неиспанцев с обеих сторон в пропорции, соответствующей действительному соотношению неиспанцев с обеих сторон.

Оно будет приветствовать всякое позорное обязательство о немедленной приостановке отправки не только волонтеров и авиационного материала, но и всех вообще военных материалов.

Что касается усиления контроля, то Советское Правительство считает это полезным лишь при условии возобновления и укрепления морского патруля вдоль испанского побережья, без чего теряют всякий смысл система наблюдателей на судах и сохранение контроля лишь на сухопутных границах.

Советское Правительство считает нужным при этом вновь подтвердить, что оно стоит на точке зрения полного и абсолютного невмешательства иностранных государств в испанские

* См. док. № 362, 374; газ. «Известия», 16, 18 октября 1937 г.

** См. т. XIX, док. № 437.

дела и готово всячески содействовать такой политике, которая в конечном счете действительно привела бы к такому невмешательству. Оно при этом напоминает о резолюции по испанскому вопросу, принятой Шестой комиссией Лиги наций*, каковая резолюция, хотя и не считается формально принятой Ассамблеей, все же налагает известное моральное обязательство на государства, которые участвовали в ее выработке и за нее голосовали.

*Печат. по арх. Олужа, в газ. «Известия»
№ 245 (6498), 21 октября 1937 г.*

371. Нота Временного Поверенного в Делах СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файзу Мухаммед-хану

19 октября 1937 г. № 821

Господин Министр,

В дополнение к личным переговорам, которые я имел 13 октября с. г. с Вашим Превосходительством, а также в дополнение к моему письму от 23 сентября за № 770 настоящим имею честь обратить Ваше внимание на новые случаи нарушения советской границы немецкими самолетами из Кабула. Так, 21 сентября с. г. в 8 часов трехмоторный немецкий самолет пролетел над линией границы на высоте 3000 м от Ишкашима в сторону Лангара, в тот же день в 14 часов самолет пролетел по этой линии в обратном направлении. По той же линии, туда и обратно, немецкий трехмоторный самолет пролетел 23 сентября в 10 и 12 часов. Наконец, 27 сентября немецкий трехмоторный самолет, летевший со стороны Западного Китая, нарушил советскую границу в районе Тахтамыша (протиз Ташкуртана), откуда направился в сторону афганского Вахана. В тот же день трехмоторный самолет, возвращаясь со стороны Западного Китая, пролетел над советской территорией в 3 км западнее советского пункта Кизил-Рабат.

Заявляя по этому поводу протест, я снова прошу Ваше Превосходительство принять решительные меры для расследования и предотвращения означенных нарушений в будущем.

О последующем имею честь просить поставить меня в известность²¹⁰.

Примите уверения в моем совершенном уважении.

Временный Поверенный в Делах СССР
в Афганистане
С. Сычев

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 2 октября 1937 г.

372. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном

19 октября 1937 г.

Чилстон мне заявил, что вчера в течение целого дня он старался связаться по телефону с т. Литвиновым, но ему это не удалось. Он имел в виду передать т. Литвинову персональное сообщение от Идена *, имеющее характер крайней срочности. Ввиду того что время дорого и что заседание Лондонского комитета, к которому относится сообщение, долженствующее быть переданным т. Литвинову, состоится сегодня после полудня, Чилстон считал необходимым просить меня о немедленном приеме.

Сущность сообщения, передаваемого от имени Идена, сводится к следующему.

1. Иден апеллирует к личному содействию т. Литвинова для установления согласованной позиции делегаций Англии, Франции и СССР в предстоящем заседании Лондонского комитета.

2. Иден сигнализирует опасность, которую представило бы использование Германией и Италией отрицательной позиции СССР в отношении франко-английских предложений, вносимых в Комитет.

3. По мнению Идена, не исключено, что Германия и Италия могут и согласиться принять англо-французские предложения. Это создало бы для них наилучшую возможность обвинять СССР в срыве соглашения о выводе иностранцев из Испании.

4. Иден считает, что позиция СССР в предстоящем собрании Лондонского комитета будет иметь решающее значение.

5. Иден выражает надежду, что если прочие участники Лондонского комитета согласятся принять англо-французские предложения, то советская делегация также последует их примеру.

Я повторил Чилстону вышеназложенные основные положения переданного им сообщения Идена. Чилстон подтвердил совершенную их точность. Он заинтересовался, даны ли уже т. Майскому инструкции, определяющие нашу позицию в Лондонском комитете. Я ответил утвердительно. На вопрос Чилстона, к чему они сводятся, я указал, что прежде всего т. Майский должен будет констатировать неудачу системы невмешательства и недействительность практики контроля, принятой Лондонским комитетом. Далее т. Майский подтвердит наше положительное отношение к эвакуации всех иностранных волонтеров из Испании, по осуществлении которой, по нашему мнению, возможно будет и обсуждение вопроса о правах вою-

* См. док. № 368.

ющих сторон. Тов. Майский отметит также, что мы поддерживаем и предложение о немедленной и пропорциональной эвакуации волонтеров с той и другой стороны. Наконец, т. Майский напомнит, что СССР был и остается сторонником полного невмешательства в испанские дела и действительного контроля, обеспечивающего осуществление такой политики *.

Чилстон поблагодарил за эти сообщения и, прощаясь, просил немедленно по приезде т. Литвинова в комиссарнат передать ему содержание сделанных послом заявлений.

Потемкин

Печат. по арх.

373. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемицу

19 октября 1937 г.

1. Сигемицу, демонстрировавший за последние месяцы свое недовольство нами, особенно после появления в «Правде» известной статьи **, и не приходивший в НКВД, даже когда он имел поручения из Токио, попросил приема и, придя, заявил, что он имеет сделать сообщение по рыболовному вопросу. Он не будет утруждать меня объяснениями, считая, что этот вопрос хорошо мне известен. Ввиду того что в этом году истекает срок рыболовного соглашения ***, возникает необходимость в подписании в течение этого года новой рыболовной конвенции. Он имеет инструкцию от своего правительства внести предложение о подписании рыболовной конвенции. В этом смысле он уже послал ноту ²¹¹, которая находится в пути и копия с которой он принес с собой. Он пришел просить, чтобы Советское правительство согласилось с мнением японского правительства о возможно более скором подписании рыболовной конвенции. Он хотел бы знать мое мнение по этому вопросу.

После зачтения ноты Мьякавой я сказал Сигемицу, что доложу моему правительству предложение посла и по получении инструкций приглашу его для сообщения ему ответа на его ноту ****. Ввиду значения этого вопроса, а также ввиду того, что мы уже говорили с ним раньше по этому вопросу ***** , я не хотел бы при этом высказывать свое личное мнение до того, как я получу инструкцию от правительства. Однако у меня есть одно замечание по поводу содержания ноты, насколько я смог усвоить его при беглом слушании. В ноте неоднократно указывается на то, что 9 ноября 1936 г. стороны

* См. док. № 370.

** См. газ. «Правда», 19 августа 1937 г.

*** См. т. XIX, док. № 434.

**** См. док. № 416.

***** См. док. № 168.

пришли к соглашению относительно новой рыболовной конвенции. Такое заявление является неточным. Между Сако и т. Козловским велись предварительные переговоры, результаты которых не были доложены Советскому правительству. Поэтому нельзя говорить, что стороны пришли к соглашению. Советское правительство, не заслушав доклада о ходе и результатах переговоров, не обсуждало их и не выносило решения ни тогда, ни позже.

Сигемицу сказал, что он будет ждать моего ответа. Что касается моего последнего замечания, то ему кажется, что переговоры были доведены до такой стадии, когда оставалось только выполнение формальностей, предусматриваемых внутренним законодательством. Другими словами, новая конвенция была накануне подписания. Касаясь вопроса по существу, он считает, что достижение соглашения в вопросе о подписании новой рыболовной конвенции по многим обстоятельствам является крайне необходимым для обоих государств. На этот момент он хотел обратить мое внимание.

Я повторил, что, как я уже сказал, я доложу Советскому правительству предложение посла. Что касается замечания, что подписание не состоялось только в силу невыполнения формальностей, то это не соответствует действительному положению дела *. Как я уже отметил, ход и результаты переговоров не были доложены правительству. Доклад НКИД, правда, был послан, но не был рассмотрен правительством. Об этом я неоднократно говорил послу и раньше. Таким образом, пока нет решения Советского правительства, нельзя говорить, что стороны пришли к соглашению.

Сигемицу сказал, что, разумеется, неподписанное соглашение не имеет силы, но ему помнится, что была установлена даже дата подписания. Он может проверить это по записи. Во всяком случае, он помнит, что переговоры были закончены и для вступления в силу рыболовной конвенции оставалось только выполнение формальностей. В тексты документов, приложенных к японской ноте, внесены некоторые изменения, вытекающие из того факта, что новая конвенция предназначалась к подписанию не в этом, а в прошлом году. По существу же не внесено никаких изменений к тому, что было достигнуто в результате переговоров Сако — Козловского.

Я сказал, что не хотел бы сегодня вступать в дискуссию с послом. Я только не могу оставить без ответа заявление посла, что конвенция не вступила в силу только потому, что не были выполнены формальности. Как это видно из моих неоднократных прежних сообщений послу, этот вопрос никогда не обсуждался Советским правительством, а раз он не обсуждался, нельзя и говорить, что стороны пришли к соглашению. О де-

* См. т. XIX, док. № 361, 369.

талях же японских предложений в ноте посла сейчас лучше не говорить. Лучше вообще отложить разговор до получения мною инструкций от правительства.

2. После этого Сигемицу перешел к концессионным вопросам *. Он заявил, что ему известно, что в работе концесий имеется ряд препятствий. Он знает, что относительно этого ведутся переговоры между НКТП и концессионерами. Ему известно также, что различные переговоры ведутся между Ниси и г. Козловским. Со своей стороны, он хочет приложить усилия к согласованию мнений между советскими учреждениями и концессионерами и хочет просить моего содействия. Он думает, что по этим вопросам Ниси будет просить еще содействия г. Козловского, но сейчас он выражает пожелание, чтобы советская сторона пошла навстречу концессионерам, чтобы работа на концессиях вернулась к нормальному состоянию.

Тут же Сигемицу заявил, что у него имеется еще одна просьба, которая касается вопроса о выдаче транзитных виз. Последнее время он имеет много жалоб на то, что визы задерживаются. Он обращается ко мне с просьбой ускорить по возможности выдачу транзитных виз, ибо часто лица, ходатайствующие о транзитных визах, ограничены сроками путешествия.

Я ответил, что слышал об имеющихся затруднениях и слышал, что эти затруднения возникают главным образом потому, что концессионеры нарушают концессионные договоры и советские законы **. Было бы полезно, чтобы посол порекомендовал концессионерам вести переговоры по всем вопросам с НКТП и возлагать поменьше надежд на дипломатические переговоры. Практика показывает, что надежды концессионеров на то, что переговоры будут вестись в дипломатическом порядке, стимулируют у них стремление обходить советские законы и концессионные договоры. Что касается конкретных вопросов, то я как следует не информирован.

Что касается вопроса о визах, то я наведу справки в консульском отделе. Однако я должен указать, что ко мне также поступают жалобы о том, что японские власти создают затруднения для советских граждан, едущих в Японию или через Японию. Нужно, чтобы таких затруднений не было.

Сигемицу заявил, что они делают все возможное, чтобы визы выдавались как можно скорее. Поэтому они хотят, чтобы и японским подданным визы выдавались скорее. Он вполне согласен с тем, что переговоры по концессионным вопросам должны вестись с НКТП. Что касается вопроса о нарушении концессионных договоров, то он хотел бы просить меня, чтобы советские власти относились к концессионерам возможно более благоприятно.

* См. док. № 208.

** См. газ. «Известия», 6 августа 1937 г.

Я сказал, что советские власти выполняют обязательства, вытекающие из концессионных договоров, но необходимо, чтобы и концессионеры выполняли свои обязательства. К сожалению, однако, имеется много нарушений. В частности, свертывание работ является тяжелым нарушением концессионных договоров. Концессионеры не могут произвольно прекращать работы, ибо это нарушает интересы государства. Я слышал, что НКТП возмущен действиями концессионеров и послал им серьезное предупреждение. Если бы концессионеры меньше надеялись на дипломатическое вмешательство, они больше соблюдали бы свои договорные обязательства и законы.

Сигемitsu сказал, что, насколько ему известно, вопрос о свертывании работ находится в стадии переговоров между НКТП и концессионерами. Он хотел бы воздержаться от изложения своего мнения относительно содержания этих переговоров, но, насколько он сумел ознакомиться с этим делом, вопрос о свертывании работ на концессиях основан на прошлой практике. Поэтому нельзя с юридической точки зрения согласиться с тем, что свертывание работ является нарушением концессионного договора. Желание японской стороны сводится к тому, чтобы этот вопрос был урегулирован между обеими сторонами, и поэтому он обращается ко мне за содействием.

Я заявил, что не хотел бы входить в дискуссию и по этому вопросу, особенно с юридической точки зрения. Я обращаю только внимание посла на то, что концессионные договоры заключаются в интересах обеих сторон и что если одна сторона произвольно свертывает работы, то это есть нарушение интересов другой стороны. Я не знал, что по этому вопросу ведутся переговоры. Я думаю, что по этому вопросу лучше нам не говорить, а предоставить это дело НКТП и концессионерам.

Сигемitsu сказал, что он не хочет касаться юридической стороны дела. Его желание заключается в том, чтобы найти способы к урегулированию вопросов между обеими сторонами.

Заканчивая на этом беседу, я сказал, что буду рад, если эти переговоры приведут к результатам, которые удовлетворят обе стороны в соответствии с существующими договорами. Мы много раз обращались к нашим органам в связи с обращениями японского посольства, и мы были бы очень рады, если бы и японское правительство со своей стороны приняло все возможные меры к прекращению нарушений договоров со стороны концессионеров. Если переговоры приведут к устранению существующих затруднений, то это нужно будет приветствовать с точки зрения наших отношений.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

374. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Перейать немедленно
21 октября 1937 г.*

Заявите в Комитете *, что итальянские предложения ²¹² не могут преследовать иной цели, кроме дальнейшего затягивания дискуссии и выигрыша времени, в течение которого кадры так называемых волонтеров на стороне Франко будут пополняться. Поскольку Советское правительство уже заявило, что оно снимает с себя политическую ответственность за всю обсуждаемую ныне Комитетом процедуру **, оно не возражает против посылки комиссий в Валенсию и Саламанку для собрания сведений о количестве иностранцев на одной и другой стороне. Комиссиям должен быть, однако, поставлен возможно краткий срок для выполнения миссии. Что касается постановки вопроса о праве воюющих сторон, то Советское правительство по-прежнему считает, что этому должна предшествовать полная эвакуация так называемых волонтеров ***. Предлагаемый символический жест, по мнению Советского правительства, никакого практического значения не имеет, тем более что Франко, при огромном количестве имеющихся у него волонтеров, может набрать несколько тысяч больных или потерявших способность к участию в военных операциях. Во всяком случае, не может быть речи о равном количестве эвакуируемых с обеих сторон, и должна быть установлена пропорция один к пяти.

Литвинов

Печат. по арх.

375. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Иране

21 октября 1937 г.

Пошлите немедленно ноту следующего содержания:

«Господин Министр, согласно полученным мною в беседе с министром путей сообщений г. Ахи сведениям, Иранское Правительство заключило с одной иностранной фирмой договор о строительстве верфи в порту Пехлеви.

По поручению моего Правительства, я имею честь обратить Ваше внимание на то, что постройка верфи в порту Пехлеви при участии иностранной фирмы представляла бы прямое нарушение п. 2 обмена нотами между СССР и Ираном от 1 ок-

* См. газ. «Известия», 24 октября 1937 г.

** См. док. № 370.

*** См. док. № 377, 380, 381.

тября 1927 г. *, в котором предусмотрено, что Иранское Правительство не будет иметь «в течение 25 лет среди своих служащих, рабочих и подрядчиков управления порта иранских подданных».

Придавая настоящему вопросу важное значение, поскольку с ним связаны существенные интересы и обязательства обоих государств, я прошу Вас, по поручению своего Правительства, по возможности в скором времени сообщить мне ответ Иранского Правительства на настоящее обращение к нему Советского Правительства.

Примите и пр.» **.

Стомоняков

Печат. по арх.

376. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

22 октября 1937 г.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Японии имеет честь довести до сведения Императорского Министерства Иностранных Дел Японии о нижеследующем.

Японские власти создали за последнее время для Торгового Представительства Союза Советских Социалистических Республик в Японии крайне ненормальные условия работы, вредно отражающиеся на ведении торговых операций***. Помимо того, что здание Торгпредства окружено со всех сторон полицейскими агентами в форме и штатском, полиция подвергает представителей японских фирм, посещающих Торгпредство, допросам тут же на улице или в их конторах о цели посещения и т. п., вследствие чего ряд фирм отказывается от посещения Торгпредства. Имеются и случаи прямого запугивания со стороны полиции отдельных фирм, которым агенты угрожают «неприятностями» в случае продолжения торговых дел с Торгпредством.

Аналогичное давление, оказанное на редакцию газеты «Кинкай то когу», печатавшей обычно торговые объявления Торгпредства, вынудило ее прекратить прием объявлений, мотивируя это «независящими» от нее обстоятельствами.

Несмотря на неоднократные представления Посольства Министерству Иностранных Дел продолжают и усиливаются преследования со стороны полиции сотрудников Торгпредства — граждан СССР: вторжения в их частные квартиры,

* См. т. X, док. № 227.

** Направлена министру иностранных дел Ирана Самия 20 октября 1937 г.

*** См. док. № 357.

слежка на улицах, в поездах и при исполнении ими их служебных обязанностей по приемке товаров.

Заявляя протест против всех этих незаконных мероприятий японской полиции, направленных против Торгового Представительства СССР в Японии, выполняющего наряду с обычной своей работой также важные функции, предусмотренные договором от 23 марта 1935 г. о продаже КВЖД *, Посольство настаивает на обеспечении нормальных условий для торговой деятельности Торгпредства.

Печат. по арх.

377. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Немедленно
25 октября 1937 г.*

На Вашу телеграмму от 22 октября ²¹³. 1. Настаивайте на том, чтобы доклады комиссий о численности иностранных комбатантов с обеих сторон легли в основу пропорции эвакуации. Указывайте, что если вопрос должен решаться путем торга в Комитете, то незачем посылать комисски, а решить вопрос теперь же.

2. Не соглашайтесь на равное количество при символической эвакуации. Никакого значения, кроме введения в заблуждение общественного мнения, эвакуация по тысяче человек иметь не может, тем более когда, по имеющимся сведениям, лишь на днях в Кадис доставлено три итальянских полка. Не можем допустить равного числа эвакуируемых, даже символически.

3. Заявите, что мы настаиваем на недопустимости предоставления прав воюющих сторон до полной эвакуации иностранцев. Добавьте к этому, что когда Советское правительство убедится, что действительно эвакуирована большая часть иностранцев и новые пополнения мятежникам не доставляются, и усмотрит в этом искреннее стремление соответствующих правительств прекратить вмешательство в испанские дела, то оно, быть может, и согласится на постановку вопроса о предоставлении прав воюющей стороны, но оно должно сохранить за собой самостоятельное право суждения о наступлении такого момента **.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. т. XVIII, док. № 134.

** См. док. № 390, 381.

378. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли СССР Полномочному Представителю СССР в Бельгии Е. В. Рубинину

26 октября 1937 г.

Согласны на продление конвенции до 21 августа 1939 г. * с тем, что контингенты по тропсам и ржи будут продлены на тот же срок, а по антрациту — на один год. Сделайте попытку увеличить контингент по ржи, в чем мы крайне заинтересованы. В случае несогласия бельгийцев по этому вопросу продление конвенции не задерживайте.

Потемкин, Мерекалов

Печат. по арх.

379. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову

26 октября 1937 г.

Принято решение удовлетворить просьбу Амора о принятии на учебу в СССР 58 человек с целью подготовки кадров для эксплуатации узкоколейки Улан-Батор — Налайха, с включением стоимости этой подготовки в общую стоимость постройки железной дороги **.

Стомоняков

Печат. по арх.

380. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
25 октября 1937 г.*

1. Сегодня заседание, продолжавшееся пять часов, отличалось очень бурным характером ***. Символическую эвакуацию удалось провалить. По вопросу о контроле принята приемлемая формулировка (контроль, одновременно на суше и на море, восстанавливается непосредственно перед самым началом эвакуации волонтеров, причем, в случае если эвакуация не состоится или приостановится, французское правительство вправе вновь снять контроль. Формы контроля подлежат уточнению в дальнейшем).

* См. «Собрание постановлений...», отд. I, № 25, 2 июня 1938 г., стр. 402—404 и док. № 359 настоящего тома.

** См. док. № 363, 400.

*** См. прим. 213; газ. «Известия», 28 октября 1937 г.

2. Зато с правами воюющих сторон и пр., как и можно было предвидеть, мы оказались в полной изоляции. Раньше Германия и Италия говорили: сначала права, потом эвакуация. СССР, наоборот, говорил: сначала эвакуация, а потом обсуждение прав. Англия и Франция балансировали между этими двумя крайностями: права после «существенной эвакуации». В июле британский план был провален как нами, так и итало-германцами. Сейчас положение совсем иное: не только англо-французы, но и итало-германцы целиком принимают британский план, т. е. права воюющих сторон в обмен за «существенную эвакуацию». Швеция, Бельгия, Португалия, Чехословакия также поддерживают этот план. Только СССР против. Получается восемь против одного. В течение последних двух дней в Комитете произошла «антисоветская мобилизация». Корбен ездил на «уикенд» в Париж и вернулся оттуда в состоянии явного раздражения против нас. Иден вчера вызвал к себе Гранди, Корбена и Вермана (немецкий поверенный в делах) и договаривался о дальнейшем ходе работ Комитета. Меня Иден на этот раз обошел. В результате на сегодняшнем заседании против нас оказался объединенный «пакт четырех» со всеми своими подголосками.

3. В такой обстановке приемлемого для нас компромисса найти, конечно, не удалось. Все восемь держав поддерживали проект резолюции, в которой для нас являются неприемлемыми два пункта. Во-первых, в преамбуле говорится: «Представители держав в подкомитете согласились принять все 9 пунктов британского плана от 14 июля» и т. д. Во-вторых, в ст. 2 резолюции устанавливается взаимозависимость прав и эвакуации в точном соответствии с британским планом. В остальном против резолюции не приходится возражать. Я протестовал против названных пунктов, была длинная и горячая дискуссия, но в конечном счете получилось — 8 и 1. По вопросу комиссий для учета волонтеров в Испании Гранди сегодня пошел на известные уступки и заявил, что, если состав комиссий и данный им Комитетом наказ будет его удовлетворять, он, пожалуй, будет готов признать цифры, которые они привезут из Испании. Иден, который все время подчеркнуто заигрывал с Гранди, немедленно же истолковал его слова в том смысле, что перед фактическим отъездом комиссий в Испанию все, в том числе и Италия, дадут обязательства считать себя связанными цифрами их учета. Гранди не возражал. В итоге было решено приступить к организации двух комиссий и к выработке для них правил и наказа.

4. В ходе дискуссии Гранди и Монтейро * вполне откровенно поставили вопрос о том, что если СССР не поддержит резолюцию в целом (т. е. включая преамбулу и ст. 2), то надо от-

* Посол Португалии в Великобритании.

казаться от принципа единогласия и считать резолюцию принятой, несмотря на мои возражения. Иден и Корбен в более завуалированной форме высказались в том же смысле. Я тогда в очень решительной форме заявил протест и указал на то, что в Комитете, как и во всех вообще международных конференциях и пр., принцип единогласия до сих пор всегда являлся основой его решений и что таковым он должен остаться и на будущее. Никто мне не возразил, а Иден даже несколько попятился и стал замечать следы. Кроме того, в перерыве я имел личный разговор с Иденом и Корбеном, причем обоим в очень твердой форме заявил, что всякая попытка Англии и Франции игнорировать наш голос в Комитете имела бы весьма неблагоприятные последствия для наших отношений с этими странами. Оба ежились и высказывали надежды, что в конечном счете нам удастся договориться и вопрос о единогласии вообще не будет возбуждаться.

5. В конце концов было решено передать правительствам новый проект резолюции (в общем, как я уже указывал, приемлемый, за исключением двух упомянутых пунктов), причем Идею хотел, чтобы члены «восьмерки» рекомендовали своим правительствам его принять; однако Риббентроп и Гранди, к его немалому разочарованию, отказались рекомендовать и обещали лишь просто передать на рассмотрение. В пятницу, 29 октября, в 10 с половиной утра состоится новое заседание подкомитета, и на нем уже окончательно будет решаться вопрос о том, что делать, если единогласия опять не удастся добиться *. Дополнение следует **.

Майский

Печат. по арх.

381. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
26 октября 1937 г.*

1. Целый ряд симптомов заставляет меня думать, что сегодняшнее соглашение в Комитете между англо-французами и итало-германцами является чем-то гораздо большим, чем случайные комбинации в рамках испанского «невмешательства» ***. Чемберлен, как вы знаете, спит и во сне видит «пакт четырех» ****. Муссолини тоже маневрирует в надежде договориться с Англией и набирает для этого козырей. Гитлер, со

* См. док. № 385, 386.

** См. док. № 381.

*** См. док. № 380.

**** См. также док. № 226, 269.

своей стороны, ищет сближения с Лондоном. Перекинуть мост через все разделяющие «четверку» противоречия не так легко, но несомненно, что на пути всяких попыток договориться между Лондоном и Парижем, с одной стороны, Берлином и Римом, — с другой, сейчас в качестве камня преткновения прежде всего стоит Испания. Есть сведения, что Гитлер недавно рекомендовал Муссолини не очень зарываться в испанском вопросе и не слишком портить свои отношения с Англией и Францией. Если это верно, можно допустить, что «подорог» Италии в Комитете, выявившийся на заседании 20 октября²¹², вызывается не только желанием затянуть комитетские дискуссии, а тем временем похрюкать Франко подкрепление, но также и стремлением расчистить путь для итапо-английских переговоров, которые все никак не могут начаться. Такая расчистка тем более возможна, что англичане удовлетворятся бы очень небольшими уступками со стороны Муссолини в испанском вопросе. Они вовсе не стремятся к полной эвакуации итапо-германских войск, ибо в этом случае победа испанского правительства стала бы несомненной, а такой победы они не хотят. Английское правительство стремится к созданию в Испании «среднего» правительства, предпосылкой чего является перманентное равновесие на фронте и «мир без победителей и побежденных». Отсюда эта преобладающая формула — «существенная эвакуация», которая даже в случае своей реализации оставила бы у Франко столько итапо-германцев, сколько, по мнению англичан, необходимо для предупреждения победы республиканцев. Конечно, все эти расчеты английского правительства под влиянием факторов, над которыми оно не властно, могут не оправдаться, но таково его настроение. Не является ли в таком случае то, что было продемонстрировано сегодня в подкомитете, лишь завязью, из которой при известных условиях можно вырастить «пакт четырех»?

2. Не только сегодняшнее заседание, но и ряд полученных после него сведений с несомненностью свидетельствуют о том, что английское правительство мыслит сейчас с мыслью как-нибудь «отделаться от СССР» в испанском вопросе. Среди журналистов, ясно по явной инспирации форин-офиса, вечером ходили версии о том, что может быть создан чуть ли не какой-то комитет по испанским делам, но без нас. На практике, конечно, не так-то просто сбросить со счетов СССР в испанских делах, но, во всяком случае, весьма характерно, что подобные мысли пускаются в оборот из форин-офиса.

3. Учитывая все вышесказанное, мне кажется, что сейчас перед нами две альтернативы в отношении нас: или пойти на пролом с риском, что при известных условиях нам, может быть, придется выйти из Комитета и вернуть себе свободу действий, или же пойти на известный компромисс с англо-французами. Какая бы альтернатива ни была выбрана, я считал бы

очень полезным произвести немедленно (с таким расчетом, чтобы эффект мог почувствоваться уже на заседании подкомитета 29 октября) серьезный нажим на французское и английское правительства. Самое лучшее, если бы т. Литвинов надлежащим образом побеседовал с Чилстоном и Кулондром и может быть, поручил мне и Сурицу сделать аналогичный шаг в Лондоне и Париже. Хорошо было бы также апеллировать к общественному мнению Франции, в Англии, само собой, я это сделаю. Если бы из двух указанных альтернатив была выбрана вторая, то одновременно надо было бы подумать о каком-либо предложении с нашей стороны по вопросу о правах воюющих сторон и т. д. В разговоре со мной Иден как-то сказал: а не проще ли фиксировать «существенную эвакуацию» в цифрах? Например, не признать ли ее равной 60—70% всего числа волонтеров? Может быть, стоило бы пойти по этому пути и в случае достижения соглашения о цифре поддержать британский план или, по крайней мере, воздержаться. Или что-либо еще придумать. Жду от вас указаний *, которые желательно было бы получить 28-го утром, ибо заседание назначено на 29-е утром и мне нужно иметь еще известное время для подготовки или перевода какого-либо заявления и т. п.

Майский

Печат. по арх.

382. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 октября 1937 г.

Был сегодня у Хэлла, только что вернувшегося из Канады. Он спросил меня, каково мое мнение о международном положении. Я сказал: «Хуже, чем перед моим съездом [в отпуск]. Особенно плохо, что агрессоры думают, что они могут безнаказанно делать что угодно». Хэлл стал по этому поводу возбужденно говорить, что хуже всего именно то, что глупые пацифисты стараются уверить Токио, что Америка ни при каких условиях не будет воевать, они обладевают наших друзей Японии больше, чем сами японские милитаристы, они изображают американцев как трусов (cowards).

Я заметил, что пацифисты не понимают, что многие страны сейчас находятся под большей угрозой в случае успеха агрессоров, чем во время последней мировой войны в случае победы Германии. Теперь речь идет о господстве Германии в Европе и Японии — в Азии. В случае их успеха Южная Америка тоже попадет под их влияние. Соединенные Штаты не будут себя чувствовать дома в своей стране.

* См. док. № 386.

Хэлл вполне согласился с этим, указав, что Соединенные Штаты не могут увести свой флот в трехмильную зону и ограться железной сеткой от внешнего мира. К сожалению, по его словам, никто ничего не хочет сделать, его выступление в июле и в августе не нашло надлежащего отклика.

Я поправил, что Литвинов немедленно откликнулся положительным образом *, но я не знаю, что Соединенные Штаты будут и могут делать, а также Великобритания.

Хэлл опять заволновался и заявил, что англичане ссылаются на то, что они не знают, что будет делать СССР. Я сказал, что я не уполномочен делать конкретных предложений, но я хотел бы знать намерения США.

Хэлл ответил, что сейчас преждевременно говорить о военных действиях или экономических санкциях, но следует думать о мобилизации мнений стоящих за мир стран, например на почве программы, привезенной им из Буэнос-Айреса **. Было бы большим плюсом, если бы США, Великобритания и Советский Союз объединились на почве этой программы, а вслед за ними к ней присоединились бы еще 35 стран.

Я сказал, что мое правительство, вероятно, не откажется обменяться мнениями по этому поводу и с США, и с Великобританией. Может быть, оно согласится обратиться вместе с Великобританией и США с воззванием к другим странам. Если г. государственный секретарь сделает подобное предложение, мы, вероятно, отнесемся к нему сочувственно.

Тогда Хэлл сказал мне, что подождем Брюссельскую конференцию ***, пусть она попытается найти мирные средства, а потом подумаем.

Далее он заметил: жаль, что некоторые микроскопические вопросы (намек на претензии ****) омрачают наши отношения. Я сказал, что, если мы их подыдем, мы рискуем омрачить горизонт значительно сильнее. Он расспрашивал о положении в СССР.

На прощание он просил считать разговор конфиденциальным и, если у меня явится какая-либо идея, чтобы я пришел с ней к нему.

Я думаю, что форсировать не надо, но надо подумать о дальнейших разговорах.

Трояновский

Печат. по арх.

* См. док. № 260.

** См. газ. «Известия», 3. 8 декабря 1936 г.

*** См. док. № 404, 408, 421.

**** См. т. XIX, док. № 38.

383. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Германии Г. А. Астахову

27 октября 1937 г.

Вчера Шуленбург, только что вернувшийся из Берлина, подтвердил мне свое недавнее сообщение, что германское правительство возражает против учреждения наших консульств в Бреславле и Мюнхене *. Посол добавил, что наше предложение о сокращении числа германских консульств в СССР германское правительство считает неприемлемым как по принципиальным, так и по практическим соображениям. Однако, «чтобы не обострять взаимоотношений» с нами, германское правительство согласно закрыть свои консульства в Одессе и Владивостоке. Я заявил Шуленбургу, что во всяком случае должно быть закрыто и консульство в Ленинграде. Что касается остальных, то я предупредил посла, что если мы не получим консульств в Бреславле и Мюнхене, то и немцам придется сохранить в СССР не более двух консульств.

Потемкин

Печат. по арх.

384. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Ираке

27 октября 1937 г.

За последнее время мы имеем дополнительную информацию о росте германской активности в Иране. По сведениям нашего полпредства в Париже, в ближайшее время в Тегеран едет ближайший сотрудник Шахта по Рейхсбанку Вольгат для активизации коммерческих переговоров **. Вольгат намеревается ставить вопрос об участии Германии в индустриализации каспийского побережья, а также о германском участии в рыбных промыслах Каспия. По тем же сообщениям, германская фирма «Гутехофнунгсхютте» уже получила заказ на электростанцию (не вполне ясно, имеет ли этот заказ отношение к прикаспийским провинциям,— просим проверить). Из бесед нашего поверенного в делах в Берлине с иракским посланником выяснилось, что германское проникновение в Иран и Афганистан через Ирак усиливается ***. Иракский посланник заявлял, что в самом Ираке Германия воздерживается от активизации своей торговли и, в частности, отказывается от закупок фиников, требуя уплаты валютой за поставляемые ею машины

* См. док. № 353, 410.

** Имеется в виду телеграмма Я. З. Сурница в НКВД СССР от 19 октября 1937 г.

*** См. док. № 367.

и сельскохозяйственные орудия. По сведениям иракского посланника, немцы расширяют свою деятельность в Иране и Афганистане не только по линии торговли, а заслали туда значительное количество офицеров, летчиков и техников (необходимо эти сведения тщательно проверить и конкретизировать). По сведениям, полученным нашим подпредством в Берлине от иранского поверенного в делах, торговля между Германией и Ираном, несмотря на трудности с расчетами по клирингу, выросла в два раза против прошлого года*. Иранские товары продаются в Германии по более высоким ценам, чем в Англии, хотя германским правительством установлены твердые цены по иностранным закупкам. Это последнее сообщение указывает, что, несмотря на нехватку в Иране сырья для покрытия иностранного импорта (что мы в особенности чувствуем на себе) и несмотря на сообщения, поступившие от подпредства и наших консулов, о приостановке германского машинного импорта в Иран ввиду отсутствия покрытия, товарооборот между Ираном и Германией все же растет. Подпредству необходимо этот вопрос специально обследовать, осветив нам, по каким статьям импорта и экспорта происходит увеличение германо-иранской торговли²¹⁴. Необходимо для этого мобилизовать и статистические данные, и другие источники. Для нас этот вопрос помимо его общеполитического значения имеет и серьезный оперативный смысл (для обсуждения в ЦКВТ перспектив нашей торговли с Ираном в четвертом году торгового договора** высказывались предположения, что внешнеторговый оборот Ирана ввиду нехватки иранского сырья будет, по-видимому, сокращаться, и в частности по торговле с Германией; на этой основе был поставлен вопрос и о возможном сокращении наших контрактов с Ираном в будущем году).

Парижское сообщение о предстоящей поездке в Тегеран Вольтата характерно в особенности тем, что с этой поездкой связывается участие Германии в индустриализации каспийского побережья. Таким образом, вопрос стоит не об усилении германского индустриального экспорта в Иран, а о планах германского внедрения на каспийском побережье под флагом участия в развитии промышленности, рыбных промыслов и т. д. Подписание недавно германской фирмой контракта с иранским правительством на постройку в Пехлеви дока или верфи показывает, что немцы уже приступают к реализации этих планов и что за ними, по-видимому, имеется предварительная договоренность между Германией и Ираном.

Таким образом, после ряда вышних представлений иранскому правительству о деятельности немцев в Иране и несмотря на

* Беседа временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с Дайгарди состоялась 22 октября 1937 г.

** См. т. XVIII, том № 358: «Соборные записки», отд. II, № 7, 13 февраля 1937 г., стр. 73—133.

ряд заверений со стороны иранского правительства, что оно относится осторожно к германской активности в Иране и не допустит враждебной нам германской деятельности (на эту тему Самин давал заверения и в Москве, и в Женеве) *, практически наблюдается установление все более тесного ирано-германского сотрудничества, и в частности в прилегающих к нам провинциях Ирана. Разумеется, нам придется принимать все меры для того, чтобы не допустить германского внедрения в прилегающие к СССР районы Ирана, и в особенности на каспийском побережье. Вам уже были даны указания о посылке ноты по поводу контракта с германской фирмой на постройку дока в Пехлеви **. В этом вообще имеется прямое нарушение иранским правительством его обязательств по соглашению о порте Пехлеви ***, где совершенно точно оговорено, что управление Пехлевицкого порта не будет иметь иностранных граждан ни в качестве рабочих и служащих, ни в качестве подрядчиков.

По-видимому, наши многочисленные разговоры с иранским правительством о немцах создали у иранцев впечатление, что наша обеспокоенность в этом вопросе является удобной почвой для шантажирования нас немцами и что, с другой стороны, наши разговоры о немцах превратились в бытовое явление, утратив свою остроту. Я считаю поэтому необходимым прекратить разговоры о немцах с иранцами по всякому поводу и не делать разрозненных представлений иранскому правительству, с тем чтобы последние делались каждый раз с санкции Москвы и с конкретной целевой установкой. По-видимому, в ближайшее время нам придется сделать такое представление в связи с попыткой германского внедрения на каспийском побережье ****. Для этого Вам необходимо подобрать материалы, характеризующие германскую активность в северных провинциях и в прикаспийских районах **. Обратите особое внимание на работу иностранцев в портах и в Управлении портов Каспийского моря (мы имеем в виду возможность использовать постановления обмена котами к торговому договору 1935 г. против использования иностранцами специалистами в иранских портах своего служебного положения вне пределов возложенных на них обязанностей).

Выясните задачи поездки Вольфата, а также содержание и результаты его переговоров в Иране. Полагаю, что на ближайшее время Вам можно будет ограничиться 1—2 беседами с кем-либо из наиболее крупных политических деятелей Ирана на тему о немцах, подчеркивая, что Вы говорите неофициально и

* См. т. XIX. док. № 336, 368, 388, 438 и док. № 84, 320, 375, 394, 445 настоящего тома.

** См. док. № 375.

*** См. т. X. док. № 227.

**** См. док. № 304, 445.

лишь в порядке личной откровенности, как друг Ирана и сторонник налаживания советско-иранских отношений. Скажите, что Ваша работа весьма затрудняется фактами, указывающими на благожелательное отношение иранского правительства к развитию германской активности в Иране, в особенности в северных провинциях, которая не может не преследовать агрессивных целей, может быть, без ведома иранского правительства. Скажите, что в Москве растет негодование по поводу этих фактов и что Вы не можете объяснить Москве характер германо-иранского сотрудничества. Скажите, что Самии в беседах с т. Стомоныаковым в Москве и с т. Литвиновым в Женеве давал успокоительные разъяснения и обещания по поводу немецкой активности в Иране. Однако факты говорят об обратном, и германо-иранское сотрудничество заходит слишком далеко во вред советско-иранским отношениям и с угрозой вовлечения Ирана в агрессивные планы Германии и в возможность международных конфликтов. Такое предприятие, как германская воздушная линия до Кабула, имеющая мирную внешность, в действительности также прикрывает германские агрессивные планы *. Разумеется, все это создает атмосферу, неблагоприятную для развития советско-иранских отношений и затрудняющую благожелательное разрешение вопросов, интересующих обе стороны. Вы высказываете это совершенно в частном и личном порядке, выражая беспокойство за судьбы советско-иранской дружбы и за судьбы самого Ирана.

По вопросу о доке в Пехлеви мы дадим Вам дополнительные указания по телеграфу **, когда выяснятся результаты посланной Вами ноты.

Зам. Наркома
Б. Стомоныаков

Печат. по арх.

385. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
27 октября 1937 г.*

Меня сегодня вечером пригласил Иден и, не приводя никаких новых аргументов, вновь долго убеждал пойти на соглашение с комитетской «восьмеркой» ***. В разговоре он вентилировал два возможных варианта:

I. СССР обвиняет на заседании 29-го британский план и одновременно заявляет, что совершенно изверился в невмеша-

* См. т. XIX, док. № 252 и док. № 35, 58, 84, 123 настоящего тома.

** См. док. № 445.

*** См. док. № 363, 380, 381, 386.

тельстве, что готов ждать еще известный срок (3, 4, 5 недель) и, если за это время эвакуация волонтеров не сдвинется с мертвой точки, он выходит из состава Комитета со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2. Подкомитет устанавливает в процентах, что надо понимать под выражением «существенная эвакуация», после чего мы голосуем за британский план. При этом Иден заявил, что «существенная эвакуация» должна покрывать во всяком случае не менее 50%, но лично он готов был бы ее фиксировать даже на 70%.

Я, разумеется, ни в какой мере не ангажировался в связи с этими проектами. Далее Иден спросил меня, какое впечатление на меня произвело вчерашнее заседание, на это я ответил: «Пакт четырех» в действии против СССР». Иден смущенно засмеялся и стал оправдываться, заявляя, что мы будто бы сами виноваты в том, что в подкомитете сложилось то соотношение сил, которое наблюдалось вчера. Это, однако, отнюдь не означает, что британское правительство питает пристрастие к идее «пакта четырех». В доказательство он велел привести шифровку, которую сегодня отправил Чилстону, и прочитал мне ее. В этой весьма длинной телеграмме Чилстону давалась инструкция ввиду особой ответственности момента и важности стоящих на очереди вопросов просить о свидании с г. Сталиным*. Далее в шифровке говорилось, что в результате занятой СССР позиции Комитет должен либо поставить крест над последней попыткой вывода волонтеров и признать безвыходность невмешательства, либо пойти на осуществление британского плана, игнорируя раздражения. Ни то, ни другое британское правительство не устраивает. Чилстону поэтому поручается приложить максимум усилий к тому, чтобы убедить Советское правительство в необходимости пойти на соглашение и поддержать британский план. Он должен также указать, что вольно или невольно, но СССР играет сейчас «германскую игру». В заключение говорилось, что если Чилстона будут спрашивать об отношении британского правительства к «пакту четырех», то он должен сказать, что, хотя британское правительство не исключает возможности его заключения в качестве первого шага к европейскому умиротворению, оно в течение последних двух лет несколько раз отказывалось от переговоров с Германией о таком пакте без гарантии интересов СССР и вообще Восточной Европы и что та же политика будет сохраняться и в дальнейшем, однако в данном пункте формулировка была несколько более расплывчатая. Подчеркивая конец шифровки, Иден сказал: «Чего же вы еще хотите?» Не вступая с ним в спор по вопросу о «пакте четырех», я заинтересовался, как это британское правительство

* См. док. № 390.

мыслит себе возможность принятия британского плана помимо нас. Иден опять несколько смутился и сказал, что точные формы сейчас предвидеть трудно, но что Италия, Германия предлагают заключение «четверного» соглашения о выводе воюющих и о правах воюющих сторон, к которому могли бы примкнуть все желающие. Правда, Риббентроп в связи с этим сильно беспокоился по поводу поставок оружия в Испанию из СССР, который в подобных обстоятельствах, очевидно, вернул бы себе полную свободу действий, однако, передавая мне это, Иден скороговоркой бросил: «Ну, тут кое-что могло бы быть сделано». Под конец Иден еще раз убедительно просил сделать на ближайшем заседании соглашение возможным. В общем, вся беседа произвела на меня впечатление странной смеси уговора и угрозы.

Майский

Печат. по арх.

386. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

*Немедленно, еще одной очереди
23 октября 1937 г.*

Завтра скажите в Комитете еще раз, что снимаем с себя всякую ответственность за англо-французские предложения, участвуя в решении лишь тех вопросов, которые можно считать ведущими к действительному невмешательству*. Так как вопрос о признании прав воюющей стороны, как Вами заявлялось в самом начале, ничего общего с невмешательством не имеет, то Вы по данному вопросу при голосовании воздерживаетесь. В случае вопроса, считаем ли мы себя связанными прежними обязательствами, ответ должен быть: в такой же мере, как другие члены Комитета.

Чилстон сегодня действительно просился к Сталину, но принят им не будет с указанием, что он последнее время вообще воздерживается от приема дипломатических представителей, которым он рекомендует обращаться к установленным советским инстанциям.

Для Вашего сведения сообщаю, что приглашение в Брюссель сегодня получено и нами будет принято**.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 370, 380, 381, 385; газ. «Известия», 1 ноября 1937 г.
** См. прим. 201, док. № 389.

387. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Венгрии о беседе с Заместителем Министра Иностранных Дел Венгрии Апором *

28 октября 1937 г.

Чтобы сообщить венгерскому правительству о нашей позиции в отношении домогательств японской дипломатии ²¹⁵, я сегодня под предлогом предстоящего моего выезда из Будапешта был принят заместителем Канья статс-секретарем Апором.

Вкратце обменявшись с ним впечатлениями о сегодняшней речи министра-президента Даранья при открытии парламента, я незаметно перешел к настоящей теме моей беседы и, используя высказанное Апором возмущение по поводу бесчинств над китайцами, развил всю ту аргументацию, которая была преподана мне Вашей телеграммой. В заключение я сослался на последнюю речь лидера крестьянской оппозиции Тибора Экхардта, и особенно на ту ее часть, где Экхардт заявил «о смертельной опасности для Венгрии, если она станет инструментом воинствующей политики какой-либо великой державы. Венгрию в таком случае ожидала бы участь Галиции в прошлой империалистической войне, и войска иностранных государств разорили бы ее территорию». Я закончил тем, что мирная внешняя политика, которую не раз возвещало венгерское правительство, и заверения о несклонности его на авантюры заставляют меня недоумевать в связи с упорно носящимися слухами.

Терпеливо выслушав меня, Апор в решительной форме заявил, что эти слухи абсолютно ни на чем не основаны и что он впервые слышит о возможности японских чаяний в отношении Венгрии. «У нас по горло своих забот, и мы не думаем ввязываться в какую-нибудь иностранную комбинацию. Мы великолепно сознаем, что мы — маленькая страна, сильно пострадавшая в итоге прошлой войны, и наша искренняя готовность нормализовать наши взаимоотношения с окружающими нас странами уже достаточно говорит о характере нашей мирной политики. Но даже если бы кому-либо в голову пришла мысль об антисоветском блоке нашем с Японией, то неужели мы не сознавали бы, что радиус нашего как политического, так и культурного и морального воздействия не соответствует подобным авантюрам».

Коснувшись дальше упомянутой мною в начале нашей беседы опасности экспансии праворадикальных элементов в Венгрии, Апор заявил, что, как это видно также из сегодняшнего экспозе в парламенте министра-президента Даранья, консолидация мира во внутренней политике и мирные взаимоотношения со всеми странами во внешней политике являются осно-

* Из письма А. А. Беквадана М. М. Литвинову от 28 октября 1937 г.

вой политической программы венгерского правительства. «Мы уверены. — сказал он в заключение, — что с внутренними неурядицами мы справимся сами, а осуществление нашей мирной внешней политики, прежде всего в отношении Малой Антанты, зависит прежде всего от того, как будет Малая Антанта впредь трактовать венгерские национальные меньшинства на своей территории. Повторяю, что фантастическим планам и авантюрам в нашей политике не может быть места, и прошу Вас опровергнуть эти слухи».

Убедительнее всего в ответе Апора мне кажется его ссылка на «незначительный радиус воздействия Венгрии»; что же касается искренности данного мне ответа, то контролирующим моментом является, по-моему, та беседа с Апором, которую имел на днях с ним небезызвестный Вам по процессу Ракоши проф. Рустем Вамбери. О радикальном образе мышления и о резкой враждебности его к политике венгерского правительства Вам, должно быть, известно. Два три тому назад завтракал у меня проф. Вамбери, и после завтрака, давая уничтожающую критику внутривнутриполитической половинчатости венгерского правительства и бессилия в борьбе с праворадикальными течениями, Вамбери, однако, подчеркнул, что в вопросах внешней политики ни Дараңи, ни Канья и даже ни сам Хорти при данных условиях на авантюру не были бы способны, если бы даже этого они желали. В частности, Вамбери в подкрепление этого своего взгляда ссылался на интимную беседу, которая у него была на днях с тем же самым Апором.

А. Бекзаян

Печат. по арх.

388. Сообщение Временного Поверенного в Делах СССР в Германии о беседе с советником Министерства Иностранных Дел Германии Шлипом *

28 октября 1937 г.

Получив от НКВД сообщение о предстоящем прибытии наших моряков** в Вильгельмсхафен, я дал т. Терлецкому*** указание выехать туда для их встречи, затем доставить их в Гамбург, поместить в гостиницу, где они должны находиться до прихода нашего парохода, относительно которого была договоренность с т. Романовым. В соответствии с этим т. Терлецкий 27-го приехал в Вильгельмсхафен, где установил контакт с властями, обещавшими ему немедленно сообщить о прибытии парохода с моряками. В течение 27-го и ночи с 27-го на 28-е такого сообщения сделано не было.

* Из дневника Г. А. Астахова за период с 28 по 30 октября 1937 г.

** Речь идет о части экипажа «Комсомола», см. док. № 7.

*** Генеральный консул СССР в Гамбурге.

Лишь около 3 часов дня 28-го т. Терлецкий позвонил мне, сообщив, что он только что узнал, что ожидавшийся пароход прибыл накануне в 10 часов вечера, причем власти, вопреки обещанию, ничего об этом т. Терлецкому не сообщили. Все наши моряки перешли «в распоряжение гестапо», какое впрямь до указаний из Берлина не допускает к ним нашего консула. Тов. Терлецкий добавил, что, по его сведениям, среди моряков имеются тяжело больные, но никакой помощи оказать он им не может, так как они от него изолированы.

Я немедленно сделал заявку аусамту и был принят Шлипом в 7 часов вечера. Изложив ему создавшееся положение, я сказал, что мы крайне возмущены совершенно ненормальным обращением властей Вильгельмсхафена с нашими моряками. К людям, никогда не бывавшим в Германии и не могшим совершить абсолютно ничего, что задевало бы ее интересы, сразу применен режим, которому подвергаются преступники или подозреваемые в преступлении. Наши моряки прибыли в Германию после долгих месяцев мучительных испытаний и могли рассчитывать, что попали в страну хотя бы нейтральную. С ними же сразу начинают обращаться как с врагами, к которым не допускают даже нашего консула. Это лишает нас возможности облегчить их участь и одновременно глубоко оскорбительно. Я прошу аусамт срочно вмешаться и положить конец подобному положению.

Шлип, сославшись на то, что ему ничего не известно, стал высказывать предположения, что задержка моряков объясняется, вероятно, карантинными соображениями и необходимостью проверки, поскольку у них отсутствуют необходимые документы. Несомненно, с ними обращаются хорошо, и материальной нужды они не чувствуют. Во всяком случае, он завтра же утром (сегодня никого уже застать нельзя) снесется с соответствующими властями и постарается сделать все возможное. Шлип попытался даже упрекнуть меня в излишней горячности и в том, что мы, мол, забываем, как много сделало германское правительство для освобождения моряков.

Я ответил, что пришел не за тем, чтобы обсуждать вопрос о моряках во всем объеме, — сейчас не до этого, но положение в данный момент ненормально и оскорбительно даже в том случае, если наши моряки находятся в хороших условиях. Для карантинных и других процедур их могли поместить в какое-либо помещение в портовой зоне, известив нашего консула и совершенно не привлекая к этому делу полицию, которой принято передавать лишь действительных или предполагаемых преступников.

Шлип ограничился повторением вышеприведенных аргументов, заверив, что на следующее утро он сделает все возможное и сообщит мне о результатах.

Я сообщил Шлипу, что за моряками зайдет 31-го из Лондона пароход «Жданов» в Хольтенау, на что Шлип согласился.

Г. Астахов

Печат. по арх.

389. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Миссии Бельгии в СССР

29 октября 1937 г. № 3.3.820-Б

Подтверждая получение вербальной ноты Бельгийской Миссии от 28-го сего месяца, которой Советское Правительство приглашается принять участие в назначенной на 3 ноября с. г. конференции в Брюсселе, Народный Комиссариат Иностранных Дел имеет честь сообщить, что хотя СССР не является участником Вашингтонского договора, но, учитывая, что конференция в Брюсселе созывается в соответствии с решением Ассамблеи Лиги наций от 6-го сего месяца *, Советское Правительство, как заинтересованное в делах Дальнего Востока, изъявляет готовность принять участие в означенной конференции.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 254 (5416), 30 октября 1937 г.

В упоминаемой ноте, врученной посланником Бельгии в СССР Ле Телье народному комиссару иностранных дел СССР, говорилось:

«В согласии с правительствами государств-участников договора девяти держав, давших согласие участвовать в конференции указанных правительств, которая будет иметь место 3 ноября 1937 г. в Брюсселе, с целью рассмотреть, согласно ст. 7 договора, положение на Дальнем Востоке и изучить полюбовные способы ускорить окончание достойного сожаления конфликта, который там свирепствует, Королевское Бельгийское Правительство имеет честь пригласить Правительство Союза Советских Социалистических Республик также участвовать в этой конференции».

390. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

29 октября 1937 г.

Чилстон, получив отказ Сталина, вчера просил свидания со мною, и я согласился принять его даже вчера поздно вечером, но он предпочел прийти сегодня **. Он мне изложил просьбу Идена приблизительно в тех же выражениях, в каких Вы писали. Я ему пояснил, что мы коренным образом расходимся с Англией и Францией в оценке политики невмешатель-

* См. док. № 354; газ. «Известия», 6. 8 октября 1937 г.

** См. док. № 385, 386.

ства. Мы считаем, что она полностью обанкротилась и не может привести к сколько-нибудь заметной эвакуации волонтеров и прекращению вмешательства, что Англия и Франция делают Италии одну уступку за другой и мы за ними на этом пути поспевать не можем. Мы предпочитаем иногда оставаться в одиночестве, чем делать дурные вещи сообща с другими, и поэтому нас изоляция не пугает. По первой просьбе Идена, переданной через Майского*, мы уже сделали значительную уступку, которая все же Идена не удовлетворяет. Дальше идти мы не можем. Нас, может быть, устроило бы принятие решений большинством голосов и отказ от принципа единогласия, но вряд ли на это согласятся итальянцы и немцы, и поэтому в результате новой просьбы Идена и вчерашнего обращения ко мне французского посла я дал инструкцию воздержаться по вопросу о правах воюющих [сторон], полагая, что это удовлетворит Идена. Я напомнил Чилстону вопросы, которые Иден устно Вам ставил в Комитете, из чего вытекало, что Идену желательно было наше воздержание.

Я считаю, что Вы были слишком категоричны в своем ответе, что мы не желаем быть наблюдателями и намерены активно во всем участвовать. Эта категоричность, действительно, как бы противоречит заявлению о возложении на ответственности за решения на других, но я понимаю затруднительность Вашего положения. Я считаю также неправильным, что Вы говорили Идену о якобы имеющемся уже «пакте четырех». Вы не должны проявлять излишнего беспокойства и нервничания по поводу разговоров о пакте и изоляции.

Чилстон также просил ответа относительно парижского соглашения морских экспертов, и я мог ему сообщить лишь о нашем ответе Дельбосу^{2:6}. Вы должны были получить от Сурица копию нашей ответной ноты Дельбосу, которую прошу Вас на всякий случай показать или передать для сведения форин офису.

Литвинов

Печат. по арх.

391. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
29 октября 1937 г.*

Сегодня перед заседанием я зашел к Идену и информировал его о характере полученных мной директив**. Он был доволен, но выражал опасение, что Гранди и Риббентроп все-

* См. док. № 362, 368.

** См. док. № 385, 390.

таким образом будут заявлять протест. Потом он пригласил Плимута, и мы втроем обсуждали план сегодняшнего заседания. Иден давал Плимуту твердые инструкции считать наш ответ удовлетворительным, настаивать на немедленном переходе к практическим вопросам и добиваться установления определенного срока для представления комиссией своего отчета о количестве волонтеров в Испании. Несколько позднее Плимут действительно пытался проводить директивы Идена, но по причине, которая подробно изложена в сегодняшней телеграмме ТАСС*, без большого успеха.

Потом я говорил с Корбеном, который тоже обещал поддерживать линию, намеченную Иденом. На заседании, однако, Корбен вел себя как самая последняя слякоть, и толку от него мало. Впрочем, самым важным результатом моей новой директивы было то, что «пакт четырех», сложившийся на прошлом заседании**, расстроился, и, наоборот, создавалась группа трех (СССР, Англия, Франция), которая все время выступала против Германии, Италии и Португалии. Конечно, на следующем заседании расстановка сил вновь может измениться, но пока мы можем быть довольны: наше воздержание забило клин в недавний «пакт четырех».

Само заседание, продолжавшееся пять часов, носило совершенно кошмарный характер. Риббентроп и особенно Гранди распоясались как никогда. Они были страшно раздражены тем, что моя новая директива спутала все их карты, и вели себя нагло и глупо. Это не исключает того, что к следующему заседанию они могут опомниться и несколько «поумнеть». Плимут под конец был в совершенном отчаянии и заявил о том, что ближайшее пленарное заседание должно окончательно решить судьбу невмешательства. Боюсь, что это только громкие слова, которые мы не раз уже слышали из уст Идена и Плимута. Недаром в тронной речи короля, произнесенной 26 октября, вновь повторяется, что английское правительство в испанском вопросе будет придерживаться политики невмешательства.

Судя по сегодняшнему заседанию, тактика фашистов, очевидно, будет состоять в том, чтобы, не удовлетворяясь нашим воздержанием, категорически требовать признания нами всего британского плана целиком, грозя в противном случае отказом от эвакуации волонтеров и сваливая вину за крах британского плана и невмешательства на нас. Если фашисты действительно пойдут по этому пути, наше положение будет неплохим. Воздержание сильно укрепило нашу позицию в глазах британского общественного мнения, и, кроме Роттермира, нас едва ли кто-либо рискнет обвинять в срыве невме-

* См. газ. «Известия», 1 ноября 1937 г.

** См. док. № 380, 381.

шательства. Я не исключаю, однако, что англичане к следующему заседанию постараются привести Гранди и Риббентропа в более спокойное состояние, и тогда наше положение может осложниться. Поживем — увидим. Ближайшее заседание подкомитета состоится утром 2 ноября. На нем очень настаивали фашисты, и Плимут, по обыкновению, им уступил, хотя сам несколько раз заявлял, что не понимает, чем подкомитет должен заниматься. Вероятно, Гранди и Риббентроп будут на нем ставить ультиматум: либо наше согласие на британский план, либо крах эвакуации волонтеров. Пленум Комитета назначен на 3 ноября, но я не уверен, состоится ли он, если накануне в подкомитете произойдет конфликт*. Если у вас имеются какие-нибудь дополнительные указания, срочно сообщите²¹⁷.

Майский

Печат. по арх.

392. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии

30 октября 1937 г.

Полномочное Представительство Союза Советских Социалистических Республик в Японии имеет честь довести до сведения Императорского Министерства Иностранных Дел Японии о нижеследующем:

28 октября пограничной охраной СССР было замечено, что группа японо-маньчжурских солдат производит какие-то работы на высоте, расположенной в 6 км к северо-западу от селения Пакшекори (Посъетский район), через вершину которой проходит государственная граница СССР. Высланный для осмотра местности пограничный отряд установил, что японо-маньчжурскими солдатами на вершине высоты вырыты два окопа, впереди которых сооружено проволочное ограждение, заходящее на территорию СССР на расстояние 50 м от линии границы.

В 11 час. 15 мин. в районе указанной высоты появилась группа вооруженных японо-маньчжурских солдат численностью до 40—50 человек, которая открыла огонь по советскому пограничному наряду и повела наступление, стремясь его окружить. В результате возникшей перестрелки попытка японо-маньчжурских солдат захватить наряд была отбита.

Посольство заявляет протест против этих незаконных нарушений государственной границы СССР японо-маньчжурскими частями и настаивает на принятии мер к расследованию вышеизложенных действий, наказанию виновных и прекращению нарушений границы в будущем²¹⁸.

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 4, 7, 18 ноября, 4, 9, 18, 26 декабря 1937 г.

393. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР*

30 октября 1937 г.

От американских журналистов (Маурера и директора Юнайтед Пресс Хайнзена), имевших свидание с [Н.] Дэвисом накануне его отъезда в Брюссель**, поступила следующая информация. Англичане всячески будут стараться притупить остроту против Японии. Повторяя «испанские» аргументы, будут доказывать, что основной задачей является помешать перерастанию конфликта в мировой. При срыве предложения о посредничестве не останутся перед обвинением китайцев в неуступчивости. Будут добиваться создания узкого комитета с назначением «следить за положением и в нужный момент выступить с предложением об умиротворении». Американцы уверены, что англичане рано или поздно предложат удовлетворить основные требования японцев — отдать им Северный Китай.

Журналисты сомневаются, чтобы правительство США могло пойти на такое открытое санкционирование японской аннексии, но вместе с тем предостерегают и от преувеличенных надежд на Америку. Дэвис будет держаться с англичанами осторожно.

Суриц

Печат. по арх.

394. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Иране

2 ноября 1937 г.

На телеграмму от 1 ноября²¹⁹. Персы прикидываются дурачками, симулируя непонимание нашего недовольства допущением немцев к нашим границам. Займите твердую позицию по вопросу о строительстве немцами верфи в Пехлеви, указывая на грубое нарушение договора, и требуйте удовлетворительного ответа иранского правительства. Давайте при этом понять, что при таком отношении к своим договорным обязательствам они не вправе ожидать, что мы будем идти им навстречу по интересующим их вопросам.

Стомонаков

Печат. по арх.

* Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Брюссель.

** См. док. № 401, 402.

395. Обмен письмами между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о безвозмездной передаче МНР машинно-сенокосных станций

1. ПИСЬМО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ МНР
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР
В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
С. Н. МИРОНОВУ

г. Улан-Батор, 3 ноября 1937 г. № 493

Свидетельствую свое уважение Вам, Полномочный Представитель Союза Советских Социалистических Республик в Монгольской Народной Республике Мионов, и имею честь сообщить нижеследующее:

Многочисленные массы рабочих и крестьян великого Советского Союза, завоевав свободу и покончив с империалистической царской и реакционной буржуазной властью, установили свою власть рабочих и крестьян, добились огромного прогресса в социалистическом строительстве, утверждают в своей стране принципы равноправия и счастья людей и сейчас готовятся отметить великий праздник 20-летия своего Октября.

В этом году исполнилось 16 лет с тех пор, как мы, монголы, впервые избавились от колониального гнета и получили свою независимость. За этот период мы ликвидировали реакционную власть феодалов, завоевали свободу для народа, развиваем свою культуру и хозяйство на революционных началах, утверждаем принципы равноправия и счастья.

Великий Советский Союз, руководствуясь великой целью оказания помощи малым отсталым государствам, находящимся в колониальной зависимости, предоставил нам, монголам, огромную помощь в деле освобождения от колониального гнета маньчжуро-китайцев и царской России, в деле упрочения нашей независимости революционным путем. В течение 16 лет Советский Союз непрерывно оказывал и оказывает нам разностороннюю помощь. Особенно большое значение для дальнейшего упрочения позиций нашей страны, защиты ее от внешних империалистических враждебных элементов, обеспечения мира для СССР и Монголии имеет договор о взаимопомощи между нашей страной и великим Советским Союзом, заключенный 12 марта 1936 г. *

Ныне, когда известные внешние империалистические силы готовят нападение на Монголию, Советский Союз в соответствии с договором о взаимопомощи и нашей просьбой напра-

* См. т. XIX, док. № 78.

вил на помощь нам части своей Красной Армии. Это имеет огромное значение для претворения в жизнь духа и буквы договора о взаимопомощи.

В 1937 г. великий Советский Союз безвозмездно передал нам десять крупных машинно-сенокосных станций*, предназначенных для заготовки сена и кормов, чтобы избавить наше кочевое животноводство от угрозы дзута (бескормицы).

В течение многих веков мы, монголы, находились в колониальной зависимости от маньчжуро-китайцев и сильно отстали в культурном отношении. Наше отсталое кочевое животноводство не только не развивалось, а приходило в упадок. С момента завоевания независимости мы всемерно развиваем свою культуру и экономику, осуществляем целый ряд прогрессивных мероприятий по подъему животноводства. Но вследствие специфических природных условий в нашей стране периодически наблюдаются дзуты, вызывающие значительный падеж скота у аратов. Подобные дзуты имеют место и в настоящее время, они сопровождаются массовой гибелью скота у аратов, но до сих пор мы не могли развернуть заготовку сена и кормов в таких масштабах, которые позволили бы предотвратить падеж скота от бескормицы. Огромнейшим недостатком является то, что животноводство по-прежнему находится в зависимости от состояния погоды.

Десять крупных машинно-сенокосных станций, подаренных нашей стране великим Советским Союзом, заготавливая сено и корма, защищают скот аратов от дзута, освобождают скотоводство от власти природы и имеют важное значение для ускорения развития скотоводческого хозяйства страны, для распространения культуры среди аратов, укрепления обороноспособности страны и развития земледелия.

Благодаря передаче нам великим Советским Союзом в качестве дара десяти крупных машинно-сенокосных станций (5 тракторных станций с 50 тракторами и 5 конных станций с 200 конными косилками, со всем оборудованием и инвентарем) и направлению к нам специалистов, в МНР впервые была удовлетворительно организована механизированная заготовка сена и налажена массовая подготовка монгольских национальных кадров. Эти машинно-сенокосные станции, впервые созданные в этом году, успешно выполнили годовой план заготовки сена. В результате огромной помощи великого Советского Союза монголы приобрели опыт механизированной заготовки сена. Все более широко развертывая механизированную заготовку сена в Монголии, мы создаем предпосылки для избавления нашего кочевого животноводства от бескормицы; мы глубоко надеемся, что великий Советский Союз бу-

* Устная договоренность о передаче станций в дар МНР была достигнута ранее; см. также док. № 52, 59.

дет, как и прежде, оказывать нам все большую помощь в завершении этого нашего начинания.

Помощь нашего искреннего друга, великого Советского Союза, в деле укрепления нашей независимости и обеспечения нашего прогресса, а также передача нам в качестве дара десяти крупных машинно-сенокосных станций, имеющих исключительно важное значение для нашей скотоводческой страны, вызывают чувство огромной искренней радости у многотысячного монгольского аратства.

От имени многотысячного аратства, от имени Правительства своей страны я шлю горячий сердечный привет Правительству великого Советского Союза по случаю 20-й годовщины Октябрьской революции.

Свидетельствуя свое уважение Вам, дорогой Полпред великого Советского Союза в Монголии Миронов, прошу Вас передать этот наш горячий сердечный привет Правительству вашей страны.

Прошу Вас, дорогой Полпред Миронов, принять также мои личные поздравления.

Да здравствует великий Советский Союз и его многомиллионные массы рабочих и крестьян!

Премьер-Министр и Министр Иностранных Дел
Народного Правительства МНР
Амор

2. ПИСЬМО

ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР
В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ МНР
АМОРУ

5 ноября 1937 г.

Подтверждая получение Вашего письма от 3 ноября с. г., имею честь поставить Вас в известность, по поручению Правительства СССР, что Правительство СССР весьма удовлетворено тем обстоятельством, что организованные им по просьбе Правительства МНР десять машинно-сенокосных станций принесли пользу народному хозяйству МНР и на примере успешно проведенной сеноуборочной кампании доказали трудящимся массам аратов большие возможности дальнейшего развития этого важного для народного хозяйства страны дела.

Советское Правительство, желая оказать дальнейшую помощь дружественной МНР в ее стремлении увеличить фуражный баланс страны, имеющий столь большое значение для развития животноводства и усиления обороноспособности страны, изъявляет свое согласие на бесплатную передачу

указанных выше десяти машинно-сенокосных станций Монгольскому Правительству.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем глубоком и искреннем к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР
в МНР
Миронов

*Письма печат. по арх. Олуба.
в сб. «Советско-монгольские отношения...»
М., 1966, стр. 102—110.*

396. Обмен письмами между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о строительстве шоссейной дороги Улан-Батор — Алтан-Булак

1. ПИСЬМО
ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР
В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ МНР
АМОРУ

4 ноября 1937 г.

В соответствии с переговорами, которые Вы вели в Москве в январе 1937 г. с Правительством СССР²²⁰, имею честь по поручению последнего подтвердить, что, идя навстречу Вашему желанию, оно согласилось принять на себя выполнение заказа на строительство шоссейной дороги Улан-Батор — Алтан-Булак через пристань Сухэ-Батор на следующих условиях:

1. Строительство начинается в 1937 г.
2. Правительство СССР предоставляет Правительству МНР долгосрочный беспроцентный кредит в сумме, равной затратам, необходимым для выполнения данного заказа.
3. Правительство СССР полагает, что погашение этого долгосрочного кредита Правительством МНР начнется через пять лет после окончания строительства дороги и будет закончено через 25 последующих лет путем ежегодных взносов Правительству СССР одной двадцать пятой части суммы кредита.
4. Сумма затрат, имеющих быть произведенными Правительством СССР на выполнение данного заказа, будет окончательно установлена и уточнена по окончании строительства и представлена Правительству МНР в виде финансового отчета строительства.
5. После окончания строительства и сдачи дороги в эксплуатацию между Правительствами СССР и МНР имеет быть подписано соглашение²²¹ о порядке и сроках погашения

Правительством МНР долгосрочного кредита, предоставляемого ему Правительством СССР на основах и принципах, изложенных в пп. 2, 3 и 4.

Доводя о вышензложенном до Вашего сведения, я прошу Вас подтвердить Ваше согласие с ним.

Примите уверения в моем искреннем и глубоком к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР
в МНР
Миронов

2. ПИСЬМО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ МНР
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР
В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
С. Н. МИРОНОВУ

6 ноября 1937 г. № 505

На Ваше письмо от 4 ноября с. г. о согласии Правительства СССР по просьбе Правительства МНР принять на себя выполнение заказа на строительство шоссейной дороги Улан-Батор (столица МНР) — Алтан-Булак через пристань Сухэ-Батор, о начале этого строительства в текущем году, об условиях кредита и сроке погашения его имею честь по поручению своего Правительства подтвердить Вам, уважаемый Полпред Миронов, согласие Правительства МНР с пунктами, изложенными в Вашем письме. При этом:

1. Правительство МНР согласно начать погашение долгосрочного беспроцентного кредита, предоставленного Правительством СССР, в сумме, равной затратам, необходимым для выполнения данного заказа, через пять лет после окончания строительства дороги и сдачи ее в эксплуатацию и закончить через 25 последующих лет путем ежегодных взносов Правительству СССР одной двадцать пятой части суммы кредита.

2. По представлении Правительству МНР финансового отчета о всех затратах на строительство Правительство МНР согласно подписать соглашение с Правительством СССР о порядке и сроках погашения этого долгосрочного кредита.

Сообщая Вам это согласие на Ваше письмо, прошу принять уверения в моем искреннем к Вам уважении.

Премьер-Министр
и Министр Иностранных Дел МНР
Амор

*Письма печат. по арх. Огубл.
в сб. «Советско-монгольские отношения...»
М., 1956, стр. 109—110, 113.*

**397. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии
Министерству Иностранных Дел Японии**

4 ноября 1937 г.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Японии имеет честь довести до сведения Императорского Министерства Иностранных Дел Японии о нижеследующем:

1. 28 октября в 18 час. 15 мин. группа японо-маньчжурских солдат обстреляла советский пограничный наряд в том же районе Пакшекори, в котором произошел инцидент, опротестованный вербальной нотой Посольства от 30 октября 1937 г. *

29 октября в 7 час. 20 мин. советский наряд пограничной охраны вновь подвергся обстрелу в том же районе. В обоих случаях советские наряды на провокационную стрельбу не реагировали.

2. 31 октября в 12 час. 42 мин. группа японо-маньчжурских солдат нарушила границу в районе горы Винокурка (Ханкайский район), но была отогнана советскими пограничниками. В тот же день в 15 час. 30 мин. в Ханкайском районе, в 6 км восточнее пограничного знака № 24, имел место аналогичный случай нарушения границы группой японо-маньчжурских солдат, отступивших на маньчжурскую территорию после перестрелки с советскими пограничниками.

Посольство заявляет протест против этих незаконных нарушений государственной границы СССР японо-маньчжурскими частями и настаивает на принятии мер к расследованию вышеизложенных действий, наказанию виновных и прекращению нарушений границы в будущем.

Печат. по арх.

**398. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР в НКВД СССР, из Брюсселя ****

*Вне очереди
4 ноября 1937 г.*

Вчера в беседе с Иденом я напал на него за последние события в Комитете [по невмешательству], указав на уступки, которые мы сделали и которые они одно время считали вполне достаточными, после чего в угоду итало-германцам они требуют теперь дальнейших уступок ***. Иден был смущен и ссылался на важность эвакуации, которой нельзя добиться без уступок фашистам. Он считает в этом отношении немцев более требовательными, чем итальянцев. По его мнению, Фран-

* См. док. № 392.

** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Великобритании.

*** См. док. № 390, 391.

ко так интересуется правами воюющей стороны, что готов будет за это отдать иностранных волонтеров, в чем я с Иден, конечно, не соглашался. Иден уверял, будто между нашей позицией и англо-французской расхождений по существу больше нет, но что мы будто не говорим достаточно ясно о своей позиции. Раз мы уже согласились на принцип существенной эвакуации, то мы должны сказать ясно, что в определенный момент мы готовы признать право воюющей стороны за Франко, но Майский прямого ответа на этот вопрос не дает. В определенный момент будем спорить о том, что такое существенная эвакуация.

Я спросил его, какая у нас гарантия, что в дальнейшем Гранди не заявит, что эвакуация каких-нибудь 20% является существенной, с чем Англия и Франция после некоторого спора согласятся и потребуют и нашего согласия на это. Я предложил либо оставить существующий спор открытым до тех пор, пока не возникнут разногласия об определении существенной эвакуации, или же окончательно стовориться теперь англичанам, французам и нам о том, какую существенную эвакуацию мы будем отстаивать все трое для признания права воюющих сторон. Иден от ответа уклонился.

Сегодня у меня был Дельбос и затронул, конечно, и испанский вопрос*. Он сообщил мне, что еще год тому назад англичане предлагали ему признать Франко, по крайней мере де-факто, что их симпатии на стороне Франко, что он уверен, что Франко сам пожелает потом избавиться от итальянских войск, а если последние не захотят уйти, то вместе с Франко англичане будут их силой выбрасывать оттуда. То же самое накануне мне говорил и Иден. Далее Дельбос исходит из того, что в случае открытия франко-испанской границы Англия все же не будет допускать ни продажи оружия, ни транзита для Валенсии и оставит Францию одну. Дельбос убежден, что в случае нарушения солидарности между Англией и Францией Германия нападет на Францию. Он убеждал меня уточнить нашу точку зрения, чтобы итало-германцы не могли взваливать на нас ответственность и уклоняться от эвакуации.

Я указал на нелогичность итало-германцев. С одной стороны, они добиваются нашего исключения из Комитета и соглашения об эвакуации без нашего участия, а следовательно, не интересуются нашим признанием прав воюющих сторон, а с другой стороны, они требуют теперь нашего согласия на это признание, без чего готовы сорвать весь план. Дельбос соглашался, что логики тут нет, что все это капризы и придирки, но указывал, что все же надо уступать. Я ему повторил предложение, сделанное мною вчера Идену. Дельбос признал это приемлемым, т. е. соглашение о процентах эвакуации. Через

* См. также док. № 401.

несколько часов он сообщил, что будто Иден уже согласен признать существенной эвакуацию не менее 60⁰/₅ и, вероятно, дойдет до 70. Я сказал, что если Иден мне это подтвердит и это будет считаться твердым соглашением между нами, то я выясню отношение нашего правительства ²²².

Литвинов

Печат. по арх.

399. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 ноября 1937 г.

Сегодня посетил директора политического департамента Хорнбостеля и в разговоре изложил ему нашу точку зрения на антисоветские соглашения, которых под всякими предлогами добиваются японцы ²¹⁵. Я спросил собеседника, нет ли в связи с выявляющейся в настоящий момент позицией Италии новой попытки давления по этому вопросу на Австрию, подобного имевшему место в ноябре прошлого года, когда Германия добивалась присоединения Австрии к японо-германскому соглашению. Хорнбостель подчеркнул, что новых попыток за весь год не было и теперь нет. Он отметил, что позиция Австрии прежняя и что эта позиция нашла выражение в ноябрьском дополнении к Римским протоколам (эта позиция Австрии мною была подробно изложена в одной телеграмме и в одном из докладов в декабре прошлого или начале этого года *). На мой повторный вопрос собеседник прибавил, что он, конечно, не знает, обойдется ли в дальнейшем без попыток нажима на Австрию, но что, во всяком случае, Австрия приложит все усилия, чтобы отстоять прежнюю позицию, хотя, конечно, ее положение может стать сложным. При этом Хорнбостель сослался на недавнее интервью Шушнига, которое я сообщил наркомму в письме от 28 октября. В связи с этим нетвердым ответом я еще раз подчеркнул и повторил наше отношение к затронутому вопросу.

Лоренц

Печат. по арх.

* См. т. XIX, док. № 384.

400. Обмен письмами между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о строительстве узкоколейной железной дороги Улан-Батор — Налайха

1. ПИСЬМО
ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР
В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ МНР
АМОРУ

5 ноября 1937 г.

В дополнение к переговорам, которые Вы вели в Москве в январе 1937 г. с Правительством Союза ССР²²⁰, имею честь по поручению последнего сообщить, что оно согласилось принять на себя выполнение заказа Правительства МНР на строительство узкоколейной железной дороги от угольных копей Налайха до г. Улан-Батор и на доставку для нужд этой дороги потребного количества паровозов и вагонов на следующих условиях:

1. Правительство СССР возложило строительство этой дороги на Народный Комиссариат путей сообщения, которому поручено начать работу в текущем году.

2. Правительство МНР соглашается оказывать содействие строительной организации в обеспечении строительства местными транспортными средствами и материалами, а также в вербовке рабочей силы. Правительство МНР соглашается также освободить от таможенного и иного обложения оборудование, завозимое из СССР для нужд строительства, и все остальные операции.

3. Правительство СССР предоставляет Правительству МНР долгосрочный кредит в размере, необходимом для оплаты стоимости строительных работ, подвижного состава и прочих материалов.

4. Правительство СССР полагает, что погашение долгосрочного кредита Правительством МНР начнется через 10 лет после окончания постройки дороги и сдачи ее в эксплуатацию и закончится в течение последующих 10 лет путем ежегодных взносов Правительству СССР одной десятой части суммы кредита.

5. Долгосрочный кредит, упомянутый в пп. 3 и 4, предоставляется Правительству МНР из трех процентов годовых. Оплата этих процентов должна быть начата через один год после окончания постройки дороги и сдачи ее в эксплуатацию.

6. Сумма затрат, имеющих быть произведенными Правительством СССР на выполнение данного заказа, будет окончательно установлена и уточнена по окончании строительства и представлена Правительству МНР в виде финансового отчета строительства.

7. После окончания строительства и сдачи дороги в эксплуатацию между Правительствами СССР и МНР имеет быть подписано соглашение²²³ о порядке и сроках погашения Правительством МНР долгосрочного кредита, предоставляемого ему Правительством СССР на основах и принципах, изложенных в пп. 2, 3 и 4.

Доводя о вышензложенном до Вашего сведения, я прошу Вас подтвердить Ваше согласие с ним.

Пользуюсь случаем выразить Вам свое глубокое и искреннее уважение.

Полномочный Представитель СССР
в МНР
Мионов

2. ПИСЬМО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ МНР
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР
В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
С. Н. МИРОНОВУ

6 ноября 1937 г. № 506

На Ваше письмо от 5 ноября 1937 г. о согласии Правительства СССР по просьбе Правительства МНР принять на себя выполнение заказа на строительство узкоколейной железной дороги от г. Улан-Батор (столица МНР) до угольных копей Налайха, об условиях предоставления кредита и о порядке погашения его имею честь по поручению своего Правительства подтвердить Вам, уважаемый Полпред Мионов, согласие Правительства МНР с пунктами, указанными в Вашем письме. При этом:

1. Правительство МНР согласно оказывать содействие строительной организации в обеспечении строительства местными транспортными средствами и материалами, а также в вербовке рабочей силы и освободить от таможенного и иного обложения оборудование, завозимое из СССР для нужд строительства, и все строительные операции.

2. Правительство МНР согласно начать погашение кредита, предоставленного Правительством СССР, в размере, необходимом для оплаты стоимости строительных работ, подвижного состава и прочих материалов, через 10 лет после сдачи этой дороги в эксплуатацию и закончить в течение последующих 10 лет путем ежегодных взносов Правительству СССР одной десятой части суммы кредита, а также оплачивать три процента годовых, начав оплату их через один год после сдачи дороги в эксплуатацию.

3. По представлении Правительству МНР, после окончания строительства, финансового отчета о всех затратах на строительство Правительство МНР согласно подписать согла-

шение с Правительством СССР о порядке и сроках погашения этого долгосрочного кредита.

Сообщая Вам это согласие на Ваше письмо, прошу принять уверения в моем искреннем к Вам уважении.

Премьер-Министр
и Министр Иностранных Дел МНР
Амор

*Письма печат. по арх. Олуба.
в сб. «Советско-монгольские отношения...»
М., 1965, стр. 111—112.*

401. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя

*Вне очереди
5 ноября 1937 г.*

По поводу Брюссельской конференции* Дельбос сообщил, что англичане не хотят выходить за рамки Вашингтонского договора, в котором ничего не говорится о санкциях или других принудительных мерах. Дельбос предлагал хотя бы оборонительные соглашения между тремя державами на случай нападения Японии, в частности на Индокитай, в результате транзита оружия. Англичане это соглашение не отвергают, но [Н.] Дэвис определенно заявил, что Америка за Индокитай воевать не намерена. Дельбос говорил, что американская делегация весьма недоброжелательно настроена в отношении СССР, что подтверждается сведениями из журналистских источников. Я отметил враждебное поведение французской прессы, судя по которой можно подумать, что пакт взаимопомощи Франция имеет не с нами, а с Германией и что Франции угрожаем мы. Дельбос признавал это лишь в отношении правой прессы и в свою очередь указывал на критику французской политики в советской прессе. Посещение меня Дельбосом показывает, что он действительно считает себя виновным и хочет что-то загладить, ибо целью его посещения не был ни испанский, ни дальневосточный вопросы.

У меня завтракал Дэвис, и я его расспрашивал о позиции Америки, используя циркулирующие здесь слухи. Дэвис признался, что в разговорах с англичанами и французами действительно очень сдержан и говорит им лишь о пацифистских средствах. Он должен так поступать, считаясь с общественным мнением Америки, которая еще не забыла, в какое положение Англия поставила Америку во время маньчжурского конфликта. Реакция на чикагскую речь Рузвельта** была сначала весьма благоприятная, но затем, при всех симпатиях к Китаю и недоброжелательности к Японии, американцы начинают себя спрашивать, не будут ли они опять втянуты

* См. док. № 354, 402; газ. «Известия», 30 октября и 4 ноября 1937 г.

** См. газ. «Известия», 6, 8 октября 1937 г.

Англией и Францией в войну. Интересы Америки на Дальнем Востоке не столь жизненные, чтобы за них надо было воевать. От Филиппин Америка давно готова отделаться, хотя сами филиппинцы возражают. Во всяком случае у Англии больше жизненных интересов там, чем у Америки, а между тем, когда Дэвис спрашивал Идена, какую силу Англия готова выставить на случай совместных действий, тот ответил, что Англия занята по горло в Европе. Тем не менее Дэвис мне может сказать конфиденциально, что Америка отнюдь не исключает и решительных действий против Японии, однако надо сперва показать общественному мнению, что в Брюсселе были исчерпаны все мирные средства, прижав Японию к стене. Америка твердо стоит на том, что мир между Японией и Китаем есть дело не только двух стран, но и всех участников Вашингтонского договора и других стран, имеющих интересы на Дальнем Востоке. Это он хочет обязательно внушить Японии, а затем видно будет, и общественное мнение, может быть, будет подготовлено действовать в соответствии с желаниями Рузвельта.

Он считает ценным и полезным мое вчерашнее выступление, и будто бы перед отъездом он с Хэллом согласился, что искренне разговаривать можно только с нами. Он спрашивал меня, какова будет наша позиция в случае совместных действий. Я ответил ему, что в такой плоскости вопрос нами не обсуждался, что после опыта в абиссинском и маньчжурском вопросах трудно ожидать чего-либо решительного со стороны Англии и Франции, а позиция Америки нам не ясна *, а потому я могу только сказать, что мы верим той политике, которую мы провозглашаем в Москве и в Женеве. Далее я ему доказывал, что нашу заинтересованность на Дальнем Востоке преувеличивают, что нам от Японии ничего не надо, а Япония вряд ли будет затевать серьезный конфликт с нами, зная силу нашей армии, а потому, вероятно, она будет искать новую авантюру в южном и другом направлениях. Я его убеждал, что Япония так уверена в том, что Брюссель ограничится одними словами, декларациями и ничем ей угрожать не будет, что никакие новые обращения не произведут на нее никакого впечатления.

Литвинов

Печат. по арх.

402. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя

*Немедленно
6 ноября 1937 г.*

Сообщаю расстановку сил на конференции в порядке благожелательности отношения к Японии. Итальянец открыто выступает защитником японских тезисов и старается по возмож-

* См. док. № 349, 351, 382, 402.

ности затягивать и саботировать работу²²⁴. Положение Альдрованди [Марескотти]* тем более пикантно, что он был членом комиссии Литтона**, с которым тогда солидаризировался. Заметно, что он выполняет лишь инструкции правительства, лично им не сочувствуя. Далее идет Спаак, который все рассматривает и решает под углом зрения угодничества перед Японией, осторожно третируя нас. У португальца колебание: опасаясь за Макао, он будто бы настроен против Японии, но, связанный с Италией и всей фашистской кликой по испанским делам, потому не может очень отрываться от итальянца. Японофильские настроения проглядывают в выступлениях южноафриканского делегата и меньше — Канады. Французы, особенно де Тессан***, стараются не причинять неприятностей Японии и под разными предлогами будут, вероятно, противодействовать решительным действиям. Норман Дэвис и Иден прячутся друг за друга. Норман Дэвис более дружелюбен к итальянцам, чем Иден, который даже предлагал открыто объяснить недопущение Италии в комитет подписанием в Риме протокола с Японией****. Говорят, что Дэвис предлагает в комитет даже Германию. Дельбос говорил мне, что Дэвис толкает Францию на соглашение с Германией. Повидимому, Дэвис играет здесь двойственную роль: говорит мне одно, а за моей спиной — другое*****. Остальные делегации пассивны, за исключением новозеландца, который, как и в Женеве, не упускает случая нападать на Японию и других агрессоров.

Литвинов

Печат. по арх.

403. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *****

*Вне очереди
8 ноября 1937 г.*

Аскарате мне сообщил сегодня, что Барселона чрезвычайно возмущена решением британского правительства обменяться [дипломатическими] агентами с Франко и что поэтому он не уверен в характере ответа испанского правительства на запрос Плимута о посылке комиссий*****. Он обещал, однако, сделать все возможное для получения ответа быстрого и

* Глаза делегации Италии на Брюссельской конференции.

** См. т. XV, прим. 42.

*** Заместитель министра иностранных дел Франции.

**** См. док. № 422.

***** См. док. № 401, 404.

***** Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Брюссель.

***** См. док. № 374.

положительного, без оговорок. Иден вчера в разговоре с Аскарате, конечно, старался всячески преуменьшить значение данного шага британского правительства и, между прочим, сравнивал статус Ходжсона (того самого, который в свое время был у нас), назначаемого агентом к Франко, со статусом Брюса Локкарта в Москве в 1918 г. Серьезность шага британского правительства тем не менее не подлежит сомнению.

Майский

Печат. по арх.

404. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

10 ноября 1937 г.

На Вашу телеграмму от 8 ноября²²⁵. За кулисами конференции Англия и США стремятся во что бы то ни стало создать условия для посредничества в японо-китайском конфликте. Непосредственную роль посредника предполагается возложить на специальный комитет из числа участников конференции. Все переговоры связаны сейчас с вопросом о составе комитета.

Державы указывают на нежелательность нашего участия в этом комитете, ибо они опасаются, что Япония использует это для отказа от посредничества. Мы со своей стороны заявляем, что не настаивали бы на нашем участии в комитете, если бы в него вошли только Англия, США и Бельгия. Поскольку, однако, Италия, Франция и некоторые другие государства настаивают на их включении в комитет, мы указываем, что в случае образования широкого комитета мы будем настаивать на нашем участии.

Дэвис выдвинул «компромиссное» предложение, по которому: а) образуется распорядительный комитет из всех участников Вашингтонского договора, т. е. без нас (это должно дать удовлетворение Италии), и б) из состава распорядительного комитета выделяется малый комитет из США, Англии и Бельгии (по мысли Дэвиса, последнее должно удовлетворять нас).

Мы по-прежнему настаиваем либо на создании одного только малого комитета, либо, в случае создания более широкого комитета, на вхождении в него СССР.

Дэвис в беседах с г. Литвиновым* вел себя довольно сдержанно, хотя внешне дружелюбно. Он считает необходимым внушить Японии, что вопрос японо-китайских отношений касается всех участников Вашингтонского договора и государств.

* См. док. № 401, 402.

имеющих интересы на Дальнем Востоке. Дэвис не исключает возможности принятия в будущем каких-либо мер против Японии, но считает нужным показать общественному мнению, что все мирные средства исчерпаны. Кроме того, США должны знать, что будет делать Англия. На вопрос Дэвиса о том, готова ли Англия участвовать в совместных действиях, Иден будто бы ответил, что Англия по горло занята в Европе.

Вывод т. Литвинова, что США и Англия пока еще будут прятаться друг за друга.

По сведениям, полученным т. Литвиновым из некоторых дипломатических и журналистских источников, американская делегация не очень дружелюбно настроена в отношении СССР*.

Стомонаков

Печат. по арх.

405. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

10 ноября 1937 г.

Уважаемый Максим Максимович,

После разговора с Хэллом, о котором я сообщил по телеграфу**, я избегал бесед с официальными лицами, во-первых, потому, что опасался разойтись в чем-либо с Вами в Ваших беседах в Брюсселе***, а особенно с Норманом Дэвисом, а во-вторых, потому, что до окончания Брюссельской конференции всякие разговоры бесполезны, как это следует из заявления, сделанного мне Хэллом о том, что подождем Брюссельской конференции и посмотрим, что выйдет из попытки мирным путем ликвидировать японо-китайскую войну. Но я имел беседы с целым рядом деловых людей вроде компаньона Моргана Томаса Ламонта, председателя «Нэшнл сити бэнк» Ланкастера, председателя «Чейз нэшил бэнк» Шлея и др.

Во-первых, надо сказать, что как официальные лица, так и деловые круги больше заняты вопросами о Китае, чем вопросами об Испании, и я считал своим долгом разъяснить внутреннюю связь между событиями там и тут как одну тенденцию к подготовке большой войны или, вернее, начало мировой войны. Мне приходится разъяснять всем и каждому, что Соединенные Штаты могут подвергнуться опасности в случае победы Германии в Европе, а Японии в Азии. Что в случае победы или даже успеха этих стран развивающийся в Южной Америке фашизм поднимет голову еще больше, может захватить Мексику и окружить Соединенные Штаты плотным

* См. также док. № 408.

** См. док. № 382.

*** См. док. № 401, 408, 421.

кольцом, в котором Соединенные Штаты будут задыхаться, а кроме того, также подвергнутся влиянию фашизма изнутри. В этих условиях правильные взаимоотношения между Соединенными Штатами, Великобританией и Советским Союзом являются основой борьбы с мировым фашизмом, агрессией и могут действительно предупредить большую войну. Здесь все считают, что ключ ко всей позиции находится в руках Великобритании, что, если Великобритания пойдет на решительные шаги, тогда легко будет подняться Соединенным Штатам. Здесь очень сильно недоверие к позиции Великобритании, и даже изоляционисты вроде [издателей журнала] «Нью рипаблик» за последнее время стали оправдывать свой изоляционизм тем, что Соединенные Штаты не могут идти одни против Японии, как того якобы хочет Великобритания. Если судить по словам Идена, который якобы готов идти так далеко, как готовы идти Соединенные Штаты²²⁵, в Великобритании существуют сомнения относительно Соединенных Штатов. Мне кажется, опасения той и другой стороны достаточно основательны: и Великобритания, и Соединенные Штаты недостаточно доверяют друг другу. И там и тут играет роль прошлый опыт с Маньчжурией, с Эфиопией, а самое главное — суть во внутреннем положении каждой из этих стран. В Англии консерваторы в большей части сочувствуют фашизму и не хотят против него драться, ищут компромисса с ним; в Америке велик изоляционизм, которым сейчас прикрываются многие реакционные элементы.

Относительно Советского Союза много не говорят, но можно считать, пожалуй, установленным, что все рассчитывают на непремешное участие Советского Союза как необходимого партнера, считая, что Советский Союз при всех условиях примкнет к Великобритании и Соединенным Штатам. Я стараюсь всегда проводить такую линию, что мы также не доверяем ни Великобритании, ни Соединенным Штатам и даже опасаемся возможности политики Великобритании, и даже Соединенных Штатов, против нас, особенно в случае наших успехов в войне против Японии. При всех условиях я говорю о том, что одни мы против Японии не пойдём.

Может быть, я неправильно оцениваю положение Великобритании, но мне кажется, что руководящие круги Великобритании менее готовы идти на открытую борьбу с Германией и Италией и с Японией, чем даже Соединенные Штаты. Томас Ламонт, недавно вернувшийся из Англии, говорит о том, что англичане не в состоянии сейчас что-либо предпринять одновременно против Японии, Италии и Германии и даже только против Италии и Германии одновременно. Он рассказал, что во время занятия итальянцами Абиссинии перед великобританским правительством встал вопрос о том, что делать, и будто бы командование английским флотом заявило, что оно

в состоянии расправиться с Италией, но при этом должно будет потерять не меньше $\frac{1}{3}$ своего флота, что затем обесценивает его в отношении Германии. Такое положение привело к тому, что английское правительство отказалось от каких-либо действий против Италии. Такая же будто картина имеет место и в отношении испанских событий, в связи с необходимостью идти на конфликт с Италией. От людей, близких американскому послу в Берлине Додду, мне сообщили, что, по его словам, еще до чикагской речи Рузвельта * был обмен мнениями между английским правительством и Рузвельтом. Будто бы английское правительство заявило, что оно не может послать флот свой в Тихий океан, ибо тогда оно будет бессильно в Европе. Оно будто бы указало Рузвельту, что до сих пор международные морские пути охранялись английским флотом, и что соответствующим порядком пользовались Соединенные Штаты, и что теперь пришла пора, когда Соединенные Штаты должны принять участие в охране морских путей сообщения, в частности в Тихом океане и с Китаем. Будто бы англичане настаивали на увеличении американского флота. На последнее будто бы Рузвельт ответил согласием, и предстоящая экстренная сессия конгресса [США] встретится с соответствующими предложениями и, во всяком случае, с таким разьяснением международного положения, которое заставит конгресс заняться усиленными морскими и воздушными вооружениями. Другая версия, которую я слышал здесь в Вашингтоне от людей близких к секретарю по внутренним делам Икесу, что экстренная сессия конгресса, собирающаяся 15 ноября, займется текущими делами, выслушает заявление о международном положении, а программой вооружений будет заниматься обычная сессия, которая соберется в январе, и что Рузвельт собирает экстренную сессию теперь, чтобы, с одной стороны, подготовить общественное мнение и мнение конгресса к большой программе вооружений, а с другой стороны, разрешить все текущие вопросы, с тем чтобы январская сессия могла главным образом посвятить себя морской и воздушной программе. Больших противоречий между этими двумя версиями нет, и, во всяком случае, ясно, что программа больших вооружений стоит на очереди; возможно, что и американская армия в связи с этим будет увеличена чуть ли не до 500 000 человек.

Говорят, что были разговоры о возможных совместных действиях английского и американского флота. Будто бы на этот счет имеется какая-то договоренность, но что все еще англичане стараются оттянуть решительные действия, и обе стороны по-прежнему боятся быть обманутыми.

* См. газ. «Известия», 6, 8 октября 1937 г.; «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1937 Volume», New York, 1941, pp. 406—411.

Сегодня у меня был член английской рабочей партии Керан, который только что приехал из Китая. По его словам, если одна треть английского флота была бы послана сейчас в Тихий океан, то совместные действия американского флота с этой частью английского могли бы быть успешными против японцев, но что американский флот один вряд ли что сделает с японцами. Об этой $\frac{1}{3}$ английского флота он слышал разговоры среди английских морских офицеров на Дальнем Востоке. Информация, идущая от Додда, говорит о том, что в обмен на сотрудничество Америки с Англией в Тихом океане Рузвельт потребовал, во-первых, заключения торгового соглашения, которое в основном будто уже намечено; во-вторых, потребовал стабилизации валюты, т. е. доллара и английского фунта; в-третьих, поднял разговор о долгах, с тем чтобы англичане приступили к видимости платежей, с тем чтобы тогда акт Джонсона* в отношении Англии стал действительным. Из этих же разговоров вытекает Брюссельская конференция, которая, конечно, с неба не свалилась, и приглашение американцев было заранее согласовано**. Будто бы чикагская речь Рузвельта явилась следствием этих разговоров с англичанами: иначе, правда, трудно допустить, чтобы Рузвельт мог произнести такую речь, не имея хотя бы надежды на то, что англичане пойдут на сотрудничество с Соединенными Штатами в дальневосточных делах.

Мне кажется, что если даже все это и верно, то все же события будут развизаться очень медленно потому, что внутренние противоречия в обеих странах очень велики, а также потому, что по крайней мере здесь под влиянием иностранных сил развертывается сильная кампания за невмешательство Соединенных Штатов в войну под разными соусами: изоляционизм, пацифизм, либерализм, недоверие к англичанам, вражда к нам, недостаточность вооружений как в Америке, так и в Англии, — под видом уверенности, что мировая война невозможна, что никто ее не хочет, что немцы ее также не хотят, что у немцев и итальянцев нет сырьевых ресурсов, нет золота для ведения войны, что Япония скоро истощится и т. п.

Пока что англичане продолжают свою подлую политику в Испании. Иден сделал двусмысленное заявление в парламенте о том, что Брюссельская конференция созвана была по инициативе Соединенных Штатов²²⁶, на что, правда, потом последовало разъяснение, что речь шла о выборе места для конференции в г. Брюсселе, а не о самой конференции. Это заявление оставило здесь неприятный осадок.

В общем, мне кажется, что давление на англичан может быть оказано как со стороны Соединенных Штатов, так и со

* См. т. XVII, прим. 108.

** См. также док. № 348, 354, 401, прим. 201.

стороны Франции. Во всяком случае, Соединенные Штаты в этом отношении играют огромную роль. Той пропаганде, которая здесь ведется, вероятно на деньги Германии, Италии, а также и Японии, что-то надо противопоставлять. Пока у нас нет никаких гарантий того, что даже при договоренности Соединенных Штатов и Англии мы не будем * вынуждены вести войну и на Дальнем Востоке, и одновременно в Европе против Германии. Я, по крайней мере, не вижу признаков того, чтобы Англия и Франция серьезно решили обеспечить наш тыл в войне с Японией. Конечно, это понятие «тыл» довольно-таки условное понятие. Если Англия и Соединенные Штаты не всколыхнутся, то такое положение будет поощрять и возбуждать фашизм на дальнейшие агрессивные действия и ряд колеблющихся стран пойдет за ним, что гораздо опаснее, чем отсутствие линкоров и нескольких сот самолетов у англичан и у американцев.

Мне кажется, что мы делаем правильно, что разговариваем с агрессорами смелым языком. Это может способствовать тому, что агрессоры будут побаиваться, а также и тому, что жалкая, самоубийственная политика Великобритании, а также Соединенных Штатов хоть в какой-то степени будет становиться более смелой. Теперешняя политика великобританского правительства ведет к продаже интересов Великобритании, к разрушению Британской империи, а значит, к полному разорению самой Англии. Надо надеяться, что объективная обстановка раскроет глаза широким кругам английского населения и научит также чему-нибудь американцев. Опасность только существует, что это произойдет слишком поздно.

К Брюссельской конференции здесь существует пессимистическое отношение. Присоединение Италии к антикоммунистическому пакту Германии и Японии** здесь произвело неблагоприятное впечатление. Это рассматривается как объединение фашистских сил и угроза Соединенным Штатам, в особенности потому, что имеется опасение о присоединении к этому пакту стран Латинской Америки, главным образом Бразилии. О возможности этого прямо говорил в итальянской прессе Гайда.

Я бы хотел иметь указание относительно линии своего поведения здесь. Я считаю, что надо, с одной стороны, подталкивать американцев, с другой стороны, не делать это очень демонстративно, а с третьей — не ангажироваться на какую-либо активность с нашей стороны, которая бы ослабила стремление к активности американцев.

Полпред СССР в США
А. Трояновский

Печат. по арх.

* В документе ошибочно — мы будем.

** См. док. № 422.

406. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота

12 ноября 1937 г.

Господин Министр,

Советскому Правительству стало известно, что в некоторых американских газетах недавно было опубликовано интервью, данное генералом Араки токийскому корреспонденту Ассошиэтед Пресс, содержащее недопустимые антисоветские выпады и прямой призыв к войне с Союзом ССР*.

Ввиду того, что генерал Араки является членом совета при Кабинете Министров и занимает, таким образом, официальный и высокоответственный пост, Советское Правительство поручило мне заявить Вам протест против подобного выступления, особенно недопустимого в устах официального лица настолько ответственным правительственным посту²²⁷.

Примите, господин Министр, уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Славуцкий

Печат. по арх.

407. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 ноября 1937 г.

1. Сегодня я был у Кобылянского, который по собственной инициативе вернулся к моему представлению относительно эвентуального заключения культурной конвенции с Японией. Я вам уже сообщал, что Кобылянский поставил дело так: если мое заявление по вопросу о заключении культурной конвенции с Японией носило характер информационный, то польское правительство может его принять с интересом к сведению. Если же это было, как выразился Кобылянский, «интервенцией», то мое заявление должно быть отведено, так как поляки сами определяют свою внешнюю политику и они исходят при этом из своих государственных интересов. Я ответил Кобылянскому, что, не желая вдаваться в юридические формулировки по поводу моего представления и отвергая тезис о нашем вмешательстве в дела польской внешней политики, все же должен напомнить ему, что я был уполномочен довести до сведения польского правительства точку зрения Советского правительства относительно эвентуального заключения культурной конвенции с Японией²¹⁵. Это и было мною сделано. Я добавил, что передам заявление Кобылянского в Москву и что лишь от Москвы зависит, вернемся ли мы к этой теме еще раз.

* См. газ. «Известия», 23 ноября 1937 г.

По вопросу о коммюнике ПАТ *, опровергавшем сообщение агентства Гавас о моем действительно не имевшем места представлении в связи с римским тройственным антикоммунистическим соглашением, Кобылянский сказал мне (по собственной инициативе), что Бек принужден был выступить с этим опровержением, так как в сообщении Гавас говорилось о давлении СССР на польское правительство в вопросах его внешней политики. Такие же слухи распространились в здешнем дипломатическом корпусе. В последнем Кобылянский прав, в дипломатическом корпусе действительно распространились слухи о моем разговоре с Кобылянским, и все этот разговор восприняли как серьезное предупреждение со стороны СССР по адресу Польши. Французский посол Ноэль сегодня в разговоре со мной констатировал, что сообщение агентства Гавас сыграло положительную роль в том смысле, что заставило поляков выявить свою позицию по отношению к тройственному антикоммунистическому соглашению. Действительно, вслед за коммюнике ПАТ, представлявшим собой сердитый жест по адресу СССР, последовали инспирированные Бекем статьи в прессе, в которых категорически заявлялось, что Польша к римскому пакту трех не присоединяется, что Польша не намеревается вступать ни в один из идеологических блоков, что Польша будет по-прежнему проводить политику равновесия, что борьба с коммунизмом в Польше есть дело полиции, а не дипломатии и что ни в чьей помощи в данном случае Польша не нуждается. В общем, отступление с барабанным боем. Я не думаю, чтобы в ближайшее время Польша официально присоединилась к римскому пакту трех, это слишком экспонировало бы ее в антисоветском направлении и затруднило бы Беку его эквилибристику с политикой «равновесия» и «нейтралитета».

2. Я справился у Ноэля относительно визита Дельбоса **. По его словам, Дельбос будет в Варшаве между 12 и 15 декабря. Дельбос не предполагает заключать какие бы то ни было новые соглашения с Польшей. Целью поездки является взаимная информация и попытка подогреть франко-польские отношения, которые, по словам Ноэля, за последние два года значительно улучшились (изменился тон прессы и т. д.). Исходя из этого, Дельбос не будет особенно уговаривать поляков улучшать их отношения с чехами, так как это могло бы, как выразился Ноэль, «раздражить» поляков. Ноэль не договорил, но было ясно, что поляки были бы еще больше «раздражены», если бы, скажем, Дельбос заговорил об улучшении советско-польских отношений или если бы он продолжил свое путешествие до Москвы. Французские дипломаты в Варшаве, очевидно, считают,

* См. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 335.

** См. док. № 430, 437.

что улучшить отношения с Польшей, Румынией и Югославией, куда Дельбос тоже поедет, можно лишь только ценою некоторого охлаждения франко-советских отношений, на что и нужно пойти. Сам Нозль этого не говорил, но его правая рука — секретарь посольства Гокье довольно охотно выбалтывал мне эту концепцию²²⁸.

3. О состоявшемся польско-германском соглашении о национальных меньшинствах я вам своевременно сообщал²²⁹. Это соглашение является успехом Бека в деле проведения его германофильской политики, так как за последнее время польское общественное мнение было очень обеспокоено преследованиями поляков в Германии и в особенности в Данциге. Правда, соглашение не касается Данцига, но Бек все равно будет им размахивать как крупным козырем. Соглашение показывает, что Гитлер заботится о сохранении своего польского союзника и готов время от времени пойти на словесные уступки в вопросе о национальных меньшинствах. Для немцев несомненно играла роль необходимость сохранения личной позиции Бека. Ясно, что Бек будет продолжать свою германофильскую политику и не исключены какие-либо новые демонстрации германо-польского сотрудничества. Заострение внутривнутриполитической ситуации в Польше и возможная тотализация и без того уже фашистского режима несомненно будет толкать пилсудчиков еще больше, чем раньше, в объятия Гитлера. Не приходится говорить, что польская пресса с энтузиазмом восприняла декларацию о меньшинствах и преподнесла ее на самом видном месте.

4. Как вы уже знаете, поляки воспользовались уходом Давтяна и отъездом других товарищей для того, чтобы произвести диверсионную вылазку против нашего полпредства в польской и международной печати. Все эти сообщения, явно сфабрикованные II отделом, облетели весь мир и являются, даже для нравов польской прессы, исключительной гнусностью по отношению к полпредству. Среди выехавших и арестованных упоминается, в частности, т. Барабанов, помощник нашего военного атташе, который уезжает скоро из Варшавы, но пока что находится среди нас, и поляки его ежедневно встречают. Мне все же кажется необходимым реагировать на эту польскую диверсию, так как здесь речь идет не об отдельных лицах, а о кампании прессы против полпредства в целом²³⁰.

5. Внутривнутриполитическая атмосфера несколько разрядилась, так как Рыдз-Смиглы в проведении своих планов тотализации натолкнулся на сопротивление президента, на оппозицию легионерских и левых пилсудчиковских кругов, не говоря уже об официальной оппозиции — пепезовцах, людовцах * и нацио-

* — соответственно польских социалистах и участниках крестьянской партии «Стронництво людове».

иал-демократах, за которыми стоят самые разнообразные, но в одинаковой степени антиправительственно настроенные массы. На поверку оказалось, что у Рыдза нет серьезной группы с достаточным моральным авторитетом, которой он мог бы передать власть, устранив теперешнее правительство. Не следует думать, что разряжение внутривполитической обстановки будет долговременным. Не пройдет и нескольких недель, не говоря уже о месяцах, как мы снова будем свидетелями новых внутривполитических осложнений и новых попыток со стороны Рыдза и его окружения дальнейшей фашизации Польши.

6. 11 ноября состоялся официальный праздник польской независимости. Я был на параде и на гала — представлении в опере. Парад для человека, бывавшего на наших парадах на Красной площади, кажется смешным и жалким. До сих пор в армии лошади преобладают над моторизацией. Армейская техника очень слаба. Авиация вообще показана не была. Вслед за войсками прошли различные организации молодежи с понурыми лицами. Разумеется, раздавались возгласы в честь Рыдза и армии, но все это было вяло, без тени энтузиазма. В демонстрации участвовали все организации молодежи, за исключением национал-демократов и коммунистов. Впрочем, национал-демократы «демонстрировали» накануне: они устроили погром на главных улицах Варшавы.

Поверенный в Делах СССР в Польше
Б. Виноградов

Печат. по арх.

408. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

13 ноября 1937 г.

Американские и другие журналисты в Брюсселе и Париже на основании бесед с американской делегацией предупредили нас о недружелюбных высказываниях последней по нашему адресу. Норман Дэвис отрицал это и старался быть со мною максимально любезным и предупредительным, говорил об исключительном значении СССР для разрешения дальневосточной проблемы*. У меня, однако, создалось впечатление неискренности Дэвиса, тем более что он больше всех старался превратить конференцию в совещание участников Вашингтонского договора, добивался обращения к Японии только от их имени и фактического устранения нас. Он носился с идеей создания исполнительного комитета конференции и беззастен-

* См. док. № 401, 404.

чиво говорил мне о нежелательности нашего присутствия в этом комитете, которое может дать повод Японии уклониться от переговоров.

Он признал, что был против приглашения нас до конференции, и развивал мысль, что на данной стадии конференции мы вообще не нужны и можем понадобиться лишь в дальнейшем, очевидно, когда потребуется применение силы против Японии. Хотя он приписывал эту идею английской делегации, с которой он якобы только солидаризировался, но я думаю, что ее автором является он сам. Когда он получил от меня должный отпор, он от идеи комитета отказался и, во всяком случае, соглашался не допускать в комитет Италию, подразумевая, однако, и наше отсутствие. Не сомневаюсь, что Дэвис пошел бы на любое ущемление нас, если бы от этого зависела возможность каких-либо переговоров с Японией.

Мне остается неясным, отражает ли его поведение позицию Рузвельта и Хэлла, есть ли это лишь влияние окружающих Дэвиса чиновников госдепартамента, или здесь сказывается близость Дэвиса к Моргану и к Англии.

Литвинов

Печат. по арх.

409. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя

*Немедленно
13 ноября 1937 г.*

Проект декларации, предложенный конференции * от имени трех держав²³¹, сводится к следующим основным положениям:

1. Вопреки утверждению Японии, что ее конфликт с Китаем не подпадает под действие Вашингтонского договора и не требует коллективного обсуждения, конференция констатирует, что конфликт затрагивает не только юридические, но и материальные интересы всех стран и угрожает всеобщему миру.

2. Ссылка Японии на то, что она вынуждена прибегнуть к войне, дабы заставить Китай изменить его политику, отводится указанием конференции на недопустимость насильственного вмешательства во внутренние дела других стран.

3. Требование Японии предоставить ей право самой говорить с Китаем отклоняется конференцией, высказывающей убеждение, что такие двусторонние переговоры не могут привести к справедливому и прочному миру.

4. Конференция в заключение заявляет, что государства, пославшие в Брюссель своих делегатов, должны определить

* См. также док. № 405, 408, 417, 418.

свою согласованную позицию в отношении Японии, отклоняющей от себя договорные обязательства. При этом выражается надежда, что Япония не будет настаивать на своем решении*.

При обсуждении этой декларации английские доминионы, Голландия, Мексика и Бразилия весьма активно ее поддерживали. Португалец занял более или менее благожелательную позицию, скандинавы нерешительно ссылались на необходимость получения инструкций своих правительств. Итальянец, принципиально возражавший, оказался совершенно изолированным. Наши поправки, предварительно переданные Дельбосу, были проведены за нас другой делегацией.

Окончательное принятие декларации назначено на понедельник, 4 часа. К этому времени делегации должны получить указания своих правительств. Я полагаю, что мы можем голосовать за декларацию. Срочите указания²³¹.

Потемкин

Печат. по арх.

410. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом

15 ноября 1937 г.

Шуленбург сообщил, что его правительство хочет оставить консульства в Киеве и Новосибирске**. Ему, однако, поручено заявить нам, что ныне нарушено равенство, когда мы имеем свои консульства в торговых городах, а немцы вне портов, а потому германское правительство резервировало за собой право предложить нам перевести наши консульства в другие места.

Я напомнил Шуленбургу, что наше решение закрыть ленинградское консульство обосновано не только принципом равенства, но и незаконной деятельностью самого консульства. Я советую послу не поднимать вопроса о переводе наших консульств, ибо может встать вопрос о том, не лучше ли вообще закрыть консульства с обеих сторон²³². Нам консульства в каком-нибудь Лигнице или Бреславле не нужны.

Шуленбург возбудил следующие вопросы:

1. Ему предложено ликвидировать консульства в трехмесячный срок, между тем как полякам был дан трехмесячный срок. Он просит такой же срок дать и немецким консульствам.

2. Он понимает, что во время ликвидации консульства не должны сношаться с советскими властями, но они должны

* См. также «Brussels Conference. Acts of the Conference», Brussels, 1937, pp. 40, 45—46.

** См. док. № 353, 383.

сохранить за собою право сношения с посольством и с правительством, принимать германских граждан и выполнять все необходимые функции не только по материальной, но и по служебной ликвидации консульства.

3. В некоторых консульствах имеются автомобили, которые наши власти, вероятно, не купят. Нельзя ли разрешить продать автомобили другим членам дипломатического корпуса.

4. Германские консульства в Ленинграде и Тбилиси помещались в собственных домах Германского правительства. Очевидно, нужно будет кого-нибудь оставить для охраны этих домов, и посол рассчитывает получить у нас разрешение на это.

5. Некоторые сотрудники консульств женаты на советских гражданках. Посол просит не чинить препятствий выезду этих жен за границу и, если нужно, выходу их из советского гражданства.

Я сказал, что не помню, какой срок был дан полякам. Я предлагаю послу дать распоряжение ликвидировать консульства в два месяца. Если какое-либо консульство не успеет этого сделать, то посол сможет просить о продлении. Я должен, однако, теперь же предупредить, что для ленинградского консульства продления не будет. Остальные вопросы я обещал Шуленбургу изучить и дать ответ через II Западный отдел.

Литвинов

Печат. по арх.

411. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
16 ноября 1937 г.*

1. Вчера на дворцовом приеме в честь бельгийского короля встретил и имел довольно длинный разговор с Черчиллем. Поездку Галифакса в Берлин он считает ненужной и даже вредной, ибо в той обстановке, в которой она происходит, она способна создать лишь впечатление слабости и трусости Англии, а это не принесет пользы ни самой Англии, ни делу мира вообще*. Единственным утешением Черчилля является убеждение, что Галифакс честный человек и что он будто бы никогда не пойдет на такие «бесчестные» операции, как, например, предательство Чехословакии или развязывание Германии рук на востоке. Вообще же Черчилль склонен думать,

* См. также док. № 420.

что визит Галифакса в Берлин не будет иметь особо крупных последствий.

2. Касааясь более общих вопросов, Черчилль вновь, и с исключительной горячностью, подчеркнул, что Германия является основной опасностью для Англии и для Европы в целом. Тройственное соглашение агрессоров, по его мнению, больше направлено против Британской империи, чем против СССР. Ему он придает весьма серьезное значение, не столько даже сейчас, сколько в процессе дальнейшего развития событий. «Основная задача в настоящее время, — продолжал Черчилль, — нам всем, стоящим на страже мира, держаться вместе, иначе мы погибли». И дальше он откровенно прибавил: «Слабость России в нынешних условиях была бы фатальна для дела мира и для безопасности Британской империи. Нам нужна сильная Россия, сильная в военном отношении и сильная внутренне, с сильной Россией нам важно и интересно поддерживать дружеский контакт. Нам больше всего нужна сейчас сильная Россия».

3. Чрезвычайно характерна и показательна была обстановка, в которой происходил мой разговор с Черчиллем. Дело было в так называемом Поклонном зале Букингемского дворца, где после обеда собрались английский и бельгийский короли со своими свитами, все послы и многие британские министры. Сначала в разговор с Черчиллем вступил Риббентроп, Черчилль отшучивался, и все стоявшие вокруг громко хохотали. Потом Черчилль увидел в другом углу зала меня, круто перешел зал и демонстративно, на глазах у всех собравшихся вступил в оживленную беседу со мной. В середине беседы к нам подошел английский король и заговорил с Черчиллем. Я несколько отступил в сторону. Когда Георг отошел от Черчилля, последний вновь подошел ко мне и закончил начатый со мной разговор. Все поведение Черчилля было нарочито подчеркнутое, и он явно афишировал дружественность своих чувств ко мне.

4. Из разных источников я получаю сообщения, что визит Галифакса в Берлин является делом рук Чемберлена, поддерживаемого Саймоном, Хором и самим Галифаксом. Эта «четверка» старается сейчас, в противовес Идену, поддерживаемому некоторыми более «молодыми» консерваторами, сделать «генеральную попытку» договориться с Германией и Италией.

Майский

Печат. по док.

412. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
18 ноября 1937 г.*

Посланник Албании сообщил, что король просит вручить верительные грамоты до праздников, начинающихся 26 ноября, и приглашает на праздники в качестве гостя правительства. Телеграфируйте инструкции *. Сообщения о выезде дипломатических курьеров и посылке грамот не имею.

Шаронов

Печат. по арх.

413. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Испании С. Г. Марченко, в Барселону **

20 ноября 1937 г.

На Вашу телеграмму от 18 ноября²³³. Будет вполне правильно для испанского правительства ограничиться пока положительным ответом по вопросу о комиссиях и эвакуации волонтеров, резервируя ответ по другим вопросам до получения разъяснений. Из Брюсселя я вынес впечатление, что если даже будет сорвано соглашение по английскому плану, то Англия и Франция самостоятельно пойдут на признание за Франко прав воюющей стороны^{***}. Предстоит полное признание Франко Японией, а возможно Венгрией и другими государствами. Международная обстановка складывается в пользу Франко, и Англия, может быть, будет рада в какой-либо момент свалить ответственность за срыв Лондонского комитета на испанское правительство.

Литвинов

Печат. по арх.

414. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Греции Н. И. Шаронову

20 ноября 1937 г.

Грамоты отправлены с курьерами 13 ноября. Курьеры сейчас в Стамбуле. Свяжитесь с ними по телефону, выясните, когда будут у Вас, и действуйте в зависимости от этого^{****}. Против поездки в Албанию на праздники не возражаю²³⁴.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 414.

** 6 ноября 1937 г. испанское правительство переехало из Валенсии в Барселону.

*** См. док. № 398.

**** См. док. № 412.

415. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Ллойд-Джорджем

21 ноября 1937 г.

1. В Букингемском дворце во время банкета в честь бельгийского короля я встретил Ллойд-Джорджа, который с большим удовольствием вспомнил завтрак, устроенный мной несколько времени назад для него в полпредстве*, и пригласил нас с женой к себе за город. Мы поехали 21 ноября, в воскресенье. Беседовали во время ленча и после него. Ллойд-Джордж был в хорошем настроении, оживлен, блестящ, остроумен. Из длинного разговора отмечу некоторые наиболее важные моменты.

2. Я спросил Ллойд-Джорджа, что кроется за поездкой Галифакса в Берлин**. Ллойд-Джордж ответил примерно следующее. Не решаясь пока еще открыто разорвать с Лигой наций, Чемберлен тем не менее фактически уже махнул на нее рукой, изменил принципу коллективной безопасности и руководится сейчас в своей внешней политике исключительно лишь мерилом британских интересов. Под этим углом зрения он считает самой важной задачей соглашение с Германией и Италией, ради которого он готов пожертвовать Испанией, Австрией, Чехословакией и многим другим. Чемберлен замыслил в свое время визит Нейрата в Лондон, который сорвался после инцидента с «Лейпцигом»***. Сейчас Чемберлен решил сам сделать первый шаг и послал Галифакса для прощупывания Гитлера. Чемберлен находит поддержку своей линии главным образом у Галифакса, Хора, Саймона, Хейлшема****. Иден против этой политики и находит себе поддержку у некоторых членов кабинета из среды «молодых» консерваторов (Дафф Купер, Ормсби-Гор, Стэнли, Эллиот), но не в состоянии помешать Чемберлену. Ванситарту линия Чемберлена, в частности поездка Галифакса, тоже не нравится. Однако Ллойд-Джордж не думает, чтобы Чемберлен растался со своим министром иностранных дел: Иден человек слишком популярный в стране, и притом не слишком крепкого характера. Его можно «обработать». А жаль! Если бы Иден, разойдясь с Чемберленом по принципиальным вопросам внешней политики, вышел в отставку, он стал бы одним из самых влиятельных политических деятелей Великобритании. Он еще молод и легко может несколько лет подождать наступления своего триумфа.

3. Касаясь общих вопросов европейской ситуации, Ллойд-Джордж был очень озабочен. Дела идут все хуже. Положение

* См. док. № 261.

** См. также док. № 420.

*** См. док. № 214.

**** Лорд-кандлер.

демократий сильно ослаблено. Перспективы сохранения мира туманны. Ллойд-Джордж не сомневается, что Германия в ближайшем будущем произведет «аншлюсс» и никто ей в этом препятствовать не станет. Муссолини слишком занят Абиссинией и Испанией, а в Англии и Франции не много найдется людей, которые решились бы выступить против этого акта «самоопределения наций». Равным образом, по мнению Ллойд-Джорджа, предreshена и судьба судетских немцев: так или иначе они войдут в орбиту Германии. Всего этого предупредить нельзя, и остается лишь вопрос, что будет дальше? Вот если бы Германия пошла дальше, если бы она, например, попыталась захватить славянские части Чехословакии, а тем более пойти на Балканы, — ситуация сильно изменилась бы. Во всяком случае, Англия едва ли могла бы остаться к этому равнодушной. В то же время, однако, Ллойд-Джордж допускает, что если бы германская «экспансия» на юго-восток приняла формы по преимуществу экономические (преференции, торговые договоры и т. п.), то консервативная верхушка Англии, пожалуй, большого шума не стала бы устраивать. Я спросил, неужели консервативная верхушка не понимает, что даже экономическая «экспансия» Германии в Центральной Европе и на Балканах будет способна заложить основы той «серединной империи», о которой мечтали кайзер и его советники. Ведь такая империя, раз создавшись, представила бы громадную опасность для Великобритании. Ллойд-Джордж отвечал, что, по мнению руководящих кругов британской буржуазии, даже такая перспектива не является слишком страшной. Во-первых, для консолидации «серединной Европы» Германии потребовалось бы не меньше 10—20 лет, а за это время много воды утечет. Во-вторых, в Центральной Европе и на Балканах очень силен славянский элемент, который-де антагонистичен германскому. Борьба между немцами и славянами разьедала бы изнутри «серединную Европу» и не давала бы ей сделаться слишком могущественной.

4. Любопытны также соображения Ллойд-Джорджа о возможности колониальных уступок Германии. Опять-таки в тех кругах британской буржуазии, которые склонны идти на соглашение с Германией, допускают возможность такой перекройки Африки: Германии возвращаются Камерун и Того, а к этим областям прирезаются некоторые части Анголы, бельгийского Конго и британского Золотого Берега. В результате получилась бы довольно солидная колониальная территория, которая могла бы удовлетворить «престиж» Германии. Танганьiku англичане ни за что не вернут немцам. Равным образом и Южно-Африканский Союз не вернет Германии Юго-Западной Африки. Конечно, передача немцам указанной выше колониальной территории вызвала бы рост аппетита у Муссолини, но, с другой стороны, по убеждению тех же кругов, она

могла бы внести раздор в отношения между Римом и Берлином.

5. В связи с европейской ситуацией Ллойд-Джордж ругательноски ругал французское правительство за его трусость, слабость и излишнее угодничество перед Лондоном. Шотан, Дельбос, Блюм, Даладьё, Эррио * — все они оказались настоящими «сопляками». С особенными презрением и ненавистью Ллойд-Джордж относился к Дельбосу. Французское правительство совершенно недооценивает своих возможностей и угодничает перед лондонским кабинетом, в то время как оно могло бы требовать от Лондона и добиваться исполнения своих желаний. Вот Барту был совсем другой человек. Барту знал, как надо разговаривать с английскими министрами. Тогда не Париж шел за Лондоном, а, наоборот, Лондон плелся в хвосте Парижа. Наиболее яркий пример нелепости французской политики — это Испания. «Я не могу понять, — воскликнул Ллойд-Джордж, — как французское правительство может смотреть на постепенный захват Пиренейского полуострова итало-германским фашизмом. Ведь если Франко победит, Франция по трем своим сухопутным границам будет окружена фашистскими диктаторами. Она тогда погибла». Не меньшее возмущение Ллойд-Джорджа вызывает политика французского правительства в отношении франко-советского пакта **. Вместо того чтобы его всячески укреплять и развивать, оно стыдится пакта и наполовину от него уже отказалось. Совершенное безумие! В случае войны с Германией и Италией кто может спасти Францию? Не Англия, а только СССР. Ибо Англия сможет помочь Франции лишь морской блокадой и своим воздушным флотом, но не сухопутной армией, которой у нее нет. Между тем победа над Германией может быть решена только большой сухопутной армией. Такая армия имеется лишь у СССР («не говоря уже о вашем воздушном флоте, который, судя по всем отзывам, отличается высоким совершенством»). И вот как раз с СССР нынешнее французское правительство не хочет укреплять своих отношений. Как жаль, что умер Барту!

6. Зато Ллойд-Джордж с полным убеждением заявляет, что сам СССР непобедим. Его географическое положение блестяще. Его население многочисленно, быстро развивается количественно и качественно. И в прежние годы русские были чрезвычайно способным народом во всем, за что они брались, — в искусстве, в литературе, в науке. Сейчас, давая советским массам все возможности образования и культуры, Советское правительство, по мнению Ллойд-Джорджа, по мень-

* Председатель палаты депутатов Франции.

** См. т. XVIII, док. № 205 и док. № 20, 50, 80, 119, 142 настоящего тома.

шей мере учетверяет его мощь, его творческие возможности. Русским раньше очень не хватало деловитости, дисциплины, организации. Сейчас они этому учатся, и притом с несомненным успехом. Естественные и промышленные ресурсы Советского Союза огромны. Фактически он почти не зависит от остального мира. СССР, далее, постепенно развивается в сторону укрепления демократии, это тоже большой плюс, который, в частности, делает более возможным его сотрудничество с западными государствами на международной арене. «Когда мне говорят,— продолжал Ллойд-Джордж,— что в Германии, Италии и СССР существуют диктатуры и что они ничем не отличаются друг от друга, я всегда отвечаю: не верю! Гитлер и Муссолини — враги демократии и все дальше от нее уходят, а Сталин — друг демократии, и он постепенно идет в сторону демократии. Это громадная разница». Возвращаясь к международному положению СССР, Ллойд-Джордж вновь и с большой горячностью стал доказывать, что Гитлер всерьез не думает о каком-либо походе против нашей страны, ибо сознает ее могущество, а японцы нам не страшны. Мы сумеем с ними разделаться. Сами японцы это прекрасно понимают и потому сейчас предпочитают орудовать в Китае. Даже в случае одновременной атаки с запада и востока СССР сумел бы себя с успехом отстоять. «Будучи столь неуязвимым, я на вашем месте прямо сказал бы французам: довольно играть в бирюльки! Либо мы превращаем пакт в серьезный альянс, либо — до свидания». По мнению Ллойд-Джорджа, такого рода тактика имела бы благотворительное влияние на французское правительство и заставила бы его судорожно хвататься за связи с СССР. Говоря о наших вооруженных силах, которые он ставит очень высоко, Ллойд-Джордж, однако, указывал на весьма серьезный пробел в системе нашей защиты — отсутствие могущественного морского флота. По его мнению, Средиземное море для нас, пожалуй, не менее важно, чем для Франции или Англии. Испанские события показали, что в этом море нам может угрожать даже такая третьестепенная держава, как Италия. А что сказать о Красном море, которое также представляет серьезный интерес для СССР и в котором та же Италия может повести советское судоходство в совершенно невозможные условия? Ллойд-Джордж выражал надежду, что СССР сделает надлежащие выводы из «испанского урока» и приступит к созданию флота, достойного его имени и положения.

7. Мы говорили с Ллойд-Джорджем очень много также по испанскому вопросу. Настроение у него в этом отношении прекрасное. В начале декабря он отправляется на юг Франции отдохнуть, по дороге думает остановиться в Париже и побеседовать с французскими министрами. С юга же Франции он, может быть, проедет на несколько дней в Барселону. Его давно уже приглашает испанское правительство. Если бы, однако,

по каким-либо причинам он сам не смог побывать в республиканской Испании, то он, во всяком случае, пошлет туда своих детей, членов парламента, дочь Меган и сына Гвильима.

Полномочный Представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

416. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии М. М. Славуцкому

23 ноября 1937 г.

20 ноября я дал Сигемцу следующий ответ на предложение японского правительства подписать рыболовное соглашение*:

«Советское правительство, рассмотрев проект соглашения, выработанный Козловским и Сако, не сочло возможным утвердить этот проект как содержащий не могущие в настоящих условиях быть оправданными положения, отнюдь не вытекающие из каких-либо договорных обязательств и даже расширяющие те права, которые Советское правительство предоставило японским подданным по конвенции, заключенной в 1928 г.** Советское правительство готово незамедлительно начать новые переговоры с японским правительством о заключении новой рыболовной конвенции на основе существующих договоров между Японией и СССР».

Я добавил, что в настоящее время мы разрабатываем конкретные предложения и в ближайшем будущем сможем приступить к переговорам, ведение которых по-прежнему поручается Козловскому.

Сигемцу сообщил о получении фирмой «Сакай кумнай» извещения Наркомтяжпрома о расторжении концессионного договора***. Японское правительство считает, что расторжение договора может быть произведено по ст. 33 этого договора и что мотивы расторжения, выдвигаемые Наркомтяжпромом, не предусмотрены в этой статье. Ввиду этого японское правительство просит НКТП взять обратно извещение о расторжении договора. Я указал на бездействие концессии в течение 12 лет и на несомненную обоснованность решения Наркомтяжпрома. Сигемцу сказал, что они изложат свою точку зрения письменно.

Стомонаков

Печат. по арх.

* См. док. № 373.
** См. т. XI, док. № 21.
*** См. т. VIII, прим. 166.

417. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя

*Вне очереди
23 ноября 1937 г.*

Сегодня на заседании конференции выяснилось, что от имени американской, английской и французской делегаций предлагается конференция принять рассылку соответствующим правительствам не только того документа, с которым утром нас ознакомил Дэвис²³⁵, но и краткого доклада, излагающего фактический ход конференции вплоть до намечаемого перерыва ее работы.

С большой речью выступил Веллингтон Ку, повторивший основные положения своего последнего меморандума, упрекавший конференцию в нерешительности и бездействии и требовавший от нее активной поддержки Китая и обуздания Японии*. Он заявил, что резервирует свою позицию в отношении обоих документов до получения указаний от своего правительства. Никто его не поддержал. Итальянец проинтересованно заметил, что отчетный доклад составляется обычно тогда, когда конференция констатирует, что работа ее закончена и уже можно разойтись. Португалец не без ехидства спросил, какой смысл в составлении доклада правительствам, которые и без того в курсе всей работы конференции благодаря участию в последней своих делегатов. Норвежец заявил, что ничего не может сказать, пока его правительство не даст ему инструкций. Решено отложить обсуждение документов до вечера 24-го. Разошлись в явно пониженном настроении. В американской делегации ругают Рузвельта, якобы отступившего от положений своей чикагской речи** и дезавуирующего Дэвиса. Опять обвиняют англичан, проявляющих особую деликатность к Японии и Германии, чтобы не укрепить будто бы их блок с Италией. Журналисты утверждают, что делегаты доминионов, скандинавы и Португалия усиленно подвергаются обработке англичанами в том смысле, чтобы не раздражать Японию и тем самым облегчить желательное соглашение. Французы держатся более пассивно, и Тессан ограничивается краткими репликами, что присоединяется к мнению своих коллег англичан и американцев. Думаю, что к 24-му положение не изменится к лучшему и что, кроме китайцев, никто не поддержит наших поправок***.

Впрочем, после заседания нас задержал Спаак, начавший уверять, что он считает «позорным» документ, составленный американцами и англичанами, что он-де вчера предлагал им по крайней мере рекомендовать заинтересованным правитель-

* См. газ. «Известия», 24 ноября 1937 г.

** См. док. № 405, газ. «Известия», 6, 8 октября 1937 г.

*** См. док. № 418.

ствам воздержаться от всяких действий, могущих ослабить силу сопротивления Китая, что об этом он говорил англичанам и в Лондоне, предупреждая, что они сами толкают Китай на соглашение с Японией при посредничестве Германии и т. п. Нами была проявлена особая сдержанность в отношении этого заявления Спаака. Ему лишь был поставлен вопрос, не внесет ли бельгийская делегация рекомендуемые им поправки и не поддержит ли китайцев, если последние сами предложат их конференции. Спаак, не моргнув глазом, ответил, что лучше завтра попробует убедить англичан и американцев. В заключение разговора, явно выдавая свой провокационный маневр, он фамильярно нам заявил, что лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов поугаать Токио. На это я ему сказал, что охотники загребать жар чужими руками, очевидно, имеются и в Брюсселе, но роль мавра СССР предоставляет другим. Разговор на этом прервался.

Телеграфьте, не воздерживаться ли нам от голосования декларации, если воздержатся китайцы или они выскажутся против ²³⁵.

Потемкин

Печат. по арх.

418. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя

*Вне очереди
23 ноября 1937 г.*

Завтракавший у нас сегодня вместе со здешним посланником Веллингтон Ку сообщил нам следующее.

1. Китайская делегация пытается убедить авторов декларации * принять поправки в духе нашей формулы, в частности в отношении коллективной помощи Китаю ²³⁵. Если это не удастся, китайцы все же будут завтра голосовать за декларацию. Об этом их просят главным образом англичане, будто бы заинтересованные в том, чтобы не создалось впечатление разногласий между делегациями и провала конференции.

2. По согласованию с тремя руководящими делегациями Веллингтон Ку запросил от своего правительства конкретных указаний, в чем могла бы выразиться поддержка Китаю со стороны заинтересованных государств. По получении ответа предполагается обмен мнениями по этому вопросу между соответствующими делегациями. Перечисляя последние, он указал нас, американцев, англичан, французов, бельгийцев и Голландию. Упомянутый обмен мнениями должен происходить вне связи с конференцией, но, вероятно, в том же Брюсселе.

* См. док. № 417.

Англичане будто бы обещают Китаю финансовую помощь, американцы — материальное снабжение, в частности военное, французы — то же самое. Этими посулами, по-видимому, и куплено согласие китайской делегации голосовать завтра за выхоленную декларацию.

3. При последней встрече Веллингтона Ку с Дельбосом в Париже он просил французоз не препятствовать транзитным перевозкам военных грузов для Китая через Индокитай. Веллингтону Ку это обещали, добавив, что такое положение может навлечь на Францию японские репрессии. Поэтому Веллингтон Ку высказывается за необходимость взаимных гарантий между государствами, оказывающими помощь Китаю.

4. Не без назойливости Веллингтон Ку старался нас убедить, что японцы, по мнению американцев и англичан, «дальневосточным конфликтом угрожают в первую очередь интересам СССР». Поэтому-де от нас и ожидают инициативы против японской агрессии. В конце концов, Франция, Англия и Америка могли бы согласиться произвести совместную демонстрацию против Японии, однако они-де хотят быть уверенными, что одновременно и СССР поддержит эту акцию демонстративной мобилизацией своих вооруженных сил на Дальнем Востоке. По этому поводу пришлось разъяснить Веллингтону Ку, чьи интересы уже сейчас затронуты японской агрессией и почему великие державы хотели бы, чтобы СССР первым ввязался в войну с Японией.

5. Веллингтон Ку подтвердил, что Германия и Италия с самого начала конфликта навязывали Китаю свое посредничество. Это продолжается и сейчас*. Между прочим, сам Муссолини предлагал это специальному эмиссару Китая, посетившему Рим несколько дней тому назад. Китайцы будто бы отклоняют это предложение, заявляя, что доверили свое дело Брюсселю и державам — участникам Вашингтонского договора**.

6. Завтра китайцы намерены предложить, чтобы декларация и доклад конференции были посланы в Лигу наций, однако они опасаются, что это будет отклонено итальянцами и Америкой.

Не подлежит сомнению, что Веллингтон Ку уже обработан англичанами и американцами. Этим и объясняется проявляемая им уступчивость. Не думаю, чтобы он очень уж верил посулам о какой-либо помощи. Тем не менее, если завтра китайцы будут голосовать за декларацию, нам придется сделать то же самое. Жду ваших указаний²³⁵.

Сегодня же мы осторожно проверили у англичан, действительно ли предполагается обсуждение заинтересованными го-

* См. также док. № 267, 428, 460.

** См. док. № 422.

сударствами конкретных возможностей помощи Китаю. Крэнборн решительно это отвергает.

Веллингтон Ку или врет, или его водят за нос. Англия откровенно нам сообщила, что твердо рассчитывает на соглашения сторон²³⁶.

Потемкин

Печат. по арх.

419. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае Г. М. Меламеду, в Ханькоу

25 ноября 1937 г.

Сообщения японских газет о повороте в рыболовном вопросе к лучшему являются тенденциозной пропагандой. На днях японскому послу заявлено *, что правительство не одобрило проекта соглашения, выработанного в прошлом году, и что предлагаем начать переговоры заново, причем нами дано понять, что некоторые ранее сделанные нами уступки будут взяты обратно. Как видите, есть поворот к худшему. Разъясните, если китайцы будут расспрашивать.

Литвинов

Печат. по арх.

420. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
25 ноября 1937 г.*

Сегодня я видел нескольких осведомленных людей из журналистского и дипломатического мира (в частности, много ценной информации мне дал Масарик**), и картина в основном рисуется в таком виде. Как я уже сообщал раньше***, Чемберлен, Хор, Саймон, Галифакс составляют в кабинете группу, решившую сделать «генеральную попытку» договориться с Германией и Италией, не стесняясь разными «лигнонациональными предрассудками» и «сентиментальными соображениями» в отношении Чехословакии и Испании. Особенно активен в этом отношении Хор, который ненавидит Идена и рассчитывает занять его место, если бы линия премьера окончательно восторжествовала. Когда Галифакс в октябре получил приглашение журнала «Фельд [унд вальд]» на берлинскую охотничью выставку (возможно, что приглашение было под-

* См. док. № 416.

** Посланник Чехословакии в Великобритании.

*** См. док. № 411, 415.

строено), Хор стал настаивать на разворачивании его в большую политическую акцию. Саймон его поддержал, и премьер одобрил весь план. Иден был против, но ничего не мог поделать. Английскому послу в Берлине Гендерсону было поручено выяснить, согласен ли Гитлер встретиться с Галифаксом, Гитлер ответил положительно. В первых числах ноября, но еще до подписания антикоммунистического пакта в Риме от Гитлера пришел документ, нечто вроде частного меморандума, в котором ориентировочно излагалась та база, на которой он хотел бы вести беседу с Галифаксом. Сущность этой базы сводилась к тому, что изложено во вчерашнем «Манчестер гардиан» (вы, вероятно, имеете) *. По одним сведениям, меморандум попал в Лондон через Гендерсона, по другим — через Лондондерри — Лотмана **, но это уже деталь, не меняющая существа дела. Иден и Ванситтарт категорически отвергли предложенный Гитлером базис. Чемберлен находил, что требование Гитлера идет, пожалуй, несколько далеко, но что побеседовать с ним, несмотря на это, все-таки стоит. В кабинете происходила борьба, и, когда Иден 8 ноября вторично выехал в Брюссель (первый раз он уехал в понедельник 1 ноября, но потом вернулся на уикенд, если не ошибаюсь, 5-го), вопрос оставался висющим в воздухе. Только 10 ноября, когда Иден был в Брюсселе, а Чемберлен достаточно напуган римским протоколом, кабинет под давлением названной выше «четверки» принял решение о поездке Галифакса, и 16 ноября Галифакс отправился в Берлин. У меня есть сведения, что раздраженный Иден передал в распоряжение оппозиции через некоторые каналы меморандум Гитлера, однако эти сведения еще нуждаются в проверке. Впрочем, ничего невозможного тут нет. Сам разговор Гитлера и Галифакса касался в основном колоний, а также Центральной Европы ***. Гитлер дал язвительно понять Галифаксу, что на колониях он категорически настаивает, но что он готов отложить выполнение этого требования на известный ряд лет, если Англия не будет ставить палки в колеса «двусторонним договорам с Австрией и Чехословакией». Судя по всем данным, беседа с Гитлером несколько разочаровала Галифакса и Чемберлена и, наоборот, привела Идена в очень хорошее настроение. Мне точно известно, что поздно вечером 22 ноября, в день возвращения Галифакса, после того как Иден имел уже беседу с ним и с премьером по поводу поездки, министр иностранных дел был в очень приподнятом состоянии духа, угощал своих друзей шампанским и вообще давал понять, что тучи, появившиеся было на его горизонте, рассеялись. Еще откровеннее те же чувства

* См. газ. «Известия», 26 и 27 ноября 1937 г.

** Члены парламента Великобритании.

*** См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I. М., 1948, стр. 10—48.

выражала жена Идена, которая всегда является хорошим барометром успехов или неудач своего мужа. Вот пока то, что мне удалось узнать. Не ручаюсь за отдельные детали, но имею основания думать, что во всем существенном эта информация соответствует действительности. В ближайшие дни постараюсь получить дополнительные сведения и проверить уже имеющиеся²⁹⁷. Несмотря на известное разочарование Чемберлена от результатов поездки Галифакса, надо все-таки ожидать, что он тем не менее будет продолжать попытку сговориться с Гитлером и Муссолини. В частности, у меня есть известные опасения, что приглашение французских министров в Лондон * имеет своей главной целью произвести на французское правительство известный нажим в целях сделать его более покладистым при новой попытке достижения гнглого компромисса с Германией и Италией. Поживем — увидим.

Полпред

Печат. по арх.

421. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

26 ноября 1937 г.

Я Вам телеграфировал по своем возвращении из Брюсселя о позиции там американской делегации **. Не касаясь правдивости или ложности всяческих слухов об отношении к нам делегации, можно, однако, с несомненностью установить, что [Н.] Дэвис больше всех склонялся к мысли о нашем устранении от работ конференции. Когда я его спрашивал, зачем же нас приглашали, он чистосердечно признал, что он или американское правительство будто бы высказывались против приглашения нас, до заседания конференции. Дэвис наивно высказывал ту мысль, что наша помощь могла бы еще понадобиться в случае каких-либо решительных действий против Японии и что мы только можем мешать на так называемом примирительном этапе конференции, вызывая раздражение у японцев.

На устранение нас от работ конференции толкала Дэвиса еще и его общая позиция в вопросе о составе тех или иных комитетов конференции, будь то для наблюдения за дальнейшим развитием положения, будь то для посредничества. Сама собой напрашивалась комбинация для посредничества из представителей Америки, Англии и Франции, что избавило бы с самого начала конференцию от множества затруднений, но Дэвис почему-то возражал против этой комбинации, которая якобы напоминает объединение во время мировой войны, и

* См. док. № 424, 427; «Международная жизнь», 1973, № 5, стр. 112—113.

** См. док. № 408, 409, 417, 418.

поэтому он настаивал на включении Бельгии. Казалось бы, что Бельгия также участвовала во время войны в одной комбинации с Америкой, а потому требование Дэвиса представлялось совершенно непонятным. Не возражал он также против посреднического комитета в составе Англии, Франции, Америки, Бельгии и Италии, хотя это еще больше напоминало ассоциацию держав во время мировой войны. В конце концов, непонятны были действительные мотивы Дэвиса, а между тем его капризы в этом отношении приводили к неизбежности нашего исключения из комитетов и в конечном счете привели к полному отказу от составления комитетов.

В то же время он был, конечно, очень предупредителен в отношении меня, говорил об огромном значении нашей помощи об Америке, Англии и СССР как об основных факторах для решения дальневосточной проблемы, пренебрежительно отзывался об Италии, внимательно прислушивался к моему мнению и даже принимал наши поправки к резолюциям, но во всем этом было немало лицемерия.

Что касается существа вопроса, то Дэвис, конечно, много распространялся на тему о необходимости считаться с общественным мнением Америки, но добавлял, что не исключает никаких мер против Японии. Когда я ему указывал на заявление Идена о готовности Англии идти так же далеко, как Америка, то Дэвис отвечал, что ему неизвестно, как далеко Англия может идти, намекая на занятость английского флота в Средиземном море. Все помыслы Дэвиса были сосредоточены на посредничестве.

Нам известно, что, в то время как американская делегация по крайней мере не скупилась на решительные выражения в своих выступлениях и в документах самой конференции, посол Гибсон * продолжал все время давать японскому послу самые успокоительные заверения, высмеивая конференцию и даже усилия собственной делегации. Он действовал как прямой агент Японии. Было бы хорошо об этом как-нибудь осторожно сообщить американцам, тем более что, по полученным нами из Берлина сведениям, Гибсон будто бы намечается послом на место Додда. В Берлине этот отвратительный субъект, которого я еще помню по Женевской конференции по разоружению **, может играть еще более зловещую роль. Хорошо бы его разоблачить как друга и сторонника фашистских и агрессивных государств.

Мы с самого начала относились скептически к возможным результатам Брюссельской конференции и заняли весьма сдержанную позицию. Я говорил Дэвису, что наш опыт с великими державами в Женеве во время антиитальянских санкций

* Посол США в Бельгии.

** См. т. XVI, прил. 60.

и особенно в Лондонском комитете заставляет нас занимать в дальнейшем выжидательную позицию до тех пор, пока мы не убедимся в наличии действительной воли и решимости со стороны других к коллективной организации мира вообще и к разрешению тех или иных насущных международных проблем.

Конференция закончила свое существование даже более позорно, чем можно было ожидать. Об этом особенно постарались англичане, которые, не без оснований, рассчитывают на свое посредничество между Японией и Китаем. Дэвис, в конце концов, плелся за англичанами. Мы, конечно, будем теперь еще более сдержанными, чем раньше. Англичане и американцы будут теперь только выжидать момента для вмешательства в качестве посредников, но уже не от имени конференции или Лиги наций, а в качестве государств.

Здесьшний посол [Дж.] Дэвис говорил мне на днях, что если его жена не вернется в Москву к рождеству, то он поедет к ней. Неожиданно он 24-го, в выходной день, позвонил в комиссарнат, что хочет во что бы то ни стало встретиться со мною, намекая на желание приехать ко мне на дачу. Меня целый день на даче не было, и я мог лишь вечером пригласить Дэвиса, но оказалось, что он в тот же день внезапно уехал. Посольство объясняет его отъезд получением сообщения о болезни жены. В дипломатическом корпусе говорят, что его настроения в отношении СССР за последнее время значительно ухудшились.

Литвинов

Печат. по арх.

**422. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

26 ноября 1937 г.

Дорогой Максим Максимович,

1. В течение последних трех недель на фоне итальянской внешней политики произошло довольно много событий. Центральным из этих событий, несомненно, нужно считать подписание тройственного пакта «против Коминтерна»*. Анализ этого пакта, данный в Вашем письме от 17 ноября 1937 г. за № 398/Л²³⁸, настолько четко отмечает основные особенности этого документа, что вряд ли стоит снова возвращаться к этому вопросу. Я хочу привести лишь некоторые детали, которые, с одной стороны, подтверждают правильность данной Вами характеристики, а с другой — подчеркивают роль Италия в этом предприятии.

2. Прежде всего необходимо отметить, что не Италия была зачинщицей римского договора. Весьма энергичное давление

* См. газ. «Известия», 3, 7, 10 ноября 1937 г.

на нее было произведено со стороны Японии и Германии. Давление это касалось как существа вопроса, так и времени подписания договора. Японии очень важно было, чтобы договор был подписан в самом начале Брюссельской конференции*, дабы Италия могла в Брюсселе играть роль представителя и адвоката Японии. Германии, с другой стороны, доведшей в этот момент свою колониальную агитацию до апогея, важно было произвести новое давление на Англию. Что касается Италии, то, само собой разумеется, и для нее этот договор представлял известные выгоды в смысле давления и угрозы по адресу Англии, но итальянское правительство весьма колебалось насчет выбора момента. Колебания эти происходили вплоть до последней минуты. Теперь уже известно, что во время первого визита Риббентропа вопрос о времени подписания договора оставался открытым. Более того, за три дня до второго приезда Риббентропа Чиано дал согласие участвовать в обеде, который устраивал Лугошину в честь прибывшего в Рим румынского министра авиации Ирмеску. На второй день после этого согласие было срочно взято обратно со ссылкой на неотложную занятость, которую Чиано не мог предвидеть в момент, когда он давал это согласие. К этому следует прибавить, что обед Лугошину был назначен на 6 ноября, т. е. как раз на день подписания римского договора. Согласие на вторичный приезд Риббентропа и на подписание договора было дано Муссолини в последнюю минуту. Подтверждение этих колебаний я получил из ряда хорошо осведомленных источников и поэтому не сомневаюсь в правильности этого сообщения.

3. Подтверждением того обстоятельства, что пакт, поскольку это касается Италии, направлен в первую очередь против Англии, является следующее: помимо фразы, сказанной Чиано китайскому послу, о чем я Вам сообщал²³³, следует привести и свидетельство печати. Пресловутый Гайда, как говорится, «не заглянув в святцы, бухнул в колокол». Первая же его статья, посвященная договору, была явно направлена против Англии. В этой статье он занялся подсчетом морских сил трех союзников и делал из этого подсчета угрожающие выводы. Итальянское правительство, конечно, хотело, чтобы Англия увидела в этом договоре угрозу, направленную против нее, но отнюдь не желало, чтобы эта угроза была выявлена столь ясно. Гайда получил нагоняй, и, как утверждают в осведомленных кругах, ему запретили некоторое время писать статьи на тему о внешней политике.

4. С другой стороны, сдержанное поведение Чиано в момент моего демарша²⁴⁰, равно как и последующее поведение печати, убеждают в том, что итальянское правительство отнюдь не намерено усиливать антисоветский характер этого

* См. док. № 401, 402, 404, 408, 409, 417, 418.

пакта. Должен сознаться, что я ожидал серьезной полемики со стороны Чиано и готовился к ней. Между тем, кроме заявления о том, что он принимает к сведению сказанное мною, Чиано не промолвил ни одного слова, давая мне тем самым понять, что он хочет избежать полемики. Характерно в этом контексте поведение министерства печати, с одной стороны, и самой печати — с другой. Сведения о моем посещении Чиано уже через два часа стали циркулировать среди иностранных журналистов. Особенную настойчивость в этом вопросе проявили представители американской печати, которые буквально осаждали полпредство как визитами, так и звонками. Всем им было сказано, что мой визит к Чиано находился в тесной связи с только что подписанным пактом. После получения этих сведений они бросились в министерство печати. Там их встретили с большим раздражением и заявили, что советский посол, дескать, был у Чиано исключительно для получения информации по вопросу о римском договоре. Эта версия, сообщенная министерством печати, не продержалась и пару часов, ибо уже в 8 часов вечера министерство иностранных дел через министерство печати опубликовало официальное коммюнике, в котором совершенно точно было изложено как мое заявление, так и ответ Чиано.

5. Сама печать первые 24 часа после моего демарша не могла найти подходящего тона. Только после суток были получены комментарии германской печати на тему о том, что советский демарш, дескать, подтвердил идентичность Советского правительства и Коминтерна. Итальянская печать немедленно стала воспроизводить эту «аргументацию» на своих страницах, не выдумав от себя ничего нового. Общий же тон печати по этому вопросу был сравнительно умеренный, и особенных выпадов, если не считать глупой и грубой заметки Фариначчи по моему адресу, не было допущено. В целом ряде органов печати было прямо подчеркнуто, что пакт не направлен против Советского Союза.

6. Из всего сказанного, конечно, нельзя и не следует делать выводов, что этот пакт не сделается, даже в части касающейся Италии, орудием антисоветской политики и антисоветских происков. Нельзя, конечно, забывать, что между Германией и Италией, а теперь между Италией и Японией имеется теснейший контакт по военной и военно-технической линиям и что этот контакт будет использован против СССР. В данный момент итальянское правительство пытается нам всячески показать, что оно не желает дальнейших осложнений с СССР. Это, в частности, вытекает и из сообщения, сделанного министерством печати иностранным журналистам по поводу возможных последствий нашего демарша. Сообщение это было опубликовано в нашей печати. Если в момент демарша у меня были некоторые сомнения насчет возможности депонсирова-

ния итальянским правительством договора от 1933 г. *, то теперь, суммируя поведение итальянцев за эти две недели, я совершенно убежден, что они на такую меру не пойдут. Я совершенно согласен с Вами насчет итальянских аспираций по поводу Украины. Отмечаю, что деятельность украинских эмигрантов в последнее время весьма оживилась.

7. Исключительный интерес в данный момент представляет собою проблема итало-английских отношений. Дней десять тому назад, т. е. в момент нового заявления Чемберлена о желательности примирения между Англией и Италией, казалось, что будет повторена как с одной, так и с другой стороны комедия джентльменского соглашения. Между тем по сравнению с январем этого года международная обстановка стала настолько более напряженной и, в частности, англо-итальянские отношения настолько обострились, что амплитуда маневренных жестов значительно сузилась. Вы помните, что на призыв Чемберлена Муссолини ответил резкой по тону и по содержанию статьей в «Информационе дипломатика». Отдельные фразы этой статьи не оставляли сомнений об авторстве Муссолини. Смысл статьи был весьма ясен: мы не согласны на повторение комедии жестов — либо начинайте переговоры немедленно, либо все будет продолжаться по-старому. Переговоры, как известно, не были начаты. Чиано, правда, вызвал лорда Перта ** к себе, воспользовавшись каким-то сравнительно маловажным предлогом. Вызвав английского посла, Чиано тем не менее не смог спровоцировать его на разговор об итало-английских отношениях. Перт категорически утверждает, что эта тема не была затронута во время его свидания с Чиано. Самый факт инициативы Чиано говорит о том, насколько Муссолини не хотел бы параллельных переговоров между Лондоном и Римом в то время, как Галифакс сидит в Берлине ***. Это не удалось, и итальянские круги не скрывают своего раздражения, приписывая отсрочку итало-английских переговоров влиянию «злого Идена» на «доброе Чемберлена».

8. Большую внутреннюю озабоченность вызвал и продолжает вызывать визит Галифакса в Берлин. Подтверждая эту озабоченность, министерство печати весьма неумно сообщило инжурналистам, что, дескать, итальянское правительство находится полностью в курсе переговоров между англичанами и немцами. Чем больше печать кричит о неизбежности и нерушимости «оси» Рим — Берлин, тем больше она отражает внутреннюю тревогу насчет верности Берлина.

9. В отдельном письме Вам сообщаются неутешительные данные относительно итальянской экономики, 5-миллиард-

* См. т. XVI, док. № 277.

** Друммонд, граф Перт — посол Великобритании в Италии.

*** См. док. № 420.

ный дефицит итальянского бюджета нельзя покрыть никакой болтовней относительно автаркии. Как тщательно ни скрывают итальянцы факта многочисленных неудачных попыток получить заем за границей, все это постепенно выплывает наружу. Последняя попытка имела место две-три недели тому назад со стороны графа Вольпи*, который тщетно добивался получения займа в Лондоне и которому в этом было отказано.

Все более и более неутешительные сведения для Муссолини приходят из Абиссинии. Непрерываемая ни на один момент партизанская война, полная неуверенность в завтрашнем дне, невозможность осуществления какой-либо планомерной колонизации, необходимость затрачивать все большие и большие суммы на освоение края, голод в целом ряде районов — все это создает весьма безотрадную картину. Как Вы знаете из последних сообщений, Муссолини одновременно сменил как вице-короля маршала Грациани, так и министра колоний Лессона. Грациани категорически отказывался проводить планы колонизации до того, как страна будет «умиротворена». Он систематически жаловался на то, что вместо нужных ему солдат в Абиссинию посылаются переселенцы, которых ему же приходится защищать от нападения партизанских отрядов.

Назначению нового вице-короля герцога Аостского, родственника короля, предшествовала борьба между Муссолини и Виктором Эммануилом**. Последний в течение месяца отказывался дать согласие на назначение герцога Аостского. Здесь не секрет, что король, огносившийся с самого начала к абиссинской аванюре неодобрительно, до сих пор не желает непосредственно втягиваться в нее. Как можно было и предвидеть, Муссолини сломил сопротивление короля. То обстоятельство, что он взял на себя лично министерство колоний, также говорит об остроте положения.

10. За последние три недели произошел несомненный сдвиг в испанском вопросе. Газеты с каждым днем все меньше и меньше говорят об Испании. В то время как еще месяц тому назад во всех разговорах испанская проблема играла вне всякой конкуренции первую роль, сейчас об Испании почти не говорят.

Эта перемена настроения отнюдь не может быть объяснена полной уверенностью в окончательной победе Франко и признанием, что Италия достигла в Испании тех целей, которые она себе поставила. Дело обстоит совсем не так. В испанском вопросе итальянская внешняя политика в данный момент несомненно переживает какой-то кризис. На Муссолини произвела

* Вольпи ди Мизурата — председатель фашистской Конфедерации промышленников, государственный министр, один из лидеров фашизма.

** Король Италии.

огромное впечатление новая фаза английской политики по отношению к Франко, и в частности назначение английских «агентов» при саламанкском правительстве*. В первый момент итальянцы попытались было представить это дело как целиком и полностью отвечающее их интересам и как неопровержимый признак победы Франко. Но уже через несколько дней эта версия сменилась серьезной тревогой по поводу той роли, которую в действительности играет Англия и которая весьма озабочивает Муссолини. Последний чрезвычайно боится, что англичане заберут Франко в свои руки и выгонят итальянцев из Испании. Таким образом, он окажется после длительной и архидорогостоящей авантюры у разбитого корыта. То обстоятельство, что англичане фактически оттягивают переговоры с Италией, несомненно увязывается с усилением их влияния в Испании. Всячески ускоряя эти переговоры, Муссолини имел в виду сделать испанский вопрос картой в своих руках при окончательном сговоре с Англией. Теперь он видит, что, если переговоры начнутся после того, как итальянцы фактически будут вытеснены из Испании, баланс переговоров будет для него еще менее благоприятным. С другой стороны, перемене настроения способствовало то обстоятельство, что, вопреки радужным планам итальянского командования, выяснилось, что до весны, во всяком случае, Франко не удастся ничего сделать.

11. Я Вам неоднократно сообщал о своих разговорах с китайским послом. Как то, что он говорил мне лично, так и другие сведения, заслуживающие доверия, дают представление о том, что Италия не прерывает и не хочет прерывать своих связей с Китаем. По словам посла, он систематически получает от Чан Кай-ши инструкции ни в коем случае не обострять отношений с Италией, сознательно закрывая глаза на японо-китайскую ориентацию итальянской внешней политики и пытаясь спасти в итадо-китайских отношениях все, что только можно спасти. Можно считать совершенно установленным фактом, во-первых, то обстоятельство, что Италия не отзывает своей военно-воздушной инструкторской миссии, находящейся в Китае, а во-вторых, то, что Италия систематически продолжает отправлять оружие в Китай. Характерно, что, несмотря на тройственный пакт, Муссолини принял китайского министра пропаганды и долго с ним беседовал. О результатах этой беседы я Вам телеграфировал²⁴¹. Все сказанное говорит о том, что, несмотря на пакт, несмотря на поведение Италии в Брюсселе, Муссолини, по-видимому, не вполне уверен в японской победе и не хочет выпускать из своих рук возможность переориентировки в случае, если обстоятельства изменятся.

* См. док. № 403.

12. Все сказанное выше, несомненно, свидетельствует о тяжелом положении Италии на международном фронте. Конечно, проблему итальянской внешней политики нельзя рассматривать изолированно от общего международного положения и поэтому более чем трудно делать сейчас какие-либо прогнозы. В частности, представляется весьма сомнительной выгода, которую получил Муссолини от подписания тройственного пакта. На Англию пока угроза, заключающаяся в этом пакте, не оказала большого влияния. Несмотря на заявление Чемберлена, воз англо-итальянских переговоров не сдвинулся с места. Если тройственный пакт и произвел некоторое впечатление на Англию, то в результате мы имеем поездку лорда Галифакса в Берлин и новые тревоги Муссолини по этому поводу. По отношению к третьему союзнику, Японии, Италия пока что только дает, ничего не получая взамен. Таким образом, баланс тройственного пакта пока мало утешителен для Италии. Не удаются, по-видимому, и «присоединения» к римскому договору. В отношении ряда стран подобные присоединения могли бы послужить для усиления итальянского влияния. Но этого не случилось. Отказались присоединиться не только Польша, Румыния и Югославия, но и такие еще недавние вассалы, как Австрия и Венгрия. Шум, поднятый фашистской печатью по поводу переворота в Бразилии и предстоящего ее присоединения к пакту, пришлось прекратить. Печать получила указания «не раздувать» события в Бразилии и не печатать ничего относительно возможного присоединения ее к пакту.

13. Советско-итальянские отношения в данный период исчерпываются одним только что закончившимся арестным делом (высылкой Маркова) и другим — заканчивающимся (процессом Григорьева)²⁴². Об этом я пишу отдельно. Торговые отношения почти сведены к нулю²⁴³. К сожалению, я не получал от Вас никакого ответа на мое письмо прошлой почтой, посвященное проблеме экономических отношений. На днях выехал в Москву торгпред г. Беленький. Проблема итало-советских экономических отношений должна рассматриваться на днях в Наркомвнешторге.

14. Несмотря на то что конкретные отношения между Италией и СССР в данный момент почти не существуют, опыт последнего времени убеждает меня в том, что Муссолини не хочет рвать с нами, равно как и не хочет слишком обострять отношений. Должен сказать, что МИД ведет себя весьма предупредительно по всем нашим делам и проявляет явное желание, как выражаются систематически Чиано, Витетти* и др., «спасти в итало-советских отношениях все то, что толь-

* Директор департамента по общим вопросам МИД Италии.

ко можно спасти». Также систематически они намекают на то, что международная обстановка может измениться.

15. Связи с итальянцами делаются все труднее и труднее. На устроенном мною 7 ноября приеме по случаю 20-летия Октябрьской революции из трехсот присутствовавших можно было с трудом насчитать несколько итальянцев. МИД прислал четырех представителей во главе с генеральным директором Витетти и начальником протокола. От других министерств было по одному человеку. Корпус был представлен почти полностью, за исключением германского посла, который отговорился присутствием Риббентропа. Мы всячески теперь усиливаем связь с дипкорпусом и иностранными журналистами. Среди последних имеется целый ряд весьма осведомленных людей, связь с которыми чрезвычайно полезна.

С тов. приветом

Б. Штейн

Печат. по арх.

**423. Письмо Полномочного Представителя СССР во Францию
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

27 ноября 1937 г.

Дорогой Максим Максимович,

Я постараюсь в настоящем письме несколько подробнее остановиться на тех моментах, о которых Вам так бегло про-сигнализировал прошлой почтой.

Я Вам писал, что не встретил до сих пор ни одного француза, который не критиковал бы высшей политики теперешнего кабинета. Независимо от партийной принадлежности все сходятся на том, что Франция «потеряла свое внешнее лицо», идет на поводу у англичан и растеряла своих друзей²⁴⁴. Параллельно с этим, естественно, нарастают и тревоги за завтрашний день. Удастся ли Франции избежать войны, и подготовлена ли она, чтоб отразить ее удары? На эту тему, между прочим, на днях прочел интересный доклад председатель комиссии по иностранным делам в сенате Беранже. Интерес этого доклада заключается в том, что, поставив очень остро вопросы об опасностях, которые со всех сторон сейчас угрожают Франции, и довольно правдиво в этом плане обрисовав роль фашистского блока государств, он пряходит к выводу, что нужно искать соглашение с этим блоком. И к сожалению, нужно признать, что Беранже в этой своей непоследовательности далеко не одинок и отражает господствующие здесь настроения, в которых переплетаются страх перед агрессорами и разочарование в системе коллективной безопасности. Этот страх перед агрессорами особенно возрос за последнее

время в связи с подписанием трипартитного пакта в Риме*. Французы не могут не отдавать себе отчета, что сотрудничество трех фашистских стран, поставивших своей задачей новый передел мира и непосредственно к тому же соприкасающихся с французской метрополитой и ее колониями, угрожает самым жизненным интересам Франции. Французы сейчас уже вынуждены считаться с эвентуальной возможностью одновременной войны почти на всех своих главнейших границах. Пиренеи, Северная и Западная Африка, пути сообщения в Средиземном море и Атлантическом океане, подступы к Индокитаю, а не только одна рейнская граница находятся сейчас уже под ударом тройственного союза, одушевленного духом захватов и волей [к] экспансии.

Спрашивается, что можно противопоставить всем этим грозным силам, не признающим, как выразился в своем докладе Беранже, «ни прав, ни законов, ни международных обязательств», как организовать отпор против захватнических стремлений тройственного соглашения? Через Лигу наций? Но в нее здесь почти никто не верит. Расходясь в оценке причин, которые привели ее к теперешнему состоянию маразма (чаще всего приходится, конечно, выслушивать обвинения по адресу Лавалея), все единодушно сходится на том, что рассчитывать на Лигу как на орган, который был бы способен оказать организованное и эффективное сопротивление агрессору, сейчас навряд ли приходится и что нужно считаться со все более и более убывающей ролью Лиги и в плоскости предотвращения военных конфликтов. Настроения разочарования, колебаний и сомнений наблюдаются и тогда, когда вопрос переводится в плоскость оценки эффективности союзов, которые имеются у Франции. О некоторых из этих союзников сейчас приходится уже говорить как о потенциальных противниках Франции в будущей войне. Задачи французской дипломатии в этих странах сводятся уже главным образом к обеспечению их нейтралитета, к нейтрализации в них вражеского влияния. К этому, по существу, свелась вся французская политика последнего времени в Польше, Бельгии и Югославии. Этой задаче посвящена и предстоящая поездка Дельбоса в Польшу и по странам Малой Антанты**. Но если бы даже и удалось, что представляется весьма маловероятным, восстановить былое сотрудничество Франции со своими послевоенными союзниками, если бы удалось, словом, оживить отмирающую «французскую систему», то и тогда Франция не могла бы считать себя, на случай столкновения с силами тройственного соглашения, в достаточной степени огражденной от военного поражения. Такую гарантию ей мог бы дать только союз, общий

* См. док. № 422.

** См. док. № 424, 425, 430, 437.

фронт и тесное сотрудничество с наиболее сильными демократическими странами мира, в первую очередь с СССР.

В этом формально как будто и заключается внешняя политическая линия, весь курс теперешнего правительства, но только формально и на бумаге. Уже сейчас можно, к сожалению, констатировать, что из этой цепи фактически уже выпало одно из главнейших его звеньев — сотрудничество с СССР. Наличие такого сотрудничества не ощущалось ни на одном из этапов активности и деятельности французской дипломатии за весь последний отрезок времени. Возьмем любой из крупных международных вопросов последнего времени, как, например, испанский, дальневосточный. Везде мы наталкиваемся на одинаковую картину — почти везде наши пути с французской дипломатией расходятся. Наши непосредственные взаимоотношения также очень мало напоминают отношения между союзниками. О пакте* вспоминают очень редко, полустыдливо, с постоянными оглядками и оговорками. Меньше всего проявляется стремление и желание придать ему какой-либо действенный характер, подойти к нему серьезно, под углом его первоначального предназначения**. Я уже как-то писал, что если его и ценят, то больше с точки зрения негативной, как помеху против нашего сотрудничества с Германией, но не больше²⁴⁵. Конечно, было бы неверно, если бы мы сказали, что так к нашему пакту подходят решительно все во Франции, но, к сожалению, это верно в отношении как раз тех, которые фактически сейчас решают судьбы Франции. И в этой констатации заложено уже и объяснение самого факта. Наблюдая все, что за последнее время происходит во всем мире, такие на первый взгляд непонятные вещи, как предательство своих собственных национальных интересов (возьмем хотя бы политику Франции в испанском вопросе), приходишь к выводу, что классовые интересы в международной политике явно преобладают над национальными. И этот простой факт является фактом, определяющим всю внешнюю политику нашего времени. Этот факт, наряду с преклонением перед английской мощью и английскими ресурсами, сказывается и в стремлении во что бы то ни стало сохранить общий курс с Англией. Этот курс, почти безраздельно здесь разделяемый (главный и чуть ли не единодушный лозунг внешней политики Франции), почти всегда обосновывается тем, что только Англия может по-настоящему оградить Францию от германской угрозы, и оправдывается также ссылками на общность демократических режимов обеих стран; но этот курс имеет свои глубокие корни и в общем страхе перед «красной опасностью», в общей ненависти к социальной революции.

* См. т. XVIII, док. № 205.

** См. док. № 20, 50, 80, 137, 415.

Здесь заложена и главнейшая опасность, что этот курс, особенно в тех формах, в которых он сейчас проводится, может привести к соглашению между двумя «осями», к соглашению за наш счет, к соглашению, направленному против наших интересов.

Было бы, конечно, неправильным допустить, что ось Париж — Лондон без боя сдаст свои позиции фашистскому фронту, как неправильно и всякое упрощенное замазывание разницы между демократическими и фашистскими странами. Борьба между двумя фронтами будет вестись и продолжаться. Но тот факт, что «фронт демократии», особенно Англия, пуше всего боится эффективного участия в нем СССР, хотя не может не понимать, что это участие сыграло бы решающую роль в исходе борьбы с фашизмом, — этот факт показывает (что мы уже отчасти видели и в Испании), что поражение фашизма за счет роста влияния СССР является для «фронта демократии», и в особенности для Англии, исходом самым нежелательным. Поставленная в необходимость выбирать между фашизмом и «большевизмом», она свой выбор несомненно остановит на первом.

Если тезис о необходимости тесного сотрудничества с Англией является здесь общепризнанным, если огромное большинство усматривает в оси Лондон — Париж главнейшую и основную гарантию против агрессии фашистских стран, то большие споры и нарекания вызывает характер, который это сотрудничество приняло в настоящий момент. Из уст не только левых приходится выслушивать упреки, направленные по адресу Дельбоса и Шотана, что их сотрудничество с британским кабинетом превращается все более и более в покорное хождение на поводу у Идена и Чемберлена. Отмечают, что лондонский кабинет до такой степени стал мало считаться с мнением своего парижского партнера, что не находит даже нужным предварительно согласовывать с ним такие шаги, как фактическое признание Франко, переговоры с Италией (перепуска Чемберлена — Муссолини) и с Германией (визит лорда Галифакса)*. Что касается последнего, то весьма характерен тот факт, что официальная французская пресса сочла себя вынужденной довести постфактум до сведения общественного мнения, что Лондон «предупредил» Париж о предстоящей поездке лорда Галифакса. Да и сам Дельбос в беседе не скрыл, что решение о поездке Галифакса захватило его «несколько» врасплох²⁴⁶.

Здесь справедливо указывают, что такое слепое следование за политикой Лондона не только наносит ущерб престижу Франции, но и в целом ряде случаев причиняет огромный ущерб ее прямым национальным интересам. Если левые для

* См. соответственно док. № 403, 422, 420.

иллюстрации этого положения ссылаются больше всего на политику в Испании, то правые патриоты чаще всего говорят о втягивании Франции в игру, которую Лондон затевает в Берлине.

Напоминают, что такая нерешительная и несамостоятельная политика привела уже к ослаблению дружеских связей Франции со странами Дунайского бассейна, фактическому захвату Италией и Германией опорных пунктов в Центральной Европе и Средиземном море и т. д.

Некоторые из друзей высказывают опасения, что если такая политика будет безнаказанно продолжаться и дальше и не будет пресечена вмешательством и давлением снизу, то Франция неизбежно докатится до полного капитулянтства перед Гитлером и Муссолини. Шотан и Дельбос, запуганные грозящей на всех сухопутных границах опасностью, неуверенные в действенной помощи извне, недоверяющие СССР (большую роль, конечно, сыграло и использование тенденциозных слухов о внутреннем положении в СССР), способны, мол, на любую капитуляцию.

Но если приходится так часто выслушивать нападки на Дельбоса (чаще всего в устных беседах, печать довольно сдержанна), то, к сожалению, очень редко эта критика сопровождается и позитивными указаниями о том, как сам критикующий мыслит себе выход из положения. Здесь обычно начинаются общие места и фразы. Исключения не составляют даже такие искушенные политики, как Пертинакс. Бюре, из правого лагеря, и Эррио, [Поль-]Бонкур * — из левого.

Мне приходится сейчас на этом закончить свое письмо. Следующей почтой я поделюсь поступающими к нам данными о позициях, которые занимают по вопросам внешней политики различные партии.

С товарищеским приветом

Суриц

Печат. по арх.

424. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

1 декабря 1937 г.

На Вашу телеграмму от 29 ноября²⁴⁷. Дельбоса надо будет хорошенько прощупать, чтобы узнать действительное содержание лондонских переговоров. Сомневаюсь, чтобы официальное коммюнике ** полностью соответствовало этому содер-

* Соответственно французский публицист, редактор газеты «Орд», председатель палаты депутатов, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Франции.

** См. док. № 420, 427; газ. «Известия», 1 декабря 1937 г.

жанию, но и в нем есть туманности, которые нуждаются в разъяснении. Конкретно надо знать, на чем сошлись англичане и французы по вопросу о колониях, о притязаниях Германии на Чехословакию и Австрию, о франко-советском пакте, о «пакте четырех», о ст. 16 Устава Лиги, по испанскому и дальневосточному вопросам.

Предупредите Дельбоса, что в Польше за последние дни усилилась антисоветская кампания с распространением всяких вздорных слухов об СССР и что эта кампания имеет в виду обработать Дельбоса во время его приезда в Варшаву*. Пусть не верит ни одному слову Бека о нашем внутреннем положении. Мы рассчитываем, что Дельбос не только не будет поддаваться на интриги Бека, но, наоборот, укажет последнему на ценность сотрудничества с СССР и заинтересованность Франции в улучшении советско-польских отношений. Рассчитываем мы также на его соответственное воздействие на румынское правительство. Все это Вы должны говорить не в форме просьбы, а разъяснений с точки зрения интересов самой Франции и всего европейского мира.

Литвинов

Печат. по арх.

425. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
1 декабря 1937 г.*

Подготовка для визита Дельбоса** соответствующей атмосферы выражается не только в бешеной кампании прессы против СССР и полпредства, но и в античешской кампании. Подробности даю через ТАСС. Не может быть и речи о том, чтобы Дельбос повлиял на поляков в каком-либо вопросе. Наоборот, поляки все сделают для того, чтобы запугать и обработать Дельбоса, ослабить франко-советские и франко-чешские отношения и подтолкнуть французов на капитуляцию перед Гитлером по австрийско-чешскому и другим вопросам. Кроме политической цели кампания против полпредства несомненно преследует и полицейско-провокационные цели II отдела.

Считаю необходимым передавать в «Известия» с разоблачающей целью сущность и методы антисоветской и античешской кампаний польской прессы, выходящих далеко за рамки обычных диверсий. Полагаю, что следует предать гласности мой формальный протест, заявленный Кобылянскому в связи

* См. док. № 425, 426, 437, 455.

** См. док. № 407, 430, 437.

с кампаней прессы и последним разговором с Беком²⁴⁸. Бек до сих пор не дал обещанного коммюнике и, по всей вероятности, его не даст.

Виноградов

Печат. по арх.

426. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Я. З. Сурица Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Немедленно
2 декабря 1937 г.*

По получении Вашей телеграммы* вновь повидал Дельбоса и переговорил с ним в духе Вашей директивы. Дельбос отнесся (по крайней мере, на словах) очень внимательно к Вашим сигналам, обещал быть тверже кремня («никому не позволит поколебать франко-советскую дружбу») и заверил меня, что по собственной инициативе намерен был указать Беку, что теперешнее состояние польско-советских отношений тревожит Францию, расходится с ее интересами, интересами Польши и всего мира. Все это, как и соответствующее «внушение» Румынии, им уже и раньше было предусмотрено при выработке программы своего отъезда и составляет один из существеннейших элементов намеченного им плана умиротворения Европы.

Так как мое свидание с Дельбосом состоялось буквально за полчаса до его отъезда в Варшаву, то мне уже не удалось от него выудить что-либо новое относительно визита в Лондон. Единственное, что он мне рассказал, это то, что Лондон сравнительно слабый интерес проявил к судьбе Австрии и удовлетворен заверениями Гитлера, что тот ничего другого не желает, как лояльного выполнения Австрией ее договора с Германией.

Полпред

Печат. по арх.

427. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
3 декабря 1937 г.*

Суммируя всю информацию, имеющуюся в моем распоряжении, могу подвести следующие итоги последних событий в сфере британской внешней политики.

1. В течение октября — ноября германофильские элементы в Англии, опирающиеся на салон леди Астор, представленные

* См. док. № 424.

в печати «Таймс» и прессой Роттермира и имеющие в качестве своих выразителей в кабинете Галифакса, Саймона, Кингсли Вуда и особенно Хора (желающего к тому же занять место Идена во главе форин офиса), сделали энергичную попытку превратить нынешнюю политику Англии потачек и отступлений перед агрессором в прямой союз с агрессором для борьбы с «коммунизмом», т. е. СССР, и в наивной надежде сохранить таким путем неприкосновенность Британской империи. Данная попытка одно время имела несомненный успех. Германофилам удалось привлечь на свою сторону Чемберлена, который по соображениям как внутренней, так и внешней политики вообще склонен к прямому сговору с агрессором, и в результате при обстоятельствах, изложенных в моих прежних сообщениях *, состоялась встреча Галифакса с Гитлером.

2. На сегодняшний день можно считать несомненным, что названная попытка германофилов изменить линию внешней политики Англии потерпела неудачу, внешним проявлением чего явилось совещание англо-французских министров и принятые им решения **. Великобритания пока осталась при своей прежней линии, полной слабости, колебаний и зигзагов, но все-таки не носящей характера прямого союза с агрессором.

3. Причины такого развития событий довольно сложны, но в основном здесь сыграли роль следующие факторы: резкая постановка Германией колониального вопроса и подписание тройственного антикоммунистического пакта, сильно напугавшего весьма широкие круги консерваторов и связанные с ними элементы (вспомните, например, мой недавний разговор с таким германофилом, как Лотниан²⁴⁸); оппозиция Франции и шумно выражаемые страхи Малой Антанты, Бельгии, Голландии; неблагоприятная реакция США и опасение испортить отношения с СССР, важность которых как противовеса против возможных агрессоров (в особенности на Дальнем Востоке против Японии) сейчас остро ощущается, хотя и не высказывается открыто, в английских правящих кругах; враждебность лейбористов и большей части либералов к разделению Европы на Западную и Восточную с предоставленным Германии свободы действий на востоке; сопротивление «франкофильской» части консерваторов, возглавляемой Иденом и вообще форин офисом; наконец личная популярность Идена не только в консервативных, особенно «молодых», кругах, но и среди официальной оппозиции, рассматривающей его как оптимальный вариант министра иностранных дел при наличии нынешнего правительства. В конечном счете общее соотношение сил сложилось не в пользу германофилов, старая линия политики

* См. док. № 411, 415, 420.

** См. док. № 420, 424; «Международная жизнь», 1973, № 5, стр. 112—113.

была сохранена, а поколебленное было положение Идена вновь укрепилось. Вместе с тем премьер-министр получил хороший предметный урок и, видимо, начал понимать, что осуществление «пакта четырех» оказывается делом более сложным, чем он это раньше предполагал. В частности, дней десять назад «главная плетка» (главный организатор) консервативной партии Марджесон довел до сведения Чемберлена, что на основании всей имеющейся в его распоряжении информации о настроениях в партии и в стране, отставка Идена, в особенности если бы она сопровождалась назначением на его место Хора, нанесла бы сильнейший удар престижу правительства. Надо думать, что премьеру теперь придется хотя бы временно несколько «выровнять» линию своего поведения.

4. Вместе с тем, однако, было бы большим заблуждением считать, что нынешняя неудача нанесла германофильским элементам в Англии непоправимый удар. Наоборот, есть все основания утверждать, что с неослабевающей энергией они будут продолжать свою работу дальше и при первом подходящем случае перейдут в новое наступление. Судя по некоторым признакам, их тактика теперь будет состоять в том, чтобы доказывать непрактичность «общеевропейского урегулирования» и настаивать на необходимости разбить такое урегулирование на ряд более или менее «независимых» проблем, каждая из которых должна быть разрешена в отдельности. И хотя Чемберлен сейчас несколько опалил себе крылышки, нет никакой уверенности в том, что в дальнейшем он, со своими навыками «бизнесмена», не соблазнится подобными аргументами и не пойдет вновь на поводу у германофилов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем более что дальневосточная ситуация вызывает среди англичан почти паническое настроение, и весьма влиятельные люди здесь носятся сейчас с модной идеей «замирения» в Европе (т. е. с Германией и Италией) для получения «свободы рук» в Восточной Азии. Какие-либо серьезные изменения в соотношении сил в Испании или какие-либо новые авантюры фашистских держав в остальной Европе могут также оказать весьма серьезное влияние на позицию премьера и вообще правительства. Вот почему, с удовлетворением регистрируя нынешнюю неудачу германофилов, необходимо тем не менее с величайшей бдительностью следить за дальнейшим развитием британской внешней политики.

Майский

Печат. по арх.

**428. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР
в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел
СССР**

*Немедленно
3 декабря 1937 г.*

По поручению Ван Чун-хоя, который сам лежит больной, секретарь МИД Лян * сделал мне следующее заявление: Китай ценит отношение к Китаю держав — участниц Брюссельской конференции **, однако эта конференция не дала никаких результатов. Поскольку Китай войны не хотел и теперь ведет лишь оборонительную войну, постольку всякое посредничество является желательным. Ввиду этого предложение Германии о посредничестве будет принято во внимание. На мой вопрос, надо ли понимать, что китайское правительство [примет] предложение Германии о посредничестве, Лян после некоторого колебания ответил утвердительно ²⁵⁰. Он просил довести это до сведения Советского правительства.

Меламед

Печат. по арх.

**429. Телеграмма Полномочного Представителя и Заместителя
Торгового Представителя СССР во Франции в Народный
Комиссариат Иностранных Дел СССР *****

4 декабря 1937 г.

Альфан ****, из министерства торговли, 3 декабря пригласил Гиршфельда и, сославшись на разговор Кулондра с Розенблюмом ²⁵¹, указал, что министерство торговли не считает возможным оставление в будущем прежней основы временного торгового соглашения, «как не соответствующей общему характеру франко-советских отношений». В качестве возможной базы будущего соглашения Альфан сослался на советско-бельгийский режим с фиксацией обязательного минимума советских закупок во Франции. Со своей стороны Альфан поставит перед министром торговли вопрос о применении минимального тарифа к расширенной номенклатуре советских товаров. Поскольку до конца года остается весьма мало времени, Альфан предлагает продлить нынешнее временное торговое соглашение «на самый короткий период» и одновременно сейчас же приступить к переговорам о новом соглашении.

Со своей стороны считаем возможным принять предложение Альфана о продлении нынешнего соглашения (оговорив,

* В документе ошибочно — Дуань.

** См. док. № 401, 402, 404, 408, 409, 417, 418.

*** Копия телеграммы была направлена в НКВД СССР.

**** Директор департамента торговых соглашений министерства торговли и промышленности Франции.

что это ни в коем случае не означает нашего согласия на новую базу соглашения), чтобы иметь возможность подготовиться к предстоящим переговорам.

Срочно сообщите указания *.

Суриц, Синицин

Печат. по арх.

430. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
5 декабря 1937 г.*

Сегодня был принят Дельбосом **. Он удовлетворен своими беседами с поляками, отсутствием спорных вопросов между Францией и Польшей и нормальным функционированием франко-польского союза ***. Решено усилить культурные связи между Францией и Польшей. Вопросы о колониях, промкредитах и «пакте четырех» или пяти, по словам Дельбоса, не ставились. Бек сказал ему, что Польша не присоединится к тройственному антикоммунистическому соглашению. Бек заявил, что отношения с СССР, с точки зрения дипломатической, удовлетворительны. Бывают инциденты, вроде последнего на ст. Здолбуново ****, но они носят местный характер и поддаются урегулированию при помощи пограничных комиссий. Зато Коминтерн причиняет много неприятностей польскому правительству.

Я пытался разъяснить Дельбосу, что напряженность внутреннего положения Польши объясняется не происками Коминтерна, с которым не следует смешивать Советское правительство, и что государственный переворот подготовлялся не Коминтерном, а фашистами. Я указал, что с точки зрения дипломатической дело обстоит иначе, если принять во внимание общие тенденции польской внешней политики, бесконечные интриги Бека или хотя бы последнюю антисоветскую кампанию прессы *****.

Дельбос говорит, что он советовал Беку договориться с чехами (мне кажется, что совет был сугубо платонический). Дельбос считает, что опасность со стороны Германии угрожает в первую очередь не Чехословакии, а Австрии, которая никакими пактами, кроме лигнационного, не защищена. О захвате немцами в первую очередь Австрии Дельбос говорил как о само собой разумеющейся и неизбежной вещи.

* См. док. № 431.

** См. также док. № 437.

*** См. т. XV, драм. 150.

**** См. газ. «Известия», 3, 5 декабря 1937 г.

***** См. док. № 407, 425.

Дельбос доволен встречей с Нейратом, которая, являясь актом вежливости, все же принесла известное разряжение в отношениях. С Нейратом Дельбос говорил об усилении культурной связи между Францией и Германией, об организации выставок, экскурсиях молодежи и пр.

Виноградов

Печат. по арх.

431. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

*Немедленно
8 декабря 1937 г.*

На телеграмму от 4 декабря *. Продление временного соглашения на краткий срок предрешает наше согласие на переговоры о новой базе соглашения. На это мы не согласны. Кулондру здесь было сказано, что база нынешнего соглашения наиболее соответствует интересам сторон и что менять ее нет основания. Мы вручаем здесь Кулондру меморандум, содержащий оперативные данные о советско-французском обороте и доказывающий, что действующее соглашение себя оправдало. В этом же духе ответьте и Альфану ²⁶¹.

Потемкин, Чвялев

Печат. по арх.

432. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Афганистане С. И. Сычеву

8 декабря 1937 г.

Мы уже сообщили Вам по телеграфу о конференции советского и афганского саранчовых бюро, которая должна быть созвана в текущем году по инициативе афганского бюро на афганской территории.

Главное хлопковое управление НКЗема полагает, что план работ конференции, вероятно, будет аналогичен плану работ, проведенных в прошлом году в Сталинабаде.

Кроме того, Главное хлопковое управление заинтересовано в том, чтобы на этой конференции обсуждались и были приняты некоторые решения по вопросам, связанным с организацией и проведением в 1938 г. мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями хлопчатника. В этой связи оно полагало бы целесообразным постановку на конференции докладов обоих бюро по следующим вопросам:

* См. деп. № 429.

1. О плане организации мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями хлопчатника в 1938 г.

2. О проработке специальной инструкции для организации и проведения вышеуказанных мероприятий.

3. Об определении количества ядовитых материалов, жмыхов и аппаратуры, необходимых Афганистану в 1938 г. для вышеуказанных целей.

Само собой разумеется, что вышесказанные вопросы могут быть рассмотрены на конференции при условии положительного отношения афганского правительства к заключению соглашения о борьбе с вредителями и болезнями хлопчатника. В этом соглашении одинаково заинтересованы мы и афганцы, поскольку мы являемся покупателем значительной части афганского хлопка. Этот хлопок мы можем покупать лишь при том условии, если он не заражен розовым червем или другими вредителями хлопчатника.

Передайте Файзу Мухаммед-хану, что вопросу о вредителях и болезнях хлопчатника мы придаем весьма серьезное значение. Мы имеем значительные площади хлопковых посевов в смежных с Афганистаном пограничных районах, которые могут оказаться под угрозой, если на хлопковых полях Афганистана появятся вредители и болезни хлопчатника.

В равной мере Афганистан также должен быть заинтересован в сохранении в целости своих хлопковых посевов от заражения их вредителями и болезнями, так как зараженный хлопок никто не сможет и не пожелает закупать в Афганистане.

С целью сохранения хлопковых посевов необходимо принятие своевременных предупредительных мер и ведение постоянного наблюдения за этими посевами.

При положительном ответе Файза Мухаммед-хана на наше предложение о соглашении по борьбе с вредителями и болезнями хлопчатника сообщите ему, что было бы наиболее целесообразным организовать конференцию саранчовых бюро в Кабуле. Ввиду краткости оставшегося в этом году срока от мы не будем возражать, если конференция будет созвана афганцами в период между 25 января и 5 февраля 1938 г.

После Ваших переговоров с Файзом Мухаммедом по этим вопросам сообщите о результатах их по телеграфу²⁵².

Зам. Наркома
Б. Стомоняков

Печат. по арх.

433. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии М. М. Славуцкому

8 декабря 1937 г.

Сигемизу сегодня посетил меня и просил сообщить о сроке представления нашего проекта рыболовной конвенции*, всячески настаивая на его сокращении. Я ответил, что нами были выработаны предложения, которые были представлены в Совнарком. Совнарком установил, однако, что ряд положений конвенции 1928 г. не находится в соответствии с ныне действующей Конституцией, и предложил в срочном порядке переработать представленные предложения. В частности, в старой конвенции имеется ряд положений, исходящих из того, что в период заключения конвенции были частники, которых теперь нет. Наши предложения после их переработки будут представлены на утверждение правительства, а после их утверждения мы их сообщим японскому посольству. Точной же даты, когда мы сможем сообщить наши новые предложения, я назвать не могу. На вопрос посла, почему возник сейчас вопрос о Конституции, которая издана уже давно, я разъяснил, что новая Конституция, как известно, вступила в силу после завершения переговоров Козловского — Сако и что этот вопрос, естественно, встал теперь при рассмотрении предложения японского правительства.

Б. Стомяков

Печат. по арх.

434. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
9 декабря 1937 г.*

Стоядинович обещал представителям Малой и Балканской Антант принять их коллективно и информировать о содержании своих бесед с Муссолини и Чичано. Однако под предлогом перегруженности программы в последний момент Стоядинович от обусловленного свидания отказался. Югославский посланник также уехал из Рима. Поэтому подробная информация будет собрана и дана дополнительно. Сейчас на основании бесед с Блонделем, Хвалковским, Рагибом** и румынским поверенным в делах можно резюмировать лишь следующее:

1. Итальянцы выясняли перспективу формального присоединения Югославии к антикоммунистическому пакту, но получили, как утверждают, отрицательный ответ Стоядиновича.

* См. док. № 416, 443.

** Посол Турции в Италии.

2. Усилия Муссолини и Ччано были направлены не только в пользу политической переориентации Югославии в сторону германо-итальянского блока, но оба они стремились добиться от Белграда посредничества в пользу такой ориентации других Балканских стран. 3. Итальянцы предлагали Стоядиновичу военное сотрудничество в области вооружений и соглашались передать ряд новинок в области военной техники. 4. Стоядинович стремился использовать авансом Италию для получения ряда дополнительных экономических льгот и, в частности, добивался выгодных условий для размещения преимущественно военного характера заказов на 30 млн. замороженных здесь Италией дир.

Полиред

Печат. по арх.

435. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

9 декабря 1937 г.

1. По возвращении из США министр иностранных дел Кут передал норвежской печати 16 ноября свои заявления, опубликованные затем в газетах. Он вынужден был, между прочим, опровергать газетные сведения, предварительно сильно раздутые, о его успехах в Америке. Более интересно, по имеющейся у меня достоверной информации, то, что он отвечал на вопросы журналистов строго конфиденциально, не для огласки. Кут признал, что в Вашингтоне он ни по одному конкретному вопросу не добился положительного результата. По вопросу о признании Франко Кут подтвердил то, что раньше сообщала пресса, а именно, что для норвежского правительства вопрос этот не актуален. Что же касается требования хозяйственных кругов, то он считает пока достаточной защиту их интересов на территории, занятой Франко, прежними норвежскими консулами, продолжающими оставаться на своих местах, но это, конечно, не означает признания власти Франко.

По вопросу о позиции Скандинавских держав на Брюссельской конференции * Кут сказал журналистам, что под влиянием Швеции и Дании норвежская делегация согласилась воздержаться от голосования резолюции, желая сохранить свободные руки и не желая наперед ангажироваться в деле, явно обреченном на неуспех.

2. В разговоре на обеде, устроенном Кутом для дипломатов, он подтвердил мне сказанное журналистам по поводу Брюссельской конференции и добавил, что он всегда был противником участия Норвегии в Вашингтонском пакте. Присо-

* См. док. № 401, 402, 404, 408, 409, 417, 418.

единение Норвегии к этому пакту при бывшем правительстве Мувиנקеля встретило оппозицию НРП, но последняя не могла, к сожалению, добиться отказа от присоединения.

Из других источников, за достоверность которых не могу ручаться, мне стало известно, что между скандинавскими министрами иностранных дел шла оживленная дискуссия перед созывом конференции в Брюсселе и что якобы Кут отстаивал ту точку зрения, что надо отказаться от посылки делегации от северных стран.

3. Переговоры между НРП и компартией об организационном объединении сильно осложнились. На последнем заседании обеих сторон делегация НРП отказалась обсуждать какие бы то ни было пункты, пока не будет достигнуто соглашение по вопросу о вхождении НРП во II Интернационал. Она требовала окончательного ответа не позже чем в двухнедельный срок. Вопрос о присоединении НРП к II Интернационалу считается здесь предрешенным.

Полпред СССР в Норвегии
Якубович

Печат. по арх.

436. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

11 декабря 1937 г.

Здесь подписано 9 декабря немецко-румынское торговое соглашение, которое регулирует немецко-румынский товарообмен на три квартала 1938 г. и имеет целью, как мне сказал директор Экономического департамента, ликвидировать замороженные в Берлине румынские 40 млн. марок. Основным принципом товарообмена на будущий год будет установление зависимости румынского экспорта в Германию от произведенного немецкого экспорта в Румынию. По сведениям, полученным от немецкой делегации, сумма румынского импорта из Германии на 1938 г. установлена в 8 млрд. лей, из которых 5 млрд. — на вооружение: полевая артиллерия, легкие самолеты, пулеметы и оптические приборы. Соответственно этому Германия вывезет из Румынии на 8 млрд. нефти, вывоз которой не будет пытаться сокращать, хлеба, бекона, живого скота и лошадей. Эти сведения не опубликованы. Обращаю ваше внимание на то обстоятельство, что впервые предусмотрено массовое оснащение румынской армии из Германии, и на совпадение подписания этого соглашения с пребыванием Дельбоса.

Печат. по арх.

Островский

437. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

12 декабря 1937 г.

Я сообщал уже вам довольно подробно о визите Дельбоса **. Давая общую оценку, следует признать, что Бек может зарегистрировать большой успех. В самом деле, еще недавно французы, в свое время выбросившие его из Парижа как германского шпиона, могли его прогнать также и с поста министра иностранных дел. Но они этого не сделали, и теперь Дельбос приезжает к Беку как к «дорогому другу» и принимает предварительные условия, которые ставит для визита Дельбоса Бек. Эти предварительные условия: ничего не говорить в Варшаве об улучшении советско-польских и польско-чешских отношений. Француз мне открыто говорил об этих предварительных условиях и о том, что поляков нельзя раздражать никакими советами, иначе они все сделают наоборот. Разумеется, Дельбос знал также заранее, что в Варшаве он не убедит Бека по вопросу о Лиге наций и коллективной безопасности, что говорить с Беком по этим вопросам бесполезно. Таким образом, и это, правда вслух не высказанное, предварительное условие молчаливо было принято, и Дельбос не докучал и не раздражал Бека на этот счет и тем самым уступил в вопросе, казалось бы являющемся краеугольным камнем французской внешней политики. Таким образом, центр тяжести с самого начала был перенесен на «билатеральные» франко-польские отношения, что целиком соответствует концепции Бека. К области дипломатической подготовки визита Дельбоса и придания ему соответствующего направления относится также появление Нейрата на Силезском вокзале. Встреча Нейрата с Дельбосом на вокзале была на руку Беку, так как после этой встречи Дельбос не мог уже иметь никаких претензий по поводу польско-немецких отношений. Встреча Дельбоса с Нейратом показала, что путь к улучшению франко-польских отношений лежит через Берлин. После встречи Нейрата с Дельбосом облегчается также дальнейшее продвижение Бека в сторону Германии. Он может теперь спокойно пригласить Нейрата в Варшаву и сам ехать в Берлин.

Я не склонен приписать Беку инициативу встречи с Нейратом. Здесь, по-видимому, основную роль играла та «зарядка», которую Дельбос получил в Лондоне ***. В результате Лондонской конференции Дельбос выехал в Польшу и другие союзные страны не столько в качестве министра иностранных дел Народного фронта, сколько в качестве представителя англий-

* Документ имеет заголовок: «Визит Дельбоса в Варшаву».

** См. док. № 407, 423, 424, 425, 426, 430, 455.

*** См. док. № 420, 424, 427.

ских и французских группировок, стремящихся к соглашению с Германией, хотя бы даже ценою больших уступок. Ноэль сказал мне, что поляки якобы даже не знали о встрече Нейрата с Дельбосом, в то время как французы были задолго предупреждены немцами. Ноэлю кажется, что в появлении Нейрата на вокзале было известное предупреждение для поляков и намек на то, что если поляки будут упорствовать в данцигском и силезском вопросах, то Германия может договориться с Францией и без Польши. Я думаю, что это не так, по крайней мере на сегодняшний день. В сегодняшней конкретной обстановке встреча Дельбоса с Нейратом на руку Беку как с внешне-, так и с внутривнутриполитической точки зрения.

Наконец, поляки провели подготовку визита Дельбоса и создали определенную атмосферу путем бешеной антисоветской и античешской кампаний. Пресса без конца печатала самые фантастические сообщения о внутреннем положении СССР, о расстрелах и т. п. и констатировала как результат уменьшение роли Советского Союза на международной арене. Пресса писала о разочаровании Франции в Советском Союзе, об уменьшении значения франко-советского пакта * и о стремлении французских политических кругов заманить этот пакт укрепленным франко-польским союзом **. С особым злорадством польская пресса подчеркивала, что Дельбос, несмотря на то что вы его якобы пригласили, в Москву не едет (в отличие от Лавалы ***). Пресса настойчиво подчеркивала закат системы коллективной безопасности и победу концепции билатеральных договоров даже во Франции. Эта кампания переплеталась с кампанией против полпредства и против советской дипломатии вообще. О Чехословакии пресса писала, что она «коммунизируется» согласно решению Коминтерна и превращается в очаг коммунистической пропаганды в Центральной Европе.

Кампания польской и международной прессы против СССР не осталась безрезультатной и имела некоторое влияние на французов. Я вам уже сообщал, что накануне приезда Дельбоса ко мне специально пришел секретарь французского посольства Гюкье, посланный, по-видимому, Ноэлем, и задал мне целый ряд недоуменных вопросов о том, в какой мере слухи, передаваемые польской прессой об СССР и полпредстве, соответствуют действительности. По его словам, кампания против СССР в международной печати создает такую атмосферу, что Франция не может по-прежнему быть уверенной в силе и авторитете СССР. Я дал ему соответствующие разъяснения, и он ушел от меня более или менее успокоенным. Однако визит его ко мне характерен в том смысле, что раньше он, довольно хорошо разбирающийся в наших делах, никогда не задавал

* См. т. XVIII, док. № 205.

** См. т. XV, прим. 150.

*** См. т. XVIII, док. № 220, 224.

мне глупых вопросов, самое возникновение которых возможно лишь в результате появления в прессе бесконечных фальшивок²⁵³.

Я не придавал раньше большого значения тому, что говорил мне этот Гокье по вопросу о франко-советских отношениях, полагая, что он отражает лишь настроения реакционной бюрократии с Кэ д'Орсе. Однако, поговорив с Дельбосом и Ноэлем и сравнив мой разговор с разговором Дельбоса с чехом²⁵⁴, я убедился, что Гокье еще полгода назад говорил мне то же самое. Из этого вытекает, что или Дельбос переменял свои взгляды за последнее время, или же его точка зрения по вопросу о франко-советских отношениях всегда была близкой к взгляду чиневников с Кэ д'Орсе. Гокье говорил мне, что «вмешательство» СССР в испанские дела противоречит французским интересам и осложняет международное положение Франции. Франция перед лицом германской опасности должна во всех вопросах следовать за Англией, что предопределяет ее позицию в испанском вопросе и не допускает слишком большой близости с СССР²⁵⁵.

Гокье открыто говорил мне, что Франция толкнула Малую Антанту на далеко идущее сближение с Советским Союзом и это было также ошибкой французской внешней политики, особенно принимая во внимание внутриаполитическое положение стран Малой Антанты и опасность коммунизма для них²⁵⁶. В последней беседе со мной накануне приезда Дельбоса Гокье сказал мне, что Англия обеспокоена в настоящий момент больше всего событиями на Дальнем Востоке и в целях обеспечения европейского тыла согласна пойти на большие уступки Германии. Англия не будет воевать из-за Чехословакии, Австрия в случае нападения Германии на эти страны. Отсюда следует, что Франция должна тоже, вслед за Англией, идти по пути уступок Германии и если не теперь, то через полгода согласиться на плебисцит в Австрии и автономию судетских немцев. К тому же все возрастающая агрессивность Италии еще больше отвлекает Францию от Рейна и поворачивает ее в сторону Средиземного моря²⁵⁷. Далее Гокье употребил фразу, которую потом целиком воспроизвел Дельбос в своем разговоре с чехом: «В этой обстановке,— сказал Гокье.— СССР ни в коей мере не облегчает внешней политики Франции».

В разговоре со мной Дельбос упоминал, что Бек жаловался ему на пропаганду Коминтерна и указал на опасность ее для Польши. В разговоре с чехом Дельбос сказал еще больше. Он сказал, что Бек жалуется, что Коминтерн ведет свою пропаганду через Чехословакию (вспомните о «коммунизации» Чехословакии, о которой писала польская пресса перед приездом Дельбоса). Кроме того, Дельбос в разговоре с чехом уже сам пожаловался на Коминтерн, который при посредстве французских коммунистов вмешивается во внутрифранцузские де-

ла и ведет пропаганду. Таким образом, в вопросе об отношении к СССР между Дельбосом и Бекем обнаружилось не столько разногласия, сколько точки соприкосновения, ибо, как выясняется, Франции и Польше угрожает не гитлеровская агрессия, а Коминтерн, т. е. СССР. Уже после отъезда Дельбоса Ноэль заговорил со мной так же откровенно, как в свое время Гюкье. Я вам уже сообщал, что по вопросу о франко-советском пакте Ноэль, попросив не передавать этого в Москву, сказал мне, что пакт зависит от поведения французских коммунистов. Пакт не дал всего, что от него ожидали, потому что коммунисты ведут агитацию внутри страны, в колониях и за помощь Испании. Это оглушает среднего француза от коммунистов и СССР. Я, разумеется, указал ему, что мы заключали пакт не с французскими коммунистами, даже и не с правительством Народного фронта, и что при заключении пакта ни мы, ни подписавший его с французской стороны Лаваль не ставили функционирование пакта в зависимость от поведения французских коммунистов. Я указал, что в пакте нет такого пункта, который запрещал бы коммунистам ведение агитации или же обязывал их прекратить свое существование как партии. Я указал ему, что его формула для нас абсолютно неприемлема и может привести к очень опасным последствиям. На это он мне ответил, что все это, может быть, и так, но по существу, с точки зрения констатации объективного результата, прав именно он. Чем больше растет коммунизм во Франции, тем более критически относятся к франко-советскому пакту многие французы, которые раньше были за пакт. Для меня ясно, что Ноэль, только что видевший Дельбоса, высказывает в данном случае не только свое мнение.

При таких настроениях не приходится удивляться, что Бек одной фразой ликвидировал возможные сомнения Дельбоса относительно польской политики по отношению к СССР. Дельбос сказал мне, что Бек охарактеризовал советско-польские отношения с точки зрения дипломатической как удовлетворительные. Бывают инциденты, вроде последнего на ст. Здолбуново*, но они носят местный характер и поддаются урегулированию при помощи пограничной комиссии. Я указал Дельбосу, что и с точки зрения дипломатической не все обстоит так, как говорит Бек. Разрешение почти всех вопросов, которые мы пытаемся разрешить дипломатическим путем, годами задерживается, что равнозначно стагнации и, может быть, даже саботажу. Столь серьезный инцидент, как, например, в Здолбуново, а также кампания польской прессы против СССР и полпредства говорят сама за себя. Я охарактеризовал также общее направление польской внешней политики, подчеркнув ее прогитлеровский характер в вопросах Лиги наций,

* См. газ. «Известия», 3. 5 декабря 1937 г.

системы коллективной безопасности и Малой Антанты, и констатировал, что внешняя политика Бека диаметрально противоположна внешнеполитической линии СССР и, надеюсь, добавил я, Франции.

Однако Бек, по-видимому, меньше всего пытался убедить Дельбоса в том, что отношения между СССР и Польшей нормальные. Встретив явное сочувствие Дельбоса в вопросе о Коминтерне, Бек атаковал франко-советский, франко-чешский и советско-чешский пакты*. Дельбос мне об этом не говорил, но мне говорил об этом Зауэрвейн²⁵⁶, находившийся в свите Дельбоса. Об атаке Бека на советско-чешский пакт открыто писала «Тан». Тот же Зауэрвейн утверждает, что Дельбос отбил атаку Бека на франко-советский пакт, который, по словам Бека, отягощает франко-польские отношения. Дельбос якобы сказал Беку, что Франция не может иметь против себя СССР, и тут же спросил Бека, может ли иметь против себя СССР Польша. Ноэль уже после отъезда Дельбоса опровергал слухи об атаках Бека на франко-советский пакт и сказал мне, что Бек лишь ссылался на невозможность смягчения польско-чешских отношений до тех пор, пока Прага находится в интимных отношениях с Москвой. По словам Ноэля, Бек в разговорах с Дельбосом касался также внутривнутриполитического положения в СССР, представив его в соответствующем свете.

Я забыл упомянуть, что в разговоре с Дельбосом я пытался разъяснить ему, что напряженность внутреннего положения Польши объясняется не причинами Коминтерна, с которым не следует смешивать Советское правительство, и что государственный переворот в Польше, или тотализация, подготовлялся не Коминтерном, а фашистами.

Вот все, что мне известно от самого Дельбоса и из разговоров с другими дипломатами о беседах Дельбоса с Бекком по вопросу об отношениях с СССР.

Что касается франко-польских отношений в узком смысле этого слова, то в беседе со мной Дельбос сказал, что он удовлетворен своими беседами с поляками, отсутствием спорных вопросов между Францией и Польшей и нормальным функционированием франко-польского союза. Решено усилить культурную связь между Францией и Польшей. Уже после отъезда Дельбоса Ноэль в разговоре со мной подчеркнул, что разногласия между Францией и Польшей в вопросах Лиги наций и коллективной безопасности остаются в силе, что можно было понять даже из текста застольных речей, произнесенных Бекком и Дельбосом. Но так как Дельбос и Бек знали, что друг друга не убедят, то они старались о коллективной

* См. соответственно т. XVIII, док. № 235; т. VII, прил. I и т. XVIII, док. № 223.

безопасности и билатеральности вообще не говорить и обходить острые углы. Такая фигура умолчания целиком устраняет Бека, если принять во внимание, что еще недавно Франция пыталась втянуть Польшу в систему коллективной безопасности. Польская пресса упорно пишет, что в результате поездки Дельбоса в Варшаву и юго-восточные союзные страны идея билатеральных соглашений получит новый импульс в ущерб системе коллективной безопасности. Характерно, что «Тан» тоже напечатала по вопросу о билатеральности и коллективной безопасности статью, полную двусмысленностей и экивоков, из которых по крайней мере следует, что билатеральность не противоречит коллективной безопасности.

Кампания польской прессы накануне и во время визита Дельбоса в пользу предоставления Польше сырьевой квоты и районов для поселения эмигрантов и разговор Бека с Дельбосом на ту же тему по дороге в Краков также чрезвычайно симптоматичны. И в этом вопросе польская внешняя политика следует по стопам Гитлера и усиливает общий фронт агрессоров. Дельбос, по-видимому, ожидал худшего, поскольку польская пресса требовала ни более ни менее как предоставления Польше колоний, которые подлинно бы принадлежали Польше. Поэтому ему ничего не оставалось, как признать требования Бека умеренными и обещать ему, что в случае постановки вопроса о перераспределении источников сырья и колоний Франция учтет интересы Польши.

Вопрос об участии Польши в новом Локарно или в каком-либо ином пакте, оформляющем соглашение западных держав с Германией, несомненно обсуждался. В разговоре со мной Дельбос это отрицал, но в разговоре с югославским поверенным в делах он это подтвердил. Зауэрвейн мне также сказал, что этот вопрос обсуждался, но что для Франции якобы неприемлемо участие в новом Локарно Польши при неучастии СССР²⁵⁶. Более точных сведений на этот счет у меня нет, но, я думаю, и в этом вопросе возможны сюрпризы.

Вопрос о Чехословакии и Австрии заслуживает особого внимания. Вы знаете, что по этим вопросам Дельбос получил в Лондоне императивные инструкции. Совершенно очевидно, что англичане и определенные политические группировки во Франции готовы уплатить Германии за отказ от колониальных требований и немедленной войны Судетам и Австрией. Судя по высказываниям французских дипломатов, чиновники с Кэ д'Орсе, а с ними, по-видимому, и Дельбос разделяют эту точку зрения. В разговоре со мной Дельбос признал, что существует большая опасность со стороны гитлеровской Германии для Чехословакии и Австрии. Опасность для Австрии Дельбос поставил на первое место, так как Австрия не защищена никакими договорами, кроме лигационного, а Чехословакия как никак имеет союзный договор с Францией и договор о взаи-

молочности с СССР. Я уже сообщал, что считаю это его заявление сознательной или бессознательной попыткой ввести нас в заблуждение. Как бесхребетный буржуазный демократ, он боится смотреть опасности в лицо и заинтересован в том, чтобы своих союзников-чехов несколько успокоить, полутно призвав их к умеренности по отношению к судетским немцам. Если бы Дельбос приехал в Прагу и сказал, что опасность угрожает в первую очередь Чехословакии, то чехи, наверное, начали бы задавать детальные вопросы о позиции Франции в случае нападения Германии на Чехословакию. Эти вопросы для Дельбоса в теперешней обстановке больше чем неприятны, и он, наверное, сделает в Праге все для того, чтобы перенести центр тяжести разговоров на уступки агрессору. Здесь все открыто критикуют нумерацию жертв германской агрессии, установленную Дельбосом. Все мои собеседники довольно прямо указывают на то, что наиболее вероятной жертвой гитлеровской агрессии, так сказать жертвой № 1, будет именно Чехословакия, так как Гитлер на основании опыта последних лет не верит в решимость Франции выступить активно на помощь Чехословакии. Австрия действительно не имеет союзного договора с Францией, но, говорят здесь, при теперешней слабости Франции это скорее явится плюсом для Австрии. Австрия «защищена» на ближайшее время джентльменским соглашением между Гитлером и Муссолини относительно сохранения существующего положения вещей в австрийском вопросе. Пока ось Берлин — Рим сохраняется, до тех пор, по-видимому, будет сохраняться и это соглашение.

Судя по тем данным, которые имеются на сегодняшний день, визит Дельбоса в Варшаву и Прагу чехам ничего, кроме вреда, не принес и не принесет. В Варшаве Дельбос не сказал ни одного слова полякам о необходимости улучшения польско-чешских отношений. Свое молчание Дельбос объяснил чеху тем, что он хотел говорить о польско-чешских отношениях только с президентом и Рыдз-Смиглы, а не с Бек, но Бек, видите ли, мешал ему и ни на шаг от него не отходил, так что разговор не состоялся. Эту отговорку иначе как неприличной назвать нельзя. Зато Дельбос внимательно выслушал инсинуации Бека относительно «коммунизации» Чехословакии и ничем членораздельным не ответил на атаку Бека против советско-чешского пакта. Если же прибавить к этому, что Дельбос в Праге вместо того, чтобы призывать чехов к отпору агрессору, будет склонять их к уступкам и к предоставлению Судетам автономии, то картина получится довольно полная.

Интересные комбинации возникают в случае вооруженного нападения Германии на Чехословакию. Поляки открыто заявляют здесь, и, я думаю, это не осталось секретом для Дельбоса, что Польша в этом случае будет соблюдать благожелательный для Германии нейтралитет; даже выступление Франции,

согласно ее договору с Чехословакией, на стороне чехов не может побудить Польшу отказаться от нейтралитета, так как она обязуется выступить на помощь Франции лишь в случае неспровоцированного нападения. В случае же выступления СССР на помощь Чехословакии и Франции Польша должна будет присоединиться к Германии и выступить и против Чехословакии, и против СССР, а стало быть, и против Франции. Таким образом, уже теперь можно сказать с совершенной определенностью, что Франция, финансируя польские вооружения, поддерживает своего эвентуального противника, если только Франция действительно серьезно относится к своим союзным обязательствам, в данном случае по отношению к Чехословакии.

Вопрос о предоставлении Польше нового займа, по-видимому, во время разговоров Дельбоса с Беком действительно не подымался. Никаких других новых соглашений также заключено не было.

Подводя итоги визиту Дельбоса, Ноэль оценивает его как очень удачный. Удачность визита и сравнительную сердечность приема Дельбоса Ноэль объясняет тремя причинами: 1) Дельбос представлял не только Францию, но и Англию, 2) встреча с Нейратом в Берлине, 3) давление польской общественности, единодушно высказавшейся в пользу Франции. Визит Дельбоса можно назвать удачным только с точки зрения Ноэля. Сердечность проявлялась главным образом французами. Выступления Бека были очень сухи, в то время как Дельбос в неумеренно восторженных выражениях говорил о столетних рыцарских традициях польского народа, о прекрасной польской армии и т. п. На приеме у французов в их новом, просторном посольстве все же действительно была «вся Варшава». Впрочем, две недели назад «вся Варшава» была также и на приеме у нового японского посла.

Критика внешней политики Бека, в связи с приездом Дельбоса, со стороны оппозиции была довольно слаба и угасала в общем хоре правительственной прессы. Эта критика едва ли даже дошла до Дельбоса, поскольку реакционные бюрократы из французского посольства почти не поддерживают контакта с оппозиционными партиями.

Заслуживает упоминания та часть моего разговора с Дельбосом, которая касается его встречи с Нейратом. Дельбос сказал, что эта двенадцатиминутная встреча все же принесла некоторое разряжение атмосферы. По словам Дельбоса, разговор с Нейратом шел о впечатлениях германских министров, побывавших на Парижской выставке, о необходимости поездок молодежи из Германии во Францию и наоборот — одним словом, о культурном сближении. Что обозначают в теперешней ситуации такие обменные экскурсии, вырождающиеся неизменно в прогитлеровские демонстрации, говорить не приходится.

Здесь говорят о том, что инспирированы соглашения Франции с Германией на базе политической и экономической (заем) являются не только определенные английские политические группировки, но и американские. В этой связи находится недавняя поездка Буллита в Берлин и Варшаву²⁵⁷.

Когда я напомнил Дельбосу, что мы с ним встречались в Париже у Владимира Петровича [Потемкина], когда Дельбос еще был министром юстиции, он ответил: «Когда я был министром юстиции, я очень скучал. Моя работа была очень неинтересна». Он хочет сказать, что его телерешная работа не только интересна, но как раз ему по плечу. Этот маленький человек, случайно попавший в министры иностранных дел, всерьез уверовал, что он если не новый Талейран, то по крайней мере Бриан.

Поверенный в Делах СССР в Польше
Б. Виноградов

Печат. по арх.

438. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
13 декабря 1937 г.

Ван Чун-хой пригласил меня и Дратвина* для беседы. Ван указал, что основными причинами настоящей войны с Японией являются:

1. Провал переговоров с Японией в бытность министром иностранных дел Чжан Цюня вследствие отказа Китая принять требование Японии о присоединении Китая к антикоммунистическому пакту. Принятие этого требования обозначало бы в дальнейшем борьбу против СССР, на что китайское правительство пойти не хотело.

2. Провал японской экономической миссии, требовавшей разрешения ряда экономических проблем вне зависимости от разрешения политических. Китайское правительство не могло пойти на эти требования, не разрешив основных политических вопросов с Японией. Таким образом, причина войны с Японией в некоторой степени связана с определенным отношением китайского правительства к СССР. Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лутоудяо в июле месяца был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но

* Военный атташе при полпредстве СССР в Китае.

все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня так завтра перед китайским правительством станет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться. Китайское правительство все еще надеется на помощь европейских стран и Америки, а также СССР. Но доставка материалов крайне затруднена. Китайское правительство имеет сведения, что японцы собираются захватить Кантон и тем самым прекратить доставку материалов, идущих через Гонконг. Что касается слухов о мирных предложениях, сделанных Траутманом²⁵⁰, то дело обстояло таким образом: китайское правительство еще до Брюссельской конференции оповестило все державы о том, что оно готово принять посредничество как Брюссельской конференции, так и любой отдельной державы. Поскольку Германия предложила свои услуги, постольку китайское правительство не могло отказаться от них, при условии, что предложение будет приемлемо для Китая. Ван сказал, что Траутман предложил только посредничество Германии, но не делал еще никаких конкретных предложений. Дальше Ван указал, что в случае поражения Китая Япония сделает Китай плацдармом для борьбы с СССР и использует все ресурсы Китая, материальные и человеческие, для войны с СССР. Ван полагает, что СССР не может и не должен в своих собственных интересах допустить поражения Китая.

Я сказал Вану, что полпред ожидается на днях и что он сможет с ним обсудить эти проблемы*.

Меламед

Печат. по арх.

439. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Г. А. Залкинду

14 декабря 1937 г.

Мы вполне сознательно воздержались от откликов в советской печати на смену турецкого кабинета. Вначале мы хотели выждать декларации нового правительства. Однако, когда эта декларация была опубликована, мы констатировали, что Баяр, так же как и Атагорк, ни одним словом не упомянул об отношениях между Турцией и СССР. При этих условиях мы не сочли возможным выступать в печати с какими-либо заявлениями по поводу нового турецкого правительства.

В том случае, если турки станут Вам печаловаться на молчание советской прессы по поводу прихода Баяра, Вам надлежит перейти в наступление и прямо заявить, что Вы удивлены такого рода жалобами, в то время как протрастная декларация нового главы правительства не содержит ни одного

* См. док. № 460.

слова по адресу Советского Союза. Баяр должен был бы, хотя бы из чувства такта, упомянуть о традиционной турецко-советской дружбе. Если он этого не сделал, то тем самым вольно или невольно создал впечатление, что новый кабинет не придает отношениям с СССР того значения, какое они имели прежде. Мы не собираемся упрекать турок за это, но турки в свою очередь не могут претендовать на то, чтобы советская печать проявляла к новому турецкому кабинету интерес больший, чем тот интерес, который проявляется этим правительством к СССР.

Что же касается соображений о том, что вообще следовало бы время от времени помещать в советских газетах статьи на темы о Турции, то с этим я вполне согласен. Мы действительно могли бы найти целый ряд тем, касающихся экономического строительства Турции, в частности железных дорог, новых комбинатов и т. п., в которых можно было бы дать беспристрастное и положительное для турок освещение. Я поэтому прошу Вас наметить несколько таких тем и поручить работникам подпредства подготовить статьи для помещения в центральной советской прессе. Эти статьи можно прислать нам, мы их просмотрим и затем передадим в газеты. Я считаю этот способ наиболее практичным, так как Вам в Анкаре гораздо виднее, о чем и в каком разрезе следует писать²⁵⁸.

Зам. Наркома
Б. Стожоняков

Печат. по арх.

440. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Намедленно
14 декабря 1937 г.*

1. Китайский посол Го Тай-ци сегодня в разговоре со мной категорически заверял, что Чан Кай-ши решил продолжать борьбу до конца. Из Чанши он организует военные силы и укрепляет Ханькоу. Посол высказывал предположение, что после Нанкина японцы попытаются, пожалуй, двинуться не вверх по Янцзы, а на юго-запад с тем, чтобы перерезать железнодорожную линию Кантон-Ханькоу.

Го Тай-ци жаловался также на то, что Англия и США мало помогают Китаю. Англичане, правда, дают им авиопланы и зенитные орудия, которые идут через Гонконг — Кантон, но в сравнительно малых количествах и предупреждают, что очень много дать не смогут, так как-де самим нужно. Го Тай-ци поставил перед британским правительством вопрос о предоставлении Китаю кредитов на покупку оружия, и на буду-

шей неделе кабинет должен так или иначе решить этот вопрос. Иден вчера вызывал к себе Го Тай-ци в связи с обстрелом английских и потоплением американских судов, сообщил о своих переговорах с Вашингтоном и при этом прибавил, что британское правительство пойдет не дальше, чем Америка*.

2. За последние дни десять я видел ряд видных людей различного толка (герцогиня Агтольская, редактор «Ньюс кроникл» Лейтон, супруги Уэбб, король химической промышленности Макгаун, крупный станкостроитель Альфред Герберт, главный секретарь премьер-министра сэр Гораций Вильсон, с которым в качестве представителя минторга я в свое время вел переговоры о торгсоглашении**, глава [агентства] Рейтер сэр Родерик Джон и др.), и все без исключения мои собеседники проявляли величайшую тревогу по поводу развития событий на Дальнем Востоке. Однако я не заметил у них пока готовности к каким-либо серьезным действиям. Обычно все ругают Японию, ахают по поводу британских потерь в Китае, но при этом беспомощно разводят руками и восклицают: «Ну что мы можем поделать?» Большинство дальше «кооперации» с США не пойдет, причем никто не может сказать, в какие конкретные формы эта кооперация должна вылиться. Впрочем, герцогиня Агтольская и Макгаун пытались у меня прощупать, согласился ли бы и на каких условиях СССР поддержать Англию на Дальнем Востоке. Я, однако, уклонился от обсуждения этой темы.

3. В связи с только что указанным прошу у вас указания, как мне держаться в случае весьма возможных повторных запросов того же типа. Могу ли я, например, развивать такие мысли: СССР хорошо защищен против какой-либо атаки на него и может спокойно выжидать дальнейшего развития событий. Борьба с японской агрессией мыслима лишь как часть общей борьбы с агрессией вообще в плоскости коллективной безопасности. СССР не может заключать с Англией каких-либо специальных соглашений о совместной борьбе против агрессии только на Дальнем Востоке. Если Англия хочет всерьез бороться с агрессией — очень хорошо; мы готовы внести свою лепту, но борьба должна вестись в общем масштабе, как на Дальнем Востоке, так и в Европе, используя рамки Лиги наций. Тем более что с выходом Италии все крупные агрессоры ушли из Женевы, и Лига теперь легче, чем ранее, может быть превращена в объединенный блок всех миролюбивых государств. Мне кажется, что такая постановка вопроса, ни в чем не связывая нас, могла бы, конечно не сразу, а исподволь и постепенно, подготавливать почву для укрепления Лиги и в особенности пацифизма, [сотрудничества] СССР и

* См. также док. № 404, 442.

** См. т. XVI, док. № 42, 276. т. XVII, док. № 71.

Англии. На примере китайских событий руководящие круги Великобритании получают заслуженный урок, который не может пройти для них бесследно. Срочно ответьте²⁵⁹.

Полиред

Печат. по арх.

**441. Письмо Полномочного Представителя СССР в США
Народиому Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

14 декабря 1967 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Сейчас здесь против нас ведется отчаянная пропаганда, инспирированная разными источниками, в числе которых находятся немцы, итальянцы и японцы. Кроме того, внутренняя реакция не складывает оружия, все болсе и болсе озлобляется и распространяет свою вражду на нас. Сейчас пока реакция еще не возобладала, но не исключено, что в случае обострения экономического кризиса и разочарования в политике Рузвельта реакционная кампания против «эксцессов» рабочего движения станет более успешной и в конце концов к 1940 г. реакция может взять верх.

Само собой разумеется, что внутреннее положение Соединенных Штатов отражается и будет отражаться на отношениях с нами. Мы должны сейчас учитывать, что в аппарате госдепартамента почти все американские карьерные дипломаты являются реакционными. Недаром здесь говорят, что во всем госдепартаменте имеется всего три приличных человека: Мессерсмит*, зав. Южноамериканским отделом Даген и помощник Хэлла по торговым делам Сенр — и сам Хэлл. Вот почти все, что среди карьерных дипломатов имеется сносно в Америке. Ясно, что вся эта компания реакционеров, заседавших в давних времен в госдепартаменте, работает на ухудшение отношений с нами²⁶⁰.

Как неизбежное отсюда следствие — прохладное отношение к нам даже в тех случаях, когда мы являемся официальными партнерами, например, во время Брюссельской конференции**. Конечно, общие изоляционистские настроения играют роль, но в отношении нас имеются некоторые и специфические моменты. С нами не хотят рвать, с нами на всякий случай поддерживают отношения, но без большого энтузиазма. Возможно, что и Великобритания в этом отношении оказывает свое влияние, но, как бы то ни было, барометр наших отношений с Соединенными Штатами не стоит в настоящее время очень высоко. Эти отношения немножко напомина-

* Помощник государственного секретаря США.

** См. док. № 401, 402, 404, 408, 409, 417, 418.

ют отношения с Францией, где также нет большого восторга и пылких симпатий к нам.

При настоящем положении дел, т. е. при правительстве Рузвельта, нет оснований ожидать значительных ухудшений положения. Но даже если бы нам пришлось кооперировать в области международной политики, это будет брак по расчету, а не по любви, т. е. все будет делаться постольку поскольку, а если победит реакция, то, понятно, наступит резкое ухудшение, и тогда можно ждать всего самого неприятного. Здесь больше хотят сотрудничества с Англией, чем с нами, и больше симпатизируют китайцам и даже испанцам, чем нам. Я даже думаю, что если бы мы одни втянулись в военный конфликт с Японией, то сначала нас бы в этом отношении поддерживали, а в случае решительного разгрома японской армии симпатии быстро повернулись бы в сторону японцев, против нас, начались бы крики о красной опасности и выражение сочувствия бедным японцам. Разумеется, что если можно было бы состроить что-то вроде союза между Соединенными Штатами, Англией и Советским Союзом, то это было бы огромное дело, но англичане колеблются между своими симпатиями к фашизму и страхом за свои национальные интересы. Соединенные Штаты никому не верят, много разговоров — «а Вася-ка слушает да ест».

Если бы мы могли продумать что-нибудь очень эффективное, что произвело бы впечатление на общественное мнение Соединенных Штатов и Англии, то это могло бы дать значительный результат. Полеты Чкалова и Громова сыграли огромную роль*. Неудача Леваневского охладил пыл. Хэлл каждый раз напоминает о претензиях и долгах**, но и это может иметь успех лишь в какой-то очень удачный момент, а сейчас могло бы быть истолковано как показатель нашей слабости.

Совершенно несомненно, что события в Эфиопии, Испании и Китае — все это начало большой войны, часть большого стратегического плана с большой угрозой для Англии и Франции, а также и для Соединенных Штатов. Но в этих странах люди не думают о завтрашнем дне, дрожат за свои шкуры и готовы снести все что угодно по принципу «довлеет дневи злоба его». Чтобы расшевелить этих людей, очевидно, недостаточно занятие Пекина, Шанхая, Нанкина, может быть, Кантона, нужно, чтобы японцы обратили свое внимание на голландскую Индию, британскую Индию, Индокитай, может быть, Филиппины, чтобы немцы заняли Чехословакию и Австрию и произвели мобилизацию на границах Франции, чтобы итальянцы захватили Египет, чтобы Южная Америка открыто выступила на сторону фашизма, — тогда только мудрецы

* См. также док. № 218, 253.

** См. док. № 382.

из демократических стран поймут, какая судьба их ожидает в результате успеха фашистских агрессоров.

Я стараюсь разъяснять американцам, соблюдая необходимую осторожность, что на ближайшее будущее наши границы обеспечены нашей армией в такой же степени, в какой американцы обеспечены двумя океанами, но что создание огромнейшей японской континентальной империи означает, во-первых, торжество реакции в самой Америке, во-вторых, угрозу американским интересам и на Тихом океане, и в Южной Америке, и в Атлантическом океане, потому что это все будет связано с успехом фашистских агрессоров в Европе. Во всяком случае, американцы не будут себя чувствовать дома в случае победы фашистов.

Если Америка вступила в мировую войну, опасаясь победы Германии, то сейчас для Америки уже тройная угроза — и со стороны Германии, и со стороны Японии, и со стороны Южной Америки. В Южной Америке явно неблагоприятно, хотя госдепартамент в лице Самнера Уэллеса старается успокоить общественное мнение Соединенных Штатов тем, что бразильский переворот*, явно фашистского характера, не является отступлением от принципов американской демократии. Явное стремление облегчить положение Рузвельта, который ангажировался в отношении американского «демократизма» в Буэнос-Айресе** и который однажды заявил, что автором нью дила*** является не только Рузвельт, но также и бразильский Варгас**.

Я начинаю думать, что Великобритания пришла к сознанию невозможности бороться с германо-японским блоком и ищет компромисса с ними не только в силу социально-политических симпатий, но и в силу признания своей слабости, стремясь спасти за счет других все, что можно спасти от Британской империи.

Вы совершенно справедливо пишете о необходимости сдержанности****, и действительно, международная обстановка диктует максимум осторожности, тем более что, ввязавшись в войну с Японией один на один, мы можем иметь трудности с другими странами и в случае победы над Японией без наличия прямого соглашения с Великобританией и Соединенными Штатами.

Совершенно несомненно, что осадить агрессоров можно было бы сейчас совместными действиями Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза. Но это дело не вытанцовывается, и трудно сказать, когда эти совместные дей-

* См. газ. «Известия», 12 ноября 1937 г.

** См. «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt», vol. Five, New York, 1938, pp. 604—610, 602—603.

*** — всего курса (англ.).

**** См. док. № 421.

ствия станут возможными. Как хорошо, что в этот критический период истории мы сильны, чтобы постоять за себя, и действительно имеем возможность выжидать и приглядываться. Хотя, конечно, установление японского протекционизма над Китаем и создание прояпонского правительства в Китае осложнит положение, но, безусловно, проглотить Китай не так-то легко. Если часть китайцев могла [бы] быть использована для борьбы с нами, все же в случае нашей войны с Японией основная масса китайского народа подыметесь на борьбу против японских угнетателей, и мы будем иметь на азиатском континенте союзников.

Полпред СССР в США
А. Трояновский

Печат. по арх.

442. Письмо советника Полномочного Представительства СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

14 декабря 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

1. Недавно я присутствовал на двух банкетах, на которых Рузвельт произнес не подлежавшие опубликованию (и действительно не проникшие в печать) речи, интересные тем, что он — впервые со времени своей позншей в воздухе чикагской речи* — выступил с внешнеполитическими заявлениями, идущими по той же линии. 13 ноября он выступил на годовичном банкете членов национального пресс-клуба (в котором я состою) и, воспользовавшись присутствием Сескля**, явно обращаясь через него к англичанам, стремился дать понять, что остается на позициях своей речи в Чикаго. Он долго говорил о нерушимости англо-американской дружбы, как оси мира, и привел, в частности, следующий несколько двусмысленный эпизод (цитирую по своей записи на память):

«Между вами бывали конфликты, но все дело в том, что бы понимать их второстепенность по сравнению с общностью важнейших интересов. В 90-х годах мой старший брат был первым секретарем американского посольства в Лондоне. По тогдашним нравам (штаты были не столь роскошные, как сейчас) он же был шифровальщиком. Ему пришлось расшифровать историческую делешу президента Кливленда по венецуэльскому вопросу, фактически означавшую угрозу объявления нами войны Англии. Когда он дал дешифрант американскому послу, последний спросил, когда уходит ближайший поезд в Шотландию, и уклонился от выполнения поручения своего правительства. Моему брату пришлось пойти к отцу при-

* См. также док. № 405.

** Роберт Сескль — видный английский государственный деятель.

сутствующего здесь лорда Сесилия, тогдашнему секретарю по иностранным делам лорду Солсбери, но вместо того, чтобы истолковать эту депешу в духе данных в ней инструкций, он сказал ему: «Вы прочтете эту ноту и поймете ее как объявление войны. Вы прочтете ее вторично и поймете ее так же. Читайте ее столько раз, чтобы понять, что это не входит в намерения моего правительства и что между США и Англией войны быть не может...»*

Двусмысленным этот эпизод я называю потому, что, как справедливо замечали затем некоторые из присутствовавших, нравы американской дипломатии остались поныне теми же, что были в 90-х годах: послы, каждый по-своему толкуют линию внешней политики своего правительства и указания последнего в соответствии со своими личными симпатиями и антипатиями, а еще чаще в связи со своими личными интересами и считают возможным не выполнять или исказить даваемые ему поручения.

Однако более интересной была та часть речи, в которой Рузвельт апеллировал к «международному сознанию» присутствовавших журналистов. Цитирую по памяти:

«Современная цивилизация не может примириться с состоянием беззакония в международных отношениях. Нет оснований капитулировать перед этим беззаконием. Страны, выступающие против него, находятся в подавляющем большинстве. Достаточно объединить усилия таких стран, как Соединенные Штаты, Англия, Франция, Чехословацкая республика и другие великие государства, заинтересованные в мире, чтобы покончить с беззаконием. Я твердо рассчитываю, что общая угроза будет встречена общими усилиями. Я надеюсь, что, когда я выступлю на вашем банкете в будущем году, я смогу доложить вам об этих совместных усилиях как о свершившемся факте. Вам, возможно, ряд внутренних вопросов представляются гораздо более важными, но я хотел бы, чтобы вы все нашли в вашем мозгу одну ячейку, в которой вы всегда хранили бы заботу о мире, и чтобы было понято, насколько внутренние вопросы будут выглядеть иначе, если изменится международная обстановка. Всегда помните о мире, не пренебрегайте миром...»

На состоявшемся 11 декабря традиционном банкете «Гридайрон клуба» (где, как обычно, администрация была подвергнута всяческому издевательствам в остроумных, но глубоко реакционных скетчах, песнях и пр.) Рузвельт заявил в своей речи примерно следующее:

«Сознаюсь, что ненавижу три категории людей: во-первых, тех, кто смеется над стремлением поднять жизненный уровень населения; во-вторых, тех, кто смеется над правитель-

* Здесь и далее квыготочке в документе.

ством, не предлагая никакой альтернативной программы; в-третьих, тех, кто смеется над делом мира и выдумывает всякие жупелы, чтобы отпугивать людей, ищущих правильные пути обеспечения мира».

О Чехословакии в данном контексте Рузвельт заговорил впервые, что было всеми замечено. Несколько изменив своему обычаю, Рузвельт, нападая на Гитлера и Муссолини, называя их по имени и всячески над ними издеваясь, оставил нас в покое (обычно он не считает возможным критиковать фашизм, не делая тут же вылада против «коммунистической диктатуры»). Но столь же характерно, как для него, так и для настроения администрации и прессы, что он не решился назвать нас по имени, перечисляя факторы мира, хотя всеми было понято, что имел нас в виду.

2. Председатель Форин офисизин * Бюзелл, беседовавший с Рузвельтом во второй половине октября (что мною было проверено), рассказывал мне, что он задал Рузвельту вопрос о реальности сообщений о наличии схемы и практических переговоров с англичанами о совместном кольце морской блокады Японии по линии Алеутские острова — Гавайи — Филиппины — Гонконг. Рузвельт якобы шутливо ответил, что это «не вторая, а двести двадцать вторая страница книги, которая будет написана». По сведениям Бюзелла, американцы в конце сентября запрашивали англичан, могут ли они в случае усиления американского флота в китайских водах послать туда шесть линкоров, и получили от англичан отрицательный ответ со ссылкой на положение в Средиземном море. Разговоры якобы происходили непосредственно между британским адмиралтейством и американским морским департаментом. Почти то же самое говорил мне китайский посол Ван (у которого, кстати говоря, было в недавнем прошлом много преувеличенных иллюзий об американской политике в Китае) с той разницей, что, по его сведениям, речь шла не о 6 линкорах, а о 60 единицах (одно не противоречит другому, так как, по наведенной справке, эскадра, включающая 6 линкоров, составляет вместе со всеми вспомогательными и мелкими судами около 50—60 единиц). На основании разговора с Рузвельтом у Бюзелла составилось впечатление (тем временем опровергнутое ходом событий), что Рузвельт собирается вносить на чрезвычайную сессию конгресса изменение акта нейтралитета в сторону предоставления ему широких полномочий прекращать вывоз сырья в воюющие страны даже в порядке «кэш энд кэри» **. Не исключено, впрочем, что, созывая сессию, Рузвельт имел в виду продемонстрировать англичанам, что законодательный аппарат находится в неуроч-

* — ассоциация по вопросам внешней политики (англ.).

** — плате — берн (англ.).

ное время в распоряжении президента и, в случае конкретной договоренности с англичанами, последний может провести изменения к закону о нейтралитете.

3. Генеральный секретарь американского института тихоокеанских отношений проф. Картер (вынесший, кстати говоря, наилучшие впечатления из своей недавней поездки по Союзу и уже выступавший в дружественном нам духе) излагал мне на основании своей информации следующую версию происхождения чикагской речи: последняя явилась шахматным ходом Рузвельта в ходе переговоров государственного департамента с англичанами — в ответ на американский зондаж о возможных антияпонских мерах англичане якобы сослались на невозможность предпринять что-либо конкретное, пока США находятся во власти изоляционизма и связаны законодательством о нейтралитете. Рузвельт выступил с двойной целью — снять ответственность с США за пассивность по отношению к японцам и лишить в будущем англичан повода оправдывать свое подустительство японской агрессии ссылками на американцев, а во-вторых, начать «воспитывать» американское общественное мнение в духе принципов коллективной безопасности и разоблачить тщетность изоляционистских иллюзий. Картер (как и другие) передает, что текст речи был составлен государственным департаментом, но усилен Рузвельтом, приготовившим госдепартаменту сюрприз своей фразой о «карантине для агрессоров». О Нормане Дэвисе Картер правильно говорит как о неисправимом англофиле, человеке с ограниченными международными познаниями, весьма консервативном в вопросах внутренней политики, типичном «корпорейшн лойер»*, но рекомендует не недооценивать его тесной личной дружбы с Хэллом.

4. Корреспондент Гаваса Бобе передавал мне, что решение французов о закрытии индокитайской границы для транспортов оружия в Юньнань предшествовала прямая японская угроза бомбардировать пролегающую по китайской территории часть железной дороги с предварительной оккупацией о. Хайнань для создания там авиабазы. Французы якобы зондировали госдепартамент по вопросу о заинтересованности американцев в сохранении данного пути доставки американской артиллерии в Китай и о возможности рассчитывать на американскую помощь в случае военных событий на границе. Получив со ссылкой на английскую позицию отрицательный ответ от американцев, французы приняли свое решение (имеющее силу в отношении оружия, закупленного до 15 октября).

5. Изложенное выше, конечно, отчасти древняя история, отчасти музыка будущего (заявления Рузвельта). Разрешите изложить некоторые свежие впечатления о нынешних настрое-

* — адвокат корпорации (англ.).

ниях, почерпнутые не столько из вашингтонских и нью-йоркских разговоров, сколько из весьма интересной поездки в Миссури и Колорадо, откуда я на днях вернулся (ездил по приглашению Денверского университета, выступал с докладами о нашей внешней политике в трех университетах, двух видных клубах, видел ряд влиятельных общественных деятелей, банкиров, интеллигентов разных мастей и т. д. в Денвере, Боулдере, Сент-Луисе, Колорадо-Спрингсе и пр.). Очень богатые и противоречивые впечатления я мог бы резюмировать следующим образом.

Страх перед новым кризисом доминирует над всеми остальными интересами и охватывает все круги. Уверенности в том, что резкое снижение конъюнктуры неизбежно означает начало нового экономического цикла, нет, многие рассчитывают, что после нескольких месяцев дальнейшего снижения наступит новое оживление (возможно, предкризисное), но пока что все показатели падают, а безработица увеличивается (по неофициальным данным министерства труда, о которых говорил мне заведующий отделом статистики труда д-р Любин, с которым, по его словам, Вы встретились в Женеве, с 15 сентября по 1 декабря безработица увеличилась почти на один миллион человек). «Заминка» в конъюнктуре самым отрицательным образом отражается на популярности Рузвельта среди фермеров, для которых пока что Рузвельт был синонимом повысительной конъюнктуры, а также среди тех средних и мелких промышленников, которые не прочь были поддерживать Рузвельта, надеются сейчас получить от него налоговые облегчения, но все более сплачиваются с реакционными крупнокапиталистическими элементами по основному вопросу — по вопросу о «потворствовании» Рузвельта организации рабочих в профсоюзы, «сидячим забастовкам», т. е. по вопросу о необходимости приостановить разворачивание кризиса путем похода на жизненный стандарт рабочего класса. Этот вопрос более чем когда-либо в центре всей американской жизни. Кроме Рузвельта только Джон Льюис, лидер производственных профсоюзов, объединяет вокруг себя столько же ненависти и симпатий. Ненависть к Рузвельту в правых кругах неопишима. Организационно не охваченных в единое русло фашистских и полуфашистских настроений в этих кругах заметно все больше. Популярность Рузвельта в рабочих кругах пока не поколеблена. Однако коррупция и реакционность местного аппарата правящей демократической партии приносит Рузвельту много вреда и ловко демагогически используется республиканской и прочей фашиствующей оппозицией.

Ухудшение экономической конъюнктуры, безусловно, несколько вытеснило интерес к международным делам, достигший апогея к моменту чикагской речи Рузвельта. Провал

Брюсселя *, военные успехи японцев, оживление деятельности изоляционистов в конгрессе действуют в том же направлении. Однако на основании ряда наблюдений прихожу к твердому выводу, что даже в таких традиционно изоляционистских штатах, как посещенные мною, уже нельзя найти примитивного провинциального изоляционизма прежнего типа. Японская агрессия всколыхнула общественность гораздо больше, чем интервенция в Испании. Потенциальные антияпонские настроения чувствуются везде. Без всякой организации, при полном равнодушии прессы к вопросу о бойкоте японских товаров этот бойкот развивается стихийно и повсеместно (я был тому личным свидетелем в магазинах). В характерном среднезападном штате Миссури, в Колорадо и пр. я не встретил таких настроений, которые оправдывали бы ультраизоляционистскую, фактически прояпонскую линию клики лежачих сенаторов типа сенатора Ная.

Настроение можно лучше всего определить, сказав, что все слои населения находятся в состоянии действительного бесплохотства и брожения, разуверились в возможности оградить США от внешних событий законодательным путем, надеются, что Япония сама обессилит себя внедрением в Китай, что СССР воспользуется обстановкой для удара по Японии (это настроение можно назвать почти всенародным, очень определенно выраженным), глубоко не доверяют Англии и возлагают на нее ответственность за ход событий. От этих настроений до осознания принципов коллективной безопасности как метода сохранения мира — дистанция громадного размера; говорить о том, что страна разделяет положения чикагской речи, пока не приходится; однако после весьма многообразных личных контактов мне стало яснее, почему Рузвельт считал, что уже не встретит прежней слоченной оппозиции, если выступит так, как он это сделал в Чикаго. Инциденты типа потопления американской канонерской лодки близ Нанкина ** усиливают активные антияпонские настроения в гораздо большей степени, чем — одновременно — настроения изоляционистские. Субъективно антияпонскую позицию занимают некоторые крайне реакционные круги, которые не прочь дать Японии мандат на наведение порядка в Китае, объективно японцам помогают изоляционисты-пацифисты (среди которых, возможно, немало и платных агентов). Мне, однако, не пришлось встретиться в среде интеллигенции с настроениями, характеризующими линию вроде [линии] журнала «Нью рипаблик», по-прежнему требующего немедленного введения в действие акта о нейтралитете независимо от последствий для Китая.

* См. док. № 401, 402, 404, 408, 409, 417, 418.

** См. газ. «Известия», 14 декабря 1937 г.

Симпатии и тяга к нам в либеральных интеллигентских кругах велики. Оглашение фактов нашего строительства, разоблачение всякого рода клеветы, подчеркивание нашей силы встречаются с подлинным сочувствием. Для подобной работы по нейтрализации эффекта враждебной нам информации и пропаганды в прессе — непочатый край и большие возможности. Разъяснение нашей внешней политики, нашего горького опыта с некоторыми «старыми демократиями» и нашего законного недоверия к ним действует отрезвляюще на тех, кто искренне надеется, что силами одного Советского Союза японская агрессия будет приостановлена, но этот холодный душ полезен, так как заставляет людей задумываться над внешней политикой своей страны.

Общий вывод: события, последовавшие за чикагской речью, привели к рецидиву изоляционистской пропаганды; экономический упадок вытесняет несколько интерес к международным делам; общественное мнение, однако, не вернулось в исходное положение, вера в фетиши изоляционистских законов подорвана, широкие антияпонские настроения налицо, отождествлять настроения в стране с выступлениями изоляционистов нельзя.

6. Испанский посол де лос Риос ознакомил меня с текстом ноты, которую он вручил Хэллу 22 ноября. Нота эта является первым официальным протестом испанского правительства против принятия конгрессом 7 января с. г. акта об эмбарго на вывоз оружия в Испанию. Посол аргументирует столь поздний протест тем, что: а) с момента принятия акта Хэлл сформулировал свои нольские тезисы об основах международных отношений*, противоречащие акту; б) Рузвельт выступил с речью в Чикаго против агрессоров, — речью, несоместимой с сохранением этого эмбарго; в) правительство США, справедливо опасаясь ущерба для Китая — жертвы агрессии — в случае применения акта о нейтралитете и эмбарго, не ввело в силу закон на Дальнем Востоке; г) испано-американский договор 1902 г. о дружбе** предусматривает ничем не ограниченную свободу торговли и судоходства между обеими странами. В ответ на эту ноту (кстати говоря, составленную неудачно, так как содержит слишком много комментариев к чисто внутриамериканским делам) помощник госсекретаря Хью Вильсон 10-го сего месяца вызвал посла и сообщил ему, что «хотя правительство США целиком симпатизирует усилиям республиканского правительства восстановить порядок в стране» (первое заявление подобного рода), однако не может отменить акта и заготовило материал, доказывающий совместимость последнего с испано-американским договором. Де лос

* См. стр. 369.

** См. G. Martens, 2ème série, tome XXXI, Leipzig, 1904, pp. 369—379.

Риос заявил, что не интересуется юридической аргументацией, а просит дать ему политическое истолкование совместимости эмбарго с принципами, публично провозглашенными Рузвельтом и Хэллом. Вильсон сослался на «особенность» положения в Испании, в отношении которой США лишь следуют примеру европейских стран. В ответ на это посол указал, что Испания поныне вольна закупать оружие и во Франции, и в Чехословакии, и в других странах, что, далее, «французская граница иногда по ночам открывается» (?) и что ни одна демократическая страна не применяет столь жесткой линии к Испании — жертве агрессии, как клеймящие агрессоров США. Разговор, конечно, ни к чему не привел, Вильсон обещал снова снестись с президентом.

Де лос Риос законно гордится тем, что уже год назад предупреждал несколько раз и Рузвельта, и Хэлла, что попустительство фашистской агрессии в Испании нанесет ущерб жизненным интересам США в Южной Америке и в Мексике, где оживятся местные и внешние фашистские влияния. События в Бразилии, угроза фашистского переворота в Мексике действительно подтвердили правильность прогноза. По сведениям де лос Риоса, в данный момент итальянские и германские посланники в Чили, Перу, Уругвае и ряде мелких центральноамериканских республик добиваются их присоединения к римскому пакту*. По его же сведениям, около месяца тому назад диктатор Кубы Батиста готовил пронуциamento того же типа, как и Варгас в Бразилии, с целью полной ликвидации остатков парламентаризма и провозглашения себя президентом (формально Батиста военный министр), однако в последний момент по требованию американского посланника Батиста, уже пригласивший военные силы для переворота, заготовивший манифест и т. д., отказался от своего намерения.

Советник Полпредства СССР в США

К. Уманский

Лекат. по арх.

443. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Румынии в СССР Чунту

15 декабря 1937 г.

Разговор происходил в польском посольстве, после обеда. Чунту спросил меня, давно ли писал мне г. Островский. Он тут же пояснил, что, по-видимому, наш полпред в Румынии несколько разочарован результатами своей работы в Бухаресте. Он чрезвычайно пессимистически оценивает нынеш-

* См. также док. № 422.

нее состояние советско-румынских отношений, не учитывая временного характера создавшейся ситуации и наличия всех предпосылок, необходимых для нормального развития и укрепления сотрудничества между СССР и Румынией. По некоторым данным, т. Островский уже помышляет о том, чтобы просить о своем переводе на иной пост.

Я ответил Чиунту, что т. Островский действительно ходатайствует перед НКВД о своем отзыве из Румынии, где он находится уже около трех лет. В мотивировке этой просьбы нами не усматривается чрезмерного пессимизма в отношении нынешнего положения и перспектив советско-румынских отношений. Наш полпред достаточно трезво оценивает реальную обстановку своей работы, не проявляя склонности поддаваться каким-либо иллюзиям. Нельзя отрицать тот несомненный факт, что нынешнее состояние советско-румынских отношений не отвечает надеждам, которые мог питать т. Островский некоторое время тому назад. Это не означает, однако, что советскому полпреду нечего было делать в стране, которая и по своему географическому положению, и по принадлежности своей к политической группировке, заинтересованной в сохранении мира и организации коллективной безопасности в Европе, естественно, должна стремиться к дружественному сотрудничеству с СССР.

В заключение беседы Чиунту усиленно просил принять его приглашение на обед в последних числах декабря, на что я ответил согласием.

Потемкин

Печат. по арх.

444. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии М. М. Славуцкому

17 декабря 1937 г.

1. Ссылаясь на вероятную невозможность подписать новую рыболовную конвенцию до нового года, Сигемitsu вчера предложил заключить временное соглашение, которое оставалось бы в действии вплоть до заключения и вступления в силу новой конвенции.

Я изъявил согласие ходатайствовать перед правительством о заключении временного соглашения, однако указал на бесполезность предлагать Советскому правительству сделать это временное соглашение бессрочным. Я указал на то, что японское предложение сводится фактически к увековечению старой конвенции, поскольку при наличии такого бессрочного временного соглашения японская сторона, возможно, предпочтет не заключать вовсе новой конвенции.

Сигемицу заявил, что доложит мое мнение японскому правительству, но просил доложить Советскому правительству его предложение*.

2. Я просил далее вмешательства Сигемицу в урегулирование работы ТАСС в Токио, ссылаясь на то, что японские власти, по-видимому, планомерно стремятся к прекращению работы ТАСС в Токио, что автоматически привело бы к разрыву корреспондентских связей между обеими странами, а это, в свою очередь, имело бы тяжелые последствия для всех наших отношений²⁶¹.

Сигемицу ограничился мелочными пререканиями, обвиняя нас в затягивании выдачи виз и т. д. Он обещал передать мою просьбу в Токио.

Стомоляков

Печат. по арх.

445. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Иране

17 декабря 1937 г.

Попросите свидания с Самми и заявите, что Вы прелехали говорить специально о немцах в Пехлеви**. Скажите, что в Москве Ваше сообщение об объяснениях Самми²¹⁹ вызвало большое недовольство. Советское правительство не требует, чтобы иранское правительство выполняло больше того, что написано в договорах, хотя при нормальных добрососедских отношениях соблюдается не только буква, но и дух договоров. В данном случае мы настаиваем на соблюдении иранским правительством буквы — точного смысла договора. Соглашение 1927 г.*** ясно говорит, что иранское правительство не будет иметь среди своих служащих, рабочих и подрядчиков управления порта иранских подданных. Здесь ясно предусмотрено, что иностранцы не могут быть среди подрядчиков управления порта, а министерство путей сообщения, правя ссылаясь на незнание обязательств соглашения 1927 г., привлекло немцев в качестве подрядчиков управления порта. Вряд ли Самми будет серьезно настаивать на том, что подрядчики не являются «постоянными служащими управления порта». Скажите, что Советское правительство настаивает на выполнении иранским правительством его конкретных договорных обязательств. Повторите Ваше требование о расторжении договора с немецкой фирмой и об удалении немцев из Пехлеви. Напомните Самми, что обязательство Ирана не до-

* См. док. № 433, 448.

** См. док. № 384, 394.

*** См. т. X, док. № 227.

пускать нелегальной работы иностранцев в иранских портах Каспия, к тому же повторенное Самини сверх иранской ноты к торговому договору 1935 г. *, относится ко всем портам, и мы будем требовать его соблюдения. Однако в отношении порта Пехлеви имеется дополнительно более далеко идущее обязательство вообще не допускать иностранцев в порт Пехлеви. Заявите, что подобное нарушение иранским МИД неоспоримого договорного обязательства, существующего в силу имеющихся договоров, затрудняет все переговоры с ними по новым договорам и урегулирование конкретных вопросов. Предложите Самини довести об этом до сведения иранского правительства и скажите, что мы ожидаем в короткий срок выполнения Ираном его договорных обязательств.

Стомоняков

Печат. по арх.

446. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

19 декабря 1937 г.

Дорогой Яков Захарович,

Весьма малоутешительное впечатление производят англо-французские переговоры в Лондоне ** и дипломатическое турне Дельбоса в Варшаву и столицы стран Малой Антанты ***. Рукою несправимых соглашателей — англичан и наших друзей француз, работая на следующих лондонской указке, — нанесены новые удары международному авторитету Лиги наций и концепции коллективной безопасности. Можно сказать, что на наших глазах и Англия, и Франция отходят от своих прежних позиций в обоих указанных вопросах и определенно сползают в сторону враждебного нам международно-политического лагеря.

1. Как известно, в угоду Гитлеру официальное коммюнике об англо-французских переговорах обошло полным молчанием Лигу наций и, напротив, определенно подчеркнуло намерение обеих правительств содействовать умиротворению Европы путем «свободных переговоров». Чемберлен прямо поставил перед французами вопрос: не расположены ли они пожертвовать 16-й статьей Устава Лиги наций для того, чтобы облегчить возвращение в Женеву Германии. Когда французы возразили, что все заключенные ими договоры основываются на упомянутой статье, Чемберлен не решился настаивать на своем предложении. Он лишь ограничился замечанием, что,

* См. т. XVIII, док. № 350; «Собрание законов...», отд. II, № 7, 13 февраля 1937 г., стр. 73—130.

** См. док. № 420, 424, 427.

*** См. док. № 424, 457, 458.

может быть, было бы целесообразно параллельно с Лигой наций создать специальную группу государств — либо вышедших из состава Лиги, либо еще в нее не вошедших.

2. Как англичане, так и французы признали, что гитлеровская концепция двусторонних пактов может быть полезным дополнением к системе многочисленных договоров. Этот тезис Дельбос развивал некоторым из своих официальных собеседников в странах Малой Антанты. Что касается собственно франко-советского и чешско-советского договоров о взаимной помощи*, то нельзя сказать, чтобы их международный авторитет укрепился в результате англо-французских переговоров и сношений Дельбоса с представителями союзных и дружественных Франции правительств. Чемберлен, как сообщил Вам Поль Рейно²⁶², относится к франко-советскому пакту «без энтузиазма». Французам, очевидно, пришлось вновь — и в который раз — оправдываться в заключении этого пакта и добиваться от англичан, чтобы они против него не возражали. В глазах таких политиков, как Чемберлен, значение нашего договора с Францией чисто негативное: этот договор удерживает СССР от соглашения с Германией. Иден пошел несколько дальше: он заявил Шотану и Дельбосу, что одобряет наш пакт, и даже собирался утешить т. Майского этим сообщением. Насколько нам известно, т. Майский так и не получил до сих пор этого «утешения». Зато Шотан пустился на весьма откровенное объяснение с англичанами: он заявил, что можно было бы и совсем не говорить о франко-советском пакте, если бы только Англия дала Франции достаточные гарантии ее внешнеполитической безопасности.

Настоящему штурму подверглись и франко-советский и чешско-советский пакты со стороны Бека при встрече последнего с Дельбосом. По-видимому, французский министр иностранных дел не сумел или не захотел противопоставить резким выпадам Бека сколько-нибудь членораздельные возражения. Зато со своей стороны Дельбос весьма охотно распространялся перед своими официальными собеседниками в Варшаве и в странах Малой Антанты о «подрывной работе» Коминтерна, о «внутреннем ослаблении» Советского Союза, об «утрате» нами международного авторитета. Наконец, Дельбос договорился до признания необходимости для нас удовлетворить требования Румынии в бессарабском вопросе, если мы хотим сотрудничества с румынами и их принципиального согласия на éventуальный пропуск наших войск через румынскую территорию.

Боюсь, что не без ведома Дельбоса распространилась версия о том, что мы пригласили его посетить Москву, но он-де от этого отказался. Но что сам Дельбос, не удовлетворяясь

* См. т. XVIII, док. № 205, 223.

кратковременным разговором с Нейратом на Силезском вокзале, склонен вновь встретиться с министром иностранных дел Гитлера в обстановке, располагающей к более плодотворному обмену мнениями, представляется вполне правдоподобным. Недаром, невзирая на сопротивление Комера, он заставил его ехать в Берлин к Геббельсу. Некоторым утешением является то, что все же эта затея получила должную огласку и надлежащее освещение в некоторой части иностранной печати.

3. Приходится констатировать, что нынешний официальный представитель Франции в Москве менее всего способен или расположен противодействовать охлаждению своего правительства к сотрудничеству с СССР. Вы сами мне сообщали о характере донесений Кулондра в Париж²⁶³. Нам известно, что и в Москве Кулондр действует не так, как полагалось бы послу дружественной нам страны. Он ведет с представителями дипкорпуса паникерские разговоры. Он собирает антисоветские сплетни. Он аккуратно информирует японского посла о каждом разговоре, который имеет с нами. Он позволяет себе резониться с нами по поводу постановки кандидатуры Димитрова на выборах в Верховный Совет, доказывая, что мы тем самым опрокидываем свой собственный тезис о различии между Советским правительством и представителями Коминтерна. Он закатывает нам истерики из-за мелких бытовых затруднений, проявляет величайшую скаредность и требовательность в вопросе о новом помещении французского посольства, задерживает выдачу нам виз на въезд во Францию, уже разрешенных из Парижа. Не хватал звезд с неба и Альфан*. Все же в сравнении с ним Кулондр представляется мелкотравчатым обывателем.

С товарищеским приветом

В. Потемкин

Печат. по арх.

447. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

19 декабря 1937 г.

Дорогой Яков Захарович,

Из письма т. Гиришфельда²⁶⁴ о состоянии переговоров о заключении между СССР и Францией постоянного торгового договора мы пришли к выводу, что французы ни по одному из вопросов, по которым у нас остались разногласия, не обнаруживают склонности идти на какие-либо уступки. Больше того, по одному из этих вопросов, а именно о ретроактивной силе

* Посол Франции в СССР с июня 1933 г. по ноябрь 1936 г.

договора, они даже несколько отступили от своей первоначальной позиции.

Эту свою позицию французы, в частности де ла Бом, пытаются обосновать тем, что «у Франции нет, по существу, материальной заинтересованности в постоянном торговом договоре» и что де ла Бом является сторонником договора исключительно по «морально-политическим» соображениям. Смысл этой позиции, естественно, сводится к тому, что уступки должны быть сделаны только советской стороной.

Мы полагаем, что позиция де ла Бом не выдерживает никакой критики. Политически французы, конечно, не в меньшей степени, чем и мы, заинтересованы в создании надлежащей правовой базы для советско-французских торговых отношений. Но и помимо этих политических соображений мы полагаем, что ряд постановлений торгового договора, в особенности постановления, касающиеся поселения, представляют для французов значительно больший интерес, нежели для нас. Стоит лишь напомнить о том, что в связи с отказом наших компетентных органов в продлении пребывания в СССР некоторым французским гражданам французское посольство прислало нам официальную ноту со ссылкой на то, что эти действия властей противоречат духу переговоров о торговом договоре в части, касающейся поселения*. Серьезный интерес представляют также для французов статьи, касающиеся порядка выдачи виз. Таким образом, заявление об отсутствии материальной заинтересованности следует рассматривать лишь как тактический маневр с целью побуждения нас пойти на дополнительные уступки.

Я полагаю, что при нынешней внешнеполитической линии французского правительства у нас нет каких-либо оснований делать дальнейшие уступки, которые шли бы вразрез с нашими деловыми интересами. Даже если считать с тем, что сохранение нами наших требований приведет к дальнейшей затяжке переговоров, мы в этом большой беды не видим, тем более что французское правительство, быть может, фактом заключения с нами торгового договора пожелает затушевать свою нелояльную позицию по отношению к СССР в ряде важнейших политических вопросов.

Переходя к конкретному содержанию оставшихся разногласий, отмечаем следующее:

1. Формула о посещении консулами арестованных. Французское предложение в случае его принятия дало бы французам право требовать допуска консулов во время предварительного следствия, что для нас неприемлемо.

2. О предварительных мерах. Французы категорически отказываются в этом, имеющем для нас чрезвычайную важность,

* Имеется в виду нота от 1 ноября 1937 г.

вопросе пойти на какие-либо уступки. Между тем большие трудности для торгпредства происходили именно из возможности применения к нему предварительных судебных мер, что во французских условиях обозначает по существу полный произвол по отношению к имуществу торгпредства. Если мы не получаем свободы от предварительных мер, то режим постоянного торгового договора в этом отношении нам мало что дает по сравнению с временным торговым соглашением, действие которого будет продлено*.

3. Дело «Сосифрос»**. Мы много раз заявляли французам, что мы здесь должны получить категорические заверения, что дело будет кассировано. Мы не можем допустить, чтобы и при наличии постоянного торгового договора над торгпредством продолжало тяготеть это дело с постоянной возможностью наложения ареста на его имущество. Поэтому необходимо добиваться передачи дела «Сосифрос» в кассационный суд и не подписывать торгового договора до благоприятного решения этого суда, с тем чтобы после передачи дела на новое рассмотрение в результате кассационного решения суд был обязан применить ретроактивную формулу.

4. Экстерриториальность помещения торгпредства. Это единственный вопрос, в котором мы могли бы уступить, учитывая, что при наличии семи экстерриториальных лиц наши практические интересы будут обеспечены предоставлением экстерриториальности помещению этих семи лиц и обслуживающего их персонала. Однако НКВТ просит нас не спешить с этой уступкой впредь до переезда торгпредства в новое помещение.

Мы не говорим уже о том, что, судя по словам де ла Бома, имеется, по существу, и пятое разногласие — формально не достигнутое соглашение о ретроактивной формуле. Правда, мы полагаем, что в этом вопросе, отступая назад по сравнению с предыдущей позицией, французы делают тактический ход. Таким образом, не только общеполитические соображения, но и чисто деловые мотивы диктуют твердую линию поведения в вопросе о заключении постоянного торгового договора. Вам надлежит и в дальнейшем со всей решительностью отстаивать нашу линию поведения, предоставив французам инициативу путем уступок сдвинуть переговоры с мертвой точки, на которой они сейчас находятся.

С товарищеским приветом

Потемкин

Печат. по арх.

* См. прим. 251.

** См. т. XVIII, прим. 186 и дек. № 113 настоящего тома.

448. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемицу

19 декабря 1937 г.

Несмотря на то, что он был у меня 16 декабря *, уже 17-го Сигемицу просил принять его 19-го.

Прежде чем излагать цель своего посещения, Сигемицу сказал, что мое заявление по вопросу о представителе ТАСС в Токио ²⁶¹ он сообщил в Токио, откуда, вероятно, скоро придет ответ. Кстати, он хочет по этому поводу сообщить мне, что его телеграмма, посланная отсюда в Токио по вопросу о представителе ТАСС, была получена в Токио с большим опозданием. В связи с этим посольство наводило справки и попутно установило, что некоторые телеграммы доставляются с опозданием на 20 часов. Возможно, что эти задержки объясняются погодой, но на всякий случай, он хочет просить меня, чтобы я обратил на это внимание.

Я тут же просил т. Андреева обратить на это внимание соответствующих органов.

После этого Сигемицу перешел к рыболовному вопросу **, заявив сразу, что он хочет узнать результаты моего доклада СНК относительно его предложения.

Я ответил, что прошлую беседу мы имели только 16-го числа. Я послал доклад правительству, и, само собою разумеется, пока еще нет ответа. Посол понимает, что так быстро это дело не может идти, тем более что 18-го был выходной день. Кроме того, как я уже говорил послу, не ожидаю удовлетворительного ответа на предложение посла о бессрочном продлении конвенции. Я обращал внимание посла на то, что эта часть его предложения не может содействовать ускорению дела.

На это Сигемицу сделал следующее заявление.

Японская сторона ровно два месяца тому назад сделала конкретное предложение относительно переговоров по заключению новой конвенции. Кроме того, месяц назад она изложила свои обстоятельства в письменной форме и просила ускорить переговоры. После этого несколько раз японская сторона спрашивала, когда она может иметь ответ на свое предложение. Однако до сих пор японская сторона ни разу не услышала конкретного ответа на свои предложения. Ввиду того что рыболовные переговоры, которые должны были быть закончены в этом году, не могут быть закончены, встал вопрос об установлении модус вивенди, причем японской стороне казалось, что таковым является и наше мнение. В прошлый раз он сказал, что в целях не допустить создания бездоговорного положения, лучшего образоваться вследствие отсрочки переговоров, наилучший способ, по его мнению, заключается в сохранении ста-

* См. док. № 444.

** См. док. № 373, 416, 433, 444.

тус-кво до заключения новой конвенции. Его предложение вовсе не имело в виду бессрочного соглашения. По его мнению, статус-кво нужно сохранить до заключения новой конвенции. Таким образом, это предложение не является предложением о бессрочной конвенции. Оно предусматривает срок, а именно до заключения новой конвенции. Мое критическое отношение к его предложению он узнал еще в прошлый раз. Вместе с тем в прошлый раз он сказал, что если его предложение не будет одобрено, то он был бы очень рад выслушать мнение Советского правительства. Он думает, что Советское правительство, наравне с японским правительством, имеет обязанность не допустить такого положения, при котором осуществление рыболовных прав оказалось бы невозможным. Он хочет надеяться на сотрудничество советской стороны. Если же с советской стороны не будет сотрудничества, то, какие бы проекты японская сторона ни вносила, они окажутся бесполезными. Это дело простое, но вместе с тем очень важное, и японское правительство очень беспокоится по поводу этих переговоров. Поскольку я ему заявил, что его проект означает предложение бессрочной конвенции, и поскольку этот пункт стал предметом к обсуждению его предложения, японская сторона не возражает против того, чтобы по примеру прошлого года заключить временное соглашение, а тем временем продвигать переговоры по заключению новой рыболовной конвенции. Из разговора со мной он понял, что у меня, кажется, нет возражений против того, чтобы в целях продления статус-кво заключить такое временное соглашение, имея в виду, что переговоры по заключению новой конвенции будут продолжаться. Как я смотрю на это новое предложение? Что касается срока, необходимого для обсуждения его предложения, то ему непонятно, «почему нужно слишком много времени на такие вопросы».

Я спросил Сигемitsu, правильно ли я понимаю, что он предлагает заключение временного рыболовного соглашения, действующего в течение всего 1938 г.

Сигемitsu ответил, что, имея в виду нынешнее положение переговоров о заключении новой конвенции, он предлагает заключить временное соглашение для продления статус-кво на следующий 1938 г.

Я спросил: значит, до 31 декабря 1938 г.?

Сигемitsu сказал, что если будет установлен модус на 1938 г., то в течение этого срока удастся заключить рыболовную конвенцию. Японская сторона желает, чтобы конвенция была заключена.

Я заявил Сигемitsu, что его новое предложение облегчит мою задачу. Что касается остальных заявлений, которые он сегодня сделал, то я позволю себе совершенно откровенно сказать, что если бы я передал их правительству, то это вряд ли облегчило бы переговоры. В последний раз я виделся с послом

16 декабря. 17-го днем я послал свой доклад правительству. Совершенно естественно, что этот доклад мог быть получен правительством только 19-го числа, т. е. сегодня. Посол сам понимает, что СНК собирается не каждый день и имеет и другие дела. Совершенно естественно, что сегодня я не мог сообщить послу решение СНК. Посол просил о свидании в любой час на сегодня еще 17 декабря. Вряд ли тогда посол мог рассчитывать, что утром 19-го он получит ответ правительства. Я подробно останавливаюсь на этом потому, что упреки посла, когда он говорит, что не нужно много времени на такие вопросы, мне непонятны. Кроме того, посол знает, что временное соглашение истекает 31 декабря. Это показывает, что вопрос не является таким срочным. Посол не мог ожидать, что СНК соберется на экстренное заседание, чтобы рассмотреть его предложение по этому вопросу. Вследствие всего этого я думаю, что упреки посла неуместны. Советское правительство выказывает в этом деле много доброй воли, и если тем не менее создалось положение, вызывающее недовольство посла, то вину за это не может нести Советское правительство. Посол помнит, конечно, те обстоятельства, в результате которых в прошлом году не удалось закончить долгие переговоры о рыболовном соглашении. Я вынужден сопроводить свой ответ этими заявлениями ввиду неуместного и неприятного характера заявлений посла. Я со своей стороны все время делал и делаю все возможное для ускорения переговоров. Не в интересах дела делать упреки, которые обостряют положение без малейшей пользы даже для японской стороны. Я позволю себе доложить Советскому правительству новое предложение посла и не буду передавать его упреков.

На это мое заявление Сигемitsu в подчеркнуто корректном тоне ответил, что он вполне согласен с тем, что, поскольку срок действия временного соглашения истекает 31 декабря, новый модус должен быть заключен до 31 декабря 1938 г. Однако японская сторона имеет свои внутренние обстоятельства, которые требуют много времени для оформления соглашения. Пожелание Японии заключается в том, чтобы все было сделано до 20 декабря. Поэтому он и торопил меня с этим вопросом. Он просил меня о свидании еще 17-го числа потому, что 18-го был выходной день и к сегодняшнему дню он рассчитывал получить ответ японского правительства, с которым он снесся после последней беседы со мной. Он признает и ценит мои усилия, но вместе с тем просит учесть их внутренние обстоятельства, вынуждавшие его торопить меня с рыболовными переговорами. Поэтому он и хотел узнать сегодня мнение Советского правительства.

Я коротко сказал, что, как только будет решение правительства, я сообщу его послу*.

* См. док. № 452.

Сигемницу сказал, что будет ждать ответа. Уходя, он казался весьма сконфуженным имевшим место пререканием.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

449. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Болгарии

20 декабря 1937 г.

Вернувшись из Болгарии, Антонов сообщил мне на днях, что он хотел бы оживить наши отношения и предлагает, во-первых, принять делегацию болгарских журналистов и, во-вторых, начать в виде опыта торговлю без торгового соглашения. Я ответил, что против приема журналистов принципиальных возражений не будет, но надо решить относительно наиболее удобного времени, а что касается торговли, то не представляю себе, как ее можно вести, не имея соглашения об использовании валюты. Я ему рекомендовал это предложение конкретизировать. По-видимому, намерения Антонова, с которыми он поехал в Софию, об обострении отношений не встретили сочувствия Кюсеяванова.

Литвинов

Печат. по арх.

450. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тин-фу

21 декабря 1937 г.

Цзян Тин-фу вручил мне ноту касательно нового бэйпинского правительства ²⁶³. На высказанное мною мнение о том, что нота не требует от нас ответа, посол возразил, что, наоборот, ему желательно было бы получить наш ответ.

Сообщив, что он собирается завтра выехать в Китай через Синьзян, Цзян Тин-фу спрашивал, что он может передать от меня своему правительству. Я ответил, что прошу его передать, что мы с неслабым вниманием и симпатиями следим за борьбой китайского народа и что все свои обязательства и обещания выполняем.

Посол спросил, остается ли в силе наше заявление о том, что мы в своей помощи пойдем дальше, если США сдвинутся с места. Я поправил посла, сказав, что мы такой формулы никогда не употребляли, а говорили лишь о нашей готовности к коллективным действиям, указывая на главное препятствие к таким действиям, идущее со стороны США. Чтобы предупредить дальнейшие провокационные вопросы Цзян Тин-фу, я добавил, что мы ждем здесь Сунь Фо, который, по нашим заседа-

ниям, на днях вылетает²⁶⁶. Я поделился с послом имеющимися у нас сведениями об огромных затруднениях, испытываемых Японией как внутри страны, так и в Маньчжурии и в Северном Китае.

Литвинов

Печат. по арх.

451. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае Г. М. Меламеду

21 декабря 1937 г.

Правительство разрешило исполкому Красного Креста СССР перевести китайскому Красному Кресту 100 тыс. американских долл. для закупки медикаментов в пользу пострадавших от военных действий Японии. Поставьте немедленно в известность об этом китайский Красный Крест и китайское правительство²⁶⁷. Срочно сообщите, в какой адрес перевести эти деньги.

Стомоняков

Печат. по арх.

452. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемцу

21 декабря 1937 г.

1. Я пригласил Сигемцу и сообщил ему, что сегодня СНК рассмотрел предложение, сделанное послом 19 декабря*, и принял решение о продлении рыболовной конвенции 1928 г. до 31 декабря 1938 г. и о пролонгировании на тот же срок и на прежних условиях аренды рыболовных участков, которые находятся в эксплуатации японских рыбопромышленников на основании пролонгации прежних арендных договоров**. На основании этого решения в ближайшие дни мы можем подписать соответствующий протокол.

Сигемцу благодарил «за ясный ответ» и сказал, что понимает мое сообщение таким образом, что речь идет о продлении рыболовной конвенции и пролонгировании арендных договоров на тех же условиях, что и в прошлом году, и о заключении временного соглашения по примеру прошлого года. При этом он напомнил, что в прошлом году при заключении соглашения обе стороны сделали заявления***. В общем, он пони-

* См. док. № 448.

** См. т. XI, док. № 21; т. XIX, док. № 434 и док. № 458 настоящего тома.

*** См. т. XIX, прим. 245.

мает меня таким образом, что с советской стороны не будет возражений против того, чтобы сделать все так же, как это было сделано в прошлом году.

Я ответил, что посол правильно меня понимает²⁶⁸. Что касается всех деталей дела, то я просил бы посла поручить Ниси поговорить с г. Козловским.

Сигемицу сказал, что он согласен, чтобы разговоры по деталям вел Ниси с г. Козловским. Вместе с тем, для того чтобы не было недоразумений, он хочет обратить мое внимание на вопрос о трех рыболовных участках, о которых был разговор во время заключения временного соглашения в прошлом году. В принципе советская сторона не возражала против того, чтобы эти участки были сохранены за японскими рыбопромышленниками. Однако местные власти во Владивостоке решили, что эти три участка не могут быть отданы японцам, поскольку они не отвечают необходимым условиям. В конце концов эти участки не были сданы в аренду японцам. Однако с тех пор расстояние этих участков от устья реки изменилось таким образом, что они могут быть сданы в аренду японским рыбопромышленникам. Он имеет инструкции из Токио обратить внимание на этот вопрос. По этому поводу Ниси уже говорил с г. Козловским и, вероятно, будет иметь еще разговор. Имея в виду, что этот вопрос требует изучения, он просил бы меня изучить его, с тем чтобы было учтено пожелание японских рыбопромышленников.

Я ответил Сигемицу, что с этим вопросом не знаком и думаю, что он относится именно к тем деталям, в отношении которых я просил посла поручить Ниси договориться с г. Козловским.

Сигемицу заявил, что он сообщает об этом мне во избежание недоразумений, но, разумеется, по этому поводу должен будет говорить Ниси с г. Козловским.

2. Я сказал затем, что хочу информировать посла еще по одному вопросу. Ввиду неоднократных обращений обеих комиссий к нашему полпредству по вопросу о задержании некоторых служащих этих комиссий, о чем упоминал в одной из своих бесед со мной и посол*, мы заинтересовались этим вопросом и констатировали, что прокуратура Союза ССР на основании обращений осужденных и концессионеров затребовала в порядке надзора все дела осужденных служащих комиссий и других арестованных на Сахалине японских граждан и передала их в Верховный суд РСФСР для пересмотра. Верховный суд РСФСР, рассмотрев некоторые из этих дел, принял решение о замене лишения свободы по приговорам низших судебных инстанций высылкой из пределов СССР в отношении следующих лиц: Кобаяси, Анми, Сугавара и Косуги. Дела осталь-

* Беседа состоялась 20 ноября 1937 г.

ных лиц будут еще рассмотрены, причем на основании принятых решений у меня лично сложилось впечатление, что можно ожидать аналогичных приговоров и в отношении других японцев, которые не обвиняются в шпионаже и других тяжелых преступлениях.

Сигемицу благодарил меня за сообщение, сказав, что немедленно доведет его до сведения Токио.

3. После этого я сделал Сигемицу следующее заявление.

13 ноября и 14 декабря т. Козловский обращался к Ниси с просьбой содействовать немедленному освобождению четырех советских граждан, которые вследствие шторма на Амуре были отнесены на катере * «Дальлеса» к маньчжурскому берегу. В результате наших неоднократных обращений катер нам был возвращен, но люди были задержаны и до сих пор остаются в Маньчжурии без всякого суда и следствия. При этом совершенно незаконно маньчжурские власти требуют компенсации в виде выдачи им какого-то русского белогвардейца, который находится в руках наших властей. Это дело вызывает у нас возмущение, ибо элементарным в отношениях между цивилизованными государствами является немедленное возвращение потерпевших вследствие шторма, без всякой на то компенсации. Другой вопрос, по которому т. Козловский также говорил с Ниси, касается 18 наших моряков, унесенных в море в результате шторма и прибывших к Амбецу на Южном Сахалине¹⁸³. Наш посол т. Славуцкий уже два раза обращался по этому делу в МИД. Наши власти обращались также к японскому консулу на месте. В результате этих переговоров только на днях японский консул сообщил, что трое из пострадавших заболели. Задержанных держат по-прежнему в заключении под тем предлогом, что те отказываются давать показания. Однако нам непонятно, как же можно требовать показания от пострадавших вследствие шторма. Я прошу посла вмешаться в это дело и настоять на немедленном освобождении пострадавших. Я думаю, что мои сегодняшние сообщения помогут ему получить положительный ответ, и я надеюсь, что посол быстро меня информирует.

Сигемицу отметил, что я коснулся двух вопросов, один из которых — инцидент на Амуре — касается Маньчжоу-Го и советских властей, а второй — вопрос о задержании моряков на Южном Сахалине — касается японских властей и СССР. Он думает, что по второму вопросу ведутся переговоры с японской стороной, а по первому — в Харбине с маньчжурскими властями.

Я повторил, что по обоим вопросам переговоры велись не только на местах, но что мы обращались также и к японскому посольству. Тов. Козловский говорил об этом с Ниси.

* См. док. № 308.

Сигемицу заявил, что «сообщит в Токио».

Я сказал, что прошу посла не только сообщить, но и ходатайствовать об удовлетворении нашей просьбы. Эти два случая вызывают большое недовольство в различных наших кругах здесь и на Дальнем Востоке, ибо речь идет о пострадавших в результате шторма, которые до сих пор находятся на чужбине. Я хотел бы, чтобы посол со своей стороны содействовал немедленному освобождению этих лиц.

Сигемицу заявил, что мое пожелание он передаст в Токио, и при этом опять сказал, что только один из этих вопросов касается Японии, а другой вопрос относится к Маньчжоу-Го. По вопросу, который касается Маньчжоу-Го, лучше было бы вести переговоры непосредственно с маньчжурскими властями.

Я опять повторил, что мы уже вели переговоры в Харбине, и указал на то, что именно потому, что переговоры в Харбине не дали никаких результатов, мы обратились к японскому правительству²⁷⁰. Я просил бы посла не выдвигать таких формальных аргументов. Посол знает так же хорошо, как и я, что японское правительство имеет возможность добиться удовлетворительного решения вопроса. В связи с тем что я дал сегодня послу положительные ответы по вопросам, интересующим японскую сторону, я просил бы посла учесть, что слишком формальный подход к нашим просьбам не стимулирует дальнейших усилий с нашей стороны к разрешению тех или иных просьб японского посольства.

Несмотря на это обращение, Сигемицу в третий раз — и по существу уже демонстративно — ограничился заявлением, что передаст мое пожелание в Токио и будет торопиться с ответом. Его враждебность проявляется даже в мелочах.

Б. Стомяков

Печат. по арх.

453. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР

22 декабря 1937 г.

Подтверждая получение ноты Японского Посольства от 28 ноября с. г. по вопросу о прекращении Правительством Союза Советских Социалистических Республик действия концессии «Сакай кумнай» с 28 сентября с. г. *, Народный Комиссариат Иностранных Дел считает необходимым отклонить протест Посольства, основываясь на нижеследующих соображениях: постановления протокола «Б», приложенного к Пекинской конвенции от 20 января 1925 г. об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией **, на который ссылается в своей ноте

* См. также док. № 416.

** См. т. VIII, док. № 30.

Японское Посольство, следует считать реализованными полностью фактом выполнения Правительством Союза Советских Социалистических Республик в предусмотренный договором срок своего обещания предоставить концернам, рекомендованным Японским Правительством, угольную и нефтяную концессию. С момента заключения концессионных договоров отношения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и концессионерами определяются исключительно постановлениями самих концессионных договоров.

Основываясь на постановлении концессионного договора с обществом «Сакай кумнай», Правительство Союза Советских Социалистических Республик расторгло концессию, известив об этом концессионера через Народный Комиссариат тяжелой промышленности. Если концессионер, как это явствует из ноты Посольства, считает, что Правительство основывает свое решение на неправильном толковании концессионного договора, то можно ему рекомендовать в соответствии с другим постановлением этого договора обратиться в Верховный Суд Союза Советских Социалистических Республик, который несомненно отнесется с полным вниманием к аргументации жалобщика и вынесет свое решение.

Печат. по арх.

454. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому *

22 декабря 1937 г.

Полпредство в Риме имеет сведения о решении Муссолини снова активизировать интервенцию в Испании, что подтверждают также французы в Риме. В последнюю десятидневку отправлено в Испанию 5 тыс. человек и много военных материалов и подготовлено к отправке в течение ближайшего месяца свыше 15 тыс. человек. Муссолини будто бы намечает выход из Лондонского комитета не позднее чем через два месяца, обеспечение Франко к февралю месяцу необходимым количеством артиллерии для взятия Мадрида и использование и обработку находящегося в Италии фашистски настроенного дон Хуана. Все эти меры имеют также целью давление на Англию, чтобы принудить ее к переговорам с Италией. Сообщается для сведения.

Литвинов

Печат. по арх.

* Копии телеграммы были направлены в полпредства СССР во Францию и Испанию.

455. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурнцу

22 декабря 1937 г.

При встрече с Дельбосом поставьте ему в упор вопрос, не говорил ли он Беку о непопулярности советско-французского пакта во Франции и своем решении не вести никаких новых переговоров с Советским правительством²⁷¹ и считает ли он, что такого рода высказывания могут служить улучшению советско-польских отношений. Мало того, что Дельбос ничего не делает для этого улучшения, он вышеуказанными заявлениями явно поощряет продолжение нынешних напряженных советско-польских отношений. О вышеизложенном разговоре с Дельбосом Бек рассказывал одному дипломату.

Литвинов

Печат. по арх.

456. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
22 декабря 1937 г.*

Дельбос изложил мне в более чем часовой беседе все перипетии своей поездки*:

1. Свидание с Нейратом. Дельбос признал, что о встрече он был заранее предупрежден, но обязался это держать в секрете. Этот «акт вежливости» он сам объясняет благоприятным впечатлением, которое на немцев произвело лондонское коммюнике** (готовность к переговорам). По существу свидания — ничего нового. С удовольствием лишь отметил, что Нейрат не заикнулся о советско-французском пакте.

2. Визит в Польшу. На первом плане Дельбос выпятил подмеченную им якобы у Бека тенденцию к улучшению отношений с СССР. На чем это основывается? Бек ругал только Коминтерн, удовлетворен ходом текущих дел, в частности работой пограничных комиссий, признавал и долю польской вины в последних конфликтах и «почти» совершенно не касался внутренних наших дел. Что касается польско-французских взаимоотношений, то Дельбос укрепился в уверенности, что франко-польский союз ненарушим и что Польша в нужный момент выполнит свои обязательства (пока что это расшифровывается в том смысле, что нет никаких оснований задерживать кредиты, предоставленные Рыдз-Смиглы***). Несколь-

* См. док. № 424, 425, 437, 446, 455.

** См. док. № 420, 424, 427, 446.

*** См. т. XIX. док. № 254, 319.

ко минорнее Дельбос расценивает результаты своего визита в Варшаву в плане генеральной политики Польши. К Лиге наций Бек холоден («хотя отмежевался от статьи официоза»), отношение к коллективной безопасности равносильно идносинкразии — приемлет только для других. О чешских делах говорил «неохотно».

3. Визит в Румынию. Сплошной триумф. Король, Татареску — решительно все за Францию, Лигу, Малую Антанту и коллективную безопасность. Румыния, правда, собиралась признать за Италией право на Абиссинию (включение титула в верительную грамоту своего посланника), но Дельбос без труда отговорил, обещав, что весь этот вопрос будет обсужден на январской сессии Лиги наций. Ничего нового и тревожного он не подметил и в отношении румын к СССР. Печалился, правда, что с вопросом о Бессарабии ни с места, но больше в плане оправдания своего воздержания от расширения дружбы с нами. Единственное пятно, которое он подметил в Румынии, — это Титулеску. Тот и с фашистами яхшается, от пакта с СССР отрешивается и с немцами сейчас заигрывает.

4. Визит в Югославию Дельбос считает главным лавром в своем венке. Он добился от Стоядиновича обязательства не примыкать к трипартийному соглашению*, не признавать Франко (Стоядинович по стопам Англии** пошлет лишь коммерческого агента), заявления о его преданности Лиге («и как раз в тот самый день, когда Италия вышла из Лиги»), а главное — публичного и связывающего заявления, что осью югославской политики является дружба с Францией. Конечно, Стоядинович очень «сложно» маневрирует, но к этому он вынуждается и сложностью положения в Югославии. Стоядинович напомнил Дельбосу, что на путь сближения с Италией его раньше толкали сами французы. Не его вина, если это сейчас интерпретируется как отход от Франции. Но самым положительным результатом своего визита в Югославию Дельбос считает взрыв народных симпатий к Франции.

5. Визит в Чехословакию прошел под знаком стопроцентного согласия. Бенеш решительно все одобрил: и лондонскую конференцию, и объезд Дельбоса, и план умиротворения Европы. Говорил Бенеш и о своей готовности улучшить положение немецкого меньшинства, в частности расширить их участие в госаппарате, но в рамках неприкосновенности суверенитета и без допущения генлейповцев к власти. Коснувшись будущего Локарно, Бенеш напомнил о Чехословакии в форме не совсем для меня вразумительной. Он якобы сказал, что одновременно с Западным пактом должен быть возобновлен и одновременно подписан арбитражный пакт между Чехословакией

* См. док. № 422.

** См. док. № 403.

и Германией, чем установится юнктом между этими двумя актами*. Выходит, что и Бенеш уже больше не рассчитывает на коллективное урегулирование дел в Восточной Европе.

Резюме Дельбоса: 1) он усилил связь между Францией и Малой Антантой и Польшей, 2) задержал тягу некоторых из этих стран к оси Берлин — Рим, 3) выявил ценность франко-советского пакта и заинтересованность Франции в улучшении отношений и других стран с СССР, 4) поднял авторитет Лиги наций. Дельбосу поэтому непонятно, почему «Журналь де Моску» так недружелюбно расценил его поездку.

Дельбос и своим коллегам рассказывал о примирительном настроении Бека к СССР. Об этих изменениях дополнительно мне вчера говорили завтракавшие у нас Шотан и Муте**.

Суриц

Печат. по арх.

457. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
23 декабря 1937 г.

В дополнение к телеграмме от 22 декабря***. Дельбос даже в разговоре со мною не мог скрыть, что он доволен честью, оказанной ему Нейратом. Он говорил о громадном впечатлении, которое, наряду с его лондонским визитом, этот жест Нейрата произвел на малоантантовцев и поляков****.

Дельбос ругал Фландена за его «неуместный» визит в Берлин*****, но признал, что об этом визите был поставлен в известность, когда проезжал через Берлин. Думаю, что он его и санкционировал. После вчерашней беседы я еще более укрепился в уверенности, что Дельбос нащупывает какие-то новые формы «умиротворения Европы» на путях примирения двух враждующих концепций (коллективная безопасность и двусторонние договоры). Показательными в этом отношении являются те извинения и оправдания, которые он находит для Стоядиновича и Бека, и тот примирительный тон, в котором он сейчас говорит о Германии. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что СССР во всех его комбинациях занимает чрезвычайно малое место. После его гастролей еще рельефнее выступает тенденция заморозить наш пакт*****, расцениваем-

* См. также док. № 31, 62, 143.

** Министр колоний.

*** См. док. № 45б.

**** См. также док. № 437, 446.

***** См. газ. «Известия», 15—17 декабря 1937 г.

***** См. т. XVIII, док. № 205 и док. № 20, 50, 80, 119, 142, 415 настоящего тома.

мый им почти исключительно как средство удержать нас по-
дальше от Германии. Мне кажется, что весь ближайший пери-
од пойдет под знаком подготовки к Западному пакту.

Суриц

Печат. по арх.

458. Протокол [о продлении срока действия Рыболовной кон- венции между СССР и Японией]

[29 декабря 1937 г.]

Поскольку срок действия Рыболовной конвенции между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, подписанной 23 января 1928 г. и продленной Протоколами, подписанными соответственно 25 мая 1936 г. и 28 декабря того же года *, истекает 31 декабря 1937 г., и

Поскольку новая Конвенция не будет заключена до 31 декабря 1937 г.,

Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Японии настоящим соглашаются, что Рыболовная конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, равно как и приложенные к ней документы, подписанные 23 января 1928 г., остаются в силе до 31 декабря 1938 г.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими Правительствами по принадлежности, подписали настоящий Протокол.

Составлен в г. Москве, в двух экземплярах, 29 декабря 1937 г., что соответствует 29 дню 12 месяца 12 года Снова.

Б. Стомоняков

М. Сигемицу

*Печат. по арх. Олуба.
в «Собрании постановлений...», № 12,
9 апреля 1938 г., стр. 298.*

459. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Ино- странных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

29 декабря 1937 г.

По сведениям из иностранных источников, в США усиливается движение против политики изоляции и в пользу соглашения с Англией для совместного противодействия развитию японской экспансии в Китае. Утверждают, что в военно-морских кругах Соединенных Штатов назревает решение, находящее поддержку и у Рузвельта, послать военный флот в район Сингапура. Значительную роль в активизации антияпонских настроений играет приближение Японии к Кантону и Гонконгу.

* См. соответственно т. XI, док. № 21; т. XIX, док. № 434.

Сообщите, насколько достоверны эти сведения и замечается ли некоторая эволюция общественного мнения США в указанном направлении *.

Потемкин

Печат. по арх.

460. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае И. Т. Луганца-Орельского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 декабря 1937 г.

Имел 28 декабря в Учане беседу с Чан Кай-ши. После обмена приветствиями и обычными фразами протокольного характера Чан Кай-ши сначала просил отложить деловой разговор на следующее свидание, но затем решил сделать сообщение для немедленной передачи Советскому правительству (при этом удалил всех, кроме Чжан Чуна). Чан Кай-ши сообщил, что 27 декабря германский посол в Китае Траутман снова посетил его и заявил, что он, Траутман, не беря на себя никакой ответственности, а также без какой-либо ответственности со стороны германского правительства, принял просьбу японского правительства предложить Китаю мир на следующих четырех условиях: 1. Китай должен отказаться от своей политики борьбы с Японией, союза с коммунистами и от политики против Маньчжоу-Го. Китай, Япония и Маньчжоу-Го должны совместно принимать меры предосторожности против коммунизма. 2. Демилитаризация районов, «которые будут признаны необходимыми для демилитаризации», и «создание специфической организации» (примечание: характер и район расположения этой организации германским послом не уточнены). 3. Экономическое сотрудничество Китая, Японии и Маньчжоу-Го. 4. Уплата Китаем соответствующей контрибуции Японии **.

На мой вопрос о мнении Чан Кай-ши и китайского правительства по существу сделанных предложений Чан Кай-ши заявил, что «Китай это предложение оставляет без ответа и будет продолжать сопротивление до конца»²⁷². После того как я (по просьбе Чан Кай-ши) изложил точку зрения Советского правительства на китайско-японскую войну и взаимоотношения между Китаем и СССР, Чан Кай-ши просил дополнить сообщение Советскому правительству еще следующими словами: «Положение таково, что если СССР не выступит открыто вооруженной силой на помощь Китаю, то поражение Китая неизбежно. Сейчас Япония создала уже в Северном Китае лжеправительство *** и наряду с этим предлагает Китаю

* См. док. № 461.

** См. также док. № 250, 314, 428, 438.

*** См. док. № 450.

мир, добиваясь дешевых условий. В связи с этим среди китайских общественных кругов, особенно интеллигенции, начинают укрепляться настроения: поскольку надежды на военное выступление СССР оказались необоснованными, поражение неизбежно и лучше поддержать японофильское правительство».

В дальнейшей беседе, длившейся около 2 час. 30 мин., Чан Кай-ши развивал мысль «о поражении Китая в случае невыступления СССР», о своевременности и выгоды для СССР выступить в данный момент, о пораженческих настроениях среди общественных кругов и даже в армии (что усиливается «мягкими» условиями мира, предложенными Японией), указывал, что крайне необходима помощь со стороны СССР штабными офицерами и специалистами. Чан Кай-ши особо просил сообщить просьбу о присылке военных работников для заполнения должностей штабных офицеров. Кроме того, Чан Кай-ши сообщил мне, что он формирует 20 новых дивизий, которые по его плану должны быть готовы через шесть месяцев. Поэтому он просит поставить перед Советским правительством вопрос об обеспечении (в порядке оказания технической помощи) этих дивизий вооружением, штабными офицерами, автотранспортом, артиллерией и другими техническими средствами. Все это ему крайне необходимо получить в течение трех месяцев для того, чтобы дивизии были готовы через шесть месяцев.

Печат. по арх.

Полпред

461. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 декабря 1937 г.

Сдвиг в общественном мнении США против политики изоляции несомненно имеется *. Вызвано это опасностью дальнейшего громадного усиления Японии на Тихом океане и связанным с этим обострением противоречий. Большое впечатление произвело потопление канонерки **. Но отсюда еще далеко до посылки флота в Сингапур, Гонконг, хотя идея морской блокады Японии силами Великобритании и США существует ***. Рузвельт лично готов идти довольно далеко, не исключая даже перспективы войны. Но сдвиг общественного мнения происходит медленно. Прояпонская и профашистская пропаганда под разными соусами ведется очень интенсивно. Большое недоверие к Великобритании играет свою роль.

* См. док. № 459.

** См. док. № 442.

*** См. также док. № 405, 441.

Я считаю, что наша сдержанная позиция имеет большое значение: таким образом надежда на неизбежность скорой войны между Японией и СССР пропадает, и американцам приходится думать о защите своих интересов своими силами. Ведь в 1931—32 гг. англичане абсолютно были уверены в близости войны между СССР и Японией и просчитались. Урок не прошел даром. Я старался подорвать представление многих американцев, что они приглашаются защищать нас против Японии. Я убеждал их постоянно думать о своих интересах, за себя мы стоим. Я не отрицал, конечно, нашу готовность сотрудничать против агрессоров.

Трояновский

Печат. по арх.

462. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Великобритании И. М. Майскому, в Италии Б. Е. Штейну, в Чехословакии С. С. Александровскому, Временному Поверенному в Делах СССР в Германии Г. А. Астахову

31 декабря 1937 г.

У Германии, по достоверным сведениям из Парижа, имеется договоренность с Италией и Югославией, предоставляющая немцам свободу действий в Австрии. Франция не считает возможным на это реагировать, учитывая нынешнюю позицию Англии.

Во французских официальных кругах ожидается занятие японцами Гонконга. Французы опасаются, что Англия может послать на Дальний Восток значительную часть своих морских сил. Считая это опасным для французских интересов на Средиземном море, французы советуют англичанам ничего не предпринимать на Дальнем Востоке без американской поддержки. В тех же французских кругах полагают, что в интересах соглашения с Германией не следует подчеркивать значение для Франции франко-советских отношений. Такое же мнение, считают французы, и у Бенеша.

Потемкин

Печат. по арх.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Торжественные мероприятия в связи со 100-летней годовщиной со дня смерти А. С. Пушкина состоялись во многих странах мира и вылились в манифестацию дружбы с советским народом. Так, иранская газета «Эттелаат» отмечала: «Мы весьма рады участвовать в юбилее этого великого писателя и разделить радость соседней дружественной страны. Тем самым мы имеем возможность еще раз выразить наши дружественные чувства к СССР».

В Бельгии, Иране, Норвегии, США, Франции, Чехословакии были созданы юбилейные пушкинские комитеты, в которые вошли видные политические и общественные деятели, представители творческой интеллигенции. В феврале 1937 г. в Афганистане, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Греции, Дании, Иране, Китае, МНР, Норвегии, США, Финляндии, Франции, Швеции, Югославии и других странах состоялись торжественные собрания и вечера, проводились выставки, концерты, публичные лекции и доклады, на которых присутствовали члены правительств, депутаты парламентов, представители широких слоев общественности, советские дипломаты. В ряде стран были нацелены собрания сочинений, сборники и отдельные произведения А. С. Пушкина, некоторые — впервые в переводе на иностранные языки.

Видные зарубежные писатели, государственные и общественные деятели выступили со статьями и приветствиями в советской печати, в которых отмечалось значение пушкинского юбилея для развития дружбы и укрепления мира между народами. В их числе — министр просвещения Франции Ж. Зей, выдающийся американский писатель Т. Драйзер, председатель Чехословацкого общества культурной связи с СССР З. Неудлы и др. (см. также док. № 18, 42, 44, 47, 67, 112, 190). — 15

² Имеется в виду письмо М. М. Литвинова А. М. Коллонтай от 2 января 1937 г., в котором говорилось: «Шведы добиваются через Вас подробностей о наших переговорах с Англией. Привлечение к подобным переговорам Швеции имеет место по инициативе Англии, и казалось бы, что она и должна дать Швеции необходимые разъяснения. Можете сообщить Сандлеру, что нами было уже достигнуто соглашение с Англией, согласно которому мы присоединяемся к англо-франко-германскому морскому соглашению с некоторыми изъятиями в нашу пользу, основанными на том, что наш флот находится еще в периоде восстановления, и на отсутствии соглашения с Германией и Японией». — 24

³ Предложение Советского Союза принять коллективные меры по пресечению пиратства фашистских кораблей не встретило поддержки со стороны правительства Великобритании и Франции, уклонившихся от официального ответа.

19 февраля 1937 г. представитель СССР в Комитете по невмешательству И. М. Майский на заседании подкомитета поставил вопрос о пресечении пиратства францистов одновременно с введением морского контроля

(см. прим. 19). В телеграмме в НКВД СССР от того же числа он отмечал: «Наше предложение едва ли вызовет большое сочувствие в Комитете. Например, Плимут в порядке беглых предварительных замечаний уже дал понять, что у него имеется большое сомнение (контроль-де только регистрирует нарушения соглашения, но не задерживает ни провозных грузов, ни проезжающих волонтеров)». О позиции английского правительства в этом вопросе свидетельствовало также то, что в апреле 1937 г. премьер-министр Болдуин заявил в парламенте о нежелательности захода английских судов в порт Билбао, блокированный мятежниками. Лишь в результате бурной реакции в стране на это заявление и угрозы вотума недоверия английское правительство обещало торговым судам защиту в открытом море, вне испанских территориальных вод.

Вопрос о мерах борьбы с пиратством вновь обсуждался на заседании подкомитета 27 апреля 1937 г. В телеграмме Майского в НКВД СССР указывалось: «скандинавы (Норвегия, Дания, Швеция) и Финляндия внесли в Комитет вопрос о том, какие меры должны быть приняты в случае захвата в испанских водах судов, имеющих на борту контролеров Комитета. Суть дела в том, что десятки норвежских, датских, физических и других судов в последнюю неделю задерживались Франко в Гибралтаре, узаконились в Марокко и груз их подвергнулся конфискации, хотя он не содержал никакой военной контрабанды и часто даже был адресован вовсе не в испанские порты». Советский представитель в соответствии с данными ему 28 апреля указаниями поддержал это предложение. О заседании подкомитета 30 апреля, на котором оно обсуждалось, Майский телеграфировал: «Мне почти нечего прибавить к сообщению ТАСС о заседании подкомитета 30 апреля по вопросу о пиратстве Франко. Отмечу только, что Плимут держался откровенно и что скандинавы были чрезвычайно возмущены полным равнодушием англичан к судьбам их судоходства. Очень плохо держался также Корбен, который либо молчал, либо в несколько скрытой форме поддерживал Плимута. Только благодаря очень энергичному вмешательству с моей стороны английский план — похоронить весь вопрос без сколько-нибудь серьезного его рассмотрения — провалился. Вопрос теперь будет вновь обсуждаться на пленуме Комитета 5 мая. Скандинавы по окончании заседания тепло меня благодарили за оказанную им поддержку» (см. газ. «Известия», 5 мая 1937 г.). В связи с предстоявшим обсуждением Майский запросил сведения о пиратских действиях в отношении советских судов, которые были ему сообщены 4 мая (см. док. № 136).

На заседании Комитета 5 мая были внесены советское предложение о назначении специальной комиссии экспертов для срочного рассмотрения вопроса и подготовки доклада о мерах по защите судоходства в районе Испании и английское — запросить правительства всех 27 стран, представленных в Комитете, о фактах нарушения свободы судоходства и их мнение о юридических аспектах вопроса в случае нахождения на борту задержанного судна контролеров Комитета по невмешательству. В результате дискуссии Плимут был вынужден признать срочность вопроса и согласился дополнить английское предложение запросом о практических мерах по борьбе с пиратством. Советский представитель не настаивал на немедленном образовании комиссии экспертов (см. газ. «Известия», 8 мая 1937 г.).

Обещание Плимута как председателя Комитета вернуться к вопросу о пиратстве после перерыва в работе Комитета по случаю коронации английского короля не было выполнено. Летом 1937 г. ввиду расприности западных держав пиратство фашистов приняло угрожающие размеры, вызвав энергичные протесты не только общественности многих стран, но и крупных судоходных компаний. В сентябре 1937 г. для защиты судоходства в Средиземном море была созвана международная конференция в Нионе (см. док. № 331). — 24, 226, 300

⁴ 11 января 1937 г. полпред СССР во Франции В. П. Потемкин телеграфировал в НКВД СССР: «Поручение выполнено сегодня. Дельбос за-

явил, что сведется с председателем совета министров и морским министром, после чего сообщит ответ правительства». — 25

⁵ В упоминаемой телеграмме И. М. Майский сообщил в НКВД СССР, что «на заседании подкомитета 12 января будут обсуждаться германский и итальянский ответы на англо-французские демарши от 27 декабря 1936 г.» (см. т. XIX, док. № 432, 433), и просил дать указания. — 25

⁶ Этой телеграммой И. М. Майский сообщил о заседании подкомитета 12 января 1937 г., на котором обсуждался вопрос о мерах контроля в связи с внесенным Советским Союзом предложением о запрещении посылки добровольцев, под видом которых Германия и Италия направляли войска для помощи Франко (см. т. XIX, док. № 396, 437 и док. № 2, 8 настоящего тома).

«Из хода прений, — говорилось в телеграмме, — как наиболее практичная и вероятная, схема [контроля], поддерживаемая Англией, Францией и др., вырисовывается в следующем плане:

а) на определенный день (скажем, 20 января) намечается международное запрещение вооруженных сил каждым правительством в своей стране;

б) одновременно, впрямь до организации контроля в портах Испании (в случае согласия испанского правительства и Франко), устанавливается морской контроль испанских границ судами различных наций, ибо фактическая организация портового контроля потребует минимум 4—5 недель. Если же испанское правительство и Франко или кто-либо из них вообще отклоняет схему контроля на своей территории, то указанный морской контроль останется до конца войны.

Понимается морской контроль так: каждое идущее в Испанию судно должно брать на это визу в ближайшем иностранном порту (французском, португальском, итальянском), где будут находиться представители Комитета, а патрульные суда в 10-мильной полосе вдоль испанского берега будут проверять, есть ли такие визы у соответствующего судна;

в) на сухопутной франко-испанской и португало-испанской границах устанавливается контроль агентами Комитета».

В телеграмме отмечалось также, что представитель Англии Плимут, являвшийся одновременно председателем Комитета, и посол Франции Корбен обратились с призывом «ко всем правительствам, имеющим влияние на ту или иную сторону в Испании, убедить испанское правительство и Франко дать быстрый и положительный ответ на схему Комитета о контроле». — 33

⁷ 16 апреля 1937 г., пригласив И. М. Майского на обед, Иосида, как телеграфировал на следующий день полпред, «снова заверил, что правительство Хаяси будет вести политику примирения по отношению к СССР», но при этом жаловался на «агрессивность СССР на Дальнем Востоке», выражающуюся в том, что СССР держит на своей границе с Маньчжунией слишком большую армию и слишком много аэропланов. Если бы СССР в этом отношении мог пойти Японии навстречу, мирная атмосфера в японо-советских отношениях была бы сразу же восстановлена. Он обратил любовь Иосида в шутку и с самой любезной улыбкой ответил: «Что Вы, г. посол, ведь наши вооруженные силы на Дальнем Востоке имеют своей единственной задачей охранять советскую границу от «бандитов», которыми, по вашим же японским сведениям, кишит Маньчжоу-Го». — 36

⁸ Реализация этого заказа тормозилась руководством заводов «Шкода» под предлогом угрозы конкуренции. В частности, в письме С. С. Александровского в НКВД СССР от 30 октября 1936 г. сообщалось, что, по утверждению командующего ВВС Чехословакии генерала Файфра, «весь секрет маневров шкодовских заводов заключается в следующем. Продать душку для СССР означает продать и снаряды к ней. Иначе она не представляет интереса для СССР. Продать же снаряды означает выдать секрет хепселя (и еще чего-то), который является однотипным чуть ли не для всех снарядов всей чехословацкой артиллерии. Военное министерство не боится этого, но шкодовские заводы боятся, что последствием может быть совет-

ская конкуренция шкотовской продукции на Ближнем Востоке. «Шкода» боится, что СССР станет продавать снаряды к пушкам, поставленным «Шкодой», и тем лишит ее прибыли». — 39

⁹ Несмотря на неоднократные высказывания в этом духе, Шотан в Советский Союз не приезжал. — 46, 228, 259

¹⁰ Имеется в виду нота полпредства СССР в Японии МИД Японии от 8 января 1937 г., в которой приводились факты, изложенные в комментируемом документе. В ноте содержалось требование «произвести надлежащие расследования и принять меры к наказанию виновных и не повторению подобных действий в будущем».

В ответной ноте МИД Японии от 19 января 1937 г., полученной полпредством СССР в Японии 23 января, отрицались отмеченные нарушения границы и заявлялось, что «протест против такого характера событий между маньчжурскими и советскими отрядами может стать вопросом только в отношениях между этими двумя странами». В то же время японская сторона пыталась возложить ответственность за нагрянувшие на границе на Советский Союз. Советская сторона была вынуждена повторить протест (см. док. № 49). — 47, 87

¹¹ В письме Б. Е. Штейна в НКВД СССР от 20 января 1937 г. в этой связи отмечалось: «Война в Испании выявила относительно низкое состояние германской авиации. Геринг был весьма этим озабочен. Он посетил здесь опытную авиационную станцию в Гундонии и весьма подробно обследовал состояние итальянской авиации, и вел переговоры о получении авиационных патентов. «В обмен на это он предложил итальянцам передать последним германские патенты на производство синтетического бензина и каучука. Последнее предложение сопровождалось в свою очередь условием — итальянским обязательством закупать в Германии весь уголь, необходимый для производства синтетического бензина. Что касается предложения о патенте на каучук, итальянцы будто бы это предложение отвергли, ссылаясь на то, что в Абиссинии имеется достаточное количество каучуконосных растений, что избавляет Италию от необходимости пользоваться эрзацами. Судьба предложения относительно бензина — угля мне пока неизвестна. Не случайно также, что в момент пребывания Геринга было объявлено об образовании итало-германского общества по эксплуатации природных богатств Абиссинии». — 52

¹² В ответ на этот запрос полпред СССР в Великобритании Н. М. Майский 22 января 1937 г. телеграфировал: «По имеющимся у меня сведениям, задача Ренсимена сводится прежде всего к тому, чтобы в «частном порядке» выяснить, готовы ли США и при каких условиях пойти на понижение своих тарифов. Так как, однако, США не пойдут ни на какие уступки в тарифном вопросе без урегулирования вопроса о военных долгах, то Ренсимен имеет поручение лозондировать почву и в данной сфере. Не исключена возможность (этого я точно не знаю, но допускаю вероятность), что Ренсимен затронет в переговорах также вопрос о присоединении Германии и Италии к валютному соглашению, хотя это сделать не так-то просто».

17 февраля Майский дополнительно информировал: «По словам Ванситарта, визит Ренсимена не имел какие-либо конкретные задачи, а преследовал цели улучшения отношений с США и предварительного зондажа по некоторым вопросам (тариф, законодательство США о нейтралитете). Ванситарт подчеркивал при этом сильно возросшее влияние Хелла, сторонника низких тарифов, и отсюда делал вывод о наличии более благоприятной перспективы для понижения американских тарифов. Он был, однако, очень осторожен в оценке возможных размеров этого понижения. Ванситарт характеризовал нынешнее состояние англо-американских отношений как «очень хорошее» и давал понять, что британское правительство это чрезвычайно ценит и будет работать над их дальнейшим улучшением. Ни вопрос о долгах, ни вопрос о займе Германии Ренсимен, по словам Ванситарта, в Америке не затрагивал». — 53

¹³ Телеграммой от 17 января 1937 г. НКВД СССР информировал генерального консула СССР в Харбине М. М. Славущего, а также полпреда

СССР в Японии, консула на ст. Пограничная (Суйфынхэ) и уполномоченного НКВД СССР в Хабаровске о принятии советской стороной решения прекратить, впредь до создания нормальных условий, движение поездов на участке Гродеково — Пограничная. «В случае, если маньчжури будут протестовать против прекращения движения и попытаются сослаться на соглашение о КВЖД (см. т. XVIII, док. № 134.— *Ред.*).— указывалось в телеграмме,— категорически отклоните протест, указав, что из соглашения о КВЖД вовсе не вытекает, что мы обязаны поддерживать международное сообщение с дорогами Маньчжоу-Го, особенно в обстановке провокаций, произвола и бесчинств. Как бы между прочим сообщите им при этом, что Вам известно, что в Москве обсуждается вопрос о закрытии также железнодорожного сообщения через ст. Маньчжурия, если власти Маньчжоу-Го не примут мер к недопущению дальнейших бесчинств и безобразий со стороны японо-белогвардейских полицейских по отношению к нашим железнодорожникам на ст. Маньчжурия».— 55

¹⁴ «В связи с мероприятиями японских властей в отношении нашего консульства в Цуруте,— говорилось в упоминаемом письме Б. С. Стожонькова,— у меня возникла мысль о целесообразности закрыть это консульство и потребовать одновременно от японского правительства закрытия одного из его консульств в СССР, например в Одессе или Новосибирске». В ответном письме от 18 января 1937 г. К. К. Юренев высказал мнение о желательности сохранения консульства в связи с тем, что «Цурута является транзитным пунктом для нас» (см. также док. № 298).— 55

¹⁵ В письме в НКВД СССР от 27 марта 1937 г. временный поверенный в делах СССР в Японии Н. Я. Райвнд, касаясь итогов парламентской сессии, отмечал: «Интерес, который был проявлен к разным вопросам советско-японских отношений, и в первую голову к вопросу о перипетциях дальнейшего развития этих отношений, свидетельствует о том напряженном интересе и о той тревоге, которая охватила в настоящее время всех мало-мальски мыслящих людей в связи с серьезным ухудшением наших отношений за последние месяцы». Подчеркнув, что «общественное мнение, поскольку оно находит свое отражение в парламенте, а парламент в основном правильно отражает настроения широких слоев буржуазии, стремится к улучшению японо-советских отношений и подвергает критике политику правительства», что «как в нижней, так и в верхней палатах был целый ряд выступлений против заключения японо-германского пакта», Райвнд констатировал: «В противоположность этой позиции парламентариев правительство заняло негативную позицию по отношению к СССР и выявило свое стремление законсервировать нынешнее неудовлетворительное состояние японо-советских отношений».

«Я думаю,— говорилось далее в письме,— что правительство и стоящая за ним военная клика не хотят прежде всего, чтобы в наших отношениях произошел какой-либо сдвиг, который мог бы помешать выполнению того плана вооружений против нас, который в настоящее время проводится армией».

О политике агрессии Японии в отношении Китая Райвнд писал: «Вопрос в настоящее время заключается лишь в том, пойдет ли Япония уже в ближайшее время на новую попытку вооруженным путем захватить новые позиции в Китае, или она временно ограничится закреплением захваченных ею позиций в Хэйбэйской и Чахарской провинциях, с тем чтобы подождать более благоприятного международного положения и выжидать дальнейшего развития в самом Китае». При этом автор склонился к мнению, что «японское правительство будет, вероятно, действовать несколько более осторожно, стараясь преждевременной акцией не толкнуть Нанкин на ускорение соглашения с китайской компартией и на сближение с СССР».— 56

¹⁶ В упоминаемом письме полпред обращал внимание на факты, свидетельствующие о дальнейшем усилении в Японии милитаристских кругов, о попустительстве в отношении фашистских организаций, преследования коммунистов, попытках военной поставкой рабочий класс под свой

прямой контроль. «Из той борьбы, которая сейчас ведется между политическими партиями и военщиной.— заключал К. К. Юречев,— нынешний государственно-политический режим во всяком случае выйдет с несомненным ущербом. По существу говоря, политические партии лишь обороняются, да и то крайне слабо, это прекрасно понимают военники и страна».— 57

¹⁷ Названным протоколом представители Австралии, Великобритании, Индии, Ирландии, Италии, Канады, Новой Зеландии, США, Франции, Южно-Африканского Союза и Японии констатировали повращение 31 декабря 1936 г. действия заключенного этими странами 22 апреля 1930 г. в Лондоне договора об ограничении и сокращении морских вооружений (см. т. XII, прил. 135), за исключением его части IV, в которой в качестве установленных правил международного права изложены правила о действиях подводных лодок по отношению к торговым судам и которая продолжает оставаться в силе без ограничения срока. В связи с этим правительству Великобритании поручалось обратиться ко всем государствам с просьбой о присоединении к указанным правилам.

Новый от 16 февраля 1937 г. на имя Илона полпред СССР в Великобритании И. М. Майский довел до сведения правительства Великобритании соответствующую декларацию НКВД СССР от 3 февраля 1937 г.— 58

¹⁸ 30 марта 1936 г. К. К. Юречев по поручению НКВД СССР заявил заместителю министра иностранных дел Японии Сигемичу протест в связи с незаконным задержанием советских пароходов «Сучан» и «Двина» (см. также т. XIX, док. № 113, 172). Одновременно полпред вручил Сигемичу памятную записку, в которой приводились конкретные примеры различного рода дискриминационных мер в портах Кобе, Хакодате, Йокосага и Мотсу в отношении советских судов и их команд. «Ни одно из приведенных выше ограничений,— констатировалось в памятной записке,— не применяется к судам других флагов, таким образом, имеет место дискриминация советского флага».— 59

¹⁹ В ходе переговоров об организации морского контроля, в частности в связи с предложением о прекращении притеснения иностранцев граждан в Испании (см. т. XIX, док. № 396, 437 и док. № 8, 9, 12 настоящего тома), фашистские державы пытались добиться отстранения Советского Союза от участия в контроле. Англия и Франция занимали неблагоприятную по отношению Советского Союза позицию. В результате настойчивых усилий советских представителей в феврале 1937 г. в Комитете по невмешательству восторжествовал принцип равноправия в отношении участия в контроле всех государств — яленов Комитета. Телеграфной директивой НКВД СССР от 26 февраля 1937 г. И. М. Майскому поручалось заявить по этому поводу следующее: «Когда в Комитете обсуждались основы контроля, советский представитель считал необходимым настаивать на праве участия в морском контроле всех представленных в Комитете как больших, так и малых государств, которые этого пожелали бы. Он тем энергичнее отстаивал этот принцип равноправия, что представители в Комитете Германии и Италии делали попытки изобразить участие в морском контроле как привилегию лишь нескольких произвольно намеченных ими государств и исключить из такого участия даже Советский Союз». Майскому предлагалось далее довести до сведения Комитета, что Советское правительство «в настоящее время не претендует на фактическое использование этого права» и считает желательным «поручить контроль в отведенной советскому флоту зоне, а именно в Бискайском заливе, Великобритании или Франции».— 61, 66, 86

²⁰ 31 января 1937 г. В. С. Стомяков телеграфировал Л. М. Карахану: «Ответ турок на германские резервы абсолютно необходим не только для того, чтобы зафиксировать обязанности Германии, как и прочих стран, подчиняться режиму, установленному в проливах на основании конвенции, заключенной в Монре, но и чтобы устранить ее eventuali претензии вмешиваться в дальнейшем в этот вопрос». 11 февраля Карахан, информируя НКВД СССР о беседе с Арасом по поводу ответной германской ноты от 22 января 1937 г. на ноту Турции о вступлении в силу конвенции

о режиме проливов от 9 ноября 1936 г., сообщил, что Арас ему заявил, что он также считает нужным дать на германскую ноту «надлежащий ответ».

9 марта 1937 г. турецкое правительство направило германскому посольству в Анкаре ноту, в которой, в частности, говорилось:

«Верная принципу скрупулезного выполнения своих обязательств, Турция прилагает все усилия для того, чтобы все державы пользовались в равной степени и без исключения всеми преимуществами, вытекающими из нового режима Проливов в отношении международного торгового судоходства, следя в то же время за тем, чтобы исключить на этом морском пути любое проявление враждебности и антагонизма, с тем чтобы он постоянно оставался путем согласия и мира».

Текст этой турецкой ноты в тот же день был передан дипломатическим представителям всех стран — участниц конвенции в Монре. Принимая от Араса текст упомянутой ноты, Г. А. Залкинд, как следует из его телеграммы в НКВД СССР от 9 марта 1937 г., заявил, что, по его мнению, в ците нет «прямого признания германских договоров». — 52

²¹ В частности, в записке своей беседы с главным редактором чехословацкого офицоза «Прагер прессе» Лаурином 26 января 1937 г. С. С. Александровский отметил: «Лаурин приходит теперь к тому [выводу], что [германо-чехословацкие] переговоры ведутся, но подробно знают о них во всей Чехословакии в лучшем случае пять человек, а именно: Бенеш, Годжа, Крофта, Ина (секретарь Крофты) и Кучера (секретарь Бенеша)». Лаурин говорил далее, что «будущий достигнутый пакт между Чехословакией и Германией будет построен на принципе «расширения Локарно», но при непреклонной предпосылке предварительного признания существующих договоров Чехословакии с Францией, пакта Малой Антанты и договора о взаимной помощи с СССР. Такое признание будет сделано в форме «принятия к сведению» Германией самого существования и содержания упомянутых договоров». При этом Лаурин считал, что «задачей пакта может быть в первую очередь разрешение проблемы внутривнутриполитического характера, а именно разбить гитлеровское движение, которое является большой опасностью для самого существования Чехословакии. Если Германия пойдет на «расширение Локарно» с «принятием к сведению» существующих чехословацких договоров, то она одновременно должна будет отказаться от поддержки гитлеровской ирреденты» (см. также т. XIX, прим. 144 и док. № 142 настоящего тома). — 62

²² Упомянутый разговор имел место 27 января 1937 г. Посол Турции во Франции Суад высказал мнение, одобрительно встречившее председателем совета министров Франции Блюмом, что турецкое правительство, несомненно, было бы готово принять предложение о заключении франко-турецкого договора о дружбе, если бы оно было сделано с достаточной определенностью. Ранее, в тот же день, у В. П. Потемкина состоялась беседа с генеральным секретарем МИД Франции Леже, в которой последний, в частности, говорил о заинтересованности французского правительства в таком договоре с Турцией. Сообщая об этих беседах в НКВД СССР, Потемкин в письме от 28 января просил ориентировать его о позиции, которую следовало бы занять в данном вопросе. 7 февраля народный комиссар иностранных дел СССР направил полпреду телеграфное указание: «Можете сообщить Блюму, что мы приветствовали бы заключение франко-турецкого пакта. Не берите, однако, на себя посреднической роли». — бб, 76, 247

²³ Начиная с июля 1936 г. советские представители во Франции вели переговоры с компанией «Шнейдер-Крезо» о заключении контрактов по ряду важных военно-морских заказов (см. т. XIX, док. № 269). Однако со стороны военного и морского министерств Франции оказывалось противодействие получению компанией соответствующего разрешения правительства. Лишь в результате обращения полпреда, по поручению Советского правительства, к председателю совета министров Франции Блюму, министру иностранных дел Дельбосу и военному министру Деладье компании «Шнейдер-Крезо» было дано разрешение выполнить советские за-

казы. Тем не менее военное и морское министерства и после этого продолжали чинить препятствия реализации советских заказов. В начале января 1937 г. администрация компании заявила об отказе принять на себя выполнение заказа на корабельную башню для 16-дюймового орудия.

16 января 1937 г. В. П. Потемкин телеграфировал в НКВД СССР о своей беседе с Блюмом: «Я напомнил ему всю историю, причем подчеркнул, что, положившись на твердое обещание фирмы выполнить наш заказ, мы были ею обмануты и потеряли даром полгода. Блюм заявил, что немедленно займется этим делом». В телеграмме от 21 января НКВД и НКВТ СССР поручили полпреду и торгпреду настаивать перед французским правительством на «необходимости устранить все препятствия к положительному завершению переговоров со «Шнейдер»; в связи с этим полпред вновь посетил Блюма.

2 февраля Потемкин принял главного директора «Шнейдер-Крезо» де Сен-Совэра, который заявил, что основной помехой для выполнения фирмой данных ею обещаний якобы является намеченная правительством национализация предприятий оборонной промышленности. В письме народному комиссару иностранных дел СССР от 2 февраля полпред отметил также, что де Сен-Совэра «выразил убеждение, что одного моего слова, сказанного Блюму, было бы достаточно, чтобы предупреждена была национализация предприятий «Шнейдер», которой помогает определенная группа членов социалистической партии. Со всей решительностью я ответил де Сен-Совэру, что мое обращение к Блюму по данному вопросу было бы прямым вмешательством во внутренние дела страны».

4 февраля в соответствии с договоренностью полпред вручил Блюму сразу о требованной технической помощи со стороны «Шнейдер-Крезо». Телеграфируя в тот же день в НКВД СССР об этой встрече, полпред сообщил, что он рассказал Блюму также «о грубой попытке шантажа со стороны Сен-Совэра. Блюм заявил, что теперь он вполне понимает, в чем причина саботажа со стороны фирмы. Он вызывает Даладье, чтобы обсудить способ принудить «Шнейдер» выполнить наш заказ». Однако, несмотря на все последующие обращения к представителям французского правительства и их заверения о содействии, положение не изменилось. Администрация компании продолжала прежнюю тактику в расчете добиться отсрочки, если не отмены, национализации. 11 июня 1937 г. временный поверенный в делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельд телеграфировал в НКВД СССР, что, по сообщению директора кабинета председателя совета министров Блюмеля, которому было поручено ускорить через военное министерство решение вопроса о реализации советского заказа, «Шнейдер-Крезо» вообще отказалась от выполнения «всех иностранных заказов».

Анализируя позицию французских правительственных кругов в отношении размещения во Франции советских военных заказов, Потемкин уже в качестве заместителя народного комиссара иностранных дел СССР в письме Гиршфельду от 4 мая 1937 г. отмечал, что, вероятно, оказывается «влияние извне, дабы помешать завершению наших переговоров со «Шнейдер». Думаю, что англичане отнюдь не заинтересованы в укреплении нашей военно-морской мощи, поэтому, возможно, они и внушают французам — тянуть это дело, чтобы в конце концов его похоронить». В письме Потемкину от 27 мая Гиршфельд ответил: «Как Вы правильно указываете, на французской стороне безусловно оказывали определенное влияние извне. С другой стороны, мне сообщили в достаточно определенной форме, что и сам Даладье во время пребывания в Англии ставил вопрос перед англичанами о невозможности или нежелательности реализации наших заказов». — 65, 76, 152

²⁴ Имеются в виду телеграммы И. М. Майского в НКВД СССР от 28 и 29 января 1937 г., в которых он информировал о заседаниях подкомитета, посвященных обсуждению вопросов контроля и запрещения волюнтерства, и запрашивал указания. «Так как ввиду отказа Франко, — говорилось в первой телеграмме, — первоначальная схема контроля с назначением агентов Комитета в порты и на железнодорожные станции счи-

тается отлаженной, то сейчас речь идет лишь о схеме контроля (морском и сухопутном) вне Испании, которая, по расчетам Комитета, должна стоить около 900 тыс. ф. ст. в год (вместо 620 тыс. ф. ст., предполагавшихся по старой схеме). Увеличение расходов объясняется большой трудностью такого контроля, а также еще тем, что контроль должен охватывать не только военные материалы, но и волонтеров. Конкретно наша доля возрастает со 190 до 136 тыс. ф. ст. в год. Сюда, однако, не входит содержание военной схемы в случае нашего участия судами в патрульной службе в испанских водах».

В телеграмме от 29 января сообщалось: «Выработанная техническими экспертами схема морского контроля предусматривает подразделение испанского берега на несколько зон, причем контроль в каждой зоне поручается судам какой-либо одной национальности (Англия, немцам и т. д.). Корбен находит такую систему опасной с разных точек зрения и вместо этого предлагает «интернационализировать» патрульную службу, т. е. устроить так, чтобы в каждой зоне стояли суда разных национальностей. Британское адмиралтейство возражает против такой «интернационализации» ввиду возникающих при этом технических и административных трудностей (особенно это смущает вопрос о командовании столь смешанным флотом), но Корбен полагает, что эти трудности преодолимы».— 65

²³ 24 января 1937 г. М. М. Литвинов телеграфировал в НКВД СССР из Женевы о беседе с Арасом: «Арас согласен на совместную защиту с Францией санджака, но не на общий пакт о взаимопомощи, который мог бы лишить Турцию торговли с Германией. Я возражал, что в этой торговле Германия более заинтересована, чем Турция».— 68

²⁶ 8 февраля 1937 г. временный поверенный в делах СССР в Японии Н. Я. Райвид ответил по телеграфу в НКВД СССР: «Я посетил сегодня Того и возбудил перед ним вопрос о режиме посольства согласно вашим указаниям. Выслушав, Того указал, что Арига говорил Юреневу о режиме для посольства и для консульств. Затем он спросил, есть ли у Наркоминдела или у меня лично какое-либо конкретное предложение, на основе коего может быть урегулирован этот вопрос. Я ответил, что наше предложение заключается в отмене всех дискриминационных мер, против которых мы неоднократно жаловались».

12 марта Райвид вновь посетил Того и вручил ему памятную записку о ненормальном положении, созданном японскими властями в отношении подпредства СССР. В телеграмме Райvida в НКВД СССР от того же числа отмечалось: «В ответ Того спросил, принимаем ли мы высказанный им в прошлой беседе принцип взаимности и согласны ли мы одновременно рассмотреть вопрос о положении японских консульств в СССР». Запрашивая указания для дальнейших переговоров, Райвид высказал мнение о целесообразности обратить внимание МИД Японии также на положение, которое поставлено торгпредство, и сообщил о намерении приложить более подробные сведения (см. док. № 88).

31 марта заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомоляков направил в подпредство следующую телеграмму: «Укажите Того, что мы по-прежнему твердо придерживаемся того общепринятого принципа, что взаимность заключается во взаимной недискриминации. Подчеркните, что претензии, заявленные Вами, относятся именно к случаям явной дискриминации против подпредства по сравнению с миссиями третьих стран, в то время как в отношении японского посольства в Москве никаких таких мер не принималось и не принимается».

Подтвердив таким образом нашу принципиальную позицию, Вы, однако, можете согласиться на одновременное обсуждение в Токио имеющихся у них претензий по поводу режима японского посольства в Москве. При этом мы исходим из того, что японское посольство действительно не подвергается такого рода притеснениям, как наше подпредство в Токио, и что, как мы Вам уже сообщали, мы отнюдь не возражаем против охраны подпредства, подпреда и советника при непреклонном условии, чтобы эта охрана производилась в корректной форме».

Что касается вопроса о режиме консульств, то заявите, что этот вопрос не имеет ничего общего с режимом посольства, ибо положение консульств с точки зрения международного права отлично от положения посольств, и к тому же соединение этих двух различных вопросов повело бы к затяжке с разрешением вопроса о режиме посольств. Тем не менее мы не отказываемся обсудить и вопрос о консульствах, однако это может быть сделано лишь после урегулирования вопроса о положении нашего посольства».

В соответствии с данными указаниями временный поверенный в делах СССР в Япония сделал 6 апреля соответствующее заявление Того, который не возражал против предложения советской стороны. — 70

²¹ В упомянутой телеграмме И. И. Спильванка сообщалось, что Чэнь Ли-фу «интересовался, когда придет Богомолов и не имею ли я для него сообщения от Богомолова».

13 февраля Спильванек телеграфировал о выполнении поручения: «Лично сообщил Чэнь Ли-фу 12 февраля в Нанкине и Кунь — 13 февраля в Шанхае. Чэнь Ли-фу выразил благодарность за сообщение. Кунь поблагодарил, сказал, что он немедленно передаст о сообщении Чан Кай-ши» (см. также т. XIX, док. № 374 и док. № 93 настоящего тома). — 81

²² Позиция Советского правительства по вопросу дальнейшего развития отношений с Китаем (см. т. XIX, док. № 374) была сформулирована в следующих директивах полпреду:

«1. Поручить т. Богомолову заявить Чан Кай-ши, что, оставаясь по-прежнему сторонниками сотрудничества между СССР и Китаем против общей опасности, мы считаем преждевременным оформление этого сотрудничества в виде двустороннего советско-китайского пакта взаимопомощи и вместо этого предлагаем: на данном этапе заключение широкого пакта о дружбе на условиях, изложенных в п. 2 этого постановления, а также практическое сотрудничество на деле в соответствии с положениями, изложенными в следующих пунктах.

2. Считать целесообразным заключение с нанкинским правительством пакта о дружбе, включив в него при этом постановления аналогичного содержания и текста, какие содержатся в японо-германском секретном соглашении, а именно предусмотреть обязательство неприятия одной из сторон мер и заключений по соглашениям, которые могли бы поставить в выгодное положение третье государство, со стороны которого угрожает опасность нападения другой договаривающейся стороне. В этом же соглашении предусмотреть взаимное обсуждение обеими договаривающимися сторонами мер, которые должны быть ими приняты в целях охраны их общих интересов (см. т. XIX, док. № 404. — *Ред.*).

Включить далее в этот пакт обязательства обеих сторон всемерно содействовать скорейшему заключению Тихоокеанского пакта взаимопомощи, предусмотреть автоматическое аннулирование советско-китайского пакта о дружбе в момент вступления в силу общего Тихоокеанского пакта взаимопомощи.

3. Считать далее целесообразным заключение с нанкинским правительством — по военной линии — военно-технического соглашения, предусматривающего:

а) продажу самолетов, танков и другого военно-технического снаряжения в соответствии с данным уже нами нанкинскому правительству принципиальным обещанием (см. т. XVIII, прим. 227. — *Ред.*). Предоставить для этой цели нанкинскому правительству кредит в 50 млн. ам. долл. с использованием в течение 2—3 лет и с покрытием стоимости доставленного военного имущества равными долями в течение 10 лет поставками китайских товаров, как олово, вольфрам, тунгстен, а также чай, шелк и пр.;

б) подготовку, в соответствии с уже данным нами обещанием, у нас китайских летчиков и танкистов. Считать возможным в крайнем случае посылку наших инструкторов-преподавателей в соответствующую китайскую военную школу в одном из пунктов Северо-Западного Китая;

в) в случае угрозы со стороны японцев единственной коммуникационной линии, связывающей Китай и СССР через Ганьсу, и в случае просьбы о том командования китайской армии — послать нам несколько наших самолетов и танковых соединений с нашим персоналом для включения в китайскую армию, защищающую эту коммуникационную линию.

4. В целях обеспечения связи с Восточным Китаем и облегчения реализации изложенных выше мероприятий возобновить и расширить сделанное т. Богомоловым канцелярскому правительству на основании постановления инстанции от 19 марта 1935 г. предложение об образовании советско-китайского общества на паритетных началах для установления и эксплуатации воздушной линии от советской границы через Урумчи — Хами — Ланьчжоу — Сиань — Нанкин до Шанхая (см. прил. 172, док. № 291. — *Ред.*).

5. При заключении упомянутых выше соглашений с канцелярским правительством добиваться откомандирования им всех германских военных советников китайской армии. — *81, 117, 155, 167*

²⁹ В упоминаемой телеграмме С. С. Александровский сообщил, что 15 февраля 1937 г. состоялся его встреча с председателем совета министров Чехословакии Годжей.

Как следует из записи беседы, полпредом было заявлено следующее. «За последние полтора аграрная партия, к которой принадлежит и Годжа, ведет кампанию за «ревизию внешней политики» Чехословакии в сторону от Парижа — Москвы и в направлении к Берлину. Эта кампания прямо затрагивает интересы тех стран, которые твердо стоят на принципах коллективной безопасности и неделимости мира. Она, несомненно, действует разлагающе не только на страны, колеблющиеся в этих основных вопросах мира, но даже и на такие составные части мирного фронта, как Малая Антанта. Газетная кампания, которую возглавляет центральный орган аграрной партии «Венков», к сожалению, поддерживается рядом выступлений ответственных политических деятелей. Я ссылаюсь хотя бы на выступление аграрного депутата Жидки в парламенте. Все это производит очень тягостное впечатление на Москву, и я не могу скрыть от Годжи того, что эта кампания в известном смысле подрывает доверие к устойчивости наших отношений. Она же несомненно поощряет агрессивные тенденции ряда стран, в первую очередь Германии. Одновременно я должен констатировать, что со стороны самого Годжи не было ничего предпринято для противодействия этой кампании, хотя я знаю и постоянно докладываю в Москву о том, что между линией поведения Годжи и Бенеша, образ мыслей которого хорошо нам известен, нет никакой разницы. Однако в Москве и помимо меня знакомятся с текущими событиями в Чехословакии, а кроме того, изучают и ее историю, в которой по необходимости приходится отметить явное различие между внешнеполитическими концепциями целого ряда политических группировок, точки зрения которых и до сих пор не сблизились или сблизились весьма условно. Я был бы благодарен, если бы Годжа авторитетно разъяснил мне значение упомянутой мной кампании и тем поддержал мою спокойную точку зрения, которую я защищаю перед всеми сомневающимися и которая гласит, что Чехословакия во главе с Бенешем и Годжей является надежным звеном мирного фронта».

Годжа заверял полпреда в дружественном отношении к СССР и «заявил в несколько торжественном тоне, что он теперь говорит мне не только от себя, но и от имени всей аграрной партии, и говорит следующее: «вся аграрная партия без малейшего колебания стала и стоит на точке зрения государственной необходимости самых тесных взаимоотношений между Чехословакией и СССР». Годжа утверждал также, что кампания в печати по вопросам внешней политики Чехословакии якобы «не имеет никакого значения с точки зрения этого основного факта и ничего не меняет в нем» (см. также док. № 47). — *81, 85*

³⁰ Имеется в виду письмо С. С. Александровского от 14 февраля 1937 г., в котором, в частности, говорилось: «В ответ на вопрос о военной опасности Годжа даже и не вспомнил об СССР — главной опоре мира в Европе. Гер-

манню же он прямо включил в число стран, с которыми может быть достигнуто «гармоническое сочетание» среднеевропейских интересов с интересами Западной Европы. Эта забывчивость Голджи совершенно не случайное явление. Перед нами вполне определенная концепция характера изоляции востока Европы, т. е. СССР, с попыткой опереться на ту из английских тенденций, которая хотела бы считать мар делимым и достичь сближения с Германией за наш счет». В письме отмечалось, что интервью «вызвало неудовольствие в довольно широких чешских кругах. Ему приписывают значение сигнала к переговорам с Германией, если не прямо — результата ведущихся сейчас зондажных переговоров» (см. док. № 31, 62) — 82

31 9 января 1937 г. заместитель начальника генерального штаба вооруженных сил Франции генерал Швейсгут по поручению начальника генерального штаба Гамелена запросил военного атташе при подпредстве СССР во Франции комбрига А. С. Семенова: какую помощь мог бы оказать Франции Советский Союз в случае нападения на нее Германией. Затронув эту тему в беседе 27 января с генеральным секретарем МИД Франции Леже, подпред обратил внимание последнего на то, что «вопросы, поставленные генералом Швейсгудом, сформулированы были в слишком общей, мало-статочной конкретной редакции. При этом они носили односторонний характер, ибо предусматривали единственный случай, именно нападение Германии на Францию, оставляя в стороне вполне возможную агрессию той же Германии против Чехословакии или éventуальное выступление немцев против СССР». Леже, как видно из телеграммы В. П. Потемкина в НКВД СССР от того же числа, не проявил интереса к éventуальному сотрудничеству французского и советского генеральных штабов, выразив опасение, что это могло бы повести к «отходу Англии от Франции и потере последней по крайней мере 60% той военной помощи, которую в случае нападения Германии французы могли бы получить извне». Такого же рода мысли были высказаны Потемкину государственным министром Франции, будущим премьер-министром Шотаном (см. док. № 20). Подпредство не исключало в этой связи, как говорилось в телеграмме Потемкина от 3 февраля, что «противникам франко-советского пакта, мешающего Даладе и его единомышленникам в ирравительстве и генеральному штабу договориться с Германией, желательно добиться от нас самих признаний, что наша военная помощь Франции, в особенности при отсутствии у нас общих границ с Германией, не может быть достаточно эффективной. Такое признание, разумеется, было бы использовано этими элементами для агитации против франко-советского сотрудничества и, может быть, за аннулирование пакта от 2 мая 1935 года».

В ответе Генерального штаба вооруженных сил СССР, переданном французской стороне 17 февраля, указывалось, что: 1. В случае, если Польша и Румыния дадут согласие на проход советских войск через свою территорию, Советский Союз придет на помощь жертве агрессии всеми видами оружия. 2. Если Польша и Румыния не согласятся пропустить советские войска, соединения Красной Армии придут во Францию морским путем, будет оказана также помощь военно-воздушными силами. И в том и в другом случае Советское правительство выразило готовность оказать помощь военно-морскими силами, а также поставлять бензин, газут, масла, марганец, моторы, танки, самолеты, потребительские товары и т. д. Размеры помощи применительно к той и другой ситуации предлагалось установить заключением соответствующего соглашения. В ответе подчеркивалось, что Советский Союз готов оказать соответствующую военную помощь и Чехословакии.

В свою очередь советская сторона ставила вопрос, на какую помощь Франция она может рассчитывать при нападении Германии на СССР. Ведение переговоров по всему кругу этих вопросов предлагалось поручить представителям генеральных штабов.

По получении ответа французская сторона избрала тактику затяжек в определении своего принципиального отношения к предложениям Советского Союза о военном сотрудничестве. В то же время представители фран-

цузских военных кругов пытались настаивать на предварительном уточнении чисто технических вопросов. Так, в письме в НКВД СССР от 26 февраля Потемкин отмечал, что Блюм не высказал конкретно своего мнения по поставленным вопросам: «Блюм не скрывал от меня, — говорится в письме, — что Даладь и некоторые представители генштаба относятся скептически ко возможностям франко-советского военного сотрудничества. Я допускаю, что он предвидел вероятность новой дискуссии по этому вопросу в связи с нашим ответом. Учитывая это, он и ограничился выражением собственных чувств благодарности нашему правительству, не касаясь конкретных положений нашего ответа». В письме отмечено далее: «Сегодня Дельбос мне говорил, что Блюм ознакомил его с содержанием моего сообщения и что он, Дельбос, «восхищен» ответом Москвы». «Я не форсирую ответа французам на наше сообщение, — заключал полпред, — и советую военному атташе не проявлять в этом вопросе никакой торопливости».

В середине марта 1937 г. генерал Швейггут обратился к советскому военному атташе с рядом вопросов технического порядка. В этой связи Потемкин в беседе с Блюмом 22 марта, о которой он телеграфировал в тот же день в НКВД СССР, был вынужден указать: «По моему личному мнению, французский генштаб, еще не выразивший принципиального согласия на деловые переговоры с нами, преждевременно и по-прежнему односторонне требует от нас технических уточнений и даже как будто хочет ослабить реальное значение сделанных нами ответственных заявлений». Блюм, продолжая полпред, ответил, что «готов признать своим недосмотром» такого рода образ действий французских военных кругов.

25 марта 1937 г. состоялось совещание у премьер-министра Блюма с Даладь и Дельбосом, участники которого, как следует из телеграммы временного поверенного в делах СССР во Франции от 25 марта о его беседе с Блюмом, «выразили единодушно свое положительное отношение и одобрение сделанному нами ответному заявлению». Однако и после этого с французской стороны не последовало конкретных шагов по налаживанию советско-французского военного сотрудничества. Французские представители продолжали заявлять, что вопрос о переговорах с Советским Союзом еще должен быть обсужден правительством.

Между тем на французский генштаб оказывалось возрастающее влияние со стороны профессиональных кругов, сообщения национальней обороны все более уступали место антисоветизму. В докладной записке французского генштаба, представленной правительству в мае 1937 г., отмечалось, что заключение военной конвенции между Францией и СССР вызвало бы отрицательную реакцию и недоверие в Германии, Польше и Румынии и не было бы одобрено в Англии. В июне 1937 г. французский генштаб направил в правительство новую докладную записку, в которой делался вывод о желательности воздержаться от ведения переговоров с СССР о военном сотрудничестве.

В декабре 1937 г. министр авиации Франции Пьер Кот в записке на имя председателя совета министров Шогана выступил с инициативой подписать соглашение с СССР о военном или техническом сотрудничестве. «Мои предложения, — писал в своих мемуарах П. Кот, — были отложены, а затем отброшены» (см. *P. Cot. Le Procès de la République*, vol. II, New York, 1944, p. 406, а также «Новая и новейшая история», 1972, № 3, стр. 160—170; «История второй мировой войны, 1939—1945», т. I, М., 1973, стр. 300—303. Ю. В. Борисов, Советско-французские отношения (1924—1945 гг.), М., 1964, стр. 352, 355—356; «Documents diplomatiques français, 1932—1939», 2-e série (1936—1939), vol. IV, Paris, 1967, pp. 787—788; vol. V, Paris, 1968, pp. 825—828; vol. VI, Paris, 1970, pp. 50—52). — 88, 142, 152, 186

²² В соответствии с договоренностью, достигнутой во время пребывания в СССР в октябре 1936 г. — январе 1937 г. председателя совета министров и министра иностранных дел МНР Амора (см. также прим. 220), советская сторона взяла на себя организацию в МНР 10 машинно-сенокосных станций.

Командированные с этой целью советские специалисты обеспечивали одновременно подготовку на месте монгольских национальных кадров. — 92

³³ В упоминаемой телеграмме М. С. Островский сообщил о своей встрече с министром внутренних дел Румынии Инкулеску, интересовавшимся подробностями беседы М. М. Литвинова с посланником Румынии в СССР Чуунту. «Я ему сказал то, — писал Островский. — что знаю из Вашей телеграммы, развывая Ваше положение». В ответ Инкулеску заявил, что «ничто не разделяет и ничто не мешает укреплению дружественных отношений между нашими странами. Так думают, по словам Инкулеску, король и правительство». Одновременно Островский информировал, что в ближайшие дни он встретится с министром иностранных дел Румынии.

Беседа Литвинова с Чуунту состоялась 15 февраля. Согласно телеграмме Островскому об этой беседе, румынскому посланнику было сказано, что «Антонеску старается привести наши отношения обратно на то место, откуда Титулеску начал приводить их в порядок, что он свои отношения с нами поставил под контроль Бека и даже дал ему письменное обязательство». — 92

³⁴ Информирова о визите Антонеску в Варшаву, временный поверенный в делах СССР в Польше Б. Г. Подольский в письме заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинскому от 27 ноября 1936 г. сообщил: «Новым является изменение отношения Румынии к Польше, единство взглядов на методы обеспечения мира и международного сотрудничества. В этом смысле характерными являются заявления Антонеску специальному корреспонденту АТЭ, речь на приеме у Бека, заявления румынского посланника на приеме у президента республики при вручении грамот и, наконец, рассуждения здешних румынских дипломатов.

В этих заявлениях, если отбросить вопрос о Малой Антанте и балканском блоке, Антонеску повторил все то, что Бек в разное время говорил. Его заявление, что «для внешней политики Румынии вопрос внутреннего строя ее партнеров не имеет никакого значения», было произнесено почти в тех же словах Беком с одним из своих экспозе в сейме, заявление о блоках и контрблоках прямо взято из неоднократных заявлений Бека».

В письме в НКВД СССР от 28 ноября 1936 г. Подольский дополнительно информировал о беседе с посланником Чехословакии в Польше Славиком, который рассказал ему о своем разговоре с Антонеску. По словам Славика, Антонеску заявил: «Румыния не желает участвовать в блоках с СССР, ни в блоках против СССР. Румыния занимает по общим международным проблемам ту же позицию, что и Польша. У него (Антонеску) с Беком полное единство взглядов на методы обеспечения мира. Это, конечно, заявил Антонеску, не исключает единства взглядов в Малой Антанте по вопросам непосредственно их касающимся. (Эту последнюю фразу Славик объяснил, что Антонеску имеет в виду венгерский вопрос.) Что же касается японо-германского соглашения, то Антонеску заявил, что у него нет доказательств, но он уверен в наличии военного договора между Японией и Германией и опубликованный документ является лишь его частью. Антонеску в связи с этим вопросом еще раз подчеркнул, что Румыния, как и Польша, не будет участвовать с СССР против Германии и с Германией против СССР».

Визит в Польшу начальника генерального штаба Румынии Самсоновича, которого сопровождали начальник II отдела, начальник оперативного отдела и начальник отдела военных перевозок, состоялся в декабре 1936 г. В письме в НКВД СССР от 18 декабря 1936 г. Подольский, ссылаясь на беседы с польскими и румынскими военными деятелями, сообщил о результатах этого визита следующее: «Установлено еще более тесное сотрудничество обеих разведок.

С начальником военных сообщений был согласован план военных перевозок на случай войны. Кроме этого был обсужден вопрос о создании второй железнодорожной линии связи между Польшей и Румынией, которая проходила бы подальше на запад от нашей границы.

По инициативе поляков был поставлен на обсуждение вопрос об отношении Румынии к ялово-германскому соглашению «о борьбе с Коминтерном». Румыны якобы заявили, что их вполне устраивает сотрудничество польской и румынской полиции и что в дополнительной помощи они не нуждаются.

Наконец, поляки якобы внесли предложение изменить характер польско-румынского военного договора. Они предложили, в связи с новой международной обстановкой, изменить его в сторону оборонительно-наступательную» (см. также т. XIX, док. № 357). — 93, 95, 194, 313, 379

³⁵ Несколько ранее, 13 февраля 1937 г., в письме М. С. Островскому М. М. Литвинов отметил в этой связи: «Дельбос мне дважды говорил в Женеве, что он отнюдь не настаивает на согласии Румынии на болгаро-югославский пакт. Он, наоборот, предлагал дать согласие лишь в случае специальной оговорки в пакте о сохранении всех обязательств Балканской Антанты». — 93, 95

³⁶ 13 февраля 1937 г. в Бухаресте состоялись похороны двух членов румынской военно-фашистской организации «железная гвардия», убитых в Испании, где они участвовали в боях на стороне фашистских мятежников. В похоронах, организованных как манифестация фашистских сил Румынии, приняли участие посланники Германии и Италии, возложившие венки от имени Гитлера и Муссолини, что означало вызов общественному мнению Румынии, поддерживавшей дипломатические отношения с республиканской Испанией. В связи с этим состоялось специальное заседание румынского правительства. Ожидалось, что правительство потребует отъезда посланников Германии и Италии, однако правящие круги Румынии предпочли замять инцидент (см. газ. «Известия», 17 февраля 1937 г.). — 93, 313

³⁷ Соглашением о торговом обороте между СССР и Грецией на 1936 г. (см. т. XIX, док. № 13) предусматривалось, что стороны должны «начать переговоры о возобновлении настоящего соглашения за два месяца до окончания срока его действия». Однако они начались лишь 25 января 1937 г. Новое соглашение было подписано в Афинах 27 февраля 1937 г. и по своему содержанию идентично соглашению 1936 г. — 94

³⁸ Возвращаясь к вопросу о толковании правящими кругами Польши польско-румынского договора о союзе (см. т. IX, прим. 26), М. С. Островский в письме в НКВД СССР от 4 марта 1937 г. отметил, что еще «весной 1935 г. в МИД являлся Арпишевский (посланник Польши в Румынии. — *Ред.*) и предупредил генерального секретаря МИД Арлона (Арцишевского) больше никто не принимал) о наличии § 5 договора, по которому румыны не могут ни вести [переговоров], ни подписать пакта о взаимопомощи с СССР без предварительного согласия с Польшей. Это было до начала каких бы то ни было переговоров. МИД ответил, что переговоров никаких не ведется». — 96

³⁹ В мае 1936 г. посланник Чехословакии в Румынии Ян Шеба опубликовал книгу «Россия и Малая Антанта в мировой политике», в которой выступил в защиту советско-чехословацкого договора о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. (см. т. XVIII, док. № 223) и идеи советско-румынского союза, а также подверг критике внешнюю политику правящих кругов Польши. Это, как отмечал в письме в НКВД СССР от 9 февраля 1937 г. полпред СССР в Румынии М. С. Островский, «сделало Шебу мишенью польской и немецкой миссий. Для своей работы поляки и немцы до последнего времени использовали (главным образом) поляки, которые играли и играют роль немецких мальчиков) всякие гнусные анонимки». В январе 1937 г. указывал далее Островский, «поляки и немцы здесь соединенными усилиями поставили задачей свалить Шебу, сделав из этого политическую [анти]-малорантантовскую демонстрацию, и одновременно спровоцировать [румынское] правительство на то, чтобы поставить точки над «i» в румыно-советских отношениях». В результате этой кампании, фактически поддержанной румынскими правящими кругами, в феврале 1937 г. Шеба был отозван (см. также газ. «Известия», 24 февраля 1937 г.). — 99, 313, 363, 379

⁴⁰ Имеется в виду речь президента Турпин Кемалья Ататюрка, произнесенная 1 ноября 1936 г. при открытии сессии меджлиса, в которой он, говоря о значении заключения конвенции о режиме проливов, заявил:

«В этой связи я должен с особым удовлетворением заявить, что наша дружба с Советской Россией, нашим великим морским и сухопутным соседом, прошедшая за пятнадцать лет через всякого рода испытания, продолжает нормально развиваться, сохраняя всю силу и искренность своих первых дней». — 101

⁴¹ Это указание И. М. Майскому было дано в ответ на его телеграмму от 1 марта 1937 г., в которой говорилось: «Когда Плимут в конце заседания поставил вопрос об эвакуации из Испании уже находившихся там волонтеров, выяснилось, что все представленные налицо правительства в принципе согласны подвергнуть этот вопрос обсуждению. Тогда я заявил, что не имею специальных инструкций по данному вопросу, но в качестве личного мнения полагаю, что мы тоже возражать против обсуждения не будем. Просил бы дать мне по этому поводу более точные указания с учетом того, что фашистские представители (особенно португалец) требуют обсуждения эвакуации не только воюющих иностранцев, но и «политических агитаторов», а Корбен поднял вопрос также об эвакуации «технических экспертов» (см. док. № 68; газ. «Известия», 3 марта 1937 г.). — 101

⁴² И. М. Майский исполнил указание 8 марта 1937 г. В составленной им записи беседы отмечено, что Крейги «с нескрываемым раздражением стал возмущенно говорить о том, в какое тяжелое положение нашим ответом возмозлено британское правительство», расценив позицию Советского правительства как отказ от подписания соглашения. «Я возразил, что в ответе Советского правительства нет никакого отказа в подписании морского соглашения. Есть просто предложение, достаточно мотивированное, о созыве новой морской конференции. Поэтому Крейги едва ли следовало бы столь трагически принимать сделанное мною заявление.

Крейги отвечал, что его резкая реакция вполне оправдывается обстоятельствами. В самом деле, наше предложение о конференции никак не может быть принято британским правительством. Во-первых, как он мне уже раньше объяснял, Франция и Германия не могут сидеть за одним столом на морской конференции. Во-вторых, созыв конференции в настоящий момент, когда нет еще соглашения с Германией и СССР (не говоря уже о Японии), означал бы верный крах всех усилий по качественному ограничению морских вооружений». Крейги уверял также, что Германия и Япония якобы добросовестно относятся к своим обязательствам по международным морским соглашениям.

«Я, — следует далее в записи беседы, — возразил, что никак не могу согласиться с мнениями и выводами Крейги. Я вполне понимаю его личные чувства; ожидать подписания договора не сегодня-завтра и вдруг увидеть, что это подписание отдалается на известный срок, — неприятно. Однако надо стать выше личных переживаний и посмотреть на дело с политической точки зрения. Между тем, если сравнить нынешнюю международную ситуацию с той, которая имела место во время наших прошлогодних переговоров, разница получается разительная. За эти немногие десять месяцев произошел ряд событий, которые совершенно изменили конфигурацию сил и окончательно подорвали наше доверие к слову Японии и Германии. Я упомянул здесь о германо-японском соглашении, а также о поведении Германии в испанском конфликте. Нет решительно никаких гарантий против того, что Германия, подписав договор о качественном ограничении, не заложит тайком каких-либо влиятельных судов. Того же легко можно ожидать и от Японии. Сам Крейги мне как-то говорил, что японцы носят с мыслью секретно построить парочку морских «монстров», с которыми не смогут равняться даже самые сильные суда других флотов. Все это приводит нас к выводу, что если мы подписали бы сейчас морской договор, то легко могли бы оказаться в тяжелом положении в случае необходимости защищать наши границы от одновременной атаки на западе и на востоке. Испанский опыт нам ярко показал, что без наличия контроля нельзя верить слову

Германии. Поэтому всякое соглашение с Германией по вопросам вооружений могло бы быть целесообразно лишь при наличии той или иной формы контроля. Этого, конечно, нельзя сделать путем двусторонних переговоров. Для этого нужна конференция всех держав.

Крейги отвечал, что говорить в нынешней обстановке о каком-либо контроле над ограничением вооружений совершенно не приходится. Это безнадежное дело. Британское правительство неоднократно ставило данный вопрос и всегда при этом проваливалось. Максимум, на что можно рассчитывать,— это соглашение об ограничении без контроля. Возвращаясь затем к нашему ответу, Крейги еще раз высказал свое глубокое огорчение и при этом прибавил, что никак не ожидал «удара» с нашей стороны. Когда в прошлом году начинались переговоры с немцами и нами, он, Крейги, все время опасался каких-либо неожиданностей и препятствий со стороны Германии. Однако немцы во все время переговоров вели себя чрезвычайно лояльно, были вполне резонабельны и сейчас готовы подписать договор. А вот с советской стороны в самый последний момент пришла неожиданность, и какая!

Я возразил, что могу лишь удивляться наивности англичан. Слушая все эти рассуждения о добропорядочности, о верности немцев раз данному слову, я могу только вспоминать нарушение бельгийского нейтралитета в 1914 г., взведение всеобщей воинской повинности в 1935 г., оккупацию Рейнской области в 1936 г., нарушение соглашения о невмешательстве в испанские дела в 1936/37 г. На что Крейги надеется? Если даже немцы и не нарушили еще морского соглашения 1935 г., они его нарушат без всякого зазрения совести, как только оно покажется для них неудобным. И то же самое было бы с соглашением о качественном ограничении морских вооружений. В обстановке, когда Лига наций и принцип коллективной безопасности стоят под вопросом, СССР вынужден на случай опасности рассчитывать почти исключительно на свои собственные силы. Отсюда логически вытекает и наше отношение к морскому договору и наше предложение о морской конференции». — 105, 125

⁴³ Упоминаемая беседа С. С. Александровского с начальником канцелярии министра иностранных дел Чехословакии Иной состоялась 5 марта 1937 г. Как отмечал Александровский в записи беседы, он спросил Ину, «считает ли он благополучно окончившимися и переговоры с Траутмансдорфом, о чем так много говорят в дипломатусе. Ина был поражен и рефлекторно отозвался восклицанием: «Не может быть, чтобы об этом говорили в дипломатусе!» После этого отступать ему не было возможности, и он стал рассказывать, одновременно спрашивая меня, что же именно говорят в дипломатусе». Как указывается в записи, то, что при этом сообщил Ина, было «повторено Крофтой в более точной и широкой форме» в его беседе с Александровским (см. комментируемый документ). В свою очередь полпред СССР в Германии Я. З. Сурин в телеграмме в НКВД СССР от 9 марта 1937 г. о беседе с посланником Чехословакии в Германии Матны сообщал: «Посланник признал, что между Чехословакией и Германией ведутся переговоры в «неофициальном» порядке. В детали он меня не посвятил, указав, что он связан служебной тайной». — 110

⁴⁴ Данное указание являлось ответом на телеграмму полпреда СССР в Румынии М. С. Островского от 10 марта 1937., в которой говорилось: «Антонеску мне сообщил, что Арас будет с ним говорить в Анкаре о статус-кво на Черном море, и спросил, каково наше отношение к этому вопросу. По мнению Антонеску, не то Титулеску, не то Арас с Вами об этом говорил». В телеграмме также отмечалось, что Арас, как следовало из слов Антонеску, под статус-кво «понимает взаимную гарантию территории прибрежных стран».

13 марта народный комиссар иностранных дел СССР поручил также временному поверенному в делах СССР в Турпии Г. А. Залкину выяснить в беседе с Арасом причины, побуждающие его выступить с заявлением о статус-кво в районе Черного моря. 14 марта состоялась беседа Залкинда с Арасом, в которой последний заявил, что «у него нет никаких конкретных

поводов» и что он «снимает свое заявление» (см. также док. № 56, 165).— 116

⁴⁵ Вопрос о Тихоокеанском пакте поднимался китайским послом также в беседе с полпредом СССР в Китае Д. В. Богомолковым в Москве 8 марта 1937 г. Как видно из записи беседы, Цзян Тин-фу, коснувшись по своей инициативе идеи создания Тихоокеанского пакта и высказав мнение, что «Америка и Англия едва ли пойдут на такой пакт в настоящее время», заявил, что «само китайское правительство стоит целиком за такой пакт».— 117

⁴⁶ Пресс-атташе посольства Германии в СССР, являвшийся одновременно представителем Германского информационного бюро (ДНБ) в Москве, Баум был объявлен persona non grata. Группа германских граждан, задержанных в СССР в ноябре 1936 г. по обвинению в нарушении советских законов, в результате дипломатических переговоров была выслана в Германию. В свою очередь германские власти освободили незаконно арестованных в Германии советских граждан, а также обязались предпринять меры в целях освобождения из франкистского плена эмигрантов советских теплоходов «Комсомолец» и «Смадович» (см. док. № 7, 388).— 120

⁴⁷ В письме в НКВД СССР от 8 июля 1937 г. Э. А. Асмус информировал по этому вопросу: «Рыбная дозня Финляндских рыбаков в советских территориальных водах и их задержание нашими пограничниками не только не сократилась, но приняла более широкие размеры. За зиму 1936/37 г. было задержано не менее 75 человек, некоторые из них повторно. Положение на Финском заливе показывает, что Финляндия не приняла мер к прекращению незаконного перехода рыбаками границы территориальных вод. Нет сомнения, что этими переходами пользуются и в разведывательных целях».— 123

⁴⁸ В связи с обсуждением в Комитете по невмешательству вопроса об удалении из Испании всех иностранных граждан (см. док. № 57) полпреду в упоминаемой телеграмме поручалось согласовать дальнейшие шаги с испанским правительством.— 124

⁴⁹ 16 марта 1937 г. Л. Я. Гайкису была направлена следующая телеграмма: «Если дель Вайо в своей ноте не требует обсуждения вопроса в Совете [Лиги наций], то Авеноль ограничится рассылкой копий ноты членам Совета и никакого дальнейшего движения вопрос не получит, пока кто-либо из членов Совета не потребует постановки его в порядок дня». В телеграмме высказывалось мнение о целесообразности обращения к правительствам Англии и Франции для выяснения их позиций (см. также док. № 77, 79, 95).— 125

⁵⁰ 17 марта 1937 г. Э. А. Асмус сообщил ответ директору политического департамента МИД Финляндии Паюле. В телеграмме в НКВД СССР от того же числа говорится: «Паюла благодарил за разрешение, которое имеет большое значение для финских рыбаков».— 132

⁵¹ Я. З. Сурид беседовал по этому вопросу с заведующим политическим отделом МИД Германии Дикгофом 11 июля и 28 октября 1936 г.

В частности, как видно из телеграммы Сурида в НКВД СССР от 28 октября 1936 г., Дикгоф, говоря о подходе западных держав и Германии к переговорам о заключении Западного пакта, сказал, что выявились «общий маршрут и параллельность интересов». «Насколько можно понять, — говорится в телеграмме, — достигнуто соглашение об ограничении переговоров в рамках одной лишь Западной Европы и об отклонении предложенного Англией проекта взаимопомощи. Первая позиция, по-видимому, сведется к заключению франко-германского пакта о ненападении, гарантированного Англией и Италией и с изъятием ст. 2 старого Локарнского договора».— 137

⁵² В телеграмме НКВД СССР от 9 марта 1937 г. полпреду давалось задание информировать о ходе поставок советских товаров по исполнению ранее заключенных контрактов (см. т. XVIII, док. № 350).— 138

⁵³ В телеграмме НКВД СССР от 16 марта 1937 г. В. П. Потемкину было поручено узнать у Блома или Дельбоса, «намерены ли они поднять

в Комитете вопрос об итальянских дивизиях, ибо вряд ли вопрос будет поднят англичанами. Мы,— говорится далее в телеграмме,— официальной ноты от испанского правительства не получили». — 139

⁵⁴ 16 марта 1937 г. в парижском предместье Клиши произошло кровавое столкновение между полицией и рабочими, организовавшими демонстрацию протеста против разрешенного властями собрания фашистской «социальной французской партии». На события в Клиши трудовой Париж ответил 18 марта всеобщей забастовкой и массовой антифашистской демонстрацией (см. газ. «Правда», 18, 19 марта 1937 г.). — 139, 142

⁵⁵ В соответствии с разрешениями, предоставлявшимися народным комиссариатом водного транспорта СССР, японская транспортно-экспедиционная контора во Владивостоке «Сёсэн гуми» осуществляла агентские операции по поручению японских пароходных компаний — участниц соглашения о прямом европейско-азиатском сообщении (см. т. VIII, прим. 137). 20 января 1937 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомонов предупредил посла Японии в СССР Сигемitsu, что, «по поступившим в НКВД СССР сведениям, «Сёсэн гуми» занимается в значительных размерах нелегальными валютными операциями, а ряд сотрудников конторы — «недопустимой деятельностью против государственной безопасности», и просил посла «использовать свое влияние для того, чтобы японская сторона не посылала во Владивосток людей, которые нарушают наши законы».

В связи с тем, что указанное предупреждение не возымело действия, «Сёсэн гуми» было отказано в выдаче разрешения продолжать деятельность. Об этом заведующий II Восточным отделом НКВД СССР Б. И. Козловский 19 марта довел до сведения посольства Японии в СССР и сообщил при этом, что соответствующие советские власти «готовы, однако, разрешить японским пароходным компаниям иметь постоянно во Владивостоке одного представителя и при нем секретаря».

В результате переговоров между народным комиссариатом водного транспорта СССР и управлением Владивостокского порта, с одной стороны, и японскими пароходными компаниями «Кита Нихон кэсэн кайся» и «Тёсэн кэсэн кайся», с другой, 2 сентября 1937 г. во Владивостоке был подписан договор об агентском обслуживании японских судов. 17 октября было дано соответствующее разрешение на аккредитацию во Владивостоке представителя указанных компаний. — 140, 323

⁵⁶ В телеграмме И. М. Майского в НКВД СССР от 20 марта 1937 г. говорилось: «Корбей в разговоре со мной подчеркивал чрезвычайную важность подчинения контролю судов, плавающих под испанским флагом, ибо французское правительство опасается, что с установленным схемой контроля итальянские и немецкие суда, везущие контрабанду, будут подымать у себя испанский флаг. Вопрос об этом, вероятно, скоро станет в Комитете. Я хотел бы знать для руководства принципиальную позицию по данному вопросу». — 141

⁵⁷ Данное высказывание министра иностранных дел Франции Дельбоса связано со следующим.

При обсуждении 16 марта 1937 г. на заседании подкомитета при председателе Комитета по невмешательству плана дальнейшей работы Комитета представители Италии и Германии заявили об отказе обсуждать вопрос о выводе из Испании волонтеров (фактически итальянских и германских воинских частей, сражавшихся на стороне мятежников) до решения Комитета о запрещении испанскому правительству распоряжаться золотыми запасами страны (см. газ. «Известия», 20 марта 1937 г.). Вслед за этим правительство Франции через свое посольство в Москве обратилось к НКВД СССР с просьбой о том, чтобы в порядке компромисса советскому представителю в Комитете И. М. Майскому были даны указания согласиться, как говорилось в заявлении от 17 марта временного поверенного в делах Франции в СССР Пайяра, «на передачу вопроса об активах законного испанского правительства и правительства Франко на предварительное рассмотрение комиссии экспертов». Принимая 20 марта Пайяра, обра-

тившегося с этим же вопросом к народному комиссару иностранных дел СССР, последний разъяснил, что Советское правительство не будет «жертвовать принципом в отношении права испанского правительства распоряжаться своим золотом», но могло бы не возражать против работы комиссии экспертов, полагая, на основании обращений посольства Франции, что французские эксперты в этой комиссии будут поддерживать точку зрения советской стороны. Упомянутый, как об этом говорится в комментируемом документе, об ответе посольства Франции в СССР на данное заявление в архиве МИД СССР не обнаружено (об указаниях представителю Франции в Комитете см. «Documents diplomatiques français. 1932—1939», 2-e série (1936—1939), vol. V. Paris, 1968, pp. 233—234).

В соответствии с телеграммой НКВД СССР от 23 марта Майский заявил на состоявшемся в тот же день заседании подкомитета, что, оставаясь на принципиальной позиции защиты прав испанского правительства, советская сторона согласна передать на рассмотрение комиссии экспертов вопрос о том, правомочен ли Комитет вторгаться в вопросы использования испанским правительством капитальных ценностей страны, включая золото. Дальнейший ход заседания показал, что Италия и Германия были намерены и впредь всячески препятствовать обсуждению вопроса о выводе своих войск из Испании. Итальянский представитель Гранди при этом заявил, что ни один итальянский «волонтер» не покинет Испанию до полного окончания гражданской войны (см. газ. «Известия», 26 марта 1937 г.; док. № 95).— 142

⁵⁸ Излагая состояние дела по реализации указанного кредита, И. М. Майский в письме от 24 июня 1937 г. на имя народного комиссара иностранных дел СССР сообщал, что из 10 млн. ф. ст. еще предстояло разместить до 30 сентября 1937 г. заказы на 4 млн. ф. ст. Касаясь трудностей с их размещением, полпред, наряду с причинами объективного порядка, связанными с загруженностью английской промышленности, отметил «недоброжелательство к нашим заказам со стороны адмиралтейства».— 144

⁵⁹ В ответной ноте МИД Японии полпредству СССР в Японии от 26 апреля 1937 г. бездоказательно отрицалось участие японских военнослужащих в указанных инцидентах.— 145

⁶⁰ Как следует из записи состоявшейся 1 сентября 1936 г. беседы А. С. Черных с Самии, последним было заявлено следующее: «Вопрос об установлении воздушной линии через СССР представляет ряд сложностей. Прежде всего нужно иметь в виду, что иранское правительство приняло твердое решение о том, что над иранской территорией могут летать только иранские самолеты. Поэтому воздушная линия через СССР может быть организована только таким образом, что советские самолеты будут летать до Пехлеви, а иранские — до Баку. Конечно, он, Самии, понимает, что такая организация линии требует установления соответственно дополнения — воздушной линии Пехлеви — Тегеран, смыкающейся с прилетающими из СССР в Пехлеви советскими самолетами. Между тем в распоряжении Ирана сейчас имеется для организации воздушных линий всего два аппарата».— 146

⁶¹ Выступая на заседании Совета Лиги наций 15 января 1935 г., советский представитель высказался за справедливое и беспристрастное урегулирование пограничного спора (см. газ. «Известия», 16 января 1935 г.).— 148

⁶² В ответ на запрос НКВД СССР от 20 марта 1937 г. об уточнении, в целях соблюдения взаимности, сведений относительно смягчения режима для советских торговых судов в японских портах временный поверенный в делах СССР в Японии Н. Я. Райвид в телеграмме от 24 марта отметил «некоторое, очень небольшое смягчение режима» в портах Осака и Мадзи.

Как видно из последующих сообщений полпредства по этому вопросу, в частности из телеграммы от 26 мая, режим в отношении советских судов в портах Японии оставался по-прежнему крайне враждебным и дискриминационным и лишь иногда наблюдалось «менее грубое внешне его применение».— 153

⁶³ В телеграмме в НКВД СССР из Лондона от 15 мая 1937 г. М. М. Литвинов сообщал: «Сегодня был у меня Кун. Я ему подробно мотивировал предложения, которые прозвез в Шанхай Богомолов, и разъяснял, почему мы вместо двустороннего пакта стремимся к осуществлению регионального пакта». В этой связи Кун Сян-си обещал, что «при первом случае дозвонит Идена. Он собирается из Лондона в Америку, где будет также дозвонит Рузвельта». В телеграмме отмечалось также, что Кун Сян-си тем не менее «отдает предпочтение немедленному двустороннему пакту с нами». — 156

⁶⁴ Советская сторона неоднократно обращала внимание правительства Ирана на тенденции к неуважению и разрыву советско-иранских договоров, проявлявшиеся некоторыми иранскими деятелями (см. т. XIX, док. № 353, 368, 388, 438).

23 января 1937 г. в связи с появившимися сведениями о предоставлении иранским правительством третьим странам нефтяных концессий в районах, на которые распространялось действие ст. XIII советско-иранского договора 1921 г. и соглашений о советско-иранском нефтяном обществе «Кевир-Хурриан», полпред СССР в Иране А. С. Черных направил министру иностранных дел Ирана Самии ноту, в которой напоминалось, что Советский Союз сохраняет соответствующие договорные права. В ответной ноте от 25 января 1937 г. Самии пытался представить соглашения о «Кевир-Хурриане» не существующими и произвольно толковать ст. XIII договора 1921 г. По поручению Советского правительства в ноте от 23 февраля полпред решительно ответил эти утверждения, указав, что «спустя одностороннего расторжения или нарушения существующих советско-иранских соглашений может привести к серьезному обременению советско-иранских отношений». Нотой от 31 марта полпред был вынужден вновь повторить аргументацию, подчеркнув, что «само Иранское Правительство, как и Советское Правительство, всегда считало, что указанные соглашения законно заключены и являются существующими и действующими соглашениями». Нота заканчивалась выражением уверенности, что «Правительство Ирана признает дискуссию исчерпанной».

Однако в беседе, состоявшейся 1 апреля, Самии, как видно из телеграммы полпреда в НКВД СССР от того же дня, ссылаясь на то, что ст. XIII договора 1921 г. будто бы «является беспредметной» и «источником конфликтов», поставил «в качестве личного предложения» вопрос о ее аннулировании. Полпред ответил, что не может обсуждать «подобное неожиданное предложение».

Докладывая о выполнении указания, Черных в телеграмме в НКВД СССР от 21 апреля сообщил, что Самии, продолжая настаивать на своем предложении, обосновывал его новым доводом о необходимости компенсации в переговорах о границе. Завершая длительную дискуссию, полпред заявил: «У нас создается впечатление, что в иранских кругах имеется активное течение, ставящее своей задачей препятствовать достижению соглашения по любому существенному вопросу. Как только соглашение намечается, вносится новое осложнение, делающее соглашение невозможным». — 157

⁶⁵ В телеграмме от 1 апреля 1937 г. НКВД СССР поручил временному поверенному в делах СССР в Японии Н. Я. Райвиду посетить министра иностранных дел Японии и обратить его внимание на продолжающиеся угрозы властей Маньчжоу-Го производить незаконные вычеты из причитающихся Советскому Союзу платежей за уступку прав на КВЖД (см. док. № 39) и на факт прекращения выплаты пенсий бывшим служащим КВЖД.

Выполняя поручение, Райвид заявил: «На ноту от 6 февраля я не получил никакого ответа, между тем маньчжурские власти продолжают занимать ту же позицию, против которой Советское Правительство протестовало, и производят какие-то неизвестные платежи за Советский Союз». «Наряду с недопустимыми и незаконными действиями в отношении не признанных Советским Правительством претензий к бывшей КВЖД, — отмеча-

лось далее в заявлении, — маньчжурские власти заняли также недопустимую позицию в вопросе о выплате согласно п. 7 ст. XI Соглашения о продаже КВЖД пенсий пенсионерам — бывшим служащим КВЖД. Еще развшие соответствующие маньчжурские органы выплачивали указанные пенсии весьма неаккуратно и с перебоями. При этом они прибегали к разным чисто формалистическим предлогам для того, чтобы отсрочивать предусмотренные соглашением выплаты пенсий. Не ограничиваясь этим, указанные власти с 1 января 1937 г. вовсе прекратили выплату этих пенсий, давая при этом весьма неубедительные объяснения». Подчеркнув в соответствии с указанием НКВД СССР, что поведение властей Маньчжоу-Го «не может не влиять на советско-японские отношения», Райвид выразил надежду, что МИД Японии будет содействовать тому, чтобы соглашение о КВЖД выполнялось.

В ноте Сато от 24 апреля на имя полпреда СССР в Японии К. К. Юренева, являющейся ответом на ноту полпреда от 6 февраля и представление от 6 апреля, утверждалось, что позиция Маньчжоу-Го якобы «не идет вразрез с Соглашением об уступке прав на КВЖД», и содержалась просьба к правительству СССР «пересмотреть свои доводы».

4 июня временный поверенный в делах СССР в Японии направил Сато ноту, в которой отмечалось: «Я должен, к сожалению, констатировать, что в Вашей ноте от 24 апреля не содержится ответа на мое обращение от 6 февраля. Вместо этого Вы изложили соображения, которые были неоднократно высказаны маньчжурскими властями в связи с меморандумом от 12 декабря 1935 г., в котором в голословной и совершенно недокументированной общей сводке был приведен ряд денежных претензий к Советскому Правительству разных неизвестных ему лиц». В ноте заявлялось также, что «Советское Правительство вынуждено вновь настаивать на немедленном возобновлении выплаты пенсий и надеяться на оказание содействия в этом со стороны Японского Правительства».

В результате энергичных демаршей советской стороны очередной платеж за КВЖД был произведен в соответствии с соглашением 1935 г.; вопрос о выплате пенсий бывшим служащим КВЖД продолжал оставаться нерешенным. — 160

⁶⁶ В телеграмме от 25 мая 1937 г. из Женевы М. М. Литвинов сообщил в НКВД СССР: «Условился с Саидлером, что согласованное сообщение о его визите появится в шведской и нашей печати одновременно 27-го. Даем сообщение через ТАСС. Саидлер высказывается против коммюнике, ссылаясь на то, что его не было при посещении Лондона. Он предпочитает ограничиться обменом речами и просит заблаговременно прислать ему мою речь, так как он прилетит в Москву лишь за пару часов до обеда. Я обещаю ему послать вместе с речью проект коммюнике на случай, если удастся согласовать его. Он хотел бы посетить наши театры и в этом году, но знает, что они будут закрыты. Хочет видеть Молотова, осмотреть заводы, рабочие клубы. Пробудет он в Москве до 10-го включительно, но не знает еще, заедет ли на обратном пути в Ленинград». — 165

⁶⁷ В упоминаемой телеграмме И. М. Майский сообщил в НКВД СССР, что ряд государств — участников соглашения о невмешательстве в дела Испании «приняли законодательные акты, обязующие их суда сообразовываться с требованиями контрольной схемы Комитета, но с оговоркой, что фактическое введение в действие нового правила будет осуществлено после установления Комитетом точной даты начала реального контроля», и просил информировать его о принятых советской стороной мерах. — 163

⁶⁸ 13 марта 1937 г. министр иностранных дел Турции Арас в беседе с временным поверенным в делах СССР в Турция Г. А. Залкиндом, как следует из телеграммы последнего в НКВД СССР, сказал, что «предполагает в июне поехать в Тегеран», а оттуда «хотел бы проехать в Москву». 16 марта М. М. Литвинов телеграфировал Залкинду: «Скажите Арасу, что будем очень рады его приезду в Москву» (см. док. № 207, 251). — 169, 191

⁶⁹ Сато было заявлено следующее: «Литвинов поручил мне передать Вам искренний привет и сообщить, что он принял с большой радостью

известие о Вашем назначении министром иностранных дел. На основании встреч и совместной работы с Вами в Женеве и в Монре, о которых он сохранил наилучшие воспоминания, он убежден, что, поскольку это зависит от Вас, советско-японские отношения могли бы быть налажены наиболее удовлетворительным для обеих стран образом в соответствии с интересами мира. Он, однако, отдает себе отчет в затруднениях, которые Вы будете испытывать в пределах, поставленных развитием отношений в указанную сторону доставшимся Вам обременительным наследством. Литвинов имеет в виду главным образом японо-германское соглашение, и не ту открытую часть его, которая говорит о борьбе с Коминтерном и которая нас не интересует. Важен дополнительный секретный протокол к соглашению, связывающий японское правительство в отношении СССР. Литвинов просит Вас не пытаться, по примеру Арита, по крайней мере в частных разговорах, опровергать наличие этого протокола, который мы считаем нереложным фактом. Нам известен в точности текст этого протокола. Это соглашение в своей совокупности нанесло тяжелый удар советско-японским отношениям, и мы должны иметь всегда это соглашение перед глазами при разрешении любых спорных между нами и Японией вопросов, и отнюдь не в порядке репрессий или мести, а законной самозащиты. В силу установившихся между Японией и Германией отношений мы должны японских граждан рассматривать иногда как возможных агентов не только Японии, но и Германии.

Литвинов убежден, что интересы СССР и Японии отнюдь не антагонистичны. Мы хотим жить с Японией в мире и ни в какой мере не мешать ее мирным стремлениям, и Японии нечего опасаться чего бы то ни было с нашей стороны. Мы будем оберегать наши границы и выступать дипломатически или иначе, когда явятся опасения, что японская агрессия может быть направлена в нашу сторону, или если к этому делаются какие-либо приготовления.

Мы хотели бы максимального улучшения отношений с Японией вплоть до длительной дружбы, но если это теперь невозможно, то надо хоть стараться помешать их ухудшению.

Такое ухудшение неизбежно по мере активизации японо-германского соглашения. У нас, например, тоже есть далеко идущее соглашение с Германией, известное под названием линии Рапалло, но оно со времени прихода к власти Гитлера не активизируется и поэтому никем не принимается больше во внимание. Мы знаем достоверно, что между Японией и Германией ведутся переговоры о создании каких-то смешанных комиссий в Берлине и Токио для осуществления японо-германского соглашения, делаются попытки привлечь третьи страны к этому соглашению, и это мы, конечно, понимаем как активизацию соглашения и соответственно реагируем.

Далее, ухудшение также возможно в результате столкновений на советско-маньчжурской и монгольско-маньчжурской границах. Чрезвычайно важно поэтому скорейшее создание пограничных комиссий. Столкновения не приносят и не могут приносить Японии никакой пользы, а, наоборот, она несет при них даже жертвы, как человеческие, так и материальные. Япония поэтому по крайней мере не меньше нашего заинтересована в этих комиссиях, и не может быть речи о каких-либо уступках или компенсациях с нашей стороны взамен создания комиссий. Но будут ли или не будут созданы комиссии, гораздо важнее, чтобы не было самих столкновений. Для этого необходимо, чтобы военные с маньчжурской стороны не пытались переходить через границу, так же как этого не делают и наши военные.

Японо-советские отношения часто обременяются конфликтами, возникающими между нами и Маньчжоу-Го. Литвилов убежден, что если Вы ознакомитесь с дипломатическими и административными методами Маньчжоу-Го, то Вы сами признаете, что они невозможны и немислимы ни в одной современной стране. Маньчжоу-Го и его агенты абсолютно не заботятся о соблюдении международных обычаев, элементарной вежливости в абсолютно пренебрегают понятием о справедливости и даже простой человеческой логикой. Эти методы дискредитируют Маньчжоу-Го и набрасы-

вают также тень на Японию. Достаточно указать на попытку Маньчжоу-Го делать произвольные вычеты из причитающихся нам платежей за какие-то мнимые денежные претензии к нам, причем оно отказывается обосновать эти претензии или представить нам какие бы то ни было документальные или справочные данные. Далее следует указать на бесчеловечное отношение к советским гражданам, которые арестовываются без всяких оснований, подвергаются пыткам, кончающимся иногда смертью. Хуже всего, что эти меры осуществляются при посредстве русских белогвардейских чинов полиции, которые на наших гражданах вымещают таким образом свою контрреволюционную месть. Использование русских белогвардейцев против наших граждан вызывает у нас наибольшее возмущение. К тому же маньчжурские власти всячески поощряют антисоветские демонстрации русских белогвардейцев, а маньчжурская печать ведет себя более бестардонно в отношении СССР, чем даже гитлеровская печать.

Наши переговоры с японским правительством по разным поводам часто осложняются благодаря преждевременному вмешательству прессы. Стоит нашему послу в Токио появиться в МИД, чтобы японская пресса немедленно раструбила суть состоявшихся разговоров, которые к тому же часто искажаются. То же бывает при переговорах японского посла в Москве с Наркоминделом. Мы, однако, ничего не читаем в японской печати о разговорах германского или других послов с японским МИД или японских послов с представителями других правительств. Трескотня японской печати сопровождается лишь почему-то переговорами между Японией и СССР. Отсюда опровержения, контрзаявления и т. п. Мы не возражаем против открытой дипломатии, но Сато, наверно, понимает, что она не всегда бывает полезной на всех стадиях переговоров.

Литвинов отнюдь не хотел исчерпать все причины, осложняющие советско-японские отношения. Он привел лишь некоторые в порядке иллюстрации. Он поручил мне все это передать Вам в совершенно частном порядке, и он просит Вас никоим образом не третировать это как официальное заявление. Он не просит также ответа. Он хотел лишь, пользуясь своими личными отношениями с Вами, изложить Вам его точку зрения, дабы Вы могли лучше понимать нашу позицию при возникновении тех или иных спорных вопросов и конфликтов. Он убежден, что Вы лично со своей стороны будете делать все, в пределах Ваших возможностей, для улучшения отношений, к чему будет стремиться и он.— 170, 249

⁷⁰ 13 апреля 1937 г. судебный исполнитель Марселя по обращению адвоката общества «Сосифрос», ссылаясь на решение суда департамента Сена по делу «Сосифрос» (см. т. XVIII, прим. 186), потребовал от директора марсельской таможни и капитана порта задержать документы советского торгового судна «Киев».

17 апреля заведующий III Западным отделом НКВД СССР А. Ф. Нейман вручил временному поверенному в делах Франции в СССР Пайяру памятную записку, в которой указывалось, что по делу «Сосифрос» французский суд «не был компетентен рассматривать иск к суверенному государству» и что, «несмотря на очевидно неправомерный характер этого решения, оно до сих пор не отменено». «Правительство СССР,— говорилось далее в записке,— придает серьезное значение настоящему делу, как ставящему под угрозу нормальные экономические отношения между сторонами, поскольку во Франции создается возможность наложения произвольных арестов на имущество, принадлежащее Союзу ССР. Советское Правительство будет ожидать от Правительства Франции принятия срочных мер к освобождению от ареста парохода «Киев» и к активному вмешательству его в настоящее дело в целях пресечения возможности повторения в дальнейшем подобных случаев».

В тот же день в Париже полпредство СССР направило МИД Франции ноту протеста против задержания советского судна, обратив особое внимание на то, что предпринятая французскими властями попытка распространения юрисдикции одного суверенного государства на другое суверенное

государство находится в разительном противоречии как с принципами международного права, так и с обычной практикой французского судопроизводства. В результате энергичных демаршей советской стороны 21 апреля председатель совета министров Франции издал письменное распоряжение о снятии ареста, и 22 апреля «Киев» вышел из Марселя.

В начале 1938 г. судебный исполнитель г. Тулона на аналогичном основании, как и в случае с «Киевом», наложил арест на советский пароход «Покровский». Суд г. Тулона, в котором капитан судна обжаловал арест, вынес 26 апреля 1938 г. решение, создавшее важный судебный прецедент. Суд нашел, что имущество СССР во Франции не может быть подвергнуто принудительному взысканию как имущество, принадлежащее суверенному государству и пользующееся вследствие этого иммунитетом в отношении исполнительных мер, отменил постановление об аресте и возложил на «Социфрос» судебные издержки.— 170, 176

⁷¹ В соответствии с планом научных работ Ученый комитет МНР организовал в 1937 г. комплексную экспедицию по изучению истории и культуры монгольского народа и естественных, в частности сельскохозяйственных, ресурсов страны. В письме на имя полпреда СССР в МНР от 17 февраля 1937 г. председатель совета министров и министр иностранных дел МНР Амор обратился в этой связи с просьбой к советской стороне прислать для оказания помощи специалистов и ученых Академии наук СССР.— 171

⁷² Железная дорога Эрен-Шаб — Баян-Тумен, построенная на средства Советского Союза, была сдана в эксплуатацию в 1939 г. Договор между СССР и МНР об условиях ее эксплуатации и управления был подписан 23 августа 1941 г. 23 апреля 1956 г. между СССР и МНР заключено соглашение о передаче железнодорожных линий, построенных Советским Союзом на территории МНР, Советско-Монгольскому акционерному обществу («Улан-Баторская железная дорога»). В соответствии с этим соглашением железная дорога Эрен-Шаб — Баян-Тумен со всеми постройками, сооружениями и подвижным составом передана безвозмездно названному акционерному обществу. С подписанием соглашения договор от 23 августа 1941 г. утратил силу.— 173

⁷³ Речь идет о попытке фирмы «Тэфимо» привлечь торгпредство СССР во Франции в качестве ответчика по нарушенному договору фирмы с Московским еврейским театром от 5 июня 1928 г. об организации гастролей. Коммерческий суд отказал фирме в иске по неподсудности. Парижский апелляционный суд отклонил это решение и, вопреки нормам международного права, 17 мая 1934 г. признал дело подсудным французскому суду, что означало, как и в деле «Социфрос» (см. прим. 70), возможность произвола в отношении советского государственного имущества во Франции.— 176

⁷⁴ По возвращении в Москву Кулондр в беседе с заведующим III Западным отделом НКВД СССР А. Ф. Нейманом 26 апреля 1937 г., сославшись на договоренность с министерством торговли Франции, уточнил предложения в отношении торгового договора, высказанные им в Париже временному поверенному в делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельду. Как видно из записи беседы Неймана, предложения Кулондра предусматривали «исключение из торгового договора чисто коммерческих вопросов, с тем чтобы в торговом договоре оставить только соглашение о посещениях, главу о режиме торгпредства и минимум вопросов общего характера, касающихся торговли. Кулондр предложил также одновременно с торговым договором заключить отдельно консульскую конвенцию вместе с соглашением об установлении сети французских консульств в СССР». Конкретные вопросы торговли, по мнению Кулондра, должны были по-прежнему регулироваться ежегодными торговыми соглашениями.

4 мая В. П. Потемкин направил Гиршфельду письмо со следующими согласованиями с НКВД СССР указаниями: «Если французы сейчас предлагают снять вопрос о таможенных пошлинах для того, чтобы скорее закончить затанувшие торговые переговоры, то мы, движимые тем же стремлением скорее закончить эти переговоры, готовы пойти им навстречу и снять наше требование по таможенным тарифам. Само собой разумеется,

что в этом случае те компенсации, которые были нами намечены в обмен за эти французские уступки, также не будут предоставлены и договор приобретет форму формального торгового договора. В этот договор должны будут войти: глава о поселении, глава о торгпредстве и хозорганах, глава о мореплавании и небольшая глава по торговым вопросам, включающая лишь формальные моменты торговли (таможенные формальности, сертификаты о происхождении, сертификаты о здоровье и пр.). «Вы,— говорится далее в письме,— должны возражать против связывания вопроса о торговом договоре с консульской конвенцией, указывая, что такое связывание могло бы затянуть переговоры и лишить происходящее сужение рамок переговоров смысла, ибо вопрос о консульской конвенции является новым сложным вопросом, не связанным с торговым договором».

8 мая посол Франции в СССР выразил согласие с мнением советской стороны относительно консульской конвенции. В ходе последующих переговоров в Париже и Москве французская сторона не проявила, однако, заинтересованности в скорейшем разрешении вопросов советско-французских экономических отношений (см. док. № 429).—187, 199

²⁵ Более подробно эта часть разговора изложена в записи беседы. «Хотя Бенеш знал об этом от Крофты,— говорится в ней,— я след правильным повторить ему опровержение слухов о сближении СССР и Германии. Бенеш реагировал на это довольно живо вопросом о том, почему бы СССР и не сблизиться с Германией. Чехословакия только могла бы приветствовать такое сближение. Тогда и ее соседские взаимоотношения с Германией приняла бы более благоприятные формы. Признаться, я был удивлен и сказал, что не поднимаю постановку вопроса. СССР всегда хотел хороших отношений с Германией, был автором Восточного пакта и старался включить в него Германию. Не кто другой, как Германия, отвергает идею создания мирного фронта, идею коллективной безопасности и противопоставляет им свою систему подготовки войны».

Бенеш ответил, что между нами является само собой понятным, что предпосылкой остается гарантия ненарушимости мира. Минимум — те гарантии, которые существуют, должны быть всячески сохранены.

Я снова спросил Бенеша, видит ли он какие-либо изменения в линии поведения Германии, на основании которых можно было бы рассчитывать на улучшение взаимоотношений СССР или Чехословакии, или Франции с Германией.

Бенеш ответил, что Германия производила зондаж в Чехословакии, о чем мне известно (см. также прим. 30, 43.— *Ред.*). Дальше зондажа не пошло, но если бы Германия сделала какие-нибудь предложения, то Чехословакия не смогла бы отвергнуть без переговоров те германские предложения, которые открывали бы перспективу на улучшение взаимоотношений. Однако неременным условием было бы тогда полное сохранение, а по возможности и укрепление уже существующих гарантий мира. К таким гарантиям Бенеш прежде всего относит систему договоров о взаимной помощи, объединяющих СССР с Францией и Чехословакией.—188

²⁶ Как видно из записи беседы Я. Х. Давтяна с Бекем на обеде 27 апреля 1937 г., последний выразил «большое удовлетворение поездкой» в Румынию и охарактеризовал польско-румынские отношения как «очень хорошие». Отметив «с явным сочувствием этому факту» наличие «центробежных тенденций в Югославия и Румынии», Бек заявил, что «он не против Малой Анталты, она его не интересует и он ее, так сказать, игнорирует, считая эту организацию внутренним делом этих трех стран».—195

²⁷ В состоявшейся в этот день беседе посол Франции в СССР Кулондр рассказал, в частности, о своих встречах с Блюмом, Дельбосом, Даладье, Эррио, Леже и другими официальными лицами. Как отмечено в составленной временным поверенным в делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельдом записи беседы, Кулондр «заявлял своим собеседникам о необходимости быстрой реализации франко-советского пакта и оживления экономических отношений, в частности путем скорейшего заключения постоянного торгового договора». Посол также оптимистически оценил

«сдвиги в области франко-советских отношений, происшедшие с конца прошлого года». — 198

⁷⁸ Касаясь международно-экономических аспектов политики гитлеровской Германии, Я. З. Суриц в письме в НКВД СССР от 16 апреля 1937 г. отмечал: «В беседах за последнее время много внимания вызывает поездка Шахта в Брюссель. Шахт рассматривает торговое соглашение с Бельгией как прецедент для заключения подобных же соглашений, дающих Германии возможность получать колониальное сырье в обмен на промышленные товары. При этом соглашение с Бельгией якобы должно быть построено на идее реэкспорта.

Несомненно, что Шахт рассчитывает найти в Ван-Зееланде лицо, могущее взять на себя роль посредника в проведении плана международного экономического соглашения. Эти переговоры Шахт, очевидно, будет продолжать в Париже» (см. также газ. «Известия», 8, 9, 14, 15, 17, 24, 25, 28 апреля 1937 г.; сб. «СССР в борьбе за мир...», М., 1971, прим. 14; «Международная жизнь», 1973, № 3, стр. 114—116). — 200, 204

⁷⁹ 16 апреля 1937 г. заведующий I Западным отделом НКВД СССР М. А. Карский поставил в беседе с советником посольства Польши в СССР Янковским вопрос об уравнении числа консульств в обеих странах (Польша имела 5 консульств, Советский Союз — 2). Янковский ответил, что передаст сообщение послу и в МИД Польши, но считает со своей стороны предпочтительным, чтобы переговоры по этому вопросу велись в Варшаве.

22 апреля состоялась беседа народного комиссара иностранных дел СССР с послом Польши в СССР Гжибозским, в которой посол также высказался за перенесение переговоров в Варшаву. Как отражено в записи беседы, М. М. Литвинов ответил: «Мы полагали, что польское посольство, знающее даже лучше Варшаву, где и для каких нужд требуются консульства в Союзе, вполне компетентно заниматься этим вопросом. Если же я ошибаюсь, то я готов, конечно, поручить нашему полпредству в Варшаве продолжить переговоры, которые я считаю начатыми с момента заявления г. Карского». — 205

⁸⁰ 23 апреля 1937 г. Я. Х. Давтян телеграфировал в НКВД и НКВТ СССР: «В результате переговоров с поляками о контингентном соглашении сегодня МИД предложил нам текст обмена нотами, значительно отличающийся от прошлогоднего (см. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 294. — *Ред.*). В проекте имеется новый пункт следующего содержания: «Настоящее соглашение рассматривается в качестве договора в понимании ст. XIII п. 3 советско-иранского трактата от 27 августа 1935 года» (см. т. XVIII, док. № 350. — *Ред.*). Таким образом, поляки этим пунктом хотят добиться предоставления им транзита в Иран. Второе нововведение заключается в том, что проект не предусматривает ратификацию соглашения и обмен грамотами в Москве, причем соглашение входит в силу на тридцатый день после обмена ратификациями. В крайнем случае МИД согласен путем обмена нотами ввести соглашение в силу досрочно (оставив в тексте Klausulu о ратификации). Считаю, что ссылка на иранский договор для нас неприемлема. Кроме того, Klausulu о ратификации, несомненно, имеет целью придать соглашению характер торгового договора» (см. также док. № 206). — 205

⁸¹ Имеется в виду телеграмма полпреда СССР в Румынии М. С. Островского в НКВД СССР от 26 апреля 1937 г., в которой он анализировал содержание официального комюнике о визите Бека и отклики румынской прессы. — 205

⁸² Поездка Муссолини в Германию состоялась 25—29 сентября 1937 г. и носила характер подчеркнуто воинственной фашистской демонстрации под флагом антикоммунизма. Переговоры Гитлера и Муссолини явились очередным шагом по укреплению военно-политического блока фашистских агрессоров и подготовке новой войны. Их содержание тщательно скрывалось. Для дезориентации общественного мнения и маскировки целей сговора Берлина и Рима против дела мира была выдвинута версия, как отмечалось в донесениях полпреда СССР в Италии, об отсутствии у фа-

шистских государств намерения создать военный союз и что во время визита якобы «ничего нового не будет подписано». Обобщая отрывочные сведения о переговорах на основании бесед с иностранными дипломатами и журналистами, полпредство в телеграмме в НКВД СССР от 2 октября 1937 г. отмечало «наличие итальянских обязательств согласовывать с Берлином все свои внешнеполитические акты» и согласие Муссолини «на дальнейшие уступки в австрийском вопросе». В телеграмме указывалось также: «В результате поездки Муссолини военное итало-германское сотрудничество получает дальнейшее расширение. В частности, неделю назад «Крупцу» передан заказ на восемь судов с тяжелой морской артиллерией» (см. газ. «Известия», 28—30 сентября 1937 г.; «Documents on German Foreign Policy 1918—1945», Series D, vol. I, Washington, 1949, pp. 1—12).— 206, 219, 508, 525

⁵⁵ В упомянутой телеграмме Б. Е. Штейн информировал о беседах с послом Великобритании Друммондом и временным поверенным в делах Франции в Италии Блонделем, которые утверждали, что Муссолини будто бы готов прекратить интервенцию в Испании. По словам Друммонда, «Муссолини удовлетворился бы заляпезанной Англии, Франции и СССР о том, что в Испании не будет допущен советский режим».— 207, 223

⁵⁶ Во время беседы М. С. Островского с премьер-министром Румынии Татареску 19 марта 1937 г. последний, согласно телеграмме полпреда в НКВД СССР от того же числа, заявил, что «нет такого сумасшедшего в Румынии, который мог бы позволить себе антисоветскую политику; что он, Татареску, отдает себе отчет, как и все прочие ответственные факторы, что вся система союзов Румынии легит к черту при враждебном [отношении] СССР; что Румыния счастлива с того момента, как СССР сделался яркой авторитарноимпериалистской державой и верным членом Лиги наций; что либералы в своих внешнеполитических расчетах исходят из того положения, что СССР является союзником Румынии; что он, Татареску, обязательно оформит это положение заключенным договором о взаимопомощи, именно он, Татареску. Что на этой точке зрения стоят и национал-царанисты, завращенное румынское правительство, и вся страна, за небольшим исключением».— 211, 313

⁵⁷ Принц Николае, брат Кароля II, занимавший пост генерального инспектора румынской армии, поддерживал связи с руководством румынской военно-фашистской организации «железная гвардия» и в начале апреля 1937 г. принял участие в организованной ею попытке переворота. Заговор был раскрыт. «Случай с принцем Николае» являлся отражением роста и активизация фашистских сил в Румынии.

Стелеску, ближайший помощник руководителя «железной гвардии» Кодряну, в результате обострившейся между ними борьбы за власть выступил с обвинениями против Кодряну, порвал с «железной гвардией» и сделал разоблачающее заявление относительно обстоятельств убийства премьер-министра Дуки 29 декабря 1933 г. Вскоре после этого Стелеску был зверски убит железногвардейцами. Состоявшийся в апреле 1937 г. суд по делу об убийстве Стелеску показал, что румынская реакция не собиралась принимать решительных мер против «железной гвардии».— 217

⁵⁸ В телеграмме от 2 мая 1937 г. в НКВД СССР Б. Е. Штейн информировал о беседе с послом Польши в Италии Хвалковским. Последний рассказывал о взглядах Хасселя, изложенных в комментируемом документе.— 219

⁵⁹ В телеграмме Б. Е. Штейна в НКВД СССР от 2 мая 1937 г. говорилось: «Вчера Лугошьяну подтвердил мне, что он ведет переговоры с Чиаго о заключении итало-румынского пакта. Состояние переговоров в настоящий момент таково: 1) речь идет о договоре аналогичном итало-югославскому; 2) в последней беседе Лугошьяну—Чиаго намечена возможность устранения основного препятствия со стороны Венгрии путем заключения румыно-венгерского пакта о ненападении, в котором ничего не будет сказано о территориальных претензиях. Одновременно, как я уже сообщал, Румыния должна будет дать ряд гарантий венгерскому меньшин-

ству. Вторым препятствием для Румынии является вопрос о Чехословакии, содействовать изоляции которой Бухарест не хочет. В ответ на изложенное в этом смысле Лугошану опасение Чзано решительно заявил, что судьба Чехословакии Италии не интересует».

Директор политического департамента МИД Италии Бути 4 мая 1937 г. в беседе с советником полпредства СССР в Италии, как видно из записки беседы, подтвердил, что «Италия добивается заключения венгеро-югославского и венгеро-румынского пактов о ненападении. Принципиальное согласие Будапешта на такие пакты якобы уже получено. Согласилась также Венгрия устранить пока из переговоров проблему своих территориальных притязаний в отношении Югославия и Румынии». — 222

⁵⁵ Имеется в виду информационное письмо М. М. Литвинова полпреду СССР в Чехословакии С. С. Александровскому от 10 апреля 1937 г., направленные в копии в полпредство СССР в Италии.

О своих беседах на эту тему с представителями Великобритании, Франции, Польша и Болгарии Б. Е. Штейн информировал НКИД СССР в телеграмме от 24 апреля 1937 г. — 222

⁵⁶ Даты, видимо, неточны. Беседа М. М. Литвинова с послом Италии в СССР, в которой Росо спрашивал, не замечает ли Литвинов улучшения советско-итальянских отношений, на что получил отрицательный ответ, состоялась 26 апреля 1937 г. — 224

⁵⁷ Имеется в виду письмо Я. З. Сурица В. П. Потемкину от 27 апреля 1937 г., в котором содержалось резюме бесед Сурица с послом Франции в Германии Франсуа-Понсе во второй половине апреля 1937 г. Как указывалось в письме, «инициатива в большинстве случаев исходила от самого Понсе и преследовала две основные задачи: с одной стороны, рассеять у меня сложившееся о нем, Понсе, впечатление как о германophile (здесь несомненная отяжка на мои предстоящие встречи с Блюмом и Дельбосом), а с другой стороны, в порядке «дружеских советов» подсказать мне, как мне следует держаться во Франции. Для характеристики своего отношения к Германии и к проблеме франко-германских отношений Понсе избрал формулу, заимствованную им из последней речи Дельбоса: «Ошибки французской дипломатии в отношении Германии заключаются в том, что при неуступчивости на словах Франция всегда уступала на деле».

Согласно письму, Франсуа-Понсе утверждал, что он всегда возражал против такой тактики, критиковал постоянное отставание, опаздывание от событий, нерешительность французской дипломатии, ее уступчивость Гитлеру, когда дело касалось жизненных интересов Франции. Заявляя, что он считает советско-французский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. «одним из главных залогов укрепления мира в Европе», Франсуа-Понсе высказывался тем не менее против «стремлений превратить этот пакт в военный союз», так как это «привело бы бесспорно лишь к ускорению войны». — 227

⁵⁸ 11 мая 1937 г. полпред телеграфировал в НКИД СССР о новой встрече с министром иностранных дел Японии: «Сато спросил, имею ли я от вас ответ в связи с нашими разговорами о пограничных комиссиях. Я ответил, что не имею и не жду его, ибо ничего нового в каших с ним разговорах не выяснилось. Отношение Советского правительства и постановка НКИД вопроса о комиссиях давно определены и не претерпели изменений. Сато просил, чтобы мы все же как-либо реагировали на его высказывания, ибо это даст ему зацепку для нажима на всякие инстанции в Токио и в Маньчжоу-Го. Я обещал передать его просьбу» (см. док. № 152). — 230, 243

⁵⁹ В результате демаршей полпредства СССР в Польше упомянутые в документе советские сплавщики леса были освобождены. — 231

⁶⁰ В письме Б. С. Стомякову от 5 мая 1937 г. Д. В. Богомолов, характеризую позицию китайского правительства в отношении советско-китайских переговоров, отмечал: «Так как наши предложения (см. прил. 28.— *Ред.*) китайскому правительству совпали с моментом наибольшего смягчения японской политики в Китае и с моментом расцвета надежд у китай-

ских политиков достичь наибольших уступок от Японии, то понятно, что они, несмотря даже на то, что новый министр иностранных дел Ван Чун-хой является принципиальным сторонником идеи Тихоокеанского пакта, о чем он говорил со мной еще до моего отъезда из Китая, встретили довольно прохладный прием. Китайцы прекрасно учитывают, что японцы больше всего боятся китайско-советского соглашения, и поэтому опасаются, что всякие переговоры с нами в настоящий момент затруднят для них соглашения с Японией. Их опасения, конечно, совершенно необоснованны. Я уже несколько раз втолковывал им, что как раз улучшение китайско-советских отношений заставляет Японию сдерживать свою агрессию в Китае, но несмотря на то, что они неоднократно со мной в этом соглашались, у них не хватает мужества осуществлять эту линию. И когда дело доходит до принятия решения, они по-прежнему трусят и колеблются». — 233, 302

⁸⁴ В письме Д. В. Богомолова в НКВД СССР от 5 мая 1937 г. рассматривались основные китайско-японские отношений и возможность компромисса на основе частичного удовлетворения японских требований. В письме, в частности, отмечалось: «Основным вопросом, по которому, по-видимому, никакого соглашения между Японией и Китаем не будет достигнуто, является вопрос о постройке Шшизянжуанской ж. д., имеющей не только большое экономическое, но и большое политическое и стратегическое значение. Позиция китайского правительства, однако, затрудняется тем, что отношения между Сун Чжэ-юанем (председатель Хэбэй-Чахарского политического совета и командующий 29-й армией. — *Ред.*) и Нанкином за последнее время значительно ухудшились, и у китайцев имеются опасения, что Сун Чжэ-юань сам может подписать соглашение с японцами, даже не имея согласия Нанкина. По нашим сведениям с Севера, Сун Чжэ-юань почти договорился с японцами о постройке этой дороги». — 233

⁸⁵ В телеграмме НКВД СССР Я. З. Сурицу от 8 мая 1937 г. говорилось, что, по сообщению полпреда СССР в Чехословакии С. С. Александровского, «Чехословакия снова ведет в Германии зондаж, близкий к переговорам» (см. док. № 31, 62). При этом в телеграмме отмечалось, что, «по сведениям из Праги, зондаж происходит по указанию Бенеша».

В записи беседы с главным редактором чехословацкого офицоза «Прагер прессе» Лауринном 5 мая 1937 г. Александровский по этому поводу отмечал, что, по словам Лаурина, «он не будет теперь удивлен, если чехословакско-германское соглашение произойдет в кратчайший срок. Он этого боится главным образом потому, что происходящий зондаж безусловно происходит по прямому желанию и указанию самого Бенеша». — 234

⁸⁶ Первоначальное предложение английского правительства ограничивалось призывом к прекращению воздушных бомбардировок открытых городов, о чем Иден беседовал с Н. М. Майским 30 апреля 1937 г. (см. док. № 132). Телеграфирова 4 мая в НКВД СССР об обсуждении этого вопроса, Майский писал: «На сегодняшнем заседании подкомитета английское предложение об обращении к обеим сторонам в Испании с призывом не бомбардировать с воздуха открытые города было сорвано саботажем Риббентропа, о чем подробно сообщает ТАСС. В целях изоляции фашистской группы я тоже поддержал английское предложение. Результат получился тот, что сейчас фашисты и особенно Риббентроп оказались в роли людей, поддерживающих такие акты, как разгром Герники, и это можно будет использовать для воспитания общественного мнения Англии и Франции. Надо думать, что пресса займется данным вопросом. Плимут был очень обескуражен исходом английской инициативы» (см. газ. «Известия», 6 мая 1937 г.).

На заседании подкомитета 7 мая Плимут внес новое предложение о том, чтобы Комитет обратился к участникам войны в Испании с призывом, как сообщалось в телеграмме полпреда от того же числа, «отказаться на все время конфликта от всяких воздушных бомбардировок вообще, т. е. отказаться от применения военной авиации вплоть до окончания гражданской войны».

Оценивая английское предложение, заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин в письме в ЦК ВКП(б) от 9 мая

1937 г. отмечал: «В самом деле, если английское предложение не является прямой ловушкой для республиканцев, значение авиации для которых общезвестно, то, во всяком случае, в нем нельзя не видеть явногo тактичeского маневра. Политика английского правительства в испанском вопросе подвергается в последнее время серьезным нападкам: особенно усилились они после бомбардировки мятежниками г. Герники. Обращаясь к вояющим сторонам с призывом отказаться от применения всеиной авиации, правительство Англии едва ли серьезно рассчитывает на реальный успех своего призыва: оно хочет лишь продемонстрировать перед общественным мнением страны свою инициативу, проявленную якобы в целях гуманизации войны в Испании».

14 мая 1937 г. В. П. Потемкин направил И. М. Майскому копию телеграммы полпреда СССР в Испании Гайкиса о беседе с дель Вайо, в которой сообщалось: «Испанское правительство разделяет соображение, диктующее наше принципиальное согласие с английским предложением. Одновременно он особо просил произвести указанное вами дополнение. Что касается позиции испанского правительства, то последнее относится к английскому предложению отрицательно и предредило дать на соответствующее обращение Лондонского комитета отрицательный ответ. Текст ответа испанского правительства будет составлен, очевидно. Прето, который занимается в этом вопросе особо непримиримую позицию, Дель Вайо считает целесообразным указать в ответе испанского правительства также на артиллерийский обстрел мятежниками Мадрида, принявший повседневный, систематический характер». — 236

⁸⁷ Министр иностранных дел Ирана Самин 20 мая 1937 г. сообщил полпреду о согласии направить иранских специалистов по борьбе с саранчой в пограничные районы СССР; они прибыли на советскую территорию в начале июня и принимали участие в мероприятиях по уничтожению саранчи. — 237

⁸⁸ В июле 1937 г. в Лондоне собрался 13-й европейский конгресс национальных меньшинств. Избранный заместителем председателя конгресса представитель судетских немцев Рута выступил на нем 17 июля в духе гитлеровских требований к чехословацкому правительству. — 241

⁸⁹ В телеграмме в НКВД СССР от 10 мая 1937 г. полпред СССР в Финляндии сообщал: «В ночь на 8-е консульский штат нашего консульства в Выборге был измазан дегтем. Секретарь консульства сделал заявление управлению губернатора, где сообщили, что это полиции известно и ведется расследование. Во вчерашних выборгских газетах указаны подробности, переданные ТАСС, из которых явствует, что это дело лапуасцев. Я намерен завтра сделать министру Войонмаа, заменяющему Холсти, серьезное представление и потребовать привлечения виновных к ответственности».

19 августа полпред информировал НКВД о решении суда, по которому виновные фактически освобождались от наказания за это преступное деяние. — 242

⁹⁰ В телеграмме Э. А. Асмуса в НКВД СССР от 1 мая 1937 г. сообщалось: «Говоря об итогах визита Мунтерса в Хельсинки, Холсти и финский посланник в Риге Палли пояснили, что германфильская линия латвийской внешней политики полностью провалилась ввиду яркого антигерманского настроения в стране». И далее: «Латвия «пытается связаться со скандинавскими государствами, но последние мало заинтересованы в реальном сближении с Латвией. Положение Мунтерса весьма слабое. Он держится только благодаря Ульманису. Холсти не придавал визиту Мунтерса политического значения. По личному приглашению Ульманиса Холсти должен сделать этой осенью ответный визит в Ригу». — 245

⁹¹ В телеграмме полпреда в НКВД СССР от 13 мая 1937 г. об этой беседе сообщалось: «Сато спросил, может ли он опубликовать в печати зачитанное мною ему 15 апреля заявление наркома (см. прим. 69 — *Ред.*) в той части, где нарком говорит о желательности скорейшего создания пограничных комиссий. Пообещав запросить наркома, я добавил, что его заявление не ограничивалось указанным, но в нем было добавлено относи-

тельно того, что начало переговоров задерживается из-за непонятного упорства японской стороны, не соглашающейся с нашими естественными предложениями по вопросам о составе комиссии по урегулированию конфликтов и о гарантии Японией мира на существующей советско-маньчжурской границе. Сато сказал, что он не возражает и против этого добавления. Затем в процессе беседы он заметил, что японская сторона могла бы в конце концов принять наше предложение относительно состава комиссии по урегулированию конфликтов: гораздо труднее, разумеется, вопрос о гарантии мира на существующей границе. В конце концов не исключена возможность разрешения и этого вопроса в желательном для нас смысле. Однако и в этом случае министр не будет вполне уверен в абсолютном спокойствии на границе». — 249

¹⁰² В письме в НКВД СССР от 7 мая 1937 г. о визите Микласа в Будапешт А. А. Беззадян сообщал: «К материалам прессы, содержащимся в прилагаемых сводках прессы, имею прибавить лишь следующее: характерным считаю то исключительное ударение, которое делалось Хорти и Микласом при обмене речами на парадном обеде, касательно той дружбы и поддержки, которой пользуются Венгрия и Австрия со стороны двух мощных держав — Италии, с одной стороны, и Германии — с другой. Эта поддержка и дружба прокламировалась как залог мира и процветания. Венгерская пресса совершенно единодушна в том, что визит Микласа не лишен и политического значения. Тут, понятно, намекается на то затруднительное положение, в котором оказались Австрия, и чем вызывается для нее необходимость обменяться мнениями с руководителями венгерской политики. Хотя открыто не заявляют об угрозе независимости Австрии, а также о том, что эта угроза нависла со стороны Германии, но это читается между строк». В заключение в письме говорилось: «Основного же вопроса «кто — кого» (западные державы или державы оси, — *Ред.*) венгерская пресса не решает не только разрешать, но даже ставить, чтобы не отрезать себе на случай чего путей отступления. При всей своей приверженности оси Рим — Берлин к престижу англо-французской группировки относится она сугубо бережно. Нам же достается по-прежнему». — 251.

¹⁰³ В результате выхода 15 мая 1937 г. представителей компартии Испании из правительства Ларго Кабальеро ввиду несогласия с проводимой им политической линией наступил правительственный кризис. Новое правительство Народного фронта, возглавляемое Негрином, было сформировано 17 мая 1937 г. — 253

¹⁰⁴ 20 мая 1937 г. Б. Е. Сквирский сообщил премьер-министру Афганистана Хашим-хану о готовности Советского правительства продать Афганистану 1000 т пшеницы. Хашим-хан «выразил признательность Советскому правительству за то, что оно пошло навстречу их нуждам». — 256

¹⁰⁵ 31 мая 1937 г. Блюм информировал временного поверенного в делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельда о переговорах министра финансов Франции Ориоля с Шахтом в связи с германским требованием о снижении процента по займам Дауэса и Юнга, а также относительно заключения франко-германского торгового соглашения. О своей беседе с Шахтом Блюм сообщил, что она «носила общеполитический характер, причем Шахт заявил, что он говорит лишь от своего собственного имени. Шахт весьма мало касался колониальной проблемы». По его словам, Блюм, как следует из сделанной Гиршфельдом записи в дневнике, в свою очередь официально заявил Шахту, что, «поскольку бельгийская проблема разрешена и гарантия Англии обеспечена, а ценность гарантии Италии относительно (Шахт соответствующим жестом подтвердил эту характеристику), остается элемент франко-германских отношений. Французское правительство готово говорить об этом с Германией, но при определенных условиях, чтобы новое соглашение было совместимым с обязательствами Франции на востоке. На вопрос Шахта, как Блюм представляет себе эту совместимость, Блюм указал, что, если Германия в принципе согласна, она могла бы предложить проект хотя бы в виде общеевропейского пакта о ненападении» (см. прим. 78; «Международная жизнь», 1973,

№ 3, стр. 114—116; «Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse», vol. II. Paris, 1951, p. 82; «Documents diplomatiques français. 1932—1939», 2-e série (1936—1939), vol. V. Paris, 1968, pp. 792—794, 806—811).— 259

¹⁰⁶ Информирова 10 мая 1937 г. НКВД СССР о состоявшейся в тот же день беседе с министром иностранных дел Японии, К. К. Юренив писал: «Сато заявил, что имеет «очень деликатное» дело. Речь идет о Козловском. Сообщая мне 5 мая о предоставлении ему агремента, Сато «забыл добавить», что правые круги Японии настроены весьма враждебно по отношению к новому послу и это создает затруднения ему и японскому правительству». По словам Сато, Б. И. Козловскому ставились в упрек якобы допущенные им «много лет назад отклонения от установленного протокола во время официальных церемоний в Харбине и в Токио». Возвращаясь к этому разговору 13 мая, Сато, как видно из телеграммы Юренива в НКВД СССР от того же числа, вновь ссылался на затруднения, заверяя в то же время, что «ки, министром, разумеется, будут приняты все меры к тому, чтобы не было никаких инцидентов и чтобы Козловский не подвергался опасности». В ответ Юренив указал на тяжелое впечатление, вызываемое изменением позиции правительства в таком вопросе, как приезд нового посла. Милитаристские и националистические круги Японии продолжали, однако, раздувать антисоветскую кампанию. В связи с просьбой Козловского оставить его на посту заведующего II Восточным отделом НКВД СССР полпредом СССР в Японии был назначен М. М. Славущий (см. также док. № 310).— 262

¹⁰⁷ В дневнике М. М. Литвинова сделана следующая запись о приеме 10 июня 1937 г. посла Японии в СССР: «Сигемицу сказал, что целью его посещения является передача мне меседжа Сато. Его визит является запоздалым: меседж Сато он получил еще 18 мая, но не мог передать мне его раньше. В данном случае он действует не по поручению правительства. При этом Сигемицу зачитал мне составленный на французском языке краткий меседж Сато, не содержащий ничего нового и интересного».— 264

¹⁰⁸ Публикуемая директива является ответом на телеграмму И. М. Майского в НКВД СССР и М. М. Литвинову в Женеву от 23 мая 1937 г., в которой излагались основные положения проекта обращения Комитета по невмешательству к испанскому правительству и франкистам. «Обращение,— писал полпред,— носит общий гуманитарный характер и апеллирует к обеим сторонам: 1. Щадить некомбатантов (без каких-либо дальнейших уточнений). 2. Обращаться с врагами на поле битвы «благородно, в соответствии с требованиями гуманности». 3. В особенности отказаться от бомбардировок с воздуха, суши или с моря «открытых городов и деревень и всех объектов, не имеющих военного характера». 4. Обращаться с пленными и заложниками в соответствии с принципами «общечеловеческой совести». 5. Те же принципы применять в обращении с политическими сторонниками противного лагеря на своей территории.

В заключение имеется несколько туманных фраз о том, что Комитет апеллирует к испанскому народу «гарантировать друг другу безопасность и мир, на которые все люди имеют право». Полное запрещение воздушных бомбардировок в воззвании опущено ввиду нерасположения к этому немцев и итальянцев, явно обнаружившегося на последнем заседании подкомитета». Майский отмечал далее: «Надо учитывать, что разосланный секретариатом проект является значительным отклонением от первоначального английского предложения (касавшегося только воздушных бомбардировок) в сторону требований фашистских держав утопить его в лицемерно маниловских ламентациях о «гуманизации» войн вообще».— 264

¹⁰⁹ В телеграмме в НКВД СССР из Лондона о беседе с Иденом 14 мая 1937 г. М. М. Литвинов, в частности, сообщал: «Он высказался весьма оптимистически по поводу международного положения и даже в отношении Центральной Европы. Он недавно послал туда для разведки ответственного чиновника, который ему сообщает, что сведения о германо-итальян-

ских успехах преувеличены и даже неосновательны. До меня Иден имел беседу с Бекон, который опровергал приписываемые ему антисоветскую политику, интриги на Балканах и принадлежность к оси Берлин — Рим. Иден доволен уменьшением агрессивности Японии и вообще политикой Сато, но тут же заверял меня в отсутствии каких бы то ни было предложений со стороны Японии и переговоров с ней. Доволен он также результатами своей поездки в Брюссель, где ему будто бы удалось рассеять недоразумение между Францией и Бельгией и расчистить почву для визита Дельбоса.

Иден не предвидит переговоров о Западном пакте, на которые Бельгия, во всяком случае, напрашиваться не намерена. Пока Германия возражает против обязательства Бельгии по Пакту Лиги наций, переговоры с Германией не могут дать каких-либо результатов. Без формального обязательства Бельгия будет, однако, договариваться с Англией и Францией о мерах военной защиты ее. Иден признавал, что солидарная политика СССР, Франции и Англии может обеспечить мир в Азии. Можно было понять его, что он вполне одобрил бы Тихоокеанский пакт, но я из этого отнюдь не заключаю, что Англия уже готова участвовать в таком пакте. На вопрос, говорил ли с ним об этом Кун, Иден ответил отрицательно.— 266

¹¹⁰ Имеются в виду обмен нотами между СССР и Чехословакией от 9 июня 1934 г. об установлении дипломатических отношений (см. т. XVII, док. № 194), одновременно с которым состоялся обмен нотами о невмешательстве во внутренние дела, и советско-чехословацкий договор о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. (см. т. XVIII, док. № 223).— 267

¹¹¹ 28 мая 1937 г. в беседе, состоявшейся после заявленного М. С. Шаповровым протеста в связи с антисоветским выступлением органа аграрной партии газеты «Вечер», Фирлингер, согласно записи Шапова, сообщил «о результатах обращения МИД к министерству внутренних дел по делу об антисоветской деятельности белогвардейских казачьих организаций. Расследование минвнудела полностью подтвердило указанные в статье Иржи Бенета факты. На основании этого минвнудел распустил организацию, именующую себя «советом казачьего центра в Чехословакии». Минвнудел постановил также выслать из Чехословакии казачьего полковника Чапчикова».— 267

¹¹² Речь идет о выступлении на заседании Комитета по невмешательству 26 мая 1937 г. советника полпредства СССР в Великобритании С. Б. Кагана. В телеграмме И. М. Майского в НКВД СССР от того же числа сказано: «Каган на сегодняшнем заседании Комитета твердо отстаивал нашу позицию (см. док. № 170.— *Ред.*), но, как и можно было предвидеть, сочувствия ни у кого не нашел. В частности, Корбен поддерживал текст обращения, внеся в него лишь одно дополнение, несколько не меняющее текст по существу. Плимут старался нажать на Кагана и хотел проташить текст во что бы то ни стало. Несколько делегатов заявили о неимении у них инструкций, и под этим предлогом удалось оттянуть решение вопроса. Однако предложение Кагана о возвращении текста в подкомитет для переработки не было принято. Вместо этого по предложению Плимута было решено созвать пленум Комитета 28 мая для окончательного принятия обращения».

Поскольку можно ожидать, на этом новом заседании повторится картина сегодняшнего: все, кроме нас, будут поддерживать нынешний текст обращения. Так как для решения Комитету потребуется единое согласие, то пока трудно сказать, как пойдет дальнейшее развитие событий. Если у вас имеются какие-либо дальнейшие указания по данному вопросу, то срочно сообщите их с таким расчетом, чтобы они были в моих руках не позднее 28 утром».

В телеграмме заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина от 28 мая указывалось: «Наша особая позиция должна быть настолько четко сформулирована Вами, чтобы нас нельзя было упрекнуть в огульном отказе поддержать обращение. В случае нужды зафиксируйте ее в протоколе».— 273

¹¹³ Как видно из телеграммы М. М. Литвинова в НКВД СССР от 29 мая 1937 г., «Иден вновь подтвердил мне, что до сих пор у него были лишь общие разговоры с японским послом Иосидо и лишь во время пребывания Чичибу (глава японской делегации на коронации.— *Ред.*) в Лондоне он получил сведения от Клайва (посол Великобритании в Японии.— *Ред.*), что в пути находятся японские предложения. Он сомневается, чтобы эти предложения были уже получены в Лондоне, так как он об этом не извещен. Он сказал, что отлично понимает японскую игру и будет нас информировать о ходе переговоров».

Вопреки этим заявлениям (см. также док. № 195), форин офис не дал советским представителям никакой информации о переговорах.— 274

¹¹⁴ Имеется в виду телеграмма полпреда СССР в МНР В. Х. Таирова от 19 мая 1937 г., в которой он сообщал о решении правительства МНР расширить медицинский техникум и о просьбе оказать содействие в организации работы техникума.— 278

¹¹⁵ Речь идет о письме полпреда СССР в Эстонии А. М. Устинова в НКВД СССР, в котором обращалось внимание на усиление активности Польши в отношении Эстонии. «Что касается идеи создания «санитарного кордона» между Германией и СССР (он здесь трактуется как «блок нейтральных»),— говорилось в письме,— то она подавалась неизменно как английская затея, причем эстонцы старательно внушали нам версию, что, мол, когда-то такой кордон был направлен против СССР, а теперь он мыслится как барьер против Германии».— 279, 283

¹¹⁶ Воспользовавшись бомбардировкой германского крейсера «Дейчланд» 29 мая 1937 г., Германия и Италия заявили в тот же день о выходе из Комитета по невмешательству и об отказе от участия в морском контроле. 31 мая за этим последовал ожесточенный обстрел германским флотом республиканского города Альмерия.

Английское правительство предприняло лихорадочные попытки во что бы то ни стало вернуть Германию и Италию в Комитет. Не вдаваясь в рассмотрение обоснованности германо-итальянских утверждений, Иден предложил Берлину и Риму план ликвидации инцидента, который предусматривал установление в испанских портах «зон безопасности», получение заверений испанского правительства и франкистов, что патрульные суда будут гарантированы от нападения, и проведение в случае инцидентов консультаций четырех держав (Англии, Франции, Германии и Италии), осуществлявших морской контроль. Оценивая эти предложения, И. М. Майский в телеграмме в НКВД СССР от 3 июня 1937 г. писал: «Англичане хотят устранить Комитет и решать вопрос вчетвером с немцами, итальянцами и французами. Словом, «пакт четырех» на практике».

Приняв первые два пункта английского плана, фашистские державы выдвинули вместо принципа консультаций требование, чтобы в случае инцидентов с патрульными судами четыре державы автоматически предпринимали меры совместного «возмездия» в отношении предполагаемого виновника или чтобы им была предоставлена свобода индивидуальных действий, как это было уже продемонстрировано фашистами на примере Альмерии. Франция одобрила английский проект.

Советское правительство расценило начавшиеся за спиной Комитета по невмешательству переговоры четырех держав как угрозу их сговора и настаивало на обсуждении вопроса в Комитете. Помимо направления комментируемого и нового письма на имя и. о. председателя Комитета от 16 июня (см. газ. «Известия», 20 июня 1937 г.), Майский беседовал на эту тему также непосредственно с Иденом (см. док. № 195).

В результате дальнейших уступок Англии и Франции фашистским державам 12 июня 1937 г. ими было достигнуто соглашение, которое, как телеграфировал Майский в НКВД СССР, предусматривало: «1. Обращение к испанскому правительству и Франко с просьбой установить в испанских портах «зоны безопасности». 2. Заверения испанского правительства и Франко о ненападении на патрульные суда. 3. Однако в случае такого нападения право самозащиты (очевидно, на месте) для каждого судна и сразу

же вслед за инцидентом консультация четырех держав о мерах, которые должны быть приняты. Если консультация не приведет ни к какому соглашению, каждая из четырех держав возвращает себе свободу действий. Таким образом, как будто немедленные репрессии в духе Альмерии исключаются. 4. Вопрос об интернационализации морского контроля по постоянной французской будет поставлен первым пунктом порядка дня после возобновления Комитетом своей работы».

В обход Комитета и вопреки прежним обещаниям английских представителей, согласованная четырьмя державами формула была без санкции Комитета направлена испанскому правительству и франкистам. Вслед за этим Германия и Италия вернулись в Комитет, но, поощряемые уступками, тут же предприняли новую попытку ослабить международные позиции испанского правительства. Раздувая версию о нападении якобы на германский крейсер «Лейпциг», фашистские державы на заседаниях представителей «четверки» 19, 21 и 22 июня добивались от Англии и Франции проведения совместной военной демонстрации против республиканской Испании. Однако провокационный характер этой затеи оказался столь очевиден, что даже склонные к соглашательству английские правительственные круги были вынуждены отказаться от ее поддержки. Морской контроль вдоль побережья Испании осуществлялся в дальнейшем только английскими и французскими кораблями, а 16 сентября 1937 г. и они прекратили патрулирование испанского побережья (см. док. № 334).— 287, 300

¹¹⁷ А. М. Коллонтай имела в виду ряд писем в НКВД СССР. Так, в частности, в письме от 10 января 1937 г. она информировала о завтраке, устроенном в полпредстве 12 декабря 1936 г. в честь командования шведской армии. В письме отмечено, что, учитывая кампанию газеты «Афтонбладет», усиленно распространявшей заимствованные из гитлеровских газет измышления об «угрозе» Скандинавии со стороны СССР, дипломаты полпредства использовали свои беседы на завтраке, чтобы «дать генералам и адмиралам более ясное представление о действительности. В результате — известное вам по нашей прессе весьма приличное заявление начальника генерального штаба генерала Нюгрена о том, что вооружение Советского Союза «не свидетельствует о каких бы то ни было агрессивных планах в отношении Швеции».

В письме от 10 февраля Коллонтай, ссылаясь на беседу с председателем военной комиссии парламента А. Фогтом, указывала, что «по его словам, даже среди военных сейчас произошел заметный сдвиг в сторону сознания, что опасность Швеции грозит не с востока, а может грозить только с юга».

10 марта Коллонтай писала, что «на приеме 23 февраля в честь годовщины Красной Армии были очень многие из высшего командования и сам военный министр. Опыт удался, и этот прием надо зачесть в приходный баланс нашей работы. Нигде, ни разу я не видела на приемах в посольствах столько высших военных чинов. И это в день годовщины Красной Армии».— 295

¹¹⁸ Прибывшему 7 апреля 1937 г. на советскую территорию председателю финляндской делегации в 4-й местной пограничной контрольной комиссии Вилламо было вручено письмо председателя советской делегации с просьбой ввиду его болезни перенести заседание комиссии на другое время. Вилламо не внял просьбе и требовал проведения заседания без председателя советской делегации. НКВД СССР был вынужден обратиться к миссии Финляндии в СССР, с тем чтобы Вилламо немедленно покинул советскую территорию.— 298

¹¹⁹ В письме от 11 июня 1937 г. 1 секретарь полпредства СССР в Финляндии А. А. Аустрин информировал 1 Западный отдел НКВД СССР: «10 сего июня Паюла мне сообщил, что он отправляет письмо в министерство внутренних дел по вопросу об отмене специальных паспортов для финляндских граждан, едущих в Советский Союз. Паюла добавил, что, ввиду того что он уже ранее имел устные переговоры с министерством внут-

ренных дел по этому вопросу, он может меня заверить, что этим письмом вопрос о паспортах можно считать разрешенным». — 299

¹²⁰ В упоминаемой телеграмме министра иностранных дел Хирала послам Испании в Лондоне и Париже предлагалось настаивать перед английским и французским правительствами на недопустимости установления зон безопасности в испанских водах (см. прим. 116). «Эти зоны, — говорилось в телеграмме, — будут неизбежно внутри испанских вод, что нарушит наш суверенитет. Мы миримся с теперешним контролем, ибо он осуществлялся в открытом море, но мы не согласны на применение его в наших водах и портах. Для практики контроля эти зоны не нужны, так как суда могут снабжаться в нейтральных портах. Эти зоны будут великолепными центрами шпионажа со стороны государств, явно помогающих мятежникам. Помимо этого установление зон затруднит наши операции в портах, занятых мятежниками» (см. док. № 195, 212). — 304

¹²¹ 9 июня 1937 г. И. М. Майский телеграфировал в НКВД СССР о состоявшихся в тот же день беседах с Ванситтартом и Иденом. «Сославшись на ряд фактов последних 5—6 недель, в том числе на речь британского посла в Берлине Гендерсона, — сообщал Майский, — я поставил Ванситтарту вопрос, как все это надо понимать и правильно ли отражает речь Гендерсона нынешнюю политику британского правительства в отношении Германии. Ванситтарт в ответ стал заверять меня и просил передать это Советскому правительству, что политика британского правительства в отношении Германии будто бы остается неизменной и что сейчас, как и раньше, британское правительство стремится к общеевропейскому урегулированию положения, хотя и допускает возможность начать это урегулирование с переговоров о Западном пакте». Ссылаясь на выступление Идена в парламенте 7 июня 1937 г., Ванситтарт утверждал также, что «речь Гендерсона на англо-германском обеде 31 мая с форин офисом будто бы не была предвзвешенно согласована, что она является только личным актом Гендерсона и что в своей речи, благодаря неопытности и недостаточному знакомству с европейской ситуацией (Гендерсон был переведен в Берлин из Южной Америки), британский посол в Берлине наговорил много таких вещей, каких не следовало говорить. Ванситтарт выразил надежду, что Гендерсон учтет ту критику, которую его речь вызвала в парламенте, и что вообще в дальнейшем он будет осторожнее в своих выступлениях.

Ванситтарт подчеркивал, что британское правительство отнюдь не торопится с началом каких-либо переговоров с Германией, но вместе с тем, учитывая возможную критику со стороны известных кругов консервативной партии, оно не считает удобным прерывать те ленивые переговоры с Берлином, которые возникли после оккупации Рейнской области в прошлом году и которые пока не привели ни к каким результатам. В доказательство Ванситтарт привел тот факт, что британское правительство до сих пор еще не ответило на германскую ноту по поводу Локарно, которую оно получило месяца три назад. Вместе с тем Ванситтарт признал, что пропаганда германофильских элементов в Англии за последнее время значительно усилилась».

О беседе с Иденом в телеграмме говорилось: «На обеде в форин офисе я встретил Идена и в разговоре с ним указал на ненормальный ход переговоров о ликвидации инцидента с «Дейчланд», происходящих за спиной Комитета и фактически элиминирующих Комитет от участия в обсуждении столь важного вопроса. Я прибавил, что считал бы совершенно необходимым созыв Комитета или по крайней мере подкомитета в самом ближайшем будущем, с тем чтобы на его обсуждение впрямь до обращения к Валенсии и Саламанке по крайней мере была передана та формулировка ликвидации инцидента, которая согласовывается сейчас между четырьмя державами. Я протестовал также против того, что британское правительство держит других членов Комитета в полном неведении относительно всего происходящего за кулисами Комитета в переговорах между пресловутой «четверкой». Иден в ответ стал жаловаться на то, что вместо обращения к нему за всеми нужными разъяснениями я прибегаю к помощи официальной

переписки. Далее он заявил, что пока никакой «формулы» ликвидации инцидента с «Дейчланд» еще не найдено и что у него нет намерения устранить Комитет от участия в обсуждении всех связанных с этим инцидентом вопросов. Он обещал также подумать о постановке на обсуждение Комитета «формулы» ликвидации инцидента, если и когда она будет найдена, до обращения к испанскому правительству и Франко, однако от определенного обещания на сей предмет уклонился». — 304, 331

¹²² В упоминаемой телеграмме НКВД СССР информировал Д. В. Богомолова о сообщении М. М. Литвинова из Женевы от 30 мая 1937 г. о том, что, по сведениям журналистов, «Нанкин еще недавно обращался к немцам за военными специалистами, но против этого возражали японцы, вследствие чего Гитлер запретил дальнейшую отpravку военных в Китай», и что «отказывают немцы китайцам также в продаже военных материалов». — 306

¹²³ В телеграмме от 16 июня 1937 г. И. М. Майский, сообщив об исполнении указания относительно направления письма по вопросу о «Дейчланд» (см. док. № 192), далее писал: «Плимут только что звонил мне по телефону и сообщил, что немцы и итальянцы решили вернуться в Комитет немедленно, не ожидая ответа на предложения «четверки» от испанского правительства и Франко. В связи с этим Плимут хочет созвать полный Комитет для обсуждения воззвания о «гуманизации войны» 18 июня. Предварительно он хотел бы со мной побеседовать. Условились, что я заеду к нему завтра, 17 июня». — 316

¹²⁴ 12 июня 1937 г. советник полпредства СССР в Польше Б. Д. Виноградов, как следует из записи беседы, передал Кобылянскому предложение «ратифицировать соглашение о статусе торгпредства без плана дома. Кобылянский принял к сведению мое предложение и обещал немедленно довести его до сведения Бека» (см. т. XIX, прим. 202 и док. № 252, 266 настоящего тома). — 318

¹²⁵ В записи беседы Я. Х. Давтяна с Беком, состоявшейся 19 июня 1937 г., отмечено: «Ему [Беку] пришла мысль, которая, по его мнению, может помочь делу и покажет нам его желание дружественно разрешить этот вопрос. Именно: польское правительство само ликвидирует свое одно консульство — харьковское — и одновременно проведет ратификацию соглашения о статусе торгпредства. Я ограничился лишь выслушиванием его предложения, сознательно не вдаваясь в его обсуждение, и лишь обещал передать его т. Литвинову. Но одновременно я все-таки выразил личное сомнение в его приемлемости для нас, подчеркнув, что целью нашего демарша было уравнение общего числа консульств».

Ответа по вопросам торговли Бек в этой беседе не дал. — 319, 410

¹²⁶ Пожелание посетить Б. С. Стомякова, чтобы «специально переговорить о положении нефтяной концессии на Северном Сахалине», было высказано Сигемицу на обеде, устроенном им в честь К. К. Юренева 19 июня 1937 г. — 323

¹²⁷ 24 июня 1937 г. И. М. Майский телеграфировал в НКВД СССР: «Последние выступления Плимута и Идена, а также позицию британского правительства в инциденте с «Лейпцигом» я объясняю растущим нашим общественным мнением и желанием британского правительства путем показной «твердости» и видимости каких-то успехов хотя бы до известной степени парировать все выше поднимающуюся волну нетерпения масс. Исходя, между прочим, и из этих соображений, я считал бы очень желательным провал предложения Плимута о «символической» эвакуации небольшого числа волонтеров с обеих сторон. Не решая ничего по существу, такое «достижение» могло бы быть лишь ловко использовано правительственными агитаторами в целях введения в заблуждение широких общественных кругов».

В телеграмме также указывалось: «Не говоря о систематически продолжающемся пополнении воздушного парка Франко, сегодня в Лондоне получены известия о высадке в Малаге 25 тыс. итальянцев, а также о концентрации германских и итальянских военных судов в Средиземном море в целях установления фактической блокады республиканского побережья».

Такое «невмешательство» способно окончательно погубить Испанскую республику. Невольно встает вопрос: не выгоднее ли, с точки зрения интересов последней, ликвидация невмешательства (даже с учетом колеблющейся позиции Англии и Франции), которое не мешает Франко получать все, что ему нужно, и в то же время ставит бесконечные препятствия для снабжения испанского правительства». — 329

¹²⁸ В упоминаемом письме М. М. Литвинова говорилось: «Если теперь будет даже получен неудовлетворительный ответ из Валенсии и от Франко, то вряд ли Германия и Италия решатся вновь покинуть Комитет. Таким образом, весь инцидент с «Дейчланд» идет как будто насмарку. Спрашивается, какой ценой Англии удалось заманить их в Комитет? Не связано ли это с поездкой Нейрата в Лондон, которая поражает своей внезапностью и неожиданностью? Дельбос говорил Сурицу, что он был поставлен в известность Филпсом об этом визите лишь 14 июня, причем приглашение Нейрата мотивировалось желанием Идена продвинуть испанскую проблему, в частности вопрос о волонтерах (см. док. № 205.— *Ред.*). Не намечается ли очередной зигзаг в тактике Форин офиса?» — 329

¹²⁹ 10 апреля 1937 г. И. М. Майский писал: «Последние три месяца в англо-итальянских отношениях должны быть охарактеризованы как период попятного движения, как новый и довольно серьезный рецидив напряженности в отношениях между Римом и Лондоном. Как и почему это произошло? Ответом на данный вопрос может явиться следующее перечисление наиболее важных фактов англо-итальянских отношений на протяжении первой четверти текущего года.

Одновременно с подписанием «джентльменского соглашения» в Риме Муссолини высадил в Кадисе крупный экспедиционный корпус. Этот факт явился большим «шоком» для Англии. Правда, в «джентльменском соглашении» в прямой форме ничего не сказано об Испании, но в правительственных кругах (да и не только в них) были твердо уверены, что факт заключения соглашения будет иметь косвенное влияние на Муссолини и заставит его приступить к постепенному сворачиванию своей активности на Пиренейском полуострове. Высадка итальянских войск в Кадисе на рубеже Нового года была воспринята здесь поэтому как вызов и как мошеннический трюк. Для всех стало ясно, что сдержанность Муссолини в декабре являлась лишь тактическим маневром, дабы не испортить шансов подписания «джентльменского соглашения». Как только соглашение было обеспечено, Муссолини перестал стесняться в расчете, что «эти тусы англичане» (см. док. № 95.— *Ред.*) все скушают. И затем, как известно, в течение января — февраля итальянский диктатор слал непрерывно в Испанию одно судно за другим с людьми, оружием и амуницией, пока не сосредоточил на Пиренейском полуострове к началу марта целую армию в 80—100 тыс. человек. Такое поведение Муссолини, явившись глубоким разочарованием для людей тила Ванситарта, в то же время вызвало крайнее раздражение в политических и общественных кругах Великобритании, где «джентльменское соглашение» встречено было с очень смешанными чувствами. Раздражение это увеличилось еще в результате того, что, сделав «примирительный жест» и убрыв с Мальорки пресловутого графа Росси, Муссолини тем не менее продолжал оставаться в фактической оккупации Балеарских островов.

Тем самым лживость всяких обещаний Муссолини вновь и в чрезвычайно яркой форме подтверждалась. Данный фон создавал благоприятную обстановку для дальнейшего обострения отношений при каждом новом подходящем случае». — 330

¹³⁰ В упоминаемом письме И. М. Майский отмечал: «Не подлежит сомнению, что за минувшие три-четыре месяца в отношениях между Лондоном и Берлином чувствуется заметный и понемногу растущий холодок». «Основная причина роста антигерманских настроений в Великобритании, — продолжал полпред, — кроется в том, что острее гитлеровской агрессии начинает все больше поворачиваться на запад. Огромную роль в этом отношении сыграло муссирование Гитлером вопроса о колониях». В заключение

письма говорилось: «Британская политика такова, что сегодня никогда нельзя знать, как поведет себя Лондон завтра. Поэтому нынешняя прохлада в англо-германских отношениях легко может прерваться в теплоту в зависимости от перемены международной обстановки». — 331

¹⁸¹ В результате переговоров по дипломатическим каналам 22 июля 1937 г. состоялась встреча представителей охраны правого и левого берега Днестра. На этой и последующих встречах румынская сторона прибегла к тактике проволок. В этой связи и, о. зав. 11 Западным отделом НКВД СССР К. В. Антонов в беседе с посланником Румынии в СССР Чиунту 17 сентября 1937 г. заявил, что советские органы «недовольны движением дела с расследованием обстоятельств инцидентов, повлекших ранение Яшпортова и убийство Урсула»; что «выделенные для расследования румынские офицеры не проявляют доброй воли в этом вопросе и пользуются всякими предложениями, чтобы замять эти дела».

Из-за позиции румынской стороны урегулирование упомянутых инцидентов было прервано. — 335

¹⁸² В тот же день И. М. Майский дополнительно телеграфировал: «К вечеру сегодняшнего дня выяснилось, что в результате последнего заседания подкомитета в форин-офисе господствует большое смягчение, но приготовлений к каким-либо энергичным действиям не чувствуется. Немцы и итальянцы, видимо, выдвинули 2 июля требование предоставления Франко и испанскому правительству прав воюющей стороны. Это Риббентроп и Гранди, должно быть, имели в уме, когда заявляли сегодня о необходимости изыскать новые формы контроля. Признание прав воюющей стороны означает право судам Франко останавливать и обыскивать в открытом море все пароходы, направляющиеся в республиканские порты, т. е. практически блокаду этих портов. У самого Франко судов для блокады, пожалуй, не хватит, но с помощью итальянцев и немцев он может справиться с такой задачей. До сих пор англичане не соглашались предоставить Франко права воюющей стороны, но только из-за давления оппозиции и французского правительства».

2 июля 1937 г. после заседания подкомитета, на котором, как и ожидалось, Германия и Италия добивались признания за мятежниками права воюющей стороны (см. газ. «Известия», 4 июля 1937 г.), Майский телеграфировал в НКВД СССР: «Плимут вел себя совершенно исключительно — ясно, твердо и категорически. Его заявление, что германо-итальянский план для британского правительства неприемлем, произвело очень сильное впечатление на Гранди и Риббентропа. Опасаясь только, что англичане очень быстро испугаются своей собственной храбрости и начнут сползать на рельсы какого-нибудь гнилого компромисса. В сегодняшнем «Таймс», например, имеется намек, что британское правительство готово было бы предоставить права воюющей стороны испанскому правительству и Франко, если бы было положено начало отзыву добровольцев (видимо, имеется в виду предложение Плимута (см. док. № 204. — *Ред.*) о символическом отзыве равного, но небольшого количества иностранных комбатантов с обеих сторон). Впрочем, посмотрим. Зато Корбен был ниже всякой критики. Несмотря на то что он имел совершенно категорические инструкции из Парижа (это мне точно известно) твердо выступать против ожидавшегося германо-итальянского предложения, он жевал на сегодняшнем заседании какую-то несуразную жвачку и ухитрился заявить о неприемлемости для французского правительства предоставления права воюющей стороны так, что этого никто не заметил» (см. также прим. 138). — 336

¹⁸³ Намереваясь перед выездом в отпуск встретиться с Рузвельтом, полпред СССР в США А. А. Трояновский запросил НКВД СССР телеграммой от 16 июня 1937 г., какие вопросы следовало бы обсудить в беседе с президентом. 18 июня телеграфно и 21 июня письмом народный комиссар иностранных дел СССР поручил Трояновскому выяснить мнение Рузвельта по вопросу о Тихоокеанском пакте и более конкретно — его отношение к предложению, высказанному 14 мая 1937 г. премьер-министром Австралии Лайонсом на конференции английских доминионов, о заключении пакта о нена-

падении между тихоокеанскими странами (см. газ. «Известия», 21 мая 1937 г.).

Как известно, идея организации коллективной безопасности на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана была выдвинута советской стороной в 1933 г. в развитие выраженной Рузвельтом мысли о договоре о ненападении между Советским Союзом и США (см. т. XVI, док. № 370). В продолжение длительного времени советская дипломатия вела активную работу в этом направлении. Советское правительство поддержало также предложение Лайонса. «Правда,— отмечалось в указанном письме наркома,— мы имели в виду Тихоокеанский пакт о взаимной помощи, а Лайонс сводит это к обязательству о ненападении». Советское правительство исходило при этом из того, что даже такой пакт мог бы изолировать агрессора, серьезно укрепить положение Китая и способствовать созданию в дальнейшем более действенной системы коллективной безопасности. В Советском Союзе полагали также, что в условиях нарастания агрессивных приготовлений Японии и все более очевидной угрозы не только для Советского Союза и Китая, но и для США, Англии, Франции и других стран западные державы должны будут изменить отношение к проблеме предупреждения войны на Дальнем Востоке (см. т. XVI, док. № 370, 416, 434; т. XVII, док. № 77, 84, 399, 436; т. XVIII, док. № 146 и док. № 64, 240 и прим. 28, 45, 144 настоящего тома).

«Пакт, конечно, немалым без США,—говорилось в письме наркома.— Вот почему столь важно выяснить позицию Рузвельта. Кун говорил, будто два года тому назад Рузвельт высказывал свои симпатии подобной идее (см. прим. 63.—*Ред.*). Я помню, что эту идею я развивал ему еще в 1933 г. в личных беседах и тоже встречал у него теоретическое сочувствие. Но то было на заре его юности, когда он еще не предвидел оппозиции, которую он может встречать в своих начинаниях со стороны конгресса, сената, Верховного суда, промышленников, финансистов, католиков и т. д. Нельзя поэтому с уверенностью сказать, что лично Лайонс не разобьется о пассивность или сопротивление Америки».

Учитывая, что, как и во время переговоров о заключении Восточного пакта, для оправдания невозможности якоры организации коллективной безопасности политические деятели Запада ссылались прежде всего на отказ от участия в ней агрессивных государств, Трояновскому предлагалось подчеркнуть следующее: «Если заранее решить, что непременно условием заключения пакта считается участие в нем Японии, то дело уже обречено на неудачу. Чтобы сорвать пакт, Япония участвовать в нем не согласится. Мы поэтому внушаем всем, с кем приходится на эту тему говорить, что с самого начала должно быть заявлено, что пакт может состояться и без участия Японии. Только в этом случае Япония, может быть, предпочтет примкнуть к нему. Конечно, пакт о ненападении без Японии большой ценности не имеет, ибо мы, Великобритания, США, Франция и др. и без того не собираемся нападать друг на друга в Тихом океане, но все же пакт между ними будет иметь значение известной солидарности между ними, в особенности если в пакт будет включен пункт о консультации в случае угрозы одному из участников пакта».

Переговоры о Тихоокеанском пакте в 1937 г., а затем обсуждение жалобы Китая в Лиге наций и на Брюссельской конференции показали, что ведущие западные державы не были заинтересованы в принятии действительных мер для пресечения японской агрессии и организации коллективной безопасности на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. (Об идее нейтрализации тихоокеанских островов и о позиции США в отношении Тихоокеанского пакта см. также «Foreign Relations of the United States. 1937», vol. III, Washington, 1954, pp. 954—992).— 337

¹⁸⁴ Анализируя цели, преследовавшиеся японскими милитаристами при организации указанной провокации, временный поверенный в делах СССР в Японии И. Н. Дейчман в телеграмме в НКВД СССР от 6 июля 1937 г. писал: «Амурские события и их отклики в Японии в известной степени были репетицией начала войны. Целью амурской авантюры являлось, по-види-

тому, прощупать нашу устойчивость и боеспособность, настроение Красной Армии и Советского правительства, а непосредственной задачей было попытаться захватить острова, начав тем самым демаркацию границы вооруженной силой». Отметив, что «этому способствовало казавшееся военищен критическим положением в Европе», Дейчман подчеркивал: «Убедившись, что нами будет оказан внушительный отпор, и опасаясь, что события 30 июня перешли за пределы задуманной военищенной проверки нашей боеспособности, двор настоял на локализации инцидента». В заключение в телеграмме говорилось: «Судя по ходу событий, по воинственному поведению военного министра и всей печати уже в первоначальный период событий и по факту отозвания японской канонерской лодки, Квантуцкая армия во всей амурской операции действовала не самочинно, а согласованно с центральными военными властями» (см. также «Пограничные войска СССР, 1929—1938. Сборник документов и материалов». М., 1972, стр. 554—555).— 338

¹³⁵ 22 июня 1937 г. начальник военно-морских операций США адмирал Леги допустил в речи перед выпускниками военно-промышленного колледжа антисоветские выпады. 24 июня временный поверенный в делах СССР в США К. А. Уманский телеграфировал в НКВД СССР о том, что он сделал в связи с выступлением адмирала Леги соответствующее представление заместителю госсекретаря США Уэллсу, который заявил, что «имеет указание выразить нам глубокое сожаление госдепартамента и американского правительства по поводу речи, звучащей как оскорбление народа и правительства СССР». Уэллес заявил также, что «потребуется от Леги объяснений, по получению которых информирует меня». В письме от 6 июля 1937 г. Уманский сообщил в НКВД СССР, что заявление Хэлла по поводу речи Леги было широко опубликовано в печати под заголовком «Правительство США приносит извинения СССР».— 347

¹³⁶ Имеются в виду беседы С. С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии Крофтой и заведующим архивом МИД Папоушком, состоявшиеся 21 июня 1937 г.

«Я был у Крофты,— говорится в записи беседы,— так сказать, с информационными целями. Крофта сразу заговорил о новой германской кампании против Чехословакии, которая его беспокоит лишь постольку, поскольку одновременно Крофта наблюдает определенный сдвиг в поведении Англии в Средней Европе. Крофта подробно рассказывал о том, что в Англии снова стали прислушиваться к голосу Генлейна. Английский посланник в Праге, явно по поручению своего правительства, продолжительно беседовал с Крофтой на ту тему, что Чехословакии следовало бы урегулировать свои взаимоотношения с немецким национальным меньшинством в лице Генлейна и его партии. Посланник пытался при этом аргументировать аналогией в вопросе английско-ирландских взаимоотношений, Англия, дескать, много напортила себе слишком большой непримиримостью в ирландском вопросе и лишь усилила в свое время синфейнеров своим сопротивлением «минимуму национальных свобод». Англия рекомендовала бы Чехословакии не повторять ее ошибок и «помириться» с минимумом немецких требований к Чехословакии.

Увязывая этот частный вопрос с общеевропейской ситуацией, Крофта говорил, что не только эта аналогия никуда не годится сама по себе, но она и не искренна, ибо дело идет совсем о других руководящих мотивах этих английских советов. Крофта считает, что сейчас Англия снова пытается найти общий язык с Германией. Английский посланник якобы достаточно ясно сказал ему, что генлейновский вопрос необходимо устранить, ибо он является препятствием для разговора с Германией. Крофта считает, что Англия не выдает Чехословакию Германии ради своих собственных интересов. Но Англия хотела бы, чтобы Чехословакия не служила препятствием для английских попыток сговора с Германией».

Папоушек, высказав аналогичные мысли, резюмировал, что «Англия снова пытается договориться с Германией и одновременно ослабить, если не разрушить, ось Берлин — Рим путем изоляции Италии, ставшей слишком

опасной в смысле угрозы английским путям в Индию. Для этого Англия готова была бы устранить «главное препятствие» для соглашения с Германией, а именно договоры о взаимной помощи между СССР, Францией и Чехословакией» (см. также док. № 238, 239).— 347

¹³⁷ Имеются в виду переговоры по пограничным вопросам и относительно советско-иранского акционерного общества «Кевир-Хурнан», продолжавшиеся в течение ряда лет и фактически прервавшиеся в 1937 г. Переговоры проходили с большими трудностями, особенно в 1937 г.; иранская сторона неоднократно отказывалась от уже согласованных позиций и выдвигала новые предложения (см. т. XIX, док. № 19, 197, 290, 310, 353, 368, 388, 438, а также прим. 64 настоящего тома).

2 декабря 1954 г. между СССР и Ираном было заключено соглашение об урегулировании пограничных и финансовых вопросов (см. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1956, № 8). Что касается акционерного общества «Кевир-Хурнан», то Советское правительство в июле 1956 г. заявило о безвозмездном отказе от своих прав в пользу Ирана (см. газ. «Известия», 29 июля 1956 г.; т. XIX, прим. 12).— 350

¹³⁸ В соответствии с данным указанием Я. З. Суриц беседовал также с генеральным секретарем МИД Франции Леже, который во время беседы дал по телефону соответствующие инструкции послу Франции в Великобритании Корбену. На основании сообщения об этой беседе М. М. Литвинов 3 июля 1937 г. телеграфировал полпреду СССР в Великобритании И. М. Майскому следующее: «1 июля Леже в присутствии Сурица имел телефонный разговор с Корбеном. Леже разъяснил точку зрения французского правительства в духе непримиримости и давал Корбену очень твердые инструкции, в том числе и о непризнании за Франко права воюющей стороны даже в обмен за обещание Италии и Германии увести «добровольцев». Леже указывал, что на карту поставлены честь и престиж Франции, и предлагал Корбену повлиять на малые страны в Комитете. Корбен, по-видимому, возражал против инструкций Леже. Совершенно очевидно, что Корбен гнет какую-то свою линию, отличную от политики французского правительства» (см. также прим. 132).— 351

¹³⁹ 1 июля 1937 г. Я. З. Суриц встретился с находившимся в Париже председателем совета министров Испанской республики Негрином. Телеграфируя в тот же день в НКИД СССР о своей беседе, полпред отметил, что Негрин «больше всего опасается, что англичане (а под их давлением и французы) согласятся признать за Франко право воюющей стороны». Излагая мнение Негрина в связи с созданным в Комитете по невмешательству положением, полпред далее писал: «Из двух альтернатив: 1) контроль осуществляется Англией и Францией, независимо от отказа Италии и Германии, и 2) Лондонский комитет прекращает свое существование и отношение держав нормируется обычными нормами международного права — Негрин склоняется ко второй (не возражает, правда, и против первой). Он при этом наивно рассчитывает, что не только Франция, но и Англия будут доставлять Валуесии оружие (в последнем [случае] — свободная коммерция) и что итало-германскую помощь Франко можно будет также каким-то образом ограничить рамками снабжения лишь одним оружием, но не людьми. Как при этом варианте можно продвинуть вопрос об удалении волонтеров, которому Негрин придает первостепенное значение, остается для меня неясным».— 360

¹⁴⁰ Переговоры по поводу правового урегулирования вопросов, связанных с убийством советского пограничника Спирина выстрелом с финляндской территории, завершились лишь в ноябре 1937 г.— 361

¹⁴¹ 10 августа 1937 г. И. М. Майский телеграфировал в НКИД СССР о своей беседе с посланником Чехословакии в Лондоне Масариком, который перед этим встречался с Ванситтартом. В телеграмме говорилось: «Масарик указал Ванситтарту на широко распространенное в Европе представление, что Англия относится к этой политике [коллективной безопасности], в частности к чехословацко-советскому пакту, отрицательно. Отметив попытки Ванситтарта опровергнуть это утверждение, Масарик

охарактеризовал английскую политику следующим образом: «Англия не совсем равнодушна к судьбам Чехословакии, она питает к ней даже известную симпатию, как к «форпосту демократии» в Центральной Европе, но симпатия эта не горячая, а теплая, и рассчитывать на какие-либо энергичные акции со стороны Лондона в случае опасности для Чехословакии едва ли приходится». «Масарик подтвердил,— сообщалось далее в телеграмме,— что форин офис в последние месяцы как в Лондоне, так и через своего посланника в Праге неоднократно давал чехословацкому правительству советы как-нибудь смягчить напряжение, существующее в чехословацко-германских отношениях, в частности пойти на необходимые уступки судетским немцам. Однако, когда Масарик спрашивал Ванситарга, о какого рода уступках идет речь, последний предпочитал уклоняться от прямого ответа» (см. также док. № 415, 420, 427).— 363

¹⁴² И. М. Майский телеграфировал в НКВД СССР 6 июля 1937 г. о намерении Идена внести на обсуждение Комитета предложение, означавшее фактическое признание права воюющих сторон. «Само собой разумеется,— говорилось в телеграмме,— что Гитлер и Муссолини ни минуты не думают о действительном уходе своих войск, а рассчитывают, что англичане удовлетворятся признанием необходимости ухода «в принципе» или в крайнем случае «символической» эвакуацией пары тысяч человек по плану Плимута. Это стоит того, чтобы ликвидировать морской контроль и, может быть, получить право воюющей стороны для Франко при одновременном сохранении французской границы закрытой. На ближайшем заседании Комитета я заявлю от имени Советского правительства о полной неприемлемости для нас предоставления права воюющей стороны Франко, а также несколько подробнее остановлюсь на окончательном сбрасывании фашистскими державами вуали и переходе их к совершенно открытой агрессии против законного испанского правительства и члена Лиги наций».— 364

¹⁴³ Посол Китая в СССР Цзян Тин-фу выполнил поручение, о котором идет речь в комментируемом документе, 15 июля 1937 г. Как видно из телеграммы народного комиссара иностранных дел СССР, направленной в тот же день в полпредства СССР в Китае, Великобритании, Франции и США, «китайский посол по поручению своего правительства проинформировал меня об обстоятельствах китайско-японского конфликта, спросил, какова наша позиция и готовы ли мы посредничать сепаратно или вместе с другими державами». Цзян Тин-фу было заявлено, что в Советском Союзе рассматривают события 7 июля 1937 г. как «провокацию и агрессию со стороны Японии». Послу было также сказано, что советская сторона «не согласится на сепаратное посредничество. Думаю, что если бы Америка, Англия и Франция предлагали какой-нибудь коллективный шаг, то мое правительство подвергло бы его рассмотрению. На вопрос, можно ли ожидать с нашей стороны каких-либо военных действий в случае дальнейших осложнений между Японией и Китаем, я ответил, что вопрос слишком серьезный и ответственный, чтобы я мог сам давать ответ. Далее посол спрашивает, какова была бы позиция Лиги наций, если бы Китай обратился со ссылкой на ст. 17 [Устава]. Я ответил, что позиция Лиги будет зависеть от поведения великих держав, а в первую очередь — Англии. При единой позиции в Совете Англии, Франции и Советского Союза и поддержке Америки Лига наций могла бы кое-что предпринять».— 375, 409, 465

¹⁴⁴ Сообщая в телеграмме в НКВД СССР от 18 мая 1937 г. о беседах на обеде у Фэн Юй-сяна 17 мая, Д. В. Богомолов писал: «Фэн Юй-сян сказал, что китайское правительство не может брать на себя инициативу Тихоокеанского пакта, чтобы не оказаться в положении хозяина, пригласившего к себе много гостей, которые не приехали бы. Получилась бы потеря лица.

Я заметил, что если просто знакомые не приедут, то приедут хорошие друзья, которые и останутся с хозяином, это будет еще лучше. Затем я обратил внимание на передовицу в «Шанхай таймс», которая, как известно, субсидируется японскими торговыми кругами. Даже эта группа выступила

в пользу Тихоокеанского пакта. Я сказал, что основная ошибка китайского правительства заключается в том, что оно всегда оглядывается на Японию, переоценивает Японию и недооценивает себя.

Сунь Фо, высказав согласие с моим последним замечанием о недооценке китайцами сил Китая, сказал, что он думает, что не только Япония, но и Америка не примет участия в таком пакте.

Ван [Чун-хой] сказал, что американский билль о нейтралитете не позволяет сомневаться в отрицательной позиции Америки. Некоторые надежды подаёт только Англия. В конце концов, он уверен, что из пакта ничего не выйдет и что эта акция бесполезна.

Тогда я напомнил Вану наш разговор на квартире Сунь Фо в прошлом году, при котором присутствовал Фэн Юй-сян. Тогда Ван весьма горячо выступал в пользу Тихоокеанского пакта. Китайский посол в Москве Цзянь Тин-фу в беседе со мной говорил, что китайское правительство стоит за такой пакт (см. док. № 64.— *Ред.*). Когда я был в Москве, этот обмен мнениями дал мне возможность доказывать моему правительству, что, по моему мнению, китайское правительство будет за Тихоокеанский пакт. Я очень жалею, что точка зрения китайского правительства так быстро изменилась».

Ван Чун-хой, как следует далее из телеграммы, в ответ на это предложил «начать немедленно переговоры о Тихоокеанском пакте, но одновременно начать переговоры и о двустороннем пакте взаимной помощи, для того чтобы сэкономить время. Когда будут закончены переговоры, можно будет, не теряя времени, подписать пакт о взаимной помощи».

Я решительно ответил это предложение и заявил, что в этом случае переговоры о Тихоокеанском пакте превращаются в ненужную комедию. Я сказал, что необходимо следовать по пути, который был намечен в Европе проектом Восточноевропейского пакта.

Ван возражал против моего замечания и опять продолжал настаивать на необходимости немедленного начала переговоров о пакте взаимной помощи. Тогда я опять подробно сформулировал нашу точку зрения, подчеркивая необходимость немедленного начала переговоров о пакте неагрессии [между СССР и Китаем]. Кончилось тем, что Ван, резюмируя наш обмен мнениями, сказал, что он продумает все как следует и даст мне на днях официальный ответ.— 376, 385, 393

¹⁴⁵ Новая встреча М. С. Островского с Инкулецом состоялась 19 июля 1937 г. В записи беседы отмечено, что 18 июля Инкулец «подробно передал содержание нашей беседы от 14 июля Татареску», который в ответ утверждал, что «Румыния ничего не может себе инкриминировать, так как румынское правительство ничего по существу не сделало в Варшаве такого, что было бы направлено против Советов. Татареску просит не сомневаться в искреннем желании румын поддерживать отношения сердечного добрососедства с Россией».

Полпред подверг сомнению искренность дружественных заверений румынских политических деятелей, повторив в этой связи положения, высказанные им ранее в беседах с министром иностранных дел Румынии Антонеску (см. док. № 55, 131) и самим Инкулецом. В дополнение Островский указал на покровительство румынских властей в отношении «панрусской фашистской организации», «всероссийского общевойскового союза» и украинских буржуазных националистов, на активизацию белоэмигрантских организаций «во главе с Поклевским — Козелом, который за эту свою высоко полезную деятельность, очевидно, и был награжден румынским орденом» (см. док. № 175). В конце беседы Инкулец «настаивал на своей и Татареску просьбе нанести визит Антонеску».

Встреча Островского с Антонеску состоялась 22 июля. Как отмечал полпред в записи беседы, Антонеску вновь заверял, что хорошие отношения с СССР — главная цель румынской политики и пусть румыно-польские контакты «не беспокоят» советскую сторону. Островский на это ответил: «Беспокоимся мы за мир, который мы хотим сохранить, и считаем, что припадок интимности румыно-польского антисоветского союза, в учете нынешней линии польской политики, затрудняет дело укрепления мира, а сопро-

вождаемая антисоветскими политическими и военными демонстрациями, эта интимность начинает превращаться в угрозу для дела мира».

Как следует далее из записи беседы. Антонуеску, продолжая доказывать стремление румынских правящих кругов к установлению «сердечных и бесконфликтных» отношений с СССР, заявил, что «и сейчас, как и раньше, он готов в этом смысле подписать с нами пакт. Я предложил Антонуеску изобразить в письменном виде свою идею для того, чтобы я лично мог поделиться к ней мое отношение. Антонуеску от этого уклонился, заявив, что он ждет от нас соответствующей формулы. Я напомнил Антонуеску, что наша формула ему известна, что на базе этой формулы румынское правительство с нами начало разговоры в 1935 г. при Титулеску (см. т. XVIII, док. № 411, 426, 436; т. XIX, док. № 288.— *Ред.*) и о той же формуле говорил в 1937 г. Татареску» (см. прим. 84).— 380

¹⁴⁶ В телеграмме от 14 июля 1937 г. в НКВД СССР И. М. Майский сообщил о том, что Англия внесла предложение относительно признания права воюющей стороны за Франко при условии частичного вывода иностранных комбатантов (см. также док. № 232, 233). Отмечая неприемлемость английского плана, полпред считал в то же время целесообразным, не отклоняя его, потребовать в первую очередь «полной эвакуации всех волонтеров», вывода из испанских вод всех иностранных военных судов и принятия мер к тому, «чтобы Франко не получил «в аренду» от своих союзников известное число принадлежащих им судов». «После всего этого,— заключал полпред в п. 5 телеграммы,— может быть поставлен вопрос о предоставлении права воюющей стороны, причем Советское правительство сохраняет за собой свободу делать по данному поводу те или иные предложения».

16 июля 1937 г. на заседании Комитета по цевмешательству в дела Испании английское предложение было принято за основу для обсуждения и передано в подкомитет, заседание которого намечалось на 20 июля. Сообщая об этом 16 июля в НКВД, Майский спрашивал, «настаивать или не настаивать на быстрейшем темпе рассмотрения британских предложений».

В ответной телеграмме М. М. Литвинова от 19 июля указывалось: «Нет никаких оснований настаивать на ускорении рассмотрения британских предложений, ибо ничего хорошего из этого не выйдет. Дельбос говорил Сурицу, что он скрепя сердце дал согласие на английские предложения, в которые намерен вносить в дальнейшем значительные поправки. После проведения в жизнь контроля и увода волонтеров, точнее, после констатирования Лондонским комитетом эффективного проведения в жизнь этого положения, французское правительство готово приступить к обсуждению вопроса о признании за Франко права воюющей стороны, но и в этом случае оно внесет ряд поправок, ограничивающих Франко в его правах и возможностях объявлять блокаду (см. док. № 247.— *Ред.*). В бельгийском МИД говорили Рубину, что Лондон определенно ориентируется теперь на победу Франко и стремится лишь подорвать влияние на него Германии и Италии».

Упомянутое заявление полпреду СССР в Бельгии Е. В. Рубину было сделано генеральным секретарем министерства иностранных дел и внешней торговли Бельгии ван Лангенхове, о чем Рубинин 16 июля телеграфировал в НКВД СССР.— 382

¹⁴⁷ Речь идет о ценностях Петроградской государственной ссудной кассы, вывезенных в 1920 г. врангелевцами в Югославию (см. т. VI, док. № 208, 233; т. VII, док. № 3; т. VIII, док. № 108; т. XI, док. № 120; т. XII, док. 318, 324). В конце 1936 г. НКВД СССР дал указание полпреду СССР в Турции Л. М. Карахану настаивать при посредничестве турецкого правительства, которое взяло на себя защиту советских интересов в Югославии, на принятии югославским правительством мер против распродажи названных ценностей.— 382

¹⁴⁸ 19 июля 1937 г. народный комиссар иностранных дел СССР телеграфировал Д. В. Богомолу: «Вы неправильно говорите китайцам о на-

шей готовности вести переговоры о двустороннем пакте о взаимной помощи. Мы на это согласия не давали, а говорили лишь о возможности перехода к двусторонним переговорам в случае неудачи многосторонних» (см. док. № 64). 22 июля нарком вновь указал полпреду на необходимость строго придерживаться данных ему правительством инструкций (см. прим. 28), отметив при этом: «По существу вопрос о региональном пакте уже дискутировался между китайцами, англичанами и американцами с отрицательным результатом в отношении взаимной помощи и неопределенным результатом в отношении предложения Лайонса (см. также прим. 133.— *Ред.*). При Вашей системе разговоров китайцы могут заявить, что зондаж о региональном пакте уже проделан, результатов не дал, а потому давайте говорить о двустороннем пакте. Форсирование китайцами этого вопроса в настоящий момент сводится ведь к тому, чтобы мы теперь же ввязались в войну с Японией». — 385

¹⁴⁸ Анализируя политику китайского правительства, и в частности его позицию в отношении советских предложений (см. прим. 28), Д. В. Богомолов в письме заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомонаякову от 16 июля 1937 г. отмечал:

«1. Несмотря на то что Ван Чун-хой в прежних разговорах со мной высказывался в пользу Тихоокеанского пакта, китайское правительство в настоящее время относится к идее пакта отрицательно. Хотя Кун и другие говорили мне, что китайское правительство опасается, что заключение подобного пакта косвенно узаконит аннексию Японией Маньчжурии, я полагаю, основная причина отрицательного отношения китайского правительства к пакту заключается прежде всего в нежелании китайского правительства вызвать недовольство Японии и окончательно закрыть дверь к двустороннему соглашению с Японией, на что Чан Кай-ши, по-видимому, еще не потерял надежду. При таком отношении китайского правительства (в настоящее время) к самой идее пакта нет данных рассчитывать, что китайское правительство может согласиться взять на себя официальную инициативу в этом деле.

Если китайское правительство до сего времени не дает мне официального ответа на наше предложение о Тихоокеанском пакте, то я могу это объяснить только тем, что японо-китайские переговоры вследствие лондонской «договоренности» между Японией и Англией (см. док. № 193.— *Ред.*) зашли в тупик и китайское правительство вообще еще не решило, какую же дальнейшую линию в своей внешней политике оно будет проводить. Несмотря на то что китайцы воздерживаются от высказываний относительно англо-японского соглашения в Лондоне, для меня несомненно, что это соглашение или, вернее, «договоренность» произвела на них сильное впечатление и пошатнула доверие к Англии. А нового «друга» в своей внешней политике китайское правительство пока еще не нашло.

Англо-японское соглашение в Лондоне создало совершенно новую международную обстановку для Китая и тем самым перепутало все карты Китая в переговорах с Японией. Неясность внешнеполитической позиции Китая запутала также и внутривнутриполитические отношения. Например, на процессе лидеров Ассоциации национального спасения ясно видно, как китайское правительство (Чан Кай-ши) мечется из стороны в сторону. Процесс уже два раза начинался и откладывался. Наконец 11 июня он начался. Но через два дня опять прервался. Чан Кай-ши не знает, что ему делать: освободить заключенных — это значит обозлить Японию; осудить их — подорвать намечающееся единство и веру в него лично среди широких кругов интеллигенции.

То же самое происходит, поскольку мне известно, и в переговорах с красными [армиями]. Договоренность по техническим вопросам имеется, но соглашения по политическим вопросам нет, и я не думаю, что Чан Кай-ши вообще хочет политического соглашения.

2. По вопросу о пакте неагрессии [между СССР и Китаем], как я и ожидал, китайское правительство придерживается по-прежнему отрицательной позиции. Ван Чун-хой, однако, не решается дать мне отрицательный ответ и продолжает тянуть.

3. Из записи моего разговора с Фэном, Ван Чун-хоем и Сунь Фо (см. прим. 144.— *Ред.*) Вы усмотрите, что все они в курсе нашего предложения о технической помощи, которое я сделал Чан Кай-ши. Замечание Фэна говорит за то, что китайское правительство, по-видимому, считает предложенную нами сумму недостаточной. Несмотря на то что в разговоре со мной в начале апреля Чан Кай-ши сказал, что по выздоровлении он встретится со мной для разговора по вопросам технической помощи (см. док. № 93.— *Ред.*), однако он уехал в Кулли, не повидавшись со мной. Как сообщают газеты, он останется в Кулине на все лето (по крайней мере, до сентября). Таким образом, и по этому вопросу китайское правительство будет тянуть ответ.

Основная причина оттяжки ответа на наше предложение о технической помощи заключается, по моему мнению, в том, что: 1) сумма не удовлетворяет китайцев; 2) они боятся, что, пойдя на соглашение о технической помощи с нами, они рассорятся с японцами и, возможно, с немцами, от которых они уже получили большие кредиты. Однако китайское правительство не хочет давать и отрицательного ответа, пока окончательно не выяснятся результаты поездки Куна по Европе и Америке.

Выводы: несмотря на такие неутешительные результаты моих переговоров (в смысле конкретных решений), я должен сказать, что все разговоры с Ван Чун-хоем и другими гоминьдановцами только подтвердили мое убеждение, что занятая нами позиция вполне правильна. В особенности это выявилось в моем разговоре с Фэй Юй-сяном, Ван Чун-хоем и Сунь Фо. В конечном счете они не могли привести никаких существенных доводов против нашей аргументации, кроме того, что им хотелось бы «сразу» иметь пакт о взаимопомощи.— 385

¹⁵⁰ Как следует из записи беседы с начальником кабинета министра иностранных дел Польши Лубенским 16 июля 1937 г., Б. Д. Виноградовым было сказано: «Что касается вопроса статуса [торгпредства] и контингентов [на ввоз советских товаров], то, не признавая формально юнкима между ним и вопросом о консульствах, Москва, может быть, согласится на одновременное разрешение».— 391

¹⁵¹ 31 июля 1937 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин и и. о. народного комиссара внешней торговли СССР С. К. Судын направили временному поверенному в делах СССР в Польше Б. Д. Виноградову и торгпреду А. И. Титову письмо, в котором говорилось: «В приложении к этому письму мы направляем вам проект протокола о транзите, наибольшем благоприятствовании в таможенной области и о других смежных вопросах, на основе которого вы можете вести переговоры с польским правительством. Наш проект соглашения построен на следующих принципах:

а. Мы предоставляем полякам на срок действия соглашения право транзита по путям, открытым для транзита в силу общего законодательства СССР.

б. Мы пользуемся наибольшим благоприятствованием в Польше в течение всего срока действия соглашения, и в силу этого к нашим товарам, импортируемым в Польшу, применяются льготные и конвенционные тарифы, применяемые к странам, пользующимся в Польше наиболее благоприятным режимом» (см. также т. XIX, прим. № 202).— 392, 477

¹⁵² Речь идет о мемуарах и переписке графа Спренгтпортена, финского генерала, шведа по национальности, возглавившего в конце XVIII в. восстание против шведского господства в Финляндии. В последующем Спренгтпортен находился на военной и дипломатической службе России.

Нотой от 22 июля 1937 г. министерство иностранных дел Финляндии подтвердило получение рукописей для передачи во временное пользование проф. Седаербергу.— 397

¹⁵³ 22 июля 1937 г. Д. В. Богомолов телеграфировал в НКВД СССР: «Полковник Ху из генштаба сообщил [первому секретарю полпредства] Меламеду, что в генштабе имеются сведения о готовящемся нападении на наше консульство в Шанхае. Нападение организуется японцами, привезшими из

Маньчжурии группу белогвардейцев и снабдившими их советскими паспортами. Имена трех участников штабу известны, и он принимает меры к выявлению остальных и задержанию всей группы» (см. также газ. «Известия», 26 июля 1937 г.).— 400, 405

¹⁵⁴ 7 августа 1937 г. временный поверенный в делах США в СССР Гендерсон, сославшись на указание из Вашингтона, сообщил заместителю заведующего III Западным отделом НКВД СССР Ф. С. Вейнбергу, что «государственный секретарь Хэлл намередается сегодня вечером опубликовать ответы отдельных правительств на запрос Хэлла об отношении этих правительств к заявлению от 16 июля с. г.» и что «Хэлл был бы рад, если бы мы также опубликовали обмен заявлениями» (см. док. № 292; газ. «Известия», 8 августа 1937 г.).— 403

¹⁵⁵ В упоминаемой телеграмме говорилось: «При заключении соглашения о невмешательстве всеми участниками соглашения единственными законным испанским правительством признавалось республиканское, ранее находившееся в Мадриде, а ныне — в Валенсии, а потому Франко и другие генералы, его единомышленники, не могли рассматриваться иначе как мятежники и преступники, нарушившие законы Испании. Изменение отношения к Франко и тем более признание за ним каких бы то ни было прав, узаконяющих его мятеж, означает явное вмешательство в испанские дела в пользу мятежников и изменение всей основы, на которой были приняты обязательства о невмешательстве и образовав Лондонский комитет.

Даже лишь принципиальное согласие на признание за Франко права воюющей стороны в случае выполнения им определенных условий уже означало бы изменение отношения к Франко как к главе мятежников, которое сохранит свое значение даже в случае невыполнения Франко поставленных ему условий. К тому же для Советского правительства нет никаких сомнений в том, что Франко либо не согласится на эвакуацию иностранцев, либо же, дав согласие, лояльно эвакуации не проведет. Сомневается Советское правительство также в лояльном и полном отзывании так называемых волонтеров, на самом деле воинских частей, некоторыми участниками Лондонского комитета. Таким образом, условия выполнены не будут, а принципиальное признание за Франко права воюющей стороны останется. Советское правительство не может давать на это свое согласие».— 407

¹⁵⁶ Беседы Б. Д. Виноградова с Лубенским, в которых польская сторона ставила реализацию советского предложения об уравнинии числа консульств в зависимости от решения других вопросов, состоялись 25, 28 июня, 16, 20 июля 1937 г. (см. также док. № 252).— 409

¹⁵⁷ Упоминаемая беседа В. П. Потемкина с Гжибовским состоялась 17 июля 1937 г.; в результате ее были решены вопросы о возвращении польского и советского самолетов, случайно нарушивших границу и оказавшихся на чужой территории, и о передаче польской стороне ряда архивных материалов.— 411

¹⁵⁸ В ответ на телеграмму временного поверенного в делах СССР в Польше Б. Д. Виноградова от 21 июля 1937 г., в которой он информировал об излагаемом в комментируемом документе предложении министра иностранных дел Польши Бека, М. М. Литвинов направил Виноградову 22 июля следующее указание: «Заявите Беку, что мы имеем распоряжение правительства об уравнинии количества консульств и считаем совершенно безнадежным ставить перед ним предложение Бека о закрытии лишь одного консульства. Если Бек хочет, мы можем поставить перед правительством предложение о закрытии лишь двух консульств, но отнюдь не ругаемся за успех, а если никакого соглашения не будет, тогда нам придется выполнить целиком распоряжение правительства еще в этом месяце».— 412

¹⁵⁹ 5 августа 1937 г. Д. В. Богомолов информировал НКВД СССР о том, что «главный немецкий советник Фалькенгаузен выехал на Север для содействия японо-китайским переговорам».

В телеграмме от 25 августа полпред дополнительно сообщил: «Германия, основная цель которой на Дальнем Востоке заключается в вовлечении Китая в антикоммунистический фронт, выступает в роли посредника и пы-

тается заставить Японию быть более уступчивой. Английский посол выезжает в Шанхай и, по-видимому, тоже примет участие в [китайско-японских] переговорах. Я полагаю, что все империалистические державы, в особенности Германия, Англия и Италия, будут напуганы нашим пактом и возможными перспективами соответствующего сближения и примут все меры к тому, чтобы заставить Китай и Японию договориться». — 412

¹⁶⁰ Остановливаясь на этом вопросе в письме полпреду СССР в Японии М. М. Славуцкому от 28 сентября 1937 г., Б. С. Стомонаков отмечал: «Мы точно осведомлены о том, что Япония, перед тем как прибегнуть к новым военным действиям в Китае, а также и после этого делала и делает большие усилия, чтобы смягчить свои отношения с Англией и договориться с нею по ряду спорных вопросов, включая и вопрос о разделе сфер влияния в Китае. После начала военных действий официальные переговоры в Лондоне были прекращены, однако неофициальные разговоры продолжались. Попыткам договориться содействовали и содействуют те круги консерваторов, которые являются сторонниками необходимости договориться во что бы ни стало с фашистскими государствами, не останавливаясь даже перед более или менее серьезными уступками за счет империалистических интересов Великобритании». — 413

¹⁶¹ Информирова о дальнейшей активизации англо-итальянских отношений, и, в частности, о ряде встреч Чемберлена с Гранди, И. М. Майский в телеграмме в НКВД СССР от 2 августа 1937 г. указывал на стремление правящих кругов Великобритании урегулировать межимпериалистические противоречия путем заключения «англо-франко-итальянского пакта на Средиземном море с одновременным отказом Италии от уступки морских и воздушных баз на испанской территории. Весь вопрос лишь заключается в том, какую цену потребует за это Италия и сможет ли Англия ее уплатить. Самый Средиземноморский пакт, конечно, явится частью цены, но Муссолини несомненно захочет больше. Британское правительство готово было бы в счет цены также признать аннексию Абиссинии, в этом отношении здесь в последнее время замечаются сильные тенденции».

Письмом в НКВД СССР от 10 августа Майский дополнительно сообщал: «В целях расчистки дороги для англо-итальянского сближения Чемберлен очень хотел бы добиться ликвидации абиссинского вопроса еще до начала переговоров между Друммондом и Чиано в Риме, намечающихся на конец сентября. Ликвидация абиссинского вопроса мыслится Чемберленом в двух вариантах: а) программа-максимум — Лига наций признает абиссинское государство несуществующим и исключает его из списка своих членов; б) программа-минимум — Лига наций уклоняется от вынесения какого-либо суждения по вопросу о судьбе Абиссинии и предоставляет свободу действий каждому из своих членов. Британское правительство несомненно будет всеми возможными способами добиваться первого варианта, ибо в этом случае в ответ на нападки оппозиции оно сможет сослаться на формальное решение Женевы. Второй вариант устраивает британское правительство гораздо меньше, ибо в этом случае без санкции Женевы ему пришлось бы в индивидуальном порядке признать завоевание Абиссинии Италией. Такой шаг вызвал бы внутри страны очень резкое сопротивление со стороны лейбористов, либералов, пацифистов всякого рода и даже значительной группы консервативной партии. Кроме того, британское правительство, которое на словах до сих пор еще не перестает клясться именем Лиги наций, было бы поставлено в крайне двусмысленное положение, если бы, несмотря на это, оно признало итальянского короля «императором Абиссинии». Насколько я слышал здесь, британское правительство будет стараться влиять на французское правительство в желательном ему направлении и как будто бы в Париже почва для этого достаточно подготовлена». — 416

¹⁶² 1 августа 1937 г. состоялась беседа народного комиссара иностранных дел СССР с послом Китая в СССР Цзян Тин-фу, во время которой до сведения посла было доведено решение Советского правительства относительно оказания помощи Китаю.

В свою очередь Цзян Тин-фу, как отметил нарком в записи беседы, «конфиденциально сообщил мне, что германское и итальянское посольства передали ему через третьих лиц, что дальнейшая экспансия Японии в Китае противоречит торговым интересам Германии, а потому последняя не очень сочувствует такой акции, но что в случае выступления СССР на стороне Китая Германия и Италия должны будут поддержать Японию». 2 августа М. М. Литвинов информировал об этой беседе полпредов СССР в Китае, Великобритани, США и Франции. 7 августа полпред СССР в Германии К. К. Юренев телеграфировал в НКВД СССР о своей беседе с послом Франции в Германии Франсуа-Понсе, который рассказал о сделанном ему послом Японии в Германии Мусьякодзи сообщении, что «германское и итальянское правительства заверили японское правительство, что в случае нашего вмешательства в дальневосточный конфликт (на стороне Китая) названные правительства выступят против нас» (см. также док. № 277).— 430

¹⁶³ В телеграмме в НКВД СССР от 29 июля 1937 г., копия которой была направлена в Шанхай временно находившемуся там Д. В. Богомолу, первый секретарь полпредства СССР в Китае Г. М. Меламед сообщал: «Заведующий международным отделом МИД Лин Чжи-фу сегодня явился ко мне по поручению Ван Чун-хой со следующей просьбой: срочно получить разрешение Советского правительства на пропуск во Владивосток, а затем через нашу границу в Маньчжурию 20 офицеров высшего командного состава для руководства партизанской войной».— 430

¹⁶⁴ Вопрос о переговорах Кун Сян-си в Лондоне был затронут в беседе полпреда СССР в Китае Д. В. Богомолова с министром иностранных дел Китая 5 августа 1937 г. В телеграмме полпреда в НКВД СССР от того же дня говорится: «Ван Чун-хой подтвердил, что Англия дала заем 7 млн. фунтов на постройку железной дороги и 20 млн.— на конверсию внутренних займов. На мой вопрос, правильно ли, что английское правительство ставит реализацию последнего займа в зависимость от сохранения мира в Китае, Ван Чун-хой ответил утвердительно. Тогда я сказал: таким образом, получается, что Англия ставит реализацию займа в зависимость от исхода китайско-японских переговоров? Ван Чун-хой ответил: выходит, что так».— 436

¹⁶⁵ В телеграмме в НКВД СССР от 28 июля 1937 г. о беседе с председателем законодательного юаня Китая, состоявшейся в тот же день, Д. В. Богомолдов сообщил: «Сунь Фо спросил меня, может ли китайское правительство ожидать, что, в случае если теперешний кризис разрастется, Советское правительство пойдет на кое-какое передвижение войск на маньчжурской границе. Когда я сказал, что мне его вопрос непонятен, Сунь Фо добавил, что китайское правительство не ожидает от нас вмешательства в войну, однако полагает, что даже простое сосредоточение наших войск на маньчжурской границе могло бы оказать большую пользу Китаю. Я ответил, что он сам должен хорошо понимать, что я не могу дать никакого ответа на его вопрос».

1 августа 1937 г. с аналогичным вопросом к народному комиссару иностранных дел СССР обратился посол Китая в СССР Цзян Тин-фу. «Посол спрашивал,— говорится в записи беседы,— не можем ли мы сделать что-нибудь большее для Китая, чем поставка оружия, как, например, переброску войск на Дальний Восток в целях иммобилизации японской армии в Маньчжурии. Я ответил, что наша Дальневосточная армия вполне достаточно для отвлечения японских сил от Китая и что переброска войск требует предварительной подготовки и времени».

В связи с подобными обращениями китайской стороны М. М. Литвинов 8 августа телеграфировал полпреду СССР в Китае: «Вы совершенно правильно указывали, и то же я говорил здесь Цзян Тин-фу, что переброска войск требует длительной подготовки и тем менее вызывается необходимостью, что нам неизвестно, что предпринимается Нанкином и действительно ли он намерен оказывать сопротивление. Во всяком случае, Япония знает силу нашей Дальневосточной армии, которая не

позволяет ей отвлекать войска от границы Маньчжурии» (см. также прим. 196).— 436

¹⁶⁶ В связи с этим обращением народный комиссар иностранных дел СССР 8 августа 1937 г. телеграфировал Д. В. Богомолову, что Советское правительство не считает возможным заключение секретного договора. В результате, как информировал 10 августа полпред китайская сторона сняла свое предложение.— 439

¹⁶⁷ 14 августа 1937 г. Чжан Цун от имени Чан Кай-ши вручил Д. В. Богомолову проект соглашения (торгового контракта) о военных поставках. Китайское правительство запрашивало 350 самолетов, 200 танков и 236 орудий; при этом 300 самолетов, все танки и 136 орудий должны были быть поставлены в течение месяца со дня подписания контракта. Проектом предусматривалось также командирование в Китай советских летчиков, авиатехников, артиллеристов и танкистов для обучения китайских военнослужащих.

Информируя об этом в тот же день НКВД СССР, полпред одновременно сообщил, что «Чан Кай-ши хотел бы как можно скорее послать к нам для приемки вооружения генерала Ван Шу-мина, начальника летной академии в Лояне, и с ним еще 7 летчиков и 2 механиков».

17 августа полпреду были направлены следующие указания: «1. Мы не согласны на отсрочку начала платежей на три года и остаемся при нашем первоначальном предложении о расплате за кредит в течение шести лет равными долями с началом оплаты тотчас же по получении от нас вооружения. 2. Переговоры о спецификации вооружения предлагаем вести в Москве после приезда сюда генерала Ван Шу-мина. 3. Мы не возражаем против немедленного выезда сюда генерала Ван Шу-мина с миссией. Мы готовы, если этого пожелает китайское правительство, послать наш самолет в Урумчи, куда китайское правительство должно доставить генерала вместе с миссией. Телеграфируйте дату выезда генерала для того, чтобы нам своевременно послать за ним самолет в Урумчи. Можете дать въездные визы генералу, 7 летчикам и 2 механикам. 4. Независимо от будущих переговоров с Ван Шу-мином предупредите китайцев, что мы, во всяком случае не сможем им дать в течение одного месяца просимого ими количества самолетов, танков и др. Мы смогли бы дать в течение первого полугодия после подписания договора несколько меньше просимого ими количества самолетов (т. е. меньше 350). 5. Против отправки наших инструкторов возражений нет. 6. В остальном все переговоры по заключению этого соглашения, в том числе по китайским поставкам, по коммерческим условиям и по выработке всего текста соглашения, предлагаем, как сказано выше, вести здесь, в Москве, с Ван Шу-мином».

19 августа Богомолов телеграфировал об исполнении данного указания: «Разговаривал сегодня с Чэнь Ли-фу. Он по поручению Чан Кай-ши просит пойти им навстречу в отношении финансовых условий и отсрочить первые платежи по крайней мере на год, хотя весь кредит будет покрыт в течение шести лет. Другими словами, он предлагает разделить всю сумму на пять лет».— 440

¹⁶⁸ В упоминаемой телеграмме Э. А. Асмусу было дано следующее поручение: «Относительно морской встречи обязательно поговорите в МИД, указав, какое впечатление она произведет у нас».— 441

¹⁶⁹ Нотой от 5 июля 1937 г. посольство Китая в СССР обратилось в НКВД СССР с просьбой о приеме восьми китайских специалистов для изучения народного хозяйства СССР. В состав специально назначенной китайским правительством комиссии во главе с генеральным секретарем исполнительного юаня Китая Вэн Вэнь-хао, впоследствии расширенной до 18 человек, входили ответственные работники центрального и провинциальных правительств, экономических ведомств, представители научно-технической интеллигенции.

Просьба о приеме в СССР д-ра Чжан Вэя была передана через полпредство СССР в Китае 18 июня 1937 г.

Соответствующими наркоматами и ведомствами СССР членам комис-

сии и Чжан Вэю было оказано необходимое содействие в ознакомлении с деятельностью различных отраслей народного хозяйства СССР.— 442

¹⁷⁰ Как видно из телеграмм полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица, в беседах 28 и 29 июля 1937 г. министр иностранных дел Франции упорно добивался согласия Советского Союза на англо-французский план признания за Франко права воюющей стороны. Выражая Дельбосу, полпред указывал: «Увод волонтеров — фикция, а признание Франко — реальность. В этом весь смысл английского проекта».

3 августа Дельбос вновь вызвал Сурица для беседы по этому же вопросу. Как отмечено в телеграмме полпреда в НКВД СССР от того же числа, Дельбос утверждал, что советская и англо-французская позиции по вопросу о выезде добровольцев из Испании мало отличаются друг от друга. «Так как Дельбос знает и уверен, — писал далее полпред, — что англичане искренни в своем требовании увода волонтеров и никогда не согласятся на его превращение в фикцию, а с другой стороны, не менее уверены, что на увод не согласятся итальянцы, то Дельбос через Кэрбена вчера и предложил англичанам, чтобы они на ближайшем заседании восстановили в памяти всех проект «в английской интерпретации» и потребовали ясного и недвусмысленного ответа: принимают ли его или отвергают («да или нет»). Дельбос уверен, что при такой постановке немцам и итальянцам придется «снять маску»; что касается нас, то Дельбос мне доказывал, что существенным является лишь обеспечение реального контроля над уводом волонтеров... Дельбос просил также не настаивать на нашем требовании увода марокканцев — требовании, которое ставит Францию как колониальную державу в трудное и деликатное положение».

Суриц ответил Дельбосу, что указанные советы фактически сводятся к предложению полностью присоединиться к англо-французскому плану.— 450

¹⁷¹ В письме и. о. заведующего I Западным отделом Г. Я. Бежанова от 1 августа 1937 г. обращалось внимание на то, что в ряде бесед Н. С. Тихонова и первого секретаря полпредства Ф. В. Линде говорится о скандинавском блоке, однако «не расшифровано, о каком блоке идет речь. Идет ли речь о блоке миролюбивых стран в рамках Лиги наций для противодействия агрессорам, или речь идет об объединении Скандинавских стран на базе идеи нейтралитета и ревизии Устава Лиги наций, имеющей некоторое хождение в Скандинавских странах?» В письме рекомендовалось при разговорах на эту тему руководствоваться беседой М. М. Литвинова с Сандлером в Москве (см. док. № 235).— 451

¹⁷² Вопрос об установлении регулярного воздушного сообщения между СССР и Китаем был затронут в беседе Д. В. Богомоллова с министром путей сообщения Китая 20 июня 1935 г. «Чжу Цзя-хуа, — говорится в записи беседы, — начал со мной разговор о воздушных сообщениях в Китае и подчеркивал те громадные неудобства, в особенности политические, для Китая, которые являются результатом отсутствия прямой воздушной связи с Европой. Я сказал ему, что, учитывая теперешнее положение в Европе и что «Евразия» фактически является немецким обществом, он сам должен понять, что мы никак не можем пойти на какое бы то ни было соглашение с «Евразией», и вскользь заметил: «Почему бы вам не организовать смешанное общество с нами?» Министр ответил, что китайское правительство «хотело бы само организовать линию через Синьцзян».

В беседе на эту же тему с председателем совета управляющих Банка Китая Сун Цзы-вэнем 13 августа 1935 г. полпред, упомянув о высказываниях Чжу Цзя-хуа, заявил: «Если это является действительно желанием китайского правительства, то я полагаю, что можно было бы конкретно обсудить вопрос о создании китайско-советской смешанной компании связи (так в документе.— *Ред.*) через Синьцзян от Хами до Урумчи и дальше до советской границы. От советской границы на Европу СССР установит свою линию».

27 февраля 1936 г. Чжу Цзя-хуа, вернувшись к имевшему ранее место обмену мнениями, сообщил Богомоллову, что китайское правительство не

может пойти на создание смешанной советско-китайской авиакомпании, так как вслед за этим «японцы немедленно потребовали бы установления какой-нибудь новой линии», добавив, что «было бы хорошо, если бы Советское правительство, возражения которого против «Евразии» ему известны, могло согласиться на установление чисто китайской линии от Ланьчжоу через Синьцзян».

4 августа 1937 г. состоялась встреча Богомолова с Чэнь Ли-фу. Отметив, что «в связи с предстоящей войной с Японией Китай останется совершенно отрезанным от Европы» и что «он говорит не от имени китайского правительства», Чэнь Ли-фу интересовался: «Как бы реагировало Советское правительство на предложение об установлении прямой воздушной связи с Китаем через Синьцзян?» Чэнь пояснил, что «он мыслит себе это дело таким образом, что советские аэропланы летали бы до Урумчи, а от Урумчи летали бы китайские аэропланы». Полпред напомнил о переданном в свое время предложении организовать советско-китайское смешанное общество и о возражениях советской стороны против использования немецких летчиков. Чэнь на это ответил, что «он имеет в виду полеты не «Евразией», а китайских правительственных аэропланов» и что «можно было бы обойти договор с «Евразией», установить от Урумчи на восток новую трассу, несколько уклоняющуюся от той, которая предусмотрена в договоре с «Евразией». В заключение Чэнь Ли-фу обещал переговорить по этим вопросам с министром путей сообщения.— 453

¹⁷³ Имеется в виду телеграмма НКВД СССР от 5 августа 1937 г., в которой говорилось: «В связи с предполагаемым выступлением шведского хора в СССР Комитет искусств просит срочно сообщить дату прибытия хора, примерную программу, фоторекламные материалы и продолжительность его пребывания в СССР. Сообщите также Ваши соображения о материальных условиях».— 457

¹⁷⁴ В предложениях болгарской кооперативной организации «Напред», с которыми она обратилась к полпредству СССР в Софии, выражалась заинтересованность договориться об установлении контингента товаров по экспорту и импорту, о порядке оплаты и о предоставлении «Напред» монополии на торговлю с Советским Союзом.

Из-за позиции болгарских властей дело не получило дальнейшего развития.— 459

¹⁷⁵ 17 августа 1937 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомяков телеграфировал Д. В. Богомолову: «Сообщите китайскому правительству о нашем принципиальном согласии с предложенными им условиями установления прямой советско-китайской воздушной связи от Сиэни через Синьцзян и Москву на Париж».

20 августа полпред информировал НКВД СССР: «Сегодня виделся с министром путей сообщения Юем и вице-министром Пяном. Китайцы вновь начали путать и пытались настоять на использовании аэропланов «Евразии» на отрезке от Сиэни до Хами, хотя и с китайскими летчиками. Я заявил, что получил определенное официальное предложение от вице-министра Пэна, что на этой линии будет только китайские правительственные самолеты с китайскими летчиками, и на этом категорически настаиваю. В конце концов китайцы заявили, что понимают нашу точку зрения, но, так как им теперь приходится нарушать контракт с «Евразией», им нужно иметь некоторое время, чтобы провести подготовительные работы».

Переговоры по этому вопросу были продолжены в 1938 г.— 461

¹⁷⁶ Стремясь ускорить международно-правовое оформление отношений сотрудничества с Китаем, советская сторона предложила обойтись без ратификации и ввести в действие договор о ненападении между СССР и Китаем немедленно либо, если бы китайская сторона стала настаивать на ратификации, провести ее не позднее чем в недельный срок. Полпреду СССР в Китае Д. В. Богомолову, как видно из его телеграммы в НКВД СССР от 12 августа 1937 г., удалось убедить министра иностранных дел Китая принять первую формулировку.

Мнение китайского посла в Москве о том, что НКИД СССР якобы выступит за ратификацию договора, возникло, как сообщил в телеграмме Богомолову от 19 августа заместитель народного комиссара иностранных дел Б. С. Стомяков, в связи с тем, что «первые полномочия были затоварены нами с учетом китайского предложения ратифицировать договор. По нашей оплошности мы не поставили, однако, в известность китайского посла, что Вы договорились с министерством о вступлении договора в силу немедленно по подписании. Сегодня мы Вам затоварили новые полномочия, копия которых только что передали китайскому послу с просьбой телеграфировать в Нанкин. Китайскому послу, обратившемуся к нам сегодня по этому вопросу, мы дали исчерпывающие разъяснения».

Ввиду того что в окончательном тексте договора осталась необычная для данного случая формула о полномочиях на его подписание от имени ЦИК СССР, 29 августа полпреду была направлена следующая телеграмма: «Для устранения возможных недоразумений в будущем в связи с тем, что в тексте пакта есть упоминание о ЦИК, мы выписали Вам в отмену обоих ранее выданных новых полномочий от ЦИК на подписание пакта без ратификации». — 468

11 Вручая 8 августа 1937 г. Д. В. Богомолову китайский проект договора о ненападении между СССР и Китаем, Чань Ли-фу, как отметил полпред в телеграмме, направленной в НКИД СССР в тот же день, изложил «исхождение китайского правительства о том, чтобы обе стороны при подписании обязались словесно не подписывать пакта неагрессии с Японией». В этой связи 9 августа полпреду были направлены следующие указания: «Предложите китайцам закончить ст. 2 следующей фразой: «а равно воздерживаться от всяких действий и соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде для подвергнутого нападению». Устно укажите, — отмечалось далее в телеграмме, — что это обязательство исчерпывает поставленным китайцами вопрос о незаключении пакта ненападения с Японией и что из этого прибавления вытекает также, что китайская сторона обязуется не заключать ни с кем так называемого соглашения о борьбе с «коммунистической опасностью», которое, как показал опыт японо-германского соглашения, по существу носит антисоветский характер». Полпреду поручалось согласовать соответствующие устные заявления сторон о таком толковании заключительной части ст. 2 договора.

12 августа Богомолов, информируя о ходе переговоров с министром иностранных дел Китая Ван Чун-хоем, сообщил: «Статья 2 принята в нашей редакции с вашим последним дополнением. Ван заявил, что поскольку китайское правительство готово принять нашу редакцию, отпадает необходимость словесных заверений с обеих сторон (нашего — о незаключении пакта о ненападении с Японией и китайского — о незаключении какого-либо антикоммунистического пакта)».

13 августа НКИД СССР предложил полпреду настаивать «на безусловном формальном обещании Китая при подписании пакта, что Китай во все время действия пакта о ненападении не подпишет ни с одним государством так называемого антикоммунистического договора». «Возможно, — указывалось далее в телеграмме заместителя народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомякова, — что китайцы возражат, что наше обязательство не заключать пакта о ненападении с Японией на основании ст. 2 действительно только на время состояния Китая в войне с Японией, мы же хотим гарантировать незаключенные антикоммунистических договоров на все время действия пакта ненападения. Если владеть этим они потребуют от нас обязательства не заключать пакта ненападения с Японией в течение всего [времени] действия пакта ненападения с Китаем, ответьте категорически это требование, указав на то, что антикоммунистические договоры являются открыто враждебными, т. е. агрессивными в отношении СССР, а заключение пакта ненападения с Японией не содержало бы абсолютно ничего агрессивного и враждебного в отношении Китая». «Эти взаимные обещания, — резюмировал Стомяков, — должны быть формально даны

друг другу Замы и Ван Чун-хзем при подписании пакта и составят, таким образом, истинное джентльменское соглашение, дополняющее пакт».

Сопоставляемые заявления были согласованы в ходе дальнейших переговоров. — 467

¹²⁸ В октябре 1937 г. была достигнута договоренность об открытии в Ланъяоу консульского представительства СССР во главе с уполномоченным консульского отдела полпредства СССР в Китае, которое приступило к работе в апреле 1938 г. — 472

¹²⁹ Возвращаясь к вопросу о позиции китайской стороны в отношении заключения договора о ненападении, Д. В. Богомолов в телеграмме в НКИД СССР от 5 сентября 1937 г. писал: «Совершенно очевидно, что и Чан Кай-ши, и китайское правительство пошли на подписание пакта с большой неохотой и только потому, что мы поставили подписание пакта в зависимость от других разговоров, а также вследствие большого давления со стороны антияпонской группировки гоминьдана (Сунь Фо, Бай Чун-чи и др.). По имеющимся у нас сведениям, Чан Кай-ши и сейчас еще не закрыл себе двери к примирению с Японией» (см. прим. 184, док. № 428, 438, 460). Отметим далее, что «прояпонская клика, безусловно, против соглашения и до самого последнего момента пыталась его сорвать», полпред продолжал: «Антияпонская группировка, как и большинство общественного мнения, чрезвычайно довольна заключением пакта и, конечно, надеется, что пакт проложит дорогу к более конкретному сотрудничеству между СССР и Китаем. Общий тон китайской прессы вполне благоприятный и дружественный. Основные выводы: пакт является базой для дальнейшего улучшения советско-китайских отношений».

Со своей стороны полпред СССР в Японии М. М. Славутский 4 сентября 1937 г. в своем дневнике отметил: «Заключение советско-китайского пакта произвело здесь огромное впечатление, японцы не могли скрыть своего беспокойства и своей тревоги по поводу пакта. МИД был явно обозлен и этого не скрывал».

«В военных кругах, по той информации, которую мы имеем, — отмечал далее Славутский, — также обеспокоены пактом. Всеишняя, очевидно, не считает выгодным для себя как раз момент заключения этого пакта, ибо она опасается, что это помешает поставленной ею перед собой задаче — сначала отгородить нас от Китая и вбить клин между МНР и Китаем путем захвата Чахара и Северного Китая» (см. также док. № 316). — 473

¹³⁰ 25 августа 1937 г. НКИД СССР ответил Д. В. Богомолову согласием на прием генерала Ян Цзе с сопровождающими его лицами (см. прим. 192). — 474

¹³¹ Китайскому послу было заявлено следующее: «Принципиальная позиция СССР в отношении агрессора общеизвестна. Советское правительство не уклоняется от выполнения обязательств, налагаемых на него Уставом Лиги наций. При обсуждении в Лиге вопроса о китайско-японском конфликте правительство Китая может рассчитывать на дружественную поддержку советской делегации».

Продолжая возлагать надежды на посредничество Англии и США, китайское правительство не проявляло решимости потребовать от Лиги наций принятия эффективных мер для прекращения японской агрессии. Находившийся в Женеве находный комиссар иностранных дел СССР в телеграмме от 16 сентября 1937 г. отметил: «Веллингтон Ку (Гу Вэй-цзинь, посол Китая во Франции, глава китайской делегации на сессии Лиги наций. — *Ред.*) в Ассамблее выставил очень скромные требования, а в Совете он сам предложил передать немедленно вопрос из Совета в Консультативный комитет, оставив, однако, за собой право в случае необходимости вновь поднять вопрос в Совете. Англичане и французы очень довольны, прибавившись дождь от китайского вопроса». Министр иностранных дел Китая Ван Чун-хай, информируя 18 сентября советского полпреда об обращении Китая в Лигу наций, также выразил надежду, что вопрос будет передан в Комиссию, создаваемую еще в 1933 г. (имеется в виду Консультативный комитет Лиги наций, см. также док. № 358. — *Ред.*). Китайское правительство

в этом заинтересовано, так как надеется, что в этом случае и Америка будет иметь в Комиссии своего наблюдателя». — 475

¹³² Переговоры между представителями Народного Комиссариата обороны СССР и китайской военной делегацией во главе с ген. Ян Цзе по всему комплексу вопросов, поставленных китайской стороной, начались в Москве 9 сентября 1937 г. Уже 14 сентября была достигнута договоренность о конкретных поставках Китаю советской военной техники, боеприпасов и снаряжения в счет кредита, который правительство СССР предложило предоставить правительству Китая. По просьбе китайской стороны сроки доставки первой партии самолетов были сокращены до минимума. Так, 22 октября генеральный консул СССР в Урумчи А. Р. Мэнни, информируя НКВД СССР о прибытии группы советских представителей для организации транспортировки через Синьцзян поступающих из СССР самолетов и военных грузов, сообщил о прибытии в тот же день первых самолетов.

Значение советской помощи неоднократно отмечали китайские официальные лица. Так, например, 22 сентября 1937 г. полпред СССР в Китае Д. В. Богомолов передал через НКВД СССР следующую телеграмму Чан Кай-ши в адрес народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова: «Прочту принять мою горячую благодарность за сердечный прием, оказанный генералу Ян Цзе и его миссии, и мою искреннюю признательность за Ваше любезное содействие в получении нами самолетов, персонала и вооружения. Я надеюсь, что Советская Россия и Китай будут едина в поддержке мира на Дальнем Востоке и во всем мире и во наша дружба будет закреплена этой общей целью» (см. также док. № 340). Во время беседы с народным комиссаром иностранных дел 20 ноября 1937 г. посол Китая в СССР Цзян Ли-фу, как видно из записи беседы, еще раз подчеркнула глубокое удовлетворение главы китайской военной миссии итогами переговоров в Москве и размерами предоставленной Китаю помощи.

В отличие от обычной практики, существующей в отношениях между государствами, поставки советской военной техники в Китай начались за несколько месяцев до оформления сторонами соглашения о кредите: первое соглашение об условиях реализации кредита на сумму 50 млн. ам. долл., предоставленного правительством СССР правительству Китая, было подписано 1 марта 1938 г. К тому времени в Китай было отправлено 282 самолета.

Более подробно о характере и размерах помощи СССР Китаю в укреплении обороноспособности см. А. Я. Калягин. По незнакомым дорогам, М., 1969. — 479, 521

¹³³ 31 августа 1937 г. Д. В. Богомолов телеграфировал в НКВД СССР: «Чэнь Ли-фу сообщил мне, что китайское правительство готово немедленно послать нам 100 г чистого олова (в банках) и 300 г сурьмы (руды)». — 480

¹³⁴ Это заявление не соответствует действительности.

8 августа 1937 г. полпред СССР в Китае телеграфировал в НКВД СССР о прибытии из Токио в Шанхай посла Японии в Китае Кавагоэ, который, как стало известно полпредству, до отъезда в Нанкин и встречи с Чан Кай-ши намеревался «договориться еще в Шанхае с китайцами об общей базе возможного соглашения». «Совершенно понятно, — указывалось в телеграмме, — что для китайцев было бы выгодно вести переговоры в Шанхае одновременно с нами и Кавагоэ». Анализируя в этой связи заявление Чэнь Ли-фу, вручившего в тот же день полпреду китайский проект договора о ненападении между СССР и Китаем (см. прим. 177), о том, что «Чан Кай-ши очень хотел бы окончательно договориться с пакте не позднее 12-го», Богомолов отметил: «Полагаю, что 12-е является днем, к которому японцы требуют от китайского правительства окончательного ответа».

25 августа полпред телеграфировал: «Несмотря на подписание пакта с нами, китайцы ведут переговоры с японцами. По нашим сведениям, бывший министр иностранных дел Чжан Цюнь и министр промышленности У Дин-чан ведут переговоры с Кавагоэ в Шанхае. Наш пакт может быть использован в своем роде как предмет торга в целях показать, куда пойдет

Китий в случае неуступчивости Японии» (см. также док. № 428, 438, 460).— 480

¹⁵⁵ В беседе 31 августа 1937 г. Б. С. Стомоняков обратил внимание Самми на «чрезмерную ориентацию Ирана на германских специалистов» и в качестве примера привел включение иранским правительством германского специалиста в комиссию по приёму советского маяка «Ашур-Аде» (см. док. № 284). «Мы только сейчас,— заявил Стомоняков,— получили об этом сведения. Этот факт показывает, что немцы проникают в Иран повсюду, даже в Каспийское море. То, что иранское правительство после ряда бесед на тему о германском влиянии в Иране послало для приёма маяка немца, призвало в Москве очень плохое впечатление. Этот факт носит прямо провокационный характер: получилась манифестация иранского сотрудничества с Германией против нас».

Самми в ответ заявил: «Иранское правительство заинтересовано в искренней дружбе с СССР. Шах лично давал указания о необходимости дружеской договоренности с СССР и замечал, что имеются страны, желающие ухудшить отношения Ирана с СССР, чего иранское правительство не должно допустить. Эти указания шаха являются законом для всего иранского народа, и он, Самми, считает своим долгом проводить их в жизнь» (см. также док. № 84, 320, 384, 445).— 487

¹⁵⁶ В связи с тем, что в ответной ноте министра иностранных дел Италии от 6 сентября 1937 г. отрицались агрессивные действия итальянских военных судов, временный поверенный в делах СССР в Италии в тот же день направил Чяано новую ноту, в частности, говорилось: «Советское Правительство считает неудовлетворительным ответ Италии на свою ноту протеста от 6 сентября с. г. и настаивает на сформулированных в вышеуказанной ноте обвинениях».— 488

¹⁵⁷ Помимо направления указанного протеста НКИД СССР 9 сентября 1937 г. в телеграмме поручил полпреду СССР в Японии М. М. Славушкому посетить министра иностранных дел Японии и сделать следующее заявление: «За последние дни заход в наши воды японских и корейских рыболовных судов принял совершенно неслыханный и беспрецедентный характер. Количество японских и корейских судов, заходящих в наши воды Приморья, исчисляется сотнями. Все это создает возможность серьезных осложнений». Полпреду предлагалось «настаивать на срочном принятии необходимых мер».

10 сентября Славушский сообщил об исполнении указания в беседе с Хирога, который ответил, что правительством «отдано распоряжение, чтобы японские суда не приближались к границе советских территориальных вод», в что «впредь этого не будет». Вместе с тем Хирога пытался утверждать, что советской стороной якобы «были задержаны суда, ловящие рыбу в открытом море». В тот же день посольство Японии в СССР направило НКИД СССР ноту в духе этого утверждения.

В ответной ноте НКИД СССР от 14 сентября подчеркивалось, что «все перечисленные Посольством суда были задержаны в трехмильной полосе вод Союза Советских Социалистических Республик, где они занимались незаконной деятельностью». Посольство Японии ставилось также в известность, что «дела о незаконной деятельности всех задержанных в советских водах японских судов переданы подлежащими властями в судебные инстанции для рассмотрения их в ближайшем будущем».— 492

¹⁵⁸ 8 июня 1938 г. полпред СССР в Великобритании П. М. Майский направил верховному комиссару Канады в Великобритании Мэсси ответное письмо НКВТ СССР от 4 июня 1938 г. с проектом соглашения о торговле между СССР и Канадой, в котором предусматривалось применение принципа наибольшего благоприятствования без каких-либо оговорок.

13 сентября 1938 г. Мэсси передал Майскому письмо министра торговли Канады Эйлера с новым проектом соглашения, по-прежнему содержащим оговорки в отношении применения в советско-канадской торговле принципа наибольшего благоприятствования. Дальнейшие переговоры не привели к заключению соглашения.

Торгово-экономические связи Советского Союза с Канадой начали развиваться после образования антигитлеровской коалиции, участницей которой стала Канада, и установления дипломатических отношений между СССР и Канадой (12 июня 1942 г.). — 492

¹⁸⁵ В тот же день телеграфируя в НКВД СССР о начале работы Нионской конференции, М. М. Литвинов писал: «Сегодня делались попытки убедить меня отказаться от всякого выступления на конференции с тем, чтобы после [речи] председателя Дельбоса сейчас же приступить к обсуждению конкретных предложений. Сперва это делал Арис, вероятно по поручению Идена, а затем Дельбос и Иден. Мотивировка — важно быстро провести конференцию и немедленно приступить к охране Средиземного моря. Я им ответил, что стою тоже за быстроту действий, но что если охрана Средиземного моря начнется на полчаса позже, то никто нас в этом упрекать не будет. Конференция была созвана без консультации с нами, мы не можем, как статисты, молча выслушать речь председателя без определения отношения моего правительства к проблемам, связанным с конференцией. Кроме того, не могу я пройти мимо попыток не только Италии и Германии, но и английской и французской прессы приписать нам намерение торпедировать конференцию. Кроме Дельбоса и меня, другие делегаты не выступали.

Англо-французское предложение сводится к следующему. Средиземное море делится на зоны, охрана которых поручается отдельным государствам, приблизительно по следующей схеме: западная часть, приблизительно от острова Пантеллерия, — Англии и Франции, коридор от этого острова, охватывающий Мальту, — Англии, западную часть Греции — Югославии и Греции, северную часть Эгейского моря, приблизительно до уровня Смирны (Измир. — *Ред.*), — нам и Турции.

В этих зонах каждая подлодка, которая атакует какое-либо торговое судно, любое, мол. кроме испанского, без соблюдения Лондонской конвенции от 22 апреля 1930 г., может быть уничтожена. Для облегчения охраны участники конференции обязуются не пускать своих подводных лодок в Средиземное море иначе, как в определенных случаях, причем о движении этих подводных лодок, которое должно совершаться только на поверхности и в сопровождении надводных военных судов, должны быть извещены остальные заинтересованные державы. Я выразил сомнение в целесообразности деления моря на зоны, ибо участники конференции не обладают одинаковой морской мощью и поэтому не будет равномерной охрана. От этого никто не выигрывает, ибо английское судно может быть потоплено при прохождении его через слабо защищенную зону, а потому я указал на предпочтительность смешанных отрядов по всему морю».

«Я раскритиковал. — говорилось далее в телеграмме. — пункт об уничтожении подводных лодок только в случае несоблюдения Лондонской конвенции, которая имела в виду военное, а не мирное время. Я охарактеризовал это предложение, как «гуманизацию войны в мирное время», ибо весь смысл в том, чтобы подлодки предоставляли возможность командам спастись. Я также указал, что это путь подготовки легализации войны и признания прав воюющей стороны за Франко. Мои возражения вызвали сильную растерянность и смущение среди англичан, которые признали, что я затронул большой принципиальный вопрос. Англия не идет так далеко, чтобы получить право пренятствовать всякой атаке подводных лодок на торговые суда, а хочет лишь бороться с пиратством, не признающим правил ведения подводной войны. Иден согласился сделать оговорку, что конвенция отношу не легализует войну, не одобряет атаки на коммерческие суда и не признает ни за кем права воюющей стороны. Я признал это неудовлетворительным и предложил написать, что всякая подводная лодка, пытающаяся совершить нападение на любое коммерческое судно, подлежит уничтожению.

Англичане и французы обещали завтра представить новый текст. Французский адмирал разъяснил, что, как правило, подводная лодка не

может предоставить средства спасения и потому предлагаемые правила фактически делают невозможным нападение подводных лодок.

Далее я предложил, чтобы после разрешения вопроса о борьбе с подводными лодками было приступлено при нынешнем составе конференции, но уже не в Нионе, а в Женеве к обсуждению вопроса борьбы с нападениями на коммерческие суда подводных судов и авионов. Дельборг согласился, но Иден морщился.

У меня создалось впечатление, что вся эта конференция затеяна Англией и Францией с целью ослабления у Италии Средиземного моря путем поставки туда большого количества истребителей잠수함. — Red, и воспользовавшись курсированием в Средиземном море подводных лодок. Проведение этого плана будет несомненно большим ударом для Муссолини и сыграет роль козыря в руках Англии и Франции в предстоящей торговле с Италией. Иден мне сказал, что он готов и теперь предоставить Италии одну зону, а именно в Тирренском море выше Сицилии, куда транзитные суда вовсе не обязаны заходить. Поведение Араса показывает, что он будет на конференции саботировать отказом дать турецкие суда для охраны. Так же, вероятно, поступит и Югославия. Оба отчасти из опасения жертвовать своими военными судами, а отчасти чтобы сделать удобольствие Италии» (см. также док. № 328, 329, 330, 331, 332). — 495

¹⁶⁹ Информирюя о выработке Нионской конференции проекта соглашения, М. М. Литвинов 11 сентября 1937 г. телеграфировал: «Многие из моих возражений в тексте учтены, и особенно выделено предупреждение прав воюющих сторон». Вместе с тем в телеграмме указывалось, что по настоянию организаторов конференции предусматривающиеся проектом соглашения меры по охране судоходства не распространялись на суда Испанской республики, а в отношении уничтожения пиратских подводных лодок по-прежнему сохранялся оговорка (см. прим. 189). Литвинов высказывался за участие Советского Союза в соглашении. «К выгодам соглашения,— говорилось в телеграмме,— я отношу следующее: 1) проведение конференции без участия Италии и Германии, которые добивались нашего отстранения. 2) ослабление господства Италии в Средиземном море Англией и Францией. 3) признание наших интересов в Средиземном море, 4) некоторое уменьшение опасности от подводных лодок».

Руководитель делегации просил сообщить, «подписать ли соглашение, и в том случае протелеграфировать мне за подписью Калинин или Молотова полномочия, или же заявить о нашем отказе». — 502

¹⁷⁰ 3 сентября 1937 г. М. М. Майский телеграфировал в НКВД СССР о том, что совет контроля во главе с адмиралом ван-Дульмом с своим докладом Комитету по невмешательству предложил: а) упразднить патрулирование военно-морских кораблей вдоль испанского побережья, сохранив в то же время систему контроля в отношении торговых судов, направлявшихся в Испанию, которая требовала предварительного их захода в определенные порты третьих стран для приема на борт контролеров Комитета; б) восстановить контроль на франко-испанской границе.

«Мне представляется,— писал Майский,— что по этим предложениям нам следует твердо занять позицию, которую мы раньше демонстрировали, а именно: что контроль на суше и на море является единым комплексом и что без морского контроля не может быть и сухопутного. Между тем отмена патрулей даже при формах сохранения контролеров на судах фактически равносильна ликвидации морского контроля, ибо при такой отмене нет возможности проверить наличие контролеров на судах, да и суда, не рискующие наткнуться на патрульное судно, терпят всякий стимул к заходу в нейтральный порт для захвата контролеров. Восстановление сухопутного контроля (притом не только на франко-испанской границе, но и на испано-португальской) можно принять лишь на базе формы, указанной в нашем ответе на британский план от 14 июля,— наш ответ от 29 июля» (см. док. № 243, 264; газ. «Известия», 2 августа 1937 г.).

22 сентября Майскому были даны директивы заявить, что Советское правительство согласилось в свое время с планом контроля, рассматривая

его как единое целое. В результате отмены патрулирования испанского побережья, по мнению советской стороны, создано положение, существовавшее до введения контроля. «Правительство СССР полагает,— говорилось далее в телеграмме НКВД,— что Комитету остается лишь констатировать, что ему не удалось обеспечить невмешательство в испанские дела, и решить, есть ли смысл в его дальнейшем существовании. Вам не следует настаивать на ликвидации Комитета. Однако Вы должны заявить, что мы ни в каких дальнейших расходах по контролю участвовать не намерены».

29 сентября Майский соответственно направил письмо председателю Комитета по невмешательству Плимуту (см. также док. № 362, 364, 380).— 506

¹⁸² В. П. Потемкин телеграфировал 17 сентября 1937 г. И. М. Майскому о переводе 35 920 ф. ст. для уплаты указанного взноса и аванса.— 506

¹⁸³ В упоминаемой телеграмме заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин просил подпреда изформировать о переговорах министра иностранных дел Польши Бека в Париже.— 508

¹⁸⁴ По-видимому, речь идет о предоставленном Францией Польше в конце 1936 г. кредите на сумму 1250 млн. фр., подавляющая часть которого, по сообщениям печати, предназначалась для закупки вооружения во Франции (см. также т. XIX, док. № 254, 269, 319).— 508

¹⁸⁵ В упоминаемой телеграмме заместителя народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомонякова говорилось: «Все имеющиеся у нас сведения не оставляют сомнений в том, что Англия из всех сил старается локализовать японо-китайский конфликт, стремясь ликвидировать шанхайский фронт и переадресовать японскую агрессию с юга на север, т. е. в конечном счете против СССР. Английские полуофициозные газеты в Пекине и Шанхае открыто ведут пропаганду в этом направлении, внушая китайцам мысль о бесполезности большой войны с Японией». «Таким образом,— указывал Стомоняков,— позиция Англии благоприятна для Японии и направлена не только против китайских, но также и против наших интересов». В телеграмме высказывалось мнение о целесообразности рассмотрения жалобы Китая не в Консультативном комитете, а в Совете Лиги наций, «где Англия пришлось бы разоблачить себя перед китайской общественностью».— 518

¹⁸⁶ О состоявшейся беседе с Кун Сян-си народный комиссар иностранных дел СССР в телеграмме из Женевы от 24 сентября 1937 г. писал: «Кун старался убедить меня в опасности, вырастающей для нашего Союза в случае занятия Японией Суйюани и всех дорог, ведущих во Внутреннюю Монголию и в Синьзян, и в необходимости для нас теперь же выступить против Японии. Когда я ему указывал, что наше выступление будет сочтено агрессивней против Японии, на положение в Европе, на сомнительную позицию Англии, Франции и США, Кун с хитревой предлагал нам выступить против Японии от имени Монголии».

20 ноября Цзян Тин-фу вновь обращался с этим вопросом к Литвинову. «Посол имел инструкцию от своего правительства,— отмечено в записи беседы,— узнать у меня, могу ли я что-либо прибавить к тому, что говорил Куну в Женеве. Я ответил отрицательно».— 522

¹⁸⁷ 26 сентября 1937 г. НКВД СССР направил М. М. Литвинову следующую директиву: «Само собой разумеется, что для нас желательно и признание Японией агрессором, и применение к ней эффективнейших санкций. Однако при наличии явной пассивности прочих государств, отмечаемой Вами, мы не считаем политически целесообразным, чтобы советская делегация брала на себя роль застрельщика, рискуя еще более обострить отношения СССР с Японией и дать новую пищу обвинениям нас в подстрекательстве. Если бы, однако, со стороны других членов Лиги наций проявилось серьезное намерение поставить вопрос об ответственности Японии и о признании ее агрессором, Вы должны были бы активно поддержать эту попытку».

Так как для признания агрессором необходимо единогласие, сомнительно, чтобы удалось добиться такого решения. Если бы все же, вопреки ожиданиям, такое постановление было принято и автоматически возник бы вопрос о санкциях, ничто не помешало бы Вам высказаться не только в частных разговорах, но и на заседаниях за применение к Японии эффективнейших санкций». — 522, 523

¹⁹⁸ В ноте от 1 октября 1937 г. на имя полпреда СССР в Японии М. М. Славуцкого министр иностранных дел Японии оправдывал действия японских военных властей и, вопреки фактам, отрицал незаконность мер в отношении консульств СССР в Шанхае, Тяньцзине и Чжайцзяоку, продикутованных якобы заботой о их «безопасности». — 524.

¹⁹⁹ Впервые вопрос о строительстве железной дороги между Китаем и СССР был поднят по инициативе китайской стороны в 1935 г. В записи беседы Д. В. Богомолова с Чэнь Ли-фу 12 октября 1935 г. приведено высказывание последнего о необходимости, исходя из сложившейся на Дальнем Востоке обстановки, «присутить к обеспечению связи между обеими странами и путей сообщения между ними». Отметив, что имеется в виду строительство железной дороги через Синьцзян, Чэнь Ли-фу пояснил: «Такая железная дорога могла бы идти только двумя путями: Суйюань — Синьцзян — СССР (направление наиболее удобное, но неприемлемое, так как такая дорога может быть в любую минуту оккупирована японцами) или Сянь — Ланьчжоу — Хами — Урумчи — СССР (линия более длинная, с тяжелым профилем, но единственно надежная)». Однако дальнейших шагов с китайской стороны в целях конкретизации поставленного вопроса в то время не последовало.

Переговоры были продолжены в 1938 г. — 530

²⁰⁰ В связи с извесными попытками гоминдановских руководителей Китая превратно толковать политику Советского Союза в отношении Синьцзяна 29 сентября 1937 г. А. Р. Мэнни были даны следующие указания: «Если он (Чэнь Ли-фу. — *Ред.*) по своей инициативе будет говорить с Вами о положении в Синьцзяне и о нашей политике в отношении Синьцзяна, заявите со всей категоричностью, что мы никогда не имели и не имеем никаких замыслов в отношении Синьцзяна и что вся наша политика основана исключительно на стремлении сохранить китайскую власть в Синьцзяне и не допустить формального или фактического подчинения Синьцзяна влиянию какой-нибудь империалистической державы, в особенности Японии, которая в течение всех последних лет, как мы это точно знаем, вела и ведет вытрги в Синьцзяне, в особенности среди мусульман. Японцы хорошо понимают значение Синьцзяна как единственной коммуникационной связи между СССР и Восточным Китаем, и именно поэтому они делают и делают все возможное, чтобы путем восстаний и заговоров оторвать Синьцзян от Китая под видом провозглашения в Синьцзяне какой-нибудь мусульманской власти. Эти их стремления находят косвенную поддержку в работе агентов некоторых других империалистических государств, особенно в Южном Синьцзяне». — 533

²⁰¹ По возвращении из Женевы народный комиссар иностранных дел СССР беседовал 26 октября 1937 г. с владом Китая в СССР Цзян Тин-фу, информировав его о ходе обсуждения поставленного Китаем в Лиге наций вопроса и о позиции Советского Союза. При этом, как видно из телеграммы об этой беседе, направленной в тот же день в полпредство СССР в Китае, парком «критиковал позицию китайской делегации в Женеве за ее согласие на передачу вопроса Советом Лиги совещательному [Консультативному] комитету, а затем конференции великих держав». В телеграмме также отмечалось: «На его вопрос, приняты ли мы приглашение в Брюссель, я ответил, что приглашения мы еще не получили, а если получим, то, вероятно, примем, но весьма неохотно, ибо ничего хорошего от конференции в данном составе нельзя ожидать. Италия и Германия будут выступать адвокатами Японии и саботировать всякое полезное для Китая действие. Многое будет зависеть от позиции Америки, которая пока весьма загадочна».

Об обстоятельствах созыва Брюссельской конференции полпред СССР в Бельгии Е. В. Рубинин телеграфировал 12 октября 1937 г. в НКВД СССР: «У меня только что был новый английский посол Клайв, сообщив, что он и американский посол обратились вчера к Спааку с предложением созвать в Брюсселе около 25 октября конференцию девяти держав». В дальнейшем участники Вашингтонского договора были вынуждены обратиться с приглашением к Советскому Союзу (см. стр. 578). — 534

²⁹³ 5 октября 1937 г. полпред телеграфировал в НКВД СССР: «Проживающий в Софии белогвардейский генерал Абрамов, заменивший Миллера, намерен перенести в Болгарию центральное управление «русского общевойскового союза». В телеграмме высказывалось предложение о демарше по этому поводу перед болгарским правительством. — 535

²⁹⁸ В памятной записке полпредства от 7 октября 1937 г. излагались обстоятельства пяти случаев «стрела советских пограничников со стороны Польши за период с 28 июля по 6 сентября 1937 г.

О систематических провокационных нарушениях советско-польской границы см. также сб. «Пограничные войска СССР. 1929—1938», М., 1972, стр. 84—105. — 536

²⁹⁴ 4 октября 1937 г. полпредство СССР в Турции направило МИД Турции ноту в связи с пограничным инцидентом 21 сентября 1937 г., в которой заявлялся «решительный протест против оказания вооруженной поддержки турецкой вооруженной охраной нарушителям границы». В ноте полпредства от 11 октября сообщалось о «двух новых случаях нарушения советско-турецкой границы турецкой пограничной охраной».

21 октября МИД Турции в ответной ноте отклонил содержащуюся в нотах полпредства просьбу о проведении расследования, пытаясь возложить ответственность за отмеченные инциденты на советские пограничные власти. — 538

²⁹⁷ В упоминаемой ноте НКВД СССР от 2 сентября 1937 г. указывалось, что в первом полугодии 1937 г. из-за поведения турецкой стороны не состоялось ни одной встречи между пограничными комиссарами СССР по Ленниканскому и Еревано-Эчмиадзинскому районам и комиссарам соответствующих пограничных районов Турции, несмотря на наличие значительного числа конфликтных дел. В ноте содержалась просьба «привлечь внимание компетентных турецких органов к ненормальному положению, создавшемуся в деятельности института пограничных комиссаров в упомянутых пограничных районах».

В ответной ноте от 9 октября посольство Турции оперировало фактами, относившимися к другим пограничным районам.

4 ноября НКВД СССР направил посольству Турции новую ноту, в которой указывалось, что, «поскольку в ноте Посольства речь идет о совсем иных районах», советская сторона, «подтверждая содержание своей ноты от 2 сентября с. л. за № 122, имеет честь вновь просить Посольство Турецкой Республики сообразованно снести с надлежшими турецкими властями о прекращении пограничными комиссарами Турции категорических инструкторий с предложением не уклоняться от встречи с пограничными комиссарами Союза ССР в делах срочного и бесперебойного рассмотрения и урегулирования возникающих на границе конфликтов». — 539

²⁹⁵ 9 октября 1937 г. полпред СССР в Греции Н. И. Шаронов сообщил телеграммой в НКВД СССР о вынесении греческим судом решения по делу Сусагиса (см. т. XVIII, док. № 78; т. XIX, док. № 255), которое противоречило Конвенции о торговле и мореплавании между СССР и Грецией (см. т. XII, док. № 193), и высказал соображения о компромиссном урегулировании создавшегося положения, ответ на которые излагается в комментируемом документе.

10 октября полпреду была направлена следующая телеграмма НКВД СССР: «Посетите министерство иностранных дел и, сославшись на многочисленные прежние представления, заявите, что мы не признаем решение суда против торгпредства, как вынесенное с нарушением торгового соглашения и начал международного права».

22 октября состоялась беседа Шаронова с заместителем министра иностранных дел Греции Маврудисом, в которой полпред исполнил полученные указания.— 541

²⁰⁷ Эта часть беседы изложена в телеграмме И. М. Майского от 15 октября 1937 г.: «Иден, между прочим, заявил: «Для меня по существу было бы безразлично, кто победит в Испании — Валенсия или Саламанка, если бы борьба происходила только между самими испанцами. Мы при всяком чисто испанском режиме могли бы обеспечить свои интересы. Если я сейчас беспокоен испанскими событиями, то лишь потому, что Италия играет в них непомерно большую роль». Далее Иден с некоторым беспокойством спрашивал у меня, нет ли опасности близкого краха республиканцев. Я ответил в благоприятном для Валенсии духе. Иден, видимо, успокоился и заявил, что британские сведения совпадают с моими. В этой связи Иден заметил, что у Муссолини сейчас большие и все растущие финансовые затруднения, что, чем дальше будет затягиваться война, тем тяжелее будет для Италии и тем скорее Рим вынужден будет пойти на уступки.

Из хорошего источника знаю, что Ванситарт тоже считает желательным затяжку войны в расчете, что длительная война ослабит Муссолини и сделает его более сговорчивым не только в испанском, но и во всех других вопросах, интересующих Англию. Именно исходя из указанных соображений, в здешних политических и правительственных кругах укрепляется течение, которое считает бы желательным подбросить Валенсии некоторое количество оружия, амуниции и пр., дабы уравновесить ее шансы с Франко, в последнее время получающим от Италии «условный преек». Это течение не возражало бы против организации при подустительстве французского правительства, широкой контрабанды через франко-испанскую границу. При известных условиях оно пошло бы на поддержку открытия этой границы. Однако Чемберлен, Саймон, Хор и др. пока еще продолжают отстаивать политику «невмешательства». — 544

²⁰⁸ Имеются в виду советско-турецкие переговоры, начатые в связи с истечением срока действия торгового договора (см. т. XIX, док. № 414) и завершившиеся 8 октября 1937 г. подписанием договора о торговле и мореплавании, а также торгового и платежного соглашения (см. «Сборник торговых договоров СССР», М., 1941, стр. 312—328). — 549

²⁰⁹ Текстильный комбинат в г. Назидла был построен по советским проектам и оснащен оборудованием из Советского Союза (см. также т. XV, док. № 205, 210, 279, 323; т. XVI, док. № 96; т. XVII, док. № 20). Открытие комбината состоялось 9 октября 1937 г. в присутствии президента Кемалья Ататурка, премьер-министра Баяра, выступившего с речью, и других членов правительства Турции. — 549

²¹⁰ В личной ноте от 23 сентября 1937 г. на имя министра иностранных дел Афганистана С. И. Сычев обращал внимание «на факты полетов из Кабула немецких трехмоторных самолетов к советской границе и нарушения [ими] границы в районе Ишкашима 14, 15 и 16 сентября 1937 г.».

Как видно из телеграммы полпредства в НКВД СССР от 17 ноября, Файз Мухаммед-хан в ответ на эти обращения утверждал в беседе, что «афганские пограничные власти не подтвердили в это время нарушений» и что «НКВД получили от германского правительства твердые и документальные заверения, что самолеты никогда не нарушат воздушного пространства соседей Афганистана». Несмотря на это заявление, подобные нарушения воздушного пространства СССР имели место и в дальнейшем. — 554

²¹¹ В упоминаемой ноте Сигемицу на имя В. П. Потемкина от 19 октября 1937 г. говорилось, что правительство Японии «полагает ныне фактически возможным предпринять необходимые шаги для введения в силу с 1938 г. новой рыболовной конвенции с длительным сроком действия и считает, что те обязательства, которые оба Правительства взяли на себя на основании постановлений ст. XV рыболовной конвенции» (см. т. XI, док. № 21.— *Ред.*), требуют завершения вышеупомянутых мер не позднее конца текущего года».

«Императорское Правительство,— заявлялось далее в ноте,— считает целесообразным, чтобы представители обеих Правительств подписали как можно скорее документы по пересмотру рыболовной конвенции, по которым достигнуто согласие сторонами полное соглашение 9 ноября прошлого года, с внесением некоторых необходимых поправок, вытекающих из изменения предпологавшейся в то время даты подписания».

В ноте на имя народного комиссара иностранных дел СССР от 4 декабря Сяменцу ввозы, уже после ответа Советского правительства (см. док. № 416), продолжал настаивать на принятии вышеизложенного предложения. — 556

²⁰² Данная директива является ответом на телеграмму И. М. Майского от 20 октября 1937 г., в которой он, извещая о состоявшемся в тот же день заседании подкомитета, писал: «В самом начале заседания Гранди внес следующие предложения:

1. Немедленно отправить в Валенсию и Саламанку комиссии, которые по соглашению с испанским правительством и Франко должны установить действительное число волонтеров в обеих сторонах и принять меры для эвакуации волонтеров и контроля за такой эвакуацией. В результате доклада комиссий Комитетом будет установлена пропорция, в которой эвакуация должна производиться с обеих сторон.

2. По вопросу о правах воюющей итальянской правительство готово «обсудить лучший и наиболее практичный метод реализации п. 8 британского плана (имеется в виду п. 8 июльского британского плана, который устанавливал обязательность в осуществлении последнего и предусматривал предоставление прав воюющей стороны после «существенной эвакуации»), после того как Комитет получит доклад комиссий, посланных в Испанию, а именно решить вопрос о том, в какой момент и в каком порядке должно быть признано право воюющей стороны».

3. Немедленно, не дожидаясь послышки комиссий и пр., производится «символическая эвакуация» в разных количествах с обеих сторон. Это, однако, не должно служить прецедентом для главной эвакуации, где должен применяться принцип пропорциональности в соответствии с численным количеством произведенным комиссиями, посланными в Испанию.

В дальнейшем ходе заседания Гранди заявил, что итальянское правительство готово полностью признать британский план от 14 июля, т. е. пойти на признание прав воюющей стороны после «существенной эвакуации» (см. также док. № 233, 236, 243, 264, 362). — 560, 566

²⁰³ И. М. Майский 22 октября 1937 г. телеграфировал в НКВД СССР: «Англичане через секретариат [Комитета по невместительству] предложили проект резолюции, охватывающий символическую эвакуацию, основную эвакуацию, послышку комиссий, контроль, право воюющих сторон и новое торжественное обещание не посылать волонтеров, оружие и пр. Гранди представил свой проект. Была длинная, временами горячая дискуссия, в результате которой не было принято никаких резолюций, и составлен «не обязательный ни для кого» текст с просьбой довести до сведения правительства и к 25-му получить их заключение. Всею текста нет смысла передавать. В нем есть, с нашей точки зрения, два спорных пункта: 1) о символической эвакуации — предлагается эвакуировать по одной тысяче человек с каждой стороны, 2) о праве воюющих сторон в духе британского плана («после существенной эвакуации» и пр.). Инструкции по этому вопросу у меня есть.

Кроме того, возник такой вопрос: когда комиссии, посланные в Испанию, дадут Комитету цифры волонтеров на обеих сторонах, принимаются ли эти цифры Комитетом как окончательные или же могут быть подвергнуты критике и отклонению. Гранди и оба его фашистских подголоска настаивали на том, что цифры комиссий могут критиковаться, изменяться, оспариваться и т. д. Гранди хотел заранее обеспечить себе возможность новой волны по возвращении комиссий из Испании. Все остальные стояли на той точке зрения, что цифры комиссий принимаются как окончательные, иначе дискуссия будет бесконечной. В конечном счете по требованию Гран-

ди данный вопрос был тоже передан на отзыв правительств. Я буду возражать против концепции фашистских держав».

«Иден и Корбен,—писал далее полпред,—пытались истолковать ту часть моего заявления от 19 октября (см. док. № 370.—*Ред.*), где говорится, что Советское правительство снимает с себя ответственность за продолжение политики невмешательства, но не будет мешать другим державам ее вести и пр., в том смысле, что по спорным вопросам, вроде права воюющих сторон, мы будем воздерживаться. Иден даже на заседании поставил мне в этом смысле вопрос. Я разъяснил, что снять с себя ответственность за общую политику Комингеса отнюдь не означает пренебрежения советского представителя в какого-то «наблюдателя», я остаюсь полноправным членом Комитета со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это было для Идена и Корбена большим разочарованием, ибо вопрос о правах воюющих сторон создает тупик. Этот тупик станет во всей остроте на следующем заседании 25 октября и, возможно, приведет к краху новых попыток «соглашения». Судя по той инспирации, которую Фюрин одиоз давал прессе уже сегодня, можно ожидать, что ввину за крах будут возлагать на нас, а итальянцев постараются выгораживать».—562

²¹⁴ Информация по поставленным вопросам содержалась в письме полпредства в НКВД СССР от 12 декабря 1937 г. В области торговли и промышленности Ирана, говорилось в письме, «в последние два-три года Германия заняла командное положение», из «построенных в последние годы 153 предприятий оборудование для 79 из них поставлено германскими фирмами». Полпредство приводило данные об участии немцев в разработке природных богатств Ирана, строительстве военных заводов и арсеналов, о поставках из Германии военных самолетов и т. д. «Германские фирмы,—отмечалось в письме,—проникли на каспийское побережье и укрепились в крупных центрах на севере» в границах с СССР провинциях Ирана, получили право участия в строительстве Пехлевиийской верфи.

Отменяя внедрение германских специалистов во все министерства Ирана, полпредство особо указывало на усиление их влияния в министерстве промышленности, в министерстве просвещения и в управлении сельского хозяйства. В письме обращалось также внимание на проникновение немцев в иранскую печать, которая «все чаще славит на своих страницах экономические и культурные «достижения» фашистской Германии».—576, 577

²¹⁵ В телеграмме М. М. Литвинова от 25 октября 1937 г., направленной в полпредства СССР в Польше, Румынии, Болгарии, Австрии, Венгрии, Прибалтийских странах, Финляндии и Турции, говорилось: «Японские дипломаты делают отчаянные усилия для создания антисоветского блока и вовлечения в этот блок в первую очередь ближайших к нам стран. Не рассчитывая на прямое антисоветское или даже антикоммунистическое соглашение, Япония предложила или хочет предложить некоторым государствам, в частности Венгрии, соглашение о культурной связи, причем должна быть устная договоренность о действительном антисоветском значении этого соглашения. Предлагаю Вам использовать первый удобный случай, чтобы обратить внимание правительства, при котором Вы аккредитованы, на означенные попытки Японии, разъяснить действительный смысл этих попыток и указать, что даже соглашение о культурной связи с Японией будет, при нынешних обстоятельствах, рассматриваться нами как антисоветский акт».—575, 590, 602

²¹⁶ 16 октября 1937 г. министр иностранных дел Франции Дельбос направил на имя полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица ноту, в которой говорилось: «Во время переговоров, приведших к подписанию Нионского соглашения от 14 сентября 1937 г. и дополнительного Женевского соглашения от 17 сентября 1937 г., делегаты некоторых участвовавших держав выражали пожелание о присоединении Италии к применению постановлений означенных соглашений».

Идя навстречу этим пожеланиям, Правительства Франции и Великобритании, флотам которых было поручено обеспечение защиты торгового судоходства в Средиземном море, предложили итальянскому правительству

собрание морских экспертов трех государств для совместного изыскания практического применения Нионских постановлений.

В качестве Председателя Нионской конференции и от имени Правительств Франции и Великобритании имею честь препроводить Вам при сем текст технического соглашения, принятого в Париже 30 сентября британскими, французскими и итальянскими морскими экспертами.

Далее в ноте выражалась надежда на согласие Советского правительства с указанной договоренностью трех держав. На приложенной к ноте карте были показаны районы Средиземного моря, охрана которых передавалась флотам Англии, Франции и Италии.

В ответной ноте Сурица от 25 октября 1937 г. заявлялось: «Союзное Правительство уполномочило меня в ответ на упомянутую ноту отметить, что решения названных экспертов выходят далеко за пределы § 4 Нионского соглашения, которым предусматриваются специальные соглашения лишь в отношении Тирренского и Адриатического морей. По мнению Советского Правительства, техническое соглашение морских экспертов имеет значение лишь для трех участвовавших в нем стран и не может ни в какой мере задевать интересы остальных государств, подписавших Нионское соглашение, вследствие чего Советское Правительство не находит возможным высказываться об означенном соглашении по существу. Советское Правительство поручило мне при этом подтвердить заявление, сделанное Вам в свое время в Женеве Народным Комиссаром Иностранных Дел М. М. Литвиновым, что перед Советским Правительством за охрану коммерческого судоходства на интересующих его путях в Эгейском и Средиземном морях морально и политически ответственными являются лишь Франция и Англия, в соответствии с Нионским соглашением» (см. док. № 347). — 379

²¹⁷ В ответ на это М. М. Литвинов 31 октября 1937 г. телеграфировал: «Мы пошли максимально навстречу пожеланиям англичан и французоз и большего от нас требовать нельзя... Мы уже раз сказали, что, когда эвакуация окажется действительно осуществленной в нашем понимании, мы не будем возражать против обсуждения прав [засюющих сторон]. Вы также можете сказать в случае надобности, что взятые на себя обязательства мы по-прежнему будем соблюдать в той же мере, что и другие. Такая позиция не оставляет места даже для придирок». — 381

²¹⁸ В ответной ноте МИД Японии полпредству СССР в Японии от 5 ноября 1937 г. утверждалось, что упоминаемая в ноте полпредства высота якобы «относится к маньчжурской территории», а сам инцидент «представляет собой вопрос, который касается Маньчжоу-Го и СССР». — 381

²¹⁹ В телеграмме от 1 ноября 1937 г. в НКВД СССР временный поверенный в делах СССР в Иране сообщил о беседе с генеральным секретарем МИД Ирана Раисом по поводу ноты полпредства от 26 октября (см. док. № 375).

Как видно из телеграммы, Раис, ссылаясь на поручение и. о. министра иностранных дел Ирана Адля, пытался отвести ноту, утверждал, что она якобы «вызвала удивление», заверяя, однако, при этом, что «иранское правительство не допустит, чтобы кратковременное пребывание иностранцев в Пехлеви было истолковано во вред СССР».

Выполняя содержащиеся в комментируемом документе указания, временный поверенный в делах в беседе с министром иностранных дел Ирана Самии 15 ноября 1937 г. настаивал на точном соблюдении иранской стороной обязательств по соглашению о порте Пехлеви (см. т. X, док. № 227). Самии, как сообщалось в телеграмме в НКВД СССР от того же числа, сначала говорил, что «ничего не знает о пехлевийской верфи, что ему неизвестно об обмене нотами в 1927 г.», но затем был вынужден признать «основательность опасений» советской стороны и обещал дать удовлетворительный ответ. Самии повторил это заявление в беседе 30 ноября.

Новая встреча с Самии состоялась 14 декабря. Телеграфируя в тот же день в НКВД СССР об этой беседе, временный поверенный в делах писал: «После изучения ноты о Пехлеви он, Самии, пришел к выводу, что речь идет об обязательстве не иметь иностранцев на службе только в управле-

ния порта. Он подчеркивает, что имел в виду не вводить иностранцев на постоянную службу в порту, строительство же верфи не подпадает под действие ноты. А в общем он может нам сказать, что иранское правительство признает обоснованность нашего беспокойства, обязуется следить за иностранцами и не допустить враждебной деятельности против СССР». Министру было указано, что советская сторона не может признать этот ответ удовлетворительным, равно как и согласиться с его толкованием соглашения 1927 г., после чего Самин обещал вновь изучить соответствующие документы и вернуться к поставленным советской стороной вопросам.— 582, 591, 670

²³⁰ Председатель совета министров и министр иностранных дел МНР Амор находился в СССР с 28 октября 1936 г. по 14 января 1937 г.

В ходе состоявшихся советско-монгольских переговоров была достигнута договоренность о подготовке ряда соглашений по оказанию Советским Союзом помощи МНР (см. док. № 108, 396, 400).— 585, 591

²³¹ Строительство шоссе на дороге Улан-Батор—Алтан-Булак было начато в 1937 г. и завершено в 1942 г.

15 февраля 1944 г. между СССР и МНР было подписано соглашение о порядке возмещения правительству СССР затрат по строительству шоссе на дороге в МНР. Советская сторона согласилась на возмещение этих затрат правительством МНР не в полном, а в половинном размере.— 586

²³² 5 ноября 1937 г. М. М. Литвинов телеграфировал из Брюсселя в НКВД СССР и в полпредство СССР в Лондоне: «После некоторого торга Иден согласился, что мы, Англия и Франция будем требовать до обсуждения прав возюющих сторон эвакуации 80%, будем настаивать на 70% и в крайнем случае спустимся до 65%, но не ниже».

6 ноября Литвинову было сообщено о готовности советской стороны придерживаться этой линии действий.— 590

²³³ Строительство железнодорожной линии Улан-Батор—Налайха было закончено в 1940 г. 9 сентября 1940 г. между СССР и МНР заключено соглашение о передаче дороги в собственность правительства МНР и условиях возмещения ее стоимости.— 592

²³⁴ Касаясь роли фашистских государств в поощрении японской агрессии, заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Столяков в письме полпреду СССР в Японии М. М. Славуцкому от 15 ноября 1937 г. отметил: «Германия и Италия оказывают серьезную поддержку Японии и в значительной степени уже спасли ее от той изоляции, в которой она ранее находилась. Эта поддержка наша, в частности, свое выражение в позиции Италии на Брюссельской конференции и оказала немалое влияние на занятие западными державами пассивной и колеблющейся позиции в отношении Японии». В письме высказывалось также мнение, что «если японская военщина проявит достаточную гибкость в умеренности в отношении интересов держав в Китае, надо считать с тем, что державы останутся пассивными свидетелями японо-китайской войны».— 595

²³⁵ В упоминаемой телеграмме А. А. Трояновского говорилось: «Необходимо получить информации о том, что происходило и происходит за кулисами Брюссельской конференции, особенно о разговорах Литвинова с Норманом Дэвисом».— 596

²³⁶ Имеется в виду речь Идена в палате общин 1 ноября 1937 г., в которой он, в частности, заявил: «Не всегда легко снять завесу с дипломатической тайны, но, учитывая, что в данном случае речь идет о незначительном, хотя, может быть, для кое-кого и весьма важном вопросе, я должен ясно заявить, что инициатива проведения Брюссельской конференции никогда и ни в коей мере не исходила от нас, а от правительства Соединенных Штатов». Определяя далее позицию Англии в дальневосточных делах, Иден подчеркнул, что Англия будет полностью равняться на США (см. «Documents on International Affairs. 1937», London, 1939, pp. 62, 63).— 598, 600

²³⁷ Провокационное выступление Араки отражало усиление развертывавшейся в Японии антисоветской кампании, о которой полпред писал

15 декабря 1937 г. в НКВД СССР, отмечая, что она приобретает «все более злобный характер». В письме указывалось, что, опасаясь временно вызвать серьезный конфликт с Советским Союзом, японские власти избрали тактику уловок, «не разрешают ни один из конкретных наших вопросов в Маньчжурии (денсии и т. д.) и, где это им представляется возможным, создают новые «дела». Таков инцидент с «Вымпелом», когда беспричинно задержаны наши люди (см. док. № 452.— *Ред.*), дело Ювьяна (см. прим. 261.— *Ред.*), нажим и различные притирки к нашим командам, прибывающим для проремки строящихся в Японии судов, ухудшение режима в отношении полпредства и наших консульств и т. д. и т. п. Вместе с тем японцы свершают несомненно новые переброски войск к нашим границам».

«Все это можно рассматривать, — писал далее полпред, — и как меры воздействия на нас в целях достижения временного урегулирования отношений с нами, и как подготовку общественного мнения при пододвигании сроков больших событий, которые являются целью японской военщины, но целью все отодвигаемой в связи с затяжкой военных действий в Китае и вынужденной неподготовленностью Японии». — 602

²¹⁸ Имеются в виду высказывания первого секретаря посольства Франции в Польше Гюкье в беседе с Б. Д. Виноградовым 12 февраля 1937 г. В записи беседы отмечено: «Гюкье, несомненно отражая настроения французской дипломатии и известных политических кругов, не скрывая говорит, что дружба с СССР, и в особенности резкая позиция СССР в абиссинском и испанском вопросе, привела к ухудшению взаимоотношений между Францией и Италией и отчасти между Францией и Англией. Нашу политику по отношению к Испании Гюкье решительно осуждает». — 604, 618

²¹⁹ 7 октября 1937 г. Б. Д. Виноградов в письме в НКВД СССР, информируя о подготовке указанного соглашения, отметил, что в варшавских политических кругах оно рассматривается как свидетельство «нового проявления польско-германского сближения».

Польско-германское соглашение о национальных меньшинствах состоялось в форме идентичных правительственных деклараций, опубликованных 5 ноября 1937 г. в Берлине и Варшаве (см. «Documents on International Affairs, 1937» London, 1939, pp. 199—200). — 604

²²⁰ По указанию НКВД СССР 22 ноября 1937 г. Б. Д. Виноградов заявил Кобылянскому протест по поводу клеветнической кампании в польской прессе. В записи беседы от того же числа в своем дневнике Виноградов отметил: «Кобылянский ответил, что едва ли он превышает полномочия, если сообщит мне, что Бек, ознакомившись со статьями, появившимися в польских газетах, выразил сожаление и недоволение их появлением, так как такие статьи не должны были бы печататься».

Несмотря на то что Кобылянский выразил мне сожаление, кампания в прессе не утихла, хотя и была уже направлена не столько против полпредства, сколько против советской дипломатии вообще и т. Литвинова М. М. в частности» (см. также док. № 425). — 604

²²¹ Информирова в другой телеграмме из Брюсселя от 13 ноября 1937 г. о ходе заседания, на котором США, Англия и Франция внесли данный проект декларации, «составленный при руководящем участии Дэвиса», В. П. Потемкин констатировал: «Разумеется, по настоятельному противодействию Японии еще очень далеко. Между прочим, в выступлениях Идена и Дельбоса было отмечено, что осуждение насильственных нарушений договоров не означает, что исключается пересмотр их в порядке миролюбивых соглашений. Здесь содержится явный посул по адресу Японии».

14 ноября народный комиссар иностранных дел СССР сообщил делегации: «За декларацию можете голосовать». На следующий день Потемкин, доложив о принятии декларации «при воздержании трех скандинавов и против одного голоса итальянца», отметил в телеграмме: «На очереди вопрос о материальной помощи Китаю и экономических санкциях против Японии. Французы заявляют, что готовы на то и другое, если вездно с ними будут Англия и Америка. Англичане кивают на Америку, и все сходится в том, что последняя ограничивается платоническими решениями. Общее внима-

ние устремлено на вашингтонский конгресс, на который здешние оптимисты возлагают явно преувеличенные ожидания.

16 ноября состоялась беседа Потемкина с главой американской делегации Н. Дэвисом, во время которой последний, как видно из телеграммы Потемкина в НКЦД СССР от того же числа, сказал о конференции и позиции США следующее: «Первой фазе конференции, имевшей задачу мирного посредничества между Японией и Китаем, приходит конец. В конце этой недели состоится совещание между руководящими делегациями для выработки «более твердой» декларации, которую предполагается провести на конференции 22-го. После этого, вероятно, работа конференции будет прервана примерно на месяц, в течение которого должно «созреть» международное общественное мнение» и между заинтересованными правительствами будет согласовываться серия дальнейших действий, дающих содержание «второй фазе». Дэвис определяет эти мероприятия как «косвенное давление» на Японию. Завершением может быть финансовый бойкот Японии.

Что же касается экономических санкций, в частности запрещения снабжения Японии нефтепродуктами, то, по его мнению, эти методы требуют абсолютной солидарности между странами-поставщиками, в противном случае позорится то, что скомпрометировало Лигу наций в итало-абиссинском деле. Между прочим, уже сейчас Голландия явно не согласится прекратить снабжение Японии нефтью, если великие державы не дадут обязательство обеспечить защиту голландских интересов от японцев. Со стороны США применить экономические санкции возможно лишь при условии специального постановления о приостановке действия закона о нейтралитете.

Если намечающиеся меры не образуют Японии и она решится на насильственное сопротивление им, то воздействие на Японию перейдет в «третью фазу». Об этом Дэвис говорил глухо, усиленно подчеркивая, однако, нежелание США втягиваться в войну.

Говоря о позиции Англии в Франции, он указал, что французы не хотят разрешить провоз военных грузов Китаю через Индокитай, ибо явно преувеличивают опасность японских регрессалий. Что касается Англии, то на этот раз Дэвис говорил о ней весьма благожелательно. Он явно дал понять, что англо-американский контакт все упорчивается, причем доказывал, что англо-японские переговоры весной этого года (см. док. № 172, 176, 179, 193.—*Ред.*) начаты были по настоянию японцев, что при ведении переговоров Англия учитывала интересы Китая и США, что в настоящий момент, пробуя договориться с Германией и Италией, она вовсе не намерена сделать это за счет Чехословакии, Австрии или СССР. Дэвис пробовал даже доказать нам, что Англия заинтересована в «дружественном» контакте с нами не только на Дальнем Востоке, но и в Европе». «Общее впечатление таково,— писал в заключение Потемкин,— что сам Дэвис смущен мизерностью наличных результатов конференции и в особенности неопределенностью дальнейшей перспективы».

В свою очередь временный поверенный в делах СССР в Китае в телеграмме в НКЦД СССР от 19 ноября передал следующую информацию, сообщенную ему министром иностранных дел Китая Ван Чун-хоеи: «Вчера Веллингтон Ку имел беседу с Дэвисом. Ку указал, что нет необходимости принимать еще резолюции и что настало время принять более эффективные меры. Ку, ссылаясь на последний параграф принятой в Брюсселе резолюции, предложил, чтобы Америка и Англия снабжали Китай бесприпасами и, кроме того, устроили бы демонстрацию своих флотов на Дальнем Востоке. Дэвис согласился, что принимать резолюции бесполезно, и передает предложение Ку на рассмотрение в Вашингтон. Со своей стороны Дэвис считает, что снабжение боеприпасами может быть эффективнее произведено из СССР и что наиболее эффективную демонстрацию может сделать СССР, как держава более могущественная и в силу своего географического положения» (см. также док. № 418).

В связи с подготовкой новой резолюции, о которой Дэвис говорил Потемкину, советской делегации на Брюссельской конференции 20 ноября

было дано утвержденное инстанцией указание добиваться, «чтобы декларация или резолюция рекомендовала членам конференции оказывать Китаю всевозможную максимальную помощь как индивидуально, так и коллективно» — 606, 607

²³² В результате дальнейших переговоров в марте 1938 г. было решено закрыть все германские консульства в СССР и консульства СССР в Германии к 15 мая 1938 г. (см. газ. «Известия», 6 марта 1938 г.) — 607

²³³ С. Г. Марченко 18 ноября 1937 г. телеграфировал в НКВД СССР о беседе с министром флота и авиации Испанской республики Прието. «Я объяснил Прието, — писал он, — что непримиримая позиция испанского правительства и отказ от предложения о назначении комиссии и об эвакуации добровольцев произведет невыгодное впечатление во Франции и Англии и практически ускорит признание Франко воюющей стороной» (см. док. № 374, 377, 380, 403).

«Он в конце концов согласился, — продолжал Марченко, — что положение вовсе не такое катастрофическое, как он себе представлял, и что основной задачей является выиграть время, ибо международная обстановка может измениться, если республиканская армия успешно подготовится к предстоящему наступлению мятежников. В заключение он заявил, что он предложит [правительству] составить краткую ответную ноту, в которой испанское правительство выразит свое согласие на назначение комиссии и на эвакуацию добровольцев, заявляя одновременно, что оно не видит никакой связи между эвакуацией иностранцев и признанием права воюющей стороны и контролем и требует у Комитета дополнительных разъяснений по этим вопросам».

Мнение НКВД СССР по этому вопросу Марченко изложил 23 ноября в беседе с Негрином, который, как видно из телеграммы временного поверенного от того же числа, сказал, что намеревается предварительно «повидаться с новым французским послом и поставить через него перед французским правительством ряд вопросов, связанных с контролем, с транзитом» — 610

²³⁴ Н. И. Шаронов, назначенный по совместительству полпредом СССР в Албании, вручил верительные грамоты королю Албании 1 декабря 1937 г. В записи от того же числа в своем дневнике Шаронов отметил: «Король заявил, что рад видеть у себя посланника страны, борющейся за мир и затрудняющей империалистическим странам вести агрессивную политику против малых государств. Особенно интересовался положением на Дальнем Востоке, патриотическим подъемом в СССР, заявил, что он очень интересуется Советским Союзом, но не имеет никакой информации о Союзе, и просит прислать ему официальные издания о достижениях СССР за 20 лет» (см. также газ. «Известия», 3 декабря 1937 г.) — 616

²³⁵ В предшествовавшей телеграмме из Брюсселя от 23 ноября 1937 г. В. П. Потемкин сообщил: «Виделся сегодня с Норманом Дэвисом. Он ознакомил меня с документом, составленным им совместно с англичанами и французами и предназначенным для рассылки от имени конференции заинтересованным правительствам. Вопреки обещаниям Дэвиса (см. прим. 231. — *Ред.*), документ не только не тверже последней декларации, но представляется в сравнении с ней явным шагом назад».

«Я указал Дэвису, — говорится далее в телеграмме, — что всякое отступление назад от постановлений Комитета 23-х и последней декларации лишь ободрит Японию и деморализует Китай. В связи с этим я предложил ему включить в новый документ формулу об оказании Китаю помощи как в индивидуальном, так и коллективном порядке. Дэвис заявил, что полностью согласен с нашими соображениями. Однако, во-первых, внесению нашей формулы в документ формально препятствует действующий в Америке закон о нейтралитете; во-вторых, против нее будут возражать англичане, все еще рассчитывающие на возможность посредничества между сторонами и не могущие потому подписаться под рекомендацией оказывать помощь Китаю. Сам Дэвис не разделяет такого оптимизма, но вынужден считаться с позицией Англии».

«Мы сообщили китайцам нашу формулу, — продолжал Потемкин, — и они заявили, что полностью поддерживают. Они намерены, по-видимому, попытаться провести ее от имени своей делегации» (см. док. № 418).

В тот же день народный комиссар иностранных дел СССР, отметив, что «предлагаемые документы сами по себе ничего неприемлемого не содержат», дал делегации указание говорить за их принятие». — 616, 617, 618

²³⁶ Докладывая об итогах Брюссельской конференции, В. П. Потемкин в телеграмме в НКВД СССР из Парижа от 26 ноября 1937 г. писал: «Конференция закрылась в атмосфере капитуляции перед Японией и явной подготовки к стовору с ней. Ведущая роль в этом направлении осталась за англичанами. В своих разговорах последние особенно настойчиво начали ссылаться на невозможность добиться чего-либо положительного от Америки. Со своей стороны американцы через журналистов стали распространять слухи о прямых переговорах, которые якобы уже ведутся англичанами с Японией. В действительности, по-видимому, Англия, Америка, Франция и Бельгия совместно нацеливаются в Токио почву для соглашения. О коллективной помощи Китаю всерьез не говорит никто. Англичане прямо нам заявили, что это — частное дело заинтересованных государств и что сейчас задача соглашения сторон будет разрешаться уже не конференцией, а соответствующими дипломатическими переговорами. Китайская делегация не осмелилась ни настаивать на поправках к декларации, ни грозить обращением в Лигу наций. Забыт был ею и обещанный перечень конкретных пожеланий Китая касательно потребных ему средств для обороны. За все это Веллингтон Ку удостоился от трех руководящих делегаций, и особенно Спаака, губительных восхвалений, отметивших его чрезвычайную умеренность. При указанных условиях наша собственная тактика сугубой сдержанности не только оказалась единственно правильной, но и была по достоинству оценена людьми, разбирающимися в положении. Для нас самым очевидным, что, обманувшись в надежде втравить СССР в драку с японцами, такие державы, как Англия, предпочитают стовориться за счет Китая с Японией, которая в глазах даже своих капиталистических соперников, не исключая и «великие демократии», остается одним из факторов борьбы против СССР и коммунизма». — 619

²³⁷ 30 ноября 1937 г. П. М. Майский телеграфировал в НКВД СССР: «По сообщению Галифакса, сделанному на совещании англо-французских министров, Гитлер и другие руководящие персонажи «третьей империи» дали ему явственно понять, что Германия претендует, немедленно, на возврат Того и Камеруна, а также на передачу ей в качестве мандата португальской Анголы и значительной части Бельгийского Конго. Из всех этих смежно расположенных земель Гитлер намеревается создать свою «африканскую империю». О Танганьике (английский мандат) и Юго-Западной Африке (мандат Южно-Африканского Союза) немцы пока не заикались, вероятно учитывая, что получение их, по крайней мере в настоящих условиях, беззадежно. Любопытно, что географическое очертание «африканской империи» Гитлером довольно точно совпадает с теми гипотетическими границами, о которых 21 ноября сообщил мне Ллойд-Джордж как приемлемых для консервативной верхушки (см. док. № 415. — *Ред.*). Так как получение мандата предполагает участие в Лиге наций, то Гитлер и К^о явно не скрывают своей готовности вернуться в Лигу при условии получения колоний и отмены статьи о санкциях, а также отделения Ковенанта от Версальского договора, отмены статьи об ответственности Германии за войну и ликвидации договоров о национальных меньшинствах.

Что касается Центральной Европы, то тут Гитлер заявил Галифаксу, что он рассматривает взаимоотношения Германии с соответствующими странами, в частности Австрией и Чехословакией, как вопрос, который подлежит урегулированию в порядке билатеральных договоров, причем он был бы доволен, если бы Англия согласилась признать свою «незаконность» в проблеме Центральной Европы». — 621

²³⁸ Касаясь в упомянутом письме вопроса о присоединении Италии к «антикоммунистическому» пакту, М. М. Литвинов отметил, что «отличие римского протокола от берлинского японо-германского соглашения с его секретными приложениями о взаимных материальных обязательствах» состоит в том, что избранная в Риме формула антикоммунизма сохранила за участниками соглашения «свободу действий». «Являясь дипломатическим орудием борьбы трех агрессивных стран против идеологии Лиги наций и связанных с нею стран и орудием общих агрессивных тенденций», — говорилось далее в письме, — римское соглашение должно служить в то же время индивидуальным целям каждого из его участников. Если оно используется Японией и Германией главным образом против СССР, то Италия видит в нем главным образом средство давления на Англию. — 528

²³⁹ Имеется в виду телеграмма Б. Е. Штейна в НКВД СССР от 15 ноября 1937 г. о беседе с послом Китая в Италии Лю Вэнь-дао. По словам последнего, Чиаго заявил ему, что тройственное соглашение «не направлено ни против Китая, ни даже против СССР. По словам посла, Чиаго дал ему понять, что пакт является угрозой против Англии; Италия, прибавил Чиаго, рассчитывает, что после этой угрозы Англия сделается более сговорчивой в вопросе итало-английских отношений». — 524

²⁴⁰ 5 ноября 1937 г. НКВД СССР направил полпреду СССР в Италии следующее указание: «Посетите Чиаго и вызвите ему в спокойной форме, что заключение соглашения с Японией противоречит пакту 1933 г. о дружбе между СССР и Италией и является недружелюбным актом против СССР». 8 ноября Б. Е. Штейн сообщил в НКВД СССР: «Сегодня меня принял Чиаго, которому я сделал заявление согласно Вашей телеграмме от 5 ноября с. г. Чиаго ответил: «Я принимаю к сведению Ваше заявление и доложу о нем главе правительства». Чиаго не обнаружил намерения возмутить в какую-либо дискуссии или оспорить сделанное ему заявление». — 524

²⁴¹ 23 ноября 1937 г. Б. Е. Штейн телеграфировал в НКВД СССР, что посол Китая в Италии Лю Вэнь-дао передал ему основное содержание беседы министра пропаганды Китая с Муссолини, имевшей место 20 ноября. Касаясь «антикоммунистического» пакта и заверяя, что он не направлен против Китая, Муссолини «подчеркнул его исключительно европейское значение». Посол сказал, что «эта характеристика была дана Муссолини в контексте тех целей, которые преследует Италия, входя в тройственный союз». По словам посла, у него создалось впечатление, что Муссолини «не хочет упускать из рук китайские карты, ибо не вполне уверен в Японии». — 528

²⁴² В результате энергичных усилий советской стороны сотрудник торгового представительства СССР в Италии Г. П. Григорьев, арестованный 19 мая 1937 г. на основании сфабрикованных итальянской охранкой обвинений, и секретарь представителя «Союзнефтеэкспорта» в Италии И. А. Марков, арестованный 26 октября, как признал позднее Чиаго, из-за «повышенной подозрительности в связи с кануном фашистской годовщины и приходом германской делегации», вернулись в конце 1937 г. в Советский Союз. — 529

²⁴³ В ответ на агрессивные действия Италии в отношении советских торговых судов (см. док. № 321) советская сторона фактически прекратила экономические связи с Италией. — 529

²⁴⁴ Весьма характерны в этой связи высказывания Мауделя, министра почт и телеграфов в правительстве Блэма. Телеграфируя о беседе с ним 15 ноября 1937 г. в НКВД СССР, полпред писал: «Он очень мрачно реагирует по отношению к положению. Франция утратила руководящие нити в политике и потеряла почти всех своих друзей. Во главе правительства стоят люди перешедшие и неавторитетные. Шотлан и Даладе — ухудшенное издание Лаваля — латентно боятся немцев и только мечтают как бы скорее договориться. Сотрудничество с Англией приняло характер явного сателлитизма». — 530

²⁴⁵ Речь, по-видимому, идет о письме Я. З. Сурица в НКВД СССР от 12 августа 1937 г. в котором он, резюмируя свои беседы с французскими государственным и политическим деятелями, в частности, отмечал: «Взаимоотношения с нами неясны и мыслятся не в плане общей борьбы против

германской угрозы, не в плане, словом, позитивном, а больше — негативном: превагирует стремление удержать СССР подальше от Германии, не допустить и помешать германо-советскому сближению. — 632

²⁴⁶ Издается в виду беседы Я. З. Сурица с Дельбоссом 24 ноября 1937 г., информируя о которой в тот же день НКВД СССР, полпред отзывал также, что Дельбосс, по его словам, «до сих пор располагает лишь самой общей информацией о визите Галлифакса. Англичане якобы все подробности откладывают до его и Шотала приезда в Лондон» (см. также док. № 420, 424, 427). — 633

²⁴⁷ 29 ноября 1937 г. Я. З. Суриц телеграфировал о состоявшейся в тот же день встрече с Дельбоссом, во время которой последний в самых общих выражениях информировал полпреда о совещании представителей английского и французского правительств в Лондоне, а также о своей предстоящей поездке в Варшаву и столицу стран Малой Антанты, признав, в частности, что «на Польшу сейчас нельзя уже, правда, особенно рассчитывать «в плане общей политики», но можно все же добиться укрепления непосредственным взаимотношениям».

1 декабря Суриц посетил Дельбоса и получил более обстоятельную информацию. В телеграмме полпреда в НКВД СССР от 1 декабря об этой беседе говорится: «Результатами своего визита в Лондон он чрезвычайно доволен. Считает, что ось Париж — Лондон усилена и что отныне никто уже в этом сомневаться не сможет. Переговоры протекали гораздо глаже, чем он ожидал... Французам ни по одному из интересующих их вопросов не пришлось натолкнуться на серьезные возражения со стороны англичан.

1. По колониальному вопросу: сразу наметилась общая позиция. Обе стороны в принципе допускают ревизию колониального вопроса, но лишь после урегулирования всех больших вопросов, в том числе и разоружения. Пька никаких авансов.

2. По Лиге наций: англичане не оспаривали серьезности французских доводов в пользу сохранения в полной силе ст. 16. В этой связи англичане проявили должное понимание значения заключенных Францией, на основе этой статьи, пактов с СССР и Чехословакией. Идеи, кстати, уподомовил Дельбоса заявить нам (и сделает это сам через Майского), что английское правительство ни в малейшей степени не заинтересовано в ослаблении франко-советского пакта».

Как отмечено далее в телеграмме, Дельбосс «признался, что англичане просили его воздействовать на Бенеша, чтобы тот проявил больше «супплекс» (уступчивости, — фр. — *Ред.*) по отношению к немецкому меньшинству», а также сообщил, что Англия и Франция решили продолжать «оправдывающую» себя политику «чужеземства» в испанские дела.

Что касается Дальнего Востока, «англичане разделяют тревогу французоз, они очень разочарованы позицией Америки. Это разочарование, по видимому, они распространяют и на нас. Дельбосс передал очень характерный по этому поводу разговор с Чемберленом. Чемберлен высказал мысль, что японцы налетят, так как сейчас меньше боятся СССР и полбодрены «непротядением» СССР. На это Дельбосс якобы ответил, что СССР подступает очень разумно, не беря на себя неблагодарной роли «таскальщика горячих каштанов», но что он, однако, уверен, что на СССР можно твердо рассчитывать, когда предпринята будет общая акция. Опубликованное в этой части коммюнике Дельбосс и интерпретирует как призыв к Америке».

«На самый главный поставленный иною вопрос: будут ли англичане продолжать разговор с немцами, Дельбосс ответил гораздо менее определенно», ограничившись выражением надежды, что переговоры с Германией «будут вестись на базе укрепленной оси Париж — Лондон».

Оценивая эту информацию как «аллилуйную», полпред в телеграмме в НКВД СССР от 2 декабря писал: «Не подлежит сомнению, что англичанам удалось заручиться согласием французоз продолжать переговоры с Гитлером, и притом на базе, продиктованной самим Гитлером, на базе его колониального или, точнее, его территориального делозвтия. Не подлежит далее сомнению, что проблема «установления спокойствия» в Центральной

Европе разрешалась в Лондоне не под знаком усиления системы коллективной безопасности и Лиги наций». Итоги лондонских переговоров Сурин охарактеризовал «как новое ослабление Франции, как новый удар по коллективной безопасности, как новую уступку фронту агрессоров». — 634

⁷⁴⁸ 30 ноября 1937 г. министр иностранных дел Польши Бек общался с Б. Д. Виноградовым в прессе «разъяснение о том, что слухи, распространенные за последнее время о подпредстве, не соответствуют действительности» (см. также док. № 407). — 636

⁷⁴⁹ 15 ноября 1937 г. П. М. Майский телеграфировал в НКВД СССР: «Лотцман очень встревожен соглашением трех агрессоров, считая, что оно в первую очередь направлено против Британской империи (и Франции) и лишь во вторую очередь против СССР. Конечно, Лотцман ругает франко-советский пакт, который будто бы вызвал к жизни антикоммунистический пакт, однако тут же признает, что сейчас уже поздно считать развитые гершики и надо думать о мерах борьбы с нависшей опасностью». Далее в телеграмме указывалось: «Италия, по словам Лотциана, сейчас орудует против Англии в Палестине, в ближайшем будущем станет делать то же самое в Египте и против Франции, в Тунисе. Германия же думает в данный момент не столько о колониях, сколько о Центральной и Юго-Восточной Европе. Нападение Германии на СССР Лотцман считает маловероятным ввиду огромной силы сопротивления нашей страны («Россию завоевать нельзя», как выразился он). Анализу же и присоединение к Германии судетских немцев и Данцига он считает неизбежным, ибо «ради предупреждения этого пакта не станет везать». Лотцман уверен, что Англия в конечном счете примирится бы с такого рода исходом, менее привлекателен ему перспектива «экономического завоевания» Германией Балкан, что он, однако склонен рассматривать как вероятность, но и тут он не ожидает со стороны Великобритании какой-либо серьезной оппозиции. Лотцман очень хотел бы, чтобы задачи такой оппозиции в этих частях Европы взял на себя СССР».

«По мнению Лотциана, — писал полпред, — поездка Галифакса не принесет никакой пользы англо-германским отношениям. Лотцман усиленно допрашивал меня, готов ли был бы СССР принять участие в организации «мирного блока» в противовес агрессорам, на что я ответил, что, как ему должно быть хорошо известно, СССР является активным членом Лиги наций и сторонником коллективной безопасности». — 637

²⁵⁰ О начале официального посредничества Германии в японо-китайских переговорах временный поверенный в делах СССР в Китае Г. М. Меламед 17 ноября 1937 г. телеграфировал: «Кун [Сян-си] сообщил мне, что 5 ноября Токио через германского посла в Китае Траутмана сделало предложение о мире на нижеизложенных условиях: 1. Китай присоединяется к «антикоммунистическому пакту». 2. Демилитаризация северных провинций. 3. Назначение чиновников в северных провинциях из лиц, дружественных Японии. 4. Экономическое сотрудничество. 5. Образование японской концессии в Шанхае. Китайское правительство отвергло эти требования и решило сопротивляться до конца» (см. также док. № 267, 314, 438, 460). — 639

²⁵¹ 26 ноября 1937 г. посол Франции в СССР Кулондр посетил заведующего Экономической частью НКВД СССР Б. Д. Розенблюма. Как видно из записи беседы, посол вручил «меморандум, содержащий фразуэскую критику действующего торгового соглашения», и предложил заключить торговое соглашение на 1938 г. на основе установления соотношения между советским экспортом во Францию и советским импортом из Франции. Розенблюм ответил, что французское предложение «основано на известном нелогичности. Соотношение между экспортом и импортом уже сейчас существует. Как сказано, мы на 100% покрываем заказами наш ввоз во Францию, пользующийся определенными льготами. Какое еще соотношение хочет французская сторона? Ведь не может же французская сторона претендовать, чтобы мы покрывали нашими заказами такой наш экспорт во Францию, как экспорт нефти, марганца или льна, т. е. экспорт таких товаров, в которых Франция особо заинтересована». Кулондр, не оспаривая эти разъяс-

яснение, попросил сообщить ему конкретные цифры, характеризующие размеры советского экспорта и заказов во Франции в 1937 г.

11 декабря заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин вручил Курлодру памятную записку, в которой указывалось: «Согласно оперативным данным Наркомвнешторга, экспорт из СССР во Францию за первые 9 месяцев 1937 г. составлял 82,8 млн. руб. На этой сумме около 60 млн. руб. платено за товары, не пользующиеся во Франции таможенными льготами и поэтому не подлежащие компенсации заказами (балансы, нефтепродукты, руды, икра, лен, конволоз, лектесырье, пушнина). Товаров, пользующихся такими льготами и подлежащих компенсации, было завезено во Францию на 22,8 млн. руб. (пиломатериалы, уголь, бензол, парафин, крабовые консервы, чечевича, сухофрукты, замша). На эту сумму должны были быть выданы, в соответствии со ст. 4 соглашения от 11 января 1934 г. заказы. Между тем на практике в первые девять месяцев 1937 г. было выдано заказов на 30,7 млн. руб., т. е. обязательство СССР было значительно перевыполнено». «Особо обращает на себя внимание,— отменялось далее,— то обстоятельство, что реализация советских заказов во Франции наталкивается на серьезные трудности. В частности, с большим трудом были размещены заказы на станки и другое оборудование из-за неприемлемых условий, предъявляемых некоторыми французскими поставщиками. Часть заказов не могла быть размещена вовсе ввиду отказа французских фирм их принять даже после достижения соглашения об условиях заказа («Шнейдер — Крезю») (см. прим. 23.—*Ред.*). Из-за высоких цен, неприемлемых условий в отношении сроков поставки, валюты платежа и т. д., требуемых французскими фирмами, советские организации, к сожалению, вынуждены были перенести реализацию ряда значительных заказов в другие страны». В записке указывалось также, что предложение французской стороны изменить базу соглашения в сторону установления соотношения между экспортом СССР во Францию и импортом СССР из этой страны представляется лишенным основания. Действительно, уже по действующему соглашению установлено соотношение между советскими заказами во Францию и экспортом во Францию товаров, пользующихся таможенными льготами. Что касается других товаров, не пользующихся такими льготами, то это в основном сырьевые товары, во ввозе которых особо заинтересована Франция и которая имеет свободный доступ на все международные рынки. Было бы неправильным требовать за ввоз этих товаров компенсации заказами. Из этого явствует, что основой существующего соглашения является наиболее справедливой и обеспечивающей интересы обеих сторон».

В результате дальнейших переговоров в Париже 31 декабря 1937 г. было заключено соглашение о продлении на 1938 г. временного торгового соглашения между СССР и Францией от 11 января 1934 г. Соглашение подписали: с советской стороны — полпред Я. З. Суриц и заместитель торговца СССР во Франции А. С. Сидичин, с французской — министр иностранных дел Дельбос и министр торговли и промышленности Шапсаль (см. газ. «Известия», 3 января 1938 г.).— 639, 641, 655

²⁵² Советско-афганское соглашение о борьбе с вредителями сельского хозяйства и болезнями хлопчатника было подписано в Кабуле 26 мая 1938 г. (см. газ. «Известия», 28 мая 1938 г.).— 642

²⁵³ Беседа состоялась 30 ноября 1937 г. В телеграмме Б. Д. Виноградова в НКВД СССР от того же числа говорится: «Ко мне пришел секретарь французского посольства Гюкке, по-видимому по поручению посла, чтобы справиться, в какой мере слухи, передаваемые польской прессой об СССР и полпредстве, соответствуют действительности (см. также док. № 407, 425.—*Ред.*). По его словам, кампания против СССР в международной печати создает такую атмосферу, что Франция не может по-прежнему быть уверенной в силе и авторитете СССР. Франция принуждена следовать целикам за Англией, а это значит, что через некоторое время Франция согласится изгнать немцев в Австрию и автономно судетских немцев. К тому же все возрастающая агрессивность Италии еще больше отвлекает Фран-

цию от Рейна и поворачивает ее в сторону Средиземного моря. Гюкке расценивает кампанию польской прессы против СССР и полпредства как подготовку к визиту Дельбоса, которому Бек хочет внушить, что СССР не может играть прежнюю роль и что СССР должен быть устранен из предстоящих соглашений с Германией и его место займёт Польша (пакт пяти).— 648

²⁵⁴ Упоминаемые Б. Д. Виноградовым беседы в посланником Чехословакии в Польше Славиком и послом Франции в Польше Ноздем, содержание которых воспроизводится и анализируется им в комментируемом документе, состоялись соответственно 6 и 10 декабря 1937 г. Краткая информация о беседах была направлена в НКВД СССР по телеграфу.

В телеграмме Виноградова в НКВД СССР от 6 декабря о беседе со Славиком, во время которой последний рассказал о своей встрече с Дельбосом, помимо приведенных в комментируемом документе фактов отмечено также, что «встреча Нейрата с Дельбосом, по сведениям чека, должна была по плану немцев облегчить положение Бека во время визита Дельбоса, отвести обвинения Бека в германофильстве и показать, что польско-германское соглашение не находится в противоречии с франко-польским союзом и даже способствует франко-германскому сближению. После этой встречи Беку удобно также пригласить Нейрата в Варшаву».— 648.

²⁵⁵ Изменяя в виду высказывания Гюкке в беседе 3 июля 1937 г. Как следует из сделанной Б. Д. Виноградовым запись беседы, Гюкке утверждал: «Сближение стран Малой Антанты с СССР в свое время было слишком форсировано, особенно принимая во внимание опасность коммунизма в таких странах, как Румыния или Югославия. Росское сближения с СССР может позволить себе Франция, страна старой культуры и внутренне уязвимая. Но нельзя того же требовать от юго-восточных стран. В результате далеко зашедшего сближения с СССР пад. Титулеску, Чехословакия слишком экспонировалась по отношению к СССР и попала под усиленный обстрел со стороны Германии и Польши, а также в особое положение в рамках Малой Антанты».— 648

²⁵⁶ В телеграмме Б. Д. Виноградова в НКВД СССР от 6 декабря 1937 г. о беседе с французским журналистом Зауэрвейном сообщалось: «По сведениям Жюль Зауэрвейна, Бек в разговоре с Дельбосом произвел атаку на франко-советский пакт и заявил, что он создает для Польши трудности. Дельбос ответил, что Франция не может иметь против себя СССР, и спросил у Бека, может ли иметь его против себя Польша. Жюль Зауэрвейн говорит, что Бек ставил вопрос об участии Польши в «пакте четырех». В телеграмме также указывалось, что, по словам Зауэрвейна, «Дельбос под влиянием англичан должен будет призвать чехов к умеренности в отношении германских и польских меньшинств. Зато поляков он не может призывать к умеренности по отношению к Чехословакии, так как полякам престиж не позволяет принимать какие бы то ни было советы».— 650, 651

²⁵⁷ Посол США во Франции Буллит находился в Варшаве с 14 по 17 ноября 1937 г. и имел беседы с Беком, Шембеком и Рыдз-Смиглым. Во время пребывания в Берлине 18—19 ноября он встретался с Нейратом, Шахтом и Герингом (см. «Foreign Relations of the United States, 1937», vol. I, Washington, 1954, pp. 162—177).— 654

²⁵⁸ Письмо является ответом на высказанные 27 ноября 1937 г. полпредством ССР в Турции соображения относительно освещения в советской печати жизни Турции.— 656

²⁵⁹ Отвечая на запрос И. М. Майского, М. М. Литвинов 17 декабря 1937 г. телеграфировал: «Можете в этом духе разъяснить нашу позицию в случае возникновения разговоров на соответствующие темы».— 658

²⁶⁰ Госдепартамент фактически занял негативную позицию в ходе переговоров, начавших в конце 1936 г. «Амторгом» с «Мидуэлл стил компания», «Бетлехем стил компания», «Карнеги стил компания» и рядом других американских фирм о размещении заказов на поставку СССР раннего оборудования и материалов, в том числе листовых брони для постройки военно-морских судов. Проявляя готовность выполнить советские заказы, фирмы ссы-

дальше на необходимость согласия госдепартамента и военно-морского министерства США. 24 ноября 1936 г. А. А. Трояновский направил госдепартаменту памятную записку по этому вопросу. Не получив ответа, 4 января 1937 г. Трояновский вновь обратился в госдепартамент. 13 января 1937 г. г. с. секретаря США Мур в письме Трояновскому сообщил: «Не имеется каких-либо соглашений или положений, которые препятствовали бы американским фирмам в изготовлении для поставки в Советский Союз листоватой брони в соответствии со спецификацией, представленной «Амторгом» фирмам. Таким образом, Правительство США в принципе не имеет возражений против сделок, указанных в памятной записке Посла». Однако свое согласие госдепартамент обставлял целым рядом оговорок, в частности о необходимости соблюдения фирмами закона о нейтралитете (см. т. XVIII, прим. 238), закона о шпионаже от 15 июня 1917 г. и т. д. Эти оговорки давали возможность противникам развития деловых связей с СССР препятствовать практической реализации советских заказов. Кроме того, время от времени госдепартамент сам инспирировал в американской прессе враждебную кампанию вокруг вопроса об этих заказах.

17 апреля 1937 г. временный поверенный СССР в США К. А. Уманский телеграфировал в НКВД СССР: «Большинство газет приравнивает выступление государственного департамента и его оговорки к полному отказу». И далее: «Напрощается аналогия с образом действий госдепартамента в декабре 1936 г., когда, сообщив о выдаче лицензий на вывоз самолетов в Испанию, госдепартамент тут же поднял шумиху, которая помогла ему провести эмбарго против Испании». 10 августа в связи с очередной газетной кампанией Уманский телеграфировал в НКВД СССР, что эта кампания «сходит, как доподлинно установлено, от враждебного нам Грина, ведающего в госдепартаменте выдачей лицензий на вывоз оружия».

Позиция госдепартамента США в этом вопросе не менялась вплоть до образования антигитлеровской коалиции. — 658

²⁸¹ Японские власти в течение длительного времени не разрешали японскому «Интуристу» в Японии Иохэну присутствовать исключительно по обязанности корреспондента ТАСС и отказывались выдать визу постоянному представителю ТАСС. В результате обращения 16 декабря 1937 г. Б. С. Стоморякова к Сигемицу японская сторона пошла на урегулирование вопроса о работе временного корреспондента. — 670, 676

²⁸² Об этом Поль Рейно, лидер французской партии умеренных радикалов, находившейся в оппозиции, говорил Я. З. Сурицу 14 декабря 1937 г., вскоре после своей поездки в Лондон, где он встречался с премьер-министром Великобритании Чемберленом и другими официальными лицами. Телеграфируя об этой беседе в НКВД СССР, полпред отметил также, что, по словам Рейно, «страх перед войной большей частью связывается там с Италией, которая ввиду переживаемых катастрофических внутренних затруднений может искать выход на путях авантюры. В этом смысле высказывался Чемберлен. Он же говорил, не без тревоги, о растущей мощи Германии, особенно ее авиации». Рейно указывал также, что, по мнению Чемберлена, «Гитлер не хочет войны. Вывод: не нужно отталкивать Германию, не следует уклоняться от переговоров с ней. Так Чемберлен оправдывал и визит Галлифакса». Другие собеседники Рейно указывали на «законность германских пожаланий относительно сырья и рынков» и «основательность немецких жалоб на Чехословакию». — 672

²⁸³ В телеграмме в НКВД СССР 26 ноября 1937 г. Я. З. Суриц указывал, что в беседах с видными французскими деятелями министр иностранных дел Дельбос говорил, что он испытывает все большие сомнения насчет возможности и эффективности сотрудничества с СССР. Аргументировал он это сведениями, поступающими, в частности, от Кулондраэ. — 673

²⁸⁴ Имеется в виду письмо советника полпреда СССР во Франции Е. В. Гиршфельда в НКВД СССР от 11 декабря 1937 г., в котором он, в частности, сообщал о беседе с заведующим отделом торговых отношений МИД Франции де ла Бомом, состоявшейся 10 декабря. Последний озвучивал в результатах своих переговоров с министерствами финансов и юсти-

ции. «Министерство финансов,— говорится в письме,— дало согласие на предложенную нами систему лаушальной суммы налогов, отказывается от контроля книг, но просит предоставить ему право требовать «некоторые разъяснения» относительно наших операций... Министерство юстиции, по словам де ла Боме, продолжает оставаться на прежней отрицательной позиции в отношении ретроактивной формулы. Другими словами, министерство юстиции возражает против того, чтобы эта формула даже косвенно могла быть использована в отношении дела «Сосифрос», т. е. министерство юстиции желает таким образом затруднить кассацию дела «Сосифрос» (см. прил. 105.— *Ред.*). Несмотря на содействие министерства юстиции, де ла Боме надеется провести ретроактивную формулу в полной редакции. В то же время, как следует из письма, де ла Боме заявил, что «не считает возможным и целесообразным ставить перед Дельбоссом вопрос о разрешении спора МИД с министерством юстиции насчет ретроактивности перед правительством без согласования других вопросов». — 673

²⁵⁵ В упомянутой ноте от 21 декабря 1937 г. Цзян Тин-фу доводит до сведения народного комиссара иностранных дел СССР декларацию китайского правительства от 20 декабря 1937 г. по поводу создания в Вэйцзюэ маршалоуэньского «временного правительства Китайской республики» (см. газ. «Известия», 22 декабря 1937 г.). — 679

²⁵⁶ Вопрос о приеме в Москве председателя законодательного юаня Китая Сунь Фо «со специальной миссией — усилить узы дружбы между нашими двумя странами и обсудить с вашим правительством взаимноинтересующие вопросы в отношении положения на Дальнем Востоке, с тем чтобы eventually заключить пакт взаимной помощи», был поставлен в письме министра иностранных дел Китая Ван Чун-хою, врученном 14 ноября 1937 г. временному поверенному в делах СССР в Китае Г. М. Меламеду; 20 ноября НКИД СССР телеграфировал в подпредство о согласии принять Сунь Фо. Визит состоялся в январе 1938 г. после посещения Сунь Фо ряда западных стран. — 680

²⁵⁷ 23 декабря 1937 г. Г. М. Меламед телеграфно доложил: «Сообщил Ван Чун-хою о пожертвовании Красным Крестом СССР 100 тыс. американских долл. китайскому Красному Кресту. Ван просил передать приветливость и благодарность китайского правительства и китайского народа за это пожертвование». — 680

²⁵⁸ После подписания протокола о продлении срока действия рыболовной конвенции между СССР и Японией (см. док. № 458) В. С. Стормоняков заявил послу Японии в СССР Сигемitsu, что Народный Комиссариат пищевой промышленности дал указание «Дальрыб» сдавать рыболовные участки в аренду в 1938 г. в том же порядке и на тех же условиях, на какие был сдавался в 1937 г. — 681

²⁵⁹ 14 декабря 1937 г. заведующий II Восточным отделом НКИД СССР Б. И. Козловский сделал советнику посольства Японии в СССР Ниси следующее заявление: «22 ноября штормом унесло в море казасаки «Вымгел», на котором находилось 18 человек, Кавасаки угнало из района Пилево и пришло к Южному Сахалину — к Амбецу. Несмотря на то что ни у кого не было и нет сомнения в том, что казасаки унесло в море и что в данном случае речь идет о вынужденном обстоятельстве случае, когда обычно оказывается помощь потерпевшему, наш казасаки до сих пор задерживается японскими властями. Наш полпред уже два раза обращался в министерство иностранных дел. Было также обращение со стороны нашего дипломата к японскому консулу в Александровске. Только на днях японский консул сообщил нашему дипломату, что трое из тех 18 человек, которых унесло в море, заболели. Наше полпредство обращалось в МИД еще до того, как казасаки пришло к Амбецу, с просьбой помочь нам разыскать казасаки и оказать нашим людям помощь, если их отнесет к японскому берегу. Вместо помощи их держат в заключении». Заявление заканчивалось выражением уверенности, что японской стороной «будет приняты меры к немедленному освобождению всех потерпевших». — 682

²³ Направив 21 декабря 1937 г. полпреду СССР в Японии телеграмму об этой беседе, Б. С. Стомоняков поручил М. М. Славуцкому при ближайшей встрече с министром иностранных дел Японии Хирота вновь поставить вопрос об освобождении команд катера «Дальтеса» и шхуны «Вымпел», а также настаивать на выдаче визы для корреспондента ТАСС в Японии Б. П. Меринга (см. прим. 261). «Укажите, — говорилось в телеграмме, — что НКВД делает всяческие усилия для устранения затруднений в наших отношениях, но что отрицательная позиция японского правительства и мешает даже по таким бесспорным вопросам, как освобождение команд, попавших в Японию из-за шторма и непогоды, затрудняет подобные усилия НКВД и создает большое и справедливое недовольство в самых различных советских кругах».

Славуцкий выполнил указание в беседе с Хирота 27 декабря 1937 г. «На мой вопрос, — сообщил полпред в телеграмме, направленной в НКВД СССР 2 тот же день, — могу ли я ожидать, что эти вопросы будут срочно рассмотрены, Хирота уклончиво ответил, что «то, что можно разрешить, будет разрешено». Японская сторона продолжала, однако, незаконно задерживать советских граждан. — 683

²⁴ Как видно из телеграммы Я. З. Сурина в НКВД СССР от 24 декабря 1937 г., Дельбёе ответил на этот вопрос отрицательно. — 685

²⁵ 31 декабря 1937 г. П. Т. Луганец-Орельский направил в НКВД СССР дополнительно следующую информацию: «1. По полученным дополнительно данным, германский посол Траутман действительно посещал Чан Кай-ши, кроме того, с аналогичными предложениями он посетил Ван Цзин-вэй, Куня и Бай Чун-си. 2. По одним данным, Чан Кай-ши ничего не ответил на предложение Траутмана, по другим — Чан Кай-ши ответил, что подумает, и не желая брать на себя ответственность за отказ вести переговоры, собирает конференцию ответственных руководителей для принятия решения. 3. Ван Цзин-вэй и Куня якобы приветствуют предложение о переговорах. 4. Что же касается Бай Чун-си, то он якобы за переговоры, но только на предварительном условии — выводе японских войск с территории Китая. Для предъявления этого условия Бай Чун-си предложил Чан Кай-ши послать делегатов в Нанкин к японцам. Чан Кай-ши отклонил просьбу делегатов».

Со своей стороны полпред СССР в Японии М. М. Славуцкий в письме в НКВД СССР от 15 декабря 1937 г. отмечал: «Для всех здесь сейчас абсолютно ясно, что Япония хотела бы покончить войну с Китаем. Короткий период войны уже поставил Японию перед исключительными трудностями, а дальнейшая затязка потребует предельного напряжения страны. Нервозность покончить с этой войной понятна и для японских союзников. Понимает это хорошо особенно Германия, и она стремится высвободить Японию из затяжной войны и угрозы кризиса. Говорят, что [посол Германии в Японии] Дирксен сделал Хирота специальное представление в этом смысле. Здесь также известно, что немцы предпринимают всевозможные шаги в Китае для того, чтобы склонить Китай к мирным переговорам с Японией; и это естественно: Германии нужен союзник сильный, у которого к тому же были бы развязаны руки, между тем как этот союзник все более увязает в Китае». — 689

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Борьба Советского Союза за превращение в жизнь принципов марксовского сосуществования и сотрудничества* — 40, 47, 53, 64, 66, 69, 70, 73, 94, 96, 101, 117, 118, 131, 151, 155, 162, 163, 184, 186, 187, 190, 201, 203, 235, 251, 257, 258, 259, 269, 270, 273, 275, 279, 287, 290, 299, 300, 315, 317, 326, 327, 332, 337, 403, 423, 424, 441
- борьба за мир, против опасности войны — 5, 7, 20, 25, 47, 49, 69, 70, 73, 84, 96, 101, 152, 157, 167, 178, 184, 190, 201, 235, 238, 248, 251, 253, 257, 258, 259, 269, 270, 287, 290, 299, 300, 315, 317, 322, 326, 332, 337, 343, 382, 405, 423, 440, 441, 443, 461
- выполнение договоров и соглашений — 4, 20, 53, 55, 62, 92, 94, 106, 108, 111, 128, 152, 238, 251, 257, 279, 300, 317, 321, 337, 373, 445, 450, 453
- вмешательство во внутренние дела других государств — 8, 59, 57, 70, 92, 94, 166, 257, 269, 337, 339, 370, 372, 407
- нормализация и развитие отношений: —
- с Австралией — 201
 - * Австрией — 159, 345, 399
 - * Албанией — 412, 414
 - * Афганистаном — 44, 112, 151, 163, 371, 432
 - * Бельгией — 91, 197, 198, 209, 369, 378
 - * Болгарией — 294, 355, 358, 449
 - * Великобританией — 2, 7, 29, 58, 60, 69, 81, 115, 123, 132, 156, 172, 178, 179, 195, 214, 226, 236, 249, 261, 264, 265, 269, 275, 322, 334, 348, 362, 365, 368, 372, 385, 390, 391, 398, 411, 415, 440
 - * Венгрией — 86, 160, 387
 - * Германией — 70, 98, 110, 118, 128, 188, 231, 273, 275, 276, 353, 383, 388, 410
 - * Грецией — 19, 54, 361, 412, 414
 - * Данией — 97, 237
 - * Ираном — 3, 16, 75, 84, 94, 146, 209, 223, 282, 284, 286, 303, 320, 339, 375, 384, 394, 445
 - * Испанией — 25, 68, 70, 161, 171, 177, 233, 403, 413
 - * Италией — 85, 134, 321, 335, 422
 - * Канадой — 325
 - * Китаею — 42, 45, 64, 66, 93, 101, 141, 182, 193, 240, 245, 246, 250, 253, 258, 262, 267, 268, 274, 277, 278, 279, 281, 289, 291, 295, 297, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 309, 312, 313, 314, 315, 317, 319, 340, 350, 352, 354, 418, 478, 478, 440, 450, 451, 460

* Цифры указывают номера документов.

- » Монгольской Народной Республикой — 52, 59, 106, 108, 111, 121, 181, 363, 379, 395, 396, 400
 - » Норвегией — 147, 184, 435
 - » Польшей — 124, 129, 139, 206, 234, 252, 266, 311, 356, 407, 425
 - » Румынией — 23, 53, 55, 63, 131, 133, 165, 175, 203, 213, 216, 234, 241, 270, 335, 443
 - » Соединенными Штатами Америки — 4, 5, 34, 90, 107, 109, 114, 140, 145, 153, 158, 185, 210, 218, 221, 256, 257, 260, 263, 283, 292, 318, 333, 343, 348, 349, 351, 382, 401, 404, 405, 408, 421, 441, 442, 459, 461
 - » Турцией — 30, 35, 43, 56, 63, 103, 122, 155, 162, 165, 174, 186, 187, 199, 207, 223, 244, 248, 251, 323, 360, 366, 439
 - » Финляндией — 6, 40, 57, 72, 100, 135, 148, 150, 154, 174, 183, 190, 191, 228, 229, 237, 242, 254, 255, 271, 272, 280
 - » Францией — 1, 20, 32, 38, 41, 50, 77, 80, 87, 105, 113, 119, 125, 126, 137, 142, 166, 202, 205, 225, 227, 247, 322, 359, 398, 424, 426, 429, 430, 431, 437, 446, 447, 455, 456, 457
 - » Чехословакией — 18, 31, 37, 46, 47, 62, 65, 110, 118, 120, 143, 149, 173, 200, 203, 222, 230, 238
 - » Швецией — 6, 71, 83, 99, 135, 154, 183, 184, 190, 235, 259, 290, 327
 - » Японией — 11, 15, 21, 25, 28, 36, 39, 49, 51, 73, 78, 82, 88, 89, 96, 104, 116, 117, 138, 152, 157, 168, 208, 219, 220, 296, 298, 338, 310, 316, 317, 324, 342, 357, 373, 376, 392, 397, 406, 416, 419, 433, 444, 448, 452, 453, 458
- переговоры о заключении советско-английского морского соглашения (17. III. 1937 г.) — 2, 6, 60, 69, 81, 107, 249
- переговоры о заключении пактов о ненападении
- » Китаем — 45, 64, 93, 101, 141, 246, 253, 258, 262, 274, 278, 279, 297, 299, 300, 302, 307, 309, 313, 315, 316, 317, 318, 319, 352
 - » Румынией — 131, 133, 165, 175, 203, 241, 270, 456

- укрепление равноправных дружественных отношений со странами Азии
- » Афганистаном — 44, 112, 151, 163, 371, 432
 - » Ираном — 3, 16, 75, 84, 94, 146, 209, 223, 282, 284, 286, 303, 320, 339, 375, 384, 394, 443
 - » Китаем — 42, 45, 64, 66, 93, 101, 141, 182, 193, 240, 245, 246, 250, 253, 258, 262, 267, 268, 274, 277, 278, 279, 281, 289, 291, 295, 297, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 309, 312, 313, 314, 315, 317, 319, 340, 350, 352, 354, 418, 428, 438, 440, 450, 451, 460
 - » Монгольской Народной Республикой — 52, 59, 106, 108, 111, 121, 181, 363, 379, 395, 396, 400
 - » Турцией — 30, 35, 43, 56, 63, 103, 122, 155, 162, 165, 174, 186, 187, 199, 207, 223, 244, 248, 251, 323, 360, 366, 439

Борьба Советского Союза за разоружение — 60, 69, 249, 257

Борьба Советского Союза за создание системы коллективной безопасности в Европе — 17, 20, 47, 53, 55, 62, 69, 80, 118, 127, 128, 131, 135, 142, 155, 175, 184, 187, 190, 203, 207, 234, 238, 244, 251, 259, 290, 322, 323, 326, 327, 332, 337, 423, 424, 437, 441, 443, 446

- вопрос о военном сотрудничестве СССР и Франции — 20, 32, 41, 50, 80, 87, 137, 142
 - » о военном сотрудничестве СССР и Чехословакии — 18, 31
 - » о Восточном пакте — 62, 64, 101, 165, 174, 207
 - » о созыве Международной морской конференции — 2, 6, 38, 60, 69, 81
 - » о Черноморском пакте — 56, 63, 131, 165, 174, 175, 244
- в Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана — 299, 440, 441, 450
- вопрос о заключении Тихоокеанского регионального пакта — 64, 93, 101, 141, 172, 194, 195, 201, 214, 218, 246, 253, 338

Враждебные действия иностранных государств против Советского Союза и борьба Советского правительства против этих действий (см. также Политическая, экономическая и идеологическая подготовка военной агрессии фашистских государств и позиция СССР) — 7, 10, 21, 23, 25, 28, 29, 40, 46, 47, 53, 55, 61, 62, 67, 73, 85, 86, 88, 89, 105, 113, 124, 136, 139, 143, 150, 173, 183, 184, 189, 190, 191, 207, 221, 228, 229, 230, 234, 237, 241, 254, 258, 262, 270, 275, 276, 296, 308, 310, 318, 321, 322, 342, 355, 357, 358, 360, 364, 376, 388, 392, 397, 401, 406, 407, 422, 424, 425, 430, 437, 441, 444, 452

- антисоветская деятельность германского фашизма — 29, 55, 61, 62, 276, 388
- „ „ „ италянского фашизма — 29, 85, 143, 321, 322, 422
- „ „ „ польской реакции — 55, 139, 407, 437
- „ „ „ румынской реакции — 53, 55, 270
- „ „ „ финской военщины — 40, 67, 150, 183, 191, 228, 229, 254
- „ „ „ японского милитаризма — 11, 21, 25, 28, 73, 104, 141, 210, 220, 296, 368, 310, 342, 357, 376, 392, 397, 405, 444
- антисоветские выступления, провокации, измышления, фальшивки — 5, 20, 21, 28, 29, 40, 47, 53, 55, 61, 73, 85, 85, 110, 124, 150, 183, 184, 189, 190, 191, 207, 221, 229, 237, 270, 273, 276, 296, 310, 318, 360, 401, 406, 407, 422, 424, 425, 430, 437, 441, 442, 446
- деятельность белогвардейских эмигрантских организаций и поддержка этой деятельности иностранными государствами — 73, 173, 258, 262, 270, 355, 358, 422
- план создания «санитарного кордона» против СССР — 183, 184, 230, 238, 270, 287
- провокации и репрессии в отношении советских представителей, консульств, организаций и советских граждан за границей — 11, 25, 28, 36, 55, 73, 88, 89, 104, 136, 150, 258, 262, 308, 310, 357, 360, 361, 376, 388, 407, 422, 437, 444, 452

Выставки

- Всемирная выставка в Нью-Йорке — 90
- о жизни и творчестве А. С. Пушкина — 44, 190

Дипломатические акции капиталистических государств в 1937 г. и позиция СССР (см. также Политическая, экономическая и идеологическая подготовка военной агрессии фашистских государств и позиция СССР)

- австрийско-венгерские переговоры — 159, 160
- австрийско-венгерско-чехословацкие переговоры — 160
- австрийско-итальянские переговоры — 127, 128, 130, 134, 159
- Адриатический пакт — 130
- албано-итальянские переговоры — 134
- американо-норвежские переговоры — 435
- англо-американские переговоры — 24, 34, 107
- англо-германо-итальянские переговоры — 194

- англо-германские переговоры — 164, 166, 205, 212, 222, 226, 411, 415, 420, 422, 423, 427
- англо-германское морское соглашение (17. VII. 1937 г.) — 69, 107, 249
- англо-итальянские переговоры — 212, 381, 422, 423
- англо-итальянское «джентльменское» соглашение (2. I. 1937 г.) — 1, 2, 9, 20, 22, 43, 56, 212, 422
- англо-польские переговоры — 172
- англо-франко-бельгийские переговоры — 172
- англо-французская декларация по вопросу о нейтралитете Бельгии — 128
- англо-французские переговоры — 128, 420, 424, 426, 427, 437, 446, 456
- англо-японские переговоры — 15, 116, 172, 176, 179, 193, 195, 240, 250, 278, 299
- бельгийско-германские переговоры — 127, 128, 166
- бельгийско-польские переговоры — 128, 166
- Ближневосточный пакт (переговоры и заключение 8. VII. 1937 г.) — 84, 199, 223, 244
- венгеро-югославские переговоры — 41, 120, 124
- встреча премьер-министров стран Малой Антанты — 203, 216
- болгаро-югославский пакт (24. I. 1937 г.) — 18, 19, 20, 35, 41, 53, 55, 56, 275
- германо-австрийские переговоры — 61
- германо-венгерское соглашение о военных поставках — 164
- германо-польские переговоры — 65, 67, 128
- германо-румынские торговые соглашения — 133, 436
- германо-французские переговоры — 265, 430, 437, 446, 456, 457
- германо-чехословацкие переговоры — 31, 37, 62, 65, 120, 143, 149, 239
- германо-чехословацкий торговый договор (10. II. 1937 г.) — 62
- германо-югославские переговоры — 207, 230
- датско-германские переговоры — 97, 189
- датско-шведские переговоры — 189
- Дунайский пакт (переговоры о заключении) — 80, 128, 174
- иракско-турецкие переговоры — 207
- ирано-иракские переговоры — 84, 223
- ирано-турецкие торговые соглашения — 84
- итало-румынский договор (переговоры о заключении) — 118, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 175, 203, 241, 270
- итало-турецкие переговоры — 35, 43, 56, 122, 162
- итало-югославский договор (25. III. 1937 г.) — 118, 120, 124, 127, 128, 131, 134, 162, 175, 203, 238, 275, 434
- международная экономическая конференция (предложения о созыве) — 115, 117
- миссия Галифакса в Германию — 411, 415, 420, 422, 423, 427

- пакт между Францией и Малой Антантой (предложения о заключении) — 38, 41, 165
- пакт о взаимопомощи между странами Малой Антанты — 18
- пакт о взаимопомощи между странами Малой и Балканской Антант, Францией, СССР и Польшей — 165
- переговоры Англии и Франции со скандинавскими и прибалтийскими странами и Финляндией — 183, 184, 191
- переговоры о пересмотре Локкарнских соглашений 1925 г. (о заключении Западного пакта) — 38, 62, 65, 69, 74, 77, 141, 165, 166, 174, 195, 204, 207, 212, 437, 456, 457
- польско-германское соглашение о национальных меньшинствах (5. XI, 1937 г.) — 407
- польско-шведские переговоры — 327
- польско-японское культурное соглашение — 407
- румыно-польская военная конвенция — 234, 275
- румыно-польские переговоры — 53, 55, 118, 124, 127, 129, 131, 133, 175, 199, 203, 207, 216, 234, 241, 270, 336
- Скандинавский оборонительный союз — 97, 99, 147, 184, 189, 190, 287
- Средиземноморский пакт — 130, 131, 134, 165, 174
- турецко-румынские переговоры — 56, 63, 165, 174, 199, 207
- турецко-югославские переговоры — 122
- франко-польские переговоры — 205, 336, 407, 423, 424, 425, 426, 430, 437, 446, 455, 456
- франко-румынские переговоры — 456
- франко-турецкие переговоры — 10, 32, 38, 41, 162, 165, 187, 207
- франко-чехословацкие переговоры — 456
- франко-югославские переговоры — 456
- японо-индийское торговое соглашение — 15
- японо-китайские переговоры — 15, 116, 141, 279, 438

Договоры, соглашения, конвенции и протоколы, заключенные СССР (также)

- с Китаем — 300
- » Монгольской Народной Республикой — 121, 396, 400
- » Соединенными Штатами Америки — 283
- » Японией — 458

Договоры, соглашения, конвенции и протоколы, заключенные СССР с иностранными государствами (ссылки, упоминаемые)

двусторонние

- Временная торговая конвенция между СССР и Бельгийско-Люксембургским экономическим союзом (5. IX, 1935 г.) — 369, 378
- Конвенция о порядке рассмотрения и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов между СССР и Турцией (15. VII, 1937 г.) — 248, 360
- Конвенция о торговле и мореплавании между СССР и Грецией (11. VI, 1929 г.) — 361

- Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией (20. I. 1925 г.) — 453
- Консульская конвенция между СССР и Польшей (18. VII. 1924 г.) — 266
- Мукденское соглашение (20. IX. 1924 г.) — 21, 152
- Пекинский договор (соглашение об общих принципах для урегулирования отношений между СССР и Китайской республикой) (31. V. 1924 г.) — 21, 66, 152, 319
- Протокол о взаимопомощи между СССР и МНР (12. III. 1936 г.) — 25, 395
- Рапалльский договор (16. IV. 1922 г.) — 55
- советско-американское торговое соглашение (13. VII. 1935 г.) — 109, 145
- советско-английское торговое соглашение (16. II. 1934 г.) — 440
- советско-венгерское платежное соглашение (5. V. 1937 г.) — 160
- советско-германский договор о ненападении и нейтралитете (1926 г.) — 55
- советско-греческая конвенция о торговле и мореплавании (11. VI. 1929 г.) — 19
- советско-греческое торговое соглашение (27. II. 1937 г.) — 54
- советско-иранская конвенция о борьбе с саранчой (30. VIII. 1935 г.) — 146
- советско-иранский договор (26. II. 1921 г.) — 94
- советско-иранский договор о торговле, о мореплавании и о поселении (27. VIII. 1935 г.) — 209, 384, 445
- советско-иранское соглашение о порте Пехлеви (1. X. 1927 г.) — 375, 384, 394, 445
- советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете (2. IX. 1933 г.) — 321, 422
- советско-итальянское соглашение о порядке наложения ареста и обращения взыскания на имущество, принадлежащее иностранному государству (26. VII. 1930 г.) — 361
- советско-монгольское соглашение об урегулировании вопросов в области гражданства (20. V. 1930 г.) — 121
- советско-польская конвенция о сплаве лесных материалов по пограничным рекам (19. VI. 1933 г.) — 139
- советско-польский договор о ненападении (25. VII. 1932 г.) — 266
- советско-польское соглашение о правовом положении торгпредства СССР (14. VI. 1936 г.) — 206, 252, 311
- советско-турецкие торговые договоры (16. III. 1931 г. и 8. X. 1937 г.) — 187, 358
- советско-французский договор о взаимной помощи (2. V. 1935 г.) — 20, 62, 64, 69, 74, 118, 128, 137, 142, 162, 230, 238, 401, 415, 423, 424, 437, 446, 455, 456, 457
- советско-французское временное торговое соглашение (6. I. 1936 г.) — 429, 431, 447
- советско-чехословацкий договор о взаимной помощи (16. V. 1935 г.) — 18, 31, 47, 62, 64, 65, 120, 127, 128, 131, 175, 203, 207, 230, 258, 239, 437, 446

- советско-японская рыболовная конвенция (23. I. 1928 г.) — 373, 416, 433, 444, 448, 452, 458
- соглашение о КВЖД — см. *Китайско-Восточная железная дорога*
- Юрьевский договор (мирный договор между РСФСР и Финляндской республикой) (14. X. 1920 г.) — 254, 272
- многосторонние — см. *Международные договоры* (ссылки, упоминания)
- многосторонние
- Займы и кредиты Советского Союза иностранным государствам* — см. *Помощь СССР иностранным государствам*
- Займы и кредиты Советскому Союзу* (переговоры, соглашения) — 81, 118, 311
- Китайско-Восточная железная дорога*
 - Соглашение о КВЖД (23. III. 1935 г.) (ссылки) — 39, 357, 376
 - нарушения японо-маньчжурскими властями соглашения о КВЖД — 39
- Конгрессы*
 - XVII международный геологический (Москва, 1937 г.) — 290
 - мира и дружбы с СССР (Лондон, 13—14 марта 1937 г.) — 69
 - 13-й европейский конгресс национальных меньшинств (Лондон, июль 1937 г.) — 149
- Конференции*
 - Балканской Антанты (Афины, 15—18. II. 1937 г.) — 55
 - Брюссельская (3—24. XI. 1937 г.) — 382, 386, 389, 401, 402, 404, 405, 408, 409, 417, 418, 421, 422, 428, 435, 438, 441, 442
 - имперская (май — июнь 1937 г.) — 134, 206, 214
 - Лозаннская (1922—1923 гг.) — 162
 - Малой Антанты (Прага) — 55
 - « » (Братислава, 1936 г.) — 55, 118
 - « » (Белград, 1—2. IV. 1937 г.) — 118, 131
 - министров иностранных дел Скандинавских стран (Хельсинки, 1937 г.) — 40, 99, 100, 135, 147, 154, 183, 184, 327
 - в Монре́е о режиме проливов (22. VI — 21. VII. 1936 г.) — 63, 162, 175, 332, 337
 - Пеионская (сентябрь 1937 г.) — 322, 323, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 335, 337, 346, 347
 - скандинавская межпарламентская — 189
- Конференция по сокращению и ограничению вооружений* (Женева, 1932—1937 гг.) — 115, 140, 421
- Концессии* — 208, 373, 416, 452, 453
- Культурные, научные и спортивные связи СССР*
 - с Афганистаном — 44, 112, 432
 - » Бельгией — 91, 198
 - » Болгарией — 449
 - » Ираном — 3, 84
 - » Китаем — 42, 64, 281

- с Монгольской Народной Республикой — 196
- » Польшей — 266
- » Румынией — 23, 55
- » Соединенными Штатами Америки — 210, 263, 442
- » Финляндией — 67, 148, 154, 237, 254, 255, 271
- » Францией — 126
- » Чехословакией — 18, 47
- » Швецией — 184, 190, 290, 327
- Лига наций* — 10, 35, 38, 40, 43, 50, 53, 55, 62, 67, 68, 69, 74, 77, 99, 100, 128, 131, 133, 134, 143, 147, 155, 156, 180, 184, 187, 190, 206, 214, 216, 234, 235, 238, 251, 257, 259, 282, 287, 290, 299, 312, 320, 327, 332, 336, 337, 338, 341, 344, 348, 349, 351, 354, 364, 370, 389, 415, 418, 421, 423, 424, 437, 440, 446, 456
- Ассамблея Лиги наций — 99, 290, 327, 337, 338, 348, 351, 354, 370, 389
- вопрос о пересмотре Устава Лиги наций — 235, 259, 290, 327, 337, 424, 446
- вопрос о применении санкций Лиги наций — 184, 190, 235, 259, 327, 341, 348, 351, 421
- вопрос об Александреттском санджаке — 35, 38, 103, 115, 131, 155, 162, 165, 187, 199, 207
- Консультативный комитет (комитет 23-х) — 338, 344, 348, 351, 354
- Пакт Лиги наций — см. *Международные договоры* (ссылки, упоминания) многосторонние
- Секретариат Лиги наций — 337
- Совет Лиги наций — 10, 38, 43, 180, 290, 320, 327, 336, 337, 338, 341
- участие Советского Союза в Лиге наций — 7, 99, 180, 282, 290, 320, 327, 337, 351, 354
- Международно-правовой статус посольств, торгпредств и консульств* — 25, 28, 36, 73, 96, 113, 125, 129, 168, 191, 206, 208, 252, 256, 298, 311, 342, 353, 383, 410, 447
- Международные договоры* (ссылки, упоминания) двусторонние
 - австро-германское соглашение (11. VII. 1936 г.) — 61, 426
 - испано-американский договор о дружбе (1902 г.) — 442
 - итало-румынский договор (1926 г.) — 270
 - итало-австрийское соглашение — 345
 - китайско-японское соглашение о перемирии (31. V. 1933 г.) — 141
 - китайско-японское соглашение Хэ Ичэнь — Умэдзу (6. VI. 1935 г.) — 141
 - китайско-японское соглашение (5. V. 1932 г.) — 141
 - польско-румынский договор (1926 г.) — 53, 55, 133, 216, 234
 - польско-французский договор (1921 г.) — 65, 74, 336
 - турецко-югославский договор (1933 г.) — 32
 - франко-чехословацкий договор о союзе и дружбе (1924 г.) — 62, 65, 74, 120, 127, 131, 142, 239, 437

— чехословацко-германский договор об арбитраже (1925 г.) — 62, 65, 239

— японо-маньчжурский протокол (15. IX. 1932 г.) — 152

многосторонние

— Вашингтонский договор девяти держав (1922 г.) — 101, 245, 253, 351, 354, 389, 401, 404, 408, 409, 418, 435

— Конвенция о неповышении таможенных тарифов без взаимного предупреждения (Осло, 22. XII. 1930 г.) — 97, 100, 189, 327

— Конвенция о режиме черноморских проливов (Монре, 20. VII. 1936 г.) — 30, 43, 63, 162

— Лозаннская конвенция о проливах (1923 г.) — 162

— Локарнские соглашения (1925 г.) — 62, 65, 128, 337

— Лондонская конвенция об определении агрессии (1933 г.) — 53, 131

— Лондонское морское трехстороннее соглашение (25. III. 1936 г.) — 69

— Нионское соглашение о коллективных мерах против пиратских нападений подводных лодок в Средиземном море (14. IX. 1937 г.) — 332, 334, 335, 346, 347, 364

— Пакт Лиги наций (1919 г.) — 40, 50, 62, 69, 77, 128, 131, 180, 190, 235, 238, 245, 259, 290, 299, 327, 332, 337, 424, 446

— Пакт Малой Антанты (16. II. 1933 г.) — 55

— Парижский пакт об отказе от войны (Бриана — Келлога) (27. VIII. 1928 г.) — 245, 300, 337

— Парижское соглашение морских экспертов (30. IX. 1937 г.) — 390

— Правила о действиях подводных лодок по отношению к торговым судам (1936 г.) — 27

— Римские протоколы (17. III. 1934 г.) — 128, 345, 390

— соглашение о невмешательстве в дела Испании (15. VIII. 1936 г.) — 43, 79, 92, 134, 243

— Триановский договор (1920 г.) — 131, 149, 164

— тройственное валютное соглашение (1936 г.) — 24

Международные конфликты и позиция СССР

— агрессия Японии против Китая и помощь СССР освободительной борьбе китайского народа — 240, 245, 246, 250, 253, 258, 262, 265, 267, 268, 275, 277, 278, 279, 288, 290, 295, 296, 297, 299, 301, 302, 304, 305, 309, 311, 312, 313, 314, 315, 318, 335, 337, 338, 340, 341, 342, 348, 349, 350, 351, 352, 354, 382, 387, 389, 393, 401, 402, 404, 405, 408, 409, 417, 418, 421, 422, 423, 424, 427, 428, 437, 438, 440, 441, 442, 450, 451, 459, 460, 461, 462

— гражданская война в Испании и борьба СССР в защиту Испанской республики — 1, 2, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 18, 22, 26, 29, 33, 34, 38, 41, 43, 47, 48, 57, 67, 68, 69, 70, 74, 77, 79, 80, 81, 84, 87, 92, 95, 102, 107, 114, 115, 128, 130, 131, 134, 144, 147, 164, 167, 170, 173, 177, 178, 179, 180, 185, 188, 190, 192, 195, 202, 204, 205, 211, 212, 217, 224, 225, 226, 227, 229, 233, 236, 243, 247, 261, 284, 268, 269, 273, 285, 290, 293, 322, 323, 326, 327, 328, 329, 332, 334, 337, 346, 359, 362, 364, 365, 368, 370, 372, 374, 377, 380, 381, 385, 386, 390, 391, 397, 403, 405, 413, 415, 422, 423, 424, 427, 435, 437, 441, 442, 454, 455

(см. также *Международный комитет по применению соглашения о не-*

эмашательство в дела Испании; Политическая, экономическая и идеологическая подготовка военной агрессии фашистских государств и позиция СССР — военное эмашательство Германии и Италии в гражданскую войну в Испании)

— захват Эфиопии Италией — 1, 43, 115, 134, 147, 162, 212, 226, 235, 259, 327, 337, 351, 401, 405, 415, 421, 422, 441, 456

Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании — 2, 8, 12, 13, 33, 41, 48, 57, 68, 69, 77, 79, 80, 81, 92, 95, 102, 132, 144, 147, 166, 167, 170, 178, 179, 180, 184, 188, 192, 195, 202, 204, 211, 212, 217, 224, 225, 226, 232, 233, 236, 243, 247, 264, 269, 273, 285, 327, 332, 334, 337, 359, 362, 364, 365, 368, 370, 372, 374, 377, 380, 381, 385, 386, 390, 391, 398, 403, 413, 421, 454

Мирное сосуществование и сотрудничество — см. *Борьба Советского Союза за претернение в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества*

Незаконное присоединение Бессарабии Румынией — 53, 63, 124, 131, 165, 174, 175, 203, 270, 446, 456

Оккупация Японией Северо-Восточного Китая — 64, 141, 193, 235, 240, 337, 351, 401, 405 (см. также *Международные конфликты и позиция СССР — версия Японии против Китая*)

Политика попустительств фашистской агрессии со стороны западных держав и позиция СССР — 1, 2, 5, 9, 10, 17, 20, 64, 69, 80, 95, 97, 107, 114, 123, 132, 140, 142, 144, 147, 149, 156, 164, 166, 184, 193, 195, 211, 212, 214, 222, 226, 227, 230, 236, 238, 268, 269, 275, 277, 278, 290, 333, 335, 337, 338, 359, 370, 380, 381, 385, 390, 391, 398, 403, 405, 411, 413, 415, 417, 420, 421, 422, 423, 424, 426, 427, 430, 437, 440, 441, 442, 446, 456, 457, 462

— попытки возрождения «пакта четырех» — 69, 77, 212, 226, 269, 333, 335, 380, 381, 385, 390, 391, 424, 427, 430

Политическая, экономическая и идеологическая подготовка военной агрессии фашистских государств и позиция СССР — 1, 5, 6, 20, 31, 32, 35, 51, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 64, 65, 67, 68, 69, 74, 77, 79, 80, 81, 84, 86, 87, 95, 96, 107, 123, 128, 130, 131, 132, 134, 143, 154, 155, 162, 164, 167, 169, 170, 173, 178, 179, 188, 190, 191, 195, 203, 211, 212, 217, 226, 227, 229, 235, 236, 237, 242, 254, 261, 264, 267, 269, 271, 272, 273, 275, 277, 280, 293, 296, 317, 320, 336, 337, 338, 345, 359, 362, 364, 365, 367, 368, 370, 371, 372, 374, 380, 381, 382, 384, 385, 390, 391, 394, 397, 399, 402, 405, 407, 411, 415, 420, 422, 423, 424, 426, 427, 430, 434, 436, 438, 441, 442, 445, 454, 456, 460, 462

— «антикоминтерновский» пакт между Германией и Японией — 5, 14, 15, 21, 25, 28, 43, 51, 64, 96, 169, 296, 317, 399, 405, 422, 427, 430, 438, 456

— военное эмашательство Германии и Италии в гражданскую войну в Испании — 1, 2, 8, 9, 10, 12, 22, 26, 29, 38, 41, 43, 57, 67, 68, 69, 74, 77, 79, 80, 81, 84, 87, 95, 107, 115, 130, 131, 134, 164, 167, 170, 173, 178, 179, 180, 188, 190, 195, 203, 204, 211, 212, 217, 226, 227, 236, 261, 264, 269, 273, 285, 293, 332, 333, 337, 359, 362, 364, 365, 368, 370, 372, 374, 377, 380, 381, 385, 390, 391, 398, 415, 422, 454

— Данцигский вопрос — 65, 336, 407, 437

— подготовка аншлюса Австрии — 61, 128, 130, 134, 159, 226, 277, 345, 415, 420, 424, 426, 430, 437, 462

— подготовка захвата и раздела Чехословакии — 31, 62, 128, 143, 226, 277, 415, 420, 424, 430, 437

- политика втягивания Китая в блок фашистских государств — 196, 267, 273, 438, 460
- попытки сколачивания широкого англосоветского блока — 86, 124, 134, 164, 345, 399, 407, 422 (см. также *Враждебные действия иностранных государств против Советского Союза и борьба Советского правительства против этих действий; Политика полустылевства фашистской агрессии со стороны западных держав*)
- присоединение Италии к «антикоминтерновскому» пакту (Римский протокол от 6. XI. 1937 г., подписанный Германией, Италией и Японией) — 405, 407, 411, 420, 422, 423, 427, 442, 456
- проникновение фашистских государств в сопредельные с Советским Союзом страны и позиция СССР — 6, 16, 35, 40, 53, 55, 56, 58, 64, 65, 67, 84, 123, 124, 129, 133, 154, 155, 183, 191, 196, 203, 229, 237, 242, 254, 271, 272, 275, 280, 320, 336, 338, 367, 371, 384, 394, 407, 436, 437, 445, 456
- ремилитаризация Рейнской зоны — 62, 120, 235
- Силезский вопрос — 437
- создание блока фашистских государств — 43, 134, 275, 277, 288, 337, 402, 405, 407, 411, 420, 422, 423, 427, 434, 442, 456
- укрепление германо-итальянского союза («оси Берлин — Рим») — 18, 22, 43, 74, 103, 128, 130, 134, 156, 159, 162, 164, 207, 212, 273, 336, 345, 405, 422, 437, 456

Помощь СССР иностранным государствам

- Афганистану — 151, 163
- Ирану — 16, 284
- Китаю — 93, 253, 258, 262, 274, 278, 279, 297, 301, 302, 304, 305, 307, 309, 312, 313, 314, 316, 317, 318, 340, 451, 460
- Монгольской Народной Республике — 52, 59, 105, 108, 111, 181, 363, 379, 395, 396, 400

Постановления и другие документы высших органов Коммунистической партии и Советского государства по внешнеполитическим вопросам — 27, 72, 92, 102, 274

Правовое положение граждан

- советских за границей — 65, 73, 104, 113, 376, 452
- иностранных в СССР — 447, 452
- визовой режим — 138, 208, 353, 356, 373, 444, 446, 447

Разоружение — см. Борьба Советского Союза за разоружение

Режим воздушного пространства СССР — 21, 84, 191, 228, 229, 254, 371

Режим государственной границы СССР — 21, 25, 49, 73, 82, 96, 116, 117, 138, 139, 150, 152, 157, 168, 183, 191, 213, 216, 219, 220, 223, 228, 229, 248, 254, 255, 356, 360, 392, 397, 430, 437, 456

- пограничные комиссары — 360
- пограничные комиссии, комитеты — 21, 25, 116, 117, 138, 152, 157, 168, 430, 437, 456
- пограничные конвенция, соглашения — 139, 360
- пограничные конфликты — 21, 25, 49, 73, 82, 96, 139, 150, 152, 183, 191, 213, 216, 219, 220, 229, 248, 254, 255, 356, 360, 392, 397, 430, 437, 456

Режим территориальных вод СССР — 67, 72, 191, 237, 324

Режим судоходства и навигации — 7, 8, 13, 27, 28, 78, 85, 93, 100, 105, 117, 136, 147, 191, 192, 208, 220, 284, 321, 322, 323, 326, 327, 328, 329, 330, 332, 337, 346, 347, 364

Торговые и экономические связи Советского Союза

- с Австрией — 345
- * Афганистаном — 151, 432
- * Бельгией — 197, 200, 369, 378
- * Болгарией — 294, 449
- * Великобританией — 81
- * Венгрией — 160
- * Германией — 118, 128, 143, 188, 231, 276
- * Грецией — 19, 54, 361
- * Данией — 287
- * Ираном — 75, 84, 209, 284, 339, 384
- * Италией — 422
- * Канадой — 325
- * Китае — 93, 289, 291, 295, 305, 306, 313, 350
- * Монгольской Народной Республикой — 111, 363, 379, 395, 396, 400
- * Норвегией — 147
- * Польшей — 129, 206, 252, 266, 311
- * Соединенными Штатами Америки — 4, 5, 34, 109, 145, 153, 158, 215, 283, 382, 441
- * Турцией — 35, 187, 366
- * Финляндией — 154, 183
- * Францией — 32, 105, 113, 119, 125, 429, 431, 447
- * Чехословакией — 200
- * Швецией — 190
- * Японией — 25, 78, 96, 168, 208, 357, 373, 376, 416, 419, 433, 444, 448, 452, 453, 458

**УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ,
КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМООТНОШЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ***

- Австралия* — 194, 201
Австрия — 61, 159, 160, 345, 399
Албания — 412, 414
Афганистан — 44, 112, 151, 163, 371, 432
Бельгия — 91, 197, 198, 200, 369, 378, 389, 417
Болгария — 294, 355, 358, 449
Великобритания — 2, 7, 10, 12, 29, 58, 60, 64, 69, 81, 115, 123, 156, 172, 179,
195, 212, 214, 226, 230, 238, 249, 261, 269, 275, 315, 322, 365, 381, 386,
390, 411, 415, 420, 427, 440, 446, 462
Венгрия — 86, 143, 160, 387
Германия — 17, 58, 60, 62, 65, 74, 76, 98, 110, 118, 119, 127, 128, 143, 188, 231,
273, 275, 278, 315, 353, 383, 388, 410, 462
Греция — 19, 54, 361
Дания — 97, 135, 184, 189, 287
Иран — 3, 16, 75, 84, 94, 146, 209, 223, 282, 284, 286, 303, 320, 339, 375, 384,
394, 445
Испания — 2, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 26, 27, 29, 33, 48, 57, 68, 69, 70, 79, 80, 92, 95,
102, 132, 136, 144, 161, 167, 170, 171, 177, 178, 179, 180, 192, 195, 204,
211, 217, 224, 225, 226, 227, 232, 233, 236, 243, 247, 261, 264, 269, 285,
322, 326, 328, 329, 331, 332, 334, 337, 362, 364, 365, 368, 370, 372, 374,
377, 389, 381, 385, 386, 390, 391, 398, 403, 413, 454
Италия — 22, 85, 130, 134, 315, 321, 326, 330, 335, 422, 462
Канада — 325
Китай — 42, 45, 64, 66, 93, 101, 141, 182, 193, 196, 240, 245, 246, 250, 253, 258,
262, 265, 267, 268, 274, 277, 278, 279, 281, 288, 289, 291, 295, 297, 299, 300,
301, 302, 304, 305, 306, 307, 309, 312, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 340, 341,
344, 350, 351, 352, 354, 417, 418, 419, 428, 438, 450, 451, 460
Латвия — 164, 235
Литва — 235
Монгольская Народная Республика — 52, 59, 73, 106, 108, 111, 121, 181, 363,
379, 395, 396, 400
Норвегия — 135, 147, 184
Польша — 124, 129, 131, 133, 139, 183, 184, 206, 234, 241, 252, 260, 275, 311, 315,
350, 407, 424, 425, 450, 437, 455, 456
Румыния — 23, 53, 55, 68, 131, 165, 175, 203, 213, 216, 234, 241, 244, 270, 275,
305, 443, 456
Соединенные Штаты Америки — 4, 5, 64, 90, 107, 109, 114, 140, 145, 153, 158,
185, 210, 215, 218, 221, 266, 257, 260, 263, 283, 292, 315, 318, 333, 343,
348, 349, 351, 382, 401, 402, 404, 405, 408, 421, 441, 442, 459, 461
Турция — 39, 35, 43, 56, 63, 103, 122, 155, 162, 165, 174, 186, 187, 199, 207, 223,
244, 248, 251, 315, 323, 360, 366, 439

* Цифры указывают номера документов.

Финляндия — 40, 67, 72, 100, 135, 148, 150, 154, 174, 183, 191, 228, 229, 237,
254, 255, 271, 272, 280
Франция — 1, 7, 9, 20, 32, 38, 41, 50, 77, 80, 87, 105, 110, 113, 119, 125, 126, 137,
142, 166, 202, 205, 227, 315, 322, 381, 401, 407, 409, 423, 424, 426, 429, 431,
437, 446, 447, 455, 456, 457, 462
Чехословакия — 31, 37, 46, 47, 62, 65, 118, 120, 143, 149, 160, 173, 197, 200,
203, 222, 238, 239, 315, 462
Швеция — 6, 71, 83, 99, 135, 184, 190, 235, 259, 290, 327
Югославия — 244
Япония — 11, 14, 15, 21, 25, 28, 36, 39, 49, 51, 60, 73, 78, 82, 88, 89, 96, 104, 114,
116, 117, 138, 152, 157, 168, 169, 208, 219, 220, 296, 298, 308, 310, 313, 316,
317, 324, 341, 342, 357, 373, 376, 392, 397, 406, 416, 419, 433, 444, 448, 452,
453, 458

**ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ВКЛЮЧЕННЫХ В XX ТОМ ***

1936 год		
Нота временного поверенного в делах США в СССР Гендерсона народному комиссару иностранных дел СССР	9 декабря	154
1937 год		
Нота временного поверенного в делах США в СССР Гендерсона народному комиссару иностранных дел СССР	7 января	17
Нота посла Великобритании в СССР Чилстона народному комиссару иностранных дел СССР	9 января	33
Речь президента Испании Асаньи при вручении верительных грамот полномочным представителем СССР в Испании	16 марта	131
Телеграмма председателя совета министров и министра иностранных дел Монгольской Народной Республики Амура и военного министра МНР Девжда председателю Совета Народных Комиссаров СССР, народным комиссарам обороны и иностранных дел СССР	10 апреля	173
Нота посла Великобритании в СССР Чилстона и. о. народного комиссара иностранных дел СССР	17 мая	273
Нота министра иностранных дел Ирана Самии полномочному представителю СССР в Иране	20 июня	328
Заявление государственного секретаря США Хелла для печати	16 июля	398
Нота посольства США в СССР народному комиссару иностранных дел СССР	17 июля	399
Нота посла США в СССР Дэвиса народному комиссару иностранных дел СССР	4 августа	445
Нота министра иностранных дел Ирана Самии полномочному представителю СССР в Иране	9 августа	449
Ноты посольств Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР	6 сентября	490
Письмо временного поверенного в делах США в СССР Гендерсона и. о. народного комиссара иностранных дел СССР	10 сентября	524

* В перечне документы расположены в хронологическом порядке.

Nota миссии Бельгии в СССР народному комиссару иностранных дел СССР	28 октября	578
Письмо председателя совета министров и министра иностранных дел Монгольской Народной Республики Амора полномочному представителю СССР в Монгольской Народной Республике	3 ноября	583
Письмо председателя совета министров и министра иностранных дел Монгольской Народной Республики Амора полномочному представителю СССР в Монгольской Народной Республике	6 ноября	587
Письмо председателя совета министров и министра иностранных дел Монгольской Народной Республики Амора полномочному представителю СССР в Монгольской Народной Республике	6 ноября	592

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

«Амторг»	— Акционерное общество, осуществляющее торговлю между СССР и США
АН	— Академия наук
Бюробин	— Бюро по обслуживанию иностранцев НКВД СССР
«Ведомости...»	— «Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик»
ВОКС	— Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
вр. н. о.	— временно исполняющий обязанности
вып.	— выпуск
генконсул	— генеральный консул
генконсульство	— генеральное консульство
Госбанк	— Государственный банк СССР
док.	— документ, документы
замнаркома	— заместитель народного комиссара
«Известия»	— «Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»
«Интурист»	— Акционерное общество для обслуживания иностранных туристов
и. о.	— исполняющий обязанности
КВЖД	— Китайско-Восточная железная дорога
МБТ	— Международное бюро труда, один из органов Международной организации труда при Лиге наций
МИД	— Министерство иностранных дел
Минвнудел	— Министерство внутренних дел, министр внутренних дел
Минздрав	— Министерство здравоохранения
Мининдел	— Министерство иностранных дел, министр иностранных дел
Минторг	— Министерство торговли
Минфин	— Министерство финансов
МНР	— Монгольская Народная Республика
нарком	— народный комиссар
Наркомвнешторг, НКВТ	— Народный комиссариат внешней торговли СССР

- Наркомвод — Народный комиссариат водного транспорта СССР
- Наркомзем, НКЗ — Народный комиссариат земледелия СССР
- Наркоминдел, НКИД — Народный комиссариат иностранных дел СССР
- Наркомтяжпром, НКТП — Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР
- Наркомфин — Народный комиссариат финансов СССР
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
- НРП — Норвежская рабочая партия, народно-республиканская партия Турции
- ОЗН — Лагерь национального объединения (Oboz Zjednoczenia Narodowego, OZN)
- опубл. в газ., в сб. — опубликовано в газете, в сборнике
- отд. — отдел
- п. пп. — пункт, пункты
- ПАТ — Польское телеграфное агентство
- печат. по арх., по газ. — печатается по архиву, по газете
- полпред — полномочный представитель
- полпредство — полномочное представительство
- прил. — приложение, приложения
- прим. — примечание, примечания
- прим. док. — примечание документа
- сб. — сборник, сборники
- «Сборник действующих договоров...». Вып. IX. М., 1938 — «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами». Выпуск IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. Москва, 1938
- «Сборник действующих договоров...». Вып. X. М., 1955 — «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Выпуск X. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1937 года и 21 июня 1941 года. Москва, 1955
- «Сборник документов по международной политике...». Вып. VI. М., 1934 — «Пакт четырех. Разоружение, Маньчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций. 1 января 1933 года — 1 января 1934 года». Сборник документов по международной политике и по международному праву. Выпуск VI. М., 1934
- см. газ., док., прил., прим., сб., т. — смотри газету, документ, документы, приложение, приложения, примечание, примечания, сборник, том, тома
- СНК, Совнарком — Совет Народных Комиссаров СССР
- «Собрание законов...» — «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик». Издание Управления делами Совета Народных Комиссаров СССР
- «Собрание постановлений...» — «Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик»
- «Советско - монгольские отношения...» — «Советско-монгольские отношения 1921—1966» Сборник документов. М., 1966

Совмонгтувгорг	— Всесоюзное объединение по торговле с Монгольской и Тувинской Народными Республиками НКВТ СССР
ст.	— статья, статьи
т.	— том, тома
ТАСС	— Телеграфное агентство Советского Союза
торгпред	— торговый представитель
торгпредство	— торговое представительство
Торговля	— Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
ЦДКА	— Центральный Дом Красной Армии
ЦИК	— Центральный Исполнительный Комитет
ЦК	— Центральный Комитет
ЧСР	— Чехословацкая республика
G. Martens	— «Nouveau recueil général de traités et autres actes relatifs aux rapports de droit international», Continuation du grand recueil de G. F. de Martens par Felix Stoerk

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие		5
1. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	5 января	13
2. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностраных Дел Великобритании Ванситтартом	6 января	14
3. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Праге в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	6 января	16
4. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством США об урегулировании долговых претензий и претензий на национализированное имущество	7 января	17
5. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	9 января	19
6. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	9 января	23
7. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	10 января	24
8. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	10 января	25
9. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	10 января	26
10. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	11 января	27
11. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностраных Дел Японии	13 января	28
12. Нота Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Послу Великобритании в СССР Чилстону	15 января	31
13. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	15 января	33

14. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренива в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 января	34
15. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 января	35
16. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 января	36
17. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вены	18 января	37
18. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Президентом Чехословакии Бенешем	18 января	37
19. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Премьер-Министром Греции Метаксасом	18 января	42
20. Запись беседы Полномочного Представителя СССР во Франции с Государственным Министром Франции Шотаном	19 января	43
21. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Заместителем Министра Иностранных Дел Японии Хориноути	19 января	47
22. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	20 января	51
23. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	20 января	52
24. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	21 января	53
25. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юрениву	21 января	54
26. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	22 января	58
27. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о присоединении СССР к Правилам о действиях подводных лодок по отношению к торговым судам	23 января	58
28. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренива в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 января	59
29. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании П. М. Майскому, из Женевы	27 января	60
30. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 января	61
31. Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	29 января	62
32. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 января	65

33. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	1 февраля	66
34. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Троянского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 февраля	67
35. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 февраля	67
36. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юрелеву	2 февраля	69
37. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 февраля	70
38. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	5 февраля	71
39. Нота Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хаяси	6 февраля	72
40. Запись бесед Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти	8 и 10 февраля	73
41. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 февраля	76
42. Сообщение Временного Поверенного в Делах СССР в Китае о чествовании памяти А. С. Пушкина	9 февраля	77
43. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 февраля	78
44. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Афганистане о чествовании памяти А. С. Пушкина	10 февраля	80
45. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае И. И. Спильванскому	11 февраля	81
46. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	14 февраля	81
47. Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	14 февраля	82
48. Выступление Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании И. М. Майского на заседании Комитета	16 февраля	85
49. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии	17 февраля	87
50. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 февраля	88
51. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Н. Я. Райвида в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 февраля	89
52. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара земледелия СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. X. Таирову	21 февраля	92

53. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому	22 февраля	92
54. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 февраля	94
55. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Министром Иностранных Дел Румынии Антоанеску	1 марта	94
56. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	3 марта	100
57. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	4 марта	101
58. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Ве- ликобритании И. М. Майскому	4 марта	102
59. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике в НКВД СССР и в Народный Комиссариат земледелия СССР	6 марта	103
60. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	7 марта	105
61. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Австрии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	7 марта	105
62. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Крофтой	8 марта	110
63. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому	11 марта	116
64. Запись беседы Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в Послом Китая в СССР Цзян Тей-Фу	11 марта	117
65. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурину	11 марта	119
66. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	11 марта	121
67. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	12 марта	121
68. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	15 марта	124
69. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностран- ных Дел Великобритании Иденом	15 марта	125
70. Речь Полномочного Представителя СССР в Ис- пании Д. Я. Гайкиса при вручении веритель- ных грамот Президенту Испанской Республики Асанье	16 марта	130
71. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	16 марта	131

72. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	16 марта	132
73. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с японским дипломатом Охави	17 марта	132
74. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 марта	137
75. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 марта	138
76. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 марта	139
77. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 марта	139
78. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Дипломатическому агенту НКВД СССР во Владивостоке Г. Д. Тихонову	20 марта	140
79. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании Н. М. Майскому	23 марта	141
80. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 марта	141
81. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Иденом	23 марта	142
82. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии	24 марта	144
83. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвичеву	24 марта	145
84. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Ирана Сахи	24 марта	146
85. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Росссо	25 марта	150
86. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Арноти	25 марта	151
87. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 марта	152
88. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Н. Я. Райзда в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 марта	153
89. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 марта	153
90. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу США в СССР Дэвису	31 марта	154
91. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Бельгии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 апреля	154
92. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о принятии мер в связи с установлением		

	контроля за соблюдением Соглашения о невмешательстве в дела Испании	3 апреля	155
93.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая	3 апреля	155
94.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных	4 апреля	157
95.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	6 апреля	158
96.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Н. Я. Развида в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	6 апреля	160
97.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	7 апреля	162
98.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 апреля	164
99.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	9 апреля	164
100.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асиуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 апреля	166
101.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Китае с Министром Иностранных Дел Китая Ван Чун-хоем	12 апреля	167
102.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	13 апреля	168
103.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Апайдыном	15 апреля	169
104.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Сато	15 апреля	170
105.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 апреля	170
106.	Телеграмма Президента Академии наук СССР Председателю Ученого комитета Монгольской Народной Республики Дендзупу	15 апреля	171
107.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 апреля	171
108.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Монгольской Народной Республики Амору	17 апреля	172
109.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	17 апреля	174
110.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельду и Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	17 апреля	174

111. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара земледелия СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову	17 апреля	175
112. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Председателю Литературного общества Кабула Мухаммеду Ноуруз-хану	19 апреля	175
113. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельду	19 апреля	176
114. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	20 апреля	177
115. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании П. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 апреля	179
116. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 апреля	181
117. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 апреля	182
118. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностраных Дел Чехословакии Крефтой	21 апреля	182
119. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 апреля	186
120. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	22 апреля	187
121. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой об урегулировании вопросов в области гражданства	24 апреля	188
122. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	25 апреля	191
123. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	25 апреля	192
124. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	26 апреля	193
125. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностраных Дел СССР В. П. Потемкину	26 апреля	197
126. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностраных Дел СССР В. П. Потемкину	26 апреля	199
127. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	27 апреля	200
128. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	27 апреля	201
129. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	28 апреля	205

130.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 апреля	206
131.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Министром Иностраных Дел Румынии Авточеску	28 апреля	207
132.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностраных Дел Великобритании Иденем	30 апреля	212
133.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Румынии Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	1 мая	214
134.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностраных Дел СССР В. П. Потемкину	2 мая	218
135.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Финляндии, Норвегии, Дании и Временному Поверенному в Делах СССР в Швеции	3 мая	224
136.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	4 мая	226
137.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу	4 мая	227
138.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностраных Дел Японии Сато	5 мая	228
139.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	7 мая	231
140.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	7 мая	231
141.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	7 мая	232
142.	Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР в НКВД СССР, из Парижа	8 мая	233
143.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	9 мая	234
144.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	10 мая	236
145.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	10 мая	236
146.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных	10 мая	236
147.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Заместителю Народного Комиссара Иностраных Дел СССР В. П. Потемкину	10 мая	237
148.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Асмусу	11 мая	240

149.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	11 мая	240
150.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 мая	242
151.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Б. Е. Сквирского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 мая	242
152.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	13 мая	243
153.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 мая	244
154.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	13 мая	244
155.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Лондона	14 мая	247
156.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	14 мая	248
157.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 мая	249
158.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	17 мая	250
159.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии П. Л. Лоренцу	17 мая	250
160.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Венгрии А. А. Беквадянцу	17 мая	251
161.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 мая	253
162.	Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Турнии с и. о. Министра Иностранных Дел Турнии Сараджоглу	17 мая	253
163.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Б. Е. Сквирскому	18 мая	256
164.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 мая	256
165.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 мая	257
166.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Парижа	20 мая	258
167.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Испании Л. Я. Гайкису	21 мая	259
168.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемидзу	21 мая	260

169.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	22 мая	264
170.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Великобритании И. М. Май- скому	23 мая	264
171.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	23 мая	265
172.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	24 мая	266
173.	Запись беседы первого секретаря Полномочного Представительства СССР в Чехословакии с за- ведующим Политическим отделом Министерства Иностранных Дел Чехословакии Фирлингером	24 мая	267
174.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	25 мая	268
175.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	25 мая	269
176.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	26 мая	271
177.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Испании в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	26 мая	271
178.	Nota n. o. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах Великобритании в СССР Маккиллоу	27 мая	272
179.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	27 мая	273
180.	Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на сессии Совета Лиги наций	28 мая	274
181.	Телеграмма Народного Комиссара здравоохра- нения СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. X. Таирову	28 мая	278
182.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР и Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу, из Женевы	29 мая	278
183.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Финляндии Э. А. Асиусу	1 июня	278
184.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Ино- странных Дел СССР Полномочным Представи- телям СССР в Швеции А. М. Коллонтай, в Нор- вегии И. С. Якубовичу, в Дании Н. С. Тихме- неву	1 июня	281
185.	Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	1 июня	283
186.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Турции с Президентом Турции Ата- турком	1 июня	284
187.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	2 июня	286

188.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 июня	287
189.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	7 июня	288
190.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потехкину	7 июня	291
191.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Холста	7 июня	297
192.	Письмо Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании и. о. Председателя Комитета Уоллеса	8 июня	299
193.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	8 июня	301
194.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании Н. М. Майскому	10 июня	303
195.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 июня	304
196.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 июня	306
197.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Бельгии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 июня	307
198.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Бельгии заведующему III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР А. Ф. Нейману	11 июня	307
199.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Турции с Министром Иностранных Дел Турции Арасом	11 июня	308
200.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Бельгии Е. В. Рубину	15 июня	310
201.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании Н. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 июня	310
202.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 июня	12
203.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Председателем Совета Министров Чехословакии Годжей	16 июня	12
204.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 июня	316
205.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 июня	317
206.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Бекон	17 июня	318
207.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Турции с Министром Иностранных Дел		

Турции Арасом и Министром Внутренних Дел Турции Шюкрю Кая	18 июня	320
208. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемцу	21 июня	323
209. Нота Полномочного Представителя СССР в Иране Министру Иностранных Дел Ирана Самин	22 июня	328
210. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	22 июня	329
211. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	23 июня	329
212. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	24 июня	329
213. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Румынии М. С. Островскому	25 июня	333
214. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 июня	333
215. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 июня	334
216. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Заместителем Министра Иностранных Дел Румынии Бадулеску	28 июня	335
217. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	29 июня	336
218. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	29 июня	337
219. Запись беседы заведующего II Восточным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с первым секретарем Посольства Японии в СССР Миякава	30 июня	338
220. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемцу	30 июня	339
221. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 июня	347
222. Письмо Полномочного Представителя СССР в Чехословакии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	30 июня	347
223. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Иране с Министром Иностранных Дел Турции Арасом	30 июня	348
224. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	1 июля	350
225. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. В. Суряцу	1 июля	351
226. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Ллойд-Джорджем	1 июля	351

227.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 июля	359
228.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э. А. Азмусу	4 июля	360
229.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти	6 июля	361
230.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	7 июля	363
231.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом	7 июля	363
232.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	8 июля	364
233.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	8 июля	365
234.	Письмо Временного Посереднего в Делах СССР в Польше Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	8 июля	365
235.	Запись бесед Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Швеции Сандлером	9 июля	369
236.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 июля	371
237.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	10 июля	372
238.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	11 июля	373
239.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 июля	374
240.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Китае с Председателем Законодательного юаня Китая Сунь Фо	13 июля	375
241.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Министром внутренних дел Румынии Инкулдеем	14 июля	377
242.	Запись бесед Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Посланником Великобритании в Финляндии Сноу	14 и 18 июля	380
243.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	15 июля	382
244.	Запись бесед Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Турции Арасом	16—17 июля	382
245.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Китае, Великобритании, Франции и США	16 июля	383

246.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая	16 июля	384
247.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 июля	386
248.	Сообщение советской печати о подписании Конвенции о порядке рассмотрения и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов между СССР и Турцией	16 июля	387
249.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР и Народный Комиссариат Обороны СССР	17 июля	387
250.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Китае Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонексу, из Шанхая	17 июля	388
251.	Сообщение советской печати о визите в СССР Министра Иностранных Дел Турции Рюшю Араса и Министра Внутренних Дел Турции Шюкря Кая	17 июля	390
252.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Польше Б. Д. Виноградову	19 июля	391
253.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая	19 июля	392
254.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с и. о. Министра Иностранных Дел Финляндии Войонмаа	21 июля	395
255.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с директором Политического департамента Министерства Иностранных Дел Финляндии Пакой	21 июля	397
256.	Nota Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству США в СССР	22 июля	397
257.	Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова в ответ на заявление Государственного секретаря США Хэлла от 16 июля 1937 г.	23 июля	398
258.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 июля	400
259.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Швеции в СССР Юленшерной	25 июля	402
260.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в США К. А. Уманскому	25 июля	403
261.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	26 июля	403
262.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая	26 июля	405
263.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	26 июля	405

264. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 июля	406
265. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 июля	408
266. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 июля	409
267. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая	28 июля	412
268. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	29 июля	413
269. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Премьер-Министром Великобритании Чемберленом	29 июля	414
270. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Румынии с Премьер-Министром Румынии Тагареску	29 июля	419
271. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 июля	426
272. Письмо Полномочного Представителя СССР в Финляндии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	30 июля	426
273. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с заведующим Политическим отделом Министерства Иностранных Дел Германии Вейцекером	30 июля	429
274. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	31 июля	430
275. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии К. К. Юреневу	31 июля	430
276. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	31 июля	433
277. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 августа	435
278. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 августа	436
279. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 августа	437
280. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э. А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 августа	441
281. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	3 августа	442
282. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных	3 августа	442

283. Соглашение о торговых отношениях между СССР и США, заключенное путем обмена нотами	4 августа	443
284. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Ирана о передаче Ирану плавучего маяка «Ашур-Аде»	4 августа	448
285. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	4 августа	450
286. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомякову	8 августа	450
287. Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	8 августа	451
288. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	9 августа	453
289. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Шанхая	9 августа	453
290. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину	9 августа	453
291. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	10 августа	457
292. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 августа	458
293. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 августа	458
294. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Болгарии	13 августа	459
295. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 августа	460
296. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 августа	461
297. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 августа	463
298. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР	19 августа	464
299. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тин-фу	20 августа	465
300. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой	[21 августа]	466
301. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	21 августа	468
302. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 августа	469

303.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Иране А. С. Черных в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 августа	469
304.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	22 августа	470
305.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	22 августа	471
306.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	22 августа	472
307.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	22 августа	472
308.	Nota Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии	23 августа	473
309.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 августа	474
310.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 августа	475
311.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Веком	24 августа	475
312.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тзи-фу	25 августа	478
313.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 августа	479
314.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 августа	480
315.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР во Франции, Чехословакии, Турции, Великобритании, США, Италии, Германии, Польше, Китае, Японии	29 августа	481
316.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии М. М. Славуцкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 августа	482
317.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии М. М. Славуцкому	1 сентября	483
318.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 сентября	484
319.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову	2 сентября	486
320.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А. С. Черных	3 сентября	487
321.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Италии	5 сентября	487

322.	Nota Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольствам Франции и Великобритании в СССР	7 сентября	489
323.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	7 сентября	490
324.	Nota Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии	8 сентября	491
325.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 сентября	492
326.	Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на Нионской конференции	10 сентября	492
327.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину	10 сентября	495
328.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	11 сентября	501
329.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	11 сентября	501
330.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	13 сентября	502
331.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	13 сентября	502
332.	Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на Нионской конференции	14 сентября	503
333.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 сентября	505
334.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 сентября	506
335.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Румынии в СССР Чуяту	19 сентября	507
336.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 сентября	508
337.	Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций	21 сентября	509
338.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	21 сентября	518
339.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	23 сентября	519
340.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тян-фу	23 сентября	520
341.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	25 сентября	522
342.	Nota Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хи рога	26 сентября	522
343.	Письмо и. о. Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Де- лах США в СССР Гендерсону	27 сентября	524

344. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	27 сентября	524
345. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В. П. Потемкину	27 сентября	525
346. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	28 сентября	527
347. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	29 сентября	528
348. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	1 октября	528
349. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверен- ному в Делах СССР в США К. А. Уманскому	2 октября	529
350. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР	2 октября	529
351. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР	3 октября	530
352. Телеграмма Генерального консула СССР в Урум- чи в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	3 октября	533
353. Запись беседы Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР с Послом Герма- нии в СССР Шуленбургом	4 октября	533
354. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	6 октября	534
355. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Предста- вителю СССР в Болгарии	7 октября	535
356. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Польше с заместителем директора Во- сточного департамента МИД Польши Зажулин- ским	7 октября	536
357. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии М. М. Славцкого в Народный Комис- сариат Иностраных Дел СССР	9 октября	536
358. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Болгарии Заместителю Народного Комиссара Иностраных Дел СССР В. П. Потемкину	9 октября	537
359. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	11 октября	537
360. Запись беседы Временного Поверенного в Де- лах СССР в Турции с и. о. Генерального secre- таря Министерства Иностраных Дел Турции Баты	11 октября	538
361. Письмо Заместителя Народного Комиссара Ино- странных Дел СССР Полномочному Предста- вителю СССР в Греции Н. И. Шаронову	13 октября	541
362. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	14 октября	542
363. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таи- рова в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	14 октября	544

364. Выступление Представителя СССР в Комитете по невыездательству в дела Испании И. М. Майского на заседании подкомитета при Председателе Комитета	16 октября	544
365. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном	16 октября	548
366. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 октября	549
367. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с Посланником Ирака в Германии аль-Хусейном	16 октября	549
368. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 октября	551
369. Телеграмма Полномочного Представителя и Торгового Представителя СССР в Бельгии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР и Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР	18 октября	551
370. Заявление Представителя СССР в Комитете по невыездательству в дела Испании И. М. Майского на заседании подкомитета при Председателе Комитета	19 октября	552
371. Нота Временного Поверенного в Делах СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файзу Мухаммед-хану	19 октября	554
372. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном	19 октября	555
373. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемitsu	19 октября	556
374. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	21 октября	560
375. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Иране	21 октября	560
376. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии	22 октября	561
377. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	25 октября	562
378. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли СССР Полномочному Представителю СССР в Бельгии Е. В. Рубинину	26 октября	563
379. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике В. Х. Таирову	26 октября	563
380. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	26 октября	563

381. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	26 октября	565
382. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	26 октября	567
383. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Германии Г. А. Астахову	27 октября	569
384. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Иране	27 октября	569
385. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	27 октября	572
386. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	28 октября	574
387. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Венгрии о беседе с Заместителем Министра Иностраных Дел Венгрии Апором	28 октября	575
388. Сообщение Временного Поверенного в Делах СССР в Германии о беседе с советником Министерства Иностраных Дел Германии Шпенном	28 октября	576
389. Нота Народного Комиссариата Иностраных Дел СССР Миссии Бельгии в СССР	29 октября	578
390. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	29 октября	578
391. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	29 октября	579
392. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностраных Дел Японии	30 октября	581
393. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	30 октября	582
394. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Иране	2 ноября	582
395. Обмен письмами между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о безвозмездной передаче МНР машинно-сенсорных станций	3 ноября	583
396. Обмен письмами между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о строительстве шоссеиной дороги Улан-Батор — Алтан-Булак	4 ноября	586
397. Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностраных Дел Японии	4 ноября	588
398. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя	4 ноября	588
399. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	4 ноября	590
400. Обмен письмами между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о строительстве узкоколейной железной дороги Улан-Батор — Налайха	5 ноября	591

401. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Брюсселя	5 ноября	593
402. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Брюсселя	6 ноября	594
403. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 ноября	595
404. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в США А. А. Трояновскому	10 ноября	596
405. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	10 ноября	597
406. Нота Полномочного Представителя СССР в Япо- нии Министру Иностранных Дел Японии Хирота	12 ноября	602
407. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	12 ноября	602
408. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	13 ноября	605
409. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Брюсселя	13 ноября	606
410. Запись беседы Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом	15 ноября	607
411. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 ноября	608
412. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 ноября	610
413. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Испании С. Г. Марченко в Барселону	20 ноября	610
414. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Греции Н. И. Шарову	20 ноября	610
415. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Ллойд-Джорджем	21 ноября	611
416. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Японии М. М. Славуцкому	23 ноября	615
417. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Брюсселя	23 ноября	616
418. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Брюсселя	23 ноября	617
419. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае Г. М. Меламеду, в Ханькоу	25 ноября	619
420. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании Н. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	25 ноября	619
421. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	26 ноября	621

422. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	26 ноября	628
423. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	27 ноября	630
424. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурину	1 декабря	634
425. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 декабря	635
426. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Я. З. Суринца Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	2 декабря	636
427. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 декабря	636
428. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 декабря	639
429. Телеграмма Полномочного Представителя и Заместителя Торгового Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 декабря	639
430. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	5 декабря	640
431. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурину	8 декабря	641
432. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Афганистане С. И. Сычеву	8 декабря	641
433. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии М. М. Славуцкому	8 декабря	643
434. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 декабря	643
435. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 декабря	644
436. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Румынии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 декабря	645
437. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Польше в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 декабря	646
438. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 декабря	654
439. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Г. А. Залкиндю	14 декабря	655
440. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	14 декабря	656

441. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	14 декабря	658
442. Письмо советника Полномочного Представительства СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	14 декабря	661
443. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Румынии в СССР Чукуту	15 декабря	668
444. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии М. М. Славичкому	17 декабря	669
445. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Ираке	17 декабря	670
446. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу	19 декабря	671
447. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу	19 декабря	673
448. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемидзу	19 декабря	676
449. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Болгарии	20 декабря	679
450. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Цзян Тин-фу	21 декабря	679
451. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Китае Г. М. Меламеду	21 декабря	680
452. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Сигемидзу	21 декабря	680
453. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР	22 декабря	683
454. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	22 декабря	684
455. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу	22 декабря	685
456. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	22 декабря	685
457. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 декабря	687
458. Протокол о продлении срока действия Рыболовной конвенции между СССР и Японией	29 декабря	688
459. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	29 декабря	688
460. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае И. Т. Луганца-Орельского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	29 декабря	689

461. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 декабря	690
462. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Великобритании Г. М. Майскому, в Италии Б. Е. Штейну, в Чехословакии С. С. Александровскому, Временному Поваренному в Делах СССР в Германии Г. А. Астахову	31 декабря	691
ПРИМЕЧАНИЯ		692
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ		772
УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ		784
ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ВКЛЮЧЕННЫХ В ХХ ТОМ		786
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ		788

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

Том двадцатый

Заведующий редакцией *К. Н. Свачиба*

Редактор *А. В. Никольский*

Художественный редактор *Г. Д. Раствовцев*

Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

Сдано в набор 15 октября 1975 г. Подписано в печать 4 февраля 1976 г.
Формат 60 × 90 мм. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 51. Учетно-изд.
л. 53,85. Тираж 10 700 экз. А 00000. Заказ № 118. Цена 1 р. 75 к.

Политиздат, 125811, ГСН, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

